3 1761 08821017 4

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso03mami

M2655B

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochinenij

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА
И КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ П. В. БЫКОВА

ТОМЪ ТРЕТІЙ

(V, 3)

494386

7.7.49

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1915 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29

ПРЕСТУПНИКИ.

РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ.

РАЗБОЙНИКИ.

Очерки.

I.

Аверко.

1.

Мое дѣтство прошло въ далекой глуши Уральскихъ горъ, захвативъ послѣдніе годы суроваго крѣпостного режима, окрашеннаго спеціально-заводской жестокостью. Небольшой горный заводъ съ пестрымъ населеніемъ, согнаннымъ сюда изъ разныхъ концовъ Россіи, точно былъ вставленъ въ зубчатую раму вѣчно зеленыхъ горъ. Эта горная панорама являлась первымъ сильнымъ впечатлѣніемъ, а съ ней неразрывно связывалось представленіе воли, дикаго простора и какого-то размаха. Правда, что и осѣвшее въ горахъ волей и неволей населеніе рѣзко отличалось отъ крѣпостного расейскаго брата, отличалось именно неумиравшимъ духомъ протеста, глухой борьбой и взрывами дикой воли. Однимъ изъ самыхъ яркихъ воспоминаній моего дѣтства является именно разбойникъ, какъ нѣчто необходимо-роковое, какъ своего рода судьба и кара, какъ выраженіе чего-то такого, что̀ съ плеча ломило и разносило въ дребезги всѣ установившіяся нормы, до дна возмущая мирное теченіе жизни и оставляя послѣ себя широкій слѣдъ.

Въ репертуарѣ дѣйствующихъ лицъ этого дѣтства разбойникъ являлся самымъ яркимъ героемъ. Даже сейчасъ я какъ-то не могу себѣ представить родныхъ горъ безъ того, чтобы въ нихъ гдѣ-нибудь не притаился разбойникъ. Да, настоящій разбойникъ, такъ сказать, не умирающій, потому что, когда ловили одного, на смѣну ему являлся сейчасъ же другой. Если есть какая-то законность въ извѣстномъ числѣ писемъ, ежегодно отправляемыхъ безъ адреса, то и здѣсь была тоже своя законность, только уже формулируемая совсѣмъ иначе. Разбойникъ являлся необходимымъ дѣйствующимъ лицомъ, какъ производившій извѣстное броженіе ферментъ. Онъ служилъ неистощимой темой для разсказовъ, сказокъ и легендъ, которые безъ конца разсказывались въ задумчивыя лѣтнія сумерки и безконечные зимніе вечера. Няня, кухарка, кучеръ, разныя старушки, бродившія изъ дома въ домъ, — всѣ знали тысячи разбойничьихъ исторій, которыми охотно дѣлились съ нами, дѣтьми. Дѣлалось это,

конечно, подъ сурдинку, когда дома не было отца и матери, или когда они не могли слышать. Нѣкоторые разсказы отливались уже въ стереотипную форму и повторялись сотни разъ, но все-таки вызывали дрожь. Получалось какое-то тяготѣніе къ „страшному“, которое вотъ сейчасъ тутъ, за стѣной, гдѣ съ воемъ и стономъ гуляетъ зимняя мятель. Начинало казаться, что что-то такое неугомонное и роковое бродитъ у самой стѣны и ищетъ удобнаго случая, чтобы ворваться въ домъ и разомъ нарушить наше скромное существованіе. Дѣлалось страшно до слезъ и вмѣстѣ съ тѣмъ было кого-то жаль, даже вотъ это мятущееся „неприкаянное“ зло.

Одинъ разсказъ особенно волновалъ насъ, и мы приставали къ старушкѣ Филимоновнѣ, остававшейся иногда домовничать съ нами:

— Баушка, разскажи про рѣпку...

— Будетъ вамъ, пострѣлы!.. Намедни разсказывала...

— Баушка, миленькая...

Баушка Филимоновна жила бобылкой и существовала тѣмъ, что коечѣмъ приторговывала у себя на дому—мукой, медомъ, крупой, сальными свѣчами, китайской выбойкой, холстомъ и пр. Она появлялась въ домѣ при каждомъ необыкновенномъ случаѣ, какъ родины, крестины, именины, похороны, и была всегда желанной гостьей. Между прочимъ, она обладала талантомъ разсказывать „страшное“.

— Баушка, разскажи про рѣпку...

Старушка, поломавшись „для прилику“, начинала разсказъ какимъ-то особеннымъ, былиннымъ речитативомъ, причемъ у слушателей уже впередъ захватывало дыханіе со страху.

— Жила я еще въ дѣвушкахъ тогда,—начинался разсказъ о рѣпкѣ стереотипной фразой. — Годовъ, значитъ, съ сорокъ тому назадъ. Ну вотъ, лѣтней порой, какъ-то утромъ, народъ и бѣжитъ по улицѣ... „Корнило бѣглаго убилъ“. Я-то еще глупая была, по шестнадцатому году, и тоже за другими бѣгу, а Корнило жилъ въ Пеньковкѣ. Кержакъ *) былъ и злой-презлой. Еще одинъ глазъ у него былъ кривой... Народъ бѣжитъ, я бѣгу, ну, прибѣжали въ Пеньковку—всѣ въ огородъ, а тамъ въ бороздѣ и лежитъ бѣглякъ-то. Такъ, мужчина на возрастѣ, съ бородой, въ красной рубахѣ... А кровь изъ него такъ и хлещетъ. Застрѣлилъ его Корнило, значитъ, въ бокъ жеребьемъ. А всего-то дѣла было, что покорыстовался бѣглякъ рѣпкой. Отощалъ, значитъ, да ночью и забрался въ огородъ къ Корнилѣ, а у того собака. Ну, значитъ, собака заурчала, а Корнило сейчасъ снялъ ружье со стѣны, посмотрѣлъ въ огородъ изъ окошка, ну, видитъ, что кто-то шевелится въ бороздѣ — онъ и пальнулъ. Злой былъ... Цѣлыя сутки промаялся сердяга.

Получалось страшное несоотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ,—въ этомъ и заключалась вся суть трагическаго начала. Старушка дѣлала драматическую паузу и ужъ потомъ разрѣшала взволнованную совѣсть.

— Ну, народъ-то сбѣжался, всѣ смотрятъ на бѣгляка... Женщины которыя плачутъ, потому хоть и бѣглякъ, а душа-то человѣчья. А онъ мается, сердечный, и все только пить проситъ, потому какъ въ нутрѣ у него горитъ все. Потомъ ужъ затихать сталъ — раньше-то стоналъ, ну, у смерти конецъ. Тогда онъ и говоритъ: „Прости, народъ православный... Это я въ Невьянскомъ заводѣ вдову съ мальчикомъ зарѣзалъ“. Сказалъ и сейчасъ же померъ. Оно и вышло, что Корнило-то его не за рѣпку застрѣлилъ, а такъ, Богъ злодѣя нашелъ. Дѣло-то такое было... Жила вдова въ Невьянскѣ, сынъ у ней

*) Кержакъ—раскольникъ.

по седьмому годочку. Ну, значитъ, этотъ бѣглякъ и заберись къ ней ночью въ избу и сейчасъ насѣлъ на вдову. „Подавай деньги...“ Душилъ ее, тиранилъ, ну, баба и придумала. „Въ голбцѣ у меня деньги спрятаны...“ Значитъ, въ подполье. Повела она его туда. А потомъ какъ закроетъ западню да на щеколду. И какъ ужъ это случилось, а мальчонка-то съ бѣглякомъ въ голбцѣ и попалъ. Бѣглякъ кричитъ: „пусти, а ежели не пустишь, мальчика зарѣжу...“ Вотъ и взметалась вдова: и разбойника выпустить невозможно, и мальчоночку жаль. А мальчоночка-то изъ голбца кричитъ: „Мамынька родимая, бѣглякъ мнѣ пальчикъ рѣжетъ ножомъ... Мамынька родимая, на ножкѣ пальчикъ отрѣзалъ...“ Легко это материнскому сердцу!.. И молилась она, и плакала... А разбойникъ-то ужъ на одной ручкѣ всѣ пальчики обрѣзалъ мальчику. Ну, тогда она не стерпѣла и выпустила его, а онъ совсѣмъ разстервенился и ее затиранилъ до смерти... А потомъ ограбилъ все и убѣжалъ. Мальчоночка-то живъ остался, только пальчиковъ на одной рукѣ не осталось. Такъ и ушелъ бѣглякъ и все бѣгалъ, пока Корнило его не застрѣлилъ за рѣпку. Какъ ни бѣгалъ, значитъ, а Богъ-то все-таки нашелъ...

2.

Намъ какъ-то особенно хотѣлось слушать этотъ разсказъ о рѣпкѣ, вѣроятно, потому, что въ немъ разбойничья жестокость была мотивирована и разбойничья жестокость несла высшую кару. Слушатель успокаивался потому, что порокъ наказывался. Стихійное зло покрывалось возмездіемъ и отмщеніемъ.

Текущая дѣйствительность иллюстрировалась подвигами „природныхъ“ заводскихъ разбойниковъ. Они не переводились. Савка, Ѳедька Дѣтковъ, Чеботка—все это были свои люди. Ихъ ловили, сажали въ острогъ, потомъ они убѣгали и ихъ опять ловили. Разбойникъ всегда былъ тутъ подъ рукой. Случаи убійства повторялись довольно часто: убили вязниковца Илью, который наканунѣ у насъ пилъ чай, потомъ на дорогѣ застрѣлили повѣреннаго, который везъ деньги, потомъ Чеботка бросился съ ножомъ на заводскаго приказчика Павла Зотенча, потомъ на смерть избили цѣловальника Мишку, потомъ на смерть самымъ звѣрскимъ образомъ замучили гулящую солдатку и т. д. Уголовщина не прекращалась, но случайные примѣры еще ничего не доказывали и скоро забывались, а на первомъ планѣ оставался все-таки настоящій разбойникъ, въ своемъ родѣ спеціалистъ и профессіональный человѣкъ. Онъ являлся чѣмъ-то обреченнымъ, роковымъ и неизбѣжнымъ.

Какъ теперь помню ноябрьское сѣренькое утро. Снѣгъ только выпалъ и не успѣлъ еще потерять присвоенной первому снѣгу дѣвственной бѣлизны. Для насъ, мальчишекъ, это былъ праздникъ. Въ саду, сейчасъ подъ окнами мы уже устраивали катушку, т.-е. гору, какъ говорятъ здѣсь. Эта катушка занимала все наше вниманіе, и съ мыслью о ней мы просыпались каждое утро. Итакъ, въ одно прекрасное утро, когда по установившемуся порядку мы должны были готовить уроки, я не утерпѣлъ и незамѣтно ускользнулъ изъ классной, чтобы хоть посмотрѣть на предметъ нашихъ вожделѣній. Шелъ мягкій снѣжокъ, обѣщавшій новыя наслажденія. Выбѣгаю стремглавъ въ садъ и останавливаюсь, какъ вкопанный. По нашей катушкѣ ходилъ какой-то мужикъ съ метлой и волочилъ зловѣще звонившую цѣпь,—онъ былъ въ ножныхъ кандалахъ.

— Разбойникъ...—мелькнуло у меня въ головѣ, и я прянулъ назадъ.

Дѣтское любопытство неудержимо. Слѣдующую вылазку мы сдѣлали уже совмѣстно съ братомъ. Сначала посмотрѣли въ щель—разбойникъ съ самымъ

мирнымъ видомъ разметалъ снѣгъ съ нашей катушки. А цѣпи такъ и звенятъ... Мы выглянули въ пріотворенныя ворота, потомъ долго стояли въ воротахъ и наконецъ, подталкивая другъ друга, подошли на „приличное разстояніе“ къ самому разбойнику.

— Ты это что дѣлаешь, дядя?

— Снѣгъ подметаю...

— А ты кто такой?

— Кузнецъ...

— А тебя какъ зовутъ?

— Аверкіемъ звали...

— А зачѣмъ у тебя кандалы на ногахъ?

— А ужъ, видно, такъ случилось...

Страшнаго въ этомъ разбойникѣ рѣшительно ничего не было. Самый обыкновенный мужикъ. Небольшого роста, широкоплечій, съ добродушнымъ бородатымъ лицомъ и веселыми сѣрыми глазами. Говорилъ онъ съ какой-то мягкой ласковостью. И эта мужицкая обыкновенность какъ-то уже совсѣмъ не вязалась съ лязганьемъ кандаловъ.

— А ты какъ къ намъ попалъ, Аверкій?

— Да я въ школѣ сижу... Въ машинной мѣста не хватаетъ.

Крѣпостное звѣрство иногда отличалось самыми наивными формами. Кузнецъ Аверкій попался съ поличнымъ, какъ фальшивый монетчикъ,—преступленіе, за которое предусматривалась каторга и даже, кажется, предварительное наказаніе плетьми. Человѣка схватили, заковали въ кандалы и посадили въ пустую школу, гдѣ онъ долженъ былъ стеречь себя уже самъ. Мы жили въ казенномъ заводскомъ домѣ, а пустая школа стояла рядомъ. Аверкію наскучило сидѣть въ ней безъ дѣла, онъ вышелъ въ садъ и сейчасъ же нашелъ себѣ работу. Какъ видите, все такъ просто и наивно.

Сначала появленіе Аверкія произвело сенсацію въ нашемъ домѣ, т.-е. его кандалы, а потомъ всѣ успокоились. Страхъ уступилъ мѣсто совершенно другому чувству: всѣ прониклись сожалѣніемъ къ несчастному. Въ самомъ дѣлѣ, Аверкій смастерилъ изъ олова нѣсколько очень скверныхъ двугривенныхъ, сейчасъ же попался съ ними и теперь сидѣлъ въ школѣ, ожидая съ какимъ-то фаталынымъ терпѣніемъ, когда „выйдутъ“ плети и каторга. Преступленіе было такое наивное, а наказаніе такое страшное, что Аверкія нельзя было не жалѣть. Притомъ это былъ свой человѣкъ, и его зналъ весь заводъ, какъ кузнеца. А тамъ гдѣ-то уже по всѣмъ правиламъ искусства приготовлялась каторга, чей-то мозгъ подводилъ все подъ законъ, чья-то воля должна была осуществиться...

— Эхъ, пропала твоя голова ни за грошъ,—въ глаза жалѣлъ нашъ кучеръ Яковъ будущаго каторжника.

— И то пропала...

— Дернуло тебя, Аверкій!.. Хоть бы по настоящему какому уголовству попался, а то...

Аверкію и самому себя, видимо, было тоже жаль, именно съ прибавленіемъ этихъ комментаріевъ. Онъ встряхивалъ головой и какъ-то застѣнчиво улыбался. Съ другой стороны, какъ мнѣ кажется, онъ никакъ не могъ повѣрить въ свое грозное будущее. Какъ-то ужъ все очень быстро случилось...

Мы съ нимъ познакомились въ нѣсколько дней и постоянно бѣгали въ школу, куда съ нами отправлялась разная ѣда. Въ благодарность Аверкій мастерилъ намъ свои мужицкія игрушки. Его тяготило больше всего вынужденное бездѣлье, оставлявшее слишкомъ много времени для тяжелаго раздумья.

— А ты не боишься?—допытывали мы съ дѣтской безтактностью.

— Чего бояться: и тамъ люди живутъ. Значитъ, ужъ Богу угодно...

Я помню, что по вечерамъ, когда зажигали огонь, я постоянно думалъ объ Аверкіи, и мнѣ дѣлалось за него страшно. Съ разрѣшеніемъ этого вопроса мы постоянно приставали къ отцу, такъ что надоѣли ему.

— Отстаньте вы отъ меня,—ворчалъ онъ.—Я самъ ничего не понимаю...

Большіе тоже волновались и по-своему выражали разные мелкіе знаки вниманія несчастному узнику. Мать посылала ему разную ѣду, а отецъ нарочно ходилъ похлопотать къ заводской власти. Но дѣло уже переходило изъ инстанціи въ инстанцію, и остановить его никто не могъ. Заводскій приказчикъ тоже отъ души жалѣлъ глупаго кузнеца, хотя и поймалъ его самъ. Вообще, получалась неразрѣшимая путаница, которую могла порвать только рука заплечнаго мастера.

3.

Днемъ никто не приходилъ навѣстить Аверкія. Можетъ-быть, мѣшали свои домашнія дѣла, а можетъ-быть, удерживалъ спасительный страхъ. Чаще другихъ приходила его жена, забитая и молчаливая баба. Она приводила съ собой мальчика лѣтъ шести, который тоже молчалъ и пугливо прятался за мать. Помолчавъ съ полчаса, она говорила:

— Ну, я пойду...

— Ступай,—сурово отвѣчалъ Аверкій.

Почему-то присутствіе жены его раздражало каждый разъ. Впрочемъ, подъ этой формой могло скрываться другое чувство, которое онъ боялся обнаружить, какъ проявленіе немужской слабости.

Совсѣмъ другое настроеніе являлось у него, когда приходилъ его провѣдать солдатъ-кузнецъ. Это былъ совсѣмъ подозрительный субъектъ съ слезившимися глазками и мѣдной серьгой въ ухѣ. Онъ всегда былъ подъ хмелькомъ и всегда ругался.

— Ироды, вотъ что! Да... Другіе-то похуже въ тыщу разовъ да живутъ. Прямые душегубы, которые бываютъ... да. А тутъ на тебѣ... Здорово живешь... Тьфу, дьяволы...

— Ты это кого, солдатъ, ругаешь?—спросилъ я однажды.

— А вотъ вырастешь большой, такъ самъ узнаешь... Право, дьяволы!.. Да я, кажется, своими бы руками всѣхъ растерзалъ... Не тронь! Не моги трогать... Законъ—да я тебѣ такой законъ напишу, что ни взадъ ни впередъ.

Разъ солдатъ явился въ сопровожденіи собственной жены, красивой женщины съ зелеными глазами и зелеными серьгами. Она была одѣта совсѣмъ не по-заводски, т.-е. не въ сарафанъ, а въ ситцевое платье. Удивительное было у ней лицо—дерзкое, нахальное, съ тяжелымъ взглядомъ. Я окончательно сталъ ее бояться, когда узналъ, что солдатъ взялъ ее въ жены „съ эшафота“, какъ объяснилъ намъ кучеръ Яковъ. Этотъ Яковъ зналъ все и отличался большими наклонностями къ философіи.

— Она, значитъ, мужа стравила, ну, ее на эшафотъ... А ты не трави!.. Ну, а тутъ солдатъ и подвернись... Такъ и такъ, желаю жениться на этой самой отравѣ. Ну, по закону вмѣсто плетей да каторги ее за солдата замужъ выдали... Теперь она его уже три раза зачинала травить, да живучъ солдатъ. Отлежится и на смерть ее изобьетъ, а она отлежится—опять его травить...

Аверкій прожилъ въ школѣ мѣсяца два, а потомъ вдругъ исчезъ. Какъ его увезли и когда—мы не видали.

— Въ Верхотурье повезли, — сурово объяснилъ Яковъ на всѣ наши вопросы и выругался въ пространство.—Тамъ разсудятъ...

Не прошло и полугода, какъ разнеслась вѣсть, что Аверкій бѣжалъ изъ верхотурскаго острога. Почему онъ не бѣжалъ, когда сидѣлъ въ школѣ одинъ, что̀ было въ тысячу разъ легче сдѣлать, почему не бѣжалъ съ дороги, что̀ тоже сравнительно легче, — трудно сказать. Можетъ-быть, его ошеломила острожная обстановка, можетъ-быть, проснулась смертная тоска по волѣ, можетъ-быть, онъ убѣдился, что все равно, какъ ни пропадать и гдѣ ни пропадать. И ушелъ Аверкій съ большой дерзостью, какъ не могли уйти опытные и бывалые острожные сидѣльцы. Въ немъ какъ-то разомъ проснулся настоящій разбойникъ, а не глупый фальшивый монетчикъ. Думалъ-думалъ, прикидывалъ умомъ и такъ и этакъ, и наконецъ придумалъ. Вѣдь это наша русская историческая панацея—спасаться отъ всякой бѣды бѣгствомъ. Аверкій являлся только ничтожной единицей въ общей ариѳметикѣ всяческаго бѣгства.

— Молодецъ, — угрюмо похвалилъ Яковъ бѣжавшаго Аверкія. — Давно было нужно такъ-то сдѣлать...

— А если его поймаютъ?

— Ну, еще это надо пообѣдать... Такого-то звѣря не скоро взловишь, потому какъ человѣкъ онъ свѣжій и весь разстервенился.

Предсказанія Якова скоро сбылись. Аверкія пытались гдѣ-то ловить, и онъ для перваго раза зарѣзалъ полѣсовщика,—это было уже настоящее вступленіе на разбойничій путь, и возврата не было.

Черезъ полгода дошли слухи, что Аверко (уже не Аверкій) показался въ окрестностяхъ нашего завода и что-то замышляетъ. Два раза сгоняли народъ его ловить, но онъ уходилъ изъ-подъ носу. Дальше уже начались прямо дерзости: онъ ночевалъ у себя въ собственной избѣ. Вѣроятно, это было его мечтой и завѣтной цѣлью, именно, хотя одну ночь чувствовать себя человѣкомъ, а не лѣснымъ звѣремъ. Сказалась мучительная тяга къ родному пепелищу... Заводская администрація поднялась на ноги, потому что Аверко, видимо, не желалъ уходить отъ родныхъ мѣстъ и спасался по покоснымъ избушкамъ, промысловымъ балаганамъ и куренямъ. Его встрѣчали тамъ и сямъ. Кто-то донесъ, что онъ въ такой-то день опять придетъ ночевать къ женѣ. Но Аверко предпочелъ провести эту ночь въ нашей банѣ...

Послѣднее всѣхъ переполошило. Смѣлость Аверки начинала переходить даже границы, дозволенныя „прямымъ разбойникамъ“.

— Пустяки,—увѣрялъ одинъ Яковъ.—Съ чего онъ насъ-то будетъ трогать? Мы ему вреда не дѣлали... И разбойникъ чужую хлѣбъ-соль не забываетъ.

Яковъ былъ правъ. Аверко больше не показывался и не тревожилъ никого.

Закончилась эта разбойничья карьера тѣмъ, что Аверко, подобравъ партію изъ другихъ шляющихъ людей, ограбилъ почту и убилъ почтальона. Шляющіе были скоро переловлены, а Аверко еще разъ ушелъ, вѣрнѣе, не ушелъ, а только скрылся на время. Поднята была на ноги вся заводская полиція, и Аверку наконецъ поймали гдѣ-то въ горахъ. Это былъ уже совсѣмъ другой человѣкъ, нисколько не походившій на прежняго Аверкія. Наряженъ былъ чрезвычайный военный судъ, который и порѣшилъ наказать преступниковъ шпицрутенами по мѣсту жительства. Къ счастію, экзекуція совершилась не на нашемъ заводѣ, а въ сосѣднемъ. Аверко не вынесъ своихъ четырехъ тысячъ.

— Напоили его водой—вотъ и померъ,—объяснилъ Яковъ.—Другимъ-то не дали пить во время наказанія, ну, они и остались живы.

Тряхнувъ головой, Яковъ прибавилъ:

— И чего, подумаешь, пропалъ человѣкъ... И двугривенные-то дѣлалъ не онъ, а солдатъ съ женой. Ну, а улики на него выпали... Эхъ, жисть!.. Онъ мнѣ самъ сказывалъ...

II.

Савка.

1.

Заводское крѣпостное право отличалось особенной жестокостью, и, благодаря этому, какъ я уже говорилъ выше, создался цѣлый циклъ крѣпостныхъ заводскихъ разбойниковъ. Это былъ глухой протестъ всей массы заводскаго населенія, а отдѣльныя единицы явились только его выразителями, болѣе или менѣе яркими. Такой свой заводскій разбойникъ пользовался всѣми симпатіями массы и превращался въ героя. Онъ шелъ за общее дѣло, и масса глухо его отстаивала.

Послѣднимъ и самымъ яркимъ выразителемъ этого разбойничьяго типа былся знаменитый Савка.

Отъ насъ черезъ площадь видѣлось деревянное зданіе заводской конторы, выстроенное въ стилѣ аракчеевскаго ренессанса, т.-е. греческій фронтонъ съ колоннами прикрывалъ кордегардію. Эта контора была страшнымъ мѣстомъ для населенія, и, проходя мимо, можно было слышать вопли наказуемыхъ отеческой крѣпостной рукой. Во дворѣ конторы стояло спеціальное зданіе, извѣстное подъ именемъ „машинной“, гдѣ хранились пожарныя машины и происходили всѣ внушенія и порки, а также содержались узники. Кстати, въ самомъ названіи этого застѣнка слышалась злая иронія,—именно машинная, потому что роль всѣхъ машинъ и коварныхъ ухищреній европейской техники здѣсь замѣнялъ заводскій кнутъ и розги. Просто, коротко и для всѣхъ понятно... „Машинная“ никогда не стояла пустой, и здѣсь получали высшее образованіе будущія знаменитости по разбойничьей части. Въ числѣ другихъ довершилъ здѣсь свой курсъ и Савка, посаженный въ „машинную“ за какую-то продерзость. Изъ „машинной“ были двѣ дороги: въ верхотурскій острогъ или въ лѣсъ. Самые энергичные люди предпочитали послѣдній путь, а въ томъ числѣ и Савка.

Савка „бѣгалъ“ больше десяти лѣтъ. Его нѣсколько разъ ловили, сажали въ „машинную“, препровождали въ верхотурскій острогъ, а изъ послѣдняго онъ уходилъ уже самъ. Легенда говорила, что Савка знаетъ „такое слово“, котораго не выдерживаютъ никакія тюремныя стѣны. Такъ и велась борьба между заводской „машинной“ и „такимъ словомъ“ Савки съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ качествѣ отпѣтаго человѣка Савка пользовался извѣстной популярностью даже у заводскаго начальства, и къ нему относились совершенно иначе, чѣмъ къ рядовымъ разбойникамъ. Впрочемъ, среди всякихъ правонарушителей есть всегда своя аристократія, блюдящая свои прерогативы гораздо лучше всякой другой аристократіи. И заводскій приказчикъ и заводскій исправникъ были, кажется, убѣждены, что провиденціальное назначеніе Савки выражается однимъ словомъ—бѣгать, и мирились съ этимъ, какъ съ логической необходимостью. Кстати, говоря о заводскихъ египетскихъ работахъ, долженъ оговориться, именно, что люди, осуществлявшіе жестокіе способы, мѣры, пріемы и формы, сами по себѣ совсѣмъ не были ни злыми ни жесто-

кими людьми, а только болѣе или менѣе добросовѣстно „творили волю пославшаго“. Это ужъ такая черта русскаго характера, что по приказанію самые добрые люди могутъ превратиться во что угодно.

Именно такимъ человѣкомъ былъ дореформенный слѣдователь Николай Иванычъ, который послѣ обѣдни въ воскресенье завернулъ къ намъ напиться чаю. Къ числу рѣзкихъ внѣшнихъ признаковъ этой страшной власти принадлежалъ необыкновенно маленькій ростъ, такъ что какъ-то странно было видѣть на немъ военный мундиръ. Между прочимъ, мой братъ, отличавшійся большой наивностью, долго присматривался къ этому гостю и кончилъ тѣмъ, что подошелъ къ нему съ какой-то игрушкой и серьезно предложилъ:

— Пойдемъ, поиграемъ...

А этотъ Николай Иванычъ явился къ намъ на заводъ во главѣ полусотни оренбургскихъ казаковъ съ спеціальной цѣлью во что бы то ни стало поймать знаменитаго Савку. Этого требовалъ новый главный заводскій управляющій, поклявшійся подтянуть всѣ заводы, а главное — уничтожить институтъ спеціально-заводскихъ разбойниковъ. На первой очереди стоялъ Савка. Насъ всѣхъ страшно занималъ вопросъ, какъ такой маленькій Николай Иванычъ поймаетъ такого страшнаго разбойника, какъ Савка.

Итакъ, обѣдня кончилась, и Николай Иванычъ, выпивъ два стакана чаю, только-что направился къ закускѣ, такъ аппетитно разставленной на особомъ столикѣ. Въ открытыя окна глядѣлъ жаркій лѣтній день, располагавшій къ самымъ мирнымъ мыслямъ.

— Какъ же это ты поймаешь Савку? — спрашивалъ отецъ грозное начальство,—они учились вмѣстѣ.

— А вотъ и поймаю, — спокойно отвѣчалъ Николай Иванычъ, выпивая рюмку водки.—Да... Я, братъ, шутить не люблю. У меня: разъ, два—и готово...

— Ну, гусей по осени считаютъ.

Николай Иванычъ уже прицѣлился къ какому-то соленому груздю, какъ къ самому окну подскакалъ верховой казакъ:

— Ваше скородіе, Савка...

— Гдѣ Савка?..

— Енъ, ваше скородіе... ёнъ побѣгъ въ гору.

— Да говори толкомъ, дуракъ!

— Слушаю-съ... Вонъ по горѣ, ваше скородіе, бѣжитъ.

Казакъ указалъ на гору Кокурникову, которую отлично было видно отъ насъ изъ окна, а по дорогѣ забирала въ гору какая-то точка.

— Гдѣ сотникъ?!..—заоралъ Николай Иванычъ, преисполняясь административной энергіей.—Отрядить въ погоню пятерыхъ казаковъ.

— Слушаю-съ...

— Да скажи сотнику, что онъ дуракъ... Вмѣсто того, чтобы послать погоню, онъ меня посылаетъ спрашивать.

— Слушаю-съ.

— Живо! Одна нога здѣсь, другая тамъ...

— Точно такъ-съ, ваше...

Черезъ какую-нибудь минуту мимо нашего дома, припавъ къ сѣдельнымъ лукамъ, вихремъ пронеслась казачья пятерка, точно спущенная свора борзыхъ. Наступилъ томительный моментъ ожиданія... Вотъ они уже проскакали заводскую плотину, потомъ миновали узкую поперечную уличку и маршъ-маршемъ понеслись въ гору. Къ нашему удивленію, черная точка, служившая воплощеніемъ Савки, остановилась, точно дѣлала разсчитанную паузу, чтобы подразнить казаковъ.

— Ахъ, мерзавецъ! — задыхался Николай Иванычъ, сжимая маленькіе кулачки.—Валяй его!.. Бери... бей...

Мы всѣ наблюдали за движеніемъ казачьей пятерки, затаивъ дыханіе. Вотъ она уже совсѣмъ близко... вотъ она и совсѣмъ насѣла... Но тутъ случилось что-то необыкновенное: черная точка — Савка оказалась ниже казаковъ, а потомъ она пошла вправо отъ дороги, къ небольшому лѣску, который зеленымъ гребнемъ вѣнчалъ Кокурникову.

— Ахъ, мерзавецъ... — какъ-то застоналъ Николай Иванычъ, топая въ отчаяніи ногами.—Держи его... валяй!..

Всѣ облегченно вздохнули, когда черная точка благополучно исчезла въ лѣсу. О, какъ это страшно, когда въ глазахъ травятъ живого человѣка!.. Я помню, какъ наша кухарка Агаѳья благочестиво крестилась все время, пока Савка бѣжалъ въ гору,—она выбѣжала за ворота вмѣстѣ съ другими и съ замирающимъ сердцемъ наблюдала происходившую сцену. Много еще такихъ же простыхъ бабъ провожало глазами бѣжавшаго Савку, покрывая его своей хорошей бабьей жалостью.

Трудно описать неистовство Николая Иваныча, когда пятерка вернулась и давешній казакъ донесъ о случившемся конфузѣ.

— Мы его достигли совсѣмъ, ваше скородіе... А ёнъ стоитъ посередь дороги. Ну, а потомъ на насъ... „Кланяйтесь, грить, вашему слѣдователю, а [illegible]екогда“. Какъ стрѣлитъ между нами... я его одинова зацѣпилъ на[illegible]... А потомъ ёнъ въ сторону и въ лѣсъ.

— Онъ смѣялся надъ вами, дураками!..

Смѣлый маневръ Савки, бросившагося на казаковъ, чего они уже никакъ не ожидали, произвелъ на всѣхъ ошеломляющее впечатлѣніе, какъ новое проявленіе Савкиной удали и находчивости. Онъ бравировалъ у всѣхъ на глазахъ, точно отвѣтственный первый артистъ какой-то труппы.

Цѣль стратегическаго маневра Савки была ясна для всѣхъ. Николай Иванычъ привелъ съ собой полусотню казаковъ и разставилъ ихъ постоемъ по раскольничьимъ домамъ, потому что Савка былъ раскольникъ и находилъ постоянную поддержку и сочувствіе главнымъ образомъ среди раскольничьяго населенія. Можно представить себѣ ужасъ строгой и чистоплотной старовѣрческой семьи, когда въ ней поселялся казакъ, табачникъ и скобленое рыло. Эта драгонада должна была довести раскольниковъ до повинной. Такъ соображалъ Николай Иванычъ. Бѣгство Савки у всѣхъ на глазахъ было ему отвѣтомъ.

— Нѣтъ, братъ, шалишь!..—хвастался Николай Иванычъ.—Не мытьемъ, такъ будемъ брать катаньемъ... Видишь, что̀ придумали!.. Заморю постоемъ, пока не выдадутъ Савку головой... Ха-ха! Будутъ поминать Николая Иваныча...

Къ неумолимому начальству являлась цѣлая раскольничья депутація съ умильнымъ словомъ, но Николай Иванычъ ничего и слышать не хотѣлъ.

— Я васъ всѣхъ выкурю табакомъ, какъ таракановъ... да!.. — кричалъ Николай Иванычъ, топая маленькими ножками. — Вы будете меня помнить. А безъ Савки не уѣду. Такъ и знайте!..

2.

Началось тяжелое отсиживанье отъ неумолимаго властодержца. Николай Иванычъ пилъ чай, гулялъ, купался, по вечерамъ игралъ у приказчика въ преферансъ и выдерживалъ характеръ.

— Еще старуха надвое сказала,—повторялъ онъ, подмигивая.—Хе-хе... Посмотримъ, чья возьметъ.

Раскольники крѣпились укрѣпой богатырской и не сдавались. Да и Савки не было уже на заводѣ,—онъ ушелъ въ горы.

— Э, стара штука! — смѣялся Николай Иванычъ.—Я уѣду, а онъ вернется... Не согласенъ! Да-съ...

День проходилъ за днемъ въ томительномъ ожиданіи. А тутъ еще близился Петровъ день, когда работы на фабрикѣ прекращались и всѣ отпускались на страду до Успенья. Какая же тутъ могла быть страда, когда въ заводѣ останутся домовничать казаки. Однимъ словомъ, дѣло начинало усложняться съ каждымъ днемъ. Получилась такая альтернатива: или должны были раскольники предать Савку, или самъ Савка долженъ былъ явиться съ повинной.

Выручило всѣхъ случайное обстоятельство. Прошелъ слухъ, что Савка боленъ и лежитъ гдѣ-то въ горахъ, въ пещерѣ. Кто пустилъ этотъ слухъ — осталось неизвѣстнымъ. Можетъ-быть, даже самъ Савка, которому было все равно, гдѣ ни помирать. Впослѣдствіи передавали, что его выдали какіе-то скитскіе старцы, пожалѣвшіе измученную казачьимъ постоемъ свою раскольничью паству. Расчетъ былъ чисто-ариѳметическій: лучше ужъ одному Савкѣ пострадать, чѣмъ всѣмъ мучиться за него.

— Я самъ его поймаю,—рѣшилъ Николай Иванычъ.—А то казаки одни опять упустятъ...

Въ горы была снаряжена цѣлая экспедиція съ Николаемъ Иванычемъ во главѣ. Къ казакамъ были присоединены свои заводскіе лѣсообъѣздчики и конюхи изъ „машинной“. Конечно, приготовленія дѣлались въ страшной тайнѣ, такой, что всѣ знали о ней за нѣсколько дней впередъ.

Опять наступали дни томительнаго ожиданія, и опять всѣ волновались, отъ мала до велика. Наша кухарка Агаѳья громко молилась по вечерамъ за татя и душегубца раба Божія Савелія. Кучеръ Яковъ принялъ какой-то особенно таинственный видъ и постоянно бѣгалъ въ кабакъ, гдѣ сосредоточивались всѣ политическія извѣстія и послѣднія новости.

Прошелъ день, другой, третій—объ экспедиціи ни слуху ни духу.

— Онъ имъ глаза отведетъ,—увѣряла Агаѳья.

— Тутъ не въ глазахъ дѣло, — съ достаточнымъ презрѣніемъ отвѣчалъ Яковъ.—Ежели который человѣкъ знаетъ такое слово... А ты, все равно, ничего не поймешь. Въ прошлый-то разъ никому глазъ не отводилъ, а ушелъ. Они на него всей пятеркой, а онъ свое слово сказалъ и только всего. Мнѣ одинъ казакъ самъ разсказывалъ...

Ожиданія рѣшились сами собой, когда на четвертый день Савка былъ привезенъ ночью и водворенъ въ машинную подъ строжайшій караулъ. Его нашли дѣйствительно въ пещерѣ, далеко въ горахъ. Савка лежалъ больной и не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія.

Николай Иванычъ торжествовалъ и ходилъ пѣтушкомъ.

— Э, братъ, со мной, братъ, шутки плохія!.. Да я и одинъ бы поймалъ такого гуся. Савка, Савка—нашли какого Александра Македонскаго... Теперь, братъ, никуда не уйдетъ.

Успѣхъ вскружилъ голову Николая Иваныча, и онъ для важности сталъ ходить на цыпочкахъ.

Савка лежалъ въ машинной больной цѣлую недѣлю. Мы, дѣти, потихоньку бѣгали его навѣстить. Вѣдь настоящій, живой разбойникъ, котораго всѣ боялись... Правда, было очень страшно, но любопытство превозмогло все.

Конечно, все устроилось только при благосклонномъ содѣйствіи кучера Якова, у котораго въ машинной была рука въ лицѣ конюха Паньши, молодого, но очень угрюмаго мужика.

— Что̀ его смотрѣть?—угрюмо заявлялъ Паньша.—Не звѣрь какой...

Стража изъ двухъ казаковъ была подкуплена, кажется, гривенникомъ. Савка лежалъ въ узенькой каморкѣ, скупо освѣщенной маленькимъ оконцемъ. Онъ для безопасности былъ въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Мы смотрѣли на знаменитаго разбойника въ маленькое оконце въ толстой двери. Я былъ даже огорченъ, что Савка, кромѣ простой кумачной рубахи и плисовыхъ шароваръ, ничѣмъ не отличался отъ другихъ мужиковъ. Ему было лѣтъ сорокъ. Лицо самое обыкновенное, съ самой обыкновенной русой бородкой. Мы, кажется, его разбудили, и Савка сѣлъ на своей лавкѣ, гремя кандалами.

— Что̀ вамъ надо?—глухо спросилъ онъ, глядя исподлобья.

Намъ почему-то сдѣлалось страшно, и мы бѣжали самымъ позорнымъ образомъ. Самымъ ужаснымъ были, конечно, кандалы.

Слѣдователь выждалъ воскресенья, когда фабрика не работала, чтобы отправить Савку съ большой помпой. День былъ солнечный, горячій. Вся площадь передъ конторой покрылась народомъ. Казачья полусотня выстроилась передъ воротами, откуда должны были вывезти Савку. Для пущаго эффекта Николай Иванычъ нарочно затянулъ моментъ отправки. Всѣ видѣли, какъ онъ сидѣлъ въ господскомъ домѣ у окна и преспокойно пилъ чай стаканъ за стаканомъ.

Собравшійся на площади народъ велъ себя очень сдержанно. Ни громкаго галдѣнья, ни движенія, ни смѣха.

Наконецъ слѣдователь махнулъ въ окнѣ бѣлымъ платкомъ, что̀ служило сигналомъ къ выступленію. Казаки выстроились въ двѣ шеренги, ворота растворились, и въ нихъ выѣхала простая крестьянская телѣга, на которой сидѣлъ Савка. Руки у него были прикованы къ грядкамъ телѣги. Онъ былъ безъ шапки и низко раскланивался на обѣ стороны. Онъ былъ страшно блѣденъ.

— Братцы, простите...

Толпа замерла. И только одинъ голосъ крикнулъ точно изъ-подъ земли:

— Богъ тебя проститъ, Савелій Тарасычъ!..

На площади телѣга остановилась, поджидая, когда выѣдетъ изъ господскаго дома слѣдовательскій экипажъ. Казаки раздвинули толпу и, когда показался экипажъ, началась джигитовка. Казаки были рады оставить это раскольничье гнѣздо и выдѣлывали на своихъ низенькихъ лошаденкахъ чудеса эквилибристики. Появленіе самого Николая Иваныча было встрѣчено залпомъ.

Я помню, какъ вся процессія тронулась впередъ, а надъ толпой точно плыла краснымъ пятномъ кланявшаяся фигура Савки. Картина получилась самая импонирующая... Задніе ряды зрителей глухо роптали. Гдѣ-то слышалось подавленное бабье причитанье.

— Ничего, уйдетъ,—рѣшительно заявлялъ какой-то сѣдой старикъ съ длинной палкой въ рукахъ.—Вотъ ужо Савелій Тарасычъ скажетъ имъ свое словечко...

Лѣтъ черезъ двадцать мнѣ пришлось заглянуть въ родное гнѣздо. Тѣ же зеленыя горы кругомъ, та же фабрика, тѣ же заводскія улицы... Только заводская контора представляла уже развалину. Я зашелъ во дворъ. „Машинная“ еще сохранилась, но была заколочена наглухо. Въ ней никто не нуждался больше.

Крѣпостные заводскіе разбойники покончили свое существованіе вмѣстѣ съ открытіемъ „воли“. Савка въ числѣ другихъ принесъ повинную, гдѣ-то отсидѣлъ назначенный срокъ и жилъ въ заводѣ, какъ мирный обыватель.

III.

Послѣднія клейма.

1.

Яркій солнечный день. Короткое сибирское лѣто точно выбивалось изъ силъ, чтобы прогрѣть хорошенько холодную сибирскую землю. Именно чувствовалось какое-то напряженное усиліе со стороны солнца, та дѣланная ласковость, съ которой цѣлуютъ нелюбимыхъ дѣтей. А въ отвѣтъ на эти обидныя ласки такъ хорошо зеленѣла густая и сочная трава, такъ мило прятались въ ея живомъ шелку скромные сибирскіе цвѣточки, такъ солидно шепталъ дремучій сибирскій лѣсъ какую-то безконечную сказку... Да, и солнце, и зелень, и застоявшійся ароматъ громаднаго бора, — недоставало только птичьяго гама. Сибирскій лѣсъ молчаливъ, точно онъ затаилъ въ себѣ какую-то свою домашнюю скорбную думу, ту думу, которую раздумываютъ про себя, а не выносятъ въ люди. Мнѣ лично нравится эта молитвенная тишина кондоваго сибирскаго лѣса, хотя подчасъ отъ нея и дѣлается жутко на душѣ, точно самъ виноватъ въ чемъ-то и виноватъ по-хорошему, съ тѣмъ назрѣвающимъ покаяннымъ настроеніемъ, которое такъ понятно русскому человѣку.

— Эй, вы, залетныя!—покрикиваетъ сибирскій ямщикъ, который сидитъ на облучкѣ „этакимъ чортомъ“.

Мнѣ кажется, что въ его голосѣ звучитъ какая-то смутная ласковость, вызванная хорошимъ лѣтнимъ днемъ. Съ своей стороны я инстинктивно стараюсь попасть въ тонъ этому настроенію и завожу одинъ изъ тѣхъ безконечныхъ разговоровъ, которые ведутся только дорогой.

— Ты изъ Успенскаго завода, ямщикъ?

— Такъ точно...

— У тебя тамъ домъ есть, т.-е. свой домъ?

— А то какъ же?—удивляется ямщикъ несообразному вопросу.—И домъ и обзаведенье...

Это говорится такимъ тономъ, точно всѣ люди должны имѣть свои собственные дома и свое обзаведенье.

— Такъ есть домъ и обзаведенье? Что же, хорошо...

— Какой же я буду мужикъ, баринъ, ежели, напримѣрно, ни кола ни двора? Которые правильные мужики, такъ тѣ никакъ не могутъ, чтобы, значитъ, ни на дворѣ ни на улицѣ...

— Такъ-то оно такъ, да вѣдь у васъ на заводѣ того... гм...

Ямщикъ оборачиваетъ ко мнѣ свое лицо, улыбается и однимъ словомъ разрѣшаетъ застрявшую фразу:

— Варнаки мы, баринъ... Это точно. Ужъ такое мѣсто... да. Каторга, значитъ, была... Оставили ее, каторгу-то, когда, значитъ, волю дали. Ну, а мы-то остались, какъ и были, варнаками. Всѣ подъ одну масть... Такъ всѣ и зовутъ насъ: успенскіе варнаки.

Все это говорилось такимъ добродушнымъ тономъ, что дѣлалось жутко. Я только теперь разсмотрѣлъ своего ямщика. Это былъ еще крѣпкій старикъ

съ удивительно добрымъ лицомъ. На мой пристальный взглядъ онъ снялъ шапку, откинулъ на вискѣ волосы и проговорилъ:

— Изъ клейменыхъ, баринъ...

На вискѣ были вытравлены какимъ-то чернымъ составомъ буквы *с* и *п*, что̀ въ переводѣ съ каторжнаго языка значило ссыльно-поселенецъ.

— Съ тавромъ хожу, чтобы не потерялся...

— Ты, значитъ, тоже на каторгѣ былъ?

— Коренной варнакъ... Ужъ насъ немного осталось, настоящихъ-то, а то все молодь пошла. Значитъ, варначата...

— Изъ какой губерніи?

— Мы рязанскіе были...

Старикъ совсѣмъ повернулся ко мнѣ и заговорилъ какъ-то скороговоркой, точно боялся забыть что-то:

— Значитъ, мы княжескіе были... Имѣнье-то было огромадное, а княжиха, значитъ, старуха была, охъ, какая лютая! Сыновья у ней въ Питерѣ служили, офицеры, а она управлялась въ усадьбѣ. Здоровущая была старуха и съ палкой ходила... Ка-акъ саданетъ палкой, такъ держись. Лютая была... Ну, изъ-за нея и я въ каторгу ушелъ. Только и сама она не долго покрасовалась... Поваръ у ней былъ, ну, такъ она каждое утро его полировала перваго. Терпѣлъ онъ, терпѣлъ, ну, разъ вотъ этакъ утромъ-то какъ ударитъ ее ножомъ прямо въ брюхо. Такъ ножъ и остался тамъ... Къ вечеру померла... Охъ, лютая была!.. Повара-то засудили тутъ же... Четыре тыщи палокъ прошелъ. Могутный былъ человѣкъ, а не стерпѣлъ—на четвертой тыщѣ кончился.

Старикъ сдѣлалъ паузу, тряхнулъ головой и опять любовно и весело прикрикнулъ на лошадей:

— Да эхъ! вы, залетныя!..

Лошади дружно рванулись и полетѣли впередъ, чуя близость жилья. Лѣсъ порѣдѣлъ, точно онъ разступался сознательно, давая дорогу. Показались покосы, росчисти, просто поляны и лужайки. Мелькнула прятавшаяся въ зелени полоска воды, прогремѣлъ подъ колесами деревянный мостикъ, шарахнулась въ сторону стреноженная лошадь, побиравшаяся около дороги, а тамъ впереди уже сквозь рѣдѣвшую сѣтку деревьевъ смутно обрисовался силуэтъ высокой колокольни. Черезъ нѣсколько минутъ раскрылась вся картина каторжнаго пепелища въ отставкѣ... Какъ-то странно было видѣть это солнце, всевидящимъ окомъ радостно сіявшее надъ мѣстомъ недавняго позора, каторжныхъ воплей и кроваваго возмездія. Вѣдь оно и тогда такъ же сіяло, какъ сейчасъ, оставаясь нѣмымъ свидѣтелемъ каторжныхъ ужасовъ.

Что-то въ родѣ предмѣстья, грязная улица, цѣлые ряды горбившихся крышъ, точно чешуя гигантскаго пресмыкающагося, вдали до краевъ налитый заводскій прудъ, у плотины новое громадное зданіе строившейся первой въ Сибири писчебумажной фабрики, выходившей главнымъ фасадомъ на заводскую площадь съ какими-то развалинами.

— Вотъ тутъ была каторжная пьяная фабрика,—объяснилъ мой возница, указывая на эти развалины.

Да, не винокуренный заводъ, а именно пьяная фабрика.

2.

Цѣль моей поѣздки въ Успенскій заводъ (Тобольской губерніи) была довольно неопредѣленная—посмотрѣть первую писчебумажную фабрику, погостить у знакомаго человѣка, заняться немножко археологіей и т. д. Мой зна-

комый, инженеръ Аполлонъ Иванычъ, строилъ фабрику и обѣщалъ показать всѣ достопримѣчательности бывшей каторги. Кстати, онъ занималъ квартиру въ помѣщеніи бывшей каторжной конторы, имѣвшей самый мирный видъ запущенной помѣщичьей усадьбы. Черезъ полчаса мы пили чай въ комнатѣ, гдѣ производились когда-то дознанія, слѣдовательскіе допросы и всякій иной сыскъ.

Прислуживавшая за столомъ горничная была изъ коренныхъ варначекъ. Чистое русское лицо, безъ сибирской скулатости и узкоглазія. Великорусскій типъ сказывался во всемъ.

— У насъ тутъ всѣ каторжные,—коротко объяснилъ Аполлонъ Иванычъ, отвѣчая на мой нѣмой вопросъ.

— И что же, есть какая-нибудь разница съ другими селеніями?

— Никакой... Такіе же люди, какъ и всѣ другіе. Даже повышенной преступности никакой не замѣчается. Ни кражъ, ни разбоевъ, ни убійствъ... Вообще, все тихо и мирно. А между тѣмъ сейчасъ еще есть человѣкъ двадцать старухъ изъ каторжанокъ... Совсѣмъ хорошія женщины и всѣ до одной семейныя. Клейменыхъ стариковъ, кажется, человѣкъ шесть наберется. Кстати, послѣдній каторжанинъ съ рваными ноздрями умеръ лѣтъ пятнадцать тому назадъ,—я самъ его не видалъ, а передаю, что слышалъ отъ другихъ.

По этому отзыву можно было сдѣлать совершенно неожиданный выводъ, именно, что старая каторга имѣла самое благодѣтельное вліяніе, въ корнѣ истребляя зло и совершенствуя преступную волю. Но, какъ увидимъ ниже, тутъ были совсѣмъ другія причины и основанія.

Послѣ чая мы отправились осматривать новую фабрику, что заняло около двухъ часовъ. Первая сибирская фабрика была выстроена по послѣднему слову науки, которое именно здѣсь, на мѣстѣ бывшей каторжной „пьяной фабрики“, имѣло особенное значеніе. Тамъ, гдѣ каторжными руками гналось зелено вино для царева кабака, теперь трудъ вольнаго человѣка нашелъ приложеніе къ совершенно другому дѣлу, — бумага уже сама по себѣ являлась величайшимъ культурнымъ признакомъ... Кто знаетъ, можетъ-быть, на этой фабрикѣ выдѣлается та бумага, на которой новыя послѣднія слова науки, знанія и гуманизма разсѣютъ историческую тьму, висящую надъ Сибирью тяжелою тучей. Впрочемъ, это, кажется, уже область историческаго сентиментализма и еще далекихъ иллюзій...

Самой фабрики я не буду описывать, — для меня она являлась только культурнымъ факторомъ, характернымъ именно въ этомъ разоренномъ царствѣ кнута, шпицрутеновъ и плетей.

— А какъ здѣсь жили прежде!—разсказывалъ Аполлонъ Иванычъ, когда мы выходили изъ новой фабрики.—Каторжный винокуренный заводъ сдавался въ аренду, и откупщики наживали громадныя деньги. Настоящее разливанное море было... Шампанское лилось рѣкой, и въ Успенскій заводъ часто гости ѣхали со всѣхъ сторонъ цѣлыми обозами. Еще и сейчасъ старожилы помнятъ это неистовое веселье. Тутъ каторга, и тутъ же веселье. Да, какое-то нелѣпое время было... Сейчасъ даже и приблизительно трудно себѣ представить, что здѣсь творилось. Кстати, вонъ на плотинѣ стоитъ скамейка—на ней отдыхалъ знаменитый откупщикъ П—скій. Выйдетъ на бережокъ и дышитъ свѣжимъ воздухомъ... Про него разсказываютъ чудеса. Однажды онъ приходитъ въ каторжную контору, а тамъ идетъ слѣдствіе: убили арестанта, и убійцу никакъ не могли открыть. Каторжане его не выдавали, и слѣдователь ничего не могъ подѣлать. Тогда П—скій и говоритъ: „Позвольте, я его сейчасъ узнаю“. Подходитъ къ выстроеннымъ въ шеренгу каторжанамъ, пристально

вглядываясь въ лицо, а потомъ какъ ударитъ одного по лицу: „Ты, такой-сякой, убилъ?“ Тотъ свалился съ ногъ и во всемъ признался. Удивительно все просто было...

Деревянное зданіе упраздненной каторги еще сохранилось. Оно стояло съ заколоченными окнами, какъ ослѣпшій призракъ.

Вечеромъ мы долго гуляли по заводскимъ улицамъ. Стройка здѣсь отличалась отъ обычной сибирской архитектуры тѣмъ, что около домиковъ тамъ и сямъ зеленѣли садики на великорусскій манеръ. Очевидно, здѣсь жили невольные выходцы откуда-нибудь изъ коренной Россіи. Сибирякъ не выноситъ подобныхъ нѣжностей, что̀ и понятно — и безъ садика достаточно кругомъ лѣса. Попадавшіеся варнаки и варначки замѣтно выдѣлялись красотой какого-то смѣшаннаго типа, особенно женщины. Въ Сибири вообще мало красивыхъ лицъ, благодаря слишкомъ большой примѣси всевозможной инородческой крови.

— Кого-кого только тутъ нѣтъ,—объяснилъ Аполлонъ Иванычъ.—И великоруссы, и хохлы, и остзейскіе нѣмцы, и черкесы—настоящая каторжная мозаика. Потомъ все это слилось, выработался свой смѣшанный типъ, т.-е. совсѣмъ новый этнографически человѣкъ. Кстати, завтра воскресенье, такъ сами увидите нашу публику.

— Скажите, отбывшіе каторгу и переведенные въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ дѣлались семейными людьми?

— Обязательно... Невѣстъ доставляли со всѣхъ концовъ Россіи на каторгу, въ достаточномъ количествѣ—выбирай любую. И изъ всѣхъ этихъ каторжанокъ вышли прекрасныя жены, матери и хозяйки. Я не знаю ни одного случая, чтобы баба отбилась отъ дому и разрушила семью. Оно и понятно: каждая прошла такую ужасную школу, что свой уголъ являлся раемъ. Замѣчательно, что всѣ эти каторжанки были совсѣмъ молодыя и почти поголовно дворовыя. Я какъ-то просматривалъ списки и нашелъ всего двухъ въ бальзаковскомъ возрастѣ. Кстати, у нашего батюшки есть списки, и вы сами просмотрите...

Въ теченіе цѣлаго дня всѣ наши разговоры обязательно сводились на каторгу. Да иначе, конечно, и быть не могло. Самый воздухъ здѣсь былъ насыщенъ этими каторжными мыслями...

3.

Въ Успенскомъ заводѣ мнѣ пришлось прожить дня три, и самое интересное, что я видѣлъ, это—подробный списокъ каторжанъ за нѣсколько лѣтъ. Въ моихъ рукахъ былъ историческій документъ громадной важности, въ своемъ родѣ синодикъ крѣпостного права и его резюме. Раньше я говорилъ о заводскихъ крѣпостныхъ разбойникахъ, являвшихся единицами, а тутъ получалась уже полная картина. Списокъ былъ краснорѣчиво-кратокъ: имя, званіе, составъ преступленія и форма наказанія.

Разсматривая этотъ списокъ и дѣлая изъ него выписки, я осязательно убѣдился прежде всего въ томъ, что главный контингентъ преступниковъ создавался именно крѣпостнымъ правомъ. Нѣкоторыя преступленія носили почти сказочный характеръ: одинъ крѣпостной крестьянинъ былъ приговоренъ къ четыремъ годамъ каторги за кражу сахара у своей помѣщицы, другой къ такому же наказанію за кражу меда и тоже у помѣщицы. Что̀ это такое—иронія, насмѣшка, глумленіе?.. Логика отказывалась здѣсь работать, да и какая могла быть логика въ этомъ царствѣ произвола и всяческаго насилія?

Еще характернѣе была группа женщинъ-преступницъ. Все это были молодыя дѣвушки и поголовно изъ дворовыхъ, въ возрастѣ отъ 17 до 25 лѣтъ. Главное преступленіе—поджогъ. Очевидно, мы тутъ имѣли дѣло съ тѣмъ протестующимъ возрастомъ, который никакъ не могъ согласиться съ существующимъ порядкомъ. Женщина служила здѣсь тонкимъ реактивомъ всеразъѣдавшаго яда. Въ числѣ этихъ преступницъ только одна приговорена была за дѣтоубійство, и та была солдатка, а затѣмъ другая за сорокъ лѣтъ, польскаго званія, „по особымъ причинамъ“. Читая этотъ мартирологъ, приходилось переживать гнетущее чувство... Вѣдь подъ этими именами, датами, номенклатурой несложныхъ преступленій и лаконическими отмѣтками наказаній похоронено цѣлое море никому не высказанныхъ страданій, золъ, бѣдъ и стихійнаго безсмысленнаго зла. А главное, читателю было ясно, что всѣ эти преступленія и наказанія сдѣлались немыслимыми послѣ 19-го февраля. Только читая этотъ мартирологъ, понимаешь во всемъ объемѣ всю величину того зла, которое уже отошло въ область преданій.

Въ мужской группѣ каторжанъ послѣ преступленій противъ помѣщичьей власти выступали нарушенія воинскаго устава. Палочная солдатчина поставляла громадный запасъ каторжнаго мяса. И какія наказанія... Строевой солдатъ 60-ти лѣтъ,—замѣтьте: строевой,—приговоренъ былъ къ четыремъ тысячамъ шпицрутеновъ. Вообще, что-то совершенно невѣроятное, подавляющее, колоссальное. И что всего замѣчательнѣе, что всѣ эти правонарушители, „отбывъ каторгу“, т.-е. шпицрутены, плети, кнутъ и пьяную фабрику, сейчасъ же превращались въ самыхъ мирныхъ обывателей, дѣлались семейными людьми и не обнаруживали какого-нибудь особеннаго тяготѣнія къ преступленіямъ. Каторга не исправляла ихъ, а только снимала съ нихъ крѣпостное ярмо, невыносимую солдатчину и прочее зло добраго стараго времени. Примѣръ въ высшей степени поучительный...

Изъ Успенскаго завода мнѣ пришлось возвращаться съ тѣмъ же клейменымъ ямщикомъ.

— Что, дѣдушка, тяжело было на каторгѣ?

— Несладко, баринъ... А только, ежели сказать правду, такъ вѣдь мы здѣсь въ Сибири свѣтъ увидѣли. Поселенецъ, и все тутъ. Теперь-то всѣ стали вольные, такъ и не поймутъ этихъ самыхъ дѣловъ. Дома-то у себя въ Расеѣ похуже каторги случалось... Особливо бабамъ эта самая каторга была на руку: отбыла года и вся своя.

— Бабамъ легче было?

— Ну, у нихъ своя причина... Конечно, на пьяной фабрикѣ онѣ не работали и по зеленой улицѣ ихъ не гоняли, опять же не клеймили, ну а только очень ужъ обижали смотрителя, особливо которая изъ лица получше. Навязался тутъ одинъ старичонка-смотритель, ласковый такой да богомольный, такъ онъ, кажется, ни одной не пропустилъ... Какъ новую партію пригонятъ, такъ онъ только ручки себѣ потираетъ. Однимъ словомъ, озорникъ...

— А наказывали страшно?

— Случалось... Палачъ былъ Филька, ну, такъ его привозили къ намъ изъ Тобольска. Здоровущій чортъ былъ... Ну, какъ его привезутъ, сейчасъ у насъ сборка денегъ ему, чтобы, значитъ, не лютовалъ. Вѣдь ежели бы онъ все по закону достигалъ, такъ и въ живыхъ никто не остался бы.

— А шпицрутены?

— Ну, это почище плетей въ тыщу разовъ... И разсказывать-то, баринъ, страшно. Одного тутъ у насъ наказывали... Ермилой Кожинымъ звали. Онъ цѣлую семью загубилъ. Ну, такъ его и повели по зеленой улицѣ... Насъ

всѣхъ для острастки въ двѣ роты выстроили. Ну, раздѣли его — могутный мужикъ, тѣло бѣлое. Этакому-то трудно!... На первой тысячѣ свалился... Положили его на телѣжку и везутъ. Все-таки второй тысячи не дотерпѣлъ... Дохтуръ ужъ его пожалѣлъ. „Дайте, говоритъ, водицы испить“. А ужъ это извѣстно: какъ на наказаніи напился воды — тутъ тебѣ и конецъ. Ну, съ двухъ тысячъ Кожинъ-то и кончился... Все одно, отъ начальства былъ приказъ забить его на смерть, и солдатъ разставили пошире, чтобы замахъ дѣлали больше. Охъ, и вспоминать-то это самое дѣло нехорошо...

Опять былъ солнечный день. Опять по сторонамъ дороги сплошнымъ войскомъ тянулся лѣсъ. Опять стояла тишина знойнаго дня, и невольно казалось, что это та зловѣщая тишина, которая наступаетъ въ домѣ, гдѣ покойникъ: за нами оставался громадный покойникъ — каторга. Кстати, есть характерная русская поговорка: покойникъ у воротъ не стоитъ, а свое возьметъ.

IV.

Разбойникъ и преступникъ.

1.

Наступившій школьный возрастъ надолго разлучилъ меня съ роднымъ гнѣздомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прервались непосредственныя отношенія къ разбойничьему репертуару. Раньше разбойникъ являлся живымъ человѣкомъ, вполнѣ реальной величиной, органически связанной со всѣмъ укладомъ создавшей его жизни, а теперь онъ расплылся въ общее отвлеченное представленіе преступника. Живя въ городѣ, трудно понять эту разбойничью психологію въ ея захватывающей полнотѣ. Дышавшій жизнью образъ потускнѣлъ и разбился въ ничѣмъ не связанныя между собой подробности. Зачѣмъ вотъ этотъ городской „преступникъ“ убиваетъ, грабитъ и производитъ всяческія насилія? Когда его ловятъ и начинаютъ судить, онъ нервничаетъ и плачетъ на скамьѣ подсудимыхъ, какъ всѣ эти темные дѣльцы, которые попадаются съ подлогами, хищеніями и разными некрасивыми плутнями. Прежде всего, здѣсь недостаетъ эпическаго спокойствія.

Такой преступникъ, попавшій въ руки правосудія, не испытываетъ жгучаго порыва покаяться и выкупить свои разбойничьи вины тяжкимъ наказаніемъ, которое принималось за какую-то стихійную форму возмездія. Настоящій разбойникъ выходилъ на высокое мѣсто лобное, кланялся на всѣ четыре стороны и повторялъ стереотипную формулу всенароднаго покаянія: „Прости, народъ православный...“ Такъ дѣлали и Стенька Разинъ и Емелька Пугачовъ. „Преступникъ“ поступаетъ совсѣмъ наоборотъ—нервничаетъ, плачетъ, старается всячески увильнуть, свалить свою вину на другого и, осужденный по всѣмъ пунктамъ, уноситъ изъ суда озлобленное убѣжденіе въ собственной невинности. Ну чѣмъ же онъ виноватъ, что считалъ убитаго богатымъ человѣкомъ, а у него, подлеца, оказалось всего полтора рубля? Разбойникъ несъ въ себѣ какое-то обаяніе, какъ трагическая сила, и, какъ всякая крупная сила, онъ внѣ своей профессіональной дѣятельности являлся и добрымъ и любящимъ, а преступникъ—весь дрянной и дрянной по-маленькому, какъ бываютъ дрянныя насѣкомыя. Историческій „воръ“ удалъ-добрый молодецъ окруженъ извѣстнымъ поэтическимъ ореоломъ въ сознаніи народной массы именно потому, что являлся настоящей крупной силой, а преступникъ

является чѣмъ-то въ родѣ фабричныхъ отбросовъ и, въ большинствѣ случаевъ, относится уже къ области ассенизаціи. Преступника создала обезличивающая городская жизнь, тотъ индивидуализмъ, который не имѣетъ оправданія даже въ острогѣ, и такой преступникъ не вызываетъ спасительнаго чувства страха, а только презрѣніе. Народная масса можетъ все понять и простить, кромѣ ничтожества.

Настоящій разбойникъ еще продолжалъ жить только по глухимъ угламъ, гдѣ проявлялъ себя время отъ времени въ той или другой формѣ. Въ городъ онъ попадалъ только поневолѣ, какъ подсудимый, чтобы получить заслуженное воздаяніе.

Помню зимній день съ легкимъ снѣжкомъ. Это было воскресенье. Когда мы, школяры, выходили изъ церкви отъ обѣдни, пронесся общій крикъ:

— Грѣшника будутъ наказывать... грѣшника!..

Народъ бѣжалъ по улицѣ къ хлѣбному рынку, гдѣ по воскресеньямъ бывалъ торжокъ. Мы, конечно, понеслись туда же, увлекаемые живой волной. Всѣ бѣжали къ роковому пункту по молчаливому соглашенію, какъ бѣжали и другіе—деревенскіе мужики, городскіе мѣщане, мастеровые, какія-то безыменныя бабы, а главнымъ образомъ дѣтвора, задыхавшаяся отъ волненія. Вѣроятно, такъ же сбѣгался на казнь народъ и въ Москвѣ, и въ древнемъ Новгородѣ, и въ новомъ Петербургѣ. Жажда видѣть своими глазами эту публичную „торговую“ казнь превозмогала всѣ остальные добрые инстинкты, извѣстную совѣстливость и прямое физическое отвращеніе при видѣ чужихъ страданій. Можетъ-быть, психологической подкладкой здѣсь являлся необъяснимѣйшій фактъ массовой жестокости, когда люди превращаются въ дикихъ звѣрей. Особенно характерно это проявляется на женщинахъ, достигающихъ послѣдней степени неистовства.

Мнѣ особенно запомнилась одна благочестивая старушка, которая бѣжала прямо изъ церкви къ площади и на ходу крестилась. Въ лѣвой рукѣ она держала заздравную просфору, завернутую въ платокъ.

— Помяни, Господи, царя Давида и кротость его...—бормотала старушка, изнемогая отъ старческаго безсилія.

Площадь уже была залита народомъ, такъ что намъ стоило большого труда пробиться поближе къ черному квадрату эшафота. Мощады не было—мы толкали всѣхъ, и насъ всѣ толкали. Затрещины и подзатыльники въ счетъ не шли. У меня передъ глазами стояла краснымъ пятномъ рослая фигура палача Аѳоньки. Издали казалось, что этотъ заплечный мастеръ ходитъ по головамъ сбившейся въ одну стѣну публики. Аѳонька являлся героемъ дня, и на немъ сосредоточилось жадное вниманіе трехтысячной толпы.

— Вотъ онъ, Аѳоня, какимъ орломъ похаживаетъ! — съ восторгомъ говоритъ молоденькій купеческій приказчикъ въ бараньей шубѣ.

— Охъ, Господи, батюшка... — вздыхаетъ благочестивая старушка съ просфорой, какимъ-то чудомъ пробившаяся прямо къ эшафоту.—И что только будетъ?.. Никола милосливый...

— Не дребезжи! — сурово оговариваетъ ее мѣщанинъ съ краснымъ носомъ.—Нашла о чемъ вздыхать... Въ четырехъ душахъ грѣшникъ-то, а она—Никола милосливый. Отпѣтый человѣкъ...

Заплечный мастеръ—историческій герой. О немъ складываются цѣлыя легенды. Онъ—живое олицетвореніе наказующей руки. Да, онъ тутъ, высокій, широкоплечій, съ окладистою рыжею бородой, съ подстриженными въ казацкую скобку волосами и съ голыми по локоть руками. Въ одной рукѣ у него плеть,

а въ другой—стаканъ съ водкой. Въ качествѣ премьера готовящагося представленія онъ рисуется, принимаетъ театральныя позы и съ изысканною небрежностью оглядываетъ толпу налитыми кровью глазами.

— Палачъ... палачъ!..—слышится сдержанный шопотъ толпы и сейчасъ же смолкаетъ, когда заплечный мастеръ оглядывается.

2.

Я видѣлъ наказаніе грѣшника уже во второй разъ, видѣлъ того же Аоньку и все-таки сильно волновался.

— Везутъ! везутъ!..—пронесся ропотъ по толпѣ.

Да, эта толпа ахнула и замерла, какъ одинъ человѣкъ. Страшнымъ контрастомъ явился звонъ мѣдныхъ пятаковъ, рѣдкимъ дождемъ посыпавшихся на эшафотъ. Это была традиціонная умилостивительная жертва заплечному мастеру...

Издали уже показались высокія сидѣнья позорныхъ колесницъ, а на нихъ, спиной къ публикѣ, моталисъ жертвы карающаго правосудія. Эти страшные преступники казались такими маленькими и жалкими, что̀ зависѣло и отъ позорной высоты, на которой они сидѣли, и отъ арестантскихъ сѣрыхъ халатовъ, облегавшихъ грѣшныя тѣла такими тощими складками.

— Вонъ на второй колесницѣ Голоухова везутъ,—объяснялъ купеческому молодцу стоявшій рядомъ мѣщанинъ, отъ котораго пахло сыромятной кожей.— Значитъ, въ четырехъ душахъ повинился... Съ каторги бѣжалъ два раза. А сколько еще несчитанныхъ у него душъ, въ которыхъ и виниться некому... Его, Голоухова, три года ловили.

Страшныя колесницы уже совсѣмъ близко. На эшафотѣ появляется толстенькій священникъ, который волнуется и растерянно разглаживаетъ окладистую бороду. Аѳонька торопливо собираетъ валяющіеся на эшафотѣ пятаки. Точно изъ земли вырастаетъ полиція и занимаетъ свои мѣста. Въ толпѣ народа уже пробита цѣлая улица, но колесницы двигаются съ расчетливою медленностью, и за ними улица смыкается живою стѣной.

— А за Голоуховымъ бабенку везутъ, — сообщаетъ мѣщанинъ.—Она трехъ мужей стравила... Аѳонька-то, гли, какъ насторожился... Я его какъ-то въ кабакѣ видѣлъ—водку такъ агромаднымъ стаканомъ и хлещетъ.

— О, Господи милосливый...—молится вслухъ старушка съ просфоркой, вынимаетъ копеечку и неловко бросаетъ ее прямо въ священника.

— Молчи ты, старая кожа!..—ворчитъ неизвѣстный голосъ.—И къ чему только подобныхъ старушонокъ пущаютъ... Сидѣла бы на печи да грѣхи свои замаливала. Туда же лѣзетъ...

— А ты бы помолчалъ, такъ въ ту же пору, — огрызается озлившаяся старушка.—Охъ, угодники-безсребренники... Парасковея-пятница...

Меня толпа притиснула почти къ самому эшафоту. Когда колесницы остановились, Аѳонька встряхиваетъ жирно смазанными волосами и какимъ-то театральнымъ шагомъ спускается съ эшафота. Такъ ходятъ только знаменитые тенора, которые увѣрены въ своей благосклонной публикѣ. Онъ привычной рукой отвязываетъ съ первой колесницы какого-то тщедушнаго и малорослаго старика и ведетъ его подъ руку на эшафотъ. Преступникъ заплетается ногами въ халатѣ и неловко кланяется на обѣ стороны.

— Простите, православные...—шепчутъ бѣлыя губы...—Простите...

Онъ съ трудомъ поднимается на эшафотъ, какимъ-то испуганнымъ взглядомъ окидываетъ толпу и опять начинаетъ кланяться. Аѳонька сдерги-

ваетъ арестантскую сѣрую шапку, и всѣ смотрятъ на эту обритую наполовину арестантскую голову.

— Этотъ въ двухъ душахъ... — слышится шопотъ.—Тоже изъ каторги бѣгалъ... Жену родную зарѣзалъ... Настоящій, природный разбойникъ, хоть и глядѣть не на кого.

На эшафотѣ столпилось какое-то начальство, заслоняющее отъ насъ преступника. Всѣ обнажили головы—значитъ, священникъ совершаетъ напутствіе. Потомъ начальство раздается, и Аѳонька съ какимъ-то азартомъ схватываетъ свою жертву, ведетъ по ступенькамъ и привязываетъ къ позорному столбу. На груди у преступника виситъ черная дощечка съ бѣлой надписью: „убійца“. Онъ теперь на виду у всѣхъ. Бритая голова какъ-то безсильно склонилась къ лѣвому плечу, побѣлѣвшія губы судорожно шевелятся, а сѣрые, большіе, остановившіеся глаза смотрятъ и ничего не видятъ. Онъ безконечно жалокъ сейчасъ, этотъ душегубъ, и толпа впивается въ него тысячью жадныхъ глазъ, та обезумѣвшая отъ этого зрѣлища толпа, которая всегда и вездѣ одинакова.

Выступаетъ впередъ какое-то начальство и невѣрнымъ голосомъ читаетъ приговоръ дореформеннаго суда. Слышатся обрывки какихъ-то деревянныхъ казенныхъ фразъ, жесткихъ и безжалостныхъ, какъ тѣ веревки, которыми привязанъ сейчасъ преступникъ къ столбу. Снѣгъ продолжаетъ падать мягкими хлопьями и своей невинной бѣлизной покрываетъ черное пятно эшафота. Это придаетъ всей картинѣ какую-то трагическую простоту. Голова преступника склоняется совсѣмъ на грудь къ концу чтенія приговора и только потомъ, когда Аѳонька подходитъ къ столбу, она поднимается и смотритъ своими остановившимися глазами. Аѳонька театральнымъ жестомъ отвязываетъ его, на ходу срываетъ арестантскій халатъ и какъ-то бросаетъ на черную деревянную доску, приподнятую однимъ концомъ — это знаменитая „кобыла“. Аѳонька съ артистической ловкостью захлестываетъ какіе-то ремни, и надъ кобылой виднѣется только одна бритая голова.

— Берегись, соловья спущу, — вскрикиваетъ Аѳонька, замахиваясь плетью.

Я не буду описывать ужасной экзекуціи, продолжавшейся всего съ четверть часа, но эти четверть часа были цѣлымъ годомъ. Въ воздухѣ висѣла только одна дребезжавшая нота: а-а-а-а-а!.. Это былъ не человѣческій голосъ, а вопль—кричало все тѣло... Впрочемъ, Аѳонька, какъ объяснилъ потомъ всевѣдущій мѣщанинъ съ запахомъ сыромятной кожи, не наказывалъ, а только „мазалъ“, сберегая силы для слѣдующаго номера, составлявшаго гвоздь всего представленія.

Выведенный на эшафотъ Голоуховъ держалъ себя съ отчаянной смѣлостью и, привязанный къ столбу, смотрѣлъ на толпу смѣлыми темными глазами, чѣмъ сразу подкупилъ всѣхъ. Онъ красиво раскланялся на всѣ четыре стороны, прежде чѣмъ лечь на „кобылу“, и вообще „форсилъ“ до послѣдней минуты. Это былъ здоровенный и рослый дѣтина среднихъ лѣтъ.

Опять предупреждающій окрикъ палача, страшный свистъ плети и ни звука въ отвѣтъ...

— Молодецъ!—крикнулъ какой-то голосъ изъ толпы.

Но довольно...

3.

„Наказаніе грѣшниковъ“ послужило темой для разговоровъ на цѣлую недѣлю. Особенно волновался хозяинъ того дома, въ которомъ мы квартиро-

вали школьниками. Это былъ типичный мѣщанинъ, по фамиліи Затыкинъ. Чѣмъ онъ существовалъ—трудно сказать, и всего меньше, вѣроятно, могъ бы объяснить онъ самъ. По временамъ онъ пропадалъ, потомъ таинственно возвращался съ подбитымъ глазомъ или подвязанной щекой. Иногда являлась полиція и уводила его, но черезъ нѣкоторое время Затыкинъ неизмѣнно возвращался на свое пепелище и почему-то считалъ необходимымъ, въ видѣ очистительной жертвы, исколотить жену. Онъ чѣмъ-то приторговывалъ, комиссіонерствовалъ, пѣлъ по воскресеньямъ на клиросѣ, принимался за все въ качествѣ спеціалиста и, между прочимъ, принималъ ближе всего къ своему сердцу кровавую работу палача Аѳоньки. Для Затыкина этотъ заплечный мастеръ былъ идеаломъ всяческаго геройства и неистощимой темой для разговоровъ. Конечно, Затыкинъ бѣгалъ на каждое наказаніе „грѣшника“ и глазомъ спортсмена слѣдилъ за каждымъ движеніемъ своего идола. Онъ по первому взгляду опредѣлялъ приблизительный исходъ экзекуціи, что̀ зависѣло прежде всего отъ настроенія Аѳанасія Иваныча.

— Какъ лѣвую руку заложилъ за спину — шабашъ. Пиши впередъ поминанье... А ежели, напримѣрно, потряхиваетъ Аѳанасій Иванычъ головкой— ну, тогда счастье грѣшнику. Вѣдь онъ что̀ угодно можетъ сдѣлать плетью: положи листъ почтовой бумаги на спину грѣшника, размахнется со всего плеча, ударитъ—и листъ цѣлешенекъ останется, а въ другой разъ пополамъ можетъ расшибить, ежели растравится. Онъ плетью-то какъ на скрипкѣ играетъ. Самъ Аѳанасій-то Иванычъ изъ настоящихъ природныхъ разбойниковъ. Любовницу зарѣзалъ...

Случай съ Голоуховымъ, который не издалъ звука подъ плетью Аѳанасія Иваныча, произвелъ въ душѣ Затыкина самое горестное раздвоеніе. Звѣзда Аѳанасія Иваныча какъ будто померкла... Это былъ еще первый случай, что грѣшникъ всенародно осрамилъ чистую работу знаменитаго заплечнаго мастера. И въ самомъ дѣлѣ обидно: Аѳанасій Иванычъ полысаетъ плетью со всего плеча, а грѣшникъ молчитъ. Съ другой стороны, геройство грѣшника сильно подкупало Затыкина и подкупало противъ его воли, такъ что онъ цѣлый день скребъ у себя въ затылкѣ и ругался въ пространство.

— Да, вышла ошибочка...—бормоталъ Затыкинъ.

Затыкинъ принимался для успокоенія за цѣлый рядъ дѣлъ—что-то строгалъ, таскалъ какія-то веревки, приволокъ откуда-то жердь и кончилъ тѣмъ, что совсѣмъ разсердился, плюнулъ на все, вышелъ за ворота, сѣлъ на скамеечку и сталъ выжидать, на комъ бы сорвать сердце.

По нашей улицѣ дѣлалъ ежедневную прогулку сѣдой старичокъ—докторъ изъ ссыльныхъ поляковъ. Онъ ходилъ зиму и лѣто, держа шляпу въ рукѣ, повторялъ каждую фразу и слылъ за человѣка тронутаго. Уличные мальчишки дразнили его однимъ словомъ: „палочки! палочки!..“. Молва говорила, что несчастный помѣшался, присутствуя по обязанности въ качествѣ врача при наказаніи шпицрутенами. Онъ частенько останавливался у нашихъ воротъ и разговаривалъ съ Затыкинымъ. Старикъ впадалъ въ старческую болтливость. Завидѣвъ доктора, Затыкинъ встрепенулся.

— Вашему высокоблагородію сорокъ одно.

— А, здравствуй...—добродушно здоровался докторъ.—Да, здравствуй.

Потомъ онъ досталъ изъ кармана старинную черепаховую табакерку съ портретомъ какой-то дамы и любезно предложилъ Затыкину, который съ ожесточеніемъ курилъ, нюхалъ и даже жевалъ табакъ. Сдѣлавъ самую отчаянную понюшку, точно у него въ носу была спрятана пожарная машина, Затыкинъ сейчасъ же началъ коварный разговоръ.

— Аѳанасій-то Иванычъ, ваше благородіе, какъ сегодня острамился... дда-а!..

— Какой Аѳанасій Иванычъ? Какой Аѳанасій Иванычъ?

— А палачъ нашъ.

Докторъ только хотѣлъ присѣсть на лавочку рядомъ съ Затыкинымъ, какъ одно слово „палачъ“ заставило его вскочить, и добродушное лицо доктора приняло такое жалкое и испуганное выраженіе.

— Палачъ? Да, палачъ...—растерянно бормоталъ онъ.—Нѣтъ, не нужно... Пожалуйста, не нужно.

Но Затыкинъ былъ неумолимъ. Онъ взялъ старика за бортъ его ветхаго осенняго пальто и заставилъ выслушать всю исторію сегодняшнаго наказанія грѣшниковъ, услащенную спортсменскими комментаріями. Докторъ весь съежился и даже закрылъ глаза.

— Не нужно, не нужно.

— Нѣтъ, вы мнѣ объясните, ваше благородіе, какъ это самое дѣло могло случиться? Вѣдь у Аѳанасія Иваныча ручка-то... дда! А Голоуховъ даже не пикнулъ... Я такъ полагаю, что не иначе это дѣло, что Голоуховъ слово такое знаетъ: Аѳанасій Иванычъ его полосуетъ, а Голоуховъ свое слово говоритъ. Опять же и то, что настоящій природный разбойникъ, а не дрянь какая-нибудь, слякоть.

— Оставьте меня, оставьте меня...—умолялъ докторъ.

Докторъ кое-какъ вырвался отъ Затыкина и торопливо зашагалъ по деревянному тротуару, на ходу отмахиваясь рукой, точно старался кого-то отогнать отъ себя.

— Ваше благородіе, вѣдь вы еще при зеленой улицѣ состояли дохтуромъ и можете вполнѣ соотвѣтствовать!—крикнулъ вдогонку Затыкинъ.

Старикъ остановился, весь затрясся и началъ браниться. Въ этотъ моментъ мы окружили его цѣлой гурьбой и съ мальчишеской жестокостью загикнули хоромъ:

— Палочки!.. палочки!.. палочки!..

Мы были свидѣтелями предшествовавшей сцены, и всѣ наши симпатіи впередъ были на сторонѣ Затыкина. Мы уже давно прониклись философіей настоящаго разбойника и настоящаго заплечнаго мастера.

— Палочки!.. палочки!..

Нужно было видѣть, что̀ дѣлалось съ сморщеннымъ и желтымъ лицомъ старика. Недавній гнѣвъ смѣнился опять страхомъ, потомъ страхъ перешелъ въ сожалѣніе, потомъ... потомъ случилось то, чего мы никакъ не ожидали.

— Подойдите ко мнѣ, дѣтки... — съ глухими слезами въ голосѣ заговорилъ онъ.—Сюда, ближе... Были вы *тамъ*... да?.. Видѣли палача и разбойника и плети?..

У него перехватило духъ, но онъ собралъ послѣднія силы и задыхавшимся голосомъ проговорилъ:

— Дѣти, вы видѣли величайшее зло и позоръ... да... Но ваши дѣти уже этого не увидятъ... Можетъ-быть, будетъ хуже... очень можетъ быть... Но свою жестокость люди не будутъ выносить на площадь, а будутъ ее творить тайно... И это великое дѣло, когда люди уже стыдятся явной жестокости... Да, великое... Вотъ вы уже не увидите того, что̀ я видѣлъ, а ваши дѣтки не увидятъ того, что̀ вы видѣли, а дѣти вашихъ дѣтей, быть-можетъ...

Докторъ махнулъ своей шапкой и зашагалъ отъ насъ, не досказавъ, что̀ могутъ увидѣть дѣти нашихъ дѣтей.

1895.

ДРУЖКИ.

Очеркъ.

I.

Почти на границѣ съ Тобольской губерніей, гдѣ рѣка Ница впадаетъ въ Туру, раскинулось богатое Сосногорское село—бывшая ямская слобода. Здѣсь крайній предѣлъ Пермской губерніи, а дальше уже начинается „немшоная Сибирь“, уголовная сестра матушки Расеи. Въ Сосногорскомъ грудились все „естевые“ (зажиточные) мужики—и земли много, а главное, проходилъ здѣсь сибирскій трактъ на Ирбитъ. По зимамъ, когда закипала ирбитская ярмарка, по всему тракту „стономъ стонъ стоялъ“. Кто извозомъ промышлялъ, кто держалъ постоялые дворы для обозовъ, и всѣ безъ исключенія были „дружки“, т.-е. при случаѣ возили проѣзжавшихъ на ярмарку и съ ярмарки сибирскихъ купцовъ. Собственно въ Сосногорскомъ не было станціи, но у „дружковъ“ былъ свой маршрутъ, и они предоставляли ихъ степенства прямо изъ воротъ въ ворота, сдавая роднымъ и знакомымъ. Такіе порядки установились сыспоконъ вѣка, и обѣ стороны находили ихъ выгодными: казеннымъ трактомъ ѣхали чиновники, а у купцовъ была своя линія. Сосногорскіе дружки славились своей лихой ѣздой, а купцы не жалѣли давать на водку, особенно когда дѣло было спѣшное.

Изъ всѣхъ сосногорскихъ дружковъ выдѣлялся старикъ Кожинъ. Въ селѣ онъ пользовался нехорошей славой, хотя опредѣленнаго никто ничего и не могъ сказать про него, а такъ просто—нехорошая слава. Старики помнили еще, когда Кожинъ былъ бѣднякомъ и околачивался на краю села въ проваленной избенкѣ. Всѣхъ животовъ у него была пара лошадей, на которыхъ онъ возилъ „проѣзжающихъ купцовъ“, какъ и всѣ другіе. А потомъ какъ-то вдругъ Кожинъ сталъ богатѣть, поставилъ новую избу, завелъ цѣлый табунъ лошадей и вошелъ въ славу, какъ обстоятельный и богатый мужикъ. Тѣ, кто остались „середка на половинѣ“, много судачили относительно этого скораго богатства, но чужая брань на вороту не виснетъ,—мало ли что̀ изъ зависти люди говорятъ. Въ описываемое нами время Кожинъ уже пережилъ свою худую славу, потому что забралъ помаленьку все село въ руки, и болтуны частенько одолжались у него. У кого лошадь падетъ, кому избу поставить, кому поручительство на доставку кладей—всѣ лѣзли къ Ермилу Ефимычу и рѣдко уходили съ пустыми руками. А худая слава все-таки оставалась: откуда у дружка такія деньги взялись? Конечно, на тракту мало ли лихихъ людей: кто лошадями краденными промышляетъ, кто цибики съ чаемъ срѣзываетъ, кто вообще не любитъ, чтобы плохо лежало, но за Кожинымъ никакого такого „качества“ не было. Просто, взялъ да и разбогатѣлъ невпримѣръ другимъ

прочимъ и всю семью на ноги поставилъ. У старика было пять сыновъ, всѣ какъ на подборъ, молодецъ къ молодцу, и у всякаго свое хозяйство, полное обзаведеніе и деньги про черный день. Но сыновья были ни при чемъ, а оставался въ подозрѣніи у односельчанъ одинъ старикъ. И видъ у него былъ, какъ у волка,—лицо все заросло щетинистой бородой, сѣдыя брови нависли надъ глазами, сѣрые глаза смотрѣли исподлобья. Изъ себя старикъ былъ не великъ, но крязкистъ и жиловатъ, какъ другое смолевое дерево. Говорилъ онъ мало, а только ухмылялся въ свою широкую бороду. Вообще, чортъ—не чортъ, а около того...

Стоялъ апрѣль въ началѣ. Ребятишки уже ждали скворцовъ. Послѣдній санный путь, избитый ярмарочными ухабами, почернѣлъ и по ночамъ покрывался ледянымъ черепомъ. „Дорога отошла“, какъ говорили дружки, и только изрѣдка мимо деревни пробирались послѣдніе обозы. Сосногорскіе дружки жалѣли лошадей и не маяли ихъ по послѣднему пути, благо послѣ ярмарки всѣ успѣли заправиться, кто и чѣмъ успѣлъ. Село отдыхало, и по вечерамъ на завалинкахъ собирались почти всѣ мужики погалдѣть и посудачить.

Въ первыхъ числахъ выпалъ за ночь снѣжокъ. Утромъ выяснило, и дорога поправилась. Конечно, это былъ гнилой весенній снѣгъ, который пронадалъ отъ перваго солнышка. Къ вечеру снѣгъ опять пошелъ мокрыми хлопьями и покрылъ все кругомъ, точно саваномъ. Старикъ Кожинъ, какъ всегда, вышелъ на завалинку и сидѣлъ, какъ ястребъ, поглядывая на пустую улицу. Все у него есть, дѣлать нечего,—отчего и не посидѣть. Сидитъ старикъ часъ, сидитъ другой. Улица точно умерла, и только около кабака толчется подгулявшій народъ.

„Экъ обрадовались, черти...—думаетъ Кожинъ, слѣдя глазами за падавшими снѣжинками.—Дали бы отдохнуть водкѣ-то хоть послѣ ярманки“.

Кабакъ былъ недалеко отъ волости, и старику видно было, кто входилъ и выходилъ въ распахнутую настежь дверь. Вонъ Никита Челышевъ праздноетъ, хороши тоже брательники Мутовкины—какъ опоеные телята шарашатся у кабака. А вонъ кто-то незнакомый вышелъ—это былъ шерстобитъ, возвращавшійся съ зимнихъ заработковъ во-свояси, куда-нибудь въ Вятскую губернію.

„Конечно, шерстобитъ... — думаетъ Кожинъ, прищуривая глаза.—Вонъ и музыку свою волокетъ. Ишь, какъ натрескался...“

Выпившій съ устатку шерстобитъ дѣйствительно сильно покачивался и выдѣлывалъ своими вятскими лаптями какія-то заячьи петли. „Продувной народъ,—думаетъ Кожинъ:—не гляди, что на немъ лапти, а самъ, поди, въ котомкѣ рублей полтораста волокетъ... Знаемъ мы ихъ, лапотниковъ!“ Поровнявшись съ избой Кожина, шерстобитъ остановился, чтобы перевести духъ.

— Ай обезпожилъ?—спрашивалъ Кожинъ, довольный случаемъ перекикуться словечкомъ съ живымъ человѣкомъ.

— Чажало, братанъ...—по-своему отвѣтилъ шерстобитъ, ухмыляясь блаженной улыбкой.

— Ну, такъ присядь: мѣста не просидишь. Дальній будешь?

— А изъ Слободского уѣзда, значитъ.

— Вятскій пимъ *)?

— Онъ самый... Все шелъ, все шелъ—ничего, и потомъ завернулъ въ кабакъ и ослабѣлъ. Дюже ослабѣлъ, братанъ...

— Найми подводу, коли ослабѣлъ.

---

*) Вятскихъ крестьянъ называютъ пимами,—это считается почему-то обидной кличкой. Пимъ—валенки.

— Купило-то у насъ притупило. Плохая наша работа по нонѣшнимъ временамъ. Прежде-то наши шерстобиты домой выхаживали къ Святой по сотнѣ, по полторы сотни, а нонѣ угоришь и на тридцати рубликахъ.

— Ну, отводи глаза кому другому... Знаемъ мы васъ, лапотниковъ. Хошь, я тебя самъ свезу? Мнѣ все одно надо на Оконшину ѣхать: лошадь себѣ присмотрѣлъ тамъ... виноходный меринъ.

Шерстобитъ былъ весь какой-то сѣрый, какъ большинство вятскихъ крестьянъ. Еще молодое лицо глядѣло какими-то бѣлыми глазами, мочальнаго цвѣта бороденка скаталась, изъ-подъ войлочной шапки лѣзли прямыя пряди бѣлокурыхъ волосъ. Предложеніе Кожина почему-то и разсмѣшило его и вмѣстѣ подзадорило: ты думаешь, мы и ѣздить не умѣемъ, сѣдая твоя борода?

— Запрягать, что ли, коней-то?—подзадоривалъ старикъ.—Но снѣжку-то лихо подкатимъ.

Прислонивъ свою шерстобитную „балалайку“ къ избѣ, шерстобитъ началъ торговаться. Въ окно избы высунулась повязанная краснымъ платкомъ голова молодайки,—изъ пяти сыновей неотдѣленнымъ при старикѣ жилъ одинъ меньшакъ. Вслушавшись въ разговоръ, молодайка рѣшилась вставить свое бабье слово:

— Чтой-то, тятенька, ты и надумашь: ѣхать на ночь глядя...

— А тебя кто спрашиваетъ?—огрызнулся старикъ.—Не твоего ума дѣло...

Голова молодайки скрылась.

— Я тебѣ, мотри, почтенный, стаканъ водки поднесу,—хвастался шерстобитъ, подзадоренный старикомъ.

— Ну, я не потребляю ее, твою водку...

Договоръ состоялся, и старикъ пошелъ запрягать лошадей. Вся ямщицкая снасть всегда у него была въ порядкѣ, и обрядить пару стоявшихъ въ конюшнѣ лошадей было минутное дѣло, но старикъ что-то долго конался и раза три снялъ дугу. Шерстобитъ сидѣлъ на крыльцѣ и разговаривалъ самъ съ собой:

— Отчего же и не проѣхать, ежели, напримѣръ, человѣкъ ослабѣетъ,—не все купцамъ да чиновникамъ ѣздить.

На крыльцѣ нѣсколько разъ показывалась старуха, жена Кожина, и съ безпокойствомъ слѣдила за сборами старика. Заговорить она не рѣшалась, а только жалостливо смотрѣла на бунчавшаго, какъ шмель, шерстобита,—вотъ нелегкая принесла человѣка, а старикъ точно сбѣсился. Какъ на грѣхъ, и меньшака не случилось дома—некому и разговорить старика. Старуха поджидала, когда мужъ войдетъ въ избу оболокаться, чтобы сказать ему свое женино слово.

— Тета, а тета... дай испить,—просилъ ее шерстобитъ.

— Кваску тебѣ, что ли?

— Давай квасу... ослабѣлъ я...

Пока старуха ходила за квасомъ, старикъ успѣлъ одѣться по-дорожному. Молодайка выскочила за нимъ на крыльцо, но тоже ничего не посмѣла сказать,—старикъ по-своему баловалъ ее, но она боялась его, какъ огня. Всѣ снохи не долюбливали его именно за это: угонитъ сына въ дорогу, а самъ за снохой и ходитъ. Забитая старуха ничего не могла даже замѣтить отъ себя, и молодыя бабы отбивались своими бабьими силами. Попроще оказалась вторая сноха, и деревенская молва выпучивала ее на всѣ лады.

— Вѣдь поѣхалъ-таки...—шептала старуха, когда кошевка въ сумерки тронулась со двора.

Она долго что-то шептала про себя, крестилась и вообще безпокоилась. Чего бы не попритчилось, перовенъ часъ, да и старикъ скрутился какъ-то вдругъ, точно его укололо.

II.

Старикъ вернулся поздно ночью, самъ прибралъ лошадь и, не спросивъ ужинать, залѣзъ спать на полати. Старуха слышала все, но голосу не подала,—она боялась мужа и только тяжело вздыхала.

Прошло недѣли три. Весна брала свое, снѣгъ давно стаялъ и, какъ говорили, тронулись рѣки по вершинамъ. Сибирскія рѣки начинаютъ ледоходъ съ истоковъ, потому что тамъ теплѣе. Ница и Тура посинѣли, надулись, и со дня на день ждали полой вешней воды. Старый Кожинъ спрашивалъ каждаго проѣзжающаго, какъ и гдѣ прошли рѣки,—это его очень занимало. Разъ, когда онъ вечеромъ сидѣлъ на своей завалинкѣ, проѣзжавшій мужичонка изъ сосѣдней деревнишки остановился у кабака, и около него собралась толпа народа.

— Что такое сдѣлалось?—спрашивалъ Кожинъ, когда народъ побѣжалъ мимо него къ кабаку.

— Неладно, Ермилъ Ефимычъ: мертвяка нашли въ Красномъ Яру...

— Н-но-о?..

— А мужикъ сказываетъ... Въ болость, слышь, заявленіе сдѣлалъ. Значитъ, въ самомъ Красномъ Яру...

— Охъ, охаверники!—обругался Кожинъ.

Онъ пошелъ вмѣстѣ съ другими къ кабаку. Мужичонка стоялъ на крыльцѣ и десятый разъ разсказывалъ напиравшей на него толпѣ, какъ онъ ѣхалъ мимо Краснаго Яра и наткнулся на мертвяка—лежитъ сердечный, какъ былъ, въ лаптяхъ, а лица нѣтъ. Голова разбита, а лицо изрублено. Котомочка около валяется.

— То-то подлецы!..—ругался громче всѣхъ Кожинъ, размахивая руками.— Кто-нибудь подкинулъ намъ мертвяка, потому въ нашихъ мѣстахъ этакими дѣлами не займутся.... Въ лаптяхъ, говоришь?..

— Чужестранный какой-нибудь, изъ расейскихъ...

— Восетта шерстобитъ проходилъ въ лаптяхъ-то,—замѣтилъ неизвѣстный голосъ въ толпѣ.

Всѣ волостные подняты были на ноги: дѣло случилось необычное, и безъ станового не обойдешься. Первымъ дѣломъ, полицейское дознаніе. Волостные старички только крякхтѣли: наѣдетъ становой Циркулевъ, тогда не развяжешься съ мертвякомъ.

— Кто-нибудь подкинулъ,—настаивалъ Кожинъ въ волости.

Онъ попалъ въ число понятыхъ, когда пріѣхало начальство. Становой остановился у него, и они поѣхали на мѣсто происшествія вмѣстѣ. До Краснаго Яра было всего верстъ десять. Зимой здѣсь мало ѣздили, потому что былъ крутой спускъ, а зимнякъ пролегалъ прямо черезъ болото. Если бы мужичонка, проѣхавшій по лѣтней дорогѣ первымъ, запоздалъ на одинъ денекъ, мертвяка унесло бы полой водой, которая заливаетъ Яръ.

— Вѣдь вотъ чортъ понесъ человѣка... — ворчалъ Кожинъ, когда они подъѣзжали къ Яру.

— Не нравится?—шутилъ становой, чувствовавшій поживу.—Давно я у васъ не бывалъ...

— Что же, живемъ мы тихо и смирно, слава Богу, ваше благородіе... Никакихъ качествъ за нами нѣтъ...

— Разговаривай... А законъ знаешь?

— Конечно, законъ, оно точно: законъ требуетъ порядка.

Когда плетеный коробокъ, заложенный парой сытыхъ доморощенныхъ лошадей, подкатилъ по размякшей, избитой еще осенними колдобинами дорогѣ

къ Яру, Кожинъ, прицурившись, поглядѣлъ кругомъ и какъ-то печально проговорилъ:

— Вонъ какъ разыгралась матушка Ница... На версту, поди, разлилась.

Рѣка, дѣйствительно, разыгралась на славу. Хозяйственный глазъ старика порадовался за поемные луга, скрытые сейчасъ подъ водой, — сойдетъ, Богъ дастъ, вешнина, обсушитъ солнышко, и займется луговая трава по поясъ. Но эти хозяйственныя мысли, какъ птицы, сейчасъ же были спугнуты настоящимъ. На бережку, у самой воды, подъ рогожкой, лежалъ мертвякъ, а около, въ шалашикѣ, сидѣлъ слѣпой и глухой старикъ сторожъ Акимычъ. Трупъ уже разлагался, и понятые старались держаться отъ него подальше...

— Ну, милые, надо все *по закону*...—заговорилъ становой, вылѣзая изъ плетушки.—Всѣ кости измяло, всѣ суставы вытянуло, а нельзя: законъ.

Мертвякъ представлялъ собой обезображенный трупъ. Крестьянская одежда, лапти и котомка свидѣтельствовали, что это простой человѣкъ.

— Бродяжка какой-нибудь,—замѣтилъ Кожинъ, сторонясь отъ трупа.—Свои же бродяжки, поди, порѣшили да подкинули... Мало ли ихъ по веснѣ изъ Сибири въ Расею идетъ. Варнаки, одно слово...

— А лицо зачѣмъ изсѣчено?—замѣтилъ становой.—Нѣтъ, тутъ дѣло не бродяжкой пахнетъ...

Въ котомкѣ оказался разный хламъ — перемѣна бѣлья, клубокъ съ нитками, шило, дратва, новыя рукавицы. Становой искалъ паспорта, но такового не оказалось. Составили протоколъ осмотра, записали показанія понятыхъ, и тѣмъ дѣло на первый разъ кончилось. Мужики посудачили, покачали головами и разошлись, а Кожинъ все смотрѣлъ на рѣку и нѣсколько разъ повторялъ:

— Ишь какъ разыгралась, матушка...

Становой приставилъ къ мертвяку новый караулъ, принялъ „благодарность“ и уѣхалъ, обѣщая навѣстить вскорѣ вмѣстѣ съ „слѣдственникомъ“. Въ Сосногорскомъ только и разговору было, что̀ о мертвякѣ. Стоустая молва въ голосъ повторяла, что это тотъ самый шерстобитъ, котораго Кожинъ возилъ по послѣднему пути. Конечно, лица „не знать“, но нашлись памятливые люди, которые узнали и лапти, и понитокъ, и кожаный ремешокъ вмѣсто опояски. Мужицкая память крѣпкая, и достаточно пройти человѣку по улицѣ, чтобы черезъ мѣсяцъ разсказали вамъ всѣ его мельчайшія примѣты и особенности въ костюмѣ. Такая памятливость объясняется, разъ, наблюдательностью неграмотнаго человѣка, который не надѣется на записную книжку, а потомъ бѣдностью деревенскихъ впечатлѣній,—всякое новое лицо оставляетъ по себѣ прочный слѣдъ. Кромѣ этого, молва тоже, какъ одинъ человѣкъ, рѣшила, что шерстобита „ухайдакалъ“ не кто другой, какъ старикъ Кожинъ, причемъ ему поставили въ вину прежнюю худую славу.

Когда наѣхалъ слѣдователь съ докторомъ и становымъ, первая половина этихъ предположеній подтвердилась неопровержимымъ образомъ—въ кустахъ нашли шерстобитную „балалайку“, а около нея клочки разорванной бумаги. Когда эти послѣдніе были собраны и сложены, получился паспортъ вятскаго крестьянина, того самаго шерстобита, котораго возилъ Кожинъ. До слѣдователя дошла слава объ этомъ Кожинѣ, но какъ заподозрѣть самаго богатаго и обстоятельнаго мужика въ такомъ дѣлѣ,—если бы и убить, такъ кого побогаче, а то съ шерстобита немного возьмешь. Могла быть простая случайность: повезъ старикъ шерстобита въ Окоптино, а тамъ его убили и подбросили на половинѣ дороги. Слѣдователя больше всего интересовалъ фактъ, что лицо убитаго обезображено и что паспортъ взятъ изъ котомки и разорванъ—такъ

могла поступить только опытная и знающая рука. Послѣ долгихъ проволочекъ и перекрестныхъ допросовъ старикъ Кожинъ привлеченъ былъ, наконецъ, къ слѣдствію. Но онъ держалъ себя съ такимъ достоинствомъ и спокойствіемъ, что даже опытный слѣдователь поколебался—прямыхъ уликъ нѣтъ, а оговорить могутъ и невиннаго человѣка.

— Помилуйте, станетъ онъ руки марать изъ-за сотни рублей,—отстаивалъ становой Кожина:—у него своихъ тысячъ двадцать... Первый мужикъ, однимъ словомъ!

— Однако все-таки...—сомнѣвался слѣдователь.

— Какъ знаете, а я къ слову...

Слѣдователь послѣ извѣстнаго колебанія остановился окончательно на Кожинѣ: конечно, убилъ шерстобита онъ, но по какому поводу — это оставалось неразрѣшимымъ. Да и старикъ не выдавалъ себя ни однимъ движеніемъ: мало ли онъ на своемъ вѣку разнаго народа перевозилъ... Обстановка всего дѣла убѣждала слѣдователя въ противномъ: обезображеніе лица, разорванный паспортъ, расчетъ на весенній разливъ, который могъ смыть всѣ слѣды преступленія, наконецъ старанія Кожина свалить вину на бродягъ или на крестьянъ сосѣдней деревни. Но, несмотря на все это, являлась мысль: а если все это случайныя совпаденія, и пострадаетъ невинный человѣкъ.

Изъ этой путаницы всѣхъ выручилъ случай, неожиданно объяснившій психологическую подкладку дѣла. Когда слѣдователь привлекъ старика Кожина въ качествѣ обвиняемаго, то приходилось или отправить его въ тюрьму, или до суда сдать кому-нибудь на поруки. Изъ однодеревенцевъ никто не изъявилъ желанія сдѣлать послѣднее, а когда слѣдователь обратился къ сыновьямъ подсудимаго, то всѣ четверо отказались наотрѣзъ. Это разрѣшило послѣднія сомнѣнія слѣдователя, а самъ Кожинъ вдругъ съежился и упалъ духомъ.

— Ну, что ты думаешь теперь, старикъ?—спрашивалъ слѣдователь.

— Судите по закону, а я знать ничего не знаю...—повторялъ Кожинъ.

Оставался послѣдній сынъ меньшакъ, жившій вмѣстѣ съ отцомъ. Видимо, Кожинъ разсчитывалъ на него, но и тотъ отказался,—этотъ ударъ былъ послѣднимъ. На старика напало какое-то бѣшенство.

— А когда такъ... противъ родного отца, то пусть я буду убивецъ...—заявилъ онъ съ азартомъ.—Мое дѣло, вашескородіе... Покорыстовался, порѣшилъ шерстобита. Старое это у меня ремесло, потому какъ еще раньше, когда дружкомъ ѣздилъ, такъ, можетъ, до десятка купцовъ въ Красномъ Яру покончилъ. Выѣду изъ села и скажу: „а тутъ, ваше степенство, ближняя дорожка есть“... Пустое самое слово, а всякому лестно. Такъ и порѣшишь, а весной вода унесетъ мертвяка... Что касаемо шерстобита, такъ это ужъ, видно, роковой человѣкъ подвернулся. Самъ не знаю, какъ оно все вышло: вижу — человѣкъ чужестранный идетъ, ну меня и потянуло, и потянуло... Точно оболокомъ обнесло: лошадей запрягаю, а у самого руки трясутся.

III.

Увезли Кожина въ городъ и посадили въ острогъ. Сидитъ старикъ недѣлю, сидитъ другую, третью... Два раза вызывали къ слѣдователю, но новаго онъ ничего не могъ сказать. Въ камерѣ много арестантовъ и все точно свой народъ, а Кожинъ чужой. Его же на смѣхъ подымаютъ: богатый мужикъ, а позарился на шерстобита. Другіе сыновьями покоряютъ: хорошъ, видно, отецъ, что родныя дѣти заживо отказались. Слушаетъ Кожинъ и молчитъ. Вѣдь онъ и повинился, чтобы насолить сыновьямъ, пусть начальство отбираетъ отъ нихъ

грабленое. Все его работа была, онъ и въ отвѣтѣ... Только когда острожные юристы объяснили ему, что имущество не отберутъ отъ сыновей, Кожинъ окончательно палъ духомъ и затосковалъ, какъ подстрѣленный ястребъ.

Общая камера большая, но тѣснота отъ народу страшная — негдѣ повернуться. Три рѣшетчатыхъ окна высоко, и въ нихъ, черезъ желѣзный переплетъ, глядитъ лѣтнее синее небо. Ахъ, хорошо теперь тамъ, гдѣ зеленѣютъ на Ницѣ поемные луга. Когда арестанты улягутся по нарамъ и заснутъ, Кожинъ одинъ не спитъ. Тихо-тихо въ цѣломъ острогѣ, и только подъ окномъ мѣрно ходитъ часовой. Закроетъ старикъ глаза и не можетъ заснуть. Все ему проклятый шерстобитъ представляется. Каждую ночь онъ приходитъ сюда и мучитъ убивца, а Кожинъ думаетъ, думаетъ, думаетъ... Все ему Красный Яръ представляется, да и вся его жизнь. Бѣдный былъ человѣкъ, тяжело было, и тоже думалъ, какъ бы поправиться, какъ бы нажить деньгу... Въ дружкахъ немного выѣздишь. Въ первый разъ выпалъ ему случай зря. Везетъ онъ сибирскаго купца пьяненькаго. Дорога большая, ярмарочная — ничего съ нимъ не подѣлаешь. Тогда и блеснула у него мысль. — „Ваше степенство, тутъ ближняя дорога есть“...—„Ближняя? Вези, гдѣ ближе“... Свернулъ онъ къ Красному Яру, дѣло ночное, въ полѣ—ни души. Страшно было поднимать руку на живого человѣка. „Ваше степенство, завертка ослабла“... —„Ну поправляй, коли ослабла“. Слѣзъ Кожинъ съ облучка, повозился у завертки, а потомъ подошелъ къ купцу, да какъ черкнетъ его десятифунтовой гирей по головѣ—тотъ даже не охнулъ, а только ногами задрыгалъ. Только всего и было... Обобралъ онъ его, тѣло спряталъ въ Яру, чтобы полая вода унесла, а денегъ забралъ тысячи три. На другой годъ такъ же уходилъ двоихъ, и все тѣмъ же путемъ: „Ближняя дорога, ваше степенство... завертка ослабла“... И всѣ какъ одинъ, точно малые ребята, поддаются. Потомъ сталъ Кожинъ вести дѣло осторожнѣе: сначала выспроситъ, откуда человѣкъ — если ближній, такъ оставитъ, а если дальній—прикончитъ. Ищи его, дальняго-то, по тракту, когда тысячи народу ѣдутъ. Выискался всего одинъ, съ которымъ пришлось повозиться — и собой худенькій, а жиловатъ оказался. Ударилъ его Кожинъ своей гирей, а онъ какъ вскочитъ, да на него — чуть изъ револьвера еще не застрѣлилъ, да хитрая нѣмецкая штучка дала осѣчку, а кожинская гиря дѣйствовала безъ осѣчекъ.

Всѣхъ ихъ теперь припомнилъ Кожинъ и все удивлялся, какъ просто можно было обмануть человѣка. Такъ, сказалъ пустое слово и бери его... Сколотивъ деньжонки, Кожинъ пересталъ ѣздить въ дружкахъ: пусть сыновья поработаютъ въ свою долю. Все у него было, а вотъ нечистый попуталъ... И тоже какъ все это просто вышло: идетъ пьяненькій шерстобитъ, пошатывается, а Кожинъ сидитъ на завалинкѣ и смотритъ.—„Эй, довезу“... Добро бы деньги большія были, а то такъ, зря, на сотнѣ рублей запутался... И все такъ же, какъ съ богатыми купцами: „Ближняя дорога тутъ есть... завертка“... А тутъ чортъ мужичонку подвернулъ, оретъ: мертвякъ, мертвякъ... Не умѣлъ, значитъ, концовъ схоронить. Лежитъ Кожинъ и думаетъ, какъ слѣдовало по-настоящему сдѣлать—привезъ бы котомку съ собой и „бандуру“ да въ печь, а мертвяка снѣжкомъ бы засыпать сверху... Каждую ночь Кожинъ думаетъ все объ одномъ, точно онъ каждую ночь убиваетъ этого шерстобита. Страшно ему дѣлается, въ глазахъ кровь, а тамъ каторга, кандалы...

Въ острогѣ Кожинъ высидѣлъ полгода. Когда назначено было разбирательство его дѣла въ окружномъ судѣ, онъ ночью повѣсился — разорвалъ рубаху, сдѣлалъ жгутъ, прицѣпилъ его къ оконной рѣшеткѣ, и дѣлу конецъ.

1889.

КРАСНОЕ ЯИЧКО.

Эскизъ.

1.

Старикъ Силантій Кряжовъ болѣлъ довольно распространеннымъ недугомъ, именно, жаждой власти. У него все было: домъ—полная чаша, сыновья вышли на выдѣлъ и жили ладно, дочери выданы замужъ въ хорошія семьи, самъ еще былъ въ полной порѣ. Однимъ словомъ, живи и радуйся. Однособоряне его уважали, но почему-то не выбирали Кряжова въ волостное начальство, хотя онъ уже давно состоялъ въ „волостныхъ старичкахъ“. Это его обижало.

— Боятся, что я ихъ всѣхъ подтяну,—утѣшалъ онъ себя. — И подтянулъ бы вотъ какъ... Сдѣлай милость. У меня бы не то было, какъ у Парфена Семеныча. Хоша онъ, Парфенъ-то Семенычъ, самъ же всѣмъ кланяется. Главное, всего боится человѣкъ и передъ всякимъ начальствомъ ужомъ ползетъ. А того не понимаетъ, что надо бояться-то того человѣка, который тебя боится...

Однособоряне, дѣйствительно, побаивались Силантія, какъ человѣка строгаго и „ндравнаго“, на котораго „какъ взглянетъ“. Каждый разъ при выборѣ новаго старшины или старосты они все-таки считали нужнымъ обратиться къ нему.

— Ужъ ты, Силантій Ефтифеичъ, послужи міру-то... Застуна наша будешь передъ начальствомъ. Мы бы за тобой, какъ тараканы за печкой, жили.

— Нѣтъ, братцы, поищите кого-нибудь поумнѣе меня, — отнѣкивался Силантій такъ же притворно.—Гдѣ ужъ мнѣ, неграмотному. Тутъ надо человѣка такого, чтобы онъ вездѣ могъ обернуться — и передъ начальствомъ и передъ обществомъ. Лучше Парфена Семеныча не сыскать. Будемъ его просить. Онъ грамотный.

Парфенъ Семенычъ тоже былъ достаточный мужикъ, но власти совсѣмъ не желалъ и до смерти боялся всякаго начальства, хотя по слабости характера и принималъ бразды правленія. У себя въ волости онъ былъ послѣднимъ человѣкомъ, и писарь Кесаревъ прямо помыкалъ имъ, какъ своимъ подручнымъ. Парфенъ Семенычъ только испуганно отдувался и подписывалъ все, что писарь ему ни подсовывалъ. Село Горки, стоявшее на р. Исети, было большое, дворовъ на пятьсотъ, и хлопотъ волостному правленію было по горло. Да и народъ бойкій, непокладистый, съ которымъ надо было смотрѣть въ оба.

Однако Силантій Кряжовъ все-таки въ концѣ концовъ попалъ въ старшины, несмотря на притворное нежеланіе быть начальствомъ. Да и Парфенъ Семенычъ наотрѣзъ отказался, ссылаясь на свою старость и старческіе недуги.

Но Силантій попалъ въ старшины въ недобрый часъ, именно въ недородъ,— его выбрали ранней весной, а тутъ сейчасъ и недородъ, который охватилъ все Зауралье. Всходы были плохіе, весна стояла холодная, а потомъ навалилась засуха—едва собрали сѣмена. Маломочные мужички сразу пріуныли и еще въ концѣ лѣта начали продавать лишнюю скотину, какъ жеребятъ и телятъ. Осень наступила грозная, а впереди долгая сибирская зима, у которой, по мужицкой поговоркѣ, брюхо велико. Много пришлось Силантію биться съ податями, и онъ не разъ покаялся въ своемъ старшинствѣ, обвиняя во всемъ хитраго Парфена Семеныча, уплевшаго ноги въ самый разъ.

— Зарѣзалъ онъ меня безъ ножа...—ругался Силантій, точно его счастливый предшественникъ могъ знать о недородѣ впередъ.—Вотъ какъ подвелъ, въ самый разъ. Да и писарь Кесаревъ хорошъ... Вотъ тебѣ и „послужи міру“!

Какъ ни старался Силантій, какую строгость ни напускалъ, а податей собрать не могъ. Сразу выросла громадная недоимка, и земскій начальникъ только качалъ головой, приговаривая:

— Какъ же при прежнемъ старшинѣ *этого* не было?

Зима была ужасная. Мало своей горкинской нужды, такъ изъ сосѣднихъ деревень тянулись безъ конца голодные и холодные люди, искавшіе неизвѣстной работы. Бѣда обошла со всѣхъ сторонъ. Положимъ, у самого Кряжова и его сыновей были кой-какіе запасы, но и имъ приходилось туго. Тоже пришлось и скотину продавать, и солому съ крышъ снимать на кормъ, и урѣзывать себя во всемъ. До новаго урожая далеко, хоть самого себя съѣшь. Бабы ходили обозленныя, ребятишки ревѣли съ голода, мужики опустили руки. Нечего говорить, что годовые праздники прошли тихо, а свадебъ почти совсѣмъ не было. Громадное село точно замерло.

— Что же это такое будетъ?—спрашивали всѣ другъ друга.

А тутъ еще дурачокъ Мишка ходитъ по всему селу и кричитъ:

— Пейте воду, мужички и бабы... Охъ, скусна водица!.. И хлѣба не надо, какъ водицы напьешься.

— Это онъ дождливое лѣто накликаетъ, — судачили бабы, угнетенно вздыхая.—Божій человѣкъ, ему открыто...

Особенно тяжело достался всѣмъ Великій постъ, и близившійся Свѣтлый праздникъ никого не радовалъ. Какой ужъ тутъ праздникъ, когда всѣ съ голода пухнутъ. Даже въ избѣ Силантія не было веселой предпраздничной суеты, и его жена, старуха Авдевна, ворчала походя, что и того нѣтъ и этого нѣтъ. Коровы точно сговорились и не давали молока, голодныя куры не хотѣли нести яицъ, и т. д.

— Ну, что дѣлать, какъ-нибудь обернемся,—говорилъ ей Силантій.— Ты подумай, что другимъ-то похуже нашего еще придется...

А тутъ еще бѣда. Дѣло было на Страстной, передъ Свѣтлымъ праздникомъ. Приходитъ Силантій изъ волости сердитый, только хотѣлъ раздѣваться, какъ Авдевна заговорила:

— За рѣкой бродяжки объявились...

— Н-но-о?!..

Старшина даже сѣлъ на лавку, какъ былъ.

— Ребята видѣли...—не унималась Авдевна.

— Зря что-нибудь бабы болтаютъ... Мерещится у нихъ въ глазахъ. Рано еще бродягамъ...

— Вотъ тебѣ и рано... На покосѣ у Спирьки ихъ видѣли. Въ покосной избушкѣ живутъ...

Это извѣстіе ошеломило Силантія. Помилуйте, только вотъ этого еще недоставало... По закону надо ловить бродягъ, а потомъ представить по начальству въ станъ. Да еще вези ихъ въ самую распутицу, когда ни на полозѣ ни на колесѣ не проѣдешь, да еще подъ самый праздникъ. Какія теперь подводы въ деревнѣ,—лошаденки всѣ изморились, еле на ногахъ стоятъ. У старшины всѣ эти мысли промелькнули въ головѣ съ быстротой птицы, и онъ крѣпко выругался.

— Да ихъ надо въ колья, проклятыхъ!.. Чтобы и другимъ неповадно было шляться...

Потомъ у него явилось другое соображеніе, которое еще болѣе его обозлило. Почему бродяги именно въ Горки пришли? Развѣ не стало по Исети другихъ селъ и деревень? Нѣтъ, на-зло лѣзутъ въ Горки. Силантію начало казаться, что бродяги именно ему, Силантію, хотѣли устроить непріятность. Вотъ и пришли прямо подъ Христовъ день. И времечко выбрали, идолы!

— Вотъ что, Авдевна,—заговорилъ онъ, продолжая соображать и такъ и этакъ.—Да, такъ ты тово... вообще... Ежели другія бабы, значитъ, учнутъ высказывать касаемо бродягъ, ты и цыкни на нихъ. Какіе, молъ, вамъ бродяги дались? Ужо вотъ, молъ, старшина-то мой вамъ такихъ бродягъ покажетъ... да... И ребятамъ пригрози... Понимаешь? А я какъ быдто ничего не знаю... Да, не знаю ничего—и конецъ тому дѣлу. Можетъ, они, бродяги эти самые, передохнутъ въ избушкѣ у Спирьки да и уйдутъ своей дорогой дальше, куда имъ слѣдуетъ итти...

Авдевна видѣла, что мужъ безпокоится, и замѣтила:

— Чтой-то, Силантій, ты остребенился такъ? Мало ли бродягъ по Исети шло и въ прежніе годы, при другихъ старшинахъ! Не впервой имъ итти.

— То-то вотъ: при другихъ старшинахъ,—озлился Силантій еще больше, теперь ужъ на жену.—Баба такъ баба и есть, ничего не понимаетъ. При другихъ-то старшинахъ другіе и законы были, а теперь опять другой законъ. Прежде-то бродяги вольной волей шли, а поймаютъ его, ну, на окружный судъ, а окружный судъ и приговариваетъ всѣхъ непомнящихъ родства въ не столь отдаленныя мѣста. Ну, значитъ, въ Западную Сибирь... Поняла?

— Охъ, какъ есть ничего не понимаю, Силантій Ефтифеичъ... Гдѣ ужъ старой бабѣ да еще понимать.

— Ну, и вышла ты круглая дура... Понимаешь: прежде-то бродяжку ссыльно-поселенцемъ сошлютъ и недалеко, а теперь его отсылаютъ прямо на каторгу, на Соколинъ-островъ, чтобы онъ тамъ припомнилъ свою-то фамилію. Теперь вотъ какъ строго съ бродягами, не дай Богъ... Наотвѣчаешься за нихъ предъ начальствомъ. Какъ? почему? по какой-такой притчинѣ? Охъ, грѣха куча!.. А тутъ бабы рты свои разинули: „Бродяги... Бродяги! Ребята видѣли на покосѣ“... Ужъ я покажу этимъ самымъ бабамъ!..

Силантій долго волновался и всячески ругалъ свою старуху, точно она привела бродягъ. Авдевна даже ушла изъ избы, чтобы поплакать въ сѣнцахъ. Совсѣмъ сбѣсился старикъ, на стѣну лѣзетъ...

II.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней старшина Силантій совершенно измучился. Нейдутъ съ ума бродяги и кончено. Даже во снѣ ихъ видѣлъ. Какъ есть каторжные и на него пальцами тычутъ. А тутъ все село, какъ пчелиный улей, такъ и гудитъ о бродягахъ. Когда лысый и беззубый волостной коморникъ Сергѣичъ заикнулся-было о бродягахъ, старшина даже затопалъ на старика ногами:

— Какіе тамъ бродяги, старый чортъ?! Выжили вы всѣ изъ ума, вотъ вамъ и мерещатся бродяги... Я вамъ пок-кажу!..

Писарь Кесаревъ, сдержанный чахоточный субъектъ, привыкъ къ проявленіямъ гнѣва своего начальства и писалъ какую-то бумагу, склонивъ голову на бокъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Тогда старшина накинулся на него:

— А ты чего смотришь? Вмѣстѣ отвѣчать-то будемъ...

— Люди болтаютъ, всѣмъ ротъ не закроешь,—спокойно отвѣтилъ Кесаревъ, не оставляя работы.

— Вотъ всѣ вы такъ-то, обормоты!.. А я за всѣхъ отвѣчай, за всю округу... Охъ, согрѣшилъ я за чужіе грѣхи! Выйду изъ старшинъ, и дѣлайте, какъ знаете!.. Будетъ, наслужился. Пусть другіе потянутъ лямку...

Старшина долго бунтовалъ и ругалъ всѣхъ односельчанъ, которые подводятъ его на каждомъ шагу. Почему при Парфенѣ не было недорода? Лѣнятся, Бога забыли, начальство не уважаютъ,—вотъ тебѣ и недородъ. А тутъ еще бродяги. Пошевели ихъ, а они все село и спалятъ. Народъ отчаянный, имъ все равно—семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ. А свои-то еще похуже чужихъ. Тотъ же старый чортъ Сергѣичъ или писарь Кесаревъ, имъ и горюшка мало,—старшина, молъ, за все отвѣтитъ, ежели что. Охъ, только и народецъ!..

Когда гдѣ-нибудь Силантій слышалъ слово „бродяги“, то сейчасъ же дѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ, или уходилъ. Мало ли что зря народъ болтаетъ... Авдевна слышала отъ бабъ, что бродягъ въ избушкѣ набралось человѣкъ двѣнадцать.

— Молчи, молчи ты, ради Христа!—накидывался на нее мужъ чуть не съ кулаками.—Что я тебѣ говорилъ... а? Ахъ, ты, Господи... Родная жена петлю на шею надѣваетъ...

— Что же, я ничего, Силантій Ефтифеичъ... Ежели бабы...

— Убью!.. слышишь?—неистовствовалъ старшина.—Пальцемъ я тебя, кажется, не трогивалъ, а теперь на мелкія части разорву. Вотъ тебѣ мой сказъ...

Потомъ Силантій придумалъ штуку, чтобы отвести всѣмъ болтунамъ глаза. Онъ самъ началъ разспрашивать о бродягахъ и съ улыбкой говорилъ:

— Ушли всѣ... Мнѣ вѣрный человѣкъ сказывалъ. Да... Отдохнули и ушли вверхъ по Исети... Видѣли ихъ мужички...

Эта выдумка подѣйствовала лучше всего. Начинавшіе волноваться мужики сразу успокоились. Ужъ ежели старшина Силантій говоритъ,—значитъ, дѣйствительно, бродяги ушли. Не будетъ же онъ на свою голову болтать. Мужикъ сурьезный, обстоятельный... И въ самомъ-то дѣлѣ, что имъ дѣлать-то здѣсь, этимъ самымъ бродягамъ? Мужичкамъ самимъ ѣсть нечего, а тутъ цѣлыхъ двѣнадцать ртовъ. Ну, посмотрѣли на чужой голодъ и ушли. Дѣло было ясно, какъ день.

III.

Наступилъ и праздникъ. Въ Христовскую заутреню церковь въ Горкахъ всегда была полна. Такъ было и нынче. Народъ съѣхался изъ сосѣднихъ деревень. Но на лицахъ не было праздничнаго веселья, и праздникъ не походилъ на праздникъ. Особенно унылый видъ имѣли женщины, истощенныя, блѣдныя, точно придавленныя страшной домашней работой, которая не оставляла и въ праздникъ. По наружному виду все было, какъ и всегда: староста Акиноій продавалъ за своимъ прилавкомъ свѣчи, писарь Кесаревъ подпѣвалъ

жиденькимъ чахоточнымъ теноркомъ псаломщику, дурачокъ Мишка стоялъ впереди всѣхъ и торопливо откладывалъ земные поклоны. Старшина Силантій стоялъ на своемъ мѣстѣ у праваго клироса и никакъ не могъ попасть въ праздничное настроеніе. Онъ откладывалъ широкіе кресты, вздыхалъ и думалъ все время о голодномъ лѣтѣ. Какъ-то обсѣются мужички, какъ-то подымутся озими, когда высыплетъ первая весенняя зелень, на которую можно будетъ выгнать изголодавшуюся за зиму скотину. А если весна издастся засушливая и холодная, а лѣто будетъ сырое,—охъ, трудно поправляться, какъ ни поверни. Вчера пріѣзжалъ земскій фельдшеръ и разсказывалъ въ волости, что по деревнямъ пошла какая-то новая болѣзнь—цынга, а ребятишки мрутъ, какъ мухи.

Заутреня была въ половинѣ, когда сквозь толпу протолкался лысый волостной сторожъ Сергѣичъ и дернулъ старшину за рукавъ.

— Чего тамъ?—сурово спросилъ Силантій, недовольный, что его безпокоятъ уже совсѣмъ не во-время.

— Силантій Ефтифеичъ, бродяги-то въ волость пришли...—шепталъ Сергѣичъ.—Я въ окно едва выскочилъ... Какъ разъ подожгутъ или что сдѣлаютъ...

— Н-но-о?!..—изумился Силантій, но сообразилъ, что не нужно булгачить народъ, и сказалъ Сергѣичу:—Ты, смотри, не болтай зря... я ужо сейчасъ самъ пойду.

Выходя изъ церкви, Силантій позвалъ съ собой надежныхъ мужиковъ человѣкъ десять и объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло. Надежные мужики выслушали, почесали въ затылкахъ и рѣшили, что дѣло выходитъ совсѣмъ особенное.

— А много ихъ?—спрашивалъ старшина Сергѣича.

— Едва я убѣгъ чрезъ окно... Болтали ребята, что человѣкъ двѣнадцать ихъ въ избушкѣ живетъ, ну, значитъ, всѣ двѣнадцать и пришли.

У всѣхъ явилась мысль, что эти двѣнадцать бродягъ или село подпалятъ, или кого попало ножомъ полыхнутъ. Имъ вѣдь все равно.

Старшина, какъ начальство, шелъ къ волости впереди и оглядывался по сторонамъ, точно боялся какой засады. Мужики сбились въ одну кучу и подтянули кушаки на всякій случай. Волость стояла недалеко отъ церкви, и всѣхъ удивляла дерзость бродягъ. Придушили бы Сергѣича, разбили сундукъ съ мірскими деньгами и поминай какъ звали.

— Надо, мужички, съ опаской...—шопотомъ проговорилъ Силантій, когда они были уже совсѣмъ близко.—Подходите съ трехъ сторонъ да съ опаской... Эхъ, оборонки ни у кого нѣтъ, а то неровенъ часъ...

Силантій начиналъ трусить и нѣсколько разъ поводилъ плечами, какъ дѣлаютъ борцы, когда хотятъ вступить въ рукопашную. По его совѣту мужики раздѣлились на три кучки и осторожно начали подходить къ волости, стоявшей на углу. Трое перелѣзли черезъ прясло (изгородь) въ огородъ, чтобы отрѣзать отступленіе врагу.

— Вонъ *онъ*...—шепнулъ Сергѣичъ, дергая Силантія за рукавъ и указывая рукой на волостное крылечко, гдѣ смутно обрисовалась сидѣвшая неподвижно человѣческая фигура.—Это, надо полагать, ихній сторожъ, а остальные грабятъ волость...

Не подходя нѣсколькихъ шаговъ, Силантій крикнулъ:

— Эй, кто тамъ?!..

Фигура оставалась неподвижной.

— Эй, ты, чего тутъ сидишь?—крикнулъ Сергѣичъ, набираясь храбрости.—Какой человѣкъ?

Фигура сдѣлала попытку подняться, но сейчасъ же опустилась на прежнее мѣсто.

„Притворяется, шельмецъ...“ — подумалъ Силантій, поводя могучими плечами.

Такъ какъ видиѣлась всего одна фигура, то мужички пріободрились и подошли совсѣмъ близко.

— Сергѣичъ, бери его за шиворотъ!—командовалъ Силантій уже тономъ настоящаго начальства.—Этакъ всякій придетъ и будетъ по почамъ сидѣть на крыльцѣ у волости... Эй, ты, обормотъ... Сергѣичъ, бери его!.. Братцы, вы тово... значитъ, вообче... Эй, ты, не прикидывайся глухимъ!..

Силантій и Сергѣичъ разомъ бросились на сидѣвшую неподвижно фигуру.

— Руки держи... руки!..—хрипѣлъ Силантій, наваливаясь всѣмъ своимъ могучимъ тѣломъ на бродягу, не выказывавшаго ни малѣйшихъ знаковъ сопротивленія.—Мужички, крутите ему руки. Не уйдешь, братъ!..

Волостное правленіе было заперто изнутри, и Сергѣичу пришлось лѣзть туда чрезъ открытое окно. Онъ былъ увѣренъ, что остальные бродяги засѣли тамъ и что его сейчасъ же прикончатъ. Но ничего не подѣлаешь, ежели служба, да и начальство приказываетъ. Перекрестившись, старикъ полѣзъ въ окно и черезъ нѣсколько секундъ отворилъ входныя двери.

— Ну что? — спрашивалъ Силантій, сидѣвшій на бродягѣ верхомъ.

— Не иначе дѣло, что всѣ убѣжали...—смущенно объяснялъ Сергѣичъ, почесывая въ затылкѣ.

— Сейчасъ убѣжали?

— А кто ихъ знаетъ... Можетъ, и сейчасъ. У вора сто дорогъ...

Силантій слѣзъ съ бродяги, тоже почесалъ въ затылкѣ и проговорилъ:

— Поблазнило тебѣ, старому чорту, вотъ и все...

— А окно-то почему открытымъ осталось?

— Да вѣдь ты же самъ его открылъ... Ахъ, хрѣнъ, старый хрѣнъ!..

Связаннаго бродягу ввели въ волость и зажгли свѣчу. Бродяга оказался мужикомъ среднихъ лѣтъ, съ рѣдкой черной бородкой и землистымъ цвѣтомъ лица. Онъ съ какой-то тупой покорностью смотрѣлъ въ уголъ и молчалъ. Одѣтъ онъ былъ въ крестьянскій рваный зипунъ и въ разношенные сибирскіе „коты“—низкіе башмаки съ оторочкой.

— Гдѣ другіе-то?—строго спрашивалъ Силантій.

— Какіе другіе? — глухо отозвался бродяга, стараясь поправить туго связанные на спинѣ локти.

— А ты не притворяйся... Сколько васъ въ избушкѣ жило?

— Всѣ тутъ...—отвѣтилъ бродяга тѣмъ же топомъ.

Обходившіе волость мужики собрались кругомъ бродяги и осматривали его, какъ пойманнаго звѣря. Силантій успокоился и старался не смотрѣть на Сергѣича, который со страха напугалъ всѣхъ. Старшинѣ сдѣлалось немного совѣстно. Мужики тоже замѣтно были смущены.

— Та-акъ...—тянулъ Силантій.—А какъ тебя зовутъ?

— Красное-Яичко...—отвѣтилъ бродяга совершенно спокойно.

Мужики переглянулись, а Силантій сердито проворчалъ:

— Въ самый разъ красное яичко... Ахъ, ты, горе лыковое! Изъ непомнящихъ родства? Сергѣичъ, сбѣгай-ка за Кесаревымъ... Надо намъ записать по формѣ непомнящаго. Красное-Яичко... тоже и скажетъ!.. Хорошая, надо полагать, курица снесла, да высидѣть не сумѣла.

Когда пришелъ изъ церкви Кесаревъ, было сдѣлано все, что слѣдовало по закону, и Красное-Яичко очутился въ кутузкѣ.

— Дда-а... вообче...—тянулъ Силантій, почесывая въ затылкѣ.—Вотъ мы жалимся на свой недородъ... дда-а... Туго приходится, это точно... Господь, милуя, наказываетъ... А вотъ какъ *онъ*-то? Привезутъ его на Соколинъ-островъ, можетъ, отсыплютъ плетей, нà—носи, не потеряй.

— Дальше, гритъ, солнышка не сошлютъ,—сообщилъ Сергѣичъ, садившій бродягу въ кутузку.—Отощалъ, гритъ... Прежде, гритъ, вездѣ бродяжкамъ подавали, а теперь, гритъ, и самимъ жевать нечего.

Мужики переминались. Какъ будто оно и совѣстно, что такое дѣло случилось на самый великій праздникъ. Старшина Силантій кончилъ тѣмъ, что досталъ изъ кармана принесенное попу красное яичко и, подавая Сергѣичу, проговорилъ:

— Снеси *тому*... Тоже живая душа...

1899 г.

НЕРАЗВЯЗАННЫЙ ГРѢХЪ.

Разсказъ.

I.

Матушка Антонида Ивановна убиралась въ своей кухнѣ, приготовляя постный обѣдъ. Русская печь уже дотапливалась, и надо было все поставить во-время. Положимъ, что въ посту горячая ѣда не велика—грибная похлебка да просяная каша, и все тутъ. Но сегодня у матушки все какъ-то валилось изъ рукъ, и она только вздыхала, поглядывая на дверь въ сосѣднюю комнату, гдѣ все было тихо, какъ въ могилѣ. Именно эта зловѣщая тишина больше всего и угнетала матушку; потомъ она по разсѣянности разбила старый горшокъ, служившій года три,—тоже примѣта нехорошая. Одѣта была матушка очень просто, чуть не по-деревенски, и казалась старше своихъ тридцати лѣтъ. Миловидное лицо подернуто было преждевременной усталостью, а въ темныхъ глазахъ точно застыла своя домашняя забота.

— Господи, что будетъ съ Гришей? — съ ужасомъ думала матушка, чувствуя, какъ у нея захватываетъ дыханье.

Въ ея головѣ эта мысль стучала безустанно, какъ маятникъ. Давно ли мальчикъ былъ такой здоровенькій, крѣпенькій и веселый, а теперь страшно и подумать... Онъ уже не могъ подниматься съ постельки и какъ-то безсильно перекатывалъ свою голову на подушкѣ, точно она ему мѣшала. Да, все случилось такъ быстро, и случилось именно то, чего матушка какъ-то не боялась. Она получила образованіе въ женскомъ епархіальномъ училищѣ, потомъ служила нѣсколько лѣтъ сельской учительницей и кое-что понимала по части гигіены, особенно относительно заразныхъ эпидемическихъ болѣзней. Она вѣчно боялась за мужа, которому по обязанности священника приходилось давать послѣднее напутствіе самымъ труднымъ больнымъ, а чаще всего дѣтямъ, которыя умирали десятками отъ скарлатины и дифтерита. Вѣдь онъ могъ занести ужасную заразу въ собственный домъ каждую минуту, и трудно было предупредить это несчастіе, несмотря ни на какую дезинфекцію, которую, къ тому же, не было просто времени выполнять по всѣмъ правиламъ и требованіямъ науки. Надъ маленькимъ Гришей вѣчно висѣлъ страшный призракъ заразы, но до трехъ лѣтъ онъ уцѣлѣлъ и только на четвертомъ схватилъ жестокую диссентерію *). Это было ужасно, и матушка сразу какъ-то потерялась.

— Ничего, ничего, Богъ не безъ милости, — успокаивалъ ее мужъ, о. Алексѣй, еще молодой священникъ, бѣлокурый, немного сутулый и съ подслѣповатыми глазами.—Да, надо терпѣть.

---

*) Кровавый поносъ.

— Да, хорошо говорить: терпѣть... Да вѣдь у насъ Гриша-то одинъ, какъ перстъ. У кого много дѣтей, такъ и терпѣть есть отъ чего...

— Ну, это ты ужъ напрасно, Антонида...

Матушка плакала и продолжала жаловаться. Ужъ лучше было оставаться учительницей, когда о. Алексѣй служилъ земскимъ учителемъ. Конечно, жалованье было маленькое, зато не таскали по заразамъ день и ночь. Вѣдь это легко только говорить про легкое поповское житье, а заставить бы самихъ такъ-то пожить. Вотъ дьяконамъ, тѣмъ, дѣйствительно, легко живется. Но въ ихъ селѣ Боровскомъ, потерявшемся въ зеленомъ просторѣ сѣвернаго Урала, приходъ былъ небольшой, и дьякона не полагалось. Весь причтъ состоялъ изъ о. Алексѣя да стараго дьячка Ильи Павлыча, промышлявшаго рыбной ловлей и охотой, какъ и другіе крестьяне. Мѣсто было глухое, земля холодная, „неродимая“, какъ говорили крестьяне, и даже хлѣбопашествомъ по лѣснымъ росчистямъ занимались мало, а промышляли лѣсомъ, охотой, гнали смолу, жгли уголья и т. д. Приходъ распался на маленькіе лѣсные починки, двора въ два-три, народъ былъ бѣдный, и не разъ случалось, что за требу о. Алексѣй получалъ двѣ-три головки луку.

Впрочемъ, о. Алексѣй никогда не жаловался на свою судьбу, а съ убѣжденіемъ говорилъ:

— Кому-нибудь надо же послужить и въ Боровскомъ. Не всѣмъ по богатымъ приходамъ служить...

Такъ время и тянулось, день за днемъ, недѣля за недѣлей. Когда проходилъ годъ, матушка считала своимъ долгомъ удивиться: и какъ это время быстро идетъ,—цѣлаго года точно и не бывало. Такъ же удивлялись и прихожане о. Алексѣя: сидятъ въ лѣсу, а время вотъ какъ идетъ, точно у богачей.

Незамѣтно и потихоньку такимъ образомъ прошло цѣлыхъ шесть лѣтъ, и матушка постепенно привыкла къ своему медвѣжьему углу. За все время ничего особеннаго не случилось, и въ теченіе года самымъ выдающимся событіемъ было путешествіе о. Алексѣя въ духовную консисторію съ отчетами по церкви. Городъ былъ далеко, и онъ возвращался только черезъ двѣ недѣли съ небольшими покупками на цѣлый годъ. Болѣзнь Гриши сразу перевернула всю эту скромную трудовую жизнь. О докторѣ нечего было и думать,—до ближайшей земской больницы считали около ста верстъ. Оставался земскій фельдшеръ, объѣзжавшій громадный участокъ періодически, но сейчасъ стояла весенняя распутица, и нельзя было добыть даже и фельдшера. Приходилось довольствоваться разными домашними средствами и домашней аптечкой.

На дворѣ стояла жестокая весенняя распутица, хотя шла всего еще шестая недѣля поста. Правда, что Пасха была поздняя, а весна выдалась ранняя. О. Алексѣй въ первый еще разъ не правилъ службы, потому что жена окончательно выбилась изъ силъ около больного ребенка. Она буквально валилась съ ногъ отъ безсонныхъ ночей. Сейчасъ они дежурили у кровати больного поперемѣнно. Близился кризисъ, и оба трепетали. Было раза два, что о. Алексѣй съ ужасомъ замѣчалъ, какъ Гриша умираетъ. О, онъ отлично зналъ, какъ умираютъ люди... Онъ весь холодѣлъ и чувствовалъ только, какъ самъ тоже умираетъ. Матушкѣ разъ показалось, что ребенокъ умеръ, и съ ней сдѣлался обморокъ. Но онъ, этотъ маленькій человѣкъ, еще боролся со смертью.

— Боже мой, за что?! — въ отчаяніи повторяла про себя матушка.— Вѣдь живутъ же другія дѣти и какъ живутъ — въ бѣдности, голодныя, въ лохмотьяхъ...

Всѣ эти мысли и чувства бурлили и кипѣли въ матушкѣ, какъ кипѣла и бурлила вода въ ея котелкахъ, поставленныхъ къ самому огню. Да, бываютъ такіе дни, когда день кажется длиннѣе года, а минуты тянутся, какъ цѣлые дни. Матушка даже не замѣчала прислуживавшей ей дѣвочки-подростка, которая не понимала, зачѣмъ такъ безпокоятся попъ съ попадьей. Мало ли ребятъ мретъ по деревнямъ объ эту пору...

О. Алексѣй нѣсколько разъ выходилъ въ кухню, и матушка боялась взглянуть ему въ лицо. Они не говорили о больномъ, читая взаимныя мысли по глазамъ.

— Кажется, онъ немного забылся... — сказалъ въ послѣдній разъ о. Алексѣй шопотомъ:—лежитъ спокойно.

Матушка заглянула въ пріотворенную дверь и долго прислушивалась къ нервному дыханію больного ребенка. Да, онъ былъ еще живъ...

О. Алексѣй ушелъ, а черезъ полчаса опять вышелъ, блѣдный, какъ полотно. Все было кончено... У матушки выпалъ изъ рукъ ухватъ, и она смотрѣла на мужа остановившимися глазами. Но потомъ на нее напала рѣшимость отчаянія. Она вошла въ спальню и съ чуткостью птицы прислушалась къ дыханію ребенка. О, онъ еще былъ живъ, а только дыханіе едва было слышно. Мертвенно-блѣдное дѣтское личико съ ввалившимися глазами и запекшимся ртомъ уже казалось мертвымъ. Жизнь едва теплилась... О. Алексѣй стоялъ въ углу комнаты и тихо плакалъ, закрывая лицо платкомъ.

— Кончился?—прошепталъ онъ, точно боялся разбудить маленькаго покойника.

— Нѣтъ, еще живъ...—шопотомъ отвѣтила матушка съ какой-то особенной твердостью въ голосѣ.

II.

Когда матушка вернулась въ кухню, тамъ стояла у двери средняго роста баба въ армякѣ, подвязанномъ мужицкой опоясской, и съ закутанной грязной шалью головой. По особому складу почти мужского лица бабы матушка догадалась, что она изъ Медвѣдевой, самой дальней деревушки Боровскаго прихода.

— Тебѣ что̀ нужно, милая? — спросила матушка, подозрѣвая, въ чемъ дѣло.

— А мнѣ бы отца духовнаго повидать... — равнодушно отвѣтила баба грубоватымъ, почти мужскимъ голосомъ.

— Съ требой?

— Это самое... Дѣдушка Титъ собрался помирать, ну и послалъ меня. Говоритъ, непремѣнно привези...

У матушки опустились руки. До Медвѣдевой считали верстъ двадцать, а тутъ еще распутица...

— Да вѣдь теперь къ вамъ въ Медвѣдеву ни пройти ни проѣхать, милая?

— А я верхомъ пріѣхала... Мужики-то въ лѣсу, ну, дѣдушка меня и цослалъ. Непремѣнно, говоритъ... Я и другую лошадь съ собой привела. Ничего, помаленьку доѣдемъ...

— Да ты съ ума сошла, милая!.. Еще въ болотѣ гдѣ-нибудь провалитесь.

— Господь какъ-нибудь пронесетъ, — спокойно отвѣтила баба, пере-

минаясь. — Всего-то черезъ Смородинку перебраться, ежели пуститъ. А дѣдушка больно тоскуетъ... Видно, смертный часъ пришелъ.

Вспомнивъ про умиравшаго Гришу, матушка заявила съ самымъ рѣшительнымъ видомъ:

— Отцу Алексѣю нельзя ѣхать... У насъ свой ребенокъ боленъ. Съ часу на часъ ждемъ, что умретъ...

Медвѣдевская баба смотрѣла на матушку непонимающими глазами.

— Гриша очень, очень боленъ,—объясняла матушка со слезами въ голосѣ.—О. Алексѣй уѣдетъ, а съ нимъ вдругъ случится кризисъ, т.-е. переломъ болѣзни... Что я одна буду съ нимъ дѣлать?

Медвѣдевская баба продолжала не понимать.

— Кризисъ—это когда болѣзнь идетъ на переломъ,—продолжала объяснять матушка.—Понимаешь?

— Младенчикъ, значитъ?

— Четвертый годъ всего... Здоровенькій такой росъ, а тутъ вдругъ свернулся...

— Младенчикъ ежели и помретъ, такъ ангельской душенькой будетъ,—убѣжденно отвѣтила медвѣдевская баба.—Это ужъ извѣстное дѣло... Какіе у младенчика грѣхи? А дѣдушкѣ Титу на девятый десятокъ перевалило... Сколько у него грѣховъ-то накопилось?.. Самъ говоритъ, что есть у него одинъ неразвязанный грѣхъ... Такъ прямо и сказалъ. Очень ужъ онъ тоскуетъ... А у младенчика какіе грѣхи? Прямо ангельская душенька. По веснѣ-то сколько ихъ перемретъ, и не сосчитаешь...

— Какой неразвязанный грѣхъ?

— А вотъ такой, который помирать не даетъ... Мается-мается человѣкъ, а помереть не можетъ.

— Другіе не виноваты, что твой дѣдушка нагрѣшилъ. О. Алексѣй, однимъ словомъ, не поѣдетъ... Понимаешь? И распутица, и свой больной, того гляди, помретъ. Какъ я тутъ одна-то останусь, когда онъ можетъ умереть каждую минуту?

Отъ волненія у матушки выступили на лицѣ красныя пятна. Она тяжело дышала и смотрѣла на медвѣдевскую бабу вызывающимъ взглядомъ; а та стояла съ прежнимъ равнодушнымъ лицомъ, перебирая въ умѣ какія-то свои деревенскія бабьи мысли. Именно эта невозмутимость больше всего и раздражала матушку.

— Ну, чего же ты стоишь?—уже сердито спрашивала ее матушка.—Поѣзжай къ себѣ домой... Удивляюсь, какъ только ты пріѣхала по такой распутицѣ, да еще верхомъ.

— Вотъ это и есть самое: баба проѣхала, а какъ же отецъ духовный не проѣдетъ? Вѣдь онъ мужчина, отецъ-то духовный... Ему куда способнѣе.

— Пожалуйста, не разговаривай напрасно... Сказано, что не поѣдетъ. Умереть спокойно не дадутъ...

Матушка сѣла на деревянную скамейку и заплакала. Медвѣдевская баба долго на нее смотрѣла, а потомъ, тяжело ступая мужицкими сапогами, подошла къ ней, тронула за плечо и участливо проговорила:

— Перестань, мать... Нашего-то бабьяго горя до смерти не износить. Мы по-деревенски такъ радуемся, когда Господь приберетъ младенчика...

О. Алексѣй слышалъ изъ своей комнаты этотъ оригинальный разговоръ и не рѣшался выйти. Надо было дать рѣшительный отвѣтъ, и онъ страшно волновался. Онъ хорошо зналъ дѣдушку Тита, не по годамъ крѣпкаго старика, который почти всю жизнь прожилъ безвыѣздно въ своемъ медвѣжьемъ углу.

Когда послышались рыданія матушки, о. Алексѣй торопливо вошелъ въ кухню.

— Это ты, Матрена? — поздоровался онъ съ медвѣдевской бабой.—Ну что, дѣдушка Титъ плохъ?

— У смерти конецъ... — коротко объяснила Матрена.—Собрался помирать и за тобой послалъ...

— Да, да... гм... Чѣмъ онъ боленъ?

— А ничѣмъ... такъ помираетъ...

На о. Алексѣя напало сомнѣніе, и онъ вопросительно посмотрѣлъ на жену.

— Да, того...—пробормоталъ онъ, поглаживая бородку.—Случается, что и напрасно пріѣдешь... Денька бы два обождать, Матрена?.. Оно бы того... вообще...

— Черезъ два-то дня Смородинка не пуститъ... И то едва проѣдемъ сейчасъ. Вся она вспухла, по сырымъ мѣстамъ вешняя вода вотъ какъ пучитъ...

О. Алексѣй опустилъ глаза и рѣшилъ про себя, что не поѣдетъ. Матушка смотрѣла на него и по выраженію лица угадала его тайную мысль. Ей вдругъ сдѣлалось и совѣстно и страшно, потому что она своими бабьими слезами смутила мужа.

— Да, я не могу ѣхать,—рѣшительно заявилъ о. Алексѣй.

На матушку подѣйствовалъ именно этотъ рѣшительный тонъ, и она опять расплакалась... Медвѣдевская баба опять рѣшительно ничего не понимала. Теперь-то попадья о чемъ реветъ, когда попъ самъ не хочетъ ѣхать?

— Такъ и скажи, что пріѣду, когда дорога установится, — объяснилъ о. Алексѣй, смущенный непонятными слезами жены. — Ничего, старикъ не умретъ.

Матушка увела о. Алексѣя въ комнату больного и шопотомъ начала уговаривать, чтобы онъ ѣхалъ съ требой. О. Алексѣй даже разсердился немного, потому что мало ли его таскаютъ по деревнямъ совсѣмъ напрасно, а тутъ выжившему изъ ума старику просто показалось, что онъ умираетъ.

— И все-таки поѣзжай, — настаивала матушка. — Это я тебя смутила своими бабьими слезами... Что ужъ Богъ дастъ, то и будетъ.

— А какъ же ты тутъ одна? Можетъ все случиться...

— Не поможешь и ты, если что случится... Старикъ-то ждетъ тебя тамъ, въ Медвѣдевой. Нельзя не ѣхать... Какой-то у него неразвязанный грѣхъ.

О. Алексѣй помолился, благословилъ сына и вышелъ въ кухню съ походной дарохранительницей на груди.

— Ну, Матрена, ѣдемъ! — проговорилъ онъ спокойно.—Лошадь у тебя хорошая?

— Ужъ будь спокоенъ, отецъ духовный... Какъ въ люлькѣ доѣдешь, — не тряхнетъ. Третьева-дни только кована...

Матушка долго смотрѣла въ окно, какъ о. Алексѣй неумѣло усаживался на лошадь и никакъ не могъ справиться съ расходившимися полами своего подрясника и осенней рясы. Матрена сидѣла въ сѣдлѣ по-мужски и поѣхала впереди. Издали, благодаря своему костюму, о. Алексѣй походилъ тоже на женщину, и матушка невольно улыбнулась: баба бабой сидитъ въ сѣдлѣ, да и ѣздить верхомъ совсѣмъ не умѣетъ.

III.

Село Боровское стояло совсѣмъ въ лѣсу, приткнувшись къ углу узкаго и длиннаго озера. Лѣсъ начинался прямо за послѣдними избами. Дорога въ

Медвѣдеву шла все время лѣсомъ и горными еланями *). Сейчасъ нельзя было проѣхать по ней „ни на колесѣ ни на полозѣ“, а только верхомъ да и то съ большими неудобствами, благодаря весеннему „черепу“, какъ называли здѣсь оставшійся отъ зимней дороги тонкій слой обледянѣвшаго снѣга, который лопался подъ лошадинымъ копытомъ, какъ сухарь. Лошадиный шагъ получался невѣрный, и только старая, опытная лошадь не проваливалась на каждомъ шагу и не рѣзала себѣ ногъ тонкими, какъ стекло, ледяными закрайками.

При выѣздѣ изъ села о. Алексѣй обернулся въ послѣдній разъ на свое гнѣздо,—можно было еще разъ посмотрѣть новую тесовую крышу и подымавшійся изъ трубы дымокъ. Его сердце сжалось отъ тоски, а въ головѣ мелькнула мысль: а что, если бы вернуться? Но гнѣдая лошадка шагала такъ бодро, поспѣвая за передней, и послѣдніе домики скоро скрылись за поворотомъ. Матрена нѣсколько разъ оглядывалась и говорила:

— А ты гнѣдка не правь,—онъ лучше самъ пройдетъ, гдѣ способнѣе. Смышлястый конекъ... Вотъ только говорить будто не умѣетъ.

Въ лѣсу еще лежалъ снѣгъ, а проталинки показались только по лѣснымъ опушкамъ, на еланяхъ и солнечныхъ „угрѣвахъ“. Зеленей не было, а только кой-гдѣ выглянули изъ холодной земли желтоватыя анемоны. У березы порозовѣли вѣтви и начали набухать почки, верба кое-гдѣ уже пушилась. О Алексѣй особенно любилъ именно этотъ переломъ зимы на весну. Что-то было такое трогательное въ этомъ пробужденіи природы, какъ своего рода зеленое воскресеніе. Всюду творилась великая тайна жизни и еще болѣе великая тайна обновленія...

Ѣхавшая впереди Матрена все оборачивалась и каждый разъ сообщала какую-нибудь деревенскую новость. Кажется, ужъ какія новости могли быть въ Медвѣдевой, гдѣ счетомъ было шестнадцать дворовъ, а между тѣмъ Матрена занимала отца духовнаго этими новостями всю дорогу.

— Ларивонова-то сноха, значитъ, молодайка, неладно съ мужемъ живетъ... Свекровушка Пелагея грѣхъ на душу беретъ: гдѣ бы сына утихомирить, а она же его натравляетъ на жену. Бабочка-то еще совсѣмъ молоденькая, ну, и бьется, какъ молодая лошадь въ оглобляхъ. Тоже вотъ солдатъ Ефимъ выворотился со службы. Сказываютъ, вино научился пить, пока служилъ... У Парфена, который кривой, восетта **) волки лошадь задрали. Славная такая лошаденка была... Много у насъ нонѣ этихъ самыхъ волковъ по зимѣ было.

О. Алексѣй съ непривычки къ верховой ѣздѣ чувствовалъ, какъ у него начинаютъ нѣмѣть ноги, и напрасно старался усѣсться въ сѣдлѣ поудобнѣе. Это ничтожное обстоятельство отвлекло его мысли о домѣ и о томъ, что тамъ сейчасъ дѣлается. Потомъ его безпокоила мысль о переправѣ черезъ Смородинку, ничтожную лѣтомъ горную рѣчонку, но опасную во время разлива. Матрена тоже думала о Смородинкѣ и тяжело вздыхала. А вдругъ рѣка не пуститъ? Дѣдушка Титъ вотъ какъ ждетъ...

„Охъ, пуститъ ли попа Смородинка?“—думалъ дѣдушка Титъ, лежа на теплой печкѣ.

Старикъ приблизительно разсчиталъ все: когда Матрена доѣдетъ до Боровскаго, пока будетъ уговаривать попа, пока попъ будетъ собираться въ дорогу, пока доѣдутъ они до Смородинки и т. д. Не видавши часовъ, дѣдушка Титъ разсчиталъ и размѣрилъ все до ниточки. Въ избѣ онъ лежалъ совер-

*) Елань—горный лугъ

**) Восетта—недавно.

шенно одинъ. Двоихъ ребятишекъ Матрена сволокла къ сосѣдямъ, мужики ушли на дровосѣкъ, а дѣдушка Титъ лежалъ на своей печи, какъ дупло столѣтняго дерева.

— Ахъ, пустила бы только Смородинка...

Для старика, прожившаго всю жизнь въ лѣсу, все было живое, даже камни, не говоря уже о водѣ, какъ олицетвореніи и символѣ всякой жизни. Вѣдь взять хоть Смородинку, такъ она одна вѣчное живое чудо... О, вода знала, что̀ дѣлаетъ! Дѣдушка Титъ два раза тонулъ вотъ въ этой самой Смородинкѣ, а потомъ... Старикъ въ ужасѣ закрывалъ глаза и чувствовалъ только, какъ у него бѣгутъ мурашки по спинѣ, и точно онъ опять тонетъ, тонетъ уже въ послѣдній разъ.

— Ахъ, Смородинка, Смородинка...—шепталъ дѣдушка Титъ, въ изнеможеніи закрывая глаза.

Нѣсколько разъ ему слышался знакомый лошадиный топотъ; онъ приподнимался на локтѣ, прислушивался, и лошадиный топотъ замиралъ. Для него не было сомнѣнія, что это „блазнило“, и что какая-то нечистая сила его обманываетъ.

Дѣдушка Титъ давно уже видѣлъ плохо, а слухъ у него сохранился. Живой міръ постепенно задергивался передъ его глазами какой-то мутной пеленой. Мелочи и подробности исчезали, а оставалось только крупное, выдающееся и рѣзкое. Часто старику казалось, что онъ слышитъ даже свои собственныя мысли, а потомъ, когда наступала ночная тишина, онъ подолгу прислушивался къ таинственному шуму въ ушахъ. Его больше всего безпокоили удары топора, — кто-то безъ конца рубилъ сырое дерево, какъ рубилъ его дѣдушка Титъ цѣлыхъ шестьдесятъ лѣтъ. Подрубленное дерево валилось съ глухимъ трескомъ, и наступала та роковая тишина, которая окружаетъ покойника. Онъ зналъ, что сейчасъ начнется самое страшное, и его сердце замирало. Да, вотъ первый всплескъ, потомъ нараставшій шумъ близившейся воды... вотъ она шуршитъ въ зеленой травѣ и сосетъ берегъ... А тамъ что-то барахтается въ водѣ, и дѣдушка Титъ слышитъ задыхающійся женскій голосъ, который называетъ его по имени. Старикъ просыпался въ холодномъ поту и долго крестился. О, онъ отлично узнавалъ этотъ женскій голосъ.

Для дѣдушки Тита сейчасъ не было ни дней ни ночей, а все время проходило въ старческой дремотѣ. Ожидая Матрену, онъ нѣсколько разъ засыпалъ, и когда она пріѣхала—онъ не слыхалъ. Матрена вошла въ избу, и ей показалось, что старикъ уже не дышитъ.

— Дѣдушка, ты живъ еще?—спросила она вполголоса.

— Ась?—откликнулся старикъ испуганно.—Это ты, Матрена...

— Я, я... Вотъ и отца духовнаго тебѣ привезла.

— Ну, какъ Смородинка-то?

— А ничего, пропустила... Больно ледъ стало пучить. Ну, да ничего, и въ обратный путь проѣдемъ...

О. Алексѣй снялъ свою осеннюю рясу и ходилъ по избѣ, разминая затекшія ноги. Изба была старинная, поставленная изъ настоящаго кондоваго лѣса, какъ строились только въ старину. Кругомъ стѣнъ шли лавки, въ переднемъ углу стоялъ столъ, громадная русская печь занимала чуть не половину всей избы. Все было прочно, просто и строго, какъ строго смотрѣлъ изъ передняго угла почернѣвшій отъ времени образъ, къ которому сейчасъ Матрена прикрѣпляла зажженную восковую свѣчу.

— Ты, отецъ духовный, исповѣдуешь дѣдушку ужъ на печи,—говорила она какимъ-то испуганнымъ голосомъ.—Онъ не слѣзаетъ съ печи всю зиму...

— Хорошо, хорошо,—соглашался о. Алексѣй, надѣвая епитрахиль.

Матрена посмотрѣла кругомъ, не нужно ли еще чего-нибудь, и вышла въ сѣни. Тамъ она припала головой къ бревенчатой стѣнкѣ и тихо заплакала. Очень ужъ ей сдѣлалось жаль дѣдушки Тита... Раньше къ мысли о его скорой смерти она относилась почти равнодушно, а теперь ее точно что̀ схватило прямо за сердце.

IV.

О. Алексѣй помолился вслухъ, взялъ горѣвшую у образа свѣчу и отправился на печь. Дѣдушка Титъ едва могъ перекатить голову на подушкѣ, чтобы поздороваться. Въ первую минуту о. Алексѣй даже не узналъ его, такъ старикъ измѣнился за послѣдній годъ. Это былъ настоящій лѣсной богатырь съ могучей грудью и крѣпкимъ складомъ всего тѣла, лежавшаго теперь неподвижно. Покрытое глубокими морщинами лицо точно выцвѣло и помертвѣло. Оставались живыми одни сѣрые глаза, глядѣвшіе теперь какимъ-то просвѣтленнымъ дѣтскимъ взглядомъ.

— А ты погоди, отецъ духовный...—заговорилъ больной съ трудомъ.— Надо мнѣ сперва поговорить съ тобой просто, а потомъ ужъ исповѣдуй... да!..

О. Алексѣй сѣлъ у припечка и погасилъ свѣчу.

— Ну, говори, дѣдушка...

Старикъ лежалъ нѣсколько времени съ закрытыми глазами, а потомъ спросилъ шопотомъ:

— Слышишь, отецъ духовный?

— Нѣтъ, ничего не слышу.

— А вода шумитъ?

— Тебѣ это кажется.

— А ты слушай... это Смородинка играетъ... вотъ какъ играетъ... Ужъ я-то знаю ее...

— Ты хотѣлъ что-то разсказать, дѣдушка?

— А сейчасъ... Охъ, какъ вода играетъ!

— Ну, пусть ее играетъ...

— И *тогда* она такъ же играла, отецъ духовный... въ самый разъ такъ же...

Потомъ старикъ прибавилъ опять шопотомъ:

— А слышишь, какъ *она* кричитъ?

— Кто она?

— Маремьяна? Вотъ еще крикнула... Это ее рѣка несетъ... захлебывается Маремьяна-то...

Дѣдушка Титъ отъ напряженія опять впалъ въ полузабытье и только потомъ могъ говорить, когда пришелъ въ себя и немного успокоился.

— Давно *это* было, отецъ духовный... да... Побольше сорока годовъ... пожалуй, и всѣ пятьдесятъ... Значитъ, Матрена-то еще ползуномъ была... такъ, едва около лавки ходила... Ну, значитъ, больно давно, ежели у Матрены сейчасъ свои внучата есть... Полуденку деревню знаешь?

— Моего прихода... Какъ не знать!

— Верстовъ съ пять отъ нашей-то Медвѣдевой... Ну, по Смородинкѣ у насъ идутъ росчисти вплоть до полуденскихъ покосовъ, сходятся, значитъ... А моя росчисть совсѣмъ рядомъ сошлась съ гундобинской... значитъ, былъ такой Петръ Гундобинъ да угодилъ въ солдаты, а хозяйствомъ руководствовала его жена Маремьяна, значитъ, солдатка. Ну, бабьимъ дѣломъ ничего,

управлялась не хуже другихъ. А я-то молодой былъ, только на четвертый десятокъ перевалило... Мужикъ въ самой порѣ... Бывало, вчужѣ полюбуешься, какъ Маремьяна страдуетъ... Медвѣдица, а не баба... двое ребятъ за ней ходятъ, какъ медвѣжата за медвѣдицей... А у меня жена-то была хворая, работала въ полсилы. Такъ, кое-какъ тянется... Я, случалось, похвалю Маремьяну, а женѣ обнаковенно обидно... А я еще возьму да пожалѣю Маремьяну... „Охъ, молъ, бьется бабочка, а пожалѣть некому“. Такъ и скажу... Въ глаза говаривалъ эти самыя слова Маремьянѣ, потому какъ сусѣдскимъ дѣломъ постоянно на глазахъ другъ у дружки... Она забѣгивала къ намъ за огонькомъ...

Старикъ прерывалъ свой разсказъ длинными паузами, и о. Алексѣй понялъ, что предъ его глазами развертывается тяжелая мужицкая драма.

— Я-то, значитъ, такъ, по сусѣдству болтаю, а Маремьяну точно ушибло моимъ глупымъ словомъ,—продолжалъ дѣдушка Титъ.—Жалостью своей я ее донялъ больше всего... Какъ-то вышла у насъ встрѣча въ лѣсу, она этакъ отвернулась да какъ зареветъ... Она-то реветъ, а я-то ничего не понимаю... „Что ты, Маремьянушка?“ Такъ и сказалъ, а она этакъ глянула на меня да какъ побѣжитъ... Я-то стою дуракомъ въ лѣсу... Потомъ стало такъ, какъ бы-дто она прячется отъ меня... Тутъ ужъ мнѣ стало обидно, потому какъ никакого худа я бабѣ не сдѣлалъ... вотъ нисколько... Ну, кончилась страда, и всему конецъ. Цѣльную зиму не видались, а только пала мнѣ эта самая Маремьяна на умъ!.. Грѣшно и разсказывать-то... охъ, какъ грѣшно!.. Бывало, гляжу на жену — хилая она такая да хворая, а самъ о Маремьянѣ думаю... Ей-Богу!.. И сталъ я на эту самую Маремьяну даже сердиться, потому какъ тоже понимаю, что не спроста это самое дѣло... И здоровъ я былъ, одинъ на медвѣдя ходилъ, кровь это во мнѣ ходенемъ ходитъ... И Маремьяна тоже здоровая была... Однимъ словомъ, заворожила она меня... Чего о чужой бабѣ думать при родной женѣ? Обидно мнѣ стало за свое-то малодушество... Едва дождался слѣдующей-то страды... Опять, значитъ, вмѣстѣ стали страдовать... Мастерица была Маремьяна пѣсни пѣть... Какъ вечеръ, такъ она присядетъ къ огоньку у своего балагана и затянетъ... тоже, значитъ, скучно одной-то... она поетъ, а у меня злость противъ нея накипаетъ... Тошно мнѣ сдѣлается... Разъ не стерпѣлъ, сказалъ ей, чтобы бросила она это самое баловство... А она глядитъ мнѣ прямо въ глаза и только смѣется... Хотѣлось мнѣ ее тогда поучить, значитъ, побить, съ тѣмъ и шелъ... Мужа нѣтъ, кто же бабу поучитъ? Только ничего не вышло... рука не поднялась. Совсѣмъ я ее возненавидѣлъ... такъ весь и трясусь, какъ услышу ея голосъ... А тутъ получилась въ волости бумага, что Петра Гундобина порѣшили на войнѣ... венгерца онъ ходилъ замирять... Нѣтъ, не венгерца, — венгерца замирялъ другой Петръ, а Петръ Гундобинъ ходилъ подъ турку. Значитъ, Маремьяна полная вдова сдѣлалась... Ну, а я сдѣлался въ томъ родѣ, какъ безъ ума... Значитъ, началъ приставать къ ней съ своимъ звѣрствомъ... А она мнѣ говоритъ: „Не такая, говоритъ, Титъ Софронычъ, я баба, чтобы потерять себя“... А тутъ какъ-то разъ какъ брякнетъ: „Женись, слышь, на мнѣ!“ — „Какъ же, говорю, я при живой-то женѣ женюсь на тебѣ?“—„А ежели, говоритъ, она помретъ?“ Говоритъ, а сама смѣется, и я тоже смѣюсь: „Раньше смерти никто не помираетъ, а такія-то хилыя да лядащія бабенки, говорю, и насъ съ тобой переживутъ“.

Наступила долгая пауза, пока дѣдушка Титъ отдышался. Отцу Алексѣю не разъ приходилось выслушивать мужицкія драмы, но въ данномъ случаѣ дѣло шло о далекомъ-далекомъ прошломъ, что случилось полвѣка тому назадъ. Дѣйствующія лица этой драмы лежали уже давно въ землѣ, а оставалась живой одна совѣсть.

— Ну, а дальше что было? — спросилъ о. Алексѣй, вспомнивъ о больномъ сынѣ,—каждая минута была дорога.

— Дальше-то?—съ трудомъ припоминалъ дѣдушка Титъ.—Охъ, дальше-то и вышелъ этотъ самый неразвязанный грѣхъ... Все это скоро такъ вышло, вотъ какъ рукой махнуть. Охъ, грѣшно и вспоминать... Какъ вышла въ полныя вдовы Маремьяна, стала сама ко мнѣ приставать... Не то, чтобы съ худымъ съ чѣмъ, а такъ, ластится... слова разныя неподобныя разговариваетъ... И такой и сякой, и жить безъ тебя, желаннаго, не могу... разное говорила... А тутъ вдругъ какъ обухомъ меня по головѣ: выхожу замужъ за Семена Конягина. И мужичонка-то нестоящій, такъ, слякоть... „Будетъ, говоритъ, намаялась въ солдаткахъ, а теперь майся еще во вдовахъ“... Меня это окончательно вышибло изъ послѣдняго ума. Я къ ней, а она реветъ... А тутъ и удумала штуку... На свою голову удумала... Охъ, грѣхъ!.. „Вотъ, говоритъ, Титъ, какъ пойдетъ въ горахъ ливень, разыграется Смородинка, я и подманю твою жену переѣхать черезъ рѣку на душегубкѣ и какъ будто невзначай переверну лодку-то... Твоя жена хилая, сейчасъ захлебнется, а я-то выплыву. А еще лучше, ежели ты посидишь на бережку, а когда мы будемъ барахтаться въ водѣ,—меня вытащишь“... Вотъ какія слова придумала, а я, дуракъ, ихъ слушаю. Сказано — сдѣлано... Разыгралась Смородинка послѣ дождя, сомустила Маремьяна жену переѣхать на другую сторону, а я сижу на берегу и смотрю... трясусь весь, сердце захолонуло... Дѣйствительно, Маремьяна вывернула душегубку, и обѣ бабы всплыли... Только смотрю, вода-то сильно разыгралась, не можетъ справиться Маремьяна... кричитъ... Ну, я сейчасъ въ воду... ухватилъ ее за волосы, выволокъ на берегъ... гляжу: не Маремьяну выволокъ, а свою родную жену... А Маремьяна такъ и потонула. Вотъ это и вышелъ мой неразвязанный грѣхъ... Вѣдь я-то никого не топилъ и не каялся въ томъ на духу... Ну, а тутъ и вспомнилъ, какъ пришлось помирать.

V.

О. Алексѣй вернулся домой уже ночью. Свѣтила луна. Какая-то колеблющаяся мгла заполонила и лѣсъ и горы. Матрена ѣхала назади. Она страшно устала и ѣхала по какой-то инерціи. Вѣдь ей еще предстояло возвращаться домой... О. Алексѣй чувствовалъ, что послѣдній запасъ энергіи изсякаетъ. Онъ едва держался на сѣдлѣ. Мысль о возвращеніи домой даже пугала его. Что тамъ дѣлается?..

Когда усталыя лошади остановились у поповскаго дома, никто не вышелъ навстрѣчу. Пришлось стучаться... Каждый ударъ отдавался въ душѣ о. Алексѣя, какъ біеніе его собственнаго сердца. Наконецъ калитка отворилась, онъ вошелъ въ кухню, въ ту комнату, гдѣ лежалъ больной, — сынъ и жена спали блаженнымъ сномъ. Кризисъ миновалъ.

1900.

ВАРНАКЪ.

Изъ лѣтнихъ экскурсій.

I.

— Караси плаваютъ въ водѣ,—съ особеннымъ выраженіемъ проговорилъ плотный и плечистый Гавриловъ, не обращаясь собственно ни къ кому:— а посему, Николай Ивановичъ, по единой толканемъ.

— Не принимаю,— коротко отвѣтилъ Николай Ивановичъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, но такой же плотный и плечистый, какъ и Гавриловъ.— Ты знаешь, что я не могу.

— Не можешь?.. Эхъ, ты, красная дѣвушка...

— Каковъ есть...

Гавриловъ пожалъ плечами, презрительно чмокнулъ и какъ-то по-кучерски, сквозь зубы, сплюнулъ въ сторону. Его припухшее молодое лицо, еще недавно красивое, приняло вдругъ апатичное выраженіе: дескать, все равно, а впрочемъ—чортъ съ тобой! Онъ приподнялся съ порога избушки, постоялъ и сонно побрелъ къ берегу озера, гдѣ сторожъ, зырянинъ Егорушка, готовилъ уху изъ живыхъ карасей.

Николай Ивановичъ проводилъ Гаврилова глазами и коротко замѣтилъ:

— Пропащій человѣкъ... Одно названье, что купецъ. Тесть-то ужъ два раза платилъ по векселямъ, значитъ, отецъ Павлы Мироновны, а въ третій отказался.

— Значитъ, въ яму?—спросилъ я.

— Прямымъ трактомъ... Ну, да ему все трынъ-трава: и въ усъ себѣ не дуетъ. День да ночь—сутки прочь...

Я посмотрѣлъ на Гаврилова, который стоялъ въ двадцати шагахъ отъ насъ, и невольно подумалъ словами Николая Ивановича: пропащій человѣкъ... Да, пропащій и только. Трудно было бы опредѣлить, въ чемъ выражалось это, но оно было такъ же вѣрно, какъ то, что надъ нами свѣтило яркое лѣтнее солнце. Что-то чувствовалось неестественное въ выраженіи лица, въ смѣхѣ, въ движеніяхъ, какая-то лѣнивая небрежность сквозила въ костюмѣ, однимъ словомъ — пропащій человѣкъ, несмотря на цвѣтущее здоровье, на молодость и наконецъ на этотъ ликующій день, говорившій о жизни, о радости, о кипучей работѣ. Николай Ивановичъ относился къ пропащему человѣку съ той обидной снисходительностью, которая читалась между строкъ и выражалась сильнѣе всего въ интонаціи. Его молодое длинное лицо съ крупными чертами глядѣло такъ энергично и съ особеннымъ сибирскимъ себѣ на умѣ, такъ что невольно думалось: э, да ты, братъ, изъ молодыхъ да ранній. Онъ и одѣтъ былъ совсѣмъ просто, въ суконную поддевку, ситцевую рубашку-

косоворотку и длинные охотничьи сапоги. Мы сидѣли на порогѣ избушки, пользуясь тѣнью, падавшей отъ ближайшей березы. Собственно говоря, это былъ обманъ — пекло на-смерть, но просто хотѣлось вѣрить, что въ тѣни какъ будто легче. Воздухъ переливался отъ жары, лѣсъ стоялъ неподвижно, изнемогая каждымъ листочкомъ; большое озеро походило на раскаленное зеркало. Не хотѣлось шевельнуть пальцемъ.

— Только и народъ эти дамы,—съ улыбкой проговорилъ Николай Ивановичъ, срывая ближайшую травку. — Въ этакій жаръ побрели купаться: только хуже будетъ. Пока въ водѣ сидишь, такъ будто и легче, а вылѣзъ на берегъ—смерть. Итти развѣ въ палаткѣ полежать? Нѣтъ, и спать въ жаръ тоже вредно...

Молодой человѣкъ зѣвнулъ такъ, что челюсти затрещали, а потомъ погрузился въ дремоту.

Отъ избушки открывался великолѣпный видъ. Прямо блестѣло лѣсное озеро, направо разстилалась зеленая поляна, на которой стояли наши экипажи и была раскинута парусинная походная палатка, за поляной волнистой линіей уходилъ смѣшанный лѣсъ, а въ глубинѣ синей мохнатой шапкой пряталась лѣсистая горка. Сама избушка такъ и просилась на картину: полуразвалившаяся, почернѣвшая—одна изъ тѣхъ поэтическихъ лѣсныхъ избушекъ, какія такъ любятъ рисовать художники.

Какъ жилъ въ ней Егорушка—другой вопросъ. Лѣто все краситъ, а зимой здѣсь, навѣрно, жутко приходилось, особенно одному. Впрочемъ, Егорушка жилъ въ этой избушкѣ болѣе десяти лѣтъ и былъ совершенно доволенъ своею судьбой. Онъ офиціально носилъ званіе сторожа, т.-е. долженъ былъ стеречь озеро, арендованное Николаемъ Ивановичемъ для рыбной ловли, а въ дѣйствительности продавалъ пойманную рыбу на сторону и бралъ взятки съ рыболововъ, украдомъ добывавшихъ чужую рыбу. Николай Ивановичъ, конечно, все это зналъ, но смотрѣлъ на все сквозь пальцы. Э, пусть его воруютъ—рыбы въ озерѣ много, а лѣтомъ любезное дѣло пріѣхать сюда и заварить уху изъ живыхъ карасей.

— Э, господа, идите сюды!—крикнулъ Гавриловъ, размахивая руками.—Да скорѣе, пожалуйста.

Николай Ивановичъ даже привскочилъ спросонья и спросилъ:

— Да зачѣмъ? Экъ вѣдь взяло его... Даже испугалъ.

— Идите!.. Ха-ха!.. Отсюда все-все, какъ на ладонкѣ, видно. Жаль, что бинокля нѣтъ...

— Послушай, Гавриловъ, какъ тебѣ не совѣстно! — говорилъ Николай Ивановичъ, пожимая плечами.—Понимаешь, это неприлично. Наконецъ, твоя собственная жена купается... Право, безстыдникъ..

— Ну, пошелъ огородъ городить, красная дѣвушка,—огрызнулся Гавриловъ, изъ-подъ руки вглядываясь на дальній берегъ, гдѣ купались дамы.

Онъ даже присѣлъ на корточки, какъ дѣлаютъ охотники, скрадывающіе утокъ, и продолжалъ время отъ времени дѣлать въ нашу сторону краснорѣчиво манившіе жесты. Это легкомысліе окончательно возмутило Николая Ивановича.

— Конечно, пропащій человѣкъ,—уже сердито проговорилъ онъ, дѣлая нетерпѣливое движеніе.—Жена купается, а онъ зоветъ смотрѣть. Положимъ, онѣ купаются далеко, на мысу, а все-таки нехорошо. Просто, я не радъ, что и связался съ нимъ... Только для Павлы Мироновны переношу, а то терпѣнья нѣтъ. И уродился человѣкъ... Сколько жениховъ сваталось за нее, за Павлу Мироновну, когда въ дѣвушкахъ была — и все хорошіе женихи.

Такъ нѣтъ же, ни за кого не пойду, кромѣ Гаврилова. И отецъ съ матерью были противъ, а она на своемъ настояла, ну, теперь и казнится. Онъ и свое все прожилъ, и ея приданое, да еще векселей надавалъ... Павла Мироновна, положимъ, никогда не жалуется, но вѣдь отъ чужихъ глазъ не скроешься: всѣ видятъ. Шила въ мѣшкѣ не утаишь...

Я пошелъ на берегъ, чтобы посмотрѣть, какъ Егорушка мастеритъ намъ обѣдъ. Гавриловъ въ усталой позѣ сидѣлъ около костра и подкладывалъ свѣжія полѣнья дровъ. Онъ уже забылъ о купальщицахъ, и о томъ, что рыба плаваетъ въ водѣ, и о сидѣвшемъ рядомъ съ нимъ Егорушкѣ. Сторожъ-зырянинъ рѣзко выдѣлялся своимъ инородческимъ типомъ: черный, какъ жукъ, съ прямыми жесткими волосами, съ узкими, слезившимися глазками и сморщеннымъ безбородымъ лицомъ, онъ являлся типичнымъ представителемъ настоящаго лѣснаго человѣка. Въ семьдесятъ лѣтъ у него не было ни одного сѣдого волоса, и это придавало ему какой-то странный видъ неестественной моложавости. Одѣвался онъ, — какъ всѣ другіе, — въ ситцевыя рубахи, синіе порты и большіе мужицкіе сапоги. На головѣ, чтобы волосы не лѣзли въ глаза, Егорушка носилъ узенькій ременокъ. Какъ онъ попалъ изъ Вологодской губерніи въ Зауралье — трудно сказать, а самъ Егорушка не любилъ разсказывать. Пришелъ — и все тутъ. Я познакомился съ Егорушкой еще раньше, совершенно случайно наткнувшись на охотѣ на его избушку.

— Ну, какъ поживаешь, Егорушка?—спрашивалъ я, подсаживаясь къ огоньку.

— А помаленьку живу... въ лѣсу живу...

— И тебѣ не страшно одному?

— А чего бояться? Егорушка привыкъ одинъ жить...

Старикъ говорилъ по-русски съ трудомъ, коверкая слова и забавно, какъ-то по-дѣтски, шепелявя. Въ его лицѣ было что-то дѣтское, какъ вообще у инородцевъ.

— А ты разскажи, Егорушка, какъ тебя шайтанъ пугалъ? — спрашивалъ Гавриловъ, подмигивая мнѣ по неизвѣстной причинѣ.

— Онъ пугаль... Егорушка испугался... — лепеталъ старикъ, щурясь и улыбаясь.—Зимой Егорушка на печкѣ лежаль, а собака Лютра ворчаль... Егорушка волки думаль, ружье хваталь, а онъ подъ окно стучаль и спрашивалъ: „Егорушка“... Три раза спрашивалъ, а Егорушка молчаль. Потомъ Егорушка выходилъ и стрѣляль въ него изъ ружья...

— Да ты толкомъ разскажи, какъ стрѣлялъ-то? — допрашивалъ Гавриловъ.

— А какъ его стрѣляютъ: подъ лѣвую руку ружье клаль и стрѣляль... Онъ больше не приходиль..

Разсказывая, старикъ деревянной ложкой помѣшивалъ въ желѣзномъ котелкѣ, висѣвшемъ надъ огнемъ. Я только теперь замѣтилъ, что караси, очищенные отъ чешуи и съ распоротыми животами, продолжали плавать въ закипавшей водѣ: они были еще живые.

— Егорушка, что ты дѣлаешь: вѣдь караси живые?—невольно крикнулъ я.

— Живые и свѣжіе караси...—добродушно подтвердилъ старикъ, не понимая моего восклицанія.—Хорошіе караси... Егорушка ловиль...

Я хотѣлъ что-то сказать на эту тему, но въ этотъ моментъ раздавшійся въ лѣсу отчаянный женскій крикъ взбудоражилъ всѣхъ: вскочилъ Гавриловъ, вскочилъ Николай Ивановичъ, точно изъ-подъ земли выпырнула пестрая собака Лютра и съ громкимъ лаемъ бросилась на крикъ.

Что-то случилось необычное.

II.

Мужчины бросились по берегу, навстрѣчу испуганнымъ женщинамъ. Мы съ Егорушкой остались около огня одни. Крикъ больше не повторялся, но наступившая тишина просто томила, какъ бываетъ въ такіе моменты.

— Онъ баба пугаль...—равнодушно прошепелявилъ Егорушка.

— Кто онъ-то?

— Шайтанъ...

Сердитый лай Лютры, донесшійся изъ лѣсу, доказалъ противное—былъ чужой человѣкъ. Скоро на опушкѣ лѣса показались обѣ сестры Арамильцевы, съ ними Николай Ивановичъ,—онъ торжественно велъ подъ руку Павлу Мироновну. Лютра нѣсколько разъ выскакивала на опушку и лаяла съ отчаяннымъ азартомъ. Женщины были одѣты на скорую руку и сейчасъ же скрылись въ палаткѣ, чтобъ привести въ порядокъ свои костюмы.

— Бабы, какъ есть бабы,—ворчалъ Гавриловъ, возвращаясь къ огню:—померещился имъ человѣкъ, т.-е. и не человѣкъ, а мужикъ. Ну что изъ того, что мужикъ пройдетъ мимо? Вотъ если бъ онъ подкрался да стащилъ у нихъ всѣ юбки—вотъ бы живая картина была... Ха-ха!.. Съ Ельничнаго-то верстъ бы двадцать пришлось ѣхать нимфами... Тутъ же, придумали мужика, чтобы повизжать.

— Навѣрно, какой-нибудь бродяга,—косвенно вступился Николай Ивановичъ за дамъ.—Мало ли ихъ теперь по лѣсу ходитъ... Это хоть до кого доведись, испугаешься.

— Ну, пошелъ огородъ городить, бабій заступникъ!

Между ними, какъ я замѣтилъ, вообще происходила постоянная пикировка по малѣйшему поводу. Причину этого внутренняго раздраженія не трудно было угадать, особенно когда Павла Мироновна опускала глаза, стоило Николаю Ивановичу на нее взглянуть. Разыгрывалась одна изъ тѣхъ невидимыхъ постороннимъ глазамъ семейныхъ драмъ, исходъ которыхъ часто приводилъ дѣйствующихъ лицъ на скамью подсудимыхъ. Ухаживалъ Николай Ивановичъ за молодой женщиной, или это была старая привязанность—трудно сказать, но что-то такое было. Въ послѣднемъ я окончательно убѣдился изъ отношеній къ Павлѣ Мироновнѣ старшей сестры Арамильцевой, Елены Петровны, видимо имѣвшей свои планы по отношенію къ молодому купчику.

— Эй, выходите, дамы!—кричалъ Гавриловъ, когда уха поспѣла.—Уха простынетъ... Очень ужъ вы наряжаетесь: какъ разъ ворона на гнѣздо утащитъ.

Первой вышла Елена Петровна. Она была совсѣмъ по-домашнему—въ простенькой ситцевой кофточкѣ, мокрые волосы по-бабьи прикрыты краснымъ кумачнымъ платкомъ. Ей не было еще тридцати лѣтъ, но она рѣшила остаться дѣвушкой-незамужницей и не обращала никакого вниманія на свои костюмы. Мнѣ нравилось ея лицо—полное и бѣлое, съ рѣшительнымъ складомъ губъ и смѣлыми сѣрыми глазами. Въ каждомъ движеніи и въ тонѣ голоса чувствовалась привычка повелѣвать. Несмотря на свое кондовое старовѣрство, Елена Петровна постоянно курила папиросы. Младшая сестра Фисочка была слабостью этой рѣшительной особы,—въ ней для нея сейчасъ заключалось все. Обѣ сестры были темноволосыя, средняго роста, но Фисочка далеко уступала сестрѣ въ смыслѣ типичности, какъ заурядная хорошенькая дѣвушка. Сестры Арамильцевы гремѣли на весь округъ, какъ самыя богатыя невѣсты. Онѣ остались круглыми сиротами, и отъ жениховъ не было отбоя. Но счастья никому не выпало: Елена Петровна такъ и осталась незамужницей, а Фисочка была еще молода.

— Ну, гдѣ же уха?—строго спросила Елена Петровна, обращаясь къ Гаврилову.—Только людей напрасно мутишь...

Обѣдъ устроился у палатки, на бухарскомъ коврѣ, вокругъ котораго всѣ и размѣстились, по-турецки поджавъ ноги подъ себя. Душой общества являлся Гавриловъ, вышучивавшій кокетничавшую Фисочку. Павла Мироновна, высокая и красивая блондинка, совсѣмъ не вступала въ разговоръ; она точно вся застыла на какой-то одной мысли. У нея были такіе грустные сѣрые глаза. Николай Ивановичъ все время ужасно безпокоился, потому что Гавриловъ успѣлъ хлопнуть еще двѣ рюмки водки и пустился разсказывать анекдоты,—того и гляди, отвѣситъ съ пьяныхъ глазъ что-нибудь такое, что дамы сгорятъ отъ стыда. Нѣсколько разъ Николай Ивановичъ уже подталкивалъ Гаврилова въ бокъ: дескать, будетъ, милый человѣкъ, а то совсѣмъ заврался.

— Да ты не безпокойся!..—увѣрялъ Гавриловъ.—И мы тоже понимаемъ, что можно сказать, а о чемъ помолчать. Такъ, Елена Петровна? Она сегодня игуменьей смотритъ...

Этотъ Гавриловъ положительно отравлялъ всѣмъ обѣдъ, и всѣ, видимо, тяготились его присутствіемъ. Исключеніе составляла одна Лютра, которая отъ него не отходила: секретъ привязанности собакъ къ пьянымъ людямъ еще не открытъ психологіей. Фисочка напрасно старалась переманить ее къ себѣ, но Лютра оставалась вѣрной до конца и не соблазнялась даже телячьей косточкой.

Егорушка служилъ поваромъ и подавалъ все, что у него было въ избушкѣ съѣстного: черный хлѣбъ, соль, картошку. Въ моментъ новаго испытанія Лютры, когда Фисочка протянула ей кусокъ колбасы, собака неожиданно заворчала и повернула голову къ лѣсу.

— Опять мужикъ! Я боюсь,—острилъ Гавриловъ.—Хоть бы спрятаться куда-нибудь.

— Это наши кучера,—объяснилъ Николай Ивановичъ.—Они увели лошадей на траву въ ту сторону.

Но Лютра продолжала ворчать и даже поднялась на ноги.

На опушкѣ лѣса обрисовался мужской силуэтъ. Фисочка вскрикнула и кокетливо спряталась за сестру. Лютра полетѣла навстрѣчу непріятелю, который, видимо, остановился въ нерѣшительности. Егорушка прищуреннымъ глазомъ посмотрѣлъ на лѣсную опушку и проговорилъ:

— Варнакъ пришелъ...

Сгорбившись и шмыгая ногами, старикъ отправился къ варнаку и все повторялъ: „Я ему дамъ!.. Я его прогониль!..“. Чтобы показать свое усердіе, старикъ даже побѣжалъ смѣшной трусцой, какъ-то присѣдая, точно онъ хотѣлъ пасть и не могъ. Лютра уже была на мѣстѣ дѣйствія и приступомъ лѣзла на бродягу.

— Эй, Егорушка, тащи варнака сюда!—крикнулъ Гавриловъ ему вслѣдъ.

— Я ево тащиль!..—донесся голосъ Егорушки.

Всѣ поднялись на ноги. Наши дамы замѣтно переполошились: вѣдь бродяга могъ быть и не одинъ. Даже навѣрное онъ не одинъ, а то откуда бы онъ набрался смѣлости. Елена Петровна пожалѣла, что нѣтъ кучеровъ. Впрочемъ, у Гаврилова былъ револьверъ. Егорушка на полдорогѣ задохся и пошелъ къ бродягѣ уже шагомъ. Видно было, какъ онъ жестикулировалъ и даже толкнулъ его въ грудь. Это было уже совсѣмъ смѣшно... Потомъ они вмѣстѣ пошли къ нашей палаткѣ. Егорушка продолжалъ размахивать руками и дѣлалъ угрожающіе жесты.

Лютра прилетѣла къ палаткѣ впередъ и проявила необыкновенное усердіе: вертѣлась, лаяла и даже визжала.

— Для чего вы его позвали сюда?—укоряла Гаврилова встревоженная за сестру Елена Петровна.—Вѣчно что-нибудь такое придумаете...

— А любопытно варнака посмотрѣть,—объяснялъ Гавриловъ.—Вѣдь такой же живой человѣкъ, какъ и мы съ вами, да, можетъ-быть, еще лучше насъ... Отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся. Сегодня вотъ мы съ вами карасью уху ѣдимъ, а завтра... Всѣ подъ Богомъ ходимъ.

Варнакъ подошелъ и остановился въ пяти-шести шагахъ съ нерѣшительнымъ видомъ... Это былъ средняго роста худощавый и загорѣлый мужикъ, одѣтый въ полную „варнацкую форму“—въ коротенькое пальтишко, на ногахъ сибирскія бродни, за плечами небольшая котомка, на головѣ валеная шляпа, въ одной рукѣ закопченный дымомъ желѣзный котелокъ. Всѣ бродяги одѣты по одному образцу, точно сговорились. Худое, давно небритое лицо выдавало солдата. На видъ ему можно было дать лѣтъ сорокъ, хотя онъ и казался старѣе. Какъ всѣ бродяги, онъ еще издали снялъ шляпу и вѣжливо поклонился.

— Это давеча ты напугалъ нашихъ дамъ?—обратился къ нему Гавриловъ съ дѣланной строгостью.

— Нечаянно набрелъ, ваше степенство,—тихо отвѣтилъ варнакъ и обвелъ всѣхъ глазами, точно провѣряя по нашимъ лицамъ какую-то свою тайную мысль.—Нечаянно... Иду по лѣсу, а онѣ какъ закричатъ. Ну, я и побѣжалъ... Наше ужъ дѣло такое, что всего боишься.

— А, можетъ-быть, ты нарочно подкрадывался?—продолжалъ Гавриловъ, фамильярно подмигивая.—Знаю, братъ, какъ вы съ ягодницами поступаете...

Эта выходка ужасно переконфузила варнака. Онъ что-то хотѣлъ сказать въ свое оправданіе, но взглянулъ на дамъ и неловко замолчалъ. Удивительный былъ этотъ взглядъ,—такъ смотрятъ только раздавленные люди. Въ немъ было столько нѣмого горя, тоски, отчаянія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то обезоруживающей покорности. Елена Петровна какъ-то даже выпрямилась, смѣло подошла къ бродягѣ и заговорила такъ просто, какъ умѣютъ говорить только пожалѣвшія женщины.

— Вы издалека идете?

— Изъ-за моря, барышня... Шестой годъ иду. Лѣто иду, а зиму гдѣ-нибудь перебиваюсь.

Моремъ бродяги называютъ озеро Байкалъ.

— Что же такъ долго?

— Да вѣдь больше трехъ тысячъ верстъ прошелъ, барышня.

— Вы, собственно, откуда же идете?

— Съ каторги бѣжалъ... Шесть лѣтъ еще оставалось отбывать каторгу, ну я и бѣжалъ. Лѣтомъ-то ничего, а вотъ зима нашему брату лютый врагъ. Бурятамъ попадешь въ руки, такъ съ живого кожу снимутъ, да еще начальству предоставятъ, а за побѣгъ плети...

— А если здѣсь поймаютъ?

— Ну, здѣсь-то ужъ намъ ничего, барышня... Только до Пермской губерніи добраться, а здѣсь мы дома. Здѣсь ежели и поймаютъ, скажешься непомнящимъ родства, и отправятъ на вольное поселеніе.

— А много васъ идетъ каждое лѣто?

— Охъ, много, барышня... Сотни идутъ. У насъ свой трактъ: на Уралъ по рѣкѣ Исети подымаемся, а съ Урала по рѣкѣ Чусовой и по старому Сибирскому тракту. Нынче по желѣзной дорогѣ которые идутъ, только тамъ опаснѣе: жандармовъ много... Да и кормиться негдѣ.

— По деревнямъ лучше?

— Способнѣе... Жалѣютъ насъ, бродяжекъ. Кто кусокъ хлѣба подастъ, кто молочка, ну и перебиваемся... Милостыню приходится принимать.

Гавриловъ досталъ изъ портмоне рубль и подалъ его варнаку, который опять сконфузился.

— Многовато будетъ...—бормоталъ онъ нерѣшительно.

— Бери, коли даютъ.

III.

Получивъ свой гонораръ, бродяга еще разъ поклонился и, держа изъ варнацкой вѣжливости шляпу въ рукѣ, побрелъ опять къ лѣсу. Елена Петровна провожала его глазами, а потомъ точно спохватилась и крикнула:

— Эй, бродяжка, вернись... А ты, Егорушка, подавай скорѣе уху, да хлѣба побольше.

Егорушка, сгорбившись, пошелъ за своей ухой, а Елена Петровна съ какой-то лихорадочной энергіей принялась готовить импровизованный обѣдъ. Она умѣлыми руками покрыла скатерть на одинъ изъ ковровъ, разставила на ней посуду, а потомъ, отдѣльно въ сторонѣ, постлала салфетку и пригласила бродягу сѣсть движеніемъ глазъ.

Николай Ивановичъ занялся Фисочкой, а Гавриловъ молча наблюдалъ Елену Петровну и улыбался одними глазами.

— Какой онъ несчастный... — тихо проговорила Павла Мироновна, не обращаясь собственно ни къ кому.

— На волчьемъ положеніи тоже не сладко,—коротко объяснилъ Гавриловъ.

Поданная Егорушкой уха изъ живыхъ карасей на время отвлекла общее вниманіе отъ бродяги. Елена Петровна налила ему первую тарелку и сама ее подала.

— Можетъ-быть, онъ водки хочетъ... — пошутилъ Гавриловъ и смолкъ, чувствуя неумѣстность своего поведенія.

— Это ужъ вы выпьете за него, — обрѣзала его Елена Петровна. — У васъ вѣдь одна забота... Егорушка, поставь самоваръ. Да поскорѣе. Намъ ѣхать пора.

Бродяга ѣлъ съ настоящимъ лѣснымъ аппетитомъ и время отъ времени поглядывалъ на нашу веселую компанію. Сейчасъ онъ показался мнѣ болѣе жалкимъ, чѣмъ по первому впечатлѣнію. Въ позѣ, въ каждомъ движеніи и особенно во взглядѣ чувствовалось это страшное горе, которому даже нѣтъ имени. Вѣдь и у него были, вѣроятно, свои счастливые дни, и гдѣ-то остались родные, знакомые, вообще близкіе и дорогіе люди. Это невысказанное горе на общемъ фонѣ нашего импровизованнаго обѣда казалось еще больнѣе. Послѣ ухи Елена Петровна предложила гостю какихъ-то консервовъ, но онъ отказался.

— Не привычны мы, барышня, къ этому,—объяснялъ онъ застѣнчиво.— Спасибо на добромъ словѣ...

— Да ты не стѣсняйся, ѣшь. У насъ всего много...

— Спасибо... Вотъ горяченькаго поѣлъ, это дороже всего. Истощаешь въ лѣсу-то, ослабѣешь... То грибы ѣшь, то ягоды, а то и такъ день, другой проболтаешься: одной молитвой сытъ.

— А ты издалека родомъ будешь? — спросила Елена Петровна. — По разговору-то не изъ нашихъ мѣстъ...

— Дальній, барышня. Изъ Херсонской губерніи, значитъ. Въ солдатахъ

былъ взятъ, ну, три года отслужилъ, а потомъ несчастіе случилось. Фельдфебеля ударилъ... Такъ, изъ ума вышибло. Звѣрскій былъ человѣкъ, ну, я не стерпѣлъ. Изъ-за него и на каторгу ушелъ...

— Хочется дома побывать?

— Смерть хочется. Кажется, только бы глазомъ взглянуть и сейчасъ помереть.

— Зачѣмъ же помирать—жить нужно.

— Кому ужъ что̀ на роду написано,—съ прежней покорностью проговорилъ бродяга.—У всякаго человѣка, барышня, своя судьба... И мое дѣло—развѣ думано было волкомъ бродить по лѣсу, а вотъ Господь привелъ. Много насъ такихъ-то, такъ оно на людяхъ и не такъ ужъ обидно. Только вотъ про свое мѣсто когда вспомнишь, такъ очень ужъ жутко дѣлается.

Въ концѣ обѣда поспѣлъ самоваръ, и Елена Петровна опять принялась угощать бродяжку,—сама наливала чай, сама его подавала.

— Можетъ-быть, ты со сливками хочешь? — спрашивала она, не зная, чѣмъ еще угостить несчастнаго человѣка.

— Нѣтъ, спасибо... Сейчасъ Петровки: не потребляю.

Со сливками пили только Гавриловъ и я, такъ что отвѣтъ бродяги послужилъ намъ косвеннымъ обвиненіемъ. По этому случаю Гавриловъ даже подмигнулъ мнѣ: дескать, каковъ варнакъ, — ловко онъ насъ съ вами подводитъ. Елена Петровна также весело взглянула въ нашу сторону,—она блюла посты по-старинѣ.

Пока мы пили чай, кучера̀ привели изъ лѣсу лошадей, и началась процедура ихъ закладки. Городскія лошади изнѣженныя и не выносятъ лѣсного овода. Онѣ бились въ оглобляхъ, вздрагивали и вообще выражали самое горячее нетерпѣніе убраться поскорѣе къ себѣ, въ родную конюшню. Кучера также горячились, проявляя особенную энергію. Бродягой они мало интересовались, потому что лѣтомъ въ этой сторонѣ ихъ видимо-невидимо. Какъ это всегда бываетъ, лошадей заложили раньше времени, потому что оставалось еще убрать посуду, сложить палатку и т. д., а оводъ донималъ городскихъ скотовъ съ особенной настойчивостью. Изъ-за этого произошла даже маленькая размолвка между Еленой Петровной и Гавриловымъ.

— Эхъ, вы, бабы,—ругалъ Гавриловъ кучеровъ.—Кто же закладываетъ лошадей раньше времени? Право, бабы...

— А что̀ же вы молчали раньше-то? — спорила съ нимъ Елена Петровна.—Вѣдь вы не баба, ну, и сказали бы...

— Я чай пилъ, Елена Петровна...

— Ну, такъ, значитъ, нужно молчать...

Находчивѣе всѣхъ оказался бродяга, который сейчасъ же смастерилъ костеръ, закидалъ его свѣжей травой и такимъ образомъ устроилъ настоящее лѣсное курево. Лошади, поставленныя въ дымъ, сразу успокоились. Бродяга присѣлъ на корточки около огня и наблюдалъ своими грустными глазами за нашими сборами.

— Господа, ну, теперь, кажется, готово все?—спрашивалъ Гавриловъ, точно онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.—Николай Ивановичъ... Эхъ, молодой человѣкъ!..

Николай Ивановичъ нѣсколько увлекся какой-то серьезной бесѣдой съ Фисочкой и, повидимому, забылъ о всѣхъ и всемъ. Онъ неловко покраснѣлъ и что-то такое пробормоталъ.

— Куда же ты теперь пойдешь?—спрашивалъ я бродягу на прощаньи, когда всѣ уже разсаживались по экипажамъ.

— Въ Расею...

— Ну, а поздняя осень застигнетъ въ дорогѣ?

— Только бы добраться до своего мѣста, а тамъ все равно.

— А если не дойдешь до своего мѣста?

Бродяга какъ-то недоумѣвающе посмотрѣлъ на меня, опустилъ голову и проговорилъ упавшимъ голосомъ:

— Куда больше, какъ не въ острогъ, а изъ острога насъ, непомнящихъ родства, въ Западную Сибирь высылаютъ на вольное поселеніе... Придется съ вольнаго поселенія опять итти къ своему мѣсту, вотъ этой же дорогой. Другой разъ пять по одному мѣсту пройдетъ...

Когда наши экипажи тронулись, бродяга стоялъ на одномъ мѣстѣ и провожалъ насъ своими печальными глазами: по его лицу катились крупныя слезы. Елена Петровна отвернулась и смотрѣла куда-то въ сторону.

— Это вы его разжалобили, Елена Петровна,—крикнулъ ей изъ другого экипажа неугомонный Гавриловъ.

Дѣвушка даже не оглянулась, продолжая смотрѣть на неизвѣстную точку въ лѣсу.

На мѣстѣ нашей недавней стоянки оставались бродяга и Егорушка.

1891.

ИСКУШЕНІЕ о. СПИРИДОНА.

Разсказъ.

I.

Жаркій іюльскій день былъ на исходѣ, а работа такъ и кипѣла кругомъ, какъ бываетъ только въ самый разгаръ страды. Ловили каждый рабочій часъ. А тутъ еще поднималась съ сѣвера грозовая тучка, и гдѣ-то, точно подъ землей, слышались глухіе раскаты далекаго грома. Отецъ Спиридонъ, маленькій и тщедушный старичокъ, торопливо шагалъ за возомъ съ сѣномъ и съ тревогой поглядывалъ изъ-подъ своей широкополой поповской шляпы, порыжѣвшей и заношенной, то на солнце, то на близившуюся грозу.

— А вѣдь не поспѣютъ...—думалъ онъ вслухъ.—Ахъ, не поспѣютъ съ сѣномъ!.. Какъ разъ захватитъ сѣно-то дождичкомъ... Всего-то бы обождать тучкѣ часикъ, другой. Нѣтъ, не поспѣютъ дѣтки... Ахъ, Господи, Господи!.. Одинъ бы часокъ...

Бѣлоглазая, пѣгая лошадка съ большой головой точно понимала приближавшуюся опасность и прибавляла шагу, когда о. Спиридонъ покрикивалъ на нее:

— Ну, ну, боговая скотинка!.. Ужо захватитъ насъ дождемъ...

О. Спиридону тяжело было шагать въ громадныхъ мужицкихъ сапогахъ, и онъ снялъ съ себя старенькій подрясникъ, оставшись въ одномъ жилетѣ. Поповская шляпа теперь придавала ему довольно смѣшной видъ, особенно когда вылѣзли двѣ сѣдыхъ косички, спрятанныя раньше за воротомъ подрясника. Онъ походилъ на громаднаго цыпленка, только-что вытащеннаго изъ воды. Но попадавшіеся по обѣимъ сторонамъ полевой дорожки мужики и бабы, торопливо убиравшіе сѣно, не находили ничего смѣшного въ своемъ попѣ Спиридонѣ и кричали ему издали:

— Богъ помочь, о. Спиридонъ. Что это ты самъ сѣно-то везешь? Послалъ бы работника.

— А некогда, дѣтушки... У меня тоже сѣно копнять *). Ну, вотъ я ужъ самъ и повезъ. Нельзя, дѣтушки, горитъ работа.

— А какъ ты въ логу выѣдешь съ возомъ? Какъ разъ засядешь...

— А я съ молитвой, дѣтушки, съ молитвой... Потихоньку, дѣтушки. Торопитесь, вонъ тучка-то какъ накатывается...

О. Спиридонъ любилъ страду, хотя ему годъ отъ году дѣлалось все труднѣе работать. Раньше наравнѣ съ мужиками страдовалъ, а теперь и спина болитъ, и руки точно чужія, а наклонится—предъ глазами темные

*) Копнять—складывать сѣно въ копны.

круги заходять. Да, трудненько старику, а отставать не хотѣлось отъ другихъ. Всѣ работали въ страду, а онъ долженъ былъ показывать примѣръ другимъ.

Лошадь нѣсколько разъ останавливалась, чтобы перевести духъ. Возъ былъ большой, а свѣжее сѣно тяжело. О. Спиридонъ тоже переводилъ духъ, поглядывая изъ-подъ руки на покосы и нивы, уходившіе къ самому горизонту, насколько хваталъ глазъ. Хорошее дѣло страда — и люди точно дѣлаются лучше. Воинъ какъ работаютъ „одной душой“!.. Старикъ любовался на эту вѣковѣчную работу отцовскимъ глазомъ, точно работала одна семья, именно его семья. Вѣдь большинство вотъ этихъ работниковъ крещены имъ, имъ же вѣнчаны — одно стадо и одинъ пастырь. Нива божія воздѣлывала ниву земную...

А возъ все катился, переѣзжая съ межи на межу по узкой покосной колеѣ. Вдали уже синѣлъ лѣсокъ, а за нимъ синей стѣной поднимался вѣковой сосновый боръ, — изъ-за него виднѣлась только бѣлая колокольня села Деменева. У этого бора и былъ тотъ ложокъ, о которомъ говорили о. Спиридону мужики.

— Ну, ну, боговая скотинка, поторапливай... Ужо вотъ дождемъ захватитъ.

Въ воздухѣ уже начинала чувствоваться предшествующая дождю свѣжесть. Откуда-то срывался вѣтеръ и съ молодой рѣзвостью проносился по травѣ, гнулъ мелкіе кусты и что-то шепталъ на пути, какъ расшалившійся ребенокъ. Вотъ дорожка обогнула молодой лѣсной островокъ и начала спускаться подъ горку, гдѣ залегъ синій боръ. Вотъ и ложокъ, о которомъ говорили мужики.

— Эхъ, надо бы мостикъ наладить черезъ ложокъ-то!—думалъ вслухъ о. Спиридонъ, съ тревогой поглядывая впередъ.—Эй, ты, пѣганка, смотри у меня...

Крестьянскіе воза постоянно вязли въ этомъ логу, но устроить мостикъ мужики никакъ не могли собраться. Лѣтъ сто собирались, бранили вредное мѣсто, а моста не могли устроить.

Пѣганка понимала грозившую опасность и спускала возъ осторожно, упираясь задомъ въ самую телѣгу.

— Лѣвѣе держи, лѣвѣе!..—покрикивалъ о. Спиридонъ.

Возъ повернулъ налѣво, и переднія колеса сразу засѣли въ вязкой болотинѣ. О. Спиридонъ повернулъ лошадь направо, чтобы выдернуть колеса, но послѣднее не удалось, и возъ свалился на сторону.

— Ахъ, ты, грѣхъ какой... а? — удивлялся старикъ, обходя кругомъ возъ. — Вотъ грѣхъ-то! Что мы съ тобой будемъ дѣлать, пѣганка? Да не оказія ли...

О. Спиридонъ обошелъ кругомъ еще раза два, попробовалъ приподнять заднее колесо, оглянулся назадъ, не ѣдетъ ли кто, и только покачалъ головой. А тутъ еще туча напираетъ и, того гляди, дождемъ свѣжее-то сѣно испортитъ. Одному тяжелый возъ не поднять, а на подмогу никто не ѣдетъ.

— Вотъ такъ угораздило... Не даромъ мужики-то говорили.

Все-таки не сидѣть же въ грязи, и о. Спиридонъ рѣшилъ попробовать. Онъ взялъ въ руки вожжи, подобрался спиной подъ наклонившійся бокъ воза и крикнулъ:

— Ну, пѣганка... ну-у!!.

Конечно, это усиліе не привело ни къ чему. Возъ точно примерзъ. Но о. Спиридонъ сдѣлалъ еще попытку — опять подлѣзъ подъ возъ и повернулъ лошадь влѣво.

— Ну, пѣганка... ну-у!!.

Къ его удивленію возъ началъ подаваться и помаленьку выпрямился. Пѣганка сдѣлала отчаянное усиліе и выдернула возъ на другой берегъ. О. Спиридонъ окончательно удивился и только теперь замѣтилъ, что по другую сторону воза стоялъ какой-то мужикъ и съ улыбкою смотрѣлъ на него.

— Что, не узналъ, о. Спиридонъ?

— Да ты... ты... ты откуда взялся-то?—бормоталъ о. Спиридонъ, инстинктивно отшатываясь и боясь признать мужика.

— Гдѣ былъ—тамъ ничего не осталось, а вотъ сейчасъ весь тутъ...

О. Спиридонъ даже руками всплеснулъ. Ему представилось, что мужикъ сейчасъ броситься на него и задушитъ, какъ цыпленка.

— Не признаёшь?—спокойно допрашивалъ мужикъ.—И то сказать, лѣтъ, поди, съ пять, какъ не видались...

— Ты... ты... ты... да вѣдь Никита? Да не отчаянный ли... а? Ахъ, ты, Господи...

— Прежде Никитой звали, а теперь Иванъ Потеряй-Концы.

У о. Спиридона дрожали колѣни, и онъ стоялъ съ раскрытымъ ртомъ, не имѣя силъ выговорить ни одного слова. Бродяга опять улыбнулся и проговорилъ:

— Ничего, не бойся... Волкъ и тотъ у своей деревни овецъ не рѣжетъ... Понялъ? Вижу, напрасно ты маешься въ логу съ возомъ, ну, вотъ я и подошелъ...

— Спасибо... да... Спасибо... А какъ же ты того...

— А все по тому же трахту: изъ каторги да въ Деменеву домой и выворотился. Убѣгъ еще въ позапрошломъ году... Кругомъ море *) обошелъ. Довольно всякой муки натерпѣлся отъ братскихъ **) и отъ своихъ еще того похуже.

— Такъ, такъ... А все-таки того, съ чего это ты сюда-то пришелъ?

— А куды я пойду?

— Да, оно того...

— Постой, я тебѣ одну штучку покажу,—проговорилъ бродяга.—Да не бойся: пальцемъ не шевельну. Мнѣ-то вѣдь все одно: безсрочная каторга. Хуже того не будетъ... Пойдемъ со мной.

— Не пойду,—уперся о. Спиридонъ.—Ты меня убьешь...

— Ахъ, ты, какой ты глупый попъ... Тоже и на мнѣ крестъ есть. Вотъ тутъ сейчасъ... только свернемъ въ кусты...

— Вотъ ты меня въ кустахъ-то и зарѣжешь...

— Да иди же, говорятъ тебѣ.

О. Спиридонъ нѣкоторое время колебался, а потомъ вдругъ рѣшился итти за бродягой... Убить-то вѣдь онъ и здѣсь могъ...

Они пошли въ кусты направо. Бродяга шагалъ по кочкамъ умѣлой ногой и въ заростеляхъ раздвигалъ кусты, давая дорогу о. Спиридону.

— Да ты куда меня ведешь-то?—устрашился опять старикъ, останавливаясь перевести духъ.—Не пойду...

— А вотъ сейчасъ... Ишь мѣсто-то какое: настоящее волчье логово... Я-то по волчьему паспорту гуляю, ну и мѣсто выбралъ себѣ тоже волчье. Ужъ оно одно къ одному. Иди, говорятъ, никакого худа не будетъ...

— Ежели наши мужики увидятъ мой возъ, а меня около воза нѣтъ—тогда какъ?

---

*) На языкѣ бродягъ моремъ называется озеро Байкалъ.

**) Братскіе—буряты.

— Никто не увидитъ. Мужикамъ впору до дождя съ сѣномъ убраться... Держи полѣвѣе—тутъ загрязнешь.

II.

Иванъ Потеряй-Концы остановился у разросшихся кустовъ черемухи, раздвинулъ ихъ и поползъ на четверенькахъ; о. Спиридонъ усомнился еще разъ, но послѣ нѣкотораго раздумья послѣдовалъ его примѣру.

— Вотъ...—прошепталъ бродяга, указывая на балаганъ, очень искусно устроенный изъ хвои, еловой коры и травы.

Въ балаганѣ на постели изъ иванъ-чая спала сладкимъ сномъ дѣвочка лѣтъ пяти.

— Узналъ?—шопотомъ спросилъ бродяга.

— Еще бы не узнать: твоя Дунька.

— Вотъ-вотъ... Ишь, какъ разоспалась къ грозѣ-то. Шустрая дѣвчонка... Вѣдь сразу узнала, какъ я-то пришелъ. „Тятька", говоритъ. Вотъ она какая, Дунька-то.

Бродяга говорилъ такъ любовно и все улыбался. О. Спиридонъ только теперь разсмотрѣлъ его хорошенько. Мужикъ, какъ мужикъ, русоволосый, сѣроглазый, съ окладистой бородой, и только въ глазахъ что-то такое больное и тревожное, какъ у травленаго звѣря, да улыбается какъ-то нехорошо. И одѣтъ по-мужицки: синяя, изъ домашней пестряди, рубаха, такіе же штаны, на головѣ войлочная шляпа—мужикъ, какъ всѣ другіе. И вдругъ это осужденный на безсрочную каторгу, да еще бѣжавшій съ каторги. Голова о. Спиридона отъ этихъ мыслей начинала опять качаться, какъ спѣлый колосъ, на который дунуло вѣтромъ.

— Что-то ты... того... Никита... т.-е. дѣлать-то будешь? — спросилъ онъ.

— А не знаю... День прошелъ, и слава Богу. Тамъ видно будетъ...

— Да что̀ видно-то?

— А не знаю... Значитъ, такъ, пока вообще...

Лицо бродяги точно потемнѣло, и онъ заговорилъ быстро, роняя слова, точно кого догонялъ:

— Вотъ ты давѣ какъ меня испугался? Хуже, ежели бы на тебя изъ лѣсу волкъ вышелъ... Для тебя-то я каторжный... А вѣдь и во мнѣ душа. Вотъ какъ я натосковался... На каторгѣ-то все думалъ о своихъ мѣстахъ... Какъ закрою глаза, такъ все и вижу... Вотъ Дуньку тоже жалѣлъ... Вѣдь совсѣмъ она махонькая, несмышленочекъ. Какъ вспомню ее, такъ меня точно огнемъ оналитъ... Ну, и убѣгъ. Въ снѣгу чуть не замерзъ, травой да кореньемъ питался... затощалъ... Сколько разъ думалъ, что помру... Лежу это въ лѣсу гдѣ-нибудь и думаю, что смерть моя пришла. Кругомъ-то глушь, тайга, человѣческаго голосу по мѣсяцу не слышишь. И померъ бы, какъ лѣсной звѣрь, ежели бы домой не тянуло... Думаю, ужъ лучше дома помереть... хоть косточки въ родной землѣ похоронятъ...

— Раньше смерти никто не умираетъ. Все въ волѣ Божіей...

— Надумаешься всячины, о. Спиридонъ. Вотъ Богъ-то и вынесъ. Съ женой свидѣлся, вотъ Дуньку въ гости къ себѣ привелъ... Радость у меня, у каторжнаго, а ты меня боишься.

Въ разговорѣ они не замѣтили, какъ накатилась тучка и неожиданно грянулъ громъ. О. Спиридонъ испуганно выскочилъ, точно онъ сдѣлалъ что-то очень дурное.

— Что же это я сижу здѣсь?—бормоталъ онъ.—Сижу да еще слушаю тебя, Никита... Санъ-то на мнѣ какой?

Бродяга понялъ и съ своей улыбкой проговорилъ:

— Что же дѣлать, вотъ пріѣдешь въ село и донеси въ волостномъ, что, молъ, видѣлъ Никиту да еще разговаривалъ, молъ, съ нимъ. У тебя своя часть, у меня своя.

Когда о. Спиридонъ подходилъ къ своему возу, съ сухимъ шумомъ ударилъ ливень, точно кто выстрѣлилъ горохомъ. Но старикъ даже не замѣчалъ дождя, шагая за своимъ возомъ. Онъ тревожно оглядывался по сторонамъ и назадъ, точно за нимъ была погоня. Нѣсколько разъ о. Спиридонъ останавливался и прислушивался—шумѣлъ ливень, и больше ничего. Теперь онъ уже не думалъ объ убиравшихъ сѣно прихожанахъ, охваченный совершенно другими мыслями. Что значитъ какой-то ливень или сѣно, когда тутъ на глазахъ погибаетъ живая душа. О. Спиридону почему-то мерещилась Дунька съ своими льняными волосенками, спавшая невиннымъ дѣтскимъ сномъ, а затѣмъ онъ видѣлъ эту больную улыбку, смертельную истому въ глазахъ... Тамъ, по душѣ живой, тоже прошла гроза, та внутренняя гроза, которая страшнѣе вотъ этой. Старику казалось, что громъ гремитъ недостаточно громко, чтобы заглушить его мысли. Да, тамъ, въ небѣ, идетъ грозный разговоръ, чей-то гнѣвъ вырывается громовыми раскатами, и человѣкъ, слабый человѣкъ, былинка и ничтожество, уже не слышитъ ничего.

— Господи, что же это такое?—въ ужасѣ думалъ о. Спиридонъ.

Въ ушахъ у него стояли слова бродяги: „Ну, ступай въ волостное, доноси...“

„Зачѣмъ же я пойду въ волостное? — думалъ старикъ.—Не мое дѣло. Я ничего не знаю. Можетъ, это и не Никита, а только назвался Никитой. Мало ли бродягъ лѣтомъ пройдетъ черезъ Деменеву. Гдѣ-нибудь вызналъ въ острогѣ про Никиту да и назвался имъ. Бываетъ все, если человѣкъ отчаянный...“

Потомъ о. Спиридону сдѣлалось совѣстно, что онъ такъ думаетъ о несчастномъ бродягѣ. У человѣка вся душа вынута, а онъ подозрѣваетъ его въ обманѣ.

И родное село Деменево показалось о. Спиридону точно чужимъ. Вотъ ряды деревенскихъ избъ съ соломенными крышами, вотъ бѣлая церковь, а кругомъ опять просторъ, нивы и поля и темный сосновый боръ, залегшій тучей среди этого приволья. Получалась самая мирная картина, и она-то именно сейчасъ и не отвѣчала настроенію о. Спиридона. Развѣ можетъ быть миръ, когда вотъ тутъ, рядомъ, погибаетъ живая душа? Если бы человѣкъ тонулъ, сбѣжалось бы все село. Нашлись бы смѣлые люди, которые, рискуя собственной жизнью, бросились бы спасать. А тутъ человѣкъ гибнетъ—нѣтъ, уже погибъ, хуже, чѣмъ живой мертвецъ, и никто ничего не можетъ сдѣлать, и всѣхъ меньше онъ, о. Спиридонъ.

— Охъ, Господи, Господи, что же это такое?—шепталъ старикъ, тяжело шагая по быстро размокшему чернозему.—За что?..

По-сибирски великорусскаго погоста не было, а церковь стояла посреди села, на берегу рѣчки Деменевки, за которой начинался боръ. Поповскій домикъ стоялъ тутъ же. Онъ былъ построенъ еще дѣдомъ о. Спиридона, тоже служившимъ попомъ, когда еще стояла старая деревянная церковь. Потомъ его мѣсто занялъ отецъ о. Спиридона, а сейчасъ онъ занялъ ихъ мѣсто, какъ солдатъ, который замѣняетъ выбывшихъ на боевомъ посту товарищей. Все шло преемственно, изъ рода въ родъ, такъ, какъ тихо катится вода въ ровныхъ мѣстахъ.

Навстрѣчу о. Спиридону изъ воротъ поповскаго домика вышла его внучка Аннушка, кривая на одинъ глазъ.

— Что это съ тобой, дѣдушка?—удивилась она.

— А что?

— Да нитки сухой нѣтъ... Могъ бы переждать дождь-то гдѣ-нибудь подъ деревомъ. Еще застудишься.

— Ну, это пустяки... А меня никто не спрашивалъ, Аннушка?

— Нѣтъ... Кому спрашивать-то? Мужики всѣ въ полѣ...

Въѣзжая во дворъ, о. Спиридонъ еще разъ оглянулся и покачалъ головой. Его ждалъ кипѣвшій самоваръ, но пришлось раскидывать смоченный верхній пластъ сѣна на возу подъ сараемъ. Старикъ былъ радъ физической работѣ, которая до нѣкоторой степени заглушала внутреннюю тревогу. Аннушка усердно ему помогала, но о. Спиридонъ нѣсколько разъ подозрительно посмотрѣлъ на нее, точно дѣвушка могла прочитать по его лицу о его встрѣчѣ съ бродягой.

За чаемъ о. Спиридонъ еще разъ спросилъ:

— Такъ никто, говоришь, не спрашивалъ, Аннушка?

— Чтой-то какой ты, дѣдушка: вѣдь ужъ говорила, что никто не спрашивалъ. Вчера заходилъ писарь Митричъ...

— Приходилъ?

— Да... Тебя спрашивалъ. Онъ помочь собирается дѣлать, такъ ему боченокъ былъ нуженъ подъ водку.

— А... — успокоился о. Спиридонъ. — Хлопотъ много съ помочью. Напрасно онъ... Да, напрасно. Ведеръ пять одной водки выйдетъ, да еще ходи, кланяйся мужикамъ. Прежде я тоже устраивалъ помочи, а теперь давно бросилъ.

Ужинали ужъ при огнѣ. О. Спиридонъ все поглядывалъ на окно и угнетенно вздыхалъ. Мимо церкви то и дѣло проѣзжали возвращавшіяся съ поля телѣги. Старикъ прислушивался и, когда лошадиный топотъ замиралъ, успокаивался. Аннушка не замѣчала этой тревоги. У нея дѣлалось такое сердитое лицо, когда она возилась съ ухватами у печи и подавала на столъ.

Передъ сномъ о. Спиридонъ обошелъ весь дворъ, не довѣряя пріѣхавшему съ поля работнику. Развѣ можно довѣрять чужому человѣку? Потомъ онъ вышелъ въ огородъ и долго стоялъ неподвижно, глядя на чернѣвшій боръ. Сейчасъ влѣво былъ и ложокъ, въ которомъ скрывался Никита съ своей Дунькой. Что-то тамъ теперь дѣлается? О. Спиридонъ думалъ теперь о бродягѣ такъ, точно самъ былъ его тайнымъ соучастникомъ.

— Грѣхъ-то какой... грѣхъ-то... — шепталъ онъ, возвращаясь въ горницы.

Внутри поповскій домикъ былъ устроенъ совсѣмъ по-старинному. Полы оставались некрашеными и были прикрыты половиками и дорожками домашняго тканья, стѣны выкрашены желтой охрой, мебель самая простая, какъ еще поставилъ ее дѣдушка о. Спиридона, — все было просто и строго, какъ въ старинныхъ поповскихъ домахъ. Только простенькіе деревенскіе цвѣты — герань, фуксіи, нѣтухи да бѣлыя занавѣски на окнахъ говорили о присутствіи женской руки. О. Спиридонъ обошелъ всѣ горницы, посмотрѣлъ, затворены ли на крючки окна, и только тогда успокоился и отправился спать въ свою темную спаленку, отгороженную отъ гостиной.

III.

О. Спиридонъ провелъ очень тревожную ночь и почти не спалъ. Только начнетъ засыпать, и вдругъ начнетъ казаться, что кто-то крадется подъ ок-

мыми окнами. Въ страхѣ старикъ садился на постели и прислушивался. Раза два онъ выходилъ на дворъ и тоже прислушивался. Гдѣ-то перекликались пѣтухи и со сна лаяли неугомонныя собаки.

— Грѣхъ-то какой... а? — шепталъ старикъ.

Онъ заснулъ только подъ утро, когда небо уже засвѣтлѣло предутренними отбѣлями. Но и сонъ былъ тревожный, и даже не сонъ, а какая-то галлюцинація. О. Спиридону все казалось, что онъ не о. Спиридонъ, а бродяга Иванъ Потеряй-Концы, что онъ прячется гдѣ-то въ дремучей тайгѣ, боится каждаго шороха, и страшная тоска охватывала его сердце, тоска по родинѣ — послѣднее, что̀ остается у погибшаго человѣка. Да, онъ переплывалъ безбрежныя сибирскія рѣки, бѣжалъ отъ преслѣдовавшихъ его конвойныхъ и чувствовалъ, какъ умираетъ отъ голода.

Просыпаясь, о. Спиридонъ начиналъ думать совершенно въ другомъ направленіи. Вѣдь онъ пастырь стада Христова и долженъ исполнить долгъ. Вчера же, какъ вернулся съ поля, онъ долженъ былъ отправиться въ волость и объявить старшинѣ Емельяну, какъ и гдѣ онъ видѣлъ каторжника Никиту, а онъ вотъ не пошелъ и прикрылъ его своимъ молчаніемъ. Развѣ это не грѣхъ? Съ другой стороны, ему живо, до боли, рисовалась картина, какъ будутъ ловить Никиту, какъ его закуютъ въ кандалы и повезутъ въ острогъ, а онъ будетъ раскланиваться на всѣ четыре стороны. У отца Спиридона даже мурашки шли по кожѣ отъ этихъ мыслей.

— И для чего только онъ вышелъ на меня? — ропталъ старикъ.—Ужъ сидѣлъ бы... Того не подумаетъ, что на мнѣ какой санъ. Вѣдь все равно, увидятъ другіе, или Дунька ребячьимъ дѣломъ разболтаетъ... Эхъ, нехорошо! Даже вотъ какъ нехорошо.

У отца Спиридона нѣсколько разъ являлась твердая рѣшимость утромъ же итти въ волость и заявить, а потомъ его охватывала щемящая жалость къ несчастному человѣку. Положимъ, онъ беретъ тяжкій грѣхъ на душу, покрывая своимъ молчаніемъ преступнаго человѣка, но вѣдь грѣхъ-то̀ и останется только на немъ, а бродяга можетъ еще спастись какимъ-нибудь образомъ. Уйдетъ въ другое мѣсто, наконецъ умретъ...

— Вотъ ты до чего меня довелъ! — корилъ старикъ про себя каторжника Никиту. — И такъ грѣхъ и этакъ грѣхъ... Смерти даже пожелалъ, а развѣ это хорошо?..

Село Деменево лежало на бродяжническомъ трактѣ, который шелъ вверхъ по р. Исети, къ перевалу черезъ Уралъ. Бродяги шли по этому тракту все лѣто, и ихъ не трогали. Пусть себѣ идутъ, куда имъ нужно. Крестьяне подавали имъ хлѣбъ и разный домашній харчъ, только бы не озорничали. Извѣстно, голодный человѣкъ хуже звѣря. Видалъ и о. Спиридонъ такихъ бродягъ не мало на своемъ вѣку. Встрѣтятся гдѣ-нибудь на дорогѣ, станутъ въ сторонку, снимутъ шапки и кланяются. Случалось ему и подавать „несчастненькимъ“, что̀ онъ не вмѣнялъ себѣ въ грѣхъ. Вѣдь всѣ видѣли этихъ бродягъ, и дѣло начальства ихъ ловить. А вотъ Никита — другое. Это свой человѣкъ, извѣстный, да и человѣкъ-то совсѣмъ особенный. Никакъ его не примѣнить къ другимъ. О. Спиридонъ припоминалъ до мельчайшихъ подробностей несложную до трагизма исторію Никиты. Вѣдь былъ совсѣмъ хорошій мужикъ, а пропалъ ни за грошъ. Всему виной проклятый сосновый боръ, врѣзавшійся въ крестьянскія земли клиномъ. Дѣло въ томъ, что этотъ боръ принадлежалъ громадной дачѣ Ночвинскихъ заводовъ, и крестьяне издавна привыкли пользоваться изъ него лѣсомъ на топливо и для построекъ. Своего лѣса не хватало. и поневолѣ воровали „казенный“. Прежде всегда сходило съ

рукъ, а лѣтъ пятнадцать тому назадъ начались строгости. Чѣмъ дальше — тѣмъ строже. Никита попался съ вырубленнымъ бревномъ и былъ оштрафованъ мировымъ судьей. Во второй разъ его оштрафовали еще больше, а въ третій посадили въ острогъ. Отсидѣвъ въ острогѣ по приговору мирового судьи, Никита опять попался. На этотъ разъ онъ судился уже въ окружномъ судѣ и былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ не столь отдаленныя мѣста съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ. Изъ ссылки онъ бѣжалъ къ себѣ въ Деменево, былъ пойманъ и приговоренъ уже за побѣгъ къ каторгѣ на три года. Съ каторги Никита опять бѣжалъ, опять былъ судимъ и т. д. Въ теченіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ за эти побѣги онъ прошелъ всѣ ступени уголовныхъ наказаній, пока не очутился на положеніи безсрочнаго. Никого онъ не убивалъ, не грабилъ, а только бѣгалъ. Его неудержимо тянуло домой, и онъ жестоко расплачивался каждый разъ за эту любовь къ родинѣ. Сейчасъ ему уже не было наказанія въ уголовномъ кодексѣ, кромѣ плетей. Всѣ односельчане, и присяжные, и судьи отъ души его жалѣли, но законъ былъ неумолимъ, точно какая-то мертвая рука давила живого человѣка съ неуклонной послѣдовательностью.

И на такого-то человѣка отцу Спиридону приходилось доносить!

За утреннимъ чаемъ Аннушка замѣтила, что дѣдушка какъ будто не совсѣмъ здоровъ.

— Ты бы напился малины, — предложила она. — Это тебѣ со вчерашняго дождя нездоровится. Тоже не молодое мѣсто...

— Какая тутъ малина... Вотъ напьюсь чайку и пойду въ волость. Дѣло у меня есть...

О. Спиридонъ нарочно выговорилъ эти роковыя слова вслухъ, чтобы подбодрить самого себя.

Дѣйствительно, сейчасъ послѣ чаю онъ надѣлъ люстриновый подрясникъ, взялъ длинную поповскую палку и направился прямо въ волость.

— Нельзя, санъ... — увѣрялъ онъ самого себя дорогой. — Это другіе могутъ молчать, а мнѣ нельзя. Да... Значитъ, ужъ такая судьба, что быть Никитѣ опять въ каторгѣ. Самъ виноватъ, зачѣмъ тогда убѣжалъ съ поселенья... И воровать лѣсъ вѣдь тоже никто не заставлялъ.

Старикъ дошелъ уже до самой церкви, и опять на него напали сомнѣнія. Вѣдь все равно, другіе увидятъ Никиту и донесутъ въ волость безъ него. Тогда и онъ можетъ все разсказать. О. Спиридонъ круто повернулъ домой и зашагалъ такъ торопливо, точно что̀ забылъ очень важное.

— Ты ужъ сходилъ? — удивилась Аннушка.

— Ужъ сходилъ... — мрачно отвѣтилъ о. Спиридонъ, какъ-то особенно долго устанавливая свою палку на ея обычномъ мѣстѣ въ передней. — Да, сходилъ...

Потомъ старикъ разсердился на Аннушку ни за что ни про что и довелъ ее даже до слезъ, такъ что самому сдѣлалось жаль. Чѣмъ же онъ виноватъ, что она ничего не понимаетъ? Не до нея, а она пристаетъ съ какой-то глупой малиной. Кончилъ о. Спиридонъ тѣмъ, что разсердился уже на самого себя. Что̀ онъ, въ самомъ-то дѣлѣ, началъ ужъ на людей бросаться.

Старикъ промучился цѣлый день, а къ вечеру окончательно изнемогъ. Ходитъ по дому и какъ будто даже ничего не понимаетъ, что̀ и къ чему. Наконецъ его муки достигли своего предѣла, и онъ опять рѣшилъ итти въ волость.

— А вотъ возьму и пойду... Да, пойду!..

Онъ опять пошелъ, стараясь уже не думать о цѣли своего путешествія.

Зѣрнѣе сказать — о. Спиридонъ почти бѣжалъ, точно несъ въ рукахъ огонь, который его жегъ. Отъ церкви надо было повернуть направо, потомъ взять мимо избы бывшаго старшины Осипа Ефимыча, потомъ...

— А что, ежели бы писаря Митрича не оказалось въ волости? — мелькнуло въ головѣ о. Спиридона, когда онъ завидѣлъ избу, въ которой помѣщалось волостное правленіе.

Но—увы!—писарь Митричъ былъ какъ разъ въ волости, сидѣлъ у окна и еще издали крикнулъ:

— Отцу Спиридону наше-высокопочитаніе...

— А у меня дѣло... да, дѣло... — отвѣтилъ о. Спиридонъ, дѣлая официальный поклонъ. — Можетъ, старшины нѣтъ?

Какъ на грѣхъ и старшина оказался тоже въ волости, и о. Спиридонъ рѣшилъ, что, значитъ, такая ужъ судьба Никитѣ, — если бы ихъ не было, и онъ могъ вернуться съ спокойною совѣстью, по крайней мѣрѣ, до завтрашняго дня, а въ это время Никиту могли увидѣть другіе мужики!

Волостной писарь Митричъ былъ пожилой, чахоточный и лысый человѣкъ, который постоянно былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ. Старшина Емельянъ, кряжистый рыжій мужикъ, побаивался его, хотя за глаза и называлъ „зудой“. Появленіе отца Спиридона въ такой ранній часъ произвело нѣкоторое впечатлѣніе.

— Садитесь, о. Спиридонъ, — предложилъ Митричъ, подавая стулъ. — Куда такъ ускорились?

— А дѣльце есть... Да, дѣльце.

О. Спиридонъ какъ-то боязно оглядѣлъ грязныя стѣны волости, закопченный потолокъ, поднялъ брови и проговорилъ уже другимъ тономъ:

— Видите ли, какое дѣло-то... гм... да... Мнѣ сказали, что вы, Митричъ, собираетесь въ городъ?

— И не думалъ... — почему-то обидѣлся Митричъ. — Зачѣмъ мнѣ въ городъ?

— Вѣдь вотъ что придумаютъ? — удивлялся о. Спиридонъ. — И кто это мнѣ сказалъ?.. А я-то думаю, вотъ поѣдетъ Митричъ въ городъ, такъ я попрошу его купить... да, купить...

Дальше о. Спиридонъ заговорилъ почему-то о дождѣ, потомъ о владыкѣ, который собирается по слухамъ въ уѣздъ, потомъ о своемъ ревматизмѣ въ рукѣ, — говорилъ онъ все это такимъ тономъ, точно оправдывался и за дождь, и за владыку, и за свой ревматизмъ. Ему казалось, что Митричъ какъ-то особенно подозрительно посматриваетъ на него, а старшина Емельянъ еще подозрительнѣе молчитъ. Можетъ-быть, они ужъ знаютъ все...

IV.

Возвращаясь домой, о. Спиридонъ удивлялся самому себѣ, какъ онъ лгалъ въ волости. Да, дѣло выходило совсѣмъ скверное...

Мученія старика увеличивались съ каждымъ днемъ, а тутъ еще подошла суббота и, какъ на грѣхъ, недѣля была отца Спиридона. Какъ онъ будетъ служить съ нечистой совѣстью? Въ Деменевѣ былъ еще другой священникъ, изъ молодыхъ, о. Евфимій. Старикъ его недолюбливалъ и называлъ „модянымъ попомъ“. Служили они попеременно—одинъ служитъ одну недѣлю, другой—другую. Иногда случалось имъ замѣнять другъ друга, и о. Спиридонъ обратился теперь къ этому средству. Позвавъ Аннушку, онъ ей сказалъ:

— Ступай къ отцу Евфимію и скажи, что мнѣ нездоровится. Пусть ужъ онъ еще одну недѣлю отправитъ, а тамъ сочтемся, когда онъ поѣдетъ гостить къ тестю.

Это ужъ была ложь,—о. Спиридонъ чувствовалъ себя здоровымъ и обманывалъ о. Евфимія. Впрочемъ, Аннушка разскажетъ, какъ его вымочило дождемъ, и оно выйдетъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ боленъ. Охъ, великій грѣхъ... Въ первый еще разъ въ жизни пришлось отцу Спиридону покривить душой относительно своей службы. Видно, одинъ грѣхъ не приходитъ...

Когда въ воскресенье утромъ заблаговѣстили къ заутренѣ, у отца Спиридона точно что̀ оборвалось внутри. Каждый ударъ колокола обвинялъ его малодушіе...

— Господи, за что?—взмолился старикъ.—А если я не могу? Долженъ и не могу...

Колоколъ призывно гудѣлъ, а о. Спиридонъ закрывалъ глаза отъ страха. Да, вотъ добрые люди идутъ въ церковь, а онъ долженъ прятаться, какъ воръ. О. Спиридонъ долго смотрѣлъ изъ-за косяка на своихъ прихожанъ и скорбѣлъ душой. Развѣ пойти самому? Вчера нездоровилось, а сегодня сдѣлалось легче.

— Нѣтъ, не достоинъ, — рѣшилъ о. Спиридонъ. — Какой я пастырь... Волкъ въ овчей шкурѣ, а не пастырь. Не достоинъ...

Всю обѣдню старикъ молился у себя и почувствовалъ замѣтное облегченіе. Что̀ же, конечно, онъ согрѣшилъ, но вѣдь нужно и по человѣчеству разсудить. Пусть начальство ловитъ Никиту, какъ хочетъ. Вотъ ужъ отзвонили къ Достойну... О. Евфимій охотникъ проповѣди говорить, какъ всѣ молодые попы. Владыка это уважаетъ, и о. Евфимій нарочно выслуживается передъ владыкой. Когда раздался праздничный перезвонъ на выходъ и изъ церкви нестрой толпой повалилъ народъ, о. Спиридонъ спрятался за свою перегородку.

Потомъ все замолкло, но прибѣжала Аннушка и испуганно заявила:

— Дѣдушка, о. Евфимій изъ церкви къ намъ идетъ, а съ нимъ становой Александръ Иванычъ...

„Ну, теперь все кончено,—подумалъ про себя о. Спиридонъ, начиная быстро одѣваться.—Значитъ, все узнали и донесли становому, а онъ пріѣхалъ ловить Никиту... А Никита сдѣлаетъ показаніе, что видѣлъ меня“.

Старикъ даже не испугался. Что̀ же, узнаетъ все, конечно, владыка и пошлетъ его запрещеннымъ попомъ на послушанье въ монастырь въ Далматовъ. „А, это ты покрываешь разбойниковъ?“ — скажетъ владыка и такъ строго посмотритъ, что душа въ пятки уйдетъ.

— Что̀ это съ дѣдушкой? — спрашивалъ о. Евфимій въ передней Аннушку.—Вотъ мы пришли навѣстить его съ Александромъ Иванычемъ...

— Ничего, поправляется,—отвѣтила Аннушка.—Промочило его дождемъ вчера...

— Ужо надо его подсушить, старика, — подшутилъ хриплымъ голосомъ становой, снимая въ передней свое верхнее форменное пальто. — Меня вонъ постоянно дождемъ мочитъ, а не размокъ. Секретъ такой знаю... Аннушка, а вы того, сообразите намъ чего-нибудь посмѣшнѣе. Дѣдушка-то запасливый, наливки у него трехгодовалыя найдутся...

Аннушка отлично знала порядки, какъ принимать гостей, и сейчасъ же исчезла, какъ ящерица. Вышелъ о. Спиридонъ и даже покашлялъ, какъ и слѣдуетъ больному человѣку. Это опять выходила ложь. Александръ Ивановичъ любилъ пошутить и даже посмотрѣлъ на о. Спиридона изъ-подъ руки, какъ смотрятъ на солнце.

— Нѣтъ, ничего, живъ,—говорилъ онъ.—Видно, съ одной стороны кодмокъ, отче... Ну, мы это дѣло живо поправимъ.

Александръ Иванычъ былъ грозой всего уѣзда, и никто бы этого не подумалъ, когда онъ былъ просто Александромъ Иванычемъ, а не при исполненіи службы. Хлѣбосолъ, балагуръ, не дуракъ выпить, дамскій угодникъ — вообще душа нараспашку. И лицо такое простое, настоящее русское лицо, съ мягкимъ носомъ, сѣрыми глазами и русой бородкой съ легкой просѣдью. А между тѣмъ одно имя Александра Иваныча наводило на грѣшныя уѣздныя души панику, и его неожиданные наѣзды напоминали доброе старое время татарщины, когда все и вся трепетало, пряталось и чувствовало себя безъ вины виноватымъ. Въ Деменево грозный становой заглядывалъ рѣдко и по своей привычкѣ всегда неожиданно, какъ снѣгъ на голову. Всѣ знали только одно, именно, что даромъ Александръ Иванычъ не поѣдетъ, и что гдѣ-нибудь уже, навѣрно, притаилась трепещущая грѣшная душа, на которую Александръ Иванычъ и налетитъ орломъ. У него и были именно такіе орлиные „ёмы“ и „хваты“, какъ выражались московскіе лѣтописцы. Сейчасъ такой грѣшной душой чувствовалъ себя о. Спиридонъ, у котораго даже тряслись руки отъ страха.

— Милости просимъ,—довольно сухо приглашалъ онъ дорогихъ гостей.

— Эге, да у тебя лихорадка!—громогласно заявлялъ становой. — Вонъ и руки трясутся, точно курицъ воровалъ. Надо, надо поправку сдѣлать. Вся машинка, значитъ, испортилась.

Зачѣмъ было еще смѣяться? О. Спиридонъ даже опустилъ глаза. Онъ чувствовалъ, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ смотрѣлъ на него о. Евфимій, дѣлая видъ, что смотритъ проникновенно и прозорливо, какъ владыка. О, этотъ о. Евфимій, онъ былъ въ сущности льстецъ и большой интриганъ, несмотря на то, что имѣлъ привычку говорить тихимъ елейнымъ голосомъ, а по праздникамъ носилъ рясы съ шелковой подкладкой въ рукавахъ.

О. Евфимій, молодой священникъ съ блѣднымъ лицомъ и близорукими глазами, конечно, не подозрѣвалъ тѣхъ мыслей, съ какими ихъ встрѣтилъ старикъ. Онъ постоянно былъ занятъ собой и боялся, какъ огня, чтобы про него не сказали, что онъ деревенскій попъ. О. Евфимій носилъ крахмальные воротники и манжеты, незамѣтно подвивалъ волосы и даже душился peau d'Espagne. Всѣ мысли отца Евфимія были въ городѣ, куда онъ со временемъ мечталъ перебраться. Деревня была только временнымъ этапомъ, своего рода искушающимъ подвигомъ.

Аннушка умѣла дѣлать все необыкновенно быстро. Пока гости пили чай въ угловой комнатѣ, она успѣла уже приготовить сложную деревенскую закуску. Тутъ были и боровики въ сметанѣ, и прошлогодніе рыжики въ уксусѣ, и маринованные пескари, и соленый моксунъ, и рѣдька въ сметанѣ, и жареная утка съ груздями, и даже прошлогодняя моченая съ яблоками клюква— самая любимая закуска Александра Иваныча. Аннушка была великая мастерица по этой части.

— Вотъ это дѣло,—басилъ Александръ Иванычъ, заглядывая въ гостиную.—Соловья баснями не кормятъ...

За чаемъ разговоръ какъ-то не вязался. О. Спиридонъ только подъ конецъ замѣтилъ, что у Александра Иваныча глаза какіе-то мутные—значитъ, онъ жестоко кутилъ уже не первый день. Это его немного успокоило. Александръ Иванычъ время отъ времени запивалъ и уѣзжалъ на время запоя въ уѣздъ, куда-нибудь подальше, чтобы не попасться на глаза высшему начальству. Въ эти моменты онъ дѣлался добродушнымъ и болтливымъ. Онъ нѣсколько разъ подходилъ къ окну, смотрѣлъ на синѣвшій боръ и говорилъ:

— Я бы съ удовольствіемъ поджогъ этотъ боръ... Сколько поденщинъ изъ-за него пропадаетъ въ годъ у однихъ деменевскихъ мужиковъ. И нашему брату, полиціи, хлопотъ съ нимъ довольно... Лови мужиковъ, составляй протоколы, являйся къ слѣдователю—нѣтъ, надо его вырубить. Такъ, о. Спиридонъ?

— Зачѣмъ же поджигать?—уклончиво отвѣчалъ о. Спиридонъ, не поддаваясь явному искушенію.—Никто не заставляетъ воровать...

— Воруютъ,—значитъ, нужно.

— И все-таки не похвально... Собственность священна.

Аннушка вызвала отца Спиридона подъ какимъ-то предлогомъ и сообщила шопотомъ:

— А какой хитрый отецъ-то Евфимій... Вѣдь становой-то къ нему въ гости пріѣхалъ, а онъ его къ намъ привелъ. Попадья-то, Евфимиха, любитъ долго спать, и о. Евфимій ея боится.

— Все равно, Аннушка,—уныло согласился о. Спиридонъ и вздохнулъ.

— Какое тутъ все равно. Вотъ посмотри, послѣ закуски становой сейчасъ же заснетъ и останется у насъ, а о. Евфимій уйдетъ домой. Ужъ такой хитрецъ, такой хитрецъ. Будто провѣдать тебя ведетъ его сюда.

— Вѣрно, вѣрно... Развѣ я не понимаю? Все понимаю... Давеча Александръ-то Иванычъ вотъ какъ ловко про сосновый боръ завелъ рѣчь, будто такъ, къ слову. Впрочемъ, что же я говорю: и ты не понимаешь ничего и не должна понимать.

Отцу Спиридону сдѣлалось жаль Аннушки. Съ кѣмъ она останется, бѣдная?..

V.

За закуской гости разговорились. Александръ Иванычъ сразу выпилъ двѣ рюмки полынной, крякнулъ и проговорилъ:

— Вотъ теперь хорошо...

О. Евфимій водки не пилъ, чтобы не походить на деревенскаго попа, а налилъ себѣ стаканчикъ тенерифа,—это вино только и встрѣчается по деревнямъ у деревенскихъ батюшекъ. Вѣроятно, тенерифъ у о. Спиридона былъ приготовленъ добросовѣстно, потому что о. Евфимій точно размякъ и началъ жаловаться на свою судьбу. Это съ нимъ случалось каждый разъ, когда онъ выпивалъ лишнюю рюмку.

— Развѣ это жизнь, Александръ Иванычъ? — говорилъ о. Евфимій какимъ-то особенно жалобнымъ голосомъ.— Недѣли двѣ тому назадъ я крестилъ младенца у старшины Емельяна, крестилъ на дому, а онъ мнѣ суетъ за крестины двугривенный... Что же это такое?

— А я поймалъ двѣ недѣли тому назадъ трехъ каторжниковъ, — отвѣчалъ становой, закуривая папиросу:—и ровно ничего не получилъ...

— Нѣтъ, вы разсудите, — не унимался о. Евфимій, дѣлаясь настойчивымъ, какъ всѣ захмелѣвшіе люди. — Протестантскій пасторъ получаетъ въ среднемъ не меньше трехъ тысячъ рублей жалованья, онъ не пойдетъ по приходу съ ручкой, собирать сметану да яйца. И католическій патеръ тоже, и ксендзъ... да. Поэтому они пользуются уваженіемъ своихъ прихожанъ, а про насъ говорятъ, что мы деремъ съ живого и мертваго.

— Еще говорятъ, что вѣсъ — не попова душа, — добавилъ Александръ Иванычъ, впадая въ шутливое настроеніе.

— Да, и это говорятъ,—уныло согласился о. Евфимій.—Потому что не уважаютъ насъ.

Тутъ ужъ вступился о. Спиридонъ. Мало ли что болтаютъ, только это происходитъ совсѣмъ не отъ неуваженія, а отъ необразованности. За глаза-то и царя бранятъ. И дѣло совсѣмъ не въ жалованьи.

— Тогда будутъ чиновники, а не священники, — горячился о. Спиридонъ. — Я получаю натурой со своихъ прихожанъ, и это имъ не обременительно. Не нахожу ничего постыднаго и въ томъ, что работаю съ ними наравнѣ: и пашу, и сѣю, и сѣно кошу — все самъ дѣлаю и подаю имъ благой примѣръ. А на что мнѣ три тысячи жалованья?

— Какъ на что?—обидѣлся о. Евфимій. — Просто, я хочу жить по-человѣчески, дать приличное воспитаніе собственнымъ дѣтямъ, наконецъ отложить что-нибудь на старость самому себѣ.

— Ничего не нужно! — заявлялъ Александръ Иванычъ, переходя отъ водки къ наливкамъ.—Человѣкъ потуда только и хорошъ, пока у него нѣтъ денегъ. Ужъ, кажется, я-то знаю людей, въ своемъ уѣздѣ каждаго могу назвать...

О. Спиридонъ хотя ничего и не пилъ, но тоже разгорячился. Споръ принялъ довольно острую форму, когда старикъ по поводу казеннаго жалованья священникамъ сказалъ, что наемникъ и есть яко наемникъ, а не пастырь. О. Евфимій вспылилъ.

— Значитъ, вы, о. Спиридонъ, принимаете меня за наемника?

— Я этого не говорилъ, о. Евфимій.

— Однако это ясно проистекаетъ изъ смысла вашихъ словъ...

— Перестаньте, отцы! — уговаривалъ ихъ Александръ Иванычъ. — Напрасно только спорите: жалованья вамъ все равно не дадутъ, потому что негдѣ его взять. Духовенства въ Россіи сто тысячъ, по 3.000 р. жалованья составитъ 300 милліоновъ — позвольте узнать, гдѣ ихъ взять? Мнѣ вонъ приходится казенныя-то подати выколачивать чуть не палкой, а тутъ еще выколачивай ваше поповское жалованье. Жирно будетъ...

Въ кухнѣ поповскаго дома сидѣли у Аннушки свои гости — старшина Емельянъ и писарь Митричъ. Войти въ горницу при Александрѣ Иванычѣ они не смѣли. Строгъ былъ Александръ Иванычъ и не позволялъ старшинамъ и писарямъ въ своемъ присутствіи даже садиться. Деревенское начальство сидѣло теперь въ кухнѣ у Аннушки въ ожиданіи, какъ бы не спросилъ ихъ Александръ Иванычъ. У него вѣдь все вдругъ.

— Не ровенъ часъ, какъ на него взглянетъ, — шопотомъ сообщалъ Емельянъ, боявшійся всякаго начальства, какъ огня. — Какъ порохъ разгорится...

Писарь Митричъ бодрился, стараясь не выдать охватившей его робости.

— Не медвѣдь — не съѣстъ, — шепталъ онъ. — Только бы вотъ уснулъ поскорѣе, а заснетъ, такъ до завтра и проспитъ...

Аннушка угощала ихъ чаемъ и разной домашней стряпней, а потомъ подала по рюмкѣ водки.

— Меня-то какъ попъ Ефимъ осрамилъ...—жаловался старшина Емельянъ, зажимая ротъ рукой. — Развѣ двугривенный не деньги? Другіе-то мужики и поменьше платятъ... Этакій привередливый этотъ Ефимъ. И еще ему жалованье подавай... Прямо сказать, безстрашный человѣкъ. Съ Александромъ Иванычемъ спорится...

— Отецъ-то Спиридонъ ловко ему отвѣтилъ...—соображалъ Митричъ. — Новые-то попы ужъ очень деньги стали любить. Прежде попы куда проще были...

— Все было проще...

Когда изъ гостиной доносился хохотъ Александра Иваныча, старшина

Емельянъ вскакивалъ и зажималъ ротъ рукой. Нѣсколько разъ ему казалось, что становой зоветъ кого-то, и Аннушка едва его успокаивала.

— Никого онъ не зоветъ. Такъ, поблазнило.

— Охъ, пронеси тучу морокомъ!..

Споръ въ гостиной продолжался. Громче всѣхъ говорилъ Александръ Иванычъ, весь красный отъ выпитаго вина.

— Послужили бы вы на моемъ мѣстѣ?!.. — кричалъ онъ. — Тогда бы узнали, какъ жалованье получаютъ. Ни днемъ ни ночью покоя не знаешь, какъ цѣпная собака. Вѣдь я за весь уѣздъ отвѣчаю... Что̀ случилось, сейчасъ и подавай Александра Иваныча. Какъ? Что̀? Почему? И отдуваешься за всѣхъ, хуже каторжнаго.

О. Спиридонъ невольно вздрогнулъ, когда становой произнесъ роковое слово: каторжный.

— Александръ Иванычъ, тебѣ все зачтется...—замѣтилъ онъ.

— Зачтется? Ха-ха... За собакой палка не пропадетъ—вотъ тебѣ и зачтется. Знаемъ хорошо... Одного начальства сколько на моей шеѣ сидитъ: губернаторъ, разные предсѣдатели, чиновники особыхъ порученій, ревизоры... Словъ никакихъ не хватитъ, чтобы разговаривать-то съ ними. А дѣло само собой... Вотъ я сейчасъ сижу съ вами, пью водку, а вы думаете, что все это такъ, зря?.. Нѣ-ѣтъ, шалишь! У меня, какъ у лисы, тысяча думушекъ... Есть тутъ одинъ человѣкъ... да...

У отца Спиридона захватило духъ, когда становой съ пьяной откровенностью заговорилъ объ „одномъ человѣкѣ“. О. Евфимій политично молчалъ.

— Какой же это человѣкъ? — спросилъ о. Спиридонъ, не имѣя силъ больше терпѣть—все равно, одинъ конецъ.

— Какой человѣкъ? — грозно спросилъ Александръ Иванычъ, страшно вращая глазами.—А ужъ я до него доберусь... Еще не родился такой мошенникъ, который обманулъ бы Александра Иваныча. Шалишь... А человѣкъ... да, человѣкъ...

Александръ Иванычъ уже раскрылъ ротъ, чтобы назвать таинственнаго „одного человѣка“, о. Спиридонъ даже закрылъ со страха глаза, а когда открылъ ихъ — Александръ Иванычъ свалился на диванъ и уже спалъ съ раскрытымъ ртомъ.

— Не будемъ его безпокоить,—политично шепнулъ о. Евфимій, поднимаясь съ мѣста.—Пусть проспится...

Какъ говорила Аннушка, такъ и вышло. Становой собственно остановился у отца Евфимія, а вышло такъ, что остался онъ у отца Спиридона. Это былъ ловкій маневръ скачать дорогого гостя со своихъ рукъ...

„Да, очень даже ловко,—думалъ о. Спиридонъ, провожая скромно удиравшаго домой о. Евфимія.—Да, вообще... Очень большой хитрецъ о. Евфимій“.

Увидавъ сидѣвшихъ въ кухнѣ писаря и старшину, о. Спиридонъ оторопѣлъ со страха. Значитъ, его арестовали, а становой только притворился спящимъ. Теперь ужъ все кончено. Вотъ тебѣ и „одинъ человѣкъ“... Аннушка проводила отца Евфимія злыми глазами. Хорошъ гусь, навязалъ дѣдушкѣ пьянаго гостя. Александръ-то Иванычъ, можетъ-быть, цѣлую недѣлю прокутитъ. Вотъ и изволь, возись съ нимъ.

Проводивъ о. Евфимія, о. Спиридонъ зашелъ въ кухню.

— Здравствуйте,—проговорилъ онъ, прищуривая глаза.

— Ну что̀, заснулъ?—шопотомъ спрашивалъ старшина.

— А кто его знаетъ,—уклончиво отвѣтилъ о. Спиридонъ.—Будто уснулъ... А вы тутъ кого караулите?

— А вдругъ Александръ Иванычъ спроситъ?

— Такъ, такъ...

О. Спиридонъ недовѣрчиво усмѣхнулся, покачалъ головой и вышелъ. Старшина и писарь только переглянулись. Что это со старикомъ сдѣлалось? Аннушка тоже ничего не понимала.

Александръ Иванычъ развалился на диванѣ и громко храпѣлъ. О. Спиридонъ постоялъ около него, посмотрѣлъ, и ему вдругъ сдѣлалось стыдно за свой дѣтскій страхъ. И чего онъ испугался? Ну, видѣлъ бродягу, ну, говорилъ съ нимъ—что же изъ того?

— А доносить все-таки не буду!—храбрился о. Спиридонъ.—Не могу, претитъ... Пусть Александръ Иванычъ самъ ловитъ, на то онъ и становой.

Отцу Спиридону сдѣлалось совсѣмъ легко, и онъ вышелъ въ кухню уже съ веселымъ лицомъ. Съ чего его будутъ караулить? Вотъ тоже придетъ блажь въ голову. Просто, люди пришли по своему дѣлу и караулятъ не его, а Александра Иваныча. Ну, и пусть караулятъ. Митричъ былъ мраченъ, а старшина вытиралъ свое красное лицо кумачнымъ краснымъ платкомъ.

— И нѣтъ хуже нашей собачьей службы,—жаловался онъ шопотомъ отцу Спиридону.—Вѣдь ничего не сдѣлалъ, а всего боишься, какъ воръ...

О. Спиридонъ слушалъ эти жалобы и думалъ о несчастномъ Никитѣ. Онъ-то какъ долженъ бояться? Вѣдь поймаютъ, а тамъ опять каторга, плети и всякій ужасъ. Что значитъ его страхъ, т.-е. страхъ отца Спиридона, когда тутъ живой человѣкъ виситъ на волоскѣ.

„Такъ и владыкѣ скажу: что хотите дѣлайте, а я не могу,—думалъ старикъ про себя.—И въ монастырь пойду...“

И тутъ же рядомъ въ головѣ о. Спиридона мелькнула малодушная мысль: а вѣдь хорошо, что *тогда* маленькая Дунька спала. Разболтала бы потомъ, что къ тятькѣ приходилъ попъ Спиридонъ. Да, хорошо.

VI.

Александръ Иванычъ проспалъ до самаго вечера, потомъ проснулся, попросилъ холоднаго квасу и клюквы и опять уснулъ.

— Ну, теперь онъ до завтрашнаго утра будетъ дрыхнуть,—замѣтилъ Митричъ довольно непочтительно.—У него ужъ такая повадка... Который, поди, день теперь чертитъ.

Митричъ ушелъ домой, а старшина остался на всякій случай. А вдругъ проснется и грянетъ: „Гдѣ старшина?“. Извѣстная у него повадка-то. О. Спиридонъ долго сидѣлъ въ кухнѣ и разговаривалъ со старшиной о своихъ деревенскихъ дѣлахъ. Страда нынче вышла хорошая. Одного сѣна вонъ сколько наставлено мужиками. Скоро и рожь поспѣетъ. Льны у бабъ тоже ничего себѣ.

— Охъ, горитъ наша мужицкая работа, а я вотъ завтра цѣлый день должонъ буду состоять при становомъ,—горевалъ старшина.

— А можетъ, онъ и уѣдетъ...—успокаивалъ о. Спиридонъ.—Выспится, спроситъ квасу и уѣдетъ.

— Дай-то, Господи. Только нѣтъ, куда... Не таковскій человѣкъ. И зачѣмъ, подумаешь, принесло... Не стало другихъ мѣстовъ.

— Говоритъ, нужно ему добыть какого-то одного человѣка.

— Такъ это онъ... Какой у насъ одинъ человѣкъ? Конокрадъ Мишка Гурьяновъ есть, это дѣйствительно, потомъ дурочка Афимья три раза поджигала сосѣдей, потомъ... ну, больше-то ничего и нѣтъ. А что касаемо податей,

такъ еще рано. Хлѣбъ-то еще на поляхъ стоитъ, не съ чего взять. Вотъ уберутся мужички, продадутъ кое-что, ну, тогда и получай.

— Недоимокъ-то много?

— Охъ, есть и недоимки, о. Спиридонъ. Бѣда лютая съ ними...

— Ну, а относительно бродягъ ничего не слышно?

— Бродяги идутъ, какъ завсегда. Только это самое пустое дѣло... Кому ихъ нужно, этихъ самыхъ бродягъ? Александръ Иванычъ сердится, когда мы по заморозкамъ ему предоставляемъ ихъ. Лѣто-то они на вольномъ воздухѣ перебиваются, ну, а какъ ударятъ морозы—имъ ужъ и некуда дѣться. Сами въ острогъ идутъ... Я такъ полагаю, что ихъ черезъ наши мѣста пройдетъ не одна тыща. Все больше къ своимъ мѣстамъ пробираются...

— Дальніе все?

— Всякіе есть... Вотъ бы теперь въ страду работать имъ въ самый разъ, а они такъ зря шляются. Сколько поденщинъ-то пропадаетъ, страшно выговорить. Даже жаль, когда подумаешь.

Старшина Емельянъ разсуждалъ, если можно такъ выразиться, хозяйственнымъ способомъ, мѣряя чужую великую бѣду на свой мужицкій аршинъ. Для него въ бродягахъ пропадала только хозяйственная рабочая сила. О. Спиридонъ думалъ о другомъ. Для него бродяги были прежде всего люди. Да, живые люди, у которыхъ были свои живые интересы, живыя мысли, живыя надежды и живыя печали. Раньше, до встрѣчи съ Никитой, онъ какъ-то мало задумывался надъ этимъ вопросомъ, потому что съ ранняго дѣтства привыкъ встрѣчать бродягъ по лѣсамъ около Деменевой, точно этакъ и должно было быть. А теперь на него накатилось тяжелое старческое раздумье, такъ ли это? Къ чему это великое зло? Въ поповской головѣ шевелилось много такихъ вопросовъ, на которые трудно было дать отвѣтъ. Даже самъ Александръ Иванычъ, хваставшій знаніемъ людей, едва ли бы отвѣтилъ. И о. Евфимій и самъ владыка—то же самое. Происходило что-то громадное и непонятное, какъ гроза, когда мысль отказывается работать и сердце сжимается.

Старшина, одержимый страхомъ, выпросился ночевать въ кухнѣ.

— А вдругъ Александръ Иванычъ ночью спроситъ?—повторялъ Емельянъ, укладываясь на полу.—У него разговоры-то короткіе...

Послѣ предыдущей безсонной ночи о. Спиридонъ заснулъ скоро. Но въ полночь его разбудилъ самъ Александръ Иванычъ. Онъ былъ безъ мундира и говорилъ какимъ-то не своимъ голосомъ:

— Попъ, вставай...

— Что случилось, Александръ Иванычъ?

— А ты вставай...

Старикъ наскоро одѣлся и вышелъ. Становой въ одной рубашкѣ шагалъ изъ угла въ уголъ. На столѣ стояла зажженная свѣча и пустая бутылка изъ-подъ тенерифа.

— Страшно мнѣ...—шопотомъ проговорилъ становой, оглядываясь.

— Господь съ нами, Александръ Иванычъ... Чего намъ бояться?

— Такъ... Это со мной бываетъ. Вотъ только свѣта дождаться. Тоска какая-то, а потомъ страхъ... Будто кто-то крадется, потомъ будто я умеръ.

— Ну, это пройдетъ.

О. Спиридонъ присѣлъ на диванъ и молча смотрѣлъ на мудренаго гостя. Очевидно, у него начинались такъ называемые „хмельники“, когда человѣку и невѣсть что лѣзетъ въ голову.

— Ничего, пройдетъ,—успокаивалъ старикъ.—Вотъ ежели бы холоднаго квасу...

— Нѣтъ, не хочу...

— Какъ знаешь, а оно очень пользительно, ежели...

— Что ежели? Ты думаешь, я это съ пьяныхъ глазъ? И не думалъ... У меня это бываетъ. Самъ знаю, что пройдетъ, а все-таки боюсь. Ты не уходи, а посиди со мной.

— Хорошо, хорошо.

Александръ Иванычъ сѣлъ напротивъ отца Спиридона, подперъ голову руками и долго молчалъ.

— Да-а...—протянулъ онъ наконецъ, прислушиваясь къ чему-то.—Вѣрно.

Еще помолчали. Александръ Иванычъ еще нѣсколько разъ повторилъ свое „да“, а потомъ проговорилъ, обращаясь къ отцу Спиридону:

— За кого ты меня принимаешь, попъ?

— Какъ за кого? Становой приставъ...

— Нѣтъ, не то. Ты говори по человѣчеству... Я вѣдь отлично знаю, что вотъ ты сейчасъ думаешь. И скажу... Да, скажу. Ты думаешь, что вотъ, молъ, Александръ Иванычъ допился до хмельниковъ. Такъ? Пожалуйста, не отпирайся... Все знаю. Да, знаю, что и всѣ другіе думаютъ. Они думаютъ, что Александръ Иванычъ живодеръ, что онъ беретъ взятки, что ему давно бы пора въ тюрьмѣ сидѣть... Сдѣлай милость, все понимаемъ.

— Оно, дѣйствительно, нѣкоторые ропщутъ...—осторожно заявилъ о. Спиридонъ.—Скоръ ты на руку, Александръ Иванычъ, и потомъ ругателенъ.

— Кто это смѣетъ говорить?—грозно спрашивалъ Александръ Иванычъ, и сейчасъ же самъ отвѣтилъ самому себѣ:—Есть грѣхъ. Не попадайся мнѣ въ руки... Въ бараній рогъ согну. Кто можетъ мнѣ препятствовать? А?.. Да я... И беру, да, беру, но яко благодарность. Человѣка надо въ острогъ, а онъ откупится сотеннымъ билетомъ, значитъ, онъ же выигрываетъ, а не я. Значитъ, я ему же добра желаю. Да что тутъ говорить!

Александръ Иванычъ безнадежно махнулъ рукой, точно придавленный мыслью о собственныхъ благодѣяніяхъ.

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ по душѣ, что ты обо мнѣ думаешь?—началъ онъ снова, глядя пристально въ глаза отцу Спиридону.

О. Спиридонъ опять немного замялся.

— И не говори,—перебилъ его Александръ Иванычъ:—не нужно. Знаю. И ты то же думаешь, что другіе. И напрасно берешь грѣхъ на душу, попъ... Все равно, вы ничего не знаете. Такъ, зря думаете... да. Хуже я, чѣмъ вы думаете. Теперь понялъ?

— Ничего не понимаю, Александръ Иванычъ.

— Вотъ то-то и есть. Люблю, когда человѣкъ правду говоритъ. Дорогого это стоитъ... т.-е. правда.

Становой сѣлъ рядомъ съ отцомъ Спиридономъ и заговорилъ быстро, какъ Никита:

— Ты вотъ меня такимъ знаешь, а я-то гдѣ началъ службу? Вотъ то-то и оно-то. На каторгѣ, попъ, когда еще каторга была въ Тобольской губерніи. Былъ такой казенный каторжный винокуренный заводъ... Я тамъ помощникомъ смотрителя служилъ. Молодъ былъ, смѣлъ, удалъ... Теперь и преступленій ужъ такихъ нѣтъ, какъ тогда. У насъ все больше отбывали каторгу по преступленіямъ противъ помѣщичьей власти и противъ воинскаго устава. Охъ, сколько народу прошло... Однѣхъ бабъ сколько было. Все больше изъ дворовыхъ, старше двадцати лѣтъ не было. Обижали ихъ помѣщики да помѣщичьи бурмистры, ну, а онѣ того, своимъ средствіемъ—все поджигательницы больше. Какъ отбудетъ каторгу, сейчасъ замужъ. Молодой все народъ,

жить хочется. Ну, а солдаты другое. Былъ у насъ солдатъ шестидесяти четырехъ лѣтъ, строевой солдатъ... Ему пришлось пройти всю зеленую улицу, четыре тысячи шпицрутеновъ получилъ. Да, было много... А теперь вотъ и преступленій такихъ ужъ нѣтъ. И каторгу отмѣнили. Каторгу-то отмѣнили, а я остался. Жить надо... такъ? Ну, я и опредѣлился въ становые. Ничего, и здѣсь меня боятся, а только не то... Куда!.. Прежде-то идешь—всѣ трясутся, а теперь и собаки не лаютъ.

— И теперь боятся достаточно, Александръ Иванычъ.

— Перестань, понъ. Пустяки говоришь... Вотъ ты бы *тогда* меня посмотрѣлъ. Да... А теперь что̀!.. Да я самъ себя презираю... Тогда и разбойники были настоящіе, и преступленія, и наказанія—все настоящее. А нынче что̀: укралъ человѣкъ двугривенный и убѣжалъ за двѣсти верстъ. Марать рукъ о него не сто̀итъ.

— А бродяги, Александръ Иванычъ? Есть такіе, которые даже съ каторги уходятъ...

— Ну, это все мусоръ. Да, такъ вотъ я и думаю... да, думаю... Какъ ты полагаешь, о. Спиридонъ, будетъ мнѣ прощеніе, т.-е. за мои грѣхи?

— Отчего же не быть, Александръ Иванычъ? Кто безъ грѣха... А ты старайся добрыми дѣлами исправить старые-то грѣхи.

— Добрыми дѣлами, говоришь? Ха-ха... Тоже и скажетъ человѣкъ! Ну, какое, напримѣръ, я могу сдѣлать доброе дѣло? Твоя должность—Богу молиться за насъ грѣшныхъ, а моя должность совершенно наоборотъ.

— Мало ли какія бываютъ добрыя дѣла...

— Взятокъ не брать? Уважать каналья не будутъ. Такого-то станового телята будутъ лизать... Потомъ: я не буду брать—все равно, другіе возьмутъ. Да я взятокъ и не беру—это прежде было, а вотъ благодарность иногда принимаю и то дѣлаю такъ, что онъ, кто даетъ-то, за великое одолженіе это съ моей стороны понимаетъ. Не драться? Опять не могу: характеръ ужъ такой... Относительно женскаго пола—ну, ты этой статьи ужъ окончательно не понимаешь.

VII.

О. Спиридонъ начиналъ уже дремать, а становой продолжалъ говорить безъ конца, переходя отъ одной темы къ другой. Онъ распахнулъ окно и нѣсколько разъ выглядывалъ въ него на улицу. Ему все казалось, что кто-то крадется.

— Знаешь, о. Спиридонъ, а я часто подумываю о смертномъ часѣ... Вѣдь сколько ни живи, а помирать когда-нибудь придется. И вдругъ это съ грѣхами-то да на тотъ свѣтъ... Я такъ полагаю, что насъ и близко не подпустятъ. Куда ужъ...

— А какъ же разбойникъ вошелъ первымъ въ царствіе небесное?

— Ну, этого я не понимаю... Оно, конечно, покаяніе вещь душеспасительная, а все-таки разбойникъ онъ разбойникомъ и останется. Этакъ всѣхъ бродягъ надо гнать въ царство небесное...

— Разные и бродяги бываютъ. Можетъ, помнишь, Александръ Иванычъ, былъ у насъ въ Деменевой лѣсоворъ Никита?

— Потеряй-Концы? Еще бы не помнить... Самый глупый человѣкъ. Кстати, онъ опять бѣжалъ съ каторги и шляется гдѣ-то здѣсь. Все знаю... Только пусть его отдохнетъ лѣтомъ-то, а тамъ моихъ рукъ все равно не минуетъ. Куда онъ дѣнется, дуралей? Этотъ отъ своего мѣста не уйдетъ... Вотъ зайцы такъ же бѣгаютъ: все по одному мѣсту.

— У него безсрочная...

— Такъ, зря... Когда его судили въ послѣдній разъ, я былъ на судѣ. Ну, всѣ жалѣютъ, даже курьеры, потому что совсѣмъ напрасно человѣкъ пропадаетъ, а ничего не подѣлаешь: законъ. И я его, дурака, тоже жалѣю... Зараза ужъ такая у человѣка. Не стало лучше мѣста, какъ Деменево. Глупый человѣкъ. До осени пусть погуляетъ...

Александръ Иванычъ взглянулъ на отца Спиридона и остановился на полусловѣ. Старикъ сидѣлъ ни живъ ни мертвъ, съ остановившимися отъ ужаса глазами. Александръ Иванычъ инстинктивно оглянулся. Въ окнѣ смутно обрисовывалась чья-то мужская фигура.

— Кто тамъ?—строго спросилъ Александръ Иванычъ.

— А все я же...—спокойно отвѣтилъ голосъ изъ темноты.

— А, это ты...

О. Спиридонъ видѣлъ, какъ Александръ Иванычъ однимъ прыжкомъ бросился въ окно. Потомъ послышался топотъ босыхъ ногъ и крикъ Александра Иваныча:

— Держи его!.. Лови... Стой!..

О. Спиридонъ тоже вылѣзъ въ окно и, спотыкаясь, побѣжалъ по направленію къ рѣкѣ, куда неслись шаги.

— Александръ Иванычъ... постой...—кричалъ, задыхаясь, о. Спиридонъ.—Еще зарѣжетъ онъ тебя... Голубчикъ, оставь!..

По дорогѣ отца Спиридона обогналъ старшина Емельянъ, который бѣжалъ, какъ сорвавшійся съ привязи быкъ. Потомъ все стихло, и откуда-то изъ темноты донесся торжествующій голосъ Александра Иваныча:

— Здѣсь!..

Потомъ послышался чей-то стонъ, и опять все замерло. Отецъ Спиридонъ все бѣжалъ, пока не наткнулся на самомъ берегу рѣки на кучу шевелившихся тѣлъ.

— Тутъ ёнъ, ваше высокоблагородіе!—хрипѣлъ старшина Емельянъ, наваливаясь всей тушей на барахтавшагося подъ нимъ Никиту.—Перестань, Никита... Не балуй, говорятъ. Готово, ваше высокоблагородіе. Никита, тебѣ говорятъ, идолу!

Домой они вернулись вчетверомъ. Старшина велъ Никиту, связаннаго кушакомъ. Александръ Иванычъ шелъ, прихрамывая, и нѣсколько разъ въ раздумьѣ повторялъ:

— Да-а...

Только при огнѣ о. Спиридонъ замѣтилъ, что у Александра Иваныча всѣ руки въ крови и рубашка тоже.

— А это меня царапнулъ этотъ дуракъ...—объяснилъ Александръ Иванычъ, поддерживая одной рукой бокъ.

Когда онъ сѣлъ на диванъ, силы его оставили, лицо поблѣднѣло и голова повалилась. Перепуганный о. Спиридонъ спрыснулъ его холодной водой и привелъ въ себя.

— Что̀ съ тобой, голубчикъ Александръ Иванычъ?

— А ничего особеннаго... Этотъ дуракъ зарѣзалъ меня. Ему все равно: больше безсрочной каторги не будетъ.

Къ утру грозный Александръ Иванычъ умеръ отъ раны, полученной въ животъ. Связанный Никита спокойно сидѣлъ въ поповской кухнѣ и, когда узналъ о смерти Александра Иваныча, съ кривой улыбкой проговорилъ:

— А зачѣмъ онъ меня ловилъ?

О. Спиридонъ горько плакалъ, глядя на покойника. Это былъ его грѣхъ.

НАСЛѢДНИКЪ.

Разсказъ.

I.

Присяжные удалились въ свою комнату для совѣщанія. Общее вниманіе напряженно сосредоточилось на подсудимомъ, который, опустивъ голову, покорно ждалъ своей участи. Это былъ среднихъ лѣтъ мужчина, рѣшительно ничѣмъ не выдававшійся изъ среды провинціальнаго купечества — плотный, съ наклонностью къ ожирѣнію, русоволосый, съ поблекшими глазами и той особенной торопливостью въ движеніяхъ, какая пріобрѣтается за купеческимъ прилавкомъ. Десятки такихъ же купеческихъ лицъ смотрѣли теперь изъ публики на скамью подсудимыхъ и ждали, затаивъ дыханіе, чѣмъ кончится дѣло; оно въ теченіе цѣлаго года волновало весь Сосногорскъ — маленькій провинціальный городъ, затерявшійся въ холмистыхъ равнинахъ Западной Сибири. Мелькаетъ много женскихъ лицъ, которыя не могли оторвать глазъ отъ обвиняемаго: вѣдь это Иванъ Семенычъ Пичугинъ, котораго съ дѣтства знаетъ весь городъ, и вотъ этотъ Иванъ Семенычъ взялъ да и зарѣзалъ жену... А между тѣмъ рѣшительно ничего звѣрскаго или вообще чего-нибудь особеннаго нѣтъ въ немъ; человѣкъ, какъ человѣкъ, или, вѣрнѣе сказать, просто Иванъ Семенычъ.

Звонокъ изъ комнаты присяжныхъ заставилъ всѣхъ вздрогнуть. Показались представители общественной совѣсти, — они тянулись за своимъ старшиной гуськомъ. Стоявшая на ногахъ публика не смѣла дохнуть. Подсудимый смотрѣлъ на блестѣвшую цѣпь судебнаго пристава и никакъ не могъ понять, что̀ ему шепчетъ его защитникъ, адвокатъ Павильоновъ. Старшина присяжныхъ засѣдателей, видный господинъ купеческаго склада, откашлялся, посмотрѣлъ на предсѣдателя и голосомъ, перехватывавшимся отъ волненія, началъ читать:

— Виновенъ ли купецъ первой гильдіи Иванъ Семеновъ Пичугинъ въ томъ, что второго генваря сего года и т. д. *Нѣтъ, не виновенъ*...

Это былъ безусловно оправдательный вердиктъ, оправдательный по всѣмъ пунктамъ.

— Подсудимый, вы свободны и можете возвратиться въ публику, — съ особенной торжественностью провозгласилъ предсѣдатель.

Но подсудимый продолжалъ стоять и не понималъ смысла этихъ словъ судебнаго милосердія.

— Оправдали начисто...—шепталъ адвокатъ Павильоновъ, отворяя деревянную рѣшетку „подсудимой скамьи“.— Вылѣзай, Иванъ Семенычъ.

Иванъ Семенычъ все-таки не понималъ и съ изумленіемъ смотрѣлъ то

на присяжныхъ, то на судей. Раздавшійся въ публикѣ аплодисментъ заставилъ его вздрогнуть: онъ оглянулся туда, гдѣ сотни глазъ впились въ него, и продолжалъ стоять, какъ столбъ.

— Подсудимый, вы свободны...

II.

Въ передней Пичугина встрѣтила горничная Дуня, которая, при видѣ хозяина, остановилась, какъ вкопанная, а потомъ начала пятиться къ дверямъ. Ивана Семеныча непріятно кольнулъ этотъ паническій ужасъ, который возбуждало его появленіе въ стѣнахъ родительскаго дома. Онъ торопливо сбросилъ верхнее пальто и прошелъ въ комнату, которая служила ему кабинетомъ. Знакомая обстановка подѣйствовала на него успокаивающимъ образомъ: вотъ и его собственный письменный столъ, и кресло, и шкапъ съ секретнымъ замкомъ, и двѣ преміи „Нивы“ на стѣнѣ, а въ окно виднѣется уголъ сада, гдѣ онъ игралъ еще ребенкомъ, покосившійся заборъ, который онъ собирался поправить десять лѣтъ, и задворки того дома, который довелъ его до скамьи подсудимыхъ.

„Что же я теперь буду дѣлать?“ — подумалъ Иванъ Семенычъ и пришелъ въ ужасъ отъ этой простой мысли.

Его охватило такое леденящее чувство одиночества, пустоты и гнетущей мертвой тоски, какого онъ не испытывалъ даже въ тюрьмѣ. Нужно было что-то такое сдѣлать, приготовить, и онъ никакъ не могъ припомнить, что именно. Ахъ, да, конечно, сначала нужно умыться „съ дороги“, — подумалъ онъ именно этими словами и вздрогнулъ. Въ коридорчикѣ, которымъ изъ передней можно было пройти въ столовую, послышались знакомые шаги старой кухарки Матрены.

— Иванъ Семенычъ, прикажете самоварчикъ поставить? — спрашивала старуха, останавливаясь въ дверяхъ

— Да, Матрена, пожалуйста... Да вотъ что: пошли еще Дуню, чтобы подала мнѣ умыться сюда, въ кабинетъ. Понимаешь?

Иванъ Семенычъ старался говорить своимъ обыкновеннымъ тономъ, какъ всегда говорилъ съ прислугой, и чутко прислушивался къ каждому слову, точно хотѣлъ поймать самого себя въ чемъ-то. Нѣтъ, голосъ у него немного охрипъ, а то—все по-старому.

— Да пусть захватитъ съ собой и полотенце...—крикнулъ онъ вслѣдъ уходившей Матренѣ.

Конечно, сначала нужно умыться, а потомъ переодѣться и отдохнуть. Только бѣлье-то *тамъ*, въ спальнѣ, а самоваръ Дуня, навѣрно, подастъ въ столовую, гдѣ всегда пили чай. Иванъ Семенычъ рванулся-было вслѣдъ за Матреной и выбѣжалъ въ коридоръ, но сейчасъ же остановился и уныло побрелъ назадъ. Нѣтъ, прислуга не должна ничего знать. Да, ничего, что дѣлается у него тамъ, въ глубинѣ души, гдѣ ноющей болью шевельнулось тяжелое горе. Потомъ Ивану Семенычу показалось, что прислуга совсѣмъ не такъ держитъ себя, какъ раньше, и даже не поздоровались съ нимъ — Дуня просто убѣжала по своей дѣвичьей глупости, а Матрена—та еще разговаривала. А можетъ-быть, онѣ и здоровались, только онъ не обратилъ вниманія по своей разсѣянности. Ну, да это все равно.

— Сначала чаю напиться... нѣтъ, сначала умыться,—повторялъ вслухъ Иванъ Семенычъ, хватаясь за эти пустяки съ отчаяніемъ утопающаго.—Потомъ переодѣться... отдохнуть... да.

Новая мысль заставила его остановиться: а какъ кто-нибудь придетъ? Ему такъ хотѣлось остаться одному, совершенно одному, чтобы не видѣть рѣшительно никого, а тутъ какъ разъ кто-нибудь прилѣзетъ изъ знакомыхъ или приказчики... Изъ любопытства придутъ, чтобы посмотрѣть на него, какъ смотрятъ на звѣрей, а онъ о чаѣ да объ умываньи заботится. Иванъ Семенычъ чутко сталъ прислушиваться къ каждому шороху, какъ слушаетъ насторожившаяся птица.

Мысль о полной свободѣ явилась слишкомъ неожиданной, и онъ никакъ не могъ съ ней освоиться. Заключеніе въ острогѣ, часовые, судебный приставъ, свидѣтели, прокуроръ—все это сразу отстало, какъ шелуха. А послѣдняя картина на судѣ, когда его оправдали...

— Иванъ Семенычъ, проздравляю!..—выкрикивали какіе-то голоса.

Чьи-то руки тянулись къ нему, кто-то обнималъ его, а Павильоновъ шелъ за нимъ своей развалистой походкой, какъ ходятъ половые въ трактирахъ, и потихоньку подталкивалъ въ спину. Общее впечатлѣніе было такое легкое и радостное, въ родѣ того, какое, вѣроятно, испытываетъ рыба, когда ее вынутываютъ изъ сѣти и бросаютъ снова въ воду. Только нѣсколько сумрачныхъ взглядовъ портили картину общей радости: это была женина родня, ожидавшая каторги.

— Этакихъ подлецовъ надо бы вѣсить...—проговорилъ въ толпѣ невидимый голосъ.

Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, присутствовавшій на судѣ въ качествѣ любителя, взялъ Павильонова за пуговицу фрака и торопливо говорилъ:

— Поздравляю... да, поздравляю. Вырвать изъ рукъ прокурора живого человѣка—это наша святая обязанность. Конечно, фактъ налицо, возмутительный фактъ, но если, съ другой стороны, кромѣ каторги, ничего нѣтъ... Народная совѣсть лучшій и безошибочный судья въ такихъ случаяхъ.

На подъѣздѣ Иванъ Семенычъ остановился, точно удивляясь, что можетъ свободно итти на всѣ четыре стороны. Онъ опять широко вздохнулъ и перекрестился. Павильоновъ подхватилъ-было его подъ руку, чтобы увести куда-то, но Иванъ Семенычъ рѣшительно освободился отъ него и проговорилъ всего одно слово:

— Домой...

Онъ и пошелъ домой. Вотъ тутъ близко. Всего завернуть за соборъ—и дома. Яркое солнце слѣпило глаза; пыль висѣла въ воздухѣ. А Иванъ Семенычъ шелъ по знакомымъ улицамъ, желая поскорѣе уйти отъ всего, что̀ осталось тамъ, гдѣ его оправдали. Встрѣчные останавливались и съ любопытствомъ оглядывали его съ ногъ до головы, точно выходца съ того свѣта. Это бѣсило Ивана Семеныча: что̀ имъ еще нужно? Кажется, достаточно было времени смотрѣть на него тамъ, на скамьѣ подсудимыхъ. Попалось нѣсколько знакомыхъ, которые поздоровались съ нимъ, перебросились двумя-тремя фразами и долго провожали глазами вслѣдъ. Нѣтъ, домой, домой... Городъ маленькій, и на каждомъ шагу знакомые...

Вотъ модный магазинъ съ нарисованной на вывѣскѣ синей дамой въ красной шляпѣ, вотъ колоніальная торговля Калинина, а вотъ двухъэтажный каменный домъ, знакомая калитка... Что-то такъ и кольнуло Ивана Семеныча въ самое сердце, когда онъ поровнялся со своимъ собственнымъ домомъ. Неужели онъ совсѣмъ оправданъ, а не убѣжалъ изъ острога? Инстинктивный ужасъ только теперь охватилъ его, какъ человѣка, избавившагося отъ смертельной опасности. Тамъ, гдѣ-то далеко-далеко, почти на краю свѣта, мѣрно ходятъ часовые, побрякивая ружейными прикладами, а въ рѣшетчатыя окна

выглядываютъ арестантскія блѣдныя лица, а еще дальше, гдѣ-то совсѣмъ подъ землей, глухо позваниваютъ кандалы...

Иванъ Семенычъ бросился въ калитку и быстро захлопнулъ ее за собой. Къ нему нерѣшительно подбѣжала дворовая собака и завиляла хвостомъ. Изъ окна кухни выглянуло испуганное лицо кухарки Матрены и сейчасъ же спряталось, точно его сдуло вѣтромъ.

Когда горничная появилась съ умывальникомъ и полотенцемъ черезъ плечо, Иванъ Семенычъ шопотомъ сказалъ ей:

— Бѣги скорѣе, Дуня, и скажи Матренѣ, чтобы никого не пускала... Меня дома нѣтъ—понимаешь? Кто ни придетъ, всѣмъ пусть говоритъ одно: нѣтъ дома Ивана Семеныча...

Дуня поставила фаянсовый тазикъ съ умывальникомъ на стулъ, посмотрѣла съ удивленіемъ на Ивана Семеныча и вышла изъ кабинета неслышными шагами, точно боялась разбудить кого.

„Зачѣмъ я шопотомъ-то говорилъ съ ней? — подумалъ Иванъ Семенычъ, снимая визитку и засучая рукава.—Ахъ, опять забылъ: не нужно самовара въ столовую, а лучше пусть подастъ стаканъ чая сюда“.

Во время умыванья Иванъ Семенычъ думалъ, какъ бы получше сказать Дунѣ о самоварѣ и чтобы она опять не посмотрѣла на него удивленными глазами.

— Прикажете сюда подать чаю? — догадалась сама Дуня, подавая полотенце.

— Нѣтъ, не нужно... — быстро отвѣтилъ Иванъ Семенычъ, точно кто другой говорилъ его языкомъ. — Я самъ... Однимъ словомъ — можешь итти. Когда будетъ нужно—спрошу.

Вмѣсто того, чтобы попросить чаю въ кабинетъ и по пути принести свѣжее бѣлье, Иванъ Семенычъ сказалъ совсѣмъ не то и былъ радъ, что Дуня наконецъ вышла изъ кабинета.

Гдѣ-то стѣнные часы пробили шесть часовъ. Да, это въ столовой. Обѣдать Иванъ Семенычъ не хотѣлъ и думалъ о чаѣ,—но какъ выйти въ столовую, одна мысль о которой приводила его въ ужасъ? Потомъ этотъ совершенно пустой домъ началъ его пугать своей мертвой тишиной — да, именно мертвой. Опять звонъ — это въ монастырѣ ко всенощной благовѣстятъ. Въ открытое окно такъ и лились ноющіе жалобные звуки монастырскаго колокола, и Иванъ Семенычъ закрылъ глаза, представляя себѣ похоронную процессію, огни погребальныхъ свѣчъ, двухъ маленькихъ сиротокъ, которыя въ плерезахъ шли за большимъ чернымъ гробомъ, въ которомъ лежала она... Господи, неужели это все было и этотъ же монастырскій колоколъ мѣрно и гулко раздавался въ морозномъ зимнемъ воздухѣ? Сидя въ тюрьмѣ, Иванъ Семенычъ вздрагивалъ каждый разъ, когда начинался этотъ монастырскій звонъ, поднимавшій въ его душѣ одну и ту же картину...

— Господи, прости меня...—шепталъ онъ, хватаясь за голову.

Нѣтъ, онъ свободенъ, совершенно свободенъ, а то страшное съ желѣзными рѣшетками, часовыми и кандалами осталось гдѣ-то тамъ, далеко-далеко.

„Что же это я: вѣдь нужно итти пить чай...—вслухъ подумалъ Иванъ Семенычъ, просыпаясь отъ тяжелаго бреда.—Да, нужно итти въ столовую“.

А сколько теперь времени? Ко всенощной благовѣстятъ въ шесть...

III.

До столовой всего было шаговъ двадцать, но какого страшнаго напряженія воли стоило ему это ничтожное разстояніе, точно онъ шелъ на казнь.

Да, вотъ эта роковая комната... Посрединѣ большой столъ, у одной стѣны буфетъ, потомъ двѣ горки съ посудой, на полу дорожки, а въ глубинѣ дверь въ спальню. И *тогда* на столѣ такъ же кипѣлъ самоваръ; онъ вошелъ сюда въ халатѣ—и что-то неудержимо влекло Ивана Семеныча осмотрѣть то мѣсто на полу, гдѣ она плавала потомъ въ собственной крови,—это между столомъ и часами. Когда онъ схватилъ ножъ, жена перешла на другую сторону стола,—онъ погнался за ней и ударилъ ножомъ между лопатокъ. Да, вотъ это здѣсь было. Она вскрикнула, схватилась одной рукой за уголъ стола, а другой за раненое мѣсто. Онъ ударилъ ее второй разъ такъ, что изъ шеи брызнула кровь ему на руки, а она отскочила къ часамъ и, хватаясь окровавленными руками за стѣну, упала на полъ. Ему еще хотѣлось ее рѣзнуть прямо по горлу, но отъ крови въ глазахъ у него помутилось, и онъ машинально вытеръ свои руки и ножъ о бѣлую скатерть.

Что было потомъ? Кто-то закричалъ въ коридорѣ, должно-быть, Дуня, прибѣжавшая на крикъ, а потомъ явился проходившій мимо дома полицейскій, какіе-то мужики, знакомые купцы, докторъ.

Да, все это было и было именно въ этой комнатѣ. Вонъ на обояхъ замытые слѣды окровавленныхъ пальцевъ, а на полу, гдѣ слѣзла краска, тоже замѣтны темныя пятна.

„Неужели все это было?—въ ужасѣ думалъ Иванъ Семенычъ и машинально опять вытеръ свои руки о скатерть, точно онѣ все еще были въ крови.—Господи, неужели это былъ я, Иванъ Семенычъ Пичугинъ?.. Боялся смотрѣть, какъ кучеръ пѣтухамъ головы рубитъ, а тутъ живого человѣка зарѣзалъ, мать двоихъ дѣтей...“

Увлеченный этими мыслями, Иванъ Семенычъ не помнилъ—наливалъ онъ себѣ стаканъ чая, или нѣтъ, но стаканъ стоялъ съ остатками на днѣ выпитаго чая. Какъ это странно... Когда Иванъ Семенычъ разсматривалъ стаканъ, ему послышались знакомые легкіе шаги и шуршанье женскаго платья. Онъ быстро обернулся: комната была пуста, и только откуда-то издали донесся такой звукъ, какъ будто кто-то осторожно затворялъ за собой дверь.

„Это *она* приходила...“—въ ужасѣ подумалъ Иванъ Семенычъ, чувствуя, какъ у него дрожатъ колѣни, а по спинѣ спускается холодная струйка, точно кто ведетъ лезвеемъ ножа.

Опомнился онъ только въ своемъ кабинетѣ и опять удивился: дверь оказалась запертой на ключъ, а онъ и не думалъ этого дѣлать. Выступившій на лбу холодный потъ и дрожавшія руки не обѣщали ничего хорошаго. Иванъ Семенычъ осторожно прошелся по кабинету, чутко прислушиваясь къ неопредѣленному шуму въ столовой, гдѣ опять слышались легкіе шаги и даже звякнула чайная ложечка.

„Можетъ-быть, это Дуня убираетъ посуду...“—подумалъ онъ, испытывая опять непреодолимое желаніе заглянуть въ столовую.

Дверь изъ столовой въ нижній этажъ оказалась запертой на крючокъ, и Дуня не могла попасть этимъ единственнымъ путемъ. Но кто же затворилъ эту дверь?.. На столѣ стоялъ стаканъ съ чаемъ, котораго онъ не наливалъ, какъ не затворялъ дверей. Это ужъ было цѣлое навожденіе, и Иванъ Семенычъ убѣжалъ къ себѣ въ кабинетъ бѣгомъ. Сердце такъ и замирало въ груди, а въ раскрытое окно уже смотрѣлъ лѣтній вечеръ, и на потемнѣвшемъ синемъ небѣ невидимая рука зажигала звѣзды. Гдѣ-то далеко трещитъ запоздавшій экипажъ, и отрывисто постукиваетъ въ чугунную доску ночной сторожъ.

Вотъ онъ въ постели, т.-е. не въ настоящей постели, а просто на своей

кушеткѣ, гдѣ любилъ послѣ обѣда вздремнуть часикъ-другой. Но теперь онъ не рѣшается закрыть глаза, чтобы опять не началось то, о чемъ онъ боялся даже подумать. Ахъ, какія страшныя и безконечно-длинныя ночи проводилъ онъ, сидя въ тюремномъ казематѣ! Но тамъ не было этого страха, который теперь заставлялъ его дрожать. А оно уже начиналось, начиналось противъ его воли, какъ противъ воли тонетъ человѣкъ. Вотъ сосѣдній садъ купца Комова, а въ саду гуляетъ его дочь Маремьяна Петровна. Красивая, видная дѣвушка, и у ней такіе ласковые глаза. Съ ней онъ встрѣчался въ церкви и даже разъ издали проводилъ до дому. Что-то такое жгучее и сладко туманившее голову закипѣло у него въ груди, когда онъ начиналъ думать о сосѣдкѣ. Она такъ хорошо краснѣла, когда встрѣчалась съ нимъ гдѣ-нибудь одна.

— Маремьяна Петровна, можно-съ ручку-съ?..

— Ахъ, какой вы... А если братецъ узнаютъ?..

Отца у ней нѣтъ, а живетъ она „при братцѣ“ невыдѣленной сиротой. За ней, по слухамъ, кругленькій капиталъ въ приданое оставленъ старикомъ-отцомъ, да и братецъ не обидитъ, если дѣло на то пойдетъ. Комовы въ Сосногорскѣ первые богачи, и братецъ спитъ и видитъ попасть въ городскіе головы, потому что и мундиръ будетъ, и фуражка съ кокардой, и почетъ.

— Что ты къ намъ не завернешь какъ-нибудь, Иванъ Семенычъ?—говоритъ онъ сосѣду.—Сусѣдями еще считаемся...

— Покорно васъ благодарю-съ...

— А ты заходи какъ-нибудь: чайку напьемся, въ шашки сыграемъ...

И самъ Иванъ Семенычъ думалъ объ этомъ же, что хорошо бы завернуть этакъ къ сосѣду, да все какъ-то робѣется: такъ и заходятъ передъ нимъ сѣрые большіе глаза, румяное дѣвичье лицо да хитрая дѣвичья улыбка. Пожалуй, еще просмѣетъ Маремьяна-то Петровна, и Иванъ Семенычъ впередъ смущался за свои руки и ноги, которыя положительно не зналъ куда дѣвать въ такихъ случаяхъ.

Лежитъ Иванъ Семенычъ вонъ на этой самой кушеткѣ и думаетъ про красивую сосѣдку. А самъ онъ точно другой человѣкъ дѣлается: ловкій, смѣлый, рѣчистый, какъ пріѣзжавшій въ Сосногорскъ одинъ адвокатъ. Но все это сейчасъ же пропадаетъ, какъ только онъ подумаетъ, что нужно же какъ-нибудь сходить къ Комовымъ. Вся прислуга зашепчется: „Маремьяну женихъ пришелъ высматривать“. Развѣ сваху заслать? Этакъ-то лучше будетъ, хоть женитьбой можно и обождать: годы еще не ушли, да и невѣсту нужно получше вызнать, чтобы ошибки какой не вышло. Лучше до свадьбы охать, чѣмъ послѣ свадьбы.

— Гляжу я на тебя, Ваня, и даже жалѣю,—говорилъ ему колоніальный купецъ Калининъ, старый знакомый еще по отцу.—Вижу, какъ маешься, а смѣлости не хватаетъ... Ты смѣлѣе: „Оченно вы мнѣ нравитесь, Маремьяна Петровна, а капиталу у насъ, слава Богу, своего достаточно-съ!“ А самъ ее рукой да къ себѣ, да въ губы: разъ-разъ и вся твоя... хе-хе!.. Церемонія самая даже обыкновенная... А коса-то какая у Маремьяны Петровны... шелкъ!..

Теперешній Иванъ Семенычъ вскакиваетъ съ кушетки и начинаетъ тереть лобъ, точно хочетъ уничтожить эти воспоминанія. И который разъ такъ: какъ закрылъ глаза, оно и начнется съ самаго начала... Сидя въ острогѣ, онъ все повторялъ про себя свою женатую жизнь, передумывая ее на тысячу ладовъ, но здѣсь окружающая обстановка дѣлаетъ эти грезы еще тяжелѣе: какъ будто и во снѣ и какъ будто не во снѣ.

IV.

Въ окна давно глядитъ осенняя ночь, а Иванъ Семенычъ все ходитъ по своему кабинету и боится прилечь на кушетку. Ему и спать хочется, и страхъ разбираетъ, и опять чудится, что кто-то тамъ въ сосѣдней комнатѣ шевелится. Опять осторожные, крадущіеся шаги, которые замираютъ у самой двери... А кто давеча выпилъ стаканъ чая и снова его налилъ? Потомъ, кто затворилъ за нимъ дверь въ столовой и въ кабинетѣ?.. Нѣтъ, положительно въ коридорѣ шаги, какъ ходятъ въ однихъ чулкахъ, и Иванъ Семенычъ чувствуетъ, что это женскіе шаги: нѣтъ сомнѣнія, что это *она* ходитъ по дому и хочетъ ворваться къ нему въ кабинетъ.

Измученный, усталый, жалкій, онъ наконецъ бросается на кушетку и прячетъ голову подъ подушкой, чтобы не слышать и не видать ничего. Такъ дѣлаютъ маленькія дѣти, посаженныя въ темную комнату. Но не закроешь никакой подушкой того, что̀ опять закипаетъ въ головѣ, продолжая какъ разъ то, на чемъ онъ проснулся давеча.

— Иванъ Семенычъ, я не знаю... какъ братецъ...—слышится ему знакомый голосъ, отъ котораго у него и сейчасъ дрожитъ сердце.

— Маремьяна Петровна-съ, не отказывайте, а то сейчасъ утоплюсь...—отвѣчаетъ онъ, какъ и тогда.—Позвольте быть вашимъ вѣчнымъ рабомъ-съ, по гробъ моей жизни. А что̀ касаемо вашего братца, то уже было говорено-съ...

Маремьяна Петровна такъ и зардѣлась румянцемъ, а сама этакъ исподлобья какъ посмотритъ своимъ сѣрымъ глазомъ—и лукаво, и ласково, и радостно... Господи, что̀ же это такое?..

Черезъ мѣсяцъ была свадьба. Жизнь покатилась, какъ широкій праздникъ,—больше, кажется, и желать нечего. Черезъ годъ родился первый ребенокъ. Ну, тутъ вышла маленькая ошибочка у Маремьяны Петровны, потому что ребенокъ оказался дѣвочкой Сашей; но и эта бѣда поправилась, когда еще черезъ годъ родился сынъ Коля. Сынъ да дочь—красныя дѣтки, и больше ужъ желать чего-нибудь просто грѣшно... Добрые люди недаромъ завидовали. Потомъ были другія дѣти, но тѣ какъ-то такъ родились и умирали, какъ котята: родился—хорошо, умеръ—не великъ убытокъ. А Маремьяна Петровна все цвѣтетъ да хорошѣетъ: полная такая стала, какъ и слѣдуетъ быть женѣ купца первой гильдіи. Бывало, на масленицѣ выѣдутъ въ санкахъ кататься или въ церковь пойдутъ—всѣ любуются, а ежели Маремьяна Петровна посидитъ въ лавкѣ—выручка вдвое. У Пичугина рядомъ съ колоніальнымъ магазиномъ Калинина былъ ренсковый погребъ.

— Не по себѣ ты дерево загнулъ, Иванъ Семенычъ, — смѣются знакомые купцы, когда подгуляютъ гдѣ-нибудь на именинахъ.—Яблоня, а не жена у тебя...

Иванъ Семенычъ только улыбается. Онъ самъ чувствуетъ, что, пожалуй, жена хоть и не ему такъ въ самую пору: пава павой, а онъ такой скромный и застѣнчивый человѣкъ, въ другой разъ слова не смѣетъ сказать плуту приказчику, который обкрадываетъ его на глазахъ: ему же и совѣстно за приказчика. Да и денегъ было много, нечего было скалдырничать на каждомъ грошѣ, а приказчику тоже и галстукъ надо новый купить и перчатки,—мало ли что̀ по молодому дѣлу нужно бываетъ.

— А ты поглядывай за Григорьемъ-то... — подсказалъ однажды Калининъ и подмигнулъ.

— Чего мнѣ поглядывать-то: приказчикъ, какъ приказчикъ...

— Я такъ сказалъ. Добра тебѣ же хочу...

Приказчикъ Григорій выросъ въ домѣ у Пичугиныхъ и былъ какъ своимъ человѣкомъ. Иванъ Семенычъ не одинъ разъ даже въ ярмарку его съ полнымъ довѣріемъ посылалъ. Да и парень славный, можно сказать, красавецъ: лицо круглое, румяное, волосы кудрявые, глаза темные, быстрые, и за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Маремьяна Петровна очень смѣялась надъ нимъ, когда Григорій, бывало, выкинетъ какое-нибудь колѣно посмѣшнѣе или на гармоніи передразнитъ сосѣдняго кучера.

— Перестань, Гриша... будетъ...—унимала его помиравшая со смѣху Маремьяна Петровна.—Этакій скоморохъ, право!..

Скромный и застѣнчивый Иванъ Семенычъ вдругъ сталъ придираться къ приказчику, ругалъ его, и дѣло кончилось тѣмъ, что Григорій отошелъ. Онъ, впрочемъ, сейчасъ же открылъ свой ренсковый погребъ, какъ разъ напротивъ хозяйскаго, и на громадной вывѣскѣ налѣпилъ золотыми словами: „Рѣнсковой погребъ Григорія Мокроносова“. Этотъ новый погребъ сталъ Ивану Семенычу поперекъ горла, какъ кость. Каждый день онъ долженъ былъ проходить мимо его гостепріимно открытыхъ дверей и думалъ: „Правду говорилъ Калининъ-то, что Гришка окажетъ себя подлецомъ вполнѣ“... Это отравило его безмятежное существованіе. Новый приказчикъ, нанятый вмѣсто Григорія, обокралъ выручку и бѣжалъ... Дѣла у Ивана Семеныча пошли подъ гору, хотя онъ и виду не подавалъ, какъ и другіе захудавшіе коммерсанты. А Маремьяна Петровна все хорошѣла, полнѣла и цвѣла, какъ маковъ цвѣтъ. Сидитъ себѣ да орѣхи пощелкиваетъ, или балагуритъ съ Калининымъ, который отъ-нечего-дѣлать завертывалъ иногда сыграть въ шашки съ Иваномъ Семенычемъ.

— Вотъ что, Иванъ Семенычъ, у тебя выпивка, а у меня закуска...—говорилъ онъ обыкновенно, вынимая завернутую въ бумажку бакалею—балыкъ, бѣлорыбицу, семгу или что-нибудь въ этомъ родѣ.—Вотъ и Маремьяна Петровна пожуетъ чего-нибудь солененькаго за кампанію... Оно все же веселѣе будетъ!

Иванъ Семенычъ выпивалъ передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ по рюмкѣ водки, иногда выпивалъ лишнее на именинахъ—и только. Но по слабости характера не могъ устоять противъ искушенія и доставалъ бутылочку... Дѣйствительно, было какъ-то веселѣе, когда, рюмочка за рюмочкой, бутылка пустѣла, а Иванъ Семенычъ зарумянивался, какъ яблоко. Въ эти минуты онъ смотрѣлъ на врага Гришку Мокроносова свысока и даже обѣщался какъ-нибудь устроить скандалъ. Въ пьяномъ видѣ, вообще, у него начинали проявляться признаки непріятнаго буйства, а трезвый онъ самъ удивлялся своему „карахтеру“.

— Да что ты на Гришку-то сердишься?—подтрунивалъ Калининъ, разглаживая свою купеческую бороду.—Такой же человѣкъ, какъ и мы, грѣшные... Наши-то родители тоже изъ приказчиковъ выбились, Иванъ Семенычъ, а трудомъ праведнымъ не наживешь палатъ каменныхъ. Извѣстная музыка-то... Маремьяна Петровна, пригубьте хоть вы сущую малость!..

— Нѣтъ, я не употребляю...—жеманилась Маремьяна Петровна.—Какъ это можно, чтобы женщина такъ здря вино стала изводить. Совсѣмъ не женское это дѣло...

— Какъ зря? А какой у насъ сегодня день: вторникъ... Вѣдь на недѣлѣ-то одинъ у насъ вторникъ-то?.. Мы Гришкѣ-то утремъ мокрый носъ: пусть смотритъ на насъ, какъ мы тутъ кантуемъ... хе-хе!..

Чтобы отвязаться, Маремьяна Петровна пригубливала сущую малость, морщилась и даже отплевывалась. Калининъ завертывалъ къ Пичугинымъ и вечеркомъ, и тоже разговоръ кончался неизмѣнной выпивкой.

V.

Дѣла у Пичугина шли все хуже и хуже. Чтобы поправиться, онъ пустился въ разныя предпріятія и вездѣ терпѣлъ жестокія неудачи. Взялъ нѣсколько убыточныхъ подрядовъ, арендовалъ мельницу, у которой пронесло плотину, вступалъ въ компаніи по хлѣбной торговлѣ—и тоже неудачно. Всѣ эти непріятности онъ старался скрывать отъ жены, чтобы, елико возможно, удержать за собой репутацію главы дома. Подъ пьяную руку Иванъ Семенычъ сознавалъ, что онъ слишкомъ поддался женѣ и что это можетъ плохо кончиться. Маремьяна Петровна незамѣтно подчинила его и заставляла плясать подъ свою дудку.

Начались тяжелые дни. Неудачи росли, а вмѣстѣ съ ними—и векселя. Нужно было просить отсрочекъ, переписывать векселя и входить въ сношенія съ разными темными личностями. Первый протестованный вексель — и купеческая репутація пропала. Между прочимъ, въ минуту отчаянія Иванъ Семенычъ какъ-то, противъ желанія, зашелъ пьяный къ своему бывшему приказчику Мокроносову, который встрѣтилъ его очень почтительно.

— А я къ тебѣ, Григорій Иванычъ, по дѣлу...—началъ Пичугинъ безъ всякихъ подходовъ.—Выручи, голубчикъ, а про старое не будемъ поминать.

— Что же, я могу-съ, Иванъ Семенычъ, съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ, потому какъ я чувствую свое ничтожество.

Это была поддержка, которая не входила въ расчеты. Но она подкрѣпила не надолго, и Мокроносовъ первый посовѣтовалъ своему бывшему хозяину:

— Удивляюсь я вамъ, Иванъ Семенычъ, что вы себя унижаете и ходите по чужимъ людямъ, а капиталъ дома лежитъ. Мужъ и жена—одна сатана, а у Маремьяны Петровны есть капиталецъ...

— Да вѣдь это ея приданое, Гриша?.. Въ случаѣ чего, на нашихъ же дѣтей пойдетъ...

— Это все единственно, Иванъ Семенычъ, а я только вамъ добра же желаю. По купечеству всѣ въ одно перо живутъ.

Этотъ Мокроносовъ сталъ бывать у Пичугиныхъ, какъ свой человѣкъ, и даже уговорилъ Маремьяну Петровну поступиться половиной родительскаго капитала.

— А векселъки-то вы къ себѣ приберите,—совѣтовалъ онъ. — Конечно, мужъ и жена—одна сатана, а неровенъ часъ... Оно все же надежнѣе, Маремьяна Петровна. Можно и такое условіе подстроить: плачу, молъ, за мужа всѣ долги, а все имущество его перевожу за себя. Тутъ уже взятки гладки.

Маремьяна Петровна поломалась, но сдѣлала, какъ совѣтовалъ Мокроносовъ. Иванъ Семенычъ съ этого рокового часа сталъ чувствовать себя въ своемъ домѣ какимъ-то чужимъ, лишнимъ человѣкомъ. Всѣмъ распоряжалась жена, а онъ только подписывалъ векселя и потихоньку напивался къ вечеру ежедневно. Въ обращеніи жены уже было замѣтно какое-то пренебреженіе, и она выпучивала его передъ знакомыми. Чтобы отдохнуть, Пичугинъ завертывалъ въ колоніальный магазинъ Калинина и тамъ напивался лишній разъ.

— Эхъ, Ваня, Ваня...—качалъ головой Калининъ.— А ты поучи жену какъ-нибудь, чтобы не фордыбачила.

— Не могу... Да и самъ я кругомъ виноватъ.

— Это ужъ ты напрасно: завсегда жена передъ мужемъ должна чувствовать себя виноватой. Это ужъ не нами заведено, не нами и кончится...

Замѣчательный былъ человѣкъ этотъ Гришка Мокроносовъ: какъ поговоритъ, такъ Ивану Семенычу точно легче сдѣлается отъ одного его слова. И все-то у него такъ складно да ловко, и всегда этотъ Мокроносовъ веселъ. По вечерамъ Иванъ Семенычъ даже сталъ нарочно посылать за нимъ, чтобы вмѣстѣ выпить. И Маремьяна Петровна дѣлалась веселѣе. Она любила въ свои козыри играть со штрафами: кто проиграетъ, тому три рюмки водки за-разъ выпить. Даже иногда очень весело было, а Мокроносовъ свои штуки откалываетъ: и по-телячьи мычитъ, и по-цесарочьи клохчетъ, и по-сорочьи стрекочетъ. Маленькіе ребята очень его любили, особенно когда Мокроносовъ по-медвѣжьи на четверенькахъ по всѣмъ комнатамъ ходилъ. Разъ, играючи съ ребятишками, онъ на четверенькахъ въ спальню Маремьяны Петровны заползъ, что̀ очень не понравилось Ивану Семенычу, хотя и пришлось смолчать.

— Экій ты безстыдникъ, Григорій Павлычъ, — корила разыгравшагося сидѣльца сама Маремьяна Петровна. — Развѣ по спальнямъ по чужимъ чужіе мужчины ходятъ?..

Маремьяна Петровна не отставала отъ мужчинъ и тоже „выкушивала“ рюмочку за рюмочкой, такъ что къ вечеру въ другой разъ и ходить не можетъ, а сама вся красная, какъ вишня. Иванъ Семенычъ не зналъ, что, ползая на четверенькахъ по-медвѣжьи, Мокроносовъ часто бросался прямо головой въ подолъ Маремьяны Петровны и старался укусить за ногу. Конечно, все это дѣлалось подъ хмелькомъ, когда Маремьянѣ Петровнѣ было лѣнь даже пожаловаться мужу на забаловавшаго парня.

Такъ время и катилось въ пичугинскомъ домѣ: всѣ ходили вполпьяна. Передавъ всѣ дѣла женѣ, Иванъ Семенычъ какъ-то успокоился и ничего знать не хотѣлъ: день прошелъ—и слава Богу. Не нравилось ему только то, что зубоскалъ Гришка и надъ нимъ началъ шутки шутить, а Маремьяна Петровна, вмѣсто того, чтобы оговорить озорника, смотритъ да помираетъ со смѣху. Потомъ старики-купцы какъ-то стали коситься на него и все чего-то не договаривали. Только разъ пьяный Калининъ сказалъ ему:

— Чтой-то, Иванъ Семенычъ, тіатръ у тебя въ дому, что ли?.. Люди болтаютъ, что Гришка съ Маремьяной Петровной по горницамъ на четверенькахъ медвѣдями у тебя ходятъ. Я-то, конечно, не вѣрю, а люди болтаютъ...

Этотъ разговоръ засѣлъ въ головѣ Ивана Семеныча, какъ березовый клинъ. Онъ вдругъ нахмурился, замолчалъ и вообще какъ-то сразу догадался, что дѣло не ладно. Съ горя онъ напился, какъ стелька, завелъ ссору съ Мокроносовымъ и полѣзъ даже драться съ нимъ. Маремьяна Петровна едва ихъ разняла. Послѣ гостя Иванъ Семенычъ полѣзъ драться на жену, но она была сильнѣе его и исцарапала ногтями все лицо, такъ что нельзя было недѣли двѣ показаться въ добрые люди.

— Я Гришку убью...—грозился онъ женѣ.—Я ему покажу, какъ медвѣди на четверенькахъ ходятъ.

— Убивай, мнѣ-то какая печаль...—отшучивалась Маремьяна Петровна какъ ни въ чемъ не бывало.—Спьяна ты и меня убьешь этакъ-то, глупый человѣкъ...

— И чтобы Гришки въ дому у насъ духу не было!—уже кричалъ Иванъ Семенычъ.—Слышала? Знаю, зачѣмъ онъ ходитъ...

— А векселя умѣлъ давать ему?—подзуживала Маремьяна Петровна, не желавшая уступать мужу.

— Все-таки, чтобы ноги его не было: вотъ тебѣ мой сказъ!

VI.

Но Гришка все-таки пришелъ,—самъ пришелъ и прямо въ кабинетъ къ Ивану Семенычу. Помолился въ передній уголъ, откашлялся и, присѣвъ на кончикъ стула, сказалъ:

— Напрасно вы, Иванъ Семенычъ, тѣнь на меня наводите... Да-съ: не къ лицу это будетъ вамъ, а намъ даже весьма обидно, потому что какъ я завсегда былъ къ вамъ всей душой подверженъ.

У Ивана Семеныча было твердое намѣреніе выгнать нахала въ шею, но вышло какъ-то такъ, что онъ не только помирился съ Мокроносовымъ, но даже попросилъ у него прощенія. Вся исторія, конечно, закончилась обильной выпивкой и новой дракой; на этотъ разъ Иванъ Семенычъ накинулся не на гостя, а на жену. Простоволосая Маремьяна Петровна каталась по полу, а онъ пиналъ ее сапогомъ въ животъ. Этотъ скандалъ прекратился только тогда, когда Ивана Семеныча связали.

— Ты завела себѣ любовника!—ругался онъ на другой день, припоминая вчерашнее безобразіе.

— А если бы и завела, такъ не на кого жаловаться,—перекорялась Маремьяна Петровна.—Погляди-ка на рожу-то свою въ зеркало,—на кого ты похожъ...

Съ похмелья они постоянно ругались, а потомъ мирились за графинчикомъ водки: Маремьяна Петровна давно уже пила водку наравнѣ съ мужемъ и не заставляла себя упрашивать „пригубить“. Въ своемъ погребкѣ они не сидѣли, а все дѣло было передано „на отчетъ“ новому приказчику, который пользовался случаемъ и обкрадывалъ хозяевъ напропалую, какъ это, впрочемъ, дѣлали и другіе приказчики. Цѣлыя партіи вина переходили изъ пичугинскаго погребка за полцѣны въ виноторговлю Мокроносова, быстро поднимавшагося въ гору. Этотъ пронырливый и оборотистый человѣкъ, несмотря на свое пьянство, велъ свои дѣла отлично. Похмелья онъ не зналъ. Проснется утромъ, встряхнется и въ какой-нибудь часъ управится со своими виноторговыми дѣлишками, а къ обѣду уже совсѣмъ свободенъ.

Ругая жену разными неприличными словами, Иванъ Семенычъ собственно не зналъ про нее ничего дурного, хотя и подозрѣвалъ многое. Но ревнивыя мысли стали посѣщать его все чаще и чаще, и онъ много разъ старался подкараулить жену, что вызывало только съ ея стороны насмѣшки. Заброшенныя дѣти росли безъ призора, но Маремьяна Петровна сумѣла отдѣлить ихъ. Они теперь жили въ нижнемъ этажѣ, подъ надзоромъ старухи-няньки, и не видѣли родительскаго безобразія, творившагося наверху. Не одинъ разъ, глядя на дѣтей, Иванъ Семенычъ краснѣлъ за свое поведеніе и давалъ зарокъ бросить водку, но такой зарокъ не шелъ дальше нѣсколькихъ часовъ.

— Умремъ—все останется,—говорилъ Мокроносовъ, являвшійся въ этихъ случаяхъ бѣсомъ-искусителемъ.—Человѣкъ не камень, терпитъ-терпитъ, да и разрѣшитъ...

Маремьяна Петровна не давала зароковъ и пила горькую съ какой-то отчаянностью, какъ пьютъ свихнувшіяся женщины. Она никогда не любила мужа, а теперь стала ненавидѣть его и, несмотря на драки и побои, лѣзла прямо на ножъ. Съ Мокроносовымъ она держалась очень ласково и постоянно совѣтовалась относительно своихъ коммерческихъ дѣлъ, что уязвляло Ивана Семеныча еще больше.

Ко всему этому прибавилось еще кое-что новое. Пьяный Иванъ Семенычъ, разсердившись на жену, уходилъ изъ дому, а такъ какъ въ пьяномъ

видѣ неловко было лѣзть куда-нибудь къ знакомымъ купцамъ, то онъ забирался въ трактиръ и здѣсь бражничалъ. Особенно нравился ему недавно открытый трактиръ „Китай“, гдѣ пѣли арфистки. Загулявшіе купцы всегда тащились сюда и безобразничали съ арфистками. Такое времяпрепровожденіе понравилось Ивану Семенычу, и онъ скоро сошелся съ одной арфисткой, которая вѣчно выпрашивала у него денегъ. Конечно, эти похожденія скоро дошли до жены, и она устраивала Ивану Семенычу скандалы: то до утра домой не пускаетъ, то пошлетъ горничную прямо въ „Китай“, а чаще всего происходила домашняя потасовка.

— Извергъ!.. погубитель мой!..—кричала Маремьяна Петровна и на зло мужу показывала особенное вниманіе Мокроносову.—Уйду я отъ тебя, куда глаза глядятъ, только вотъ ребятишекъ жаль... А ты ступай въ „Китай“: тамъ есть кому пожалѣть, только давай денегъ.

Въ пичугинской семьѣ воцарился кромѣшный адъ. Иванъ Семенычъ дошелъ до того, что началъ искать защиты противъ жены у того же Мокроносова, вмѣстѣ съ которымъ кутилъ въ „Китаѣ“ и который потомъ все разсказывалъ Маремьянѣ Петровнѣ. Жизнь проходила въ какомъ-то похмельѣ.

Такъ наступилъ и роковой день.

Иванъ Семенычъ пьянствовалъ уже цѣлый мѣсяцъ и ссорился съ женой, но особеннаго ничего не происходило. Разъ въ январѣ онъ проснулся съ жестокимъ похмельемъ въ головѣ. Накинувъ халатъ, онъ вышелъ въ столовую, гдѣ Маремьяна Петровна уже гремѣла чайной посудой. Она тоже была съ похмелья, хотя крѣпилась по утрамъ, чтобы окончательно не осрамиться передъ прислугой. Иванъ Семенычъ подсѣлъ къ столу и ждалъ своей аппетитной чашки, доставшейся ему въ наслѣдство еще послѣ дѣдушки.

— Ты что это точно муху проглотила?—заговорилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

Она какъ-то сонно посмотрѣла на него красными съ похмелья глазами, схватила фарфоровую полоскательную чашку и, не говоря худого слова, запустила ему прямо въ голову. Облитый горячими ополосками, Иванъ Семенычъ пришелъ въ неистовство и бросился на жену съ ножомъ.

— Ваня, опомнись!..—крикнула она, когда онъ ударилъ ее ножомъ ниже лопатокъ.

Дальше все происходило въ какомъ-то туманѣ. Ивану Семенычу хотѣлось рѣзать жену безъ конца, и онъ съ удовольствіемъ полоснулъ ее ножомъ по горлу. Опомнился онъ только, когда въ столовую вбѣжала горничная, но и тогда не понялъ всего случившагося ужаса. Бившаяся на полу въ агоніи жена показалась ему такой жалкой, и онъ удивился, что вся стѣна въ крови.

— Ваня... Богъ съ тобой...—прошептала умирающая коснѣвшимъ языкомъ.—Пожалѣй дѣтей...

VII.

Все это тысячи разъ было думано и передумано Иваномъ Семенычемъ, пока онъ сидѣлъ въ острогѣ, а теперь картина пережитаго безобразія встала еще разъ съ поразительной ясностью. Каждая вещь въ домѣ, каждый уголокъ говорилъ о творившихся здѣсь безобразіяхъ, и все это Иванъ Семенычъ понялъ только сейчасъ, вотъ въ эту безсонную ночь, когда прошлаго уже не заслонялъ ужасъ каторги. Кто былъ виноватъ?.. Убитая Маремьяна Петровна, можетъ-быть, совсѣмъ и не знала съ Мокроносовымъ, да онъ и не думалъ

теперь объ этомъ: самъ шлялся по арфисткамъ, такъ чего же требовать отъ жены... А чѣмъ виноваты осиротѣвшія дѣти, для которыхъ было бы лучше, если бы отецъ ушелъ въ каторгу? Да, лучше, потому что теперь какой онъ имъ отецъ: вырастутъ большіе и скажутъ вотъ это самое!

— Зачѣмъ же меня оправдали?—стоналъ Иванъ Семенычъ, придавленный этими мыслями.—Лучше бы ужъ и самому умереть...

Если бы Маремьяна Петровна была кругомъ виновата, развѣ тогда онъ имѣлъ право убивать ее?.. Вотъ судъ оправдалъ его, убійцу, а онъ не пожалѣлъ матери своихъ дѣтей. Нѣтъ, это ужасно, вотъ, вотъ эти самыя мысли, которыя не унимались, какъ зубная боль. Можно уйти отъ суда человѣческаго, но не уйдешь отъ самого себя, отъ собственной совѣсти... Виновата вся безобразная жизнь, которая изъ человѣка дѣлаетъ пьяную скотину, виноваты всѣ, кто живетъ такъ...

Цѣлую ночь Иванъ Семенычъ ходилъ по своему кабинету, прислушиваясь къ малѣйшему шороху, и точно подкарауливалъ, что у него дѣлается тамъ, въ глубинѣ души. Внутренній безотчетный страхъ овладѣлъ имъ настолько, что онъ затруднялся бы сказать, гдѣ дѣйствительность и гдѣ фантазія. Теперь ему дѣлалось страшно уже самого себя, страшно наполнявшей его скверны, и онъ начиналъ снова повторять съ начала исторію своей жизни и снова переживалъ въ тысячу первый разъ щемившее чувство смертельной тоски.

Такъ прошла вся ночь вплоть до благовѣста къ заутренѣ, когда уже сдѣлалось свѣтло. Иванъ Семенычъ лежалъ на своей кушеткѣ съ открытыми глазами до того разбитый и измученный, точно онъ съ тяжелой ношей сдѣлалъ по меньшей мѣрѣ тысячу верстъ. Вмѣстѣ съ занявшимся дневнымъ свѣтомъ въ немъ улеглось острое тревожное чувство, но оставалась гнетущая пустота, какъ у человѣка, только-что перенесшаго тяжелую операцію. Окно оставалось открытымъ, и въ него врывалась гулкая струя закипавшей городской жизни. Вотъ и второй благовѣстъ „къ раннимъ обѣднямъ“, когда тянутся къ церкви старички и старушки, именинники и нищіе.

— Иванъ Семенычъ, вставайте... Васъ дожидается адвокатъ, который отъ суда ослобонялъ: Павильоновъ.

Это была горничная. Она стояла въ дверяхъ, пугливо озираясь на задремавшаго хозяина.

— Вѣдь я сказалъ, что меня дома нѣтъ!..—сердито прошепталъ въ отвѣтъ Иванъ Семенычъ.

— Было и это говорено-съ, да они силомъ вошли и требуютъ, потому какъ новое дѣло... Испугалъ насъ до смерти, а теперь въ гостиной сидятъ и какую-то бумагу пишутъ.

Дѣйствительно, адвокатъ Павильоновъ сидѣлъ въ гостиной и, перелистывая подшитыя бумаги, нетерпѣливо поглядывалъ на дверь. Когда показался наконецъ Иванъ Семенычъ, онъ побѣжалъ къ нему навстрѣчу и бормоталъ на ходу:

— Извините, что я забрался къ вамъ такъ рано... Видите ли, нужно выяснить одинъ существенный вопросъ. Ваше имущество переведено было на имя покойной жены?

— Точно такъ...

— Дѣти, когда подрастутъ, могутъ отказаться отъ совмѣстнаго жительства съ вами... Т.-е. я это предполагаю, потому что всякое дѣло нужно видѣть именно съ его дурной стороны.

— Да-съ...

— А вамъ нужно же и о себѣ подумать и предъявить право на наслѣдство...

— Это какое же наслѣдство?..

— Послѣ вашей жены наслѣдство! Какъ мужъ, вы имѣете право получить седьмую часть изъ движимаго и четырнадцатую изъ недвижимаго...

— Значитъ, такой законъ есть, напримѣръ, что мужъ убьетъ жену и получай наслѣдство?..

— Такого закона, положимъ, нѣтъ, а есть общее положеніе наслѣдованія супруговъ... Вы забываете, что вы оправданы, и ваша совѣсть предъ закономъ чиста.

— Седьмая часть въ движимомъ и четырнадцатая въ недвижимомъ...— повторялъ Иванъ Семенычъ, напрасно стараясь уяснить себѣ смыслъ этихъ непонятныхъ словъ.

— Да, да... Вы выдаете довѣренность, и мы начинаемъ дѣло въ гражданскомъ порядкѣ.

— У кого же будемъ высуживать деньги-то?

— Ахъ, какой вы... Ни у кого: свои деньги только вернете.

— Значитъ, такъ выходитъ: убилъ жену и пойду высуживать наслѣдство у дѣтей. Седьмая часть въ недвижимомъ, четырнадцатая въ движимомъ... Такъ-съ! Значитъ, наслѣдникъ вполнѣ...

Иванъ Семенычъ остановился, посмотрѣлъ удивленными глазами на Павильонова, пощупалъ свою голову и, круто повернувшись на каблукахъ, быстро ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Иванъ Семенычъ... а Иванъ Семенычъ?..

Отвѣтомъ былъ щелкнувшій въ дверяхъ кабинета замокъ, а потомъ раздался дикій хохотъ.

— Наслѣдникъ?! Ха-ха-ха...

Павильоновъ постоялъ въ передней, покачалъ головой, плюнулъ и вышелъ, а Иванъ Семенычъ все хохоталъ, дико и неудержимо, какъ человѣкъ, у котораго щекочутъ подъ мышками.

Цѣлыхъ три дня и три ночи хохоталъ Иванъ Семенычъ въ своемъ кабинетѣ. Прислуга заперлась въ кухнѣ и со страхомъ прислушивалась къ сумасшедшимъ шагамъ наверху. На четвертый день все стихло, а когда при посредствѣ полиціи была взломана дверь въ кабинетъ,—Иванъ Семенычъ лежалъ на кушеткѣ мертвый. Онъ отравился.

1888.

НА МѢСТѢ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Очеркъ.

I.

У крыльца какъ-то призывно позванивали дорожные колокольчики. Кажется, все готово? Впрочемъ, это только вопросъ дорожнаго формализма,—мнѣ рѣшительно ничего не было нужно, кромѣ ружья, бурки и дорожнаго мѣшка съ той дорожной провизіей, которая черезъ двѣ станціи никуда не годится, потому что мясо пріобрѣтаетъ какой-то жеванный видъ, яйца скатываются въ лепешку, хлѣбъ обращается въ тѣ крошки, какія, вѣроятно, найдете только въ кошелѣ нищаго. Всѣ это знаютъ, и все-таки какъ-то неудобно уѣзжать изъ дому безъ „подорожниковъ“.

Іюльское утро немного хмурое, но тѣмъ лучше,—можно будетъ проѣхать съ прохладой, какъ говорилъ мой любимый ямщикъ Гагара.

— Что, Гагара, застанемъ мы Петра Васильича? — спрашиваю я, усаживаясь въ просторный сибирскій тарантасъ.

— Извѣстно, дома... Куды ему дѣться, Петру Васильичу? Въ самый разъ его застанемъ. Всего шесть часовъ...

Городъ еще спитъ. Екатеринбургъ въ средѣ провинціальныхъ городовъ въ своемъ родѣ аристократъ и, какъ таковой, просыпается поздно. Отъ центра мы ѣдемъ на окраину, гдѣ залегла въ болотѣ самая грязная улица, которую называютъ Лягушкой. Домикъ Петра Васильича въ концѣ Лягушки, и въ ненастье къ нему не всегда можно проѣхать. Гагара осаживаетъ тройку у крыльца и вопросительно смотритъ на окна во второмъ этажѣ. Домикъ небольшой, на три окна, опалубленъ тесомъ и когда-то былъ выкрашенъ нѣжно-голубой краской. Черезъ двѣ минуты распахивается окно во второмъ этажѣ, и показывается начинающая лысѣть голова Петра Васильича.

— Я за вами, Петръ Васильичъ...

— Куда?

— Не знаю. Придумывайте...

Петръ Васильичъ улыбается сонной улыбкой, зѣваетъ, скребетъ въ затылкѣ и самымъ рѣшительнымъ тономъ объявляетъ:

— А мнѣ нельзя... Сегодня обѣщалъ заѣхать Огарковъ, потомъ мнѣ нужно съѣздить на монастырскую заимку, потомъ по одному дѣлу совершаемъ у нотаріуса довѣренность, потомъ...

— Погода хорошая, Петръ Васильичъ, — прерываю я этотъ перечень неотложныхъ дѣлъ.—Успѣете еще все сдѣлать, а Огаркову заѣдемъ сказать, что васъ не будетъ дома.

Петръ Васильичъ погружается въ дѣловое раздумье. Это его обычный пріемъ. Я терпѣливо жду.

— Хорошо бы прокатились по холодку, Петръ Васильичъ...

— Развѣ въ Ревду проѣхать?

— Можно и въ Ревду...

— А оттуда махнемъ въ Верхніе Серги...

— Можно и въ Серги...

— А изъ Верхнихъ Сергъ и въ Нижніе Серги. Погостимъ у доктора на солонцѣ, а оттуда проѣдемъ на р. Уфу, въ Арслановку, — такая башкирская деревушка есть, а у меня тамъ дѣло, т.-е. цѣлыхъ два. Сдѣлаемъ кстати развѣдку на золото...

— Что же, отлично.

Маршрутъ получается приблизительно на недѣлю. Петра Васильича охватываетъ вдругъ приливъ энергіи, и онъ заявляетъ рѣшительно:

— Что же я—у меня и въ Ревдѣ есть дѣло, и въ Сергахъ, и по дорогѣ надо заѣхать на кордонъ, потомъ въ Гробовѣ... Я живой рукой, только чаю напьемся. Вы пили?

— Да.

— Ну, ничего. Палка на палку нехорошо, а чай на чай не вредитъ.

Черезъ минуту я уже сижу въ кабинетѣ Петра Васильича,—онъ же и столовая, и гостиная, и пріемная. Гдѣ-то плачетъ разбуженный не во-время ребенокъ, потомъ слышится изъ сосѣдней комнаты оправдательный шопотъ Петра Васильича, это—маленькая супружеская сценка, послѣ которой Петръ Васильичъ обыкновенно выходитъ съ краснымъ, немного сконфуженнымъ и все-таки улыбающимся лицомъ; потомъ внизу, гдѣ помѣщается кухня, начинается сердитая возня разбуженной раньше времени кухарки, — можно подумать, что тамъ подковываютъ лошадь, или разводятъ пары въ желѣзнодорожномъ паровозѣ, или, въ меньшемъ случаѣ, что кухарка ставитъ самоваръ въ первый разъ въ жизни. Я отъ-нечего-дѣлать разсматриваю знакомую до мельчайшихъ подробностей обстановку кабинета-гостиной-столовой. Вотъ и диванъ, обитый дешевымъ кретономъ, и неизбѣжный предъ нимъ десертный столъ, и старинные цвѣты на окнахъ, и цѣлый рядъ родственниковъ, пригвожденныхъ надъ диваномъ къ стѣнѣ, и вязаныя салфеточки, и небольшой письменный столъ, одна половина котораго относится къ министерству юстиціи,—тутъ въ ящикахъ всевозможныя „дѣла“, а въ другой половинѣ—горный департаментъ: образцы всевозможныхъ рудъ, кварцы, азбестъ, огнеупорныя глины и еще какія-то горныя породы, которыхъ я назвать не умѣю.

Потомъ все дѣлается какъ-то вдругъ—съ одной стороны появляется кипящій самоваръ, съ другой стороны улыбающійся Петръ Васильичъ. Онъ средняго роста, средней полноты и среднихъ лѣтъ. Добродушное лицо русскаго типа, небольшая черная бородка, темные большіе глаза, мягкій носъ. Зиму и лѣто онъ неизмѣнно носитъ дома шведскую куртку, а въ дорогу надѣваетъ охотничьи сапоги.

— Вы хорошо сдѣлали, что заѣхали за мной, — повторяетъ Петръ Васильичъ, отхлебывая съ блюдечка горячій кипятокъ.—Я самъ давно собираюсь съѣздить, да все какъ-то некогда. А мы отлично прокатимся...

Черезъ десять минутъ мы уже въ тарантасѣ. Гагара здоровается съ Петромъ Васильичемъ и улыбается. Развѣ есть другой Петръ Васильичъ? Да такого человѣка и на заказъ не придумать. Тройка приняла разомъ, такъ что замерли поддужные колокольчики, — такъ умѣетъ ѣздить только одинъ Гагара, обладающій настоящимъ ямщичьимъ талантомъ. Тѣ же лошади у

другого побѣгутъ совсѣмъ иначе. Петръ Васильичъ испытующе смотритъ на небо и рѣшаетъ, что погода будетъ крѣпкая.

— Какъ разъ успѣемъ съѣздить,—думаетъ онъ вслухъ.

У Петра Васильича своя собственная метеорологія, и онъ рѣдко ошибается. Я ему вѣрю и Гагара тоже. „Ужъ Петръ Васильичъ знаетъ, ужъ онъ не ошибется“... Намъ хочется вѣрить, что будетъ хорошая погода, и въ этомъ весь секретъ.

Мы выѣзжаемъ за городъ, на знаменитый Сибирскій трактъ. Послѣднимъ впечатлѣніемъ города остаются острогъ (по-мѣстному — замокъ) и городское кладбище. Я люблю такіе выѣзды изъ города, точно оставляешь за собой что-то такое тяжелое, давящее и неотвязное, какъ кошмаръ. Исторія еще преслѣдуетъ въ формѣ пыльной ленты трактовой дороги. Это — то роковое тире, которое ведетъ къ поясненію отрицательныхъ сторонъ коренной Расеи. Господи, сколько вотъ по этой via dolorosa „прослѣдовало“ грѣшныхъ расейскихъ „душъ“! Кого-кого тутъ ни было, за какія преступленія ни ссылались... Что онѣ думали, чувствовали и переживали, „слѣдуя“ вотъ по этому Сибирскому тракту? Вѣдь получаются сотни тысячъ дантовскихъ тѣней, и, какъ подобаетъ тѣнямъ, не оставившихъ даже малѣйшаго слѣда на пути своего скорбнаго слѣдованія. Въ сущности, весь этотъ Сибирскій трактъ какъ всякій русскій трактъ, — въ сторонѣ чахлый лѣсокъ, мочежники, болотины, подъемы, спуски и закругленія, изрѣдка рѣчонка и только для иллюстраціи низкія лѣсистыя горки. Ничего внушительнаго, импонирующаго, наводящаго на размышленіе... А вѣдь такой трактъ — это цѣлая народная и историческая трагедія. Впрочемъ, я говорю заднимъ числомъ, — сейчасъ расейскіе лишніе люди, жертвы темперамента и всяческія отрицательныя величины „слѣдуютъ“ уже по Уральской желѣзной дорогѣ.

Колокольчики наговариваютъ какую-то безконечную чепуху, тарантасъ мягко покачиваетъ, по сторонамъ дороги мелькаютъ все знакомыя картины: направо блеститъ громадный прудъ, потомъ будетъ кордонъ, за кордономъ налѣво маленькая лѣсная дорожка—по-уральски „повертка“, по которой каждую весну приходится ѣздить на тягу, дальше „Хрустальная гора“ и т. д. Все знакомыя, родныя мѣста, и каждый кустикъ кажется роднымъ, и точно онъ понимаетъ ваше дорожное настроеніе.

Для меня лично нѣтъ ничего лучше, какъ такія маленькія путешествія. Дорогой такъ хорошо думается, потомъ является такая здоровая, спеціально дорожная усталость, а сколько новыхъ впечатлѣній и дорожныхъ неожиданностей. Главное, вы всякую минуту можете измѣнить свой маршрутъ, свернуть куда-нибудь въ сторону, просто остановиться гдѣ-нибудь у красивой горной рѣчки. Это не то, что ѣхать по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ. Вообще, хорошо чувствовать себя самимъ собой, свою полную независимость и хоть на время освободиться отъ того злого духа, который давитъ и терзаетъ каждаго городского человѣка.

— Мы ужо остановимся въ Васильевкѣ у Ермолая Евгеныча,—думаетъ вслухъ Петръ Васильичъ.—Вы его знаете?

— Да, немножко... Съ вами же вмѣстѣ какъ-то останавливались.

— Вотъ, вотъ. Отличный мужикъ... да. Только...

Петръ Васильичъ встряхиваетъ головой и послѣ длинной паузы прибавляетъ:

— Мудреный онъ какой-то... Вы обратили вниманіе?

— Нѣтъ... Кажется, ничего особеннаго. А что?

— Да такъ... вообще... Видите ли, Васильевка когда-то была громад-

нымъ трактовымъ селомъ,—сплошь постоялые дворы, народъ жилъ богато, ну, а какъ трактъ отошелъ, Васильевка и захудала. Жаль со стороны смотрѣть, какъ все запустѣло и на глазахъ рушится. Кто только могъ, всѣ разбрелись по другимъ мѣстамъ. Одинъ Ермолай Евгенычъ изъ богатыхъ мужиковъ остался да еще строится. Хоть бы дѣти были, а то такъ, зря все... Серьезный мужикъ, аккуратный,—ему бы въ городѣ надо жить, а онъ сидитъ въ своей Васильевкѣ, какъ пень.

II.

Въ Васильевку мы пріѣхали только вечеромъ, потому что по дорогѣ дѣлали нѣсколько остановокъ совершенно случайнаго характера. У Петра Васильича являлись все новыя и новыя дѣла. Въ одномъ мѣстѣ онъ долго разспрашивалъ лѣсного сторожа о какомъ-то Маленькомъ логѣ, гдѣ, по его расчету, должны были находиться неисчерпаемыя залежи хромистаго желѣзняка; въ другомъ онъ разыскивалъ „знаки“ никкелевой руды, потомъ осматривалъ торфяное болото, забралъ изъ какой-то рѣчонки песку, чтобы сдѣлать уже дома пробу на золото,—однимъ словомъ, на каждомъ шагу было самое неотложное дѣло.

— Понимаете, вѣдь кругомъ несмѣтныя богатства лежатъ,—увѣрялъ меня Петръ Васильичъ совершенно серьезно.—И никто не хочетъ ихъ брать... Вѣдь самое вѣрное дѣло, и никто не хочетъ пальцемъ шевельнуть.

— А вы нынче чѣмъ занимаетесь, Петръ Васильичъ?

— Я-то?

Добродушное лицо Петра Васильича просіяло. Онъ досталъ изъ бокового кармана толстый бумажникъ, набитый какими-то бумагами и перевязанный розовой ленточкой, аппетитно хлопнулъ по немъ рукой, точно бумажникъ былъ набитъ сторублевыми ассигнаціями, и торжествующе заявилъ:

— Вотъ тутъ все готово... да... Остается только подождать, когда казенная пермская палата выдастъ копію... Всего двѣ недѣли подождать осталось!..

Я зналъ Петра Васильича около пятнадцати лѣтъ, и эти роковыя двѣ недѣли ожиданія никакъ не могли кончиться. Мнѣ сдѣлалось даже какъ-то больно за него,—онъ такъ по-дѣтски вѣрилъ въ свои двѣ недѣли, и у меня даже не хватило духу спросить его, чего онъ ждетъ и на что надѣется. Нужно сказать, что Петръ Васильичъ былъ самымъ типичнымъ уральскимъ человѣкомъ, который жилъ въ мірѣ несбыточныхъ иллюзій и радужныхъ мечтаній. Ему всюду грезились скрытыя сокровища, добыть которыя вѣчно мѣшали роковыя „двѣ недѣли“. Онъ такъ и жилъ завтрашнимъ милліонеромъ, относясь довольно снисходительно къ сегодняшнему бѣдному дню. Конечно, вѣдь все это было пока (нѣтъ денегъ, нужно платить по векселю и т. д.), только подождать всего двѣ недѣли... Въ этомъ заключался секретъ вѣчно-хорошаго настроенія. Въ головѣ Петра Васильича, какъ въ ульѣ, роились тысячи всевозможныхъ плановъ, расчетовъ, соображеній, комбинацій и вообще самыхъ счастливыхъ мыслей. Безчисленныя неудачи нимало не охлаждали счастливаго настроенія, потому что вѣдь двѣ недѣли все-таки оставались.

Васильевка, громадное трактовое село, разлеглась по теченію болотистой безыменной рѣчонки, точно ее прижала къ болоту стоявшая по другую сторону отлогая лѣсистая гора. Улица была одна и тянулась, какъ во всѣхъ трактовыхъ селахъ, на нѣсколько верстъ. Когда-то крѣпкая стройка постоялыхъ дворовъ сейчасъ представляла самую печальную картину. Часть избъ стояла съ заколоченными окнами, а другая быстро разрушалась,—избы косп-

лись набокъ, крыши дырявѣли, ворота переставали затворяться, трубы обваливались,—однимъ словомъ, полная картина быстраго разрушенія. Духъ жизни отлетѣлъ, и ничего не оставалось, какъ только разрушаться. По Сибирскому тракту теперь много такихъ селъ, умирающихъ заживо. Что же подѣлаешь, когда зарѣзала проклятая чугунка. И смерть шла тихая, какъ умираетъ вытащенная изъ воды рыба.

Пріятнымъ исключеніемъ являлся только домъ Ермолая Евгеныча, рѣзко выдѣлявшійся своей зеленой желѣзной крышей среди окружавшихъ его почернѣвшихъ и разваливавшихся избъ. Издали весело желтѣли новыя деревянныя стѣны, точно весь домъ только-что вынутъ былъ изъ печи, какъ праздничный коровай. Когда нашъ тарантасъ подъѣхалъ къ новымъ воротамъ, въ окно выглянула мужская голова. Это былъ самъ хозяинъ. Мнѣ показалось, что онъ посмотрѣлъ на насъ какъ-то непривѣтливо и подозрительно, пока не узналъ Петра Васильича.

— Да это ты, Петръ Васильичъ?—удивился онъ.

— Раньше Петромъ Васильичемъ называли. А мы къ тебѣ ночевать пріѣхали...

— Милости просимъ...

Снаружи двухъэтажная деревянная изба была обшита тесомъ, а ставни расписаны по-деревенски яркими цвѣтами. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась мелочная лавочка, сейчасъ запертая снаружи висячимъ замкомъ.

— Что это онъ, никакъ порѣшилъ всю торговлю?—подивился Петръ Васильичъ, вылѣзая изъ тарантаса.

Намъ пришлось порядочно подождать, прежде чѣмъ гдѣ-то въ глубинѣ двора послышалось шлепанье босыхъ ногъ, потомъ загремѣлъ желѣзный запоръ, и наконецъ растворились тяжелыя ворота. Дворъ былъ по-раскольничьи крытъ наглухо, и наша почтовая тройка нѣкоторое время колебалась войти въ нихъ, несмотря на отчаянныя понуканья ямщика. Отворялъ ворота самъ Ермолай Евгенычъ, по-лѣтнему одѣтый въ одну кумачную рубашку и полосатыя штанишки изъ тика. Этотъ ребячій костюмъ совсѣмъ не соотвѣтствовалъ окладистой русой бородкѣ и общему виду настоящаго взрослаго мужчины.

— Вотъ это называется дворъ!—восхищался Петръ Васильичъ, останавливаясь у крылечка.—Тутъ хоть кадрель танцуй...

Дворъ, дѣйствительно, былъ замѣчательный. Онъ съ четырехъ сторонъ былъ обнесенъ сплошной деревянной стѣной хозяйственныхъ пристроекъ, точно крѣпость. Полъ тоже былъ деревянный, изъ толстыхъ половыхъ досокъ. Чистота вездѣ поразительная, какъ въ комнатѣ, такъ что мнѣ сдѣлалось даже немножко совѣстно, что мы поставили среди этой хозяйственной чистоты свой запыленный тарантасъ. Уютное, раскрашенное синей и красной краской крылечко вело въ холодныя сѣни, раздѣлявшія переднюю и заднюю избу. Съ нижнихъ ступенекъ крылечка начиналась домашней работы дорожка, по которой мы и прошли въ заднюю избу, служившую для парадныхъ пріемовъ и обставленную съ этой цѣлью по-городски. Были тутъ и кисейныя занавѣски на окнахъ, и вѣнская мебель, и диванъ, обитый трипомъ цвѣта бордо, и нѣсколько олеографій на стѣнахъ. Однимъ словомъ, все, какъ слѣдуетъ быть въ богатомъ домѣ у богатаго мужика.

— А гдѣ хозяйка?—спрашивалъ Петръ Васильичъ, по пути заглядывая въ переднюю хозяйскую избу.

Ермолай Евгенычъ отвѣтилъ не вдругъ:

— Нѣту ея...

— Въ городъ уѣхала?

Отвѣта не послѣдовало. Мнѣ показалось, что Ермолай Евгенычъ не разслышалъ вопроса.

— И лавка заперта...—не унимался Петръ Васильичъ.

— И лавка...—какъ эхо повторилъ Ермолай Евгенычъ и потомъ прибавилъ, махнувъ рукой:—Ну ее, лавку. Порѣшилъ я все дѣло...

Ермолай Евгенычъ представлялъ собой типичный экземпляръ разбогатѣвшаго мужика, осуществившаго идеалъ своей жизни. На каждой мелочи въ обстановкѣ дома лежала печать сытаго довольства. Васильевскіе мужики считали Ермолая Евгеныча идеаломъ благополучія и завидовали ему съ какимъ-то ожесточеніемъ.

— Что ему, Ермолаю-то Евгенычу, не житье, а масленица... Все у него есть. Хоть бы часъ такъ-то пожить...

Дальше завистники прибавляли, что Ермолай Евгенычъ нажилъ свои деньги нечисто. Раньше такой же былъ мужикъ, какъ и всѣ. Въ обозѣ ходилъ не одинъ годъ, а потомъ попалъ въ городъ Пермь, въ кучера къ какому-то купцу. Оттуда и жену городскую вывезъ. Однимъ словомъ, нечисто дѣло кругомъ.

— Почему же нечисто?—спрашивалъ я.—О всякомъ богатомъ человѣкѣ можно такъ сказать...

Объяснить никто и ничего не могъ, и Ермолай Евгенычъ оставался въ подозрѣніи. Я придавалъ этимъ наговорамъ спеціально-уральское значеніе: на Уралѣ слишкомъ часто наживались и наживаются состоянія темными путями, и поэтому вполнѣ естественно критическое отношеніе ко всякому быстрому богатству, какъ и въ данномъ случаѣ. Впрочемъ, про Ермолая Евгеныча нельзя было сказать послѣдняго: онъ проявилъ свою состоятельность исподволь, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Сначала явилась передняя изба съ лавочкой внизу, а потомъ уже остальное. Выходило такъ, что средства давала торговля, хотя это и было сомнительно, принимая во вниманіе безповоротное захуданіе Васильевки. И деревенскимъ кулакомъ Ермолай Евгенычъ тоже не былъ, и на самыя отчаянныя просьбы денегъ, на какихъ угодно условіяхъ, не сдавался.

Мы сдѣлались невольными свидѣтелями одной изъ такихъ сценъ, когда пили чай въ передней избѣ. Какъ мнѣ казалось, хозяинъ все къ чему-то прислушивался и нѣсколько разъ съ тревогой поглядывалъ въ окно.

— Эй, Евгенычъ!—послышался за окномъ хриплый голосъ.

Евгенычъ только тряхнулъ волосами, но не откликнулся.

— Евгенычъ, одолжи двоегривенный...

Кто-то полѣзъ къ окну, и показалась взлохмаченная голова.

— Евгенычъ, одолжи...

— Вотъ я тебѣ одолжу!—закричалъ Евгенычъ.—Куда лѣзешь-то?

Голова скрылась, а потомъ послышалась отборная ругань.

— Чай пьешь... а?.. Погоди, самъ будешь давать двугривенный-то, да только я не возьму. Нѣтъ, братъ, шалишь... Не надо... Да... Погоди, братъ, за собакой палка не пропадаетъ...

Блѣдный отъ волненія, Евгенычъ выскочилъ на улицу, и завязалась молчаливая борьба. Скоро ругатель очутился на землѣ, а Евгенычъ сидѣлъ на немъ верхомъ и билъ, куда попало.

— Нѣтъ... погоди...—хрипѣлъ ругатель.—Нѣтъ, ты скажи, куды свою городскую жену Марью Степановну дѣлъ... Не любишь, а?.. Къ сродственникамъ ушла... а?.. Погоди, голубчикъ, и на тебя управа найдется...

Евгенычъ выпустилъ свою жертву и вернулся такимъ несчастнымъ,

точно не онъ билъ, а его били. На немъ, какъ говорится, лица не было. Мы поскорѣе кончили чай и ушли въ заднюю половину, гдѣ намъ уже были приготовлены на полу постели.

III.

По нашему маршруту мы должны были только переночевать въ Васильевкѣ, но рано утромъ, когда мы еще спали, пришелъ какой-то таинственный мужикъ съ таинственнымъ узелкомъ и терпѣливо дождался на завалинкѣ нашего пробужденія. Петръ Васильичъ вскочилъ горошкомъ, когда Евгенычъ пришелъ насъ будить.

— Какой мужикъ? гдѣ?

— А нашъ васильевскій... По прозванію Сумерки.

— А, Сумерки?!—обрадовался Петръ Васильичъ: — отлично... Мнѣ его тоже нужно видѣть непремѣнно.

Удивительно мѣтко умѣетъ русскій человѣкъ давать прозвища. Когда я взглянулъ на таинственнаго мужика, то убѣдился въ этомъ еще разъ. Дѣйствительно, сумерки, и больше ничего. Небольшой, сутулый, съ кривыми ногами, съ какимъ-то сморщеннымъ прежде времени лицомъ, какъ печеное яблоко, и съ тревожно моргавшими узенькими карими глазками,—однимъ словомъ, сумерки. Въ немъ было что-то сонное, усталое, точно онъ всю жизнь не могъ проснуться.

— Такъ, самый бросовый мужичонка, — коротко объяснилъ Евгенычъ, выглядывая въ окошко.—Только и дѣла, что шляется по лѣсу. Охота Петру Васильичу со всякимъ мусоромъ разговоры разговаривать...

А Петръ Васильичъ такъ и вцѣпился въ таинственнаго мужика. Въ избу Евгенычъ его не пустилъ, и пришлось устроиться на крылечкѣ. Сумерки, осторожно оглядѣвшись, развернулъ свой узелокъ и постепенно предъявилъ пытливому взору Петра Васильича цѣлую коллекцію разныхъ горныхъ породъ. Конечно, все это были неопровержимыя доказательства скрытыхъ въ васильевскихъ нѣдрахъ сокровищъ. Главное мѣсто принадлежало, конечно, ржавымъ кварцамъ съ „знаками на золото“, что̀ было понятно только посвященнымъ. Сумерки равнодушно моргалъ, пока Петръ Васильичъ на тысячу ладовъ разсматривалъ каждый камень, взвѣшивалъ на рукѣ, а нѣкоторые камни даже обнюхивалъ и пробовалъ на языкъ. Мы съ Евгенычемъ присутствовали въ качествѣ благородныхъ свидѣтелей. Мнѣ казалось, что на Петра Васильича дѣйствовалъ больше всего равнодушно-таинственный видъ Сумерекъ.

— Надо будетъ съѣздить...—думалъ вслухъ Петръ Васильичъ, еще разъ взвѣшивая самые интересные камни на рукѣ. — Да... Посмотримъ на мѣстѣ. Вообще, интересно... Ты помнишь мѣста-то, Сумерки?

— Мѣста-то? А какъ не помнить,—не чужими руками добывалъ знаки...

Къ числу особенностей Сумерекъ принадлежало то, что онъ, прежде чѣмъ отвѣтить, повторялъ каждый вопросъ, какъ дѣлаютъ маленькія дѣти, точно у него въ головѣ были устроены какіе-то невидимые заборы, черезъ которые съ большимъ трудомъ перелѣзала каждая мысль. Получались опять сумерки, когда человѣкъ, прежде чѣмъ сдѣлать шагъ, ощупаетъ дорогу палкой.

— Все это пустое,—рѣшилъ Евгенычъ, когда изслѣдованіе камней было закончено.—Ничего не будетъ...

Петръ Васильичъ посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ и не удостоилъ отвѣтомъ. Очевидно, Евгенычъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, какъ люди богатѣютъ. Какъ, напримѣръ, разбогатѣли Ивановы, Щепкины, Мосягины?

Очень просто—вотъ такъ же пришелъ мужичокъ съ мѣшкомъ, показалъ знаки, а они по этимъ знакамъ сдѣлали заявки. Даже до смѣшного просто.

Это была роковая встрѣча. Петръ Васильичъ началъ пропадать съ ранняго утра, несмотря на испортившуюся противъ ожиданія погоду. Я тоже принималъ участіе на первыхъ экскурсіяхъ и замѣтилъ только одно, что даже предполагаемыя сокровища забираются въ ужасныя трущобы, куда можно было съ величайшимъ трудомъ пробраться только пѣшкомъ. Мы безъ конца бродили по какимъ-то болотамъ, безпросвѣтнымъ ельникамъ и вообще невозможнымъ мѣстамъ, повидимому, даже существовавшимъ только съ затаенной цѣлью затруднять доступъ къ скрытымъ сокровищамъ, какъ это разсказывается въ дѣтскихъ волшебныхъ сказкахъ. Когда, въ довершеніе картины, началось жестокое ненастье, я окончательно изнемогъ и подъ какимъ-то вымышленнымъ предлогомъ остался дома.

— Ради Бога, подождите меня всего одинъ денекъ, — умолялъ меня Петръ Васильичъ съ такимъ видомъ, точно со всѣхъ сторонъ свѣта устремились въ Васильевку его злѣйшіе конкуренты, которые вотъ-вотъ похитятъ сокровище.—Ради Бога...

— Экъ его ущемило,—удивлялся Евгенычъ.—Вотъ такъ Сумерки. Кругомъ окружилъ Петра Васильича... Какое у насъ золото, — оно все ушло по ту сторону Урала. Сумерки все навралъ...

Петръ Васильичъ возвращался со своихъ поисковъ до того измученный, что не могъ даже говорить, а только отмахивался рукой. Отоспавшись и захвативъ хлѣба, онъ опять исчезалъ.

Я прожилъ такимъ образомъ у Евгеныча цѣлыхъ два дня. Ненастье продолжалось, и все равно дальнѣйшее путешествіе не представляло особенной заманчивости. Потомъ меня все больше и больше интересовалъ Евгенычъ, которому рѣшительно нечего было дѣлать и который ухитрялся суетиться съ утра до ночи. Онъ поднимался чуть свѣтъ и бѣгалъ по всему дому съ метелкой. Чистота была возведена въ настоящій культъ. Хозяйствомъ въ собственномъ смыслѣ завѣдывала какая-то глухая старуха, а остальное, что выходило изъ предѣловъ кухни, Евгенычъ исполнялъ самъ. Онъ водворялъ вездѣ чистоту съ какимъ-то непонятнымъ ожесточеніемъ, точно отъ этого зависѣло по меньшей мѣрѣ спасеніе его души.

По вечерамъ мы пили вмѣстѣ чай въ передней избѣ, и каждый разъ это скромное времяпрепровожденіе нарушалось появленіемъ ругателя. Повторялась съ нѣкоторыми варіаціями одна и та же сцена, причемъ ругатель, видимо, разсчитывалъ на присутствіе посторонняго человѣка, чтобы посрамить Евгеныча возможно чувствительнѣе. Евгенычъ отмалчивался и только блѣднѣлъ отъ внутренняго бѣшенства. Разъ онъ не выдержалъ и заговорилъ самъ:

— Изволите слышать, какъ золотитъ меня прощалыга? И все жену приплетаетъ...

— Мало ли что можетъ наболтать пьяный человѣкъ.

— Нѣтъ-съ, онъ знаетъ, какъ меня донять. Да... То-есть въ самую середину человѣкъ бьетъ. Что же, развѣ я отпираюсь: Марья Степановна вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ пропала безъ вѣсти. Точно въ воду канула. При чемъ же, напримѣрно, тутъ я? У васъ бы жена ушла, у другого, у третьяго,—кто будетъ виноватъ? Мало ли что бываетъ...

Мнѣ было неловко выслушивать эти оправданія, и я старался перевести разговоръ на другую тему, но Евгенычъ разошелся и продолжалъ въ томъ же тонѣ:

— Вѣдь *онъ* (Евгенычъ показалъ головой на окно) отлично знаетъ, какая-такая была эта самая Марья Степановна. И все село отлично знаетъ...

Сказать пряменько: отчаянно пила-съ, запоемъ пила. Я-то вотъ капли въ ротъ не биралъ отродясь, а она, значитъ, и пила за всѣхъ. Съ пьяныхъ-то глазъ, можетъ, что̀ и сдѣлала надъ собой...

— Это ужъ болѣзнь, Ермолай Евгенычъ...

— Я и самъ такъ думаю. Не иначе, что напущено было на нее, значитъ, отъ зависти добрые люди испортили. Вѣдь сперва-то мы жили вотъ какъ хорошо и согласно, какъ два голубя. Все это обзаводили, строились, ну, кто-нибудь и позавидовалъ. Лѣтъ съ десять какъ *это* началось съ Марьей Степановной. Присядетъ вотъ такъ къ окошечку, подопрется рукой и сидитъ. Спросишь это ее въ другой разъ, что̀ она сидитъ: „Скучно мнѣ, Ермолай Евгенычъ“... Скучно да скучно — только всѣхъ и разговоровъ. Сперва я такъ полагалъ, что у насъ дѣтокъ нѣтъ, ну, бабьимъ дѣломъ и взгрустнется. А ужъ потомъ-то вижу, что дѣло совсѣмъ неладно. О чемъ ей было скучать-то? Слава Богу, кажется, все есть, только живи и радуйся, а она свое толмитъ: скучно. Потомъ начала Марья Степановна попивать, конечно, потихоньку отъ меня. Добудетъ церковнаго краснаго вина да потихоньку и напьется. Но первоначалу очень сторожилась меня и не признавалась. Ужъ какъ я ее просилъ, даже со слезами,—ничего не дѣйствуетъ. И она тоже плачетъ, а остановить себя не можетъ. Извѣстно, ежели на человѣка напущено, такъ онъ и жизни своей не радъ. Такъ и жили. Мнѣ-то ужъ совсѣмъ было тошно. Помилуйте, все есть, домъ—полная чаша, а тутъ жена пьяная. Недаромъ пословица говорится: мужъ пьетъ — полдома горитъ, жена запила—весь домъ загорѣлся. Послѣдніе-то года мнѣ же ее и покрывать приходилось, чтобы другіе не видѣли. Стыдъ вѣдь одинъ передъ другими-то... А она все наоборотъ,—ей, пьяной-то, точно тѣсно въ дому сдѣлается, и все на люди лѣзетъ. Въ лавку выйдетъ, едва на ногахъ стоитъ...

Мнѣ приходилось только слушать и неловко молчать, какъ иногда случается. Можетъ-быть, именно это молчаніе привело къ тому, что Евгенычъ вдругъ вспылилъ и заговорилъ задыхавшимся голосомъ:

— И теперь вотъ меня изъ-за жены всякій можетъ срамить. А за что? Да ее мало было убить... Вѣдь душу изъ меня всю вымотала. Какъ отрава въ дому... И убилъ бы, кабы... Все одно пропадать...

Евгенычъ сидѣлъ блѣдный, съ крупными каплями пота на лбу, и тяжело дышалъ, раскрывъ ротъ.

— Зачѣмъ же убивать, когда было можно просто разойтись,—замѣтилъ я, чтобы сказать что-нибудь.

— А ежели она, змѣя, всю душу изъ меня вынула? Бывало, войдешь въ избу, увидишь ее пьяную, такъ всего затрясетъ, въ глазахъ потемнѣетъ... Это вѣдь со стороны все легко кажется, а тутъ... Э, не стоитъ и разговоры разговаривать...

Евгенычъ замолчалъ и съ ожесточеніемъ принялся пить чай. Немного успокоившись, онъ проговорилъ ужъ другимъ тономъ:

— Вотъ мнѣ все село завидуетъ, дескать—богатей, все у него есть, а того не понимаютъ, что я бы все свое богатство отдалъ, только бы на душѣ было спокойно. Можетъ, вотъ я нищему завидую, которому копеечку подаю... Недаромъ говорится: чужая душа—потемки.

IV.

Въ Васильевкѣ мы должны были остаться еще день, о чемъ упрашивалъ меня Петръ Васильичъ. Но пришлось выѣхать какъ-то вдругъ. Петръ Ва-

сильичъ отправился съ Сумерками раннимъ утромъ, какъ всегда, и хотѣлъ вернуться только вечеромъ, но вернулся всего часа черезъ три и сейчасъ же послалъ за лошадьми. Онъ, видимо, былъ чѣмъ-то встревоженъ и торопился.

— Что такое случилось?—спрашивалъ я Сумерки.

— А кто его знаетъ,—равнодушно отвѣчалъ тотъ.—Вдругъ всполошился, точно съ печи упалъ... Къ вечеру-то мы бы непремѣнно все обыскали, до самаго конца. Ущемило Петра Васильича, вотъ и торопится.

Торопливость Петра Васильича, видимо, подѣйствовала нехорошо и на Евгеныча. Онъ угрюмо отворачивался и въ третій разъ подметалъ дворъ, точно желалъ замести наши слѣды.

— Ну, слава Богу,—проговорилъ Петръ Васильичъ, когда мы выѣхали изъ Васильевки.

— А что?—невольно спросилъ я.

— Да такъ... вообще...

Петръ Васильичъ нѣсколько разъ оглядывался назадъ и встряхивалъ головой, точно ожидалъ какой-то погони. Онъ успокоился только черезъ нѣсколько станцій, когда на его лицѣ появилась обычная добродушная улыбка.

— Вы ничего не замѣтили такого?..—спрашивалъ онъ:—я объ Евгенычѣ говорю.

— Рѣшительно ничего. У него съ женой что-то неладно.

— Да, да, вотъ это самое. Гм... Вообще, скверно. Конечно, не наше дѣло, а все-таки нехорошо. Тутъ уголовщиной дѣло пахнетъ...

— А если эта Марья Степановна домой опять явится?

— Нѣтъ, не явится.

— Да вы-то почему знаете, что не явится?

— Да такъ... Сумерки мнѣ все разсказалъ.

Петръ Васильичъ помолчалъ, а потомъ ужъ передалъ всю суть. Дѣло, дѣйствительно, выходило очень подозрительное.

— Евгенычъ давно бы прогналъ жену, да нельзя,—объяснялъ онъ.—И раньше говорили, что онъ не совсѣмъ чисто нажилъ свои деньги, но никто и ничего не зналъ. А тутъ все и обозначилось... да. Она какъ-то пьяная вышла въ лавку, онъ началъ ее выгонять, а она и отвѣтила ему: „Ты, такой-сякой, да я тебя въ острогѣ сгною и въ Сибирь сошлю, только захотѣть. Вотъ пойду да и скажу уряднику все“... При постороннихъ говорила, ну, а потомъ и пропала безъ вѣсти.

— Вы думаете, что онъ ее убилъ?

— Я этого не говорю, но все можетъ быть. Вы поставьте себя на его мѣсто. Когда-то было совершено преступленіе, о которомъ знаетъ только ваша жена. Хорошо. А потомъ ваша жена спивается, и вы не можете даже прогнать ее изъ дому. Вы представьте только свое положеніе: каждую минуту чувствовать надъ своей головой обухъ. Воображаю, какъ онъ ненавидѣлъ ее, какъ единственную свидѣтельницу прошлаго. Нѣтъ, это ужасно... И этотъ человѣкъ постоянно у васъ на глазахъ, постоянно можетъ васъ выдать, и вы не можете быть увѣрены ни за одинъ вашъ часъ. Мучится человѣкъ годъ, другой, третій—всю жизнь. А тутъ еще она спивается и въ состояніи невмѣняемости можетъ разболтать все...

— Мнѣ кажется, что вы преувеличиваете. Мало ли что могла наболтать съ пьяныхъ глазъ эта Марья Степановна...

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ вѣрно... Вѣдь мужикъ терпѣливъ, и въ немъ долго накопляется ненависть. Такъ и Евгенычъ все терпѣлъ, до послѣдняго момента терпѣлъ, а потомъ... Да, все можетъ быть.

Не соглашаясь съ Петромъ Васильичемъ, я все-таки про себя перебралъ свои впечатлѣнія за время пребыванія у Евгеныча. Прямыхъ уликъ не было, но нѣкоторыя наводящія обстоятельства можно было подобрать. Меня больше всего интересовала самая обстановка подозрѣваемаго преступленія. Человѣческому уму свойственно окружать каждое преступленіе чѣмъ-то особеннымъ, что̀ не подходитъ подъ обычную среднюю мѣрку, и съ этой точки зрѣнія каждый преступникъ является какимъ-то обреченнымъ человѣкомъ, у котораго на лицѣ написана его профессія,—убивецъ, растлитель, разбойникъ, мелкій воришка, просто—„нашъ губернскій воръ“. Мнѣ случалось десятки разъ бывать въ окружномъ судѣ, когда судились *интересные* преступники—есть такіе, какъ есть интересные случаи въ медицинской практикѣ, и, глядя на людей въ сѣрыхъ халатахъ, занимавшихъ скамью подсудимыхъ, я невольно поддавался общему стадному чувству, что именно эти сѣрые люди и виноваты, даже больше—они точно созданы съ спеціальной цѣлью совершать извѣстное спеціальное преступленіе. Отъ этого чувства трудно освободиться, несмотря на самую разумную логику. Остается только одно: нарядите мысленно самого себя въ арестантскій сѣрый халатъ и любого изъ вашихъ добрыхъ знакомыхъ посадите на скамью подсудимыхъ и посмотрите на себя со стороны, чтобы убѣдиться, что вы и вашъ добрый знакомый представляете типичные экземпляры внѣшней преступности.

Что̀ касается обстановки преступленія, особенно такъ называемаго „мѣста преступленія“, то тутъ иллюзія получается еще сильнѣе. Кажется, что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не могло быть совершено данное преступленіе, а именно только здѣсь, въ этомъ домѣ, на этой дорогѣ, въ такомъ-то лѣсу. Фактъ подчиняетъ себѣ ваше воображеніе, и вамъ начинаетъ казаться, что и домъ какой-то подозрительный, и дорога, и лѣсокъ, и каждое дерево молчаливо скрываютъ въ себѣ незримый элементъ преступности. На своемъ вѣку, колеся по Уралу, я достаточно насмотрѣлся на разныя „убіенныя мѣста“, и меня всегда поражало это совпаденіе. Ѣдешь, смотришь на одиноко стоящій крестъ, гдѣ-нибудь въ лѣсу, и начинаетъ казаться, что вотъ это именно мѣсто точно спеціально создано для извѣстнаго преступленія. Но всѣ эти подготовляющія воображеніе мысли никакъ не укладывались въ данномъ случаѣ, т.-е. въ обстановкѣ дома Ермолая Евгеныча. Ужъ очень было все налажено какъ-то особенно туго и сыто, такъ что не оставалось ни одной, кажется, щели, черезъ которую могло бы просочиться какое-нибудь преступное намѣреніе. Да и самъ онъ ужъ совсѣмъ не походилъ на преступника. Меня почему-то даже начинала возмущать самая возможность какого-нибудь подозрѣнія, проявлявшагося у Петра Васильича съ какой-то особенной настойчивостью.

— Нѣтъ, все это вздоръ,—думалъ я вслухъ.

— Да вы это о комъ?—удивлялся Петръ Васильичъ.

— А объ Евгенычѣ...

Петръ Васильичъ ничего не отвѣчалъ, а только встряхивалъ головой и даже улыбался, что̀ уже окончательно не шло къ занимавшему насъ вопросу.

Впечатлѣнія дальнѣйшаго путешествія совершенно изгладили эту случайную встрѣчу съ Евгенычемъ. Потомъ осенью я уѣхалъ надолго въ Москву, гдѣ уже окончательно позабылъ мелкіе эпизоды своего шатанья по Уралу.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Я опять жилъ на Уралѣ. Разъ весной ко мнѣ пріѣхалъ Петръ Васильичъ. Въ первую минуту я его совсѣмъ не узналъ,—такъ онъ похудѣлъ и какъ-то весь осунулся.

— Вотъ прихварываю все...—объяснилъ онъ, тяжело дыша.—Простудился осенью, схватилъ плевритъ, а теперь вотъ кашель по ночамъ одолѣваетъ... лихорадитъ... И какъ на грѣхъ подвернулось самое вѣрное дѣло. Второй годъ хлопочу... Черезъ двѣ недѣли долженъ получить окончательное рѣшеніе казанской судебной палаты. Спорятъ наслѣдники, а когда палата рѣшитъ...

Это была старая пѣсня, и мнѣ сдѣлалось какъ-то особенно жаль бѣднаго Петра Васильича,—онъ былъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ, какъ говорятъ деревенскія бабы. Онъ посидѣлъ у меня и, уходя, сообщилъ послѣднюю новость:

— Помните Васильевку, какъ мы тогда ѣздили? Евгеныча неужели забыли? Вѣдь повинился онъ самъ, какъ жену убилъ... Совѣсть, говоритъ, замучила. Да... Судить будутъ.

Надѣвая въ передней калоши, Петръ Васильичъ оглядѣлся и прибавилъ уже шопотомъ:

— А тогда, помните, я съ Сумерками развѣдки дѣлалъ,—такъ я эту самую убитую жену и видѣлъ. Ей-Богу... Заглянулъ въ одну старую дудку *), а въ ней и торчатъ женскія ноги. Да... Я тогда порядочно испугался и сейчасъ же утащилъ васъ изъ Васильевки. Такъ никому ничего и не сказалъ.

— Почему же вы узнали, что эти ноги принадлежали именно женѣ Евгеныча?

— А то какъ же: въ ботинкахъ, въ бѣлыхъ чулкахъ. Во всей Васильевкѣ ни одной бабы не найдете въ ботинкахъ...

— Можетъ-быть, она сама какъ-нибудь упала въ дудку?

— И это невозможно... Сверху дудка была закрыта хворостомъ. Меня это и заинтересовало: дудка-то старая, а хворостъ свѣжій. Засудятъ Евгеныча... Жаль, хорошій былъ мужикъ. Онъ теперь все на-чистоту показываетъ, какъ убилъ кого-то на тракту и деньги ограбилъ. Объ этомъ одна жена знала и все ему грозила... Оно ужъ и вышло одно къ одному.

1897.

---

*) Дудка—круглая шахта.

СЪ ГОЛОДУ.

Разсказъ.

I.

...Настоящее вешнее солнце освѣщало изрытый ухабами челябинскій трактъ. Степанъ шелъ стороной, выбирая мѣста посуше. Встрѣчные обозы имѣли самый жалкій видъ: не было проѣзда ни на колесѣ ни на полозьяхъ. Воза съ кладью сидѣли по нѣскольку часовъ, то въ пропитанномъ вешней водой снѣгу, то на голыхъ мѣстахъ, гдѣ чернѣла земля. Вся бѣда въ томъ, что вешнее тепло ударило рано, недѣли за двѣ до Благовѣщенья. Раза два возчики останавливали Степана и просили помочь высадить завязнувшій въ снѣгу возъ,—такому рослому мужику стоило только двинуть плечомъ. Степанъ молча подходилъ къ телѣгѣ, пристраивался поудобнѣе, напиралъ плечомъ и только встряхивалъ головой—въ немъ не было силы... Возчики это чувствовали и съ удивленіемъ смотрѣли на обезсилѣвшаго мужика, которымъ впору было заборъ подпирать.

— Да ты это что̀, дядя?—галдѣли возчики.—Глядѣть на тебя, такъ гору своротишь, а силенки, какъ у худой бабы.

— А такъ... неможется... — сумрачно отвѣчалъ Степанъ, стараясь не глядѣть ни на кого.—Повредилъ малость.

— Да ты дальній, что ли, будешь-то?

— Нѣтъ... Вотъ тутъ съ трахту повернуть влѣво, сейчасъ и наша деревня будетъ, Морошкина прозывается...

Возчики только переглядывались и качали головами: и влѣво и вправо отъ тракта захватила голодовка, значитъ, и мужикъ обезсилѣлъ съ голоду. Можетъ, сердяга не ѣдалъ сутокъ трое... А Степанъ сосредоточенно шагалъ дальше, чтобы поскорѣе уйти съ чужихъ глазъ: ему было и совѣстно за свое собственное безсилье, и надо было передохнуть. Онъ, дѣйствительно, ничего не ѣлъ уже нѣсколько дней, и его пошатывало съ голодухи. Идетъ-идетъ, а въ глазахъ такъ и потемнѣетъ, точно кто обухомъ по головѣ ударитъ. Степанъ выбиралъ сухонькое мѣстечко, обогрѣтое солнцемъ, и долго сидѣлъ, пока отдыхали ноги и спина. Тяжело ему было, несмотря на весеннее тепло и пригрѣвавшее солнце, такъ тяжело, точно вотъ взялъ бы, легъ да и умеръ... Кромѣ обозовъ навстрѣчу ему то и дѣло попадались пѣшеходы, которые съ котомками за плечами тащились въ городъ на заработки.

— Изъ городу, дядя?—окликали его мужики.

— Изъ городу...—мрачно отвѣчалъ Степанъ.

— А не слыхалъ, милый человѣкъ, какъ насчетъ работы?

— Никакой тамъ работы нѣту, въ городѣ... Задарма шесть недѣль про-

шлялся, а вотъ теперь домой бреду. Надо къ пахотѣ готовиться... Дружно ударила весна-то, а земля не ждетъ.

— Это ты правильно... На Егорія вешняго только лѣнивая соха не выѣзжаетъ въ поле. Такъ работы, значитъ, не нашелъ? Ну, такіе твои счастки...

— Да, и другіе-протчіи тоже... Такъ, изъ-за хлѣба на воду можно колотиться: гдѣ дровецъ наколешь, гдѣ снѣгъ уберешь съ крыши, а чтобы настоящей работы—не слышно что-то. Въ городѣ-то своихъ работниковъ достаточно...

Всѣ разговоры шли на одинъ ладъ: о работѣ, о хлѣбѣ, о голодовкѣ. Далеко она прошла, голодовка—за Челябу, въ степь. Ни хлѣба, ни овса, ни сѣна, ни соломы. Которую скотину прикололи еще до Рождества и съѣли, а лошадей продаютъ совсѣмъ даромъ, да и то не берутъ. Спрашивавшіе мужики смотрѣли на Степана и не вѣрили, что нѣтъ работы; гдѣ же ей и быть, какъ не въ городѣ, гдѣ и богатыхъ купцовъ видимо-невидимо, и господъ, и чиновниковъ.

— Напраспо идете...—уговаривалъ Степанъ.

— А ужъ что Богъ дастъ, милый человѣкъ... Не отъ радости идемъ...

Степану стало легче, когда онъ свернулъ съ тракта на проселокъ; по крайней мѣрѣ не видѣть другихъ голодныхъ людей. До Морошкиной оставалось верстъ тридцать, ежели взять прямо полями, а черезъ Пеньковку и всѣ сорокъ. Пожалуй, засвѣтло не дойдешь до Пеньковки... Чѣмъ ближе къ дому, тѣмъ легче: только бы добраться до своей деревни. Ахъ, что тамъ теперь дѣлается... Смотался совсѣмъ народъ православный: голодная зима всѣхъ съѣла.

Подходя къ Пеньковкѣ, Степанъ догналъ мальчонку, который бойко вышагивалъ по сторонѣ, помахивая палкой. Оказался свой, морошкинскій, Сережкой звать.

— Откедова прёшь, Сережка?..

— Изъ городу,—весело отвѣтилъ мальчикъ.—А, это ты, Степа... А я было и не узналъ тебя по первоначалу-то. Тоже изъ городу?..

— Изъ городу...

Сережка бойко поглядѣлъ своими еще дѣтскими, сѣрыми глазами на Степу и улыбнулся безъ всякой причины. Это былъ средняго роста деревенскій мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, съ загорѣлымъ и покрытымъ веснушками курносымъ лицомъ. Одѣтъ онъ былъ уже на городскую руку: въ рваный пиджакъ, въ рваные сапоги и рваные плисовые шаровары. Свѣтлымъ пятномъ Сережкиной костюмировки являлась новенькая ситцевая рубашка, только-что купленная на толкучемъ въ Екатеринбургѣ.

— Чему обрадовался-то?—оговорилъ Степанъ мальца.—Моешь зубы-то...

— Да я такъ, дяденька... По первоначалу-то я даже испугался: думаю, какой мужикъ гонится за мной, а потомъ гляжу—нашъ морошкинскій Степа. Вмѣстѣ-то веселѣе итти, а то я боялся черезъ заводы одинъ итти: трактовый народъ, набалованный...

— Чего тебѣ бояться-то, мальчуга?

— А такъ, самъ не знаю. Въ Пеньковкѣ-то заночуемъ, Степа, а-утре по холодку и стеганемъ въ Морошкину. Больно ужъ я соскучился о своей деревнѣ, такъ бы ровно вотъ бѣгомъ и побѣжалъ...

— И бѣги, кто тебѣ мѣшаетъ...

Сережка опять замялся и только посмотрѣлъ на Степана своими дѣтскими глазами. Радостное настроеніе Сережки отозвалось въ душѣ Степана глухой болью, и голодный мужикъ недружелюбно посмотрѣлъ на него.

— Ты чего въ городу-то дѣлалъ?—сурово спросилъ Степанъ.

— А у попа въ кучерахъ служилъ... Съ осени поступилъ на мѣсто, еще до перваго снѣгу. Лошадь у попа старая-престарая, а самъ попъ тоже старый, да скупой, да ворчливый... Все не по немъ. По первоначалу-то тяжело доставалось, бѣжать хотѣлъ, да наши деревенскіе въ городъ сѣно продавать привозили и не велѣли мѣсто оставлять, потому какъ въ деревнѣ-то совсѣмъ, слышь, ѣсть нечего.

II.

Въ этихъ разговорахъ дорога скороталась незамѣтно, точно кто придвинулъ Пеньковку. Это была большая деревня, залегшая въ глубокомъ логу по берегамъ рѣчонки Озерной. Бойкое мѣсто Пеньковка, а теперь и въ ней тихо, точно послѣ пожара; оставались дома однѣ бабы съ ребятами да старики, а мужики разбрелись въ разныя стороны на заработки.

— Голодаютъ въ Пеньковкѣ-то...—замѣтилъ Сережка, шагая впередъ.—Развѣ къ Силантью попросимся ночевать, Степа?

Силантьева изба стояла ближе, и уставшій Сережка выигрывалъ нѣсколько шаговъ. Степанъ согласился молча: ему было все равно, гдѣ ни ночевать. Въ избѣ у Силантья оставались однѣ бабы—старуха со снохой.

— Шли бы вы куда-нибудь въ другую избу,—посовѣтовала старуха.

— Притомились, баушка... Можетъ, ты насчетъ ѣды сумлѣваешься, такъ мы и такъ обойдемся; завтра дома поѣдимъ.

— То-то вотъ ѣда-то у насъ, Степанушка: сами черезъ день по кусочку съѣдимъ и все тутъ... Ребятушки, вонъ, плачутъ, хлѣбушка просятъ. Охъ, нашелъ насъ Господь Своей милостью... Заходите не то: вездѣ одна сухота. А это никакъ ты, пострѣлъ Сережка?

— Онъ самый, баушка Василиса...

Зашли въ избу, помолились и для порядку присѣли на лавку. Справно жилъ Силантій по своей силѣ, а теперь въ избѣ совсѣмъ нежилымъ пахло. Молодуха-сноха совсѣмъ исхудала, такъ что Степанъ не узналъ ея,—она была изъ Морошкиной, еще сосѣдкой приходилась. Всего четыре осени, какъ въ Пеньковку ее выдали. Сережка притихъ сразу, какъ увидѣлъ голодавшую избу. Онъ молча положилъ свою котомку въ уголокъ и смотрѣлъ кругомъ удивленными глазами.

— Съ заработковъ иду, баушка Василиса...—печально говорилъ Степанъ.—Напрасно только время терялъ...

— Ну, хоть свою голову прокормилъ, Степанушка, а дома и этого негдѣ взять.

— Объ семьѣ объ своей соскучился, баушка... Какъ раздумаюсь въ городѣ-то, такъ даже слеза прошибетъ: какъ-то они, молъ, тамъ горюютъ, а мнѣ и выслать нечего... День поробишь, а три безъ дѣла шляешься.

— Охъ, плохо у васъ, въ Морошкиной-то, Степанушка... Сноха Матрена на той недѣлѣ ѣздила къ своимъ, такъ поразсказала довольно: у насъ худо, а въ Морошкиной еще тошнѣе того... Мужики-то тоже разбрелись, а бабы съ ребятами маются... Тоже черезъ день ѣдятъ... Ну и отощали: идетъ другая баба по деревнѣ и повалится—голову стало обносить съ голоду. Потомъ хворь прикинулась: животами больше маются. Охвостьемъ прежде свиней кормили, а теперь въ хлѣбъ мѣшаютъ, да и охвостья-то не стало.

Поговорили, потужили, а потомъ, не поѣвши, залегли спать. Съ дороги Степанъ радъ былъ мѣсту. На полати къ нему залѣзъ со своимъ узелкомъ и Сережка.

— Ну, ты, поповскій выкормокъ, мотри, я рано буду вставать,—ворчалъ Степанъ.—Какъ разъ проспишь...

— А ты разбуди меня: веселѣе вмѣстѣ-то.

— У тебя веселье одно на умѣ, дуракъ...

Лежа на полатяхъ, еще поговорили. Между прочимъ, Сережка разсказалъ еще разъ про свое житье у городского попа и прибавилъ, что несетъ домой цѣлыхъ шесть рублей—все свое жалованье, какое получилъ.

— То-то матка обрадуется,—похвалила Василиса:—въ сиротствѣ выросъ, а маткѣ помощникъ. Тоже голодомъ сидятъ... Легкое мѣсто сказать: шесть цѣлковыхъ. Вотъ Степанъ-то и мужикъ, а и то пустой домой идетъ. Это тебѣ, Сережка, на сиротство Господь послалъ... Совсѣмъ еще малецъ, а промыслилъ.

— А я по заводамъ-то боялся одинъ итти,—разсказывалъ Сережа, поощренный этими похвалами:—народъ заводскій, бойкій, да и трахтовые тоже хороши, а тутъ еще навстрѣчу свои голодные мужики бредутъ... Вызнаютъ, что я съ деньгами, какъ разъ укокошатъ.

— Было бы кого убивать-то...

— Степанъ и то напугалъ меня, баушка: гляжу, мужикъ меня догоняетъ... Въ полѣ да въ лѣсу одинъ Никола Богъ.

Въ этихъ разговорахъ Степанъ не принималъ никакого участія, а только тяжело вздыхалъ. Шесть цѣлковыхъ, которые несъ домой Сережка, мучили и волновали его, точно укоръ его собственному пустому карману. И стыдно было Степану, и обидно, и горько... А тамъ, дома ждетъ непокрытая нужда и голодъ. Жена, поди, думаетъ: вотъ воротится Степанъ изъ города съ деньгами, и поправимся хоть до Петровокъ, а тамъ огороды поспѣютъ, картошка, горохъ—какъ ни на есть перебьемся до свѣжаго хлѣба. Ахъ, далеко до этого свѣжаго хлѣба, а теперь и сѣмянъ нѣтъ, и послѣдняя лошаденка обезсилѣла.

Всѣ въ избѣ давно заснули, а Степанъ лежитъ и все думаетъ: не даютъ ему спать свои черныя мысли. За сердце точно кто схватитъ, какъ подумаетъ о Сережкиныхъ деньгахъ... Не велики шесть цѣлковыхъ, а въ хозяйствѣ въ такую пору большая разжива. Вотъ отчего Сережка такъ весело идетъ домой, а ему, Степану, хоть бы и не приходить: не великую радость принесетъ съ собой. О чемъ ни думаетъ Степанъ, а въ концѣ все-таки къ Сережкинымъ деньгамъ повернетъ... Это даже испугало Степана, и онъ нѣсколько разъ принимался молиться, отгоняя закрадывавшуюся въ сердце черную мысль. Сережка спитъ рядомъ, котомка въ головахъ—всего протянуть руку, добыть деньги и потихоньку уйти съ ними. Степана даже холодный потъ прошибъ отъ этой мысли, и на полатяхъ ему кажется душно,—давитъ его что-то, точно жерновомъ навалили. Такъ всю ночь промаялся Степанъ, а когда разсвѣтало и бабушка Василиса по привычкѣ затопила печку, онъ слѣзъ съ полатей и началъ собираться въ дорогу.

— А Сережку-то что не будишь, Степанушка? — спросила старуха. — Больно онъ вчера просилъ тебя, чтобы вмѣстѣ итти...

— Будилъ, да крѣпко спитъ... Одинъ сойдетъ.

— Умаялся тоже съ дороги-то, сердешный,,—согласилась старуха.—Ну, онъ, пусть отдохнетъ, а потомъ и одинъ добѣжитъ; не велико мѣсто двадцать верстъ. Да ты что, Степанъ, туманный какой-то?

— Неможется, бабушка... Вотъ пойду, такъ вѣтеркомъ обвѣетъ.

Старуха по-своему поняла это „неможется“,—просто, отощалъ мужикъ, и конецъ дѣлу. Едва ноги волочитъ. Изъ силъ выбился. И другіе мужики такіе же. Охъ, плохо дѣло.

— Такъ я Сережку-то разбужу, — говорила старуха, провожая Степана за ворота.—Вострый паренекъ...

Степанъ ничего не отвѣтилъ, а быстро зашагалъ впередъ, точно хотѣлъ убѣжать отъ мучившей его всю ночь мысли о Сережкиныхъ деньгахъ. Онъ ни разу не оглянулся и даже не сказалъ старухѣ спасибо за ночлегъ.

— Нѣтъ, неладное что-то попритчилось съ мужикомъ, — вслухъ думала бабушка Василиса и пошла сейчасъ же будить Сережку — у ней въ головѣ мелькнуло смутное подозрѣніе относительно цѣлости Сережкиныхъ денегъ.

Когда Сережка сосчиталъ свои шесть цѣлковыхъ, бабушка Василиса облегченно вздохнула: напрасно подумала худое про голоднаго человѣка...

III.

Идетъ Степанъ знакомой дорогой и думаетъ: „А хорошо я сдѣлалъ, что ушелъ отъ грѣха...“ А бѣсъ такъ и смущалъ: стоило руку протянуть. Да и старуха тутъ толкалась все время, въ случаѣ чего прямо на него бы и подозрѣніе пало. Нѣтъ, хорошо, что убрался вò-время... Вотъ только голодъ донималъ Степана и даже мутило натощакъ, а попросить кусокъ хлѣба въ знакомой деревнѣ было неловко: всѣ въ лицо его знали. Въ послѣдній разъ онъ поѣлъ въ заводѣ, на постояломъ дворѣ—попросилъ у ямщиковъ. И стыдно было, да люди чужіе, никому не разскажутъ.

Прошелъ Степанъ половину дороги и совсѣмъ выбился изъ силъ. Ноги стали подкашиваться отъ усталости... Какъ на грѣхъ, никого попутныхъ не попадалось. А солнце ужъ совсѣмъ высоко и такъ припекаетъ... Отдохнуть бы, полежать. Встрѣтивъ недалеко стоявшую отъ дороги сѣнокосную избушку, Степанъ завернулъ въ нее отдохнуть. Легъ онъ на солому, закрылъ глаза, а передъ нимъ лицо Сережки и такъ улыбается весело...

— Господи, помилуй!—взмолился Степанъ.

Безсонная ночь взяла свое. Сколько времени Степанъ спалъ въ своей избушкѣ—онъ не помнилъ, а только проснулся отъ какой-то пѣсни. Кто-то шелъ по дорогѣ и горланилъ. Степанъ выглянулъ изъ избушки: Сережка...

— Эй, ты, непутевый, съ какой радости пѣсни горланишь?—окликнулъ его Степанъ.

— Да это ты, Степа? А я думалъ, что ты ужъ въ деревнѣ...

— Неможется мнѣ... Прилегъ передохнуть, да и заснулъ.

— Будетъ отдыхать-то. Пойдемъ вмѣстѣ...

— И то пора, Сережка...

Они пошли вмѣстѣ, т.-е. Сережка впереди, а Степанъ за нимъ.

— А мнѣ говорила баушка Василиса про тебя, Степа: туманный, говоритъ, такой пошелъ домой-то... Жалѣетъ тоже.

Имя бабушки Василисы заставило Степана вздрогнуть, точно оно навело его на какую-то страшную мысль. Въ самомъ дѣлѣ, онъ ушелъ впередъ, а Сережка вышелъ послѣ... Потомъ найдутъ Сережку гдѣ-нибудь въ лѣсу, а чье дѣло—поди, поищи. Опять холодный потъ прошибъ Степана, и онъ весь задрожалъ. Господи, что же это такое?.. И голова кружится, и въ глазахъ какія-то красныя пятна. А Сережка шагаетъ впереди, и котомочка за плечами болтается. „Отнять у него деньги“,—мелькаетъ въ головѣ у Степана предательская мысль. Но вѣдь Сережка прибѣжитъ домой и всѣмъ разскажетъ, а его, Степана, за разбой посадятъ въ тюрьму. А голова такъ нехорошо кружится, и глаза застилаетъ туманомъ...

— Сережка, куда ты бѣжишь, какъ угорѣлый!..

Сережка останавливается и видитъ такое страшное улыбающееся лицо, точно это не Степанъ.

— Погоди, говорю...

Не успѣлъ Сережка остановиться, какъ ударъ кулакомъ по головѣ свалилъ его съ ногъ. Мальчикъ едва успѣлъ крикнуть:

— Степа... что ты дѣлаешь?!

Но Степа уже ничего не слыхалъ, а схватилъ Сережку за горло и принялся душить. Мальчикъ сопротивлялся недолго и скоро пересталъ барахтаться. Степанъ схватилъ котомку и бросился бѣжать. Ему все казалось, что Сережка гонится за нимъ, и Сережкинъ тоненькій голосокъ кричитъ: „Степа, что же ты дѣлаешь?“ Степанъ, пробѣжавъ съ полверсты, окончательно задохся. Вѣдь его могли увидать съ дороги, потомъ Сережка остался совсѣмъ близко у дороги—первый, кто поѣдетъ, и увидитъ, а по горячимъ слѣдамъ и его догонятъ. Припомнилъ Степанъ, что убитые, если ихъ не привязать, гоняются за убивцами. Оглядѣвшись, онъ вернулся назадъ, снесъ мертваго Сережку въ ближній лѣсокъ и привязалъ его же поясомъ къ березѣ, а самъ стороной пошелъ въ свою деревню.

Сережку нашли только черезъ недѣлю, когда трупъ уже началъ разлагаться. Степанъ вмѣстѣ съ другими слышалъ объ этомъ, но не подалъ и вида, что знаетъ что-нибудь о Сережкѣ и что шелъ вмѣстѣ съ нимъ черезъ Пеньковку. Пріѣхалъ слѣдователь, начали разыскивать, что и какъ. Степанъ началъ задумываться и ходилъ, какъ въ воду опущенный. На четвертый день онъ не вытерпѣлъ и самъ заявился къ слѣдователю.

— Я убилъ Сережку, ваше высокоблагородіе...

— Зачѣмъ же ты его убилъ?

— Съ голоду... Врагъ попуталъ Сережкиными деньгами.

Со слезами разсказывалъ Степанъ, какъ вышло все дѣло, и, слушая его исповѣдь, плакали даже и понятые. Хорошій былъ мужикъ Степанъ и ни въ чемъ никогда не былъ замѣченъ.

1891.

БЕЗЪ ОСОБЕННЫХЪ ПРАВЪ.

Повѣсть.

I.

Онъ проснулся съ тяжелой головой. Во всемъ тѣлѣ получалось такое ощущеніе, какъ будто это тѣло долго, много и сильно били. Сначала онъ не узналъ ни комнаты, ни мѣста, гдѣ находился, и брезгливо удивлялся ободраннымъ, захватаннымъ обоямъ, тусклому окну, давно небѣленому потолку и тѣмъ страннымъ іероглифамъ на стѣнѣ у самой кровати, какіе остались вещественнымъ доказательствомъ счастливыхъ побѣдъ надъ трактирными клопами его предшественниковъ.

— Гдѣ я?—невольно думалъ онъ, стараясь что-то припомнить.

Въ этотъ моментъ гдѣ-то въ углу что-то такое зашипѣло, потомъ захрипѣло, и наконецъ старинные часы прокуковали десять часовъ.

— Ага...—вслухъ проговорилъ онъ и даже улыбнулся.—Да, для начала недурно!..

Онъ почему-то съ перваго раза возненавидѣлъ эту проклятую кукушку, какъ предвѣстницу всякихъ золъ и несчастій. Кажется, она отнесена въ народномъ представленіи къ числу вѣщихъ птицъ. Впрочемъ, чортъ бы ее побралъ... Вообще, скверная птица.

— А, чортъ, не все ли равно!..

Онъ даже закрылъ глаза, точно стараясь представить во всей полнотѣ свое настоящее. Человѣкъ, который свалился откуда-нибудь съ высоты, вѣроятно, испытываетъ то же самое, когда начинаетъ приходить въ себя. Да, у него было даже физическое ощущеніе этого паденія: болѣло все тѣло... И какъ не болѣть этому грѣшному тѣлу, когда его тащили по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ и наконецъ по сквернѣйшему Сибирскому тракту. Ему припомнилась вчерашняя ночь. О, она была безконечна... Гдѣ-то перепрягали лошадей, гдѣ-то на грязномъ постояломъ онъ пилъ чай изъ грязной глиняной чашки, а потомъ точно утонулъ въ сырой осенней ночи. Кругомъ было темно, какъ въ трубѣ. Онъ зналъ, что это — послѣдняя станція, что далекая цѣль близка,—и оставался совершенно равнодушенъ. Развѣ у него могутъ теперь быть какія-нибудь „цѣли“? Смѣшное и глупое слово и больше ничего. Онъ даже сдѣлался равнодушнымъ къ толчкамъ проклятой дороги—э, все равно!.. Потомъ онъ дремалъ, и ему казалось, что время отъ времени кто-то колотитъ его по головѣ,—это онъ стукался головой о деревянную накладку почтовой телѣги. Потомъ гдѣ-то замелькали желтые огоньки, потомъ гдѣ-то лаяли собаки, потомъ ямщикъ возилъ его по какимъ-то улицамъ, тщетно разыскивая „фатеру“, пока наконецъ не наткнулся совершенно случайно на вновь от-

крытые „проѣзжающіе номера“. Опять грязь и вонь, грязный лакей, грязный номеръ, грязный воздухъ. Онъ даже не посмотрѣлъ, который часъ.

— Что̀ прикажете, господинъ? — спрашивалъ грязный лакей какимъ-то грязнымъ голосомъ.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на это живое олицетвореніе всяческой грязи и отвѣтилъ равнодушнымъ тономъ:

— Мнѣ ничего не нужно... Понимаешь: ничего!

— Какъ вамъ будетъ угодно-съ.

— Мнѣ ничего не угодно!

— Какъ знаете-съ...

— Я ничего не знаю и ничего не желаю знать!..

„Вотъ такъ мудреный баринъ,—подумалъ лакей. — Должно полагать, съ дороги его вышибло изъ разума“...

Лежа въ постели, онъ нѣсколько разъ закрывалъ глаза, точно старался отогнать какое-то назойливое видѣніе. Потомъ онъ проговорилъ вслухъ:

— Если бы эта несчастная Александра Ивановна не разболтала всего... о, какъ все это глупо, отчаянно-глупо, мертво-глупо!..

Онъ заломилъ въ отчаяніи руки и даже заскрипѣлъ зубами въ безсильной ярости. Проклятый языкъ Александры Ивановны довелъ его до ссылки въ Сибирь. О, проклятый женскій языкъ... А онъ-то хорошъ: довѣрился женщинѣ. Правда, что онъ проболтался ей въ такую минуту... Вѣдь она его такъ любила, такъ безумно цѣловала, и кто бы могъ подумать, что его погубитъ именно вотъ эта любящая женщина. Воображеніе, противъ воли, рисовало одну картину соблазнительнѣе другой. Она долго его мучила, прежде чѣмъ позволила себя любить. И какъ артистически мучила, какъ умѣютъ мучить только очень умныя женщины, инстинктивно выкупающія этой дорогой цѣной собственное рабство. А какъ она хорошо умѣла любить... Стихнетъ вся, глаза примутъ испуганное выраженіе... И потомъ это зловѣщее молчаніе, разрѣшавшееся такими бурными ласками и неистовымъ восторгомъ. Какъ она умѣла любить, эта странная красавица. Онъ еще чувствовалъ ея крѣпкое холодное тѣло, вздрагивавшее отъ каждаго поцѣлуя, точно отъ электрической искры. Какъ покорно она умѣла потомъ смотрѣть въ глаза, точно вѣчно была виновата въ чемъ-то. И онъ ласкалъ ее, свою погибель, вздрагивалъ, когда слышалъ эти легкіе рѣшительные шаги, и забывалъ все, когда бѣломраморныя руки обвивали его шею и это чистое, свѣтлое, ясное лицо припадало къ его лицу. Да, онъ пилъ изъ этого источника, и чѣмъ больше пилъ, тѣмъ сильнѣе хотѣлось еще пить.

Прочь, вы, недостойныя воспоминанія!.. Проклятіе всѣмъ женщинамъ...

Но не было силъ отогнать роковыя воспоминанія. Вотъ зала окружнаго суда... Вотъ приставъ вводитъ свидѣтельницу. Неужели это она, Александра Ивановна? Какая она жалкая и все-таки красивая. Ему бросилось въ глаза прежде всего то, что въ ея простомъ и разсчитанно-скромномъ костюмѣ замѣтна обдуманность. Да, она думала именно объ этомъ костюмѣ, когда шла въ судъ. Презрѣнная, жалкая, ничтожная женщина, у которой самая душа точно сшита изъ разноцвѣтныхъ тряпокъ. Вотъ она остановилась, сдѣлала разсчитанную паузу... Боже мой, какая это была пытка!.. Каждое ея слово топило его все глубже и глубже... Она его медленно убивала. Адвокатъ нѣсколько разъ порывался остановить ее, сбить нить разсказа, но она уже ничего не сознавала, охваченная жаждой публичной исповѣди. Какой позоръ, какая пытка... О, если бы эта женщина умѣла молчать, если бы этотъ прелестный ротъ, съ такой жадностью цѣловавшій его еще такъ недавно, никогда

не раскрывался! И онъ еще никогда такъ не любилъ ея, какъ въ этотъ моментъ. Ему хотѣлось крикнуть: „Я ее люблю, вотъ эту женщину, которая меня сейчасъ погубила... Понимаете: люблю!“ И присяжные, и судьи, и адвокаты— всѣ понимали, что она губитъ его, и всѣ невольно любовались этой ядовитой красотой.

Ахъ, если бы она умѣла молчать!?.. Несчастная потомъ такъ горько раскаивалась и въ отчаяніи рвала на себѣ волосы. Но что могло значить раскаяніе такихъ натуръ? Онъ не пожелалъ ее видѣть предъ отъѣздомъ и возвратилъ цѣлый рядъ писемъ нераспечатанными. Для нея это было самымъ ужаснымъ наказаніемъ, потому что лишало возможности еще разъ красиво раскаяться. Онъ боялся только одного, что она бросится за нимъ въ ссылку, но, къ счастью, она этого не сдѣлала, хотя онъ и желалъ бы теперь, чтобы она видѣла своими глазами его настоящее, до этой проклятой кукушки включительно. Пусть бы полюбовалась... О, женщины, женщины, ничтожество вамъ имя!—какъ сказалъ еще Шекспиръ, хотя онъ и не былъ лишенъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и не былъ сосланъ въ Сибирь изъ-за женщины.

Да, вообще очень глупо и еще разъ: глупо.

Онъ поднялся, потому что надоѣло валяться, и съ тоской посмотрѣлъ кругомъ. Ему нечего было дѣлать, некуда итти... Въ окно виднѣлась какая-то грязная базарная площадь, на которой вязли крестьянскія телѣги. Вчерашній дождь продолжалъ итти съ настойчивостью разсердившагося порядочнаго человѣка. Онъ стоялъ у окна и удивлялся, для чего существуетъ вотъ эта дурацкая площадь, куда тащатся эти нелѣпыя телѣги. Изъ этого раздумья его вывелъ осторожный стукъ въ дверь. Это былъ вчерашній коридорный.

— Баринъ; я насчетъ документу...

— Подождешь.

— У насъ строго-съ.

— Глупости.

— Никакъ невозможно.

— Хорошо, запиши на доскѣ: Владиміръ Сергѣичъ Маркловскій, а документъ потомъ.

— Слушаю-съ. А только хозяинъ сказалъ...

— Скажи твоему хозяину, что онъ глупъ.

— Самоварчикъ прикажете-съ?

— Прикажу...

Напившись чаю, мудреный баринъ отправился къ мѣстному полицеймейстеру, чтобы предъявить ему свою особу. Онъ даже былъ радъ этому случаю: все-таки развлеченіе. Извозчиковъ не было, тротуаровъ тоже, и пришлось итти по грязнымъ улицамъ. Городишко былъ скверный до послѣдней степени. Полицейское управленіе оказалось самымъ грязнымъ мѣстомъ во всемъ городѣ. Зато полицеймейстеръ оказался почти джентльменомъ. Это былъ очень элегантный господинъ, хотя и съ поношенной физіономіей. Пробѣжавъ глазами документы Маркловскаго, онъ вскинулъ на него глазами и любезно проговорилъ:

— Да, знаю... Читалъ въ газетахъ вашъ процессъ. Да... Что же, и въ Сибири люди живутъ. Привыкнете понемногу...

— Плохое утѣшеніе...

— Кто знаетъ, можетъ-быть, даже и понравится... Все случается... Вотъ я же привыкъ, и, право, вездѣ можно жить. Никто васъ безпокоить не будетъ: живите, какъ хотите.

Когда Маркловскій сдѣлалъ движеніе уходить, полицеймейстеръ, въ видѣ утѣшенія, прибавилъ.

— Кстати, вы здѣсь встрѣтите нѣкоторое общество... да. Можетъ-быть, даже знакомые по Петербургу... Соломинъ, который судился по дѣлу о растратѣ, баронъ Шпрингъ, Голховскій... У насъ образовалась маленькая колонія изъ ссыльныхъ.

II.

Глухой степной городишко Чурбанскъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ рѣшительно ничего замѣчательнаго не было, и его существованіе рѣшительно составляло загадку. Для чего онъ былъ построенъ, для чего влачилъ свое никому ненужное существованіе? У него не было ни прошедшаго, ни настоящаго, ни будущаго. Въ другихъ городахъ есть хоть женскій монастырь съ явленной иконой, какія-нибудь развалины, ярмарка, какое-нибудь мѣстное производство, въ родѣ выдѣлки пряниковъ, наконецъ просто зажился какой-нибудь древній старичокъ, помнящій, какъ французъ въ Москву приходилъ, а въ Чурбанскѣ ровно ничего. У этого города не было даже окрестностей, куда купцы могли бы ѣздить пить чай, — даже не было воды. Маленькая степная рѣчонка Чурбанка лѣтомъ совсѣмъ пересыхала, и жители пили колодезную жесткую воду. Всѣхъ обывателей полицеймейстеръ Скаловъ насчитывалъ у себя около трехъ тысячъ. Только въ послѣднее время Чурбанскъ нѣсколько оживился, благодаря тому, что его избрали мѣстомъ ссылки. Каждый новый человѣкъ въ Чурбанскѣ являлся рѣдкой находкой. Ссыльные появлялись, отбывали свой срокъ и исчезали, какъ своего рода криминальные метеоры.

Сейчасъ въ Чурбанскѣ проживали четверо. Благочестивый старичокъ Соломинъ, не пропускавшій ни одной церковной службы и водившій знакомство съ разнымъ духовнымъ чиномъ, попалъ въ ссылку за растрату банковскихъ денегъ. Онъ служилъ артельщикомъ и похитилъ больше ста тысячъ. Молва гласила, что всѣ деньги цѣлы и только припрятаны про черный день въ надежномъ мѣстѣ. Всѣ слѣдили за Соломинымъ, когда совершится съ нимъ это волшебное превращеніе и онъ оставитъ наконецъ свою благочестивую нищету. Вторымъ номеромъ являлся благородный остзейскій баронъ Шпрингъ, бѣлокурый, стриженый подъ гребенку и налитый кровью, какъ клопъ. Онъ попалъ въ Чурбанскъ за то, что въ порывѣ благороднаго гнѣва застрѣлилъ собственнаго кучера. Баронъ, вообще, былъ помѣшанъ на благородствѣ, а поэтому ни съ кѣмъ не знакомился, ѣлъ свои кровавые бифштексы, занимался шведской гимнастикой и рѣшительно всѣхъ презиралъ. Только разъ онъ измѣнилъ самому себѣ и сообщилъ ссыльному инженеру Голховскому подъ величайшимъ секретомъ, что онъ, баронъ Шпрингъ, послѣдній представитель самаго древняго рода меченосцевъ. Этотъ Голховскій, кажется, самъ не зналъ, за что онъ попалъ въ Сибирь, и сильно путался въ показаніяхъ. Онъ то увѣрялъ, что его судили за убійство любовницы, то разсказывалъ трогательный случай, что пострадалъ, не желая выдать друга, въ жену котораго былъ влюбленъ, то сообщалъ, что попалъ подъ какую-то внезапную ревизію, и на его долю выпало сдѣлаться козломъ отпущенія. Въ дѣйствительности онъ сосланъ былъ за двоеженство. Отличительной чертой этого субъекта было то, что онъ всѣмъ завидовалъ — Соломину, у котораго былъ припрятанъ капиталъ, барону Шпрингу, у котораго были предки меченосцы, даже акушеркѣ Юкиной, сосланной за вытравленіе плода, потому что она даже въ ссылкѣ пользовалась нѣкоторыми преимуществами, какъ женщина. Голховскій счи-

талъ себя обиженнымъ судьбой и постоянно перебиралъ всю свою жизнь, какъ, гдѣ и что должно было случиться и не случилось, потому что его преслѣдовалъ таинственный рокъ. Потомъ Голховскій былъ неисправимый мечтатель и вѣчно носился съ какими-нибудь проектами, начиная съ воздухоплаванія и кончая приготовленіемъ консервовъ изъ моркови для армій всѣхъ странъ и народовъ. Такіе консервы должны были произвести величайшій переворотъ въ военномъ дѣлѣ. Акушерка Юкина рѣшительно ни о чемъ не мечтала и страдала слабостью писать письма,—каждое полученное на ея имя письмо составляло для нея величайшій праздникъ, даже въ томъ случаѣ, если письмо было ругательное.

Появленіе новаго ссыльнаго, конечно, подняло на ноги всю колонію. Первымъ узналъ новость Голховскій, когда зашелъ въ полицейское управленіе, гдѣ сосредоточивались, вообще, всѣ новости.

— Маркловскій?—повторялъ онъ, напрасно стараясь припомнить дѣло, по которому этотъ гусь попалъ въ мѣста не столь отдаленныя.

— Что-то такое насчетъ духовнаго завѣщанія и векселей,—объяснялъ полицеймейстеръ.—Еще замѣшана одна дама...

— Та-та-та... Маркловскій... тэ-тэ-тэ!.. Помню, помню... Эта самая дама его и утопила.

Голховскій изъ полиціи отправился прямо къ Соломину, который выписывалъ „Сынъ Отечества“. Тамъ долженъ былъ быть судебный отчетъ. Старикъ Соломинъ жилъ на квартирѣ у Юкиной, чему Голховскій не могъ не завидовать — какое-то бѣшеное счастье скверному старичонкѣ. Ужъ, кажется, онъ, Голховскій, не ухаживалъ ли за Юкиной, когда она только-что появилась въ Чурбанскѣ, и она, съ своей стороны, тоже оказывала нѣкоторые знаки вниманія, а вышло такъ, что воспользовался всѣмъ Соломинъ. Единственнымъ утѣшеніемъ для Голховскаго была только мысль, что тутъ дѣло не въ какихъ-нибудь его личныхъ дефектахъ, а просто въ прирожденной всякой женщинѣ прародительской хитрости,—говоря проще, она разсчитывала забрать въ руки благочестиваго старца, другими словами, припрятанныя имъ денежки. Дѣло, конечно, ясно, какъ день...

Итакъ, благочестивый старецъ сидѣлъ и медленно, съ чувствомъ пилъ свой утренній чай, къ которому отъ хозяйки полагались и домашніе крендельки, и сибирскія шаньги, и еще какая-то лакомая стряпня. Соломинъ имѣлъ привычку именно въ это время прочитывать газету и не любилъ, чтобы ему мѣшали, а поэтому встрѣтилъ гостя довольно сухо.

— Мнѣ бы газетку просмотрѣть...—заискивающе проговорилъ Голховскій, здороваясь.—Я вамъ не помѣшаю...

— Для чего тебѣ газетку?—довольно грубо спросилъ Соломинъ, поправляя очки на носу.—Что такое загорѣлось?

— Да такъ... Видите ли, было дѣло Маркловскаго, которое разбиралось въ петербургскомъ судѣ съ годъ назадъ.

— Маркловскаго? Псы маркловскіе бываютъ, а дѣла такого что-то не помню.

— Нѣтъ, было.

— Ну, это спроси у Аграфены Степановны.

Зная аккуратный характеръ своего жильца, Юкина тщательно берегла каждую бумашку, а „Сынъ Отечества“ былъ подобранъ по годамъ, номеръ къ номеру, и хранился на чердакѣ. Кстати, Аграфена Степановна подслушала разговоръ гостя и сама заинтересовалась.

— Да вамъ для чего это дѣло?—допытывалась она, появляясь въ утренней кофтѣ и съ завернутыми узломъ волосами.

— Да онъ пріѣхалъ вчера сюда самъ, этотъ Маркловскій... Интересно познакомиться, что̀ за гусь такой.

Этого было достаточно, чтобы Ююкина съ легкостью молодой козочки полетѣла на чердакъ и вернулась оттуда съ пачкой газетъ. Соломинъ тоже встрепенулся.

— Постойте, я вамъ прочитаю,—предлагалъ Голховскій, сгорая отъ нетерпѣнія.

— Ну, читай...

Всѣ усѣлись у чайнаго стола. Голховскій подобралъ номера, поправился на стулѣ, откашлялся и началъ чтеніе:

— Гм... 1888 года, 15 ноября... да... въ составѣ суда... прокуроръ... защитникъ Замарай-Чистинскій... такъ... А, вотъ: въ февралѣ 86 года умеръ потомственный почетный гражданинъ Кольчугинъ... послѣ котораго осталось громадное состояніе... съ женой онъ разошелся уже лѣтъ двадцать... Ого!..

Слушатели затаили дыханіе, стараясь не проронить ни одного слова. Дѣло въ сущности было самое обыкновенное съ поддѣлкой духовнаго завѣщанія на имя содержанки Кольчугина, Александры Ивановны Передериной.

— И фамилія такая... — замѣтила глубокомысленно Ююкина, относившаяся къ женщинамъ съ жестокостью великаго инквизитора. — Навѣрно, мерзавка...

— Ну, и франтъ-то хорошъ,—спорилъ Соломинъ. — Это ужъ послѣднее дѣло: женскія деньги... Такихъ-то франтовъ не ссылать надо, а прямо топить въ рѣкѣ. Она хоша, эта самая Александра Ивановна, изъ забвенныхъ мѣщаночекъ, а все-таки вотъ какъ сго отзолотила.

— И вышла дура!—спорила Ююкина.—Только человѣка напрасно загубила... Онъ-то еще молодъ, ну и сдѣлалъ глупость.

— А векселя поддѣльные тоже глупость?.. Нѣтъ, такихъ франтовъ надо, вотъ какъ надо учить.

Въ качествѣ благочестиваго человѣка, Соломинъ былъ строгъ къ чужимъ недостаткамъ и провинностямъ, особенно, когда въ дѣлѣ замѣшивался какой-нибудь франтъ.

— Да, ничего, хорошъ гусь...—резюмировалъ свое впечатлѣніе Голховскій, что-то соображая про себя.

Когда Голховскій ушелъ, Соломинъ презрительно замѣтилъ:

— Ужъ молчалъ бы лучше... Самъ-то еще похуже будетъ.

Ююкина быстро одѣлась, привела себя въ порядокъ и полетѣла къ барону Шпрингу. Онъ удостаивалъ ее нѣкотораго вниманія, потому что Аграфена Степановна постигла тайны моднаго массажа и растирала лѣвую баронскую ногу, начинавшую пошаливать.

Баронъ жилъ отшельникомъ въ единственномъ каменномъ домѣ Чурбанска. Вся улица почему-то ненавидѣла гордаго нѣмца, который, по мнѣнію свѣдущихъ людей, всю жизнь только тѣмъ и занимался, что стрѣлялъ кучеровъ. Это былъ уже достаточно поживший мужчина, одѣвавшійся съ претензіями совсѣмъ юной Германіи—носилъ лакированные ботфорты съ кисточками, на головѣ кукольную шелковую шапочку и хлыстъ въ рукахъ. На улицу онъ всегда выходилъ въ сопровожденіи громаднаго датскаго дога. Каждое утро улица оглашалась отчаянными воплями этой несчастной твари, которую баронъ истязалъ съ наслажденіемъ заплечнаго мастера.

Когда, во время массажа, Аграфена Степановна передала во всѣхъ подробностяхъ біографію Маркловскаго, баронъ, не выпуская коротенькой трубочки изо рта, презрительно процѣдилъ:

— Для чего вы это все разсказываете мнѣ, мадамъ Юкинъ?

— Во-первыхъ, я не мадамъ, а во-вторыхъ...

— Во-вторыхъ, всѣ русскіе — свиньи, что̀ весьма извѣстно. Я хотѣлъ плевать... да.

Аграфена Степановна серьезно обидѣлась и мысленно обругала барона индѣйскимъ пѣтухомъ. Конечно, пѣтухъ... Послѣ нѣкоторой паузы произошла довольно бурная сцена, потому что въ Аграфенѣ Степановнѣ жила горячая патріотка. Баронъ покраснѣлъ до корня волосъ, вскочилъ и, сжавъ кулаки, проговорилъ:

— Если бы вы, m-me Юкинъ, не былъ дама, я бы сказалъ вамъ: дуракъ...

— А вы — несносный, гадкій, старый пѣтухъ!.. Да, да, да... Потомъ отъ васъ постоянно воняетъ бензиномъ, потому что вы сами потихоньку чистите свое платье бензиномъ, а я не выношу этого запаха... Да, да, да... Вы и баронъ-то изъ бензина... бензинный...

III.

Новенькій ссыльный просидѣлъ въ своихъ номерахъ цѣлую недѣлю и рѣшительно никуда не показывался. Онъ самъ сравнивалъ себя съ птицей, попавшейся въ западню, или съ волкомъ, котораго посадили въ клѣтку. Вѣдь и они прячутся отъ всѣхъ... Больше всего онъ боялся встрѣчи со „своими“, которые уже навѣрно все знаютъ и все-таки будутъ выпытывать всю подноготную и тянуть жилы. О, онъ впередъ уже перемучивался и переживалъ новый позоръ, хотя, кажется, уже было бы довольно и того позора, какой былъ пережитъ... Онъ, какъ волкъ, выходилъ изъ своего логовища и подолгу бродилъ по мертвымъ и скернымъ улицамъ мертваго городишка, точно созданнаго съ спеціальной цѣлью, чтобы среди этой мертвой тишины громче раздавался голосъ совѣсти.

Въ сущности, Маркловскій сейчасъ переживалъ какой-то критическій моментъ, который для самого его еще не былъ ясенъ. Вынужденное одиночество точно заставило отвалиться что-то такое, что̀ раньше заслоняло собой все, давило и угнетало. Вѣдь онъ такъ давно не былъ одинъ-на-одинъ съ самимъ собой, даже въ тюрьмѣ. Сначала ему было какъ-то неловко остаться одному, а потомъ явилось что-то въ родѣ привычки. Каждый вечеръ, ложась въ постель, онъ точно переживалъ всю свою жизнь и не могъ не удивляться нѣкоторымъ пунктамъ. Неужели это былъ онъ, Маркловскій? Да, Маркловскій, который долженъ потерять цѣлыхъ три года въ этой дырѣ, молодой, полный силъ и мечтавшій совсѣмъ не объ этомъ. Да и всѣ другіе вѣдь то же самое — развѣ кто-нибудь добивался чести попасть въ Чурбанскъ? А за всѣми стоятъ еще родные, друзья, просто знакомые... Послѣднее было для Маркловскаго самымъ больнымъ пунктомъ, и онъ даже вздрагивалъ, когда на улицѣ встрѣчалъ почтальона. Хорошо еще, что о немъ, кажется, всѣ забыли. О, это цѣлое счастье, настоящее счастье. А время шло и шло. Маркловскій привыкъ и къ своему грязному номеру, и къ грязному „человѣку“, и даже къ грязному самовару, который подавался ему утромъ и вечеромъ, хотя, съ другой стороны, оставаться „на трактирномъ положеніи“ было своего рода безуміемъ. Необходимо было помаленьку отыскивать квартиру, чтобы устроиться по-семейному. Но послѣднее теперь ему казалось такимъ рѣшительнымъ шагомъ, что онъ откладывалъ день за днемъ, предоставивъ все времени. И дѣйствительно случилось такъ, что все устроилось какъ-то само

собой. Онъ какъ-то завернулъ въ полицію навести какія-то справки. Полицеймейстеръ былъ любезенъ, какъ всегда, и, когда Маркловскій уходилъ, остановилъ его уже въ дверяхъ.

— Г. Маркловскій, вы, вѣроятно, охотникъ?

— Да, немножко...

— Вотъ и отлично... На-дняхъ мы отправляемся съ барономъ на тетеревиные выводки. Хотите ѣхать вмѣстѣ? Кстати, у меня и ружье свободное найдется...

— Что же, я съ удовольствіемъ...

Потомъ Маркловскій раскаялся, что такъ скоро принялъ это любезное приглашеніе, но было уже поздно. Онъ все еще не могъ освоиться съ логикой человѣка „не столь отдаленныхъ мѣстъ“ и поступалъ, какъ прежде, когда былъ свободнымъ.

Когда онъ выходилъ изъ полиціи, его на лѣстницѣ догналъ какой-то лысый старичокъ, дѣлавшій таинственные знаки.

— Г. Маркловскій, г. Маркловскій... Извините, что я васъ задерживаю. Всего на одну минуточку... Видите ли, вы живете въ номерахъ, а у меня есть комнатка свободная. Да... Такъ вотъ вы не пожелаете ли взглянуть-съ?.. Очень миленькая комнатка-съ...

— Хорошо, я заверну какъ-нибудь...

— Вторая Болотная улица, домъ Ушибова-съ... Тамъ ужъ знаютъ-съ. Будете довольны ..

Согласившись во второй разъ, Маркловскій еще разъ раскаялся. Онъ забывалъ свою неволю, которая должна была научить осторожности.

Поѣздка на охоту была устроена черезъ два дня. Здѣсь Маркловскій познакомился съ барономъ Шпрингомъ и почувствовалъ сразу, что баронъ его возненавидѣлъ. Секретъ этой ненависти заключался въ двухъ обстоятельствахъ. Маркловскій былъ въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, а затѣмъ — его костюмъ отличался настоящей свѣжестью. Баронъ не могъ забыть, что долженъ былъ сохранять свои костюмы при помощи бензина.

Охота прошла очень непринужденно, благодаря захваченному полицеймейстеромъ дорожному сибирскому погребцу. Подъ конецъ полицеймейстеръ даже расчувствовался и нѣсколько разъ повторялъ:

— Господа, за что же я-то сосланъ въ эту проклятую трущобу? Эхъ, если бы только не жена и не дѣти... Вы — холостые люди и не поймете, что это значитъ.

Надутый баронъ отъ выпитаго шнапса покраснѣлъ еще больше и только разглаживалъ свои рыжіе щетинистые усы.

— Ну, что ты молчишь?—приставалъ къ нему полицеймейстеръ. — Бывалъ я, братецъ, въ вашихъ краяхъ и знаю ваши порядки... У васъ еще въ полной силѣ jus primae noctis. Да... Признайся, миланка, вѣдь ты любишь этакое нетронутое, свѣженькое, пугливенькое? Хе-хе... Знаю твой вкусъ. Ахъ, есть тутъ одна штучка... да. Если бы у меня не жена и не дѣти... Однимъ словомъ, служитъ у меня при полиціи одна такая канцелярская крыса... Ушибовъ... Онъ еще деньги даетъ за тройные проценты. Скверный старичишка. Изъ сибирскихъ засѣдателей... По третьему пункту уволенъ за взяточничество. Ну, такъ у него есть дочь... Прямо сказать: пиканкухенъ. Только тутъ, братъ, взятки гладки... Старикъ сторожитъ ее, какъ коршунъ. Какъ это одна дѣвушка отвѣтила какому-то французскому маркизу: ходъ въ мою спальню черезъ алтарь...

Эта пьяная болтовня заинтересовала Маркловскаго, и онъ скрылъ, что

Ушибовъ приглашалъ его къ себѣ на квартиру. Подвыпившій баронъ тоже разошелся и разсказалъ нѣсколько пикантныхъ анекдотовъ изъ своего прошлаго. Но и въ этомъ весельѣ было что-то злое и непріятное; такъ, вѣроятно, веселится хищная птица. Маркловскій сдерживался и больше наблюдалъ новыхъ друзей. Хороши гуси, нечего сказать...

По возвращеніи съ охоты, онъ на другой же день отправился на Вторую Болотную улицу, гдѣ и разыскалъ деревянный домикъ Ушибова. Это былъ совсѣмъ маленькій деревянный домикъ, съ мезониномъ и палисадникомъ, выходившій на улицу пятью окнами. Въ окна выглядывали какіе-то странные цвѣты, гдѣ-то трещала неистово канарейка. Маркловскій нарочно выбралъ такое время, когда старикъ долженъ былъ находиться въ полиціи. Ему отворила дверь средняго роста блондинка, розовая и цвѣтущая, съ дѣтской наивностью во взглядѣ. Она, судя по костюму, видимо была предупреждена папашей.

— У васъ есть свободная комната?

— Да, есть... Угловая.

— Папа на службѣ? Какъ толь... Впрочемъ, вы, можетъ-быть, сами можете показать вашу комнату?

— Отчего же... Пожалуйте.

Дѣвушкѣ было всего лѣтъ семнадцать, и она такъ мило дичилась. Маркловскому понравилась и комната, и садикъ во дворѣ, и кисейныя занавѣски на окнахъ, и дорожки на полу — все такъ мило, просто, а главное — уютно. Да и хозяйка такая миленькая... Она густо покраснѣла, когда онъ мимоходомъ бросилъ ей какой-то избитый комплиментъ. Красавица не была избалована.

— Я сегодня же переѣду къ вамъ, — заявилъ Маркловскій.—Въ цѣнѣ, надѣюсь, не разойдемся...

— Я не знаю... какъ папа...

— Предоставьте это уже мнѣ... Извините, не знаю, какъ васъ зовутъ?

— Зоей...

— А папу?

— Игнатій Васильевичъ...

— Такъ и запишемъ: Зоя Игнатьевна...

Дѣвушка улыбнулась и какъ-то недовѣрчиво посмотрѣла на бойкаго квартиранта. Ахъ, какой бойкій... И такой красивый. Одѣтъ отлично. Несмотря на свою застѣнчивость, дѣвушка отлично разсмотрѣла всѣ мелочи костюма новаго квартиранта и по-своему оцѣнила ихъ. Да, сейчасъ видно, что изъ столицы пріѣхалъ. Не то, что наши чурбанскіе кавалеры...

Маркловскій самъ удивился, когда вечеромъ очутился въ своей новой квартирѣ. Комната была небольшая, но такая уютная. Ему была приготовлена и кровать, и умывальникъ, и письменный столъ. Положимъ, что папа назначилъ за все почти столичную цѣну, но все это было пустяки. Главное, Маркловскій сразу почувствовалъ себя почти дома, уютно, тепло и добродушно.

Маркловскаго непріятно поразило только одно: какъ онъ переѣхалъ, такъ бѣлокурая хозяйка точно сквозь землю провалилась. Зато папаша надоѣдалъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Его лысая голова поминутно появлялась въ дверяхъ.

— Можетъ-быть, вы не любите герани?..

— Нѣтъ, мнѣ рѣшительно все равно...

— А канарейка вамъ не мѣшаетъ?

— Нисколько... Хоть ворону посадите.

Старикъ оказался большимъ хлопотуномъ. Онъ искренно старался угодить жильцу.

— Мы вѣдь по-провинціальному, ужинаемъ,—объяснялъ онъ, врываясь въ сотый разъ.—Завтраковъ у насъ нѣтъ... обѣдъ ранній... Можетъ-быть, вы хотите кушать у себя въ комнатѣ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Мнѣ пріятнѣе было бы вмѣстѣ съ вами, если, конечно, это васъ не стѣснитъ.

— Совершенно наоборотъ...

Къ первому ужину Зоя не показалась. Зато старикъ лѣзъ изъ кожи, чтобы угодить. Онъ даже вытащилъ какую-то завѣтную наливку, отъ которой Маркловскій великодушно отказался. Жилецъ и не подозрѣвалъ, что это было испытаніе.

— Что это у васъ тамъ?..—спрашивалъ онъ, заглядывая въ дверь сосѣдней комнаты.—Фортепіано?

— Да... такъ...

Хозяинъ немного нахмурился и посмотрѣлъ на жильца подозрительно. Вообще, какой-то старый чудакъ, какъ рѣшилъ про себя Маркловскій.

IV.

Зоя не показывалась цѣлыхъ три дня, что уже принимало демонстративный характеръ. Зато папаша приставалъ, какъ осенняя муха. Этотъ старый сибирскій волкъ доходилъ до ребячества. Въ комнатѣ жильца не осталось ни одной бездѣлушки, которая не была бы осмотрѣна самымъ тщательнымъ образомъ.

— А сколько стоитъ штучка?—заканчивалъ обыскъ старикъ неизмѣнной фразой, а потомъ считалъ долгомъ изумляться и долго качалъ головой, какъ фарфоровый китаецъ.—Да-съ, дороговенько... Видно, нѣтъ глазъ у петербургскихъ денежекъ. Позвольте Зоичкѣ показать-съ...

— Пожалуйста... Я даже могу предложить вамъ небольшой подарокъ, т.-е. не вамъ, а Зоѣ Игнатьевнѣ. Вотъ самые модные духи... Я себѣ выпишу другіе.

— Ахъ, нѣтъ... Что вы, Владиміръ Сергѣичъ. Вещь дорогая, а Зоичка ничего еще не понимаетъ. Знаете, я ее не балую...

Скрывавшаяся маленькая хозяйка заинтриговала жильца не въ шутку, потому что все это дѣлалось, вѣроятно, по приказанію родителя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она невидимо наполняла собой рѣшительно весь домъ. Маркловскій съ утра слышалъ ея легкіе шаги, дѣловую суету, шелестъ юбокъ, переговоры съ кухаркой. Дѣвушка заботилась о немъ, и присутствіе ея маленькой женской руки чувствовалось на всемъ.

Такъ прошла недѣля, другая, а Маркловскій жилъ точно въ заколдованномъ царствѣ. Старикъ уже надоѣлъ ему, и онъ старался избѣгать всякихъ встрѣчъ съ этимъ идіотомъ. Дѣлалось скучно, особенно по вечерамъ, когда затихалъ дневной шумъ, и Вторая Болотная въ десять часовъ вечера засыпала отъ одного конца до другого.

Гости въ ушибовскомъ домикѣ почти не появлялись, за самыми рѣдкими исключеніями, когда завертывали какіе-то таинственные люди, съ которыми старикъ запирался у себя въ кабинетѣ. Какъ онъ догадывался, это были его кліенты, вѣроятно, приходившіе клянчить какую-нибудь отсрочку по векселю или вносить тройные проценты. Что же, дѣло извѣстное... Только

разъ, незадолго до обѣда, Маркловскій услышалъ незнакомый женскій голосъ и даже женскій смѣхъ. Гостья что-то выспрашивала хозяйку, чѣмъ-то возмущалась, уговаривала и вполголоса давала какіе-то таинственные совѣты. Маркловскій нарочно вышелъ въ залу и встрѣтился съ самой Аграфеной Степановной.

— Имѣю честь рекомендоваться: Ююкина...

— Очень пріятно...

— Ну, это меня не касается, пріятно вамъ или непріятно, молодой человѣкъ, а вотъ не хорошо то, что вы избѣгаете всѣхъ и прячетесь, какъ кротъ въ своей норѣ... Да. Я женщина прямая... Ужъ извините, такая уродилась.

— Я?!.

— Да, вы, вы...

Зоя сдѣлала-было движеніе скрыться, но гостья ее удержала.

— Нѣтъ, крошка, я васъ не отпущу... Молодой человѣкъ, какъ вы думаете, кто долженъ первымъ начинать знакомство? Вѣдь вамъ, мужчинамъ, все позволено, а дѣвушкѣ неудобно первой знакомиться... Живете подъ одной крышей и не видите другъ друга въ глаза. Да я на мѣстѣ Зои давно глаза бы вамъ выцарапала... Я сама дѣвушка и отлично понимаю, что должна чувствовать каждая неиспорченная дѣвица, когда ею пренебрегаютъ. И Голховскій говоритъ то же самое...

Маркловскому ужасно хотѣлось оборвать эту нахальную особу и сказать ей какую-нибудь дерзость, но онъ взглянулъ на Зою и только пожалъ плечами. Дѣвушка смотрѣла на него такими умоляющими глазами. А гостья не желала ничего замѣчать и даже сдѣлала попытку ворваться въ комнату Маркловскаго.

— Мадамъ, куда вы прете? — оборвалъ ее Маркловскій и сейчасъ же поспѣшилъ поправиться: — т.-е. хочу извиниться, что моя комната не въ порядкѣ...

— Э, батенька, нашелъ чѣмъ удивить! — нимало не смутилась Аграфена Степановна. — Я у Голховскаго даже на кровати сплю... да. Для меня мужчины не существуютъ, хотя я и дѣвица. Да... Голховскій говоритъ...

— Послушайте, мнѣ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до какого-то Голховскаго...

— Что-о?.. Извините, это не „какой-нибудь“, а инженеръ Голховскій. Вотъ сами увидите... Я васъ какъ-нибудь познакомлю.

— А если я не желаю?

— А если мы пріѣдемъ съ визитомъ?..

— Визиты дѣлаютъ обыкновенно пріѣзжіе...

— А если пріѣзжіе бываютъ невѣжами? Нѣтъ, ужъ вы лучше, батенька, со мной не разговаривайте... Голховскій сначала тоже пробовалъ спорить и даже чортовой куклой называлъ меня, а теперь ручку у меня же цѣлуетъ. Зончка, мужчины всѣ одинаковы... Имъ только позволь чуть-чуть...

Къ счастью, гостья не договорила, въ чемъ заключается чуть-чуть...

— Ахъ, заболталась я съ вами, а мнѣ вѣдь некогда... Дохнуть некогда. Во-первыхъ, заверну къ женѣ почтмейстера, потомъ къ протопопскому зятю, потомъ Голховскій просилъ... Кстати, я знаю, m-r Маркловскій, какъ вы ѣздили съ барономъ на охоту... Голховскій тоже очень любитъ охоту, но у него нѣтъ своего ружья.

Маркловскій возненавидѣлъ этого инженера Голховскаго, который не сходилъ съ языка Аграфены Степановны. Должно-быть, такой же нахалъ. Это предположеніе разсмѣшило Зою до слезъ.

— Онъ такой...—объяснила она.—Ну, совсѣмъ простой и даже на инженера совсѣмъ не походитъ. Бѣгаетъ на посылкахъ у Аграфены Степановны. Она вѣдь тоже добрая... Только болтаетъ очень много.

— Вообще, очень милая особа, по всѣмъ признакамъ.

— Нѣтъ, не говорите такъ. Вы вѣдь ея совсѣмъ не знаете... Аграфена Степановна о всѣхъ хлопочетъ и всѣмъ помогаетъ. Одинъ баронъ чего стоитъ... Она много терпитъ отъ него.

Зоя опять не показывалась нѣсколько дней, предоставивъ жильца въ жертву любопытному папашѣ.

Маркловскій даже пожалѣлъ, что оставилъ свой грязный трактирный номеръ. Вѣдь эта трактирная грязь такъ гармонировала съ его внутреннимъ настроеніемъ... А теперь извольте отражать всякими правдами и неправдами нападенія полицейскаго папаши. Вотъ проклятый старичишка навязался! Отъ любопытныхъ штучекъ и вещицъ, когда этотъ матеріалъ въ достаточной мѣрѣ исчерпался, Ушибовъ сосредоточилъ все вниманіе на ихъ владѣльцѣ и принялся постепенно производить настоящее слѣдствіе. Кто родители—помѣщики? Очень хорошо. Богатые бывали прежде помѣщики, хотя все и прожили. А гдѣ изволили получить образованіе? Въ лицеѣ? Очень пріятно... Такъ папаша померли? Какъ жаль... Да, нынче молодые люди мало уважаютъ родителей. А можетъ-быть, у васъ есть какая-нибудь богатая тетка старушка? Вдругъ умретъ и все вамъ оставитъ... Бываютъ такія добрыя женщины. И т. д., и т. д.

Оставаясь одинъ, Маркловскій считалъ себя счастливымъ, потому что могъ сколько угодно думать о странной дѣвушкѣ, которая положительно ему нравилась. Это была какая-то царевна-недотрога изъ дѣтской сказки... Знакомство, не считая случайныхъ встрѣчъ, положительно не вязалось. Въ качествѣ опытнаго человѣка, Маркловскій пускалъ въ ходъ самыя рѣшительныя средства. Во-первыхъ, онъ предлагалъ Зоѣ книги изъ своей походной библіотеки и могъ только пожалѣть, что она не можетъ читать по-французски; затѣмъ онъ прикидывался удрученнымъ, разочарованнымъ, больнымъ — все было напрасно. А вѣдь онъ могъ прекрасно воспитать эту дѣвочку, т.-е. дать ей именно тѣ знанія, какія только и дѣлаютъ женщину настоящей женщиной. О, у него былъ въ этомъ отношеніи вполнѣ достаточный опытъ... Только разъ онъ сумѣлъ заинтересовать странную дѣвушку, когда случайно помѣстился за разстроенное фортепіано, очевидно, принятое отъ кого-то въ закладъ, и сыгралъ нѣсколько вальсовъ. Онъ сдѣлалъ это машинально и очень удивился, когда, обернувшись, увидѣлъ стоявшую въ дверяхъ Зою.

— Вы любите музыку, Зоя Игнатьевна?

— Да...

— Хотите, я васъ буду учить?

Дѣвушка засмѣялась и убѣжала, а черезъ два дня фортепіано оказалось запертымъ на ключъ. Конечно, послѣднее было дѣло предусмотрительнаго полицейскаго папаши.

Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой, а дѣла Маркловскаго находились въ томъ же положеніи, за исключеніемъ скуки, которая сдѣлалась ожесточеннѣе. Онъ такъ же гулялъ только по вечерамъ, когда стемнѣетъ, такъ же упорно не желалъ ни съ кѣмъ знакомиться и такъ же не могъ добиться той близости, на которую имѣетъ право всякій квартирантъ. Зоя упорно его избѣгала.

О своемъ прошломъ Маркловскій старался не думать, какъ проснувшійся человѣкъ старается забыть тяжелый сонъ. Нѣтъ прошлаго, какъ нѣтъ и настоящаго. Все дѣло въ томъ, чтобы потерять какъ-нибудь цѣлыхъ три года.

Вотъ уже прошло цѣлыхъ четыре мѣсяца, слѣдовательно остается всего два года восемь мѣсяцевъ, т.-е. 139 недѣль, или 973 дня, или 23352 часа. Если выкинуть изъ нихъ третью часть на сонъ, то остается все-таки 93 недѣли, или 647 дней, или 15568 часовъ бодрствованія. Получалось все-таки много времени, которое приходилось убивать. Каждый часъ здѣсь являлся какимъ-то врагомъ. И въ то же время настоящее не существовало. Маркловскій любилъ по цѣлымъ днямъ лежать на диванѣ и мечтать о будущемъ... Вѣдь у каждаго человѣка есть будущее, по крайней мѣрѣ смутная мечта о немъ. Отчего бы, напримѣръ, ему не жениться на Зоичкѣ? Онъ уже видѣлъ ее настоящей женщиной, сформировавшейся, спокойной и немного брюзглой, потому что у нея уже есть дѣти, его дѣти... Мальчикъ, и дѣвочка,—нѣтъ лучше два мальчика и одна дѣвочка. И всѣ они походятъ на него, Маркловскаго. Потомъ дѣвочка совсѣмъ уже взрослая, а состарившаяся Зоичка ищетъ ей жениховъ. Ушибовъ давно умеръ, оставилъ имъ небольшое состояніе, а Маркловскій совсѣмъ забылъ свое прошлое.

А Александра Ивановна? Эта мысль, какъ брошенный въ воду камень, разбивала всякую иллюзію... Маркловскій видѣлъ это улыбавшееся лицо и слышалъ презрительный голосъ:

—Такъ вы вотъ какой, Владимиръ Сергѣевичъ?.. А что вы мнѣ говорили *тогда*, обманщикъ?..

V.

Прошелъ цѣлый годъ. А Маркловскій продолжалъ отсиживаться въ своей комнатѣ и упорно не желалъ знакомиться ни съ кѣмъ изъ ссыльныхъ. Примѣръ выходилъ самый возмутительный, какъ заявляла во всеуслышаніе Юркина. Гдѣ же это видано? А потомъ какой примѣръ для другихъ, т.-е. для слѣдующихъ „не столь отдаленныхъ“?.. Наконецъ, въ переводѣ „на языкъ простыхъ конецъ“, поведеніе Маркловскаго имѣло уже демонстративный характеръ, и подъ нимъ скрывалось презрѣніе ко всѣмъ „не столь отдаленнымъ“, въ полномъ составѣ. Въ теченіе года въ Чурбанскъ прибыли еще двое новыхъ лицъ—вдова коллежскаго секретаря Молодцова, присужденная въ ссылку за ростовщичество, и капитанъ Скаблинъ—за вытравленіе гдѣ-то какихъ-то „водяныхъ знаковъ“. Новички сразу примкнули къ колоніи „не столь отдаленныхъ“, какъ свои кровные, и не думали задирать носа и вообще фордыбачить.

Всѣхъ больше, конечно, негодовала и возмущалась Юркина, потому что, несмотря на самыя отчаянныя средства, принятыя ею, Маркловскій не желалъ сдаваться на капитуляцію. Она была у Зои разъ десять, и онъ каждый разъ запирался въ своей комнатѣ; она послала ему визитъ вмѣстѣ съ Голховскимъ—онъ не отвѣтилъ на визитъ, и т. д. Что же это такое? За кого онъ считаетъ себя и за кого принимаетъ остальныхъ? Принцъ какой-то. Нужно замѣтить, что каждый „новичокъ“ проходилъ приблизительно одинъ и тотъ же путь. Во-первыхъ, его принимали съ распростертыми объятіями и на первое время оказывали всякіе знаки вниманія; во-вторыхъ, призрѣтый „новичокъ“ размякалъ и дѣлалъ кому-нибудь полное признаніе въ томъ, что его привело въ мѣста не столь отдаленныя, причемъ оказывалось самымъ несомнѣннымъ образомъ, что новичокъ пострадалъ самымъ невиннымъ образомъ, и что его погубилъ какой-нибудь ядовитый прокуроръ или оплошность зазѣвавшагося защитника, или „составъ“ присяжныхъ, или закоснѣвшій въ злобѣ на все человѣчество слѣдователь, у котораго какъ разъ передъ этимъ именно дѣломъ сбѣжала жена. Новичокъ самъ вѣрилъ въ свою невинность,—какъ же

могли не вѣрить другіе? Тѣмъ болѣе, что каждый тоже пострадалъ невинно, благодаря роковому стеченію обстоятельствъ. Ну, скажите на милость, развѣ Аграфена Степановна способна была устроить что-то въ родѣ фабрики ангеловъ? Конечно, вздоръ, хотя фабрики ангеловъ и существуютъ, она даже могла бы назвать имена, но вѣдь мало ли что дѣлаютъ другіе, именно тѣ другіе, которые остаются цѣлы и невредимы и выходятъ сухими изъ воды. Вторымъ періодомъ, послѣ того какъ невинность такого новичка санкціонировалась общественнымъ мнѣніемъ, было то, что онъ вдругъ оказывался совсѣмъ не тѣмъ, за что выдавалъ себя. Открывалось это обыкновенно совершенно случайно и всѣхъ смущало. Но открытія такого сорта касались обыкновенно самой сущности человѣческой души, особенно, когда новичокъ выкидывалъ какую-нибудь непредвидѣнную штуку—получалъ съ почты чужія деньги, крадъ какую-нибудь цѣнную вещь у товарища по несчастію, а чаще всего писалъ на всю колонію самый невозможный доносъ. За такую пакость новичокъ извергался изъ общества своихъ, нѣкоторое время мыкалъ самое грустное существованіе и кончалъ обыкновенно тѣмъ, что приносилъ повинную, подвергался испытанію и дѣлался уже настоящимъ „не столь отдаленнымъ“. Ссыльные ссорились, враждовали между собой, дѣлились на партіи и все-таки не могли жить другъ безъ друга.

Исключеніе представлялъ собой одинъ Маркловскій.

Это было обидно. Аграфена Степановна раздумывала о немъ цѣлый годъ на всѣ лады и наконецъ пришла къ заключенію. Для нея вдругъ все сдѣлалось яснымъ, яснымъ, какъ бѣлый день. Она даже нарочно въ неурочное время побѣжала къ барону Шпрингу и, задыхаясь отъ волненія, заявила:

— Маркловскій-то, хорошъ...

— А что случилось?—невозмутимо процѣдилъ баронъ, точно вмѣсто зубовъ у него былъ устроенъ деревянный тынъ.—Укралъ что-нибудь?

— Хуже... О, несчастный!..

— Именно?

— Погибшій человѣкъ... Я бы его повѣсила своими руками. Представьте себѣ, чѣмъ онъ занимается... Онъ... онъ влюбился.

— О?! Въ тебя влюбился?..

— Тьфу!.. Тоже и скажетъ нѣмецкій пѣтухъ... Да я бы... ну, однимъ словомъ, въ дѣвчонку влюбился, которая ему годится въ дочери. Онъ живетъ у этого полицейскаго крючка Ушибова...

— О, мой понимайтъ... фрейленъ Ушибъ... ха-ха!.. У него губа не дуракъ...

Вся ссыльная колонія волновалась въ полномъ составѣ, и всѣ почему-то считали нужнымъ негодовать на Маркловскаго, точно онъ сдѣлалъ какое-то преступленіе. Голховскій теперь каждый день нарочно проходилъ подъ окнами ушибовскаго дома, чтобы убѣдиться лично въ совершившемся фактѣ. Аграфена Степановна тоже приняла свои мѣры. Что ожидало впереди неопытную бѣдную Зоичку? Вѣдь она ребенокъ, совершенный ребенокъ... Вѣдь для всѣхъ ясно, что Маркловскій крутитъ дѣвчонкѣ голову съ единственной цѣлью, чтобы подобраться къ ушибовскимъ капиталамъ. Кто же этого не видитъ?.. И старикъ совсѣмъ выжилъ изъ ума—пустилъ козла въ огородъ. Аграфена Степановна сочла своимъ священнымъ долгомъ все-таки предупредить этого стараго дурака, но встрѣтила неожиданный отпоръ.

— А вамъ-то, мадамъ, какая печаль приключилась?—довольно грубо спросилъ Ушибовъ, прищуривая одинъ глазъ.—Ни съ котораго бока это самое васъ не касается...

Маркловскій, дѣйствительно, влюбился. Это случилось какъ-то такъ неожиданно, что онъ сначала удивился, а потомъ даже испугался. Онъ, пропитанный насквозь дешевенькимъ скептицизмомъ петербургскихъ шато-кабаковъ, считалъ себя вполнѣ застрахованнымъ отъ подобныхъ глупостей и смотрѣлъ на женщинъ съ легкой улыбкой самодовольнаго презрѣнія. Развѣ есть то, что называется порядочной женщиной? Хха... Есть глупыя женщины, которыя догадываются о смыслѣ жизни, когда уже молодость прошла, есть женщины-ригористки, которымъ этотъ смыслъ въ жизни вполнѣ замѣняютъ разныя высокія слова, есть наконецъ прямо сумасшедшія женщины, которыя хоронятъ и красоту и молодость въ одномъ чувствѣ къ одному мужчинѣ. А міръ такъ прекрасенъ, жизнь коротка, чувства измѣнчивы—никто не можетъ поручиться за завтрашній день. Нѣтъ ни любви ни добродѣтели, а есть только глупые люди, которые всему этому вѣрятъ. Кажется, коротко, просто и ясно... И вдругъ этотъ застрахованный отъ любви Маркловскій, извѣрившійся во всемъ, чего даже и не испыталъ,—вдругъ этотъ Маркловскій почувствовалъ что-то такое, что сразу захватило его всего, какъ пожаръ, отъ котораго горятъ старыя постройки еще лучше, чѣмъ новыя. Да, онъ влюбился, въ чемъ наконецъ вынужденъ былъ признаться самому себѣ. И вѣдь ничего особеннаго не было сказано, ничего особеннаго не было сдѣлано.

Перебирая всѣ обстоятельства, Маркловскій ничего не могъ припомнить такого, что служило бы опредѣленной гранью, поворотнымъ пунктомъ или рѣшительнымъ моментомъ. Все шло самымъ будничнымъ образомъ, очень скучно, какъ только можетъ итти время въ глухой провинціи. Зоя только черезъ полгода начала выходить къ чаю и обѣду, занимала свое мѣсто хозяйки и сейчасъ же скрывалась. Маркловскаго она точно не замѣчала, какъ не замѣчала окружающей ее мебели. Есть—хорошо, нѣтъ—тоже хорошо. Онъ пробовалъ не выходить по нѣсколько дней подъ рядъ, и изъ этого ничего не получилось. Зоя даже не спросила, что съ жильцомъ и гдѣ онъ пропадаетъ. Впрочемъ, разъ она поинтересовалась узнать, отъ кого онъ получаетъ такъ аккуратно письма.

— Вѣроятно, отъ вашей мамы?—сдѣлала она предположеніе, пытливо глядя ему прямо въ глаза.

— Вы угадали... У меня есть мать. Старушка, какъ всѣ матери, видѣла во мнѣ что-то особенное и теперь боится повѣрить, что я есть именно то, что я есть.

— Мнѣ ее очень жаль, Владиміръ Сергѣевичъ.

— И мнѣ тоже.

— Тѣмъ болѣе жаль, что въ сущности вы, вѣроятно, не дурной человѣкъ, а только крайне легкомысленный...

Дѣвушка говорила такимъ серьезнымъ тономъ и дѣлала такое милое строгое лицо, что Маркловскій даже расхохотался. Этотъ ребенокъ, кажется, собирается читать ему нотаціи... Она обидѣлась и ушла.

Потомъ Маркловскій передумалъ эту сцену и пожалѣлъ, что такъ глупо держалъ себя. Ему даже захотѣлось, чтобы она пожурила его, какъ старшая сестра. Въ сущности, она была права, хотя и не знала той жизни, которая привела его въ Чурбанскъ. О, какъ ему вдругъ захотѣлось разсказать ей все, исповѣдаться, выложить всю душу, чтобы она убѣдилась, что онъ, дѣйствительно, не безнадежно испорченный человѣкъ. Да, онъ легкомысленъ, не привыкъ къ серьезному труду, всегда думалъ только объ однихъ удовольствіяхъ, но онъ никогда не былъ злымъ и никому не желалъ вредить.

Если раньше Маркловскій искалъ случая поближе познакомиться съ ните-

ресной маленькой хозяйкой, причемъ у него являлись игривыя мысли, и онъ впередъ улыбался, предвкушая легкую побѣду, то теперь онъ просто искалъ ея общества, потому что оно было ему необходимо. Больше — день былъ потерянъ, если онъ не видалъ ея. Онъ такъ хорошо, просто и спокойно чувствовалъ себя въ ея присутствіи, точно это была его живая совѣсть, то зеркало, въ которомъ онъ видѣлъ лучшую часть самого себя. Какъ она хорошо смущалась, когда чувствовала на себѣ его пристальный взглядъ, какъ мило дѣлала строгое лицо... Теперь ужъ она для Маркловскаго не была ни красивой ни некрасивой, и онъ какъ-то не могъ отдѣлить самого себя отъ нея. Ясно было одно, именно, что онъ не могъ представить себѣ существованія безъ того, чтобы вотъ эта самая простенькая провинціалочка не освѣщала его день своимъ присутствіемъ...

И все такъ просто, хорошо и ясно! Это было какое-то воскресеніе, тихое и радостное, какъ занимавшаяся весенняя заря.

VI.

Формальнаго объясненія въ любви не было, да и не могло быть, потому что развѣ можно было выразить словомъ то, что̀ сейчасъ чувствовалъ и переживалъ Маркловскій. Это походило бы на то, если бы человѣкъ всенародно вздумалъ снять съ себя все и явиться нагимъ... Именно хорошо и было то, что̀ чувствовалось безъ словъ, даже боялось своего названія и было такъ полно само собой, что не нуждалось въ средствахъ внѣшняго выраженія. Величайшимъ моментомъ было то, когда Маркловскій почувствовалъ, что и сердце Зои бьется въ унисонъ съ его сердцемъ. Она приняла свою тайну съ такой чудной покорностью, впередъ готовая на все. Это было во взглядѣ, въ тонѣ голоса, въ каждомъ движеніи.

„О, милая...“—думалъ Маркловскій.

Ни онъ ни она не сказали ни одного слова и любили молча, какъ герои какого-то стариннаго сентиментальнаго романа. Ни онъ ни она не думали о будущемъ и удивились бы искренно, если бы ихъ спросили, что̀ изъ этого выйдетъ. Все было въ настоящемъ, въ томъ днѣ, который занимался съ зарей.

Маркловскій чувствовалъ себя въ ушибовскомъ домѣ необыкновенно хорошо и дошелъ до того, что старался угодить старику. Онъ по цѣлымъ часамъ разговаривалъ съ нимъ о послѣднихъ городскихъ новостяхъ, о цѣнахъ на разные припасы — больное мѣсто стараго скряги — и даже занимался хозяйствомъ, т.-е. ѣздилъ закупать сѣно для коровы, кормъ курамъ и т. д. Корова и куры были слабостью Зои, и Маркловскій не могъ ихъ не любить. Онъ теперь могъ разсказать біографію каждаго цыпленка и даже гордился этими знаніями, потому что это было нужно, гораздо болѣе нужно, чѣмъ все остальное.

Прошелъ цѣлый годъ, прежде чѣмъ Зоя рѣшилась переступить порогъ комнаты Маркловскаго. Это было утромъ, когда приходилъ почтальонъ.

— Вамъ письмо... только не отъ матери, — проговорила она, подавая большой конвертъ, въ которомъ по твердости и тяжести чувствовалась фотографія.

Маркловскому достаточно было взглянуть на адресъ, чтобы понять, отъ кого письмо. Онъ еще издали узналъ эти безграмотныя каракули, какъ узнала ихъ Зоя, хотя и видѣла ихъ первый разъ. Ей подсказало внутреннее чувство, какая рука выводила ихъ. По тому же инстинкту дѣвушка не уходила,

пока Маркловскій разрывалъ конвертъ и быстро пробѣгалъ глазами исписанный листочекъ почтовой бумаги.

— Вотъ... — проговорилъ онъ наконецъ, подавая ей фотографію.

На фотографіи была снята хорошенькая дѣвочка, лѣтъ двухъ, пухленькая и улыбающаяся; ее портило только какое-то жесткое выраженіе лица, не свойственное возрасту.

— Она нѣмая...— объяснилъ Маркловскій.

На оборотѣ фотографіи стояла безграмотная надпись: „отъ Адочки папочьки“.

— Это ваша дочь?—тихо спросила Зоя.

— Адочка? Не знаю... Впрочемъ, вотъ прочтите письмо.

Зоя отрицательно покачала головой.

— Мать пишетъ, т.-е. мать этой дѣвочки, что это моя дочь...

— И вы не имѣете права сомнѣваться... Бѣдная дѣвочка!.. Ахъ, какая она бѣдная...

Маркловскій сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и потомъ заявилъ рѣшительно:

— Нѣтъ, вы прочтите письмо... Это нужно.

Она безмолвно повиновалась, хотя маленькая рука и дрожала, когда брала этотъ роковой лоскутокъ бумаги, точно въ немъ заключался смертный приговоръ.

— Вотъ отсюда,—указалъ Маркловскій мѣсто въ письмѣ, откуда слѣдовало читать.

Дѣвушка прочла: „Посылаю тебѣ, Володя, письмо со вложеніемъ портрета *нашей* Адочки. Меня удивляетъ, что въ теченіе цѣлаго года ты даже ни разу не поинтересовался ея судьбой. У меня не было адреса, и я едва раздобыла его отъ твоей сестры, которая наговорила мнѣ по этому случаю дерзостей. Въ другое время я не перенесла бы, а теперь мнѣ рѣшительно все равно... Дѣло вѣдь не во мнѣ, а въ Адочкѣ. Ты ее оставилъ еще годовымъ ребенкомъ, когда я выдавала ее за дочь старика Кольчугина, и меня тогда еще обижало, что ты первый этому вѣрилъ. Тогда мнѣ это было нужно для дѣла, а теперь все равно. Къ несчастію, дѣвочка, какъ рѣшили доктора, останется навсегда глухонѣмой. Сначала я плакала и убивалась, а теперь думаю, что это даже лучше. Дѣвочка, по крайней мѣрѣ, не услышитъ многаго, что̀ ей было бы больно слышать о своихъ родителяхъ. Что она твоя дочь, а не Кольчугина—достаточно взглянуть на портретъ. Это лучшее доказательство... Бѣдненькая не можетъ сказать даже: папа и мама. Можетъ-быть, и это къ лучшему... Какой это отецъ, который въ теченіе цѣлаго года даже не вспомнилъ о дочери? Лучше ужъ оставаться нѣмушкой... А потомъ, когда вырастетъ большая, сама все пойметъ“.

Перечитавъ еще разъ письмо, Зоя посмотрѣла фотографію Адочки, сравнила ее съ оригиналомъ „папы“ и проговорила:

— Да, это ваша дочь, Владимиръ Сергѣичъ...

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Больше...

Дѣвушка хотѣла выйти, но Маркловскій ее удержалъ. Это было первое насиліе съ его стороны. Онъ усадилъ ее на диванъ и, шагая по комнатѣ, быстро заговорилъ, точно кого-то хотѣлъ догнать:

— Я вамъ разскажу все... Да, вы должны *это* знать.

Она сидѣла блѣдная и покорная, въ позѣ человѣка, приготовившагося слушать. Ахъ, какъ ему было жаль ее, эту чистую, невинную душу, которой

еще не коснулась ни одна капля житейской грязи. И онъ первый долженъ былъ развернуть страницу за страницей всю свою жизнь, чтобы все связать, объяснить и точно оправдаться передъ ней. Да, это было нужно, хотя и тяжело... Маркловскій началъ свою исповѣдь съ самаго дѣтства: разсказывалъ объ отцѣ, старомъ николаевскомъ генералѣ, впавшемъ въ дѣтство, о матери, вышедшей замужъ изъ бѣдной семьи за богатаго старика, о своемъ воспитаніи, о той жизни, въ которую онъ окунулся съ головой сейчасъ по выходѣ изъ лицея. И вѣдь онъ подавалъ надежды, ему предсказывали будущность, мать души не чаяла въ своемъ любимцѣ. Его закружила мутная волна петербургской жизни, онъ лучшіе молодые годы погубилъ въ обществѣ прожигавшихъ жизнь такихъ же подававшихъ надежды молодыхъ людей, пока не встрѣтился съ Александрой Ивановной, о которой тогда говорилъ „весь Петербургъ“, т.-е. та спеціальная публика, которая толчется въ оперѣ, на гуляньяхъ и въ шато-кабакахъ.

„Женскій вопросъ“ сначала немного смутилъ Маркловскаго, и онъ замялся. Какъ передать, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые пикантные моменты, свои успѣхи у женщинъ demi-monde'a и т. д.

— Мнѣ приходится вычеркнуть кое-какіе эпизоды... — объяснилъ онъ, дѣлая паузу.—Но это все равно. Перехожу прямо къ своему „дѣлу“, которое все основано на знакомствѣ вотъ съ этой Александрой Ивановной.

Онъ откровенно и подробно разсказалъ, какъ въ первый разъ познакомился съ ней, какъ съ перваго же раза увлекся ею—увлекся по-мальчишески, какъ сталъ бывать у нея своимъ человѣкомъ, и чѣмъ все это роковое знакомство разыгралось.

— Она дурная женщина?—тихо спросила Зоя.

— И да и нѣтъ, какъ всѣ русскіе люди... Главный недостатокъ — отсутствіе образованія, а затѣмъ жизнь сложилась какъ-то совсѣмъ дико. Прямо отъ бѣдности она перешла къ сумасшедшей роскоши... Старикъ Кольчугинъ баловалъ ее, какъ ребенка.

— Она очень красивая?

— Да... т.-е., вѣрнѣе сказать, была красивая.

Маркловскій въ этомъ простомъ вопросѣ почувствовалъ недосказанную ревность, первую ревность просыпавшейся женщины. О, какъ она была хороша, эта маленькая фея, тронутая первымъ дуновеніемъ неоформившейся еще страсти...

— Къ чему вы все *это* мнѣ разсказываете? — грустно замѣтила Зоя, поднимаясь съ дивана.—Лучше было бы ничего не знать...

— А дѣвочка?

— Ахъ, да... Въ самомъ дѣлѣ, что вы думаете теперь дѣлать?

— Не знаю...

Дѣвушка ушла къ себѣ совсѣмъ разбитая, уничтоженная и такая жалкая. Мысль о нѣмой дѣвочкѣ Адочкѣ пронеслась надъ ея головой первой черной тѣнью... Развѣ несчастный ребенокъ виноватъ въ чемъ-нибудь? И какая злая иронія судьбы: отецъ и мать никогда не будутъ названы этимъ дѣтскимъ языкомъ, точно связаннымъ самой судьбой. Плохой отецъ, плохая мать, но все-таки отецъ и мать... Потомъ дѣвочка будетъ расти, развиваться и все-таки пойметъ горькую истину своего позорнаго происхожденія.

— Ахъ, ужасно, ужасно!—повторяла Зоя, ломая руки.

Маркловскій тоже волновался и не спалъ всю ночь, шагая по комнатѣ. Вѣдь нужно же было всему такъ случиться... Хуже ничего не могло быть. И когда получилось роковое письмо? Впрочемъ, все складывается одно къ одному.

— Нѣтъ, это обманъ!— повторялъ онъ вслухъ, убѣждая самого себя.— Конечно, обманъ, ложь, интрига... Раньше Александра Ивановна обманывала этой дѣвочкой Кольчугина, а теперь принялась за меня.

Онъ десятки разъ подходилъ къ письменному столу и принимался разсматривать портретъ Адочки. То ему казалось, что у нея есть сходство съ нимъ въ очеркѣ лба, въ линіи носа, въ разрѣзѣ глазъ, то смотрѣло на него совсѣмъ чужое лицо. Это изученіе измучило его и привело въ какое-то отчаяніе... Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалъ, какъ въ немъ закипаетъ какая-то мучительная жалость вотъ къ этому неизвѣстному ребенку, — вѣдь съ нимъ родился цѣлый міръ, и онъ, сомнительный отецъ, вошелъ въ этотъ міръ безповоротно. Если бы теперь Александра Ивановна отказалась отъ своихъ словъ, онъ бы ей крикнулъ: „нѣтъ, ты лжешь, я — отецъ этого несчастнаго ребенка!“.

VII.

Письмо Александры Ивановны произвело такое же дѣйствіе, какъ упавшая на раскаленную плиту капля холодной воды, которая разбивается на десятки бѣгающихъ шариковъ. Въ другое время оно, конечно, не произвело бы такого впечатлѣнія, но сейчасъ въ ушибовскомъ домикѣ стояла такая теплая и радостная температура. Маркловскій уже начиналъ чувствовать себя и лучше и чище, впереди расцвѣтала надежда въ самыхъ радужныхъ краскахъ, — онъ вѣдь нашелъ прежде всего здѣсь именно самого себя, того добраго, любящаго и хорошаго человѣка, который съ такимъ трудомъ выкарабкался изъ-подъ мусора и обломковъ столичнаго прошлаго. И вдругъ...

Зоя тоже думала постоянно о маленькой Адочкѣ и даже ревновала ее къ нехорошей Александрѣ Ивановнѣ.

— Если бы она умерла, эта Александра Ивановна, — сообщила она Маркловскому подъ секретомъ, — я сейчасъ же взяла бы къ себѣ эту бѣдненькую Адочку. Я бы выучилась, какъ говорятъ съ глухонѣмыми, и стала бы ее учить всему. Что дѣлать этому несчастному ребенку тамъ, въ столицѣ?

Маркловскій только ежился, слушая этотъ молодой бредъ. Во-первыхъ, такія женщины, какъ Александра Ивановна, положительно неспособны умирать, во-вторыхъ... во-вторыхъ, онъ самъ уже думалъ то же самое. Странно, что теперь часто его мысли совпадали съ мыслями Зои, точно они думали одной головой. Онъ иногда замѣчалъ по выраженію ея лица, что она тоже переживаетъ его сомнѣнія и подолгу изучаетъ портретъ Адочки. Вѣдь бываютъ такіе дни, когда она казалась чужой, непохожей на Маркловскаго, и это мучило Зою. Она видѣла дѣвочку во снѣ и просыпалась. Разъ ей приснилось, что Адочка тянется къ ней своими пухлыми ручонками и улыбается...

Всѣ эти мысли и чувства, сосредоточенныя въ одномъ пунктѣ, привели къ тому, что Маркловскій въ одно прекрасное утро почувствовалъ себя влюбленнымъ въ дочь. У него явилось жгучее желаніе увидѣть ее, обнять, расцѣловать, наговорить тысячи тѣхъ нѣжностей, которыми была переполнена сейчасъ его собственная душа. Онъ со слезами на глазахъ потихоньку отъ всѣхъ цѣловалъ теперь мертвую фотографію, разговаривалъ съ ней и улыбался отъ счастья.

— Адочка, крошка... У тебя тоже есть папа... Да... Папа тебя любитъ, Адочка! А ты и не знала, что у тебя есть папа?

Если бы было возможно, онъ сейчасъ же полетѣлъ бы въ Петербургъ съ единственной цѣлью прижать къ сердцу этого ребенка, это маленькое со-

кровище, которое уже смотритъ его глазами, въ которомъ онъ самъ будетъ жить. Но приходилось ждать еще цѣлыхъ два года... Вѣдь это составитъ 730 дней и цѣлыхъ 17520 часовъ. Да прибавьте къ этому три тысячи верстъ, которыя отдѣляли Чурбанскъ отъ Петербурга. Боже мой, сколько непреодолимыхъ препятствій... Если бы онъ зналъ раньше, если бы раньше могъ чувствовать то, что̀ сейчасъ чувствовалъ, если бы... Голова у Маркловскаго кружилась, и онъ началъ думать, что сходитъ съ ума.

Единственнымъ исходомъ изъ этого состоянія были письма къ Александрѣ Ивановнѣ. Маркловскій писалъ ихъ десятками и рвалъ одно за другимъ, потому что они не выражали и тысячной доли того, что̀ онъ сейчасъ чувствовалъ. Даже было какъ-то обидно читать ихъ, потому что нѣтъ такихъ словъ, которыми можно было бы передать все, — и словъ нѣтъ, и даже буквъ въ алфавитѣ недостаетъ. Были письма гнѣвныя, любящія, умоляющія, оправдывающіяся, негодующія, полныя надежды или отчаянія, подозрительныя, серьезныя и ревнивыя...

Изъ тихъ писемъ образовалась скоро цѣлая коллекція, и Маркловскій все не рѣшался, какое изъ нихъ отправить Александрѣ Ивановнѣ. Вѣдь шагъ былъ рѣшительный, да и поступить слѣдовало рѣшительно. Выбившись изъ силъ, Маркловскій обратился къ помощи Зои и далъ ей прочитать всѣ письма. Она нетерпѣливо прочла ихъ, а потомъ увѣренно проговорила:

— Ни одно не годится, Владиміръ Сергѣичъ...

— Какъ не годится?...

— Да такъ... Вы пишете совсѣмъ не о томъ, что̀ слѣдуетъ. Вы можете думать объ Адочкѣ, какъ о своей дочери, но писать этого этой женщинѣ не слѣдуетъ, потому что кто ее знаетъ, какъ она приметъ ваши изліянія. Во всякомъ случаѣ, такое письмо въ ея рукахъ является извѣстнымъ документомъ...

— Да, да... Но что̀ же дѣлать?

— Очень просто... Напишите ей, что вы желаете видѣть дѣвочку.

— Что̀ же изъ этого?

— Если эта женщина убѣждена, что Адочка ваша дочь, то, конечно, сама ее привезетъ сюда... Вѣдь она знаетъ, что вамъ самимъ нельзя пріѣхать въ Петербургъ. Кажется, ясно?..

— Да, да... Вотъ именно такъ!..

Маркловскій обрадовался такому простому рѣшенію мучившаго его вопроса, а потомъ замялся. Конечно, онъ страстно желалъ видѣть Адочку, но вѣдь съ ней вмѣстѣ пріѣдетъ сама Александра Ивановна. Трудно даже приблизительно предвидѣть всѣ результаты подобной комбинаціи.

Больше всего Маркловскаго поразила сообразительность Зои и ея рѣшимость встрѣтить опасность лицомъ къ лицу. Да, это была смѣлая дѣвушка, да и чего она могла бояться?

Когда письмо было наконецъ написано и отправлено, Маркловскій вспомнилъ, что вѣдь въ сущности онъ еще не объяснился съ Зоей, какъ слѣдуетъ. Раньше можно было понимать другъ друга между строкъ, а теперь слѣдовало устранить самую возможность будущихъ недоразумѣній, которыя неизбѣжно должны явиться вмѣстѣ съ Александрой Ивановной.

— Зоя Игнатьевна, я понимаю ваше великодушіе... да... — заговорилъ разъ Маркловскій, когда они остались вдвоемъ. — Вы, конечно, знаете мои чувства и то, какъ я смотрю на васъ...

— Ахъ, не нужно словъ!.. — взмолилась дѣвушка. — Я боюсь... останемся такими же, какими были до сихъ поръ, и только.

— Милая...

Онъ еще въ первый разъ назвалъ ее такъ, и Зоя вся вспыхнула. Вѣдь она такъ просто и хорошо его любила, а каждое слово являлось чѣмъ-то посторонним, да и сколькимъ женщинамъ онъ повторялъ его.

— Не нужно... ахъ, не нужно! — просила она. — Подождите... Кто знаетъ, чѣмъ еще все кончится.

Дѣвушка уже приготовлялась къ пріѣзду Александры Ивановны и впередъ переживала нехорошее ревнивое чувство. Ахъ, будетъ, что будетъ... Зачѣмъ впередъ разбивать все то хорошее, чѣмъ она сейчасъ жила. Такъ не хочется просыпаться отъ хорошаго, счастливаго сна. Маркловскій немного растерялся и никакъ не могъ понять психологіи этой странной дѣвушки. Вѣдь она его любитъ—это несомнѣнно, значитъ... А вотъ ничего не значитъ, и только.

Самъ Ушибовъ точно не замѣчалъ ничего и держался совсѣмъ въ сторонѣ. Это была своего рода хорошая отцовская политика. Въ теченіе года онъ достаточно вызналъ жильца и былъ спокоенъ. Что же, молодой человѣкъ надѣлалъ глупостей въ Петербургѣ, запутался, но кто не былъ молодъ и не дѣлалъ глупостей, особенно, когда вмѣшивалась женщина. Старикъ даже угнетенно вздыхалъ, что-то припоминая изъ далекаго прошлаго. Охъ, всего было достаточно, когда служилъ засѣдателемъ. Чего лучше, увезъ цѣлую сибирскую попадью подъ пьяную руку... А потомъ-то что было! Одна купчиха-вдовушка какъ за нимъ ухаживала и слова какія наговаривала... Тоже вотъ раскольничьи дѣвки на Алтаѣ хороши и за грѣхъ не считаютъ. Много грѣховъ, однимъ словомъ, вся душа проржавѣла отъ нихъ.

Прикинувъ въ умѣ все, Ушибовъ рѣшилъ, что Маркловскій — завидный женихъ. За три года остепенится здѣсь, а потомъ вернется въ Россію и какимъ-нибудь дѣломъ займется. У него связи и прочее. Такимъ-то все, какъ съ гуся вода. Жаль только, что не можетъ поступить на государственную службу, а то, пожалуй, какъ разъ до генерала бы дослужился.

— Что же, устрой, Господи... А умру, все имъ же достанется. Не велики деньги, а все-таки не щепки. Будутъ поминать старика...

Эти тайныя мысли и соображенія были омрачены только Аграфеной Степановной, которая, встрѣтивъ Ушибова на улицѣ, отрѣзала съ обычной откровенностью:

— Хорошо вы женишка подманиваете, Игнатій Васильевичъ. Только не по себѣ дерево гнете. Да... Вотъ ужо налетитъ ферлакурша-то изъ Питера, такъ все и пойдетъ прахомъ. Даромъ время теряете...

— Не понимаю даже, сударыня, о чемъ вы изволите говорить и на что изволите тонко намекать.

— Не притворяйтесь, пожалуйста... Знаемъ, что знаемъ.

„Не столь отдаленные“ вообще усвоили себѣ манеру подшучивать надъ Ушибовымъ, дѣлая намеки на Маркловскаго, а Голховскій даже нарочно приходилъ въ полицію и съ самой благочестивой рожей говорилъ:

— Игнатій Васильичъ, скоро вы пригласите меня въ крестные отцы?

— Двоеженцамъ этого не полагается...

Даже баронъ Шпрингъ какъ-то пошутилъ:

— Ушибъ, нельзя капуста въ козла пускать, то-есть наоборотъ — не пускай огородъ въ капуста...

Всѣ эти шуточки ничего не значили. Старика задѣлъ за живое намекъ Юкиной на какую-то ферлакуршу, которая пріѣдетъ и все разстроитъ. Разъ за ужиномъ онъ въ упоръ спросилъ Маркловскаго:

— Молодой человѣкъ, а что значитъ: фер-ла-кур-ша? Фамилія такая или занятіе?

— Гораздо проще: такого слова нѣтъ, а есть старинное слово — ферлакуръ. Сто лѣтъ назадъ ферлакурами называли щеголей, ухаживавшихъ за дамами... Это испорченное французское слово: faire la cour, т.-е. строить куры, ухаживать.

— А... — протянулъ старикъ и совершенно успокоился.

VII.

Зоя ждала отвѣта Александры Ивановны съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Но прошла недѣля, двѣ, мѣсяцъ, а отвѣта нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Что это значитъ? — спрашивала дѣвушка Маркловскаго.

— Я ничего не знаю... Эта Александра Ивановна, вообще, женщина взбалмошная, и за нее нельзя поручиться.

— Можетъ-быть, она обидѣлась на ваше письмо?

— И это можетъ быть.

— Но вѣдь не трудно, кажется, отвѣтить двумя-тремя строчками? Впрочемъ, я это говорю такъ... Лѣто кончается, скоро осень, и съ ребенкомъ ѣхать въ распутицу трудно.

„Ферлакурша“ явилась совершенно неожиданно, именно въ то время, когда ея уже никто не ждалъ. Стояла глубокая осень, когда не было проѣзда ни на колесахъ ни на полозѣ. А она пробралась и остановилась въ тѣхъ же грязныхъ „проѣзжающихъ номерахъ“, въ которыхъ жилъ первое время Маркловскій. Это была еще молодая брюнетка, казавшаяся старше своихъ лѣтъ благодаря подозрительной синевѣ подъ глазами, какому-то дряблому цвѣту кожи и усталымъ движеніямъ.

— Это называется номерами для проѣзжающихъ? — брезгливо спрашивала она, подбирая шуршавшую шелковую юбку.

— Точно такъ-съ, проѣзжающій номеръ-съ,—невозмутимо отвѣчалъ грязный лакей, привыкшій къ справедливому негодованію проѣзжающей публики.— Пожалуйте, лучшіе проѣзжающіе господа останавливаются... полковники...

— Дуракъ!.. Ступай, сначала вымой руки, а потомъ уже приходи. О, грязное животное...

Вмѣстѣ съ ферлакуршей пріѣхала завернутая въ три пледа Адочка, состоявшая подъ наблюденіемъ бонны-англичанки.

— Боже мой, куда мы пріѣхали?!—приходила въ ужасъ бонна, оглядывая номеръ.—Эта комната для самоубійцы...

— Типунъ вамъ на языкъ, миссъ Комбъ!.. Тоже и скажете...

Одна Адочка оставалась безучастной ко всему, потому что послѣ отчаянной дорожной тряски страшно хотѣла спать, что и объяснила боннѣ очень выразительными знаками. Матери она, видимо, боялась и старалась не попадаться ей на глаза.

Александра Ивановна обругала „человѣка“, хозяина проѣзжающихъ номеровъ, проклятый городъ, еще болѣе проклятый трактъ, грязный самоваръ, воздухъ, которымъ приходилось дышать, и въ заключеніе расплакалась.

— Господи, гдѣ я?.. Я чувствую, что здѣсь умру...

Ямщики въ это время тащили дорожные сундуки, чемоданы, чемоданчики, саквояжи, картонки, узлы и узелки, пока весь номеръ не превратился въ какой-то складъ. Несчастная Адочка присунулась на одинъ изъ дорожныхъ узловъ и тутъ же заснула счастливымъ дѣтскимъ сномъ. Англичанка-бонна принимала каждаго таракана и клопа за личное оскорбленіе и дѣлала такое лицо, точно ее черезъ пять минутъ должны были повѣсить.

Изъ-за самовара вышла цѣлая исторія. Александра Ивановна кричала, топала ногами, угрожала послать кому-то въ Петербургъ телеграмму и кончила тѣмъ, что принялась чистить самоваръ сама дорогимъ кружевнымъ платкомъ, а бонна-англичанка мазала зеленую мѣдь одеколономъ.

— Нѣтъ, я умру! — рѣшила въ отчаяніи Александра Ивановна и, чтобы досадить проклятому хозяину проѣзжающихъ номеровъ, уснула не раздѣваясь.

Утромъ Александра Ивановна опять разсердилась, потому что ее разбудилъ осторожный стукъ въ двери номера. Положимъ, было уже двѣнадцать часовъ, и Адочка, чтобы не мѣшала мамѣ спать, была уведена гулять, но какъ же не знаютъ эти идіоты, что Александра Ивановна привыкла вставать въ два часа.

— Какой тамъ чортъ?—сердито спрашивала Александра Ивановна.

— Это я-съ... — отвѣтилъ женскій голосъ.—Извините, мадамъ, но...

— Войдите, чортъ васъ возьми...

Въ дверяхъ показалась Ююкина. Она давно дала номерному человѣку полтинникъ, чтобы онъ предупредилъ ее, когда пріѣдетъ изъ Петербурга „дама съ дѣвочкой“. Какими путями провѣдала Ююкина объ этомъ — Маркловскій отказывался понимать. Вѣроятнѣе всего, что она вызнала или черезъ прислугу Уншбовыхъ, или перехватила какое-нибудь письмо.

— Я — акушерка Ююкина...

— Благодарю васъ, но я, повидимому, не нуждаюсь въ вашей помощи.

— Но вамъ здѣсь неудобно, сударыня...

— Даже очень неудобно... Это какая-то проклятая дыра!..

— Да... А у меня есть свободная комната. Голховскій такъ и говоритъ: Аграфена Степановна, вотъ бы вамъ сюда помѣстить даму съ дѣвочкой... Собственно, не одна комната, а двѣ, потому что своего жильца я отправлю куда-нибудь на богомолье. Онъ достаточно нагрѣшилъ и теперь все молится... Да. Такъ вотъ, если вамъ будетъ угодно, сударыня...

— Вы папиросы умѣете набивать?..

— А барону кто набиваетъ папиросы?..

— Потомъ вы должны не дышать, пока я сплю... Вы понимаете? Только хорошій сонъ сохраняетъ женщину, а мнѣ приходится о послѣднемъ серьезно заботиться...

— Ужъ будьте покойны, Александра Ивановна... Я даже могу дѣлать вамъ легкій массажъ на ночь. Есть такой спеціальный массажъ для молодыхъ дамъ... Голховскій говоритъ...

— Ну, это лишнее. Чѣмъ болтать, вы распорядились бы лучше относительно самовара.

Переселеніе совершилось сейчасъ послѣ чаю. Ююкина торжествовала. „Вотъ, тебѣ, гордецъ!“— злорадствовала она, показывая кулакъ воображаемому Маркловскому. Адочка отнеслась къ этому переселенію съ безучастностью заброшеннаго ребенка, привыкшаго къ всевозможнымъ превращеніямъ. Сначала Ююкина пролила на нее свою долю любви, какъ дѣлаютъ дамы при видѣ незнакомаго ребенка, а потомъ поняла, что этого совсѣмъ не нужно, и больше не обращала на „ангелочка“ никакого вниманія.

„Ферлакурша“ отдыхала цѣлыхъ три дня, прежде чѣмъ рѣшилась что-нибудь предпринять. Она лежала въ постели совсѣмъ раздѣтая, слушая безконечную болтовню Ююкиной, передававшей ей сейчасную біографію Маркловскаго съ мельчайшими подробностями.

— А я этого подлеца еще любила когда-то...—задумчиво говорила Але-

ксандра Ивановна. — То-есть не то, чтобы совсѣмъ любила, ну, а въ этомъ родѣ. А онъ вонъ что̀ устроилъ.... Да, хорошъ, милашка!.. Младенцевъ соблазняетъ... Ха-ха!..

Въ свою очередь, Александра Ивановна разсказала свою біографію, и Ююкина пришла въ восторгъ. О, она отлично знаетъ, что̀ такое роскошь, общее поклоненіе женщинѣ, избранный кругъ мужчинъ, изысканныя удовольствія, красивыя глупости и сладкое безуміе. Сердце женщины всегда остается тайной. Не правда ли?

— Знаете, Александра Ивановна, я влюбилась въ васъ...—восторженно увѣряла она свою гостью.—Да, да... Отчего женщина не можетъ любить женщину? Мужчины всѣ такіе гадкіе, обманщики, эгоисты. Одно только мнѣ не нравится въ васъ: зачѣмъ вы пьете по три рюмки водки передъ обѣдомъ? Голховскій говоритъ...

— Такъ принято у англичанъ, милая... Теперь во всемъ англійская мода, и англичанки начинаютъ ужъ ѣздить верхомъ по-мужски. Да.

Когда Ююкина нашла, что Александра Ивановна достаточно подготовлена, она напомнила о Маркловскомъ

— Ахъ, я и забыла объ этомъ негодяѣ, — равнодушно замѣтила Александра Ивановна.—Какъ ни жаль, а придется нарушить его семейное счастье... Знаете, я сама отправлюсь къ нимъ. Это будетъ интересно. Не правда ли? Вдругъ, какъ снѣгъ на голову... Ха-ха!.. Воображаю, какія они морды сдѣлаютъ...

— Нѣтъ, что̀ вы, это никакъ невозможно!—испугалась Ююкина. — Во-первыхъ, вы уроните свое достоинство, какъ женщина... Визиты дѣлаютъ только мужчины. Спросите хоть у Голховскаго...

— А если мнѣ хочется увидѣть свою соперницу? Какая-то несчастная кисейная барышня...

— Еще увидите, а главное—достоинство. Понимаете: женщина всегда и постоянно должна думать о своемъ достоинствѣ. Голховскій сказалъ...

Старика Соломина, дѣйствительно, Ююкина спровадила на какое-то богомолье, и Голховскій теперь пользовался въ ея квартирѣ правами полнаго гражданства. Зная его болѣзненное пристрастіе къ хорошенькимъ женщинамъ, Аграфена Степановна ни за что не хотѣла знакомить его съ жиличкой.

— О, я тебя знаю хорошо!—повторяла она угрожающе.—Была бы только юбка... Ты самый развратный мужчина.

Но знакомство все-таки произошло. Голховскій сидѣлъ въ комнатѣ хозяйки и раскладывалъ скромно пасьянсъ, когда ворвалась туда Александра Ивановна въ одной ночной кофтѣ и туфляхъ, надѣтыхъ на босую ногу.

— Богиня...—восторженно проговорилъ Голховскій.

— Да вы-то кто такой будете?

— Я?.. Я тотъ, которому внимала ты... Я тотъ, который будетъ прилетать и на шелковыя рѣсницы сны золотые навѣвать.

— Батюшки, да онъ сумасшедшій!!.

Александра Ивановна убѣжала и заперлась на ключъ. Можетъ-быть, это сибирскій разбойникъ?..

IX.

Дамы выбрали парламентеромъ Голховскаго, который съ жадностью хватался за всякія чужія дѣла. А тутъ цѣлый спектакль впереди. Какъ отнесется къ пріятной новости Маркловскій? Что̀ будетъ дѣлать Зоя? Однимъ словомъ, цѣлый рядъ комбинацій.

— Вотъ вамъ письмо отъ одной особы...—заявилъ посолъ, явившись къ Маркловскому.

Послѣдній принялъ его довольно сухо и молча пробѣжалъ коротенькую записочку Александры Ивановны: „Милый Володя, я пріѣхадчи“... Только и всего. Отъ этого „пріѣхадчи“ на Маркловскаго такъ и пахнуло Петербургомъ горничныхъ, швеекъ, загородныхъ садовъ и сомнительныхъ дамъ. Онъ посмотрѣлъ на письмо, на гонца и сказалъ всего одно слово:

— Хорошо...

— Такъ и сказать Александрѣ Ивановнѣ?

— Такъ и скажите.

Какъ ни былъ подготовленъ къ этой встрѣчѣ Маркловскій, но у него точно что̀ оборвалось, когда пришлось итти на роковое свиданіе. Зоя видѣла Голховскаго и, кажется, догадалась, зачѣмъ прилетала эта птица, но не выпила. Онъ понялъ, что она не хотѣла его смущать и боялась выдать себя.

Сколько успѣлъ передумать „милый Володя“, пока шагалъ отъ ушибовскаго дома до квартиры Юкиной. Безграмотная записка фрлакурши вызвала въ немъ какое-то затаенное ожесточеніе, но это были пустяки—все заслоняла Адочка. Сомнительный отецъ какъ-то началъ трусить этой встрѣчи, точно его ждало что-то безповоротно-роковое, отъ чего уже не будетъ возврата.

Когда онъ брался за ручку дверей, у него вдругъ явилась мысль, что вѣдь все это одна сплошная комедія, а онъ по глупой довѣрчивости принималъ за чистую монету. Всѣ врутъ...

Александра Ивановна сидѣла одна въ маленькой гостиной, принявъ заученную позу дамы, приготовившейся къ дѣловому разговору. Это было первой фальшью. Маркловскій съ улыбкой подошелъ къ ней и сдѣлалъ небольшую паузу, прежде чѣмъ поцѣловать протянутую руку въ перстняхъ и браслетахъ. Даже, казалось, она привезла съ собой проклятую петербургскую атмосферу: онъ почувствовалъ запахъ крѣпкихъ англійскихъ духовъ, которыми постоянно душилась Александра Ивановна.

— Я очень радъ, что вы пріѣхали...—заговорилъ онъ, сдерживая волненіе.—Это съ вашей стороны большая любезность.

Она однимъ взглядомъ взвѣсила его и рѣшила про себя, что милашка сильно повыцвѣлъ, начиная съ костюма. Ее непріятно рѣзнуло по уху это обращеніе на „вы“.

— Да, *мы* пріѣхадчи,—подчеркнула она.—И, кажется, немного опоздали.

По предварительному плану фрлакурша не должна была и виду подавать, что знаетъ что-нибудь, но съ первой же фразы выдала себя.

— Почему опоздали?—удивился Маркловскій.

— Очень просто. Намъ не стоило тащиться такую даль, чтобы узнать, что мы совсѣмъ не нужны здѣсь.

Маркловскій инстинктивно огляну̀лся, отыскивая что-то глазами.

— Мы *объ этомъ* еще успѣемъ переговорить потомъ, — предупредилъ онъ ее, сдерживая голосъ.—А гдѣ дѣвочка?

Никогда еще Маркловскій не испытывалъ такого страха, какъ теперь, когда Александра Ивановна повернулась и рѣзко крикнула:

— M-lle Кора, venez!..

Наступила короткая пауза, а затѣмъ послышались упиравшіеся дѣтскіе шажки, и въ дверяхъ показалась Адочка, разодѣтая по-праздничному на англійскій манеръ—вся въ бѣломъ и съ голыми икрами. Ребенокъ, очевидно, сообразилъ, что его хотятъ показывать, и протестовалъ сдержаннымъ мычаніемъ.

— Ахъ, глупая... Она приняла тебя за доктора,—объяснила Александра Ивановна, дѣлая упрямившейся дѣвочкѣ какіе-то знаки.

Марковскаго поразило прежде всего это мычаніе: нѣмая на бумагѣ и нѣмая въ дѣйствительности оказывались несоизмѣримыми величинами. Онъ самъ подошелъ къ дѣвочкѣ, неловко взялъ ее на руки и еще болѣе неловко поцѣловалъ въ пухлую щечку, причемъ у Адочки появилось какое-то злобно-тупое выраженіе лица, какъ у нѣмыхъ, когда они не могутъ чего-нибудь понять. Глаза у Адочки были его и мягкіе, слегка вившіеся волосы—тоже. Александра Ивановна наблюдала эту короткую нѣмую сцену и улыбалась, щуря глаза.

— Ну что, узналъ?—грубо спросила она.

Этотъ вопросъ разбудилъ Марковскаго. Онъ поставилъ дѣвочку на полъ и проговорилъ:

— Да...

— Слава Богу!..

— Я понялъ въ то же время, почему она не говоритъ...

— Именно?

— Богъ не позволилъ ей назвать такихъ родителей, какъ мы съ вами.

Александра Ивановна расхохоталась.—Скажите, пожалуйста, какая сентиментальность!—Марковскому хотя до сихъ поръ и не приходилось имѣть дѣла съ маленькими дѣтьми, но онъ какимъ-то инстинктомъ понялъ, что дѣвочка растетъ почти безъ надзора, что показной праздничный нарядъ напрасно только ее стѣсняетъ, что матери она боится, что m-lle Кора не болна, а дрянная dame de compagnie, что все, что здѣсь происходитъ, — жалкая комедія, и что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является несчастная нѣмая дѣвочка. Ему захотѣлось наговорить Александрѣ Ивановнѣ дерзостей, взять дѣвочку на руки и навсегда унести ее изъ этого омута, гдѣ самый воздухъ дышалъ заразой, но приходилось сдерживать себя.

— Трогательная сцена,—язвила Александра Ивановна. — Можно даже картину написать: встрѣча любящаго папаши съ дочерью.

Марковскій побѣлѣлъ отъ бѣшенства и съ трясущимися губами тихо отвѣтилъ, опуская глаза:

— Вы не понимаете даже такой простой вещи, что есть... да, есть такіе моменты, когда смѣхъ просто неприличенъ, чтобы не сказать больше.

— Ты недурно разговариваешь со мной для перваго раза. Интересно знать, у кого ты берешь уроки нравственности?..

— Вотъ что, Александра Ивановна: перестанемте ломать глупую комедію. Для этого мы слишкомъ хорошо знаемъ другъ друга... Да и дѣло совсѣмъ не въ насъ. Я говорю серьезно...

Этотъ тонъ подѣйствовалъ отрезвляющимъ образомъ. Александра Ивановна вдругъ стихла, сдѣлала плаксивое лицо и знакомъ велѣла увести дѣвочку.

Подслушивавшая изъ сосѣдней комнаты Юркина пришла въ негодованіе, когда Александра Ивановна заговорила какимъ-то виноватымъ голосомъ. Развѣ такъ говорятъ съ мужчиной? Несчастная, должно-быть, ее прежде мужчины частенько били... Сейчасъ и испугалась. Начала отлично, а тутъ все дѣло сразу испортила. Дальше Аграфена Степановна услышала прямо возмутительныя вещи. Во-первыхъ, Марковскій говорилъ, шагая по комнатѣ, и голосъ Александры Ивановны сейчасъ же сбавлялъ тонъ, когда онъ останавливался... Она его уже нѣсколько разъ называла просто Володей, а онъ упорно продолжалъ „выкать“.

— Ахъ, мерзавецъ!—ругалась Юркина.—Вотъ нахалъ... Кругомъ, кругомъ виноватъ и онъ же еще носъ задираетъ.

Впрочемъ, потомъ Юркина успокоилась, когда рѣчь зашла о дѣвочкѣ.

— Вы ее держите въ черномъ тѣлѣ,—говорилъ Маркловскій, напрасно стараясь сдержать накипѣвшее раздраженіе.—Да, да... Скажу больше: дѣвочка боится васъ. И вонна ваша—дрянь...

— Еще не имѣете ли что-нибудь сказать?— спрашивала Александра Ивановна, сразу попадая въ тотъ насмѣшливый тонъ, съ котораго такъ удачно начала.

— Могу и еще сказать: отдайте мнѣ дѣвочку. Даю вамъ честное слово, что я ее воспитаю въ тысячу разъ лучше, чѣмъ сдѣлаете это вы.

Въ отвѣтъ послышался ироническій смѣхъ, а затѣмъ Александра Ивановна съ рѣшительностью, которой трудно было отъ нея ожидать, заявила:

— Этого *никогда* не будетъ!.. Ты меня считаешь за какую-то писаную дуру, но ошибаешься, милашка.

Дальше уже все пошло, какъ по-писаному. Онъ и она заговорили разомъ, перебивая и не слушая другъ друга. Посыпались взаимныя обвиненія, попреки и очень некрасивыя слова.

— Ты хочешь ее развратить, Адочку, какъ сейчасъ развращаешь какую-то несчастную дѣвчонку!—кричала Александра Ивановна.—Ты на все способенъ... О, какъ я тебя знаю!..

— Если бы вы поменьше знали, я не сидѣлъ бы здѣсь,—кольнулъ Маркловскій.—Будетъ много чести, если я скажу, что тогда вы на судѣ утопили меня своей дурацкой откровенностью...

— Я?.. Вонъ, мерзавецъ...

Какъ и слѣдовало ожидать, эта горячая сцена разрѣшилась слезами Александры Ивановны. Маркловскій напрасно старался ее утѣшить, цѣловалъ руки и говорилъ какія-то жалкія слова.

Уходя съ этого перваго свиданія, Маркловскій проклиналъ себя. О, онъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ продѣлалъ рѣшительно все, чтобы не достигнуть желаннаго результата. Не слѣдовало говорить прежде всего о томъ, что дѣвочку дурно воспитываютъ. Это было, по меньшей мѣрѣ, безтактно.

„Боже мой, что я надѣлалъ?—въ ужасѣ думалъ онъ, шагая по деревяннымъ тротуарамъ.—Набитый я дуракъ“.

А тутъ еще, какъ живая, стояла предъ его глазами нѣмая дѣвочка съ испуганными глазками, не понимающая, жалкая, забитая и навсегда несчастная...

X.

Вопросъ объ Адочкѣ сдѣлался, благодаря благосклонному участію Юркиной, общимъ достояніемъ. Голховскій просто выбивался изъ силъ, по нѣскольку разъ въ день обѣгая всѣхъ знакомыхъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ являлся до извѣстной степени спеціалистомъ, потому что прижилъ съ двумя женами семь человѣкъ дѣтей и всѣхъ ихъ бросилъ.

— Помилуйте, это насиліе! Это наконецъ звѣрство,—выкрикивалъ Голховскій, размахивая руками.—Мое глубокое убѣжденіе, что дѣти должны принадлежать матери и только матери... Это ея вѣчное право!..

Въ доказательство этой неоспоримой истины, онъ приводилъ даже нѣкоторыя статистическія данныя. Напримѣръ, у самой здоровой и жизнеспособной женщины въ самомъ крайнемъ случаѣ можетъ быть не больше двадцати чело-

вѣкъ дѣтей, тогда какъ у одного турецкаго султана ихъ было ровно полторы тысячи. Отсюда прямой и наизаконнѣйшій выводъ: развѣ турецкій султанъ могъ въ такой степени любить каждаго изъ полуторыхъ тысячъ дѣтей, какъ можетъ любить мать одного изъ двадцати. Да-съ, цифры неопровержимы, краснорѣчивы и не требуютъ доказательствъ. Кажется, ясно?..

Вернувшійся съ богомолья старикъ Соломинъ, баронъ Шпрингъ, капитанъ Скоблинъ, ростовщица Молодцова—всѣ обсуждали этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и всѣ приходили къ заключенію, что Маркловскій—негодяй и мерзавецъ, а Александра Ивановна—жертва ужаснаго мужского эгоизма. Она даже придумала себѣ подходящій костюмъ, который соотвѣтствовалъ этой роли жертвы—нѣчто въ родѣ костюма Маріи Стюартъ, когда ее на сценѣ ведутъ казнить.

Маркловскаго оскорбляло до глубины души это общее вниманіе, и онъ возненавидѣлъ Александру Ивановну, вытащившую на улицу такую интимную сторону ихъ отношеній. Но этимъ дѣло не ограничилось. Врагъ старался проникнуть въ ушибовскій домъ, чтобы кое-что развѣдать и пронюхать здѣсь. Маркловскій нѣсколько разъ видѣлъ Ююкину, которая уходила отъ Зои съ видомъ старой крысы, забравшейся въ ларь съ мукой. О, какъ онъ ненавидѣлъ эту негодную тварь и могъ только удивляться, что Зоя принимала ее. Самъ онъ не рѣшался заговорить съ дѣвушкой на эту тему, а Зоя молчала. Она имѣла такой печальный видъ и больше не заводила разговоровъ на тему объ Адочкѣ. Очевидно, врагъ не дремалъ и успѣлъ посѣять достаточное количество плевелъ въ эту чистую душу. Чувствуя себя правымъ, Маркловскій обиженно молчалъ и раздражался про себя.

„Проклятый языкъ! — думалъ онъ.—Самъ виноватъ, что такъ повелъ все дѣло. Нужно было устроить совсѣмъ иначе... да. Нужно было довести Александру Ивановну, чтобы она сама отдала ребенка. Вѣдь она будетъ рада отъ него избавиться...“

Да, все дѣло было испорчено, въ чемъ Маркловскій убѣждался каждый разъ, когда ходилъ навѣстить Адочку. Дѣвочка уже привыкла къ нему и встрѣчала такой милой застѣнчивой улыбкой, отъ которой у него сердце дѣлалось коробомъ. Благодаря общему вниманію, ребенокъ теперь пользовался хорошимъ уходомъ — всегда былъ вымытъ, накормленъ во-время и прилично одѣтъ. Кажется, это былъ единственный результатъ встрѣчи отца и матери. Маркловскому страстно хотѣлось унести дочь къ себѣ, ухаживать за ней, говорить ей тѣ слова, какія она поймета по выраженію его лица. И чтобы никто, никто не видалъ, какъ онъ будетъ ласкать эту крошку, цѣловать ее безъ конца и нашептывать наболѣвшія ласковыя слова. Ему точно хотѣлось оправдаться въ чемъ-то передъ этимъ ребенкомъ, что-то возстановить, такое хорошее и неиспытанное, сдѣлаться самому лучше подъ теплотой этой чистой дѣтской любви. Развѣ можно такъ любить женщину? Тамъ эгоизмъ, замаскированный человѣкъ-звѣрь, зоологическая правда, а здѣсь самое чистое чувство, радостное и свѣтлое, какъ весеннее утро.

Уходя домой, Маркловскій уносилъ съ собой чувство глубокаго раскаянія и еще болѣе глубокой неудовлетворенности. О, онъ вошелъ бы въ этотъ скрытый печатью молчанія дѣтскій міръ, слѣдилъ бы съ отцовской гордостью за каждымъ новымъ шагомъ дѣтской души и въ ребенкѣ любилъ бы лучшую часть самого себя. Александра Ивановна не мѣшала этимъ свиданіямъ, хотя и относилась къ нимъ скептически. Она теперь встрѣчала Маркловскаго съ дѣланной холодностью, какъ постороннаго человѣка, котораго не выгоняютъ изъ дому только изъ вѣжливости.

— Когда Адочка вырастетъ большая, она поймет меня, — говорила Александра Ивановна со вздохомъ.

— О, еще какъ поймет! — увѣряла Юркина. — Самое святое слово — мать.

Юркина умѣла говорить такъ чувствительно, что Александра Ивановна считала своимъ долгомъ прослезиться. Удивительно чувствительныя бываютъ слова...

Подходы въ ушибовскій домъ Юркиной скоро объяснились. Разъ, когда Маркловскій сидѣлъ съ Адочкой, Александра Ивановна въ своемъ костюмѣ жертвы отправилась съ Юркиной въ ушибовскій домъ. Она страстно желала познакомиться съ Зоей.

Зоя сама желала познакомиться съ этой таинственной Александрой Ивановной, о которой она такъ много думала и которая ей представлялась совсѣмъ другой. Первое впечатлѣніе было то, что Александра Ивановна была настоящей дамой, а не куртизанкой, какой она себѣ ее представляла, и потомъ Зоя почувствовала себя какой-то провинившейся дѣвчонкой, которой еще нужно играть въ куклы.

— Вы, вѣроятно, меня ненавидѣли, крошка? — откровенно заявляла Александра Ивановна. — Что же, это такъ и должно быть между соперницами... Вѣдь мы съ вами соперницы.

Зоѣ не понравилось, какъ смѣялась Александра Ивановна, а потомъ то чувство собственности, съ какимъ она осматривала комнату Маркловскаго.

— Привѣтъ тебѣ, пріютъ счастливый...—пародировала Александра Ивановна слова Фауста, перебирая вещи на письменномъ столѣ Маркловскаго.— Ничего, милашка устроился, какъ въ монастырской гостиницѣ. Вообще, я ему не завидую.

Она такъ смѣшно играла словами, что Юркина задыхалась отъ смѣха. Да, вотъ это настоящая женщина, а не какая-нибудь несчастная семерка, въ родѣ Зоички. Дѣвушка сознавала только одно, именно, что не должна была знакомиться съ этой нахальной особой. Она чувствовала, какъ гостья ее презираетъ...

— Послушайте, барышня, — уже совсѣмъ фамильярно заговорила Александра Ивановна, усаживаясь на кровать Маркловскаго:— если не ошибаюсь, вы выходите замужъ за этого господина?

— Нѣтъ...

— Какъ нѣтъ? Ахъ, да, вы стѣсняетесь... Что же, дѣло самое обыкновенное, и вы скоро привыкнете... Вѣдь всѣ женщины повторяютъ одна другую, а мужчины гонятся за разнообразіемъ... Навѣрно, онъ васъ развиваетъ? Ха-ха... Однимъ словомъ, профессоръ!..

Юркина притворно защищала Маркловскаго, и эта ненужная фальшь еще сильнѣе коробила Зою. У нея на лицѣ выступили красныя пятна, на глазахъ показались слезы. Юркина напрасно дергала потихоньку Александру Ивановну за рукавъ.

— Что же, это отлично, — продолжала та, не замѣчая. — Я сама одно время мечтала сдѣлаться m-me Маркловской... А теперь передумала. Да...

— Оставьте меня одну! — неожиданно заявила Зоя. — Да, одну... Я не желаю ничего слышать... Я ни за кого не выхожу замужъ, только оставьте меня, ради Бога.

Александра Ивановна съ удивленіемъ посмотрѣла на капризничавшую дѣвчонку, пожала плечами и проговорила:

— Какая она глупая... Я не желала бы быть на мѣстѣ Маркловскаго. Милашка привязываетъ себѣ камень на шею...

Когда Маркловскій вернулся домой, онъ по запаху знакомыхъ духовъ догадался, что Александра Ивановна была въ его комнатѣ, и разсердился на Зою. Но этотъ гнѣвъ быстро спалъ, когда кухарка сказала ему, что барышня лежитъ въ постели и плачетъ. Онъ въ первый разъ рѣшился войти въ ея комнату.

— Зоя, что вы надѣлали? Зачѣмъ вы позволили этимъ негоднымъ женщинамъ входить въ домъ?

— Я... я не думала, что такіе люди бываютъ... Она такъ обидно смотрѣла на меня и такія вещи говорила... Ахъ, зачѣмъ бываютъ такіе нехорошіе люди?..

Маркловскому стоило большого труда успокоить огорченную дѣвушку. Она жестоко раскаивалась въ своемъ желаніи познакомиться съ Александрой Ивановной и обѣщала не повторять этого опыта.

— Ничего, все къ лучшему,—успокаивалъ онъ.—Хорошо, что вы видѣли эту особу своими глазами... Въ сущности, вѣдь нѣтъ дурныхъ людей отъ рожденія, а такими они дѣлаются благодаря обстоятельствамъ. Съ этой точки зрѣнія и нужно смотрѣть на Александру Ивановну... Ее можно только жалѣть. Я самъ сначала на нее сердился, а потомъ...

Старикъ Ушибовъ вернулся изъ своего „присутствія“ раньше и слышалъ конецъ этой сцены. Когда Маркловскій вышелъ изъ комнаты Зои, старикъ встрѣтилъ его довольно сурово.

— Милостивый государь, у васъ есть своя дочь... Что бы вы сказали тому молодому человѣку, котораго встрѣтили бы выходящимъ изъ комнаты вашей дочери?

— Я сказалъ бы ему, что если вы порядочный человѣкъ... Впрочемъ, я еще не знаю, что скажетъ на это Зоя.

— Ну, это пустяки... У нея есть отецъ, который можетъ отвѣтить за нее вполнѣ. Да, молодой человѣкъ...

Хозяинъ и жилецъ молча обнялись, причемъ старикъ даже прослезился.

— Все для нея... все для Зои...—шепталъ онъ.

У стараго сибирскаго засѣдателя, уволеннаго со службы съ волчьимъ паспортомъ „по третьему пункту“, тоже было сердце...

XI.

Александра Ивановна прожила въ Чурбанскѣ цѣлыхъ три мѣсяца и даже хотѣла остаться на зиму, до слѣдующей навигаціи, но планы ея вдругъ измѣнились. Она собралась и уѣхала такъ же быстро, какъ и пріѣхала. Причиной этого бѣгства послужило довольно курьезное обстоятельство. Александра Ивановна начала замѣчать за собой, что быстро полнѣетъ, и приписала все это проклятому климату Чурбанска.

— Помилуйте, какой здѣсь можетъ быть климатъ?—возмущалась Юркина, не желавшая разставаться съ дорогой гостьей.—Вотъ вы бы кушали меньше, да меньше спали, да больше ходили, голубушка... Главная причина, что у васъ натура совсѣмъ сырая.

— Не всѣмъ же быть такой треской, какъ вы!

— Я? Треска? Ну, на этотъ счетъ ужъ вы жестоко ошибаетесь... Спросите Голховскаго, онъ знаетъ толкъ въ женщинахъ и постоянно мнѣ говоритъ, что я прямо замѣчательная женщина, то-есть сложена замѣчательно. Одни ноги чего стоятъ...

— Да, ноги, какъ палки, и сами вы тоже на палку походите.

Пріятельницы разстались довольно враждебно. Ююкина еще разъ убѣдилась въ черной неблагодарности человѣческаго сердца. Впрочемъ, ей сейчасъ предстояло еще другое испытаніе. Неожиданно исчезъ Голховскій. Оказалось, что онъ добылъ какими-то путями уменьшеніе срока своей ссылки, скрывалъ это отъ всѣхъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ Александрой Ивановной, которую встрѣтилъ на слѣдующей станціи. Получился цѣлый скандалъ, такъ что Ююкина цѣлыхъ три дня просидѣла у себя въ комнатѣ и даже дала себѣ слово совсѣмъ бросить этотъ грѣшный и неисправимый міръ и кончить свои дни гдѣ-нибудь въ тихой обители.

Старикъ Соломинъ опять вернулся на свое пепелище и долженъ былъ принять участіе въ возстановленіи нарушеннаго душевнаго равновѣсія Аграфены Степановны.

— Что же тутъ убиваться?—разсуждалъ Соломинъ.—Сколько волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ... Ежели человѣкъ двоеженецъ, такъ ужъ у него, обнаковенно, свое на умѣ.

— Зачѣмъ же меня было обманывать?.. Ну, скажи прямо...

— Значитъ, совѣсть есть... Худенькая, а совѣсть. Другой бы еще что-нибудь укралъ на дорогу... И это бываетъ. Лови его потомъ...

— Онъ и безъ того долженъ мнѣ двадцать рублей... Передъ самымъ отъѣздомъ выпросилъ, и на мои кровныя денежки теперь катитъ съ Александрой Ивановной, а потомъ будетъ у нея занимать.

— Велика эта самая ваша женская слабость, Аграфена Степановна, потому что у васъ и на умѣ трень да брень. Который ежели человѣкъ правильный и обстоятельный, такъ вы его сейчасъ, напримѣръ, на богомолье спроваживаете... Малодушіе ваше женское.

— А ты у меня поговори, старый чортъ!!.

— Что же тутъ говорить.. Я такъ, къ слову. Прахъ его побери, этого Голховскаго... Вотъ и весь разговоръ.

Собственно хитрый старикъ торжествовалъ про себя. Отлично инженеръ проучилъ Аграфену Степановну, въ лучшемъ видѣ... Такъ и слѣдуетъ. Ну, погорюетъ, поплачетъ и позабудетъ—женская-то вѣра одна. Да и передъ другими совѣстно какъ будто — тоже хорошо. Въ другой разъ и не повадно. А что дѣвица называется... Ежели ты дѣвица, такъ и будь дѣвицей, чтобы все по формѣ, правильно. Двоеженцевъ-то на вашего брата сколько угодно найдется.

Другіе „не столь отдаленные“ отнеслись къ бѣгству Голховскаго тоже съ чувствомъ самаго законнаго негодованія, потому что этотъ поступокъ ложился чернымъ пятномъ на всю колонію ссыльныхъ. Сегодня одинъ потихоньку убѣжитъ, завтра другой, — что же выйдетъ изъ этого? Вонъ барону Шпрингу истекаетъ срокъ ссылки, потомъ черезъ годъ Соломину, потомъ Ююкиной, и въ Чурбанскѣ останутся одни новички, если не подошлютъ кого-нибудь еще.

Случай съ Голховскимъ поднялъ въ средѣ ссыльныхъ нѣкоторые старые счеты и оживилъ подозрѣнія. Начали составляться новыя партіи, причемъ новички быстро освоились съ политикой и приняли дѣятельное участіе во взаимныхъ недоразумѣніяхъ. Кажется, и дѣлить нечего, а всѣ негодовали и ссорились. Соломинъ подозрѣвалъ сомнительнаго капитана Скоблина въ тайномъ намѣреніи занять въ квартирѣ Ююкиной мѣсто Голховскаго, Ююкина давала понять довольно прозрачно, что баронъ подъ предлогомъ массажа хотѣлъ воспользоваться ея дѣвичьей неопытностью, ростовщика Молодцова подозрѣвала, что Аграфена Степановна совсѣмъ даже не дѣвица, и т. д.

Маркловскій одинъ оставался совершенно въ сторонѣ отъ этихъ дрязгъ, пересудовъ и сплетенъ. Бѣгство Александры Ивановны огорчало его, потому что онъ не успѣлъ даже проститься съ Адочкой. Онъ привязался къ дѣвочкѣ и серьезно скучалъ по ней. Что ее ждетъ впереди, бѣдненькую? Будущее рисовалось въ такомъ неприглядномъ свѣтѣ, что онъ даже старался не думать о немъ. Скоро кончается срокъ ссылки, и тогда будетъ все видно, что нужно будетъ предпринять. Оставалось всего полтора года... И въ ссылкѣ время идетъ, хотя и не съ такой быстротой, какъ на волѣ. Да, всего полтора года!

Старикъ Ушибовъ замѣтилъ, что квартирантъ даже похудѣлъ, и началъ безпокоиться. Вѣдь теперь онъ былъ почти свой человѣкъ...

— Это вы насчетъ дѣвочки? — выпытывалъ онъ. — Конечно, оно жаль, ежели по человѣчеству разсуждать. Опять же и себя надо пожалѣть... Дастъ Богъ, все скоро кончится, тогда и увидитесь.

— Вѣдь цѣлыхъ полтора года, Игнатій Васильевичъ! Когда я думаю о себѣ, такъ это совсѣмъ немного кажется, а когда начинаю думать объ Адочкѣ,— точно сто лѣтъ.

— Что же, дитё при матери, Владимиръ Сергѣевичъ...

— Вотъ въ этомъ-то и вся бѣда. Если бы другая мать.

Маркловскій сдѣлалъ предложеніе Зоѣ, когда еще Александра Ивановна жила въ Чурбанскѣ, выговоривъ себѣ одно условіе, именно, что онъ женится только по истеченіи срока ссылки, когда будетъ вполнѣ свободнымъ человѣкомъ. Зоя охотно согласилась на это, а Ушибовъ долго ворчалъ. Невѣста не капуста, чтобы ее квасить цѣлыхъ полтора года... Въ этакихъ-то дѣлахъ и одинъ часъ дорогъ. Онъ, вообще, былъ недоволенъ какъ будущимъ зятемъ, такъ и согласившейся безъ его спроса дочерью. Очень ужъ по-модному хотятъ жить... Оно, какъ будто, даже и не къ лицу. Попроще—лучше. Впрочемъ, все равно, старику приходилось мириться. Зоя выглядѣла уже совсѣмъ взрослой, и какъ-то неудобно было „цыкать“ на нее, какъ бывало прежде, когда она была еще подросткомъ.

— Ты, папа, пожалуйста, не безпокойся,—уговаривала она отца.

— А мнѣ-то какая печаль? Вѣдь не мнѣ жить съ мужемъ, а тебѣ,— ну, тебѣ и знать слѣдуетъ, что и какъ. Вотъ мать была бы жива, такъ она не то бы тебѣ сказала...

Въ послѣднее время старикъ все чаще и чаще вспоминалъ „мать“, о которой раньше совсѣмъ не любилъ говорить. Молва гласила, что онъ въ семейной жизни проявлялъ деспотическія наклонности, и жена нѣсколько разъ убѣгала отъ него. Говорили, что онъ изъ ревности запиралъ ее на замокъ и держалъ, какъ преступницу. Впрочемъ, несчастная догадалась во-время умереть. Сейчасъ на Ушибова по вечерамъ нападало старческое слезливое настроеніе, и онъ начиналъ заговариваться.

Разъ, именно въ такой вечеръ, когда осенній дождь назойливо стучалъ въ стекла, а осенній вѣтеръ завывалъ въ трубѣ, въ передней послышался предупредительный кашель. Вся семья сидѣла за чайнымъ столомъ, и Маркловскій первый узналъ Юркину. Да, это была она, Аграфена Степановна.

— Чѣмъ могу вамъ служить, сударыня? — довольно сухо встрѣтилъ ее Ушибовъ, не вставая со стула.

— Перестань ты, пожалуйста, морочить... — отозвалась гостья. — Точно принцъ какой... „Чѣмъ могу служить“... тьфу!.. Просто сидѣла-сидѣла у себя дома, дождь это льетъ, вѣтеръ, и такая меня тоцица схватила—ну, ложись да помирай. А тутъ еще Соломинъ у себя въ комнатѣ вслухъ Богу молится... Вотъ я и подумала: дай, схожу къ Ушибовымъ. Ей-Богу, такъ и подумала...

— А мы такъ вотъ даже совсѣмъ васъ не ждали,—ядовито отвѣтилъ за всѣхъ старикъ.—И чего бы, кажется, вамъ еще нужно здѣсь?

— Мнѣ-то?.. Говорю: скучно стало.

Маркловскій сначала хотѣлъ уйти въ свою комнату, но Зоя удержала его однимъ взглядомъ. Онъ старался не смотрѣть на гостью и только тревожно барабанилъ пальцами по столу. Зоя старалась быть вѣжливой, хотя все выходило какъ-то натянуто. Ей было стыдно за Ююкину, которая ворвалась къ нимъ въ домъ съ такимъ нахальствомъ. Не получая реплики, гостья неловко замолчала. Наступила одна изъ тѣхъ паузъ, которыя одинаково гнетутъ всѣхъ.

— Ну, еще чего не скажете ли, сударыня?—спрашивалъ Ушибовъ.

— Чего говорить-то: старое по-старому, а вновь ничего.

Вслѣдъ за этой фразой Ююкина неожиданно расплакалась. Маркловскій сердито двинулъ стуломъ и ушелъ къ себѣ въ комнату.

— Всѣ меня ненавидятъ... — шептала Ююкина, указывая глазами на хлопнувшую дверь въ комнату жильца.—И за что? И всѣ ругаютъ... Голховскій постоянно чортовой куклой называлъ, а я-то за нимъ ухаживала. Теперь вонъ капитанъ золотитъ на всѣ корки: и такая и сякая.

— А за языкъ, матушка,—корилъ Ушибовъ.—Ужъ очень люта до чужихъ дѣлъ... Вездѣ васъ спрашиваютъ.

— Пана, оставь насъ,—серьезно замѣтила Зоя: ей сдѣлалось жаль этой безпріютной женской души.

Когда старикъ вышелъ, она проговорила спокойно и просто:

— Ну, перестаньте, Аграфена Степановна... Мало ли что бываетъ. Никто на васъ не сердится, а я меньше всѣхъ. У васъ вѣдь характеръ добрый...

— Вотъ въ томъ-то и вся моя бѣда, въ характерѣ. Пріѣхала тогда эта ферлакурша, ну я и растаяла... Въ ниточку для нея вытягивалась. Отъ одного барона сколько терплю... И всѣ меня походя ругаютъ!..

XII.

Послѣдній годъ ссылки для Маркловскаго прошелъ особенно томительно. Онъ считалъ не только дни, но, кажется, часы и минуты. Одна мысль заполняла все: только бы вырваться изъ проклятаго Чурбанска, гдѣ все было чужое. Особенно дѣлалось обидно, когда другіе кончали свой срокъ и уѣзжали. Такъ уѣхалъ баронъ Шрингъ, уѣхалъ такой же чопорный, надутый и весь пропитанный бензиномъ.

— Ужъ вы остерегайтесь, баронъ, — совѣтовала ему на прощанье Ююкина.—Вѣдь всѣхъ кучеровъ не перестрѣлять... Въ другой разъ и стерпѣть надо. Вонъ я ужъ, кажется, чего я ни натерпѣлась, а никого не стрѣляю.

Послѣдній отпрыскъ славнаго рода меченосцевъ только презрительно фыркнулъ и отвѣтилъ:

— Ты—бабъ и ничего не понимаешь, а я поступлю не по-бабскому, а по-мужчински...

Ююкиной тоже истекалъ срокъ, но ей и ѣхать было некуда. Въ Россіи у нея не было родныхъ. Она даже подумывала совсѣмъ остаться въ Чурбанскѣ, особенно, если ей разрѣшатъ практику. Теперь она бывала у Ушибовыхъ почти каждый день и сдѣлалась своимъ человѣкомъ. Даже Маркловскій примирился съ ней. Конечно, она взбалмошная бабенка, а въ сущности

не злая. Безъ нея даже какъ будто чего-то недоставало, а потомъ съ ней вѣчно происходили какія-нибудь исторіи и забавныя приключенія. Разъ она прибѣжала встревоженная и блѣдная.

— Что случилось, Аграфена Степановна?

— Охъ, смертынька... Едва вырвалась. Мой-то старикъ, Соломинъ, совсѣмъ сбѣсился... Въ монастырь меня постригаться зоветъ... Половину, говоритъ, своего капитала за тебя внесу въ обитель, только постригись. И я, говоритъ, тоже постригусь. Охъ, какъ онъ меня напугалъ.

Маркловскій впередъ за годъ началъ приводить всѣ свои дѣла въ порядокъ и завелъ правильную переписку со всѣми родными. У него сохранился еще небольшой клочокъ земли гдѣ-то въ Смоленской губерніи, и онъ разсчитывалъ помѣститься съ молодой женой на первое время тамъ. А потомъ можно будетъ устроиться гдѣ-нибудь на частной службѣ, когда будетъ разрѣшенъ „въѣздъ въ столицы“. Имъ, вообще, овладѣла какая-то манія порядка, такъ что онъ возстановилъ въ приблизительныхъ цифрахъ суммы прокученныхъ денегъ и надѣланныхъ долговъ. Послѣдняя цифра являлась для него чернымъ облакомъ. Вѣдь стоитъ только показать въ Россію носъ, какъ сейчасъ же оцѣнятъ кредиторы... При самомъ экономномъ образѣ жизни и среднемъ заработкѣ придется уплачивать лѣтъ десять. Это было обидно, потому что эти проклятые долги будутъ отнимать средства у будущихъ дѣтей, о которыхъ Маркловскій любилъ теперь мечтать. Въ самомъ дѣлѣ, онъ теперь сдѣлался вѣдь совершенно другимъ человѣкомъ и могъ только удивляться собственному молодому безумству, благодаря которому онъ попалъ въ ссылку. Положимъ, онъ именно въ Чурбанскѣ одумался и сдѣлался другимъ, но прошлаго все-таки не воротишь.

Каждое утро Маркловскій говорилъ, здороваясь съ Зоей:

— Еще однимъ днемъ меньше, Зоя... Скоро ужъ все кончится.

— А мнѣ начинаетъ казаться, что никогда не кончится это ожиданіе.

— Какъ только получу свободу, сейчасъ же обвѣнчаемся. Знаешь, въ Теребиловкѣ есть такая старенькая деревянная церковь, и священникъ въ ней тоже старичокъ. Вотъ тамъ и обвѣнчаемся, а на другой день уѣдемъ въ Россію.

О Россіи у Зои сложилось самое противорѣчивое представленіе. То ей казалось, что тамъ ужъ очень хорошо, что-то въ родѣ земного рая, то она начинала бояться этой чужой Россіи и впередъ жалѣла свою родную Сибирь.

Наступила весна. Даже Чурбанскъ подтянулся и расцвѣтился весенней зеленью. Вмѣстѣ съ открывшейся навигаціей прилетѣли новые „не столь отдаленные“: какая-то желчная дама, судившаяся за истязаніе собственнаго ребенка, какой-то военный писарекъ, потерпѣвшій за вымогательство, новый остзейскій баронъ, сосланный за то, что систематически травилъ своими собаками беременныхъ женщинъ, имѣвшихъ неосторожность проходить мимо замка его благородныхъ предковъ, два чиновника за какое-то хищеніе, крупный банковскій дѣлецъ за продажу въ разсрочку существовавшихъ въ его собственномъ воображеніи выигрышныхъ билетовъ и т. д. Однимъ словомъ, урожай былъ хорошій. Съ новенькими для Юкиной хлопотъ былъ полонъ ротъ, и она на время оставила въ покоѣ ушибовскій домъ.

До конца срока оставалось всего два мѣсяца, и Маркловскій началъ волноваться. Онъ привелъ въ порядокъ свои чемоданы и разсортировалъ вещи. О, всего только два мѣсяца!.. По вечерамъ онъ гулялъ съ Зоей, и обыкновенно разговоръ какъ-то самъ собой сводился на будущее, на Россію, на Адочку.

— Я какъ-то даже не могу себѣ представить,—говорилъ онъ, волнуясь:—да, представить, что вдругъ опять буду свободенъ... Развѣ есть большее счастье, когда человѣкъ можетъ итти и ѣхать куда угодно? Я эти три года точно пролежалъ въ могилѣ... Вѣдь вашъ Чурбанскъ—живая могила, и очень скверная могила.

Мѣстъ для гулянья въ Чурбанскѣ совсѣмъ не полагалось. Даже не было ни одного бульвара, ни одного сквера. Публика уѣзжала куда-нибудь въ поле. Маркловскій и Зоя любили уходить на кладбище, гдѣ былъ тощій березовый лѣсокъ и густая зеленая трава. Здѣсь они сидѣли, мечтали и строили свои воздушные замки.

Зоя тоже потихоньку готовилась къ отъѣзду. Приданаго у нея не было, и всѣ вещи уходили въ одинъ чемоданъ. Она уже нѣсколько разъ складывала все въ этотъ чемоданъ, надѣвала дорожный костюмъ и смотрѣла на себя въ зеркало. Точно не она... Маркловскій теперь слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, училъ, какъ держать себя, а главное, преподавалъ великое искусство одѣваться...

— Я, собственно говоря, созданъ дамскимъ портнымъ,—шутилъ онъ надъ собой.

Наконецъ наступилъ такъ долго желанный канунъ свободы... Въ ушибовскомъ домѣ какъ-то все присмирѣло, а старикъ Игнатій Васильичъ даже ходилъ на цыпочкахъ. За обѣдомъ была Юкина, принесшая послѣднія новости. Она была тронута до слезъ, когда получила приглашеніе провожать невѣсту. У Ушибова въ Чурбанскѣ никого родныхъ не было. Жениха провожали полицеймейстеръ, капитанъ и Соломинъ, что было уже устроено.

— Дай Богъ, дай Богъ...—повторяла Юкина.—Ахъ, какъ я люблю свадьбы!.. Готова не ѣсть три дня, только бы посмотрѣть хотя однимъ глазкомъ. Ничего-то молодые не знаютъ, а только смотрятъ другъ на друга... Голховскій разсказывалъ... Тьфу! И къ чему только лѣзетъ на языкъ... Еще недавно ночью приснился, и вѣдь какъ приснился—будто самъ весь синій, а волосы зеленые. Порядочный мужчина и во снѣ не смѣетъ присниться въ такомъ безобразномъ видѣ...

Прощаясь вечеромъ съ Зоей, Маркловскій долго и крѣпко жалъ ей руку.

— Сегодня мы въ послѣдній разъ чужіе,—шепнулъ онъ, когда Ушибовъ вышелъ изъ комнаты.

Она такъ покорно смотрѣла ему въ глаза и была такая интересная, какъ никогда.

— Милая, милая...

Оставшись одинъ въ своей комнатѣ, Маркловскій оглядѣлся кругомъ. Господи, какъ все здѣсь знакомо, какое родное, свое... Вѣдь человѣкъ сживается съ тѣми вещами, которыя его окружаютъ. Вотъ эти занавѣски прикрѣпляла Зоя своими бѣленькими ручками... Вотъ письменный столъ, за которымъ было столько продумано. Да, свое, родное...

Маркловскій долго лежалъ съ открытыми глазами и никакъ не могъ заснуть. У него почему-то не выходила изъ головы нѣмая Адочка. Давеча Зоя сказала за чаемъ: „Интересно, узнаетъ ли васъ Адочка?“ Эта простая фраза засѣла въ головѣ Маркловскаго клиномъ. Потомъ ему сдѣлалось жаль бѣдной дѣвочки... Такъ, по-хорошему жаль. Если бы у нея былъ другой отецъ... Вѣдь дѣвочка вырастетъ большая и рано или поздно все узнаетъ. И Зои сдѣлалось жаль... Она такая неопытная, довѣрчивая, а кто знаетъ, что ихъ ждетъ впереди. Могутъ быть дѣти, и ихъ жаль... Маркловскаго охватило

тяжелое раздумье. А кругомъ стояла такая мертвая тишина—кажется, слышно, какъ идутъ собственныя мысли, и какъ тяжело кровь бьется въ вискахъ.

Старикъ Ушибовъ просыпался рано, ходилъ по двору, ворчалъ на кухарку и ждалъ, когда проснется Зоя и подадутъ самоваръ. Сегодня онъ проснулся особенно рано и ждалъ пробужденія дочери съ особеннымъ нетерпѣніемъ. Но вотъ и она проснулась, а не показывался одинъ Маркловскій.

— Что это онъ такъ разоспался сегодня?—удивлялся старикъ.—Ужо пти его разбудить...

Старикъ осторожно постучалъ въ дверь—отвѣта не послѣдовало, а незапертая дверь пріотворилась сама. Комната была пуста... У старика екнуло сердце отъ предчувствія какой-то бѣды, но онъ сдержалъ себя и довольно равнодушно замѣтилъ:

— Гулять, видно, куда-нибудь ушелъ...

Зоя встревожилась. Она вошла въ комнату и нашла на письменномъ столѣ конвертъ, на которомъ стояло одно слово: *Зоѣ*. Она разорвала конвертъ и прочла торопливо набросанное письмо: „Дорогая Зоя, прощай... Желаю тебѣ счастья, много-много счастья. Я цѣлую ночь провѣрялъ себя и нашелъ, что такіе люди не имѣютъ права жить, а тѣмъ больше давать жизнь другимъ. Это грустно, но вѣрно. Я схожу со сцены свободнымъ... Прощай, дорогая. Твой Владиміръ“.

Авторъ этого письма лежалъ въ кладбищенскомъ лѣсу съ прострѣленной головой.

1895.

ДИКОЕ СЧАСТЬЕ.

Романъ.

I.

— Господи Іисусе Христе, помилуй насъ...

— Аминь! Кто тамъ крещеный? Никакъ ты, Михалка?

— Онъ самый... Отворяй ворота скорѣй, дядя. Насквозь изняло дождемъ,—во-какъ зарядилъ!

— Откедова Богъ несетъ?

— Въ Полдневскую гонялъ... Дѣльце маленькое вышло.

Дядя Зотушка ничего не отвѣтилъ и молча сталъ отодвигать тяжелый деревянный запоръ, которымъ были крѣпко заперты шатровыя крашеныя ворота. Засовъ отсырѣлъ отъ дождя, и дядя Зотушка принужденъ былъ навалиться на него всей чахоточной грудью, чтобы выдвинуть его изъ крѣпкихъ желѣзныхъ скобъ.—„Ишь вѣдь, взяло его...“—ворчалъ Зотушка, когда конецъ мокраго запора наконецъ поддался его усиліямъ и выдвинулся настолько, что можно было отворить маленькія ворота. Въ глубинѣ темнаго двора, какъ бѣшеная, металась пестрая собака Соболька; заслышавъ хозяина, она радостно взвизгнула и еще неистовѣе принялась гремѣть своей желѣзной цѣпью.

— Ну, едва тебя Богъ простилъ съ запоромъ-то... — проговорилъ Михалка, въѣзжая въ ворота верхомъ.

— Ты востеръ больно... Ишь закипѣло комариное-то сало!

Дядя Зотей еще разъ навалился на упрямый запоръ и зашлепалъ по дощатому мокрому полу босыми ногами. Михалка, не торопясь, спустился съ тяжело дышавшей лошади, забрызганной липкой осенней грязью по самыя уши.

— Ладно, какъ пересобачилъ лошадь-ту,— говорилъ дядя Зотей, оглядывая лошадь, покрытую сплошнымъ слоемъ грязи.

— За долгами отецъ посылалъ,—коротко отвѣтилъ Михалка, расправляя на себѣ смятый кожанъ, насквозь пропитанный холодной дождевой водой.— Въ два-то конца всѣ сорокъ верстъ сдѣлалъ. А ты, дядя, выводи лошадь-то, больно заморилась...

— Знамо дѣло, не такъ же ее бросить... Не нашли съ отцомъ-то другого времени, окромя распутницы,—ворчалъ добродушно Зотушка, щупая лошадь подъ потникомъ.—Эхъ, какъ пересобачилъ... Ну, я ее тутъ вывожу, а ты ступай скорѣй въ избу, тамъ чай пьютъ, надо полагать. Въ самый разъ попалъ...

— Такъ ты ужъ тово, Зотушка... Сперва выводи, а потомъ къ столбу привяжи гнѣдка. Пусть хорошенько выстоится.

— Ладно, ладно... Безъ тебя знаемъ. Ступай. Ученаго учить только портить.

Зотушка посмотрѣлъ на широкую спину уходившаго Михалки и, потянувъ лошадь за осклизлый поводъ, опять зашлепалъ по двору своими босыми ногами. Сутулая, коренастая фигура Михалки направилась къ дому и быстро исчезла въ темныхъ дверяхъ сѣней. Можно было разслышать, какъ онъ вытиралъ грязныя ноги о рогожу, а затѣмъ грузно началъ подниматься по ступенькамъ лѣстницы.

„Этакій медвѣдь, этотъ Михалка! — думалъ Зотушка, таская за собой тяжело шагавшую лошадь.—Нѣтъ, чтобы дать дядѣ пятачокъ... А-ахъ, чтобъ тебя разстрѣляло!“

Голова Зотушки съ липкими жиденькими прядями волосъ, большимъ лбомъ, большими ушами, жиденькой бородкой, длиннымъ носомъ и узенькими черными глазками трещала со вчерашняго похмелья по всѣмъ швамъ. Ныла каждая косточка, каждая жилка, и такъ воротило снутра, что Зотушка нѣсколько разъ начиналъ сердито отплевываться, приговаривая: „А-ахъ, Боже, мой... помилуй насъ грѣшныхъ! Вѣдь всего одинъ пятачокъ. Поправился бы и шабашъ. Ни-ни... Просилъ давѣ у старухи червячка заморить — въ шею выгнала... Нюша дала бы, да у самой денегъ нѣтъ. Эхъ, жисть!..“ Въ душѣ Зотушки родилась слабая надежда, что авось, если выводитъ лошадь, ему вышлютъ стаканчикъ. А славный стаканчикъ есть у старухи, еще дѣдовскій, граненый, съ плоскимъ донышкомъ. Не чета нынѣшнимъ, изъ которыхъ щенка не напоишь! А дождь продолжалъ частить, мѣрно осыпая желѣзную крышу дробившимися каплями; съ потока глухо бѣжала вода, хлопая въ старой деревянной кадочкѣ. Осенній темный вечеръ наступилъ незамѣтно и затянулъ все кругомъ безпросвѣтной мглой, — уголъ навѣса, подъ которымъ стояли полѣницы дровъ, амбары, конюшни, флигелекъ, гдѣ у старухи Татьяны Власьевны былъ устроенъ пріютъ для старухъ и гдѣ въ отдѣльной каморкѣ ютился Зотушка. Изъ мрака выдѣлялся темной глыбой только большой старинный домъ, глядѣвшій на дворъ своими небольшими освѣщенными окнами. Зотушка могъ видѣть въ окна, что чай уже отпили, когда въ комнату вошелъ Михалка, потому что старуха ушла на свою половину. „Самъ“, т.-е. Гордей Евстратычъ, сидѣлъ еще за столомъ, слушая болтовню черноволосой Нюши, которая вертѣлась около него мелкимъ бѣсомъ. Старшая невѣстка Ариша, жена Михалки, сосредоточенно перемывала чайную посуду, взмахивая концомъ полотенца: сегодня ея очередь чаемъ всѣхъ поить.

— Нѣтъ, видно, не вышлютъ... — рѣшилъ Зотушка, когда Михалка, не торопясь, выпилъ два стакана чаю и поднялся изъ-за стола. — Вотъ тебѣ и утка съ квасомъ!..

Противъ окна теперь стоялъ Гордей Евстратычъ, хозяинъ дома и братъ Зотушки; онъ степенно разглаживалъ свою окладистую бороду, красиво исчерченную выступавшей сѣдиной. Михалка, видимо, отсчитывался ему въ своей поѣздкѣ, откладывая что-то на пальцахъ. Въ тактъ цифрамъ онъ встряхивалъ своими подстриженными въ скобу волосами, а потомъ добылъ изъ кармана пиджака потертый бумажникъ и вынулъ изъ него пачку засаленныхъ кредитокъ. „Рублей тридцать будетъ“,—подумалъ Зотушка про себя и еще разъ усомнился: вынесутъ ему стаканчикъ или нѣтъ. Вѣдь если по человѣчеству-то разобрать, такъ онъ ужъ столько времени вываживаетъ лошадь, а на дворѣ вонъ какая непогода, всего промочило до нитки.

На этотъ разъ Зотушка не дождался стаканчика и, выводивъ лошадь, привязалъ ее къ столбу выстаиваться, а самъ ушелъ въ свою конуру, гдѣ сейчасъ же и завалился спать.

Къ ужину въ небольшой проходной комнатѣ, выходившей окнами на дворъ, собралась вся семья: Татьяна Власьевна, Гордей Евстратычъ, старшій сынъ Михалка съ женой Аришей, второй сынъ Архипъ съ женой Дуней и черноволосая бойкая Нюша. Гордей Евстратычъ былъ вдовецъ, и весь домъ вела его мать, Татьяна Власьевна, высокая, ширококостная старуха раскольничьяго склада; она строго блюла за порядкомъ въ домѣ, и снохи ходили у ней по струнѣ. Издали эта крѣпкая купеческая семья могла умилить самаго завзятаго поклонника патріархальныхъ нравовъ, особенно когда всѣ члены ея собирались за столомъ. Обѣды и ужины проходили въ торжественномъ молчаніи, точно совершалось таинство. Разговаривать могли только „самъ“ и „сама“, а молодые должны были только отвѣчать на вопросы. Впрочемъ, для Нюши и старшей невѣстки Аришки дѣлалось исключеніе, и онѣ могли иногда ввернуть свое словечко, хотя „сама“ и подбирала строго каждый разъ свои сухія, безцвѣтныя губы. Сегодняшній ужинъ походилъ на всѣ другіе. Мужчины въ однѣхъ ситцевыхъ рубашкахъ занимали одну половину длиннаго стола, женщины—другую. Татьяна Власьевна была одѣта въ свой неизмѣнный косоклинный кубовый кафтанъ съ желтыми проймами и въ бѣлую холщевую рубаху; темный старушечій платокъ съ бѣлыми горошинами былъ повязанъ на головѣ кикой, какъ носятъ старухи-кержанки. Невѣстки и Нюша въ ситцевыхъ сарафанахъ, такихъ же рубахахъ и передникахъ, были одѣты, какъ сестры; строгая Татьяна Власьевна не хотѣла никого обижать, показывая костюмомъ, что для нея всѣ равны. Только бабьи повязки невѣстокъ выдѣляли ихъ положеніе въ семьѣ; непокрытая голова Нюши съ черной длинной косой говорила о ея непокрытой дѣвичьей вольной волюшкѣ.

Обѣденный столъ былъ накрытъ синей пестрядевой скатертью; всѣ ѣли изъ одной чашки деревянными ложками. День былъ постный, и стряпка Маланья, кривая старая дѣвка въ кубовомъ синемъ сарафанѣ, подала на столъ только постныя щи съ поземиной да гречневую кашу съ конопляннымъ масломъ. Больше ничего не полагалось, а Татьяна Власьевна для постнаго дня даже къ поземинѣ не прикоснулась, потому что это все-таки рыба, хотя и сушеная. Маланья была свой человѣкъ въ домѣ, потому что жила въ немъ четвертый десятокъ; такая прислуга встрѣчается въ хорошихъ раскольничьихъ семьяхъ, гдѣ вообще къ прислугѣ относятся особенно гуманно, хотя по внѣшнему виду и строго.

Сегодня Гордей Евстратычъ былъ особенно въ духѣ, потому что Михалка привезъ ему изъ Полдневской одинъ старый долгъ, который онъ уже считалъ пропащимъ. Нѣсколько разъ онъ начиналъ подшучивать надъ младшей невѣсткой Дуней, которая всего еще полгода была замужемъ; красивая, свѣжая, съ русымъ волосомъ и лѣнивыми карими глазами, она только рдѣла и стыдливо опускала лицо. Красавецъ Архипъ, мужъ Дуни, любовался этимъ смущеніемъ своей молодайки и, встряхивая своими черными, подстриженными въ скобу волосами, смѣялся довольной улыбкой.

— Будетъ вамъ лясы-то точить,—строго замѣтила Татьяна Власьевна, останавливая эту сцену.—Вѣдь за столомъ сидимъ, Гордей Евстратычъ. Тебѣ бы другихъ удержать отъ лишняго слова, а ты самъ первый затѣйщикъ...

— Ну, не буду, мамынька,—оправдывался Гордей Евстратычъ, разглаживая свою бороду.—Пошутилъ и кончено...

— Ужъ бабушка всегда у насъ такая...—прибавила Нюша.

— Какая такая?—сердито заговорила Татьяна Власьевна.—Ну, говори, верченая?..

— Да такая... слова сказать нельзя.

— Охъ, ты-ты—не витое сѣно!.. У тебя и на умѣ-то все одни хи-хи да смѣхи. Погоди, вотъ...

Татьяна Власьевна не досказала конца фразы, хотя всѣ хорошо поняли, что она хотѣла сказать: „Погоди, вотъ выйдешь замужъ-то, такъ не до смѣху будетъ... Востра больно!“ Это была стереотипная угроза, которая слишкомъ часто повторялась, чтобы испугать бойкую и неугомонную Нюшу. На ворчанье бабушки у нея былъ отличный отвѣтъ, который она, къ сожалѣнію, могла говорить только про себя: „Нашла чѣмъ пугать... У меня женихъ давно приготовленъ, только дорогу перейти — тутъ и женихъ. А зовутъ его Алешкой Пазухинымъ!..“ Невѣстки хотя и дружили съ Нюшей, особенно Ариша, но внутренно были противъ нея, потому что Нюша все-таки была „отецкая“, баловная дочка, и Татьяна Власьевна ворчала на нее только для видимости. Существованіе Алешки Пазухина не было тайной ни для кого въ семьѣ, хотя объ этомъ никто не говорилъ ни слова: парень былъ подходящій, хорошей „природы“, какъ говорила про себя степенная Татьяна Власьевна.

Послѣ ужина всѣ, по старинному прадѣдовскому обычаю, прощались съ бабушкой, т.-е. кланялись ей въ землю, приговаривая: „Прости и благослови, бабушка...“ Степенная, важеватая старуха отвѣчала поясным поклономъ и приговаривала: „Господь тебя проститъ, милушка“. Гордею Евстратычу полагались такіе же поклоны отъ дѣтей, а самъ онъ кланялся въ землю своей мамынькѣ. Въ старинныхъ раскольничьихъ семьяхъ еще не вывелся этотъ обычай, заимствованный изъ скитскихъ „метаній“.

Когда всѣ начали расходиться по своимъ угламъ, молчавшій до послѣдней минуты Михалка проговорилъ:

— А у меня, тятенька, до тебя дѣльце есть небольшое...

Онъ замялся и почесалъ у себя въ затылкѣ.

— Пойдемъ ко мнѣ въ горницу,—проговорилъ Гордей Евстратычъ, удивленный „дѣльцемъ“ Михалки.

Домъ, хотя былъ и одноэтажный, но дѣлился на много комнатъ: въ двухъ жила Татьяна Власьевна съ Нюшей; Михалка съ женой и Архипъ съ Дуней спали въ темныхъ чуланчикахъ; самъ Гордей Евстратычъ занималъ узкую угловую комнату въ одно окно, гдѣ у него стояла двуспальная кровать краснаго дерева, березовый шкапъ и конторка съ бумагами. Лучшія комнаты, какъ во всѣхъ купеческихъ домахъ, стояли совсѣмъ пустыми, потому что служили парадными пріемными при разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Вся семья жалась по крошечнымъ клѣтушкамъ цѣлый годъ, чтобы два или три раза въ годъ принять гостей по-настоящему, какъ принимали всѣ другіе. Эти „другіе“, „какъ у другихъ“—являлось желѣзнымъ закономъ.

— Ну что, Миша?..— спрашивалъ Гордей Евстратычъ, притворяя за собой дверь.

— Да вотъ, тятенька... я тебѣ привезъ гостинецъ отъ старателя Маркушки,—неторопливо проговорилъ Михалка, добывая изъ кармана штановъ что-то завернутое въ смятую сѣрую бумагу.

— Это изъ Полдневской?

— Да. Отъ Маркушки... Онъ сильно скудается здоровьемъ-то. „Вотъ, говоритъ, увидишь отца, отдай ему, пусть поглядитъ, а ежели, говоритъ, ему поглянется,—пусть пріѣзжаетъ въ Полдневскую, пока я не умеръ“. У Маркушки водянка, сказываютъ. Весь распухъ, точно восковой.

Гордей Евстратычъ осторожно развернулъ бумагу и вынулъ изъ нея угловатый кусокъ бѣлаго кварца съ желтыми прожилками. Въ его трещинахъ и ноздринкахъ блестѣло желтоватыми искорками вкрапленное въ камень зо-

лото. Въ одномъ мѣстѣ изъ бѣлой массы выглѣзали два золотыхъ усика, въ другомъ нѣсколько широкихъ блестокъ были точно приклеены къ гладкому камню. Повертывая кусокъ кварца передъ лампой, Гордей Евстратычъ разсмотрѣлъ въ одномъ углубленіи, гдѣ желтѣла засохшая глина, цѣлый самородокъ, походившій на небольшой бобъ; одинъ край самородка былъ точно обгрызенъ. Да, это было золото, настоящее, червонное золото. Одинъ самородокъ вѣсилъ не меньше ползолотника... Гордей Евстратычъ не могъ оторвать глазъ отъ завѣтнаго камешка, который точно приковалъ его къ себѣ.

— Жилка...—въ раздумьѣ проговорилъ Гордей Евстратычъ, чувствуя, какъ у него на лбу выступилъ холодный потъ.—Видишь, Миша?

Михалка хотѣлъ взять въ руки кусокъ кварца, но Гордей Евстратычъ отстранилъ его и опять внимательно принялся разсматривать его передъ огнемъ. Но теперь онъ уже любовался кускомъ золотоносной руды, забывъ совсѣмъ о Михалкѣ, который выглядывалъ изъ-за его плеча.

— Такъ Маркушка-то зачѣмъ послалъ съ тобой жилку-то?—спрашивалъ Гордей Евстратычъ, приходя въ себя.—За долгъ?

— Нѣтъ, про долгъ онъ ничего не говорилъ, а только наказывалъ, чтобы ты пріѣхалъ въ Полдневскую. „Надо, говоритъ, мнѣ съ Гордеемъ Евстратычемъ переговорить...“ Крѣпко наказывалъ.

— А про жилку-то, что, онъ тебѣ говорилъ или нѣтъ?

— Только всего и сказалъ: „Покажи, говоритъ, тятенькѣ сварецъ, ежели поглянется, пусть пріѣзжаетъ скорѣе“... А когда сталъ жилку въ бумагу завертывать, прибавилъ еще: „Охъ, хороша штучка!“

— Такъ онъ, Маркушка-то, сильно, говоришь, боленъ?—спрашивалъ Гордей Евстратычъ, соображая совсѣмъ о другомъ.

— Да, совсѣмъ въ худыхъ душахъ *)... Того гляди душу Богу отдастъ. Кашель его одолѣлъ. Старухи пользуютъ чѣмъ-то, да только легче все нѣтъ.

Гордей Евстратычъ не слыхалъ послѣднихъ словъ, а, схватившись за голову, что-то обдумывалъ про себя. Чтобы не выдать овладѣвшаго имъ волненія, онъ сухо проговорилъ, завертывая кварцъ въ бумагу:

— Все это вздоръ, Миша... Ступай, спи съ Богомъ. Маркушка не насъ первыхъ съ тобой обманываетъ на своемъ вѣку.

II.

Къ девяти часамъ вечера всѣ въ домѣ были на своихъ мѣстахъ, потому что утромъ нужно рано вставать. Татьяна Власьевна всѣхъ поднимаетъ на ноги чѣмъ-свѣтъ и только одной Аришѣ позволяла понѣжиться въ своей каморкѣ лишній часокъ, потому что Ариша ночью водится со своимъ двухмѣсячнымъ Степушкой.

Двѣ комнаты, въ которыхъ жила Татьяна Власьевна, напоминали скорѣе монастырскую келью. Низкіе потолки, оклеенные дешевыми обоями; стѣны, выкрашенныя синей краской; дверные косяки и широкія лавки около стѣнъ; большой иконостасъ въ углу съ неугасимой лампадой; нѣсколько окованныхъ мороженымъ желѣзомъ сундуковъ, сложенныхъ по угламъ въ пирамиду — вотъ и все. На полу были постланы чистые половики, тканые изъ пестрой ветошки, на окнахъ бѣлѣли кисейныя занавѣски; около кровати, гдѣ спала Нюша, красовался старинный туалетъ съ вычурной рѣзьбой. Въ этихъ двухъ комнатахъ

*) Т.-е. при смерти.

всегда пахло роснымъ ладаномъ, горѣлымъ деревяннымъ масломъ, геранью, желтыми восковыми свѣчами, которыя хранились въ длинномъ деревянномъ ящикѣ подъ иконостасомъ, и тѣмъ специфическимъ, благочестивымъ по преимуществу запахомъ, какимъ всегда пахнетъ отъ старыхъ церковныхъ книгъ въ кожаныхъ переплетахъ, съ мѣдными застежками и съ закапанными воскомъ, точно вылощенными страницами. До старинныхъ книгъ Татьяна Власьевна была великая охотница, хотя и считалась давно уже единовѣркой; она никогда не упускала случая пріобрѣсти такую книгу, чтобы имѣть возможность почитать ее наединѣ. Изъ этихъ книгъ составилась у ней маленькая библіотека, которая и хранилась въ особомъ шкапикѣ, висѣвшемъ на стѣнѣ рядомъ съ иконостасомъ. Къ старинѣ Татьяна Власьевна питала почти болѣзненную слабость, все равно, въ какихъ бы формахъ ни проявлялась эта старина: она хранила, какъ зѣницу ока, всѣ сарафаны, полученные ею въ приданое, старинные мѣха, шубы, крытыя излежавшейся матеріей, даже изъѣденные молью лоскутки и разное тряпье.

Послѣ ужина Татьяна Власьевна молилась безконечной старинной молитвой съ лѣстовкой въ рукахъ. Поклоны откладывались по уставу, какъ выучили Татьяну Власьевну съ дѣтства раскольничьи „исправницы“. Засыпая въ своей кровати крѣпкимъ молодымъ сномъ, Нюша каждый вечеръ наблюдала одну и ту же картину: въ переднемъ углу, накрывшись большимъ темнымъ шелковымъ платкомъ, спущеннымъ на спину въ два конца, какъ носятъ всѣ кержанки, бабушка молится цѣлые часы напролетъ, откладываются широкіе кресты, а по лѣстовкѣ отсчитываются большіе и малые поклоны. Глядя на высохшее желтое лицо бабушки, съ строгими сѣрыми глазами и прямымъ носомъ, Нюша часто думала о томъ, зачѣмъ бабушка такъ долго молится? Неужели у ней ужъ такъ много грѣховъ, что и замолить нельзя? Дѣвушка иногда сердилась на упрямую старуху, особенно когда та принималась ворчать на нее, но когда бабушка вставала на молитву—это была совсѣмъ другая женщина, въ родѣ тѣхъ подвижницъ, какія глядятъ строгими-строгими глазами съ иконъ стариннаго письма. Конца бабушкиной молитвы Нюша не могла никогда дождаться и засыпала сладкимъ сномъ подъ мѣрный шопотъ безконечныхъ кануновъ. На этотъ разъ дѣвушка особенно долго болтала, мѣшая старухѣ молиться.

— А ты, баушка, на меня не сердишься?—спрашивала Нюша въ просоньи.

— Отстань,—съ фальшивой строгостью отвѣчала бабушка, путаясь въ счетѣ поклоновъ.

— Въ то воскресенье мы къ Пятовымъ пойдемъ, баушка... Пойдемъ? Оенѣ новое платье сшили, называется бордо, т.-е. эта краска называется, баушка, бордо, а не матерія и не мода. Понимаешь?

— Отстань!..

— Оеня такая счастливая...—съ подавленнымъ вздохомъ проговорила Нюша, ворочаясь подъ ситцевымъ стеганымъ одѣяломъ.—У ней столько однихъ шелковыхъ платьевъ, и все по-модному... Только у насъ у однихъ въ Бѣлоглинскомъ заводѣ и остались сарафаны. Ходимъ, какъ чучелы гороховыя.

— Ты у меня помели еще, безголовая! О, Господи, согрѣшила я, грѣшная, съ этой дѣвкой... Охъ, ужо повѣсятъ тебя на томъ свѣтѣ прямо за языкъ!

Молчаніе. Опять поклоны. Неугасимая лампада горитъ неровнымъ пламенемъ, разливая кругомъ колеблющійся невѣрный свѣтъ. Желтыя полосы свѣта бродятъ по выбѣленному потолку, на мгновеніе выхватываютъ изъ

темноты уголъ старинной печи и, скользнувъ по полу, исчезаютъ. Нюша долго наблюдаетъ эту игру свѣта, глаза у ней слипаются, начинаетъ клонить ко сну, но она еще борется съ нимъ, чтобы чуточку подразнить строгую бабушку.

— Баушка, Вуколъ-то Логинычъ, сказывалъ давѣ Архипъ, зонтикъ себѣ въ городѣ купилъ,—начинаетъ Нюша, сладко позѣвывая.—А знаешь, сколько онъ за него заплатилъ?

— Отстань...

— Шелковый зонтикъ-то, баушка! А ручка точеная изъ слоновой кости. Только Архипъ сказываетъ, что выточена такая фигура, что дѣвушкамъ и смотрѣть совѣстно.

— Тьфу!.. тьфу!..—отплевывалась старуха. — Провались ты со своимъ Вуколомъ Логинычемъ... Нашла важное кушанье!.. Срамникъ онъ, Вуколъ-то Логинычъ... Тьфу!..

— Баушка, да вѣдь онъ за зонтикъ-то заплатилъ семьдесятъ цѣлковыхъ... Ей-Богу! Хоть сама спроси у Архипа.

— Какъ семьдесятъ?

— Право, баушка: семьдесятъ цѣлковыхъ за одинъ зонтикъ...

— Охъ, дуракъ, дуракъ этотъ Вуколъ... Никого у нихъ въ природѣ-то такихъ дураковъ не было. Вѣдь Шабалины-то по нашимъ мѣстамъ завсегда въ первыхъ были, особливо дѣдушка-то, Логинъ. Богатые были, а чтобы такихъ глупостевъ... семьдесятъ цѣлковыхъ! Это на ассигнаціи-то считать, такъ чуть не триста рублевиковъ... Охъ-хо-хо!.. Ужъ правду сказать, что дикая-то копеечка не улежитъ на мѣстѣ.

Взволнованная семидесятирублевымъ зонтикомъ, Татьяна Власьевна позабыла свои кануны и принялась разсказывать поучительныя исторіи о Шабалиныхъ, Пятовыхъ, Колобовыхъ, Савиныхъ и Пазухиныхъ. Вонъ какой народъ-то, всѣ какъ на подборъ! Такихъ съ огнемъ поискать и не въ Бѣлоглинскомъ заводѣ. Крѣпкій народъ, по всему Уралу знаютъ бѣлоглинскихъ-то. Даже изъ Москвы выѣзжаютъ за нашими невѣстами. Вотъ оно что̀ значитъ природа-то... Теперь взять хоть Настю Шабалину—вышла за сарапульскаго купца; Груня Пятова въ Москву вышла; у Савиныхъ дочь была замужемъ за рыбинскимъ купцомъ да умерла, сердечная, третій годокъ пойдетъ съ зимняго Николы. А Вуколъ Логинычъ что̀? Онъ только свою природу срамитъ... Семьдесятъ рублей зонтикъ! Да и другіе-то, глядя на него, особливо которые помоложе—пошаливаютъ. Вонъ у Пятовыхъ сынокъ-то въ Ирбитской что̀ настрялъ! Легкое мѣсто сказать... А всему заводчикъ Вуколъ, чтобы ему ни дна ни покрышки. Въ допрежнія времена такихъ дураковъ и не бывало. Такъ, дурачили промежду себя, только чтобы зонтиковъ покупать въ семьдесятъ цѣлковыхъ—нѣтъ, этого не бывало.

Послѣднія фразы Татьяна Власьевна говорила въ безвоздушное пространство, потому что Нюша, довольная своей выходкой съ зонтикомъ, уже спала крѣпкимъ сномъ. Ея красивая черноволосая головка, улыбавшаяся даже во снѣ, всегда была набита самыми земными мыслями, что̀ особенно огорчало Татьяну Власьевну, тяготѣвшую своими помыслами къ небу. Прочитавъ еще два канона и перекрестивъ спавшую Нюшу, Татьяна Власьевна осмотрѣла, заперты ли окошки на болты, надѣла на себя шерстяной шушунъ и вышла изъ комнаты. Не торопясь, вышла она и заперла за собой тяжелую дверь на висячій замокъ, притворила осторожно сѣни и заглянула на дворъ. Дождь пересталъ, по небу мутной грядой ползли низкія облака, въ двухъ шагахъ трудно было что-нибудь отличить; подъ ногами булькала вода. Перекрестивъ домъ и дворъ, старуха впотьмахъ побрела къ воротамъ. Чтобы не упасть, ей

приходилось нащупывать рукой бревенчатую стѣну. Отворивъ калитку, Татьяна Власьевна еще разъ благословила спавшій крѣпкимъ сномъ весь домъ, а потомъ заперла калитку на тяжелый висячій замокъ и осторожно принялась переходить черезъ улицу. Въ одномъ мѣстѣ она черпнула воды своимъ низкимъ башмакомъ безъ каблука, въ другомъ обѣими ногами попала въ грязь; ноги скоро были совсѣмъ мокры, а вода хлюпала въ самыхъ башмакахъ. Но старуха продолжала итти впередъ; Старая-Кедровская улица была ей знакома, какъ свои пять пальцевъ, и она прошла бы по ней съ завязанными глазами. Недаромъ она выжила въ этой улицѣ пятьдесятъ лѣтъ. Вотъ черезъ дорогу домъ Пазухиныхъ; у нихъ недавно крышу перекрывали, такъ подъ самыми окнами бревно оставили плотники—какъ бы за него не запнуться. Отъ дома Пазухиныхъ вплоть до Гнилого переулка идетъ одно прясло, а повернешь въ переулокъ—тутъ тебѣ сейчасъ домикъ о. Крискента. Славный домикъ, съ палисадникомъ и желѣзной крышей; въ третьемъ годѣ, когда у о. Крискента родился мертвенькій младенецъ, домъ опалубили и зеленой краской выкрасили. Татьяна Власьевна по Гнилому переулку вышла на большую заводскую площадь, по серединѣ которой неправильной глыбой темнѣла выступавшая углами, вновь строившаяся единовѣрческая церковь. Когда старуха взяла площадь наискось, прямо къ церкви, небо точно прояснилось, и она на мгновеніе увидѣла лѣса и переходы постройки. Гдѣ-то брехнула собака. Рѣдкія капли дождя еще падали съ неба, точно сѣрыя нависшія тучи отряхивались, роняя на землю послѣдніе остатки дождя.

— Слава Тебѣ, Господи!—прошептала Татьяна Власьевна, когда переступила за черту постройки.

Помолившись на востокъ, она отыскала спрятанную подъ тесомъ носилку для кирпичей, надѣла ее себѣ на плечи, какъ дѣлаютъ каменщики, и отправилась съ ней къ правильнымъ стопочкамъ кирпича, до котораго добралась только ощупью. Сложивъ на свою носилку шесть кирпичей, Татьяна Власьевна надѣла ее себѣ на спину и, пошатываясь подъ этой тяжестью, начала съ ней подниматься по лѣсамъ. Кругомъ было попрежнему темно, но она хорошо знала дорогу, потому что вотъ уже третью недѣлю каждую ночь таскала по этимъ сходнямъ кирпичи. Раньше ночи были свѣтлыя, и старуха знала каждую доску.

— Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій...—шептала Татьяна Власьевна, поднимаясь по сходнямъ кверху.

Доски были мокры отъ недавняго дождя, и нога скользила по нимъ; приковапныя гвоздями поперечныя дощечки, замѣнявшія ступеньки, кое-гдѣ оборвались со своихъ мѣстъ, и приходилось ощупывать ногой каждый шагъ впередъ, чтобы не слетѣть внизъ вмѣстѣ со своей тридцатифунтовой ношей. Но эта опасность и придавала силу работавшей старухѣ, потому что этимъ она выполняла данное обѣщаніе поработать Богу въ потѣ лица. Давно было дано это обѣщаніе, еще въ молодые годы, а исполнять это приходилось теперь, когда за спиной висѣли семьдесятъ лѣтъ, точно семьдесятъ тяжелыхъ кирпичей. Да, много было прожито и пережито, и суровая старуха, сгибаясь подъ ношей, тащила за собой воспоминанія, какъ преступникъ, который съ мучительнымъ чувствомъ сосущей тоски вспоминаетъ мельчайшія подробности сдѣланнаго преступленія и въ сотый разъ терзаетъ себя мыслью, что̀ было бы, если бы онъ не сдѣлалъ такъ-то и такъ-то. „Господи, помилуй!.. Господи, помилуй!“—шептала Татьяна Власьевна отъ сознанія своей человѣческой немощи. Но вотъ первая ноша поднята, вотъ и карнизъ стѣны, который выводятъ каменщики, старуха складываетъ свои кирпичи тамъ, гдѣ завтра должна

продолжаться кладка. Небо все еще обложено темными тучами, но въ двухъ или трехъ мѣстахъ уже пробиваются неясныя свѣтлыя пятна, точно небо обтянуто сѣрой матеріей, кое-гдѣ сильно проношенной, такъ что сквозь образовавшіяся рѣдины пробивается свѣтъ. Послѣ двухъ подъемовъ на лѣса, западная часть неба изъ сѣрой превратилась въ темно-синюю—сверкнула звѣздочка, пахнуло вѣтромъ, который торопливо гналъ тяжелыя тучи. Татьяна Власьевна присѣла въ изнеможеніи на стопу принесенныхъ кирпичей, голова у ней кружилась, ноги подкашивались, но она не чувствовала ни холоднаго вѣтра, глухо гудѣвшаго въ пустыхъ стѣнахъ, ни своихъ мокрыхъ ногъ, ни надсаженныхъ плечъ. Вонъ изъ осенней мглы выступаютъ знакомыя очертанія окрестностей Бѣлоглинскаго завода, вонъ Старая-Кедровская улица, вонъ новенькая православная церковь, вонъ прудъ и заводская фабрика... Выглянувшій изъ-за тучъ мѣсяцъ ярко освѣтилъ всю картину спавшаго завода,—ряды почернѣвшихъ отъ недавняго дождя крышъ, дымившіяся на фабрикѣ трубы, домикъ о. Крискента, хоромины Шабалиныхъ. Все это были нѣмые свидѣтели долгой-долгой жизни, свидѣтели, которые не могли обличить словомъ, но по нимъ, какъ по отдѣльнымъ ступенькамъ лѣстницы, неугомонная мысль переходила черезъ длинный рядъ пережитыхъ годовъ. Все это было, и Татьяна Власьевна переживаетъ свою жизнь во второй разъ, переживаетъ вотъ здѣсь, на верху постройки, откуда до неба, кажется, всего одинъ шагъ... Но именно этотъ шагъ и пугаетъ ее; она хватается за голову и со слезами на глазахъ начинаетъ читать вырвавшійся изъ больной души согрѣшившаго царя крикъ:—„Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей!“

Но нужно носить кирпичи, до утра осталось часа три; Татьяна Власьевна спускается внизъ и поднимается съ тяжелой ношей почти машинально, какъ заведенная машина. Именно такой трудъ, доводящій старое тѣло почти до полнаго безчувствія,—именно такой трудъ даетъ ея душѣ тотъ покой, какого она страстно домогается и не находитъ въ обыкновенныхъ христіанскихъ подвигахъ, какъ постъ, молитва и безконечные поклоны. Да, по мѣрѣ того, какъ тѣло становится лишней тягостью, на душѣ все свѣтлѣе и свѣтлѣе... Татьяна Власьевна видитъ себя пятнадцатилѣтней дѣвушкой,—она такая высокая, рослая, съ румянцемъ во всю щеку. Всѣ на нее заглядываются, даже старики. Ей никто не нравится, хотя она не прочь поглазѣть на молодыхъ парней. Охъ-хо-хо!.. Никѣмъ-то никого не осталось изъ бывшихъ молодцевъ, точно они уплыли одинъ за другимъ. Да, никого не осталось въ живыхъ, только она одна, чтобы замаливать свои и чужіе грѣхи. На шестнадцатомъ году Таню выдали замужъ за вдовца-купца, по фамиліи Брагина; до вѣнца они не видали другъ друга. Ей крѣпко не понравился старый мужъ, но стерпѣла и помирилась со своей судьбой, благо вышла въ достаточную семью на свое хозяйство, не знала свекровушкиной науки, а потомъ пошли дѣтки-ангелочки... Все дѣвичье глупое горе износилось само собой, и подумала Татьяна Власьевна, что такъ она и вѣкъ свой изживетъ со старымъ нелюбымъ мужемъ. Конечно, завидно иногда было, глядя на чужихъ молодыхъ мужей, но ужъ кому какое счастье на роду написано. Вѣнецъ—судъ Божій, не намъ его пересуживать. Такъ думала Татьяна Власьевна, да не такъ вышло. Ужъ прожила она замужемъ лѣтъ десять, своихъ дѣтей растила, а тутъ и подвернись случай... И какой случай!.. Господи, прости меня, окаянную... Да, были и раньше случаи, засматривались на красавицу-молодку добрые молодцы, женатые и холостые, красивые были, только никому ничего не досталось: вздохнетъ Татьяна Власьевна, опуститъ глаза въ землю—и только всего. Одинъ особенно тосковалъ по ней и даже чуть рукъ на себя не нало-

жилъ... Прости и его согрѣшенія, Господи... А горе пришло нежданно-негаданно, какъ воръ, когда Татьяна Власьевна совсѣмъ о томъ и не думала. Пріѣхалъ въ Бѣлоглинскій заводъ управитель Пятовъ, отецъ Нила Поликарпыча. Ну, познакомился со всѣми, сталъ бывать. И изъ себя-то человѣкъ глядѣть не на кого: тощій, больной, все кашлялъ, да еще женатый, и дѣтишекъ полный домъ. Познакомился этотъ Пятовъ съ мужемъ Татьяны Власьевны такъ, что и водой не разольешь: полюбились они другъ другу. На именинахъ, по праздникамъ другъ къ дружкѣ въ гости всегда ѣздили. Жена у Пятова была тоже славная такая, хоть и постарше много Татьяны Власьевны. Вотъ однажды пріѣхалъ Пятовъ на масленицѣ въ гости къ Брагинымъ, хозяина не случилось дома, и къ гостю вышла сама Татьяна Власьевна. Посидѣли, поговорили. А Пятовъ нѣтъ-нѣтъ да и взглянетъ на нее, таково ласково да привѣтливо взглянетъ; веселый онъ былъ человѣкъ часомъ, когда въ компаніи...

— Что это ты на меня такъ глядишь, Поликарпъ Семенычъ?—спросила Татьяна Власьевна.—Точно сказать что-то хочешь...

— Хочу сказать, Татьяна Власьевна, давно хочу...—отвѣтилъ Пятовъ и какъ будто изъ себя немного замѣшался.

— Ну, такъ говори...

— А вотъ что я скажу тебѣ, Татьяна Власьевна: погубила ты меня, изсушила! Господь тебѣ судья!..

Тихо таково вымолвилъ послѣднее слово, а самъ все на хозяйку смотритъ и смѣется. У Татьяны Власьевны отъ этихъ словъ морозъ по кожѣ пошелъ, она хотѣла убѣжать, крикнуть, но онъ все смотрѣлъ на нее и улыбался, а у самого такъ слезы и сыплются по лицу.

— Гоните меня, Татьяна Власьевна...—тихо заговорилъ Пятовъ, не вытирая слезъ.—Гоните...

Отъ этихъ словъ у Татьяны Власьевны точно что-то оборвалось въ груди: и жаль ей стало Поликарпа Семеныча и какъ-то страшно, точно она боялась самой себя. А Пятовъ все смотритъ на нее... Красивая она была тогда да молодая,—кровь съ молокомъ бабенка! А въ своемъ синемъ сарафанѣ и въ кисейной рубашкѣ съ узкими рукавами она была просто красавица писаная. Помутилось въ глазахъ Пятова отъ этой красавицы, отъ ясныхъ ласковыхъ очей, отъ соболиныхъ бровей, отъ бѣлой лебяжьей груди—бросился онъ къ Татьянѣ Власьевнѣ и обнялъ ее, а самъ плачетъ и цѣлуетъ руки, шею, лицо, плечи цѣлуетъ. Онѣмѣла Татьяна Власьевна, жаромъ и холодомъ ее обдало, и сама она тихо-тихо поцѣловала Поликарпа Семеныча, всего одинъ разъ поцѣловала, а сама стоитъ предъ нимъ, какъ виноватая.

— Насмѣялся ты надо мной, Поликарпъ Семенычъ,—заговорила она, когда немного пришла въ себя.—Опозорилъ мою головушку... Какъ я теперь на мужа буду глядѣть?

— Голубушка, Татьяна Власьевна... Мой грѣхъ—мой отвѣтъ. Я отвѣчу за тебя и передъ мужемъ, и передъ людьми, и передъ Богомъ, только не дай погибнуть христіанской душѣ... Прогонишь меня—одинъ мнѣ конецъ. Пересушила ты меня, злая моя разлучница... Прости меня, Татьяна Власьевна, да прикажи мнѣ уйти, а своей воли у меня нѣтъ. Что скажешь мнѣ, то и буду дѣлать...

— Уходи, Поликарпъ Семенычъ... Богъ тебѣ судья!..

Побѣлѣлъ онъ отъ этихъ словъ, затрясся.

— Прощай, чужая жена—моя погибелюшка,—проговорилъ онъ, поклонился низко-низко и пошелъ къ дверямъ.

Опять сдѣлалось страшно Татьянѣ Власьевнѣ, страшнѣе давешняго, а

онъ идетъ къ дверямъ и не оглядывается... Подкосились рѣзвыя ноги у красавицы-погибелюшки, и языкъ самъ сказалъ:

— Поликарпъ Семенычъ... воротись!

„Охъ, вышелъ грѣхъ, большой грѣхъ...“—пожалѣла Татьяна Власьевна грѣшнаго человѣка Поликарпа Семеныча и погубила свою голову, навсегда погубила. Сдѣлалось съ ней страшное, небывалое... Сама она теперь не могла жить безъ Поликарпа Семеныча, безъ его грѣшной ласки, точно кто ее привязалъ къ нему. Позабыла и мужа, и дѣтокъ, и свою спобѣдную головушку для одного ласковаго слова, для приворотнаго злого взгляда.

Такъ они и зажили, а на мужа точно слѣпота какая нашла: души не чаетъ въ Поликарпѣ Семенычѣ; а Поликарпъ Семенычъ, когда Татьяна Власьевна растужится да расплачется, все одно приговариваетъ: „Милушка моя, не согрѣшишь—не спасешься, а было бы послѣ въ чемъ каяться!“ Никогда не любившая своего стараго мужа, за котораго вышла по родительскому приказанію, Татьяна Власьевна теперь отдалась новому чувству со всѣмъ жаромъ проснувшейся первой любви. Въ качествѣ запретнаго плода, эта любовь удесятерила прелесть тайныхъ наслажденій, и каждый украденный у судьбы и людей часъ счастья являлся настоящимъ раемъ. Плодомъ этой преступной связи и былъ Зотушка, нисколько не походившій на своего старшаго брата, Гордея, и на сестру Алену.

Мужъ Татьяны Власьевны промышлялъ на Бѣлоглинскомъ заводѣ торговлей „панскимъ“, т.-е. ситцами, сукномъ и т. д. Дѣло онъ велъ хорошо, и трудовое богатство наливалось въ домъ, какъ вода. А тутъ старшій сынъ началъ подрастать и отцу въ помощь пошелъ: все же кошку въ лавку не посадишь или не пошлешь куда-нибудь. Изъ Гордея вырабатывался не по лѣтамъ серьезный мальчикъ, который въ тринадцать лѣтъ могъ править дѣло за большого. Все шло какъ по маслу. Брагины начинали подниматься въ гору и прослыли за большихъ тысячниковъ, но въ одинъ годъ все это благополучіе чуть не пошло прахомъ: самъ Брагинъ простудился и умеръ, оставивъ Татьяну Власьевну съ тремя дѣтьми на рукахъ. Этотъ неожиданный ударъ совсѣмъ ошеломилъ молодую вдову, какъ божеское наказаніе за ея грѣхи. Постылый старый мужъ, который умеръ съ спокойной совѣстью за свое семейное счастье, теперь всталъ предъ ней нѣмымъ неотступнымъ укоромъ. Послѣ девятинъ Татьяна Власьевна пригласила къ себѣ въ домъ Поликарпа Семеныча и сказала ему, опустивъ глаза:

— Ну, Поликарпъ Семенычъ, теперь ужъ прощай... Будетъ намъ грѣшить. Если не умѣла по своему малодушію при мужѣ жить, такъ надо теперь доучиваться одной.

— Какъ же это, Таня...

— Я тебѣ не Таня больше, а Татьяна Власьевна, такъ и знай. Мое слово будетъ свято, а ты какъ знаешь... Надо грѣхъ замаливать, Поликарпъ Семенычъ. Прощай, голубчикъ... не поминай лихомъ...

Голосъ у Татьяны Власьевны дрогнулъ, въ глазахъ все смѣшалось, но она пересилила себя и не поддалась на „прелестныя рѣчи“ Поликарпа Семеныча, который рвалъ на себѣ волосы и божился на чемъ свѣтъ стоитъ, что сейчасъ же наложитъ на себя руки.

— А я буду молиться за тебя Богу,—уже спокойно отвѣтила Татьяна Власьевна, точно она замерла на одной мысли.

Этимъ все и кончилось.

Татьяна Власьевна какъ ножомъ обрѣзала свою старую жизнь и зажила по-новому, „честной матерной вдовой“, крѣпко соблюдая взятую на себя задачу.

Въ это время ей всего было еще тридцать лѣтъ, и она, какъ одна изъ первыхъ красавицъ, могла выйти замужъ во второй разъ; но мысли Татьяны Власьевны тяготѣли къ другому идеалу—ей хотѣлось искупить грѣхъ юности настоящимъ подвигомъ, а прежде всего поднять дѣтей на ноги. Время бѣжало быстро, дѣти выросли. Старшій, Гордей, былъ вылитый отецъ—строгій, обстоятельный, дѣляга; второй, Зотей, являлся полной противоположностью, и какъ Татьяна Власьевна ни строжила его ни началила — изъ Зотея ничего не вышло, а подъ конецъ онъ началъ крѣпко „зашибать водкой“, такъ что пришлось на него совсѣмъ махнуть рукой. Татьяна Власьевна должна была примириться съ этимъ, какъ съ божескимъ наказаніемъ за свой грѣхъ, и утѣшалась старшимъ сыномъ, котораго скоро женила. Внучата на время заставили Татьяну Власьевну отложить мысль о подвигѣ, тѣмъ болѣе, что жена Гордея умерла рано, и ей пришлось самой воспитывать внучатъ.

Вотъ тѣ мысли, которыя мучительно повертывались клубкомъ въ головѣ Татьяны Власьевны, когда она семидесятилѣтней старухой таскала кирпичи на строившуюся церковь. Этотъ подвигъ былъ только приготовленіемъ къ болѣе трудному дѣлу, о которомъ Татьяна Власьевна думала въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, это—путешествіе въ Іерусалимъ и по другимъ святымъ мѣстамъ. Теперь задерживала одна Нюша, которая, того гляди, выскочитъ замужъ,—благо и женишокъ есть на примѣтѣ.

„Вотъ бы только Нюшу пристроить,—думала Татьяна Власьевна, поднимаясь въ десятый разъ къ кирпичамъ.—Алексѣй у Пазухиныхъ парень хорошій, смиренный, да и природа пазухинская по здѣшнимъ мѣстамъ не послѣдняя. Отецъ-то, Сила Андронычъ, вонъ какой парень, подъ стать какъ разъ нашему-то Гордею Евстратычу“.

Старуха проработала до четырехъ часовъ, когда на фабрикѣ отдали первый свистокъ на работу. Она набожно помолилась въ послѣдній разъ и поплелась домой, разбитая тѣломъ, но бодрая и точно просвѣтленная духомъ. Кругомъ было все темно, но въ избахъ уже мелькали яркіе огоньки: это топились печки у заботливыхъ хозяевъ. Вонъ у о. Крискента тоже искры сыплются изъ трубы,—значитъ, стряпка Аксинья рано управляется. У Пазухиныхъ темно: у нихъ подолгу спятъ. Подходя къ своему дому, Татьяна Власьевна замѣтила въ окнѣ горницы Гордея Евстратыча огонь.

„Ужъ не боленъ ли?—подумала старуха и торопливо зашагала черезъ улицу.—Куда ему эку рань подниматься... Можетъ, надо малиной или мятой его напоить“.

Гордей Евстратычъ дѣйствительно не спалъ, но только не по нездоровью, а отъ одолѣвшихъ его мыслей, которыя колесомъ вертѣлись кругомъ привезенной Михалкой жилки. Сначала онъ пытался заснуть и лежалъ съ закрытыми глазами часа два, но все было напрасно—сонъ бѣжалъ отъ Гордея Евстратыча, оставляя въ душѣ мучительно-сосавшую пустоту. Зачѣмъ старатель Маркушка желаетъ видѣть его, и зачѣмъ онъ послалъ съ Михалкой эту проклятую жилку? А жилка богатѣйшая... Можетъ-быть, Маркушка нашелъ эту жилку и хочетъ продать ему... Все можетъ быть, только не нужно упускать случая. Мало ли бывало такихъ случаевъ. Эти старатели все знаютъ, а Маркушка совсѣмъ прожженый.

Занятый этими мыслями, онъ не обратилъ вниманія даже на то, какъ осторожно отворилась калитка и затѣмъ заскрипѣла дверь въ сѣняхъ.

— Ты что это, Гордей?—спрашивала Татьяна Власьевна, появляясь въ дверяхъ его комнаты.—Ужъ не попритчилась ли какая немочь?

— Нѣтъ, мамынька... Такъ, не поспалось что-то, клопы, надо полагать.

Скажи-ка стряпкѣ насчетъ самоварчика, а потомъ мнѣ надо будетъ ѣхать въ Полдневскую.

— Да вѣдь Михалка вчера въ Полдневскую гонялъ?

— Гонялъ, да безъ толку... Самому надо съѣздить.

III.

Напившись чаю, Гордей Евстратычъ самъ сходилъ во дворъ взглянуть, отдохнула ли лошадь послѣ вчерашней ѣзды, и велѣлъ Зотушкѣ сѣдлать ее.

— Я самъ поѣду,—прибавилъ Гордей Евстратычъ, похлопывая гнѣдка по шеѣ.

Послѣднее настолько удивило Зотушку, что онъ даже раскрылъ ротъ отъ удивленія. Гордей Евстратычъ такъ рѣдко выѣзжалъ изъ дому—разъ или два въ годъ, что̀ составляло цѣлое событіе, а тутъ вдругъ точно съ печи упалъ: „сѣдлай, самъ поѣду...“ Верхомъ Гордей Евстратычъ не ѣздилъ лѣтъ десять, а тутъ вдругъ въ этакую распутицу, да еще на изморенной лошади, которая еще со вчерашняго не успѣла отдышаться. Дѣйствительно, Гордей Евстратычъ былъ замѣчательный домосѣдъ, и ѣхать куда-нибудь для него было истиннымъ наказаніемъ, притомъ онъ ѣздилъ только зимой по удобному санному пути,—въ Ирбитъ на ярмарку и въ Верхотурье, въ гости къ сестрѣ Аленѣ. Сборовъ на такую поѣздку хватало на цѣлую недѣлю, а тутъ, накося, свернулся въ часъ мѣста... Всѣ эти мысли промелькнули въ маленькой головкѣ Зотушки во мгновеніе ока, и онъ перебиралъ ихъ все время, пока сѣдлалъ гнѣдка. Куда могъ ѣхать Гордей Евстратычъ въ такую непогодь?

— Значитъ, какое-нибудь дѣло завелось,—рѣшилъ наконецъ Зотушка съ глубокомысленнымъ видомъ, когда лошадь была готова.

Татьяна Власьевна была удивлена этой поѣздкой не менѣе Зотушки и ждала, что Гордей Евстратычъ самъ ей скажетъ, зачѣмъ ѣдетъ въ Полдневскую, но онъ ничего не говорилъ.

— Зачѣмъ въ Полдневскую-то наклался?—спросила старуха, когда Гордей Евстратычъ началъ прощаться.

— Дѣльце есть маленькое... Послѣ, мамынька, все обскажу. Благослови въ добрый часъ съѣздить.

— Ну, Богъ тебя благословитъ, милушка. А послалъ бы ты лучше Архипа, чѣмъ самому трястись по этакой грязищѣ.

— Нельзя, мамынька. Стороной можно проѣхать... Михалка сегодня въ лавкѣ будетъ сидѣть, а Архипа пошли къ Пятовымъ, должокъ тамъ за ними былъ. Надо бы книгу еще подсчитать...

— Подождите съ книгой-то, Гордей Евстратычъ. У насъ теперь своя работа стоитъ. Нюшѣ къ зимѣ шубку ношобную справляемъ...

— Обождемъ, ничего. Да пошли еще, мамынька, Зотушку къ Шабалинымъ.

— Охъ, нельзя, милушка! Вѣдь только онъ едва успѣлъ выправиться, а какъ попадетъ къ Шабалинымъ—непремѣнно Вукол Логинычъ его водкой поить станетъ. Ужъ это сколько разовъ бывало, и не пересчитаешь!.. Лучше я Архипа сноснлаю... Но пути и забѣжитъ отъ Пятовыхъ-то.

— Какъ знаешь.

Гордей Евстратычъ сѣлъ въ мягкое пастушье сѣдло и, перекрестившись, выѣхалъ за ворота. Утро было свѣтлое; въ воздухѣ чувствовалась осенняя крѣпкая свѣжесть, которая заставляетъ барина застегиваться на всѣ пуговицы, а мужика—туже подпоясываться. Гордей Евстратычъ поверхъ толстаго

драповаго пальто надѣлъ татарскій азямъ, перехваченный гарусной опоясной, и теперь сидѣлъ въ сѣдлѣ молодцомъ. Выглянувшая въ окно Нюша невольно полюбовалась, какъ тятенька ѣхалъ по улицѣ.

Нужно было ѣхать по Старой-Кедровской улицѣ, но Гордей Евстратычъ повернулъ лошадь за уголъ и поѣхалъ по Стекольной. Онъ не хотѣлъ, чтобы Пазухины видѣли его. Точно такъ же объѣхалъ онъ рынокъ, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ торговцевъ. Только на плотинѣ онъ попалъ, какъ куръ во щи: прямо къ нему навстрѣчу катился въ лакированныхъ дрожкахъ самъ Вуколъ Логинычъ.

„Охъ, нелегкая бы тебя взяла!“ — подумалъ про себя Гордей Евстратычъ, приподнимая свою суконную фуражку съ захватаннымъ козырькомъ.

Сѣрая, въ яблокахъ, громадная лошадь, съ невѣроятно выгнутой шеей и съ хвостомъ трубкой, торжественно подкатила Шабалина, который сидѣлъ на дрожкахъ настоящимъ чортомъ: въ мохнатомъ дипломатѣ, въ какой-то шапочкѣ, сдвинутой на затылокъ, и съ семидесятирублевымъ зонтикомъ въ рукахъ. Скуластое, красное лицо Вукола Логиныча, съ узкими хитрыми глазами и съ мясистымъ носомъ, все лоснилось отъ жира, а когда онъ улыбнулся, изъ-за толстыхъ губъ показались два ряда гнилыхъ зубовъ.

— Куда Богъ несетъ, Гордей Евстратычъ?—издали кричалъ Шабалинъ, высоко поднимая свою круглую шапочку.—Я не зналъ, что ты такимъ молодцомъ умѣешь верхомъ ѣздить... Ужъ не на охоту ли собрался?

— Какая у насъ охота, Вуколъ Логинычъ...—отвѣтилъ Брагинъ недовольнымъ тономъ: онъ обидѣлся глупымъ вопросомъ Шабалина, который всегда смелетъ что-нибудь самое несуразное.

Эта встрѣча очень не понравилась Гордею Евстратычу, и онъ, поднимаясь съ плотины въ гору, на которой красовалась пятиглавая православная церковь, даже подумалъ, ужъ не воротиться ли назадъ. Оглянувшись, Брагинъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ „за рѣку“, т.-е. по ту сторону пруда, гдѣ тянулась Старая-Кедровская улица. Съ горки отлично можно было разсмотрѣть старый брагинскій домъ, который стоялъ на углу; изъ одной трубы винтомъ поднимался синій дымъ, значитъ, старуха затѣяла какую-нибудь стряпню. „На охоту поѣхалъ...—припомнилъ Брагинъ со злостью слова Шабалина.—Тьфу ты, грѣховодникъ... Нашелъ охотника!..“ Съ другой стороны, Брагину показалось, что дѣйствительно у него сегодня такой глупый видъ, точно онъ „ангела потерялъ“, какъ говорила Татьяна Власьевна про ротозѣевъ. Пріосанившись въ сѣдлѣ и подтянувъ поводья, Брагинъ пустилъ своего гнѣдка ходой, чтобы скорѣе выѣхать за „жило“. Ему пришлось проѣхать мимо шабалинскаго дома, и онъ невольно полюбовался на него. Домъ стоялъ на горѣ, надъ прудомъ, и ярко бѣлѣлъ своими пятью колоннами. Эти колонны особенно нравились Брагину, потому что придавали дому настоящій городской видъ, какъ рисуютъ на картинкахъ. Зеркальныя стекла въ окнахъ, золоченая рѣшетка у балкона между колоннами, мраморныя вазы на воротахъ, усыпанный мелкимъ песочкомъ дворъ—все было хорошо, форменно, какъ говорилъ Зотушка про шабалинскій домъ.

„А все золото поднимаетъ...—подумалъ невольно Брагинъ, щупая лежавшую за пазухой жилку.—Вуколу-то Логинычу красная цѣна расколотый грошъ, да и того напросишься, а онъ какую хоромину наладилъ! Кабы этакое богачество да къ настоящимъ рукамъ... Сказываютъ, въ одно нонѣшнее лѣто заробилъ онъ на золотѣ-то тысячъ семьдесятъ... Вотъ лошадь-то какая—звѣрь-звѣремъ“.

Бѣлоглинскій заводъ, совсѣмъ затерявшійся въ глуши Уральскихъ горъ,

принадлежалъ къ самымъ стариннымъ уральскимъ поселеніямъ, что можно было даже замѣтить по его наружному виду, т.-е. по почернѣвшимъ старинным домамъ съ высокими коньками и особенно по старой заводской фабрикѣ, поставленной еще въ 1836 году. Мѣсто подъ заводъ было выбрано самое глухое, настоящій медвѣжій уголъ: горы, болота, лѣса; до официальнаго основанія заводскаго дѣйствія здѣсь, съ разнымъ лѣснымъ звѣрьемъ, хоронились одни раскольники, уходившіе въ уральскую глушь отъ петровскихъ новшествъ. Между прочимъ, свили они себѣ гнѣздо и на берегу глухой горной рѣчонки Бѣлой-Глинки, пока ихъ не отыскали подьячіе и заводскіе приказчики. Рѣка была перехвачена плотиной, разлился прудъ, и задымилась фабрика. Около пруда разсажались заводскіе домики, вытянувшись „по планту“ въ широкія правильныя улицы. Теперь Бѣлоглинскій заводъ представлялъ собой такую картину: во-первыхъ, „зарѣчная“ низкая сторона, гдѣ собственно находилось первоначальное раскольничье поселенье и гдѣ теперь проходила Старая-Кедровская улица, дома здѣсь старинные и люди въ нихъ старинные — отчасти раскольники, отчасти единовѣрцы; во-вторыхъ, „нагорная“ сторона, гдѣ красовалась православная церковь и хоромины Шабалина. Въ нагорной жили большею частью православные, позднѣйшее этнографическое населеніе. Это дѣленіе на „нагорную“ и „зарѣчную“ стороны продолжалось и ниже заводской фабрики, гдѣ Бѣлая-Глинка разливалась въ низкихъ глинистыхъ берегахъ. Въ этой части завода стоялъ деревянный господскій домъ съ желѣзной крышей, въ которомъ жили Пятовы, и нѣсколько домиковъ „на городскую руку“, выстроенныхъ заводскими служащими. Въ зарѣчной находилась единственная заводская площадь, въ одномъ концѣ которой сбились въ кучу деревянныя лавки, а въ другомъ строилась единовѣрческая церковь. Старинныя семьи, въ родѣ Колобовыхъ, Савиныхъ, Пазухиныхъ и др., всѣ жили въ зарѣчной, въ крѣпкихъ старинныхъ домахъ, въ которыхъ на вышкахъ еще сохранились рамы со слюдой, вмѣсто стеколъ. Шабалины жили тоже тамъ, пока Вуколъ Логинычъ не облюбовалъ себѣ мѣстечко на нагорной сторонѣ. Это ренегатство очень огорчило всѣхъ блюстителей старины, въ родѣ Татьяны Власьевны, но Вуколъ Логинычъ былъ отпѣтая башка,—и взять съ него было нечего.

Въ солнечный день видъ на заводъ представлялъ собой довольно пеструю картину и, пожалуй, красивую, если бы не тѣснившійся со всѣхъ сторонъ лѣсъ и подымавшіяся кругомъ лѣсистыя горы, придававшія всей картинѣ непривѣтливый траурный характеръ. Впрочемъ, такъ казалось только постороннимъ людямъ, а бѣлоглинцы, конечно, не могли даже себѣ представить чего-нибудь лучше и красивѣе Бѣлоглинскаго завода. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и Гордей Брагинъ, бывавшій не только въ Ирбитѣ и въ Верхотурьѣ, но и въ Нижнемъ.

Дорога въ Полдневскую походила на тѣ прямоѣзжія дороги, о которыхъ поется въ былинахъ: горы, болота, гати и зыбуны точно были нарочно нагромождены, чтобы отбить у всякаго охоту проѣхаться по этой дорогѣ во второй разъ, особенно осенью, когда лошадь заступаетъ въ грязь по колѣно, вымогаясь изъ послѣднихъ силъ. Верхомъ на лошади эти двадцать верстъ едва можно было проѣхать въ четыре часа. Съ непривычки къ верховой ѣздѣ, Гордей Евстратычъ на половинѣ пути почувствовалъ, какъ у него отнимается поясница и ноги въ стременахъ начинаютъ деревянѣть. А впереди косогоръ за косогоромъ, гора за горой... Лѣсъ стоитъ кругомъ темный, настоящій дремучій ельникъ, которому, кажется, не было конца-краю. Около самой дороги, гдѣ лѣсъ былъ немного прочищенъ, лѣпились кусты жимолости и малины да

молоденькія березки, точно заблудившіяся въ этой лѣсной трущобѣ; теперь листья уже давно пожелтѣли и шелестѣли мертвымъ шопотомъ, когда по нимъ пробѣгалъ осенній порывистый вѣтеръ. Земля была покрыта шуршавшей подъ ногой лиственной шелухой, и только кое-гдѣ изъ-подъ нея пробивались зеленые кустики сохранившейся еще травы, да на опушкѣ лѣса ярко блестѣла горькая осина, точно обрызганная золотомъ и кровью.

Верстъ не полагалось, и версты отсчитывались по разнымъ примѣтамъ: отъ Бѣлоглинскаго до Пугиной горы—восемь верстъ, двѣ версты подался—ключикъ изъ косогора бѣжитъ, значитъ, половина дороги, а тамъ черезъ пять верстъ гарь на лѣвой рукѣ. Брагинъ почти все время ѣхалъ шагомъ, раздумывая безконечную дорожную думу, которая блуждала по своимъ горамъ и косогорамъ, тонула въ грязи и пробиралась по узкимъ тропинкамъ. То онъ видѣлъ предъ собой Шабалина въ его круглой шапочкѣ и начиналъ ему завидовать, то припоминалъ разные случаи быстраго обогащенія „черезъ это самое золото“, какъ говорилъ Зотушка; то принимался „сумлѣваться“, зачѣмъ онъ тащится такую даль, то строилъ тѣ воздушные замки, безъ которыхъ не обходятся даже самыя прозаическія натуры. Что онъ такое теперь, ежели разобрать? Купецъ, который торгуетъ панскимъ товаромъ—и только. Сытъ, одѣтъ, ну, копеечки про черный день отложены, а чтобы супротивъ другихъ изъ купечества, какъ въ Ирбитѣ, напримѣръ, собираются, ему, Брагину, далеко не въ плоть. А между тѣмъ, чѣмъ онъ хуже другихъ? Недалеко ходить, хоть взять того же Вукола Логиныча... А съ чего человѣкъ жить пошелъ? Отъ пустяковъ. Отъ такой же жилки, какую онъ сейчасъ везетъ у себя за пазухой. Да... Въ воображеніи Брагина уже рисовалась глубокая шахта, изъ которой бадьями поднимаютъ золотоносный кварцъ, толкутъ его и промываютъ. Въ результатѣ получалось чистое золото, которое превращается въ громадный домъ съ колоннами, въ сѣрыхъ съ яблоками лошадей, въ лакированныя дрожки, въ дорогое платье и сладкое привольное житье. Первымъ дѣломъ онъ, конечно, пожертвуетъ въ церковь, тайно пожертвуетъ... То-то удивится о. Крискентъ, когда изъ кружки добудетъ нѣсколько радужныхъ. Потомъ старухѣ на бѣдныхъ да на увѣчныхъ, потомъ... Всѣ будутъ ухаживать за Гордеемъ Евстратычемъ, какъ теперь ухаживаютъ за Шабалинымъ или за другими богатыми золотопромышленниками.

„Прежде гремѣли на Панютинскихъ заводахъ золотопромышленники Сиговы да Кутневы“,—раздумывалъ Гордей Евстратычъ, припоминая исторію уральскихъ богачей.

Сиговымъ принесъ жилку одинъ вогулъ, а Кутневы сами нашли золото, хотя и не совсѣмъ чисто. Сказывали, что Кутневы оттягали золотую розсыпь у какого-то бѣднаго старателя, который не поживился ничѣмъ отъ своей находки, кромѣ того развѣ, что высидѣлъ въ острогѣ полгода за свои жалобы на разбогатѣвшихъ Кутневыхъ. Да, много неправды съ этимъ золотомъ... Вонъ про Шабалина разсказываютъ какія штуки: народъ моритъ работой на своихъ пріискахъ, не разсчитываетъ, а попробуй судиться съ нимъ, кому угодно ротъ заткнетъ. Мировой судья Липачекъ ему первый другъ и пріятель, становой Плинтусовъ даже спитъ съ нимъ на одной постели... Отъ этого богатства просто одинъ грѣхъ, точно люди всякаго „ума рѣшаются“. Но вѣдь это другіе, а ужъ онъ, Гордей Евстратычъ, никогда бы такъ не сдѣлалъ. Да... Вонъ Нюша на возрастѣ—ее надо пристраивать за хорошаго человѣка, вонъ сыновей надо отдѣлять, пока не разорились. Теперь, конечно, все есть, всего въ мѣру, а если раздѣлиться—и пойдутъ кругомъ недостатки.

Пріободрившаяся лошадь дала знать, что скоро и Полдневская. Въ то-

ченіе четырехчасового пути Брагинъ не встрѣтилъ ни одной живой души и теперь радъ былъ добраться до мѣста, гдѣ бы можно было хоть чаю напиться. Поднявшись на послѣдній косогоръ, онъ съ удовольствіемъ взглянулъ на Полдневскую, совсѣмъ почти спрятавшуюся на самомъ днѣ глубокой горной котловины. Издали едва можно было разсмотрѣть нѣсколько крышъ да двѣ-три избушки, торчавшія особнякомъ, точно онѣ отползли отъ деревни.

„Настоящее воронье гнѣздо эта Полдневская“,—невольно подумалъ Брагинъ, привставая въ стременахъ.

Полдневская пользовалась, дѣйствительно, не особенно завидной репутаціей, какъ притонъ пріисковыхъ рабочихъ. Не проходило года, чтобы въ Полдневской не случилось какой-нибудь оказіи: то мертвое дѣло объявится, то крупное воровство, то сбытъ краденаго золота, то бѣглые начнутъ пошаливать. Становой Плинтусовъ говорилъ прямо, что Полдневская для него, какъ сухая мозоль,—шагу не даетъ ступить спокойно. Чѣмъ существовали обитатели этой деревушки—трудно сказать, и единственнымъ мотивомъ, могшимъ нѣсколько оправдать ихъ существованіе, служили разбросанные около Полдневской пріиски; но дѣло въ томъ, что полдневскіе не любили работать, предпочитая всему на свѣтѣ свою свободу. А между тѣмъ полдневскіе мужики не только существовали, но исправно, каждое воскресенье, являлись въ Бѣлоглинскій заводъ, гдѣ мѣнялись лошадьми, пьянствовали по кабакамъ и даже кое-что покупали на рынкѣ, конечно, большею частью въ долгъ. Къ такимъ птицамъ небеснымъ принадлежалъ и старатель Маркушка, давнишній должникъ Брагина.

Спустившись по глинистому косогору, Гордей Евстратычъ въ бродъ переѣхалъ мутную рѣчонку Полуденку и, проѣхавъ съ полверсты мелкимъ осинникомъ, очутился въ центрѣ Полдневской, которая состояла всего-навсего изъ какого-нибудь десятка покосившихся и гнилыхъ избъ, поставленныхъ на небольшой полянѣ въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. Навстрѣчу Брагину выбѣжало нѣсколько нестрыхъ собакъ со стоячими ушами, которыя набросились на него съ такимъ оглушительнымъ лаемъ, точно стерегли какія несмѣтныя сокровища. Въ одномъ окошкѣ мелькнуло женское испитое лицо и быстро скрылось.

— Въ которой избѣ живетъ Маркушка старатель?—спросилъ Гордей Евстратычъ, постукивая черенкомъ нагайки въ окно ближайшей избы.

Въ окнѣ показалась бородатая голова въ шапкѣ; два тусклыхъ глаза безучастно взглянули на Брагина и остановились. Не выпуская изо рта дымившейся трубки съ мѣдной цѣпочкой, голова безмолвно показала глазами направо, гдѣ стояла совсѣмъ вросшая въ землю избенка, точно старый грибъ, на который наступили ногой.

— Ну, народецъ!..—проворчалъ Гордей Евстратычъ, слѣзая съ лошади у Маркушкиной избы.

Архитектурной особенностью полдневскихъ избъ было то, что онѣ совсѣмъ обходились безъ воротъ, дворовъ и надворныхъ построекъ. Ходъ въ избу шелъ прямо съ улицы. Только въ видѣ роскоши кое-гдѣ лѣпились, сколоченныя на живую нитку, крылечки. Гдѣ держали полдневцы лошадей,—составляло загадку, какъ и то, чѣмъ они кормили этихъ лошадей и чѣмъ они топили свои избы. Гордей Евстратычъ окинулъ строгимъ хозяйскимъ взглядомъ всю деревню и нигдѣ не нашелъ ничего похожаго на конюшни или полѣницу дровъ. У нѣкоторыхъ избъ валялось по бревну, отъ которыхъ бабы по утрамъ отгрызали на подтопку дровъ—вотъ и все. „Ну народецъ! — еще разъ подумалъ Брагинъ:—въ лѣсу живутъ, и ни одного полѣна не отрубятъ мужики...“

— Господи, Іисусе Христе... — помолитвовался Гордей Евстратычъ, отворяя низкую дверь, которая вела куда-то въ яму.

— Аминь...—отдалъ изъ темноты чей-то хриплый голосъ.—Это ты, Гордей Евстратычъ?..

— Я, Маркушка...

Послышалось тяжелое хрипѣнье, затѣмъ удушливый кашель. Гордей Евстратычъ кое-какъ оглядѣлся кругомъ: было темно, какъ въ трубѣ, потому что изба у Маркушки была черная, т.-е. безъ трубы, съ одной каменкой вмѣсто печи. Вѣрнѣе такую избу назвать балаганомъ, какіе иногда ставятся охотниками въ глухихъ лѣсныхъ мѣстахъ на всякій случай. На каменкѣ тлѣло суковатое полѣно, наполнявшее избу удушливымъ ѣдкимъ дымомъ. Самъ хозяинъ лежалъ у стѣны, на деревянныхъ подмосткахъ, прикрытый сверху лоскутами овчинъ, когда-то составлявшихъ тулупъ или полушубокъ. На гостя изъ-подъ кучи этой рвани глядѣло восковое отекшее лицо съ мутнымъ остановившимся взглядомъ, въ которомъ едва теплилась послѣдняя искра сознанія. Мочальнаго цвѣта бороденка, рыжіе щетинистые усы и прилипшіе къ широкому лбу русые волосы дополняли портретъ старателя Маркушки.

— Ну что, плохо тебѣ?—спрашивалъ Брагинъ, напрасно отыскивая глазами что-нибудь, на что можно было бы сѣсть. Куча тряпья зашевелилась, раздался тотъ же кашель.

— Надо... надо... больно мнѣ тебя надо, Гордей Евстратычъ,—отозвалась голова Маркушки.—Думалъ, не доживу... спасибо послѣ скажешь Маркушкѣ... Охъ, смерть моя пришла, Гордей Евстратычъ!

— Надо за попомъ послать?

— Гдѣ ужъ... нѣтъ... вотъ ужо я тебѣ все обскажу...

Гордей Евстратычъ подкатилъ къ дымившейся каменкѣ какой-то чурбанъ и приготовился выслушать предсмертную исповѣдь старателя Маркушки, самаго отчаяннаго изъ всѣхъ обывателей Полдневской.

— Видѣлъ жилку-то?—глухо спросилъ Маркушка, удерживая душившій его кашель.

— Видѣлъ...

— Вѣдь пятнадцать лѣтъ ее берегъ, Гордей Евстратычъ... да... пуще глазу своего берегъ... Ну, да что объ этомъ толковать!.. Вотъ что я тебѣ скажу... Человѣка я порѣшилъ... штегеря, давно это было... Вотъ онъ, штегерь-то, и стоитъ теперь надъ моей душой... да... думалъ отмолить, а тутъ смерть пришла... ну, я тебя и вспомнилъ... Видѣлъ жилку? Но, богачество... озолочу тебя, только по гробъ своей жизни отмаливай мой грѣхъ... и старуху свою заставь... въ скиты посылай...

Опять приступъ отчаяннаго кашля, точно Маркушка откашливалъ всю душу вмѣстѣ съ своими грѣхами.

— Такъ ты поклянешься мнѣ, Гордей Евстратычъ, и я тебѣ жилку укажу и научу, что съ ней дѣлать... Мнѣ только и надо, чтобы мою душу отмолить.

— А ежели ты обманешь, Маркушка?

— Нѣтъ, Гордей Евстратычъ... Охъ, тошнехонько!.. Нѣтъ, не обману... Не для тебя соблюдалъ мѣстечко, а для себя... Ну, такъ поклянешься?

Брагинъ на минуту задумался. Его брало сомнѣніе, притомъ онъ не ожидалъ именно такого оборота дѣла. Съ другой стороны, въ этой клятвѣ ничего худого нѣтъ.

— Ладно, поклянусь...

— Іисусовой молитвой поклянись!

— Нѣтъ, Іисусовой молитвой не буду, а такъ поклянусь... Мы за всѣхъ обязаны молиться, а если ты мнѣ добро сдѣлаешь—такъ о тебѣ особая и молитва.

— Думалъ я про Шабалина...—заговорилъ Маркушка послѣ тяжелой паузы.—Онъ бы икону снялъ со стѣны... да я-то ему, кровопивцу, не повѣрю... тоже вотъ и другимъ... А тебя я давно знаю, Гордей Евстратычъ... особливо твою мамыньку, Татьяну Власьевну... ея-то молитва доходнѣе къ Богу... да. Такъ ты не хочешь Іисусовой молитвой себя обязать?

— Нѣтъ, Маркушка, это грѣшно... Хоть у кого спроси.

Больной недовѣрчиво посмотрѣлъ на своего собесѣдника, потому что всѣ его богословскія познанія ограничивались одной Іисусовой молитвой, запавшей въ эту грѣшную душу, какъ падаетъ зерно на каменную почву. Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ, Маркушка согласился на простую клятву и жадными глазами смотрѣлъ на Гордея Евстратыча, который, поднявъ кверху два пальца, „обѣщевался“ передъ Богомъ отмаливать всѣ грѣхи раба Божія Марка вплоть до своей кончины и далѣе, если у него останутся въ живыхъ дѣти. Восковое лицо покрылось пятнами пота отъ напряженнаго вниманія, и онъ долго лежалъ съ закрытыми глазами, прежде чѣмъ получилъ возможность говорить.

— Ну, слушай, Гордей Евстратычъ... Робили мы, пятнадцать годовъ тому назадъ, у купцовъ Девяткиныхъ... шахту били... много они денегъ просадили на нее... я ходилъ у нихъ за штегеря... на восемнадцатомъ аршинѣ напали на жилку... а я сказалъ, что дальше незачѣмъ рыть... отъ всѣхъ скрылъ... ну, повѣрили, шахту и бросили... Изъ нея я тебѣ жилку съ Михалкой послалъ...

— Отчего же ты самъ не разрабатывалъ эту шахту, вѣдь Девяткины давно вымерли?

— Нельзя было... по малости ковырялъ, а чтобы настоящимъ дѣломъ—сила не брала, Гордей Евстратычъ. Нашему брату не сподручное дѣло съ такой жилкой возиться... надо капиталъ... съ начальствомъ надо ладить... А кто мнѣ повѣритъ? Продать не хотѣлось: я по малости все-таки выковыривалъ изъ-подъ нея, а что мнѣ дали бы... пустякъ... Шабалинъ обѣщалъ двадцать цѣлковыхъ.

— Да вѣдь и мнѣ настоящую жилку не дадутъ разработывать?—замѣтилъ Брагинъ, слушавшій эту исповѣдь съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Не надо объявлять настоящей жилки, Гордей Евстратычъ... а какъ Шабалинъ дѣластъ... розсыпью объяви... а въ кварцѣ, моль, золото попадается только гнѣздами... это можно... на это и закона нѣтъ... ужъ я это знаю.. ну, надо замазать рты ревизорамъ да инженерамъ... подъ Шабалина подражай...

— Хорошо, тамъ увидимъ... Ты разскажи, гдѣ жилку-то искать?

— А вотъ какъ ее искать... Ступай по нашей Полуденкѣ кверху... верстахъ въ пяти въ нее падаетъ рѣчка Смородинка... по Смородинкѣ подашься тоже кверху, а въ самой верхотинѣ стоитъ гора Заразная... отъ Смородинки возьми на Заразную... Тутъ пойдетъ увалъ... два кедра увидишь... тутъ тебѣ и жилка...

Гордей Евстратычъ былъ блѣденъ, какъ полотно; онъ смотрѣлъ на отекшее лицо Маркушки страшными, дикими глазами, выжидая, не вырвется ли еще какое-нибудь признаніе изъ этихъ посинѣвшихъ и растрескавшихся губъ. Но Маркушка умолкъ и лежалъ съ закрытыми глазами, какъ мертвый, только тряпье на подмосткахъ продолжало съ хрипомъ подниматься неровными взмахами, точно подъ нимъ судорожно билась ослабѣвшими крыльями смертельно раненая птица.

— Все? — спрашивалъ Брагинъ, наклоняясь къ самому изголовью больного.

— Все... Ахъ, еще вотъ что, Гордей Евстратычъ... угости, ради Христа, водочкой нашихъ-то... пусть погуляютъ...

Черезъ полчаса въ ямѣ Маркушки собралось почти все населеніе Полдневской, состоявшее изъ трехъ мужиковъ, двухъ бабъ и нѣсколькихъ ребятишекъ. Знакомый уже намъ мужикъ въ шапкѣ, потомъ высокій рыжій дѣтина съ оловянными глазами, потомъ кривой на лѣвый глазъ и хромой на правую ногу низенькій мужичонка; остальные представители мужского населенія находились въ отсутствіи. Двѣ женщины, одѣтыя въ полинялые ситцевые сарафаны, походили на тѣ монеты, которыя вслѣдствіе долгаго употребленія утратили всякіе слѣды своего чекана. Испитыя, желтыя, съ одичавшимъ взглядомъ, физіономіи были украшены одними синяками; у одной такой синякъ сидѣлъ подъ глазомъ, у другой на вискѣ. Очевидно, эти украшенія были сдѣланы опытной рукой, не знавшей промаха. Вообще физіономіи обѣихъ женщинъ были покрыты массой бѣлыхъ царапинъ и шрамами самой причудливой формы, точно онѣ были татуированы или расписаны какими-то неразгаданными еще наукой іероглифами.

— Славные ребята...—умилился Маркушка, любуясь собравшейся компаніей.—Ты, Гордей Евстратычъ, когда угости ихъ водочкой... пусть не поминаютъ лихомъ Маркушку... Такъ вѣдь, Окся?

Окся застѣнчиво посмотрѣла на свои громадныя красныя руки и хрипло проговорила:

— Тебѣ бы выпить самому-то, Маркушка... Можетъ, облегчитъ...

Маркушка болѣзненно мотнулъ головой на эту ласку... Вѣдь эта шельма Окся всегда была настоящимъ яблокомъ раздора для полдневскихъ старателей, и изъ-за нея происходили самыя ожесточенныя побоища: Маркушку тузилъ за Оксю и рыжій дѣтина съ оловянными глазами, и молчаливый мужикъ въ шапкѣ, и хромой мужичонка; точно такъ же, какъ и онъ, Маркушка, тузилъ ихъ всѣхъ при удобномъ случаѣ, а всѣ они колотили Оксю за ея измѣнчивое сердце и неискоренимую страсть къ краснымъ платкамъ и козловымъ ботинкамъ. Эта коварная женщина была замѣчательно непостоянное существо и какъ-то всегда была на сторонѣ того, кому везло счастье. Теперь она отъ души жалѣла умиравшаго Маркушку, потому что онъ уносилъ съ собой въ могилу не одни ботинки...

— Какъ же это вы живете здѣсь,—удивлялся Брагинъ, угощая собравшуюся компанію:—хлѣба у васъ нѣтъ, дровъ нѣтъ, а водка всегда есть...

— Намъ невозможно безъ водки...—отрѣзалъ кривой мужичонка.— Такъ вѣдь, Кайло? Вотъ и Пестерь то же самое скажетъ...

Кайло—рыжій дѣтина съ оловянными глазами, и Пестерь—мужикъ въ шапкѣ—въ знакъ своего согласія только поникли своими головами. Окся поощрительно улыбнулась оратору и толкнула локтемъ другую женщину, которая была извѣстна на пріискахъ подъ именемъ Лапухи, сокращенное отъ Олимпіады: онѣ очень любили другъ друга, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда козловые ботинки и кумачные платки настолько быстро охлаждали эту дружбу, что бѣднымъ женщинамъ ничего не оставалось, какъ только вцѣпиться другъ въ друга и зубами и ногтями и съ визгомъ кататься по землѣ до тѣхъ поръ, пока чья-нибудь благодѣтельная рука не отрезвляла ихъ обѣихъ хорошимъ подзатыльникомъ или артистической встряской за волосы. Около Лапухи жалось странное существо: на видъ это была дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, еще съ несложившимися дѣтскими формами, съ угловатой спиной и тонкими босыми

ногами, но желтое усталое лицо съ карими глазами смотрѣло не по-дѣтски откровенно, какъ смотрятъ только отвѣдавшія отъ древа познанія добра и зла.

— На, пей, Домашка...—говорила Лануха, передавая Домашкѣ недопитый стаканъ водки.

— Зачѣмъ ты ее поишь?—спросилъ Гордей Евстратычъ.

— Да вѣдь Домашка то мнѣ, поди, дочь!—удивленно отвѣтила въ свою очередь чадолюбивая Лануха.

— Домашка у насъ молодецъ...—отозвался со своего ложа Маркушка.— Налей и ей стаканчикъ, Гордей Евстратычъ... ей тоже безъ водки-то невозможно...

Пестерь и Кайло покосились на разнѣжившагося Маркушку, но промолчали, потому что водка была Гордея Евстратыча, а право собственности въ этой жидкой формѣ для нихъ было всегда священнымъ. Домашка выпила налитый стаканчикъ и кокетливо вытерла свои дѣтскія губы худой голой рукой съ грязнымъ локтемъ, выглядывавшимъ въ прорѣху заношенной ситцевой рубахи. Роспитая четверть водки скоро замѣтно оживила все общество, особенно бабъ, которыя сидѣли съ осоловѣлыми глазами и замѣтно были расположены затянуть какую-нибудь безшабашную пріисковую пѣсню. Домашка хихикала безъ всякой видимой причины и тутъ же закрывала свое лицо порваннымъ рукавомъ рубахи. Кайло и кривой мужичонка, котораго звали Потапычемъ, тоже повеселѣли, и всѣ упрашивали благодѣтеля Маркушку, въ качествѣ всеисцѣляющаго средства, выпить хоть стаканчикъ; но груда тряпья, изображавшая теперь знаменитаго питуха, только отрицательно вздрагивала всѣми своими лоскутьями. Одинъ Пестерь дѣлался все мрачнѣе и мрачнѣе, а когда бабы не вытерпѣли и заголосили какую-то безобразную пьяную пѣсню, онъ, не выпуская изо рта своей трубки съ мѣдной цѣпочкой, процѣдилъ только одно слово: „У... язвы!..“. Кто бы могъ подумать, что этотъ свирѣпый субъектъ являлся самымъ живымъ источникомъ козловыхъ ботинокъ и кумачныхъ платковъ, въ чемъ убѣдилась личнымъ опытомъ даже Домашка, всего третьягодня получившая отъ Пестеря зеленыя стеклянныя бусы.

— Такъ ужъ ты тово... не забывай ихъ...—хрипѣлъ Маркушка, показывая глазами на пьяныхъ старателей, когда Брагинъ началъ прощаться.

О себѣ Маркушка не заботился: ему больше ничего было не нужно, кромѣ „доходной къ Богу“ молитвы Татьяны Власьевны.

IV.

Вернувшись домой, Гордей Евстратычъ, послѣ обычнаго въ такихъ случаяхъ чаепитія, позвалъ Татьяну Власьевну за собой въ горницу. Старуха по лицу сына замѣтила, что случилось что-то важное, но что̀ именно—она никакъ не могла разгадать.

— Ты спрашивала меня, мамынька, зачѣмъ я поѣхалъ въ Полдневскую,— заговорилъ Гордей Евстратычъ, припирая за собой дверь.—Вотъ, погляди, какую игрушку добылъ...

Съ послѣдними словами онъ подалъ матери кусокъ кварца, который привезъ еще Михалка. Старуха нерѣшительно взяла въ руку „игрушку“ и, отнеся далеко отъ глазъ, долго и внимательно разсматривала къ свѣту

— Никакъ золото...—недовольнымъ голосомъ замѣтила она, осторожно передавая кусокъ кварца обратно.

— Да, мамынька... настоящее червонное золото,—уже шопотомъ проговорилъ Гордей Евстратычъ, оглядываясь кругомъ.—Богъ его намъ послалъ... видно, за родительскія молитвы.

— Что то невдомекъ мнѣ будетъ, милушка.

Гордей Евстратычъ разсказалъ всю исторію лежавшаго на столѣ „кварца": какъ его привезъ Михалка, какъ онъ не давалъ спать цѣлую ночь Гордею Евстратычу, и Гордей Евстратычъ гонялъ въ Полдневскую и что тамъ видѣлъ.

— Вотъ поклялся-то напрасно, милушка...—строго проговорила старуха, подбирая губы.—Этакое дѣло начинать бы да не съ клятья, а съ молитвы.

— Ахъ, мамычка, мамычка! Ну, ежели бы я не поклялся Маркушкѣ,—тогда что бы вышло? Умеръ бы онъ со своей жилкой или разсказалъ о ней кому-нибудь другому... Вонъ Вуколъ-то Логинычъ уже прослышалъ о ней и подсылалъ къ Маркушкѣ, да только Маркушка не захотѣлъ ему продавать.

— Инпь вѣдь какой дошлый, этотъ Вуколъ!—со злостью заговорила Татьяна Власьевна, припоминая семидесятирублевый зонтикъ Шабалина.—Ужъ успѣлъ пронюхать... Да ты вѣрно знаешь, милушка, что Маркушка ничего не говорилъ Вуколу?

— Вѣрнѣе смерти, потому—Маркушка самъ мнѣ говорилъ...

— А вотъ ты самъ-то, небось, не догадался заставить Маркушку тоже клятву на себя наложить? Какъ онъ вдругъ да кому-нибудь другому перепродастъ жилку... тому же Вуколу.

— Нѣтъ, мамынька... Маркушка-то въ лежку лежитъ, того гляди Богу душу отдастъ. Надо только скорѣе заявку сдѣлать на эту самую жилку и кончено...

— Какъ же это такъ вдругъ, милушка...—опять нерѣшительно заговорила Татьяна Власьевна.—Какъ будто даже страшно: все торговали, какъ другіе, а тутъ золото искать... Сколько на этомъ золотѣ народишку разорилось, хоть тѣхъ же Кутневыхъ взять.

— А у Вукола вонъ какой домина схлопанъ,—небось, не отъ бѣдности! Я ѣхалъ мимо-то, такъ заглядѣнье, а не домъ. Чѣмъ мы хуже другихъ, мамынька, ежели намъ Господь за родительскія молитвы счастье посылаетъ... Тоже и насчетъ Маркушки мы все справимъ по-настоящему, неугасимую въ скиты зажжемъ, сорокоусты по единовѣрческимъ церквамъ, милостыню нищей братіи, ну, и ты кануны будешь говорить. Грѣшный человѣкъ, а душа-то въ немъ христіанская. Вотъ и будемъ замаливать его грѣхи...

— Ужъ это что говорить, милушка... Вуколъ-то не сталъ бы молиться за него. Только все-таки страшно... И молитва тамъ, и милостыня, и сорокоустъ—все бы ничего, а какъ подумаю о золотѣ, точно что у меня оборвется. Вдругъ-то страшно очень...

— Ну, тогда пусть Вуколу достается наша жилка,—съ сдержанной обидой въ голосѣ заговорилъ Гордей Евстратычъ, начиная ходить по своей горницѣ неровными шагами.—Ему, небось, ничего не страшно... Все слопаетъ. Вонъ лошадь у него какая: звѣрина, а не лошадь. Ну, ему и наша жилка къ рукамъ подойдетъ.

— Да развѣ я говорю, что жилку Вуколу отдать?—тоже съ раздраженіемъ въ голосѣ заговорила старуха, выпрямляясь.—Надо подумать, посовѣтоваться.

— Съ кѣмъ же это, мамынька, совѣтоваться-то будемъ? Сами не маленькіе, слава Богу, не двухъ по третьему...

— Съ отцомъ Крискентомъ надо поговорить, потомъ съ Савиными, съ Колобовыми.

— Ну ужъ, мамынька, этого не будетъ, чтобы я съ Савиными да съ Колобовыми сталъ совѣтоваться въ такомъ дѣлѣ. Съ отцомъ Крискентомъ можно побесѣдовать, только онъ по этой части не ходокъ...

Старшая невѣстка Ариша была колобовской „природы“, а младшая Дуня—савиновской, поэтому Татьяну Власьевну немного задѣло за живое то пренебреженіе, съ какимъ Гордей Евстратычъ отнесся къ своей богоданной родинѣ, точно онъ боялся, что Колобовы и Савины отнимутъ у него проклятую жилку. Взаимное раздраженіе мѣшало сторонамъ понимать другъ друга, и каждый думалъ только о томъ, что онъ правъ. „Старикъ-то Колобовъ, Самойла-то Микѣичъ, вотъ какой голова, — разсуждала про себя Татьяна Власьевна. — Недаромъ два раза въ волостныхъ старшинахъ сидѣлъ... Тоже и Кондратъ Гавриличъ Савинъ уважительный человѣкъ, а про старуху Матрену Ильиничну и говорить нечего: съ преосвященнымъ владыкой въ третьемъ годѣ какъ пошла отчитывать по писанію, только на, слушай. Чѣмъ не родня!“ Гордей Евстратычъ ходилъ изъ угла въ уголъ по горницѣ съ недовольнымъ, надутымъ лицомъ; ему не нравилось, что старуха отпеслась какъ будто съ недовѣріемъ къ его жилкѣ, хотя, съ другой стороны, ему было бы такъ же непріятно, если бы она сразу согласилась съ нимъ, не обсудивъ дѣла со всѣхъ сторонъ. Однимъ словомъ, въ результатѣ получалось какое-то тяжелое недоразумѣніе, благодаря которому Гордей Евстратычъ ни за что ни про что обидѣлъ своихъ сватовьевъ, Савиныхъ и Колобовыхъ, и теперь сердился еще больше, потому что самъ былъ виноватъ кругомъ. Татьяна Власьевна пришла въ себя скорѣе сына и, взглянувъ на него пытливо, рѣшительно проговорила:

— А я вотъ что тебѣ скажу, милушка... Жили мы, благодареніе Господу, въ достаткѣ, все у насъ есть, люди насъ не обѣгаютъ: чего еще намъ нужно? Вотъ ты еще только успѣлъ привезти эту жилку въ домъ, какъ сейчасъ и началъ вздорить... Развѣ это порядокъ? Мать я тебѣ, али нѣтъ? Какія ты слова съ матерью началъ разговаривать? А все это отъ твоей жилки... Погляди-ка, ты остребенился на сватьевъ-то... Я своимъ умомъ такъ разумѣю, что твой Маркушка колдунъ и больше ничего. Осиновымъ коломъ его надо отмаливать, а не сорокоустомъ...

— Мамынька, ради Христа, прости меня дурака...—взмолился опомнившійся Гордей Евстратычъ, кланяясь старухѣ въ ноги. — Это я такъ... дурость нашла.

— Надо повременить, Гордей Евстратычъ.

— Какъ знаешь, мамынька. И Маркушка про тебя говорилъ, что на твою молитву надѣется...

— Ну, это ужъ онъ напрасно: какія наши молитвы. Сами по колѣно бродимъ въ своихъ-то грѣхахъ.

Обдумывая все случившееся наединѣ, Татьяна Власьевна то рѣшала про себя бросить эту треклятую жилку, то опять жалѣла ее, представляя себѣ Шабалина съ семидесятирублевымъ зонтикомъ въ рукахъ. Въ ея старой, крѣпкой душѣ боролись самыя противоположныя чувства и мысли, которыя утомляли ее больше, чѣмъ ночная работа съ кирпичами, потому что отъ нихъ не было блаженнаго отдыха, не было того покоя, какой она испытывала послѣ ночного подвига. Вечеромъ Татьяна Власьевна напрасно молилась въ своей комнатѣ съ особеннымъ усердіемъ, чтобы отогнать отъ себя тревожное настроеніе. Она чувствовала только, что съ ней самой творится что-то странное, точно она сама не своя сдѣлалась и теряла всякую волю надъ собой. Такое состояніе продолжалось дни два, такъ что, удрученная нежданно свалившейся на ея плечи заботой, Татьяна Власьевна чуть не заболѣла, пока не догадалась сходить къ о. Крискенту, къ своему главному совѣтнику во всѣхъ особенно трудныхъ случаяхъ жизни. Въ качествѣ духовника о. Крискентъ поль-

зовался неограниченною довѣренностью Татьяны Власьевны, у которой отъ него не было тайнъ.

Славный домикъ былъ у о. Крискента. Онъ выходилъ въ Гнилой переулокъ, какъ мы уже знаемъ изъ предыдущаго, и отъ брагинскаго дома до него было рукой подать. Наружный видъ поповскаго дома невольно манилъ къ себѣ своей патріархальной простотой; его небольшія окна глядѣли на Гнилой переулокъ съ такимъ добродушнымъ видомъ, точно приглашали всякаго непремѣнно зайти къ милому старичку о. Крискенту, у котораго всегда были въ запасѣ такія отличныя наливки. Калитка вела на маленькій дворъ съ деревяннымъ поломъ и уютно поставленными службами; выкрашенное зеленой краской крыльцо вело въ сѣни, гдѣ всегда были настланы чистые половики. Въ маленькой передней уже обдавало тѣмъ спеціально благочестивымъ запахомъ, какой священники уносятъ съ собой изъ церкви въ складкахъ платья; пахло смѣшаннымъ запахомъ ладона и воска, и можетъ-быть, къ этому примѣшивался ароматъ княженичной наливки, которою о. Крискентъ гордился въ особенности.

— А... дорогая гостья! сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались,—привѣтствовалъ радостно о. Крискентъ, встрѣчая гостью въ уютной чистенькой гостиной, походившей на пріемную какой-нибудь настоятельницы монастыря.

Стѣны были выкрашены зеленымъ купоросомъ; съ потолка спускалась бронзовая люстра съ граненными стеклышками. На полу лежали мягкія тропинки. Вѣнскіе стулья, два ломберныхъ стола, нѣсколько благочестивыхъ гравюръ на стѣнахъ и китайскій розанъ въ зеленой кадушкѣ дополняли картину. Самъ о. Крискентъ—низенькій, юркій старичокъ, съ жиденькими косицами и тоненькимъ разбитымъ теноркомъ—принадлежалъ къ симпатичнѣйшимъ представителямъ того типа батюшекъ, который спеціально выработался на уральскихъ горныхъ заводахъ, гдѣ священники обезпечены извѣстнымъ жалованьемъ, а потомъ вращаются въ болѣе развитой средѣ, чѣмъ простые деревенскіе попы. Ходилъ о. Крискентъ маленькими торопливыми шажками, неожиданно повертывался на каблукахъ и имѣлъ странную привычку постоянно разстегивать и застегивать пуговицы своего подрясника, отчего петли обнашивались вдвое скорѣе, чѣмъ бы это слѣдовало. Маленькая головка о. Крискента, украшенная рѣдкими волосиками съ просѣдью и таковой же бородкой, глядѣла кругомъ проницательными темными глазками, которые постоянно улыбались,—особенно когда изъ гортани о. Крискента вырывался короткій неопредѣленный смѣшокъ. Самъ по себѣ батюшка былъ ни толстъ ни тонокъ, а такъ себѣ—середка на половинѣ. Жилъ онъ въ своемъ домикѣ старымъ бездѣтнымъ вдовцомъ, какихъ немало попадается среди нашего духовенства. Тотъ запасъ семейныхъ инстинктовъ, которыми природа снабдила о. Крискента, онъ всецѣло посвятилъ своей паствѣ, ея семейнымъ дѣламъ, разнымъ напастямъ и невзгодамъ интимнаго характера. Благочестивыя старушки, въ родѣ Татьяны Власьевны, очень любили иногда завернуть къ о. Крискенту и покалякать со старикомъ отъ свободности о разныхъ сомнительныхъ предметахъ, тѣмъ болѣе, что о. Крискентъ въ совершенствѣ владѣлъ даромъ разговаривать съ женщинами. Онъ никогда не употреблялъ рѣзкихъ выраженій, какъ это иногда дѣлаютъ слишкомъ горячіе ревнители священники, когда дѣло коснется большого грѣха, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и не умалялъ проступка; затѣмъ онъ всегда умѣлъ во-время согласиться—это тоже немаловажное достоинство. Наконецъ, вообще, въ о. Крискентѣ привлекалъ неотразимо къ себѣ тотъ духъ общаго примиренія и незлобія, какой такъ обаятельно дѣйствуетъ на женщинъ: онѣ уходили изъ его домика успокоенныя

и довольныя, хотя собственно о. Крискентъ никогда ничего не говорилъ новаго, а только соглашался и успокаивалъ уже однимъ своимъ видомъ. Роль этого добродушнаго человѣка, въ сущности, сводилась къ тому, что онъ нѣкоторыя механическія приспособленія собственной особой устранялъ и смягчалъ разныя неизбѣжныя житейскія столкновенія, углы и диссонансы.

— Садитесь, Татьяна Власьевна... Ну, какъ вы поживаете? — говорилъ о. Крискентъ, усаживая свою гостью на маленькій диванчикъ, обитый зеленымъ ситцемъ. — Все къ вамъ собираюсь, да какъ-то руки не доходятъ... Гордея-то Евстратыча частенько вижу въ церкви.

— А я пришла къ вамъ по дѣлу, отецъ Крискентъ... — заговорила Татьяна Власьевна, поправляя около ногъ свой клѣтчатый сарафанъ.—И такое дѣло, такое дѣло вышло—дня два сама не своя ходила. Просто мѣста не могу себѣ найти нигдѣ...

— Такъ, такъ... Конечно, бываютъ случаи, Татьяна Власьевна,—мягко соглашался о. Крискентъ, расправляя свою бородку вѣеромъ. — Человѣкъ предполагаетъ—Богъ располагаетъ. Это ужъ не отъ насъ, а свыше. Мы съ своей стороны должны претерпѣвать и претерпѣвать... Какъ сказалъ апостолъ: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“... Именно!

Помѣстившись въ другомъ углу дивана, о. Крискентъ внимательно выслушалъ все, что ему разсказала Татьяна Власьевна, выкладывавшая свои соми нія въ этой маленькой комнаткѣ всегда съ особенной охотой, испытывая пріятное чувство облегченія, какъ человѣкъ, который сбрасываетъ съ плечъ тяжелую ношу.

— Чего же вы хотите, т.-е., собственно, что васъ смущаетъ?—спрашивалъ о. Крискентъ, когда Татьяна Власьевна разсказала все, что сама знала о жилкѣ и о своемъ послѣднемъ разговорѣ съ сыномъ.

— Я боюсь, о. Крискентъ... Сама не знаю, чего боюсь, а такъ страшно сдѣлается, такъ страшно. Какъ-то оно вдругъ все вышло...

— Такъ, такъ... Конечно, богатство—источникъ многихъ злоключеній... особенно при нашихъ слабостяхъ, но, съ другой стороны, Татьяна Власьевна, на богатство можно смотрѣть съ евангельской точки зрѣнія. Припомните евангельскую притчу о рабѣ, получившемъ десять талантовъ и пріумножившемъ оные? Не такъ ли мы должны поступать? Если даже человѣкъ, который „злѣ пріобрѣтохъ, но добрѣ расточихъ“, приметъ свою часть въ царствіи небесномъ, тѣмъ паче войдутъ въ него добрѣ потрудившіеся на нивѣ Господней... Я лично смотрю на богатство, какъ на испытаніе.

Добрый старикъ говорилъ битый часъ на эту благодарную тему, причемъ опровергалъ нѣсколько разъ свои же доводы, повторялся, объяснялъ и снова запутывался въ благочестивыхъ дебряхъ краснорѣчія. Такіе душеспасительные разговоры, уснащенные текстами Священнаго Писанія, производили на слушательницъ о. Крискента необыкновенно успокаивающее дѣйствіе, объясняя имъ непонятное и точно преисполняя ихъ той благодатью, носителемъ которой являлся въ ихъ глазахъ о. Крискентъ.

— А зачѣмъ Гордей-то Евстратычъ такъ остребенился на меня, какъ только мы заговорили объ этой жилкѣ? — спрашивала Татьяна Власьевна, по своей женской слабости постоянно возвращавшаяся отъ самыхъ возвышенныхъ умозрѣній къ заботамъ и мелочамъ моря житейскаго.—Это отъ одного разговору, о. Крискентъ! А что будетъ, ежели и въ самомъ-то дѣлѣ эта жилка богатая окажется... Сумлѣваюсь я очень насчетъ этихъ полдневскихъ, и насчетъ Маркушки особливо сумлѣваюсь. Самый былъ потерянный человѣкъ и вдругъ накинулъ на себя этакое благочестіе... Можетъ, на жилкѣ-то заклятье какое наложено, отецъ Крискентъ?..

— Ахъ, ужъ это вы даже совсѣмъ напрасно, Татьяна Власьевна: на золотѣ не можетъ быть никакого заклятья, потому что это плодъ земли, а Богъ велѣлъ ей служить на пользу человѣку... Вотъ она и служитъ, Татьяна Власьевна! Только каждому своя часть, и всякій долженъ быть доволенъ своей частью... Да!..

Спеціально въ денежныхъ дѣлахъ о. Крискентъ отличался особенной мягкостью и податливостью, а тутъ выпадало такое рѣдкое, единственное въ своемъ родѣ счастье. Рядомъ съ теоретическими построеніями, въ головѣ о. Крискента вырастали самыя практическія соображенія: разбогатѣетъ Гордей Евстратычъ, тогда его можно будетъ выбрать церковнымъ старостой, и онъ, конечно, отъ щедротъ своихъ и послужитъ. Вотъ кончатъ стѣны въ новой церкви, нужно будетъ иконостасъ заводить, ризницу подновлять—да мало ли расходовъ найдется!.. Эти мысли подкрѣпляли о. Крискента все больше и больше, и онъ возвысился до настоящаго краснорѣчія, когда принялся доказывать Татьянѣ Власьевнѣ, что она даже не въ правѣ отказываться отъ посылаемаго самимъ Богомъ богатства.

— Пути Божіи неисповѣдимы, Татьяна Власьевна.

— Мнѣ опять то въ голову приходитъ, отецъ Крискентъ,—говорила въ раздумьѣ Татьяна Власьевна: — если это богатство, дѣйствительно, посылаетъ Богъ, то неужели не нашлось людей лучше насъ?.. Мало ли бѣдныхъ, милостивцевъ, отшелъ никовъ...

— Татьяна Власьевна, Татьяна Власьевна... Такъ нельзя разсуждать. Развѣ мы можемъ своимъ слабымъ умомъ проникать въ планы и намѣренія Божіи? Что такое человѣкъ?—персть, прахъ... Да. Еще разъ повторяю: нужно покориться и претерпѣвать, а не мудрствовать и возвышаться прегордымъ умомъ.

Впрочемъ, на прощанье, когда о. Крискентъ провожалъ Татьяну Власьевну въ переднюю, онъ перемѣнилъ тонъ и заговорилъ о тлѣнности всего земного и человѣческой гордости, объ искушеніяхъ врага человѣческаго рода и слабости человѣка.

— Такъ по-вашему, отецъ Крискентъ, лучше отказаться отъ жилки?—переводила на свой языкъ Татьяна Власьевна высокоумствованія батюшки.

— О, нѣтъ, я этого не сказалъ, какъ не сказалъ и того, что нужно брать жилку...

— Что же намъ теперь дѣлать?

О. Крискентъ только развелъ руками, что можно было истолковать, какъ угодно. Но именно послѣднія-то тирады батюшки, которыя какъ будто клонились къ тому, чтобы отказаться отъ жилки, собственно и убѣдили Татьяну Власьевну въ необходимости „покориться неисповѣдимымъ судьбамъ промысла“, т.-е. въ данномъ случаѣ взять на себя Маркушкину жилку, пока Вуколъ Логинычъ или кто другой не перехватилъ ее.

— Замѣтьте, Татьяна Власьевна, я не говорилъ: берите жилку, и не говорилъ—откажитесь...—ораторствовалъ батюшка, въ послѣдній разъ съ необыкновенной быстротой разстегивая и застегивая аметистовыя пуговицы своего камлотоваго подрясника. — Ужо какъ-нибудь пошлите ко мнѣ Гордея-то Евстратыча, такъ мы покалякаемъ съ нимъ по-малости. Ну, а какъ ваша молодайка, Дуня?

— Слава Богу, отецъ Крискентъ, слава Богу... Скромная да тихая, воды не замутитъ, только, кажется, лѣнивенькая, Христосъ съ ней, Богородица... Ну, да обойдется помаленьку. Аришка, та ужъ очень бойка была, а тоже уходилась, какъ Степушку Богъ послалъ.

— Слава Богу, слава Богу...—повторялъ о. Крискентъ, какъ эхо.

Но Гордей Евстратычъ не пошелъ къ о. Крискенту, какъ его ни упрашивала объ этомъ Татьяна Власьевна. Для окончательнаго рѣшенія вопроса о жилкѣ былъ составленъ небольшой семейный совѣтъ, въ которомъ пригласили принять участіе и Зотушку. Въ исключительныхъ случаяхъ это всегда дѣлалось, потому что такой порядокъ былъ заведенъ изстари. Зотушка являлся въ „горницы“ съ смиреннымъ видомъ, садился въ уголокъ и смиренно выслушивалъ, какъ набольшіе умныя рѣчи разговариваютъ. Настоящій совѣтъ состоялъ изъ трехъ лицъ: Татьяна Власьевна, Гордей Евстратычъ и Зотей Евстратычъ. Зотушка хотя и былъ пьяница, но и у него умъ-то не телята отжевали, притомъ своя кровь.

— Такъ вотъ, Зотей, какое дѣло-то выходитъ,—говорилъ Гордей Евстратычъ, разсказавъ всѣ обстоятельства по порядку.—Какъ ты думаешь, брать жилку или не брать?

Зотушка разгладилъ свои косицы на макушкѣ, вытянулъ шею и отвѣтилъ:

— А по моему глупому разуму, Гордей Евстратычъ, неладное вы затѣяли... Вотъ что!.. Жили, слава Богу, и безъ жилки, проживемъ и теперь... Отъ этого золота одинъ грѣхъ...

Никто не ожидалъ такого протеста со стороны Зотушки, и большаки совсѣмъ онѣмѣли отъ изумленія. Какъ, какой-нибудь проюецъ Зотушка и вдругъ начинаетъ выговаривать поперечныя слова... Этотъ совѣтъ закончился позорнымъ изгнаніемъ Зотушки, потому что онъ рѣшительно ничего не понималъ въ важныхъ дѣлахъ, и рѣшеніе состоялось безъ него. Татьяна Власьевна больше не сумлѣвалась, потому что о. Крискентъ прямо сказалъ и т. д.

— Только поскорѣе... — торопила теперь старуха: — какъ бы Вуколъ-то не заграбасталъ нашу жилку...

V.

На Уралѣ заводъ Бѣлоглинскій славился, какъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ заводовъ, на которомъ еще уцѣлѣли такія фамиліи, какъ Колобовы, Савины, Шабалины и т. д. Это были крѣпкія семьи стариннаго покроя; онѣ могли сохраниться въ полной неприкосновенности только въ такой уральской глуши, куда былъ заброшенъ Бѣлоглинскій заводъ. Расколъ здѣсь свилъ себѣ теплое гнѣздо, и австрійскіе архіереи особенно любили Бѣлую-Глинку, гдѣ всегда находили самый радушный пріемъ и могли скрываться отъ „ревности“ полиціи и православныхъ миссіонеровъ. Отсюда вышли всѣ эти Кутиевы, Сиговы и Девяткины, которые прославились своимъ богатствомъ и широкой жизнью; отсюда же брали невѣстъ, чтобы освѣжить вырождавшіяся семьи столичныхъ купеческихъ фирмъ. Слава бѣлоглинскихъ красавицъ-старовѣрокъ гремѣла далеко и гремѣла недаромъ: невѣсты были на-подборъ — высокія, бѣлыя, толстыя, глазастыя, какъ тѣ племенныя телки, которыя „идутъ только на охотника“. У Колобовыхъ были двѣ дочери, кромѣ Арины, и обѣ вышли за купцовъ въ Нижній; у Савиныхъ, кромѣ Дуни, была дочь за рыбинскимъ купцомъ-милліонеромъ; Груня Пятова въ Москву вышла, Настя Шабалина въ Саратовъ... У этихъ Шабалиныхъ былъ настоящій кустъ изъ невѣстъ, да изъ какихъ невѣстъ—все купечество о нихъ говорило на Ирбитской, въ Нижнемъ, въ Крестахъ. Всѣ разошлись по рукамъ, а дома не осталось никого даже на поглядочку. Савины да Колобовы, тѣ догадались—по одной дочкѣ оставили на своихъ

глазахъ, т.-е. выдали за брагинскихъ ребятъ. Брагинская семья тоже была настоящая семья, хотя и не изъ богатыхъ. Но важно было то, что хоть одна дочь на глазахъ, не ровенъ часъ, попритчилось что̀ старикамъ, такъ есть кому глаза закрыть. Ни Михалкѣ Брагину ни Архипу въ жисть свою не видать бы, какъ своихъ ушей, такихъ красавицъ-женъ, ежели бы не былъ такой старикоскій расчетъ да не пользовалась бы Татьяна Власьевна всеобщимъ почетомъ за свою чисто-иноческую жизнь.

— Мы этихъ на племя оставили,—шутили старики Колобовы и Савины:— а то растимъ-растимъ дѣтокъ, глядишь, всѣхъ и расхватали въ разныя стороны... Этакъ, пожалуй, всю нашу бѣлоглинскую природу переведутъ до конца!

Теперь изъ завидныхъ бѣлоглинскихъ невѣстъ оставались только Оеня Пятова, да Нюша Брагина, да еще у Шабалиныхъ, у брата Вукола Логиныча подрастала разная дѣтвора, такъ какъ тамъ начинали выравниваться три дѣвчонки.

Таковъ былъ Бѣлоглинскій заводъ, и недаромъ гордились имъ бѣлоглинцы, крѣпко держась за свои стародавніе уставы и житейскіе „свычаи“. Жили крѣпко, по-старинному, до новшествъ было мало охотниковъ, а на такихъ отщепенцевъ, какъ Вуколъ Логинычъ, смотрѣли, какъ на людей совсѣмъ пропащихъ. Были и такіе примѣры: завертится человѣкъ, глядишь— и пропалъ. Хоть взять тѣхъ же Кутневыхъ и Девяткиныхъ—весь родъ пошелъ на переводъ, потому что захотѣли жить по-новому, по-модному. Бѣлоглинцы были глубоко предубѣждены противъ „прелестей“ новой модной жизни, которая уже поглотила многихъ.

Мы уже сказали, что семья Брагиныхъ была не изъ богатыхъ, потому что торговля „панскимъ товаромъ“ особенно большихъ выгодъ не могла доставить, сравнительно съ другими отраслями торговли. Слабое мѣсто заключалось въ извѣстной модѣ на извѣстные товары, которая проникла и въ Бѣлоглинскій заводъ. Бѣлоглинскія бабы разбирали нарасхватъ то кумачи, то кубовые ситцы, то какой то „нѣмецкій узоръ“, и ни за что не хотѣли покупать никакихъ другихъ; являлись остатки и цѣлыя штуки, вышедшія совсѣмъ изъ моды, которыя и гнили на верхнихъ полкахъ, терпѣливо ожидая моды на себя или неприхотливыхъ покупателей. Впрочемъ, и на эту „браковку“ былъ сбытъ, хотя довольно рискованный, именно, этотъ завалявшійся товаръ пускали въ долгъ по деревнямъ, гдѣ вліяніе моды чувствовалось не въ такой степени, какъ въ Бѣлоглинскомъ заводѣ. Такими покупателями, между прочимъ, являлись всѣ пріисковые и въ томъ числѣ, конечно, обитатели Полдневской на первомъ планѣ.

— Ужъ брошу же я эти панскіе товары! — въ сотый разъ говорилъ Гордей Евстратычъ, когда въ концѣ торговаго года съ Нюшей „сводилъ книгу“, т.-е. подсчитывалъ общій ходъ своихъ торговыхъ операцій.—Просто житья не стало... Эти проклятыя бабенки точно бѣлены объѣдятся: подавай имъ желтаго, да еще не желтаго, а „ранжеваго“. А куда я съ другимъ товаромъ дѣнусь? Вѣдь за него не щепки, а деньги давали. Ничего не сообразишь съ этими бабами. То ли дѣло хлѣбомъ или желѣзомъ торговать: всегда одна мода, и остатковъ да обрѣзковъ не полагается. Вотъ ужо брошу эту панскую торговлю да займусь хлѣбомъ... Вонъ Пазухины живутъ себѣ, какъ у Христа за пазухой, не принимаютъ отъ бабъ муки мученической.

— Тоже и съ хлѣбомъ всяко бываетъ, — степенно замѣтитъ Татьяна Власьевна: — одинъ годъ мучка-то ржаная стоитъ полтина за пудъ, а въ другой и полтора цѣлковыхъ отдашь... Не вдругъ приноровишься. Пазухины-то

въ томъ году купили этакъ же дорогого хлѣба, а цѣна-то и спала... Четыреста рубликовъ изъ кармана.

— А все-таки, мамынька, я брошу этотъ панскій товаръ.

Но всѣ въ брагинскомъ домѣ отлично знали, что Гордею Евстратычу не разстаться съ панской торговлей, потому что эта торговля батюшкой Евстратомъ Евстратычемъ ставилась, а противъ батюшки Гордей Евстратычъ не могъ ни въ чемъ итти. „Батюшка говорилъ“, „батюшка велѣлъ“, „батюшка наказывалъ“ — это было своего рода закономъ для всего брагинскаго дома, а Гордей Евстратычъ резюмировалъ все это одной фразой:—поколь живъ, изъ „батюшкиной воли не выйду“. И дѣйствительно, все въ брагинскомъ домѣ творилось въ томъ самомъ видѣ, какъ было при батюшкѣ Евстратѣ Евстратычѣ. Покрой платья, кушанья, взаимныя отношенія, семейные праздники, торговля, привычки, повѣрья—все оставалось въ томъ видѣ, въ какомъ осталось отъ батюшки. Это былъ цѣлый культъ предковъ въ лицѣ одного батюшки. Такъ, по срединѣ дома стояла громадная „батюшкова печь“ величиною съ цѣлую комнату; ее топили особенными полуторааршинными дровами, причемъ она страшно накаливалась и грозила въ одно прекрасное утро пустить на вѣтеръ весь батюшковъ домъ. Всѣ уговаривали Гордея Евстратыча передѣлать эту печь и поставить на ея мѣсто обыкновенную кухонную, а затѣмъ другую „голанку“—и мѣста бы много очистилось, да и дровъ пошло бы вдвое меньше.

— Въ самомъ дѣлѣ, Гордей Евстратычъ, — уговаривалъ упрямаго старика даже о. Крискентъ:—вотъ у меня на цѣлый домъ всего двѣ маленькихъ печи—и тепло какъ въ банѣ. Вотъ бы вамъ...

— Это батюшкову-то печь ломать? — изумлялся каждый разъ Гордей Евстратычъ.—Что вы, что вы, о. Крискентъ... Нѣтъ, этому не бывать, потому это какая печь — батюшка-то самъ ее ставилъ. Теперь мнѣ пятьдесятъ три года, а я еще ни одного кирпича въ ней не поправлялъ. Развѣ нынче умѣютъ такіе кирпичи дѣлать? Вонъ у васъ на церковь дѣлаютъ кирпичи: вѣсу въ немъ четыре фунта, а пальцемъ до него дотронулся — онъ самъ и крошится, какъ сухарь. А батюшковы кирпичи по двѣнадцати фунтовъ каждый и точно вылитые изъ чугуна... Нѣтъ, я батюшковой печи не потрону, о. Крискентъ. Вотъ умру, тогда дѣти, ежели захотятъ умнѣе отца быть, пусть ломаютъ батюшкову печь...

— Да, оно, конечно... пожалуй... нынѣшніе кирпичи ничего не стоятъ,— соглашался о. Крискентъ.

Самъ Гордей Евстратычъ походилъ на двѣнадцатифунтовый кирпичъ изъ батюшковой печи: онъ такъ же крѣпко выдерживалъ всѣ житейскія передряги, соблазны и напасти. Это былъ замѣчательно выдержанный, ровный и сосредоточенный характеръ, умѣвшій дѣлать уступки только для другихъ, а не для себя. Все, что ни дѣлалъ Гордей Евстратычъ, онъ дѣлалъ съ тѣмъ особеннымъ достоинствомъ, съ какимъ дѣлали свои дѣла старинные люди. Повидимому самыя пичтожныя дѣйствія домашняго обихода для него были преисполнены великаго внутренняго смысла. Напримѣръ, чего проще напиться чаю? А между тѣмъ у Гордея Евстратыча изъ этого заурядnаго проявленія повседневной жизни составлялась настоящая церемонія; во-первыхъ, дѣвка Маланья была обязана подавать самоваръ изъ секунды въ секунду въ извѣстное время— утромъ въ шесть часовъ и вечеромъ въ пять; во-вторыхъ, всѣ члены семьи должны были собираться за чайнымъ столомъ; въ-третьихъ, каждый пилъ изъ своей чашки, а Гордей Евстратычъ изъ батюшкова стакана; въ-четвертыхъ, порядокъ разливанія чая, количество выпитыхъ чашекъ смотря по временамъ

года и по значенію постныхъ или скоромныхъ дней, крѣпость и температура чая—все было разъ и навсегда установлено, и никто не смѣлъ выходить изъ батюшкова устава. Въ будни это чаеваніе имѣло дѣловой сосредоточенный характеръ, а въ праздники, особенно въ розговѣнья, превращалось въ настоящее торжество. Пить чай Гордей Евстратычъ любилъ до страсти и выпивалъ прямо изъ-подъ крана десять стакановъ самаго крѣпкаго чая, иначе не садился за столъ, даже въ гостяхъ, потому что не любилъ не доканчивать начатаго дѣла. „Чай разбиваетъ кровь“ — говорилъ Гордей Евстратычъ, вытирая катившійся съ лица потъ особымъ полотенцемъ. Обѣды и ужины проходили еще торжественнѣе чаеванья, какъ и вообще весь домашній распорядокъ. Больше всего ненавидѣлъ въ людяхъ Гордей Евстратычъ торопливость, потому что, кто торопится, тотъ, по его мнѣнію, всегда плохо дѣлаетъ свое дѣло и потомъ непремѣнно обманетъ. Какимъ путемъ вязалось послѣднее заключеніе съ торопливостью—оставимъ на совѣсти самого Гордея Евстратыча, который всегда говорилъ, что торопливаго отъ плута не различить. По всей вѣроятности, это наблюденіе было унаслѣдовано отъ батюшковыхъ завѣтовъ.

Какъ семьянинъ, Гордей Евстратычъ былъ безупречный человѣкъ; онъ ко всѣмъ относился одинаково ровно, судилъ только послѣ основательнаго разсмотрѣнія проступка, не любилъ дрязгъ и ссоръ и во всемъ прежде всего домогался спокойнаго порядка. Овдовѣвъ рано, онъ не женился во второй разъ для дѣтей, которыхъ и воспитывалъ по батюшковымъ строгимъ завѣтамъ, не давая потачки въ важномъ и не притѣсняя напрасно въ мелочахъ. Крику и шуму онъ не выносилъ вообще, а все дѣлалъ съ повадкой, степенно, почему и недолюбливалъ нынѣшнихъ модныхъ людей, которые суются въ дѣлахъ, какъ угорѣлые. Но зато со старинными людьми Гордей Евстратычъ обращался такъ важевато, что удивлялъ даже самыхъ древнихъ стариковъ. Особенно хорошъ бывалъ Гордей Евстратычъ по праздникамъ, когда являлся въ свою единовѣрческую церковь, степенно клалъ установленный „началъ“ съ подрушникомъ въ рукахъ, потомъ раскланивался на обѣ стороны, выдерживалъ всю длинную службу по ниточкѣ и часто поправлялъ дьячковъ, когда тѣ что-нибудь хотѣли пропустить или просто забалтывались. Въ двенадесятые праздники онъ становился на клиросъ и пѣлъ свѣжимъ теноромъ по крюкамъ, которые постигъ въ совершенствѣ еще подъ батюшковымъ руководствомъ. Такъ же себя держали Колобовы, Савины и Пазухины, перешедшіе въ единовѣріе, когда австрійскіе архіереи были переловлены и разсажены по православнымъ монастырямъ, а безъ нихъ въ раскольничьемъ мірѣ, имѣвшемъ во главѣ старцевъ и старицъ, начались безконечныя междоусобія, свары и распри. Только Шабалины продолжали упорно держаться древняго благочестія, несмотря на всевозможныя внѣшнія и внутреннія запинанія, хотя и не избѣгали благословенныхъ церковниковъ, какъ они называли единовѣрцевъ.

Но какъ строго ни соблюдалъ себя и свою жизнь Гордей Евстратычъ—онъ являлся только выразителемъ ея внѣшней стороны, а самый духъ въ домѣ поддерживался Татьяной Власьевной, которая являлась значительной величиной въ своемъ кругу. Никто лучше не зналъ распорядковъ, свычаевъ и обычаевъ стариннаго житья-бытья, которое изобрѣло тысячи церемоній на всякій житейскій случай, не говоря уже о такихъ важныхъ событіяхъ, какъ свадьбы, похороны, родины, разныя семейныя несчастія и радости. Къ Татьянѣ Власьевнѣ шли за совѣтомъ и указаніемъ по всякому поводу, и она никому не умѣла отказать, даже самому Вуколу Логинычу, если бы онъ пришелъ къ ней. Кромѣ этого, она славилась, какъ извѣстная постница, богомолка и

начетчица, а затѣмъ какъ тайная благодѣтельница. Конечно, подъ началомъ такого человѣка жизнь въ брагинскомъ домѣ текла самымъ образцовымъ порядкомъ, на поученье всѣмъ остальнымъ. Несмотря на свои малые достатки, Татьяна Власьевна всегда ухитрялась прокармливать у себя во флигелькѣ пять-шесть безпріютныхъ старушекъ. Вообще это была типичная представительница раскольничьей старухи, заправлявшей всѣмъ домомъ, какъ улитка своей раковиной. Быть въ мѣру строгой и въ мѣру милостивой, умѣть болѣть чужими напастями и не выдавать своихъ, выдерживать характеръ даже въ микроскопическихъ пустякахъ, вообще задавать твердый и рѣшительный тонъ не только своему дому, но и другимъ—это великая наука, которая вырабатывалась въ раскольничьихъ семьяхъ вѣками.

Къ снохамъ Татьяна Власьевна относилась, какъ къ роднымъ дочерямъ, и онѣ походили подъ ея началомъ на двухъ сестеръ, потому что всегда одѣвались одинаково, чѣмъ приводили въ глубокое умиленіе истинныхъ почитателей старины. Бѣлокурая красавица Аришa и высокая полная Дуня, когда шли въ церковь въ одинаковыхъ шелковыхъ платочкахъ и въ такихъ же сарафанахъ съ настоящимъ золотымъ позументомъ, дѣйствительно представляли умилительное зрѣлище. И мужья у нихъ были славные. Конечно, Михалка немного былъ тяжелъ характеромъ, лишку не разговорится, но парень основательный и всѣмъ дѣломъ могъ одинъ заправлять; Архипу всего еще минуло девятнадцать лѣтъ, и онъ, хотя былъ женатый человѣкъ, но въ своей семьѣ находился на положеніи подростка. Съ него большой работы и не спрашивалось; лишь бы присматривался около отца да около старшаго брата, а тамъ въ годы войдетъ, такъ и самъ другихъ поучитъ. Только вотъ характеромъ Архипъ издался ни въ мать, ни въ отца, ни въ бабушку, а какъ-то былъ самъ не по себѣ: все ему нипочемъ, вездѣ по колѣно море. Чтобы малый не избаловался, Татьяна Власьевна нарочно и женила его раньше, даже и жену ему выбрала тихую, чтобы мужа удерживала. Снохи втягивались въ порядки брагинскаго дома исподволь и незамѣтно дѣлались его неотъемлемой составной частью, какъ члены одного живого организма.

Вообще невѣстками своими, какъ и внуками, Татьяна Власьевна была очень довольна и въ случаѣ какихъ недоразумѣній всегда говорила: „ну, милушка, часъ терпѣть, а вѣкъ жить“... Но она не могла того же сказать о невитомъ сѣнѣ, Нюшѣ, характеръ которой вообще очень сильно безпокоилъ Татьяну Власьевну, потому что напоминалъ собой нелюбимую дочь-модницу, Алену Евстратьевну. Конечно, послѣдняго осторожная старуха никому не высказывала, но тѣмъ сильнѣе мучилась внутренно, хотя Нюша сама по себѣ была дѣвка шелкъ-шелкомъ, и изъ нея подчасъ можно было веревки вить.

— Охъ, мудреная ты моя головушка,—иногда говорила Татьяна Власьевна, когда Нюша съ чѣмъ-нибудь приставала къ ней.—Какъ-то ты жить-то на бѣломъ свѣтѣ будешь?

— А такъ и буду... Если бранить будешь, въ скиты уйду къ Шабалинымъ.

— Ахъ, ну тебя совсѣмъ... Вотъ уже услышитъ отецъ-то, такъ онъ тебя за косу.

Вообще брагинская семья была самой образцовой, какъ полная чаша, и даже модница Алена Евстратьевна и пьяница Зотушка не ставились въ укоръ Татьянѣ Власьевнѣ, потому что въ семьѣ не безъ урода.

Судьба Зотушки, любимаго сына Татьяны Власьевны, повторяла собой судьбу многихъ другихъ любимыхъ дѣтей—онъ погибъ именно потому, что мать не могла выдержать съ нимъ характера и часто сторожила безъ пути,

а еще чаще миловала. Способный, живой ребенокъ скоро понялъ мать, а потомъ забралъ и свою волю, которая и привела его къ роковой первой рюмочкѣ. Приспособляли Зотушку къ разнымъ занятіямъ, но изъ этого ничего не вышло, и Зотушка остался просто „при домашности“, говоря про себя, что безъ него, какъ безъ поганаго ведра, тоже не обойдешься... Вмѣсто настоящаго дѣла Зотушка научился разнымъ художествамъ: отлично стряпалъ пряники, еще лучше умѣлъ гонять голубей, зналъ секреты разныхъ мазей, имѣлъ, вообще, „легкую руку на скота“, почему и завѣдывалъ всей домашней скотиной, когда былъ „въ себѣ“, обладалъ искусствомъ ругаться со стряпкой Маланьей по цѣлымъ днямъ и т. д., и т. д.

VI.

Съ угла на уголъ отъ брагинскаго дома стоялъ пятистѣнный домъ Пазухиныхъ, семья которыхъ состояла всего изъ трехъ членовъ—самого хозяина Силы Андроныча, его жены Пелагеи Миневны и сына Алексѣя. Въ ихъ же домѣ проживала старая родственница съ мужней стороны, дѣвица Марѳа Петровна; эта особа давно потеряла всякую надежду на личное счастье, поэтому занималась исключительно чужими дѣлами и въ этомъ достигла замѣчательнаго искусства, такъ что попасть на ея острый язычокъ считалось въ Бѣлоглинскомъ заводѣ большимъ несчастіемъ, въ родѣ того, если бы кого продернули въ газетахъ.

— А у Брагиныхъ-то не того...—замѣтила однажды Марѳа Петровна, когда онѣ вмѣстѣ съ Пелагеей Миневной перекладывали на погребѣ приготовленные въ засолъ огурцы вишневымъ и смородиннымъ листомъ.

— А что, Марѳа Петровна?—освѣдомилась Пелагея Миневна, шустрая старушка съ бойкими черными глазами.

— Да такъ!.. неладно, — нарочно тянула Марѳа Петровна, опрокидываясь въ большую кадочку своимъ полнымъ корпусомъ по поясъ; въ противоположность общепринятому типу высохшей, поблекшей и изможденной неудовлетворенными мечтаніями дѣвственницы, Марѳа Петровна цвѣла въ сорокъ лѣтъ, какъ маковъ цвѣтъ, и походила по своимъ полнымъ жизни формамъ скорѣе на счастливую мать семейства, чѣмъ на безплодную смоковницу.

— Ужъ не боленъ ли кто?—сдѣлала догадку Пелагея Миневна, осторожно опуская на полъ рѣшетку съ вымытыми въ двухъ водахъ и вытертыми насухо кунгурскими огурцами.

Въ Бѣлоглинскомъ заводѣ климатъ былъ настолько суровъ, что огурцы росли только въ теплицахъ и парникахъ, какъ это было у Пятовыхъ и Шабалиныхъ; а всѣ остальные должны были покупать привозный товаръ. Обыкновенно огурцы привозили изъ Кунгурскаго уѣзда, какъ арбузы изъ Оренбургской губерніи, а яблоки изъ Перми.

Пробойная и дошлая на всѣ руки Марѳа Петровна, кажется, знала изъ своего уголка рѣшительно все на свѣтѣ и, какъ какой-нибудь астрономъ или метеорологъ, дѣлала ежедневно самыя тщательныя наблюденія надъ состояніемъ бѣлоглинскаго небосклона и заносила въ свою памятную книжку малѣйшія измѣненія въ общемъ положеніи отдѣльныхъ созвѣздій, въ состояніи барометра и колебаній магнитной стрѣлки. На своемъ наблюдательномъ посту Марѳа Петровна изобрѣла замѣчательно точные методы изслѣдованія, такъ что, какъ другіе великіе астрономы, могла предугадывать событія и даже предчувствовать, чего астрономы еще не могутъ добиться. Такъ и въ данномъ случаѣ, для Марѳы Петровны было совершенно достаточно замѣтить,

что въ брагинскомъ домѣ явились нѣкоторые тревожные признаки, какъ она сейчасъ же рѣшила, что тамъ неладно. Опытный пчеловодъ по гудѣнью пчелъ узнаётъ состояніе улья. Эти признаки были слѣдующіе: въ горницѣ Гордея Евстратыча по ночамъ горитъ огонь до второго и до третьяго часу, невѣстки о чемъ-то перешептываются и перебѣгаютъ по комнатамъ безъ всякой видимой причины, наконецъ сама Татьяна Власьевна ходила къ о. Крискенту, что̀ Маѳа Петровна видѣла собственными глазами. Кажется, достаточно...

— Въ самомъ дѣлѣ, не прихворнулъ ли у нихъ кто?—спрашивала во второй разъ Пелагея Миневна, напрасно стараясь замаскировать свое неукротимое бабье любопытство равнодушнымъ тономъ.

— Нѣтъ, всѣ здоровы, а только что-то неладно... Вонъ въ горницѣ-то у Гордея Евстратыча до которой поры по ночамъ огонь свѣтится. Потомъ сама-то старуха къ отцу Крискенту ходила третьева-дни...

— Неужели?.. Какъ же это я-то ничего не замѣтила, Маѳа Петровна?..

Въ умѣ обѣ женщины сейчасъ же перебрали всѣ подходящіе мотивы, но ничего не объяснялось ими. Ужъ не сватаютъ ли Нюшу, или, можетъ, письмо откуда получили... Вообще это неожиданное открытіе встревожило обѣихъ женщинъ, и Маѳа Петровна сейчасъ послѣ обѣда, закинувъ какое-то задѣлье, отправилась сначала къ Савинымъ, а потомъ къ Колобовымъ. Эта наблюдательная и въ сущности очень добрая особа работала на Пазухиныхъ какъ мельничное колесо, но, когда на горизонтѣ всплывало тревожившее ее облако, она бросала всякую работу, надѣвала на голову черную шерстяную шаль и отправлялась по гостямъ, гдѣ ей всегда были рады. Извѣстный запасъ новостей мучилъ Мароу Петровну, какъ мучитъ картежника каждый свободный рубль или какъ мучитъ насъ самая маленькая песчинка, попавшая въ глазъ; эта дѣвица не могла успокоиться и войти въ свою рабочую колею до тѣхъ поръ, пока не выбалтывала гдѣ-нибудь у Савиныхъ или Колобовыхъ рѣшительно все, что̀ у нея лежало на душѣ.

„Пошла наша кума со сплетней, какъ курица съ яйцомъ“, — подумала Пелагея Миневна про Мароу Петровну, но сказать это вслухъ, конечно, побоялась.

А Маѳа Петровна, торопливо переходя дорогу, думала о томъ, что авось она что-нибудь узнаетъ у Савиныхъ или Колобовыхъ, а если отъ нихъ ничего не вывѣдаетъ, тогда можно будетъ завернуть къ Пятовымъ и даже къ Шабалинымъ. Давно она у нихъ не бывала и даже немножко сердилась, потому что ее не пригласили на капустникъ къ Шабалинымъ. Ну, да ужъ какъ быть, на всякій чохъ не наздравствуешься.

Савины жили въ самомъ рынкѣ, въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ; второй этажъ у нихъ всегда стоялъ пустой, въ качествѣ парадной половины „на случай гостей“. Сами старики съ женатымъ сыномъ жили въ нижнемъ этажѣ, гдѣ лѣтомъ было сыро, а зимой холодно. Крытый наглухо, по-раскольничьи, широкій дворъ и всегда запертыя на щеколду ворота савинскаго дома точно говорили о томъ, что въ немъ живутъ очень плотно. Старикъ Кондратъ Гаврилычъ немножко „скудался глазами“ и рѣдко куда выходилъ; всей торговлей заправлялъ женатый сынъ. Собственно изъ этой семьи славилась сама Савиха, или Матрена Ильинична, высокая дородная старуха, всегда щеголявшая въ расшитой шелками и канителью кичкѣ. Красавица была въ свое время и великая щеголиха, а теперь пользовалась большой популярностью, какъ говоруха. Сама Маѳа Петровна побаивалась бойкой на языкъ Савихи и выучилась у ней многимъ ораторскимъ пріемамъ.

— Ахъ, кумушка, наконецъ-то завернула къ намъ,—ласково встрѣтила

Матрена Ильинична гостью.—А мы тутъ совсѣмъ мохомъ обросли безъ тебя...

— То-то, поди, соскучились?—отпучивалась Марѳа Петровна, стараясь попасть въ спокойно-добродушный тонъ важной старухи.—Авдотья-то Кондратьевна давненько у васъ была?

— На той недѣлѣ забѣгала подъ вечерокъ. Рубахи приходила кроить своему мужику. Дѣло-то непривычное, ну, и посумлѣвалась, какъ бы ошибочку не сдѣлать, а то Татьяна-то Власьевна, пожалуй, осудитъ... А что?

— Да я такъ сказала... живемъ изъ окна въ окно, а я что-то давно не видала Авдотьи-то Кондратьевны. Цвѣтетъ она у васъ, какъ макъ, и Гордей-то Евстратычъ не насмотрится на нее.

Марѳа Петровна побоялась развязать языкъ передъ Матреной Ильиничной, потому что старуха была нравная, съ характеромъ, да милую дочку Дунюшку недавно еще выдала въ брагинскій домъ, пожалуй, неровенъ часъ, обидится чѣмъ-нибудь.

— А какъ Кондратъ Гаврилычъ?—тараторила Марѳа Петровна, замиая разговоръ.

— Чего ему дѣлается...—нехотя отвѣтила Матрена Ильинична.—Работа у него больно невелика: съ печи на палати да съ палатей на печь... А ты вотъ что, Лиса Патрикѣевна, не заметай хвостомъ слѣдовъ-то!

— Я ничего, Матрена Ильинична... ей-Богу... Я такъ сказала...

— Не заговаривай зубовъ-то, матушка, я немножко пораньше тебя родилась...

Дѣлать нечего, Марѳа Петровна разсказала все, что сама знала, и даже испугалась, потому что совсѣмъ перетревожила старуху, которая во всемъ этомъ „неладно“ видѣла только одну свою ненаглядную Дунюшку, какъ бы ей чего не сдѣлали въ чужомъ дому, при чужомъ родѣ-племени.

— А я еще зайду къ Колобовымъ, можетъ, у нихъ не узнаю ли что, — успокаивала Марѳа Петровна:—а отъ нихъ, если ничего не узнаю, дойду до Пятовыхъ... Тамъ ужъ навѣрно все знаютъ. Ѳеня-то Пятова съ Нюшей Брагиной—водой не разлить...

— Охъ, боюсь я за Дуняшку-то свою,—стонала Матрена Ильинична.—Вновѣ ея дѣло, долго ли до какой напасти.

— Такъ ужъ я зайду къ вамъ, Матрена Ильинична, какъ пойду обратно, и все выложу, какъ на духу.

— Ну, ступай, ступай, таранта.

Марѳа Петровна полетѣла въ колобовскій домъ, который стоялъ на берегу рѣки, недалеко отъ господскаго дома, въ которомъ жили Пятовы. По своей архитектурѣ онъ принадлежалъ къ тѣмъ старинным деревяннымъ постройкамъ, со свѣтелками и переходами, какія сохранились только въ лѣсистой сѣверной полосѣ Россіи и лишь отчасти на Уралѣ. Въ колобовскомъ домѣ могло помѣститься свободно цѣлыхъ пять семействъ, и кромѣ того въ подвалѣ была устроена довольно просторная моленная. Старики Колобовы были только наполовину единовѣрцами и при случаѣ принимали австрійскихъ поповъ, хотя и скрывали это отъ непосвященныхъ. Самойла Михеичъ велъ довольно большую желѣзную торговлю; это былъ крѣпкій сѣдой старикъ съ большой лысой головой и сѣрыми, свѣтлыми, улыбавшимися глазами,—Ариша унаслѣдовала отъ отца его глаза. Жена Самойлы Михеича была какъ разъ ему подъ стать, и старики жили какъ два голубя; Агнея Герасимовна славилась, какъ большая затѣйница на всѣ руки, особенно когда случалось праздничное дѣло,—она и стряпать первая, и гостей принимать, и первая хо-

роводъ заведетъ съ молодыми, и даже скакала сорокой съ малыми ребятишками, хотя самой было подъ шестьдесятъ лѣтъ. Вообще веселая была старушка, гостепріимная, ласковая. Въ большомъ колобовскомъ домѣ со старинной вычурной мебелью и какими-то невѣроятными картинами въ золоченыхъ облупившихся рамахъ всѣ чувствовали себя какъ-то особенно свободно, точно у себя дома. Марѳа Петровна особенно любила завернуть къ Агнеѣ Герасимовнѣ и покалякать съ ней отъ души; добрая, хлѣбосольная старушка не прочь была и посплетничать, хотя и сознавала, что это нехорошо. Да и какъ удержаться, когда подвернется такая сорока, какъ Марѳа Петровна.

— Милости прошу, Марѳа Петровна, давненько не видались, — встрѣтила свою гостью Агнея Герасимовна. — Новенькаго чего нѣтъ ли? Больше нашего людей-то видите, — продолжала хозяйка, впередъ знавшая, что недаромъ гостья тащилась такую даль.

Марѳа Петровна вылила свои наблюденія о брагинскомъ домѣ, прибавивъ для краснаго словца самую чуточку. Въ оправданіе послѣдняго Марѳа Петровна могла сказать то, что сама первая вѣрила своимъ прибавкамъ. Принесенное ею извѣстіе заставило задуматься Агнею Герасимовну, которая долго припоминала что-то и наконецъ проговорила:

— Чуть-чуть не захлестнуло... И вѣдь какая штука вышла! На недѣлѣ какъ-то наша пестрянка двѣ ночи заночевала въ лѣсу, ну, Самойла Михеичъ и послалъ кучера искать ее. Только кучеръ цѣлый день проѣздилъ на верхной, а потомъ пріѣхалъ и съ пустыми руками. Стала я его разспрашивать, гдѣ и какъ онъ искалъ, — грѣшный человѣкъ, подумала еще, что гдѣ-нибудь въ кабакѣ онъ просидѣлъ!—ну, кучеръ мнѣ и говоритъ, что будто встрѣтилъ онъ на дорогѣ въ Полдневскую Гордея Евстратыча. Я еще посмѣялась про себя, думаю, и соврать-то не умѣетъ мужикъ... А оно выходитъ, пожалуй, и правда!..

Это открытіе дало неистощимый матеріалъ для новыхъ предположеній и догадокъ. Теперь уже не могло быть никакого сомнѣнія, что, дѣйствительно, въ брагинскомъ домѣ что-то неладно. Куда ѣздилъ Гордей Евстратычъ? Кромѣ Полдневской—некуда. Зачѣмъ? Если бы онъ ѣздилъ собирать долги съ полдневскихъ мужиковъ, такъ, во-первыхъ, Михалка недавно туда ѣздилъ, какъ знала Агнея Герасимовна отъ своей Ариши, а во-вторыхъ, зачѣмъ тогда Татьянѣ Власьевнѣ было ходить къ о. Крискенту. И т. д., и т. д.

Однимъ словомъ, Марѳа Петровна возвратилась домой съ богатымъ запасомъ новостей, который еще увеличился дорогой, какъ катившійся подъ гору комъ снѣга. Пелагея Миневна такъ и ахнула, когда услыхала, что Гордей Евстратычъ самъ гонялъ въ Полдневскую. Теперь дѣло было уже яснѣе дня! Брагины хотятъ заняться пріисками... Да! И, главное, потихоньку отъ другихъ. Хороши, нечего сказать, а еще сосѣди. Если бы не Марѳа Петровна, да тутъ Богъ знаетъ что̀ вышло бы. Пелагея Миневна и Марѳа Петровна такъ разгорячились отъ этихъ разговоровъ, что открыто начали завидовать несмѣтнымъ богатствамъ Брагиныхъ, позабывъ совсѣмъ, что эти богатства пока еще существовали только въ ихъ воображеніи.

— И вотъ попомните мое слово, Пелагея Миневна,—выкрикивала Марѳа Петровна, страшно размахивая руками: — непремѣнно всѣ они возгордятся и насъ за сосѣдей не будутъ считать. Ужъ это вѣрно! Потому, какъ мы крестьянскимъ товаромъ торгуемъ, а они золотомъ, — компанію будутъ водить только съ становымъ да съ мировымъ...

— Ну, про молодыхъ не знаю, а что̀ до Татьяны Власьевны, такъ она не такая старуха.

— Охъ, не говорите, Пелагея Миневна: врагъ горами качаетъ, а на золото онъ и падокъ... Я давеча ничего не сказала Агнѣ Герасимовнѣ и Матренѣ Ильиничнѣ,—ну, родня, свои люди,—а вамъ скажу. Вотъ сами увидите... Гордей Евстратычъ и такъ вонъ какъ себя держитъ высоко; а съ тысячами-то его и не достанешь. Домъ новый выстроятъ, платья всякаго нашьютъ...

Обѣ женщины пожалѣли вмѣстѣ, что вотъ имъ не достался же до сихъ поръ никакой пріискъ.

Кромѣ этого, Пелагея Миневна лелѣяла въ душѣ завѣтную мысль породниться съ Брагиными, а теперь это проклятое золото могло разрушить однимъ ударомъ всѣ ея надежды. Старушка знала, что Алешкѣ нравится Нюша Брагина, а также то, что и онъ ей нравится.

„Ужъ какъ бы хорошо-то было,—думала Пелагея Миневна.—Еще когда Алеша да Нюша ребятками маленькими были и на улицѣ играли постоянно вмѣстѣ, такъ я еще тогда держала на умѣ. И лучше бы не надо...“

Дѣйствительно, между Алексѣемъ Пазухинымъ и Нюшей незамѣтно образовались тѣ хорошія и дружескія отношенія, подъ которыми тлѣла настоящая любовь. Собственно, стороны не давали отчета въ своихъ чувствахъ, а пока довольствовались тѣмъ, что имъ было хорошо вмѣстѣ. Дѣтская дружба принимала форму болѣе сильнаго чувства, и только недоставало у Алеши смѣлости, чтобы взять свое. Онъ былъ скромный и совѣстливый парень, а Нюша такая бойкая и красивая. Въ ея присутствіи онъ каждый разъ сильно робѣлъ и безпрекословно переносилъ всевозможныя шалости, когда Нюша, улучивъ свободную минутку, встрѣчалась со своимъ обожателемъ гдѣ-нибудь у воротъ. Эти свиданія происходили въ сумерки. Нюша, накинувъ на плечи заячью шубейку, выскакивала за ворота и, по странной случайности, какъ-то всегда попадала на Алешу, который только и жилъ сумерками.

— Вотъ чему не потеряться-то... — смѣялась Нюша, кутаясь въ шубейку.—Носу нельзя показать безъ тебя, Алеша. Ты никакъ въ сторожа нанялся въ нашу Старую-Кедровскую?

— У васъ, Анна Гордеевна, всегда такія слова... какъ ножомъ по сердцу рѣжете...

— Какая я тебѣ Анна Гордеевна?.. Придумалъ тоже... А я такъ про себя всегда тебя Алешкой навеличиваю: Алешка Пазухинъ — и вся тутъ. Вмѣстѣ въ снѣжки, бывало, играли, на салазкахъ катались... Позабылъ, видно?

— Мало ли что прежде было... И теперь можно бы когда вечеркомъ по улицѣ на саночкахъ прокатиться... Эхъ, лихо бы я васъ прокатилъ, Анна Гордеевна!

— А бабушка-то?.. Да она тебѣ всѣ глаза выцарапаетъ, а меня на поклоны поставитъ. Вотъ тебѣ и на саночкахъ прокатиться... Ужъ и жисть только наша! Вотъ Ѳеня Пятова хоть на ярмарку съѣздила въ Ирбитъ, а мы все сиди да посиди... Только вѣдь нашему брату и погулять, что въ дѣвкахъ: а тутъ вотъ погуляй, какъ цѣпная собака. Хоть бы ты меня увезъ, Алешка, что ли... Ей-Богу! Устроили бы свадьбу-самокрутку, и вся тутъ. Въ Шабалинскихъ скитахъ старики кого угодно сводомъ свѣнчаютъ.

Иногда Нюшѣ доставляло громадное удовольствіе хорошенько помучить своего обожателя, особенно въ Святки, гдѣ-нибудь на вечеринкѣ. У Алешки былъ соперникъ въ лицѣ Володьки Пятова, избалованнаго барчука, который учился въ гимназіи до третьяго класса и успѣлъ отвѣдать всякихъ благъ городской цивилизаціи. Съ бѣлоглинскими дѣвицами, въ качествѣ управительскаго сынка, онъ обращался совсѣмъ свободно и открыто ухаживалъ за Ню-

шей, которая дурачилась съ нимъ напропалую, чтобы побѣсить Алешку. На то и Святки, чтобы дурачиться. По старинному обычаю, на бѣлоглинскихъ вечерахъ молодые люди открыто цѣловались между собой безчисленное количество разъ, какъ того требовала игра или пѣсня. Даже сама строгая Татьяна Власьевна разъ, когда Нюша ни за что не хотѣла цѣловаться съ какимъ-то не понравившимся ей кавалеромъ, заставила ее исполнить все по правилу и прибавила наставительно:—„Этого, матушка, нельзя, чтобы не по правилу— изъ игры да изъ пѣсни слова не выкинешь... За угломъ съ парнями цѣловаться не хорошо, а по игрѣ на глазахъ у отца съ матерью и Богъ проститъ!“ Увертливый, смѣлый, научившійся всякимъ художествамъ около арфистокъ и другихъ городскихъ дѣвицъ, Володька Пятовъ являлся для застѣнчиваго Алеши Пазухина истиннымъ наказаніемъ и вѣчнымъ предметомъ зависти. Въ обществѣ этого сорванца Нюша дѣлалась совсѣмъ другой дѣвушкой и точно сама удивлялась, какъ она могла по вечерамъ выбѣгать за ворота для этого пустоголоваго Алешки, который былъ просто смѣшонъ гдѣ-нибудь на вечеринкахъ или вообще въ компаніи.

— Неужели онъ тебѣ нравится, этотъ чурбанъ Алешка?—иногда спрашивала Нюшу бойкая Ѳеня Пятова.—Онъ и слова-то по-человѣчески не можетъ сказать, я думаю... Къ этакому-то чуду ты и выбѣгаешь за ворота? Ха-ха...

— А что же мнѣ дѣлать, если никого другого нѣтъ... Хоть доколѣ въ дѣвкахъ-то сиди. Ты вонъ, небось, и на ярмаркѣ была и въ другіе заводы ѣздишь, а я все сиди да посиди. Радъ будешь и Алешкѣ, когда отъ тоски сама себя съѣсть готова... Притомъ меня непремѣнно выдадутъ за Алешку замужъ. Это ужъ рѣшено. Хоть поиграю да потѣшусь надъ нимъ, а то послѣ онъ же будетъ величаться надо мной да колотить.

— Ужъ и нашли же вы сокровище... Гдѣ у вашихъ-то глаза, если такъ? Да я бы удавилась, а не пошла за твоего Алешку...

— Это все бабушка, Ѳеня... А у ней извѣстная пѣсня: „Пазухинская природа хорошая; выйдешь за единственнаго сына, значитъ, сама большая въ домѣ — сама и маленькая... Ни тебѣ золовокъ ни другихъ снохъ да деверьевъ!“ Потолкуй съ ней, ступай... А, да мнѣ все равно! Выйду за Алешку, такъ онъ у меня козыремъ заходитъ.

— Вотъ если бы онъ въ отца, въ Силу Андроныча уродился, тогда бы другое дѣло..

Сила Андроновичъ Пазухинъ былъ знаменитый человѣкъ въ своемъ родѣ, хотя и не изъ богатыхъ; красавецъ, силачъ, краснобай — онъ былъ мастеръ на всѣ руки и былъ не послѣднимъ человѣкомъ въ средѣ бѣлоглинскаго купечества, даромъ что торговалъ только крестьянскимъ товаромъ. Въ свое время объ Силѣ Андронычѣ сохнули да вздыхали всѣ бѣлоглинскія красавицы, и даже сама Матрена Ильинична, какъ говорила молва, была неравнодушна къ нему. Въ Николинъ день, девятаго мая, когда въ Бѣлоглинскомъ заводѣ праздновали престольный праздникъ и со всѣхъ сторонъ набирались гости, на площади устраивалась старинная русская потѣха—борьба. Это была настоящая церемонія, въ которой изъ года въ годъ заводы соперничали между собой своими борцами. Пріѣзжали изъ завода Курмыша, изъ Вязловскаго, изъ Плотицынскаго; со всѣхъ сторонъ набирался разный народъ. И каждый разъ въ теченіе двадцати лѣтъ Сила Пазухинъ „уносилъ кругъ“, т.-е. оставался побѣдителемъ. Въ сорокъ лѣтъ Пазухинъ кончилъ эту молодецкую забаву и только подъ веселую руку иногда любилъ тянуться на палкѣ, причемъ обыкновенно перетягивалъ всѣхъ. Теперь Силѣ Андронычу было подъ шестьдесятъ лѣтъ. Это былъ приземистый толстый старикъ съ обрюзгшимъ лицомъ и кудрявыми

волосами; прежняя красота заплыла жиромъ, а сила износилась. Не имѣя возможности тѣшиться прежними молодецкими забавами, какъ борьба и кулачный бой, Сила Андронычъ пристрастился къ лошадямъ и выкармливалъ замѣчательныхъ бѣговъ киргизской крови. Купеческихъ лошадей съ выгнутыми, какъ тріумфальная арка, шеями онъ просто ненавидѣлъ. Къ недостаткамъ этого старика принадлежала, между прочимъ, его необыкновенная „скорость на руку“, за что онъ платился самъ первый. Семейныхъ своихъ онъ не шевелилъ пальцемъ, впрочемъ, не изъ какихъ-нибудь гуманныхъ побужденій, а просто изъ боязни порѣшить однимъ ударомъ. Зато прислугѣ, особенно подручнымъ по лавкѣ и кучерамъ, крѣпко доставалось отъ его скорости; поэтому у него кучера славились, какъ самый отпѣтый народъ, особенно одинъ, по прозванію Воронъ, любимецъ Силы Андроныча. Ихъ сближеніе произошло довольно оригинально. Купилъ Сила Андронычъ съ оренбургской линіи гнѣденькаго иноходчика и сталъ его выѣзжать, а потомъ замѣтилъ, что иноходчикъ съ тѣла спадаетъ. Отыскавъ какую-то ссадину на лопаткѣ, несомнѣнное доказательство жестокаго обращенія Ворона, — Сила Андронычъ захотѣлъ немножко поучить послѣдняго, а наука короткая: положилъ нагайку въ карманъ и—въ конюшню къ Ворону. Воронъ что-то прибиралъ въ конюшнѣ, когда хозяинъ вошелъ къ нему. Это былъ мрачный субъектъ, черный, какъ цыганъ, и съ однимъ глазомъ. Сила Андронычъ, прочитавъ приличное наставленіе своему любимцу на тему, что „блаженъ иже и скота милуетъ“, для большей убѣдительности своихъ словъ принялся опытной рукой полировать Ворона. Воронъ не потерялся, а, схвативъ запорку отъ конюшни, быстро изъ оборонительнаго положенія перешелъ въ наступательное: загналъ хозяина въ уголъ и въ свою очередь такъ его поучилъ, что тотъ едва уплелъ ноги въ горницу.

— Молодецъ, если умѣлъ Силу Пазухина поучить...—говорилъ на другой день Сила Андронычъ, подавая Ворону стаканъ водки изъ собственныхъ рукъ.—Есть сноровка... молодецъ!.. Только подъ ребро никогда не бей: порѣшишь грѣшнымъ дѣломъ... Я-то ничего, а другому пожиже и не дохнуть. Вонъ у тебя какіе безмены...

Воронъ и теперь жилъ у Пазухиныхъ и пользовался неизмѣннымъ расположеніемъ хозяина все время, хотя самъ оставался туча-тучей.

Сынъ Алексѣй нисколько не походилъ на отца ни наружностью ни характеромъ, потому что уродился ни въ мать ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца. Это былъ видный парень, съ румянымъ лицомъ и добрыми глазами. Сила Андронычъ не считалъ его и за человѣка и всегда называлъ дѣвкой. Но Татьяна Власьевна думала иначе—ей всегда нравился этотъ тихій мальчикъ, какъ разъ отвѣчавшій ея идеалу мужа для ненаглядной Нюши.

— И хорошо, что не въ отца пошелъ,—говорила она:—съ такимъ бойцомъ жить—безъ ребрышка ходить... А намъ не дорога его-то разгулка, а дорога домашняя потребность.

VII.

Въ брагинскомъ домѣ было тихо, но это была самая напряженная, неестественная тишина. Самъ ходилъ по дому, какъ ночь темная; ни отъ кого приступу къ нему не было, кромѣ Татьяны Власьевны. Они запирались въ горницѣ Гордея Евстратыча и подолгу бесѣдовали о чемъ-то. Потомъ Гордей Евстратычъ ѣздилъ въ Полдневскую одинъ, а какъ оттуда вернулся, взялъ съ собой Михалку, нѣсколько лопатъ и кайлъ и опять уѣхалъ. Это были первыя развѣдки жилки.

Стояла глубокая осень; по ночамъ земля крѣпко промерзала. Листъ на деревьяхъ опалъ; стояли холодные вѣтры, постоянно дувшіе изъ „гнилого угла“, какъ зовутъ крестьяне сѣверо-востокъ. Солнце не показывалось по недѣлямъ. Все въ природѣ точно съежилось, предчувствуя наступленіе холодной зимы. Вотъ въ одинъ изъ такихъ дней Гордей Евстратычъ съ Михалкой подъѣзжали верхомъ къ Полдневской, но, не доѣзжая деревни, они взяли влѣво и лѣсистымъ уваломъ, по какой-то безыменной тропинкѣ, начали подниматься вверхъ по рѣкѣ. Гордей Евстратычъ не хотѣлъ, чтобы его видѣли въ Полдневской, гдѣ онъ недавно былъ — провѣдать Маркушку, который все тянулся изо дня въ день, самъ тяготясь своимъ существованіемъ. Другіе старатели, кажется, начинали догадываться, зачѣмъ ѣздилъ Брагинъ къ нимъ, и теперь онъ рѣшилъ не показываться полднякамъ до поры до времени, когда все дѣло будетъ сдѣлано.

— Я бы теперь же сдѣлалъ заявку жилки, мамынька,—говорилъ Гордей Евстратычъ передъ отъѣздомъ:—да все еще сумлѣваюсь насчетъ Маркушки... Не надулъ ли онъ меня? Объявишь жилку, насмѣшишь весь міръ, а тамъ, можетъ, ничего и нѣтъ.

— А ты бы съѣздилъ посмотрѣть шахту-то.

— Такъ и сдѣлаемъ. Одинъ-то я былъ около нея, да одному ничего нельзя подѣлать. Надо Михалку прихватить. Потому, первое, въ шахту спущаться надо; а одинъ-то залѣзешь въ нее, да, пожалуй, и не вылѣзешь.

Проѣхавъ верстъ пять по р. Полуденкѣ, путники переѣхали вбродъ горную рѣчонку Смородинку и по ней стали подниматься къ самой верхотинѣ. Мѣсто было дикое,—косогоръ на косогорѣ. Приходилось продираться черезъ дремучую еловую заросль, гдѣ и пѣшему пройти въ добрый часъ, а не то что верхомъ, на лошади. Даже не было никакой тропы, какую выбиваютъ дикіе лѣсные козлы. Осенью этотъ лѣсъ особенно былъ мраченъ и глухо шумѣлъ, раскачиваясь мохнатыми вершинами. Трава давно поблекла, прибрежные кусты смородины и тальника жалко топорщились своими оголенными вѣтвями. Гордей Евстратычъ ѣхалъ впередъ, низко наклоняясь подъ навѣсомъ еловыхъ вѣтвей, загораживавшихъ дорогу, какъ длинныя корявыя руки. Вотъ и верхотина Смородинки, гдѣ эта рѣчонка сочится изъ горы Заразной небольшимъ ключикомъ. Вотъ и увалъ, который идетъ отъ Заразной на полдень, а вотъ и тѣ два кедра, о которыхъ говорилъ Маркушка. Мѣсто дикое, кругомъ лѣсъ, глухо, точно въ какомъ склепѣ.

— Здѣсь...—говоритъ Евстратычъ, подъѣзжая къ кедрамъ.

Они спѣшились. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кедровъ, на небольшой полянѣ, затянутой молодымъ ельникомъ, едва можно разсмотрѣть слѣды чьей-то работы, именно два поросшихъ кустарникомъ бугра, а между ними заваленное кустарникомъ отверстіе шахты. Издали его можно даже совсѣмъ не замѣтить, и только опытный глазъ старателя сразу видѣлъ, въ чемъ дѣло.

Они осмотрѣли шахту, а затѣмъ очистили входъ въ нее. Собственно, это была не шахта, а просто „дудка“, какъ называютъ неправильныя шахты безъ срубовъ. Такія дудки могутъ пробиваться только въ твердомъ грунтѣ, потому что иначе стѣнки дудки будутъ обваливаться.

— Ну, теперь нужно будетъ лѣзть туда,—проговорилъ Гордей Евстратычъ, вынимая изъ переметной сумы приготовленную стремянку, т.-е. веревочную лѣстницу. — Однимъ концомъ захватимъ за кедры, а другой въ яму спустимъ... Маркушка сказывалъ — шахта всего восемнадцать аршинъ идетъ въ землю.

— Какъ бы, тятенька, не оборваться,—замѣтилъ Михалка, помогая при-

вязывать конецъ стремянки къ дереву.—Я полегче васъ буду,—давайте, я и спущусь...

— Нѣтъ, я самъ...

На случай былъ захваченъ фонарь съ выпуклымъ стекломъ, извѣстный подъ именемъ коровьяго глаза. Предварительно на длинной веревкѣ спущены были въ дудку лопата и кирка. Перекрестившись, Гордей Евстратычъ началъ по стремянкѣ спускаться внизъ, гдѣ его сразу охватило затхлымъ, застоявшимся воздухомъ, точно онъ спускался въ погребъ. Пахло глиной и гнилымъ деревомъ. Раскинувъ руками, онъ свободно упирался въ стѣнки дудки. Въ одномъ мѣстѣ сорвался камень и глухо шлепнулся на самое дно, гдѣ стояла вода. Верхнее отверстіе шахты съ каждымъ шагомъ внизъ дѣлалось все меньше, пока не превратилось въ небольшое окно неправильной формы. Наконецъ Гордей Евстратычъ сталъ на самое дно шахты, гдѣ стояла лужа грязноватой воды. Онъ зажегъ свой коровій глазъ, перекрестился и взялся за кирку. При яркомъ освѣщеніи можно было разсмотрѣть слѣды недавней работы и самую жилку, т.-е. тотъ кварцовый прожилокъ, который проходилъ по дну шахты угломъ. Куски кварца были перемѣшаны съ глиной и охрой; преобладающую породу составлялъ отвердѣвшій глинистый сланецъ со слѣдами талька, желѣзнаго колчедана и красика, т.-е. ярко окрашенной красной глины. Маркушка, добывая золото, сдѣлалъ небольшой забой, т.-е. боковую шахту; но, очевидно, работа здѣсь шла только между прочимъ, тайкомъ отъ другихъ старателей, съ однимъ кайломъ въ рукахъ, какъ мыши выгрызаютъ въ погребахъ ковриги хлѣба. Гордей Евстратычъ внимательно осмотрѣлъ все дно шахты и забой, набралъ руды цѣлый мѣшокъ и, зацѣпивъ его за веревку, свистнулъ,—это былъ условный знакъ Михалкѣ поднимать руду. Такимъ образомъ мѣшокъ спустился и поднялся разъ пять, а Гордей Евстратычъ продолжалъ работать кайломъ, обливаясь потомъ. Его огорчало то обстоятельство, что нигдѣ не попадаются такіе куски „скварца“, какой ему далъ Маркушка, хотя онъ видѣлъ крупинки золота, вкрапленныя въ охристый красноватый и бурый кварцъ. Но все-таки это была настоящая жилка, въ чемъ Гордей Евстратычъ убѣждался воочію; оставалось только воспользоваться ею. Онъ уже чувствовалъ себя хозяиномъ въ этой золотой ямѣ, которая должна была его обогатить. Въ порывѣ чувства, Гордей Евстратычъ палъ на колѣни и горячо началъ благодарить Бога за ниспосланное ему сокровище.

„Эхъ, не вылѣзъ бы отсюда“,—думалъ онъ, въ послѣдній разъ оглядывая свои сокровища ревнивымъ хозяйскимъ глазомъ.

Но нужно было уѣхать засвѣтло домой, и Гордей Евстратычъ выбрался наверхъ, гдѣ его дожидался молчаливый Михалка.

Итакъ, жилка оказалась форменной, какъ слѣдуетъ быть жилкѣ. Оставалось только заявить ее, гдѣ слѣдуетъ,—и дѣло съ концомъ. Но вотъ тутъ и представлялось первое затрудненіе. Именно, по горному уставу: во-первыхъ, прежде, чѣмъ разыскивать золото, требуется предварительное дозволеніе на развѣдки въ такой-то мѣстности, при такомъ-то составѣ развѣдочной партіи; во-вторыхъ, требуется заявка найденной розсыпи по извѣстной формѣ съ записью въ книги при полиціи, и наконецъ, самое главное — позволяется частной золотопромышленности производить развѣдки и эксплоатацію только золота въ розсыпяхъ, а не жильнаго. Конечно, при покупкѣ заявленныхъ пріисковъ первыя два правила не имѣютъ значенія, но вѣдь Маркушкина дудка не была нигдѣ заявлена, слѣдовательно какъ же могъ Гордей Евстратычъ узнать о содержавшемся въ ней золотѣ.

— А если возьму свидѣтельство на развѣдки золота да потомъ и заявлю

эту шахту?—говорилъ Гордей Евстратовичъ, когда былъ въ послѣдній разъ у Маркушки.

— Нѣтъ... невозможно,—хрипѣлъ Маркушка, не поворачивая головы.— Ужъ тутъ пронюхаютъ, Гордей Евстратычъ, все пронюхаютъ... Только деньги да время задарма изведешь... прожженый народъ наши пріисковые... чистые варнаки... Сейчасъ разыщутъ, чья была шахта допрежъ того; выищутся наслѣдники, по судамъ затаскаютъ... нѣтъ, это не годится. Напрасно не затѣвай развѣдокъ, а лучше прямо объявись...

— Да вѣдь мнѣ не дадутъ работать жильное золото?

— Ахъ, какой же ты, право, непонятный... Знамо дѣло, что не дадутъ. Я ужъ тебѣ говорилъ, что надо подъ Шабалина подражать... онъ тоже на жилкѣ робитъ, а списываетъ золото розсыпнымъ... Есть тутъ одинъ анжинеръ,—тебѣ ужъ къ нему въ правую ногу придется.

— Да кто такой?

— А Лапшинъ, Порфиръ Порфирычъ... ты не гляди на него, что въ десять-то лѣтъ трезвымъ часу не бывалъ—онъ все оборудуетъ лѣвой ногой... ужъ я знаю эту канитель... Эхъ, какъ бы я здоровъ-то былъ, Гордей Евстратычъ, я бы тебя вездѣ провелъ. Ну, да и безъ меня пройдешь съ золотомъ-то... только одно помни: ни въ чемъ не перечь этимъ самымъ анжинерамъ, а то какъ лягушку раздавятъ...

— Не люблю я этихъ чиновниковъ, Маркушка... Ножъ они мнѣ вострый!

— Кто ихъ любитъ, Гордей Евстратычъ? Да ежели безъ нихъ невозможно...

— А я этого Порфира Порфирыча даже очень хорошо знаю. Не одинъ разъ у меня въ лавкѣ бывалъ... Все платки кумачные покупалъ...

— Пьяный?

— Навеселѣ...

— Ну, обыкновенно. У него зараза: платки дѣвкамъ въ хороводъ бросать... Прокуратъ онъ, Порфиръ-то Порфирычъ, любитъ покуражиться; а такъ—добрѣющая душа,—хоть выспись на немъ... Онъ помощникомъ левизора считается, а отъ него все идетъ по этимъ пріискамъ... Недаромъ Шабалинъ-то льнетъ къ нему... Такъ ужъ ты прямо къ Порфиру Порфирычу, объявишь, что и какъ; а онъ тебя ужъ научитъ всему...

Крѣпко не хотѣлось Гордею Евстратычу связываться съ крапивнымъ сѣменемъ, но выбирать было не изъ чего. Надо было ковать желѣзо, пока оно горячо; а Богъ знаетъ, что еще впереди. Бывая въ Полдневской, Гордей Евстратычъ нѣсколько разъ предлагалъ Маркушкѣ перевести его въ Бѣлоглинскій заводъ къ себѣ въ домъ; но Маркушка ни за что не хотѣлъ оставлять своего логовища и не могъ даже себѣ представить, какъ онъ умретъ не въ Полдневской. Дѣлать нечего, пришлось устраивать Маркушку въ его теперешнемъ помѣщеніи, что было очень трудно сдѣлать. Балаганъ Маркушки промерзалъ со всѣхъ четырехъ угловъ, въ пазы вездѣ дуло, дымъ ѣлъ глаза, и, при всемъ томъ, не было никакой возможности его поправить хотя сколько-нибудь. Для перваго раза Гордей Евстратычъ устроилъ Маркушкѣ постель, послалъ теплое мѣховое одѣяло, бѣлье, разнаго харчу, сальныхъ свѣчъ и т. д.

— Я тебѣ доктора пошлю, онъ тебя вылѣчитъ,—нѣсколько разъ предлагалъ Брагинъ.

— Нѣтъ... какой ужъ тутъ докторъ,—съ безнадежной улыбкой говорилъ Маркушка, дѣлая напрасное усиліе улыбнуться.—Ваши доктора только уморятъ... я у старухъ пользуюсь...

— Да чѣмъ онѣ тебя лѣчатъ, старухи-то?

— Средствіе такое есть... пью настой изъ черныхъ таракановъ...

Маркушка былъ фаталистъ и философъ, вѣроятно, потому, что жизнь его являлась чѣмъ-то въ родѣ философскаго опыта на тему, что̀ выйдетъ изъ того, если человѣка поставить въ самыя невозможныя условія существованія. Съ двѣнадцати лѣтъ Маркушка пилъ водку и курилъ табакъ: каторжная пріисковая работа чередовалась съ каторжнымъ бездѣльемъ. Середины ни въ чемъ не было, и, вѣроятно, на этомъ основаніи Маркушка создалъ себѣ ее искусственно въ формѣ водки. Благодаря этому радикальному средству печень Маркушки вѣсила тридцать фунтовъ, а онъ чувствовалъ, что у него въ боку лежитъ точно цѣлый жерновъ.

— Это отъ болоней,—объяснилъ Маркушка со словъ пользовавшихъ его старухъ.—Все ничего, а какъ болонь въ человѣкѣ повреждена—тутъ ужъ шабашъ... Наши полдневскіе всѣ отъ болоней умираютъ.

Гордѣю Евстратычу приходилось отыскивать инженера Лапшина, который офиціально жилъ въ Сосногорскомъ заводѣ, около котораго по преимуществу были разбросаны золотые пріиски. Отъ Бѣлоглинскаго завода до Сосногорскаго считалось верстъ двѣсти, но „для милаго дружка и семь верстъ не околица“. Нечего дѣлать, кое-какъ управивъ свои торговыя дѣлишки и перехвативъ на всякій случай деньжонокъ, Гордей Евстратычъ тронулся въ путь-дорогу. Осенняя распутица была въ самомъ разгарѣ, точно природа производила опыты надъ человѣческимъ терпѣніемъ: то все подмерзнетъ денька на два и даже снѣжкомъ запорошитъ, то опять такую грязь разведетъ, что не глядѣли бы глаза. Уральскія дороги вообще не отличаются удобствами, но въ распутицу онѣ превращаются въ пытку, и преступниковъ, вмѣсто каторги, можно бы наказывать тѣмъ, что заставлять ихъ путешествовать въ осеннюю и весеннюю распутицу по Уралу. Въ Сосногорскій заводъ Брагинъ пріѣхалъ на седьмой день; хотя ѣхалъ день и ночь, но на его несчастье Лапшинъ только-что уѣхалъ подъ Верхотурье ревизовать Перемытые пріиски. Передохнулъ Брагинъ денекъ въ Сосногорскѣ; дальше проживаться даромъ было нечего, а домой возвращаться съ пустыми руками было совѣстно,—онъ рѣшилъ ѣхать вслѣдъ за Лапшинымъ, чтобы перехватить его гдѣ-нибудь на дорогѣ, благо къ Верхотурью было ѣхать въ свою же сторону, хотя и другими дорогами. До Перемытыхъ пріисковъ было верстъ сто съ небольшимъ: но тамъ Брагинъ опять не засталъ Лапшина, который только-что укатилъ обратно, въ Сосногорскъ. Приходилось опять тащиться назадъ. Терпѣніе Гордѣя Евстратыча подверглось настоящему испытанію, но онъ рѣшился добиться своего и поймать Лапшина, во что бы то ни стало.

На этотъ разъ Порфиръ Порфирычъ былъ дома. Онъ жилъ въ одноэтажномъ деревянномъ домишкѣ, который и снаружи и внутри отличался величайшимъ убожествомъ, какъ богадѣльня или солдатская казарма. Въ передней денщикъ чистилъ сапоги и, на вопросъ Гордея Евстратыча, можно ли будетъ видѣть барина, молча указалъ сапожной щеткой на открытую дверь въ слѣдующую комнату. Сотворивъ про себя приличную случаю молитву, Гордей Евстратычъ перешагнулъ порогъ и очутился въ совершенно пустой комнатѣ, въ которой, кромѣ дивана да ломбернаго стола, рѣшительно ничего не было. На диванѣ въ одной рубахѣ и форменныхъ штанахъ съ голубой прошвой лежалъ низенькаго роста господинъ съ одутловатымъ и прыщеватымъ лицомъ, воспаленными слезившимися глазами и великолѣпнымъ сизымъ носомъ. Это и былъ самъ Порфиръ Порфирычъ.

— Порфиру Порфирычу-съ...—нерѣшительно заговорилъ Брагинъ, отвѣшивая купеческій поклонъ.

— Тэкъ-съ... Порфиру Порфирычу сорокъ одно съ кисточкой, пятиалтынный съ дырочкой... Такъ? Изъ бѣлоглинскихъ? Такъ... Помню. Платки еще дѣвкамъ покупалъ...

— Точно такъ-съ, Порфиръ Порфирычъ.

— Садись,—чего стоять-то? Ноги еще, можетъ, пригодятся... Сенька!

— Сичасъ, вашескородіе...—послышалось изъ передней.

— Давай стулъ, чо-орть!..

— Сичасъ, вашескородіе...

— Ну, садись не то ко мнѣ на диванъ, пока тамъ что...

— Ничего-съ, постоимъ-съ...

— Да ты садись: знаешь мой характеръ?

Гордей Евстратычъ осторожно присѣлъ на самый кончикъ дивана, въ самыхъ ногахъ у Порфира Порфирыча, отъ котораго такъ и разило перегорѣлой водкой. Порфиръ Порфирычъ набилъ глиняную трубку съ длиннѣйшимъ чубукомъ Жуковымъ и исчезъ на время въ клубахъ дыма.

— Ну что, золото нашелъ?—заговорилъ Порфиръ Порфирычъ послѣ небольшой паузы.

— Точно такъ-съ... Есть такой грѣхъ.

— Всѣ грѣшны да Божьи, и дѣвать насъ некуда. Богатое?

— Еще не знаю, Порфиръ Порфирычъ...

— Ой, врешь, по рожѣ твоей вижу, что врешь... Вѣдь ты обмануть меня хочешь? А потомъ хвастаться будешь: левизора, дескать, облапошилъ... Ну, голубчикъ, распоясывайся, что и какъ. Я человѣкъ простой, рубаха-парень. Семенъ!

— Сичасъ, вашескородіе...

— Дуракъ!.. Ну-съ, такъ, какъ это у васъ все случилось, разскажите. А предварительно мы для разговору по единой пропустимъ. У меня ужъ такое правило, и ты не думай кочевряжиться. Сенька двухголовый!.. Подать намъ графинъ водки и закусить балычка, или икорки, или рыжичковъ солененькихъ...

Семенъ на этотъ разъ не заставилъ себя ждать, и на ломберномъ столѣ скоро появилась водка въ сопровожденіи куска балыка. Выпили по первой, потомъ по другой. Гордей Евстратычъ разсказалъ свое дѣло; Порфиръ Порфирычъ выслушалъ его и съ улыбкой спросилъ:

— Все?

— Точно такъ-съ, Порфиръ Порфирычъ.

— Своимъ умомъ дошелъ, или добрые люди научили всю подноготную выложить?

— Былъ такой грѣхъ, Порфиръ Порфирычъ...

— То-то было грѣхъ. Знаю я васъ всѣхъ, насквозь знаю!—загремѣлъ Порфиръ Порфирычъ, вскакивая съ дивана и принимаясь неистово бѣгать по комнатѣ.—Всѣ вы бонтесь меня, какъ огня, потому что я честный человѣкъ и взятокъ не беру... Да!! Десять лѣтъ выслужилъ, у другого сундуки ломились бы отъ денегъ, а у меня кромѣ сизаго носа да затвердѣнія печенки ничего нѣтъ... А отчего?.. Вотъ ты и подумай.

— Ужъ не оставьте, Порфиръ Порфирычъ. На васъ вся надежда, какъ, значитъ, вы все можете...

— Женатъ?

— Вдовъ.

— Дѣти есть?

— Два сына женатыхъ, дочь...

— Замужемъ?

— Нѣтъ.

— Молоденькая?

— Заневѣстилась недавно.

— Хорошенькая?

— Не знаю ужъ, какъ кому покажется...

— Ну, отлично. Я люблю молоденькихъ, которыя поласковѣе... Знаешь по себѣ, что всякая живая душа колачика хочетъ!.. Ты хотя и вдовецъ, а все-таки живой человѣкъ...

— Я ужъ старикъ, Порфиръ Порфирычъ, у меня и мысли не такія въ головѣ.

— Опять врешь... Знаешь пословицу: старъ да нѣтухъ, молодъ да протухъ. Вотъ посмотри на меня... Э! я еще ничего... Хе-хе-хе!.. Да ты вотъ что, кажется, не пьешь? Нѣ-ѣтъ, это дудки... Золота захотѣлъ, такъ сначала учись пить.

— Увольте, Порфиръ Порфирычъ. Ей-Богу, больше натура не принимаетъ.

— Враки... Пей!.. Вонъ Вуколка вашъ, такъ тотъ самъ напрашивается. Ну, такъ жилку нашелъ порядочную, Гордей Евстратычъ? Отлично... Мы устроимъ тебя съ твсей жилкой въ лучшемъ видѣ, копай себѣ на здоровье, если лишнія деньги есть.

— Ужъ какъ Господь пошлетъ...

Эта дѣловая бесѣда кончилась тѣмъ, что послѣ четырехъ графинчиковъ Порфиръ Порфирычъ захрапѣлъ мертвую на своемъ диванѣ, а Гордей Евстратычъ едва нашелъ дверь въ переднюю, откуда вышелъ на улицу уже при помощи Семена. Мысли въ головѣ будущаго золотопромышленника путались, и онъ почти не помнилъ, какъ добрался до постоялаго двора, гдѣ всѣхъ удивилъ своимъ отчаяннымъ видомъ.

— Ну, я пріѣду къ вамъ въ Бѣлоглинскій,—говорилъ на другой день Лапшинъ:—тогда все твое дѣло устрою; а ты, смотри, хорошенько угощай...

На прощаньи Порфиръ Порфирычъ опять напоилъ Гордея Евстратыча до положенія ризъ, такъ что на этотъ разъ его замертво снесли въ экипажъ и въ такомъ видѣ повезли обратно въ Бѣлоглинскій заводъ.

VIII.

Порфиръ Порфирычъ не заставилъ себя ждать и по первопуткѣ прикатилъ въ Бѣлоглинскій заводъ. Онъ, какъ всегда, остановился у Шабалина и сейчасъ же послалъ за Брагинымъ. Гордей Евстратычъ пріодѣлся въ свой длиннополый сюртукъ, повязалъ шею атласной косынкой, надѣлъ новенькіе козловые сапоги „со скрипомъ“ и въ этомъ старинномъ костюмѣ отправился въ гости, хотя у самого кошки скребли на душѣ. Онъ еще не успѣлъ забыть своей первой встрѣчи съ Порфиромъ Порфирычемъ, послѣ которой онъ домой пріѣхалъ совсѣмъ больной. Татьяна Власьевна видѣла по лицу сына, что что-то не ладно, но что—онъ ей не говорилъ; провожая его теперь въ шабалинскій домъ, она пытливо заглядывала ему въ глаза.

— Устрой, Господи, все на пользу!..—молилась она про себя, высматривая въ окно, какъ повезъ отца Архипъ.

Кучера Брагины не держали, потому что въ домѣ съ Зотушкой было четверо мужиковъ, а ѣзда была не велика: до лавки доѣхать, да иногда въ гости. Въ новомъ шабалинскомъ домѣ Гордей Евстратычъ еще не бывалъ и

теперь невольно удивлялся необыкновенной роскоши, съ которой все было отдѣлано въ домѣ. По мраморной великолѣпной лѣстницѣ, устланной дорогимъ мягкимъ ковромъ, онъ поднялся во второй этажъ: у подъѣзда и въ передней двери были дубовыя съ тонкой рѣзьбой и ярко горѣвшими бронзовыми ручками. Въ передней швейцаръ, изъ отставныхъ солдатъ, помогъ Гордею Евстратычу снять шубу. Пахло какими-то духами и сигарами; изъ гостиной доносились громкіе голоса и чей-то неистовый хохотъ. Гордей Евстратычъ еще разъ пріостановился, расправилъ бороду и вошелъ въ пустую громадную залу, которая просто ошеломила его своей обстановкой: зеркала во всю стѣну, орѣховая дорогая мебель съ синей бархатной обивкой, такія же драпировки, малахитовыя вазы передъ окнами, рояль у одной стѣны, громадная картина въ рѣзной черной массивной рамѣ, синіе бархатные обои съ золотыми разводами, навощенный паркетъ—все такъ и запрыгало въ глазахъ у Гордея Евстратыча. Онъ тяжело перевелъ духъ, прежде чѣмъ вошелъ въ красную гостиную, гдѣ на диванѣ и около стола размѣстилась въ самыхъ непринужденныхъ позахъ веселая компанія, состоявшая изъ Порфира Порфирыча, мирового Липачка, станового Плинтусова и самого Вукола Логиныча, одѣтаго въ синюю шелковую пару. Центромъ общества служила любовница Шабалина, эксъ-арфистка Варвара Тихоновна; это была красивая дѣвушка съ смѣлымъ лицомъ и непріятнымъ выраженіемъ широкаго чувственнаго рта и выпуклыхъ темныхъ глазъ. Только когда она смѣялась, показывая два ряда бѣлыхъ зубовъ, лицо дѣлалось весьма добродушнымъ и необыкновенно симпатичнымъ.

— Наконецъ-то!..—закричалъ Шабалинъ, поднимаясь навстрѣчу остановившемуся въ дверяхъ гостю.—Ну, Гордей Евстратычъ, признаюсь, выкинулъ ты отчаянную штуку... Вотъ отъ кого не ожидалъ-то! Господа, рекомендую: будущій нашъ золотопромышленникъ, Гордей Евстратычъ Брагинъ.

Скуластое красное лицо Шабалина совсѣмъ расплылось отъ улыбки; обхвативъ гостя за талію, онъ потащилъ его къ столу. Липачекъ и Плинтусовъ загремѣли стульями, Варвара Тихоновна уставилась на гостя прищуренными глазами, Порфиръ Порфирычъ соскочилъ съ дивана, обнялъ и даже облобызалъ его. Все это случилось такъ вдругъ, неожиданно, что Гордей Евстратычъ растерялся и совсѣмъ не зналъ, что̀ ему говорить и дѣлать.

— Садись, Гордей Евстратычъ,—усаживалъ гостя Шабалинъ.—Народъ все знакомый, свой... А ты ловко насъ всѣхъ поддѣлъ, ежели разобрать. А? Думалъ-думалъ, да и надумалъ... Ну, теперь, братъ, признавайся во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ! Хорошо, что я не догадался раньше, а то не видать бы тебѣ твоей жилки, какъ своихъ ушей.

Порфиръ Порфирычъ былъ такъ же хорошъ, какъ всегда, и только моргалъ своими слезившимися глазами. Сегодня онъ былъ въ форменномъ мундирѣ горнаго вѣдомства, но весь мундиръ былъ въ пуху и покрытъ жирными пятнами. Изъ-за разстегнутаго сюртука выглядывала грязная смятая сорочка съ золотой запонкой. Липачекъ, толстый опухшій субъектъ съ соннымъ взглядомъ, и Плинтусовъ, высокій вихлястый армеецъ, съ вздернутымъ посомъ и какими-то необыкновенными сорочьими глазами, служили естественнымъ продолженіемъ Порфира Порфирыча. Гордей Евстратычъ поздоровался со всѣми и съ Варварой Тихоновной, которая, въ качествѣ блудницы и наложницы Шабалина, пользовалась въ Бѣлоглинскомъ заводѣ самой незавидной репутаціей, но какъ съ ней не поздороваться, когда ужъ такая компанія подошла!

— Вотъ мы его сейчасъ же и вспрыснемъ, господа...—предложилъ Шабалинъ, трогая пуговку электрическаго звонка.—Полдюжины холодненькаго,—

коротко приказалъ онъ оторопѣло вбѣжавшему лакею во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Чтобы не разсохся...—прибавилъ Липачекъ хрипымъ, перепитымъ басомъ.—Такъ вѣдь, Варвара Тихоновна?

— У васъ только и на умѣ, что вино,—жеманно отозвалась Варвара Тихоновна, искоса взглядывая на бережно садившагося на бархатный стулъ Брагина.

На десертномъ столѣ, около котораго сидѣла кампанія, стояли пустые стаканы изъ-подъ пунша и какія-то необыкновенныя рюмки—точно блюдечки на тонкой высокой ножкѣ, какихъ Гордей Евстратычъ отродясь не видывалъ. Въ серебряной корзинкѣ горкой былъ наложенъ виноградъ и дюшесы, въ хрустальныхъ вазочкахъ свѣжая пастила и шоколадныя конфеты.

— Вотъ, господа, человѣку счастье прямо съ неба свалилось,—докладывалъ Порфиръ Порфирычъ, указывая дрожавшей отъ перепоя рукой на Брагина.—Такую розсыпь облюбовалъ, такую.

— Антикъ съ гвоздикой, или англійскій съ мыломъ?—добавилъ Плинтусовъ и захохоталъ какимъ-то скрипучимъ смѣхомъ, точно кто скребъ глинянымъ черепкомъ у васъ въ ухѣ.

— Именно—и съ мыломъ и съ гвоздикой!...

— Вотъ мы сейчасъ вспрыснемъ...—провозгласилъ Шабалинъ, направляя лакея съ подносомъ къ гостю.—Гордей Евстратычъ, пожалуйста.

— Время-то, Вуколъ Логинычъ, какъ будто не совсѣмъ подходящее для выпивки...—нерѣшительно говорилъ Брагинъ, принимая стаканъ съ шампанскимъ.—Не за этимъ я шелъ, признаться сказать.

— Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ,—обрѣзала Варвара Тихоновна.—Я здѣсь за игуменью иду, а это братія.

— Что же, дѣло хорошее... — согласился Гордей Евстратычъ, откладывая широкій единовѣрческій крестъ, прежде чѣмъ выпить бокалъ.

— Невинно вино, а укоризненно пьянство, Гордей Евстратычъ,—замѣтилъ Плинтусовъ и опять захохоталъ.

„Ну и кампанія! — думалъ Гордей Евстратычъ, вытирая губы платкомъ:— только бы пособилъ Господь по-добру по-здорову отсюда выбраться...“

Но выбраться по-добру по-здорову изъ шабалинскаго дома Гордею Евстратычу не удалось. Сначала все пили шампанское, потомъ сѣли играть въ стуколку, потомъ обѣдали, потомъ Варвара Тихоновна съ гитарой въ рукахъ пѣла цыганскія пѣсни, а Липачекъ и Порфиръ Порфирычъ плясали вприсядку. Все это въ головѣ Брагина подъ вліяніемъ выпитаго вина перемѣшалось въ какой-то одинъ безобразный сонъ; онъ видѣлъ, какъ въ туманѣ, ярко-зеленое платье Варвары Тихоновны, сизый носъ Порфира Порфирыча и широкую, какъ подушка, спину плясавшаго Липачка. Потомъ пѣли пѣсни всѣ, потомъ играли опять въ карты... Гордей Евстратычъ тоже пѣлъ, и ему дѣлалось очень весело въ этой чиновной компаніи, потому что люди оказались самые простые.

— Ужъ я тебя произведу...—кричалъ Порфиръ Порфирычъ, подставляя свой сизый носъ къ самому лицу Гордея Евстратыча.—Только ты мнѣ никогда не смѣй перечить ни въ чемъ... Вѣдь я бы тебя въ шею по первому разу прогналъ, ежели бы ты, шельма этакая, не разсказалъ мнѣ всего по чистой совѣсти... Вотъ за это за самое я тебя и произведу! Будешь помнить Порфира Порфирыча Лапшина, у котораго, кромѣ рубахи да портковъ, никогда ничего не было... А взятки я брать не беру!.. Натурой еще кое-что принимаю... вонъ Варвара Тихоновна иногда меня цѣлуетъ, когда Вукола дома нѣтъ. Такъ, Варенька?

— Стала я цѣловать тебя,—выкрикивала Варвара Тихоновна, мотая осовѣвшей головой.—Велико кушанье!

— А мы сейчасъ, господа, поѣдемъ кататься,—говорилъ Шабалинъ, который держался на ногахъ крѣпче всѣхъ.—А потомъ завернемъ погрѣться къ Гордею Евстратычу... Такъ, Гордей Евстратычъ?

— Обнаковенно,—пролепеталъ Брагинъ, плохо понимая, о чемъ его спрашивали.

Къ подъѣзду были поданы двѣ тройки, и вся пьяная компанія отправилась на нихъ въ брагинскій домъ. Гордей Евстратычъ ѣхалъ на своихъ пошевенкахъ; на свѣжемъ воздухѣ онъ еще сильнѣе опьянѣлъ и точно весь распустился. Архилъ никогда еще не видалъ отца въ такомъ видѣ и легонько поддерживалъ его одной рукой.

— Ты... что это меня держишь?—закричалъ Гордей Евстратычъ, едва удерживаясь на мѣстѣ.—Ра-азѣ я... нья-анъ... а?..

— Я, тятенька, ничего,—оправдывался Архипъ.

— Ты обманывать меня... а?.. смѣяться... а?.. надъ отцомъ смѣяться... я тебѣ п-покажу-у!..

Гордей Евстратычъ, не помня себя отъ ярости, ударилъ Архипа со всего размаха прямо по лицу, такъ что тотъ даже вскрикнулъ отъ боли и схватился за разбитый носъ. Сквозь пальцы закапала кровь, но это еще сильнѣе разсердило отца, и онъ, сбивъ шапку, принялся таскать Архипа за волосы, сбилъ его съ сидѣнья и топталъ ногами все время, пока испуганная крикомъ и возней лошадь не ударилась запрягомъ въ ворота брагинскаго дома. Выскочившая на шумъ Татьяна Власьевна едва отняла облитаго кровью Архипа отъ расходившагося Гордея Евстратыча; старуха вся тряслась, какъ въ лихорадкѣ.

— А ты мнѣ что за указъ?—кричалъ почти не стоявшій на ногахъ Гордей Евстратычъ, приступая къ матери.—Кто здѣсь хозяинъ... а?.. Всѣхъ расшибу...

— Гордей Евстратычъ... голубчикъ... Христосъ съ тобой, опомнись!—умоляла Татьяна Власьевна.—Вонъ сосѣди-то всѣ смотрятъ на насъ... Вѣдь отродясь такого сраму не видывали.

— А мнѣ плевать на всѣхъ сосѣдей... къ намъ сейчасъ гости ѣдутъ... Понимаешь: гости!..

Перепуганныя невѣстки смотрѣли въ окно на происходившую во дворѣ сцену; Дуня тихо плакала. Нюша выскочила-было на дворъ, но Татьяна Власьевна велѣла ей сидѣть на своей половинѣ. На бѣду и Михалки не было дома: онъ сидѣлъ сегодня въ лавкѣ. Окровавленный, сконфуженный Архипъ стоялъ по срединѣ двора и вытиралъ кровь на лицѣ полой своего полушубка.

— Пойдемте, братецъ, въ горницы,—хлопоталъ около Гордея Евстратыча выскочившій изъ флигелька Зотушка.—Право, пойдемте...

Въ этотъ моментъ, заливаясь колокольчиками, въѣхали двѣ тройки съ гостями.

— А, спасеная душенька, Татьяна Власьевна,—оралъ пьяный Шабалинъ, размахивая своей собольей шапкой.—Принимай гостей, спасеная душа!

— Милости просимъ, дорогіе гости!—низко кланялась Татьяна Власьевна съ привѣтливой улыбкой.—Прошу пожаловать въ горницы...

Татьяна Власьевна забѣжала впередъ и спрятала всѣхъ женщинъ на своей половинѣ, а затѣмъ встрѣтила гостей съ низкими поклонами въ сѣняхъ. Гости для нея были священны, хотя въ душѣ теперь у нея было совсѣмъ не

до нихъ; она узнала и Липачка, и Плинтуса, и Порфира Порфирыча, которыхъ встрѣчала иногда у Пятовыхъ.

— Вонъ мы какіе,—лепеталъ Порфиръ Порфирычъ, бросая шубу во дворѣ.—Матушка, Татьяна Власьевна, поцѣлуемся... Голубушка ты моя! Всѣ спасаться къ тебѣ пріѣхали...

— Пожалуйте, Порфиръ Порфирычъ, въ горницы-то,—упрашивала Татьяна Власьевна.—Еще грѣшнымъ дѣломъ простудитесь безъ шубы-то... Милости просимъ, дорогіе гости! Вуколъ Логинычъ, пожалуйте...

— Лѣземъ, лѣземъ, спасеная душа.

Горницы брагинскаго дома огласились пьяными криками, смѣхомъ и неприличными восклицаніями. Татьяна Власьевна хлопотала въ кухнѣ съ закусками. Нюша совалась съ бутылками неоткупореннаго вина. Зотушка накрывалъ въ горницѣ столы и вмѣстѣ съ Маланьей уставлялъ ихъ снѣдями и брашномъ; Дуня вынимала изъ стекляннаго шкапа праздничную чайную посуду. Словомъ, всѣмъ работы было по горло, и брагинскій домъ теперь походилъ на муравьиную кучу, которую разворачиваютъ палкой.

— Такъ вотъ ты гдѣ поживаешь, Гордей Евстратычъ!—заплетавшимся языкомъ говорилъ Порфиръ Порфирычъ.—Ничего, славный домикъ... Лучше, чѣмъ у меня въ Сосногорскомъ. Только вотъ печка очень велика...

— Батюшкова печка, Порфиръ Порфирычъ...

Брагинъ, взглянувъ на батюшкову печку, точно пришелъ въ себя и съ изумленіемъ посмотрѣлъ кругомъ, на своихъ гостей, на суетившагося Зотушку, на строго-привѣтливое лицо мамыньки... Что такое? зачѣмъ? Правая рука у него ныла до самаго плеча, а въ головѣ стояла такая дрянь... Онъ теперь же припомнилъ, какъ онъ давеча билъ Архипа. Ему сдѣлалось гадко и совѣстно, хотѣлось выгнать всю эту пьяную ораву изъ своего дома; но вѣдь здѣсь былъ Порфиръ Порфирычъ, а не уважить Порфира Порфирыча—значитъ прощай и жилка. Вотъ и мамынька ходитъ съ такимъ покорнымъ убитымъ лицомъ... Вѣдь онъ давеча обидѣлъ ее во дворѣ, когда кричалъ на нее и даже топалъ ногами. У Гордея Евстратыча заскребло на душѣ отъ своего собственнаго безобразія, и онъ готовъ былъ провалиться отъ стыда; но гости созваны, надо ихъ угощать.

— А гдѣ же остальные?—спрашивалъ Порфиръ Порфирычъ хозяйку.

— Какіе остальные?—удивилась Татьяна Власьевна.

— Ну, вѣдь есть у васъ въ домѣ кто-нибудь помоложе тебя, бабушка?..

— Какъ не быть, ваше высокоблагородіе, да только не случилось на этотъ разъ: внучка зубами скудается, а невѣстки ушли въ гости къ своимъ.

— Такъ, такъ...

— А у ней всѣ прехорошенькія,—поощрялъ Шабалинъ, толкая Порфира Порфирыча локтемъ.—Особенно внучка Нюша...

— Нюша? Славное имя... Анна Гордеевна, значитъ,—соображалъ вслухъ Лапшинъ, раскачиваясь изъ стороны въ сторону.—А я побесѣдовалъ бы съ этой Нюшей, если бы не зубы... Да я, пожалуй, и средство отличное отъ зубовъ знаю, бабушка, а?

— Она спитъ теперь, Порфиръ Порфирычъ,—отдѣлывалась Татьяна Власьевна отъ хорошаго средства.—Вы бы выкушали лучше, Порфиръ Порфирычъ, чѣмъ о пустякахъ-то разговаривать... Вотъ тутъ смородинная наливочка, а тамъ на сорока травахъ...

— Отлично... Только, бабушка, я одинъ не пью.

— Охъ, милушка, я ни одна ни съ другими не пью... И прежде была

не мастерица, а подъ старость оно совсѣмъ не пригоже. Вонъ хозяинъ съ тобой выпьетъ. А меня уволь, Порфиръ Порфирычъ.

— Ага, испугалась, спасеная душа!..—потѣшался довольный Лапшинъ.— А какъ, бабушка, ты думаешь, попадетъ изъ насъ кто-нибудь въ царствіе небесное? А я тебѣ прямо скажу: всѣхъ насъ на одно лыко свяжутъ да въ самое пекло. Вуколку перваго, а потомъ Липачка, Плинтусова... Компанія!.. Охъ, бабушка, бабушка, бить-то насъ некому, по правдѣ сказать!

Началась попойка. Всѣ пили и заставляли пить хозяина. Шабалинъ спеціально занялся тѣмъ, что спаивалъ Зотушку, который улыбался блаженной улыбкой и дико вскрикивалъ.

— В-вуколъ Л-лог-гинычъ... вѣдь мы съ тобой кругомъ шестнадцать!.. Б-благодѣт-тель...

— То-то, Зотушка... Мы съ тобой заодно. Что ко мнѣ въ гости-то не ходишь?

— Старуха не велитъ... Она тебя крѣпко не любитъ, Вуколъ Логинычъ,— шопотомъ сообщалъ Зотушка.

— Знаю, знаю... Да я-то не больно ея испугался... Вотъ мы ее сегодня утѣшимъ,—будетъ насъ долго помнить! Ха-ха... Мы сегодня второй напой дѣлаемъ. Вонъ Гордей-то Евстратычъ скоро рога въ землю...

— Братецъ не могутъ много принимать этого самаго вина, Вуколъ Логинычъ. Они такъ самую малость церковнаго иногда испиваютъ, а чтобы настоящимъ манеромъ — ни Боже мой!..

— Нѣтъ, это дудки, Зотушка: сказался груздемъ—полѣзай въ кузовъ. Захотѣлъ золото искать, такъ ужъ тутъ тебѣ одна дорога... Вона какая насъ-то артель: угодники!

Зотушка только покачалъ своей птичьей головкой отъ умиленія, онъ былъ совсѣмъ пьянъ и точно плылъ въ какомъ-то блаженномъ туманѣ. Вездѣ было по колѣно море. Теперь онъ не боялся больше ни грозной старухи ни братца. „Наплевать... на все наплевать, — шепталъ онъ, дѣлая такое движеніе руками, точно хотѣлъ вспорхнуть со стула.—Золото, жилка—плевать... Кругомъ шестнадцать вышло, вотъ тебѣ и жилка... Ха-ха!... А старуха-то, старуха-то какъ похаживаетъ!“ Закрывъ ротъ ладонью, Зотушка хихикалъ съ злорадствомъ идіота.

Татьяна Власьевна угощала незваныхъ и нежданыхъ гостей, а у самой въ горлѣ стояли слезы, точно она потеряла или разбила что-то дорогое, что нельзя было воротить. Этотъ кутежъ походилъ на поминки, которыя справляли о погибшемъ прошломъ. Вонъ Липачекъ и Плинтусовъ орутъ какую-то безобразную пѣсню, вонъ Гордей Евстратычъ смотритъ на нихъ какими-то остановившимися глазами и хлопаетъ одну рюмку за другой. „Господи, да что же это такое?“—думаетъ со страхомъ Татьяна Власьевна. И у нихъ бывали гости и кучивали напропалую, особенно на Аришиной свадьбѣ; но такого безобразія не бывало... Вонъ Липачекъ снялъ съ себя сюртукъ и жилетъ и легъ головой на столъ, Вуколка щелкаетъ его по носу. А вина, вина сколько вытрескали, и еще просятъ...

— Ты что же это, Гордей Евстратычъ, кошачьими-то слезами насъ угощаешь?—смѣется Шабалинъ, приглядывая пустыя бутылки къ свѣту.

— Мам-мынька... ищо...—мычитъ Гордей Евстратычъ, напрасно стараясь подняться со стула.

Старуха послала Архипа за виномъ къ Савинымъ, а сама все смотритъ за своими гостями, и чего-то такъ боится ея старое семидесятилѣтнее сердце. Вонъ и сумерки наступили, и Татьяна Власьевна рада темнотѣ, покрывшей

ихъ безобразіе отъ чужихъ людей. Вонъ у Пазухиныхъ давеча всѣ къ окнамъ бросились, какъ отецъ-то пригналъ отъ Шабалина... Охъ, Господи, Господи! Все видѣли, рѣшительно все: и какъ отецъ Архипа ругалъ, и какъ къ ней подступалъ, и какъ гости на тройкахъ подъѣхали, и какъ они въ пошевняхъ головами мотали, точно чумные телята. У старухи сжимается сердце при мысли, что̀ о нихъ другіе-то скажутъ, особливо Савины да Колобовы.

Эти горькія размышленія Татьяны Власьевны были прерваны какимъ-то подозрительнымъ шумомъ, который донесся изъ ея половины. Она быстро побѣжала туда и нашла спрятавшихся женщинъ въ страшномъ смятеніи, потому что Порфиръ Порфирычъ, воспользовавшись общей суматохой, незамѣтно прокрался на женскую половину и началъ рекомендоваться дамамъ съ изысканной любезностью. Именно въ этотъ трагическій моментъ онъ и былъ накрытъ Татьяной Власьевной.

— Ахъ, матушки вы мои... голубушки...—умильно лепеталъ Порфиръ Порфирычъ, нетвердой походкой направляясь къ Нюшѣ.—У кого зубки болятъ? У меня есть хорошенькое словечко на запасѣ... А-ахъ, красавицы, что̀ это вы отъ меня горохомъ разсыпались?

— Порфиръ Порфирычъ, ваше высокоблагородіе, — говорила Татьяна Власьевна, схватывая его благородіе въ тотъ самый моментъ, когда онъ только-что хотѣлъ обнять Нюшу за талію.—Такъ нельзя, ваше высокоблагородіе... У насъ не такіе порядки, чтобы чужимъ мужчинамъ на дѣвичью половину ходить...

Порфира Порфирыча кое-какъ выдворили изъ комнаты, и женщины затворились въ ней на ключъ. Этотъ эпизодъ окончательно разстроилъ Татьяну Власьевну, и она, забравшись въ темный чуланчикъ, гдѣ спалъ Михалка съ женой, горько заплакала. Въ этомъ старинномъ домѣ не осталось ни одного неприкосновеннаго уголка, даже ея половина подверглась нашествію пьянаго ревизора, у котораго Богъ знаетъ что̀ было на умѣ. Вѣдь снохи еще молодыя бабенки, и Нюша еще дѣвчонка-дѣвчонкой; а люди развѣ пожалѣютъ ихъ? О всѣхъ наговорятъ Богъ знаетъ что̀, только слушай.

„И все это изъ-за жилки“,—думала Татьяна Власьевна, хватаясь за голову.

Безобразный кутежъ въ брагинскомъ домѣ продолжался вплоть до утра, такъ что Татьяна Власьевна до самаго утра не смыкала глазъ и все время караулила спавшихъ въ ея комнаткѣ трехъ молодыхъ женщинъ, которыя сначала испугались, а потомъ точно привыкли къ доносившимся изъ горницъ крикамъ и даже, къ немалому удивленію Татьяны Власьевны, пересмѣивались между собой.

— А ты, баушка, зачѣмъ Порфира Порфирыча прогнала отъ насъ?—приставала Нюша.—Вѣдь онъ не съѣлъ бы насъ, баушка?

— Ежели бы съѣлъ—одинъ конецъ, милушка; а то хуже бываетъ...

Старуха была такъ огорчена сегодняшнимъ днемъ, что даже не могла сердиться на болтовню Нюши, которая забавлялась, какъ котенокъ около затопленной печки. Михалка и Архипъ продежурили всю ночь въ кухнѣ, въ ожиданіи тятенькиныхъ приказаній. Пьяный Зотушка распѣвалъ, приложивши руку къ щекѣ, раскольничій стихъ:

И-идетъ ста-арецъ пооо дорооо-оогѣ...
Чер-норизецъ пооо ши-роокоооой...
О чемъ, ста-арче, горько плаа-чешь,
Черно-ризецъ, возры-дааа-ешь?..

Утромъ, когда прогудѣлъ свистокъ на работу, Шабалинъ и Плинтусовъ уѣхали домой, а Порфиръ Порфирычъ и Липачекъ остались распростертыми

въ горницахъ брагинскаго домика. Одна нога Липачка покоилась на животѣ Порфира Порфирыча, а голова послѣдняго упиралась въ батюшкову печь. Самъ хозяинъ лежалъ на полу у себя въ горницѣ и тяжело храпѣлъ съ налитымъ опухшимъ лицомъ, раскинувъ руки съ напружившимися жилами. Татьяна Власьевна осторожно прокралась въ горницы, чтобы посмотрѣть на гостей, а затѣмъ прошла въ горницу „къ самому“ и долго смотрѣла на спавшаго Гордея Евстратыча, а потомъ подложила ему подъ голову подушку. Въ комнатахъ все было перевернуто вверхъ дномъ, валялись пробки, окурки сигаръ, объѣдки балыка и т. п.

— Хорошо, мамынька?.. Хи-хи-хи!.. Кругомъ шестнадцать!

Татьяна Власьевна вздрогнула. Она только теперь замѣтила скорчившагося въ углу Зотушку, который хихикалъ съ какимъ-то дѣтскимъ всхлипываньемъ.

— А ты чему обрадовался, дуракъ?—грозно спросила Татьяна Власьевна, взбѣшенная этой выходкой.

— Я? Хи-хи-хи!.. Вотъ она жилка-то, мамынька!.. Хи-хи-хи!..

— Тьфу, дуракъ!...—отплевывалась Татьяна Власьевна.

— Золота захотѣла... денегъ... Хи-хи-хи!.. Богатые будемъ, милый сынъ Гордей Евстратычъ... Мамынька, рюмочку!..

IX.

Дѣло разработки найденнаго золота, подъ крылышкомъ Порфира Порфирыча, быстро пошло въ ходъ. Гордей Евстратычъ и слышать ничего не хотѣлъ о томъ, чтобы отложить открытіе пріиска до весны. Какъ только были исполнены необходимыя формальности и получены нужные документы, Гордей Евстратычъ приступилъ сейчасъ же къ подготовительнымъ работамъ. Пріискъ былъ названъ по рѣчкѣ Смородинскимъ, или просто Смородинкой. Ставили начерно пріисковую контору и теплый корпусъ для промывки золота; тутъ же устраивалась дробильная машина съ коннымъ приводомъ, и золотая дудка превращалась въ настоящую шахту. Стѣнки прежней дудки были значительно расширены и выровнены, а потомъ былъ спущенъ лиственый срубъ; пустую землю и руду поднимали наверхъ въ громадныхъ бадьяхъ, приводимыхъ въ движеніе коннымъ воротомъ. Человѣкъ пятьдесятъ рабочихъ „робили на жилкѣ“ короткій зимній день весь напролетъ, а Кайло, Лапоть и Потапычъ, въ качествѣ привилегированныхъ рабочихъ, „налаживали“ шахту. Окся, Лапуха и Домашка тоже готовились принять самое дѣятельное участіе въ этой работѣ, когда поспѣетъ теплый корпусъ, гдѣ будутъ на станкахъ промывать превращенный въ дробильнѣ кварцъ въ песокъ. Полдневскіе держались на особицу и задавали нѣкоторый тонъ, потому что, какъ-никакъ, а жилку открылъ ихній же Маркушка и на ихней землѣ.

Одно было нехорошо на новомъ пріискѣ: р. Смородинка была очень невелика и притомъ сильно промерзала, такъ что въ водѣ предвидѣлось большое затрудненіе.

— А ты налаживай прудокъ скорѣе,—поучалъ Маркушка, когда Гордей Евстратычъ завертывалъ къ нему.—Ночью-то вода даромъ уходитъ, а тутъ она вся у тебя въ прудкѣ, какъ въ чашкѣ... А потомъ эти всѣ конные приводы безпремѣнно брось, Гордей Евстратычъ, а налаживай паровую машину: она тебѣ и воду будетъ откачивать изъ шахты, и руду поднимать, и толочь скварецъ... не слугу себѣ поставишь, а угодницу.

Маркушка точно ожилъ съ открытіемъ пріиска на Смородинкѣ. Кашель

меньше мучилъ его по ночамъ, и даже отекъ начиналъ сходить, а на лицѣ онъ почти совсѣмъ опалъ, оставивъ мѣшки сухой лоснившейся кожи. Только одно продолжало мучить Маркушку: онъ никакъ не могъ подняться съ своей постели, потому что сейчасъ же начиналась ломота въ поясницѣ и въ ногахъ. Болѣзнь крѣпко держала его на одномъ мѣстѣ.

— Кабы мнѣ ноги Господь далъ, да я бы на четверенькахъ на Смородинку уползъ,—часто говорилъ Маркушка, и его тусклые глаза начинали теплиться загоравшимся огнемъ.—Я и по ночамъ вижу эту жилку... какъ срубы спущаютъ, какъ Кайло съ Пестеремъ забой дѣлаютъ... Охъ. хоть бы однимъ глазкомъ привелъ Господь взглянуть на Смородинку!..

Мысли и заботы обыденной жизни, а особенно хлопоты съ пріисковой работой какъ-то странно были переплетены въ головѣ Маркушки съ твердой увѣренностью, что онъ ужъ больше не жилецъ. Можно было удивляться тому напряженному вниманію, съ которымъ Маркушка слѣдилъ за всѣми подробностями работы на Смородинскомъ пріискѣ, точно отъ этого зависѣла вся его участь. Пестерь и Кайло приходили въ лачугу Маркушки каждый день по вечерамъ и, потягивая свои трубочки передъ горѣвшимъ на каменкѣ огонькомъ, разсказывали обо всемъ, что было сдѣлано на пріискѣ за день, т.-е. собственно говорилъ одинъ Кайло, а Пестерь только сосалъ свою трубочку. Этимъ путемъ Маркушка зналъ размѣры опускаемаго въ шахту сруба, мѣсто, гдѣ ставили теплый корпусъ, планъ дробилки, устройство конныхъ приводовъ и т. д. Эти разговоры точно подливали масла въ потухавшую лампу Маркушки и въ послѣдній разъ освѣщали яркимъ лучомъ его холодѣвшую душу. Онъ еще жилъ, хотя жилъ слабой, отраженной жизнью, если можно такъ выразиться—жизнью изъ вторыхъ рукъ.

— Охъ, дотянуть бы мнѣ только до весны,—иногда говорилъ Маркушка съ страннымъ дрожаніемъ голоса.—Доживу я, Кайло? Какъ ты думаешь?..

— Можетъ, доживешь, а можетъ, нѣтъ,—отвѣчалъ Кайло съ спокойствіемъ и непроницаемой дальновидностью истиннаго философа.

— Нѣтъ, помрешь, Маркушка,—отрѣзывалъ грубо Пестерь.

— Помру?..

— Ужъ это вѣрно: вчера собака выла ночью, значитъ, чуетъ покойника.

Маркушка задумывался и тяжело вздыхалъ. Ему хотѣлось жить, какъ живутъ другіе, т.-е. „робить“ въ шахтѣ, пить, драться съ Пестеремъ, дарить козловыя ботинки Лапухѣ или Оксѣ, смотря по расположенію духа. Пріисковыя бабы часто провѣдывали Маркушку и каждый разъ успѣвали у него что-нибудь выпросить, потому что въ лачугѣ Маркушки теперь было всего вдоволь—и одежи всякой и харчу, даже стояла бутылка съ виномъ. Все это, конечно, привезено было Брагинымъ, который старался обставить Маркушку со всѣмъ возможнымъ комфортомъ. Когда установился санный путь, въ Полдневскую пріѣхала сама Татьяна Власьевна, чтобы окончательно устроить больного Маркушку. Женскія руки додѣлали то, чего не умѣлъ устроить Гордей Евстратычъ, при всемъ желаніи угодить больному; женскій глазъ увидѣлъ десятки такихъ мелочей, какія совсѣмъ ускользаютъ отъ мужчины. На полу была постлана сѣрая кошма, у постели поставленъ столикъ съ выдвижнымъ ящикомъ, въ переднемъ углу, гдѣ чернѣлъ совсѣмъ покрытый сажей образъ, затеплилась лампадка, появился самоваръ и т. д. Маркушка сначала ужасно стѣснялся производимыми перемѣнами въ его логовищѣ, но потомъ примирился съ ними, потому что такъ хотѣла Татьяна Власьевна, а ея слово для больного было закономъ.

— Только вотъ эта твоя печь — ножъ мнѣ вострый,—говорила Татьяна Власьевна, протирая глаза отъ дыма.

— Это каменка-то?.. Отличная печь, Татьяна Власьевна...

— А копоть?.. И прибирать по-настоящему ничего у тебя нельзя, потому сейчасъ копоть насядетъ—и все тутъ. Вонъ рубашка на тебѣ какая грязная, одѣяло...

— Охъ, голубушка ты моя!..

Сначала Маркушка сильно побаивался строгой старухи, которая двигалась по его лачужкѣ съ какой-то необыкновенной важностью и ужъ совсѣмъ не такъ, какъ суются по избѣ оглашенныя пріисковыя бабы. Даже запахъ роснаго ладона и восковыхъ свѣчъ, который сопровождалъ Татьяну Власьевну,—даже этотъ запахъ какъ-то пугалъ Маркушку, напоминая ему о чемъ-то великомъ и неизвѣстномъ, что̀ теперь такъ грозно и неотразимо приближалось къ нему. Мысль о будущемъ начинала точить и грызть Маркушку, какъ червь.

Татьяна Власьевна замѣтила на себѣ болѣзненно-пристальный взглядъ Маркушки и спросила:

— Ты чего это глядишь на меня больно востро?

— Такъ, родимая моя, такъ гляжу... Много на моей душѣ грѣховъ, голубушка...

— Всѣ грѣшные люди, одинъ Господь безъ грѣха.

— Вотъ умру скоро, Татьяна Власьевна... Тяжело... давитъ... А ты еще, святая душенька, ухаживаешь за мной...

— Что̀ ты, Христосъ съ тобой?!. Какія ты слова выговариваешь?

— Душу я загубилъ... душу человѣческую... *Онъ* вѣдь надо мной постоянно стоитъ. Это *онъ* моей души дожидается...

— Перестань болтать-то пустое!.. Не согрѣшишь—не спасешься!..

Татьяна Власьевна заговорила о силѣ покаянія и молитвы, которыя спасаютъ закоснѣлыхъ въ грѣхѣ грѣшниковъ. Это было чисто-раскольничье богословіе, исходной точкой котораго являлся тезисъ: „большой грѣхъ прощается скорѣе малаго, потому что человѣкъ скорѣе покается“. А потомъ, что одинъ раскаявшійся грѣшникъ всегда милѣе Господу десятка никогда не согрѣшившихъ праведниковъ. Противъ такой богословской теоріи былъ безсиленъ даже авторитетъ о. Крискента, который не переваривалъ крайностей даже въ вопросахъ о спасеніи души. Этотъ благочестивый человѣкъ видѣлъ рай слишкомъ въ богословски-отвлеченныхъ формахъ, тогда какъ паства тяготѣла къ самымъ жестокимъ представленіямъ, которыя были для нея понятнѣе. Маркушка былъ слишкомъ реалистъ, чтобы усвоить себѣ отвлеченныя богословскія понятія; между тѣмъ онъ считалъ себя очень грѣшнымъ человѣкомъ, значитъ, тамъ, вверху, въ надзвѣздномъ мірѣ ожидала его карающая безпощадная рука, которая воздаетъ сторицей за всѣ земныя неправды. Степенная, душевная рѣчь Татьяны Власьевны затронула въ душѣ этого отчаяннаго человѣка неизвѣстныя даже ему самому струны. Вѣдь съ нимъ никто и никогда не говорилъ, да онъ и не въ состояніи былъ слушать такіе благочестивые разговоры, потому что представлялъ собой одинъ сплошной грѣхъ. Теперь другое дѣло, теперь онъ жадно ловилъ каждое слово богобоязливой старухи, какъ умирающій отъ жажды глотаетъ капли падающаго дождя, и подъ ласковымъ сочувствующимъ взглядомъ другого человѣка эта ледяная глыба грѣха подалась... У Маркушки въ глазахъ стояли слезы, когда Татьяна Власьевна кончила ему свое первое утѣшительное и напутственное слово; онъ самъ не зналъ, о чемъ онъ плакалъ, но на душѣ у него точно просвѣтлѣло. Мракъ и сомнѣнія уступили мѣсто радостно-свѣтлому чувству.

— А Кайло и Пестерь, если покаются, тоже могутъ войти въ царство небесное?—спрашивалъ Маркушка, чувствовавшій себя отдѣленнымъ отъ своихъ друзей цѣлою пропастью.

— И они войдутъ, если покаются.

Маркушка усомнился, но, взглянувъ на строгое лицо Татьяны Власьевны, не могъ не повѣрить ей.

— А Лапуха съ Оксей?

— Всѣ люди, всѣ человѣки...

Душевное просвѣтлѣніе Маркушки не въ силахъ было переступить черезъ эту грань: еще допустить въ царство небесное Кайло и Пестеря, пожалуй, можно, но чтобы впустить туда Оксю съ Лапухой... Нѣтъ, этого не могло быть! Въ Маркушкѣ протестовало какое-то физическое чувство противъ такого примѣненія христіанскаго принципа всепрощенія. Онъ готовъ былъ поручиться чѣмъ угодно, что Окся и Лапуха не попадутъ въ селенія праведныхъ...

Послѣ этого перваго визита къ Маркушкѣ прошло не больше недѣли, какъ Татьяна Власьевна отправилась въ Полдневскую во второй разъ. Обстановка Маркушкиной лачужки не показалась ей теперь такой жалкой, какъ въ первый разъ, какъ и самъ больной, который смотрѣлъ такъ спокойно и довольно. Даже дымъ отъ Маркушкиной каменки не такъ ѣлъ глаза, какъ раньше. Татьяна Власьевна съ удовольствіемъ видѣла, что Маркушка заглядываетъ ей въ лицо и ловитъ каждый ея взглядъ. Очевидно, Маркушка былъ на пути къ спасенію.

— Лучше тебѣ? — спрашивала его Татьяна Власьевна.

— Лучше, голубушка...

— Вотъ что̀, Маркъ,—заговорила серьезно Татьяна Власьевна: — все я думаю, отчего ты отказалъ свою жилку Гордею Евстратычу, а не кому другому?.. Развѣ мало стало народу хоть у насъ на Бѣлоглинскомъ заводѣ, или въ другихъ прочихъ мѣстахъ? Все меня сумлѣніе беретъ... Только ты ужъ по совѣсти разскажи...

— А что̀ я сказывалъ Гордею Евстратычу, то и тебѣ скажу... Больше ничего не знаю. Плохо тогда мнѣ пришлось, больно плохо; а тутъ Михалка въ Полдневскую пріѣхалъ, ну, ко мнѣ зашелъ... Думалъ, думалъ, чѣмъ пропадать жилкѣ задарма — пусть ужъ ей владѣетъ хоть хорошій человѣкъ.

— Отчего же ты раньше Гордею Евстратычу о жилкѣ не объявился? Вѣдь пятнадцать лѣтъ, какъ нашелъ ее...

— Ахъ, Татьяна Власьевна, голубушка... ахъ, какая ты, право! Ну, ужъ и слово сказала... а? Вѣдь въ этомъ золотѣ настоящій бѣсъ сидитъ, ей-Богу, особливо для бѣднаго человѣка... Такъ и я: такъ думалъ и этакъ думалъ. Даже отъ этихъ самыхъ мыслей совсѣмъ было уже рѣшился, да еще Господь спасъ... Смѣшно и вспомнить... Перво-наперво страхъ на меня напалъ, потомъ сталъ я ото всѣхъ прятаться... мучитъ вѣдь оно, золото-то! Думалъ потомъ продать жилку кому-нибудь. Кутневы были живы еще, суды завели бы... А когда умерли Кутневы, зачалъ я ходить по богатымъ мужикамъ, которые золотомъ занимаются: кто десять рублей посулитъ, кто двадцать, кто просто въ шею выгонитъ... всячины было, родная... Жаль было этакое богачество за четвертной билетъ губить: вѣдь тутъ тыщи... Одно слово — богатство!.. А самому заняться тоже невозможно: первое, нечѣмъ мнѣ взяться за работу, а второе... Охъ, да что̀ тутъ говорить, Татьяна Власьевна! Сама, голубушка, знаешь: только икни бы Маркушка съ своей жилкой, его сейчасъ бы и подъ лапу сгребли... Маленькій человѣкъ, еще въ острогѣ бы досыта насидѣлся! Тотъ же Порфиръ Порфирычъ али Плинтусовъ съ Шабалинымъ... Не я первый!

Вотъ я и подыскивалъ все подходящаго человѣка... Ну, которые получше, не вѣрили мнѣ, а другіе просто за страмъ считали говорить съ Маркушкой... Да... Извѣстные вѣдь мы люди на всю округу!.. Такъ годъ за годъ и тянулось дѣло, а я поковыривалъ свою жилку, что-нечто, пока не доковырялся вотъ до чего... Мудреное это дѣло, Татьяна Власьевна, золото! Тоже оно къ рукамъ идетъ, руку знаетъ... Вотъ я и порѣшилъ, чтобы оно досталось Гордею Евстратычу да тебѣ, чтобы вы грѣхъ мой замаливали...

Глаза Маркушки горѣли лихорадочнымъ огнемъ, точно онъ переживалъ во второй разъ свою золотую лихорадку, которая его мучила цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Татьяна Власьевна молчала, потому что ей передавалось взволнованное состояніе больного Маркушки: она тоже боялась, съ одной стороны, этой жилки, а съ другой — не могла оторваться отъ нея. Теперь ужъ жилка начинала владѣть ея мыслями и желаніями, и съ каждымъ часомъ эта власть дѣлалась все сильнѣе.

Захватывающее вліяніе золота уже успѣло отразиться на всей брагинской семьѣ. Первое появленіе Порфира Порфирыча съ компаніей въ этомъ домѣ было для всѣхъ истиннымъ наказаніемъ; а когда Гордей Евстратычъ проспался на другой день — онъ не зналъ, какъ глаза показать. Второе нашествіе Порфира Порфирыча уже не показалось никому такимъ дикимъ, и Татьяна Власьевна первая нашла, что онъ, хотя пьяница и любитъ покуражиться, но въ душѣ добрый человѣкъ. Въ сущности, это послѣднее заключеніе двоилось, потому что Татьяна Власьевна какъ-то инстинктивно боялась Порфира Порфирыча, въ чемъ не хотѣла сознаться даже самой себѣ.

— Велико кушанье... — говорила она даже вслухъ. — Ужъ Липачка и Плинтусовыхъ не боюсь, а Порфира Порфирыча и подавно... Ну, не дастъ золото мыть—проживемъ и безъ золота, какъ раньше жили.

Но этотъ страхъ предъ ревизоромъ былъ каплей, которая тонула въ морѣ другихъ ощущеній, мыслей и чувствъ. Пока въ брагинской семьѣ переживалось напряженное состояніе, было промыто офиціальное первое золото. Жилка оказалась чрезвычайно богатой, потому что на сто пудовъ падало цѣлыхъ тридцать золотниковъ, тогда какъ считается выгоднымъ разрабатывать коренное золото при 50—60 доляхъ, а въ Америкѣ находятъ возможнымъ эксплоатировать даже 5-долевое содержаніе. Однимъ словомъ, результатъ получился блестящій, точно награда за всѣ пережитыя брагинской семьей треволненія.

— Теперь Михалку и Архипа посадимъ на пріискъ, мамынька,—рѣшилъ Гордей Евстратычъ, пересыпая въ бумажкѣ золотой песочекъ.

— А въ лавкѣ кто будетъ сидѣть?

— Пусть Ариша съ Дуней сидятъ...

— Молоды онѣ, Гордей Евстратычъ. Пожалуй, не управятся...

— Тогда лавку закроемъ... А мнѣ безъ ребятъ одному на пріискѣ не разорваться. Надо смотрѣть за всѣми: того гляди, золото-то рабочіе растащатъ...

Все это было, конечно, справедливо... но закрыть батюшкову торговлю панскимъ товаромъ Гордей Евстратычъ никогда не рѣшился бы, а говорилъ все это только для того, чтобы заставить мамыньку убѣдиться въ невозможности другого образа дѣйствія. А Татьянѣ Власьевнѣ крѣпко не по душѣ это пришлось, потому что отъ нужды отчего же и женщинѣ не посадить въ лавкѣ особливо, когда несчастный случай какой подвернется въ семьѣ; а теперь дѣло совсѣмъ другое: раньше не богато жили, да снохи дома сидѣли, а теперь съ богатой жилкой вдругъ снохъ посадить въ лавку... Это было про-

тиворѣчіе, съ которымъ Татьяна Власьевна никакъ не могла примириться теоретически, хотя практически видѣла его полную неизбѣжность.

— Можно бы приказчика въ лавку посадить, Гордей Евстратычъ,— пробовала она замолвить словечко, хотя сейчасъ же убѣдилась въ его полной несостоятельности.

— Нѣтъ, ужъ этому не бывать, мамынька!—рѣшительно заявилъ Гордей Евстратычъ: — потому какъ намъ приказчикъ совсѣмъ не подходящее дѣло; день онъ въ лавкѣ, а ночью куда мы его денемъ? То-то вотъ и есть... Мужики всѣ на пріискѣ, а дома снохи молодыя, дочь на возрастѣ.

— Чтой-то ужъ! Гордей Евстратычъ, какія ты рѣчи говоришь... А я-то на что?..

— А я не къ тому рѣчь веду, что опасаюсь самъ,—нѣтъ, разговоровъ, мамынька, много лишнихъ пойдетъ. Теперь и безъ того всѣ про насъ въ трубу трубятъ, а тутъ и не оберешься разговору.

Передъ Рождествомъ Гордей Евстратычъ сдалъ первое золото въ Екатеринбургѣ и получилъ за него около шести тысячъ,—это былъ цѣлый капиталъ, хотя собственно первоначальные расходы на пріискѣ были вдвое больше. Но вѣдь это былъ только первый мѣсяцъ, а затѣмъ пойдетъ чистый доходъ. Чтобы начать дѣло, Гордею Евстратычу пришлось затратить не только весь свой наличный капиталъ, но и перехватить деньжонокъ у Пятова, Нила Поликарпыча. Къ своимъ роднымъ Савинымъ и Колобовымъ Гордей Евстратычъ ни за что не хотѣлъ обращаться, несмотря на совѣты Татьяны Власьевны; вообще имъ овладѣлъ какой-то бѣсъ гордости по отношенію къ роднымъ. Раньше не хотѣлъ посовѣтоваться съ ними насчетъ жилки, а теперь пошелъ за деньгами къ Пятову. Вмѣстѣ съ тѣмъ Татьяна Власьевна замѣтила, что Гордей Евстратычъ ужасно сталъ разсчитывать каждую копейку, чего раньше не было за нимъ, особенно когда расходы шли въ домъ.

— Мнѣ паровую машину ставить надо къ веснѣ,—говорилъ онъ, оправдываясь.—Да и Ирбитская ярмарка на носу, надо товаръ добыть, а деньги всѣ въ пріискъ усажены.

Конечно, это были только временныя стѣсненія, которыя пройдутъ въ теченіе первыхъ же мѣсяцевъ.

Первыя дикія деньги породили въ брагинской семьѣ и первую семейную ссору, хотя она и была самая небольшая. Когда Гордей Евстратычъ ѣздилъ сдавать золото, онъ привезъ обѣимъ снохамъ по подарку. Обыкновенно такіе подарки дѣлались всегда одинаковые, а тутъ Гордея Евстратыча точно бѣсъ толкнулъ подъ руку купить разные,—Аришѣ серьги, Дунѣ брошку. Вотъ эта-то брошка и послужила яблокомъ раздора, потому что Аришѣ показалось, что свекоръ больше любитъ Дуню и привезъ ей лучше подарокъ. Сначала Ариша надулась и замолчала, а потомъ принялась плакать въ своей каморкѣ, пока это горе не перешло въ открытую ссору съ Дуней. Невѣстки перессорились между собой, перессорили мужей и довели дѣло до Гордея Евстратыча. Судъ и рѣшеніе были самаго короткаго свойства.

— Не умѣли носить моихъ подарковъ, такъ пусть они у меня полежатъ, пока вы будете умнѣе,—рѣшилъ Гордей Евстратычъ, запирая и брошку и серьги къ себѣ въ шкатулку.

Невѣстки жили раньше душа въ душу, но тутъ даже суровое рѣшеніе Гордея Евстратыча и всѣ увѣщанія Татьяны Власьевны не могли ихъ примирить. Если бы еще дѣло было важное, тогда примиреніе не замедлило бы, вѣроятно, состояться, но извѣстно, что пустяковъ люди не забываютъ и не прощаютъ другъ другу...

X.

Отецъ Крискентъ былъ „удивленъ“... Именно, когда онъ распечаталъ братскую кружку, тамъ оказалась туго сложенная и завязанная сторублевая бумажка, въ другихъ кружкахъ тоже, а въ той, которая спеціально служила для сборовъ на построеніе храма, лежало цѣлыхъ пять сложенныхъ бумажекъ. Однимъ словомъ, въ теченіе всего „прохожденія церковной службы“ о. Крискентомъ—это былъ первый примѣръ такой щедрости доброхотнаго дателя, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ. Ясное дѣло, что о. Крискенту стоило только кое-что припомнить, чтобы узнать сейчасъ неизвѣстнаго дателя, которымъ, конечно, былъ не кто иной, какъ Гордей Евстратычъ.

— Доброе дѣло, доброе дѣло... — говорилъ о. Крискентъ и сейчасъ же прибавилъ:—Воздадите Божіе Богови, а кесарево кесарю. Непремѣнно нужно будетъ Брагина въ церковные старосты выбрать, а то Нилу Поликарпычу трудно справляться.

Объ этихъ крупныхъ пожертвованіяхъ вечеромъ же зналъ весь Бѣлоглинскій заводъ, и всѣ хвалили „благое начинаніе и ревность“ Гордея Евстратыча. А къ этому присоединились другія извѣстія: одной старушкѣ ночью въ окно чья-то рука подала десять рублей, тремъ бѣднымъ семьямъ та же рука дала по пяти, и т. д. Милостыня была вполнѣ тайная, хотя никакая тайна не остается тайной. Скоро молва разнесла самыя точныя подробности о положеніи дѣлъ у Брагиныхъ, причемъ количество золота росло по часамъ, а вмѣстѣ съ нимъ росли и брагинскія „тысячи“.

Нужно ли говорить о томъ, что эти слухи и самыя вѣрныя извѣстія, вмѣстѣ съ количествомъ добытаго Брагинымъ золота, поднимали и зависть къ ихъ неожиданному богатству. Послѣднее чувство росло и увеличивалось, какъ катившійся подъ гору комъ снѣга, такъ что люди самые близкіе къ этой семьѣ начали теперь относиться къ ней какъ-то подозрительно, хотя къ этому не было подано ни малѣйшаго повода. Савины и Колобовы были обижены тѣмъ, что Гордей Евстратычъ возгордился и не только не хотѣлъ посовѣтоваться съ ними о такомъ важномъ дѣлѣ, а даже за деньгами пошелъ къ Пятову. Ужъ кому бы ближе, какъ не имъ, покучиться съ деньгами, вѣдь не чужіе, слава Богу...

— Ну, ежели онъ не хочетъ, такъ Богъ съ нимъ, — говорилъ старикъ Колобовъ, когда сидѣлъ у Пятовыхъ. — Погордиться захотѣлъ передъ роденькой-то.

Ссора брагинскихъ невѣстокъ подлила масла въ огонь: теперь Колобовы и Савины не только надулись на всю брагинскую семью, но разошлись и между собой. Брагинское золото достало и ихъ... Даже потайная милостыня была выставлена въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ, какъ ловкая штука Татьяны Власьевны. Безъ сомнѣнія, Гордей Евстратычъ дѣйствовалъ по ея наущенію во всемъ: вотъ тебѣ и спасеная душа!.. Противъ Брагиныхъ изъ прежнихъ знакомыхъ не были возстановлены только Пятовы и Пазухины, но, можетъ-быть, это была простая случайность, какъ многое другое на свѣтѣ: стоило бросить малѣйшій поводъ, и Пазухины и Пятовы точно такъ же возстали бы противъ Брагиныхъ.

А золото шло все богаче и богаче... Жилка дала побочную вѣточку, на которой заложили другую шахту. Особенно богато золото шло въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „жилка выклинивалась“, т.-е. сходилось въ одинъ узелъ нѣсколько вѣтвей. Теперь на Смородинкѣ работало больше ста человѣкъ. Гордей Евстратычъ во второй разъ свезъ добытое золото и привезъ съ собой больше десяти ты-

сячъ. Работы были пріостановлены только наступившими праздниками, а затѣмъ снова были открыты на третій день Рождества. Несмотря на самое блестящее положеніе дѣлъ, Святки въ брагинскомъ домѣ прошли скучнѣе обыкновеннаго, потому что Савины и Колобовы даже не заглянули къ Брагинымъ. Невѣстки ходили съ опухшими красными глазами. Татьяна Власьевна тяжело вздохнула, и даже беззаботная Нюша пріуныла; одинъ Гордей Евстратычъ точно ничего не видѣлъ и не слышалъ, что̀ дѣлалось кругомъ: онъ точно приросъ къ своему пріиску и ни о чемъ больше не могъ думать.

— Ну и пусть дуются,—говорилъ онъ матери:—я имъ ничего не сдѣлалъ...

— Я тебѣ говорила тогда, милушка... — пробовала уговаривать Татьяна Власьевна.—Вонъ они и обидѣлись!

— Мнѣ наплевать на нихъ!.. И безъ нихъ проживемъ.

— Охъ, не гордись, не гордись, милушка. Гордымъ Господь противится...

— Что̀ же, по-твоему, мнѣ самому итти да кланяться имъ?.. Жирно будетъ, — пожалуй, подавятся.

Дѣло было дрянь, какъ его ни поверни, и Татьяна Власьевна напрасно ломала свою голову, чтобы выйти изъ затрудненія, т.-е. помириться съ родней, не умаляя своей чести. „Вѣдь вины-то нѣтъ никакой,—раздумывала она про себя:—Гордей-то и правъ выходитъ; на духу покаяться не въ чемъ. Что̀ мы имъ сдѣлали? Взять хоть Савиныхъ, хоть Колобовыхъ...“ Нужно въ этомъ отдать полную справедливость генію Марѳы Петровны, которая съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣла „подпустить бѣска“ вездѣ и теперь „переплескивала“ самыя невѣроятныя извѣстія отъ Брагиныхъ къ Колобовымъ и Савинымъ, и наоборотъ. Ослѣпленіе сторонъ дошло до того, что онѣ, зная много лѣтъ Марѳу Петровну, какъ завзятую сплетницу, сдѣлали ее теперь своей повѣренной. Въ результатѣ получилось такое положеніе дѣлъ, что о примиреніи не могло быть и рѣчи. Марѳа Петровна торжествовала, сама не отдавая себѣ отчета въ своихъ поступкахъ. Особенно ловко она сумѣла поссорить между собой старуху Савиху съ безобидной Агнеей Герасимовной Колобовой. Старухи жили душа въ душу цѣлый вѣкъ, а тутъ чуть не разодрались изъ-за пустяковъ, — это было настоящее похмелье въ чужомъ пиру. Даже Татьяна Власьевна поддалась хитросплетеннымъ навѣтамъ Марѳы Петровны и наконецъ убѣдилась, что Савины и Колобовы виноваты во всемъ.

— А старухи-то, старухи—настоящія злыдни, такъ и шипятъ!—подсказывала Марѳа Петровна.—Вишь имъ поперекъ горла стало ваше-то золото... Зависть одолѣла!

— Чтой-то, Марѳушка, и люди за такіе нонѣ пошли? — съ тоской спрашивала Татьяна Власьевна.

— Охъ, и не говори, Татьяна Власьевна... Не кормя, не поя, ворога не наживешь, голубушка!..

— А вѣдь ты вѣрно сказала, Марѳуша. Жили мы, никому не мѣшали и теперь не мѣшаемъ, а тутъ накося, какая притча стряслась! Съ чужими-то завсегда легче жить, чѣмъ со своими.

— Такъ, Татьяна Власьевна... Съ чужими дѣлить нечего—вотъ и миръ, да гладь, да Божья благодать.

Всѣхъ чаще теперь бывали въ брагинскомъ домѣ Пятовы, т.-е. Нилъ Поликарпычъ и Ѳеня. Самъ Пятовъ, высокій, тощій брюнетъ съ лысой головой, отличался своей молчаливостью и необыкновеннымъ пристрастіемъ къ разнымъ домашнимъ средствамъ: онъ всегда считалъ себя чѣмъ-нибудь больнымъ и вѣчно лѣчился разными настоями и необыкновенно мудреными мазями. Все это составлялось по самымъ таинственнымъ рецептамъ, и каждое сред-

ство помогало, по крайней мѣрѣ, сотнѣ людей, хотя Нилу Поликарповичу не дѣлалось легче, и онъ съ новымъ терпѣніемъ изыскивалъ что-нибудь неиспробованное. Овдовѣвъ въ молодыхъ годахъ, онъ теперь находился на полномъ попеченіи дочери, которая не чувствовала никакого расположенія къ лѣкарствамъ и лѣченію. Единственная дочь, избалованная съ дѣтства, Ѳеня не знала запрета ни въ чемъ и дѣлала все, что̀ хотѣла. Бойкая и красивая, съ свѣтло-русой головкой и могучей грудью, эта дѣвушка изнывала подъ напоромъ жизненныхъ силъ; она дурачилась и бѣсилась, какъ говорила Татьяна Власьевна, не зная устали, хотя сердце у ней было доброе и отходчивое. У Пятова былъ еще сынъ Володька, но тотъ сбился давно съ панталыку и теперь жилъ гдѣ-то на пріискахъ, подальше отъ родительскихъ глазъ. Ѳеня и Нюша росли вмѣстѣ и были почти погодки; онѣ подходили и по характеру другъ къ другу и по тому, что выросли безъ матери. Ѳеня разсказывала безконечную исторію о своихъ женихахъ, которые являлись съ самыми фантастическими достоинствами, какъ миѳологическія божества.

— Ужъ не стала бы я по-твоему возиться съ какимъ-нибудь Алешкой Пазухинымъ!—не разъ говорила Ѳеня, встряхивая своей желтой косой.—Нечего сказать, не нашла хуже-то!..

— Онъ славный, Ѳеня...

— Славный, славный... Нечего сказать, нашла славнаго, шагу не умѣетъ ступить.

— Да мнѣ съ нимъ не танцовать.

— Танцовать не танцовать, а въ люди показаться совѣстно. Такіе у поповъ страшные бываютъ... Славный!.. Я ему вотъ когда-нибудь такъ въ шею накладу,—вотъ тебѣ и славный.

— Я и сама такъ думала, только мнѣ его жаль, Ѳеня, такъ жаль... Я тебѣ не умѣю сказать, какъ жаль! Недавно они у насъ всѣ въ гостяхъ были... Ну, сидѣли, чай пили, а когда пошли домой, Алешка и говоритъ мнѣ: „Прощайте, Анна Гордеевна“... А самъ такъ на меня смотритъ, жалостливо смотритъ. „Что̀, говорю я ему, умирать, что ли, собрался?“ — „Нѣтъ, говоритъ, а около того... Теперь, говоритъ, вы стали богатыми; а пѣшій конному не товарищъ“. Вотъ этимъ онъ меня и зарѣзалъ... Стою я да смотрю на него, какъ дура какая, а потомъ какъ поцѣлую его... Такъ и сказала прямо, что либо за него, либо ни за кого!

— Ого!.. Такъ вы вотъ какъ?!. Ну, это все пустяки. Я первая тебя не отдамъ за Алешку — и все тутъ... Выдумала! Мало ли этакихъ пестерей на бѣломъ свѣтѣ найдется, всѣхъ не пережалѣешь... Погоди, вотъ ужо налетитъ ясный соколъ и прогонитъ твою мокрую ворону.

— Нѣтъ, Ѳеня... я уже сказала и отъ своего слова не отопрусь.

— Ну, ну... Дѣвичья память короткая: до порога!

Эти рѣчи сильно смущали Нюшу, но она скоро одумывалась, когда Ѳеня уходила. Именно теперь, когда возможность разлуки съ Алешей являлась болѣе чѣмъ вѣроятной, она почувствовала со всей силой, какъ любила этого простого, хорошаго парня, который въ ней души не чаялъ. Она ничего лучшаго не желала и была счастлива своимъ рѣшеніемъ.

Въ общей сумятицѣ, поднятой брагинской жилкой, чистой отъ всякихъ расчетовъ и соображеній корыстнаго характера оставалась пока одна Нюша, что̀ и проявлялось въ ея отношеніяхъ къ Алешѣ. Дѣвушка любила нетронутымъ молодымъ чувствомъ, безъ всякой задней мысли, и новая обстановка, ломавшая старые батюшкины устои, еще не коснулась ея. Пелагея Миневна наблюдала Нюшу и съ радостью замѣчала, что эта дѣвушка остается прежъ

ней Нюшей, только бы Господь пособилъ пристроить за Алешку. Расчетливая старушка хорошо понимала, что такого важнаго дѣла отнюдь не слѣдуетъ откладывать въ долгій ящикъ: обстоятельства быстро мѣнялись, а съ ними могли измѣниться и намѣренія большаковъ Брагиныхъ относительно судьбы Нюши. Пелагея Миневна и Марѳа Петровна были увѣрены, что Брагины отдадутъ Нюшу за Алешу, потому что она одна у нихъ, пожалѣютъ отдать куда-нибудь далеко, а тутъ рукой подать, всего черезъ дорогу перейти. Притомъ Алеша парень смиренный, работящій, и семья у нихъ маленькая; ну и достатковъ хватитъ на ихъ-то вѣкъ. Сама Татьяна Власьевна давала понять нѣсколько разъ, что она съ удовольствіемъ отдастъ Нюшу за Алешу; а если Татьяна Власьевна этого хотѣла, то Гордей Евстратычъ и подавно.

Пелагея Миневна цѣлыя Святки все выбирала удобный случай, чтобы еще поговорить по душѣ съ Татьяной Власьевной; а тамъ, заведеннымъ порядкомъ, и сватовъ можно было заслать. Но время для такого разговора все какъ-то не выдавалось: то гости у Брагиныхъ, то что̀. Только этакъ наканунѣ Новаго года Пелагея Миневна собралась-таки къ Брагинымъ. Надѣла старинный шелковый сарафанъ, по зеленому полю съ алой травкой, подпоясалась старинным плетенымъ шелковымъ поясомъ, на голову надѣла расшитую золотомъ сороку, и въ такомъ видѣ, положивъ установленный началъ передъ дѣдовскимъ образомъ, отправилась въ брагинскій домъ.

— У нихъ теперь никого и дома-то нѣтъ, кромѣ старухи, — говорила провожавшая ее Марѳа Петровна.—Мужики на Смородинкѣ, Дуня въ лавкѣ, Нюша у Пятовыхъ, надо полагать... Въ добрый часъ, Пелагея Миневна!.. Господи, благослови!..

Торжественный видъ, съ которымъ вошла Пелагея Миневна на половину Татьяны Власьевны, даже немного испугалъ послѣднюю: она по глазамъ видѣла, зачѣмъ пришла Пелагея Миневна. Усадивъ гостью и заказавъ Маланьѣ самоваръ, Татьяна Власьевна принялась бесѣдовать о томъ и о семъ, точно не понимала, зачѣмъ явилась гостья. Покалякали бабьимъ дѣломъ, посудачили, поперемывали косточки, кто подвернулся подъ руку, а сами все ни съ мѣста. Пелагея Миневна выпила двѣ чашки чаю, похвалила стряпню Маланьи и вообще довольно тонко польстила хозяйкѣ.

— Какая наша стряпня, Пелагея Миневна, — скромничала довольная Татьяна Власьевна.—Маланья стара стала да упряма, все поперекъ хочетъ дѣлать.

— Что̀ вы это говорите, Татьяна Власьевна?.. У васъ теперь и замѣниться есть кѣмъ: двѣ снохи въ домѣ... Мастерицы бабочки, не откуда-нибудь взяты! Особенно Ариша-то... Вѣдь Агнея Герасимовна первая у насъ затѣйница по всему Бѣлоглинскому, ежели разобрать. Противъ нея развѣ только у васъ состряпаютъ, а въ другихъ прочихъ домахъ далеко не вплоть.

Татьяна Власьевна промолчала. Гостья задѣла неловко наболѣвшее мѣсто о недавней ссорѣ съ Савиными и Колобовыми.

— Ахъ, голубушка Татьяна Власьевна, а вотъ мнѣ такъ и замѣниться-то некѣмъ... — перешла въ минорный тонъ Пелагея Миневна, дѣлая то, что̀ въ періодахъ называется пониженіемъ.—Плоха я стала, Татьяна Власьевна, здоровьемъ сильно скудаюсь, особливо къ погодѣ... Поясницу такъ ломитъ другой разъ—страсти!.. А дочерей не догадалась наростить, вотъ теперь и майся на старости лѣтъ...

Это въ діалектическомъ отношеніи былъ очень ловкій приступъ, и Татьянѣ Власьевнѣ стоило только сказать, что, молъ, „Пелагея Миневна, вашему горю и помочь можно—сынъ на возрастѣ, жените и замѣнушку въ домъ при-

ведете“... Но важеватая старуха, конечно, ничего подобнаго не высказала, потому что это было неприлично,—съ какой стати она сама стала бы навязываться Пазухинымъ?..

— А Марѳа Петровна?—уклончиво спросила Татьяна Власьевна.—Кабы у меня были такія золотыя руки, да я бы, кажется, еще сто лѣтъ прожила...

— Это вы справедливо, Татьяна Власьевна... Точно, что наша Марѳа Петровна цѣлый домъ ведетъ, только вѣдь все-таки она чужой человѣкъ, ежели разобрать. Ужъ ей не укажи ни въ чемъ, а Боже упаси, ежели поперечное слово сказать. Склалась, только ее и видѣлъ. Къ тѣмъ же Шабалинымъ уйдетъ, ей вездѣ дорòга.

— Что̀ говорить, что̀ говорить:..—покачивая головой, согласилась Татьяна Власьевна.—Тоже вотъ и язычокъ у Марѳы-то Петровны..

— Охъ и не говорите, Татьяна Власьевна! Стыдко сказать, а грѣхъ утаить: плàчу я отъ ея языка, слезно плàчу... Конечно, про себя перенесешь—и молчокъ, не въ люди же нести свою сухоту. Донимаетъ она меня этимъ своимъ язычкомъ, тàкъ донимаетъ... А я сама-то стара становлюсь, ну и терпишь.

Гостья такъ расчувствовалась, что даже вытерла глаза уголкомъ своего кисейнаго передника, подвязаннаго, конечно, подъ самыя мышки. Старушки еще побесѣдовали, а потомъ Пелагея Миневна начала прощаться.

— Заболталась я у васъ, Татьяна Власьевна... Извините ужъ на нашей простотѣ! Къ намъ-то когда вы пожалуете?

— А вотъ соберемся какъ-нибудь.. Спасибо, что насъ грѣшныхъ не забываете, Пелагея Миневна. Нынче какъ-то и не примѣнишься къ людямъ... Гордость всѣхъ одолѣла..

Пелагея Миневна, накидывая въ передней платокъ на голову, съ соболѣзнованіемъ покачала только головой: очевидно, Татьяна Власьевна намекала на недоразумѣнія съ Савиными и Колобовыми. Накидывая на плечи свою бѣличью шубейку, Пелагея Миневна чувствовала, какъ все у ней внутри точно похолодѣло—наступилъ самый критическій моментъ... Скажетъ что-нибудь Татьяна Власьевна или не скажетъ? Когда гостья уже направилась къ порогу, Татьяна Власьевна остановила ее вопросомъ:

— А гдѣ у васъ Алексѣй-то Силычъ? Что-то ровно его не видать...

— Да при лавкѣ больше, Татьяна Власьевна. Онъ вѣдь домосѣдъ у насъ, сами знаете, не любитъ больно-то расхаживать.

— Смиренный парень, что̀ говорить... Надо вамъ за него Бога молить, Пелагея Миневна. Этакихъ-то кроткихъ да послушныхъ по нынѣшнимъ временамъ надо съ огнемъ поискать!..

Этого было совершенно достаточно... Татьяна Власьевна сама вызывала на сватовство послѣднимъ отзывомъ, и Пелагея Миневна вышла въ сѣни въ радостномъ волненіи, отъ котораго у ней кружилась голова. „Устрой, Господи, все на пользу!“—шептала она про себя, спускаясь по лѣсенкѣ во дворъ. Пелагея Миневна въ своемъ радужномъ настроеніи дошла до самыхъ воротъ и только хотѣла взяться за кольцо калитки, какъ она растворилась сама, а въ калиткѣ показалась женская высокая фигура въ двухъ шубахъ съ наглухо завернутой головой въ нѣсколько шалей.

— Алена Евстратьевна!.. — проговорила Пелагея Миневна, пристально вглядываясь въ стоявшую неподвижно женскую фигуру.—Откуда Богъ несетъ?

— Изъ Верхотурья пріѣхала,—какъ-то нехотя отвѣтила Алена Евстратьевна, оглядывая Пелагею Миневну съ ногъ до головы.

— Аль не узнали меня-то?

— Что-то какъ будто запамятовала...

— Пазухиныхъ-то, можетъ, еще не забыли, Алена Евстратьевна? Сусѣди въ прежнее время были съ вами...

— Да, да... помню.

Алена Евстратьевна даже не подала руки Пелагеѣ Миневнѣ, а только сухо ей поклонилась, какъ настоящая заправская барыня. Эта встрѣча разомъ разбила розовое настроеніе Пелагеи Миневны, у которой точно что̀ оборвалось внутри... Гордячка была эта Алена Евстратьевна, и никто ее не любилъ, даже Татьяна Власьевна. Теперь Пелагея Миневна постояла-постояла, посмотрѣла, какъ въѣзжали во дворъ лошади, на которыхъ пріѣхала Алена Евстратьевна, а потомъ уныло поплелась домой.

„И принесло же ее ни раньше ни послѣ...—сердито думала Пазухина, подходя къ своему дому.—Пожалуй, все наше дѣло испортитъ. Придется погодить, видно, какъ она въ свое Верхотурье уберется...“

Марѳа Петровна видѣла, какъ пріѣхала Алена Евстратьевна, и все поняла безъ объясненій: случай вышелъ не въ руку; ну, да всѣ подъ Богомъ ходимъ, не вѣкъ же будетъ жить въ Бѣлоглинскомъ эта гордячка.

Появленіе Алены Евстратьевны произвело въ брагинскомъ домѣ настоящій переворотъ, хотя тамъ ее никто особенно не жаловалъ. Раньше она рѣдко пріѣзжала въ гости и оставалась всего дня на два, на три; но на этотъ разъ по всѣмъ признакамъ готовилась прогостить вплоть до послѣдняго саннаго пути.

— На наше золото прилетѣли, Алена Евстратьевна?—язвительно спрашивалъ Зотушка, кутившій всѣ праздники.

— Какое золото?—удивилась Алена Евстратьевна.

— Отецъ-отъ развѣ не описывалъ тебѣ ничего? — спрашивала Татьяна Власьевна: она называла Гордея отцомъ, какъ большака въ семьѣ.

— Ничего мы не получали. А я прихворнула передъ Рождествомъ-то, а то бы раньше пріѣхала...

„Вретъ, все вретъ наша Аленушка... — думалъ пьяный Зотушка, улыбаясь хитрой улыбкой. — На жилку ворона прилетѣла, только не даромъ ли крыльями, милая, махала?

Аленѣ Евстратьевнѣ было за сорокъ; это была полная, высокая женщина, съ красивымъ лицомъ, на которомъ тѣнью лежало что-то фальшивое и хитрое. Сѣрые большіе глаза Алены Евстратьевны смотрѣли прямо и нахально, особенно когда она улыбалась. Одѣвалась она всегда по модѣ, т.-е. носила платья, шляпочки, воротнички, корсетъ и т. д. Мужъ Алены Евстратьевны хотя и занимался подрядами и числился во второй гильдіи, но, попавъ въ земскіе гласные, перевелъ себя совсѣмъ на господскую руку, т.-е. онъ въ этомъ случаѣ, какъ милліоны другихъ мужей, только плясалъ подъ дудку своей жены, которая всегда была записной модницей.

Алена Евстратьевна до страсти любила распоряжаться и совать свой носъ рѣшительно вездѣ; потому, едва успѣвъ переодѣться съ дороги, она начала производить строгую ревизію по всему дому, причемъ находила все не такъ, какъ тому слѣдовало бы быть. Особенно досталось отъ нея невѣсткамъ; Алена Евстратьевна умѣла подносить самыя горькія пилюли съ ласковой улыбкой. Нюша попробовала-было вступить съ тетушкой зубъ за зубъ, но была разбита и уничтожена. Въ какихъ-нибудь три дня гостья овладѣла всѣмъ домомъ и распоряжалась въ немъ, какъ побѣдитель въ завоеванной провинціи. Даже самъ Гордей Евстратычъ, недолюбливавшій сестричку за ея характеръ, теперь какъ-то совсѣмъ поддался ей и даже замѣтно ухаживалъ за ней.

Татьяна Власьевна удивлялась такой перемѣнѣ и въ то же время сама начала относиться къ нелюбимой дочери съ большимъ уваженіемъ и даже раза два совѣтовалась съ ней.

— Какъ это вы живете, Гордей Евстратычъ?—говорила Алена Евстратьевна.—Развѣ это порядокъ въ домѣ? Точно какіе-нибудь прасолы... Всякій, какъ въ комнаты зашелъ, сейчасъ и видитъ вашу необразованность!

— Ладно намъ, Алена Евстратьевна... Куда ужъ намъ за богатыми гоняться!—отвѣтилъ Гордей Евстратычъ.—Вѣкъ прожили не хуже другихъ...

— Вамъ-то хорошо такъ говорить, а дѣти какъ? Тоже въ необразованности хотите оставить, на посмѣяніе всѣмъ... Или взять Нюшу теперь... Дѣвушка невѣста, а порядочному жениху стыдно въ домъ пріѣхать... Это какая-то лачуга, а не домъ. Вонъ Вуколъ Логинычъ устроилъ себѣ домикъ, такъ хоть кого не стыдно въ немъ принять. Взять эти ваши сарафаны... Кромѣ Бѣлоглинскаго завода во всемъ свѣтѣ больше не увидишь, чтобы дѣвушки или молодыя женщины въ сарафанахъ ходили... Взять хоть наше Верхотурье... Нѣтъ, братецъ, по вашимъ теперешнимъ достаткамъ такъ жить невозможно! Ужъ вы какъ тамъ хотите съ маменькой, а только это не порядокъ въ домѣ... Спросите у кого угодно, какъ по другимъ-прочимъ мѣстамъ богатые люди живутъ.

Гордей Евстратычъ для видимости противорѣчилъ, но внутренно былъ совершенно согласенъ съ сестрой: такъ жить дальше было невозможно, совѣстно, взять хоть супротивъ того же Вукола Логиныча. У того вонъ какъ все устроено въ дому, въ родѣ какъ въ церкви.

— Вонъ у васъ какая печка безобразная стоитъ, Гордей Евстратычъ,— не унималась Алена Евстратьевна.—Весь домъ портитъ...

— Ну, ужъ это ты напрасно... Печку не уберу! Лучше другой домъ выстрою. Дай срокъ, вотъ золота лѣтомъ намоемъ, тогда такую музыку заведемъ...

— Въ томъ-то и дѣло, Гордей Евстратычъ, чтобы отъ другихъ не отстать... А то совѣстно къ вамъ пріѣхать!.. И компанія у васъ тоже самая неподходящая: какіе-то Пазухины... Вы должны себя теперь очень соблюдать, чтобы передъ другими было не совѣстно. Хорошему человѣку къ вамъ и въ гости прійти неловко... Изволь тутъ разговаривать съ какой-то Пелагеей Миневной да Марѳой Петровной. Это не порядокъ въ домѣ...

— А я печку не буду ломать,—продолжалъ Гордѣй Евстратычъ, отвѣчая самому себѣ:—вотъ полы перестлать или потолки раскрасить—это можно. Тамъ изъ мебели что̀ поправить, насчетъ ковровъ—это все сдѣлаемъ не хуже другихъ... А по осени можно будетъ и домъ заложить по всей формѣ.

Однимъ словомъ, Алена Евстратьевна пошла кутить и мутить, точно ее бѣсъ подмывалъ. Большаки слушали ее потому, что боялись, какъ бы не отстать отъ другихъ; молодые хоть и недолюбливали ее, но тоже слушали, потому что Алена Евстратьевна была записная модница и всегда ходила въ платьяхъ и шляпкахъ.

А на Смородинкѣ золото такъ и лѣзло изъ земли—что̀ недѣля, то и два да три фунта. Послѣ Крещенья Гордей Евстратычъ еще сгонялъ въ городъ и еще сдалъ золота. А Алена Евстратьевна живетъ себѣ да поживаетъ у милаго братца и, видимо, желанія никакого не имѣетъ убраться въ свое Верхотурье. Двѣнадцатаго января Татьяна Власьевна была именинница. Этотъ день праздновался въ брагинскомъ домѣ очень скромно и по-старинному: наканунѣ о. Крискентъ служилъ всенощную, утромъ женщины шли въ церковь къ обѣднѣ, потомъ къ чаю собирались кой-кто изъ знакомыхъ старушекъ, съѣдали

именинный пирогъ, и тѣмъ все дѣло кончалось. И на этотъ разъ все устроилось такъ же. Только послѣ обѣдни не пришли ни отъ Савиныхъ ни отъ Колобовыхъ, что̀ очень огорчило Татьяну Власьевну; изъ постороннихъ были только Пелагея Миневна съ Марѳой Петровной да еще стрекоза Ѳеня. Мужчины хотѣли пріѣхать съ пріиска только къ вечеру, потому работа не ждала. Прибрелъ еще о. Крискентъ въ своей фіолетовой рясѣ. За чаемъ сидѣли и калякали о разныхъ разностяхъ; главнымъ образомъ за всѣхъ говорила модная Алена Евстратьевна, которая распространялась все насчетъ настоящихъ порядковъ въ домѣ. О. Крискентъ благочестиво соглашался, склонялъ головку на бокъ и шепталъ: „Да, да!“.

— Баушка, вѣдь это къ намъ! — крикнула Нюша, бросаясь къ окну.

Къ воротамъ брагинскаго дома лихо подкатили лакированныя сани станового, заложенныя парой на отлетъ; въ нихъ съ Плинтусовымъ сидѣлъ мировой Липачекъ.

— Видно, къ Гордею Евстратычу,—сообразила Татьяна Власьевна.

Всѣ женщины поспѣшили перебраться изъ парадныхъ комнатъ на половину Татьяны Власьевны; остались на своихъ мѣстахъ только о. Крискентъ да Алена Евстратьевна.

— Милости просимъ, милости просимъ. Только вотъ Гордея Евстратыча нѣтъ дома: еще не пріѣхалъ съ пріиска...

— А мы не къ нему, а къ вамъ, Татьяна Власьевна,—говорилъ Плинтусовъ, щелкая каблуками.—Нарочно пріѣхали поздравить васъ съ днемъ вашего тезоименитства.

Плинтусовъ фартовато прищурилъ свои сорочьи глаза и еще разъ щелкнулъ каблуками; Липачекъ повторилъ то же самое. Татьяна Власьевна была пріятно изумлена этой неожиданностью и не знала, какъ и чѣмъ ей принять дорогихъ гостей. На этотъ разъ Алена Евстратьевна выручила ее, потому что сумѣла занять гостей образованнымъ разговоромъ, пока готовилась закуска и раскупоривались бутылки.

„И меня, старуху, вспомнили“,—думала Татьяна Власьевна, польщенная этимъ вниманіемъ.

— Мы еще третьяго-дня сговорились ѣхать къ вамъ вмѣстѣ,—докладывалъ Плинтусовъ, выплескивая въ свою пасть первую рюмку.

— Какъ же это вы такъ надумали? Напрасно только себя безпокоили,—точно оправдывалась Татьяна Власьевна.—Мы маленькіе люди...

— Ахъ, маменька, какія вы, право,—жеманно возражала Алена Евстратьевна, совсѣмъ сконфуженная незнаніемъ Татьяны Власьевны свѣтскихъ приличій.—Это вездѣ такъ принято въ порядочномъ обществѣ...

Плинтусовъ и Липачекъ не успѣли выпить по второй рюмкѣ, какъ подкатилъ на своемъ сѣромъ Шабалинъ, а вслѣдъ за нимъ Пятовъ. Словомъ, гостей набрался полонъ домъ.

— Вотъ мы и поздравимъ старушку соборнѣ,—кричалъ Вуколъ Логинычъ, хлопая Татьяну Власьевну по плечу.—Такъ вѣдь, отецъ Крискентъ?.. Я хоть и не вашей вѣры, а выпить вмѣстѣ не прочь...

Всѣ наперерывъ старались выразить свое уваженіе не только Татьянѣ Власьевнѣ, но и Аленѣ Евстратьевнѣ. Даже неразговорчивый Липачекъ и тотъ повторялъ каждое слово Плинтусова.

— Вѣдь ихъ надо будетъ оставить обѣдать, — соображала Татьяна Власьевна, считая гостей по пальцамъ.—Охъ, горе мое, а у насъ и стряпни никакой не заведено!..

Но Алена Евстратьевна успокоила маменьку, объяснивъ, что принято

только поздравить за закуской и убираться во-свояси. Пирогъ будетъ—и довольно. Такъ и сдѣлали. Когда пріѣхалъ съ пріиска Гордей Евстратычъ съ сыновьями, всѣ уже были навеселѣ порядкомъ, даже Нилъ Поликарпычъ Пятовъ, бесѣдовавшій съ о. Крискентомъ о спасеніи души. Однимъ словомъ, именины Татьяны Власьевны отпраздновались самымъ торжественнымъ образомъ, и только конецъ этого пиршества былъ омраченъ ссорой Нила Поликарпыча съ о. Крискентомъ.

Дѣло вышло изъ-за староства. О. Крискентъ политично завелъ разговоръ на тему, что Нилъ Поликарпычъ уже поработалъ въ свою долю на домъ Божій и имѣетъ полное право теперь отдохнуть.

— Надо и другимъ въ свою долю поработать, Нилъ Поликарпычъ,—пояснилъ свою мысль о. Крискентъ съ вкрадчивой улыбкой.

— Не пойму я васъ что-то, о. Крискентъ.

— А очень просто... Мы выберемъ въ старосты Гордея Евстратыча,—пусть его постарается для Бога.

— А... такъ вы вотъ какъ, отецъ Крискентъ!.. Значитъ, вамъ не служба дорога, а деньги.

И пошелъ, и пошелъ. Старикъ не на шутку разгорячился и даже покраснѣлъ. Бѣдный о. Крискентъ весь съежился и лепеталъ что-то такое несообразное въ свое оправданіе. Даже Липачекъ и Плинтусовъ не могли унять расходившагося старика...

— Правду, видно, старинные люди сказывали,—кричалъ Нилъ Поликарпычъ, горячась и размахивая руками,—что, молъ, прежде сосуды по церквамъ были деревянные, да попы золотые, а нынче сосуды стали золотые, такъ попы деревянные...

О. Крискентъ обидѣлся, въ свою очередь, на такое оскорбленіе. Гордей Евстратычъ хотѣлъ помирить своихъ гостей; но это вмѣшательство окончательно взбѣсило Нила Поликарпыча.

— Нѣтъ, Гордей Евстратычъ, видно, намъ не приходится водить съ вами компанію...—заявилъ Пятовъ, хватаясь за шапку.—Вы богатые стали, лучше насъ найдете.

— Что вы, Нилъ Поликарпычъ, батюшка... — заголосила Татьяна Власьевна, удерживая Нила Поликарпыча за руку.—Отецъ Крискентъ!.. Нилъ Поликарпычъ!..

— Мамынька, оставь!..—грозно приказалъ Гордей Евстратычъ.

Изъ старыхъ друзей остались только о. Крискентъ да Пазухины... Вотъ тебѣ и „бабушкины именины“,—нечего сказать, отпраздновали!..

XI.

Наступала весна. Дорога почернѣла; съ крышъ капала вода, а по ночамъ стоки и капельники обрастали ледяными сталактитами. Солнце разъѣдало снѣгъ, который черпѣлъ отъ пропитывавшей его воды и садился все ниже и ниже, покрываясь сверху мусорнымъ налетомъ. Горныя рѣчонки начали набухать и пожелтѣли отъ выступившихъ наледей; сочившаяся изъ почвы весенняя вода точила дряблый ледъ, образуя черпѣвшія промоины и широкія полыньи. По взлобочкамъ и прикрутостямъ, по уваламъ и горовымъ мѣстамъ выглянули первыя проталинки съ всклокоченной, бурой прошлогодней травой; рыжія пятна такихъ проталинъ покрывали бѣлый саванъ точно грязными заплатами, которыя все увеличивались и росли съ каждымъ днемъ, превращаясь въ громадныя прорѣхи, какихъ не въ состояніи были починить самые холодные весенніе

утренники, коробившіе ледъ и заставлявшіе трещать бревна. Въ воздухѣ наливалась и росла та сила, которая, точно сознательно, уничтожала шагъ за шагомъ остатки суровой сѣверной зимы. Даже холодъ, достигавшій по ночамъ значительной силы, не имѣлъ уже прежней всесокрушающей власти: земля сама давала ему отпоръ накопившимся за день тепломъ, и солнечные лучи смывали послѣдніе слѣды этой борьбы. Нѣсколько разъ принимался итти мягкій пушистый снѣгъ, и народъ называетъ его „сыномъ, который пришелъ за матерью“, т.-е. за зимой.

Только въ лѣсу еще лежалъ глубокій снѣгъ, особенно по логамъ и дремучимъ лѣснымъ гущамъ. Здѣсь солнце не въ силахъ его достать и можетъ только растопить лежавшій на вѣтвяхъ бѣлый пушистый слой, превративъ его въ ледяныя сосульки, которыми мохнатыя зеленыя лапы елей и сосенъ были изувѣшены, какъ брильянтовыми подвѣсками и подвизями. Стройныя ели и пихты, опушенныя утреннимъ инеемъ, стояли осыпанныя брильянтами, какъ невѣсты; этотъ подвѣнечный нарядъ таялъ и снова нарасталъ каждую ночь, какъ постоянно возобновлявшаяся красота. Темная зелень хвои сливалась въ необыкновенную гармонію съ искрившейся бѣлизной снѣжныхъ покрововъ, создавая неувядавшую гармонію красокъ и тоновъ, особенно рядомъ съ мертвыми остовами осинъ, березъ и черемухъ, которыя такъ жалко таращили свои набухавшія голыя вѣтки. Самые дикіе лѣсные уголки дышали великой и могучей поэзіей, развивавшейся въ тысячахъ отдѣльныхъ деталей, гдѣ все было оригинально, все полно силы и какой-то сказочной прелести, особенно по сравненію съ жалкими усиліями человѣка создать красками или словомъ что-нибудь подобное. Вторженіе человѣка въ жизнь природы съ цѣлью воспроизвести ея красоты, тѣмъ или другимъ путемъ, каждый разъ разбивается самымъ безпощаднымъ образомъ, какъ галлюцинаціи сумасшедшаго. Воровство, сшитое на живую нитку, трещитъ и рвется по всѣмъ швамъ, обнажая наше самоувѣренное и самодовольное невѣжество. Достаточно указать на тотъ фактъ, что нашъ вкусъ находитъ дисгармонію въ сочетаніяхъ зеленаго и голубого цвѣтовъ, а природа опровергаетъ наши художественныя настроенія на каждомъ шагу, сочетая синеву неба съ зеленью лѣса и травы почти въ музыкальную мелодію, особенно на сѣверѣ, гдѣ природа такъ бѣдна красками.

Съ наступленіемъ весны работа на Смородинкѣ закипѣла. Заканчивали маленькую плотинку, которою рѣчка Смородинка запруживалась; ставили паровую машину, били третью шахту и т. д. Картина новаго пріиска представляла самый оживленный лѣсной уголокъ: лѣсная гуща точно разступилась, образовавъ неправильную площадь, поднимавшуюся отъ Смородинки на увалъ; только-что срубленныя и сложенныя въ костры деревья образовали по краямъ что-то въ родѣ той засѣки, какая устраивалась въ прежнія времена на усторожливыхъ мѣстечкахъ на случай нечаяннаго непріятельскаго нападенія; новенькая контора точно грѣлась на самомъ угорѣ; рядомъ съ ней выросли амбары и людская, гдѣ жили кучера и прислуга. Отвалы изъ промытыхъ песковъ и просто земли, добытой изъ шахты, образовали нѣсколько отдѣльныхъ грядъ, точно валы какой-то земляной крѣпости. Деревянный сарай надъ жилкой, дробильная машина и главный корпусъ, гдѣ совершалась промывка золота, дополняли картину пріиска, на которомъ теперь работало до трехсотъ человѣкъ.

Гордей Евстратычъ живмя-жилъ на пріискѣ и выѣзжалъ домой очень рѣдко. Михалка и Архипъ были неотлучны при немъ, замѣняя пріисковыхъ служащихъ. Михалка наблюдалъ за рабочими, разсчитывалъ ихъ по субботамъ, а по праздникамъ ѣздилъ въ Бѣлоглинскій заводъ производить необходимыя

покупки изъ харчей, одежды и всякаго другого припаса, который требовался на пріискѣ; Архипъ занимался больше письменной частью и старательно велъ пріисковыя книги. Работы всѣмъ было по горло, и Гордей Евстратычъ замѣтно похудѣлъ за это время, а на лбу у него появилось нѣсколько морщинъ. По цѣлымъ часамъ онъ высиживалъ въ своей конторѣ со счетами въ рукахъ, дѣлая смѣты и необходимыя соображенія. Золото шло богатое, но чѣмъ больше получалась дневная выручка, тѣмъ задумчивѣе и суровѣе становился Гордей Евстратычъ: ему все было мало, и на головы Михалки и Архипа сыпалось безконечное ворчанье.

— Ничего вы не смотрите, дармоѣды! — ругался Гордей Евстратычъ, шагая по конторѣ...—Ну, какой у насъ порядокъ? По міру скоро всѣ пойдемъ... Вотъ Шабалинъ не по-нашему поворачивается съ пріисками!..

Михалка и Архипъ больше отмалчивались въ этихъ случаяхъ и въ душѣ проклинали жилку, которая душила ихъ безконечной работой. Ими еще не овладѣлъ тотъ бѣсъ наживы, который мучилъ Гордея Евстратыча, не давая ему покоя ни днемъ ни ночью. Брагину все было мало; его жадность росла вмѣстѣ съ приливавшимъ богатствомъ. Къ Пасхѣ онъ положилъ въ банкъ двадцать тысячъ и не испытывалъ никакой радости, потому что можно было бы заработать въ зиму два раза двадцать. Вѣдь наживается же Шабалинъ и другіе, а чѣмъ онъ, Брагинъ, грѣшнѣе этихъ другихъ? Кромѣ этого Гордей Евстратычъ сдѣлался крайне подозрительнымъ и недовѣрчивымъ человѣкомъ, потому что вездѣ видѣлъ обманъ и подвохи: даже роднымъ дѣтямъ онъ не довѣрялъ теперь и постоянно ихъ повѣрялъ. Рабочіе являлись въ его глазахъ скопищемъ воровъ и разбойниковъ, которые тащатъ на сторону его золото...

Даже тѣ расходы, которые производились на больного Маркушку, замѣтно тяготили Гордея Евстратыча, и онъ въ душѣ желалъ ему поскорѣе отправиться на тотъ свѣтъ. Собственно расходы были самые небольшіе—рублей пятнадцать въ мѣсяцъ, но и пятнадцать рублей—деньги, на полу ихъ не подымешь. Татьянѣ Власьевнѣ приходилось выхлопатывать каждый грошъ для Маркушки или помогать изъ своихъ средствъ.

— Чтой-то, милушка, какой ты скупой сталъ!—мягко упрекала сына Татьяна Власьевна.—Вѣдь Маркушка не чужой намъ, можно его успокоить... Да и не долго онъ натянетъ: доживетъ—не доживетъ до полой воды!

— Ну, мамынька, онъ еще насъ переживетъ, Маркушка-то... Чего ему не жить: харчъ готовый, все готовое. Ты къ нему каждую недѣлю ѣздишь—это тоже денегъ стоитъ, потому лошади лишнихъ полпуда овса могутъ стравить. Такъ я говорю, мамынька? На нашей шеѣ немало дармоѣдовъ сидитъ... Хоть взять Зотея: ну что онъ за человѣкъ таковъ? Ѣстъ нашъ хлѣбъ, и все тутъ, а пользы никакой. Теперь бы вотъ на пріиски его поставить, а развѣ ему можно довѣриться? Только попади денежки въ руки—и пошелъ чертить. Вотъ оно, мамынька, и подумаешь съ подушечкой... Всѣмъ подай, обо всѣхъ позаботься, а карманъ одинъ.

— Какъ же раньше-то, Гордей Евстратычъ, ты ничего не говорилъ про Зотушку?—удивлялась Татьяна Власьевна.—Ужъ не объѣстъ же онъ насъ... Чужимъ людямъ подаемъ, а своего не гнать же.

— Мало ли чего прежде-то было, мамынька... Дураками мы жили, вотъ что! Надо за умъ взяться... Ты вотъ за спохами-то присматривай: товару въ лавкѣ много, пожалуй, между рукъ не ушелъ бы!

— Что ты, что ты, милушка! Христосъ съ тобой... Да развѣ онѣ воровки какія?

— Я не говорю, мамынька, что воровки, а говорю: „мамынька, смотрите въ оба“... Послѣ смерти не покаешься.

Сначала такія непутевыя рѣчи Гордея Евстратыча удивляли и огорчали Татьяну Власьевну, потомъ она какъ-то привыкла къ нимъ, а въ концѣ концовъ и сама стала соглашаться съ сыномъ, потому что и въ самомъ-то дѣлѣ не вѣкъ же жить дураками, какъ прежде. Всѣхъ не накормишь и не пригрѣешь. Этотъ старческій холодный эгоизмъ закрадывался къ ней въ душу такъ же незамѣтно, шагъ за шагомъ, какъ одно время года смѣняется другимъ. Это была медленная отрава, которая покрывала живого человѣка мертвящей ржавчиной.

— И въ самомъ-то дѣлѣ, что это мы больно раскошелились?.. — удивлялась Татьяна Власьевна, точно просыпаясь отъ какого-то долгаго сна.—Вѣдь Шабалины не кормятъ всякихъ пропойцевъ, да не хуже другихъ живутъ...

— Вѣрно, мамынька,—подтверждалъ Гордей Евстратычъ.—Ты разсуди только то, что открой Маркушка кому другому жилку, да развѣ ему какая бы польза отъ этого была?.. Ну, а мы свое дѣло сдѣлали...

— А клятва-то, милушка?

— Клятва — другое, мамынька... Мы за него вѣчно будемъ Богу молиться, это ужъ вѣрно. А насчетъ харчу и всякаго у насъ и клятвы никакой не было... Такъ я говорю, мамынька?

— Такъ, милушка... Только какъ будто страшно: вѣдь ежели разоорать, такъ жилка-то все-таки отъ Маркушки намъ досталась.

— Ахъ, мамынька, мамынька! Да развѣ Маркушка самъ жилку нашелъ? Вѣдь онъ ее въ родѣ какъ укралъ у Кутневыхъ; ну, а Господь его не допустилъ до золота... Вотъ и все!.. Ежели бы Маркушка самъ отыскалъ жилку, ну, тогда еще другое дѣло. По-настоящему, ежели и помочь кому, такъ слѣдовало помочь тѣмъ же Кутневымъ... Натурально, ежели бы они въ живности были, мамынька.

— Всѣ перемерли, всѣ!..—съ какой-то радостью подхватила старуха и послѣ короткаго раздумья прибавила: — А вѣдь ты вѣрно, милушка, насчетъ Маркушки-то все обсказалъ...

— Ужъ я тебѣ говорю, мамынька: вѣрнѣе смерти.

А виновникъ этихъ заботъ и разговоровъ, кажется, не подозрѣвалъ совсѣмъ той перемѣны, какая произошла въ Брагиныхъ по отношенію къ нему. Въ лихорадочно работавшемъ мозгу Маркушки назрѣвала отчаянная идея, о которой онъ пока еще никому не говорилъ. Она обдумывалась, въ теченіе полугода, въ безсонныя зимнія ночи, когда Маркушка оставался въ своемъ балаганѣ одинъ-одинешенекъ. Тянулись безконечные мучительные часы, дни, недѣли, мѣсяцы, а Маркушка все обдумывалъ одно и то же, не имѣя силъ сдвинуться въ которую-нибудь сторону. Идея Маркушки росла и крѣпла въ его душѣ такъ же, какъ вырастаетъ растеніе изъ маленькаго зернышка, пуская корни и развѣтвленія все глубже и глубже. Въ концѣ этого психологическаго процесса Маркушка настолько сросся со своей идеей, что существовалъ только ею и для нея. Онъ это самъ сознавалъ, хотя никому не говорилъ ни слова. Удивленіе окружавшихъ, что Маркушка такъ долго тянетъ, иногда даже смѣшило и забавляло его, и онъ смотрѣлъ на всѣхъ, какъ на дѣтей, которыя не въ состояніи никогда понять его.

— Вотъ вода тронется съ горъ, тогда и ты помрешь,—утѣшалъ кривой Потапычъ больного.—Ужъ это завсегда такъ бываетъ...

Кайло и Пестерь были того же мнѣнія и мрачно покуривали свои носо-

грѣйки. Эти благочестивые люди въ послѣднее время находились особенно въ мрачномъ настроеніи, потому что „язвы“, т.-е. Окся, Лапуха и Домашка окончательно бросили Полдневскую, переселившись на Смородинку, гдѣ нашли десятки новыхъ обожателей. Полное одиночество нагоняло на Кайло и Пестеря философскія мысли о суетѣ суетъ этого грѣшнаго міра. Только когда они напивались, сейчасъ брели на Смородинку и затѣвали отчаянную драку со своими счастливыми соперниками, причемъ были биты много и очень долго. „Язвы“ щеголяли напропалую въ новыхъ кумачныхъ сарафанахъ и съ новыми синяками по всему тѣлу, точно послѣднимъ путемъ имъ выдѣлывали кожу для какого-то особеннаго употребленія. Маркушка еще разъ могъ убѣдиться, что Окся и Лапуха никогда этимъ путемъ не достигнутъ селенія праведныхъ.

— Ну что̀, били?—иногда спрашивалъ онъ своихъ благопріятелей.

— Погоди, еще не уйдутъ отъ нашихъ рукъ,—мрачно отвѣчалъ Кайло.

— Надо ихъ хорошенько отлупить...—совѣтовалъ Маркушка, вздыхая.— И Домашку, и ту надо взлупить.

— И Домашку взлупимъ, Маркушка. Мы ей ноги выдергаемъ...

Маркушка отъ этихъ разговоровъ испытывалъ непріятное волненіе и страшно завидовалъ Пестерю и Кайлу, которые могли получить удовлетвореніе оскорбленной чести; а онъ долженъ былъ оставаться безучастнымъ зрителемъ этой драмы. Курсы полдневскихъ женщинъ дѣйствительно поднялись на небывалую высоту въ силу того экономическаго закона, по которому превышеніе спроса увеличиваетъ цѣну предметовъ потребленія. Но Маркушка, какъ Пестерь и Кайло, совсѣмъ были незнакомы съ основными аксіомами политической экономіи и одинаково были далеки какъ отъ христіанскаго смиренія, такъ и отъ безропотнаго повиновенія желѣзнымъ законамъ природы.

— Вы ихъ заманите обманомъ...—совѣтовалъ нѣсколько разъ Маркушка.

— Нейдутъ, шельмы!.. Пестерь обѣщалъ Домашкѣ новый сарафанъ, да нейдетъ.

Маркушка опять волновался. Его воображеніе мучили самыя ревнивыя картины, передъ которыми отступала на мгновеніе даже мысль о смерти. А смерть стояла за плечами... Маркушка чувствовалъ ея приближеніе своимъ нѣмѣвшимъ разбитымъ тѣломъ. Наступленіе весны убѣждало его въ этомъ еще болѣе. Когда и въ его лачугу заползалъ солнечный лучъ, долго игравшій на грязномъ полу, Маркушка чувствовалъ, что никакому солнцу уже не согрѣть его, какъ чувствовалъ то, что послѣдній запасъ жизненной силы уйдетъ отъ него вмѣстѣ съ вешней водой. Эта вешняя вода и пугала и радовала его. Лежа съ закрытыми глазами, Маркушка часто испытывалъ совершенно особенное чувство: его именно подхватывала эта вешняя вода и съ увеличивающейся быстротой начинала нести впередъ, какъ несетъ пловца быстрая рѣка. Кругомъ Маркушки неслось все, и онъ просыпался съ глухимъ стономъ и, какъ утопающій, съ радостью коснѣющими руками хватался за впечатлѣнія дѣйствительности. Съ наступленіемъ весны эти мучительные сны стали повторяться чаще, стоило только Маркушкѣ закрыть глаза. Вода журчала на полу его лачуги, пѣнистые валы разбивались о стѣны, на улицѣ бушевалъ бурный клокочущій потокъ, и безпощадная стихійная сила подступала все ближе и ближе, подмывая существованіе Маркушки. Даже открывъ глаза, онъ долго не могъ освободиться отъ страшныхъ звуковъ: вода продолжала у него журчать въ ушахъ и точно переливалась въ самомъ мозгу.

Съ другой стороны, Маркушка страстно желалъ, чтобы вода скорѣе тронулась съ горъ: дотянуть до этого момента было его завѣтной мечтой.

Только бы сталъ снѣгъ и высыпала первая травка по проталинкамъ. Маркушка чувствовалъ обновляющуюся природу, какъ чувствовалъ и то, что самъ онъ не можетъ принять участія въ этомъ обновленіи, и каждую минуту готовъ былъ отлетѣть въ сторону, отвалившись мертвымъ кускомъ отъ общей живой массы, совершившей установленный круговоротъ. Какая-то страшная сила выталкивала его за черту органическаго существованія, въ темное безграничное пространство, ужасавшее его своимъ безсознательнымъ существованіемъ.

„Только бы до травы...“—думалъ Маркушка, заглядывая въ слѣпое окошко своей лачуги.

А тамъ, за стѣнами Маркушкиной избушки, уже гудѣла въ воздухѣ закипавшая жизнь. На прогнившей крышѣ этой избушки часто садились прилетѣвшіе скворцы, и ихъ свистъ заставлялъ Маркушку вздрагивать. Больной слышалъ трудовую возню воробьевъ, которые теребили мохъ изъ его избушки и радостно щебетали и чирикали, словно сумасшедшіе. Солнечные лучи все глубже и глубже заглядывали въ избушку, точно они выщупывали въ ней своими сверкавшими пальцами; они подолгу оставались на закоптѣлыхъ стѣнахъ, дѣлая ихъ еще чернѣе. Въ отворенную дверь тянуло свѣжей струей воздуха, которая раздражала Маркушку; въ воздухѣ пахло водой... Когда сѣверная весна пошла впередъ быстрыми шагами, Маркушка уже еле дышалъ. Кашель усилился. Его душила скоплявшаяся внутри мокрота, будто на его груди была положена тяжелая чугунная доска.

Разъ въ свѣтлый теплый весенній денекъ Маркушка пригласилъ къ себѣ своихъ пріятелей, Пестеря и Кайло, и предложилъ имъ нѣчто отъ „воды веселія и забвенія“. Эта порція водки была имъ куплена давно и хранилась подъ кроватью. Пестерь и Кайло пили стаканъ за стаканомъ и удивлялись щедрой проницательности Маркушки; именно въ этотъ день они умирали отъ жажды, и Маркушка ихъ спасъ... Совсѣмъ расчувствовавшійся Пестерь долго смотрѣлъ въ упоръ на Маркушку и наконецъ проговорилъ:

— Что̀ ты, шайтанъ, долго не помираешь?.. И вода съ горъ прошла, а ты все еще кочетыржишься!

— Вотъ что̀, братцы...—заговорилъ Маркушка, собираясь съ силами.—Не ходите вы завтра робить на Смородинку...

— И не пойдемъ. — согласился Кайло, чуявшій какую-то новую поживу.—Нонѣ этотъ Гордей Евстратычъ совсѣмъ изварначился...

— А что̀?

— Рабочихъ поѣдомъ съѣлъ... Все ему не ладно, все не такъ... Ругается... Намедни насъ съ Пестеремъ обыскивалъ... Ей-Богу!..

Маркушка давно слышалъ о перемѣнѣ въ характерѣ Брагина, на котораго всѣ рабочіе начали громко жаловаться; но всегда отмалчивался.

— Да развѣ мы... ахъ, милосливый Господи!.. — ожесточенно выкрикивалъ Кайло, ударяя себя въ грудь кулакомъ.—Маркушка... да ужли ужъ мы... Вотъ спроси Пестеря... а-ахъ!..

— Обнаковенно... ежели бы мы захотѣли украсть, такъ не попались бы,— согласился угрюмо Пестерь, мотая головой.—Комаръ носу бы не подточилъ... А то обыскивать!

— А, поди, крѣпко воруете? — спрашивалъ Маркушка, косвенно защищая Брагина.

— Маркушка... Да развѣ намъ можно не воровать... а?.. Человѣкъ не камень, другой разъ выпить захочетъ, ну... А-ахъ, милосливый Господи! Точно мы кое-что бирали, да только такъ, самую малость... ну, золотникъ

али два... А онъ обыскивать... а?!. Вѣдь какъ онъ насъ обидѣлъ тогда... неужли на насъ ужъ креста нѣтъ?

— Вотъ что̀, братцы, вы завтра робить не ходите... — говорилъ Маркушка:—я хочу безпремѣнно поглядѣть на Смородинку... такъ вы меня туда и снесите.

— Представимъ, Маркушка.

— Я вамъ заплачу, братцы...

— И такъ снесемъ. Все равно помрешь... Потапыча прихватимъ на всякій случай.

Старатели пьянствовали въ лачугѣ всю ночь напролетъ... Пестерь, умиленный выпитой водкой, долго горланилъ пѣсню, которую когда-то въ Полдневской пѣли „язвы“:

Я безъ пряничка не сяду,
Безъ орѣшка не ступлю;
Я безъ милаго не лягу,
Безъ надежи не усну...

Пѣсня была веселая, и Кайло грузно отплясывалъ подъ пѣніе Пестеря, шлепая своими грязными лаптями. Маркушка хрипѣлъ и задыхался и слышалъ въ этой дикой пѣснѣ послѣдній валъ поднимавшейся воды, которая каждую минуту готова была захлестнуть его. Въ ужасѣ онъ хватался рукой за стѣну и безсмысленно смотрѣлъ на присѣдавшаго Кайло. И Кайло, и Пестерь, и Окся съ Лапухой, и Брагинъ—все это были пѣнившіеся валы безконечной, широкой рѣки...

Утромъ на другой день Кайло смастерилъ изъ двухъ палокъ и пихтовой хвои носилки. На этихъ носилкахъ старатели и потащили Маркушку на Смородинку. День былъ солнечный, ясный; воздухъ былъ пропитанъ смолистыми испареніями. По голубому небу торопливо бѣжали гряды бѣлоснѣжныхъ облаковъ; гдѣ-то заливались безыменныя лѣсныя птички. Пріисковая дорога, проведенная изъ Полдневской на Смородинку, походила на корыто, по которому сбѣгала красноватая вода. Пестерь и Кайло сосредоточенно шлепали своими лаптями по лужамъ и нѣсколько разъ садились отдыхать гдѣ-нибудь въ сторонкѣ. Ноша была не легкая, особенно при такой дорогѣ. Маркушка лежалъ неподвижно, какъ трупъ; онъ былъ страшенъ на свѣжемъ воздухѣ, и только открытые глаза оставались еще живыми.

— Эй, ты, шайтанъ, умеръ, что ли? — нѣсколько разъ окликалъ свою ношу Кайло.

Вмѣсто отвѣта Маркушка только кашлялъ и глухо хрипѣлъ. Сколько тысячъ разъ онъ прошелъ по этимъ мѣстамъ, а дорогу къ Заразной горѣ онъ прошелъ бы съ завязанными глазами: всѣ горы въ окрестностяхъ на пятьдесятъ верстъ кругомъ были исхожены его лаптями, а теперь Маркушка, недвижимый и распростертый какъ пластъ, только могъ повторять своимъ обезсиленнымъ тѣломъ каждый толчокъ отъ своихъ неуклюжихъ носильщиковъ. Иногда онъ стопалъ, когда Кайло и Пестерь перепрыгивали черезъ рытвины: но больше крѣпился, закрывая глаза отъ слѣпившаго его солнца. Носильщики все время пути жаловались на Брагина, притѣснявшаго старателей, ругались самыми живописными сравненіями, сквернословили и нѣсколько разъ принимались корить Маркушку, зачѣмъ онъ „просолилъ жилку“ Брагину.

— Тебѣ хорошо, чорту... Умрешь, и вся тутъ, а мы какъ? — соображалъ Кайло, раздражаясь все больше и больше.—Шайтанъ ты, я тебѣ скажу...

Не нашелъ никого хуже-то, окаянная душа! Онъ тебя и отблагодарилъ, нечего сказать... Отъ этакого богачества могъ бы тебѣ хошь десять рублевъ въ мѣсяцъ давать, а то...

Молчаніе Маркушки еще сильнѣе раздражало его пріятелей, которые теперь отъ души жалѣли, что Маркушка не можетъ головы поднять; а то они здорово бы полудили ему бока... Особенно свирѣпствовалъ Пестерь, оглашая лѣсъ самой неистовой руганью.

Но вотъ и Заразная, до самаго верха обросшая дремучимъ ельникомъ; вотъ и послѣдній увалъ, вотъ и знакомый гулъ, доносившійся отъ новаго пріиска. Гдѣ-то въ лѣсу звонко рубилъ топоръ сырое смолевое дерево; пахнуло дымомъ и смѣшаннымъ гуломъ самыхъ разнородныхъ звуковъ, точно въ лѣсу варился громадный котелъ. Кайло и Пестерь остановились наверху увала, откуда отлично можно было разсмотрѣть весь пріискъ. Маркушка приподнялъ голову и помутившимися глазами жадно смотрѣлъ подъ гору, гдѣ стояла конторка, дробилка, промывальная машина и десятки старательскихъ вашгердовъ. Онъ не узналъ своей жилки, хотя сердце у него забилось отъ радости при видѣ съ дѣтства знакомой картины.

— Ну, шайтанъ, гляди, это твоя работа...—корили Маркушку пріятели.— Теперь Брагинъ будетъ раздуваться, какъ пузырь, нашимъ-то золотомъ.

— Пусть его...—прохрипѣлъ Маркушка.—На его душѣ грѣхъ...

Завѣтная идея Маркушки осуществилась наконецъ: онъ увидѣлъ свою жилку, которую хоронилъ и вынашивалъ въ своей душѣ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ.

На другой день вечеромъ Маркушка умеръ

XII.

Брагины загремѣли на цѣлую „округу“. Слава объ ихъ богатствѣ, окрыленная тысячью самыхъ фантастическихъ добавленій, облетѣла сотни верстъ, вездѣ возбуждая зависть къ этимъ счастливцамъ. Вмѣсто старыхъ знакомыхъ нашлись десятки новыхъ. Въ Бѣлоглинскій заводъ пріѣзжали издалека разные проходимцы и искатели приключеній, жаждавшіе приклеиться всѣми правдами и неправдами къ брагинской жилкѣ. Такъ пріѣзжалъ какой-то смышленный нѣмецъ, предлагавшій Гордею Евстратычу открыть въ Бѣлоглинскомъ заводѣ заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ; потомъ пришелъ пѣшкомъ изобрѣтатель новыхъ огнегасителей, сулившій золотыя горы; затѣмъ явилась нѣкоторая дама заграничнаго типа съ проектомъ открыть ссудную кассу и т. д., и т. д. Въ брагинскомъ домѣ отъ новыхъ знакомыхъ отбоя не было: всѣ спѣшили принести сюда посильную дань уваженія добродѣтелямъ рѣдкой семьи. Горные инженеры, техники, доктора, купцы, адвокаты—всѣхъ одинаково тянуло къ всесильному магниту, не говоря уже о бѣдности, которая поползла къ брагинскому дому со всѣхъ угловъ, снося сюда въ одну кучу свои бѣды, напасти и огорченія... Горькая нужда въ тысячахъ разновидностей точно тронулась и нарочно обнажила свои язвы. Вдовы, сироты, калѣки, несчастные всѣхъ видовъ молили о помощи и готовы были по крохамъ разнести брагинскія богатства. Почти каждый день приносили на имя Гордея Евстратыча десятки писемъ, въ которыхъ неизвѣстныя лица, превзошедшія своими несчастіями даже Іова, просили, молили, требовали немедленной помощи. Все это дѣлалось даже страшнымъ, потому что для покрытія вопіющей нужды не достало бы золотыхъ горъ.

— Мамынька, да что же это такое?—спрашивалъ Гордей Евстратычъ, отчаянно боровшійся со своей скупостью.

— Ничего, милушка, потерпи,—отвѣчала Татьяна Власьевна. — Въ самомъ-то дѣлѣ, вѣдь у насъ не золотыя горы, — гдѣ взять-то для всѣхъ?.. По своей силѣ помогаемъ, а всѣхъ не ублаготворишь. Царь богаче насъ, да и тотъ всѣмъ не поможетъ...

Брагины теперь походили на тѣхъ счастливцевъ, которые среди открытаго океана спасались сами на обломкахъ разбитаго корабля. Кругомъ нихъ мелькали въ водѣ утопающіе, къ нимъ тянулись руки съ мольбой о помощи, ихъ звалъ послѣдній крикъ отчаянія; но они думали только о собственномъ спасеніи и отталкивали цѣплявшіяся за нихъ руки, чтобы не утонуть самимъ въ бездонной глубинѣ. Эта картина притупила ихъ нервы настолько, что они отнеслись даже къ смерти благодѣтеля Маркушки совсѣмъ безучастно. Кайло и Пестерь похоронили „шайтана“ на свои гроши, а Гордей Евстратычъ прогналъ ихъ съ работы, какъ свидѣтелей собственной несправедливости, которые мозолили ему глаза.

— Деньги—вода,—объяснялъ Гордей Евстратычъ сыновьямъ:—пришла—ушла, только ее и видѣлъ... А ты копейку не досмотрѣлъ, она у тебя рубль изъ кармана долой.

Михалка и Архипъ были слишкомъ оглушены всѣмъ происходившимъ на ихъ глазахъ и плохо понимали отца. Они понимали богатство по-своему и потихоньку роптали на старика, который превратился въ какого-то кощея. Нѣтъ того, чтобы устроить ихъ, какъ живутъ другіе... Эти другіе, т.-е. сыновья богатыхъ золотопромышленниковъ, о которыхъ молва разсказывала чудеса, очень безпокоили молодыхъ людей.

Работы и заботы всѣмъ было по горло въ брагинскомъ домѣ: мужики колотились на пріискѣ, снохи поперемѣнно торговали въ лавкѣ, а „сама“ съ Нюшей съ ногъ сбилась съ гостями. А тутъ еще Дуня затяжелѣла, за ней глазъ былъ нуженъ; у Ариши Степушка все прихварывалъ зимой; Зотушка чаще обыкновеннаго началъ зашибаться водкой. Алена Евстратьевна толкалась всю зиму-зимскую. Все нужно было досмотрѣть, вездѣ поспѣть. А тутъ еще Гордей Евстратычъ затѣвалъ старый домъ перестраивать: крыша деревянная ему помѣшала—загорѣлось налаживать непремѣнно желѣзную, потомъ палубить снаружи да красить внутри. Все это подбивала Гордея Евстратыча милая сестричка Алена Евстратьевна, которая совсѣмъ угорѣла отъ чужого золота. Татьяна Власьевна частенько про себя жалѣла о Колобовыхъ и Савиныхъ. Новыя заботы иногда дѣлались ей не подъ силу, и она нуждалась въ постороннемъ совѣтѣ, а къ кому теперь пойдешь, кромѣ о. Крискента. Особенно ее безпокоила судьба Нюши. Пазухины пропустили рождественскій мясоѣдъ и не заслали сватовъ, потому что Пелагея Миневна боялась модницы Алены Евстратьевны; а послѣ Пасхи уже навѣрно подошлетъ кого-нибудь. Дѣло не шуточное, и посудить да порядить объ немъ не съ кѣмъ, кромѣ о. Крискента, который со всѣми всегда соглашается. Тоже вотъ и невѣстки кручинятся, по своимъ-то сильно кручинятся, а чѣмъ имъ поможешь? Марѳа Петровна прямо говоритъ, что эти Колобовы да Савины всѣ ногти себѣ обгрызли отъ зависти и постоянно судачатъ на нихъ, т.-е. на Брагиныхъ.

— Старухи-то еще что говорятъ,—прибавляла ужъ отъ себя словоохотливая Марѳа Петровна:—легкое-то богатство, говорятъ, по водѣ уплыветъ... Ей-Богу, Татьяна Власьевна, не вру! Дивушку я далась, съ чего это старухи такую оказію придумали!..

Татьяна Власьевна строго подбирала губы и ничего не отвѣчала. Этотъ отзывъ кровно ее обижалъ, потому что попадалъ въ самое больное мѣсто: она сама иногда боялась своего легкаго богатства. А тутъ еще эти старухи при-

нялись каркать... Именно, зависть ихъ одолѣла, точно отъ брагинскаго несчастья имъ легче будетъ. Снохи Татьяны Власьевны попрежнему дулись одна на другую, и Татьяна Власьевна подозрѣвала, что и это недаромъ дѣлается, а родимыя матушки надуваютъ въ уши дочкамъ. Ужъ это вѣрно, потому гдѣ бы молоденькимъ бабенкамъ сердце выдержать на цѣлыхъ полгода: не вытерпѣли бы и помирились. Это все старухи разстраиваютъ бабенокъ: хотятъ не мытьемъ, такъ катаньемъ взять. Этотъ рядъ мыслей окончательно утвердился въ головѣ Татьяны Власьевны, и она съ особеннымъ вниманіемъ выслушивала сплетни Марѳы Петровны.

Только одна Нюша оставалась прежней Нюшей,—развей горе веревочкой, — хотя и приставала къ бабушкѣ съ разговорами о платьяхъ. Несмотря на размолвки отцовъ, Нюша и Ѳеня остались неразлучны попрежнему и частили одна къ другой, благо свободнаго времени не занимать стать. Эти молодыя особы смотрѣли на совершившееся около нихъ съ своей точки зрѣнія и рѣшительно не понимали поведенія стариковъ, которые расползлись въ разныя стороны, какъ окормленные бурой тараканы.

— Просто спятили съ ума на старости лѣтъ, — говорила откровенная Ѳеня.—Нашли чего дѣлить... Жили-жили, дружили-дружили, а тутъ вдругъ тѣсно показалось. И мой-то тятенька тоже хорошъ: все стоналъ да жаловался на свое старость, а тутъ, поди ты, какъ поднялся. Съ ними и сама съ ума сойдешь, Нюша, только послушай.

— А баушку такъ и узнать нельзя стало,—жаловалась Нюша.—Все читаетъ что-то да бормочетъ про себя... Мнѣ даже страшно иногда дѣлается, особенно ночью. Либо молится, либо считаетъ... И скупая какая стала—страсть! Прежде изъ послѣдняго старухъ во флигелѣ кормила, а теперь не знаетъ, какъ ихъ скачать съ рукъ.

— А Гордей Евстратычъ?

— И не говори... Къ нему и подойти теперь боязно. На снохъ дуется, Михалку съ Архипомъ заморилъ на пріискѣ, на Зотушку ворчитъ, со мной тоже немного разговариваетъ. Скучища у насъ теперь...

— Гостей зато много бываетъ.

— Да и гости такіе, что намъ носу нельзя показать, и баушка запираетъ насъ всѣхъ на ключъ въ свою комнату. Вотъ тебѣ и гости... Недавно Порфиръ Порфирычъ былъ съ какимъ-то горнымъ инженеромъ, ну, пили, конечно, а потомъ какъ инженеръ-то принялся по всѣмъ комнатамъ на рукахъ ходить!.. Чистой театръ... Ей-Богу! Потомъ какого-то адвоката привозили изъ городу, тоже Порфиръ Порфирычъ, такъ того ужъ прямо на рукахъ вынесли изъ повозки, да и послѣ добудиться не могли: такъ соннаго и уволокли опять въ повозку.

Всѣ подобныя разсужденія доказывали только полную непрактичность болтавшихъ дѣвушекъ, которыя не въ состояніи были понять многаго, что творилось на ихъ глазахъ. Онѣ еще не покрылись той житейской ржавчиной, которая живыхъ людей превращаетъ въ ходячіе трупы. Зеленая юность тѣмъ и счастлива, что не знаетъ, не хочетъ знать этихъ разъѣдающихъ умъ и душу расчетовъ, которые опутываютъ остальныхъ людей непроницаемой сѣтью. Произведенныя Маркушкиной жилкой превращенія для Нюши и Ѳени были глупой и смѣшной загадкой; скрывавшійся подъ ними старческій эгоизмъ, корыстные расчеты и расшевеленное самолюбіе были далеки отъ этихъ юныхъ душъ, еще нетронутыхъ житейской горечью.

Ожидаемое сватовство Нюши наконецъ состоялось. Сватами явились купецъ Сорокинъ, дядя Алеши Пазухина по матери, и заводскій надзиратель

Потемкинъ. Люди были почтенные, обычливые и заявились въ брагинскій домъ по всѣмъ правиламъ сватовского искусства, памятуя золотое правило, что свату первая чарка и первая палка. Конечно, завели они рѣчь издалека, что послалъ ихъ князь поискать жаръ-птицы, что ходили они, гуляли по зеленымъ садамъ, напали на слѣдъ, и слѣдъ привелъ ихъ прямо къ брагинскому двору и т. д. Сваты были опытные и наговаривали въ голосъ, только слушай. Даже Татьяна Власьевна осталась довольна ихъ разговоромъ и отвѣтила имъ въ томъ же топѣ.

— Какой же вы слѣдъ видѣли, добрые люди? — спрашивала Татьяна Власьевна.

— А тотъ слѣдъ, Татьяна Власьевна,—отвѣчалъ осанистый старикъ Сорокинъ, разглаживая свою русую бороду: — летѣла жаръ-птица изъ зеленаго сада, да ронила золотое перо около вашего двора — вотъ тебѣ и первый слѣдъ...

Гордей Евстратычъ былъ дома и принялъ сватовъ довольно сухо, предоставивъ Татьянѣ Власьевнѣ вести все дѣло. Сваты посидѣли, поболтали и пошли ни съ чѣмъ, потому что первыхъ сватовъ засылаютъ только на развѣдки, почему ихъ и называютъ пустосватами. Въ случаѣ отказа сватамъ, на югѣ кладутъ въ экипажъ тыкву, а на сѣверѣ привязываютъ къ экипажу шестъ. Пріѣхать съ шестомъ для свата, конечно, большое безчестье. Татьяна Власьевна не сказала своимъ сватамъ ни да ни нѣтъ, потому что нужно было еще посовѣтоваться съ отцомъ. Такой совѣтъ состоялся, какъ и по поводу Маркушкиной жилки, изъ Гордея Евстратыча, Татьяны Власьевны и Зотушки.

— Ну, такъ какъ ты думаешь, Гордей Евстратычъ? — спрашивала Татьяна Власьевна, когда они чинно усѣлись по мѣстамъ.

— Что тутъ думать-то, мамынька? Конечно, худой женихъ доброму путь кажетъ. Спасибо за честь, а только родниться намъ съ Пазухиными не рука.

— По что же не рука, Гордей Евстратычъ? Люди хорошіе, обстоятельные, и семья—одинъ сынъ на рукахъ. Да и то сказать, какіе женихи по нашимъ мѣстамъ; а отдать дѣвку на чужую-то сторону жаль будетъ. Не ошибиться бы, Гордей Евстратычъ. Я давно уже объ этомъ думала.

— А я, мамынька, другое на умѣ держу! Пазухиныхъ хаять не хочу; а для Нюши почище жениха сыщемъ. Не оборыши, слава Богу, какіе и не браковку замужъ отдаемъ... Не по себѣ дерево Пазухины выбрали, мамынька, прямо сказать.

— Охъ, Гордей Евстратычъ, Гордей Евстратычъ... Всякій лучше выбираетъ, да только не всякому счастки выпадаютъ. Можетъ, и мы не по себѣ дерево ищемъ...

Послѣдняя фраза задѣла Гордея Евстратыча за живое, и онъ сердито замолчалъ. Зотушка, сгорбившись, сидѣлъ въ уголкѣ и смиренно ждалъ, когда его спросятъ. Глазки у него такъ и свѣтились; очевидно, ему что-то хотѣлось сказать.

— Ну, а ты, Зотушка, какъ думаешь? — спросила Татьяна Власьевна, чтобы перевести разговоръ.

— Я, мамынька, думаю заодно съ тобой... За большимъ погонишься, пожалуй, и малаго не увидишь.

— Опять дуракъ!.. — загремѣлъ Гордей Евстратычъ, накидываясь на брата; онъ радъ былъ хоть на немъ сорвать сердце. — Ни уха ни рыла не понимаешь, а туда же...

— Вы, братецъ, напрасно такія слова выговариваете, — со смиреніемъ

возражалъ Зотушка. — Я дуракъ про себя, а не про другихъ. Вы вотъ себя умнымъ считаете, а такую ошибочку дѣлаете.

— Ты меня учить... а?!. Вонъ, пьяница и дуракъ!.. Изъ дома моего вонъ... И чтобы духу твоего не было!.. Слышалъ?..

— Гордей Евстратычъ... — пробовала-было заступиться Татьяна Власьевна за своего любимца.—Милушка, что̀ это ты говоришь?

— Мамынька, оставь насъ... Я долго терпѣлъ, а больше не могу. Онъ живетъ дармоѣдомъ, да еще мнѣ же поперечныя слова говоритъ... Я спустилъ въ прошлый разъ, а больше не могу.

— И я, братецъ, тоже! Больше не могу...—съ прежнимъ смиреніемъ заявилъ Зотушка, поднимаясь съ мѣста. — Вы думаете, братецъ, что стали богаты, такъ васъ и лучше нѣтъ... Эхъ, братецъ, братецъ! Жили вы раньше, а не корили меня такими словами. Ну, Господь вамъ судья... Я и такъ уйду, самъ... А только одно еще скажу вамъ, братецъ! Не губите вы себя и другихъ черезъ это самое золото!.. Поглядите-ка кругомъ-то: всѣхъ разогнали, ни одного стараго знакомаго не осталось. Теперь послѣднихъ Пазухиныхъ лишитесь.

— Ладно, ладно, разговаривай... Лучше найдемъ.

— Я вѣдь не о себѣ, братецъ... Польстились вы на золото, — какъ бы старыхъ пожитковъ не растерять. И вы, мамынька, тоже... Послушайте меня, дурака.

— Зотушка... Гордей Евстратычъ...—плакалась Татьяна Власьевна, бросаясь между братьями.—Побойтесь вы Бога-то!..

— Я грѣшный человѣкъ, мамынька, да про себя... — смиренно продолжалъ Зотушка, помаленьку отступая къ дверямъ. — Другихъ не обижаю; а братецъ разогналъ всѣхъ старыхъ знакомыхъ, теперь меня гонитъ, а будетъ время—и васъ, мамынька, выгонитъ... Я-то не пропаду: намъ добраго не изжить еще, а вотъ вы-то какъ?.

Гордей Евстратычъ ринулся-было на брата съ кулаками, но Татьяна Власьевна опять удержала его, и онъ заскрежеталъ зубами отъ безсильнаго гнѣва. Когда Зотушка вышелъ, Татьяна Власьевна тихо заплакала, а Гордей Евстратычъ долго бѣгалъ по своей горницѣ и кричалъ на мать:

— Это все отъ тебя, мамынька! Да... Развѣ это порядокъ въ дому... а? Правду сестра-то Алена говоритъ, что мы дураками живемъ... Кто здѣсь хозяинъ?

— Гордей Евстратычъ... да вѣдь Зотей-то тебѣ не чужой. Чего съ него взять-то, ежели его Господь обидѣлъ?..

— Онъ мнѣ хуже въ десять разъ чужого, мамынька... Я десять человѣкъ чужихъ буду кормить, такъ по крайней мѣрѣ отъ нихъ доброе слово услышу. Зотей твой потворъ всегда былъ, ну, ты ему и потачишь...

Эти слова точно укололи старуху. Она поднялась со своего мѣста, выпрямилась во весь ростъ и грозно проговорила:

— Гордей Евстратычъ!.. Ты и въ самомъ дѣлѣ, видно, хочешь меня изъ родительскаго гнѣзда выжить?..

— Ахъ, мамынька, мамынька!.. — застоналъ Гордей Евстратычъ, хватаясь въ отчаяніи за голову.—Вѣдь это что̀ же такое будетъ... а? Мамынька, прости на скоромъ словѣ!..

Гордей Евстратычъ повалился въ ноги къ мамынькѣ, а та рукой наклоняла его голову къ самому полу и приговаривала:

— Ниже, ниже, милушка, кланяйся матери-то... Кабы покойникъ-отецъ былъ живъ, да онъ бы тебя за такія скорыя рѣчи въ живыхъ не оставилъ. Ну, инъ, Богъ проститъ...

Поднявшись съ земли, Гордей Евстратычъ какими-то дикими глазами посмотрѣлъ на мать, а потомъ, махнувъ рукой, ничего не сказавъ, вышелъ изъ комнаты. Татьяна Власьевна долго смотрѣла кругомъ, точно припоминая, гдѣ она; а потомъ, пошатываясь, побрела на свою половину. Въ ея ушахъ еще стояли пророческія слова Зотушки, и она теперь боялась ихъ, припоминая страшное лицо Гордея Евстратыча, когда онъ поднялся съ земли. Маркушкино золото точно распаяло тѣ швы, которыми такъ крѣпко была связана брагинская семья: всѣ поползли врозь, т.-е. пока большаки, а за ними, конечно, поползутъ и остальные. Сознаніе происходившаго ошеломило Татьяну Власьевну, какъ человѣка, который, неожиданно взглянувъ внизъ, увидалъ подъ ногами бездонную пропасть. Еще одинъ шагъ—и общая гибель неизбѣжна.

— Господи, помилуй! — крестилась старуха, хватаясь за косякъ двери: ее даже качнуло въ сторону, какъ пьяную.—Зотушка... милушка...

Это была тяжелая минута. Татьяна Власьевна на мгновеніе увидѣла разверзавшуюся бездну въ собственной душѣ, потому что тамъ происходило такое же раздѣленіе и смута, какъ и между ея дѣтьми. „Аще раздѣлится домъ на ся—погибнуть дому сему“—вотъ тѣ роковыя слова, которыя жгли ея возбужденный мозгъ, какъ ударившая въ сухое дерево молнія. Она уже не была прежней богомолкой и спасенной душой, а вся преисполнилась земными мыслями, которыя теперь начинали давить ее мертвымъ гнетомъ. Именно теперь припоминала Татьяна Власьевна и свою скупость, и то, какъ ей было всего мало, и смерть брошеннаго на произволъ судьбы Маркушки, и ссору съ Колобовыми, Савиными и Пятовымъ. Послѣднимъ звеномъ въ этой роковой цѣпи являлся выгнанный на улицу Зотушка, а затѣмъ естественный разрывъ съ Пазухиными, которые, конечно, будутъ обижены неудачнымъ своимъ сватовствомъ. Чѣмъ дальше думала Татьяна Власьевна, тѣмъ дѣлалось ей тяжелѣе, точно ея душу охватывала какая-то кромѣшная тьма. Она прибѣгла къ своему единственному средству утѣшенія, т.-е. къ молитвѣ, и простояла на поклонахъ до третьихъ пѣтуховъ. Нюшѣ тоже не спалось. Она знала, зачѣмъ пріѣзжали Сорокинъ съ Потемкинымъ, но боялась спросить бабушку о результатѣ ихъ совѣщанія. Зачѣмъ выгналъ отецъ Зотушку? зачѣмъ онъ кричалъ на бабушку? зачѣмъ бабушка такъ усердно откладываетъ поклоны передъ своимъ иконостасомъ? Нюшино сердце чуяло что-то недоброе, и она потихоньку всплакнула въ свою подушку.

— Баушка... а баушка, — нерѣшительно спросила она молившуюся старуху.

— Ты развѣ не спишь, милушка?—удивилась Татьяна Власьевна.

— Нѣтъ, баушка...

Старуха подошла къ Нюшѣ, сѣла на ея постель и долго гладила своей морщинистой рукой, съ тонкой старой кожей, ея темноволосую красивую голову, пытливо глядѣвшую на нее тёмными блестѣвшими глазами. Эта нѣмая сцена сказала обѣимъ женщинамъ больше словъ; онѣ на время слились въ одну мысль, въ одно желаніе и такъ же молча встали на молитву. Татьяна Власьевна раскрыла книгу, зажгла нѣсколько новыхъ свѣчъ предъ образами и мѣрнымъ ровнымъ голосомъ начала „говорить канунъ“. Нюша стояла рядомъ съ ней и со слезами молилась, отбивая по лѣстовкѣ безконечные поклоны. Минуту назадъ имъ было такъ тяжело, а теперь онѣ, умиленныя, растроганныя, далеко оставили тамъ, гдѣ-то внизу, всѣ бѣды-напасти, точно ихъ окрылила какая-то высшая сила.

— Баушка, какъ же... что давеча-то тятенька сказалъ? — спрашивала Нюша, когда молитва была кончена.

— Охъ, милушка, милушка... Не судьба тебѣ, милушка, видно, за Алешей Пазухинымъ быть. Отецъ и слышать не хочетъ... Молись Богу, голубушка.

Нюша уткнулась головой въ подушку и горько зарыдала. Это было первое горе, которое разразилось надъ ея головой.

Зотушка, когда вышелъ изъ братцевой горницы, побрелъ къ себѣ во флигелекъ, собралъ маленькую котомочку, положилъ въ нее мѣдный складень—матушкино благословеніе, и съ этой ношей, помолившись въ послѣдній разъ въ батюшкиномъ дому, вышелъ на улицу. Дѣло было подъ вечеръ. Навстрѣчу Зотушкѣ попалось нѣсколько знакомыхъ мастеровыхъ, потомъ о. Крискентъ, отправлявшійся на своей пѣгой лошадкѣ „давать молитву младенцу“.

— Куда, Зотей Евстратычъ?—окликнулъ его о. Крискентъ.—Садись, подвезу.

— Спасибо на добромъ словѣ, отецъ Крискентъ... А я иду, куда глаза глядятъ. Братецъ меня выгналъ изъ дому.

О. Крискентъ такъ былъ пораженъ этимъ, что даже не могъ сразу подыскать подходящаго къ случаю слово назиданія.

— Какъ же ты думаешь, Зотей Евстратычъ, устроиться?

— А что мнѣ думать, отецъ Крискентъ? Свѣтъ не клиномъ сошелся... Намъ добра не изжить, а уголокъ-то и мнѣ найдется. Мы, какъ соловецкіе угодники, въ немощахъ силу обрѣтаемъ...

— А вѣдь это точно... да!—согласился о. Крискентъ и, приподнявъ брови, глубокомысленно прибавилъ: — можетъ, это даже тебѣ на пользу Господь посылаетъ испытаніе, Зотей Евстратычъ... Судьбы Божіи неисповѣдимы.

Сидя въ своемъ тепломъ домикѣ, о. Крискентъ всегда любилъ распространяться на тему о благости Провидѣнія и о промыслѣ Божіемъ, тѣмъ болѣе, что ему, т.-е. о. Крискенту, было всегда такъ тепло и уютно и онъ глубоко вѣрилъ въ благость и промыселъ. И теперь, глядя на смиренную фигурку Зотушки, онъ испытывалъ настоящее умиленіе и даже прослезился, благословляя Зотушку, какъ „взыскующаго града“. Простившись съ о. Крискентомъ, Зотушка тихонько побрелъ впередъ, не зная хорошенько, къ кому ему сначала зайти—къ Колобовымъ или къ Савинымъ. У Пятовыхъ, Шабалиныхъ ему тоже были бы рады, потому что Зотушка былъ великій „источникъ на всякія художества“: онъ и пряники стряпать, и шубы шить, и птахъ ребятишкамъ ловить въ тайники да въ западни, и по упокойничкѣ канунъ говорить, и сказку сказать... А главное, что носилъ съ собою Зотушка, какъ величайшее сокровище—это была полная незлобивость и какое-то просвѣтленное смиреніе, которымъ онъ такъ рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ мірскихъ людей. Именно эта душевная особенность Зотушки дѣлала его своимъ человѣкомъ вездѣ, точно онъ вносилъ съ собой струю „мирови міра“, которая заразительно дѣйствовала на всѣхъ, облегчая одолѣвавшія ихъ злобы.

— Ежели пойти къ Савинымъ или къ Колобовымъ—нехорошо будетъ,—разсуждалъ про себя Зотушка.—Сейчасъ подумаютъ, что я пришелъ къ нимъ жаловаться на братца Гордея Евстратыча, чтобы ему досадить. У Шабалиныхъ, ежели наткнусь на Вукола Логиныча — отъ виннаго бѣса не уйти... Пойду-ка я къ Нилу Поликарпычу, у него и работишка для меня найдется.

Зотушка такъ и сдѣлалъ. Прошелъ рынокъ, обошелъ фабрику и тихимъ незлобивымъ шагомъ направился къ высокому господскому дому, откуда ему навстрѣчу, виляя хвостомъ, выбѣжалъ мохнатый пестрый Султанъ, совсѣмъ зажирѣвшій на господскихъ хлѣбахъ, такъ что изъ пяти чувствъ сохранилъ только зрѣніе и вкусъ. Обойдя „паратнее крыльцо“, Зотушка черезъ кухню пробрался на половину къ барышнѣ Ѳенѣ и предсталъ передъ ней, какъ листъ передъ травой.

— А я къ вамъ, Ѳедосья Ниловна,—заговорилъ Зотушка.—Нилъ-то Поликарпычъ дома? Нѣту... Ну, еще успѣемъ увидѣться, моя касаточка. Ахъ, я и не успѣлъ тебѣ захватить поклончика отъ Нюши.

Черезъ четверть часа Ѳеня уже знала всю подноготную и въ порывѣ чувства даже расцѣловала божьяго человѣка. „Источникъ“ переминался съ ноги на ногу, моргалъ своими глазами и съ блаженной улыбкой говорилъ:

— Касаточка ты моя... Сейчасъ говорилъ о. Крискенту: „намъ, о. Крискентъ, добраго не изжить“. Ты что это орудуешь, Ѳедосья Ниловна?

— Да такъ... Крою бѣлье разное.

Въ комнатѣ Ѳени, дѣйствительно, весь полъ былъ обложенъ полосами разнаго полотна, а она сама ползала по нему на колѣняхъ съ выкройкой въ одной рукѣ и съ ножницами въ другой. Зотушка полюбовался на молодую хозяйку, положилъ свою котомку въ уголокъ, снялъ сапоги и тоже примостился къ разложенному полотну.

— А ты меня, касаточка, спроси, какъ все это дѣло устроить... Когда Савины дочь выдавали, такъ я все приданое своими руками кроилъ невѣстѣ. Ужъ извини, касаточка: и рубашки и кофточки — все кроилъ... И шить я прежде источникъ былъ, не знаю, какъ нынче.

— Я тебя на машинкѣ научу шить, Зотушка, — обрадовалась Ѳеня.— Сначала только чаю напьешься...

Черезъ часъ, когда чаи были кончены, и Зотушка даже пропустилъ для храбрости маленькую, онъ ползалъ по полотну вмѣстѣ съ барышней Ѳеней, съ моткомъ нитокъ на шеѣ и съ выкройкой въ зубахъ. Когда засвѣтили огонь, Зотушка сидѣлъ посреди пола съ работой въ рукахъ и тихо мурлыкалъ свой „стихъ“:

И-идетъ ста-арецъ пооо доро-огѣ-ѣ...

XIII.

Лѣто для брагинской семьи промелькнуло, какъ золотой сонъ. Смородинка работала превосходно; въ недѣлю иногда намывали до шести фунтовъ. Паровая машина была поставлена, но одной было мало: вода одолѣвала, нужно было къ осени вторую. Въ концѣ каждаго мѣсяца Гордей Евстратычъ исправно отправлялся въ городъ Екатеринбургъ, гдѣ скоро сошелся съ другими золотопромышленниками, съ богатыми комиссіонерами, скупавшими ассигновки у мелкихъ золотопромышленниковъ, и съ разными другими дѣльцами и темными личностями, ютившимися около золотого козла. Народъ былъ юркій, проворный, и Гордей Евстратычъ окончательно убѣдился, что жилъ до сихъ поръ въ своемъ Бѣлоглинскомъ заводѣ дуракъ-дуракомъ.

— Надо, братъ, эту темноту-то свою бѣлоглинскую снимать съ себя,— говорилъ Вуколъ Шабалинъ, хлопая Гордея Евстратыча по плечу.—По-настоящему надо жить, какъ прочіе живутъ... Первое, одѣться надо, какъ слѣдуетъ. Я тебѣ порекомендую своего портного въ Екатеринбургѣ... Потомъ надо компанію водить настоящую, а не съ какими-нибудь Пазухиными да Колпаковыми. Тутъ, братъ, всему выучатъ.

— А я съ бѣлоглинскими-то тово, Вуколъ Логинычъ...

— Знаю, знаю, Варя разсказывала... И хорошо дѣлаешь, потому намъ себя тоже надо строго соблюдать, чтобы не совѣстно было передъ настоящими людьми.

Своего единовѣрческаго платья Гордей Евстратычъ не перемѣнилъ, но

компанію водить съ настоящими людьми не отказался, а даже былъ очень доволенъ поближе сойтись съ ними. У этой настоящей компаніи были облюбованы свои теплыя мѣстечки, гдѣ и катилось разливанное море: въ одномъ мѣстѣ ѣли, въ другомъ играли въ карты, въ третьемъ слушали арфистокъ, и вездѣ пили и пили безъ конца. Въ карты Гордей Евстратычъ не игралъ, а пилъ вмѣстѣ съ другими, потому что нельзя же, въ самомъ-то дѣлѣ, такую компанію своимъ упрямствомъ разстраивать... Вѣдь люди-то, люди-то какіе: все на подборъ, особенно адвокаты и разные инженеры. Наговорятъ съ три короба, а въ руки взять нечего... А впрочемъ, народъ обходительный, и даже одѣтыми въ единовѣрческое платье не гнушаются, что̀ очень льстило Гордею Евстратычу, сильно стѣснявшемуся на первыхъ порахъ своимъ длиннополымъ кафтаномъ и русской рубашкой.

— Мы здѣсь живемъ какъ братья, Гордей Евстратычъ,—говорилъ Брагину юркій адвокатъ изъ восточныхъ человѣковъ.—Все равно, какъ одна семья.

Дѣйствительно, всѣ эти невьянскіе, и кушвинскіе, и міясскіе, и троицкіе золотопромышленники, попадая въ Екатеринбургъ, сливались въ одну золотую массу, которую адвокаты и другіе дѣльцы обхаживали особенно усердно. Особнякомъ держались отъ этой компаніи только самые крупные тузы, которые проживали по столицамъ, являясь на Уралъ только на нѣсколько дней. Гордей Евстратычъ присматривался, прислушивался и самъ старался быть какъ всѣ, а то одинъ Шабалинъ засрамитъ. Это легкое привольное житье затягивало незамѣтно, и Гордей Евстратычъ ѣздилъ въ городъ съ особеннымъ удовольствіемъ, хотя могъ бы обойтись безъ такихъ поѣздокъ,—стоило только заручиться надежнымъ комиссіонеромъ, какъ у другихъ золотопромышленниковъ. Брагину хотѣлось прежде всего самому немного отшлифоваться въ настоящей компаніи.

Пріѣзжая изъ города домой, Брагинъ всѣмъ привозилъ подарки, особенно Нюшѣ, которая ходила все лѣто, какъ въ воду опущенная. Дѣвушка тосковала объ Алешкѣ Пазухинѣ; отецъ это видѣлъ и старался утѣшить ее по-своему.

— Ну, Нюша, будетъ дурить,—говорилъ ей Гордей Евстратычъ подъ веселую руку.—Хочу тебѣ уважить: какъ поѣду въ городъ—заказывай себѣ шелковое платье съ хвостомъ... Какъ дамы носятъ.

— Не надо, тятенька...

— Вздоръ мелешь!.. Какое хочешь: зеленое или красное?

— Не надо, тятенька...

— И выходишь дура, если перечишь отцу. Я къ тебѣ съ добромъ, а ты ко мнѣ... Погоди, вотъ въ Нижній съ Вуколомъ поѣдемъ, такой тебѣ оттуда гостинецъ привезу, что глаза у всѣхъ разбѣгутся.

Эта замѣна Алешки Пазухина шелковымъ платьемъ не удалась, и Нюша попрежнему тосковала и плакала. Она замѣтно похудѣла и сдѣлалась еще краше, хотя прежняго смѣха и болтовни не было и въ поминѣ. Впрочемъ, иногда, когда пріѣзжала Ѳеня, Нюша оживлялась и начинала дурачиться и хохотать, но подъ этимъ напускнымъ весельемъ стояли тѣ же слезы. Даже сорви-головушка Ѳеня не могла развеселить Нюши и часто принималась бранить:

— Дурища ты, Нютка... Ей-Богу!.. Вотъ еще моду затѣяла. Эка бѣда, подумаешь, не стало ихняго брата, жениховъ-то... И по любви замужъ выходятъ, да горя мыкаютъ... Ей-Богу, я этому Алешкѣ въ затылокъ накладу.

Чтобы окончательно вылѣчить свою подругу, Ѳеня однажды разсказала ей цѣлую исторію о томъ, какъ Алешка таращилъ глаза на дочь заводскаго

бухгалтера, и ссылалась на десятки свидѣтелей. Но Нюша только улыбалась печальной улыбкой и недовѣрчиво покачивала головой. Теперь Ѳеня была желанной гостьей въ брагинскомъ домѣ, и Татьяна Власьевна сильно ухаживала за ней, тѣмъ болѣе, что Зотушка все лѣто прожилъ въ господскомъ домѣ подъ крылышкомъ у Ѳедосьи Ниловны.

— Гляжу я на тебя и ума не могу приложить: въ кого ты издалась такая удалая,—говорила иногда Татьяна Власьевна, любуясь красавицей Ѳеней.— Ужъ можно сказать, что во всемъ не какъ наша Анна Гордеевна.

— А я такъ ума не приложу, что̀ съ вами со всѣми дѣлается,—отвѣчала бойкая на языкъ Ѳеня.—Взять тебя, баушка Татьяна, такъ и сказать-то ровно неловко.

— А что̀, милушка?

— Да такъ... На себя не походишь, баушка. Скупая стала да привередливая.

— Охъ, нельзя, милушка, нельзя, голубушка... Вонъ у насъ какой отецъ-то строгій да расчетливый. Съ меня все взыскиваетъ, чуть что̀.

— Вотъ тоже ребятъ на пріискѣ заморозили... Снохи скучаютъ, поди, объ нихъ недѣлю-то.

— Ну, это опять другой разговоръ, Ѳенюшка. Нельзя по нашему дѣлу на чужихъ людей полагаться, а на пріискѣ глазъ да глазъ нуженъ.

— Ежели бы я вашей снохой была, я ушла бы на второй мѣсяцъ...

— Пшш... Что̀ ты, милушка, какія ты слова разговариваешь. Ежели всѣ бабы отъ мужей побѣгутъ, тогда ужъ распослѣднее дѣло... Мы невѣстокъ, слава Богу, не обижаемъ, какъ сыръ въ маслѣ катаются.

— Масло-то ваше больно горькое, баушка Татьяна!.. Вонъ Нютка, лица на ней нѣтъ... Мы съ Зотушкой все ее жалѣемъ.

Татьяна Власьевна только тяжело вздыхала и съ соболѣзнованіемъ покачивала головой.

Сыновья Брагина выѣзжали домой только по воскресеньямъ и праздникамъ, когда работа на жилкѣ останавливалась. Сначала они скучали своей новой обстановкой, а потомъ мало-по-малу привыкли къ ней и даже совсѣмъ въ нее втянулись. Особенно лѣтомъ на пріискахъ было весело, потому что работа кипѣла на открытомъ воздухѣ и походила на какой-то праздникъ или помочь. Притомъ на Смородинку постоянно завертывали разные гости: то Порфиръ Порфирычъ съ Плинтусовымъ, то Шабалинъ съ Липачкомъ, то кто-нибудь изъ знакомыхъ золотопромышленниковъ. Конечно, пребываніе такихъ гостей на пріискѣ ознаменовывалось прежде всего кромѣшнымъ пьянствомъ, а затѣмъ чисто-пріисковыми удовольствіями. Для Порфира Порфирыча, напримѣръ, постоянно устраивался около конторы хороводъ изъ пріисковыхъ красавицъ, недостатка въ которыхъ не было и въ числѣ которыхъ фигурировали Окся и Лапуха съ Домашкой. Бабы „играли пѣсни“, а Порфиръ Порфирычъ тѣшился тѣмъ, что бросалъ въ хороводъ платки и пряники. Это было его любимымъ удовольствіемъ, и, нагрузившись, онъ любилъ даже поплясать съ бабами, особенно когда былъ налицо мировой Липачекъ. Гордей Евстратычъ смотрѣлъ на эти праздники сквозь пальцы, потому что разъ—нельзя же перечить такому начальству, какъ Порфиръ Порфирычъ, Плинтусовъ и Липачекъ, а затѣмъ—и потому, что какъ-то неловко было отставать отъ другихъ.

— На всѣхъ пріискахъ одна музыка-то...—хохоталъ пьяный Шабалинъ, поучая молодыхъ Брагиныхъ.—А вы смотрите на насъ, стариковъ, да и набирайтесь уму-разуму. Намъ у золота да не пожить—грѣхъ будетъ... Такъ, Архипъ? Чего красной дѣвкой глядишь... Постой, вотъ я тебѣ покажу, гдѣ

раки зимуютъ. А еще женатый человѣкъ... Ха-ха! Отецъ не пускаетъ къ Дунѣ, такъ мы десять ихъ найдемъ. А ты, Михалка?.. Да вотъ что, братцы, что вы ко мнѣ въ Бѣлоглинскомъ не заглянете?.. Съ Варей васъ познакомлю, такъ она васъ ариѳметикѣ выучитъ.

Эти уроки пошли молодымъ Брагинымъ въ „наукъ“. Михалка потихоньку началъ попивать вино съ разными пріисковыми служащими, конечно, въ хорошей компаніи и потихоньку отъ тятеньки, а Архипъ началъ пропадать по ночамъ. Братья знали художества другъ друга и покрывали одинъ другого передъ грознымъ тятенькой, который ничего не подозрѣвалъ, слишкомъ занятый своими собственными соображеніями. Правда, Татьяна Власьевна провѣдала стороной о похожденіяхъ внуковъ, но прямо все объяснить отцу побоялась.

— Ты бы присматривалъ за ребятами-то,—нѣсколько разъ говорила она Гордею Евстратычу, когда тотъ отправлялся на пріискъ.—У васъ тамъ на жилкѣ всякаго народу пропасть, пожалуй, научатъ уму-разуму. Ребята еще молодые, долго ли свихнуться.

— На людяхъ живемъ, мамынька,—успокаивалъ Гордей Евстратычъ:—ежели бы что—слухомъ земля полнится. Хорошая слава лежитъ, а худая по дорожкѣ бѣжитъ.

— А ты, милушка, все-таки посматривай...

— Ладно, ладно... Ты вотъ за Нюшей-то смотри, чего-то больно она у тебя хмурится, да и за невѣстками тоже. Мужикъ если и согрѣшитъ, такъ грѣхъ на улицѣ оставитъ, а баба все домой принесетъ. На той недѣлѣ мнѣ сказывали, что Володька Пятовъ повадился въ нашу лавку ходить, когда Ариша торгуетъ... Можетъ, зря болтаютъ только,—бабенки молоденькія. А я за ребятами въ два глаза смотрю, они у меня и воды не замутятъ.

— Вотъ гости-то ваши меня безпокоятъ, милушка.... Вѣдь вонъ какіе статуи, одинъ другого лучше. Сумлѣваюсь я насчетъ ихъ... Хоть кого на грѣхъ наведутъ.

Когда Гордей Евстратычъ уѣзжалъ съ золотомъ въ городъ, брагинскимъ ребятамъ на пріискѣ была полная воля. Нашлись такіе люди, которые научили, какъ нужно свою линію выводить, т.-е. откладывать тамъ и сямъ денежки про черный день. Расчеты по пріиску были большіе, и достать деньги этимъ путемъ ничего не стоило, тѣмъ болѣе, что все дѣло велось семейнымъ образомъ, съ полнымъ довѣріемъ, такъ что и подсчитать не было никакой возможности. Гордей Евстратычъ боялся чужихъ людей, какъ огня, и все старался сдѣлать своими руками. Володька Пятовъ, прокутившись до нитки гдѣ-то на пріискахъ, явился съ повинной къ отцу и теперь проживалъ въ Бѣлоглинскомъ. При Гордеѣ Евстратычѣ онъ, конечно, не смѣлъ и носу показать на Смородинку, но безъ него онъ являлся сюда, какъ домой, и быстро просвѣтилъ брагинскихъ ребятъ, какъ слѣдуетъ жить по-настоящему.

— Чего вамъ смотрѣть на старика-то,—говорилъ Пятовъ своимъ новымъ пріятелямъ:—онъ въ городъ закатится,—тамъ твори, чего хочешь, а вы здѣсь киснете на пріискѣ, какъ старыя дѣвки... Я вамъ такую про него штуку скажу, что только ахнете: любовницу себѣ завелъ... Вотъ сейчасъ провалиться—правда!.. Мнѣ Варька шабалинская сама сказывала. Я вѣдь къ ней постоянно хожу, когда Вукола дома нѣтъ...

Ребята разинули ротъ отъ удивленія и долго не могли повѣрить Володькѣ Пятову, который вралъ за четверыхъ.

— Эхъ, вы, телята!..—хохоталъ Володька.—Да гдѣ у васъ глаза-то? Что за бѣда, если старикъ и потѣшится немного... Человѣкъ еще въ порѣ. Не такіе старики грѣшатъ: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.

— Да ты врешь, Володька... Смотри!..

— Чего смотри?.. Я знаю, какъ и зовутъ любовницу Гордея Евстратыча. Она изъ нѣмокъ, изъ настоящихъ, а называется Сашей. Въ арфисткахъ раньше была, потомъ съ Шабалинымъ жила до Варьки. Шабалинъ ее и сосваталъ тятенькѣ-то вашему... Мнѣ сама Варька сказывала,—потому Шабалинъ пьяный все ей разсказываетъ.

Володька Пятовъ, коренастый кудрявый парень, несмотря на кутежи и запретныя удовольствія, былъ кровь съ молокомъ, недаромъ роднымъ братцемъ Ѳени считается. Такой же русый волосъ, такой же румянецъ, такіе же свѣтлые ласковые глаза, только ума у Володьки Пятова не было ни на грошъ: весь промотанъ въ городѣ. Щеголялъ онъ всегда въ модныхъ визиткахъ и крахмальныхъ рубашкахъ, носилъ пуховую черную шляпу и постоянно хвастался золотыми кольцами. У женщинъ извѣстнаго разбора Володька Пятовъ пользовался большимъ успѣхомъ и, отъ-нечего-дѣлать, приволакивался за Аришей Брагиной, о чемъ, конечно, не разсказывалъ Михалкѣ.

— Погодите, батька смотритъ-смотритъ, да еще жениться вздумаетъ,— посмѣивался Володька Пятовъ.—Что, испугались? То-то... Смотрите въ оба, а то какъ разъ наслѣдниковъ новыхъ наживете.

Пріисковые рабочіе очень любили Володьку Пятова, потому что онъ послѣднюю копейку умѣлъ поставить ребромъ и обходился со всѣми за панибрата. Только пьяный онъ начиналъ крѣпко безобразничать и успокаивался не иначе, какъ связанный веревками по рукамъ и ногамъ. Михалка и Архипъ завидовали пиджакамъ Володьки, его прокрахмаленнымъ сорочкамъ и особенно его свободному разговору и смѣлости, съ какой онъ держалъ себя вездѣ. Особенно Архипъ увлекался имъ и старался во всемъ копировать своего пріятеля, даже въ походкѣ.

Слухи о баловствѣ брагинскихъ ребятъ, конечно, скоро разошлись вездѣ и разными досужими людьми были переданы, между прочимъ, Колобовымъ и Савинымъ, съ приличными добавленіями и прикрасами. Конечно, обѣ семьи поднялись на ноги, особенно старухи, и пошла писать исторія. Общая бѣда теперь помирила ихъ. Агнея Герасимовна разливалась рѣкой, оплакивая свою Аришу, какъ мертвую; Матрена Ильинична тоже крѣпко убивалась о своей Дунѣ, которая вдобавокъ уже давно ходила тяжелая и была совсѣмъ „на тѣхъ порахъ“, такъ что ей и сказать ничего было нельзя. Въ лавкѣ сидѣла теперь большею частью одна Ариша, которую иногда смѣняла только Нюша; дѣло было лѣтнее, тихое въ торговлѣ, и Ариша справлялась со всей торговлей. Она иногда брала въ лавку своего Степушку, и время летѣло незамѣтно, какъ за всякой работой. Волокитство Володьки Пятова сначала напугало Аришу, а когда онъ пропалъ изъ Бѣлоглинскаго завода—молодая женщина совсѣмъ успокоилась. Вотъ именно въ этотъ моментъ и зачастила въ лавку сама Агнея Герасимовна, по своей добротѣ не умѣвшая даже прикрыться какимъ-нибудь задѣльемъ.

— Какъ у васъ тамъ, дома-то?—спрашивала старушка, жалостливо глядя на свою ненаглядную доченьку.

— Чтой-то, маменька, какъ ты и спрашиваешь... — удивлялась Ариша.

— Да я такъ, Ариша, къ слову пришлось... Мужъ-то какъ у тебя?

— Мужъ... да чего ему сдѣлается, маменька?.. Будто рѣдко теперь дома бываетъ, а такъ ничего.

— Ну, а Татьяна Власьевна?

— И Татьяна Власьевна ничего...

Эти разговоры съ маменькой кончились тѣмъ, что ничего не подозрѣвавшая

Ариша наконецъ заплакала горькими слезами, почуя что-то недоброе. Агнея Герасимовна тоже досыта наревѣлась съ ней, хотя и догадалась бо́льшую часть утаить отъ дочери.

— Только, ради истиннаго Христа, Аришенька, ничего не говори Дуняшѣ,— упрашивала Агнея Герасимовна, утирая лицо платочкомъ: — бабочка на сносяхъ, пожалуй, еще попритчится что̀... Мы съ Матреной Ильиничной досыта наревѣлись объ васъ. Можетъ, и зря люди болтаютъ, а все страшно какъ-то... Ты, Аришенька, не сумлѣвайся очень-то: какъ-нибудь про себя износимъ. Главное—не доведи до поры до времени до большаковъ-то, тебѣ же и достанется.

Ариша ходила всю недѣлю съ опухшими красными глазами, а когда въ субботу вечеромъ съ пріиска пріѣхалъ Михалка, — она лежала въ своей каморкѣ совсѣмъ больная. Татьяна Власьевна видѣла, что что-то неладное творится въ дому, пробовала спрашивать Аришу, но та ничего не сказала, а допытываться настрого Татьяна Власьевна не хотѣла: „можетъ, и въ самомъ дѣлѣ нездоровится“, — рѣшила про себя старуха и напоила Аришу на ночь мятой. Глядя на Аришу, закручинилась и Дуня. А ночью Татьяна Власьевна слышала въ каморкѣ какой-то подозрительный шумъ, а затѣмъ плачъ: это была первая семейная сцена между молодыми. Ариша сначала молчала, а потомъ начала упрекать мужа; Михалка оправдывался, ворчалъ и кончилъ тѣмъ, что поколотилъ жену. Ариша въ одной рубашкѣ, простоволосая, съ плачемъ ворвалась въ комнату Татьяны Власьевны и подняла весь домъ на ноги. Старухѣ стоило большихъ трудовъ успокоить невѣстку и уговорить, чтобы она не доводила дѣла до Гордея Евстратыча, который на счастье не былъ въ эту ночь дома.

Утромъ завернула къ Брагинымъ Марѳа Петровна, и все дѣло объяснилось. Хотя Пазухины были и не въ ладахъ съ Брагиными изъ-за своего неудачнаго сватовства, но Марѳа Петровна потихоньку забѣга̀ла покалякать къ Татьянѣ Власьевнѣ. Черезъ пять минутъ старуха узнала наконецъ, что̀ такое сдѣлалось съ Аришей и откуда дулъ вѣтеръ. Марѳа Петровна въ такомъ видѣ разсказала все, что даже Татьяна Власьевна озлобилась на свою родню.

— И вѣдь что̀ говорятъ-то,—задыхаясь, разсказывала Марѳа Петровна:— Михалку пропойцемъ называютъ, а про Архипа... ну, однимъ словомъ, славятъ про него, что онъ путается съ пріисковыми дѣвками. И шлюху-то его называютъ... Ахъ, дай Богъ память... Домашкой ее зовутъ, изъ полдневскихъ она. Такъ и дѣвчонка-то бросовая, разговору не сто̀итъ, а старухи-то тростятъ страсть какъ... Будто Архипъ-то и ночей не спитъ въ казармѣ, когда Гордея Евстратыча не бываетъ въ казармѣ. Вѣдь чего только и наговорятъ, Татьяна Власьевна... Статочное ли дѣло, чтобы отъ такой молодой да красивой жены, какъ ваша Дуня, да мужъ побѣжалъ къ какой-то шлюхѣ Домашкѣ. Кто этому повѣритъ? Тоже вотъ про Володьку Пятова разное болтаютъ. Да ужъ я вамъ всего-то разсказывать не стану, Татьяна Власьевна; пустяки это все, я такъ думаю.

— Нѣтъ ужъ, Марѳа Петровна, начала, такъ все выкладывай, — настаивала Татьяна Власьевна, почернѣвшая отъ горя. — Мы тутъ сидимъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ и ничѣмъ-ничего не знаемъ, что̀ люди-то добрые про насъ говорятъ. Тоже вѣдь не чужіе намъ будутъ—взять хоть Агнею Герасимовну... Немножко будто мы разошлись съ ними, только это особь статья.

— Вотъ Агнея-то Герасимовна все и ходила въ лавку къ Аришѣ да и надувала ей въ уши... Да. Только всего она Аришѣ не сказала, чего про-

между себя дома-то разговариваютъ. О чемъ, бишь, я хотѣла вамъ разсказывать-то?..

— О Володькѣ Пятовѣ...

— Да, да... такъ. Третьяго-дня вечеркомъ завернула я къ Савинымъ, а тамъ Агнея Герасимовна сидитъ. Меня чай оставили пить. Ну, старухи-то и пошли костить про Володьку, какъ онъ вашихъ ребятъ сомущаетъ на всякія художества: Михалку—на счетъ водки и къ картамъ пріучаетъ, а Архипа—по женской части... А потомъ про Шабалина начали говорить да про Порфира Порфирыча, какіе они поступки поступаютъ на Смородинкѣ: дымъ коромысломъ... А ребята-то молодые — имъ это и повадно. Да еще Шабалинъ-то учитъ вашихъ ребятъ всякимъ пакостямъ... А Володька Пятовъ опять затащилъ Архипа какъ-то къ Варькѣ шабалинской. Ей-Богу, не вру... Ну, а Варька-то заодно съ Володькой обманываетъ Вукола-то Логиныча. А какъ вы думаете: на вино, да на карты, да на разные поступки съ этими шлюхами вѣдь деньги надо?..

— Вотъ я это-то и думаю, Марѳа Петровна: вѣдь у Михалки съ Архипомъ и денегъ сроду своихъ не бывало, отецъ ихъ не потачитъ деньгами-то. А что пріисковые-то расчеты, такъ вѣдь самъ отецъ ихъ подсчитываетъ, черезъ его руки всякая копеечка проходитъ.

— Позвольте, Татьяна Васильевна... Я то же старухамъ говорю, а онѣ на Володьку на Пятова все валятъ: онъ и съ ключомъ-то своимъ въ чужой сундукъ сходитъ, и отца поучитъ обманывать въ расчетахъ, и на всякія художества подымается изъ-за этихъ самыхъ денегъ. Онъ отца родного сколько разъ обкрадывалъ, а чужихъ людей подавно. Агнея-то Герасимовна какъ заговоритъ про Володьку, такъ у ней глаза и заходятъ, потому какъ его она и считаетъ заводчикомъ всякихъ пакостей. Я про себя, Татьяна Власьевна, такъ думаю, голубушка... Чужія-то дѣла куды ловко судить: и то не такъ, и это не такъ, а къ своимъ ума не приложишь... Теперь взять хоть Агнею Герасимовну или Матрену Ильиничну: старухи, кажется, степенныя, умницами слывутъ, а тутъ давай-ка мутить на весь Бѣлоглинскій заводъ. По-моему, имъ бы молчать да молчать, а не то, что самимъ разсказывать... Такъ вѣдь, Татьяна Власьевна?

— Истинная правда, Марѳа Петровна. Вотъ этого и я въ разумъ никакъ не возьму! Зачѣмъ чужимъ-то людямъ про свою бѣду разсказывать до время? А тутъ еще въ своей-то семьѣ разстраиваютъ...

— Вотъ, вотъ, Татьяна Власьевна... Вмѣсто того, чтобы прійти къ вамъ или васъ къ себѣ позвать, да все и обсудить заодно, онѣ все стороной ладятъ обойти, да еще невѣстокъ-то вашихъ разстраиваютъ. А вы то̀ подумайте, развѣ ваши-то ребята бросовые какіе? Ежели бы и въ самомъ дѣлѣ грѣхъ какой вышелъ, ну, по глупости тамъ или по малодушію, такъ Агнеѣ-то Герасимовнѣ съ Матреной Ильиничной не кричать бы на весь Бѣлоглинскій заводъ, а покрыть бы слухи да съ вами бы бѣду и поправить.

— Такъ, такъ, Марѳа Петровна. Справедливыя слова ты говоришь... Будь бы еще чужіе—ну, на всякій ротокъ не накинешь платокъ, а то вѣдь свои—вотъ что̀ обидно.

— По-моему, Татьяна Власьевна, всему этому дѣлу настоящіе заводчики эти самые Савины и Колобовы и есть... Ей-Богу!..

— Да вѣдь свои они намъ, какъ ни поверни, Марѳа Петровна... Что̀ имъ за нужда на своихъ-то дѣтей бѣду накликать?

— Ахъ, Татьяна Власьевна, Татьяна Власьевна... А если они всѣ въ ослѣпленіи свои поступки поступаютъ? Можно сказать, изъ зависти къ вашему богатству все и дѣло-то вышло... Вотъ и рады случаю придраться къ вамъ!..

Результатомъ такихъ разговоровъ было то, что Татьяна Власьевна совсѣмъ отшатнулась отъ своей родни и стала даже защищать внуковъ, которыхъ „обнесли напраслиной“. Она теперь взглянула на дѣло именно съ своей личной точки зрѣнія, какъ обиженная сторона, и горой встала за фамильную честь. Такъ какъ скрывать долѣе было нельзя отъ Гордея Евстратыча, то Татьяна Власьевна и разсказала ему все дѣло, какъ понимала его сама. Противъ ожиданія, Гордей Евстратычъ не вспылилъ даже, а отнесся къ разсказу жаловавшейся мамыньки почти безучастно и только прибавилъ:

— Ну, пусть ихъ, мамынька... Почешутъ-почешутъ языки, да и отстанутъ. Всего не переслушаешь. Занялся бы я этими вашими сплетками, да, вишь, мнѣ не до нихъ: въ Нижній собираться пора.

— А съ кѣмъ ты поѣдешь-то, милушка?

— Не знаю еще... Можетъ, Вуколъ поѣдетъ, такъ съ нимъ угадаю.

— Охъ, милушка, милушка... Вуколъ-то этотъ... сумлѣваюсь я...

— Пустое, мамынька... Тоже, мамынька, и про Вукола много зря болтаютъ, какъ и про насъ съ тобой. Человѣкъ, какъ человѣкъ.

— Ну, какъ знаешь, милушка... А только ты поговорилъ бы съ Аришей-то, больно она убивается. Разстраиваютъ ее, ну, она и скружилась...

— Хорошо, мамынька, поговорю...

Гордей Евстратычъ всегда очень любилъ свою старшую невѣстку, для которой у него никогда и ни въ чемъ не было отказа. Только въ послѣдній годъ онъ какъ будто перемѣнился къ ней,—такъ, по крайней мѣрѣ, думала сама Ариша, особенно послѣ случая съ серьгами и брошкой. Ей казалось, что Гордей Евстратычъ все сердится за что-то на нее, не шутитъ, какъ бывало прежде, и часто придирается, особенно по торговлѣ. Придетъ въ лавку и начнетъ пропекать, т.-е. не то, чтобы онъ бранился или кричалъ, а просто, по всему было видно, что онъ недоволенъ. Ариша даже стала немного бояться своего свекра, особенно когда онъ былъ навеселѣ и дѣлался такой румяный—даромъ, что старикъ. И глаза у него какъ-то особенно блестѣли, и Аришѣ казалось, что Гордей Евстратычъ все смотритъ на нее. Раза два въ такомъ видѣ онъ заходилъ къ ней въ лавку и совсѣмъ ее напугалъ: смѣется какъ-то такъ нехорошо и говоритъ что-то такое совсѣмъ несообразное. Потомъ Ариша замѣтила, что Гордей Евстратычъ никогда не заходитъ въ лавку, когда тамъ сидитъ Дуня, и что вообще дома, при другихъ, онъ держитъ себя съ ней совсѣмъ иначе, чѣмъ съ глазу на глазъ. Поэтому, когда Татьяна Власьевна послала Аришу на другой день послѣ разговора съ сыномъ въ его горницу, та изъ лица выступила: Гордей Евстратычъ только-что пріѣхалъ отъ Шабалина и былъ особенно розовый сегодня. Дуня лежала больная въ своей каморкѣ, Нюша была въ лавкѣ,—вообще домъ былъ почти совсѣмъ пустой.

— Ступай, ступай, съ тобой поговорить хочетъ отецъ-то... — посылала Татьяна Власьевна невѣстку.—Да говори прямо, все, что̀ сама знаешь, какъ родимому отцу.

Ариша набросила свой ситцевый сарафанъ, накинула шаль на голову и со страхомъ переступила порогъ горницы Гордея Евстратыча. Въ своемъ смущеніи, съ тревожно смотрѣвшими большими глазами, она особенно была хороша сегодня. Высокій ростъ и красивое здоровое сложеніе дѣлали ее настоящей красавицей. Гордей Евстратычъ ждалъ ее, ходя по комнатѣ съ заложенными за спину руками.

— Вы, тятенька, меня звали на что-то...

— Да, звалъ, Ариша. Садись вотъ сюда, потолкуемъ ладкомъ... Что̀ больно пріунищилась?.. Не бойсь, не укушу. Для васъ же стараюсь...

Гордей Евстратычъ придвинулъ свой стулъ къ стулу Ариши и совсѣмъ близко наклонился къ ней, такъ что на нее пахнуло разившимъ отъ него виномъ; она хотѣла немного отодвинуться отъ свекра, но побоялась и только опустила вспыхнувшее лицо. Гордей Евстратычъ тоже замѣтно покраснѣлъ, а глаза у него сегодня совсѣмъ были подернуты масломъ.

— Ну, Ариша, такъ вотъ въ чемъ дѣло-то,—заговорилъ Гордей Евстратычъ, тяжело переводя духъ. — Мамынька мнѣ все разсказала, что̀ у насъ дѣлается въ дому. Ежели бы раньше не таили ничего, тогда бы ничего и не было... Такъ вѣдь? Вотъ я съ тобой и хочу поговорить, потому какъ я тебя всегда любилъ... Да-а. Одно тебѣ скажу: никого ты не слушай, окромя меня, и все будетъ лучше писанаго. А что̀ тамъ про мужа болтаютъ—все это вздоръ... Напрасно только разстраиваютъ.

— Я вѣдь, тятенька, ничего...

— Хорошо... Ну, что мужъ тебя опростоволосилъ, такъ это опять—на всякій чохъ не наздравствуешься... Ты бы мнѣ обсказала все, такъ Михалка-то пикнуть бы не смѣлъ... Ты всегда мнѣ говори все... Вотъ я въ Нижній поѣду и привезу тебѣ оттуда такой гостинецъ... Будешь меня слушаться?

— Я, тятенька, изъ вашей воли никогда не выходила...

— И отлично. А впередъ еще больше старайся. На мужа-то не больно смотри: щенокъ еще онъ... Ну, ступай съ Богомъ...

Ариша, по заведенному обычаю, въ благодарность за науку, повалилась въ ноги тятенькѣ, а Гордей Евстратычъ самъ поднялъ ее, обнялъ и какъ-то особенно крѣпко поцѣловалъ прямо въ губы, такъ что Ариша заалѣлась вся, какъ маковъ цвѣтъ, и даже закрыла лицо рукой.

— Видно, горько стараго цѣловать?—спрашивалъ Гордей Евстратычъ, отнимая руку Ариши.—Ты вѣдь у меня умница... Только ничего никому не разсказывай,—поняла? Всѣмъ по гостинцу привезу, а тебѣ на особицу... А ежели мужъ будетъ обижать, ты мнѣ скажи только слово...

— Нѣтъ, мнѣ, какъ другимъ, тятенька... Я не хочу на особицу.,.

— Ахъ, ты, глупая... А если я хочу? Понимаешь: *я этого хочу!*

„Видно, отецъ-то поначалилъ крѣпко...“ — подумала Татьяна Власьевна, взглянувъ на красное лицо выходившей изъ горницы Ариши.

Черезъ недѣлю Гордей Евстратычъ укатилъ вмѣстѣ съ Шабалинымъ на ярмарку въ Нижній.

XIV.

Изъ Нижняго Гордей Евстратычъ дѣйствительно привезъ всѣмъ по гостинцу: бабушкѣ—парчи на сарафанъ и настоящаго золотого позумента, сыновьямъ—разнаго платья и невѣсткамъ—тоже. Самые лучшіе гостинцы достались Нюшѣ и Аришѣ: первой—бархатная шубка на собольемъ мѣху, а второй—весь золотой „приборъ“, т.-е. серьги, брошь и браслетъ. Такая щедрость удивила Татьяну Власьевну, такъ что она замѣтила Гордею Евстратычу:

— Какъ я погляжу, милушка, балуешь ты Аришу...

— А ежели я такъ хочу, мамынька?—упрямо заявилъ Гордей Евстратычъ.—Можетъ, она мнѣ лучше всѣхъ угодила, ну и дарю...

— Дунѣ опять завидно, милушка...

— Ну, Дуня пусть еще постарается въ свою долю, тогда и ее пожалуемъ.

— Охъ, только бы не избаловать, милушка. Дѣло-то еще больно молодое, хоть и Аришу взять... Возмечтаетъ, пожалуй, и старшихъ не будетъ ува-

жать. Нынче вонъ какой безголовый народъ пошелъ, не къ намъ будь сказано! А ты, милушка, никакъ бороду-то себѣ подкорналъ на ярмаркѣ?

— Немножко, мамынька... Нельзя же супротивъ другихъ чортомъ ходить. Лучше насъ есть, мамынька, да тоже бороды себѣ подправляютъ, ну и я маненько подправилъ, такъ самую малость...

Послѣднее обстоятельство очень конфузило Гордея Евстратыча передъ домашними, хотя онъ и бодрился. Вообще Татьяна Власьевна скоро замѣтила, что милушка, кромѣ подстриженной бороды, привезъ изъ ярмарки много другихъ новостей и точно сдѣлался совсѣмъ другой человѣкъ, какъ она къ нему ни приглядывалась. Больше всего старухѣ не нравилось въ сынѣ то, что онъ началъ „форсить“, въ томъ же родѣ, какъ форсилъ Вуколъ Шабалинъ. И платья себѣ навезъ изъ ярмарки форсистаго, и сапоги лаковые со скрипомъ, и масломъ деревяннымъ пересталъ мазаться—вообще крѣпко началъ молодиться, и даже точно лицо у него совсѣмъ другое сдѣлалось. Впрочемъ, новое платье Гордей Евстратычъ долго не рѣшался надѣть, даже очень сумлѣвался, пока по первопутку не съѣздилъ въ городъ сдавать золото, откуда пріѣхалъ уже совсѣмъ форсуномъ: въ длинномъ сюртукѣ, въ крахмальной сорочкѣ, брюки на выпускъ—однимъ словомъ, „одѣлся патретомъ“, какъ говорилъ Зотушка. „Темноту-то нашу бѣлоглинскую пора, мамынька, намъ оставлять, — коротко объяснилъ Гордей Евстратычъ собственное превращеніе: — а то въ добрые люди носъ показать совѣстно“... Но провести разными словами Татьяну Власьевну было довольно трудно, она видѣла, что тутъ что-то кроется, и притомъ кроется очень опредѣленное: съ женскимъ инстинктомъ старуха почуяла чье-то невидимое женское вліяніе и не ошиблась. Завернувшая на секундочку Марѳа Петровна очень подробно и краснорѣчиво отрапортовала, зачѣмъ повадился Гордей Евстратычъ по городамъ ѣздить: нѣмку себѣ завелъ... Она съ нимъ и въ Нижній ѣздила, она и переодѣла его, и бороду подстричь заставила, — однимъ словомъ, завертѣла мужика. А эту нѣмку подсунула Гордею Евстратычу шабалинская Варя, — это ужъ ея рукъ дѣло.

— И денегъ онъ на эту нѣмку травитъ, страсть... Квартиру ей завелъ въ городу и всякое прочее,—объясняла Марѳа Петровна:—у Колобовыхъ да у Савиныхъ въ голосъ всѣ кричатъ про нее.

— А я такъ думаю, Марѳа Петровна, что пустое это болтаютъ,—обрѣзала Татьяна Власьевна:—какъ тогда про ребятъ нашихъ наврали тоже. Какъ Гордей-то Евстратычъ былъ въ Нижнемъ, я сама нарочно сгоняла на Смородинку, ночью туда пріѣхала и все въ исправности тамъ нашла... Такъ и теперь, пустое плетутъ на Гордея Евстратыча...

Такой отвѣтъ и удивилъ и обидѣлъ Марѳу Петровну: значитъ, и она тоже плететъ напраслину вмѣстѣ съ другими. Полное лицо Марѳы Петровны покрылось багровыми пятнами, но она вò-время спохватилась, что Татьяна Власьевна просто глаза отводитъ и говоритъ только для одной видимости.

— Я вѣдь и сама то же самое думаю, — заговорила Марѳа Петровна, переходя въ другой тонъ.—И раньше я вамъ говорила,.. Все это Савины да Колобовы придумываютъ.

Къ зимѣ работа замѣтно убавилась и половина старателей была разсчитана начисто, но Михалка и Архипъ попрежнему оставались на пріискѣ. Гордей Евстратычъ и слышать ничего не хотѣлъ о томъ, чтобы дать ребятамъ отдохнуть. „Молоды еще отдыхать-то, — говорилъ онъ на всѣ доводы Татьяны Власьевны: — пусть въ свою долю поработаютъ, а тамъ увидимъ“. Татьяна Власьевна рѣшительно не знала, чѣмъ объяснить себѣ такое упрям-

ство. А Гордей Евстратычъ что-то держалъ на умѣ, потому что совсѣмъ забросилъ пріискъ, куда заглядывалъ какой-нибудь разъ въ недѣлю; онъ теперь рѣдко бывалъ дома, а все водилъ компанію съ разными пріѣзжими господами, которымъ Татьяна Власьевна давно и счетъ потеряла. Какіе-то, Господь ихъ знаетъ, шерамыжники не шерамыжники, а въ томъ же родѣ, хотя Гордей Евстратычъ и говоритъ, что это и есть самая настоящая компанія, и всѣ эти господа все нужный народъ. Для чего они были нужны—Татьяна Власьевна не могла дать ума, потому что этакій-то бросовый народъ какія-такія дѣла могъ дѣлать... А тутъ еще пріѣхала изъ своего Верхотурья модница Алена Евстратьевна и опять пошла все крутить да мутить: такъ братцемъ и поворачиваетъ, какъ хорошимъ болваномъ. Конечно, насчетъ моды Алена Евстратьевна, можно сказать, все произошла и могла поставить брагинскій домъ на настоящую точку, какъ въ другихъ богатыхъ домахъ все дѣлается, но, съ другой стороны, Татьяна Власьевна не могла никакъ простить дочери, что по ея милости разстроилась свадьба Нюши и произошло изгнаніе Зотушки.

— Вотъ теперь и полюбуйся... — корила свою модницу Татьяна Власьевна:—на кого стала наша-то Нюша похожа? Бродитъ по дому, какъ оммороша... Отецъ-то шубку вонъ какую привезъ изъ Нижняго, а она и поглядѣть-то на нее не хочетъ. Тоже вотъ Зотушка... Хорошо это намъ глядѣть на него, какъ онъ изъ милости по чужимъ людямъ проживается? Стыдобушка нашей головушкѣ, а чья это работа? Все твоя, Аленушка...

— Ничего, мамочка. Все дѣло поправимъ. Что за бѣда, что дѣвка задумываться стала! Жениха проситъ, и только. Найдемъ, не безпокойся. Не чета Алешкѣ-то Пазухину... У меня есть ужъ одинъ на примѣтѣ. А что относительно Зотушки, такъ это даже лучше, что онъ догадался уйти отъ васъ. Въ прежней-то темнотѣ будетъ жить, мамынька, а въ богатомъ дому какъ показать этакое чучело?.. Вамъ, обнаковенно, Зотушка сынъ, а другимъ-то онъ дуракъ не дуракъ, а съ роду такъ. Только одинъ срамъ отъ него и выходитъ братцу Гордею Евстратычу.

— Нехорошія ты слова, Аленушка, выговариваешь, чтобы послѣ не покаяться... Всѣ подъ Богомъ ходимъ. Можетъ, Зотушка-то еще лучше насъ проживетъ за свою простоту да за кротость. Вотъ ужо Господь-то смиритъ васъ съ братцемъ-то Гордеемъ за вашу гордость.

— Ахъ, мамаша, ничего вы не понимаете!..—заканчивала обыкновенно модница такіе разговоры.—Нельзя же попрежнему жить безъ всякаго понятія...

Татьяна Власьевна замѣтила, что въ послѣднее время между Гордеемъ Евстратычемъ и Аленой Евстратьевной завелись какія-то особенныя дѣла. Они часто о чемъ-то разговаривали между собой потихоньку и сейчасъ умолкали, когда въ комнату входила Татьяна Власьевна. Это задѣло старуху, потому что чего имъ было скрываться отъ родной матери. Не чужая вѣдь, не мачеха какая-нибудь. Нѣсколько разъ Татьяна Власьевна пробовала-было попытать модницу, но та была догадлива и все увертывалась.

„Охъ, недаромъ наша Алена Евстратьевна вертится, какъ береста на огнѣ“,—думала про себя старуха.

И Гордей Евстратычъ все ходитъ какъ-то самъ не свой, такой вдумчивый да пасмурный. Вообще послѣ Нижегородской онъ сильно измѣнился и все дѣлалъ какъ-то безпокойно и торопливо, точно чего боялся. И лицо у Гордея Евстратыча стало совсѣмъ другое: въ немъ не было прежняго спокойствія, а въ глазахъ свѣтилась какая-то недосказанная тревога. Часто въ разговорѣ онъ даже заговаривался, т.-е. отвѣчалъ невпопадъ или спрашивалъ что нибудь непутевое, совсѣмъ не къ мѣсту. „Ужо надо съ о. Крискентомъ

посовѣтоваться,—рѣшила Татьяна Власьевна:—больно неладно съ отцомъ-то у насъ"... Можетъ, это онъ отъ этихъ новыхъ знакомыхъ, а можетъ, оттого, что водки началъ принимать въ себя даже очень предовольно". Отецъ Крискентъ со своей обычной благожелательностью и благовниманіемъ выслушалъ всѣ сомнѣнія Татьяны Власьевны и глубокомысленно отвѣтилъ:

— Да, да... Помните, я говорилъ вамъ тогда, Татьяна Власьевна: богатство—это испытаніе. Оно испытаніе и выходитъ...

— Ужъ я, право, отецъ Крискентъ, даже не рада этой нашей жилкѣ; все у насъ отъ нея навыворотъ пошло... Со всѣми разссорились, не знаю, за что, въ дому сумлѣніе.

— Я вамъ говорилъ... да, говорилъ,—сочувственно повторялъ отецъ Крискентъ, покачивая своей головой.—Нужно претерпѣвать, Татьяна Власьевна.

Въ вящшее подтвержденіе своихъ словъ, о. Крискентъ съ необыкновенной быстротой разстегнулъ и застегнулъ всѣ пуговицы своего подрясника.

— Легкое мѣсто вымолвить, отецъ Крискентъ, какъ отъ насъ всѣ старые-то знакомые отшатились! Савины, Колобовы, Пятовъ, Пазухины... И чего, кажется, дѣлить? Будто Гордей-то Евстратычъ, дѣйствительно, немножко погордился передъ сватовьями, ну, съ этого и пошло... А теперь сваты-то слышать объ насъ не хотятъ.

— Да, да...—лепеталъ отецъ Крискентъ, разыгрывая мелодію на своихъ пуговицахъ.—А меня-то вы забыли, Татьяна Власьевна? Помните, какъ Нилъ-то Поликарпычъ тогда возсталъ на меня... Вѣдь я ему духовный отецъ, а онъ какъ отвѣситъ мнѣ про деревянныхъ поповъ. А ежели разобрать, такъ изъ-за кого я такое поношеніе долженъ былъ претерпѣть? Да... Я говорю, что богатство—испытаніе. Ваше-то золото и меня достало, а я претерпѣлъ и впередъ всегда готовъ претерпѣть.

— Охъ, вѣрно, отецъ Крискентъ... Вамъ все это зачтется, все зачтется...

— А я о себѣ никогда не забочусь, Татьяна Власьевна, много ли мнѣ нужно? А вотъ когда дѣло коснется о благопопеченіи надъ своими духовными чадами—я тогда неутомимъ, я... Теперь взять хотя ваше дѣло. Я часто думаю о вашей семьѣ и сердечно сокрушаюсь вашими невзгодами. Теперь вотъ васъ безпокоитъ душевное состояніе вашего сына, который подпалъ подъ вліяніе нѣкоторыхъ несоотвѣтствующихъ людей и, между прочимъ, подъ вліяніе Алены Евстратьевны.

— Задумывается онъ все, отецъ Крискентъ... А о чемъ ему думать? Слава Богу, всего, кажется, вдоволь, и только жить да радоваться нужно... Конечно, обнесли напраслиной внучковъ моихъ, про Гордея Евстратыча болтаютъ разное, совсѣмъ неподобное...

— Неподобное?

— Да... Даже разсказывать совѣстно.

— Ахъ, да, слышалъ, слышалъ... Сіе все отрыгнуто завистью и человѣконенавистничествомъ, Татьяна Власьевна.

Руки о. Крискента усиленно забѣгали по пуговицамъ, и его маленькое лицо озарилось торжествующей улыбкой: ему пришла великолѣпная мысль.

— Знаете что, Татьяна Власьевна? — заговорилъ отецъ Крискентъ съ подобающей торжественностью. — Не отчаивайтесь. У меня блеснула благая мысль. Вѣдь Гордея Евстратыча смущаетъ теперь врагъ рода человѣческаго своими тайными внушеніями. Отъ этого и его безпокойство, и страхъ, и тревожное состояніе души. Мы сдѣлаемъ такъ, чтобы онъ отогналъ отъ себя злого духа работой на Бога... Да! Помните, какъ я тогда предполагалъ сдѣлать Гордея Евстратыча старостой? Вотъ мы сіе и докончимъ... Нужно намъ цер-

ковь достраивать, а дѣлателя нѣтъ. Гордей Евстратычъ достаточно выказалъ ревность къ Божію домостроительству и не откажется продолжать начатое. А когда будетъ стараться для Бога, врагъ человѣческій и отступится отъ него. Конечно, многіе возстанутъ на меня, но я готовъ претерпѣть всегда.

— Непремѣнно возстанутъ, отецъ Крискентъ: и Савины, и Пазухины, и Колобовы...

— Я сіе предвижу и не устрашаюсь, поелику этимъ самымъ устроимъ два благихъ дѣла: достроимъ церковь и спасемъ Гордея Евстратыча отъ злого духа... Первымъ дѣломъ я отправлюсь къ Нилу Поликарпычу и объясню ему все. Трехлѣтіе какъ разъ кончается, и по уставу намъ приходится выбирать новаго старосту—вотъ и случай отмѣнный. Конечно, Колобовъ у насъ числится кандидатомъ въ старосты, но онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и, вѣроятно, уступитъ.

Мысль была великолѣпная и совпадала съ планами о. Крискента. Онъ очень подробно развилъ ее передъ Татьяной Власьевной, стараясь показать, что имъ отнюдь не руководятъ какія-нибудь корыстныя побужденія.

— Гордей Евстратычъ собирается себѣ домъ строить,—разсказывала Татьяна Власьевна:—да все еще ждетъ, какъ жилка пойдетъ. Сначала-то онъ старый-то, въ которомъ теперь живемъ, хотѣлъ поправлять, только подумалъ-подумалъ и оставилъ. Не поправить его по-настоящему, отецъ Крискентъ. Да и то сказать, вѣдь сыновья женатые, дѣтки у нихъ, того и гляди тѣсно покажется—вотъ онъ и думаетъ новый домикъ поставить.

— И отлично... Это даже превосходно, Татьяна Власьевна: одной рукой будетъ ревновать для Господа, другой для себя. А что у васъ Нюша?

— Охъ, и не спрашивайте... Высохла дѣвка совсѣмъ: не знаемъ, что съ ней и дѣлать. И тоже Алена Евстратьевна все дѣло испортила...

— Гм... И нельзя поправить?

— Трудно, отецъ Крискентъ. Осердились Пазухины-то на насъ, очень осердились. Конечно, Нюша еще молода, износитъ и не такую бѣду, а все-таки жаль, жаль смотрѣть-то на нее.

Отецъ Крискентъ крѣпко ухватился за свою благую мысль и принялся очень дѣятельно проводить кандидатуру Брагина въ церковные старосты, причемъ не щадилъ себя, только бы прилѣпить Гордея Евстратыча къ домостроительству Божію. Онъ прежде всего переговорилъ съ вліятельными прихожанами и старичками, которые въ единовѣрческихъ церквахъ имѣютъ большую силу надъ всѣми церковными дѣлами. Впрочемъ, эти хлопоты значительно облегчались тѣмъ, что общій голосъ былъ за Гордея Евстратыча, какъ великаго тысячника, которому будетъ въ охотку поработать Господеви, да и самъ по себѣ Гордей Евстратычъ былъ такой обстоятельный человѣкъ, извѣстный всему приходу. Не было забыто ничего: какъ ревностно посѣщаетъ всегда Гордей Евстратычъ храмъ Божій, какъ онъ умилительно поетъ на клиросѣ по двенадесятымъ праздникамъ, какъ истово знаетъ все четье-менье, и о. Крискентъ очень политично намекнулъ кое-кому о тѣхъ пожертвованіяхъ отъ неизвѣстнаго, которыя появляются въ церковныхъ кружкахъ и которыя принадлежатъ не кому другому, конечно, какъ тому же Гордею Евстратычу. Вообще дѣло быстро катилось впередъ, къ своему естественному концу, и о. Крискенту оставалось только переговорить съ Колобовыми, Савиными, Пазухиными и самимъ Ниломъ Поликарпычемъ Пятовымъ. Эта была самая щекотливая часть взятой на себя о. Крискентомъ миссіи, хотя онъ и готовъ былъ претерпѣвать. Даже улегшись на своемъ жесткомъ монашескомъ ложѣ, о. Крискентъ долго подъ одѣяломъ то какъ будто разстегивалъ, то застегивалъ ты-

сячи пуговицъ, которыми было покрыто все его тѣло. Собственно о. Крискентъ побаивался трехъ личностей: у Колобовыхъ—самого Самойлу Михеича, нравнаго и крутого на языкъ старика, у Савиныхъ—самой, т.-е. Матрены Ильиничны, начетчицы и большой исправщицы, а у Пазухиныхъ — злоязычной Марѳы Петровны. Обойти эти дома безъ вниманія не было возможности, потому что народъ все былъ крѣпкій, кондовый, приверженный благочестію, хотя Колобовы потихоньку и прикержачивали.

Помолившись и еще разъ вспомнивъ о великой „раздѣлительной силѣ златаго бисера“, о. Крискентъ отправился прежде всего къ Савинымъ, гдѣ Матрена Ильинична встрѣтила его съ гордой холодностью — она уже наслышалась о его подходцахъ, хотя и удивилась, когда о. Крискентъ послѣ необходимыхъ вступительныхъ благоразмышленій приступилъ къ самой сущности.

— Значитъ, Нила-то Поликарпыча по шеямъ?—обрѣзала Матрена Ильинична медоточиваго оратора.

— Нѣтъ, я не говорю этого, Матрена Ильинична, а только дѣлаю уповательное разсужденіе...

— Ну, а Самойлу Михеича куда дѣнешь? Онъ вѣдь кандидатомъ числится у насъ въ старосты...

— А можетъ-быть, Самойла Михеичъ самъ откажется отъ прохожденія службы въ чинѣ церковнаго старосты?

— А я тебѣ вотъ что̀ скажу, отецъ Крискентъ... Все у насъ было ладно, а ты заводишь смуту и свары... Для брагинскаго-то золота ты всѣхъ насъ разгонишь изъ новой церкви... Да! А помнишь, что̀ апостолъ-то сказалъ: „Вся же благообразна и по чину вамъ да бываютъ“. Значитъ, ежели есть староста и кандидатъ въ старосты, такъ нечего свои-то узоры придумывать. Такъ и знай, отецъ Крискентъ.

Отецъ Крискентъ только склонилъ свою головку, ибо чувствовалъ себя въ этомъ дѣлѣ, т.-е. относительно Самойлы Михеича, правымъ вдвойнѣ: во-первыхъ, онъ былъ только кандидатъ, а затѣмъ — Самойла Михеичъ прикержачивалъ. Конечно, этихъ мыслей о. Крискентъ не высказалъ Матренѣ Ильиничнѣ, а, принявъ на свою главу еще нѣсколько ядовитыхъ словесъ, со смиреніемъ потекъ къ Колобовымъ. Тамъ было не лучше. Самойла Михеичъ сначала прикинулся, что ничего не понимаетъ, а потомъ наговорилъ о. Крискенту кучу мужицкихъ грубостей, въ родѣ того, что нынче попы сидя обѣдни служатъ, а приходъ будетъ лежа Богу молиться. Это стоило „деревянныхъ“ поповъ Нила Поликарпыча. У Пазухина о. Крискента въ свою долю отполировала Марѳа Петровна. Вообще, испытаніе оказалось тяжелѣе, чѣмъ предполагалъ о. Крискентъ; онъ не ожидалъ проявленія такого духа строптивости отъ своего словеснаго стада. Раньше онъ рѣшилъ испить чашу до дна за одинъ пріемъ, т.-е. разомъ побывать у всѣхъ, но теперь онъ почувствовалъ себя слишкомъ разбитымъ, чтобы итти еще къ Нилу Поликарпычу, своему явному недоброжелателю. Удрученный самыми невеселыми мыслями, о. Крискентъ забрелъ въ брагинскій домъ, чтобы подкрѣпить себя душеспасительной бесѣдой съ Татьяной Власьевной и повѣдать ей вынесенныя сегодня поношенія. У Брагиныхъ дома были только однѣ женщины, и Татьяна Власьевна приняла о. Крискента съ надлежащимъ почетомъ, какъ самаго дорогого гостя.

— А я только хотѣла итти къ вамъ, отецъ Крискентъ, — заговорила Татьяна Власьевна, когда они остались съ глазу на глазъ.

— Что̀ такое случилось?

— Ужъ я вотъ все по порядку, отецъ Крискентъ, обскажу... Тогда я пришла отъ васъ и къ слову молвила Гордею Евстратычу про старосту-то.

Думаю, какъ бы онъ чего еще не вздумалъ артачиться, тоже вѣдь какъ на это взглянетъ. Ну, сказала я это ему, а онъ ничего, сталъ разспрашивать, что̀ и ка̀къ, а потомъ самъ и говоритъ: „Мамынька, надо будетъ помириться съ Пятовымъ-то... Напрасно онъ обидѣлъ меня тогда, ну, да Господь съ нимъ“... Я даже сперва-то ушамъ своимъ не повѣрила, а онъ опять: „Мы, говоритъ, мамынька, Алену Евстратьевну зашлемъ сперва къ Нилу-то Поликарпычу, она насчетъ разговору-то у насъ простовата. Пусть тамъ поразвѣдаетъ“.

Это извѣстіе пріятно изумило о. Крискента, у котораго точно гора свалилась съ плечъ отъ словъ Татьяны Власьевны, хотя онъ собственно не могъ сразу проникнуть всего значенія такого неожиданнаго оборота дѣла.

— Это будетъ настоящій христіанскій подвигъ, Татьяна Власьевна, — проговорилъ онъ, собираясь съ мыслями. — Видите, только вы сказали еще одно слово, а духъ раздѣленія уже оставилъ Гордея Евстратыча.

— Вѣрно, вѣрно, отецъ Крискентъ... И вѣдь какъ это преотлично вышло! А я сначала-то даже не повѣрила... Только потомъ, когда раздумалась и вспомнила ваши-то слова о зломъ духѣ...

— Не любитъ онъ, Татьяна Власьевна, благочестивыхъ подвиговъ...

— Да, да... А Гордея-то Евстратыча, можетъ, и то еще смутило, что Зотушка-то теперь у Пятовыхъ живетъ... Пріютили они его, а Гордею-то Евстратычу совѣстно противъ нихъ, вотъ онъ и хочетъ выправиться за одинъ разъ... Да и Алена-то Евстратьевна тутъ же подвернулась...

— Оно ужъ одно къ одному... Богъ дастъ, и совсѣмъ искоренимъ раздѣлительную силу злата. Довольно съ васъ испытаній.

— Охъ, довольно, отецъ Крискентъ! А мнѣ, старухѣ, въ другой разъ такъ, пожалуй, и совсѣмъ не подъ силу приходится... Даже роптала сколько разъ!

Дѣйствительно, модница Алена Евстратьевна на другой же день отправилась въ пятовскій домъ и вернулась оттуда съ самыми утѣшительными вѣстями. Нилъ Поликарпычъ очень радъ помириться и готовится испросить прощенія у обиженнаго имъ напрасно о. Крискента. Татьяна Власьевна даже прослезилась отъ умиленія и не знала, какъ ей благодарить о. Крискента за его благую мысль.

— Только бы съ Пятовыми помириться,—соображала про себя Татьяна Власьевна:—а тамъ помаленьку и съ другими, со всѣми помиримся. Только бы отогнать злого-то духа раздѣлителя отъ милушки!.. Устрой, Господи, все на пользу.

Свиданіе недавнихъ „противителей“ было назначено въ пятовскомъ домѣ, почему хлопотъ Ѳенѣ и Зотушкѣ былъ полонъ ротъ. Нужно было все прибрать, да убрать, да приготовить. Вѣдь сама Татьяна Власьевна пожалуетъ, а у ней глазокъ-смотрокъ, только взглянетъ и всякую неполадку насквозь увидитъ. Господскій домъ былъ старинной постройки, съ низкими потолками, узкими окнами и толстыми кирпичными стѣнами, какихъ нынче уже не строятъ, за исключеніемъ, можетъ-быть, крѣпостей и монастырей. Въ комнатахъ все было устроено тоже по-старинному: пузатая мебель краснаго дерева, кисейныя занавѣски на окнахъ, тюменскіе ковры на полу, органъ „съ ошибочкой въ дудкахъ“, портреты генераловъ и архіереевъ на стѣнахъ, клѣтка съ канарейками и т. д. Ѳеня была большая охотница до цвѣтовъ, и всѣ окна были уставлены цвѣточными горшками, но и цвѣтки были тоже все старинные: герани, кактусы (эти кактусы сильно походили на шишковатыя зеленыя косы, которыя вылѣзали прямо изъ земли), петуніи, жасминъ, олеандры, гортензіи и т. д. Модные цвѣты въ Бѣлоглинскомъ заводѣ были только въ шабалинскомъ домѣ, но Ѳеня не понимала экзотической декоративной зелени, которая

всегда оставалась мертвой и не расцвѣтала ни однимъ алымъ цвѣткомъ. Всѣ эти пальмы, филодендроны, драцены, фикусы, агавы и папирусы наводили на нее тоску.

— Пошевеливайся, Зотушка!—покрикивала Ѳеня на своего помощника.— Надо поспѣть убраться до вечера, а то, пожалуй, скажутъ про насъ съ тобою неладно что-нибудь... Алена Евстратьевна бѣдовая у васъ. Да что̀ ты сегодня точно мертвый?

Зотушка, дѣйствительно, что-то крѣпко призадумался и все вопросительно поглядывалъ на барышню Ѳенюшку. Теперь онъ задумчиво почесалъ у себя въ затылкѣ и проговорилъ:

— Тяжело у меня на сердцѣ, Ѳедосья Ниловна.

— Что̀ такъ?

— Да ужъ такъ: чуетъ оно что-то неладное... Ужъ это завсегда у меня такъ. Чуть что̀ — и засосетъ...

— Перестань врать-то... Чего тебѣ чуять-то? Слава Богу, что такъ все устроилось, будетъ старикамъ-то вздорить. Мнѣ о. Крискента страсть какъ жалко тогда было, когда тятенька его обидѣлъ...

— Хорошо-то оно хорошо, это точно, а все-таки оно не совсѣмъ... Охъ, недаромъ эта модница, наша Аленушка, прилетала! Съ добромъ она не ходитъ, не намъ будь сказано.

— Да что̀ она можетъ сдѣлать?

— Эхъ, барышня, барышня... Чужая душа потемки, барышня, а только неспроста сестричка прилетала. Грѣшный человѣкъ — не люблю ее: вотъ тебя люблю, а ее нѣтъ. Душа не лежитъ къ человѣку, голубушка Ѳенюшка...

Ѳеня серьезно побаивалась гостей, т.-е. собственно Татьяны Власьевны и Алены Евстратьевны, которыя своимъ женскимъ всевидящимъ взглядомъ увидятъ каждую соринку, каждый хозяйственный промахъ. Дѣвушка цѣлыхъ два дня хлопотала по всему дому, чтобы все было, какъ слѣдуетъ, какъ у другихъ. Она перебрала посуду, столовое серебро, скатерти, двадцать разъ сбѣгала внизъ къ кухаркѣ Анисьѣ, чтобы самой за всѣмъ досмотрѣть и все приготовить. Въ порывѣ усердія она даже постригла и перемыла всѣ цвѣты, точно зоркій глазъ бабушки Татьяны могъ замѣтить каждый засохшій листочекъ. Въ назначенный день, когда вечеромъ должны были собраться гости, Ѳеня испытывала лихорадочное волненіе и съ четырехъ часовъ перебѣгала отъ окна къ окну, выглядывая — не покажутся ли знакомыя крашеныя пошевни, въ которыхъ обыкновенно пріѣзжала Нюша. Въ своемъ шерстяномъ платьѣ, цвѣта бордо, плотно охватывавшемъ ея статную фигуру, дѣвушка была очень красива, а тревога и безпокойство придавали ея лицу такое хорошее выраженіе. Нилъ Пиликарповичъ тоже чувствовалъ себя не совсѣмъ спокойно и все старался прикрыть свою лысину остатками волосъ, сохранившимися на вискахъ. Для воодушевленія онъ нѣсколько разъ пробовалъ-было затянуть: „Твоя побѣдительная десница“, но ничего не выходило, и онъ неровно началъ шагать по залѣ, поправляя ногами ковры и пробуя произвести нѣкоторую симметрію въ цвѣточныхъ горшкахъ. Это былъ тихій и молчаливый человѣкъ съ очень развитыми семейными наклонностями; Ѳеню любилъ онъ до безумія, хотя и не умѣлъ проявить своего чувства громкими внѣшними формами, какъ дѣлаютъ другіе отцы. Но Ѳеня сердцемъ чувствовала эту любовь и цѣнила своего молчаливаго, немножко страннаго отца.

Первыми пріѣхали бабушка Татьяна съ Аленой Евстратьевной.

— А гдѣ Нюша? — спрашивала Ѳеня, выскакивая встрѣчать гостей на крыльцо.

— Дома осталась, дома... Что-то головой скудается,—отвѣтила бабушка Татьяна, цѣлуясь съ Ѳеней. — Отецъ-то дома?

— Дома, дома... Здравствуйте, Алена Евстратьевна!..

— Гордей Евстратычъ сейчасъ пріѣдетъ, онъ заѣхалъ только за о. Крискентомъ,—отвѣтила бабушка Татьяна на нѣмой вопросъ Ѳени.

Нилъ Поликарпычъ встрѣтилъ гостей въ передней и съ молчаливой улыбкой провелъ ихъ въ гостиную, куда Анисья уже тащила большущій подносъ съ чашками. Модница Алена Евстратьевна разодѣлась въ шелковое зеленое платье со шлейфомъ и въ кружевную наколку; она была въ зеленыхъ перчаткахъ и золотыхъ серьгахъ съ малиновыми шерлами. Женщины, конечно, зорко оглядѣли комнаты и, похваливъ молодую хозяйку за образцовый порядокъ, усѣлись вокругъ стола. Въ это время подкатили сани съ Гордеемъ Евстратычемъ и о. Крискентомъ; Нилъ Поликарпычъ выбѣжалъ встрѣчать ихъ на крыльцо, а затѣмъ провелъ въ гостиную, гдѣ и состоялась трогательная сцена примиренія. Гордей Евстратычъ и Нилъ Поликарпычъ облобызались и обнялись, а затѣмъ Нилъ Поликарпычъ отвѣсилъ земной поклонъ о. Крискенту и со смиреніемъ проговорилъ:

— Прости и благослови, отче, меня, окаяннаго.

— Богъ тебя проститъ, Нилъ Поликарповичъ, а я давно простилъ, поелику сіе было только раздѣлительное недоразумѣніе отъинуда. Жили мы съ тобой до старости, не ссорились, а теперь и подавно не слѣдуетъ намъ ссориться. Миръ дому сему, и паки мірови миръ...

Чай прошелъ въ самой непринужденной дружеской бесѣдѣ, причемъ всѣ старались только объ одномъ, чтобы какъ можно угодить другъ другу. Отецъ Крискентъ торжествовалъ и умиленно поглядывалъ на Татьяну Власьевну, выглядывавшую въ своемъ шелковомъ темно-синемъ сарафанѣ настоящей боярыней. Гордей Евстратычъ въ новомъ городскомъ платьѣ старался держаться непринужденно и весело шутилъ. Когда подана была закуска, общее настроеніе достигло послѣднихъ границъ умиленія, и Нилъ Поликарпычъ еще разъ облобызался съ Гордеемъ Евстратычемъ.

— Испытаніе, испытаніе... — лепеталъ о. Крискентъ, вознесенный даже до третьяго блаженства.—Нужно все претерпѣвать. Да!

За закуской мужчины долго толковали о своихъ дѣлахъ, т.-е. о постройкѣ новой церкви, о должности церковнаго старосты и т. д. Гордей Евстратычъ говорилъ, что онъ радъ потрудиться для Божьяго дѣла и чувствуетъ себя еще въ силахъ; потомъ началъ разсказывать о домѣ, который затѣвалъ строить. Мѣсто уже было подсмотрѣно, только Гордей Евстратычъ выжидалъ еще одного случая, а какого случая—онъ не досказалъ. Татьяна Власьевна вслушивалась въ этотъ разговоръ, и ей не нравился тотъ тонъ, какимъ говорилъ Гордей Евстратычъ о своемъ новомъ домѣ и о томъ, что онъ еще въ силахъ, точно онъ хвастался передъ Ниломъ Поликарпычемъ; потомъ старухѣ не понравилось, какъ себя держала модница Алена Евстратьевна съ молодой хозяйкой, точно она дѣлала ей какой экзаменъ. Ѳеня краснѣла и смущалась, а Алена Евстратьевна съ какой-то загадочной улыбкой величественно кивала головой и время отъ времени все взглядывала на братца Гордея Евстратыча, который почему-то смущался и начиналъ кусать свою подстриженную бороду.

Въ восемь часовъ былъ поданъ ужинъ, потому что въ Бѣлоглинскомъ заводѣ всѣ ложатся очень рано. Стряпня была своя домашняя, не заморская, но гости находили все отличнымъ и говорили нехитрые комплименты молодой хозяйкѣ, которая такъ мило конфузилась и вспыхивала яркимъ румянцемъ до самой шеи. Гордей Евстратычъ особенно ласково поглядывалъ сегодня на

Ѳеню и нѣсколько разъ принимался расхваливать ее въ глаза, что̀ ужъ было совсѣмъ не въ его характерѣ.

— Я и не зналъ, что твоя Ѳеня такая хозяйка, — говорилъ онъ Нилу Поликарпычу, поглаживая бороду. — Вонъ у меня ихъ трое молодыхъ-то въ дому, а толку, пожалуй, супротивъ одной не будетъ.

Алена Евстратьевна подхватывала похвальныя слова братца и еще сильнѣе заставляла краснѣть смущенную Ѳеню, которая въ другой разъ не полѣзла бы за словомъ въ карманъ и отдѣлала бы модницу на всѣ корки; но общее вниманіе и непривычная роль настоящей хозяйки совсѣмъ спутывали ее. Отецъ Крискентъ хотѣлъ закончить этотъ знаменательный день примиреніемъ Гордея Евстратыча съ Зотушкой, но когда хватились послѣдняго—его и слѣдъ простылъ. Это маленькое обстоятельство одно и опечалило о. Крискента и Татьяну Власьевну.

— Ну, уважила ты насъ всѣхъ, Ѳеня,—говорилъ на прощанье Гордей Евстратычъ: — пожалуй, я этакъ часто поважусь къ вамъ въ гости ѣздить...

— Чтой-то, милушка, пристали вы сегодня къ дѣвкѣ, — останавливала Татьяна Власьевна. — Проходу не даете...

— Да вѣдь я такъ... Мнѣ, старику, можно поболтать пустяки съ молоденькими. Вѣдь я старикъ, Ѳеня? Ужъ дѣдушка давно!

— Какой вы старикъ, — наивно отвѣтила Ѳеня — Вотъ тятенька, дѣйствительно, старикъ, а вы еще...

— Что̀ еще-то?

Ѳеня окончательно смутилась и не знала, что̀ ей отвѣтить.

— Я еще у тебя, Ѳеня, въ долгу,—говорилъ Гордей Евстратычъ, удерживая на прощанье въ своей рукѣ руку Ѳени.—Знаешь, за что? Если ты не знаешь, такъ я знаю... Погоди, живы будемъ, въ долгу у тебя не останемся. Добрая у тебя душа, вотъ за что я тебя и люблю. Заглядывай къ намъ-то чаще, а то моя Нюша совсѣмъ крылышки опустила.

XV.

Примиреніе съ Пятовыми точно внесло какую благодать въ брагинскую семью; всѣ члены ея теперь вздохнули какъ-то свободнѣе. Гордей Евстратычъ „стишалъ“ и началъ походить на прежняго Гордея Евстратыча, за исключеніемъ своего новаго костюма, со которымъ ни за что не хотѣлъ разстаться. Михалка и Архипъ выѣзжали теперь съ пріиска раза три въ недѣлю, и невѣстки вздохнули свободнѣе. Точно къ довершенію общаго благополучія, у Дуни родилась прехорошенькая дѣвочка.

— Мнѣ мальчишекъ больше не надо, — говорилъ счастливый Гордей Евстратычъ.—Дѣвочка невпримѣръ лучше...

Татьяна Власьевна поняла послѣднія слова, какъ утѣшеніе Дунѣ, которой хотѣлось имѣть первенцемъ сына; но Гордей Евстратычъ говорилъ совершенно серьезно и пѣстовалъ маленькую Таню даже больше, чѣмъ своего внука Степушку. Когда Татьяна Власьевна предложила въ кумовья Нила Поликарпыча, Гордей Евстратычъ точно испугался и сказалъ, что у него уже есть кумъ, знакомый золотопромышленникъ, а кумой будетъ сестрица Алена Евстратьевна. Теперь Пятовы часто бывали у Брагиныхъ и Брагины у Пятовыхъ. Вообще все шло, какъ по маслу, и только въ общемъ довольствѣ не принималъ никакого участія одинъ Зотушка, который въ самый моментъ примиренія Гордея Евстратыча съ Ниломъ Поликарпычемъ перебрался совсѣмъ изъ пятовскаго дома подъ крылышко Агнеи Герасимовны, гдѣ и прожилъ все время. Какъ

ни старались залучить Зотушку, чтобы помирить съ братцемъ Гордеемъ Евстратычемъ, — все было напрасно. Ѳеня нарочно ѣздила къ Колобовымъ, чтобы выпытать у Зотушки, почему онъ не хочетъ мириться, но ничего не могла добиться. Зотушка плакалъ отъ радости, когда видѣлъ свою барышню, но на всѣ разспросы говорилъ самыя непонятныя слова: „Такъ ужъ лучше будетъ, моя барышня“... „Погоди, вотъ ужо соберусь“... и т. д.

— Вѣдь это грѣшно наконецъ, Зотушка,—увѣщевала упрямаго Божьяго человѣка Ѳеня. — Бабушка Татьяна много слезъ изъ-за тебя пролила...

— Я самъ, барышня Ѳенюшка, плачу обо всѣхъ, часто плачу... А бабушкѣ Татьянѣ скажи отъ меня, что ея слезы еще впереди, большія слезы.

— Что̀ ты, Зотушка, Господь съ тобой! Какія ты слова говоришь?..

— А ты думаешь, мнѣ легко ихъ говорить? И тебѣ, барышня моя распрекрасная, тоже слезы будутъ... Да.

— Ну, ужъ я-то не запла̀чу, ты это напрасно говоришь...

— Вотъ и заплачешь, вмѣстѣ съ бабушкой Татьяной заплачешь... Покудова сестрица Алена Евстратьевна будетъ гостить — Зотушка не придетъ. Такъ и бабушкѣ Татьянѣ скажи, Ѳеня.

— Ахъ, какой ты несговорный, Зотушка. Ну, сто̀итъ на тетку Алену сердиться? Ты знаешь, какая она, значитъ, и толковать о ней нечего...

— Знаю, все знаю, чего и вы не знаете, Да... А мнѣ тебя жаль, Ѳеня, касаточка, вотъ какъ жаль.

Зотушка дѣйствительно нѣсколько разъ начиналъ плакать и со слезами цѣловалъ бѣлыя ручки барышни Ѳенюшки.

— Вздоръ мелетъ! — сердито отрѣзала Татьяна Власьевна, когда Ѳеня передавала ей свои разговоры съ Зотушкой. — Это его Колобовы да Савины настраиваютъ... Что̀ ему скажутъ, онъ то̀ и мелетъ.

Передъ самымъ Рождествомъ Зотушка жестоко закутилъ, и его оставили въ покоѣ.

Благодаря неутомимымъ хлопотамъ о. Крискента, Гордей Евстратычъ былъ наконецъ выбранъ церковнымъ старостой. Когда Савины и Колобовы узнали объ этомъ, они наотрѣзъ отказались ходить въ единовѣрческую церковь и старались также смутить и Пазухиныхъ. Такія проявленія человѣческой злобы сильно смущали о. Крискента, но онъ утѣшалъ себя мыслью, что поступалъ совершенно справедливо, радѣя не для себя, а для церковнаго благолѣпія.

— Савины и Колобовы не ко мнѣ въ церковь ходятъ, а къ Богу,—говорилъ о. Крискентъ со смиреніемъ.—Всуе мятутся легковѣрніи...

Но Савины и Колобовы думали нѣсколько иначе и даже послали на о. Крискента два доноса — одинъ преосвященному, а другой въ консисторію, находя выборы новаго старосты неправильными. Узнавъ объ этомъ, о. Крискентъ не только не смутился, но выказалъ большую твердость духа и полную готовность претерпѣть въ борьбѣ съ раздѣльными силами, волновавшими теперь его словесное стадо.

А Гордей Евстратычъ уже вступилъ въ отправленіе своихъ старостинскихъ обязанностей, и всѣ прихожане не могли имъ нахвалиться. Первымъ его подвигомъ въ новой обязанности было то, что онъ пожертвовалъ въ новую церковь весь иконостасъ, т.-е. заказалъ его на свой счетъ, а затѣмъ помогалъ вездѣ, гдѣ только показывалась церковная нужда: сшилъ церковнымъ каморникамъ новые кафтаны, купилъ новое паникадило, сдѣлалъ новыя праздничныя ризы и т. д. Эти пожертвованія на худой конецъ стоили тысячъ пять, и всѣ преклонялись предъ благотворительностью новаго тысячника Гордея Евстратыча. Истиннымъ любителямъ церковнаго благолѣпія, какіе встрѣчаются

только въ единовѣрческихъ церквахъ, больше всего нравился самъ Гордей Евстратычъ, когда онъ стоялъ за старостинскимъ прилавкомъ въ своемъ старостинскомъ кафтанѣ. Это былъ такой осанистый, красивый старикъ, точно на заказъ. Все, что̀ онъ дѣлалъ, выходило у него такъ торжественно и благочестиво, что даже о. Крискентъ любовался изъ алтаря новымъ старостой, когда онъ съ степенной важностью ставилъ свѣчи, откладывая широкіе единовѣрческіе кресты. Послѣдняя бабенка, ставившая копеечную желтую свѣчку, и та чувствовала, что ея жертва точно будетъ пріятнѣе Богу, если пройдетъ черезъ руки Гордея Евстратыча... И Нилъ Поликарпычъ, конечно, былъ отличный староста, но у него былъ одинъ, очень непріятный недостатокъ: Нилъ Поликарпычъ, по своей разсѣянности, часто забывалъ, кому заказаны были свѣчи, и ставилъ ихъ наугадъ. Впрочемъ, при особенной ревности единовѣрцевъ ставить свѣчи предъ образа̀ми, трудно было и не перемѣшать, когда, напримѣръ, у старосты на рукахъ за-разъ являлось свѣчъ пятнадцать или двадцать. Но Гордей Евстратычъ въ этомъ случаѣ обладалъ исключительно счастливой памятью и скоро совершенно затмилъ своего предшественника.

— Тебѣ и книги въ руки, Гордей Евстратычъ,—сознавался самъ Пятовъ, когда они вечеркомъ сидѣли въ гостиной о. Крискента за стаканомъ чаю.—Экая у тебя память... А меня часто-таки браковали бабенки, особенно которая позубастѣе. Закажетъ Флору и Лавру, а я мученику Митрофану поставлю.

Вообще Гордей Евстратычъ оказался какъ разъ на своемъ мѣстѣ и отнесся къ своимъ новымъ обязанностямъ съ особенною ревностью, такъ что удивлялъ даже о. Крискента.

Благодаря новому старостѣ праздничная служба на Рождествѣ отличалась особенной торжественностью. Единовѣрческая церковь, низенькая и тѣсная, передѣланная изъ старинной раскольничьей молельни съ полатями и перегородкой посрединѣ, была вычищена до послѣдняго уголка; множество свѣчъ, новыя ризы на священникѣ и дьяконѣ, наконецъ самъ новый староста въ своемъ форменномъ кафтанѣ—все дышало благолѣпіемъ. Вся брагинская семья была въ церкви. Впереди другихъ, у лѣваго клироса стояла въ бѣломъ кисейномъ платьѣ Ѳеня Пятова; она была необыкновенно хороша, какъ распустившаяся роза. Гордей Евстратычъ часто поглядывалъ на нее и, когда ходилъ ставить свѣчи къ мѣстнымъ образамъ, проходилъ мимо нея такъ близко, что задѣвалъ ее локтемъ. Дѣвушка опускала глаза и едва замѣтно улыбалась; Гордей Евстратычъ чувствовалъ эту тихую улыбку, которая мѣшала ему молиться, и даже сердился на Ѳеню и другихъ дѣвокъ, которыя выпятились впередъ. Недаромъ прежде молельня была раздѣлена глухой деревянной перегородкой на двѣ половины, мужскую и женскую: соблазну никакого. Даже Татьяна Власьевна замѣтила, что Гордей Евстратычъ молится какъ будто не совсѣмъ истово, и сдѣлала ему строгій выговоръ.

Святки для Брагиныхъ на этотъ разъ прошли необыкновенно весело, хотя особенныхъ гостей и не было, кромѣ Порфира Порфирыча, Шабалина, Липачка и Плинтусова. Молодежи набралось столько, что устраивали святочныя игры, пѣли пѣсни, гадали и т. д. Порфиръ Порфирычъ оказался самымъ подходящимъ человѣкомъ, чтобы топить олово, ходить по улицамъ и спрашивать у встрѣчныхъ, какъ зовутъ жениха, играть въ жмурки и вообще исполнять безчисленныя причуды развеселившейся молодежи. Ѳеня и Нюша одѣвали Порфира Порфирыча въ сарафанъ бабушки Татьяны и въ ея праздничную сорочку и въ такомъ видѣ возили его по всему Бѣлоглинскому заводу, когда ѣздили наряженными по знакомымъ домамъ. Даже Нюша и та замѣтно

„отошла“ и, кажется, начинала помаленьку забывать своего Алешку. Зотушка устраивалъ костюмы, но самъ не участвовалъ въ общемъ весельѣ, ссылаясь на головныя боли и какое-то „трясеніе“ послѣ недавняго пьянства. Вообще веселье лилось черезъ край, всякъ куролесилъ въ свою долю. Ариша была мастерица заводить пѣсни, Ѳеня—плясать и т. д. Старики больше любовались на молодежь, прохаживались по закускамъ и калякали о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Разъ подгулявшій Гордей Евстратычъ сильно тряхнулъ стариной, т.-е. прошелся съ Ѳеней русскую.

— Только для тебя, Ѳеня, и согрѣшилъ!.. — говорилъ расходившійся старикъ, вытирая вспотѣвшее лицо платкомъ.—По крайности буду знать, въ чемъ попу каяться въ Великомъ постѣ... А у меня еще есть до тебя большое слово, Ѳеня.

— Какое слово?

— А ужъ такое... Давно собираюсь переговорить, да все какъ-то время не выбирается. Не оставляй ты, Ѳеня, моей-то Нюши...

— Что вы, Гордей Евстратычъ! Да развѣ я... мы душа въ душу съ Нюшей живемъ. Сами знаете.

— Всѣ вы, дѣвки, такъ-то душа въ душу живете, а чуть подвернулся женихъ—и поминай, какъ звали. Такъ и твое дѣло, Ѳеня: того гляди выскочишь, а мы и остались съ Нюшей—горюшкой.

— Я замужъ не пойду...

— Ладно, ладно... У всѣхъ у васъ одна вѣра-то!

Гордей Евстратычъ дружелюбно похлопалъ Ѳеню по плечу и подумалъ про себя:—„Экая дѣвка уродилась, подумаешь... а?“

Конечно, отъ бдительности Татьяны Власьевны и о. Крискента не ускользнуло особенное вниманіе, съ какимъ Гордей Евстратычъ относился къ Ѳенѣ. Они по-своему взглянули на дѣло. По мнѣнію Татьяны Власьевны, всѣ обстоятельства такъ складывались, что теперь можно было бы помириться съ Савиными и Колобовыми — недоставало маленькаго толчка, какихъ-нибудь пустяковъ, изъ какихъ складываются большія дѣла въ жизни. Именно съ этой точки зрѣнія она и взглянула на отношенія Гордея Евстратыча къ Ѳенѣ.

— Онъ-то ее даже очень уважаетъ,—говорила бабушка Татьяна о. Крискенту:—вотъ я и думаю, ежели бы Ѳеня замолвила словечко, можетъ, Гордей Евстратычъ и совсѣмъ бы стишалъ...

— Гласъ дѣвственницы имѣетъ великую силу надъ мужскимъ поломъ,—глубокомысленно изрекъ о. Крискентъ.—Сему есть много даже историческихъ примѣровъ...

— А ужъ какъ бы хорошо-то было... Сначала бы насчетъ Савиныхъ да Колобовыхъ, а потомъ и насчетъ Пазухиныхъ. То-есть я на тотъ конецъ говорю, о. Крискентъ, что Нюшу-то мнѣ больно жаль, да и Алексѣя. Сказываютъ, парень-то самъ не свой ходитъ... Можетъ, Гордей-то Евстратычъ и стишаетъ.

Ободренные первымъ успѣхомъ борьбы съ раздѣлительной силой злого духа, когда они помирили Гордея Евстратыча съ Пятовымъ, старики порѣшили теперь воспользоваться „гласомъ дѣвственницы“. Бабушка Татьяна сама переговорила съ Ѳеней, а та съ жаромъ ухватилась за это предложеніе, только просила объ одномъ, что сначала переговоритъ съ Гордеемъ Евстратычемъ о Нюшѣ, а потомъ ужъ о Савиныхъ и Колобовыхъ.

— Ну, какъ знаешь, милушка,—говорила бабушка Татьяна, крестя дѣвушку...

— Такъ лучше будетъ... Гордей-то Евстратычъ самъ мнѣ намекнулъ маленько, да я мимо ушей пропустила тогда.

Ѳеня разсказала, какъ Гордѣй Евстратычъ говорилъ ей, что у него для нея есть „великое слово“ и въ чемъ оно заключается.

Бабушка Татьяна не совсѣмъ поняла объясненія Ѳени.

— Да ты, бабушка, не сумлѣвайся: онъ *это* и хотѣлъ сказать. Я теперь только поняла... Все выйдетъ какъ по-писаному.

— Стара я стала, милушка, загадки-то разгадывать, а сдается мнѣ, какъ будто оно и не совсѣмъ такъ...

— Нѣтъ, ужъ такъ, бабушка Татьяна.

Онѣ вмѣстѣ выбрали и время, когда переговорить Ѳенѣ съ Гордеемъ Евстратычемъ—за день до крещенскаго сочельника, когда у Пятовыхъ будутъ приглашены гости на вечеръ.

Дѣйствительно, къ Пятовымъ съѣхалось много гостей, и въ томъ числѣ былъ и Гордей Евстратычъ. Ѳеня выждала, когда гости подкрѣпятся закуской и Гордей Евстратычъ совсѣмъ развеселится. Онъ уже закидывалъ къ ней двѣ-три свои жесткія шуточки и весело разглаживалъ свою подстриженную бороду.

— А мнѣ съ вами, Гордей Евстратычъ, поговорить надо...—заговорила Ѳеня, улучивъ удобную минутку.

— Вотъ какъ... Что такое случилось?

Ѳеня немного смутилась и, ощипывая платокъ, который держала въ рукахъ, вопросительно подняла свое лицо на Гордея Евстратыча. Это дѣвичье лицо съ ясными чистыми глазами было чудно-хорошо теперь своимъ колеблющимся выраженіемъ: въ немъ точно переливалась какая-то сила. Гордей Евстратычъ улыбнулся, и Ѳенѣ показалось, что онъ нехорошо какъ-то улыбнулся... Но время было дорого, и, послѣ минутнаго колебанія, она проговорила:

— Здѣсь неловко разговаривать, Гордей Евстратычъ. Я васъ проведу въ свою комнату.

До комнаты Ѳени было всего нѣсколько шаговъ—перейти залу и гостиную. Хозяйка указала гостю на стулъ около туалета краснаго дерева, а сама помѣстилась по другую его сторону.

— Ну, въ чемъ дѣло, Ѳеня?—ласково спрашивалъ Гордей Евстратычъ, мелькомъ оглядывая закрытую пологомъ односпальную кровать.

— Помните, Гордей Евстратычъ, какъ вы мнѣ тогда сказали про великое слово о Нюшѣ... Вотъ я хочу поговорить съ вами о немъ. Зачѣмъ вы ее губите, Гордей Евстратычъ? Посмотрите, что изъ нея сталось въ полгода: кукла какая-то, а не живой человѣкъ... Ежели еще такъ полгода пройдетъ, такъ, пожалуй, къ веснѣ и совсѣмъ она ноги протянетъ. Я это не къ тому говорю, чтобы мнѣ самой очень нравился Алексѣй... Я и раньше смѣялась надъ Нюшей, ну, оно вышло вонъ какъ. Если онъ ей нравится, такъ...

— Такъ и отдать ее Алешкѣ?—докончилъ Гордей Евстратычъ и тихо такъ засмѣялся.—Такъ вотъ зачѣмъ ты меня завела въ свою горницу... Гм... Ежели бы это мнѣ кто другой сказалъ, а не ты, такъ я... Ну, да что объ этомъ говорить. Можетъ, еще что на умѣ держишь, такъ ужъ говори разомъ, и я тебѣ разомъ отвѣтъ дамъ.

— А не разсердитесь на меня?

— Глядя по словамъ, какія говорить будешь... И муха не безъ сердца...

Ѳеня посмотрѣла на своего собесѣдника. Лицо у него было такое доброе сегодня, хотя онъ смотрѣлъ на нее какъ-то странно... „Э, семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!“—рѣшила про себя дѣвушка и храбро докончила все, что у ней лежало на душѣ...

— Есть и еще, Гордей Евстратычъ...—заговорила она уже смѣлѣе.— Помните, какъ вы ссорились съ тятенькой? Ну, кому отъ этого легче было,— никому. А помирились—и всѣмъ праздникъ. Вотъ какъ Святки-то отгуляли...

Ѳеня весело засмѣялась и даже тряхнула своей русой головой. Гордей Евстратычъ тоже засмѣялся—и дрогнувшей рукой схватился за край рѣзного туалета, точно смѣхъ Ѳени укололъ его.

— Однимъ словомъ, я на вашемъ мѣстѣ давно бы помирилась съ Савиными и Колобовыми... Ей-Богу... А то Богъ знаетъ что̀ у васъ въ семьѣ дѣлается; невѣсткамъ-то, небось, весело глядѣть, какъ вы волками другъ на дружку глядите, да и бабушкѣ Татьянѣ тоже. Вотъ бы этакъ же и помирились, какъ съ тятенькой... Лихо бы закутили!.. Ужъ если у васъ самихъ языкъ не ворочается, такъ я сама бы все оборудовала: поѣхала бы къ Савинымъ да къ Колобовымъ и сказала, что вы сокрушаетесь очень, а самимъ пріѣхать какъ-то неловко, а потомъ то же самое сказала бы вамъ... Вѣдь только бы и всего?.. Право... А то теперь тѣ даже въ церковь перестали ходить, о. Крискенту дѣлаютъ непріятности... Охъ, ужъ эти мужчины: чистые пѣтухи...

— Какъ ты сказала?

— Чистые пѣтухи, сказала. Тѣсно вамъ, подумаешь, въ Бѣлоглинскомъ-то заводѣ.

Гордей Евстратычъ сначала улыбался, а потомъ, опустивъ голову, крѣпко о чемъ-то задумался. Ѳеня съ замиравшимъ сердцемъ ждала, что̀ онъ ей отвѣтитъ, и со страхомъ смотрѣла на эту красивую, старческой сановитой красотой, голову. Поправивъ спустившіеся на глаза волосы, Гордей Евстратычъ вздохнулъ какъ-то всей своей могучей грудью и, не глядя на Ѳеню, заговорилъ такимъ тихимъ голосомъ, точно онъ самъ боялся теперь своей собесѣдницы. Въ первую минуту Ѳенѣ показалось, что это говоритъ совсѣмъ не Гордей Евстратычъ, а кто другой.

— Хорошее ты мнѣ слово сказала, Ѳеня... отъ сердца сказала. Чувствую я это, даже очень чувствую... И самъ объ этомъ, можетъ, не одну сотню разъ подумалъ. Да... Только вотъ ты-то какъ сказала мнѣ, такъ я и вижу все, какъ на ладонкѣ, что̀ и гдѣ неладно... Эхъ, Ѳеня, Ѳеня!.. Самъ вижу свои-то неполадки, ну, да оно ужъ одно къ одному все пусть... Ты вотъ со стороны-то глядишь на насъ, да и думаешь про себя: дескать, съ жиру старики-то бѣсятся. Такъ. А ты разбери-ка... Оно совсѣмъ другая статья выходитъ. Оно, видишь ли, и раньше въ семьѣ-то у насъ сучки да задоринки выходили, тоже взять хоть этихъ Савиныхъ да Колобовыхъ. Гордо они держали себя противъ насъ, въ томъ родѣ, какъ благодѣтели какіе... Ну, я это переносилъ, никому ни слова. А какъ подвернулась эта самая жилка, оно все и выплыло наверхъ, какъ масло на водѣ. Видишь, куда оно погнуло-то... Да!.. Это тебѣ разъ. Объ Алешкѣ Пазухинѣ вторая статья подошла... Тутъ ужъ, напрямки сказать, золото насъ раздѣлило, хоть Алешка парень и подходящій бы, и семья ихняя тоже. Пожалѣлъ я Нюшу отдать за него, думалъ жениха лучше ей найти... Такъ вѣдь? Не выродокъ вѣдь Нюшка-то моя, не недоносокъ какой, да и одна дочка-то у родимаго батюшки... А изъ этого вонъ оно что̀ выросло-то: дѣвка на глазахъ моихъ чахнетъ.

Послѣ короткой паузы Гордей Евстратычъ провелъ по лбу рукой, точно стирая какую-то постороннюю мысль, которая мѣшала ему вполнѣ ясно высказаться, а потомъ продолжалъ:

— Я тебѣ на-чистоту все скажу, Ѳеня... За то тебѣ скажу, что душа у тебя добрая. Люблю... Да... Такъ вотъ обзатылилъ я Пазухиныхъ, Зотушку

прогналъ отъ себя. Это ужъ моя вина: съ сердца сорвалось у меня. Послѣ-то самъ гляжу я на себя и дивлюсь: зачѣмъ я это родного брата изъ родительскаго дома выгналъ... А тутъ родная дочь на глазахъ зачала сохнуть. Легко мнѣ это, по-твоему? Своя-то кровь всегда скажется... она пройметъ... Развѣ я ослѣпъ? Нѣтъ, голубушка, все видѣлъ я и все на сердцѣ держалъ, да только подѣлать ничего не могъ... Не разъ и не два думалъ я помириться со всѣми, какъ вотъ съ твоимъ тятенькой помирился, такъ поди же ты—руки не подымались! Даже словъ такихъ у меня точно не было на языкѣ, чтобы на мировую пойти... А тутъ еще новые дружки да пріятели, имъ надо тоже большое спасибо сказать. Зачалъ я закруживаться совсѣмъ, и все мнѣ тяжелѣе да тяжелѣе, потому старые-то дружки всѣ отшатились, а новыхъ не нажилъ. Вѣдь новые-то благопріятели къ золоту нашему льнутъ—видимъ и это... Хорошо. Только и началъ я думать, почто, да какъ, да зачѣмъ. Жили бѣднѣе—было лучше въ дому, а съ богатствомъ пошла какая-то разнота да сумятица. Можетъ, слышала, какъ Михалка-то жену свою колотилъ? Вотъ оно куда пошло... вижу—дѣло дрянь, и чѣмъ дальше, тѣмъ оно хуже. Съ богатствомъ-то соблазнъ вездѣ, грѣхъ... Водкой я началъ зашибать въ хорошей компаніи и всякое прочее. Тебѣ, дѣвушкѣ, это не гоже все знать... Такъ, къ слову пришлось... Ну, я и надумалъ наконецъ... т.-е. не самъ даже надумалъ, а въ родѣ какъ осѣнило меня. Ужъ старостой я былъ... Стою я за своимъ прилавкомъ, продаю свѣчи, а самъ въ умѣ держу свои-то неполадки, какъ и что. Даже такъ горько мнѣ стало... А тутъ я сразу все до корня постигъ.

Гордей Евстратычъ тяжело перевелъ духъ и еще разъ обвелъ глазами комнату Ѳени, точно отыскивая въ ея обстановкѣ необходимое подкрѣпленіе. Дѣвушка больше не боялась этого гордаго старика, который такъ просто и душевно разсказывалъ ей все, что лежало у него на душѣ. Ея молодому самолюбію льстило особенно то, что этакій человѣкъ, настоящій большой человѣкъ точно совѣтуется съ ней, какъ съ бабушкой Татьяной.

— Ну, такъ я сразу всю причину и нашелъ,—продолжалъ Гордей Евстратычъ, соображая что-то про себя.—Я ужъ тебѣ все до конца доскажу...

— А я знаю, какая причина.

— Какая?

— Золото...

— Нѣтъ... Тутъ совсѣмъ особенная статья выходитъ: не хватаетъ у насъ въ дому чего-то, отъ этого и всѣ неполадки. Раньше-то я не замѣчалъ, а тутъ и замѣтилъ... Всѣ какъ шальные бродимъ по дому, другъ дружку не понимаемъ да добрыхъ людей смѣшимъ. У меня разъ пружина въ часахъ лопнула: пошуршала-пошуршала и стала, значитъ, конецъ всѣму дѣлу... Такъ и у насъ... Не догадываешься!

— Нѣтъ...

— Ну, такъ я попрямѣе тебѣ скажу: жены Гордею Евстратычу недостаетъ!.. Кабы была у него молодая жена, все шло бы какъ по маслу... Я и невѣсту себѣ присмотрѣлъ, только вотъ съ тобой все хотѣлъ переговорить. Все сумлѣвался, можетъ, думаю, старъ для нея покажусь... А ужъ какъ она мнѣ по сердцу пришлась!.. Эхъ, на рукахъ бы ее носилъ... озолотилъ бы... Въ шелку да въ бархатѣ сталъ бы водить.

Ѳеня инстинктивно поднялась съ мѣста; она совсѣмъ не ожидала такого оборота разговора и почуяла что-то недоброе. Гордей Евстратычъ тоже поднялся. Лицо у него было блѣдное, а глаза такъ и горѣли.

— Ѳеня, выходи за меня замужъ... все будетъ по-твоему...—глухо прошепталъ онъ, дѣлая шагъ къ ней.

— Гордей Евстратычъ... Господь съ вами... опомнитесь.

— Я?.. Нѣтъ, поздно немножко... Ѳеня, все для тебя сдѣлаю... и помирюсь со всѣми, и Нюшу за Алешку отдамъ, только выходи за меня... Люба ты мнѣ, къ самому сердцу пришлась...

— Гордей Евстратычъ... въ умѣ ли вы?..

— Ласточка моя, въ умѣ... Ты всѣхъ насъ спасешь, всѣхъ до единаго, а то весь домъ врозь расползется. Старикъ я... не любъ тебѣ, да вѣдь молодость да красота до время, а сердце навѣкъ.

— Не пригоже мнѣ, Гордей Евстратычъ, такія ваши рѣчи выслушивать...

Вмѣсто отвѣта Брагинъ схватилъ дѣвушку и поднялъ кверху, какъ перышко, а потомъ припалъ къ ней своей большой сѣдѣвшей головой, которая вся горѣла, какъ въ огнѣ.

— Я закричу... пустите...—шептала Ѳеня, освобождаясь изъ давившихъ ее желѣзныхъ объятій.—Я сейчасъ все бабушкѣ Татьянѣ разскажу... все...

Она рванулась къ дверямъ, но Гордей Евстратычъ, ухватившись за ея платье, на колѣняхъ пополз за ней. Лицо у него было даже страшно въ настоящую минуту, столько въ немъ стояло безысходной муки отчаянія и мольбы.

— Ради Бога... Ѳеня... одну минуточку...

Дѣвушка въ нерѣшительности остановилась, хотя у самой глаза были полны слезъ: она еще чувствовала на себѣ прикосновеніе его головы.

— Ѳеня... пожалѣй старика, который ползаетъ передъ тобой на колѣняхъ...—молилъ Гордей Евстратычъ страстнымъ задыхавшимся шопотомъ, хватая себя за горло, точно его что̀ душило.—Погоди... не говори никому ни слова... Не хотѣлъ тебя обижать, Ѳеня... прости старика!

Эта патетическая сцена была прервана шагами въ сосѣдней комнатѣ: Алена Евстратьевна отыскивала хозяйку по всѣмъ комнатамъ. На правахъ женщины она прямо вошла въ комнату Ѳени и застала какъ разъ тотъ моментъ, когда Гордей Евстратычъ поднимался съ полу. Ѳеня закрыла лицо руками и горько заплакала.

— Что̀ съ тобой, Ѳеня?—съ участіемъ спрашивала Алена Евстратьевна, дѣлая видъ, что ничего не замѣтила.

— Ахъ, оставьте меня... всѣ оставьте...—шептала дѣвушка, глухо рыдая.

Между братомъ и сестрой произошла выразительная нѣмая сцена: Гордей Евстратычъ стоялъ съ опущенной головой, а модница улыбалась двусмысленной улыбкой: дескать, что̀ уши-то развѣсилъ, развѣ не видишь, что дѣвка ломается просто для порядку.

— Не надо было больно круто наступать-то на нее для перваго разу... — выговаривала Алена Евстратьевна, когда Ѳеня убѣжала отъ нихъ.—Этакъ все дѣло можно извести!

Гордей Евстратычъ вмѣсто отвѣта только безсильно махнулъ рукой: руки и ноги у него дрожали, а въ головѣ точно работала цѣлая кузница,—такъ стучала въ жилахъ расходившаяся стариковская кровь.

XVI.

„Гласъ дѣвственницы“ привелъ къ такому результату, какого ни о. Крискентъ ни Татьяна Власьевна совсѣмъ ужъ не ожидали. Они только теперь сообразили всю нелѣпость своего предпріятія, а также и то, что все это могли и даже должны были предвидѣть.

— Нѣтъ, я-то какъ затмилась...—съ тоской повторяла про себя Татьяна Власьевна, когда Ѳеня разсказала ей все начисто, ничего не утаивъ.—Гдѣ у

меня глаза-то раньше были? И хоть бы даже разъ подумала про Гордея Евстратыча, чтобы онъ откололъ такую штуку... Вотъ тебѣ и стишалъ!.. Онъ вонъ какіе узоры придумалъ... Ахъ, грѣхи, грѣхи!.. У самого внучки давно, а онъ—жениться...

По лицу „мамыньки“ Гордей Евстратычъ видѣлъ, что ей извѣстно рѣшительно все, и даже потемнѣлъ отъ злости. Такъ онъ ходилъ дня три, а потомъ взялъ да и угналъ съ золотомъ въ городъ. Между нимъ и бабушкой Татьяной не было сказано ни единаго слова, точно ихъ раздѣлила раздавшаяся подъ ногами пропасть. Съ неожиданно налетѣвшаго горя Татьяна Власьевна слегла въ постель и крѣпко разнемоглась; крѣпка была старуха, точно сколоченная, а тутъ не выдержала. Она походила теперь на контуженнаго человѣка, который сгоряча не можетъ хорошенько сообразить настоящую величину разразившейся грозы. Лѣчилась она, конечно, своими домашними средствами и слышать не хотѣла о докторѣ. На сцену появились разныя мази, настои на травахъ, коренья, святая крещенская вода и т. д. Изъ домашнихъ больная позволяла ухаживать за собой только одной Нюшѣ; у невѣстокъ своей работы было довольно, а модницу Алену Евстратьевну старуха даже на глаза не пускала.

— Что это бабушка такъ огорчилась?—соображала про себя Нюша; она была не прочь имѣть такую мачеху, какъ Ѳеня.

Ѳеня была въ брагинскомъ домѣ всего только разъ, когда все разсказала Татьянѣ Власьевнѣ, и больше не показывалась: ей было стыдно и Нюши и невѣстокъ, точно она сама была виновата во всемъ. Зато Алена Евстратьевна не дремала, а повела правильную осаду по всѣмъ правиламъ искусства настоящихъ записныхъ свахъ. Она рѣдкій день пропускала, чтобы не побывать у Пятовыхъ. Пріѣдетъ и разсядется со своими безконечными разговорами. Глядя на нее, Ѳеня часто удивлялась, какіе на свѣтѣ „безстыжіе“ люди бываютъ, а модница точно не замѣчала внушаемаго своей особой отвращенія и разливалась рѣка-рѣкой. Сначала она вела все постороннія рѣчи, ни однимъ словомъ не обмолвившись о случившемся, потомъ принялась вздыхать и жалѣть огорченную дѣвушку, которую такъ напугалъ братецъ.

— Велика бѣда...—говорила модница въ утѣшеніе Ѳенѣ.—Вѣдь ты не связана! Силкомъ тебя никто не выдаетъ... Братецъ тогда навеселѣ были, ну и ты тоже завела его къ себѣ въ спальню съ разговорами, а братецъ хоть и старикъ, а еще за молодого отвѣтитъ. Вонъ въ немъ какъ кровь-то заходила... Молодому-то еще далеко до него!.. Эти мужчины пребѣдовые, имъ только чуточку позволь... Они всегда нашей женской слабостью пользуются. Ну, о чемъ же ты кручинишься-то? Было да сплыло, и весь сказъ,..

— Совѣстно, Алена Евстратьевна... Зачѣмъ онъ тогда схватилъ меня на руки?.. Развѣ я какая-нибудь, чтобы такъ меня обижать...

— Ахъ, какая ты, Ѳеня, непонятная... Братецъ совсѣмъ ума рѣшились, а ты: „зачѣмъ схватилъ“... Можетъ, онъ руки на себя теперь готовъ наложить. Тоже вѣдь не деревянный. А вотъ я тебѣ лучше разскажу про нашего верхотурскаго купца Чуктонова. Это недавно было. Видишь, былъ этотъ Чуктоновъ одинъ сынъ у отца, богатый, молодой, красавецъ. Хорошо. А въ Верхотурьѣ жилъ одинъ чиновникъ Коробкинъ, а у Коробкина была дочь Наталья. Одна всего дочь, какъ зѣница въ глазу. Только къ этой Наташѣ и присватывался одинъ богатый старикъ, т.-е. онъ еще не старикъ, человѣкъ еще въ порѣ, ну, а въ годкахъ. Хорошо. Извѣстно, дѣвичье дѣло, Наташа даже и обидѣлась, какъ это онъ посмѣлъ такія мысли къ ней имѣть, а отецъ-то Коробкинъ даже непріятность сдѣлалъ старику. Такъ это дѣло и разсохлось,

а къ Наташѣ присватался Чуктоновъ, она за него и выскочила. Глупый дѣвичій разумъ: радуется Наташа, что нашла мужа молодого, да красиваго, да развертного. Только радость-то больно недолгая была... Наша бабья красота короче воробьинаго носа: на первомъ же ребенкѣ Чуктоновъ-то и разлюбилъ жену. Ну, обыкновенно, дѣтки не красятъ матери. Сначала-то по любви все было, а потомъ пошло ужъ другое. Мужъ на другихъ молодыхъ сталъ заглядывать, а жена его ревновать. И пошло, и пошло... Мало-за-мало началъ Чуктоновъ жену колотить, да еще любовницу себѣ завелъ. Изъ синяковъ бабенка не выходитъ, а мужъ гуляетъ да ее же тиранитъ. И какъ онъ ее тиранилъ—истинно страсти Господни!.. Возьметъ, раздѣнетъ донага, привяжетъ назади руки къ ногамъ, а самъ нагайкой ее и полосуетъ, пока руку не вымахаетъ... А то заложитъ лошадь, привяжетъ жену къ оглоблѣ, да на парѣ по всему городу и катается. Такъ до самой смерти ее затиранилъ... А другая-то дѣвушка, которая вышла за старика, живетъ себѣ да какъ сыръ въ маслѣ катается.

— Не всѣ же такіе, Алена Евстратьевна, какъ этотъ вашъ Чуктоновъ,— возражала Ѳеня.—Это какой-то звѣрь, а не человѣкъ.

— Я и не говорю, что всѣ такіе, а только къ слову пришлось: всякіе бываютъ и молодые мужья... А мужъ постарше совсѣмъ ужъ другое: онъ ужъ не надышится на жену, на рукахъ ее носитъ. Оно и спокойнѣе, и куда лучше, хоть ты какъ поверни. Вонъ мамынька тоже за стараго мужа выходила, а развѣ хуже другихъ прожила? Прежде совсѣмъ не спрашивали дѣвокъ, за кого замужъ отдаютъ, да жили не хуже нашего-то...

Всѣ эти доводы и увѣщанія были слишкомъ избиты, чтобы убѣдить кого-нибудь, и Алена Евстратьевна переходила въ другой тонъ: она начинала расхваливать братца Гордея Евстратыча, какъ только умѣла, а потомъ разливалась въ жалобахъ на неполадки въ брагинскомъ дому—какъ разссорились снохи изъ-за подарковъ Гордея Евстратыча, какъ балуются ребята на пріискѣ, хотя Татьяна Власьевна и стоитъ за нихъ горой, какъ сохнетъ и таетъ Нюша, какъ всѣ отступились отъ брагинской семьи. Въ общемъ модница повторяла то же, что̀ высказалъ Гордей Евстратычъ, но она умѣла все это расцвѣтить своей спеціально-бабьей логикой и въ этой формѣ сдѣлала доступнымъ неопытному уму Ѳени. Мало-по-малу, противъ собственной воли, дѣвушка стала вникать въ смыслъ этихъ предательскихъ словъ, и ей все дѣло начало казаться совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, а главное, Гордей Евстратычъ являлся совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ она его представляла себѣ раньше. Это былъ еще полный силъ и энергіи старикъ, который желалъ спасти семью отъ грозившаго ей разрушенія и помощницей себѣ выбралъ ее, Ѳеню. Такой бракъ былъ почти богоугоднымъ дѣломъ, потому что отъ него зависѣла участь и счастье столькихъ людей. Ѳеня душой любила всю брагинскую семью; сердце у ней было дѣйствительно доброе, хорошее, жаждавшее привязанности, а теперь ей представлялась такая возможность осчастливить десятки людей. Алена Евстратьевна слишкомъ хорошо поняла Ѳеню и именно съ этой слабой стороны вела свою атаку послѣдовательно и неутомимо, какъ какой-нибудь стратегъ, осаждающій неприступную крѣпость. Какъ Ѳеня ни крѣпилась, но замѣтно поддавалась на „прелестныя рѣчи“ своего неотступнаго искусителя и даже плакала по ночамъ отъ сознанія своего безсилія и неопытности. Ей не съ кѣмъ было посовѣтоваться, кругомъ были все чужіе люди, а бабушки Татьяны она какъ-то начинала бояться. Эта внутренняя работа смущалась особенно тѣмъ фактомъ, что въ средѣ знакомыхъ было нѣсколько такихъ неравныхъ браковъ, и никто не находилъ въ этомъ чего-нибудь нехорошаго:

про спеціально-раскольничій міръ, державшійся старозавѣтныхъ уставовъ, и говорить нечего—тамъ сплошь и рядомъ шестнадцатилѣтнія дѣвушки выходили за шестидесятилѣтнихъ стариковъ.

— Бабушка Татьяна мнѣ прямо тогда сказала, что она меня не благословляетъ...—пускала Ѳеня въ ходъ свой послѣдній, самый сильный аргументъ.—А я противъ ея воли не могу итти, потому что считаю бабушку Татьяну второй матерью. Она худу не научитъ, Алена Евстратьевна. Недаромъ она вонъ какъ разнемоглась съ горя... Нѣтъ, нѣтъ, и не говорите лучше. Я и слышать ничего не хочу!

— Видишь, Ѳеня, о бабушкѣ Татьянѣ своя рѣчь... Бабушкѣ-то Татьянѣ на восьмой десятокъ перевалило, вотъ она и судитъ обо всѣхъ по-своему. Конечно, ей настоящую сноху въ домъ не расчетъ пускать. Она теперь въ дому-то сама большая—сама маленькая, какъ хочетъ, такъ всѣми и поворачиваетъ. Внучатныя-то снохи пикнуть не смѣютъ, а женись Гордей Евстратычъ, тогда другіе бы порядки пошли. Ужъ это вѣрно!.. Старуха просто боится, а ты ее слушаешь. Спроси-ка у снохъ да у Нюши, желаютъ онѣ тебя мачехой своей величать? То-то вотъ и есть!.. Совсѣмъ другой разговоръ выходитъ. То же и про ребятъ скажу, про Михалку да про Архипа... Да чего лучше, спроси ихъ сама.

— Съ чего это вы взяли, Алена Евстратьевна, что я стану спрашивать ихъ о такихъ глупостяхъ?—обижалась Ѳеня.

— Въ томъ-то и дѣло, что не глупости, Ѳеня... Ты теперь только то посуди, что̀ въ брагинскомъ домѣ въ этотъ годъ дѣлалось, а потомъ-то что̀ будетъ? Дальше-то и подумать страшно... Легко тебѣ будетъ смотрѣть, какъ брагинская семья будетъ дѣлиться: старики врозь, сыновья врозь, снохи врозь. Нюшу столкаютъ съ рукъ за перваго прощелыгу. Не они первые, не они послѣдніе. Думаешь, даромъ Гордей-то Евстратычъ за тобой на колѣняхъ ползалъ да слезами обливался? Я вѣдь все видѣла тогда... Не бери на свою душу грѣха!..

— Почему же непремѣнно я, а не другая? Развѣ мало стало невѣстъ Гордею Евстратычу по другимъ заводамъ или въ городу... Онъ теперь богатый, любая съ радостью пойдетъ.

— Вотъ и проговорилась... Любая пойдетъ да еще съ радостью, а Гордей Евстратычъ никого не возьметъ, потому что всѣ эти любыя-то на его золото будутъ льститься. А тебя-то онъ сызмальства знаетъ, знаетъ, что не за золото замужъ будешь выходить... Добрая, говоритъ, Ѳеня-то, какъ ангелъ, ей-Богу...

Въ самый разгаръ этихъ переговоровъ пріѣхалъ изъ города самъ Гордей Евстратычъ и круто повернулъ все дѣло. По совѣту Алены Евстратьевны онъ прежде всего завербовалъ на свою сторону податливаго о. Крискента. Какъ онъ его обошелъ—трудно сказать, но только въ одно прекрасное утро о. Крискентъ заявился въ пятовскій домъ, когда не было самого Нила Поликарпыча, и повелъ душеспасительную рѣчь о значеніи и святости брака вообще, какъ таинства, потомъ о бракѣ, какъ неизбѣжной формѣ нескверная гражданскаго житія, и наконецъ о бракѣ, какъ христіанскомъ подвигѣ, въ которомъ человѣкъ меньше всего долженъ думать о себѣ, а только о своемъ ближнемъ. Противъ этого противника Ѳеня защищалась еще слабѣе, чѣмъ противъ Алены Евстратьевны, потому что о. Крискентъ не такой былъ человѣкъ, чтобы болтать зря. Притомъ та „божественная форма“, въ которую онъ облекалъ свою бесѣду, уснащая ее текстами священнаго писанія и примѣромъ изъ житія святыхъ, совершенно обезоруживали Ѳеню, такъ что она

могла только плакать украдкой. Дѣвушка получила религіозное воспитаніе,— увѣщаніе о. Крискента производило на нее подавляющее впечатлѣніе.

— Необходимо присовокупить еще слѣдующее,—говорилъ о. Крискентъ, разстегивая и застегивая пуговицы своего подрясника.—Кто есть истинный рабъ Христовъ? Неусомнительно тотъ, который несетъ крестъ... Всѣ мы должны нести крестъ. А твой крестъ, дитя мое, заключается въ томъ, чтобы спасти не только цѣлую семью, но еще черезъ сокровища своего будущаго супруга преизбыточно дѣлать добрыя дѣла многимъ другимъ друзьямъ... Можетъ-быть, черезъ тебя возрадуются десятки сирыхъ, вдовицъ и убогихъ. Умягчая сердце своего супруга, ты научишь его благодѣтельному расточенію сокровищъ... Это будетъ христіанскій подвигъ, и онъ тебѣ зачтется тамъ, на небеси, гдѣ—ни старыхъ ни молодыхъ, ни богатыхъ ни убогихъ. Молодость быстротечна, какъ вся наша жизнь, нужно заботиться о будущемъ, прозирать въ загробную жизнь.

— Батюшка, я боюсь...—откровенно признавалась Ѳеня со слезами на глазахъ.

— Хорошихъ дѣлъ не нужно бояться... Ты смотришь на бракъ съ земными мыслями, забывая, что въ этомъ мірѣ мы временные гости, какъ путники въ придорожной гостиницѣ.

— А бабушка Татьяна, о. Крискентъ? Она меня проклянетъ...

— Татьяна Власьевна, конечно, весьма благомысленная и благоугодная женщина, но она все-таки человѣкъ, и каждый человѣкъ въ состояніи заблуждаться, особенно когда дѣло слишкомъ близко затрогиваетъ насъ... Она смотритъ земными очами, какъ человѣкъ, который не думаетъ о завтрашнемъ днѣ. Старушка уже въ преклонномъ возрастѣ, не сегодня-завтра призовется къ суду Божію, тогда что̀ будетъ? Съ своей стороны, я не осуждаю ее нисколько, даже согласенъ съ ней, но нужно прозирать въ самую глубину вещей.

Эти переговоры настолько утомили и разстроили Ѳеню, что она поблѣднѣла и ходила съ опухшими отъ слезъ глазами. Въ ея головѣ всѣ мысли путались, какъ спущенныя съ клубка нитки; безсонныя ночи и слезы привели ее въ такое состояніе, что она готова была согласиться на все, только оставили бы ее въ покоѣ. Даже Зотушки около нея не было; онъ пьянствовалъ опять, справляя „предпразднество“, какъ передъ Рождествомъ справлялъ „предпразднество“. Нилъ Поликарпычъ точно не замѣчалъ ничего и появлялся дома только къ обѣду и ужину; у него всегда было слишкомъ много дѣла и хлопотъ по заводу, чтобы еще замѣчать, что̀ дѣлается дома; притомъ онъ постоянно лѣчился и составлялъ какія-то мази и декокты. Да и вообще отцы, какъ обманутые мужья, послѣдними замѣчаютъ то, что̀ уже видятъ всѣ другіе люди. Около Ѳени не было любящей женской души, которая раздѣлила бы съ ней ея тревоги и огорченія. Если бы была жива мать Ѳени, тогда, конечно, совсѣмъ другое дѣло; но Ѳеня выросла сиротой и никогда такъ не чувствовала своего сиротства, какъ именно теперь, когда рѣшала такой важный шагъ.

Когда, такимъ образомъ, Ѳеня оказалась достаточно подготовленной, Алена Евстратьевна приказала братцу Гордею Евстратычу объясниться съ ней самому. Дѣвушка ждала этого визита и со страхомъ думала о томъ, что̀ она скажетъ Гордею Евстратычу. Онъ пришелъ къ ней блѣдный, но спокойный и важный, какъ всегда. Извинившись за старое, онъ повелъ степенную и обстоятельную рѣчь, хотя къ сказанному уже Аленой Евстратьевной и о. Крискентомъ трудно было прибавить что-нибудь новое.

— Все для тебя сдѣлаю, Ѳеня,—повторялъ онъ нѣсколько разъ съ особенной настойчивостью:—а безъ тебя пропасть мнѣ только... Ужъ я знаю!.. Ты, можетъ, думаешь, что вотъ, молъ, у старика глаза разгорѣлись на твою молодость да на твою красу,—вѣдь думаешь? А развѣ бы я не нашелъ, окромя тебя, ежели бы захотѣлъ?.. Ты вотъ это и разсуди... А безъ тебя мнѣ капутъ, какъ Богъ святъ. Потому какая жисть наша, ежели разобрать: пьянство, безобразіе... Въ томъ родѣ, какъ у Вукола Шабалина. Развѣ это порядокъ? Лучше ужъ разомъ покончить съ собой, чѣмъ этакъ-то наматывать на шею смертные грѣхи...

Ѳеня слушала его съ опущенными глазами, строгая и блѣдная, какъ мученица. Только ея соболиныя брови вздрагивали да высоко поднималась бѣлая лебяжья грудь. Гордей Евстратычъ не видалъ ее краше и теперь впивался глазами въ каждое движеніе, отдававшееся въ немъ рѣжущей болью. Она владѣла всѣми его чувствами, и въ этой крѣпкой желѣзной натурѣ ходенемъ ходила разгоравшаяся страсть.

— Можетъ, ты сумлѣваешься насчетъ тятеньки?—спрашивалъ Гордей Евстратычъ, стараясь по-своему объяснить раздумье Ѳени.—Такъ онъ не пойдетъ супротивъ насъ... Мы съ нимъ старинные друзья-пріятели... Эхъ, Ѳеня, Ѳеня!.. За одно твое словечко, всего за одно, да я бы, кажется, весь Бѣлоглинскій заводъ вверхъ ногами повернулъ... Ей-Богу... Птичьяго молока добуду, только скажи... а?.. А ужъ какъ бы я тебя баловалъ да миловалъ... Э-эхъ!..

— Гордей Евстратычъ, ради Бога, повремените немного... Дайте мнѣ съ мыслями собраться, а то я ровно ничего не понимаю...

— Значитъ, можно надѣяться? Да?.. Скажи-ка, Ѳеня, какъ это ты выразила-то?

— Нѣтъ... я ничего...—испуганно залепетала дѣвушка.—Я сказала только, что дайте мнѣ съ мыслями собраться...

— Ну, ну... Вотъ это самое!.. Ахъ, ты, касаточка... голубушка!.. А я тебѣ и гостинца изъ города на всякій случай захватилъ. Это за старое должокъ...

Брагинъ подалъ закрытую коробку, но Ѳеня обѣими руками отодвинула ее отъ себя, точно этотъ подарокъ могъ обжечь ее.

— Да ты посмотри... а?.. А то сейчасъ за окошко выкину: никому не доставайся!.. Для тебя припасено,—тебѣ и владѣть.

Чтобы вывести дѣвушку изъ затрудненія, Брагинъ самъ раскрылъ коробку: внутри на бархатной подушечкѣ жарко горѣли три изумруда, точно бобы, осыпанные настоящими брильянтами. Это былъ цѣлый приборъ изъ броши и серегъ. Подарокъ однако не произвелъ надлежащаго дѣйствія, а только заставилъ Ѳеню покраснѣть, точно эта коробка была отнята для нея у кого-то другого.

— Дайте подумать, Гордей Евстратычъ...—шептала она, не имѣя силъ сопротивляться.

— Ну, думай, думай... Только по-хорошему думай! Да вотъ этотъ гостинецъ для начала прими,—съ нимъ легче, можетъ, будетъ думать-то.

— Напрасно вы, Гордей Евстратычъ, безпокоились...

— Напрасно?..

Брагинъ порывисто схватилъ коробку съ гостинцемъ и побѣжалъ къ форточкѣ.

— Гордей Евстратычъ... постойте!..—остановила его Ѳеня, когда онъ занесъ уже руку, чтобы выкинуть гостинецъ на улицу.

Татьяна Власьевна все еще была больна. По лицу модницы она замѣчала, что опять что-то затѣвается, но что̀—она не знала хорошенько. Нюша находилась неотлучно при больной и тоже не могла ничего знать; невѣстки отмалчивались, хотя, вѣроятно, и слышали что-нибудь изъ пятаго въ десятое. Ариша знала больше всѣхъ, но молчала про себя; въ душѣ она желала, чтобы Гордей Евстратычъ женился на Ѳенѣ, потому что она какъ-то инстинктивно начинала бояться свекра, особенно когда онъ такъ ласково смотрѣлъ на нее. Она хорошо помнила, какъ онъ обнялъ и поцѣловалъ ее передъ своимъ отъѣздомъ въ ярмарку.

— Что̀ это Ѳеня-то не идетъ провѣдать?—нѣсколько разъ спрашивала Татьяна Власьевна.—Тоже и о. Крискентъ глазъ не кажетъ... Совсѣмъ забыли старуху!

— У Ѳени, бабушка, горло болитъ...—лгала Нюша, чтобы успокоить больную, которая дѣлала видъ, что вѣритъ этому...

— Долго ли простудиться?.. Охъ-хо-хо...

Однажды подъ вечеръ, когда Татьяна Власьевна въ постели пила чай, а Нюша сидѣла около нея на низенькой скамеѣчкѣ, въ комнату вошелъ Гордей Евстратычъ. Взглянувъ на лицо сына, старуха выпустила изъ рукъ блюдечко и облилась горячимъ чаемъ: она почувствовала разомъ, что „милушка“ не съ добромъ къ ней пришелъ. И видъ у него былъ какой-то такой совсѣмъ особенный... Во время болѣзни Гордей Евстратычъ заходилъ провѣдать больную мать раза два, и то на минуту. Нюша догадалась, что она здѣсь лишняя, и вышла.

— Ну, какъ, мамынька, твое здоровье?—спросилъ неровнымъ голосомъ Гордей Евстратычъ, перебирая пальцами бортъ своего сюртука.

— Неможется все, милушка... залежалась я что-то.

— Вставать надо, мамынька...

Пауза. И сыну и матери одинаково тяжело; они стараются не смотрѣть другъ на друга.

— Мамынька, я пришелъ къ тебѣ за благословеньемъ: жениться хочу...—съ искусственной твердостью проговорилъ Гордей Евстратычъ.

Эта фраза точно ужалила больную. Она поднялась съ подушки и быстро сѣла на постели: отъ этого движенія платокъ на головѣ сбился въ сторону и жидкіе сѣдые волосы разсыпались по плечамъ. Татьяна Власьевна была просто страшна въ эту минуту: искаженное морщинистое лицо все тряслось, глаза блуждали, губы перекосились.

— Какъ... ты сказалъ, Гордей?

— Жениться хочу, мамынька...

— Въ добрый часъ... На комъ же это, милушка?

— На Ѳенѣ...

Старуха глухо застонала и упала въ подушки; съ ней сдѣлалось дурно, и глаза закрылись, какъ у мертвой.

— Мамынька...

— Милушка... нельзя... не могу...

— Мамынька, все ужъ дѣло слажено... Мы съ Ниломъ Поликарпычемъ и по рукамъ ударили.

— Не мм... нѣтъ тебѣ моего благословенія... не мм...

— Я пошлю о. Крискента къ тебѣ. Пусть онъ съ тобой поговоритъ...

— Зачѣмъ о. Крискента?

— Такъ... Вѣдь онъ уговаривалъ Ѳеню,—ну, и тебя уговоритъ. Я не таюсь ни отъ кого, мамынька...

— Такъ ты вотъ какъ, милушка... не спросясь матери... Нѣтъ, это не ты придумалъ... нѣтъ... это та... змѣя подколодная устроила... Алена всѣхъ смутила... и о. Крискента она же подвела, змѣя...

— Это ужъ все равно, мамынька... Дѣло сдѣлано. Я насчетъ твоего благословенья пришелъ...

— Не могу...

Гордей Евстратычъ замолчалъ, подавляя душившую его злобу. Онъ боялся наговорить лишняго, надѣясь уломать старуху болѣе мирнымъ путемъ. Начинать свадьбу ссорой съ матерью все-таки было неудобно...

— Какъ знаешь, мамынька...—проговорилъ онъ, едва сдерживаясь.— Только вѣдь мы и такъ обвѣнчаемся, ежели ты будешь препятствовать. Такъ и знай... Я къ тебѣ еще зайду.

— И на глаза лучше не показывайся...

Когда Нюша вошла въ комнату, она даже вскрикнула отъ страха: Татьяна Власьевна лежала, какъ пластъ, и только страшно горѣвшіе глаза говорили о тѣхъ страшныхъ мукахъ, какія она переживала.

— Бабушка!.. Господи, что же это такое?—заплакала дѣвушка, бросаясь къ постели.—Бабушка... милая...

— Нюша... о! змѣя, змѣя, змѣя...

— Бабушка... Христосъ съ тобой!

— Тетка Алена змѣя... Нюша, голубушка... сейчасъ же бѣги къ Пятовымъ... и чтобы непремѣнно Ѳеня была здѣсь... Слышишь?.. Да чтобы сейчасъ же... а если... если... она не захочетъ... я сама къ ней приползу... Слышишь?.. Нюша, ради Христа, скорѣе!.. Охъ, Аленка, змѣя подколодная!.. Нюша, скорѣе... въ чемъ есть, въ томъ и бѣги...

Накинувъ свою заячью шубейку, Нюша пѣшкомъ побѣжала въ пятовскій домъ. Черезъ полчаса она вернулась вмѣстѣ съ Ѳеней, которая шла за ней, пошатываясь, какъ послѣ тяжелой болѣзни.

— Ну, теперь ты оставь насъ однѣхъ,—проговорила Татьяна Власьевна Нюшѣ, когда дѣвушки вошли въ ея комнату.—Ѳеня, голубка моя, садись вотъ сюда... ближе... Плохо слышу... охъ, смерть моя...

Дѣвушка опустилась на низенькую деревянную скамеечку-подножку, на которой обыкновенно сидѣла Нюша, и, закрывъ лицо руками, тихо плакала

— Разсказывай все... все, какъ было...—глухо шептала Татьяна Власьевна, дѣлая усиліе подняться на своей подушкѣ и опять падая на нее.— Нѣтъ... не надо... я знаю все... змѣя Аленка... она, она, она... Охъ, Господи Ісусе Христе! Ѳеня, голубка, лучше я... сама тебѣ все разскажу... все... какъ на духу...

Не утаивая ничего, съ рыданіями, бабушка Татьяна разсказала Ѳенѣ про свой страшный грѣхъ съ дѣдушкой Поликарпомъ Семенычемъ, а также и про Зотушку, который приходится Ѳенѣ роднымъ дядей.

— Мой грѣхъ, мой отвѣтъ...—хрипѣла Татьяна Власьевна, страшная въ своемъ отчаяніи.—Всю жисть его не могу замолить... нѣтъ спокою моей душенькѣ нигдѣ... Ужъ лучше мнѣ одной въ аду мучиться, а ты-то не губи себя... Ѳеня, голубка, прости меня многогрѣшную... Нѣтъ, предъ образомъ мнѣ поклянись... предъ образомъ... затепли свѣчку... а то собьютъ тебя... Аленка собьетъ съ пути... она и о. Крискента сбила и всѣхъ...

Черезъ минуту передъ старинным образомъ Нерукотворнаго Спаса теплилась свѣча, и Ѳеня тряслась всѣмъ тѣломъ и повторяла за бабушкой Татьяной слова клятвы, что никогда, даже послѣ смерти рабы Божіей Татьяны, она, дѣвица Ѳедосья, не выйдетъ за раба Божія Гордея.

XVII.

Отказъ Ѳени привелъ Гордея Евстратыча въ настоящее бѣшенство. Хотя дѣвушка ничего не высказала, что̀ могло бы бросить тѣнь на Татьяну Власьевну, но Гордей Евстратычъ былъ убѣжденъ, что это именно мать разстроила̀ это дѣло. Онъ нѣсколько разъ наступалъ на Татьяну Власьевну съ угрозами и проклятьями, но старуха покорно отмалчивалась; убитый Гордей Евстратычъ иногда принимался умолять ее на колѣняхъ, со слезами на глазахъ, но старуха оставалась попрежнему непреклонна. Разъ, вернувшись пьяный отъ Шабалина, онъ бросился на мать съ кулаками, и только Нюша спасла бабушку отъ дикаго насилія. Произошла страшная сцена, заставившая оцѣпенѣть весь домъ. Татьяна Власьевна собственно не должна была бы вынести всѣхъ этихъ испытаній, которыя валились на ея сѣдую голову одно за другимъ, но она, наперекоръ всему, быстро начала поправляться, точно въ это семидесятилѣтнее дряхлое тѣло была вдохнута новая жизнь и сила, которая живила и укрѣпляла его; наоборотъ, Ѳеня слегла въ постель и разнемоглась съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Когда бабушка наконецъ встала съ постели—это былъ совсѣмъ другой человѣкъ, въ которомъ нельзя было узнать прежней Татьяны Власьевны. Гордей Евстратычъ успѣлъ въ это время немного опомниться и пришелъ къ матери съ повинной.

— Прости, мамынька...—умолялъ онъ, валяясь у старухи въ ногахъ.

— Богъ тебя проститъ, а я еще подумаю,—отвѣчала Татьяна Власьевна.—Ты меня хотѣлъ убить, Гордей Евстратычъ, да Господь не допустилъ тебя. Знаю, кто тебя наущалъ... все знаю. И вотъ мой сказъ тебѣ: чтобы Алены Евстратьевны и духу не было, и чтобы напредки она носу сюда не смѣла показывать...

— Мамынька, какъ же я буду выгонять сестрицу?..

— Умѣлъ принимать, умѣй и выгнать... Не велико кушанье!.. А ежели не выгонишь, сію же минуту уйду изъ дому и прокляну васъ обоихъ... По міру пойду на старости лѣтъ!

Вся высохшая, съ побѣлѣвшимъ восковымъ лицомъ и страшно горѣвшими глазами, Татьяна Власьевна походила на одну изъ тѣхъ подвижницъ, какихъ рисуютъ на старинныхъ образа̀хъ. Прежней мягкости и податливости въ ней не было больше и слѣда; она смотрѣла гордой и неприступной. И раньше рѣдко улыбавшіяся губы теперь сложились сурово, какъ у схимницы; это высохшее и изможденное лицо потеряло способность улыбаться. Даже Нюша, и та боялась грозной старухи.

— Я всѣхъ васъ распустила... вездѣ непорядки...—говорила Татьяна Власьевна сыну.—А теперь будетъ не такъ, Гордей Евстратычъ...

— Мамынька, да вѣдь я хозяинъ дому,—возражалъ иногда Гордей Евстратычъ.

— Какой ты хозяинъ!.. Брата выгналъ и меня хотѣлъ пустить по міру... Нѣтъ, Гордей Евстратычъ, хозяйка здѣсь я. Ты налаживай свой домъ, да въ немъ и хозяйничай, а этотъ домъ батюшкинъ... И о. Крискенту закажи, чтобы онъ тоже не ходилъ къ намъ. Вы съ нимъ меня живую бы закопали въ землю... Дескать, пущай только старуха умретъ, тогда мы все по-своему повернемъ.

Обиженная и огорченная Алена Евстратьевна принуждена была на скорую руку сложить свои модные наряды въ чемоданы и отправиться въ Верхотурье, обозвавъ братца на прощанье дуракомъ. Старуха не хотѣла даже про-

ститься съ ней. О. Крискентъ проникновенно понялъ то, что̀ Гордей Евстратычъ боялся высказать ему прямо, и, съ своей обычной прозорливостью, самъ не заглядывалъ больше въ брагинскій домъ.

Зотушка опять вернулся къ Пятовымъ: какъ только Ѳеня слегла, такъ онъ и заявился, блѣдный, худой, съ трясущимися руками, но съ такимъ же кроткимъ и любящимъ сердцемъ и почти женской мягкостью въ характерѣ. Теперь Ѳеня была рада ему вдвойнѣ: это былъ не чужой человѣкъ, хотя Зотушка и самъ этого не подозрѣвалъ. Болѣзнь дѣвушки, сначала неопредѣленнаго характера, вдругъ рѣзко перешла въ нервную горячку: молодая натура не выдержала всѣхъ испытаній и теперь жестоко боролась съ тяжелымъ недугомъ. Зотушка ходилъ за больной, какъ сидѣлка, и больная инстинктивно искала его руки, когда нужно было перемѣнить мѣсто на подушкѣ или приподнять голову; никто не умѣлъ такъ угодить ей, какъ Зотушка. Она изъ его рукъ принимала и лѣкарство, которое прописывалъ привезенный изъ города докторъ.

„Замучили дѣвку, замучили...“—думалъ Зотушка, когда сидѣлъ длинную зимнюю ночь въ комнатѣ Ѳени, гдѣ теперь все было пропитано запахомъ лѣкарствъ.

Больная не могла лежать спокойно и часто металась, придавленная нестерпимымъ гнетомъ. Въ горячечномъ бреду она все умаливала кого-то погодить, потомъ начинала громко молиться и повторяла обрывки произнесенной клятвы. Эта пестрая путаница недавнихъ впечатлѣній проходила чрезъ ея воспаленный мозгъ съ мучительной болью, заставляя съ новой силой пережить тысячи разъ всѣ вынесенныя испытанія. Мысль работала съ лихорадочной торопливостью; призраки и фантастическія представленія нарастали, переплетались и заканчивались страшными галлюцинаціями. Главнымъ образомъ дѣвушка страдала отъ неотступнаго преслѣдованія трехъ людей, являвшихся ей въ тысячѣ всевозможныхъ превращеній—это были Гордей Евстратычъ, бабушка Татьяна и дѣдушка Поликарпъ Семенычъ. Они не отходили отъ Ѳениной кровати и мучили ее своимъ постояннымъ присутствіемъ, какъ тяжелый кошмаръ. Старая, страшная бабушка Татьяна особенно пугала больную. Ѳеня даже вскрикивала каждый разъ, когда грозный призракъ наклонялся къ ней и холодными костлявыми руками чего-то искалъ въ ея мозгу... „Бабушка, оставь меня!“—кричала больная, открывая глаза; но передъ ней, вмѣсто бабушки, стоялъ уже Гордей Евстратычъ—весь золотой—съ золотымъ лицомъ, съ золотыми руками, съ сверкавшими золотыми глазами. Онъ даже дышалъ какой-то золотой пылью, которая наполняла всю комнату и отъ которой Ѳеня начала задыхаться. Это золото жгло ее, давило, а Гордей Евстратычъ ползалъ около кровати и плакалъ золотыми слезами. Больная видѣла себя уже женой этого золотого Гордея Евстратыча и сама постепенно превращалась тоже въ золотую; и руки и ноги у ней были настоящія золотыя и такія тяжелыя, что она не могла ими пошевелить. Налитыя золотомъ вѣки не поднимались; даже мысли въ головѣ были золотыя и шевелились въ мозгу золотыми цѣпочками, кольцами, браслетами и серьгами, все это звенѣло и переливалось, какъ живая чешуя. Опять крикъ, опять новыя грезы; но теперь бабушка Татьяна и Гордей Евстратычъ смѣнялись худенькимъ дѣдушкой Поликарпомъ Семенычемъ, который все искалъ Зотушку; а Ѳеня прятала его то у себя подъ подушкой, то въ коробкѣ съ гостинцемъ Гордея Евстратыча.

Иногда къ этимъ, вполнѣ опредѣленнымъ впечатлѣніямъ прибавлялось что-то новое, неясное и смутное, расплывавшееся какъ туманъ; но Ѳеня чувствовала присутствіе этого неопредѣленнаго. потому что оно заставляло ее

дрожать въ лихорадкѣ. Испытываемое ею ощущеніе можно сравнить съ тѣмъ, какое переживаетъ человѣкъ ночью въ глухомъ лѣсу, когда знаетъ, что опасность въ двухъ шагахъ, но не можетъ ее разглядѣть. Сухія губы бабушки Татьяны въ этихъ случаяхъ шептали: „Ѳеня, голубушка! змѣя, змѣя, вонъ она!“ И бабушка Татьяна дрожала и протягивала руки впередъ, точно хотѣла защищаться отъ настоящей живой змѣи, которая вотъ-вотъ живой петлей захлеснетъ ее. Это была Алена Евстратьевна, которую больная не видала, но слышала ея походку и вкрадчивый голосъ.

— Зотушка... мнѣ страшно...—шептала Ѳеня, хватаясь за руку Зотушки.— Говори что-нибудь... спой. Ты никого не видишь?

— Нѣтъ, касаточка, никого не вижу... Христосъ съ нами, ласточка...

— Ты не оставляй меня одну... Золото... вездѣ золото....

Ѳеня страшно прислушивалась къ звукамъ Зотушкина голоса, стараясь на нихъ сосредоточить все свое вниманіе и тѣмъ вырвать себя изъ фантастической области, гдѣ блуждала ея больная мысль. Она точно хваталась за стихъ Зотушки, чтобы не унестить опять въ безбрежное море своихъ галлюцинацій. Но дѣйствительность переплеталась съ грезами, и ее уносила темная волна впередъ, въ темную бездну, гдѣ ее снова окружали ея мучители. Прислушиваясь къ бреду больной, Зотушка многаго не понималъ, особенно когда Ѳеня начинала заговариваться о бабушкѣ Татьянѣ и Поликарпѣ Семенычѣ. Какую связь имѣлъ этотъ Поликарпъ Семенычъ со всѣмъ случившимся— для Зотушки оставалось загадкой. Только разъ, когда Ѳеня особенно сильно металась и бредила, все дѣло разъяснилось: больная выболтала все, что̀ сама знала о страшномъ грѣхѣ бабушки Татьяны и о самомъ Зотушкѣ, называя его своимъ дядей. Отъ этихъ рѣчей Зотушку прошибъ холодный потъ, и предъ его глазами запрыгала цѣлая дюжина проворныхъ бѣсенятъ, безобразно задиравшихъ мышиные хвосты. Когда больная очнулась отъ своего забытья, она по лицу Зотушки угадала, что онъ знаетъ тайну бабушки Татьяны; она закрыла глаза отъ охватившаго ее ужаса.

— Что̀ съ тобой, касаточка?—спрашивалъ Зотушка.

— Что̀?.. Ты слышалъ?

— Слышалъ...

— Ну... такъ это правда... Все равно, я умру, Зотушка... по крайней мѣрѣ не на чужихъ рукахъ...

— Христосъ съ нами, ласточка... Зачѣмъ помирать, еще поживемъ въ свою долю.

— Нѣтъ, нѣтъ... я знаю... Зотушка, я не виновата.

Зотушка наклонился къ рукѣ Ѳени, и на эту горячую руку посыпались изъ его глазъ крупныя слезы... Вотъ почему онъ такъ любилъ эту барышню Ѳеню и она тоже любила его!.. Вотъ почему онъ сердцемъ слышалъ сгущавшуюся надъ его головой грозу, когда говорилъ, что ей вмѣстѣ съ бабушкой Татьяной будутъ большія слезы... А Ѳеню точно облегчило невольно сдѣланное признаніе. Она дольше обыкновеннаго осталась въ сознаніи и ласкала своего дядю, какъ ушибившагося ребенка.

— А гдѣ Нюша? Что̀ она не придетъ ко мнѣ? — спрашивала больная.

— Она заходила не одинъ разъ, да ты-то все не узнавала ее...

— И бабушка Татьяна была?

— И бабушка была...

— Зотушка, держи меня... крѣпче держи...

Наступившій бредъ былъ сильнѣе прежняго; и Зотушка одно время совсѣмъ всполошился, думая, что барышня Ѳеня отходитъ. Онъ побѣжалъ къ

Нилу Поликарпычу и приволокъ его за руку въ комнату Ѳени. Старикъ Пятовъ иногда смѣнялъ Зотушку, когда тотъ уходилъ въ кухню „додернуть“ часикъ на горячей печкѣ, а большею частью ходилъ изъ угла въ уголъ въ сосѣдней комнатѣ; онъ какъ-то совсѣмъ потерялся и плохо понималъ, что происходило кругомъ. Страшная мысль лишиться Ѳени нагоняла на него столбнякъ, и онъ только ощупывалъ свою плѣшивую голову, напрасно стараясь что-то припомнить. Иногда онъ принимался со слезами упрашивать доктора-старичка спасти его Ѳеню и предлагалъ свою домашнюю аптеку. Докторъ разсѣянно выслушивалъ этотъ бредъ наяву, записывалъ что-то въ своей карманной книжкѣ и повторялъ: „Хорошо, хорошо. Скоро наступитъ кризисъ, тогда все выяснится...“ Больная рѣдко узнавала отца и старалась скрыть отъ него свои страданія. Онъ такъ всегда любилъ ее, и она жалѣла его. Кто замѣнитъ ее больному старику? Кто будетъ предупреждать, какъ это дѣлала она, его скромныя желанія и угождать его привычкамъ? Не одинъ разъ глаза Ѳени наполнялись слезами, когда она смотрѣла на отца: ей было жаль его больше, чѣмъ себя, потому что она слишкомъ изстрадалась, чтобы чувствовать во всемъ объемѣ опасность, въ какой находилась.

Гордей Евстратычъ, пока разыгрывалась въ пятовскомъ домѣ эта тяжелая драма, послѣ перваго порыва отчаянія бросился въ разгулъ и не выходилъ изъ шабалинскаго дома, гдѣ стоялъ день и ночь пиръ горой. Вуколъ Логинычъ посылалъ въ городъ нарочно двѣ кошевыхъ, чтобы привести подходящихъ гостей изъ „подходящей компаніи“. Варвара Тихоновна угощала всѣхъ на славу, такъ что Липачекъ и Плинтусовъ не разъ просыпались, къ своему удивленію, въ ея парадной спальнѣ. Это безобразіе нравилось Гордею Евстратычу, который хотѣлъ въ винѣ утопить свое горе, и пьяный принимался нѣсколько разъ плакать.

— Ну, горе не велико...—утѣшала Варвара Тихоновна.—Нашелъ о чемъ сокрушаться! Не стало этого добра... Все равно, женился бы на Ѳенѣ, стала бы тебя она обманывать.

— Врешь!..—кричалъ Гордей Евстратычъ.

— А ты не очень кричи... Не у себя дома.

— Эхъ, Варвара Тихоновна, Варвара Тихоновна... развѣ ты можешь что-нибудь понимать?.. Ну какое у тебя понятіе? Ежели у меня сердце кровью обливается... обидѣли меня, а взять не съ кого...

Порфиръ Порфирычъ, конечно, былъ тутъ же и предлагалъ свои услуги Брагину: взять да увезти Ѳеню и обвѣнчаться убѣгомъ. Этому мудреному человѣку никакъ не могли растолковать, что Ѳеня лежитъ больная, и онъ только хлопалъ глазами, какъ зачумленное животное. Иногда Гордея Евстратыча начинало мучить самое злое настроеніе, особенно когда онъ вспоминалъ, что о его неудачномъ сватовствѣ теперь галдитъ весь Бѣлоглинскій заводъ и навѣрно радуются эти Савины и Колобовы, которые не хотятъ его признать законнымъ церковнымъ старостой.

Чтобы провѣтрить пьяную компанію, раза два ѣздили въ кошевыхъ на Смородинку, гдѣ устраивалось сугубое пьянство. Работы на пріискѣ теперь было мало, и Михалка съ Архипомъ пропадали со скуки; ребята отъ-нечего-дѣлать развлекались по-своему, причемъ въ Полдневской была устроена спеціальная квартира, которой завѣдывала Лапуха. Пестерь и Кайло сначала косились на такіе порядки, но потомъ махнули рукой, потому что примиряющимъ элементомъ являлась водка. Съ другой стороны, эти блюстители патріархальныхъ нравовъ жестоко поплатились за свою строгость: Окся навсегда сбѣжала не только изъ Полдневской, но и со Смородинки.

Однажды, когда пьяная компанія только-что вернулась со Смородинки, Шабалина лакей вызвалъ въ переднюю. Тамъ смиренно стоялъ Зотушка.

— А, святая душа на костыляхъ!.. — обрадовался Шабалинъ. — Въ самую линію попалъ... Иди въ комнаты-то,—чего тутъ торчишь? Я тебя такой наливкой угощу...

— Я не принимаю теперь этого составу, Вуколъ Логинычъ... Мнѣ бы братца, Гордея Евстратыча, повидать.

— Ну, и пойди туда. Чего корячишься?—говорилъ Шабалинъ, подхватывая Зотушку подъ руку.—Вотъ я тебѣ покажу, какъ не принимаешь... Такой составъ у меня есть, что рога въ землю съ двухъ рюмокъ.

— Ну, ужъ ослобоните, Вуколъ Логинычъ. Дѣльце есть до братца. Ужъ, пожалуйста, ослобоните.

— Ну, чортъ съ тобой!..

Когда Гордей Евстратычъ, пошатываясь, вышелъ въ переднюю, Зотушка смиренно поклонился братцу и дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ:

— Вамъ, братецъ, Ѳедосья Ниловна приказали долго жить...

— Что? Какъ? Умерла?

— Точно такъ... Онѣ просили меня сказать вамъ, что заочно васъ прощаютъ, и съ вами, братецъ, тоже прощались.

Гордей Евстратычъ зашатался на мѣстѣ, оглянулся кругомъ и, какъ былъ, безъ шапки, выбѣжалъ изъ шабалинскаго вертепа. Зотушка смиренно поплелся за нимъ, торопливо откладывая широкіе кресты.

Смерть Ѳени произвела потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ, потому что эта безвременно погибшая молодая жизнь точно являлась какой-то жертвой искупленія за тѣ недоразумѣнія, какія были созданы брагинской жилкой. Всѣ на мгновеніе позабыли о своихъ личныхъ счетахъ около гроба мертвой красавицы, за которымъ шелъ обезумѣвшій отъ горя старикъ-отецъ. На похоронахъ Ѳени встрѣтились всѣ враждебныя партіи, т.-е. Савины, Колобовы, Пазухины и Брагины. Гордей Евстратычъ плакалъ вмѣстѣ съ женщинами и не стыдился своихъ слезъ. Зотушкѣ пришлось даже утѣшать братца, а также и плакавшаго отца Крискента. Только двое въ этой толпѣ оставались безучастными и неподвижными, точно они застыли на какой-то одной мысли—это были Нилъ Поликарпычъ и Татьяна Власьевна. Нилъ Поликарпычъ не могъ плакать, потому что горе было слишкомъ велико; а Татьяна Власьевна думала о томъ, что эта смерть—наказаніе за ея страшный грѣхъ. На свѣжей могилѣ о. Крискентъ сказалъ прочувствованное слово, пользуясь случаемъ, чтобы напомнить своей паствѣ о ничтожности и тлѣнности всего земного, о нашей неправдѣ и особенно о тлетворномъ значеніи раздѣлительной силы. Добрый старикъ хотѣлъ на могилѣ Ѳени примирить враждовавшихъ овецъ. Овцы слушали его, въ душѣ во всемъ соглашались, многіе даже плакали, и всѣ разошлись по своимъ домамъ, чтобы съ новыми силами продолжать старые счеты и дѣйствовать въ духѣ крайняго раздѣленія.

— Это Брагины убили Ѳеню,—говорили у Савиныхъ и Колобовыхъ.—Ужъ эта Татьяна Власьевна!.. Да и Гордей-то Евстратычъ тоже хорошъ! Правду говорятъ: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.

Послѣдними остались на Ѳениной могилкѣ Нилъ Поликарпычъ, бабушка Татьяна и Зотушка. Они долго молились и точно боялись уйти съ кладбища, оставивъ здѣсь Ѳеню одну.

— Нилъ Поликарпычъ, пойдемте домой...—говорилъ Зотушка, осторожно стараясь оттащить старика отъ могилы.—Еще простудитесь...

— Ахъ, я дуракъ... дуракъ!..—дико вскричалъ Нилъ Поликарпычъ,

ударивъ себя по лбу кулакомъ.—Вѣдь нужно было только напоить Ѳеню дорогою травой, жива бы осталась...

Этой мыслью разрѣшились наконецъ благодатныя слезы. Старикъ заплакалъ въ первый разъ послѣ смерти своей дочери, опустившись на снѣгъ колѣнями. Онъ былъ безъ шапки, и остатки мягкихъ волосъ развѣвались на его головѣ отъ рѣзкаго зимняго вѣтра; но онъ не слыхалъ и не чувствовалъ ничего. Побѣлѣвшія губы шептали какую-то безсвязную чепуху о дорогой травѣ и другихъ не менѣе вѣрныхъ средствахъ. Каждый изъ троихъ думалъ, что ему слѣдовало умереть, а не Ѳенѣ. Но смерть имѣетъ свою логику и скашиваетъ самые цвѣтущіе колосья на человѣческой нивѣ, оставляя для чего-то массу нетронутаго человѣческаго сора.

— Куда теперь?—спрашивалъ Нилъ Поликарпычъ, дико озираясь по сторонамъ.—Домой... зачѣмъ?

Дѣвушка передъ смертью взяла слово съ Зотушки, что онъ не оставитъ отца и замѣнитъ ему хоть отчасти ее; Зотушка поклялся и теперь окончательно переселился въ пятовскій домъ, чтобы ухаживать за Ниломъ Поликарпычемъ, который иногда крѣпко начиналъ задумываться и даже совсѣмъ заговаривался, какъ сумасшедшій.

XVIII.

Весной работы на Смородинкѣ оживились съ новой силой: ставили вторую паровую машину. Били двѣ новыхъ шахты, потому что въ старой золото уже „пообилось“ и только шло богатыми гнѣздами тамъ, гдѣ отдѣльныя жилы золотоноснаго кварца выклинивались, т.-е. сходились въ одну. Зимній заработокъ былъ меньше прошлогодняго, потому что работы вообще велись черезъ пень колоду, благо самому хозяину было не до жилки. Но и весной, хотя Гордей Евстратычъ часто бывалъ на Смородинкѣ, можно было уже замѣтить, что у него точно не лежало сердце къ пріиску, и его постоянно тянуло въ Бѣлоглинскій заводъ. Онъ часто жаловался, что совсѣмъ уронилъ батюшкину торговлю панскихъ товаровъ, и предполагалъ поднять ее на широкихъ основаніяхъ, для чего думалъ поставить двѣ большихъ каменныхъ лавки на городской манеръ. Эта затѣя была продолженіемъ непремѣннаго желанія построить себѣ домъ въ родѣ шабалинскаго. Дѣло пока стояло за мѣстомъ. Гордей Евстратычъ все еще не рѣшался переселиться окончательно съ насиженнаго пепелища на православную сторону, гдѣ было подсмотрѣно самое подходящее мѣстечко.

— Мы, мамынька, наладимъ лавки-то подъ домомъ, какъ въ городу, — часто повторялъ Гордей Евстратычъ.

— Нѣтъ, милушка, это не годится: съ рынку уйдешь и покупателей растеряешь... Батюшка-то не глупѣе былъ насъ съ тобой, а сидѣлъ да сидѣлъ себѣ на рынкѣ.

Послѣдній аргументъ имѣлъ неотразимую силу, и Гордей Евстратычъ утѣшался пока тѣмъ, что хоть домъ поставитъ по своему вкусу. Онъ привозилъ изъ города двухъ архитекторовъ, которые мѣряли нѣсколько разъ мѣсто и за рюмкой водки составляли проекты и смѣты будущей постройки.

— За деньгами не постоимъ, а чтобы, главное, все было форменно, на господскую руку,—упрашивалъ Гордей Евстратычъ.

— Будетъ форменно, — увѣряли архитекторы и, забравъ задатки, укатили въ городъ.

По послѣднему зимнему пути Брагинъ началъ производить заготовку матеріаловъ: лѣсу, бутоваго камня, желѣза, глины, кирпичу и т. д. Въ верстѣ

отъ Бѣлоглинскаго завода Брагинымъ строился кирпичный заводъ, такъ какъ готоваго кирпича въ большомъ количествѣ въ Бѣлоглинскомъ заводѣ достать было негдѣ; подряжены были двѣ плотничныхъ артели, артель вятскихъ каменщиковъ, пильщики, столяры и кровельщики. Гордей Евстратычъ хотѣлъ поднять домъ непремѣнно въ одно лѣто, чтобы на другое лѣто приступить къ его внутренней отдѣлкѣ, т.-е. выштукатурить, настлать полы, выкрасить, вообще привести въ форменный видъ. Какъ тронется снѣгъ, рѣшено было приступить къ подготовительнымъ работамъ: рыть канавы подъ фундаментъ, обжигать кирпичъ, пилить лѣсъ. Эти хлопоты отнимали все свободное время Гордея Евстратыча, и за ними онъ забывалъ о своемъ недавнемъ горѣ, которое миновало, какъ тяжелый сонъ. Только иногда ему становилось очень жутко, точно камнемъ придавитъ: въ эти минуты Брагинъ или уѣзжалъ въ городъ, или попадалъ въ шабалинскій домъ, что̀ было равносильно, потому что тамъ и здѣсь Гордей Евстратычъ разрѣшалъ на водку и кутилъ безъ просыпу нѣсколько дней подъ-рядъ. Вообще онъ за послѣдній годъ порядкомъ пристрастился къ веселому житью и „принималъ водку“ въ большомъ количествѣ, извиняя себя компаніей. Только въ церкви Гордей Евстратычъ былъ исправенъ попрежнему и велъ церковныя дѣла такъ, что комаръ носу не подточитъ.

Чтобы поднять запущенную батюшкину торговлю, Гордей Евстратычъ самъ „сгонялъ“ въ Ирбитскую ярмарку и поворотилъ тамъ цѣлую уйму панскаго товара, чтобы разомъ затмить всѣхъ остальныхъ бѣлоглинскихъ торговцевъ. Онъ теперь часто бывалъ въ лавкѣ и собственноручно приводилъ всѣ товары въ порядокъ, при помощи невѣстокъ и Нюши; впрочемъ, послѣдняя главнымъ образомъ вела торговую книгу. Случалось какъ-то такъ, что Гордей Евстратычъ приходилъ въ лавку какъ разъ тогда, когда тамъ сидѣла Ариша. Сначала сноха побаивалась этихъ посѣщеній, но Гордей Евстратычъ совсѣмъ не обращалъ на нее никакого вниманія и даже покрикивалъ, когда находилъ въ чемъ непорядки. Такое поведеніе успокоило молодую женщину, и она начала относиться къ свекру съ большимъ довѣріемъ.

— Ну, ну, поворачивайся, сношенька, — покрикивалъ на нее Гордей Евстратычъ, когда Арина мѣшкала.

Разъ Гордей Евстратычъ заѣхалъ въ лавку навеселѣ; онъ обѣдалъ у Шабалина. Дѣло было подъ вечеръ, и въ лавкѣ, кромѣ Ариши, не было ни души. Она опять почувствовала на себѣ ласковый взглядъ старика и старалась держаться отъ него подальше. Но эта невинная хитрость только подлила масла въ огонь. Когда Ариша нагнулась къ выручкѣ, чтобы достать портмонэ съ деньгами, Гордей Евстратычъ крѣпко обнялъ ее за талію и долго не выпускалъ изъ рукъ, забавляясь, какъ она барахталась и выбивалась.

— Тятенька... пустите!.. Христосъ съ вами!

— А... испугалась!.. Ну, ну, повернись еще... ишь какая круглая стала!

— Я бабушкѣ Татьянѣ скажу, тятенька!..

— Ну, ну, дура, я пошутилъ.

Ариша отошла въ уголъ лавки и, поправляя сбившееся платье и платокъ на головѣ, тихонько заплакала. Гордей Евстратычъ сначала улыбался, а потомъ подошелъ къ невѣсткѣ и сильно толкнулъ ее локтемъ въ бокъ.

— Чего ты ревешь, корова?.. — закричалъ онъ, схватывая Аришу за руку. — Ишь распустила нюни-то... Ласки не понимаешь, такъ пойми, какъ съ вашимъ братомъ по-настоящему обращаются.

Проспавшись, Гордей Евстратычъ немного одумался и, чтобы загладить свой грѣхъ, потихоньку отъ другихъ пообѣщалъ Аришѣ, что привезетъ ей изъ города такого гостинца, какого она и во снѣ не видывала

— Мнѣ, тятенька, ничего отъ васъ не нужно...—твердо объявила Ариша, собирая всю свою храбрость. — Я ничего больше не возьму отъ васъ, хоть меня на части рѣжьте.

— А... такъ ты вотъ какіе разговоры съ отцомъ заводишь?—зарычалъ Гордей Евстратычъ. — Погоди, я тебя такъ проучу, что ты у меня узнаешь, какъ грубить...

— Я Михалкѣ все скажу...

— Говори... Я васъ и съ Михалкой-то обоихъ въ одинъ узелъ завяжу. Слышишь?

Подъ первымъ впечатлѣніемъ Ариша хотѣла разсказать все мужу, но Михалка былъ на пріискѣ; пожаловаться бабушкѣ Татьянѣ Ариша боялась, потому что старуха въ послѣднее время точно косилась на нее; пожалуй, ей же, Аришѣ, и достанется за извѣтъ и клевету. Но какъ же опять не сказать? И стыдно ей было, да Ариша и сознавала, что такой оборотъ не принесетъ ей никакой пользы, а только лишнія слезы отцу съ матерью да домашнія непріятности. Все равно, Гордей Евстратычъ не послушаетъ никого, а только еще пуще озлобится на беззащитную сноху. Въ крайнемъ случаѣ Ариша придумала два выхода: убѣжать со Степушкой къ роднымъ, а если ее оттуда добудутъ черезъ полицію,—повѣситься или утопиться... Все это обдумывалось въ безсонную ночь и было полито горькими слезами, которыя Ариша должна была глотать про себя. Она припомнила къ случаю разныя исторіи, гдѣ свекры добивали невѣстокъ правдами и неправдами: въ раскольничьихъ семьяхъ такихъ снохачей было нѣсколько,—всѣ это знали, всѣ объ этомъ говорили, а дѣло оставалось шитымъ и крытымъ. Особенно врѣзалась ей въ память исторія купцовъ Кокиныхъ, которую она слышала еще въ дѣтствѣ. Старикъ Кокинъ увязался за своей снохой и, не добившись отъ нея ничего, звѣрски убилъ ея ребенка, дѣвочку лѣтъ четырехъ: старикъ завелъ маленькую жертву въ подполье и тамъ отрѣзывалъ ей одинъ палецъ за другимъ; а мать въ это время оставалась наверху и должна была слушать отчаянные вопли четвертуемой дочери. Страшное преступленіе потомъ раскрылось, и старикъ Кокинъ былъ наказанъ плетьми,—это было еще при старыхъ судахъ,—а сноха сошла съ ума. Мысли, одна страшнѣе другой, одолѣвали бѣдную Аришу, и она то принималась безумно рыдать, уткнувшись головой въ подушку, то начинала молиться, молиться не за себя, а за своего Степушку, который спалъ въ ея каморкѣ дѣтски-беззаботнымъ сномъ, не подозрѣвая разыгрывавшейся около него драмы.

Успокоившись немного, Ариша рѣшилась еще подождать, что̀ и оказалось самымъ лучшимъ. Гордей Евстратычъ оставилъ ее въ покоѣ, не приставалъ со своими ласками, но зато постоянно преслѣдовалъ всевозможными придирками, ворчаньемъ и руганью. Ариша покорно сносила всѣ эти невзгоды и была даже рада имъ: авось на нихъ износится все горе, а Гордей Евстратычъ одумается. На ея счастье подвернулся такой случай, который перевернулъ въ брагинскомъ домѣ все вверхъ дномъ.

Городскіе архитекторы составили планъ брагинскаго дома и явились въ Бѣлоглинскій заводъ, чтобы начать постройку. Матеріалы были всѣ заготовлены и даже канавы подъ фундаментъ вырыты, оставалось приступить къ самой закладкѣ. Брагинъ пригласилъ о. Крискента помолебствовать, какъ это водится у добрыхъ людей, чтобы все было честь честью. Какъ разъ случился Порфиръ Порфирычъ въ Бѣлоглинскомъ заводѣ; однимъ словомъ, закладка дома совершилась при самой торжественной обстановкѣ, въ присутствіи Порфира Порфирыча, Шабалина, Плинтусова, Липачка и другихъ. Послѣ молеб-

ствія всѣ, конечно, были приглашены въ старый брагинскій домъ откушать хлѣба-соли и вспрыснуть новую постройку, чтобъ она крѣпче стояла.

— Безъ вспрысковъ какой же домъ? — говорилъ Шабалинъ. — Вонъ я строилъ свой, такъ, можетъ, не одну бочку со своими благопріятелями роспилъ. Зато крѣпко вышло.

— И мы отъ добрыхъ-то людей не въ уголъ рожей, Вуколъ Логинычъ,— обижался Брагинъ. — Милости просимъ, господа... Только не обезсудьте на нашей простотѣ: живемъ просто, можно сказать, безъ всякаго понятія. Развѣ вотъ домъ поставимъ, тогда уже другіе-то порядки заведемъ... Порфиръ Порфирычъ, пожалуйте!

Въ брагинскомъ домѣ была приготовлена роскошная закуска, а потомъ настоящій богатый обѣдъ, какъ у „другихъ“. Татьяна Власьевна была великая мастерица по части такихъ торжественныхъ „столовъ“ и на этотъ разъ особенно потщилась, чтобы не ударить лицомъ въ грязь предъ настоящей компаніей. Правда, модныхъ кушаній не было· съ французскими соусами и разными мудреными приправами, но зато были художественно состряпанные пироги, всевозможные разносолы, вареное и жареное. На закуску Гордей Евстратычъ прихватилъ изъ городу салфеточной икры, омаровъ, страсбургскихъ пироговъ, астраханскихъ балыковъ, провѣсной бѣлорыбицы и всякой прочей снѣди, которую ѣлъ у Шабалина и другихъ золотопромышленниковъ. Въ винахъ, конечно, тоже недостатка не было, потому что народъ, бывавшій въ брагинскомъ домѣ, любилъ „мочить губу“, какъ говорилъ Зотушка. Обстановка въ брагинскомъ домѣ за послѣдній годъ значительно измѣнилась, потому что изъ Нижняго и Ирбита Гордей Евстратычъ навезъ домой всякой всячины: ковровъ, столоваго серебра, новой мебели, посуды и т. д. Конечно, все это въ обыкновенное время было припрятано по сундукамъ и шкапамъ, а мебель стояла подъ чехлами; но теперь другое дѣло — для такого торжественнаго случая можно было и развернуться: чехлы съ мебели были сняты, на окнахъ появились шелковыя драпировки, по полу французскіе ковры, столъ сервированъ былъ гарднеровской посудой и новымъ столовымъ серебромъ. Камчатныя дорогія скатерти и салфетки дополняли столовый уборъ. Вообще все было устроено форменно, дескать, и мы не лѣвой ногой сморкаемся, хотя Гордей Евстратычъ и прикидывался предъ гостями Акимомъ-простотой, а Татьяна Власьевна съ низкими поклонами приговаривала:

— Ужъ не обезсудьте, дорогіе гости, на нашемъ убожествѣ!

— А ты вотъ что̀, спасеная душенька, — говорилъ Шабалинъ своимъ обычнымъ грубымъ тономъ:—когда ко мнѣ-то въ гости соберешься?

— Собираюсь, давно собираюсь, Вуколъ Логинычъ, да вотъ все какъ-то не могу собраться... Стара стала я, вѣдь на восьмой десятокъ. Въ чужой вѣкъ зажилась...

— Ладно, ладно, бабушка, насъ всѣхъ переживешь... А ты приходи все-таки, я тебѣ такую штучку покажу, не за хлѣбомъ-солью будь сказано.

— Охъ, ужъ ты, Вуколъ Логинычъ, всегда... разговоръ-то у тебя...

— Чего разговоръ? Разговоръ настоящій... хозяйственный. Вѣкъ живи— вѣкъ учись. Нарочно мастера себѣ изъ городу привозилъ, чтобы мнѣ одну штуку наладилъ, понимаешь—теплую... Козетъ называется.

Этотъ „козетъ“ особенно занималъ Шабалина въ послѣднее время, и онъ нарочно привозилъ гостей изъ другихъ заводовъ, чтобы показать имъ нѣмецкую выдумку.

— Отстань, грѣховодникъ... — отплевывалась Татьяна Власьевна, когда Шабалинъ подробно объяснилъ назначеніе нѣмецкой выдумки.

— Сіе дѣйствительно весьма предусмотрительно устроено, — вставилъ свое слово о. Крискентъ, большой любитель домашности.

— Вотъ съ о. Крискентомъ и приходи, бабушка, — говорилъ Шабалинъ.—Мы хоть и не одной вѣры, а не ссорились еще... Такъ, о. Крискентъ?

— Зачѣмъ ссориться, Вуколъ Логинычъ?.. Богъ одинъ для всѣхъ, всѣхъ видитъ, и благодать Его преизбыточествуетъ надъ нами, поелику ни единъ власъ съ главы нашей ни спадетъ безъ Его воли. Да...

Около закуски гости очень скоро развеселились, такъ что до обѣда время пробѣжало незамѣтно. Порфиръ Порфирычъ успѣлъ нагрузиться и, какъ всегда, съ блаженной улыбкой несъ всевозможную чепуху; Шабалинъ пилъ со всѣми и не пьянѣлъ; Липачекъ едва мигалъ слипавшимися глазами; а Плинтусовъ ходилъ по комнатѣ, выпячивая грудь, какъ индѣйскій пѣтухъ. Архитекторы сначала стѣснялись въ незнакомой компаніи, но потомъ устроили разрѣшеніе вина и елея и быстро познакомились. Даже о. Крискентъ не избѣгъ общей участи и, пропустивъ рюмку какой-то завѣтной наливки, лихорадочно разстегивалъ пуговицы своего подрясника.

Когда Татьяна Власьевна начала накрывать обѣденный столъ, Порфиръ Порфирычъ наступилъ на нее.

— Бабушка... кто же съ нами обѣдать будетъ?—спрашивалъ онъ, стараясь сохранить равновѣсіе колебавшагося тѣла.

— Какъ кто? Всѣ будутъ обѣдать, Порфиръ Порфирычъ: о. Крискентъ, Вуколъ Логинычъ, Гордей Евстратычъ...

— Ахъ, не то, бабушка... Понимаешь? Господь, когда сотворилъ всякую тварь и Адама... и когда посмотрѣлъ на эту тварь и на Адама, прямо сказалъ: „Не хорошо жить человѣку одному... сотворимъ ему жену“... Такъ? Ну, вотъ я про это про самое и говорю...

— Что-то невдомекъ мнѣ будетъ, Порфиръ Порфирычъ... Стара я стала.

— Ну, ну... Экая ты, бабушка, упрямая! А я еще упрямѣе тебя... Отчего ты не покажешь намъ невѣстокъ своихъ и внучку? Знаю, что красавицы... Вотъ мы съ красавицами и будемъ обѣдать. Я толстенькихъ люблю, бабушка... А Дуня у васъ, какъ огурчикъ. Я съ ней хороводы водилъ на Святкахъ... И Ариша ничего.

— Перестаньте грѣшить-то, Порфиръ Порфирычъ... У насъ молодымъ женщинамъ не пригоже въ мужской компаніи однѣмъ сидѣть. Ежели бы другія женщины были, тогда другое дѣло: вотъ вы бы съ супругой пріѣхали...

— Одолжила, нечего сказать: я съ своей супругой... Ха-ха!.. Бабушка, да ты меня уморить хочешь. Слышишь, Вуколъ: мнѣ пріѣхать съ супругой!.. Нѣтъ, бабушка, мы сегодня все-таки будемъ обѣдать съ твоими красавицами... Нечего имъ взаперти сидѣть. А что касается другихъ дамъ, такъ вотъ о. Крискентъ у насъ пойдетъ за даму, пожалуй, и Липачекъ.

Шабалинъ и другіе гости присоединились къ желанію Порфира Порфирыча и представили свои резоны.

— А ежели ты, спасеная душа, не покажешь намъ своихъ невѣстокъ,— говорилъ Шабалинъ:—кончено—сейчасъ всѣ по домамъ и обѣдать не станемъ.

— Такъ, такъ!—подхватили всѣ.

— Да развѣ мы ихъ съѣдимъ? — объяснилъ Плинтусовъ. — Ахъ, Боже мой!.. За кого же вы въ такомъ случаѣ насъ принимаете? Надѣюсь, за порядочныхъ людей... Вотъ и отецъ Крискентъ только-что сейчасъ говорилъ мнѣ, что не любитъ обѣдать въ одной холостой компаніи и что это даже грѣшно.

— Господа, да что мы тутъ разговариваемъ попусту въ самомъ-то

дѣлѣ?—заговорилъ Порфиръ Порфирычъ.—Прощай, бабушка... А мы обѣдать къ Вуколу поѣдемъ.

Дѣло приняло такой оборотъ, что Татьянѣ Власьевнѣ наконецъ пришлось согласиться на все, а то этотъ блажной Порфиръ Порфирычъ и въ самомъ дѣлѣ уѣдетъ обѣдать къ Вуколу и всю компанію за собой уведетъ. Скрѣпя сердце она велѣла невѣсткамъ одѣваться въ шелковые сарафаны и расшитые золотомъ кокошники, а Нюшѣ достала изъ сундука свою дѣвичью повязку, унизанную жемчугами и самоцвѣтнымъ камнемъ. Въ этихъ старинныхъ нарядахъ всѣ три были красавицы на подборъ, хотя Ариша сильно похудѣла за послѣдніе дни, что̀ Татьяна Власьевна замѣтила только теперь. Нюша была вообще какая-то вялая и апатичная: послѣ смерти Ѳени она окончательно измѣнилась, и о прежней стрекотуньѣ Нюшѣ, которая распѣвала по всему дому, и помину не было Лучше всѣхъ была Дуня въ своемъ аломъ глазетовомъ сарафанѣ и кисейной рубашкѣ: высокая, полная, съ румянцемъ во всю щеку и съ ласково блестѣвшими глазами, она была настоящая русская красавица. Когда всѣ трое вышли къ столу, гости приняли ихъ съ самыми шумными проявленіями своего восторга.

— Ахъ, ты, мой бутончикъ!.. пупочка!..—говорилъ Порфиръ Порфирычъ, цѣлуя руки у Дуни.—Вотъ такъ красавица!.. Ну-ка, повернись-ка маленько... Ну!.. пышная бабенка, чортъ возьми! Аришенька, матушка, здравствуй!.. Что̀ то ты нахохлилась, какъ курица передъ ненастьемъ?

Порфиръ Порфирычъ помѣстился за обѣденнымъ столомъ между Дуней и Аришей, а напротивъ себя усадилъ Нюшу и былъ, кажется, на седьмомъ небѣ.

— Вотъ теперь отлично... — говорилъ Порфиръ Порфирычъ, стараясь обнять разомъ обѣихъ дамъ.

— Не балуй, Порфиръ Порфирычъ!..—строго замѣтила Татьяна Власьевна.—А то я всѣхъ уведу.

— Не буду, не буду!

Обѣдъ начался самымъ веселымъ образомъ, хотя дамы немножко и конфузились съ непривычки къ компаніи. Сама Татьяна Власьевна не садилась за столъ, наблюдая за порядкомъ и за подававшей кушанья кривой Маланьей. Гости ѣли и хвалили хозяйку. Гордей Евстратычъ хлопоталъ насчетъ винъ. Говорили о новомъ домѣ и его отдѣлкѣ; высчитывали его стоимость, кричали, спорили, — однимъ словомъ, обѣдъ вышелъ, какъ всѣ парадные обѣды: все было „форменно“. О. Крискентъ, разрѣзывая на своей тарелкѣ кусокъ пирога съ осетриной, благочестиво говорилъ о домостроительствѣ вообще и даже привелъ въ примѣръ Соломона, тонко сплетая льстивыя слова тароватому хозяину. Липачекъ провозгласилъ тостъ за здоровье хозяйки, и когда всѣ поднялись съ полными бокалами, чтобы чокнуться съ нимъ,—Гордей Евстратычъ вдругъ поблѣднѣлъ и уронилъ свой бокалъ: онъ своими глазами видѣлъ, какъ Порфиръ Порфирычъ, поднимаясь со стула съ бокаломъ въ одной рукѣ, другою обнялъ Аришу.

— Порфиръ Порфирычъ... ты это какъ же?.. — глухо спросилъ Гордей Евстратычъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, а губы у него тряслись отъ внутренняго бѣшенства, которое онъ напрасно старался сдержать.

— Я?.. Я ничего... — какъ ни въ чемъ не бывало отвѣтилъ Порфиръ Порфирычъ, съ изумленіемъ оглядываясь кругомъ.—Какъ же это такъ, Гордей Евстратычъ?.. Я, пожалуй, на одинъ бокъ наѣлся...

— Ариша, ступай къ себѣ... — приказалъ Гордей Евстратычъ дрожавшимъ отъ бѣшенства голосомъ.

— Вотъ тебѣ и клюква!—засмѣялся Порфиръ Порфирычъ.

Эта маленькая сцена на мгновеніе остановила общее веселье: гости переглядывались, о. Крискентъ попробовалъ-было вступиться, но его никто не слушалъ.

— Да ты никакъ осердился на меня?—спрашивалъ Порфиръ Порфирычъ хозяина.—Я, кажется, ничего не сдѣлалъ...

— Ну, мнѣ на свои-то глаза свидѣтелей не надо,—отрѣзалъ Гордей Евстратычъ и прибавилъ:—Всѣ люди, какъ люди, Порфиръ Порфирычъ, только тебя, какъ кривое полѣно, въ полѣнницу никакъ не укладешь...

Порфиръ Порфирычъ ничего не отвѣтилъ на это, а только повернулся и, пошатываясь, пошелъ къ двери. Татьяна Власьевна бросилась къ нимъ и старалась удержать за фалды сюртука, о. Крискентъ загородилъ-было двери, но былъ безмолвно устраненъ. Гордей Евстратычъ догналъ обиженнаго гостя уже на дворѣ; онъ шелъ безъ шапки и верхняго пальто, какъ сидѣлъ за столомъ, и никому не отвѣчалъ ни слова.

— Голубчикъ, Порфиръ Порфирычъ... прости, ради Христа, на нашемъ глупомъ словѣ!—умолялъ Брагинъ, хватая гостя за руки.—Хочешь, при всѣхъ на колѣнкахъ стану у тебя прощенья просить!.. Порфиръ Порфирычъ!..

Порфиръ Порфирычъ вырвалъ свою руку, безъ шапки выбѣжалъ за ворота и нетвердой походкой пошелъ вдоль Старо-Кедровской улицы; за нимъ безъ шапки бѣжалъ Шабалинъ, стараясь догнать. Брагинъ постоялъ-постоялъ за воротами, посмотрѣлъ, куда пошли его гости, а потомъ, махнувъ рукой, побрелъ назадъ.

— А вѣдь дѣло-то, пожалуй, выйдетъ табакъ...—замѣтилъ Плинтусовъ, когда Брагинъ вернулся къ гостямъ.

Гордей Евстратычъ самъ видѣлъ, что все дѣло испортилъ своей нетерпѣливой выходкой, но теперь его трудно было поправлять. Торжество закончилось неожиданной бѣдой, и конецъ обѣда прошелъ самымъ натянутымъ образомъ, какъ поминки, несмотря на всѣ усилія о. Крискента и Плинтусова оживить его. Сейчасъ послѣ обѣда Гордей Евстратычъ бросился къ Шабалину въ домъ, но Порфира Порфирыча и слѣдъ простылъ: онъ укатилъ неизвѣстно куда.

— Что же теперь дѣлать?—спрашивалъ Гордей Евстратычъ своего благопріятеля Шабалина.

— А ужъ и не знаю, Гордей Евстратычъ—уклончиво отвѣтилъ тотъ.—Съ Порфиромъ Порфирычемъ шутки плохія, пожалуй, еще и жилку отберетъ...

Оно такъ и вышло.

Черезъ недѣлю на Смородинку пріѣхалъ горный чиновникъ, осмотрѣлъ работы и составилъ протоколъ, что разработка золота производилась неправильная: частныя лица могутъ промывать только розсыпное золото, а не жильное, которое добывается казеннымъ иждивеніемъ. Смородинка, въ качествѣ коренного мѣсторожденія, должна была поступить въ казенное вѣдомство, а Гордей Брагинъ подвергался надлежащей отвѣтственности за неправильное объявленіе пріиска.

Работы были прекращены, контора опечатана, рабочіе и служащіе распущены по домамъ, и это какъ разъ въ самый развалъ лѣтней работы, въ первыхъ числахъ мая. Ударъ былъ страшный и, конечно, онъ былъ нанесенъ опытной рукой Порфира Порфирыча.

— Вотъ тебѣ и кривое полѣно... Ха-ха!..—заливался Шабалинъ, когда услышалъ о закрытой Смородинкѣ.—Прощайся, Гордей Евстратычъ, со своей жилкой, коли не умѣлъ ей владать...

XIX.

Брагинъ полетѣлъ хлопотать въ Екатеринбургъ, въ надеждѣ уладить дѣло помимо Порфира Порфирыча. Посовѣтовался кое съ кѣмъ изъ знакомыхъ золотопромышленниковъ, съ двумя адвокатами, съ горными чиновниками—всѣ качали только головами и совѣтовали обратиться къ главному ревизору, который какъ разъ случился въ городѣ. Гордей Евстратычъ отыскалъ квартиру главнаго ревизора и со страхомъ позвонилъ у подъѣзда маленькаго каменнаго домика въ пять оконъ. На дверяхъ блестѣла мѣдная дощечка — „Ардальонъ Ефремовичъ Завиваевъ“.

— Баринъ дома?—спрашивалъ Брагинъ выскочившую на звонокъ горничную.

— Дома-съ.

Черезъ минуту Гордей Евстратычъ осторожно вошелъ въ кабинетъ, гдѣ его встрѣтилъ самъ хозяинъ—вылитый двойникъ Порфира Порфирыча, такъ что въ первую минуту Брагинъ даже попятился со страху.

— Что прикажете, какъ васъ звать?

— Да вотъ дѣльце, Ардальонъ Ефремычъ, вышло...

— Это насчетъ Смородинки?.. Не могу, не могу, не могу!..—закричалъ Завиваевъ, отмахиваясь обѣими руками.—Я семнадцать лѣтъ служу на Уралѣ главнымъ ревизоромъ... Да!.. Это беззаконіе... Я и Порфира Порфирыча отдамъ подъ судъ вмѣстѣ съ тобой!

Хотя Завиваевъ и кричалъ на Брагина, но это былъ не злой человѣкъ. Онъ даже пошутилъ надъ умолявшимъ его Гордеемъ Евстратычемъ и, ласково потрепавъ по плечу, проговорилъ:

— У меня подъ надзоромъ девятьсотъ пріисковъ, милочка, и ежели я буду всякому золотопромышленнику уступать, такъ меня Богъ камнемъ убьетъ, да... Дѣло твое я знаю досконально и могу сказать только то, что не хлопочи понапрасну. Вотъ и все!.. Взятокъ никому не давай, — даромъ послѣднія деньги издержишь, потому что пролитого не воротишь.

— Ардальонъ Ефремычъ, спасите... не погубите!

Брагинъ ушелъ отъ Завиваева ни съ чѣмъ, проклиная на свѣтѣ все и всѣхъ. Дѣло было дрянь, какъ его ни поверни. Не довѣряя совѣту Завиваева, Гордей Евстратычъ принялся усиленно хлопотать и лѣзъ въ каждую щель, чтобы только воротить Смородинку. Эти хлопоты стоили ему большихъ денегъ и ровно ни къ чему не привели: жилка пропала навсегда!.. Вернуться домой съ пустыми руками Гордею Евстратычу было тошнехонько, и онъ проживался въ городѣ цѣлый мѣсяцъ. У него все-таки былъ въ рукахъ кругленькій капитальчикъ тысячъ въ сто, и друзья-пріятели утѣшали его, что горевать еще не о чемъ, когда такой капиталъ шевелится въ карманѣ. Его познакомили съ такими дѣльцами, которые сулили золотыя горы — только стоило пустить капиталъ въ оборотъ. Съ горя Брагинъ закутилъ въ хорошей компаніи, которая утѣшала его на всѣ руки. Однажды онъ сидѣлъ въ гостяхъ у знакомаго золотопромышленника, гдѣ набралось всякаго народа; тутъ же сидѣлъ какой-то господинъ въ золотыхъ очкахъ и съ толстой золотой цѣпочкой у часовъ. Онъ все время точно присматривался къ Гордею Евстратычу, а потомъ отвелъ его въ сторону и таинственно проговорилъ:

— Эхъ, вы, Гордей Евстратычъ... Нашли о чемъ горевать!.. Я вамъ скажу, что мы еще не такое золото отыщемъ. Пріѣзжайте ко мнѣ потолковать, а вотъ вамъ моя карточка.

На карточкѣ неизвѣстнаго Гордей Евстратычъ прочиталъ: „Владиміръ Петровичъ Головинскій, техникъ“.

„Чортъ его знаетъ, можетъ-быть, какой нибудь жулябія... — подумалъ Брагинъ, перевертывая въ рукахъ атласную карточку. — Наслышался, что у Брагина деньги еще остались въ карманѣ, — вотъ и подсыпается мелкимъ бѣсомъ“.

Прежде чѣмъ отправиться къ Головинскому, Гордей Евстратычъ навелъ о немъ черезъ общихъ знакомыхъ кое-какія справки, изъ которыхъ оказалось, что Головинскій вообще человѣкъ хорошій, хотя опредѣленныхъ занятій не имѣетъ. Его видали въ клубѣ, въ театрѣ, въ концертахъ—вообще вездѣ, гдѣ собиралась хорошая публика; онъ былъ знакомъ со всѣмъ городомъ и всѣхъ зналъ, имѣлъ пару отличныхъ вятокъ, барскую квартиру и жилъ на холостую ногу. Самая наружность Головинскаго имѣла въ себѣ много подкупающаго: высокій, среднихъ лѣтъ, съ окладистой бородкой и выхоленнымъ дворянскимъ лицомъ, съ приличными манерами, всегда безукоризненно одѣтый, онъ вездѣ являлся замѣтнымъ человѣкомъ. Особенно дамы были отъ него въ восхищеніи.

— Ну. что же, не съѣстъ онъ меня, прахъ его побери...—рѣшилъ Брагинъ, отправляясь отыскивать квартиру Головинскаго, который жилъ на главной улицѣ.

Кабинетъ въ квартирѣ Головинскаго былъ устроенъ на дѣловую ногу съ той спеціальной роскошью, какую устраиваютъ себѣ люди, умѣющіе быть богатыми. Гордей Евстратычъ не ожидалъ ничего подобнаго: въ самомъ воздухѣ точно пахло тысячами, не тѣми шальными мужицкими тысячами, какъ у Шабалина, напримѣръ, а настоящими, господскими тысячами. И самъ Головинскій совсѣмъ не походилъ на жулябію, а держался съ большимъ гоноромъ: ужъ совсѣмъ не походилъ на этихъ горныхъ чинушекъ въ родѣ Порфира Порфирыча или Завиваева. Принялъ онъ Брагина очень любезно, но съ вѣсомъ. Усадивъ гостя въ кресло, Головинскій нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, поправивъ рѣдѣвшіе на головѣ волосы, и мягкимъ голосомъ заговорилъ:

— Васъ, уважаемый Гордей Евстратычъ, вѣроятно, удивило мое приглашеніе... Да?.. Очень понятно. Конечно, вы подъ рукой собрали кое-какія справки обо мнѣ... Опять-таки понятно, потому что итти толковать о дѣлѣ къ совершенно незнакомому человѣку очень сомнительно, хоть до кого доведись. Я вамъ скажу, что вамъ другіе сказали обо мнѣ... Но это все равно: я хотя и вездѣ здѣсь бываю, но меня никто не знаетъ. Хорошо...

Головинскій мягко потеръ свои выхоленныя бѣлыя руки, подыскивая слова и мелькомъ взглядывая на сидѣвшаго въ креслѣ Брагина.

— Сначала я вамъ скажу о себѣ, Гордей Евстратычъ, — продолжалъ Головинскій послѣ короткой паузы.—Родился и выросъ я въ Москвѣ, служилъ нѣсколько лѣтъ на частной службѣ, сколотилъ небольшой капитальчикъ, а потомъ получилъ наслѣдство послѣ дяди... Сначала думалъ завести какое-нибудь дѣло въ Москвѣ, но съ моими средствами тамъ трудно пробить дорогу: тамъ милліонныя дѣла обдѣлываются, какъ здѣсь пироги бабы стряпаютъ, а у меня нѣсколько тысячъ. Вотъ я и задумалъ попытать счастья въ провинціи и пріѣхалъ на Уралъ, года два-три назадъ. Мѣсто дѣйствительно богатое, и дѣло можно себѣ подыскать, да только, не спросясь броду, я не люблю соваться въ воду. Жилъ, присматривался къ людямъ... и подыскалъ одно дѣльце. Только нужно вамъ сознаться—ужъ извините меня за откровенность, Гордей Евстратычъ!—народъ здѣсь—не клади пальца въ ротъ.

— Ужъ что̀ говорить, самые первостатейные плуты живутъ... Это вѣрно, Владимиръ Петровичъ!

— Да, на Уралѣ люди вообще немного странные, — мягко поправилъ Головинскій своего собесѣдника. — Взять хоть вотъ случай съ вами, какъ у васъ отняли пріискъ...

— Охъ, вѣрно, вѣрно... зарѣзали безъ ножа!

— Я слышалъ всю эту исторію и отъ души васъ пожалѣлъ... Вижу, человѣкъ вы скромный, боитесь всякаго начальства, вотъ они васъ и крутятъ въ бараній рогъ. Теперь вы остались безъ всякаго дѣла, деньги у васъ кое-какія еще есть; ну долго ли попасть на какого-нибудь прощелыгу, который оберетъ у васъ послѣднія крохи. Вѣдь вамъ дѣлали всевозможныя предложенія? Да, я слышалъ... Вотъ я и хотѣлъ съ одной стороны предохранить васъ отъ разныхъ плутовъ, а потомъ предложить вамъ одно дѣльце. Вообще, кажется, мы сойдемся, по крайней мѣрѣ я полюбилъ васъ съ перваго раза. Я человѣкъ прямой и говорю откровенно.

— Какое же дѣльце-то, Владимиръ Петровичъ? Оно конечно, мы люди простые, а тоже можемъ чувствовать... Взять хоть того же Порфира Порфирыча—обидѣлъ онъ меня, вотъ какъ обидѣлъ!..

— И главное, Шабалинъ работаетъ на такой же жилкѣ, какъ и ваша.

— Вѣрно, все вѣрно... Погорячился я немного,—а Шабалинъ, лукавый его задери, хоть верхомъ на немъ катайся, даромъ что самъ-то плутъ.

— Въ томъ-то и дѣло, Гордей Евстратычъ, что люди здѣсь все фальшивые, ни на кого положиться нельзя. А кстати, — прибавилъ Головинскій, вынимая изъ кармана золотые часы:—мы сейчасъ червячка заморимъ. Пойдемте въ столовую.

Комнаты въ квартирѣ Головинскаго были убраны на барскую ногу, особенно столовая, гдѣ стоялъ рѣзной буфетъ отличной работы. На накрытомъ столѣ какой-то невидимой рукой былъ приготовленъ завтракъ и кипѣлъ серебряный кофейникъ на спиртовой лампочкѣ. „Не такъ, какъ у насъ: какъ ѣсть, такъ и столарню цѣлую подымутъ“, — думалъ Брагинъ, усаживаясь за столъ. Головинскій самъ налилъ два стакана кофе и пригласилъ подкрѣпиться рюмочкой водки. Гордей Евстратычъ выпилъ и невольно удивился: такой водки онъ никогда не пивалъ. Вытеревъ салфеткой губы, Брагинъ заговорилъ:

— А ужъ вы извините насъ, Владимиръ Петровичъ, на нашей простотѣ... Гляжу я на васъ, все у васъ по формѣ, а одного какъ будто не прихватываетъ...

— Именно?

— Хозяйки въ дому нѣтъ... Такъ-съ?

— Вы угадали, Гордей Евстратычъ, сердцемъ угадали, потому что сердце у васъ доброе... Да, хозяйки у меня нѣтъ.

— Отчего же не женитесь? За невѣстами у насъ, слава Богу, дѣло не станетъ... Али, можетъ, столичная на примѣтѣ держится?

— Есть и такой грѣхъ, Гордей Евстратычъ... Только за откровенность я вамъ заплачу откровенностью, именно объясню, почему я не женился до сихъ поръ. Дѣло вотъ въ чемъ: хочется мнѣ сначала дѣлишки свои привести въ настоящій порядокъ, этакъ кушъ зашибить порядочный, а потомъ ужъ и жениться. По нынѣшнимъ временамъ да не заработать деньгу — грѣшно отъ Бога будетъ, передъ собственными дѣтьми послѣ совѣстно будетъ. Я такъ полагаю: ужъ если стоитъ жить, такъ жить по-настоящему, какъ добрые люди живутъ, и для этого сначала нужно потрудиться, поработать.

— И мы въ своей темнотѣ то же думаемъ, только вотъ деньги-то добывать плохо умѣемъ... съ понятіемъ надо жить на свѣтѣ, по всей формѣ. А какъ вы насчетъ дѣльца-то, Владимиръ Петровичъ?

— Сейчасъ, сейчасъ, Гордей Евстратычъ.

Головинскій, не торопясь, налилъ рюмку водки, поднесъ ее къ свѣту и, причмокнувъ губами, проговорилъ:

— Видите?

— Отличная водка...

— Да... А вотъ въ этой самой водкѣ богатство сидитъ, вѣрное богатство, какъ дважды-два четыре. Не чета вашему золоту... Вотъ и дѣльце, о которомъ я хотѣлъ съ вами поговорить.

— Это значитъ, водкой заняться?

— Именно... Самое вѣрное дѣло, Гордей Евстратычъ. Отчего раздуваются всѣ эти наши здѣшніе тузы?..

Головинскій назвалъ нѣсколько громкихъ именъ денежныхъ тузовъ и въ какихъ-нибудь полчаса объяснилъ всѣ извороты, ходы и выходы спеціально-винной торговли. Гордей Евстратычъ слушалъ съ разинутымъ ртомъ, заваленный краснорѣчивыми цифрами.

— Гдѣ вы найдете другое такое дѣло, которое давало бы триста процентовъ на капиталъ? И не ищите... Если взять золотопромышленность наконецъ, такъ здѣсь все зависитъ отъ случая, отъ счастья, а на водкѣ еще никто не прогорѣлъ.

— Это-то вѣрно, только необычное оно дѣло, Владимиръ Петровичъ... Даже какъ будто маненько претитъ: нечистая денежка идетъ.

— Э, батенька, нашли что̀... А вы такъ разсудите: чѣмъ мы грѣшнѣе другихъ? Дѣло самое законное... Нажили капиталъ, тогда можно и водку по боку. А ужъ съ настоящимъ-то капиталомъ можно руки расправить. Порфиръ Порфирычъ теперь думаетъ, что утопилъ васъ, однимъ словомъ утопилъ, а тутъ выйдетъ наоборотъ: вы милліонеромъ сдѣлаетесь, а тогда... Да что̀ тутъ говорить...

Въ теченіе двухчасовой бесѣды Головинскій совсѣмъ заговорилъ Гордея Евстратыча и на прощаніе, крѣпко пожимая руку, прибавилъ:

— Объ одномъ только попрошу васъ, дорогой Гордей Евстратычъ: согласитесь или не согласитесь — молчокъ... Ни единой душѣ, ни одно слово!.. Это дѣло наше и между нами останется... Я васъ не неволю, а только предлагаю войти въ компанію... Дѣло самое чистое, изъ копейки въ копейку. Хотите — отлично, нѣтъ — ваше дѣло. У меня у одного не хватитъ силы на такое предпріятіе, и я во всякомъ случаѣ не останусь безъ компаньона

Брагинъ ушелъ отъ Головинскаго точно въ туманѣ: передъ нимъ развертывались новыя, широкія перспективы, а возможность насолить Порфиру Порфирычу кружила голову. Всѣ теперь думаютъ, что Гордей Евстратычъ пропалъ со своею жилкой, а Гордей Брагинъ вдругъ въ милліоны залѣзетъ... Тогда и Порфиру Порфирычу, и Ардальону Ефремычу, и Вуколу Логинычу— всѣмъ носъ утремъ... Всю дорогу изъ города Брагинъ раздумывалъ завязанную Головинскимъ думушку и чѣмъ больше думалъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ справедливости всего, что̀ слышалъ отъ этого необыкновеннаго человѣка. И вѣдь какъ говоритъ, шельма этакая: какъ по-писаному, такъ и рѣжетъ... Ловкачъ, ужъ что̀ и говорить. Съ понятіемъ, форменный человѣкъ. Небось, ему надо въ милліонъ вогнать, а не то, чтобы валандаться на тысчонкахъ, какъ другіе прочіе. Брагинъ съ сожалѣніемъ думалъ о своей торговлѣ панскими товарами: ужъ именно темнота, — темнота она и останется. И понятія

настоящаго въ этой торговлѣ нѣтъ: ублажай полдневскихъ бабенокъ, раздавай въ долгъ, гонись за моднымъ товаромъ, всякому угоди... Сколько одного грѣха на душу наберешься!..

Домой Гордей Евстратычъ вернулся въ самомъ веселомъ настроеніи, чѣмъ удивилъ всѣхъ, а Татьяна Власьевна даже обидѣлась и сердито проговорила:

— Нашелъ чему радоваться, нечего сказать... Вѣдь пріискъ-то все-таки отобрали?

— Ну отобрали, такъ что же?... Пусть ихъ, мамынька... Порфиръ-то Порфирычъ съ Шабалинымъ теперь думаютъ, что по міру насъ пустили... Ха-ха!..

— Милушка, надъ чѣмъ ты хохочешь-то?..

— Да надъ ними, мамынька, надъ Порфиромъ Порфирычемъ... Вотъ ужо, погоди, мы имъ такъ утремъ носъ, что чертямъ покажется тошно.

— Значитъ, Смородинка-то опять къ тебѣ отойдетъ? — обрадовалась Татьяна Власьевна.

— Ахъ, мамынька, совсѣмъ не то... Скажу тебѣ только одно: пріѣдетъ къ намъ одинъ человѣкъ, тогда сама все увидишь... Ужъ такой человѣкъ, такой человѣкъ...

— Можетъ, опять какой-нибудь пьяница... Всѣ эти городскіе на одну колодку!..

Гордей Евстратычъ не сталъ спорить, а только махнулъ рукой: дескать, погоди, мамынька, вотъ сама увидишь. Теперь у Гордея Евстратыча было много хлопотъ съ постройкой дома, которая позамялась съ этой передрягой; пока онъ хлопоталъ въ городѣ, едва успѣли сложить фундаментъ, хотя и было кому смотрѣть за рабочими. Михалка и Архипъ теперь болтались дома безъ всякаго дѣла. Успокоившись послѣ своихъ неудачныхъ хлопотъ, Брагинъ съ особеннымъ стараніемъ занялся домомъ: ѣздилъ на кирпичный заводъ, наблюдалъ за всѣми работами и живмя-жилъ на постройкѣ, точно хотѣлъ всѣмъ показать, что ему все ни почемъ, какъ съ гуся вода. Пусть посмотрятъ и Савины и Колобовы, какъ онъ испугался Порфира Порфирыча да съ горя началъ домъ строить. Въ лавку Брагинъ заглядывалъ совсѣмъ рѣдко, потому что тамъ сидѣлъ Михалка, надежный человѣкъ, не то что снохи. Пожалуй, Брагинъ прикрылъ бы свою панскую торговлю, если бы не была она поставлена батюшкой, ну, да и ребятамъ все-таки задѣлье какое ни на есть, чтобы задарма на печкѣ не сидѣли.

Недѣли черезъ двѣ, какъ былъ уговоръ, пріѣхалъ и Головинскій. Онъ остановился у Брагиныхъ, занявъ тотъ флигелекъ, гдѣ раньше жилъ Зотушка со старухами. Татьяна Власьевна встрѣтила новаго гостя сухо и подозрительно: дескать, вотъ еще Медъ-Сахарычъ выискался... Притомъ ее немало смущало то обстоятельство, что Головинскій поселился у нихъ во флигелѣ; человѣкъ еще не старый, а въ дому цѣлыхъ три женщины молодыхъ, всего наговорятъ. Взять хоть ту же Марѳу Петровну: та-ра-ра, ты-ры-ры...

— Куда же Владимиру Петровичу дѣваться, ежели онъ ко мнѣ по дѣлу пріѣхалъ? — успокаивалъ Гордей Евстратычъ. — Кабы у насъ въ Бѣлоглинскомъ заводѣ гостиницы для пріѣзжающихъ были налажены, такъ еще десятое дѣло, а то не на постояломъ же дворѣ ему останавливаться, этакому-то человѣку.

— Оно, конечно, такъ, милушка, да все-таки... Что ужъ больно его захваливаешь? Кругомъ, видно, обошелъ тебя... настоящая приворотная гривенка, этотъ твой Владиміръ Петровичъ, такъ Медомъ-Сахарычемъ и разсыпается.

— Обнаковенно, мамынька, ежели человѣкъ съ настоящимъ понятіемъ, такъ онъ никогда не будетъ кочевряжиться, какъ Порфиръ Порфирычъ... А обходить меня тоже нечего: дѣло чистое—какъ на ладонкѣ.

— Ой, смотри, милушка, чтобы не обошелъ хваленый-то!..

Татьяна Власьевна крѣпко не довѣряла гостю, потому что ужъ милушка-то на него обнадежился: неладно что-то, скоро больно...

Первымъ дѣломъ Головинскій устроилъ свой флигелекъ, хотя пріѣхалъ на нѣсколько дней. Полъ и стѣны были устланы коврами, окна завѣшены драпировками, на столѣ, за которымъ работалъ Головинскій, появились дорогія бездѣлушки, онъ даже не забылъ захватить съ собой складной желѣзной кровати и дорожнаго погребца съ серебрянымъ самоваромъ. Съ нимъ пріѣхалъ его камердинеръ, сѣдой, благообразный старикъ Егоръ; это былъ слуга высшей школы—молчаливый, степенный, сосредоточенный. Насколько баринъ былъ ласковъ и обходителенъ, настолько великолѣпный Егоръ былъ сухъ и важенъ, точно онъ былъ замороженъ. Кривая сердитая Маланья крѣпко не взлюбила его и называла темной копейкой, хотя и не могла не удивляться умѣнью Егора устроить барина по-своему.

— Ужъ такъ у нихъ устроено, такъ устроено...—докладывала Маланья подозрительно слушавшей ея рѣчи Татьянѣ Власьевнѣ. — И сказать вамъ не умѣю какъ!.. Въ родѣ какъ въ церкви... Ей-Богу! И духъ у нихъ съ собой привезенъ. Своимъ глазамъ видѣла: каждое утро темная-то копейка возьметъ какую-то штуку, надо полагать изъ золота, положитъ въ нее угольковъ, а потомъ и поливаетъ какою-то мазью. А отъ мази такой духъ идетъ, точно отъ роснаго ладана. И все-то у нихъ есть, и все дорогое... Ровно и флигелекъ-то не нашъ!..

Эти разсказы настолько возбудили любопытство Татьяны Власьевны, что она, улучивъ минуту, когда Головинскій съ Гордеемъ Евстратычемъ были на постройкѣ, а Егоръ ушелъ на базаръ,—нарочно сходила во флигелекъ и провѣрила восторги Маланьи. Дѣйствительность поразила старуху, особенно бѣлье и платье гостя, разложенное и развѣшенное Егоромъ въ такомъ необыкновенномъ порядкѣ, какъ коллекція какого-нибудь архинѣмецкаго музея. Другимъ обстоятельствомъ, сильно смутившимъ Татьяну Власьевну, было то, что Владимиръ Петровичъ былъ у нихъ въ домѣ всего одинъ разъ — повернулся съ полчасика, поговорилъ, поблагодарилъ за все и ушелъ къ себѣ. Такой обходительный человѣкъ, что старухѣ наконецъ сдѣлалось совѣстно передъ нимъ за свои подозрѣнія.

— Хотя бы ты его обѣдать позвалъ... — вскользь замѣтила Татьяна Власьевна сыну.—Какъ-то неловко, все же человѣкъ живетъ въ нашемъ домѣ, не объѣстъ насъ...

— Ахъ, мамынька!.. Да развѣ это такой человѣкъ, что сталъ онъ тебѣ чужіе обѣды собирать... Это настоящій баринъ, съ понятіемъ, по всей формѣ. Не чета тѣмъ объѣдаламъ, которые раньше насъ одолѣвали... Онъ вонъ и въ постройкѣ-то все знаетъ, какъ началъ все разбирать, какъ началъ разбирать—архитектора-то совсѣмъ въ уголъ загналъ. А я развѣ ослѣпъ, самъ вижу, что Владимиръ Петровичъ настоящее дѣло говоритъ. И все онъ знаетъ, мамынька, о чемъ ни спроси... Истинно сказать, что его послалъ намъ самъ Господь за нашу простоту!..

Расхваливая гостя, Гордей Евстратычъ однако не обмолвился ни однимъ словомъ, за какимъ дѣломъ этотъ гость пріѣхалъ, и не любилъ, когда Татьяна Власьевна стороной заводила объ этомъ рѣчь.

Ближайшее знакомство съ Головинскимъ произошло какъ-то само собой,

такъ что Татьяна Власьевна даже испугалась, когда гость сдѣлался въ домѣ совсѣмъ своимъ человѣкомъ, точно онъ вѣкъ у нихъ жилъ. Какъ это случилось—никто не могъ сказать, а всякій только чувствовалъ, что именно Владимира Петровича и недоставало въ домѣ; у всѣхъ точно отлегло на душѣ, когда Владимиръ Петровичъ появлялся въ горницѣ. А приходилъ онъ всегда кстати и уходилъ тоже, никому не мѣшалъ, никого не стѣснялъ; даже невѣстки и Нюша какъ-то сразу привыкли къ нему и совсѣмъ не дичились. Однимъ словомъ, свой человѣкъ — и конецъ всему дѣлу! Торжествомъ поведенія Владимира Петровича было его умѣнье ѣсть и пить, чѣмъ любовался даже самъ Гордей Евстратычъ. Въ брагинскомъ домѣ возобновились прежнія трапезы и самыя торжественныя чаеванья. Въ стряпнѣ Владимиръ Петровичъ зналъ такой толкъ, что даже поразилъ Маланью: онъ не пропускалъ безъ похвалы самомалѣйшаго торжества кухоннаго искусства, что̀ льстило Татьянѣ Власьевнѣ, какъ опытной хозяйкѣ. Онъ даже научилъ ее, какъ слѣдуетъ по-настоящему солить огурцы и готовить ихъ впрокъ, именно, нужно заказать съ Гордеемъ Евстратычемъ, когда онъ поѣдетъ въ Нижній, привести дубоваго листа, и огурцы будутъ цѣлый годъ хрустѣть на зубахъ, какъ свѣжепросольные.

— Давно я хочу, Владимиръ Петровичъ, спросить васъ, да все какъ-то не смѣю...—нерѣшительно проговорила однажды Татьяна Власьевна.—Сдается мнѣ, что какъ будто вы раньше къ старой вѣрѣ были привержены... Ей-Богу! Ужъ очень вы хозяйство всякое произошли... Въ Москвѣ есть такіе купцы на Рогожскомъ... Извините ужъ на простомъ словѣ...

Оказалось, что хотя Владимиръ Петровичъ и не былъ приверженъ къ старой вѣрѣ, но выходило какъ-то такъ, что Татьяна Власьевна осталась при своей прежней догадкѣ.

— Нѣтъ, ты, мамынька, замѣть, какъ онъ за обѣдомъ сидитъ или чай пьетъ!—удивлялся въ свою очередь Гордей Евстратычъ.—Сразу видно человѣка... Небось, не набросится, какъ тѣ торопыги-мученики, въ родѣ хоть Плинтусова взять!..

Собственно, настоящее дѣло, за которымъ пріѣхалъ Головинскій, было давно кончено, и теперь въ Зотушкиномъ флигелькѣ шла разработка подробностей проектируемой винной торговли. У Владимира Петровича въ головѣ были такіе узоры нарисованы, что Гордей Евстратычъ каждый разъ уходилъ отъ него точно въ чаду. Брагина поражало особенно то, что Владимиръ Петровичъ всякаго человѣка насквозь видитъ, такъ-таки всѣхъ до единаго. Только Гордей Евстратычъ заикнется, а Владимиръ Петровичъ и пошелъ писать, да вѣдь такъ все разскажетъ, что Гордей Евстратычъ только глазами захлопаетъ: у него въ головѣ читаетъ, какъ по книгѣ, да еще прибавитъ отъ себя всегда такое, что Гордей Евстратычъ диву только дается, какъ онъ самъ-то раньше этого не догадался... А винную часть Владимиръ Петровичъ такъ произошелъ, что и говорить было нечего: все по копейкѣ впередъ разсчиталъ, на все своя смѣта, вездѣ первымъ дѣломъ расчетъ, даже гдѣ и кому колеса подмазать и всякое прочее, не говоря ужъ о томъ, какъ приговоры отъ сельскихъ обществъ забрать и какъ съ другими винторговцами конкуренцію повести.

Головинскій зорко присматривался къ брагинской семьѣ, особенно къ Татьянѣ Власьевнѣ, и, конечно, не могъ не замѣтить того двоившагося впечатлѣнія, которое онъ производилъ на старуху: она хотѣла вѣрить въ него и не могла, а между тѣмъ она была необходима для выполненія великихъ плановъ Владимира Петровича. Послѣ долгаго раздумья и самаго тщательнаго изслѣдованія вопроса со всѣхъ его сторонъ и со всѣхъ точекъ зрѣнія, Голо-

винскій пришелъ къ тому заключенію, что теперь можно нанести послѣдній рѣшительный ударъ, чтобы „добыть старуху“, какъ выражался про себя дѣлецъ. Однажды, когда Владиміръ Петровичъ остался съ глазу на глазъ съ Татьяной Власьевной, они разговорились.

— Давно я хочу вамъ сказать одну вещь, бабушка... Можно мнѣ такъ называть васъ, Татьяна Власьевна?

— Зови, коли глянется...

— Я простой человѣкъ, бабушка Татьяна, и люблю другихъ простыхъ людей. Такъ вотъ я смотрю на васъ и часто думаю, что у васъ чего-то недостаетъ въ домѣ... Такъ? Не денегъ, не вещей, а такъ... поважнѣе этого.

— Да чего же еще-то, милушка?.. Слава Христу, не можемъ, кажется, пожаловаться...

— Нѣтъ, не то... Постороннему человѣку, бабушка Татьяна, это виднѣе. Я часто думаю объ этомъ и рѣшился высказать все вамъ откровенно. Вы не обидитесь на меня? Я въ этомъ былъ увѣренъ... Видите ли, какая вещь... Гм... Однимъ словомъ, я думаю о васъ, бабушка Татьяна. Вѣдь вамъ подчасъ очень невесело приходится, и я знаю отчего. Виноватъ... Сначала я скажу вамъ, какъ вы ко мнѣ лично относитесь и что думаете теперь. Вы мнѣ не совсѣмъ довѣряете... Да? Дескать, чортъ его знаетъ, что у него на умѣ, у этого стрекулиста, пріѣхалъ изъ городу, поселился и хочетъ подмазаться къ нашимъ денежкамъ...

— Что вы, Владиміръ Петровичъ, Христосъ съ вами?! Да я, милушка... Ахъ, какія вы слова выговариваете!

— Будемте начисто говорить, и я прямо вамъ скажу, что вижу все это, понимаю и не обижаюсь. Для васъ я, дѣйствительно, посторонній человѣкъ, а чужая душа—потемки... Такъ? Да вы не стѣсняйтесь, бабушка Татьяна, дѣло житейское: я говорю только, что вы думаете. Ну, такъ и запишемъ... Васъ особенно смущаетъ то обстоятельство, что мы затѣваемъ съ Гордеемъ Евстратычемъ? Да? Онъ не говоритъ никому ничего потому, что далъ мнѣ честное слово не болтать. Я человѣкъ осторожный и не люблю бросать словъ на вѣтеръ, а тѣмъ больше хлопотать напрасно. Гордея Евстратыча я зналъ въ городѣ, какъ хорошаго человѣка, потому ему и довѣрился, а теперь вызналъ васъ, бабушка Татьяна, и, кажется, могу вамъ довѣриться вполнѣ.

Головинскій подробно разсказалъ свою встрѣчу съ Гордеемъ Евстратычемъ и свои намѣренія насчетъ винной части. Онъ ничего не скрылъ, ничего не утаилъ и съ свойственнымъ ему великимъ тактомъ тонко расшевелилъ дремавшую въ душѣ бабушки Татьяны корыстную жилку. Заманчивая картина съ одной стороны, а съ другой самыя неопровержимыя цифры сдѣлали свое дѣло: бабушка Татьяна пошла на удочку и окончательно убѣдилась, что Владиміръ Петровичъ, дѣйствительно, хорошій человѣкъ.

— Теперь возвратимся къ тому, съ чего начали, т.-е. что я хотѣлъ давно сказать, бабушка Татьяна,—продолжалъ Головинскій, переводя духъ.— Я съ перваго раза замѣтилъ, что у васъ есть какое-то горе, а теперь знаю его и могу вамъ помочь, если вы хотите. Однимъ словомъ, васъ мучатъ, бабушка Татьяна, ваши натянутыя отношенія къ вашимъ родственникамъ, т.-е. къ Савинымъ и къ Колобовымъ. Вы считаете себя правыми, и они тоже; они мучатся отъ этого за своихъ дочерей, а вы вдвое, потому что эти дочери у васъ постоянно передъ глазами. И Гордей Евстратычъ давно бы помирился съ ними, да только случая не выпадало. Собственно, и не ссорились, вѣроятно, а такъ, ваше золото всѣхъ смутило... Я былъ въ этомъ увѣренъ. Вотъ самимъ и не помириться никогда, а тутъ нужно посторонняго человѣка,

который на все взглянулъ бы здраво, безъ всякаго предубѣжденія. Хотите, я все устрою? Помирю и васъ и Гордея Евстратыча со всей вашей родней?

— Владимиръ Петровичъ, милушка, да какъ это тебѣ на умъ-то все это пришло... а?.. Вѣдь ты бы насъ всѣхъ облагодѣтельствовалъ!..

— Мнѣ просто жаль вашихъ невѣстокъ, жаль Гордея Евстратыча, а главнымъ образомъ—жаль васъ, бабушка Татьяна... *Для васъ* спеціально все устрою!.. Не легко это достанется, а устрою...

Старуха испытующе посмотрѣла на своего собесѣдника, покачала своей сѣдой головой и рѣшительно проговорила:

— Нѣтъ, милушка, ничего тебѣ не устроить...

— Да ужъ вы только мнѣ позвольте, а тамъ мое дѣло: моя голова въ отвѣтѣ...

— А какъ ты это устроишь?

— Опять мое дѣло...

Тронутая этимъ участіемъ и прозорливостью Владимира Петровича, бабушка Татьяна разсказала ему подробно о томъ, какъ она, вкупѣ съ о. Крискентомъ, хотѣла устроить такое примиреніе, воспользовавшись „гласомъ дѣвственности“, а вмѣсто того только загубили Ѳеню. При этомъ воспоминаніи Татьяна Власьевна, конечно, всплакнула и сквозь слезы, вытирая свои потухшіе глаза кончикомъ передника, проговорила:

— Ты еще не знаешь Матрены-то Ильиничны, такъ и говоришь такъ, а попробуй-ка. И Агнея Герасимовна: она только на видъ простой прикидывается. У насъ тутъ есть одна старая дѣвушка, Марѳа Петровна, такъ она мнѣ все разсказала, что̀ говорятъ про насъ у Колобовыхъ-то да у Савиныхъ.

— Ага... Такъ. А я вамъ скажу, что эта дѣвушка Марѳа Петровна, вѣроятно, страшная сплетница, она васъ и разссорила окончательно: вамъ наговоритъ про Колобовыхъ да про Савиныхъ съ три короба, а имъ про васъ. Вотъ сыръ-боръ и загорѣлся. Да ужъ вы только позвольте мнѣ...

Послѣ долгаго колебанія, Татьяна Власьевна наконецъ изъявила свое согласіе, чего Головинскій только и добивался. Онъ на той же ногѣ отправился къ Колобовымъ и Савинымъ, а вечеромъ пришелъ къ бабушкѣ Татьянѣ и немного усталымъ голосомъ проговорилъ:

— Ну, бабушка Татьяна, говорите: слава Богу! Все устроилъ... Завтра съ Гордеемъ Евстратычемъ вмѣстѣ поѣдемъ, сначала къ Колобовымъ, а потомъ къ Савинымъ. Матрена Ильинична кланяется вамъ и Агнея Герасимовна тоже... Старушки чуть меня не расцѣловали и сейчасъ же къ вамъ пріѣдутъ, какъ мы съѣздимъ къ нимъ съ визитомъ.

Это извѣстіе такъ поразило Татьяну Власьевну, что она въ нѣмомъ изумленіи минутъ пять смотрѣла на улыбавшагося Владимира Петровича, точно на нее нашелъ столбнякъ. Даже было мгновеніе, что старушка усомнилась, ужъ не оборотень ли предъ ней... И такъ просто: съѣздилъ, поговорилъ — и все какъ по маслу.

— Только для васъ, бабушка Татьяна! — повторялъ Головинскій, потирая руки.

XX.

Итакъ, двухлѣтнее „раздѣленіе“ Брагиныхъ съ родней, благодаря ловкому вмѣшательству Головинскаго, закончилось миромъ. Старикамъ надоѣло „подсиживать“ другъ друга, и они съ радостью схватились за протянутую руку.

— Да что̀ онъ вамъ говорилъ-то, Матрена Ильинична? — спрашивала Татьяна Власьевна, угощая въ своемъ домѣ сватью Колобову и сватью Савину.

— Да почесть и разговору особеннаго не было, Татьяна Власьевна, — объяснили старухи:—а пріѣхалъ да и обсказалъ все дѣло — только и всего. „Чего, говоритъ, вы ссоритесь?“ И пошелъ, и пошелъ: и невѣстокъ приплелъ, и золото, и Марѳу Петровну... Ну, обнаковенно всѣхъ на свѣжую воду и вывелъ, даже совѣстно намъ стало. И чего это мы только дѣлили, Татьяна Власьевна? Легкое мѣсто сказать: два года... а?.. Диви бы хоть ссорились, а то только и всего было, что Марѳа Петровна переплескивала изъ дома въ домъ.

— Вотъ-вотъ, это самое и есть... Марѳа-то Петровна и была заводчицей всему дѣлу!

Помирившіяся старушки были рады свалить вину на Марѳу Петровну; Головинскій предвидѣлъ такой оборотъ дѣла и съ особенной тщательностью обработалъ именно этотъ пунктъ. Теперь оставалось только помириться съ Пазухиными и съ Зотушкой; но Зотушка явно избѣгалъ возможности сближенія, а мириться съ Пазухиными, послѣ продѣлокъ Марѳы Петровны, въ которыхъ несомнѣнно должна была принимать участіе и Пелагея Миневна, нечего было и думать. Раньше бабушка Татьяна не теряла надежды уладить какъ-нибудь дѣло Нюши и Алешки Пазухина, а теперь она сама была противъ этого брака, благо и дѣвка стала забывать понемногу: дѣвичье горе да дѣвичьи слезы, какъ вешній дождь—высохнутъ. Разговорамъ старушекъ не было конца. Когда исчерпаны были всѣ подробности и отдѣльные эпизоды недавняго раздѣленія, онѣ принялись разсматривать тѣ обновы, какія завелись въ брагинскомъ домѣ. Татьяна Власьевна вытащила все, что̀ „милушка“ успѣлъ накупить въ послѣднее время на ярмаркахъ въ городѣ. Сватьи разсматривали, цѣнили и ахали отъ изумленія, потому что все было такое дорогое, на барскую ногу: столовое и чайное серебро, мебель, ковры и т. д. Особенно восторгъ старушекъ возбудилъ отдѣлъ бѣлья и платья, потомъ дорогіе подарки Гордея Евстратыча снохамъ, Нютѣ и самой Татьянѣ. Соболья шубка Нюши, золотой „приборъ“ Аришки, парчевый сарафанъ бабушки, брильянтовыя серьги, которыя подарилъ Гордей Евстратычъ Дунѣ за маленькую Таню, — все было осмотрѣно и облюбовано съ пріемами записныхъ знатоковъ своего дѣла. Старушки съ наблюденіемъ ощупывали руками дорогія матеріи и не могли оторвать глазъ отъ золота, заставлявшаго ихъ завистливо вздыхать.

— Чего говорить, богатые вы нынче стали, Татьяна Власьевна, — говорила Матрена Ильинична, испытывавшая особенное волненіе. — Рукой скоро не достать... Домъ вонъ какой начали подымать, пожалуй, еще почище шабалинскаго выйдетъ.

О всемъ было переговорено, все было перемыто до послѣдней косточки, и только никто ни единымъ словомъ не обмолвился о Θенѣ Пятовой, точно она никогда не существовала... Этого чернаго пятна не могъ смыть съ брагинскаго золота даже самъ Владимиръ Петровичъ. Въ первое, за состоявшимся примиреніемъ, воскресенье собрались въ церкви и Брагины, и Савины, и Колобовы, такъ что эта картина мира окончательно умилила о. Крискента, и онъ попробовалъ сказать слово на текстъ: „Что̀ добро или красно, еже жити, братіе, вкупѣ“, но не могъ его докончить—слезы радости душили его, и старикъ, махнувъ рукой, удалился въ алтарь. А виновникъ этого общаго торжества, т.-е. Владимиръ Петровичъ, стоялъ тутъ же въ церкви въ великолѣпномъ пальто и небрежно крестилъ его лацкана своими торопливыми барскими крестиками.

— Ну, всѣмъ ты взялъ, Владимиръ Петровичъ, а молиться не умѣешь,— началила Головинскаго послѣ обѣдни бабушка Татьяна:—точно въ балалайку играешь... А я еще думала, что ты къ старой вѣрѣ былъ приверженъ!..

. Головинскій порядочно зажился въ Бѣлоглинскомъ заводѣ, подготовляя дѣло. Между прочимъ, онъ успѣлъ побывать и у Шабалина и у Пятова, а зачѣмъ туда ѣздилъ — Богъ его знаетъ. „Ужъ такой, видно, у него характеръ, — рѣшила про себя Татьяна Власьевна: — пошелъ бы да поѣхалъ“... Старуха и не подозрѣвала, что примиреніемъ съ Колобовыми и Савиными Головинскій сразу убилъ двухъ зайцевъ: во-первыхъ, повернулъ на свою сторону самоё Татьяну Власьевну, а во-вторыхъ, расчистилъ дорогу Гордею Евстратычу, когда придется хлопотать по винному дѣлу и брать приговоры отъ волостныхъ обществъ. Савины и Колобовы были люди вліятельные и много могли помочь успѣху дѣла.

— Мы съ двухъ сторонъ возьмемъ, — объяснилъ Головинскій начинавшему сомнѣваться Гордею Евстратычу:—вы будете здѣсь орудовать, а я въ городѣ. Оно, какъ по маслу, все и сойдетъ...

Нужно сказать, что ...ская губернія была по части винной забрана въ сильныя руки одной могучей кучки виннозаводчиковъ, которые вершили всѣ дѣла по-своему. Пробиться въ этотъ заколдованный кругъ представляло непреодолимыя трудности, и цѣлый рядъ неудачныхъ попытокъ въ этомъ направленіи могъ бы охладить всякаго, но только не Владимира Петровича. Во главѣ винныхъ тузовъ стояла одна персона изъ херсонскихъ грековъ, нѣкто Жареный, который спаивалъ всю ...скую губернію и выплачивалъ казнѣ одного акцизу нѣсколько милліоновъ. Владычество его являлось государствомъ въ государствѣ; онъ былъ всесиленъ въ качествѣ кабацкаго патріарха и не допускалъ никого къ своему золотому руну. Въ его рукахъ были сосредоточены тысячи невидимыхъ нитей, которыми было опутано все кругомъ, а онъ сидѣлъ въ своей паутинѣ и блаженствовалъ, какъ присосавшаяся піявка. Гордей Евстратычъ стороной слыхалъ о великой силѣ Жаренаго и впадалъ въ невольное уныніе, когда припоминалъ свои жалкія сто тысячъ, которыя онъ выдвигалъ противъ всесильнаго водочнаго короля, окруженнаго, вдобавокъ, цѣлой голодной стаей своихъ компатріотовъ, которымъ онъ позволялъ пососать въ свою долю.

— Сумлѣваюсь я насчетъ этого Жаренаго,—не разъ говорилъ Брагинъ Владимиру Петровичу.—Пожалуй, не угоняться за нимъ... Утопитъ!..

— Ничего, не утопитъ, — увѣрялъ Головинскій:—ужъ я все устрою. Мы смажемъ салазки и Жареному. Вы только приговоръ отъ общества возьмите...

Устроивъ свои дѣла въ Бѣлоглинскомъ заводѣ, Владиміръ Петровичъ укатилъ въ городъ, напутствуемый общими благословеніями, какъ добрый геній. Даже Матрена Ильинична высказалась о немъ въ томъ родѣ, что „истинно Господь послалъ намъ этого Владимира Петровича!“. Брагинъ, не теряя дорогого времени, круто повелъ дѣла и самъ принялся объѣзжать заводы и деревни, гдѣ хотѣлъ взять за себя кабаки по общественнымъ приговорамъ; центромъ дѣйствія былъ, конечно, Бѣлоглинскій заводъ. На счастье Брагина, осенью кончались сроки приговорамъ, и онъ разсчитывалъ повернуть все по-своему, а для этого не скупился, гдѣ нужно было, тряхнуть мошной. Расходы были обыкновенные: ведра два водки волостнымъ старичкамъ, четвертной билетъ въ зубы писарю и по таковому же старшинѣ со старостой, а тамъ извѣстная откупная сумма „обчеству“, смотря по выгодности пункта. Въ общей сложности расходы были довольно чувствительные и быстро унесли изъ брагинской казны тысячъ двадцать пять,—а тамъ нужно было дѣлать всякое

кабацкое обзаведеніе. Головинскій повелъ дѣло не менѣе энергично и, вооруженный широкой довѣренностью Гордея Евстратыча, пролѣзалъ черезъ десятки игольныхъ ушей уѣздной и губернской администраціи. Нужно было во многихъ мѣстахъ смазать административную машину, а потому являлись часто побочные расходы—угодить „винной генеральшѣ“ и т. д. Гордей Евстратычъ получалъ подробные отчеты его неутомимыхъ хлопотъ, причемъ всѣ расходы Головинскій дѣлалъ на свой счетъ, и ихъ сумма превышала даже расходы самого Гордея Евстратыча, который даже стѣснялся такой щедростью своего тароватаго компаньона.

Въ самый горячій моментъ этихъ трогательныхъ усилій, когда все дѣло было ужъ на мази, Гордей Евстратычъ получилъ отъ Головинскаго лаконическую телеграмму: „Все улажено, онъ даетъ отступныхъ вдвое противъ нашихъ расходовъ“.

— Ну, шалишь, не на тѣхъ напалъ!..—соображалъ Брагинъ, торжествуя легкую побѣду. — Мы сами съ усами, чтобы на твои отступныя позариться. Нашелъ глупыхъ!..

Было открыто до двѣнадцати кабаковъ, и дѣло пошло горячо. Водка не чета даже желѣзной торговлѣ или хлѣбной, не говоря уже о панскомъ товарѣ: всегда тебѣ „мода“ на эту водку,—только получай денежки. На желѣзо да на хлѣбъ цѣны все-таки мѣняются, иногда совсѣмъ бываетъ застой въ дѣлахъ, а по винной части все хорошо: урожай—народъ пьетъ съ радости, неурожай—съ голоду. Про заводскихъ да про пріисковыхъ рабочихъ и говорить нечего: они только водкой и держались при своемъ каторжномъ трудѣ. Только одно было нехорошо въ этой винной части — очень ужъ много расходовъ на первый разъ: такъ въ разныя части и рвутъ, а доходы тамъ еще собирай. Конечно, дѣло было вѣрное, но все-таки какъ-то жаль разставаться съ вѣрными денежками. Головинскій нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Бѣлоглинскій, осматривая кабаки, и все тянулъ деньги изъ Гордея Евстратыча. Дѣло не жлало. и отказать было неловко.

— Свои-то денежки я всѣ ухлопалъ,—оправдывался Владимиръ Петровичъ:—теперь поневолѣ приходится тянуть васъ... Потерпите, скоро барыши будемъ загребать. Это только сначала расходовъ много, а тамъ пойдетъ совсѣмъ другое. Напустимъ мы холоду этому Жареному. Самъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ отступными, и только не плачетъ.

Эти расходы заставляли Гордея Евстратыча крѣпко задумываться, и онъ нѣсколько разъ заводилъ о нихъ рѣчь съ Татьяной Власьевной, которая всегда держала руку Владимира Петровича.

— Чтой-то милушка, ужъ этакій-то человѣкъ. Ужъ кому же послѣ этого вѣрить! — говорила старуха. — Вонъ о. Крискентъ, его дѣло сторона, а онъ прямо говоритъ: „Господь вамъ, Татьяна Власьевна, послалъ Владимира Петровича, именно за вашу простоту...“ И Матрена Ильинична съ Агнеей Герасимовной то же самое въ голосъ говорятъ...

— Оно конечно, мамынька; только вотъ денегъ-то больно много ухлопали мы: такъ и плывутъ...

— Потерпи, милушка. Какъ быть-то... Деньги дѣло наживное. А ужъ насчетъ Владимира Петровича ты даже совсѣмъ напрасно сумлѣваешься. Вонъ у него самоваръ даже серебряный, ковры какіе, а дома-то, сказываютъ, сколько добра всякаго... Ужъ ежели этакому человѣку да не вѣрить, милушка, такъ и жить на бѣломъ свѣтѣ нельзя. На что наша Маланья, на всѣхъ фукаетъ, какъ старая кошка, а и та: „Вотъ ужъ баринъ, такъ можно сказать, что заправскій баринъ!“

Постройка новаго дома къ первому снѣгу вчернѣ была кончена, хотя поставить стропила и покрыть крышу не успѣли. Домъ вышелъ громадный, даже больше шабалинскаго, и Гордей Евстратычъ думалъ только о томъ, какъ его достроить: противъ смѣты вездѣ выходили лишніе расходы, какъ что вмѣсто пятнадцати тысячъ, какъ первоначально было ассигновано, впору было управляться двадцатью. А между тѣмъ на рукахъ у Гордея Евстратыча денегъ оставалось все меньше и меньше, точно онѣ валились въ какую прорву. Съ винной частью Гордей Евстратычъ опять запустилъ свою панскую торговлю, во всемъ положившись на Михалку, который постоянно сидѣлъ въ лавкѣ. Архипъ разъѣзжалъ вмѣстѣ съ отцомъ по волостямъ, гдѣ открывались новые кабаки, и велъ всю счетную часть. Между тѣмъ выручка въ лавкѣ все убывала, особенно когда Гордею Евстратычу приходилось уѣхать куда-нибудь недѣли на двѣ. Татьяна Власьевна давно смѣтила, въ чемъ дѣло, но покрывала Михалку, чтобы не поднимать въ семьѣ новаго вздору; Михалка крѣпко зашибалъ водкой, особенно безъ отца. Кромѣ того, въ Бѣлоглинскомъ заводѣ снова появился Володька Пятовъ, и его часто видали въ брагинской лавкѣ, а это была плохая компанія. Ариша ходила съ заплаканными глазами, но Татьяна Власьевна уговорила ее потерпѣть.

— Ужъ какъ быть-то, голубушка, такое наше женское дѣло,—успокаивала она невѣстку:—теперь вотъ у насъ миръ да благодать, а ежели поднять все сызнова — упаси Владычица! Тихостью-то больше возьмешь съ мужемъ всегда, а вздорить-то, онъ всегда вздоръ будетъ... подуритъ-подуритъ Михалка и одумается. Съ этимъ Володькой теперь связался — отъ него вся и причина выходитъ...

Савины и Колобовы, конечно, знали о Михалкиныхъ непорядкахъ, но крѣпились, молчали, чтобы не разстроить только-что заварившейся дружбы. Агнея Герасимовна потихоньку говорила Аришѣ то же, что ей говорила Татьяна Власьевна, прибавляя въ утѣшеніе:

— Ты еще благодари Бога, что Михалка-то одной водкой зашибается, а вонъ Архипъ-то, сказываютъ, больно за дѣвками бѣгаетъ... Ужъ такъ мнѣ жаль этой Дуни, такъ жаль, да и Матрены-то Ильиничны! Только ты никому не говори ничего, Ариша, Боже тебя сохрани!

Дуня была совсѣмъ другого темперамента, чѣмъ Ариша, и точно не хотѣла замѣчать ничего: ей было лѣнь даже шевельнуться, и она послѣ перваго ребенка сильно начала толстѣть... Къ дѣтямъ снохи относились не одинаково: Ариша не могла надышаться на своего Степушку, а Дуня иногда даже совсѣмъ забывала о существованіи маленькой Тани. Гордей Евстратычъ относился къ невѣсткамъ ласково, но немного дулся на Аришу, потому что она всегда напоминала ему о разрывѣ съ Порфиромъ Порфирычемъ. Ариша очень неловко чувствовала себя каждый разъ въ присутствіи свекра, сознавая себя виноватой, хотя Гордей Евстратычъ не сказалъ ей ни слова о томъ, что самъ думалъ. Но разъ, когда Гордей Евстратычъ пришелъ откуда-то навеселѣ, онъ поймалъ Аришу въ комнатѣ, одну, и проговорилъ:

— Ну, Ариша, ты все еще на меня сердишься?.. А я такъ ни на кого не сержусь... и глаза закрылъ, будто ничего не вижу. Всѣ вы меня обманываете... Помнишь Порфира-то Порфирыча? Ничего я тебѣ не сказалъ тогда, все износилъ... Потомъ вы зачали меня съ Михалкой обманывать... А развѣ я слѣпъ?.. Все знаю, все вижу и молчу... Вотъ каковъ я человѣкъ есть, и ты это, Ариша, должна чувствовать. Да...

— Я васъ не обманываю, тятенька... — проговорила Ариша, краснѣя до ушей.

— Не обманываешь? А куда Михалка выручку дѣваетъ? А кто покрываетъ Михалку, когда онъ безъ меня домой пьяный приходитъ?.. Всѣ хороши...

Гордей Евстратычъ нехорошо засмѣялся, и этотъ вызывающій смѣхъ заставилъ Аришу вздрогнуть. Его, покрытое розовыми пятнами, улыбавшееся лицо было ей хорошо знакомо; она не забыла послѣдней сцены въ лавкѣ и теперь не знала, какъ себя держать: уйти—значитъ показать, что она подозрѣваетъ Гордея Евстратыча въ дурныхъ намѣреніяхъ, остаться — значитъ подать ему поводъ сдѣлать какую-нибудь новую глупость. Эта нерѣшительность и испугъ Ариши забавляли Гордея Евстратыча, и онъ, разглаживая свою подстрижепную бороду, сдѣлалъ по направленію къ невѣсткѣ нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ и даже протянулъ впередъ руки.

— Ну, помиримся, Ариша,—говорилъ онъ.—Да иди ко мнѣ, не бойся: не кусаюсь... Не хочешь?.. Не любишь?.. Ха-ха... Постой. змѣя. ты отъ меня все равно не уйдешь!

Молчаніе Ариши еще сильнѣе разозлило Гордея Евстратыча, и онъ, схвативъ ее за руку, съ сверкавшими глазами прошепталъ:

— Слышишь, что я тебѣ сказалъ?.. Я ничего не забылъ... Выбирай изъ любыхъ.

Бѣдная Ариша тряслась всѣмъ тѣломъ и ничего не отвѣчала, но, когда Гордей Евстратычъ хотѣлъ ее притянуть къ себѣ, она съ неестественной силой вырвалась изъ его рукъ и бросилась къ дверямъ. Старикъ однимъ прыжкомъ догналъ ее и, схвативъ за плечи точно желѣзными клещами, прибавилъ:

— Ты у меня только пикни, я тебя задушу своими руками... Добра моего не чувствуешь, такъ узнай зло!

— Тятенька... побойтесь Бога...

— Убирайся, дура!..

Ударомъ кулака Гордей Евстратычъ вышвырнулъ невѣстку за дверь, а самъ заходилъ по горницѣ неровнымъ шагомъ.

Планъ дѣйствій быстро созрѣлъ въ головѣ Гордея Евстратыча: подсчитавъ Михалку по лавкѣ, онъ взялъ его къ себѣ, а въ лавку опять посадилъ Аришу. Татьяна Власьевна боялась грозы, но Гордей Евстратычъ обошелся съ Михалкой очень милостиво и даже точно не хотѣлъ ничего видѣть.

— Ты у меня, смотри, не дури...—коротко замѣтилъ Брагинъ сыну.—Не умѣлъ въ лавкѣ сидѣть, такъ, можетъ, у меня на глазахъ лучше будешь, а то мы съ Архипомъ совсѣмъ замаялись.

Бѣдная Ариша, какъ и другіе, не могла себѣ объяснить, зачѣмъ Гордей Евстратычъ милуетъ Михалку, и вмѣстѣ съ тѣмъ отлично понимала, зачѣмъ посадили ее опять въ лавку. Отъ страха она старалась не думать о будущемъ и со страхомъ ждала каждаго новаго дня. Но и здѣсь ея ожиданія не оправдались: Гордей Евстратычъ не заглядывалъ совсѣмъ въ лавку, точно совсѣмъ забылъ о ней, хотя Ариша и не вѣрила этому, подозрѣвая какую-нибудь ловушку. А планъ Гордея Евстратыча былъ очень несложенъ. Володька Пятовъ болтался въ Бѣлоглинскомъ и отъ-нечего-дѣлать навѣрно будетъ шататься въ лавку къ Аришѣ. Брагину этого только и нужно было, и онъ не ошибся въ своихъ расчетахъ. Володька Пятовъ, воспользовавшись отсутствіемъ своего закадычнаго друга Михалки, опять принялся ухаживать за Аришей, которой даже бѣжать отъ него было некуда. Она сразу очутилась между двухъ огней. Воспользовавшись такимъ удобнымъ случаемъ, Гордей Евстратычъ черезъ третьи руки натравилъ Михалку на жену. Пьяный Михалка, заставъ въ лавкѣ Володьку Пятова, накинулся на жену и отколотилъ ее всенародно. Скандалъ вышелъ страшнѣйшій. Ариша вернулась домой вся

въ сипякахъ и даже не искала ни у кого защиты, потому что все равно ей никто не повѣрилъ бы, даже родная мать. Дѣло получило самый щекотливый оборотъ: Татьяна Власьевна держала сторону Михалки, Агпея Герасимовпа только плакала, не смѣя защищать опозоренную дочь. Дома Михалка, подстрекаемый отцомъ, еще прибавилъ женѣ, не оставивъ у ней на тѣлѣ живого мѣстечка.

— Что, не вкусно носить мужнины-то побои?—смѣялся Гордей Евстратычъ надъ избитой невѣсткой. — Я тебя вездѣ достану, змѣя... Теперь ужъ всѣ знаютъ, какая у тебя вѣра-то!.. Ха-ха... А скажи слово,—все будетъ потвоему.

Ариша молчала, не желая сказать „слова“. Это былъ вызовъ на отчаянную борьбу, и Гордей Евстратычъ еще сильнѣе привязывался къ неподдававшейся невѣсткѣ. Чтобы окончательно доконать ее, онъ съ дьявольской изобрѣтательностью напустилъ на Аришу сладкогласнаго о. Крискента, который долженъ былъ обратить заблудшую душу на путь истины.

Не добившись цѣли однимъ путемъ, Брагинъ пустилъ въ ходъ другую политику: онъ началъ вездѣ таскать за собою Михалку и свелъ его съ такой компаніей, гдѣ тотъ совсѣмъ закружился. Гордей Евстратычъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и относился къ сыну съ небывалой нѣжностью, и только одна Ариша понимала истинную цѣну этой отцовской нѣжности: отецъ хотѣлъ погубить сына, чтобы этимъ путемъ добиться своего. Дѣло кончилось тѣмъ, что Михалка началъ пить формальнымъ запоемъ, какъ пилъ Зотушка, и въ пьяномъ видѣ выкидывалъ всевозможныя безобразія. А Гордей Евстратычъ нарочно посылалъ его въ городъ на цѣлыя недѣли съ разными порученіями и не жалѣлъ денегъ, чтобы Михалка пожилъ въ свою долю въ настоящей компаніи. Скоро до Бѣлоглинскаго завода дошли слухи о подвигахъ Михалки въ городѣ, гдѣ онъ безобразничалъ напропалую, и только одинъ Гордей Евстратычъ не хотѣлъ ничего знать. Даже когда Татьяна Власьевна келейно передала ему эти слухи, онъ только улыбнулся и проговорилъ:

— Вздоръ, мамынька... Мало ли про насъ что болтаютъ съ зависти! Всѣхъ не переслушаешь, мамынька.

— Вотъ каковъ у тебя муженекъ-то.—разсказывалъ Гордей Евстратычъ безотвѣтной Аришѣ о подвигахъ Михалки.—А мнѣ тебя жаль, Ариша... Совсѣмъ напрасно ты бѣдуешь съ этимъ дуракомъ. Я его за дѣломъ посылаю въ городъ, а онъ тамъ отъ арфистокъ не отходитъ. Ужъ не знаю, что и дѣлать съ вами! Выкинуть на улицу, такъ вѣдь съ голоду подохнете вмѣстѣ и со своимъ щенкомъ.

Ариша какъ-то тупо отмалчивалась и даже не плакала.

Наступившее Рождество прошло очень невесело въ брагинскомъ домѣ, хотя Колобовы и Савины бывали въ немъ для порядку. Всѣмъ было тяжело, а всѣхъ тяжелѣе Аришѣ, которая видѣла кругомъ себя общее недовѣріе и самыя несправедливыя подозрѣнія. Конечно, Михалка пьянствовалъ отъ худой жены—вотъ общій приговоръ, который раздѣлялся всѣми. Отъ хорошихъ женъ мужья не бѣгутъ къ арфисткамъ... Даже пріѣхавшій Владимиръ Петровичъ, которому были всѣ рады, точно онъ могъ избавить брагинскій домъ отъ одолѣвавшихъ его напастей, — и тотъ былъ безсиленъ. Впрочемъ, и самъ Головинскій смотрѣлъ не совсѣмъ весело и подолгу совѣтовался съ Гордеемъ Евстратычемъ въ своемъ флигелькѣ. Дѣло было поставлено и пущено въ ходъ, но Мойша Жарепый не дремалъ и повелъ усиленную атаку противъ брагинскихъ кабаковъ; агенты Жаренаго добывали какіе-то приговоры, открывали кабаки напротивъ брагинскихъ и отпускали водку не только дешевле, чѣмъ

у Брагина, но еще въ долгъ. Очевидно, Жареный торговалъ себѣ въ убытокъ, чтобы только доконать непрошенныхъ конкурентовъ.

— Ничего, нужно только теперь потерпѣть, — утѣшалъ Головинскій. — Скоро надоѣстъ Жареному понапрасну деньгами сорить... Онъ хочетъ насъ запугать, а мы свою линію будемъ выводить.

Эти разговоры въ переводѣ обозначали: денегъ нужно, милѣйшій Гордей Евстратычъ. Но Гордей Евстратычъ уперся, какъ быкъ, потому что отъ его капитала осталось всего тысячъ десять наличными да лавка съ панскимъ товаромъ—остальное все въ нѣсколько мѣсяцевъ ушло на кабаки, точно это было какое-то чудовище, пожиравшее брагинскія деньги съ ненасытной прожорливостью.

— У меня больше нѣтъ денегъ, Владимиръ Петровичъ, — рѣшительно заявилъ Брагинъ своему компаньону.

— Значитъ, мы пустимъ все дѣло ко дну...

— Ужъ какъ Господь укажетъ... У Жаренаго милліоны, за нимъ не угоняешься.

— Можно и безъ денегъ обойтись, Гордей Евстратычъ. Укажите мнѣ хоть одно коммерческое предпріятіе, гдѣ все дѣло велось бы на наличныя? Такъ и мы съ вами сдѣлаемъ: за кредитомъ дѣло не станетъ. Только выдайте мнѣ спеціальную довѣренность, а тамъ ужъ я все дѣло устрою.

Гордей Евстратычъ крѣпко задумался: съ одной стороны — бросай все дѣло, съ другой—залѣзай въ долги, какъ другіе коммерсанты. Посовѣтовался съ мамынькой. Татьяна Власьевна успокаивала тѣмъ, что ужъ ежели Владимиръ Петровичъ совѣтуетъ, такъ, значитъ, дѣло вѣрное и т. д. Самого Гордея Евстратыча сильно подмывало желаніе потягаться съ Жаренымъ и показать ему свою силу. Послѣ нѣкотораго колебанія Брагинъ выдалъ довѣренность Головинскому, съ которой тотъ и укатилъ въ городъ. Можетъ-быть, послѣдняго Гордей Евстратычъ и не сдѣлалъ бы, если бы у него на умѣ не было своей заботы, которая не давала ему покоя ни днемъ ни ночью, и онъ все время бродилъ точно въ туманѣ.

XXI.

Какъ-то послѣ Рождества, однажды вечеромъ Татьянѣ Власьевнѣ особенно долго не спалось. Старое, семидесятилѣтнее тѣло сильно „тосковало“, старуха никакъ не могла укласть свои кости поспокойнѣе и все къ чему-то точно прислушивалась. Ночь была ясная, мѣсячная, морозная. Слышно было, какъ на улицѣ скрипѣли полозья, какъ проѣзжали къ фабрикѣ углевозы и какъ хрипло покрикивали на лошадей полузамерзшіе люди. Пропѣли вторые пѣтухи, когда Татьяна Власьевна начала забываться, но этотъ тревожный сонъ былъ нарушенъ какимъ-то подавленнымъ стономъ. Вскочивъ съ постели, Татьяна Власьевна бросилась къ Нюшѣ, но та спала ровнымъ, спокойнымъ сномъ, раскинувъ руки на подушкѣ; старуха торопливо принялась крестить внучку, но въ это время подозрительный звукъ повторился. Онъ походилъ на то, если бы человѣкъ усиливался крикнуть съ крѣпко сжатымъ ртомъ. Теперь Татьяна Власьевна ясно разслушала, что этотъ звукъ донесся изъ каморки Ариши, гдѣ она спала одна со своимъ Степушкой. Первой мыслью старухи было то, что это непремѣнно забрался къ нимъ Володька Пятовъ, котораго она видѣла третьяго-дня. Какъ была, на босу ногу, Татьяна Власьевна пошла къ Аришиной каморкѣ, захвативъ на всякій случай спичекъ; она никого не боялась и готова была вытащить Володьку за волосы. Когда она уже была

въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Аришиной каморки, тамъ послышалась какая-то глухая борьба. Чиркнувъ наскоро спичкой о стѣну, Татьяна Власьевна остановилась въ дверяхъ этой каморки и съ ужасомъ отступила назадъ: колеблющійся синеватый огонекъ разгоравшейся сѣрянки выхватилъ изъ темноты страшную картину боровшихся двухъ человѣческихъ фигуръ... Это была Ариша съ разбитыми волосами и побагровѣвшимъ отъ напряженія лицомъ, на которомъ еще оставались бѣлыми пятнами слѣды отъ чьихъ-то желѣзныхъ пальцевъ. Ее за руки держалъ Гордей Евстратычъ, весь багровый, съ трясшимися губами. Увидавъ мать, Гордей Евстратычъ бросился въ дверь. По дорогѣ онъ сильно толкнулъ мать и сейчасъ же заперся въ своей горницѣ.

— Что же ты не кричала?—спрашивала Татьяна Власьевна, когда немного пришла въ себя.

— Я кричала... онъ мнѣ ротъ зажималъ...—отвѣтила Ариша.

У Ариши еще стояли въ ушахъ страшныя слова Гордея Евстратыча: „Ты у меня, змѣя, попомни Кокина... слышишь?“ Это того Кокина, который зарѣзалъ родную внучку.

— Бабушка, онъ убьетъ Степушку... — прошептала Ариша и тихо заплакала.

Сдержанныя рыданія матери заставили ребенка проснуться, и, взглянувъ на мать и на стоявшую въ дверяхъ съ зажженной восковой свѣчой бабушку, ребенокъ тоже заплакалъ. Этотъ ребячій плачъ окончательно отравилъ Татьяну Власьевну, и она, держась рукой за стѣну, отправилась къ горницѣ Гордея Евстратыча, который сначала не откликался на ея зовъ, а потомъ отворилъ ей дверь.

— Ты не глуми, мамынька... — говорилъ онъ въ отвѣтъ на слезы и упреки матери.—Надо сперва еще разобрать дѣло-то. Можетъ, тогда другое заговоришь. Ариша-то...

— Врешь!.. врешь!.. Побойся Бога-то...

— Ей-Богу, мамынька!

Старики ссорились часа два, а когда Татьяна Власьевна пошла къ себѣ въ комнаты, каморка Ариши была уже пуста: схвативъ своего Степушку и накинувъ на плечи Нюшину заячью шубейку, она въ однихъ башмакахъ на босу ногу убѣжала изъ брагинскаго дома. Ясное дѣло, что она пошла къ своимъ и тамъ все разболтаетъ сейчасъ же. Дѣло получитъ огласку и покроетъ позоромъ всю брагинскую семью... А можетъ, Ариша побѣжала топиться? Черезъ пять минутъ Татьяна Власьевна, задыхаясь, бѣжала къ савинскому дому, не чувствуя тридцатиградуснаго холода, щипавшаго ей лицо и руки. Завидѣвъ издали, промигивавшій сквозь ледяную мглу морозной ночи, огонекъ въ нижнемъ этажѣ савинскаго дома, Татьяна Власьевна перекрестилась: Ариша была дома. Чтобы окончательно увѣриться въ этомъ, старуха добрела до самаго савинскаго дома и сквозь щель въ ставнѣ увидѣла Аришу, которая разсказывала все Самойлѣ Михеичу и Агнеѣ Герасимовнѣ. Все было кончено... Теперь уже никакими силами не остановить худой славы, которая молніей облетитъ вмѣстѣ съ зарей весь Бѣлоглинскій заводъ; теперь нельзя будетъ и носу никуда показать, всѣ будутъ указывать пальцами... Что будетъ съ Нюшей послѣ такой славы? Что будутъ дѣлать Михалка и Архипъ?.. Обратно Татьяна Власьевна брела цѣлый часъ, разбитая, уничтоженная, огорченная; она не чувствовала своихъ старыхъ слезъ, сыпавшихся у ней изъ глазъ и сейчасъ же стывшихъ на воротникѣ шубы. Срамъ, стыдъ, позоръ... И кто же все это надѣлалъ? Милушка Гордей Евстратычъ...

Дома Татьяна Власьевна застала всѣхъ вставшими. Дуня съ маленькой

Таней забралась къ Нюшѣ въ комнату, и онѣ заперлись даже на замокъ со страху. Ворота были отворены, въ горницѣ Гордея Евстратыча было темно и тихо, какъ въ могилѣ. Завидѣвъ блѣдную, посинѣвшую бабушку, Нюша и Дуня разревѣлись; онѣ уже узнали, что Ариша убѣжала и отчего она убѣжала. Татьяна Власьевна, не раздѣваясь, безсильно опустилась на первый стулъ и, закрывъ глаза, сидѣла неподвижно, какъ статуя. Нюша боялась спросить ее, гдѣ Ариша и что съ ней. Такъ онѣ втроемъ просидѣли въ одной комнатѣ вплоть до свѣту, когда Маланья прибѣжала сказать, что пріѣхалъ Самойла Михеичъ.

— Не надо... не пускай,—проговорила Татьяна Власьевна, точно просыпаясь отъ своего раздумья.

Самойла Михеичъ долго стучался въ ворота, грозилъ судомъ и проклиналъ Гордея Евстратыча, на чемъ свѣтъ стоитъ. Въ окнахъ пазухинскаго дома мелькали любопытныя лица; останавливались прохожіе; двое мальчишекъ, перескакивая съ ноги на ногу, указывали пальцами на окна брагинскаго дома.

— Выходи, снохачъ!.. Я съ тобой разсчитаюсь сейчасъ же!..—кричалъ неистово Самойла Михеичъ.—Эй, Гордей Евстратычъ, что спрятался?..

Расходившійся старикъ колотилъ кулаками въ стѣну брагинскаго дома и плевалъ въ окна, но тамъ все было тихо, точно всѣ вымерли. Гордей Евстратычъ лежалъ на своей кровати и вздрагивалъ при каждомъ вскрикиваніи неистовствовавшаго свата. Если бы теперь попалась ему подъ руку Ариша, онъ ее задушилъ бы, какъ котенка.

Черезъ часъ весь Бѣлоглинскій заводъ уже зналъ о случившемся. Марѳа Петровна успѣла побывать у Колобовыхъ, Пятовыхъ, Шабалиныхъ и даже у о. Крискента и вездѣ наслаждалась величайшимъ удовольствіемъ, какое только въ состояніи была испытывать: она первая сообщала огромную новость и задыхалась отъ волненія. Конечно, Марѳа Петровна успѣла при этомъ кое-что прибавить, кое-что прикрасить, такъ что скандалъ въ брагинскомъ домѣ покатился по всему Бѣлоглинскому заводу, какъ снѣжный комъ, увеличиваясь отъ собственнаго движенія.

— Съ ножомъ бросился на Аришу... вотъ сейчасъ провалиться...—увѣряла у Шабалиныхъ Марѳа Петровна. — А она, Ариша-то, какъ вырвалась отъ Гордея Евстратыча, такъ въ одной рубахѣ и прибѣжала къ своимъ-то... Нарочно ходила къ нимъ и своими глазами видѣла Аришу: какъ Гордей Евстратычъ душилъ ее, какъ у ней и теперь всѣ пять пальцевъ такъ и отпечатались на лицѣ. Онъ и Степушку хотѣлъ зарѣзать, да старуха помѣшала... А Михалки дома нѣтъ, онъ въ городу. И Архипъ тоже... А какъ Самойла-то Михеичъ ихъ срамилъ утромъ: „снохачъ!“—такъ и реветъ у воротъ, а самъ на стѣны кидается.

У Шабалиныхъ Марѳа Петровна услыхала другую, не менѣе интересную новость, которую ей разсказалъ самъ Вуколъ Логинычъ, именно, что Брагины разорились на кабакахъ. Шабалинъ только-что вернулся изъ города, гдѣ и слышалъ эту новость.

— Влетѣлъ, какъ куръ во щи!—хохоталъ Вуколъ Логинычъ.—Впередъ наука... Вздумалъ тягаться съ Жаренымъ... Ха-ха... Да тутъ весь нашъ Бѣлоглинскій заводъ выворотить, такъ всѣхъ нашихъ потроховъ не достанетъ. Это его Головинскій отполировалъ...

Шабалинъ на этотъ разъ не лгалъ. Дѣйствительно, Гордей Евстратычъ сейчасъ послѣ удаленія ругавшагося старика Савина получилъ отъ Головинскаго такую телеграмму: „Нужно пятьдесятъ тысячъ. Иначе мы погибли“.

Достать такую сумму нечего было и думать, и Гордей Евстратычъ понялъ, что онъ теперь разорился въ пухъ и прахъ. Онъ показалъ телеграмму матери и торопливо началъ одѣваться.

— Ты куда?—сурово спрашивала Татьяна Власьевна.

— Въ городъ, мамынька...—коротко отвѣтилъ Гордей Евстратычъ, натягивая въ рукава оленью доху.—Надо... не знаю, ничего не знаю, мамынька... мы разорились... Прощай, мамынька... Береги Нюшу...

Даже не простившись съ дочерью, Брагинъ вышелъ изъ комнаты и въ сѣняхъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ Матреной Ильиничной, которая испуганно отшатнулась отъ него, какъ отъ зачумленнаго. Они постояли другъ противъ друга нѣсколько мгновеній. Потомъ Гордей Евстратычъ бросился во дворъ и торопливо вышелъ на улицу. Онъ пошелъ прямо къ знакомому ямщику, велѣлъ заложить лучшую тройку и черезъ полчаса былъ на дорогѣ въ городъ. Шелъ легкій снѣжокъ, морозъ быстро спадалъ, ямщикъ лихо правилъ тройкой, которая быстро неслась по избитой ступеньками широкой дорогѣ, обгоняя попадавшіеся обозы. Гордей Евстратычъ лежалъ въ кошевой, на охапкѣ сѣна, и безучастно смотрѣлъ по сторонамъ, точно человѣкъ, который медленно и тяжело просыпается послѣ сильнаго хлороформированія. За нимъ гнались страшные тѣни и призраки. Мертвая Ѳеня, какой онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ въ гробу, отчаянно защищавшаяся Ариша, плакавшая въ своей горенкѣ Нюша, убитая горемъ мамынька съ ея посинѣвшимъ страшнымъ лицомъ.

Въ это время въ брагинскомъ домѣ происходила такая сцена. Матрена Ильинична сидѣла въ комнатѣ Татьяны Власьевны, не снимая шубы, и говорила своей сватьѣ:

— Я пришла за Дуней, Татьяна Власьевна...

— Не пущу,—коротко отвѣтила Татьяна Власьевна.

— Пустишь... Вы тутъ снохъ рѣжете, а мы будемъ на васъ глядѣть. Есть и на васъ судъ, сватья...

— Все-таки не пущу. У Дуни есть мужъ, это его дѣло... Гордей Евстратычъ уѣхалъ въ городъ, я не могу безъ него.

— Силкомъ уведу, ежели добромъ не отдашь.

— А судъ?

— И судъ будетъ судить... Найдемъ и на васъ управу. Снохачей-то и на судѣ не похвалятъ. Дуняша, оболокайся...

— Дуня, не смѣй, а то прокляну.

— Дуня, оболокайся, пусть клянетъ: грѣхъ на моей душѣ...

Старухи повздорили и сильно разгорячились.

— Ариша напраслиной обнесла Гордея Евстратыча...—говорила Татьяна Власьевна.—Передъ Богомъ отвѣтитъ.

— Ладно, ладно... Будетъ вамъ снохъ-то тиранить. Кто Володьку-то Пятова къ Аришѣ подвелъ? Кто Михалку наущалъ жену колотить? Кто спаивалъ Михалку? Это все вашихъ рукъ дѣло съ Гордеемъ Евстратычемъ... Вишь, какъ забили бабенку! Развѣ у добрыхъ людей глазъ нѣтъ... Дуняша, оболокайся!.. А то я сейчасъ въ волость пойду или станового приведу... Душу-то христіанскую тоже не дадимъ губить.

Татьяна Власьевна испугалась станового и покорилась. Дуня на скорую руку одѣлась, во что попало, закутала маленькую Таню въ шубу и ушла за матерью. У воротъ ихъ дожидалась лошадь. Въ брагинскомъ домѣ осталась теперь только Татьяна Власьевна съ Нюшей да кривая Маланья, которая выла и голосила въ своей кухнѣ, какъ по покойникѣ. Нюша сидѣла съ ногами

на своей кровати и, казалось, ничего не понимала, что творилось кругомъ; она была свидѣтельницей крупнаго разговора споривших старухъ и теперь даже не могла плакать. Ей тоже хотѣлось бѣжать изъ этого проклятаго дома, но куда?!. Дѣвушка боялась даже бабушки, которая ходила по комнатамъ, какъ помѣшанная, и торопливо прибирала все въ сундуки, щелкая замками.

— Нюша... гдѣ ты? — спрашивала Татьяна Власьевна, вспомнивъ о внучкѣ.

— Я здѣсь, бабушка...

— Чего ты смотришь: прибирай скорѣе!.. — заворчала на нее Татьяна Власьевна, сваливая на руки Нюши ворохъ снятыхъ скатертей, изъ которыхъ выкатились на полъ два мѣдныхъ подсвѣчника.—Да поворачивайся... Чего ты глаза-то вытаращила?

Нюша машинально подобрала валившіяся изъ рукъ скатерти и продолжала смотрѣть на бабушку испуганными остановившимися глазами. Татьяна Власьевна только теперь догадалась, что Нюша слышала весь разговоръ Матрены Ильиничны.

— Нюша, что съ тобой, милушка?..

— Бабушка... родимая...

Нюша съ рыданіями повалилась на свою постель, обхвативъ обѣими руками сунутыя ей бабушкой скатерти. Но это молодое горе не въ состояніи было тронуть Татьяны Власьевны, и старуха увѣренно проговорила:

— Не вѣрь, милушка, никому не вѣрь... Зря всѣ болтаютъ, а съ Аришки взыщетъ Господь за напраслину.

— Бабушка, да вѣдь недаромъ же Ариша-то убѣжала ночью?..

— Со злости убѣжала она, со злости, милушка... И всѣхъ насъ напраслиной обнесла, за наше-то добро.

Татьяна Власьевна теперь сама вѣрила своимъ словамъ и тому, что ей говорилъ Гордей Евстратычъ объ Аришѣ. Конечно, она его затащила къ себѣ въ каморку, а потомъ нарочно закричала, чтобы показать свекра снохачомъ: этимъ и хотѣла покрыть свой грѣхъ съ Володькой Пятовымъ. Хитра змѣя... Чѣмъ дольше думала въ этомъ направленіи сходившая съ ума старуха, тѣмъ она сильнѣе убѣждалась въ правотѣ напрасно обнесеннаго сына. Статочное ли дѣло, чтобы Гордей Евстратычъ сталъ заниматься такими мерзостями... Конечно, его подвела Ариша, а Аришу научили другіе, тѣ же Пазухины. Имъ это на руку... Гляди-ка, какъ поднялся давѣ Самойла-то Михеичъ, чуть зубами не грызетъ ворота, а самъ кругомъ виноватъ—вырастилъ дочь-потаскушку.

Этотъ рядъ мыслей парализовался извѣстіемъ о разореніи. Татьяна Власьевна плохо поняла въ первую минуту значеніе этого страшнаго слова, и только теперь оно представилось ей во всей своей реальной обстановкѣ, со всѣми подробностями. Едва ли она испугалась бы въ такой степени, если бы ей объявили смертный приговоръ,—тогда погибла бы она одна, а теперь все кругомъ нея рушилось, и точно даже шатались стѣны батюшкина дома. Кстати, Татьяна Власьевна припомнила, что на той недѣлѣ выпалъ кирпичъ изъ батюшкиной печи и что потомъ она видѣла сряду три дня во снѣ эту печь: печаль и вышла... Ужъ это всегда такъ бываетъ, что печь видятъ къ печали да горю.

— Надо все прибирать... скорѣе прибирать!—говорила вслухъ Татьяна Власьевна, торопливо обходя всѣ горницы и собирая все, что попадалось подъ руку, чтобы спрятать и запереть въ сундуки.

Можно было подумать, что старый брагинскій домъ охваченъ огнемъ и Татьяна Власьевна спасала отъ разливавшагося пожара послѣднія крохи. Она

заставила и Нюшу все прибирать и прятать и боязливо заглядывала въ окна, точно боялась, что вотъ-вотъ наѣдутъ неизвѣстные враги и разнесутъ брагинскіе достатки по перышку. Нюша видѣла, что бабушка не въ своемъ умѣ, но ничего не возражала ей и машинально дѣлала все, что̀ та ее заставляла.

— Гляди-ка, Нюша, вѣдь это у Пазухиныхъ изъ-за косяка подглядываютъ за нами, — говорила Татьяна Власьевна. — Марѳа Петровна... Этакая злыдня!.. Нюша, милушка, гдѣ у насъ ложки-то серебряныя?

— Въ шкапу, бабушка...

— Ахъ, грѣхъ какой! Да вѣдь шкапъ-то стеклянный, все видно... Тащи все въ сундукъ, а то какъ разъ...

Въ открытые сундуки, какъ на пожарѣ, безъ всякаго порядка укладывалось теперь все, что̀ попадало подъ руку: столовое бѣлье, чайная посуда, серебро и даже лампы, которыя Гордей Евстратычъ недавно привезъ изъ города. Скоро сундуки были полны, но Татьяна Власьевна заталкивала подъ отдувавшуюся крышку еще снятые съ мебели чехлы и заставляла Нюшу давить крышку колѣнкомъ и садиться на нее.

— Оно вѣрнѣе будетъ, какъ подъ замко̀мъ-то, — говорила Татьяна Власьевна, связывая всѣ ключи на одну веревочку.

XXII.

Пріѣхавъ въ городъ, Брагинъ прежде всего отправился, конечно, къ Головинскому, который встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями и, подхвативъ подъ руку, съ соболѣзнованіемъ говорилъ:

— Что̀ дѣлать, Гордей Евстратычъ... что̀ дѣлать!

— Да вѣдь вы меня разорили, Владимиръ Петровичъ?!.. — сдерживая бѣшенство, отвѣчалъ Брагинъ. — У меня больше расколотаго гроша нѣтъ за душой... Понимаете: гроша нѣтъ!..

Головинскій поднялъ плечи и брови и, разставивъ широко ноги, внушительнымъ полуголосомъ повторилъ нѣсколько разъ одну фразу:

— Я тоже все потерялъ... Понимаете: рѣшительно все!..

— Да вѣдь вы обѣщали мнѣ золотыя горы? — уже закричалъ Брагинъ, хватаясь за голову. — Вы меня обманули!.. разорили!.. Вы меня со всей семьей пустили по міру...

Брагинъ тяжело упалъ въ кресло и рванулъ себя за покрытые сильной просѣдью волосы. Съ бѣшенствомъ расходившагося мужика, онъ осыпалъ Головинскаго упреками и руганью, нѣсколько разъ вскакивалъ съ мѣста и начиналъ подступать къ хозяину съ сжатыми кулаками. Головинскій, скрестивъ руки на груди, далъ полную волю высказаться своему компаньону и только улыбался съ огорченнымъ достоинствомъ и пожималъ плечами.

— Послушайте, Гордей Евстратычъ... Вы напрасно волнуетесь, — мягко заговорилъ Головинскій. — Этимъ дѣлу не поможешь... Обсудимте лучше все дѣло хладнокровно. Если бы я дѣйствительно былъ виноватъ, я бы не былъ такъ спокоенъ... Нечистая совѣсть всегда скажется. Я даже не сержусь на васъ, потому что вы находитесь въ такомъ состояніи, что...

— Нѣтъ, я хорошо все понимаю... это разбой!.. дневной грабежъ!.. А ты подлецъ изъ подлецовъ...

Сжавъ побѣлѣвшія губы, Гордей Евстратычъ, какъ разъяренный быкъ, кинулся на Головинскаго съ кулаками, но тотъ подставилъ ему стулъ и, отдѣленный этимъ барьеромъ, даже не пробовалъ защищаться, а только показалъ своему врагу маленькій револьверъ. Брагинъ завизжалъ отъ безсильнаго гнѣва,

какъ лошадь, которую деретъ медвѣдь; онъ готовъ былъ въ клочья разорвать своего спокойнаго компаньона, если бы не его страшная „оборонка“.

— Поговоримте спокойно...—продолжалъ Головинскій, предлагая Гордею Евстратычу стулъ. — Порядочные люди всегда поймутъ другъ друга, и я надѣюсь, что мы не разойдемся врагами.

— Да ты дьяволъ, что ли?!.. — ревѣлъ Гордей Евстратычъ на это дружеское приглашеніе.—Жилы хочешь тащить изъ живого человѣка?!.. Ободралъ, какъ липку, а теперь зубы заговаривать... Нѣтъ, шабашъ, не на таковскаго напалъ. Будетъ намъ дураковъ-то валять, тоже не лѣвой ногой сморкаемся!..

— Успокойтесь, уважаемый Гордей Евстратычъ... Это вредно для вашего здоровья... Поговоримте спокойно...

— Я тебѣ покажу, подлецъ, спокойно... У!.. стракулистъ поганый!.. Думаешь, я на тебя суда не найду? Нѣ-ѣтъ, найду!.. Послѣднюю рубаху просужу, а тебя добуду... Спокойно!.. Да я... А-ахъ, Владимиръ Петровичъ, Владимиръ Петровичъ!.. Гдѣ у тебя крестъ-то?.. Вѣдь ты всю семью по міру пустилъ... всѣхъ... Теперь вѣдь глазъ нельзя никуда показать... срамъ!.. Старуху, и ту по міру пустилъ... Хуже ты разбойника и душегубца, потому что тотъ хоть разомъ живота рѣшитъ и шабашъ, а ты... А-ахъ, Владимиръ Петровичъ, Владимиръ Петровичъ!..

Понятное дѣло, что подобный разговоръ не могъ ни къ чему привести, и стороны разстались самымъ естественнымъ образомъ, т.-е. Головинскій, при содѣйствіи Егора и кучера, вытолкалъ бушевавшаго Гордея Евстратыча изъ своей квартиры въ шею. Выкинутый на улицу Брагинъ, не помня себя отъ бѣшенства, долго неистовствовалъ у подъѣзда. Онъ стучалъ ногами и кулаками въ двери, оторвалъ отъ нихъ массивную мѣдную ручку въ русскомъ вкусѣ и такъ ругался и оралъ на всю улицу, что передъ квартирой Головинскаго собралась цѣлая толпа любопытнаго городского люда: кухарки, мальчишки, кучера, чиновникъ, возвращавшійся со службы, какіе-то „молодцы“ изъ лавки и т. д. Всѣ пересмѣивались и указывали пальцами на бѣсновавшагося старика.

— Православные... ограбилъ, зарѣзалъ!.. — кричалъ Брагинъ. — Будьте свидѣтелями... Я судиться буду!.. Я покажу...

Наругавшись досыта, пока не охрипъ, Гордей Евстратычъ сѣлъ на извозчика и отправился прямо къ адвокату, чтобы не терять дорогого времени. Онъ вспомнилъ одного черномазаго адвоката изъ восточныхъ человѣковъ съ желтыми глазами, по фамиліи Спорцевадзе. Этотъ Спорцевадзе страшно размахивалъ руками и обладалъ красивымъ голосомъ, который гудѣлъ, какъ труба. „Вотъ этого звѣря я и напущу на кровопійцу!—съ особеннымъ удовольствіемъ думалъ Гордей Евстратычъ, снимая и надѣвая на себя соболью шапку. — „Спокойно... здоровье испортите...“ Я тебѣ покажу...“

На счастье Брагина, Спорцевадзе оказался дома. Онъ жилъ въ собственномъ двухъэтажномъ домѣ на Соборной площади, съ дубовымъ подъѣздомъ и зеркальными стеклами. Швейцаръ въ передней и приличная обстановка пріемной произвели успокаивающее впечатлѣніе на Гордея Евстратыча, а когда вышелъ самъ Спорцевадзе съ своими желтыми глазами—онъ даже улыбнулся и подумалъ про себя: „Вотъ мы этого желтоглазаго и напустимъ на кровопійцу...“ Пока Брагинъ, сбиваясь и путаясь, передавалъ сущность своего дѣла, адвокатъ небрежно чистилъ свои длинные розовые ногти и только изрѣдка взглядывалъ на кліента, а когда тотъ кончилъ, онъ коротко спросилъ:

— Такъ онъ васъ до нитки обчистилъ?

— Въ одной рубашкѣ пустилъ... Вотъ-те истинный Христосъ!..

Адвокатъ улыбнулся этой наивной выходкѣ, а потомъ, не переставая чистить ногтей, проговорилъ:

— Да, я слышалъ о васъ... Что дѣлать!.. Ловко васъ обчистилъ этотъ Головинскій... И главное, скоро—не тянулъ. Раньше-то вы чѣмъ занимались?

— Торговалъ панскимъ товаромъ, ваше благородіе

Спорцевадзе пристально посмотрѣлъ на Брагина своими желтыми глазами и подумалъ: „Ну, съ этого взять нечего: голъ, какъ соколъ...“

— Знаете, что я вамъ посовѣтую,—заговорилъ адвокатъ послѣ короткой паузы, трогая щеточкой брильянтовый перстень на рукѣ: — я посовѣтую вамъ совсѣмъ бросить это дѣло..

— Какъ бросить?!.—вскипѣлъ Гордей Евстратычъ, опуская руки.

— Да вы садитесь и поговоримте спокойно...

Это „спокойно“ рѣзнуло Брагина по сердцу, какъ ножомъ, но онъ скрѣпился и присѣлъ къ письменному столу.

— Видите ли, какая вещь... — протянулъ Спорцевадзе, раздвигая ноги, какъ это дѣлалъ Владимиръ Петровичъ.—Вы дали полную довѣренность Головинскому. Да?.. Вотъ онъ, на основаніи этой довѣренности, и нажегъ васъ, а вамъ съ него ничего не взять: дѣло велось со всѣми необходимыми формальностями, такъ что вамъ рѣшительно ничего не взять со своего компаньона. Мало ли торговыхъ дѣлъ разстраивается, и лопаются не такія компаніи.

— Да вѣдь деньги-то, деньги-то мои, ваше благородіе!.. Голенькихъ сто тысячъ просадилъ я...

— И еще просадили бы сто, если бы были. На ловкаго человѣка наткнулись. Ну, да это все равно. Мнѣ, собственно, некогда съ вами теперь долго разговаривать, а я дамъ вамъ одинъ совѣтъ; спасайте послѣднія крохи и займитесь опять своей панской торговлей.

— Да вѣдь у меня весь капиталъ уторканъ въ кабаки!

Спорцевадзе задумался, опять посмотрѣлъ на Брагина своими желтыми глазами и проговорилъ:

— Да, да... Это вѣрно. Знаете, что я вамъ посовѣтую? Васъ собственно утопилъ не Головинскій, а Жареный... Такъ?

— А чортъ ихъ разберетъ!..

— Нѣтъ, это вѣрно. Поэтому, чтобы воротить хотя часть затраченнаго на кабаки капитала, я совѣтую вамъ обратиться прямо къ Жареному.

— Это къ жидовину-то?..

— Успокойтесь, Моисей Моисеичъ совсѣмъ не жидъ, а грекъ и притомъ отличный человѣкъ. Онъ войдетъ въ ваше положеніе и, я увѣренъ, даже, можетъ-быть, вы съ нимъ устроите какую-нибудь сдѣлку.

— Ну, ужъ это шабашъ!.. Чтобы я пошелъ къ жидовину—ни въ жисть... Вотъ сейчасъ провалиться на этомъ самомъ мѣстѣ!..

— Какъ знаете. Наша обязанность дать совѣтъ, а тамъ уже ваше дѣло. Вы напрасно такъ предубѣждены противъ Моисея Моисеича, — это отличный человѣкъ, и я увѣренъ...

„Врешь, желтоглазый! Хочешь меня еще запятить къ жидовину: ни въ жисть!“—думалъ Гордей Евстратычъ, выходя отъ адвоката.

Отъ Спорцевадзе Брагинъ отправился къ другому адвокату, отъ другого къ третьему—но вездѣ совѣтъ былъ одинъ, точно всѣ эти шельмы сговорились: такъ въ одинъ голосъ и рѣжутъ. Дѣло выходило самое распослѣднее. „Что же вы ко мнѣ раньше не обратились!“—говорили адвокаты, завидуя хватившему кушъ Головинскому. И всѣ посылаютъ къ Жареному... Это къ тому самому Жареному, который пустилъ Брагина по міру! Гордей Евстратычъ сначала

не могъ даже думать о такомъ униженіи и готовъ былъ расколоться на нѣсколько частей, только бы не итти къ распроклятому „жидовину“.

Только обойдя всѣхъ адвокатовъ, Брагинъ вспомнилъ, что Михалка и Архипъ были въ городѣ, и отправился ихъ разыскивать. Брагины всегда останавливались въ гостиницѣ съ номерами для господъ проѣзжающихъ, и отыскать ихъ Гордею Евстратычу было не трудно. Михалка былъ дома, но спалъ пьяный, а Архипъ оказался въ больницѣ.

— Зачѣмъ въ больницѣ?—спрашивалъ Брагинъ вытягивавшагося предъ нимъ лакея съ салфеткой подъ мышкой:—боленъ?

— А такъ-съ... не то чтобы больны, а въ этомъ родѣ.

— Да говори толкомъ, окаянная душа.

— Гм... У Архипа Гордеича такая ужъ болѣзнь, такъ они теперь пользуются у дохтура.

Извѣстіе о „такой болѣзни“ Архипа переполнило чашу, и Гордей Евстратычъ не зналъ дальше, что̀ ему дѣлать, предпринять, даже что̀ думать. Въ головѣ у него все вертѣлось и прыгало, какъ въ испорченной машинѣ, которую нельзя даже остановить. Здѣсь, въ этомъ грязномъ трактирномъ номерѣ, стѣны котораго были пропитаны запахомъ водки, пива и табачнаго дыма, онъ теперь сидѣлъ, какъ оглушенный. Гдѣ-то щелкали бильярдные шары, въ сосѣднемъ номерѣ распѣвалъ чей-то надтреснутый женскій голосъ бравурную шансонетку, а Гордей Евстратычъ смотрѣлъ кругомъ — на спавшаго на диванѣ Михалку, на пестрые обои, на грязныя захватанныя драпировки, на торчавшаго у дверей лакея съ салфеткой, и думалъ,—нѣтъ не думалъ, а снова переживалъ цѣлый ворохъ разорванныхъ въ клочья чувствъ и впечатлѣній. Мертвая Ѳеня, убѣжавшая чуть не въ одной рубашкѣ Ариша, таявшая, какъ свѣча, Нюша, пьяный Михалка, Архипъ со своей болѣзнью, Владимиръ Петровичъ съ его „успокойтесь“, адвокатъ Спорцевадзе, а тамъ жидовинъ Мойша Жареный и позоръ, позоръ, позоръ... Что̀ будетъ съ Нюшей? Теперь и Пазухины глядѣть на нее не захотятъ,—потому какъ взять дѣвку изъ разореннаго дома?

— Не прикажете ли чего-съ?..—спрашивалъ лакей.

— Какъ ты сказалъ?

— Говорю, не прикажете ли насчетъ водки...

— А-а... Ну, давай водки, графинъ водки...—точно про себя повторялъ Брагинъ и, улыбнувшись горькой улыбкой, прибавилъ про себя: „чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись“.

Выпивъ хорошій графинъ водки, Гордей Евстратычъ уснулъ тутъ же въ номерѣ, положивъ голову на столъ. Онъ проспалъ чуть не двадцать часовъ, а когда проснулся и немного пришелъ въ себя, опять принялся обдумывать, что̀ ему дѣлать. Къ адвокатамъ итти было не зачѣмъ. Подкрѣпившись двумя рюмками очищенной, Брагинъ рѣшился сходить къ знакомымъ золотопромышленникамъ: авось что̀ присовѣтуютъ. Умъ хорошо, два лучше того. Былъ у него одинъ знакомый старикъ золотопромышленникъ, по фамиліи Колосовъ, изъ раскольниковъ. Вотъ къ нему Брагинъ и отправился за совѣтомъ; кстати, у этого старика были свои дѣла съ Жаренымъ,—можетъ, словечко и замолвитъ по старой дружбѣ предъ жидовиномъ. Старикъ-раскольникъ, убѣленный серебряной сѣдиной, отнесся къ несчастью Брагина съ большимъ участіемъ и долго качалъ головой.

— Плохо, плохо, Гордей Евстратычъ,—говорилъ Колосовъ, разглаживая свою окладистую сѣдую бороду. — Экъ тебя угораздило съ этими кабаками... Ужъ и времена только!.. Съ живого кожу сдерутъ. А только Спорцевадзе тебѣ правильно посовѣтовалъ. Надо будетъ толкнуться къ Мосею Мосеичу,

не выгоритъ ли что-нибудь. Пожалуй, дамъ тебѣ писульку на всякій случай.

— А безъ жидовина невозможно?

— Нѣтъ, нельзя... Силища этотъ Мосей Мосеичъ, его не обойдешь, какъ суженаго. Можетъ, и смилуется. Охъ, только у всѣхъ этихъ иноплеменцевъ трудно вывертываться... Ну, да ужъ дѣлать нечего, попытайся.

Взялъ Гордей Евстратычъ отъ Колосова его писульку и съ ней отправился пытать счастья къ жидовину. Но добраться до Мойши Жаренаго было не такъ-то легко, какъ онъ думалъ. Этотъ кабацкій король являлся въ городъ только по временамъ, а настоящую резиденцію имѣлъ на своихъ винныхъ заводахъ, куда Брагинъ и отправился, хотя конецъ былъ не малый, верстъ въ двѣсти, пожалуй, не укладешь.

Моисей Жареный жилъ настоящимъ королемъ въ своемъ помѣстьѣ Бурнаши, которое расположено было на западномъ склонѣ Урала, гдѣ берутъ свое начало живописные притоки р. Бѣлой. Это край той цвѣтущей Башкиріи, которую расхитили уфимскіе чиновники. Жареный купилъ свое имѣнье отъ одного изъ такихъ счастливцевъ, которому досталось на долю до тридцати тысячъ богатѣйшей земли. Чиновнику, а въ особенности русскому чиновнику, земля то же, что̀ слѣпому грамота, поэтому уфимскіе чиновники размотали свои надѣлы за четверть цѣны. Бурнаши славились своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ и цѣлой сѣтью горныхъ рѣчекъ, которыя бороздили башкирскій черноземъ. Когда-то башкиры здѣсь кочевали со своими кошами, а теперь дымились винокуренные заводы и кипѣла самая оживленная дѣятельность, превратившая жалкую деревушку Бурнаши въ маленькій городокъ, кишмя кипѣвшій греками, армянами, евреями и тому подобнымъ людомъ, ютившимся около своего патрона. Издали можно было залюбоваться на бойкую картину, какую представляли Бурнаши даже зимой. Каменные дома, заводскія постройки, ряды новыхъ крестьянскихъ избъ — все говорило о новой жизни и новыхъ людяхъ. Недавняя пустыня точно проснулась подъ вліяніемъ новой „цивилизаціи“. Когда Брагинъ подъѣхалъ на почтовой тройкѣ къ селу, свѣтлымъ весеннимъ денькомъ, онъ невольно залюбовался. Снѣгъ уже осѣлъ и спекся въ рыхлую, пропитанную водой массу; дорога почернѣла, въ воздухѣ пахло обновляющей вся и все силой. Лѣсъ казался зеленѣе, но это былъ не тотъ дремучій лѣсъ, какой росъ зеленой стѣной около Бѣлоглинскаго завода и на Смородинкѣ: ели были пушистѣе, сосны ниже и развилистѣе, попадались березняки и осинники цѣлыми островами.

Глядя кругомъ, Гордей Евстратычъ невольно вспомнилъ про свою Смородинку, которая теперь стояла безъ всякаго дѣла: старикъ еще разъ пережилъ нанесенную ему Порфиромъ Порфирычемъ обиду и тяжело вздохнулъ. Эхъ, воротить бы пріискъ, не поѣхалъ бы онъ съ повинной къ этому жидовину съ писулькой Колосова! Но прожитаго не воротишь... А вонъ и первыя избушки бурнашевскихъ мужиковъ, вонъ и свѣтленькіе, съ иголочки новенькіе деревянные домики разныхъ приспѣшниковъ Жаренаго, вонъ и каменный домъ самого Мосея Мосеича. Брагинъ сотворилъ про себя молитву и велѣлъ ѣхать на постоялый дворъ.

Добраться до Мосея Мосеича въ Бурнашахъ было еще труднѣе, чѣмъ въ городѣ, потому что нужно было пролѣзть черезъ живую стѣну изъ самыхъ отчаянныхъ искаріотовъ, смотрѣть-то на которыхъ Гордею Евстратычу было тошнымъ-тошнехонько. И каждая шельма оглядываетъ съ ногъ до головы да выспрашиваетъ: Чей? Откуда? По какому дѣлу? и т. д. А потомъ окажется, что онъ не можетъ провести въ Мосею Мосеичу, надо спросить набольшаго,

а у набольшаго еще набольшій—цѣлая лѣстница... Ходилъ-ходилъ старикъ по служащимъ,—всѣ смотрятъ подозрительно и косятся, точно въ чужое государство пріѣхалъ, лопочутъ по-своему, ничего не разберешь. У Гордея Евстратыча воротило на душѣ отъ этихъ церемоній, и не разъ ему хотѣлось плюнуть на все, даже на самого Мосея Мосеича, а потомъ укатить въ свой Бѣлоглинскій заводъ, въ Старую-Кедровскую улицу, гдѣ стоитъ батюшкинъ домъ. Но дѣлать было нечего: привела Маркушкина жилка Гордея Евстратыча въ чужую дальнюю сторону, надо какъ ни на есть выпутываться изъ бѣды, какъ совѣтовали адвокаты и старый Колосовъ.

„Ужъ если такъ галаганятся служащіе, такъ самъ-то Мосей Мосеичъ что̀ сдѣлаетъ со мной? — не разъ думалъ Брагинъ, почесывая въ затылкѣ.— Ахъ, песъ ихъ задери совсѣмъ!..“

Въ Бурнашахъ Гордей Евстратычъ проболтался цѣлыхъ три дня, прежде чѣмъ выхлопоталъ себѣ у самаго набольшаго аудіенцію Мосея Мосеича. Принарядился Брагинъ въ свое модное платье, которое привезъ изъ Нижняго, расправилъ подстриженную бороду и, скрѣпя сердце, отправился въ гнѣздо къ самому жидовину, Мосею Мосеичу. Аудіенція была назначена по бѣлоглинскому времени въ обѣдъ, т.-е. въ двѣнадцать часовъ дня. Къ парадным дверямъ, швейцарамъ и разнымъ антре Гордей Евстратычъ уже успѣлъ порядкомъ привыкнуть, пока шатался по городскимъ адвокатамъ, поэтому даже удивился, что и передняя и пріемная у Мосея Мосеича была гораздо попроще, чѣмъ у Спорцевадзе. Швейцаръ вызвалъ лакея, лакей доложилъ барину; провели гостя въ самый кабинетъ къ Мосею Мосеичу. Навстрѣчу Брагину съ орѣховаго кресла поднялся шустрый красивый старикъ съ сѣдыми длинными усами и ласково заговорилъ.

— Гордей Евстратычъ Брагинъ? Да? Слышалъ... Очень пріятно познакомиться. Вотъ сюда садитесь... Или нѣтъ, пойдемте сначала кофе пить.

Брагинъ вспомнилъ, какъ первый разъ пилъ кофе у Головинскаго, и, набравшись смѣлости, проговорилъ:

— Ужъ какіе намъ кофеи, Мосей Мосеичъ... Я вотъ насчетъ дѣльца своего къ вамъ. Не задержать бы васъ своими пустяками... Куда ужъ намъ, мужикамъ, кофеи распивать.

— У меня въ домѣ всѣ равны,—мягко замѣтилъ Жареный, прищуривая свои ласковые темные глаза, глядѣвшіе „наскрозь“.—Пойдемте. Знаете русскую пословицу: „Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ“...

Жареный былъ бодрый, хорошо сохранившійся старикъ съ такимъ привѣтливымъ, умнымъ лицомъ. Брагинъ чувствовалъ, что онъ теперь нисколько не боится этого жидовина Мосея Мосеича, который куда какъ привѣтливѣе и обходительнѣе своихъ набольшихъ. И одѣтъ былъ Жареный простенько, по-домашнему, гораздо проще, чѣмъ одѣвался въ Бѣлоглинскомъ какой-нибудь Вуколъ Шабалинъ. Онъ провелъ гостя черезъ рядъ парадныхъ комнатъ въ свѣтлую столовую, гдѣ за накрытымъ столомъ ужъ сидѣли двѣ дамы, какой-то мальчикъ и тотъ самый набольшій, который устроилъ это свиданіе. Жареный отрекомендовалъ гостя дамамъ и самъ усадилъ его на стулъ рядомъ съ собой. Такое вниманіе жидовина даже обезкуражило Гордея Евстратыча, особенно по сравненію съ тѣмъ пріемомъ, какой ему дѣлалъ Порфиръ Порфирычъ или Завиваевъ. Пока пили кофе, Жареный говорилъ за четверыхъ и все обращался къ гостю, такъ что подъ конецъ Гордею Евстратычу сдѣлалось совсѣмъ совѣстно: онъ и сидѣть-то по-образованному не умѣетъ, не то что разговоры водить, особенно при дамахъ, которыя по-своему все о чемъ-то переговаривались.

— Я давно слышалъ о васъ и радъ съ вами познакомиться, — не унимался Мосей Мосеичъ.—Какъ-то мы съ вами не встрѣчались нигдѣ. Я, кажется, отъ старика Колосова слыхалъ о васъ... Да. Отличный старикъ, я его очень люблю, какъ вообще люблю всѣхъ русскихъ людей.

Писульку Колосова Гордей Евстратычъ передалъ самому набольшему еще раньше. Этотъ самый набольшій очень не по душѣ пришелся Брагину: чортъ его знаетъ, что̀ за человѣкъ — финтитъ-финтитъ, а толку все нѣтъ. И глаза у него какіе-то мышиные, и самъ точно все чего-то боится и постоянно оглядывается по сторонамъ. За столомъ самый набольшій почти ничего не говорилъ, а только слушалъ Мосея Мосеича, да и слушалъ-то по-мышиному: насторожитъ уши и глядитъ прямо въ ротъ къ Мосею Мосеичу, точно вскочить туда хочетъ. Брагинъ думалъ, что послѣ кофе они пойдутъ въ кабинетъ, и онъ тамъ все обскажетъ Жареному про свое дѣло, зачѣмъ пріѣхалъ въ Бурнаши; но вышло не такъ: изъ-за стола Жареный повелъ гостя не въ кабинетъ, а въ заводъ, куда ходилъ въ это время каждый день. Онъ держалъ себя, какъ и раньше, вѣжливо и предупредительно, объясняя и показывая все, что̀ попадалось интереснаго. Обошли цѣлый винный заводъ; побывали въ томъ отдѣленіи, гдѣ очищали водку, и даже забрались въ громадный подвалъ съ рядомъ совсѣмъ готовыхъ бочекъ, лежавшихъ, какъ стадо откормленныхъ на убой свиней. Гордей Евстратычъ въ первый разъ былъ на винномъ заводѣ и въ первый разъ видѣлъ всѣ процессы, какъ изъ ржи получалось зелено вино. Чаны съ заторами, перегонные кубы, дистиляторы, бочки,—вездѣ была эта проклятая водка, которая окончательно погубила Брагина и которая погубитъ еще столько людей.

— Мы зайдемъ еще на конюшню, Гордей Евстратычъ, — предлагалъ Жареный.—Да вы не устали ли? Будьте откровенны. Я вѣдь привыкъ къ работѣ.

— Нѣтъ, что̀ вы, Мосей Мосеичъ, какое усталъ!..

— Мнѣ хочется показать вамъ все свое хозяйство. Знаете, слабость у меня, старика... Извините ужъ.

Лошади у Жаренаго были всѣ на подборъ, цѣлый заводъ, все тысячные рысаки. Даже Гордей Евстратычъ залюбовался двумя воронными жеребчиками: куда почище будутъ шабалинскаго сѣраго.

— А теперь о дѣлѣ побесѣдуемъ,—говорилъ Жареный, направляясь къ дому.—Пока говоримъ, и обѣдъ поспѣетъ.

Обхожденіе Мосея Мосеича, его привѣтливость и вниманіе заронили въ душу Брагина лучъ надежды: авось и его дѣльце выгоритъ... Да просто сказать, не захочетъ марать рукъ объ него этотъ Мосей Мосеичъ. Что̀ ему эти двѣнадцать кабаковъ—плюнуть да растереть. Навѣрно, это все Головинскій навралъ про Жаренаго. Когда они вернулись въ кабинетъ, Брагинъ подробно разсказалъ свое дѣло. Жареный слушалъ его внимательно и что-то чертилъ карандашомъ на листѣ бумаги.

— Что̀ же вы хотите отъ меня, Гордей Евстратычъ?—спросилъ Жареный, когда Брагинъ кончилъ.

— А я насчетъ того, Мосей Мосеичъ, что не будетъ ли вашей милости насчетъ моихъ-то кабаковъ... Что̀ они вамъ: плюнуть, и все тутъ, а мнѣ вѣдь чистое разоренье, по міру итти остается. Ужъ пожалуйста, Мосей Мосеичъ...

— Не могу... — сжавъ плечи, проговорилъ Жареный. — Нѣтъ. не могу. Что̀ угодно, а этого не могу. И не просите лучше...

Какъ ни бился Брагинъ, какъ ни упрашивалъ Жаренаго, даже на ко-

лѣняхъ хотѣлъ его умолять о пощадѣ: тотъ остался непреклоненъ и только въ угоду старику Колосову согласился взять на себя всѣ двѣнадцать брагинскихъ кабаковъ, т.-е. все обзаведеніе, чтобы не пропадало даромъ, конечно, за полцѣны.

— Куда же вы, Гордей Евстратычъ? — удивился Жареный, когда Брагинъ взялся за шапку.—А обѣдать?..

Гордей Евстратычъ какъ-то равнодушно посмотрѣлъ на Мосея Мосеича, махнулъ рукой и молча вышелъ изъ его кабинета: Жареный показался ему злѣе самаго злого жидовина.

XXIII.

Домой, въ Бѣлоглинскій заводъ, Гордей Евстратычъ вернулся почти ни съ чѣмъ, исключая своей сдѣлки съ Жаренымъ, которая могла въ результатѣ дать тысячи три-четыре. Михалка пріѣхалъ вмѣстѣ съ отцомъ, а Архипъ остался въ городѣ „пользоваться“ отъ своей болѣзни. Объ убѣгѣ Ариши разсказала Михалкѣ сама Татьяна Власьевна съ необходимыми поясненіями и прибавками, причемъ оказалось, что бабенку разстраивали родные, вотъ она и придумала штуку.

— Мы ее черезъ полицію вытребуемъ, мамынька, — рѣшилъ Гордей Евстратычъ:—Михалка подастъ заявленіе, и конецъ тому дѣлу.

— А Дуня гдѣ?—спрашивалъ Михалка.

— Она погостить отпросилась къ своимъ, да что-то прихворнула тамъ...—лгала Татьяна Власьевна съ самымъ благочестивымъ намѣреніемъ.—Архипъ-то скоро пріѣдетъ?

— Тамъ дѣльце одно осталось, такъ онъ съ нимъ позамѣшкался малость,—обманывалъ въ свою очередь Гордей Евстратычъ, не моргнувъ глазомъ.—Надо намъ развязаться съ этимъ треклятымъ городомъ... Ну, а мы Аришу-то подтянемъ, ежели она добра нашего не хочетъ чувствовать.

Въ брагинскомъ домѣ теперь было особенно скучно и мертвенно, точно въ домѣ былъ покойникъ. Всѣмъ чего-то недоставало и всѣхъ что-то давило, какъ кошмаръ. Невѣстки, казалось, унесли съ собой послѣднюю каплю того довольства и спокойствія, какое остается даже въ разоренныхъ домахъ. Разложеніе шло за-разъ извнѣ и изнутри, и разрушающее дѣйствіе этого процесса чувствовалось одинаково всѣми, хотя Гордей Евстратычъ и бодрился, и самъ сѣлъ торговать въ батюшкину лавку. Онъ теперь былъ занятъ, главнымъ образомъ, планомъ того, какъ добыть Аришу, и затѣмъ, какъ показать надъ ней свою родительскую власть. Отъ погрома по винной части у Брагина еще осталось тысячъ десять, о которыхъ никто не зналъ, и на эти деньги онъ думалъ понемногу поправиться, а тамъ, изъ-за дѣла, можно будетъ подсмотрѣть какую-нибудь новую штучку. Отвѣдавъ легкой наживы, старикъ скучалъ своей панской торговлей, и его такъ и тянуло пуститься въ какое-нибудь рискованное дѣло. Недостроенный домъ тоже немало смущалъ Гордея Евстратыча, точно бѣльмо на глазу: достраивать нечѣмъ, а продать за безцѣнокъ жаль. Да и совѣстно было передъ другими, что затѣялъ такую хоромину, а силенки и не прохватило; недостроенный же домъ точно говорилъ всѣмъ о разореніи недавняго тысячника Брагина.

Эти мысли и планы были нарушены пріѣздомъ въ Бѣлоглинскій заводъ плѣшиваго старичка, который оказался адвокатомъ Масловымъ. Этотъ Масловъ отыскалъ Гордея Евстратыча и предъявилъ ему цѣлый ворохъ векселей, отчасти выданныхъ самимъ Брагинымъ, а отчасти написанныхъ по его довѣ-

ренности Головинскимъ. Объ этихъ векселяхъ Гордей Евстратычъ какъ-то даже забылъ совсѣмъ, а ихъ набралось тысячъ на пятнадцать, да притомъ платежи были срочные — вынь да положь. О перепискѣ векселей старичокъ-адвокатъ и слышать не хотѣлъ. Положеніе выходило самое критическое; выбросить адвокату послѣднія десять тысячъ—значитъ живьемъ отдать себя, потому что, чортъ его знаетъ, Головинскій, можетъ-быть, тамъ еще надавалъ векселей невѣсть сколько, а если не заплатить, тогда опишутъ лавку и домъ и объявятъ банкротомъ. Думалъ-думалъ Гордей Евстратычъ и порѣшилъ сходить сначала къ Шабалину, не выручитъ ли поручительской подписью на векселяхъ. Но Шабалинъ отказался наотрѣзъ, ссылаясь на крайнее безденежье. Брагинъ толкнулся еще къ двумъ-тремъ знакомымъ толстосумамъ — то же самое; онъ даже побывалъ у Пятова и о. Крискента, но и тамъ тотъ же самый отказъ. Очевидно, его торговый кредитъ рушился навсегда, и никто больше ему не вѣрилъ.

— Когда такъ, то я объявляю себя несостоятельнымъ, а тамъ пусть судятъ! — рѣшился Гордей Евстратычъ на отчаянное средство. — Пусть все описываютъ...

— Навѣрно, у васъ есть припрятанныя денежки про черный день, — усовѣщевалъ Масловъ:—а то вѣдь все пойдетъ съ молотка за безцѣнокъ...

„Ишь, плѣшивая собака, носомъ чуетъ послѣднія денежки и хочетъ ихъ вытормошить“,—думалъ Брагинъ и остался при своемъ рѣшеніи.

Теперь Гордей Евстратычъ боялся всѣхъ городскихъ людей, какъ огня, и по-своему рѣшился спасти отъ нихъ послѣднія крохи. Онъ начисто объяснилъ свое положеніе дѣлъ Татьянѣ Власьевнѣ, а также и то, что адвокаты выжмутъ изъ него всѣми правдами и неправдами послѣднія денежки, поэтому онъ лучше отдастъ ихъ на сохраненіе ей: со старухи адвокатамъ нечего будетъ сорвать, потому какія у ней могутъ быть деньги.

— А ты ихъ припрячь, мамынька, да хорошенько припрячь, — училъ Гордей Евстратычъ:—послѣ пригодятся. На твое имя откроемъ какую-нибудь торговлишку или на Дуню. Не все же будемъ бѣдовать...

— Да страшно, милушка... У меня этакихъ денегъ и въ рукахъ отродясь не бывало!

— Ты только спрячь, мамынька, и дѣлу конецъ. Никому не сказывай...

Татьяна Власьевна взяла деньги, завязала ихъ въ узелокъ и съ молитвой запрятала ихъ туда, куда умѣютъ прятать только однѣ старушки. Но съ этими деньгами она взяла на плечи такое бремя, которое окончательно придавило въ ней живого человѣка: старухой овладѣлъ какой-то непрерывавшійся ни на минуту страхъ и подозрѣніе ко всѣмъ окружающимъ. Она даже начала бояться Нюши, не сторожитъ ли та ее. Она не знала покоя ни днемъ ни ночью и даже вздрагивала, когда гдѣ-нибудь стукнетъ. Цѣнныя вещи, какъ серебро и разные наряды, въ ожиданіи описи, Татьяна Власьевна тоже успѣла попрятать по разнымъ укромнымъ уголкамъ. Она теперь походила на мышь, которую въ ея собственной норѣ медленно начинаетъ заливать подступающая вода. Спрятанныя сокровища мучили старуху, какъ мучитъ преступника его преступленіе, и она сотни разъ передумывала, какъ бы лучше скрыть отъ всѣхъ глазъ свои деньги. Иногда въ самую полночь ей вдругъ приходило въ голову, что она совсѣмъ не такъ спрятала, какъ слѣдовало бы, и эта мысль гнала ее на дворъ, гдѣ она торопливо перепрятывала завѣтный узелокъ съ деньгами. Разстроенное воображеніе рисовало Татьянѣ Власьевнѣ самыя ужасныя картины расхищенія ея богатствъ, и она часто просыпалась съ холоднымъ потомъ на лбу. Вмѣстѣ со страхомъ росло въ старухѣ чувство стар-

ческой жадности. Ей начинало казаться, что она ужасно много тратитъ денегъ на себя, и въ видахъ экономіи она убавляла полѣнья дровъ, нарѣзывала хлѣбъ къ обѣду тоненькими ломтиками и, проходя, ворчала на кривую Маланью, подозрѣвая ее въ тайныхъ замыслахъ на хозяйское добро.

— Теперь вѣдь не прежняя пора...—брюзжала Татьяна Власьевна, какъ давшій трещину колоколъ.—Пожалуй, этакъ наскрозь проѣдимся.

— Мамынька, ужъ ты тово... — замѣчалъ иногда Гордей Евстратычъ, когда ему надоѣдало ворчанье старухи.—Прежде смерти не умремъ.

— Нѣтъ, милушка, такъ нельзя безъ понятія-то. Кабы раньше за умъ хватились да не погнались за большимъ богатствомъ, не то бы было... Вотъ выгонятъ изъ батюшкина дома, тогда куды мы дѣнемся? Не изъ чего прокарчиваться-то будетъ ужъ.

Послѣдствія протеста векселей не замедлили обнаружиться. Въ Бѣлоглинскій заводъ явился судебный приставъ окружнаго суда и произвелъ опечатаніе лавки и всего имущества въ брагинскомъ домѣ; хотя брагинская семья была подготовлена къ этому событію, но самый актъ, обставленный извѣстными формальностями, произвелъ на всѣхъ самое тяжелое и удручающее впечатлѣніе. Этотъ чиновникъ въ мундирѣ являлся чѣмъ-то въ родѣ карающей руки безпощадной судьбы и той нужды, которая въ первый разъ постучалась въ старый батюшкинъ домъ. Красная казенная печать точно отмѣтила собой первыя жертвы. Конечно, опечатано было только имущество самого Гордея Евстратыча, а имущество другихъ членовъ семьи осталось нетронутымъ, но, во-первыхъ, какъ было различить это имущество, а во-вторыхъ, при патріархальномъ строѣ брагинской семьи, собственно, все принадлежало хозяину, такъ что на долю сыновей, Нюши и Татьяны Власьевны осталось только одно платье да разный домашній хламъ. Знакомые совѣтовали Брагину до описи вывезти свой товаръ изъ лавки, а также что̀ было получше въ домѣ, какъ новая мебель, ковры, посуда и т. п. Но Гордей Евстратычъ не захотѣлъ такъ дѣлать, какъ дѣлаютъ всѣ другіе банкроты, и упрямо отвѣчалъ на такіе совѣты одной фразой:

— Нѣтъ, этого не будетъ: пусть зорятъ...

Во время описи онъ самъ помогалъ приставу и указывалъ на вещи, которыя тотъ хотѣлъ не замѣтить.

— Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, все печатайте, чтобы все форменно было,— говорилъ Гордей Евстратычъ.

Такое поведеніе особенно огорчало Татьяну Власьевну, хотя она и не смѣла открыто „перечить“ милушкѣ, потому что онъ, очевидно, что-то держалъ у себя на умѣ. Михалка и Нюша присутствовали при этомъ, тоже относились ко всему какъ-то безучастно, точно эта опись ихъ совсѣмъ не касалась.

— Кажется, все?—спрашивалъ приставъ, когда всѣ вещи были занесены въ списокъ и заномерованы.

— Теперь все чисто... — отвѣтилъ Брагинъ съ какимъ-то особеннымъ злорадствомъ, точно онъ радовался описи

Приставъ, толстый добродушный господинъ, отъ души пожалѣлъ брагинскую семью, но, конечно, отъ себя ничѣмъ не могъ помочь. Татьяна Власьевна, сохраняя исконный завѣтъ, угостила чиновника своей стряпней и оставшимися отъ прежняго богатства закусками и винами; въ этомъ случаѣ она побѣдила одолѣвавшую ее скупость и на мгновеніе превратилась въ прежнюю тароватую хозяйку, для которой гость составляетъ нѣчто священное. Это добродушіе тронуло выпившаго чиновника, и онъ еще разъ пожалѣлъ, что Гордей Евстратычъ не принялъ нѣкоторыхъ мѣръ для предупрежденія описи, какъ это дѣлаютъ другіе.

— Дѣло житейское, — объяснилъ онъ. — Можно было бы любую половину припрятать, а послѣ пригодилось бы про черный день...

— Нѣтъ, ужъ зачѣмъ же, ваше благородіе, — отвѣчалъ Гордей Евстратычъ, разглаживая свою бороду. — Оно ужъ одно къ одному...

— Какъ одно къ одному?

— Такъ... Чтобы форменно было, ваше благородіе. Зачѣмъ добрыхъ людей обманывать.

Чиновникъ только пожалъ плечами. Поблагодаривъ за угощеніе, онъ отправился въ обратный путь.

Наступившее лѣто прошло въ хлопотахъ по дѣлу о банкротствѣ. Пріѣзжали какіе-то чиновники изъ города, провѣряли опись, выспрашивали, вынюхивали и отправлялись во-свояси. Гордей Евстратычъ тоже нѣсколько разъ ѣздилъ въ городъ, куда его вызывали повѣсткой изъ окружнаго суда. Дѣло шло быстро къ своей законной развязкѣ. Въ послѣднюю свою поѣздку Брагинъ привезъ изъ города Архипа, который только-что былъ выпущенъ изъ больницы: отъ прежняго красавца-парня осталась одна тѣнь, такъ что Татьяна Власьевна въ первую минуту даже не узнала своего внука. Лицо у Архипа было сѣрое, волоса на головѣ вылѣзли, носъ куда-то исчезъ, глаза съ опухшими красными вѣками слезились, какъ у старика.

— Ну, мамынька, теперь мы совсѣмъ чисты будемъ, — объявилъ Гордей Евстратычъ: — укціонъ будетъ... Все по молотку продадутъ.

Брагинъ какъ-то странно относился ко всему происходившему, точно онъ радовался, что наконецъ избавится отъ всѣхъ этихъ вещей съ красными печатями, точно онѣ были запятнаны чьей-то кровью. Онъ жалѣлъ только объ одномъ, что всѣ эти передряги мѣшали ему расправиться настоящимъ образомъ съ убѣжавшими невѣстками, которыя и слышать ничего не хотѣли о возвращеніи въ описанный брагинскій домъ. Особенно хотѣлось расправиться старику съ Аришей.

— Вотъ только намъ съ этимъ укціономъ развязаться, — говорилъ Гордей Евстратычъ въ своей семьѣ: — а тамъ мы по-свойски расправимся съ этими негодницами... На все законъ есть, и каждый человѣкъ долженъ закону покориться: теперь я банкрутъ — ну, меня съ укціону пустятъ; ты вышла замужъ — тебя къ мужу приведутъ. Потому вездѣ законъ, и супротивъ закону ничего не подѣлаешь. Развѣ это порядокъ отъ законныхъ мужей бѣгать? Нѣ-ѣтъ, мы ихъ добудемъ и по-свойски раздѣлаемся...

Наступилъ и день аукціона, о которомъ за двѣ недѣли было оповѣщено печатными объявленіями, расклеенными въ волости и на рынкѣ. Одно такое объявленіе Гордей Евстратычъ своими руками прибилъ на гвоздики къ воротной вереѣ. Опять пріѣхалъ толстенькій приставъ со своимъ писаремъ и остановился прямо въ брагинскомъ домѣ, въ Зотушкиномъ флигелькѣ, гдѣ годъ назадъ квартировалъ Головинскій. Всего какой-нибудь годъ, и сколько воды утекло за это время... Гордей Евстратычъ совсѣмъ посѣдѣлъ и часто повторялъ про себя въ какомъ-то раздумьѣ одну фразу: „Да, чисто раздѣлали вы насъ, Владимиръ Петровичъ... Въ полгода все оборудовали!“ Это была насмѣшка надъ собственной глупостью и простотой, какъ умѣетъ смѣяться только одинъ русскій человѣкъ, когда онъ попадетъ въ безвыходное положеніе.

Съ ранняго утра въ день аукціона въ брагинскомъ домѣ со всѣхъ сторонъ сходился народъ — одни, съ деньгами въ карманѣ, поживиться на чужой счетъ, другіе просто поглядѣть. Въ батюшкиныхъ горницахъ теперь суетилась густая толпа, съ жаднымъ любопытствомъ осматривавшая опечатанныя вещи и дѣлавшая имъ свою оцѣнку. Одни съ соболѣзнованіемъ покачивали головами

и жалѣли, что столько добра за безцѣнокъ пойдетъ, а большинство думало только о себѣ, облюбовывая что-нибудь подходящее. Народъ былъ все знакомый: заводскіе служащіе, свой братъ торговецъ и прасолы, богатые мастеровые и т. д. Особенно много было женщинъ, накинувшихся на аукціонъ, какъ саранча. Онѣ галдѣли, какъ на рынкѣ, смѣялись и каждую вещь непремѣнно старались пощупать, не довѣряя глазамъ. Въ этихъ глазахъ свѣтилось столько проснувшейся жадности поживиться чужимъ добромъ, захватить въ свою долю дешеваго товару, — благо никому запрету нѣтъ. Въ числѣ другихъ шумѣла и толкалась бойкая Марѳа Петровна, успѣвшая разсказать по десяти разъ исторію, цѣну и достоинство каждой вещи, недаромъ она столько лѣтъ была въ этомъ домѣ своимъ человѣкомъ. Гордей Евстратычъ ходилъ тутъ же, здоровался со знакомыми съ дѣловымъ видомъ и показывалъ назначенныя въ продажу вещи. Когда явился приставъ и сѣлъ за столомъ съ молоткомъ въ рукахъ, толпа стихла и съ напряженнымъ вниманіемъ ловила каждое движеніе неторопливо распоряжавшагося чиновника.

— Орѣховая мебель, новая, малоподержанная, съ голубой рипсовой обивкой, — читалъ приставъ съ казенной интонаціей свою опись, поправляя на груди свой значокъ. — Оцѣнена сорокъ рублей.

Въ толпѣ легкое движеніе. Кряжистый подрядчикъ съ опухшей физіономіей пробирается впередъ и накидываетъ полтину. Его соперникомъ явился заводскій надзиратель. Послѣ нѣсколькихъ надбавокъ, мебель, заплаченная сто двадцать рублей, пошла за сорокъ два съ полтиной. Въ отворенныхъ дверяхъ стояла Татьяна Власьевна и слѣдила за всѣмъ происходившимъ съ тупой болью въ сердцѣ; она теперь отъ души ненавидѣла и надзирателя и этого подрядчика, который купилъ мебель за треть цѣны. За мебелью пошла посуда, на которую съ особеннымъ азартомъ накинулись женщины, потомъ платье — шубы, пальто, бѣлье. Эти вещи были проданы чуть не по настоящей цѣнѣ, бабы брали съ бою всякій хламъ. Когда очередь дошла до экипажей, лошадей и коровъ, денежная часть публики опять заволновалась и придвинулась ближе къ столу. Все это пошло за безцѣнокъ, какъ на всѣхъ аукціонахъ. Кривая Маланья тихо хныкала въ своей кухнѣ по пестрой телочкѣ, которую выкармливала, какъ родную дочь; у Гордея Евстратыча навернулись слезы, когда старый слуга Гнѣдко, возившій его еще такъ недавно на Смородинку, достался какому-то мастеровому, который будетъ наваливать на лошадь сколько влѣзетъ, а потомъ будетъ бить ее чѣмъ попало и въ награду поставитъ на солому. И будетъ лѣзть изъ кожи старый Гнѣдко, особенно въ гололедицу, будетъ дрожать на морозѣ гдѣ-нибудь у кабака, пока хозяинъ пьянствуетъ съ пріятелями.

Скоро изъ брагинскихъ горницъ народъ началъ отливать, унося съ собою купленныя вещи. Женщины тащили узлы съ платьемъ, посуду, разный хламъ изъ „домашности“, а мужчины болѣе тяжелыя вещи. Подрядчикъ мигнулъ знакомымъ мастеровымъ, а тѣ весело подхватили орѣховую мебель, какъ перышко, — двое несли диванъ, остальные кресла и стулья. Гордей Евстратычъ провожалъ ихъ до дверей и даже поздравилъ подрядчика съ покупочкой.

— У насъ уйдетъ, Гордей Евстратычъ,— хрипло отвѣтилъ подрядчикъ, надѣвая на голову картузъ. — Когда лавку-то потрошить будете?

— Да, видно, завтра придется...

Гордею Евстратычу совсѣмъ было не жаль новыхъ вещей, купленныхъ имъ во время богачества, но, когда понесли батюшкину старинную мебель и батюшкину чайную посуду, сердце у него дрогнуло. Новыя вещи, какъ новые

друзья, наживное дѣло, а вотъ старинаго, батюшкина добра жаль до смерти, точно каждая щепка приросла къ сердцу. Да и какъ было не жалѣть этихъ старыхъ друзей, съ которыми было связано столько дорогихъ воспоминаній: вонъ на этомъ стулѣ, который волокетъ теперь по улицѣ какая-то шустрая бабенка въ кумачномъ платкѣ, батюшка-покойникъ любилъ сидѣть, а вотъ тѣ двѣ чашки, которыя достались женѣ плотинаго, были подарены покойнымъ кумомъ... Друзья уходили, а въ брагинскихъ комнатахъ, точно послѣ пожара, водворилась печальная пустота, а полъ былъ покрытъ соромъ и слѣдами сотни ногъ.

На распродажу товаровъ въ лавкѣ народу набралась тьма, такъ что пробиться къ прилавку, за которымъ стоялъ приставъ со своимъ молоткомъ, представлялись почти непреодолимыя затрудненія. Большинство составляли, конечно, женщины, походившія сегодня на сумасшедшихъ, простыя бабы и жены служащихъ въ заводѣ были воодушевлены одними желаніями. У самаго прилавка стояла толстая попадья, которую давили со всѣхъ сторонъ, но она стоически выдерживала это испытаніе и только вытирала платкомъ вспотѣвшее красное лицо. Бабенки попроще немилосердно работали локтями и даже головой, продираясь впередъ, и начинали бойкую ругань между собою, встрѣчая отпоръ. Въ числѣ другихъ были и Матрена Ильинична, и Агнея Герасимовна, и Пелагея Миневна съ Марѳой Петровной; итти на аукціонъ въ брагинскій домъ онѣ посовѣстились и должны были произвести покупки черезъ Марѳу Петровну, зато теперь онѣ могли вдосталь отвести душеньку. Панскій батюшковъ товаръ шелъ за пятую часть цѣны, и матерію расхватывали штуками; особенно дешево сошли самые дорогіе ситцы, шерстяныя матеріи и сукна. Гордей Евстратычъ присутствовалъ на аукціонѣ и все время смотрѣлъ, какъ обезумѣвшія бабенки рвали батюшкинъ панскій товаръ; онъ видѣлъ и Матрену Ильиничну и Агнею Герасимовну, которыя набирали лучшіе куски. Мелькнуло въ толпѣ знакомое лицо шабалинской Варьки, которая совсѣмъ не нуждалась въ дешевомъ товарѣ, а толкалась просто изъ любви къ искусству. Жажда легкой наживы слила всѣхъ женщинъ въ одно громадное цѣлое, жадно глядѣвшее сотнями горѣвшихъ глазъ и протягивавшее къ прилавку сотни хватавшихъ рукъ, точно это было какое миѳическое животное, разрывавшее брагинскую лавку на части. Что-то было страшное и безжалостное въ этой толпѣ, которая съ наслажденіемъ разносила чужое богатство.

„Пусть все берутъ... все начисто!“ — думалъ Гордей Евстратычъ, продолжая наблюдать, какъ изъ батюшкиной лавки панскій товаръ уплывалъ широкой пестрой волной.

— Тащите, зорите все, — шепталъ Брагинъ и улыбался страшной озлобленной улыбкой. — Обрадовались... Хэ-ха!

Домой онъ вернулся съ аукціона все съ той же улыбкой, точно онъ сдѣлалъ какое-то неожиданное открытіе, которое пріятно изумило его самого. Все тлѣнъ, все пустяки и вездѣ ложь—вотъ общій выводъ, къ которому онъ приходилъ. Что жаловаться на Головинскаго или Жаренаго, когда свои старые дружки всѣ отвернулись отъ Гордея Евстратыча, какъ только заслышали о его разореніи... А теперь вонъ послали бабъ рвать остатки!.. Развязавшись со своимъ имуществомъ, Брагинъ точно почувствовалъ самого себя лучше, по крайней мѣрѣ, могъ видѣть бездну мерзостей, которая поглотила его.

— Мамынька, чисто все!.. — объявилъ матери Гордей Евстратычъ и опять засмѣялся. — Теперь только новый домъ остался одинъ. Его, сказываютъ, Шабалинъ присматриваетъ.

Дѣйствительно, продажа товара изъ лавки и домашнихъ вещей едва покрыла только часть долга. Оставалось еще доплатить тысячи двѣ. Чтобы достать эту сумму, объявлены были торги на недостроенный брагинскій домъ, который на переторжкѣ и остался за Вуколомъ Шабалинымъ; онъ стоилъ Брагину тысячъ восемь, а ушелъ за тысячу восемьсотъ рублей, причемъ Шабалинъ еще хвастался, что этой покупкой хотѣлъ вызволить стараго благопріятеля. Оставались несчастные двѣсти рублей, для уплаты которыхъ приходилось продавать старый брагинскій домъ, но ужъ тутъ даже у адвоката рука не повернулась, и онъ позволилъ Гордею Евстратычу переписать одинъ векселъ.

— Теперь чисто, мамынька, — говорилъ Брагинъ, когда всѣ эти передряги кончились. — Надо и о себѣ подумать. Наживали долго, промотали скоро... А грѣха-то, грѣха-то, мамынька... Сызнова придется начинать, видно, всю музыку, торговлишку и прочее.

Въ Гордеѣ Евстратычѣ, подъ давленіемъ этихъ испытаній, произошла громадная перемѣна, точно онъ стряхнулъ съ себя вмѣстѣ съ богатствомъ всѣ одолѣвшіе его недуги, хотя прежняго Гордея Евстратыча уже не было. Умудренный и просвѣтленный опытомъ, онъ все-таки не могъ вернуть назадъ прежняго спокойствія. Самыя безпокойныя мысли одолѣвали его; онъ часто не спалъ по ночамъ и подолгу молился въ своей горницѣ. Собственная неправда теперь встала передъ нимъ съ болѣзненной рѣжущей ясностью; но прошлаго не воротить, а впереди было темно, и Гордей Евстратычъ точно ждалъ какой-то новой бѣды, которая окончательно доконаетъ его, хотя теперь и бѣдъ ждать было неоткуда. Разъ Брагинъ позвалъ къ себѣ въ горницу Татьяну Власьевну и спросилъ ее, куда она спрятала деньги, которыя онъ отдалъ ей на сохраненіе.

— Какія деньги, милушка? — удивилась старуха.

— Какъ какія? А десять тысячъ, мамынька...

Татьяна Власьевна сдѣлала удивленное лицо, пожевала своими сухими губами и, разведя руками, кротко проговорила:

— Ты обмолвился, видно, милушка. Никакихъ я денегъ отъ тебя не брала, окромя какъ по хозяйству...

— Мамынька, Христосъ съ тобой!.. Да ты припомни: я тебѣ отдалъ деньги спрятать, а ты ихъ еще въ узелокъ завязала... Десять тысячъ.

— Можетъ, ты Владимиру Петровичу ихъ отдалъ, а я не упомню, милушка...

Гордей Евстратычъ вскочилъ съ мѣста, какъ ужаленный, и даже пощупалъ свою голову, точно сомнѣвался въ своемъ умѣ. А Татьяна Власьевна стояла такая спокойная, глазомъ не моргнетъ, и попрежнему съ изумленіемъ смотрѣла на сына.

— Да ты шутишь, милушка? Ежели бы у тебя были такія деньги, такъ не сталъ бы съ укціону все за безцѣнокъ спущать...

— Мамынька!.. И ты, какъ всѣ... О, Господи!.. Мамынька, очнись!..

Несмотря ни на какіе уговоры и увѣщанія Гордея Евстратыча, Татьяна Власьевна заперлась на своемъ и не хотѣла ни въ чемъ сознаться.

„Это въ ней Маркушкино золото заговорило“,—подумалъ Брагинъ, не вѣря еще своимъ глазамъ.

Онъ раскрылъ ротъ и что-то хотѣлъ сказать матери, но въ этотъ самый моментъ свалился на полъ и только захрипѣлъ.

Ночью Гордей Евстратычъ умеръ.

XXIV.

Послѣ смерти Гордея Евстратыча брагинскій домъ совсѣмъ опустѣлъ и точно замеръ. Татьяна Власьевна перенесла потерю сына съ христіанской твердостью и съ христіанской же твердостью дѣлалась все скупѣе и скупѣе, ко всѣмъ придиралась, ворчала и брюзжала съ утра до ночи, такъ что на всѣхъ нагоняла смертную тоску. Посторонніе люди теперь рѣдко заглядывали къ Брагинымъ, да и тѣ, кто приходилъ, были не рады, потому что Татьяна Власьевна всѣхъ одолѣвала жалобами на свою бѣдность. Скупость старухи доходила до смѣшного, такъ что она всю семью просто сморила голодомъ. Даже кривая Маланья и та потихоньку ворчала въ своей кухнѣ, прожевывая свою корочку чернаго хлѣба, которой ее же и попрекали. Съ ранняго утра Татьяна Власьевна поднималась на ноги и цѣлый день бродила по дому, какъ тѣнь, точно она все чего-то искала или кого-то поджидала.

— Совсѣмъ наша старуха рехнулась,—говорила Маланья: — чего-то шатуномъ бродитъ по горницамъ, какъ зачумленная... Прости ты меня, Господи!..

Теперь во флигелькѣ опять поселился Зотушка и занялся разнымъ мастерствомъ: стряпалъ пряники, клеилъ какія-то коробочки, дѣлалъ ребятишкамъ свистульки — все это продавалъ и деньги сполна отдавалъ матери. „Источникъ“ пригодился семьѣ въ самую трудную минуту и почти одинъ прокармливалъ семью своими художествами, потому что Михалка и Архипъ проживались въ Бѣлоглинскомъ безъ всякаго дѣла и вдобавокъ пьянствовали. Пьяный Михалка каждый разъ исправно отправлялся къ Савинымъ, требовалъ Аришу и производилъ какой-нибудь скандалъ, а разъ даже выбилъ всѣ стекла въ окнахъ. Впрочемъ, послѣдняя штука была придумана Володькой Пятовымъ, который тоже болтался теперь въ Бѣлоглинскомъ заводѣ, по обыкновенію, безъ всякаго дѣла и постоянно подбивалъ Михалку добывать жену, какъ еще совѣтовалъ покойный Гордей Евстратычъ. Михалка нѣсколько разъ ходилъ въ волость и требовалъ, чтобы привели ему жену силой. Можетъ-быть, при самомъ Гордеѣ Евстратычѣ и можно было устроить такой „оборотъ“, но теперь волостные только подсмѣивались надъ ругавшимся Михалкой. Савины были люди сильные и вліятельные, и противъ нихъ итти было трудно. Архипъ даже не пытался воротить жену и скоро исчезъ куда-то на пріискъ, куда его отрекомендовалъ Шабалинъ.

Между тѣмъ по Бѣлоглинскому заводу ходили самые упорные слухи, что Брагины обанкрутились только для видимости, а деньги скрыли и теперь только прикидываются бѣдными, чтобы отвести глаза. Этому вѣрили даже такіе люди, которые слыли самыми обстоятельными и разсудительными. Когда о. Крискента спрашивали объ этомъ щекотливомъ обстоятельствѣ, онъ, застегивая и разстегивая пуговицы своего подрясника, выражался очень уклончиво и говорилъ больше о томъ, что Гордей Евстратычъ по церкви отсчитался начисто, хотя, конечно, и т. д. Главнымъ источникомъ, откуда расходились эти слухи, являлся шабалинскій домъ. Вуколъ Логинычъ не стѣснялся и всѣмъ говорилъ:

— Извѣстная вещь: деньги у старухи, вонъ она какъ пришипилась. Ежели бы я до нея имѣлъ касательство, такъ, небось, все бы отдала. Знаемъ мы, какая такая ихняя бѣднота! Побогаче насъ будутъ... Спасеная-то душа не глупѣе насъ съ вами, хоть кого проведетъ. Только понапрасному она деньги сгноитъ, вотъ чего жаль.

Варвара Тихоновна вполнѣ раздѣляла мысли своего сожителя и постоянно

настраивала Михалку противъ бабушки. Этой потерянной женщинѣ нравилось этимъ путемъ донимать спасеную душу, отплачивая съ лихвой за то презрѣніе, съ какимъ Татьяна Власьевна всегда относилась къ „шабалинской наложницѣ“. Михалка съ своимъ другомъ Володькой Пятовымъ часто бывали теперь въ шабалинскомъ домѣ, особенно когда не было налицо самого Вукола Логиныча. Варвара Тихоновна не прочь была разыграть роль настоящей хозяйки дома, и она принимала молодыхъ людей съ такой же непринужденностью, какъ и „настоящія дамы“, хотя и неоднократно была бита за такое „мотовство“ пьянымъ Вуколомъ Логинычемъ. Эти бурныя сцены обыкновенно заканчивались примиреніемъ, и Варвара Тихоновна еще успѣвала выпросить себѣ какой-нибудь цѣнный подарокъ, а за синяками и зуботычинами она не гналась, хотя всегда и высказывала очень логично ту мысль, что вѣдь она не законная жена, чтобы ее полосовать, какъ корову.

— А ты прямо на горло наступи старухѣ, — учила Михалку Варвара Тихоновна... — Небось, отдастъ деньги, если прижать ей хвостъ-то. Чего смотрѣть ей въ зубы-то. Всѣ въ голосъ кричатъ, что Татьяна Власьевна спрятала деньги. Ужъ это вѣрно, какъ въ аптекѣ...

Въ одно прекрасное утро, послѣ очень веселой ночи въ шабалинскомъ домѣ, Михалка отправился въ сопровожденіи Володьки Пятова къ бабушкѣ, чтобы наступить ей на горло. Обоимъ было спохмелья, а Варвара Тихоновна, для пущей бодрости, не дала и опохмелиться. Лицо у Михалки было красное и опухшее, глаза налиты кровью, волосы взъерошены; Володька Пятовъ былъ не лучше и только ухмылялся въ ожиданіи предстоящаго боя со старухой. У него такъ руки и чесались на всякій скандалъ, а тѣмъ болѣе на такой скандалъ, въ результатѣ котораго могли получиться даже деньги. Михалка шелъ къ родительскому дому въ угрюмомъ молчаніи, потому что побаивался строгой бабушки, которая, чего добраго, еще бокъ, пожалуй, наколотитъ. Въ немъ говорило то чувство инстинктивнаго страха, которое онъ усвоилъ еще съ дѣтства къ большимъ. Брагинская семья держалась старинныхъ правилъ, и большаки не давали потачки молодятнику. Молодые люди, не снимая шапокъ, ввалились прямо въ горницы, гдѣ была одна Нюша, и немного замялись для перваго разу.

— Намъ бы, Анна Гордеевна, бабушку Татьяну повидать...—началъ первый Володька Пятовъ, раскланявшись съ дѣвушкой со всякимъ почтеніемъ, какъ прилично галантерейному молодому человѣку.

Нюша сразу замѣтила по лицамъ обоихъ друзей, что они пришли не съ добромъ, и попробовала спасти бабушку тѣмъ, что не сказала ее дома.

— Врешь, Нютка!—хриплымъ голосомъ оборвалъ ее Михалка, пошатываясь на мѣстѣ.—Ты заодно съ бабушкой-то, а у насъ до нея дѣло есть.

Нюшу изъ неловкаго положенія выручила сама бабушка Татьяна, которая въ этотъ моментъ вошла въ горницу. Старуха прищуренными глазами посмотрѣла на замявшихся при ея появленіи молодыхъ людей и сухо спросила Михалку:

— Ты что это, милушка, спозаранку шары-то налилъ *)? Отъ какой это радости пируешь?.. Мы тутъ безъ хлѣба сидимъ, а онъ винище трескаетъ...

— А ты, бабушка Татьяна, не больно тово...—вступился Володька Пятовъ, чтобы придать бодрости пятившемуся Михалкѣ.—Мы вѣдь къ тебѣ по дѣлу пришли...

— Какое-такое дѣло у васъ можетъ быть, прохвосты вы этакіе!—закри-

*) Шары по уральскому говору— глаза.

чала Татьяна Власьевна.—Да я васъ въ три-шеи отсюдова. Вотъ позову Маланью, да кочергой какъ примусь обихаживать, только щепы полетятъ.

— А ты, бабушка, въ самомъ дѣлѣ не больно тово... не шеперься,— заявилъ со своей стороны Михалка, не желая показать себя трусомъ предъ улыбавшимся пріятелемъ.—Мы насчетъ денегъ пришли, тятенька которыя оставилъ... Да! Ужъ ты какъ хочешь, а деньги подавай. Вѣрно тебѣ говорю...

Вмѣсто отвѣта Татьяна Власьевна, собравъ остатки своихъ дряхлыхъ силъ, не съ старческой живостью вцѣпилась въ волоса Михалки обѣими руками и принялась его таскать изъ стороны въ сторону, какъ бабы вытаскиваютъ изъ гряды кустъ картофеля или заматерѣвшую рѣдьку. Михалка совсѣмъ оторопѣлъ отъ такого пріема и даже не защищался, а только моталъ своей головой, какъ пойманная на арканъ лошадь.

— Бабушка... а ты все-таки пода-ай деньги-то... — выкрикивалъ Михалка, продолжая мотать головой.—Вѣрно тебѣ говорю... тятенькины вѣдь деньги-то!..

— Вотъ тебѣ тятенькины деньги, непутевая твоя голова!.. вотъ тебѣ тятенькины деньги-то...

Растерявшійся Володька Пятовъ, привыкшій къ настоящему галантерейному обращенію, стоялъ, разинувъ ротъ, и даже попятился къ дверямъ, когда Татьяна Власьевна выразила явные признаки непремѣннаго желанія познакомиться и съ его кудрявой шевелюрой.

— Постой, шатунъ, я и до тебя доберусь... — кричала расходившаяся старуха, наступая на Пятова.—Давай-ка сюды свою-то пустую башку, я тебѣ расчешу кудри-то...

Попытка наступить на горло старухѣ и добыть отъ нея тятенькины деньги кончилась тѣмъ, что молодые люди обратились наконецъ въ постыдное бѣгство, такъ что даже Нюша хохотала надъ ними до слезъ. Черезъ нѣсколько дней Михалка съ Пятовымъ повторили свою попытку, но на этотъ разъ Татьяна Власьевна просто велѣла Зотушкѣ затворить ворота на запоръ.

— Подавай тятенькины деньги, старая грымза!..—ругался Михалка, стуча въ ворота палкой.—Мы тебя ужо такъ распатронимъ...

Скандалъ вышелъ на всю улицу, и какъ въ тотъ разъ, когда въ брагинскія ворота ломился Самойла Михеичъ, опять въ окнахъ пазухинскаго дома торчали любопытныя лица, и Старая-Кедровская улица оглашалась пьяными криками и крупной руганью.

Татьяна Власьевна собственно Михалки и Пятова не боялась ни на волосъ, но ее безпокоило то, что всѣ толкуютъ о припрятанныхъ тятенькиныхъ деньгахъ. Значитъ, подозрѣваютъ, главнымъ образомъ, ее, и поэтому сотни глазъ будутъ слѣдить за каждымъ ея шагомъ, а потомъ, чего добраго, еще подпустятъ къ ней какихъ-нибудь воровъ. Старуха тряслась, какъ въ лихорадкѣ, при одной мысли о возможности потерять свое сокровище и сдѣлалась еще осторожнѣе и подозрительнѣе. Съ другой стороны, вѣдь про всѣхъ банкротовъ болтаютъ всегда одно и то же, т.-е. о спрятанныхъ деньгахъ,— значитъ, на такую болтовню и вниманія обращать не стоитъ, благо никто не зналъ о томъ, какъ покойный милушка передавалъ ей деньги. Въ видахъ осторожности Татьяна Власьевна перевела Зотушку изъ флигелька въ батюшкинъ домъ и помѣстила его рядомъ со своими горенками; „источникъ“ перетащилъ за собой всѣ свои художества и разложилъ ихъ по разнымъ полкамъ и полочкамъ, которыя умѣлъ прилаживать съ величайшимъ искусствомъ. Тутъ были и птичьи западни, и начатая вязаньемъ мережка, и коллекція пищи-

ковъ и дудочекъ для приманки птицы, и какія-то разноцвѣтныя стеклышки, лежавшія въ зеленой коробочкѣ вмѣстѣ со стальнымъ заржавѣвшимъ перомъ и обломкомъ сургуча, и та всевозможная дрянь, которой обыкновенно набиты карманы ребятъ. Зотушка и походилъ на ребенка въ своей дѣтской обстановкѣ и по цѣлымъ часамъ былъ занятъ обдумываніемъ самыхъ остроумныхъ комбинацій, при помощи которыхъ изъ окружающей его дряни получались разныя мудреныя диковинки. Собственно говоря, въ своей странной дѣтской работѣ старикъ являлся не ремесленникомъ, а настоящимъ художникомъ, создававшимъ постоянно новыя формы и переживавшимъ великія минуты вдохновенія и разочарованія—эти неизбѣжные полосы всякаго творчества. Вѣроятно, въ силу своихъ художественныхъ задатковъ, Зотушка и пилъ иногда горькую чашу, какъ это дѣлаютъ и заправскіе художники.

Перемѣну въ матери и истинныя причины такой перемѣны Зотушка зналъ и видѣлъ раньше другихъ съ тѣмъ прозорливымъ инстинктомъ, который ему открывалъ многое. Конечно, у матери были деньги, въ этомъ Зотушка не сомнѣвался, и эти деньги были не батюшкины, а именно отъ проклятой Маркушкиной жилки, которая всю брагинскую семью загубила. Зотушка зналъ, что эти деньги появились у матери еще очень недавно и что онѣ ее мучатъ и денно и нощно.

„Помутила нашу старуху Маркушкина жилка, — раздумывалъ про себя Зотушка, выстрагивая перочиннымъ ножичкомъ тонкую березовую зелинку для новой клѣтки.—Еще будетъ грѣхъ съ этими деньгами... Ѳенюшку загубили жилкой, братецъ Гордей Евстратычъ отъ нея же ушли въ землю, племяши совсѣмъ замотались, какъ чумные телята... Охъ-хо-хо!.. Охъ, неладно, мамынька, ты удумала!..“

Много разъ Зотушка думалъ поговорить съ мамынькой по душѣ, но все откладывалъ, потому что, все равно, никакого бы толку изъ этого разговора не вышло, и Зотушка ограничивался только разными загадками и притчами, которыя при случаѣ загадывалъ старухѣ. Между прочимъ, онъ особенно любилъ пѣть въ длинные зимніе вечера стихъ объ „убогіимъ Лазарѣ“; пусть, дескать, послушаетъ старуха и мотаетъ себѣ на усъ. Но старуха и не думала слушать пѣніе Зотушки, зато слушала его Нюша,—придетъ съ какой-нибудь работой въ Зотушкину горенку, сядетъ въ темный уголокъ и не шевелится, пока Зотушка дребезжащимъ голосомъ тянетъ свой заунывный стихъ, переливавшійся чисто-монашескими мелодіями.

Между Нюшей и Зотушкой быстро установились самыя короткія отношенія, хотя между собой они разговаривали очень мало. Это было безмолвное отношеніе; стороны читали между строкъ и отлично понимали другъ друга. Раньше такого сближенія не могло произойти изъ-за разницы возрастовъ, а теперь Нюша, умудренная горемъ, доросла вдругъ до философскаго воззрѣнія Зотушки на жизнь. И по наружности она мало походила на дѣвушку, а скорѣе на молодую женщину; высокая, блѣдная, съ тонкимъ лицомъ, потерявшимъ дѣвичью округлость линій, съ матовой, почти прозрачной кожей, она точно перенесла одну изъ тѣхъ мудреныхъ болѣзней, которыя разомъ перерождаютъ человѣка. Особенно хороши были у Нюши глаза—темные, глубокіе, блестящіе, они точно сдѣлались больше и смотрѣли такимъ просвѣтленнымъ тихимъ взглядомъ, какъ у монахини. Даже Зотушка иногда любовался на свою племянницу и отъ души жалѣлъ ее, зачѣмъ такая красота вянетъ и сохнетъ въ разоренномъ дому, который женихи будутъ обѣгать, какъ чуму.

— Зотушка, спой тотъ стихъ, помнишь, про старца?—просила однажды Нюша работавшаго дядю.

Зотушка ничего не отвѣтилъ, а, поискавъ что-то въ своихъ коробочкахъ, затянулъ стихъ, который такъ любила еще покойная барышня Ѳеня:

И-идетъ старецъ по-о-о до-рооогѣ-ѣ!..
Черноризецъ да по широоокой!..
Навстрѣчу ему самъ Господь Богъ.
„О чемъ ты, старче, слезно плачешь?
Да и о чемъ ты возрыдаешь?“—
„Какъ мнѣ, старцу, жить да не плакать:
Одолѣли меня злыя мысли...“

— Я въ скиты уйду, Зотушка,—проговорила Нюша, когда стихъ кончился.

— Погоди, не торопись, голубка... Мало ли что̀ бываетъ: можетъ, и другія мысли въ головѣ заведутся вмѣсто скитскихъ-то. Не все же намъ бѣду бѣдовать...

— Нѣтъ, Зотушка, я замужъ не пойду. На другихъ глядѣть тяжело, не то что̀ самой вѣкъ маяться... Вонъ какіе нонѣ мужья-то пошли, взять хоть Михалку съ Архипомъ. Вездѣ неправда, да обманъ, да обида... Бабенокъ жаль, а ребятишекъ вдвое.

— Ахъ, голубка, голубка... Развѣ Михалка да Архипъ такіе бы были, если бы не подвернулась эта Маркушкина жилка? Отъ нея все, весь грѣхъ—все отъ нея. Вотъ бабушка-то какая нонѣ ходитъ, точно угорѣлая...

— Зачѣмъ ты такія слова говоришь, Зотушка?

— А потому и говорю, что надо такія слова говорить. Развѣ у меня глазъ нѣтъ? О-охъ, грѣхи наши, грѣхи тяжкіе!.. Эти деньги для человѣка все одно, что̀ краснота или чирей: болѣть не болятъ, а все съ ума нейдутъ.

— У бабушки-то какія деньги? Что̀ ты, Зотушка, Христосъ съ тобой...

— Ну, ну, не прикидывайся... Сама давно, поди, примѣчаешь, да только молчишь. И я тоже молчу, а тебѣ скажу.

Дѣйствительно, Нюша думала именно такъ, какъ говорилъ Зотушка, хотя боялась въ этомъ признаться даже самой себѣ и теперь невольно покраснѣла, какъ пойманная. Но Зотушка сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и затянулъ своего убогаго Лазаря, который, покрытый струпьями, лежалъ у дверей ликовавшаго въ своихъ палатахъ богача.

„Неужели бабушка дѣйствительно утаила тятенькины деньги? —думала дѣвушка, слушая Зотушкинъ стихъ.

Вообще въ брагинскомъ домѣ катилась самая мирная жизнь, смахивавшая на монастырскую; скоро всѣ къ ней привыкли настолько, что прошлое начало казаться какимъ-то тяжелымъ сномъ. Но это мирное существованіе скоро было нарушено появленіемъ Алены Евстратьевны, которая передъ Рождествомъ нарочно пріѣхала провѣдать родныхъ. Она была очень больна послѣдніе полгода и поэтому не могла пріѣхать раньше. Первымъ дѣломъ, конечно, Елена Евстратьевна расплакалась и растужилась о покойномъ братцѣ Гордеѣ Евстратычѣ и своими причитаніями навела на всѣхъ такую тоску, хоть бѣги вонъ изъ дому. Особенно жалилась Алена Евстратьевна надъ Нюшей и оплакивала ее, какъ мертвую.

— Что̀ это вы, тетенька, такъ убиваетесь обо мнѣ,—удивлялась Нюша:—проживемъ помаленьку съ бабушкой.

— А когда бабушка умретъ, Нюша, тогда что̀? Вотъ то-то и есть... Твое дѣвичье дѣло, куда ты дѣнешься?.. Молоденькая да хорошенькая—не въ монастырь же итти. Охъ, не въ пору вздумалъ братецъ умирать, надо бы тебя было пристроить. Ужъ такъ нехорошо, такъ нехорошо!.. Какъ услышала я

о смерти братца, такъ у меня сердце кровью и облилось... и братца-то жаль, а тебя, горюшку, вдвое!.. Съ этого самаго еще пуще расхворалась. Думала, ужъ и на ноги не встану, а вотъ Богъ еще привелъ свидѣться. Хоть погорюемъ вмѣстѣ, все же оно легче. Всѣ вѣдь, поди, отъ васъ теперь отвернулись? Это ужъ всегда такъ бываетъ: къ богатымъ какъ къ меду льнутъ, а отъ бѣдныхъ бѣгутъ. А вотъ своя-то кровь, Нюша, и скажется... Вѣдь не чужіе вы мнѣ, вотъ я и скрутилась къ вамъ. Дома-то растворено-не-замѣшано, еще еле на ногахъ брожу, а сама къ вамъ. Все сердечушко изболѣлось, думаю, хотя погляжу на нихъ. И такая меня тоска взяла, такая тоска...

Алена Евстратьевна навезла изъ Верхотурья всякаго припасу: муки, рыбы, меду, соленыхъ грибовъ и сушеныхъ ягодъ. Все это она сейчасъ же передала матери и скромно замѣтила, что „ваше теперь сиротское дѣло, гдѣ ужъ вамъ взять-то, а я всего и захватила съ собой на всякій случай...“

— Спасибо, спасибо, что не забываешь насъ,—благодарила Татьяна Власьевна, прибирая кульки, мѣшечки и бураки съ разнымъ припасомъ.— Наше дѣло куды какое небогатое, хоть по міру итти, такъ въ ту же пору...

— Что вы, мамынька!.. А я то на что? Хоть вы на меня прогнѣвались тогда, ну, да я все забыла! Была и моя вина... Думаю, хоть теперь старушку покоить буду.

Татьяна Власьевна была рада неожиданной помощи, но ни одному слову модницы не вѣрила и часто смотрѣла на нее испытующимъ окомъ. Зотушка тоже всполошился и, наговоривъ модницѣ колкостей, перебрался въ свой флигелекъ со всѣмъ своимъ мастерствомъ.

— Ужъ недаромъ прилетѣла наша жаръ-птица,—ворчалъ старикъ про себя, приколачивая свои полочки къ покосившимся стѣнамъ флигелька.— Ишь, какъ она глазищами-то шмыгаетъ по всему дому... Охъ, неладно, больно неладно!.. Какую-нибудь моду привезла опять съ собой наша Алена Евстратьевна.

„Навѣрно объ деньгахъ наслышалась—вотъ и пригнала, не пронюхаетъ ли что на свою долю,—соображала Татьяна Власьевна, наблюдая свою модницу.—Только это ужъ вы, Алена Евстратьевна, даже совсѣмъ напрасно безпокоились...“

Сама Алена Евстратьевна и виду не показывала, что замѣчаетъ что-нибудь, и только все льнула къ Нюшѣ и такъ обошла своими ласковыми рѣчами дѣвку, что та повѣрила и ея горю по братцѣ, и слезамъ, и жалобнымъ словамъ, какія умѣла говорить модница. Бабушка Татьяна была стара для Нюши, притомъ постоянно ворчала да охала; Зотушка былъ какой ни на есть мужчина, а тетенька Алена Евстратьевна была женщина, и ея женское участіе трогало Нюшу, потому что она могла съ этой тетенькой говорить о многомъ, что никогда не сказала бы ни бабушкѣ ни Зотушкѣ. Модница быстро вошла въ роль и подъ рукой успѣла вывѣдать, что думаетъ Нюша объ Алексѣѣ Пазухинѣ, а также кое-что и о бабушкѣ Татьянѣ и обстоятельствахъ смерти братца. Отъ ея вниманія не ускользнуло то важное обстоятельство, что у братца съ мамынькой былъ какой-то крупный разговоръ, а потомъ то, что бабушка Татьяна сильно скупится.

— А я вѣдь къ вамъ не спроста пріѣхала-то, мамынька, — объявила Алена Евстратьевна, поживъ въ Бѣлоглинскомъ съ недѣлю и успѣвъ побывать вездѣ.

— Вижу, что не спроста...

— Вину-то свою я хорошо помню.

— Какую вину?

— Ну, какъ я тогда разстроила свадьбу Нюши съ Алексѣемъ.

— Да, да... Вотъ теперь и полюбуйся! Кабы не ты тогда, такъ жила бы да жила наша Нюша припѣваючи, а теперь вонъ Пазухины-то и глядѣть на насъ не хотятъ.

— Ужъ это обнаковенно, мамынька. Развѣ я этого не чувствую? Можетъ, сколько слезъ выплакала за свою-то глупость.

— Такъ за какимъ дѣломъ-то пріѣхала? Говори ужъ прямо, не разводи бобовъ-то...

— А такое и дѣло, мамынька, что хочу я исправить этотъ самый грѣхъ предъ Нюшей. Хочу ей судьбу устроить... Есть у насъ въ Верхотурьѣ одинъ человѣкъ, Павелъ Митричъ Косяковъ. Онъ раньше въ становыхъ служилъ, а теперь такъ, своими дѣлами занимается. Очень оборотистый человѣкъ, мамынька, и домикъ свой имѣетъ. Хозяйство самъ ведетъ и прочее всякое. Ну, онъ и видѣлъ какъ-то Нюшу въ церкви, когда былъ въ Бѣлоглинскомъ. Очень ужъ она ему по вкусу пришлась... Вотъ онъ и просилъ меня поразвѣдать, что̀ и ка̀къ. И вѣдь какой человѣкъ-то, мамынька! Молодой, красивый, рослый... Наши-то невѣсты за нимъ страсть гоняются, да онъ и глядѣть на нихъ не хочетъ, потому какъ ему свой вкусъ лучше знать.

— Да чѣмъ онъ занимается, не пойму я что-то?..

— Своими дѣлами, мамынька... Ахъ, какія вы непонятныя, мамынька! Вѣдь это прежде было такъ, что тотъ и человѣкъ, кто на службѣ или ремесломъ занимается, а нынче народъ куда оборотистѣй пошелъ. Посмотрите-ка на богатыхъ господъ по городамъ, чѣмъ они занимаются? И сами не знаютъ, а деньги такъ лопатой и гребутъ. Это кто съ понятіемъ, конечно, живетъ. А Павелъ Митричъ на всѣ руки: у него и пріискъ есть, и торговлишка маленькая, и по судамъ дѣла ведетъ. Больше по судамъ... Купецъ какой въ пьяномъ видѣ нагрезитъ, сейчасъ къ Павлу Митричу: „выправьте, Павелъ Митричъ!“. А Павелъ Митричъ сейчасъ бумагу напишетъ, да сотенную и получитъ. Это за одинъ часъ... Да недалеко сказать—Вуколъ Логинычъ ему недавно двѣсти рублей за одну корову заплатилъ. И вѣдь какъ просто дѣло все: искалъ золото Вуколъ Логинычъ около одной деревни, да шахту и не завалилъ, а у одного мужика корова въ шахту и свались. Ну, обнаковенно, мужикъ къ Вуколу Логинычу: „пожалуйте пятнадцать рублей за корову, потому какъ по закону вы шахту должны завалить“. А Вуколу-то Логинычу это слово и не поглянись, что онъ его закономъ-то хотѣлъ пристращать. „Когда, говоритъ, такія слова со мной говоришь, двухъ копеекъ не отдамъ“. Ну, мужикъ, обнаковенно, къ мировому, а Вуколъ Логинычъ къ Павлу Митричу: „тысячи не пожалѣю, только мужику не отдавать бы этихъ пятнадцати рублей“. Мировой все-таки присудилъ взыскать съ Вукола Логиныча, а Павелъ Митричъ въ съѣздъ мировыхъ—съѣздъ то же присудилъ, что̀ и мировой, а Павелъ Митричъ въ сенатъ... Ну, Шабалинъ-то ему ужъ двѣсти рублей заплатилъ, да еще двѣсти обѣщаетъ. Вотъ какъ оборотистые-то люди, мамынька, живутъ на свѣтѣ: за чужую корову четыреста рубликовъ получитъ и не поморщится.

— Да про этакого человѣка, Аленушка, ровно страшно и подумать... Вѣдь онъ насъ всѣхъ тутъ засудитъ. Если бы еще онъ изъ купечества, а то Господь его знаетъ, что̀ у него на умѣ. Вонъ какъ насъ Головинскій-то обулъ на обѣ ноги! все дочиста спустилъ... А ужъ какой легкій на слова былъ, песъ, прости ты меня, Владычица!.. Чего-то боюсь я этихъ вашихъ городскихъ...

— Ахъ, мамынька, мамынька, какія вы слова разсуждаете? Не всѣ же плуты да мошенники по городамъ. Живу же я, не жалуюсь.

— Твое совсѣмъ другое дѣло: у тебя мужъ купецъ, ну, а эти оборотистые-то.

— Да вы, мамынька, тѳ подумайте: оборотистаго, хорошаго человѣка, который живетъ съ настоящимъ понятіемъ, вы боитесь, а того не боитесь, что вы сегодня живы и здоровы, а завтра Богъ вѣсть... Не къ тому слово говорится, мамынька, что я смерти вашей желаю, а къ примѣру: всѣ подъ Богомъ ходимъ. Вотъ я и моложе васъ, а чуть нонѣ совсѣмъ ноги не протянула...

— Это ты вѣрно говоришь, Аленушка, я и сама часто о смертномъ часѣ думаю. Тоже мои годы нѳ маленькіе; на семьдесятъ шестой перевалило... А все-таки страшно, Аленушка! Не знаемъ мы этого Павла Митрича, а чужая душа—потемки.

— Да вѣдь я-то его знаю, мамынька! Такъ же вотъ отлично знаю, какъ васъ... Ужъ если это не женихъ, такъ я ужъ не знаю. Вѣдь хотѣли же сватать Нюшу за Алешу Пазухина, а за этакого человѣка боитесь!.. А вы еще такъ подумайте: умерли вы, а Нюша осталась одна-одинешенька. И то надо сказать, мамынька,—договорила она жалостливо: — какіе теперь ваши достатки: дай Богъ одну голову прокормить, да вамъ однѣмъ-то много ли надо! А Нюша все-таки дѣвушка молодая, то да се, все расходы да расходы... Прямо сказать, выйди бы она замужъ, вы жили бы въ своей половинѣ съ Маланьей, а въ горницы пустили бы квартирантовъ, а при Нюшѣ и квартирантовъ-то пустить неловко: всякій про дѣвку худое слово скажетъ... Чужой человѣкъ въ дому хуже колокола.

— Не знаю, какъ ужъ тебѣ сказать-то, — уклончиво говорила Татьяна Власьевна,—ты бы привезла его хоть показать, нельзя же позаочь...

Аленѣ Евстратьевнѣ только этого и нужно было: она живо укатила въ Верхотурье за оборотистымъ женихомъ.

XXV.

Чтобы не уронить себя, какъ сваху, Алена Евстратьевна заставила Татьяну Власьевну подождать и привезла жениха только послѣ Рождества. Павелъ Митричъ Косяковъ оказался дѣйствительно виднымъ, рослымъ мужчиной съ красивымъ бойкимъ лицомъ и развязными манерами; говорилъ онъ очень свободно и обращался съ дамами необыкновенно галантерейно. И одѣтъ былъ Косяковъ съ иголочки: все у него было новое, а на рукахъ перстни „съ супериками“ *). Золотые часы съ тяжелой золотой цѣпочкой и золотыми брелоками, золотыя запонки у рубашки—все свидѣтельствовало самымъ неопровержимымъ образомъ объ оборотистости Павла Митрича, такъ что Татьяна Власьевна осталась имъ очень довольна. И держалъ себя Косяковъ такъ скромно, обходительно, даже водки капли въ ротъ не бралъ, а картъ и въ глаза не видывалъ. Только одно не нравилось Татьянѣ Власьевнѣ въ женихѣ: ужъ больно у него глаза были „вострые“, такъ и бѣгаютъ. Пожалуй, покойному Гордею Евстратычу такой женихъ и не поглянулся бы, да ужъ теперь такое дѣло подошло, что выбирать нечего, а Нюшу кормить да одѣвать нужно.

---

*) Супериками на Уралѣ называются крупные драгоцѣнные камни, преимущественно тяжеловѣсы.

— Больно онъ глазами у тебя бѣгаетъ,—объяснила свои сомнѣнія модницѣ Татьяна Власьевна.—Знаешь, и лошадей когда выбираютъ, такъ обходятъ тѣхъ, у которыхъ глазъ круглый, больно норовистыя издаются.

— Всѣмъ деревни не выбрать, мамынька, а Павелъ Митричъ объ насъ съ вами не заплачетъ: посмотритъ невѣсту и уѣдетъ. Ему только рукой повести,—какъ галокъ налетитъ. Какъ знаете, я не навязываю вамъ жениха, а только мнѣ Нюши-то жаль... Это отъ сытости да отъ достатковъ жениховъ разбираютъ. Можетъ, у васъ гдѣ-нибудь припрятаны деньги, вотъ вы и ломаетесь надо мной.

— Да вѣдь я такъ сказала, къ слову... Этакое ты, Аленушка, купоросное масло!.. Такъ и вертишь языкомъ-то, какъ шиломъ.

Зотушка тоже пришелъ посмотрѣть на жениха и остался имъ недоволенъ по всѣмъ статьямъ.

— Привезла намъ Алена Евстратьевна какого-то ратника,—ворчалъ онъ въ своемъ флигелькѣ.—Онъ, женихъ-отъ, вонъ какъ буркалами своими ворочаетъ и еще прикидывается: „не пью!“. Знаемъ мы васъ, какъ вы не пьете, а только за ухо льете.

Послѣ необходимыхъ переговоровъ и церемоній показали жениху и невѣсту, причемъ, конечно, о сватовствѣ не было и рѣчи, а всѣ говорили о самыхъ постороннихъ вещахъ. Нюшѣ женихъ тоже не понравился, хотя ее объ этомъ никто и не спрашивалъ. Чтобы поднять свои курсы, Алена Евстратьевна пригласила о. Крискента, въ качествѣ эксперта, которому такія дѣла ужъ должны быть извѣстны доподлинно, потому что въ годъ-то онъ сколько свадебъ свѣнчаетъ. О. Крискентъ нашелъ какъ разъ то, что̀ желала Алена Евстратьевна, и, побесѣдовавъ съ Павломъ Митричемъ о разныхъ духовныхъ предметахъ, выразился о немъ въ разговорѣ съ Татьяной Власьевной такъ:

— Съ головой человѣкъ.

— Сама вижу, отецъ Крискентъ, что не безъ головы, да только вѣдь въ него не влѣзешь, — сомнѣвалась Татьяна Власьевна. — Вѣдь не шуточное дѣло затѣвается.

— Совершенно справедливо изволите разсуждать.

Дѣло заварилось не на шутку и, при содѣйствіи о. Крискента, скоро было кончено: Нюша была помолвлена за Косякова. Эта новость облетѣла весь Бѣлоглинскій заводъ и еще разъ сдѣлала брагинскую семью героемъ дня, причемъ толкамъ и пересудамъ конца не было. Одни говорили, что Косяковъ богачъ и отличный человѣкъ, другіе — что онъ прощелыга и прохвостъ, третьи—что женится — перемѣнится, и т. д. Въ брагинскомъ домѣ теперь шла настоящая сумятица, которую производили свадебныя подруги Нюши; онѣ шили, пѣли и наполняли весь домъ беззаботнымъ смѣхомъ. Присутствіе Михалки и Володьки Пятова особенно одушевляло эту компанію, хотя Татьяна Власьевна и не особенно жаловала своихъ недруговъ, но ужъ случай такой вышелъ, что сердиться не приходилось. Павелъ Митричъ держалъ себя, какъ и слѣдуетъ настоящему жениху: осыпалъ всѣхъ подарками, постоянно цѣловался съ невѣстой и угощалъ встрѣчнаго и поперечнаго. Но первая роль, конечно, принадлежала модницѣ Аленѣ Евстратьевнѣ, которая всѣми верховодила и распоряжалась, какъ у себя дома. Она поспѣвала вездѣ: все видѣла и ничего не забывала. Только одно было нехорошо на этой свадьбѣ-скороспѣлкѣ: невѣста была круглая сирота, и поэтому пѣлись все такія печальныя пѣсни, которыя превращали свадьбу въ поминки, да и невѣста была такая скучная и часто плакала.

— Вотъ братецъ не дожили до такой радости, — говорила Алена Евстратьевна:—то-то они порадовались бы. Братецъ-покойникъ веселые были въ компаніи... Другому молодому супротивъ нихъ не устоять!..

Общее веселье отчасти омрачилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Зотушка жестоко запилъ и даже совсѣмъ исчезъ изъ дому неизвѣстно куда. Его, впрочемъ, и не разыскивали, потому что было не до того, у всѣхъ хлопотъ было полонъ ротъ.

Молодыхъ вѣнчалъ, конечно, о. Крискентъ въ только-что отстроенной церкви, на которую Татьяна Власьевна когда-то таскала кирпичи. Народу было биткомъ набито, и бабы поголовно восхищались счастливой парочкой. Въ этой пестрой толпѣ много дѣвушекъ завидовали дикому счастью Нюши, которая подцѣпила такого жениха, а невѣста стояла такая блѣдная, съ опухшими отъ слезъ глазами, и вѣнчальная свѣча слабо дрожала въ ея рукахъ. Вечеромъ въ брагинскомъ домѣ былъ устроенъ настоящій пиръ, на которомъ мужчины и женщины напились до безобразія. Молодыхъ поздравляли, отпускали на ихъ счетъ самыя сальныя шуточки, такъ что съ Нюшей подъ конецъ сдѣлалось дурно...

Татьяна Власьевна разсчитывала такъ, что молодые сейчасъ послѣ свадьбы уѣдутъ въ Верхотурье, и она устроится въ своемъ домѣ по-новому и первымъ дѣломъ пуститъ квартирантовъ. Все-таки разстановочка будетъ. Но вышло иначе. Алена Евстратьевна, дѣйствительно, уѣхала, а Павелъ Митричъ остался и на время нанялъ тѣ комнаты, гдѣ жилъ раньше Гордей Евстратычъ.

— Я только на время, бабушка, на время, — говорилъ онъ для успокоенія старухи.—Дѣла у меня здѣсь есть, такъ нужно будетъ развязаться съ ними.

— Твое дѣло, тебѣ лучше знать, а я не гоню,—по возможности кротко отвѣчала зятю Татьяна Власьевна, хотя сама и ежилась.

Скоро возникли и первыя недоразумѣнія, поводомъ для которыхъ послужили хозяйственные расчеты: Павелъ Митричъ пилъ и ѣлъ съ женой, занималъ квартиру, а о деньгахъ и не заикался.

Такъ прошелъ весь медовый мѣсяцъ. Павелъ Митричъ оказался человѣкомъ веселаго нрава, любилъ ѣздить по гостямъ и къ себѣ возилъ гостей. Назоветъ кого попало, а потомъ и посылаетъ жену тормошить бабушку насчетъ угощенья. Самъ никогда слова не скажетъ, а все черезъ жену.

— Да у него самого-то языка, что ли, нѣтъ?—ворчитъ бабушка на Нюшу.

— Бабушка, да вѣдь тамъ сидятъ чужіе, осудятъ, пожалуй... — объясняла Нюша со слезами.

Татьяну Власьевну Косяковъ оставлялъ долго въ покоѣ, но тѣмъ тяжелѣе доставалось бѣдной Нюшѣ, съ которой онъ началъ обращаться все хуже и хуже. Эти „семейныя“ сцены скрыты были отъ всѣхъ глазъ, и даже Татьяна Власьевна не знала, что̀ дѣлается въ горницахъ по ночамъ, потому что Павелъ Митричъ всегда плотно притворялъ двери и завѣшивалъ окна.

Вынужденная истязаніями и безпрерывною нравственной пыткой, Нюша обратилась къ бабушкѣ Татьянѣ съ просьбой о деньгахъ, но безуспѣшно. Татьяна Власьевна точно окаменѣла и выслушивала мольбы внучки совершенно равнодушно.

— Не умѣешь просить, каналья!—ругался Косяковъ и отпускалъ Нюшѣ за неудачную просьбу двойную порцію побоевъ.

Но на этомъ Павелъ Митричъ не остановился, потому что слишкомъ

вошелъ во вкусъ своей семейной жизни. Безотвѣтность трепетавшей передъ нимъ жены раздражала его, и онъ съ мучительнымъ раздраженіемъ придумывалъ новыя истязанія. Теперь ему было мало этихъ келейныхъ наслажденій, нужно было общество.

Чтобы выучить жену пить вмѣстѣ со всѣми водку, Косяковъ далъ ей всего нѣсколько уроковъ въ спальнѣ. Нальетъ рюмку, подастъ Нюшѣ и мучитъ ее до тѣхъ поръ, пока она не выпьетъ.

— А вы знаете, Павелъ Митричъ, что ваша жена влюблена?—спросила какъ-то разъ Косякова Варвара Тихоновна.—Да, очень влюблена... Не догадываетесь?—допытывала она, досыта намучивъ гостя.

— Нѣтъ...

— А Алеша Пазухинъ?.. Вѣдь онъ сколько лѣтъ считался женихомъ Анны Гордеевны. Ну, тогда свадьба разстроилась изъ-за Гордея Евстратыча, такъ они теперь изъ-за васъ свое берутъ... Ужъ это вѣрно!.. Чтобы жена не водила мужа за носъ, да этому я никогда не повѣрю... никогда!..

Домой вернулся Косяковъ точно въ туманѣ: теперь старуха у него была въ рукахъ, и онъ ее проберетъ... Да, отличная штука будетъ. По своему обыкновенію, Павелъ Митричъ ничѣмъ не выдалъ себя, и даже Нюша не замѣтила въ немъ никакой перемѣны. Онъ что-то долго обдумывалъ, а потомъ разодѣлся въ свои суперики и отправился знакомиться съ Пазухиными, которые были удивлены такимъ визитомъ любезнаго сосѣда.

— Я давно къ вамъ собираюсь, да все дѣла задерживали,—объяснилъ Павелъ Митричъ съ обычной своей развязностью. — Живемъ сосѣдями, надо же познакомиться

Сила Андронычъ былъ дома и съ любопытствомъ разсматривалъ гостя, который былъ извѣстенъ въ Бѣлоглинскомъ заводѣ подъ именемъ Пашки Косякова, или просто „ратника“; старикъ слышалъ кое-что о семейной жизни Нюши и крѣпко недолюбливалъ его, но человѣкъ пришелъ въ гости — не гнать же его въ шею. Косяковъ посидѣлъ, поговорилъ, а потомъ на прощанье усиленно просилъ пожаловать въ гости къ себѣ.

Знакомство ихъ продолжалось недолго. Павелъ Митричъ устроилъ своимъ сосѣдямъ скандалъ, пригласивъ къ себѣ гостей и въ томъ числѣ Пазухиныхъ. Когда гости собрались, Косяковъ обратился ко всѣмъ съ такой рѣчью, указывая на Алексѣя Пазухина.

— Это мой отличный сосѣдъ. Когда меня не бываетъ дома, Алексѣй Силычъ любезничаетъ съ моей женой и заводитъ шашни. Они вѣдь старые знакомые, такъ имъ не привыкать обманывать добрыхъ людей: раньше Анна Гордеевна обманывала своего тятеньку, а теперь обманываетъ меня.

— Врешь!..—загремѣлъ Сила Андронычъ и накинулся на „ратника“. Произошла страшная свалка.

— Постой, кровопійца, я тебѣ покажу!..—ревѣлъ Сила Андронычъ, обрабатывая кулаками хрипѣвшаго ратника. — Ты думаешь, на тебя и суда нѣтъ, разбойникъ двухголовый?.. Кровь чужую пьешь... Я тебя задушу, палача.

Только прибѣжавшая на шумъ Татьяна Власьевна кое-какъ усмирила Силу Андроныча и стащила его съ избитаго зятя.

— На твоей душѣ грѣхъ, старуха!.. — гремѣлъ расходившійся Пазухинъ.—Вы вдвоемъ загубили Нюшу и отвѣтите за нее передъ Богомъ

Косяковъ, потерпѣвъ пораженіе отъ Силы Андроныча, считалъ себя теперь въ правѣ выместить гнѣвъ на женѣ и на Татьянѣ Власьевнѣ.

XXVI

Зотушка все это время велъ самый странный образъ жизни и точно не хотѣлъ ничего знать, что̀ дѣлается въ батюшкиномъ домѣ. Онъ совсѣмъ не ходилъ въ горницы, чтобы не встрѣчаться съ „ратникомъ“, и какъ будто избѣгалъ Нюши, которую всегда очень любилъ. Правда, Зотушка очень рѣдко появлялся въ своемъ флигелькѣ и все пропадалъ гдѣ-то, хотя его не видали больше ни у Савиныхъ ни у Колобовыхъ. О печальной жизни Нюши Зотушка, конечно, зналъ давно, хотя объ этомъ и не говорилъ никому. Ни одна душа не видала, какъ „источникъ“ по ночамъ молился и плакалъ о своей голубкѣ. Все время онъ соображалъ о томъ, какъ ему освободить Нюшу отъ „ратника“, и не могъ ничего придумать. Голова Зотушки была устроена совершенно особенно: его мысль вѣчно пробиралась какими-то закоулками и задворками и все-таки проходила къ своей цѣли.

Разъ, перебирая всѣ обстоятельства мудренаго дѣла, Зотушка весь просіялъ и даже заплакалъ отъ радости: рѣшеніе было найдено, и Нюша спасена. Онъ долго молился своему образку, прежде чѣмъ итти на подвигъ, потомъ пріодѣлся, намазалъ обильно свою голову деревяннымъ масломъ и со своимъ смиреннымъ просвѣтленнымъ видомъ отправился прямо въ горницы.

— А, Зотей Евстратычъ, что̀ тебя долго не видать?—спрашивалъ Павелъ Митричъ.—Загордился, совсѣмъ не хочешь насъ знать...

— Какая гордость, Павелъ Митричъ, Господь съ вами. Такъ, дѣлишки разныя были...

— Да какія у тебя дѣла могутъ быть, блаженная голова? Живешь, какъ комаръ—какія у тебя дѣла...

— И у него своя забота есть, Павелъ Митричъ...

Косяковъ чувствовалъ, что старикъ пришелъ недаромъ, потому что онъ все неспроста дѣлалъ, что-нибудь да держитъ онъ на умѣ и ужъ навѣрное знаетъ, куда старуха прячетъ свои деньги. Косяковъ даже удивился, какъ онъ раньше объ этомъ не подумалъ: подпоить божьяго человѣка, онъ все и разболтаетъ... Эта мысль очень понравилась Косякову, и онъ рѣшилъ привести ее въ исполненіе...

— Ты не бѣгалъ бы отъ меня, такъ дѣло-то лучше бы было,—говорилъ Косяковъ, ласково поглядывая на старика своими вострыми глазами.—Приходи покалякать когда, поболтать, да и муху можно раздавить...

Зотушка блаженно улыбнулся и, осторожно оглядѣвшись кругомъ, проговорилъ вполголоса:

— Старухи я боюсь, Павелъ Митричъ... Вѣдь она меня сживетъ со свѣту, если узна̀етъ, что я съ вами-то заодно.

— Такъ бы прямо и сказалъ... А ты не бойся: Павелъ Косяковъ никого на свѣтѣ не боится. Да что̀ тутъ толковать: хочешь, сейчасъ муху давнемъ?

— Ужъ это на что лучше, Павелъ Митричъ.

Зотушка прищелкнулъ языкомъ и хитро подмигнулъ глазомъ въ сторону бабушкиныхъ горницъ,—дескать, теперь мнѣ плевать на нее, ежели Косяковъ никого на свѣтѣ не боится. Явилась водка, явилась закуска, и первая „муха“ была раздавлена самымъ развеселымъ образомъ, такъ что захмелѣвшій Зотушка даже спѣлъ свой стихъ о старцѣ. Татьяна Власьевна просто диву далась, когда узнала, что Зотушка пируетъ съ „ратникомъ“: не такой былъ человѣкъ Зотушка, чтобы кривить душой—ужъ какъ, кажется, онъ па-

докъ до водки, а никогда ни одной рюмки не приметъ отъ того, кто ему пришелся не по нраву... А тутъ, накося, даже пѣсню запѣлъ... Нюша сначала даже испугалась, когда услышала Зотушкинъ стихъ. И теперь гдѣ же поетъ Зотушка—въ горницахъ, гдѣ его слушаетъ „ратникъ“!.. А Зотушка все пѣлъ и пѣлъ, улыбался блаженной улыбкой и даже закрывалъ глаза, какъ воробей, котораго послѣ холодной морозной ночи пригрѣло солнышкомъ.

— А вѣдь ты славный старикъ, — хвалилъ Косяковъ, хлопая Зотушку своей десницей по плечу.—И пѣсни отлично поешь...

— Ужъ какъ кому поглянется, Павелъ Митричъ.

— Такъ старуха-то крѣпко тебя обижаетъ?

— Голодомъ сморила... Да и такъ, ежели разобрать: какъ пила пилитъ.

— Да ты выпей еще, а потомъ побесѣдуемъ...

Зотушка не отказался отъ новой „мухи“ и притворился совсѣмъ захмелѣвшимъ.

— А я... пришелъ къ тебѣ... не тово... недаромъ, — признавался Зотушка коснѣвшимъ языкомъ. — Ужъ больно меня... старуха-то доѣхала... Стра-асть доѣхала!.. Хоть вотъ сейчасъ ложись... и помирай! Вотъ я и пришелъ къ тебѣ... дѣльце маленькое есть...

— Я вѣдь тоже съ тобой давно хочу поговорить, Зотей Евстратычъ, и, кажется, мы столкуемся... Не насчетъ ли капиталовъ Гордея Евстратыча?

— Оно самое... оно... только я старухи до смерти боюсь...

— Вотъ что, пойдемъ лучше къ тебѣ въ флигелекъ, побесѣдуемъ тамъ.

— Ладно-о!..

Косяковъ подъ руку довелъ пьянаго Зотушку до его флигеля и даже помогъ ему сѣсть на стулъ.

— Охъ, боюсь старухи,—представлялся Зотушка, раскачиваясь на стулѣ.

— А есть у старухи деньги?

Зотушка оглянулся боязливо по сторонамъ и прошепталъ:

— Есть...

— Зотей Евстратычъ, послушай меня: скажи, куда прячетъ старуха деньги, тогда одна половина моя, другая твоя... А то все равно намъ обоимъ ничего не достанется!

— Обманешь ты меня?

— Я?.. Хочешь, сейчасъ образъ со стѣны сниму?

— Хорошо... я тебѣ укажу мѣсто... только чтобы водкой меня поить до отвалу.

— Ну, гдѣ?..—задыхавшимся шопотомъ спрашивалъ Косяковъ.

— А ты не больно торопись... Не запрегъ, чего нукаешь?.. Сейчасъ я тебѣ ничего не скажу, а черезъ три дня все какъ на ладонкѣ объясню...

Какъ „ратникъ“ ни умолялъ Зотушку, тотъ не сдался ни на какія просьбы и настоялъ на своемъ.

Три дня пролетѣли быстро. Зотушка куда-то исчезалъ, но потомъ явился на третій день. Косяковъ все это время переживалъ съ самымъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, а когда вечеромъ увидалъ затеплившійся во флигелькѣ Зотушки огонекъ—вздохнулъ свободнѣе; онъ сейчасъ же побѣжалъ къ нему, а тотъ сидѣлъ на лавкѣ блѣдный и изможденный, точно онъ перенесъ какую болѣзнь въ три дня.

— Что это съ тобой?—освѣдомился Косяковъ.

— Ничего... пировалъ, — коротко отвѣтилъ Зотушка, ощупывая свою голову.

— Экъ тебя взяло... Нашелъ время, нечего сказать.

— А ты думаешь, мнѣ легко чужія-то деньги воровать?.. А?.. Можетъ, у меня сердце все издрожалось со страху... Страсть боюсь старухи...

— Ну, сказывай, гдѣ деньги-то...

Косяковъ давно наблюдалъ за Татьяной Власьевоой, куда она прячетъ деньги, но все было безполезно. Но и Зотушкѣ стоило немалыхъ усилій открыть секретъ Татьяны Власьевны. Онъ провелъ до десятка безсонныхъ ночей, прежде чѣмъ укараулилъ старуху, когда она ходила провѣдать свой завѣтный узелокъ. Татьяна Власьевна прятала деньги въ пяти мѣстахъ — на сараѣ въ сѣнѣ, въ передбанникѣ, въ конюшнѣ, въ дровахъ и наконецъ въ ларѣ съ овсомъ. Послѣднее мѣсто и дало возможность рѣшить всю задачу съ „ратникомъ“. Теперь Зотушка сидѣлъ на лавкѣ, смотрѣлъ на Косякова воспаленными слезившимися глазами и все что-то шепталъ про себя.

— Да скажешь, что ли, дьяволъ!.. — приступилъ къ нему Косяковъ, блѣднѣя.

— Ладно... скажу... только мнѣ половину... а то не скажу.

— Сказалъ, что отдамъ... Фу, чортъ! Чего еще жилы-то тянешь...

— Надо замокъ ломать... снасть-то припасъ?

Косяковъ порылся въ карманѣ и досталъ оттуда плотничье долото.

— Какой угодно замокъ отворотимъ этимъ ключомъ,—проговорилъ онъ, показывая свою снасть.

— Хорошо... Ступай во дворъ, тамъ стоитъ ларь съ овсомъ...

— Знаю...

— Ну, въ этомъ ларѣ, въ овсѣ, и ищи узелокъ... въ правомъ углу... Только вотъ что: мнѣ твоихъ денегъ не надо, а ты мнѣ отдай камешекъ, который лежитъ тутъ же съ деньгами... только и всего..

Косяковъ уже шагалъ по двору. Ночь была свѣтлая, и Косяковъ боязливо оглядывался въ сторону дома, точно боялся какой засады. Вотъ и знакомый старый ларь. Снявъ осторожно замокъ и накладку, Косяковъ еще разъ оглянулся кругомъ и по поясъ опустился въ глубокій ларь, гдѣ долго шарилъ руками въ овсѣ, прежде чѣмъ ущупалъ завѣтный узелокъ. Доставъ узелокъ изъ ларя, Косяковъ вернулся съ нимъ въ Зотушкичъ флигелекъ, провѣрилъ тамъ деньги и передалъ Зотушкѣ ту самую жилку, которую когда-то привезъ Михалка изъ Полдневской отъ Маркушки.

— Теперь, Павелъ Митричъ, уходи отъ грѣха,—проговорилъ Зотушка, пряча кусокъ кварцу за пазуху.—Съ деньгами тебѣ вездѣ дорога, а если вздумаешь назадъ оборотиться—обоихъ насъ въ каторгу зашлютъ..

Косяковъ навсегда скрылся изъ Бѣлоглинскаго завода, а Зотушка истолкъ въ ступѣ Маркушкину жилку и той же ночью всыпалъ ее въ церковную кружку.

1884.

ДѢТСКІЯ ТѢНИ.

Разсказы.

АННУШКА.

I.

— Андрей Иванычъ, пойдемъ...

Молчаніе.

— Голубчикъ, ну, пойдемъ... Всего-то два шага! Ахъ, Боже мой...

— Отстань!

— Только твоего и разговору? Ну, хорошо... Превосходно.

Андрей Иванычъ оказался безчувственнымъ. Онъ стоялъ на своемъ швейцарскомъ мѣстѣ съ обычнымъ замороженнымъ достоинствомъ, какъ и слѣдуетъ настоящему швейцару. Солдатское, точно обрубленное лицо застыло на какой-то одной мысли. Военная выправка дѣлала его моложе, вѣрнѣе сказать, онъ былъ въ томъ неопредѣленномъ возрастѣ, который у крѣпкихъ людей отдѣляетъ молодость отъ старости. Вообще, обстоятельный человѣкъ Андрей Ивановичъ, аккуратный и вѣчно сумрачный. Всѣ эти качества юлившій около него Самошка сейчасъ чувствовалъ съ какой-то затаенной обидой. Слава Богу, вѣдь тоже солдатъ. Почитай, вмѣстѣ и служили, и годы одни. А рядомъ съ Андреемъ Иванычемъ вотъ этотъ самый Самошка казался старикомъ: спина сгорбленная, лицо сморщенное, глаза слезятся, руки трясутся, въ каждомъ движеніи мучительное безпокойство, точно его шиломъ тычутъ. Андрей Иванычъ смотрѣлъ на благопріятеля сверху, почти съ презрѣніемъ, а Самошка всю разницу видѣлъ только въ костюмѣ и въ службѣ. Ну-ка, надѣнь на него швейцарскую одежу да поставь у дверей, особливо на тепло куда-нибудь, да онъ такого феферу покажетъ, что чертямъ будетъ тошно. Въ сущности, ихъ раздѣляла непроходимая пропасть; Самошка былъ „штрафной“ солдатъ, потерявшій уваженіе къ самому себѣ, а Андрей Иванычъ прошелъ безпорочную службу и вышелъ въ чистую съ нашивками.

— Такъ не пойдешь?—уже со злостью приставалъ Самошка.—Не пойдешь? Хорошо... Въ ногахъ будешь валяться, а я ни въ жисть... Нѣтъ, братъ, у меня слово—законъ. Сказалъ, какъ топоромъ отрубилъ...

— Не пугай къ ночи...

Самошка сдѣлалъ даже шагъ къ двери, но остановился въ раздумьѣ, плюнулъ и, вернувшись, заговорилъ совсѣмъ другимъ, слезливымъ тономъ:

— Андрей Иванычъ, голубчикъ, ну, дай двугривенный, и чортъ съ тобой... Поправиться надо!.. Такъ и сосетъ... Испорченный я человѣкъ, вотъ главная причина...

— Самъ себя портишь.

— Да вѣдь я... ахъ, Боже мой! Посадить бы тебя ко мнѣ на кладбище, такъ узналъ бы... Какъ это затемняетъ, какъ стихнетъ, ну—смертынька моя. Ты-то на людяхъ, а я вѣдь одинъ со своими покойниками сижу. Оторопь живого человѣка возьметъ...

— По поминкамъ бы меньше ходилъ да съ дьячками поменьше лакалъ...— сурово замѣтилъ Андрей Иванычъ, опуская руку въ карманъ.

Отъ Самошки не скрылось это движеніе, и онъ льстиво забормоталъ:

— Пошли бы вмѣстѣ къ Андронычу въ портерную... ей-Богу!.. Ну, раздавили бы пару пива... ну, покалякали...

Въ этотъ критическій моментъ Андрей Иванычъ быстро выдернулъ изъ кармана руку и весь насторожился. Ему показалось, что по тротуару мелькнула подозрительная тѣнь,—черезъ стеклянную дверь подъѣзда было все видно. Самошка хотѣлъ обругаться, но Андрей Иванычъ молча схватилъ его за плечо и толкнулъ прямо въ дверь своей сторожки.

Очутившись въ темнотѣ, Самошка нѣкоторое время не могъ сообразить, въ чемъ дѣло, а потомъ хрипло хихикнулъ и даже закрылъ свою шершавую пасть рукой. Дальше Самошка зашелся простуженнымъ кашлемъ пропойцы, вытеръ слезы и припалъ своей небритой рожей къ окну, выходившему на тротуаръ. Его охватило какое-то безпричинное злорадство.

— Ага... клюнуло...—шепталъ Самошка, когда на тротуарѣ показалась женская тѣнь.—Аннушка... ха-ха. Иди, милая... Нѣтъ, мимо прошла. Ахъ, подлая... Только время тянетъ, а вѣдь все равно придетъ. Аннушка, скорѣе... Ахъ, кошки тебя залягай!..

Женская тѣнь прошла опять мимо и нерѣшительно остановилась у подъѣзда. Андрей Иванычъ не вытерпѣлъ и вышелъ.

— Вамъ, можетъ-быть, навѣстить родственницу?..

— Нѣтъ, то-есть...

Тѣнь сдѣлала попытку скрыться, но отъ быстраго движенія слабо вскрикнула и остановилась. Андрей Иванычъ помогъ ей подняться на три ступеньки подъѣзда, сдѣлалъ сердитое лицо и грубо сказалъ:

— Во второй этажъ, первая дверь налѣво... Въ дежурную.

Тѣнь была смущена и прятала свое лицо въ старенькомъ платкѣ. Переведя духъ, она медленно начала подниматься по лѣстницѣ, хватаясь лѣвой рукой за перила.

Андрея Иваныча поразило это молодое дѣвичье лицо, полное такой муки, страха и стыда. Ему сдѣлалось совѣстно за свой грубый тонъ, но тѣнь была уже наверху. Онъ видѣлъ только заношенную старую шубенку, худыя ботинки, грязный подолъ и смертную истому каждаго движенія.

Андрей Иванычъ точно застылъ на мѣстѣ, прислушиваясь къ каждому звуку, точно это онъ самъ шелъ. Вотъ скрипнула дверь дежурной, вотъ послышались торопливые шаги дежурной акушерки... вотъ все стихло... Изъ этого оцѣпенѣнія Андрея Иваныча вывело удушливое хихиканье Самошки. Онъ даже вздрогнулъ.

— Аннушка...—хрипѣлъ Самошка, закрывая ротъ рукой.

— А ты чему обрадовался-то, дуракъ?..

— А вотъ этому самому... И шла бы прямо, а то еще по тротуару маячила съ полчаса. Только время тянула. А ужъ сама тово... свѣту не видитъ.

— Опять дуракъ... Вѣдь дѣвушка: тоже и свой стыдъ есть. А впрочемъ, что я съ тобой разговариваю: убирайся къ чорту!

Самошка остолбенѣлъ. Вотъ такъ фунтъ... Впрочемъ, Андрей Иванычъ точно что вспомнилъ: юркнулъ въ сторожку, схватилъ шапку и быстро вышелъ

въ подъѣздъ. Самошка вприпрыжку летѣлъ за нимъ, счастливый оборотомъ дѣла. Давно бы такъ-то, а то сколько времени кочевряжился: не хочу да не пойду. Ишь, какъ ущемило...

Портерная Андроныча была сейчасъ черезъ дорогу и такъ призывно свѣтилась своими двумя окнами. Самошка испытывалъ самое блаженное настроеніе, когда распахивалась гостепріимная дверь.

— Пару пива, — скомандовалъ онъ, здоровайсь съ лысымъ сидѣльцемъ Андронычемъ.

Тотъ лѣниво посмотрѣлъ на Андрея Иваныча и молча поставилъ на грязный и липкій отъ пролитаго пива столикъ двѣ бутылки.

— Снѣжокъ какъ будто мороситъ, — изъ вѣжливости замѣтилъ онъ, не обращаясь собственно ни къ кому.—Весна не можетъ взяться по-настоящему.

Андрей Иванычъ ничего не отвѣтилъ, залпомъ выпивъ сразу два стакана. Глотая холодное пиво, онъ все время смотрѣлъ въ окно на свой подъѣздъ, не подъѣдетъ ли кто-нибудь или не подойдетъ ли.

На улицѣ стояла уже двѣ недѣли весенняя гололедица. Лошади падали, карабкаясь по обледянѣлой дорогѣ. На тротуарахъ пѣшеходы выдѣлывали отчаянныя антраша.

Самошка блаженствовалъ и пилъ свою бутылку съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой, какъ дѣлаютъ это записные пьяницы. Самошка торжествовалъ, счастливый, что Андрей Иванычъ попалъ на линію, а ужъ ему только попасть...

У Андрея Иваныча именно была своя линія: все молчитъ, а тутъ вдругъ и развернется ни съ того ни съ сего. Однимъ словомъ, вожжа подъ хвостъ попадетъ...

Именно въ такомъ настроеніи онъ былъ сейчасъ, и Самошка впередъ предвкушалъ дальнѣйшее: охолостятъ они у Андроныча пары три пива, потомъ Андрей Иванычъ для прилику покажется въ своей сторожкѣ, а потомъ на всю ночь и закатятъ въ Солдатскую слободку. Эти соображенія до того увлекли Самошку, что онъ расхохотался самымъ глупымъ образомъ.

— Ты это чему обрадовался, баранья голова?—сурово спросилъ Андрей Иванычъ.

— А какъ же?.. Аннушка-то давѣ какія петли выметывала... хе-хе!.. Я бы этихъ проклятущихъ дѣвокъ всѣхъ въ одинъ узелъ завязалъ да въ воду... Вотъ тебѣ и весь сказъ! Нагуляетъ брюхо, а тутъ и отваживайся съ ней.... Вотъ и эта Аннушка тоже: небось, нашла родильный-то домъ. А я бы ее въ шею... хе-хе! Ступай, откуда пришла... Гдѣ нашла, тамъ и обрадуй.

— Не нашего ума это дѣло, а ты дуракъ!..—отрѣзалъ Андрей Иванычъ, дѣлая знакъ относительно слѣдующей пары пива.

— А что же, Самошка дуракъ—это точно, даже круглый дуракъ,—политично вступился лысый Андронычъ:—а касаемо вашихъ Аннушекъ онъ правильно... да. Дѣвица должна себя соблюдать вполнѣ — первое дѣло. И ежели бы, скажемъ, напримѣрно, не обнадеживала себя тѣмъ же родильнымъ, такъ она бы въ лучшемъ видѣ, а тутъ и вышла вся Аннушка, какъ есть...

— Лучше, что ли, ежели дѣвки ребятъ по прорубямъ будутъ топить, да травить, да подкидывать,—лучше?—сурово спрашивалъ Андрей Иванычъ.

— Ну, вотъ вы всегда такъ, Андрей Иванычъ... — сказалъ Андронычъ, взмахивая своей затекшей волосатой рукой.—Конечно, вы, напримѣрно, получаете свое жалованье въ аккуратѣ, два дохтура, кушорки... ну, цѣлый уголъ народу. Земство, напримѣрно, соотвѣтствуетъ: на, получай. Загуляла дѣвушка—милости просимъ къ намъ. Мы васъ, Аннушка, будемъ и поить, и кормить, и въ чи-

стую простыньку обернемъ, и всякій другой обиходъ. Не болитъ ли здѣсь, Аннушка... тьфу!

— Вѣрррно!.. — ревѣлъ Самошка, стукая кулакомъ по столу. — Вѣрно, Андронычъ... Я бы всѣхъ этихъ Аннушекъ въ шею, да хомутъ на голову, да по городу и провелъ, чтобы другимъ не повадно было, да деготькомъ ворота смазалъ...

Самыми ярыми блюстителями женской нравственности у насъ на Руси являются именно такіе сидѣльцы, какъ Андронычъ, потомъ благочестивые сѣденькіе старички, которые со слезами на глазахъ молятся каждый день гдѣнибудь въ укромномъ церковномъ уголкѣ, и такіе пропащіе люди, какъ Самошка. Терпимыми, прощающими и снисходительными къ чужимъ слабостямъ бываютъ исключительно люди сильные, въ полной рабочей порѣ, какъ и въ данномъ случаѣ Андрей Иванычъ. Поэтому онъ сейчасъ и разсердился на Андроныча. Зачѣмъ пустыя слова говорить?.. Самошка дуракъ, зря болтаетъ, а Андронычу это какъ будто и не пристало. Кстати, Аннушками въ родильномъ домѣ называли всѣхъ роженицъ, — эта кличка установилась со дня открытія этого учрежденія, потому что первую роженицу называли Анной.

— Пустыя слова вы болтаете! — сурово говорилъ Андрей Иванычъ. — Такъ, языкъ чешете... И дѣвушка не права, которая себя не соблюла, а гдѣ же отцы-то? Вѣдь Аннушекъ въ годъ-то у насъ за сто человѣкъ перебываетъ, а ни одинъ отецъ и глазъ не покажетъ...

— Отецъ—другая статья... ха-ха!—заливался Самошка. — Онъ свое получилъ и въ кусты... хе-хе! Ему-то какая неволя срамиться: я, молъ, вотъ и есть тотъ самый обманщикъ... Тоже, найди такого дурака!

— Да вѣдь онъ обманывалъ Аннушку-то, когда ей разныя слова наговаривалъ да улещалъ?—сказалъ Андрей Иванычъ.—Совѣсть-то гдѣ?..

— Хе-хе, совѣсть!..—заливался Андронычъ.—По нынѣшнимъ временамъ совѣсть захотѣлъ искать...

— У волка въ зубѣ—Егорій далъ, вотъ и вся совѣсть! — поддакивалъ Самошка уже заплетавшимся языкомъ. — А не будь дура... хе-хе!.. Ты будь въ аккуратѣ, потому какъ у тебя свой предѣлъ...

— Молчи, дуракъ! — ругался захмелѣвшій Андрей Иванычъ. — А какъ, напримѣрно, младенецъ теперь родится? Вѣдь Аннушка досыта нахлебается съ нимъ стыда, пока родитъ, а потомъ вышла отъ насъ—куды она съ ребенкомъ? Вѣдь ужъ къ намъ въ родильный голь непокрытая идетъ... Горничныя, кухарки, швейки заблудящія. Младенецъ-то виноватъ, а?.. Вѣдь мать-то его не броситъ—и стыдъ свой дѣвичій износитъ и младенца воспитаетъ, а отцы-то только своего удовольствія ищутъ! Я бы первымъ дѣломъ вотъ этихъ самыхъ родителевъ подтянулъ... Много ли надо, чтобы Аннушку обмануть, особливо когда она еще и въ настоящій разумъ не вступила.

— А младенцевъ я принимаю!—хвастался Самошка.—Все одно, моихъ рукъ не минуетъ ни одинъ... Ты вотъ ихъ крестишь, а я хороню. Весьма превосходно понимаемъ всю музыку... Сколько въ годъ-то окрестишь, Андрей Иванычъ?

— Да около сотни будетъ... Некому крестить, ну, меня въ кумовья и ставятъ. Христіанское дитя, долженъ порядокъ во всемъ быть.

— У тебя теперь крестниковъ-то, значитъ, сотнями считать? — смѣялся Андронычъ, разглаживая свой отвислый животъ.

— А ужъ не знаю, право...

— У меня на кладбищѣ всѣ твои-то крестники... хе-хе!—заливался Самошка.—Вѣрно!.. Въ годъ-то не одну сотню закопаю...

Самошка ошибся. Андрей Иванычъ выпилъ три пары пива, это точно, а дальше никуда не пошелъ. Напротивъ, онъ сдѣлался еще сумрачнѣе, нахлобучилъ шапку и сердитый ушелъ къ себѣ на подъѣздъ.

II.

— Вы можете не объявлять своего имени... — предупредила дежурная акушерка Марья Степановна, когда новая Аннушка подошла въ дежурной къ ея столику.

— Мнѣ за это ничего не будетъ?—тихо спросила паціентка.

— Рѣшительно ничего... Потомъ ребенка запишутъ по вашему паспорту.

Акушерка имѣла такой усталый и заспанный видъ,—она не спала уже нѣсколько ночей подъ рядъ. Сдѣлавъ отмѣтку въ своей книгѣ, она повела больную въ первое отдѣленіе

Родильный домъ недавно былъ купленъ земствомъ въ собственность и еще не совсѣмъ приспособленъ. Пока разграничены были только три отдѣленія: первое, гдѣ происходили роды, второе, гдѣ лежали роженицы послѣ родовъ, и третье, гдѣ происходили операціи.

Новенькая со страхомъ прошла черезъ операціонную залу, потомъ какой-то коридоръ и наконецъ очутилась въ полуосвѣщенной комнатѣ, гдѣ стояли три кровати. Черезъ четверть часа она уже была переодѣта въ казенное платье, и Марья Степановна на большомъ печатномъ бланкѣ заносила разныя отмѣтки о состояніи ея здоровья.

Акушерка, худенькая и живая, ни разу не взглянула въ лицо новой паціенткѣ, чтобы напрасно не смущать ея. Въ первый разъ всѣ Аннушки ужасно стѣснялись. Мелькомъ, впрочемъ, Марья Степановна замѣтила, что больная очень красива—такое простое и хорошее дѣвичье лицо, съ длиннымъ овалomъ и мягкимъ дѣтскимъ носомъ. Свѣтло-русые волосы придавали ей особенную, какую-то ласковую миловидность.

Когда вошелъ ординаторъ, красивый еврей съ типичнымъ лицомъ, больная точно испугалась.

— Новенькая?—коротко спросилъ онъ.

— Да...

Они заговорили какія-то непонятныя слова, а новенькая точно застыла отъ охватившаго ее страха. Вотъ этотъ еврей будетъ ее рѣзать,—она въ послѣднемъ почему-то была убѣждена и ужасно струсила. Ординаторъ взглянулъ на нее, улыбнулся и замѣтилъ про себя:

— Ну, эту мы скоро разрѣшимъ...

Марья Степановна сдѣлала утвердительный знакъ. Ординаторъ поговорилъ съ другими больными и скоро ушелъ...

Новенькой онъ не понравился. Чему онъ смѣется?

Тихо въ родильномъ домѣ. Въ коридорѣ слышатся только осторожные шаги сестры Агніи, кособокой старушки въ бѣломъ платкѣ на головѣ. Изрѣдка откуда-то издалека доносятся тяжелые стоны, и новенькая каждый разъ вздрагиваетъ. Это кого-нибудь рѣжутъ... Ей дѣлается страшно до слезъ. Она успѣла разглядѣть свою комнату и познакомилась съ обѣими кроватями: на одной лежала горничная, а на другой швея.

— Онъ добрый...—говорила горничная про еврея-ординатора.—Ужасти какой добрый! И все смѣется... Зовутъ Борисомъ Осипычемъ. Я вѣдь здѣсь ужъ въ третій разъ..

Новенькая сначала дичилась, а потомъ начала привыкать. Главное,

вѣдь она не одна... Да и всѣ такіе ласковые, обходительные. Ахъ, какіе ласковые! Потомъ, какъ разсказала горничная, въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ никого не рѣжутъ, а только въ третьемъ, куда попадаютъ „трудные случаи“.

— Тамъ старшій докторъ Василій Михайловичъ операціи самъ дѣлаетъ,—разсказывала болтливая горничная.—Онъ смѣлый... И Борисъ Осипычъ тоже все умѣетъ. А акушерку зовутъ Марьей Степановной... У нея руки такія легкія: не слышно, какъ она все дѣлаетъ. Швейцара внизу Андреемъ Иванычемъ звать... Онъ переноситъ больныхъ изъ одного отдѣленія въ другое и всѣхъ ребятишекъ креститъ. Такой славный солдатъ... Вездѣ такой порядокъ, что пылинкѣ не дадутъ сѣсть. Вотъ ученицы надоѣдаютъ только...

Говорливая горничная на другой день поступила уже во второе отдѣленіе, потому что ночью у нея родился ребенокъ. Роды были легкіе, и ребенокъ былъ здоровенькій.

Утромъ пришелъ Андрей Иванычъ съ нѣсколькими фельдшерицами, и больную перенесли вмѣстѣ съ кроватью.

Новенькая отвернулась къ стѣнѣ, пока швейцаръ былъ въ комнатѣ. Она почему-то стѣснялась именно его, какъ единственнаго мужчины во всемъ родильномъ домѣ. Доктора въ счетъ не шли.

Время тянулось ужасно медленно. Бѣдная швея стонала. Благодаря сидячей жизни, ей приходилось переносить страшныя муки.

Новенькая мучилась за нее, переживая впредь свои собственныя страданія. Ее только утѣшало то, что такъ хорошо ухаживали за больной: ни одной минуты больная не оставалась одна.

Борисъ Осиповичъ прибѣгалъ разъ десять въ день, потомъ приходилъ главный докторъ, красивый высокій мужчина съ окладистой бородой. Доктора о чемъ-то совѣтовались между собой и только качали головой.

Марья Степановна выбивалась изъ силъ. Она и безъ того была такая худенькая, въ чемъ душа.

Кризисъ наступилъ быстрѣй, чѣмъ ожидали.

— Это отъ нервнаго состоянія,—объясняетъ Борисъ Осиповичъ.—Съ новенькими это случается... Страхъ дѣйствуетъ. Да и больная молодецъ...

Случилось это ночью. Ночью же ее и перенесли во второе отдѣленіе. Опять явился Андрей Иванычъ, и опять больная отвернулась, спрятавъ лицо въ подушку.

Во второмъ отдѣленіи было пять кроватей для выздоравливающихъ. Больныя лежали тихо. Около каждой кровати стояла маленькая дѣтская кроватка. Изрѣдка раздавался дѣтскій плачъ. Какой-то ребенокъ кричалъ такимъ толстымъ голосомъ, точно теленокъ.

— Вы счастливо отдѣлались... — встрѣтила больную говорливая горничная.—У васъ первый ребенокъ? Да? Впрочемъ, вы такая здоровая и молодая... Молодымъ всегда легче.

— Не безпокойте больную,—остановила ее сестра.

Новенькая проспала весь день и, проснувшись вечеромъ, съ удивленіемъ посмотрѣла кругомъ. Гдѣ она? Все случившееся съ ней за эти дни показалось ей какимъ-то тяжелымъ сномъ. А какъ она боялась и даже хотѣла руки на себя наложить... И всѣ такіе добрые... Даже совѣстно. И особенно добръ этотъ еврей-докторъ. Когда онъ только спать успѣваетъ?..

Къ ребенку новенькая въ первое время отнеслась равнодушно и разсматривала его съ удивленіемъ, когда въ первый разъ поднесла ей сестра что-то такое маленькое и беззащитное. Ей почему-то сдѣлалось жаль его.

— Хорошенькая дѣвчонка... — замѣтила, улыбаясь, сестра. — И такая здоровенькая, какъ рыбка.

Новенькая не могла привыкнуть къ собственному ребенку нѣсколько дней. Ей все казалось, что это чей-то чужой ребенокъ. Затѣмъ—онъ стѣснялъ ее. Ей опять дѣлалось совѣстно... Какъ она понесетъ его отсюда? А главное, куда она дѣнется съ ребенкомъ? На старое мѣсто она не могла прійти съ ребенкомъ; денегъ не было, а жить нужно чѣмъ-нибудь. Вотъ здѣсь такъ всѣ ухаживаютъ за ней. И тепло здѣсь и свѣтло, а тамъ, за этими стѣнами, опять нужда...

Больную охватывалъ ужасъ при мысли о томъ, что̀ опять будетъ тамъ. Господи, сколько стыда и горя напринималась она, а главное горе было еще впереди... Бездомная собака, погрѣвшаяся на чужой кухнѣ, вѣроятно, испытываетъ то же чувство, когда ее снова выгонятъ на улицу. Лучше было бы умереть...

Мысль о немъ пришла только потомъ. Она гнала ее отъ себя, старалась совсѣмъ не думать, и все-таки роковая мысль пришла. Да, онъ не покажется здѣсь... Ему все равно. Если бы она умерла, и тогда онъ не пришелъ бы. Ахъ, какой онъ скверный, нехорошій... Да и всѣ они такіе. Вонъ и тѣ женщины лежатъ, развѣ кто-нибудь придетъ ихъ навѣстить? Къ одной, впрочемъ, приходила какая-то старуха-тетка. И, вѣроятно, каждая лежитъ и думаетъ одинокую думу объ одномъ и томъ же. Эту мысль первой высказала говорливая горничная.

— И подлецы эти мужчинишки... Хоть бы одинъ носъ показалъ!.. Совѣсть-то у каждаго подъ пяткой... Кажется, взяла бы да и растерзала ихъ всѣхъ.

Другія женщины только вздыхали про себя.

— А вы въ прислугахъ жили раньше?—обратилась горничная къ новенькой.

— Да...

— Такая молодая и такая красивая вы изъ себя. Любой бы женихъ взялъ съ радостью... У меня тоже былъ женихъ, да только пьяница. А какъ васъ зовутъ?

— Авдотьей Семеновной...

— У меня была одна знакомая Авдотья Семеновна. Вдова... Хорошая женщина. Ахъ, какъ я зла на мужчинъ!.. У меня ужъ третій ребенокъ... Двое, слава Богу, скоро умерли. Не знаю, какъ третій... Сама-то я на мѣсто опять поступлю, а его отдамъ на воспитаніе. Вотъ тебѣ и жалованье: что̀ заработаешь, то и отдашь за ребенка. А отцы-то и въ усъ себѣ не дуютъ... Я себѣ зарокъ дала: будетъ, больше ни-ни... Мужнимъ женамъ дѣти-то не сладко достаются, а каково намъ! Ахъ, растерзала бы я ихъ всѣхъ, подлецовъ... Вонъ бѣдная швейка какъ мучится...

Женщины разговорились. Дѣлать, все равно, было нечего, а молча лежать скучно. Больше всего говорили о дѣтяхъ. Жаль ихъ, бѣдненькихъ... Другимъ-то на радость ребятишки, а по дѣвичьему дѣлу куда съ ними повернешься. И такъ скверно и этакъ скверно... Да еще сраму напринимаешься досыта.

— Всѣ къ Самошкѣ уйдутъ,—рѣшила горничная.

— Къ какому Самошкѣ?—спросила Авдотья Семеновна.

— А сторожъ на кладбищѣ...

Авдотья Семеновна испугалась. Неужели и ея дѣвочка тоже попадетъ къ Самошкѣ? Нѣтъ, она будетъ ее воспитывать, послѣднюю рубашку съ себя

сниметъ, только бы осталась жива. Она столько перенесла изъ-за нея, и вдругъ къ Самошкѣ... Авдотья Семеновна впередъ возненавидѣла этого кладбищенскаго сторожа и рѣшила про себя, что это очень скверный человѣкъ.

Говорливая горничная была почти своимъ человѣкомъ въ родильномъ и разсказала, что Самошка бываетъ въ родильномъ домѣ у швейцара Андрея Иваныча. Она ихъ и на улицѣ какъ-то видѣла вмѣстѣ: ѣдутъ пьяные на извозчикѣ. Андрей Иванычъ хорошій, крѣпкій человѣкъ, только иногда зашибаетъ и непремѣнно съ Самошкой.

— И сколько этихъ ребятъ мретъ!—удивлялась горничная.—Для чего они только родятся?.. А наши шпитонки мрутъ, какъ мухи, потому деньгами мать тоже не купишь... Вонъ у мужнихъ, такъ дѣти, небось, вырастаютъ.

Эти разговоры о дѣтяхъ нагоняли на всѣхъ тоску, и Марья Степановна сдѣлала уже нѣсколько замѣчаній словоохотливой горничной.

— Правду говорю...—ворчала та, обидѣвшись.

— Вы другихъ напрасно разстраиваете... Лежите смирно.

На третій день второе отдѣленіе было встревожено извѣстіемъ, что бѣдную швею перенесли въ третье отдѣленіе. Слышны были торопливые шаги по коридорамъ, шептанье ученицъ, и вообще происходила какая-то суматоха. Борисъ Осипычъ торопливо пробѣжалъ въ бѣломъ фартукѣ. За нимъ ковыляла сестра Агнія.

— Пронеси, Господи, благополучно...—вслухъ молилась неугомонная горничная.—За три года ни одной смерти здѣсь не было. Этакихъ докторовъ поискать...

Въ теченіе девяти дней Авдотья Семеновна узнала всю жизнь родильнаго дома со всѣми его порядками. Ничего лучше и придумать было нельзя. Ужъ такъ все хорошо, что и не разсказать. А главное—добрые всѣ... Если бы такіе-то люди да вездѣ. Вонъ бойкая горничная, та даже ссору подняла съ ученицами, которыя по утрамъ приходили осматривать больныхъ. Впрочемъ, и у Авдотьи Семеновны случилась маленькая непріятность. Это было на шестой день, когда пріѣхалъ священникъ крестить новорожденныхъ. Крестили дѣтей всѣхъ за-разъ, съ однимъ кумомъ. Когда дѣло дошло до ребенка Авдотьи Семеновны, Андрей Иванычъ наотрѣзъ отказался быть кумомъ.

— Андрей Иванычъ, да что съ тобой?—уговаривалъ старичокъ-священникъ.

— Такъ...—уклончиво отвѣтилъ Андрей Иванычъ.

Какъ его ни уговаривали, упрямый швейцаръ остался при своемъ. Нѣтъ, и дѣлу конецъ.

— Дѣвчонка, ваше высокоблагословеніе, можно и безъ кума...—повторялъ онъ въ свое оправданіе.

— Ну, какъ знаешь.

Это былъ первый случай, что Андрей Иванычъ протестовалъ относительно своихъ прямыхъ обязанностей. Этотъ случай всѣхъ заинтересовалъ. Женское любопытство такъ же неистощимо въ родильномъ домѣ, какъ и вездѣ. Акушерки, фельдшерицы и сидѣлки толковали на тысячи ладовъ. Что-нибудь тутъ есть... Вѣрнѣе всего, что новенькая Аннушка близкая знакомая швейцара, а очень можетъ быть, что даже и ребенокъ его. Навѣрно тутъ кроется интересный романъ... Вотъ вамъ и Андрей Иванычъ. На время швейцаръ сдѣлался героемъ дня.

Догадливѣе всѣхъ оказалась сестра Агнія. Вечеромъ она зашла во второе отдѣленіе. Старушка поздравила всѣхъ больныхъ съ новокрещенными дѣтками, каждой сказала какое-нибудь ласковое словечко и что-нибудь посовѣтовала.

Добрая такая сестра, и ее всѣ такъ любили. Къ послѣдней она подошла къ Авдотьѣ Семеновнѣ.

— Ну, какъ вы себя чувствуете, милая?

Старушка присѣла на кровать и посмотрѣла на больную своими грустными сѣрыми глазами. Авдотья Семеновна немного смутилась, предчувствуя какое-то объясненіе. Но старушка заговорила о погодѣ и разныхъ посторонникъ вещахъ. Между прочимъ, она разсказала о швеѣ, что операція сошла удачно, и бѣдняжка останется жива.

— Вы вѣдь незамужняя, милая? — вскользь спросила сестра.—Я это такъ... изъ любопытства. Что̀ дѣлать... Нужно терпѣть. А можетъ-быть, найдется хорошій человѣкъ и женится...

Авдотья Семеновна вся зардѣлась, догадавшись, къ чему ведетъ сестра свою тихую рѣчь.

— Вы это относительно Андрея Иваныча?—тихо спросила она, опуская глаза.

— Да...

— Онъ отказался быть кумомъ... мнѣ говорили... Ну что̀ же, я не сержусь. Его дѣло...

— Подумайте, милая... Вы такая молодая, а онъ человѣкъ хорошій.

Больная ничего не отвѣтила. На глазахъ у нея показались слезы,— первыя слезы въ этомъ домѣ. Сестра заговорила о чемъ-то другомъ, перекрестила ее и вышла изъ комнаты своей неслышной походкой, точно тѣнь.

III.

Въ установленный срокъ Авдотья Семеновна выписалась изъ родильнаго дома. Андрей Иванычъ съ нетерпѣніемъ ждалъ этого момента. Онъ послѣдніе дни былъ особенно мраченъ и ни съ кѣмъ почти не разговаривалъ.

— Андрей Иванычъ, кликните извозчика!—попросила его сверху сестра Агнія.

Швейцаръ даже вздрогнулъ. Вотъ оно когда началось... Онъ чувствовалъ, что это она, и нахмурился. Когда онъ вернулся на свой подъѣздъ, Авдотья Семеновна спускалась уже по лѣстницѣ, бережно неся закутаннаго въ шубку ребенка.

— Готово-съ...

Она прошла быстро мимо него, взглянула и молча поблагодарила легкимъ кивкомъ головы. А какъ много ему нужно было сказать ей... Онъ всю недѣлю придумывалъ, что̀ сказать, а тутъ и простоялъ болваномъ, точно языкъ пришитъ. Когда она садилась на извозчика, онъ опомнился, выскочилъ на подъѣздъ и помогъ ей. Можно было и тутъ ввернуть словечко, и опять языкъ не повернулся. Андрею Иванычу сдѣлалось даже жутко за собственную нѣмоту: дерево деревомъ. Извозчикъ задергалъ вожжами, локтями, всѣмъ корпусомъ, дернула морная извозчичья клячонка, и счастье улетѣло, а Андрей Иванычъ остался на своемъ подъѣздѣ и долго стоялъ безъ шапки.

— Ахъ, хороша!..—резюмировалъ онъ весь порядокъ своихъ чувствъ.— Не такой бы дѣвушкѣ пропадать да свой стыдъ по чужимъ людямъ носить...

Въ немъ сказалась такая хорошая солдатская жалость. Въ Андреѣ Иванычѣ еще жилъ семейный человѣкъ, деревенскій мужикъ, для котораго баба являлась не забавой, а дѣломъ серьезнымъ. До службы онъ не женился, а потомъ какъ-то не до того было. Разъ онъ въѣлся въ солдатскую жизнь, а потомъ вышелъ на городское положеніе. Попадались разныя бабы, но же-

ниться Андрей Иванычъ не рѣшался. Чего-то недоставало, не было настоящаго... А годъ шелъ за годомъ, Андрей Иванычъ дѣлался все мрачнѣе, потихоньку копилъ деньгу, да такъ незамѣтно и дожилъ до своихъ сорока шести лѣтъ.

Проводивъ Авдотью Семеновну, швейцаръ заперся въ своей каморкѣ. Онъ сердился на самого себя... Вотъ блажь пришла! Не стало Аннушекъ... Да сколько угодно. И эта такая же, какъ всѣ другія. А все-таки скверно... Тошно. Ему все грезилось это молодое дѣвичье лицо, такое хорошее, кроткое, застыдившееся... И опять въ немъ закипали разныя невысказанныя слова:

— Авдотья Семеновна, вы не сердитесь на меня, потому какъ я свою линію имѣю. Будемте жить по-божески, по закону, а кто прошлое помянетъ— глазъ вонъ. Вѣрно... Беречь бы я сталъ васъ вотъ какъ!.. А что касаемо младенца, такъ, первое, онъ не виноватъ, и за своего родного сойдетъ, а второе — просто глупое ваше дѣвичье дѣло. Ужъ будьте спокойны...

Тѣсной показалась Андрею Иванычу собственная каморка. Мысли-то такъ и рвались, какъ спугнутыя птицы...

Завернулъ-было Самошка, но Андрей Иванычъ его прогналъ. Не до него... Вечеромъ швейцаръ увидалъ извозчика, который отвозилъ Авдотью Семеновну, и отправился посмотрѣть, куда онъ ее отвезъ.

Было темно, и Андрей Иванычъ могъ присмотрѣть домъ незамѣтно. Это было на окраинѣ города, гдѣ залегло своими гнилыми домишками предмѣстье Теребиловка. Извозчикъ молча ткнулъ кнутовищемъ на одинъ изъ такихъ домишекъ. Въ крайнемъ окнѣ виднѣлся слабый свѣтъ и двигались какія-то тѣни. Андрей Иванычъ велѣлъ ѣхать домой: ему сдѣлалось совѣстно извозчика, — что тотъ подумаетъ о немъ.

Всю ночь не спалъ Андрей Иванычъ. И жутко какъ-то дѣлается, и мысли въ башку лѣзутъ. Что онъ мыкается бобылемъ, да и она тоже „не къ шубѣ рукавъ“, а вмѣстѣ-то вотъ какъ бы зажили. Она бы бабьимъ дѣломъ сидѣла вотъ здѣсь въ сторожкѣ, а онъ бы стоялъ на подъѣздѣ. Нѣтъ, въ родильномъ неудобно: всѣ ее знаютъ, и ей бы было совѣстно мужней женой показаться. Лучше всего переѣхать въ чужой городъ и тамъ устроиться. И жена моя и ребенокъ мой... Пока что перебились бы на скопленныя деньжонки, а потомъ мѣсто бы подыскалъ или мастерствомъ какимъ занялся. Одежду бы всю новую справилъ Авдотьѣ Семеновнѣ да и прошелся бы съ ней когда-нибудь въ праздникъ по улицѣ: гляди, честной народъ. Тѣмъ море не испоганилось, что песъ налакалъ...

Съ этими мыслями Андрей Иванычъ вставалъ и ложился. Отъ ѣды отшибло, ночью сна нѣтъ, а Самошку просто растерзалъ бы, да и Андроныча по пути. Хороши благопріятели, нечего сказать: знакомому чорту подарить, такъ и тотъ назадъ отдастъ.

Мысли объ Авдотьѣ Семеновнѣ у Андрея Иваныча почему-то связывались съ ненавистью къ благопріятелямъ, точно мѣшавшимъ его счастью уже однимъ своимъ существованіемъ. Андрей Иванычъ даже отплевывался въ порывѣ негодованія.

Отпросившись въ воскресенье на цѣлый день, Андрей Иванычъ пріодѣлся во все новое и отправился въ Теребиловку.

Въ дверяхъ портерной стоялъ Андронычъ и окликнулъ его.

— Куды поплелся спозаранку, Андрей Иванычъ? Что давно не видать?..

— А недосугъ...

Андрей Иванычъ даже хотѣлъ вернуться, точно сидѣлецъ загородилъ ему дорогу своими пустыми словами. Настроеніе было испорчено, и Андрей

Иванычъ даже потемнѣлъ. Дальше онъ двигался почти машинально. День выдался такой свѣтлый, весенній. Дорога уже просохла. На березахъ набухли почки. Вѣтеркомъ дунетъ такимъ теплымъ, точно кто дохнетъ прямо въ лицо. Хорошо сейчасъ въ деревнѣ, гдѣ съ вешней водой наваливается всякая настоящая крестьянская забота. Не чета городу... Махнуть развѣ въ деревню? Да нѣтъ, Авдотья Семеновна не привычна къ деревенской жизни. Скучно покажется молодымъ дѣломъ... Андрей Иванычъ уже не отдѣлялъ себя отъ нея, и ему нравилось думать именно такъ.

Собственно въ городѣ было почти сухо, а Теребиловка еще тонула въ грязи. Андрей Иванычъ чуть не начерпалъ въ калоши. Тротуаровъ здѣсь не полагалось, и пѣшеходы пробирались бочкомъ, около завалинокъ и заборовъ. Чѣмъ ближе подходилъ Андрей Иванычъ къ завѣтному домику, тѣмъ сильнѣе его брало сомнѣніе. Зачѣмъ онъ идетъ? И при этомъ какъ будто стало совѣстно... Молодымъ парнямъ гоняться за бабами подъ стать, а онъ устарѣлъ для этого, — волосъ сѣдой пробивается. Въ раздумьѣ Андрей Иванычъ даже убавилъ шагу. Еще на грѣхъ какой-нибудь знакомый попадетъ... „Ахъ, Андрей Иванычъ, насчетъ какихъ дѣловъ въ такую даль забрались?..“ Нехорошо, Андрей Иванычъ. И возвращаться тоже не приходится. Скрѣпя сердце, онъ съ дѣловымъ видомъ прошагалъ мимо самыхъ оконъ знакомой избушки. Какъ будто въ одномъ окнѣ мелькнуло знакомое лицо, а впрочемъ, трудно разобрать. Андрею Иванычу сдѣлалось еще совѣстнѣе, и онъ прошагалъ до самаго конца улицы, гдѣ стояла уже непролазная грязь. Хотѣлъ онъ вернуться въ городъ другой улицей, да проходу нѣтъ: проулокъ затопленъ водой. Пришлось итти той же дорогой. Идетъ Андрей Иванычъ, а она у воротъ стоитъ—вышла въ одномъ платьицѣ, накинула на голову платочекъ и стоитъ.

— Здравствуйте, Авдотья Семеновна...

— А вы какъ знаете, что меня Авдотьей Семеновной зовутъ?

— А ужъ такъ: сорока на хвостѣ принесла. Ужъ и грязь у васъ... Ходилъ, искалъ знакомаго сапожника, да улицей, надо полагать, ошибся...

Она ничего не отвѣтила, а только тихо-тихо посмотрѣла на него своими кроткими глазами. Стоитъ, смотритъ и не шевельнетъ бровью.

Андрей Иванычъ смутился и даже закашлялъ.

— Хорошій такой сапожникъ... А вы какъ поживаете?

— Спасибо вамъ... На мѣсто поступаю послѣзавтра. Ребеночка отдаю на воспитаніе, а сама на мѣсто. Нужно же какъ-нибудь жить..

— Текъ-съ... Оно конечно...

Пауза. Она опустила глаза и перебираетъ конецъ своего платка. Онъ чувствуетъ, что нужно что-то сказать, и молчитъ самымъ глупымъ образомъ, точно на пень наѣхалъ.

— А сапожникъ отличный...

— Вы лучше его не ищите, Андрей Иванычъ,—заговорила она, а сама такъ и зардѣлась. — Все равно, ничего не будетъ... Только время напрасно потеряете да себя тревожить будете.

— Въ какихъ это смыслахъ?

— Я вѣдь видѣла, какъ вы на моемъ извозчикѣ тогда вечеромъ проѣзжали... и сегодня ждала... Мнѣ еще тогда сестра Агнія говорила про васъ. Она добрая какая... и вы тоже добрый... Къ другому я не вышла бы.

— Ну?..

Она вздохнула, откинула голову назадъ и прошептала:

— Ничего не будетъ, Андрей Ивановичъ... Я не такая... Да и вы найдете себѣ честную дѣвушку, а какая я вамъ жена. Пожалѣли вы меня—вотъ

и все, а потомъ-то еще Богъ знаетъ, что̀ будетъ... Теперь вотъ я стою и разговариваю съ вами, и ни въ чемъ моей вины нѣтъ передъ вами, а мужняя жена совсѣмъ другое. Вы и не укорите, можетъ-быть, а мнѣ-то тошно будетъ... Я всѣ эти дни думала про это самое. Нѣтъ, не годится, Андрей Иванычъ... Ищите хорошую дѣвушку и на ней женитесь, а мнѣ вѣковать со своей судьбой.

Это былъ смертный приговоръ. Андрей Иванычъ выслушалъ его молча, по-солдатски, не сморгнувъ глазомъ. Ему вдругъ пришла шальная мысль: вотъ онъ подъ старость дурака здѣсь валяетъ, а любовникъ надъ нимъ гдѣ-нибудь изъ-за угла смѣется. Его точно что̀ ужалило...

— И весь въ этомъ вашъ разговоръ, Авдотья Семеновна?..

— Весь... Вы не сердитесь на меня, Андрей Иванычъ. За васъ любая дѣвушка съ радостью пойдетъ, и если бы раньше...

Онъ махнулъ только рукой, поклонился и, сдѣлавъ налѣво кругомъ, зашагалъ въ городъ.

Она долго стояла у воротъ, провожая его глазами. Ей и жаль было его, и обидно, что все такъ вышло. Прожила бы и она свой вѣкъ за такимъ мужемъ, не хуже другихъ... Посовѣстилась она чужой вѣкъ заѣсть: теперь одно говоритъ, а одумается, такъ и другое найдетъ. Дѣвичью вину мужья-то не умѣютъ забывать... А главное, дѣвочку жаль: теперь у ней хоть мать есть, а тогда хуже чужой будетъ. Братья да сестры потомъ выкорятъ нехорошимъ словомъ... Смахнула Авдотья Семеновна дешевую бабью слезу и ушла въ избушку.

Андрей Иванычъ возвращался домой точно въ какомъ туманѣ. На языкѣ такъ и вертѣлось обидное слово... Хотѣлось ему обругать Авдотью Семеновну за ея гордость. Чѣмъ гордится-то?.. Видно, другой-то слаще пришелся... Всѣ вы, дуры, одинаковы...

Андрей Иванычъ завернулъ въ первую попавшуюся на глаза портерную и спросилъ пива. За двумя столами сидѣли какіе-то оборванцы, за третьимъ какой-то молодой человѣкъ въ поношенномъ пальто. Послѣдній обратилъ на себя особенное вниманіе Андрея Иваныча. Можетъ-быть, это и есть тотъ самый, который ему поперекъ дороги сталъ... Вотъ такіе-то нахалы и обманываютъ глупыхъ дѣвчонокъ. Наговоритъ съ три короба, глаза выворачиваетъ, усишки покручиваетъ — лестное кушанье, нечего сказать. И рожа самая поганая: сейчасъ видно, что обманетъ. Глухая злость такъ и подкатывала подъ самое сердце... Андрей Иванычъ сразу выпилъ нѣсколько бутылокъ и почувствовалъ, что онъ страшно усталъ, точно сдѣлалъ большую дорогу.

Домой Андрей Иванычъ вернулся въ самомъ дурномъ настроеніи. Онъ даже напиться съ горя не могъ: хмель не бралъ.

— А вѣдь Дуня права! — вслухъ думалъ онъ, снимая праздничную одежду. — Правильно, Авдотья Семеновна... Эхъ, и жисть только!..

Развѣ она виновата? Развѣ онъ виноватъ?.. А есть кто-нибудь, кто и виноватъ. Никто, ежели разобрать. А такъ, незадача... Его солдатчина съѣла, а ее другое. Молода, глупа... Тоже и пріодѣться нужно молодымъ дѣломъ. Стыдно на улицу показаться хуже другихъ. И дипломатъ нужно, и резиновыя калоши, и полушалочекъ — все нужно, а велика ли женская добыча?.. Вотъ на этомъ самомъ и гинутъ ни за грошъ. Одна ошибется да десять другихъ подведетъ, чтобы не обидно было. Музыка извѣстная, и соблазну весьма достаточно. Попала къ господамъ въ услуженіе, и пиши пропало. Тоже вотъ и въ швеяхъ не слаще... А тутъ подвернулся шалый купчикъ или лакомый чиновникъ, а то и своя слабость дороже бываетъ чужихъ денегъ. Только разъ

дѣвушкѣ ошибиться... Много ихъ, такихъ. Стоитъ солдатчины безпризорное бабье положеніе.

И жаль, и обидно, и тоска какая-то сосетъ. Андрей Иванычъ нѣсколько разъ подходилъ къ окну, долго смотрѣлъ на улицу и грозилъ кулакомъ какому-то неизвѣстному врагу. Вотъ вамъ всѣмъ... Самое зло не имѣло личной формы, а представлялось чѣмъ-то стихійнымъ, безразличнымъ и неуловимымъ. И гибнутъ живые люди, ни за грошъ гибнутъ. Въ одномъ родильномъ сколько перебываетъ такихъ Аннушекъ... А вѣдь каждая была бы мужней женой, если бы не соблазнъ городскимъ дѣломъ. Лакомство невелико, а потомъ и расхлебывай бѣду одна, какъ знаешь.

— Ахъ, я дуракъ! — почти крикнулъ Андрей Иванычъ, когда вечеромъ раздумался о своей неудачѣ въ тысячный разъ. — Все дѣло изъ-за дѣвчонки этой самой вышло... Пожалѣла Дуня своего ребеночка, а сказать постыдилась. Нѣтъ, дуракъ я!.. А она правильно... да.

И еще любѣе во сто кратъ показалась Андрею Иванычу несчастная дѣвушка, хотя онъ и понялъ, что все кончено и что впереди ничего не осталось. Такъ бы и приголубилъ ее, сказалъ теплое словечко, обнялъ.

IV.

Самошка всегда сердился, когда выпадалъ первый снѣгъ. И когда это лѣто успѣетъ пройти? Оглянулся, а ужъ его и нѣтъ... А зима что̀ — однимъ словомъ зима. Занесетъ кладбище снѣгомъ, западутъ всѣ пути-дороженьки, и ни одна живая душа глазъ не покажетъ. Вотъ лѣтомъ другое дѣло, толпами народъ бредетъ. Тому могилу поправить, другому панихиду отслужить, третьему сродственника навѣстить, а четвертый просто изъ любопытства придетъ. Отъ каждаго что-нибудь, глядишь, и перепадетъ. Лѣтомъ и люди какъ-то добрѣе дѣлаются...

Итакъ, Самошка сидѣлъ у себя въ сторожкѣ и злился. Городское кладбище было устроено на высокомъ мѣстѣ, съ котораго открывался великолѣпный видъ на весь городъ,—все, какъ на ладони. Богатый городъ, хоть и провинціальный. Сколько купцовъ богатыхъ. Только купцы завели моду хоронить покойниковъ въ женскомъ монастырѣ,—и ближе, и монашки умѣютъ уластить да разжалобить. Происходила послѣдняя конкуренція, отъ которой всѣхъ больше страдалъ Самошка. Съ богатаго-то покойника и взять, а бѣдныхъ сколько угодно вали—толку мало. Прежде лучше было, и купецъ былъ проще. Главная причина: мода. Одинъ купецъ потащилъ покойника въ женскій монастырь, и другіе за нимъ, а ежели разобрать по правдѣ, такъ городское-то кладбище невпримѣръ приличнѣе — на горкѣ, свѣтло всегда, земля сухая. Только помирай и ложись... Ужъ сколько разъ надоѣдалъ Самошка кладбищенскому попу своими жалобами, а толку никакого. Смирный ужъ очень попъ, а другой бы не поддался игуменьѣ ни въ жисть. Ну, пѣвчихъ нанялъ, ограду выкрасилъ, да мало ли что̀ можно сдѣлать. Дѣло хоть и не торговое, а безъ этого тоже нельзя: и на кладбищѣ нужно товаръ лицомъ показывать.

Всѣ эти мысли кружились въ головѣ Самошки, какъ холодныя снѣжинки. А тутъ еще башка съ похмелья болитъ. Съ Андреемъ Иванычемъ тоже какая-то оказія попритчилась. Мѣсто бросилъ и чертитъ ужъ которую недѣлю. Обозленный надавшимъ снѣгомъ, Самошка вышелъ изъ своей сторожки, подмелъ около кладбищенской церкви и еще разъ обругался. Вотъ тутъ и живи, какъ знаешь.

Онъ хотѣлъ уже вернуться въ свою сторожку, какъ къ воротамъ подъ-

ѣхалъ извозчикъ. На извозчикѣ сидѣла какая-то барыня не барыня, а около того. На колѣняхъ у нея стоялъ дѣтскій розовый гробикъ. Самошка встрепенулся.

— Мнѣ отпѣть бы пок... ребенка...—заговорила пріѣхавшая, когда Самошка подскочилъ взять у нея гробикъ.

— Сію минуту...

Самошка отворилъ церковь, внесъ гробикъ, поставилъ его посреди̇нѣ на скамейку, а самъ побѣжалъ за попомъ.

Пріѣхавшая осталась одна. Это была Авдотья Семеновна. Въ теченіе этихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ она сильно измѣнилась. Лицо похудѣло, выраженіе глазъ сдѣлалось безпокойнымъ. Она стояла у гробика, не шевелясь. Пришелъ священникъ съ псаломщикомъ, начался обрядъ отпѣванія, а она все не шевелилась. Когда родился ребенокъ, она долго не могла привыкнуть къ мысли, что это ея ребенокъ, ея собственная плоть и кровь, а теперь не могла понять, что отпѣваютъ именно ея ребенка. Ей все казалось, что этотъ гробикъ чей-то чужой... Она крестилась машинально, повторяя движенія священника.

Но вотъ и обрядъ кончился. Самошка взялъ гробикъ и понесъ его. Снѣгъ продолжалъ итти мокрыми хлопьями. Съ деревьевъ холодными каплями сочилась вода. Самошка пронесъ гробикъ въ самый дальній конецъ кладбища, гдѣ правильными рядами вытянулись маленькія могилки. Онъ чутьемъ узналъ въ пріѣхавшей Аннушку и зналъ, въ какомъ разрядѣ нужно похоронить ребенка. Дѣло извѣстное... Въ запасѣ у него всегда было готово нѣсколько пустыхъ могилъ для такихъ Аннушкиныхъ ребятъ. Много ихъ тутъ...

Выросла свѣжая могилка. Священникъ съ псаломщикомъ ушли. Самошка уравнивалъ насыпь и все приговаривалъ:

— Ужъ превосходнѣе этого мѣста не сыскать... Купцовъ бы самыхъ богатыхъ на такихъ мѣстахъ хоронить, а не ребятъ. Анделочку все равно, гдѣ его ни положи...

Она стояла и смотрѣла на Самошку ничего не понимавшими глазами. Вотъ онъ и работу кончилъ и остановился въ выжидательной позѣ, приготовившись получить нѣкоторую мзду. Она молча сунула ему рублевую бумажку и какую-то мелочь, торопливо покрестилась на могилку и быстро пошла назадъ.

— Вотъ такъ Аннушка...—удивлялся Самошка, разводя руками.—Хоть бы слезинку выронила. Другія-то Аннушки какъ убиваются...

Самошка еще больше удивился, когда на другой день Авдотья Семеновна явилась опять. Теперь она не пріѣхала, а пришла пѣшкомъ. Усталая такая, разбитая—точно потемнѣла вся. И прямо на могилку... Вотъ ужъ тутъ началось... Какъ она плакала, какъ причитывала, какъ убивалась — рѣкой льется дешевое бабье горе. И часъ, и два прошло, а она все на могилкѣ, какъ птица надъ своимъ гнѣздомъ.

Самошка опять былъ въ дурномъ расположеніи духа, и ему надоѣло слушать бабій вой.

— Барышня, шли бы вы домой въ самомъ-то дѣлѣ... Ну, поплакали, погоревали—надо и честь знать. Слезами не воротите...

— Не твое дѣло...

Самошка озлился.

— Дѣло-то не мое, а безъ меня тоже не обходится. Я ваши-то дѣвичьи грѣхи земелькой прикрываю... Правду надо говорить. Вонъ, сосчитай, сколько ихъ, ребячьихъ-то могилъ. Все Аннушки изъ родильнаго натащили... Ребятъ наживутъ, а я ихъ закапывай!

Ничего она не отвѣтила, повернулась и ушла. А на слѣдующій день, глядь, опять на могилкѣ... Самошка даже и не видалъ, какъ она пробралась на кладбище. И тихая такая, глаза опущены... Самошка еще больше озлился. Кто отвѣчаетъ за кладбище-то? А кто ее знаетъ, что̀ у нея на умѣ. Тоже не одна тысяча покойниковъ лежитъ, есть и памятники,—въ третьемъ годѣ всѣ образки вотъ такъ же стащили. А главное, Самошка лѣвой ногой поднялся, благодаря снѣгу и собственному вѣчному похмелью.

— Пожалуйте, сударыня-боярыня... Хуже будетъ, ежели попу пожалуюсь. Да и то сказать, ежели всѣ Аннушки будутъ каждодневно на кладбище приходить—способа не будетъ.

— Я вамъ заплачу...

Но Самошка вошелъ уже въ ражъ. Ему нужно было на комъ-нибудь сорвать свою похмельную злость. Да и бабенка такая подходящая попалась, что можно покуражиться. И Самошка куражился каждый разъ, когда Авдотья Семеновна приходила на кладбище. Она совала ему какую-нибудь мелочь и молчала. Иногда только взглянетъ—и все тутъ.

Разъ вечеромъ, сидя въ портерной Андроныча, захмелѣвшій Самошка расхвастался,— онъ пропивалъ полученный отъ Аннушки двугривенный. Съ нимъ сидѣлъ Андрей Иванычъ, опухшій, небритый, молчаливый.

— И донимаю я ее, Аннушку...—разсказывалъ Самошка.

— Такъ и надо,—поощрялъ Андронычъ.—Пусть чувствуетъ...

— Сперва поперечныя слова говорила, а теперь молчитъ... хе-хе! Я дойму... Укоротилъ сразу.

— А какая она изъ себя?—полюбопытствовалъ Андрей Иванычъ.

Самошка описалъ наружность Авдотьи Семеновны. Андрей Иванычъ ничего не отвѣтилъ, а на слѣдующій день неожиданно появился на кладбищѣ. Онъ спрятался въ сторожкѣ и выждалъ, когда мимо прошла Авдотья Семеновна. Да, это была она... У него дрогнуло сердце въ груди, но онъ не выдалъ себя ни однимъ движеніемъ и сейчасъ же ушелъ.

Скоро установилась настоящая зима. Рѣка покрылась льдомъ. Въ одно прекрасное утро изъ проруби вытащили утопленницу. Совсѣмъ еще молодая и такая красивая. Какъ была одѣта, такъ и бросилась въ прорубь—въ драповомъ дипломатѣ, въ резиновыхъ калошахъ и въ новой шали. По полицейскому дознанію оказалось, что это была мѣщанская дѣвица Авдотья Семеновна Огаркова, та самая Аннушка, которую преслѣдовалъ Самошка.

Въ той же портерной Андроныча Андрей Иванычъ встрѣтилъ Самошку и сказалъ:

— Аннушка-то приказала тебѣ долго жить...

— Которая?

— Ну, та самая, которую ты донималъ. Въ прорубь бросилась.

— Ахъ, ты, братецъ ты мой...а?!. Вотъ поди жъ ты. А ты-то какъ ее узналъ?

— Да вѣдь черезъ мои руки всѣ Аннушки прошли... Ну, да это все равно.

Андрей Иванычъ уронилъ голову на столъ и заплакалъ. Самошка не зналъ, что̀ ему дѣлать, и растерянно посмотрѣлъ на Андроныча. Толстый сидѣлецъ подошелъ къ Андрею Иванычу, потрогалъ его за плечо и проговорилъ:

— Андрей Иванычъ, не сто̀итъ... плюнь...

Андрей Иванычъ вскочилъ. Онъ дико посмотрѣлъ на сидѣльца и на Самошку и обругалъ ихъ.

— Подлецы вы—вотъ вамъ и вся цѣна!.. И ничего вы не понимаете.

— А ты тоже не больно рыло задирай...—огрызнулся Андронычъ.—Вотъ Богъ, а вотъ порогъ... Мы вѣдь даже весьма просты, какъ разъ и въ затылокъ накладемъ.

Андрей Иванычъ какъ-то весь ослабѣлъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но только махнулъ рукой и, пошатываясь, вышелъ изъ портерной. Андронычъ покачалъ головой и проворчалъ:

— Съ винта сорвало... Замотался мужикъ.

Больше въ портерной Андроныча Андрей Иванычъ не показывался, точно въ воду канулъ, а Самошка пришелъ черезъ двѣ недѣли. Противъ обыкновенія онъ былъ совсѣмъ трезвый.

— Да ты въ умѣ ли?—подивился Андронычъ.

Самошка тряхнулъ головой и только замычалъ.

— Ужъ ты не въ монахи ли поступилъ?—не унимался Андронычъ.

Самошка спросилъ бутылку пива, выпилъ и только послѣ этого получилъ способность говорить.

— Ну, братецъ ты мой, и дѣла!..—протянулъ онъ, разводя руками.

— А что?

— Дѣла-а... Первое дѣло тебѣ скажу то, что я бросилъ свое кладбище—не прогнали меня, а самъ бросилъ. Моченьки моей не стало... Вотъ какъ!.. И все изъ-за нея, изъ-за Аннушки — помнишь, про которую я еще при Андреѣ Иванычѣ разсказывалъ? Ну, она самая... Какъ онъ сказалъ тогда, что она утопилась, ну, прихожу я домой, ложусь... и что бы думалъ, братецъ ты мой, вѣдь пришла! Сама пришла! Лежу, а она передо мной, какъ живая, стоитъ...

— Съ похмелья мало ли что пригрезится.

— А на другой-то день какъ же? То же самое... Какъ закрою глаза, такъ она и стоитъ. И всѣ мнѣ слова, какія съ похмелья тогда говорилъ ей—всѣ эти слова мнѣ и отчитываетъ... У меня морозъ по кожѣ, а она свое. И на третью ночь то же, а съ ней всѣ младенцы, которыхъ я прихоронилъ. Сотни вѣдь ихъ... пищатъ такъ, ручками тянутся...

— Ахъ, братецъ ты мой!.. Ты бы за упокой помянулъ—помогаетъ.

— Было и это... Панафиду даже заказывалъ попу. Ну, бился я, бился цѣльныхъ двѣ недѣли, чуть ума не рѣшился и бросилъ... Теперь мимо-то своей работы близко итти боюсь.

Черезъ годъ Андрей Иванычъ и Самошка превратились въ золоторотцевъ и проводили день на рынкѣ въ ожиданіи работы, а вечера въ кабакѣ, и потомъ вмѣстѣ отправлялись ночевать въ ночлежный домъ. Пьяный Андрей Иванычъ все вспоминалъ Авдотью Семеновну и горько плакалъ.

1892.

ЖИВАЯ СОВѢСТЬ.

I.

Наука торжествовала... Невѣжество, несмотря на всю свою хитрость, увертки и самыя плутовскія уловки, было посрамлено. Борьба происходила самая упорная, доходившая почти до ожесточенія. Невѣжество дѣлало глупое лицо, прикидывалось глухимъ, старалось отдѣлаться ничего не значившими глупыми словами: „ужъ оно конечно“, „извѣстное дѣло“, „помилуйте“ — и все-таки было побѣждено.

Послѣднее дѣйствіе этой роковой борьбы между свѣтомъ и мракомъ происходило въ дачномъ садикѣ. Анна Сергѣевна, женщина-врачъ, сидѣла на террасѣ, а передъ ней стоялъ мужикъ Борисъ, „отвѣчавшій“ на дачахъ за дворника. Онъ мялъ въ рукахъ рваную шляпенку и поглядывалъ на барыню съ обиженно-унылымъ упрямствомъ. Именно этотъ взглядъ ее раздражалъ, потому что хотя невѣжество и было побѣждено, но внутренно мужикъ Борисъ все-таки никакъ не могъ и даже не желалъ убѣдиться въ своемъ непроходимомъ упрямствѣ. Собственно говоря, побѣда получалась чисто-внѣшняго характера.

— Отчего же ты, Борисъ, не хотѣлъ сдѣлать сразу всего, что̀ я тебѣ говорила? — внушительно повторяла Анна Сергѣевна. — Вѣдь вотъ сдѣлалъ же?

— Да я завсегда, барыня... ахъ, Боже мой!.. Ужъ, кажется, старался.

— Опять неправда: когда привезли хлорную известь, ты ее спряталъ въ сарай, а не разсыпалъ, гдѣ я тебѣ велѣла... Потомъ: изъ помойной ямы вся грязь стекала въ погребъ.

— Ежели, напримѣрно, хозяинъ... а я что̀ же... Извѣстное дѣло: господа прикажутъ, ну и стараешься.

— Я знаю, какъ ты старался: во-первыхъ, спряталъ хлорную известь, во-вторыхъ, вмѣсто того, чтобы держать яму чистой, ты вымазалъ дегтемъ какую-то несчастную доску... да, одну доску, и былъ доволенъ. Если бы я не посмотрѣла, такъ бы все и осталось...

— Помилуйте...

— Позволь, наконецъ... Подойди ближе, покажи руки...

Мужикъ Борисъ сдѣлалъ нерѣшительный шагъ впередъ и протянулъ одну корявую лапу, а другую опасливо спряталъ за спину. Это былъ самый обыкновенный дачный мужикъ, плутовато-глупый, угодливый и всецѣло поглощенный мыслью о томъ, какъ бы половчѣе потрафить господамъ, чтобы получить на чай. Анна Сергѣевна подозрительно посмотрѣла на его грязную рубаху, на еще болѣе грязную жилетку и еще разъ пришла къ убѣжденію,

что мужикъ Борисъ имѣетъ самое смутное представленіе объ употребленіи мыла. А онъ стоялъ, глупо моргалъ сѣрыми, слезившимися глазками и кончилъ тѣмъ, что обошелся со своимъ носомъ безъ помощи платка.

— Ты никогда не умываешься! — строго заговорила Анна Сергѣевна, принимая самый внушительный видъ. — Кругомъ холера, въ воздухѣ носится зараза, а ты даже не хочешь вымыть рукъ... Ты и насъ всѣхъ заразишь.

— Ежели божецкое произволенье, такъ зачѣмъ же, барыня... Тоже и на насъ крестъ есть.

— Нѣтъ, ты ничего не понимаешь, несчастный!.. Третьяго-дня ты былъ пьянъ, а вчера съ похмелья ѣлъ свѣжіе огурцы. И это въ холерное время? Нѣтъ, это ужасно!

Единственнымъ свидѣтелемъ всей этой сцены была молодая мамка Маша, которая сторожила коляску со спавшимъ ребенкомъ. У Маши было простое и доброе лицо, дѣлавшееся почти совсѣмъ красивымъ, когда она улыбалась, показывая бѣлые зубы. Сѣрые большіе глаза смотрѣли веселымъ улыбавшимся взглядомъ, какимъ смотрятъ только очень добрые люди. Только „мамошный“ сарафанъ совсѣмъ не шелъ къ ея тонкой городской фигурѣ, — она была питерская. Машѣ было ужасно смѣшно, какъ барыня донимаетъ Бориса, но изъ вѣжливости она удерживалась. Ее особенно подмывало, когда въ окнѣ кухни мелькало загорѣвшее на дачѣ, плутоватое лицо кухарки Аннушки. Пользуясь тѣмъ, что барыня ее не видитъ, Аннушка хихикала и показывала что-то такое смѣшное руками.

— Ну, иди и сейчасъ же вымой руки,—устало проговорила Анна Сергѣевна, когда мужикъ Борисъ былъ наконецъ доведенъ до отчаянной божбы.— Впредь будь умнѣе.

Мужикъ Борисъ самымъ вѣжливымъ образомъ выпятился съ террасы, нахлобучилъ на свою взлохмаченную голову рваную шляпенку, сердито взглянулъ на Машу, улыбавшуюся одними глазками, и сосредоточенно зашагалъ по садовой дорожкѣ. На ходу онъ нѣсколько разъ встряхивалъ головой и дергалъ локтями, точно отгонялъ назойливую муху.

„Ну и барыня навязалась...—думалъ мужикъ Борисъ, переживая самое угнетенное состояніе духа.—Вѣдь живутъ же другія барыни по дачамъ, получаютъ свое удовольствіе вполнѣ, а эта въ томъ родѣ, какъ пластырь... Ахъ, братецъ ты мой, какая барыня навяжется въ другой разъ! Холеру эту самую придумала... А мнѣ ея известку на что? Тоже и скажетъ: спряталъ... Не велика корысть отъ вашей известки. Только сарай весь продушилъ“.

Анна Сергѣевна совсѣмъ не была расположена сердиться и была очень рада, когда грязная жилетка Бориса скрылась въ зелени сиреней и акаціи. Она даже улыбнулась, счастливая хорошимъ лѣтнимъ днемъ и чувствомъ особенной полноты, которое испытывала именно въ такіе дни. Да и какъ было не радоваться, когда скупое петербургское лѣто даритъ такъ мало хорошихъ ясныхъ дней. Солнце такъ и пекло. Воздухъ точно застылъ. Ни одинъ листикъ на деревьяхъ не шелохнется, а левкои на любимой грядкѣ такъ устало склонили свои душистыя бѣлыя головки. Сквозь сѣтку молодыхъ деревьевъ мелькала пыльная дорога, за ней тянулось кочковатое болотце, а дальше красивыми купами уходилъ въ нѣсколько плановъ Павловскій паркъ. Въ это время дня на всѣхъ дачахъ царитъ мертвая тишина, и по дорогѣ проѣзжали только дачные торгаши. Положительно хорошо... Хочется неподвижно сидѣть въ креслѣ и отдаться теченію тѣхъ полусонныхъ грезъ, отъ которыхъ не хочется проснуться. Вѣдь недурно иногда и помечтать... Вонъ лежитъ и томикъ чудныхъ стиховъ любимаго поэта.

Нужно замѣтить, что Анна Сергѣевна была очень склонна къ поэтическимъ мечтамъ. Она страстно любила все изящное и сама была очень изящной дамой. Конечно, была и своя печальная проза, въ родѣ разговоровъ съ Борисомъ, но здѣсь она исполняла только свой долгъ. Другіе дачники въ лучшемъ случаѣ возмущались только на словахъ, бранили Бориса и рѣшительно не желали ничего дѣлать, чтобы повести дѣятельную борьбу съ страшнымъ врагомъ. Собственно медицинской практикой Анна Сергѣевна не занималась, посвятивъ себя всецѣло тихой семейной жизни, и только исключительные случаи заставляли ее практиковать. Впрочемъ, это не мѣшало ей слѣдить за послѣдними словами науки. Главной причиной, удерживавшей Анну Сергѣевну отъ медицинской практики, являлся ребенокъ, крошечная дѣвочка Нелли. Вѣдь за ней нужно было такъ много ухода и, главное, никому нельзя было довѣриться, а все приходилось дѣлать самой. Воспитаніе маленькой дѣвочки усложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что сама Анна Сергѣевна не могла кормить — просто, не позволяло здоровье.

Вотъ и сейчасъ, Аннѣ Сергѣевнѣ хотѣлось отдохнуть, понѣжиться, помечтать, а тутъ нужно стерилизовать молоко для ребенка. На столѣ передъ ней были разложены стеклянныя колбочки, гуттаперчевыя пробки, чашки съ содой и разведенной борной кислотой, щетки и т. д. Она сама самымъ тщательнымъ образомъ мыла и чистила колбочки въ содѣ, потомъ опускала ихъ въ борную кислоту, вытирала, сушила, размѣривала молоко мензуркой, и потомъ совсѣмъ готовыя колбочки уносились въ кухню собственно для стерилизаціи. Молоко кипятилось около часа, и опять нельзя было довѣрить никому такой сложной и отвѣтственной операціи, какъ обезвреживаніе коровьяго молока. Однимъ словомъ, хлопотъ съ ребенкомъ достаточно, но зато впереди недалеко уже было то блаженное время, когда можно будетъ обходиться и безъ мамки и безъ стерилизаціи. Эта мысль всегда поддерживала энергію Анны Сергѣевны. Кормилица Маша и кухарка Аннушка относились къ стерилизаціи довольно скептически; посмѣивались иногда и сосѣди-дачники, а одинъ дешевенькій острякъ даже называлъ ея Нелли „химическимъ препаратикомъ“, но все это были пустяки, и Анна Сергѣевна твердо шла по стезѣ послѣднихъ словъ науки.

Нелли проснулась какъ разъ во-время: процессъ стерилизаціи уже былъ на исходѣ—оставалось только охладить колбочки. Въ колясочкѣ улыбалось такое прелестное дѣтское личико,—немного загорѣлое, немного заспанное и очень счастливое. Нелли была очень хорошенькая дѣвочка, особенно были хороши глаза, такіе большіе, темные, ласковые, и Анна Сергѣевна не могла видѣть эту чудную дѣтскую рожицу, чтобы не расцѣловать ея. Всѣ дѣти хороши по-своему, особенно, когда они просыпаются, а Нелли была совсѣмъ особенная.

— Нелли, мы будемъ молочко пить...—повторяла Анна Сергѣевна, вынимая свое сокровище изъ коляски.

При словѣ „молочко“ улыбавшееся дѣтское личико сразу преобразилось. Нелли сдѣлала движеніе къ мамкѣ.

— Маша...—укоризненно прошептала Анна Сергѣевна.—Вѣдь вы знаете, что дѣвочка при васъ не будетъ пить молока.

— Да я, барыня, ничего... я уйду...

Произошла мимолетная неловкая сцена. Вотъ эта Маша всегда такъ... Не уйдетъ во-время, а дѣвочка тянется за ней. Въ сущности, кормилица по-своему очень любитъ ребенка, почти срослась съ нимъ и почему-то считаетъ себя обиженной каждый разъ, когда начинается исторія прикармливанія. И плутовка Нелли отлично это все чувствовала и точно искала защиты у

своей кормилицы. О своихъ материнскихъ правахъ Анна Сергѣевна уже ничего не говорила: очень понятно, что дѣвочка предпочитаетъ кормилицу. Это такъ естественно, хотя немножко и обидно. Въ свое время все придетъ...

И теперь Маша ушла недовольная и молчаливо-сконфуженная. Она умѣла принимать такой обиженный видъ, точно Богъ знаетъ, что̀ случилось.

— Нелличка, Нелличка... — шептала Анна Сергѣевна, подбрасывая ребенка кверху.

Семимѣсячный ребенокъ на время позабылъ кормилицу и засмѣялся съ прежней беззаботностью, показывая розовыя беззубыя десна. Дѣвочка была такая крѣпкая и здоровенькая, точно рыбка. Пріятно было чувствовать въ рукахъ это сбитое дѣтское тѣльце.

— Мма...а...—лепетала Нелли, взмахивая полненькими ручонками.

Когда дѣвочка успокоилась, Анна Сергѣевна подсѣла съ ней къ столу, на которомъ уже стояла совсѣмъ готовая колбочка съ молокомъ. Личико Нелли приняло сразу другое выраженіе. Она впередъ твердо сложила розовыя пухлыя губки и приготовилась къ отчаянной защитѣ. И это каждый разъ, какъ только начнется прикармливанье. Ахъ, какая упрямая дѣвчонка... Вѣчная исторія.

— Нелличка, мы никому не дадимъ молочка. Ахъ, какое у насъ славное молочко!..

— Ппэ-пэ-пэ!..—сердито закричала дѣвочка, отталкивая отъ себя серебряную ложечку съ молокомъ.

Цѣлая ложка молока пролилась частью на ребенка, частью на мать, а Нелли сжала свои пухлые кулачонки и выжидала моментъ, чтобы поймать слѣдующую ложку.

— Ты это что̀ дѣлаешь, дрянная дѣвчонка... а?.. Опять буянить... а?.. Ахъ, какое у насъ славное молочко. Нелька, куда ты отворачиваешься?..

Ребенокъ дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы избавиться отъ гонявшейся за нимъ серебряной ложечки, и кончилъ тѣмъ, что спряталъ облитое стерилизованнымъ молокомъ лицо на материнской груди. Затѣмъ губки сложились въ гримасу, и раздался самый жалобный плачъ.

— Дрянная, дрянная, я тебя не люблю!.. Ахъ, какое славное у насъ молочко!.. Мы никому его не дадимъ.

Раздался новый плачъ, еще болѣе жалобный. Какихъ-нибудь пять ложекъ молока стоили самой отчаянной борьбы. Но необходимо было выдержать характеръ до конца съ этой маленькой эгоисткой, не хотѣвшей ничего знать. Пусть плачетъ, а молоко все-таки должна выпить. Плачъ смѣнился настоящими рыданіями, и серебряная ложечка полетѣла на столъ.

— Не люблю... не люблю дрянную дѣвчонку!..

Къ довершенію непріятности въ дверяхъ террасы показалась Маша. Она была такая взволнованная, даже лицо покрылось красными пятнами.

— Маша, вы забыли, что̀ я вамъ сказала?—строго остановила ее Анна Сергѣевна.

— А ежели ребенокъ надрывается, барыня? Вѣдь мнѣ тоже его жаль...

Анна Сергѣевна преодолѣла себя и не разсердилась на кормилицу. Очень естественно, что она жалѣетъ ребенка... Такъ и должно быть. Успокоившись, она передала хныкавшую дѣвочку Машѣ. Картина сразу перемѣнилась. Заплаканное дѣтское личико начало улыбаться самымъ плутовскимъ образомъ.

— Родная ты моя... Тебя обижаютъ!—шептала Маша, прижимая ребенка.— Нѣтъ, я тебя никому не отдамъ.

— И не отдавай... Мнѣ не нужно такую дрянную дѣвчонку!..

Нелли взмахивала ручонками и весело смѣялась.

Но тутъ случилось нѣчто совершенно особенное.

II.

Первое, что̀ бросилось въ глаза Аннѣ Сергѣевнѣ, было лицо горничной Бари, высунувшейся въ окно кухни. Затѣмъ, по дальней аллеѣ мимо дачи мелькнула тѣнь кухарки Александры. Она тоже пробиралась въ кухню, тяжело ковыляя на ходу. Варя и Александра жили на дачѣ рядомъ. Что-то, видимо, случилось. Время было предобѣденное, когда прислугѣ не полагалось бѣгать по чужимъ дачамъ. Маша ничего не видѣла и спокойно гуляла съ дѣвочкой по аллеѣ, гдѣ была тѣнь.

Анна Сергѣевна отправилась въ кухню, чтобы разузнать, что̀ такое случилось. Первая мысль, которая ей пришла въ голову, была холера... Ужъ не заболѣлъ ли кто?.. Кругомъ дачъ много, и все могло случиться. Дача у Анны Сергѣевны была крошечная, состоявшая всего изъ трехъ комнатъ. Она имѣла бы совсѣмъ жалкій видъ, если бы снаружи недочеты архитектуры не драпировались зеленью. Внутренняя обстановка тоже заставляла желать многаго, но Анна Сергѣевна не претендовала на роскошь, счастливая своимъ зеленымъ уголкомъ. Она быстро прошла самую большую комнату, замѣнявшую гостиную и столовую, отворила дверь въ кухню и остановилась на порогѣ. Для нея сразу все сдѣлалось понятнымъ. Въ кухнѣ Аннушка, Варя и Александра столпились около какой-то женщины съ ребенкомъ на рукахъ. Въ полуотворенную дверь, выходившую на задній дворъ, виднѣлось лицо мужика Бориса. Появленіе барыни заставило всѣхъ обернуться.

— Машина ребеночка принесли, Анна Сергѣевна,—докладывала Варя, глядя на барыню такими серьезными глазами.

Женщины разступились, давая дорогу нежданной гостьѣ. Первой мыслью Анны Сергѣевны было то, чтобы Маша не увидала ребенка: она, конечно, взволнуется, и все это отразится на Нелличкѣ. Но въ слѣдующій моментъ она устыдилась своего материнскаго эгоизма. Да и Маша навѣрно знаетъ, что къ ней принесутъ ребенка.

А баба стояла и смотрѣла на барыню какими-то овечьими глазами: настоящая овца. И одѣта она была скверно. Не отъ радости берутъ чужихъ-то дѣтей на воспитанье... Навѣрно, эта особа заявилась съ спеціальной цѣлью вытянуть изъ Маши какой-нибудь несчастный рубль. Впрочемъ, это враждебное чувство сейчасъ же исчезло, какъ только она взглянула на ребенка. Это была дѣвочка такая худенькая, точно восковая. Блѣдное личико смотрѣло большими дѣтскими глазами такъ апатично.

— Это Машинъ ребенокъ? — спросила Анна Сергѣевна, чувствуя, какъ начинаетъ краснѣть.

— Да, ейный...—отвѣтила баба.—Наказывала принести... Вотъ я и притащилась изъ Царскаго.

— Ну, а что̀... какъ ребенокъ?—спросила Анна Сергѣевна, чтобы сказать что-нибудь.

— Ничего, слава Богу...

Анна Сергѣевна чувствовала, какъ всѣ смотрятъ на нее и съ напряженнымъ вниманіемъ ждутъ, что̀ она будетъ дѣлать. Она съ рѣшительнымъ видомъ взяла ребенка на руки и понесла его къ себѣ. Ее поразило, какой онъ легонькій по сравненію съ Нелли, а вѣдь этой несчастной дѣвочкѣ тоже семь

мѣсяцевъ. Потомъ эта мертвая покорность, съ которой маленькая гостья пошла на руки къ чужому человѣку.

— Аннушка, скажите Машѣ... — предупредила Анна Сергѣевна уже въ дверяхъ.

Ей вдругъ сдѣлалось и тяжело, и совѣстно, и обидно, а „Машинъ ребенокъ“ разсматривалъ ее съ пристальнымъ вниманіемъ, сосредоточенно и спокойно, какъ могутъ смотрѣть только большіе люди. Въ это время Аннушка стрѣлой обѣжала дачу и нашла Машу.

— Машенька, голубушка, вѣдь твоего ребеночка принесли изъ Царскаго... Худенькій такой, настоящій заморышекъ. Всѣ его жалѣютъ: и Варя и Александра... Барыня его унесла.

У Маши конвульсивно передернуло губы, но она храбро направилась къ дачѣ. Будешь заморышекъ, когда на соскѣ выкармливаютъ... Тоже легко сказать. Можетъ, и молочка не дадутъ, а только знаютъ деньги брать. Извѣстное положеніе... А вѣдь все жалованье на ребенка уходитъ: самой-то расколотаго гроша не останется.

Они встрѣтились на террасѣ. Изъ кухни наблюдали эту сцену три пары жадныхъ глазъ.

— Вотъ твоя мама... — говорила Анна Сергѣевна, поднося ребенка Машѣ.—А какъ ее зовутъ, Маша, твою дѣвочку?

Нелли очутилась въ коляскѣ, а Маша взяла своего ребенка, смотрѣвшаго на нее съ тупой покорностью приговореннаго къ смерти человѣка. Маша вся вспыхнула и со слезами принялась цѣловать его, но и эти ласки не произвели никакого впечатлѣнія. Ребенокъ смотрѣлъ на всѣхъ съ прежнимъ равнодушіемъ, а у матери его заняли больше всего стеклянныя бусы.

— Матери-то не узнала дѣвчонка...—несся изъ окна кухни сдержанный шопотъ.—Каково это матери-то! Тоже вѣдь своя кровь...

Анна Сергѣевна переживала крайне тяжелое настроеніе. О, она отлично понимала, что̀ должна была теперь чувствовать Маша... А несчастный ребенокъ просто мучилъ ее, какъ тѣнь какого-то возмездія. Да вѣдь это она, Анна Сергѣевна, отняла у него мать для своей Нелли. Весь этотъ восковой ребенокъ одинъ нѣмой укоръ... Была какая-то стихійная несправедливость, та особенная жестокость, когда въ сущности никто не виноватъ.

Эта тяжелая сцена увеличилась еще тѣмъ, что Нелли сначала съ любопытствомъ разсматривала маленькую гостью, а потомъ разразилась отчаяннымъ плачемъ; Анна Сергѣевна взяла ее на руки, но это ее не успокоило, она тянулась къ кормилицѣ и смотрѣла на маленькую соперницу потемнѣвшими злыми глазами. Это была настоящая дѣтская ревность. Маша окончательно растерялась: ей было жаль и своей дѣвочки и Нелли. Сцена закончилась тѣмъ, что Нелли очутилась опять на рукахъ у кормилицы, а Наташа перешла къ Аннѣ Сергѣевнѣ.

— Ахъ, ты, дрянная дѣвчонка!—журила Анна Сергѣевна свою Нелли.— Вотъ смотри, какая умная дѣвочка... Она совсѣмъ не плачетъ и молоко пьетъ.

У Маши давно глаза были полны слезъ. Она старалась не смотрѣть на барыню и только прижимала Нелли крѣпко къ себѣ, точно это движеніе заглушало въ ней внутреннюю боль. Ее больше всего смущала разница въ вѣсѣ двухъ дѣвочекъ. Наташа точно пуховая, пожалуй, и десяти фунтовъ не будетъ. Съ другой стороны, ее трогала ревность Нелли.

Вся сцена происходила въ саду, залитомъ яркимъ солнцемъ. Жаръ уже начиналъ замѣтно спадать, и по дорожкѣ мимо садика мелькали фигуры гулявшихъ дачниковъ.

„Скоро пять часовъ: обѣдъ, — мелькнула въ головѣ Анны Сергѣевны спасительная мысль: въ пять часовъ пріѣзжалъ изъ Петербурга мужъ.—Что я тутъ буду дѣлать одна съ этими бабами...“

Обычная рѣшимость ее оставила, и Анна Сергѣевна съ тоской посмотрѣла на дорожку, по которой обыкновенно приходилъ мужъ.

Какихъ-нибудь полчаса ожиданія показались Аннѣ Сергѣевнѣ цѣлой вѣчностью. Въ это время успѣли маленькую гостью накормить стерилизованнымъ молокомъ, она пила его съ жадностью. Затѣмъ Анна Сергѣевна подарила ей лучшую куклу Нелли и костяное кольцо. Нелли опять протестовала и угрожающе тянулась къ соперницѣ, чтобы отнять у нея свои игрушки.

Наконецъ пришелъ мужъ. Это былъ средняго роста бѣлокурый господинъ съ недовольнымъ лицомъ. Изъ города онъ возвращался каждый разъ такой усталый. Къ происшествію, которое такъ измучило Анну Сергѣевну, онъ отнесся совершенно равнодушно и, пожимая плечами, проговорилъ:

— Ну, что же тутъ особеннаго: у всѣхъ кормилицъ должны быть дѣти, иначе онѣ не могли бы быть кормилицами.

Анна Сергѣевна ничего не возражала, чтобы не тратить словъ. Ей было обидно только то, что мужъ по своей натурѣ совсѣмъ не злой человѣкъ, а говоритъ такъ потому, что усталъ... Его раздражалъ ея взволнованный видъ, а ему хотѣлось отдохнуть.

— Маша, унесите дѣвочку въ кухню, — сказала Анна Сергѣевна, смущаясь и подбирая слова:—Нелли пора спать.

Нелли съ удовольствіемъ перешла на руки къ отцу, котораго очень любила, а Маша, подхвативъ свою дѣвочку привычнымъ движеніемъ, торопливо понесла ее въ кухню. Затѣмъ она такъ же быстро вернулась назадъ, опять съ красными глазами отъ только-что вытертыхъ слезъ, взяла Нелли и понесла ее въ дѣтскую. Анна Сергѣевна легонько вздохнула, провожая глазами мамку,—вѣдь она такая славная, эта Маша, услужливая, скромная и веселая, а характеръ для кормилицы прежде всего.

Аннушка подала обѣдъ, причемъ супъ оказался мутнымъ. Мужъ попробовалъ двѣ ложки и сморщился.

— Ей нужно отказать, этой Аннушкѣ, — замѣтилъ онъ, напрасно стараясь сдержать раздраженіе.—Скоро она будетъ кормить насъ помоями...

— Нельзя же всѣмъ отказать, Павелъ Владимирычъ...—отвѣтила Анна Сергѣевна, тоже сдерживая накоплявшееся раздраженіе.

— Развѣ я сказалъ всѣмъ? Отчего ты не ѣшь?

— Такъ... Я недавно завтракала. Вообще у меня плохой аппетитъ...

Онъ понималъ, что ее разстроило это появленіе Машинаго ребенка, и разсердился на Машу. Для чего еще эта комедія? Разъ пошла въ кормилицы, такъ нужно разстаться съ разными нѣжностями. Конечно, ей непріятно, но вѣдь и имъ нѣтъ никакого удовольствія... Вообще, чортъ знаетъ, что такое! А тутъ еще въ ушахъ стоитъ грохотъ столичныхъ улицъ и не успѣло еще улечься гнетущее впечатлѣніе поѣздки въ душномъ вагонѣ. Дома, кажется, всякій имѣетъ право отдохнуть, а тутъ цѣлая исторія... Не угодно ли порадоваться?..

Анна Сергѣевна чувствовала эти мысли, но ее занимало больше всего то, что теперь дѣлается тамъ, въ кухнѣ. Унесли ребенка или нѣтъ? Догадалась Аннушка накормить эту бабу, которая принесла ребенка? Итти изъ-за обѣда въ кухню Анна Сергѣевна не рѣшилась, чтобы не волновать напрасно мужа—онъ этого не выносилъ вообще.

Обѣдъ прошелъ очень скучно и вяло. Мужъ и жена старались говорить

о разныхъ постороннихъ предметахъ: холера усиливается, по службѣ предвидятся новыя перемѣщенія, Петриковы хотѣли пріѣхать на дачу гостить дня на два и т. д. Павелъ Владимировичъ къ концу обѣда забылъ о происшествіи и обычнымъ тономъ человѣка, усвоившаго солидныя привычки, проговорилъ:

— А я, Анюта, немного того...

— Спать?..

— Усталъ... А ночью опять работа.

Онъ потянулся, лѣниво зѣвнулъ и сонно побрелъ къ себѣ въ комнату.

Анна Сергѣевна была и рада, что мужъ убрался наконецъ къ себѣ, а съ другой стороны, ее огорчало его полное равнодушіе. Точно чужой человѣкъ—нѣтъ, хуже чужого.

Сосѣди, должно-быть, тоже кончили обѣдъ, потому что въ саду опять промелькнула горничная Варя: она летѣла еще разъ взглянуть на Машинаго ребенка, на Машу и на барыню, чтобы запастись матеріаломъ для разговоровъ на цѣлую недѣлю. Въ дѣтской тихо. Маша навѣрно въ кухнѣ. Зачѣмъ Павелъ Владимировичъ такъ безсовѣстно спитъ послѣ обѣда? А развѣ она не устала, не измучилась, не настрадалась?.. Какіе ужасные эгоисты эти мужчины... Чтобы успокоиться, Анна Сергѣевна прошлась нѣсколько разъ по своему садику, въ которомъ уже начинала накопляться вечерняя прохлада и отъ деревьевъ потянулись косыя длинныя тѣни.

А въ кухнѣ въ это время происходила самая оживленная сцена. Ребенокъ переходилъ съ рукъ на руки, возбуждая общее участіе, совѣты и мнѣнія. Кухарка Александра, какъ имѣвшая уже нѣсколько человѣкъ дѣтей, держала себя очень авторитетно.

— Не выживетъ...—рѣшила она, взвѣшивая ребенка на рукѣ.

Принесшая ребенка баба заспорила съ ней, какъ еще бо̀льшая спеціалистка. Слава Богу, не перваго выкармливаетъ... Съ господскими дѣтьми тоже ровнять нельзя. Развѣ у матери-то лучше бы былъ?..

— Не выживетъ... — настаивала Александра, качая головой. — Который живущій, тотъ вотъ какъ должо̀нъ ревѣть. Святыхъ вонъ унеси... Это ужъ завсегда такъ. А вотъ этакій-то тихонькій, какъ цыпленокъ: завернулъ головку подъ крылышко и готовъ.

— О чемъ ему ревѣть, ежели онъ здоровъ?—спорила баба и кончила тѣмъ, что обидѣлась.—Надоѣло мнѣ пустыя-то слова слушать...

Аннушка и горничная Варя не вступали въ разговоръ, потому что состояли еще „на дѣвичьемъ положеніи“. Маша молчала, стараясь не расплакаться: господа не любятъ, когда мамки безпокоятъ себя. Ей было даже пріятно, что всѣ ее жалѣютъ. А что̀ же она подѣлаетъ, если ребенокъ и умретъ? Свое жалованье она все отдаетъ на него: не кожу съ себя снять.

— Барынѣ-то тоже совѣстно...—шопотомъ замѣтила Александра, выглядывая въ окно.—Давѣ вся даже въ лицѣ перемѣнилась. Добрая и умная барыня, и ученая, а совѣсть-то не спрячешь.

Маша вспомнила про барыню и начала торопить бабу, чтобы она уходила домой.

— Въ воскресенье ужо пріѣду сама... — говорила она, закутывая ребенка въ одѣяльце.—Можетъ, и денегъ привезу, а теперь вотъ пока рубль возьми.

Когда ребенка унесли, Маша отыскала барыню въ саду и проговорила съ напускной безсердечностью:

— Проводила гостью...

— Развѣ тебѣ ея не жаль, Маша?

— Гдѣ же всѣхъ пережалѣешь, барыня? Да и не я одна кормилка на бѣломъ свѣтѣ...

Аннѣ Сергѣевнѣ не понравился этотъ дѣланный тонъ, хотя въ глубинѣ души и шевелилось предательски-радостное чувство, что приговореннаго къ смерти ребенка наконецъ унесли и ея пытка кончилась.

III.

Наступила ночь. На дачахъ засвѣтились красные огоньки. Пахло свѣжей травой. Надъ болотцемъ заходилъ бѣлесоватой дымкой туманъ. Гдѣ-то скрипѣлъ коростель, въ паркѣ куковала сирота-кукушка; на одной изъ дачъ молодой женскій голосъ неумѣло пробовалъ первыя строфы моднаго романса. Изрѣдка въ воздухѣ звенящей нотой поднимался стонъ какой-то большой мѣдной трубы, игравшей въ Павловскомъ вокзалѣ. Павелъ Владимировичъ ничего не чувствовалъ и не слышалъ, погрузившись въ свои дѣловыя бумаги. Работа была срочная, и ее нужно было кончить ночью. Онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ бросалъ костяжки счетовъ, закусывалъ губы и морщилъ лобъ. Вдругъ до его слуха донеслось легкое всхлипываніе... Кто бы могъ плакать? Нелли спитъ, Маша тоже... Онъ прислушался: изъ комнаты жены донеслись новыя сдержанныя рыданія.

„Ахъ, опять эти нервы!“—подумалъ онъ, съ ожесточеніемъ бросая работу.

Анна Сергѣевна сидѣла у открытаго въ садъ окна и потихоньку плакала, какъ плачутъ маленькія дѣти.

— Нюта, что съ тобой? Ты больна?..

Онъ хотѣлъ ее обнять, но она отстранила его руку.

— Это несправедливо! Это жестоко... это... этому нѣтъ названія,—прошептала она въ отвѣтъ.

— Ахъ, да... Опять эта дѣвчонка!

— Да, опять... Ты это говоришь такимъ тономъ, точно она виновата въ чемъ-то.

Онъ прошелся по комнатѣ, придумывая, что бы такое сказать въ утѣшеніе нервничавшей женѣ. О, эти всесильныя женскія слезы... Въ самомъ дѣлѣ, что бы сказать ей такое?..

— Анюта, необходимо смотрѣть на вещи трезво...

— Именно?..

— Да взять хотя сегодняшній случай!.. Что такое Маша? Предположимъ, что ты могла бы кормить ребенка сама, развѣ это помѣшало бы ей поступить кормилицей къ кому-нибудь другому? Слѣдовательно...

— Этимъ путемъ можно оправдать рѣшительно все, всякую несправедливость.

— И что же, наука это предвидѣла: законъ Мальтуса, напримѣръ... борьба за существованіе Дарвина... Все это печально, но все это будетъ существовать, когда и насъ съ тобой не будетъ.

— Все это слова... слова... слова... И самое скверное то, что ты и самъ имъ не вѣришь.

— Я? Нѣтъ, ужъ я-то, кажется, вѣрю въ науку... Наконецъ разсудимъ такъ: если бы у тебя не были разстроены нервы, развѣ ты взяла бы кормилицу? Чѣмъ же виновата ты или я...

— Есть вещи, которыя нельзя объяснить словами, а можно только чувствовать... Иди, занимайся и оставь меня въ покоѣ.

Онъ только развелъ руками, постоялъ посреди комнаты и скромно удалился къ своему рабочему столу. А она опять сидѣла у окна, переживая свое грустное настроеніе. Восковой ребенокъ не шелъ у нея съ ума... Неужели онъ долженъ умереть только потому, чтобы Нелли была здорова, весела и выросла большой? Вѣдь это ужасно... Да, ужасно. Такъ нельзя жить. Это звѣрство. Ни одно животное такъ не дѣлаетъ, кромѣ кукушки. А какъ скверно, когда начинаешь чувствовать приближеніе нервнаго припадка: трудно глотать слюну, въ затылкѣ тяжесть, совершенно особенное ощущеніе въ горлѣ, точно кто начинаетъ душить, вообще — скверно. А потомъ начнетъ ломить надбровныя дуги, явится острая боль въ личныхъ мускулахъ... Въ результатѣ нѣсколько безсонныхъ ночей и чувство апатіи. Вотъ такимъ людямъ не слѣдуетъ совсѣмъ жить на свѣтѣ, а тѣмъ болѣе оставлять послѣ себя разслабленное, нервное потомство. Неужели и Нелли будетъ такой же нервной дрянью?.. Если не можешь кормить дѣтей сама, то не слѣдуетъ выходить и замужъ.

А сколько кормилицъ въ одномъ Петербургѣ? — съ ужасомъ думала Анна Сергѣевна.—И какъ всѣ привыкли къ этому, точно такъ и должно быть... А между тѣмъ за каждой такой кормилицей стоитъ тѣнь брошеннаго на произволъ судьбы ребенка. Нѣтъ, страшно даже подумать... И самое скверное то, что мы такъ срослись съ этимъ зломъ, что оно уже никого не поражаетъ.

Въ результатѣ—тысячи брошенныхъ дѣтей, тысячи маленькихъ жертвъ, тысячи восковыхъ тѣней... Позвольте, Машинъ ребенокъ ужасно походитъ на одного изъ тѣхъ восковыхъ манекеновъ, какихъ показываютъ въ разныхъ балаганахъ: что-то такое застывшее, остановившееся, безжизненное. И, вѣроятно, всѣ эти дѣти такія же. Вотъ и у Аннушки и у Вари они будутъ, какъ были у Александры... Вотъ секретъ того жалостливаго участія, съ какимъ вся эта петербургская прислуга отнеслась къ Машину ребенку, — въ немъ они видѣли свою собственную судьбу. Кстати, что они подумали о ней и о всѣхъ другихъ барыняхъ, въ жертву которыхъ приносятся эти мамкины дѣти? Анна Сергѣевна почувствовала, что опять краснѣетъ, несмотря на окружавшую ее темноту... Какъ она смѣшна со своимъ стерилизованнымъ молокомъ и своимъ материнскимъ эгоизмомъ, когда тутъ же рядомъ творится величайшее зло! Ей сдѣлалось совѣстно, что она считала себя совсѣмъ порядочной женщиной и могла быть счастлива за счетъ восковой дѣтской тѣни. Поймите же, что это правда, простая, ясная, какъ день, правда... И она, Анна Сергѣевна, могла быть спокойна?.. И Павелъ Владимирычъ тоже спокоенъ... Наука, прогрессъ, культура, умныя слова — какъ немного нужно, чтобы закрыть себѣ глаза на самое ужасное изъ всѣхъ золъ.

Аннѣ Сергѣевнѣ сдѣлалось страшно. Это былъ тотъ безпредметный страхъ, который виситъ въ воздухѣ. Съ ней это случалось и раньше... Страшно такъ жить. Вѣдь должно же быть возмездіе за зло, извѣстная кара, та равнодѣйствующая, которая приводитъ къ одному знаменателю разрозненныя явленія жизни. Она уже чувствовала эту кару въ самой себѣ... тамъ въ глубинѣ души, гдѣ мучительно ныло то, что принято называть совѣстью. Ахъ, какъ страшно...

— Павелъ Владимирычъ... Поль... страшно! Говори что-нибудь...

— Нюта... Нэточка, успокойся!..

Онъ уложилъ ее въ постель, обложилъ ей голову компрессами, далъ нюхать какой-то спиртъ, а она все плакала и повторяла:

— Вѣдь и у Маши тоже есть нервы... нѣтъ, ужасно! Вѣдь она все время думаетъ о своемъ ребенкѣ и мучится...

— Да... гм... т.-е. у нихъ, у этихъ простыхъ женщинъ, все иначе.

— Не лги... Я тебя ненавижу! Себя ненавижу. Всѣ мы нервная дрянь, и наши дѣти будутъ такой же нервной дрянью. Это страшное возмездіе. Мы несемъ въ себѣ заразу...

Она сѣла на кровати и смотрѣла кругомъ такими испуганными, округлившимися глазами. А какъ болитъ затылокъ, точно тамъ налитъ свинецъ... потомъ это терпкое ощущеніе чего-то металлически-вяжущаго на языкѣ, подергиванье и гнетущее чувство вообще. Умереть бы сейчасъ, только бы не испытывать этихъ мукъ. И все это результатъ испорченной культуры, изнѣженности, привилегированной обстановки, нездоровыхъ удовольствій, разсчитанныхъ на приподнятые нервы, глупыхъ костюмовъ, пищи и всей суммы условій, какими окружена жизнь извѣстнаго круга людей.

— Поль, когда Нелличка будетъ большая, у нея будутъ свои дѣти... Но она будетъ такой же нервной, какъ и мы съ тобой, и будетъ нанимать тоже кормилицъ.... Ты только подумай: Нелличка еще крошка, инфузорія, а гдѣ-то тамъ въ пространствѣ уже зрѣетъ неизбѣжное зло... тамъ витаютъ уже дѣтскія тѣни... Эти несчастныя восковыя дѣти еще не родились, а они уже приговорены къ смерти. И какой эгоизмъ... Какъ давеча Нелли гнала эту несчастную дѣвочку отъ матери.... А та смотритъ спокойно-спокойно! Если бы она понимала все и могла сказать намъ всю правду: вы — мои убійцы...

Павелъ Владимировичъ сдѣлалъ движеніе, но Анна Сергѣевна не дала ему говорить.

— Маша тутъ ни при чемъ... Маша выкупаетъ свою вину своимъ молчаливымъ горемъ. Она старается дѣлать веселое лицо, когда на душѣ камень... Вѣдь господа не любятъ, чтобы мамки ходили съ заплаканными глазами... Наконецъ Маша глупа...

— Послушай, Нюта, такъ нельзя!.. — взмолился Павелъ Владимировичъ, подбѣгая къ окну.

— А я что говорю? Именно, нельзя... И какое звѣрство... Ты посмотри, какими шутихами одѣваютъ кормилицъ: стеклянныя грошовыя бусы, мишурные позументы, кокошники.... за ними ухаживаютъ, откармливаютъ, возятъ на прогулку въ коляскахъ и каретахъ... Вѣдь это ужасный маскарадъ!.. Да, ужасный, потому что онъ дѣлается за счетъ вотъ этихъ восковыхъ дѣтей, за счетъ ихъ здоровья и жизни... Вонъ у нашего сосѣда вдовца у первой кормилицы умеръ ребенокъ и у второй тоже. Никакая статистика не высчитаетъ всего зла... Да говори же ты что-нибудь! У меня голова идетъ кругомъ... Ну, что ты молчишь?..

Что же онъ могъ сказать, онъ, интеллигентный человѣкъ? Конечно, Нюта была права... Вѣдь она такая умница, такая добрая. Хотя, конечно, есть такія проклятыя безвыходныя положенія...

— Да говори же! Говори...

— Хорошо. Изволь... Представь себѣ такую комбинацію: тонутъ твои отецъ и мать, а твои силы позволяютъ спасти только одного. Развѣ здѣсь возможенъ какой-нибудь разумный выборъ? Есть такія проклятыя положенія... да. Гм...

— А если бы Маша взяла къ себѣ своего ребенка?..

— Да вѣдь Нелличка большая, и ей одной недостаетъ Машина молока. Въ переводѣ это значитъ, чтобы голодали два ребенка. Вообще, фантазія. Вѣдь ты не виновата, что сама не можешь кормить?.. Это не прихоть, не лѣность, не расчетъ на свое спокойствіе, а жестокая необходимость.

Анна Сергѣевна измучилась, устала и лежала съ закрытыми глазами.

А онъ ждалъ наступленія утра, дневного свѣта, который одинъ приносилъ спокойствіе... Хорошо еще, что лѣтняя ночь коротка. Вонъ ужъ туманъ начинаетъ подниматься надъ болотомъ, а въ паркѣ проснулись грачи. Онъ любовался на дремавшую жену. Какая у нея красивая головка, какое интеллигентное лицо, и какъ красива головка на бѣлой подушкѣ! Гдѣ-то пропѣлъ отчаяннымъ голосомъ пѣтухъ... А тамъ на столѣ ждетъ срочная работа. Придется, видно, не спать... Ну, да это ничего. Можно будетъ соснуть послѣ обѣда.

Убѣдившись, что жена наконецъ задремала, Павелъ Владимировичъ на цыпочкахъ, осторожно, направился къ своей работѣ, но въ дверяхъ остановился, точно вкопанный. Что̀ означаетъ это приподнятое нервное настроеніе, эти слезы и бредъ съ открытыми глазами? Онъ пожевалъ губами, потеръ лобъ и только развелъ руками: очевидно, дѣло шло о второмъ номерѣ Нелички.

Мужикъ Борисъ просыпался рано. Ему нужно было привезти воды, подмести дорожки въ дачныхъ садикахъ, все прибрать, однимъ словомъ, работы достаточно. Онъ всегда находился въ это время въ очень дурномъ настроеніи и вѣчно что-то ворчалъ себѣ подъ носъ. А тутъ еще вспомнилъ про помойную яму: уѣстъ барыня. Вотъ навязалась-то... Онъ отправился первымъ дѣломъ именно къ этой ямѣ осмотрѣть, все ли въ порядкѣ. Всѣ доски вымазаны дегтемъ, известка высыпана — близко подойти нельзя.

— Погоди, я тебя уважу... — ворчалъ Борисъ, отправляясь въ сарай.

Онъ вынесъ изъ сарая ведерко съ дегтемъ, постоялъ, почесалъ свободной рукой затылокъ и съ какимъ-то ожесточеніемъ принялся мазать дегтемъ траву.

— Борисъ, да ты никакъ съ ума сошелъ? — окликнулъ его голосъ кухарки Александры. — Чего дурака-то валяешь...

— А пусть... Доведутъ живого человѣка!..

Кухарка Александра громко расхохоталась. Борисъ вымазалъ всю лужайку и бросилъ пустое ведерко.

— Хорошее житье этимъ господамъ... — говорила Александра, зѣвая и потягиваясь. — Спятъ долго, ѣдятъ сладко...

— Господа? ѣдятъ?.. Не они хлѣбъ ѣдятъ, а ихъ хлѣбъ ѣстъ...

1892.

КОРОБКИНЪ.

I.

Лидочка, единственная дочь Павла Иваныча Коробкина, умирала...

Старичокъ-докторъ, разстроенный и жалкій, взялся за шляпу и неловко совалъ свою сухую красную руку Павлу Иванычу, который смотрѣлъ на него широко-раскрытыми, обезумѣвшими глазами.

— Я долженъ предупредить васъ... — смущенно бормоталъ докторъ, перебирая замшевыя перчатки. — Тяжелая обязанность врача, но... есть случаи... наука безсильна...

— Докторъ, голубчикъ, не уходите! — крикнулъ Коробкинъ не своимъ голосомъ и какъ-то по-дѣтски уцѣпился за докторскую руку. — Неужели никакой надежды?..

Докторъ растерянно развелъ своими большими руками и, не простившись, торопливо вышелъ изъ комнаты, а Павелъ Иванычъ упалъ въ кресло и, закрывъ лицо руками, зарыдалъ. Полное, безцвѣтное лицо исказилось судорогами, а сквозь бѣлые пальцы полились горькія слезы человѣка, терявшаго все.

— Зачѣмъ онъ ушелъ?.. — повторялъ вслухъ Павелъ Иванычъ, вскакивая съ кресла и опять падая въ него.

— Ахъ, да! нѣтъ никакой надежды... Лидочка умираетъ!.. Лидочка, Лидочка, Лидочка!..

Въ дверяхъ мелькали встревоженныя, любопытныя лица прислуги; мимо Коробкина неслышными шагами нѣсколько разъ прошла сидѣлка въ бѣломъ фартукѣ, потомъ показался молодой священникъ, на ходу торопливо развертывавшій зеленую епитрахиль; затѣмъ наступила страшная тишина, нарушаемая только сдержаннымъ шопотомъ, доносившимся изъ комнаты умиравшей.

„Это отходную Лидочкѣ читаютъ...“ — мелькнуло въ головѣ Коробкина, и онъ въ ужасѣ закрылъ свои напухшіе отъ слезъ глаза.

— Павелъ Иванычъ... Гдѣ Павелъ Иванычъ?.. — послышался шопотъ сидѣлки, и женская рука повела Коробкина въ ту комнату, гдѣ погасала молодая жизнь, точно колебавшееся пламя потухающей свѣчи.

Небольшая мягкая женская рука ввела Коробкина въ полутемную комнату, едва освѣщенную розовой ночной лампочкой, и онъ припалъ своей сѣдѣвшей головой къ маленькой прозрачной дѣтской рукѣ, уже терявшей теплоту живого человѣческаго тѣла... Вотъ и это дорогое худенькое лицо, съ ввалившимися, потухающими глазами, и коротко остриженные бѣлокурые волосы, и тонкая дѣтская шейка, и запекшійся ротъ.

— Лидочка!.. Лидочка!.. — всхлипывалъ Коробкинъ, цѣлуя холодѣвшій бѣлый лобъ.

Тутъ же, у изголовья умиравшей, тихо плакала жена Коробкина и все повторяла захлебывавшимся голосомъ:

— Господи, да за что же это... а?.. Вѣдь одна у насъ Лидочка... одна!..

Сидѣлка осторожно поддерживала ее за локоть и наставительно замѣтила:

— Авдотья Егоровна, успокойтесь... Это даже очень грѣшно, если человѣкъ впадаетъ въ отчаяніе... И Лидочкѣ это нехорошо будетъ...

— Отошла, моя голубушка... анделочекъ мой!.. — заголосила громко старуха-нянька, когда агонія кончилась и Лидочка перестала дышать.

Комната наполнилась стонами и отчаянными воплями собравшихся женщинъ; Авдотья Егоровна, какъ пластъ, упала на грудь мертвой Лидочкѣ, и ее никакъ не могли оттащить. Этотъ отчаянный плачъ женщинъ заставилъ Коробкина очнуться: онъ нѣсколько мгновеній посмотрѣлъ на жену, на спущенныя зеленыя шерстяныя занавѣсочки, на ночной столикъ съ лѣкарствами, на все еще горѣвшую розовую лампочку, на косой лучъ солнца, врывавшійся золотой полоской между занавѣсками, пощупалъ свою голову, еще разъ обвелъ всю комнату глазами и, не торопясь, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Господи, за что?.. — повторилъ онъ про себя вопросъ жены, хватая себя за волосы. — Нѣтъ, она не умерла... она не могла умереть! У другихъ много дѣтей, а у насъ всего одна Лидочка... Одна, одна, одна!.. За что?

Страшная злоба закипѣла въ груди Коробкина, и онъ рванулъ себя за волосы. Всѣ и все были виноваты, начиная съ того предательски-теплаго весенняго дня, когда Лидочка по дѣтской неосторожности простудила горло, и кончая этимъ докторомъ съ его проклятой наукой... Какая тамъ наука?.. Вздоръ и галиматья, — только добрыхъ людей напрасно морочатъ эти ученые дураки... Просто, нужно было позвать самую простую старушонку, знахарку, которая вспрыскиваетъ водой съ уголька, и, можетъ-быть, Лидочка была бы теперь жива...

„Если бы Лидочка тогда одѣлась теплѣе, напримѣръ, надѣла бы на шею шарфъ... — думалъ Коробкинъ вслухъ, шагая изъ угла въ уголъ. — Это ужъ Дуня виновата, не умѣла смотрѣть за дочерью... да. Ростили, берегли, лелѣяли, надышаться не могли — и всего какой-нибудь одинъ часъ, какой-нибудь глупый шарфъ... О, нѣтъ, это невозможно!.. Это слишкомъ глупо... все глупо... все!..“

Ужасно было именно то, что все случилось крайне глупо: Лидочка простудилась, у Лидочки заболѣло горло, докторъ посмотрѣлъ и успокоилъ, что пустяки, — самъ Павелъ Иванычъ тоже какъ-то равнодушно отнесся къ этой болѣзни, хотя обыкновенно дрожалъ надъ каждой царапиной у Лидочки. И Авдотья Егоровна не безпокоилась, потому что была занята какой-то работой въ парникахъ — вотъ тебѣ и парники, и шарфикъ, и докторъ, и собственная глупость... все къ чорту, все пошло прахомъ!.. Въ концѣ концовъ Коробкинъ додумался до того, что если кто-нибудь виноватъ въ смерти несчастной дѣвочки, то это не кто другой, какъ именно онъ, Коробкинъ. Да, кругомъ виноватъ: нужно было, во-первыхъ, самому смотрѣть за дѣвочкой, во-вторыхъ, не слѣдовало довѣряться доктору, наконецъ... что же такое, наконецъ, позвольте?

— Господи, за что же... за что?!. — со стономъ повторялъ Коробкинъ и опять началъ передумывать все сначала, взваливая вину то на другихъ, то на себя; выбитая изъ колеи мысль десятки разъ, какъ муравей съ непосильной ношей, взбиралась на какую-то высоту и каждый разъ летѣла внизъ, чтобы опять начать мучительный подъемъ...

II.

Лидочку похоронили.

Вернувшись домой, Павелъ Иванычъ почувствовалъ страшную пустоту; сгоряча онъ хорошенько еще не взвѣсилъ своего несчастья и теперь, на досугѣ, могъ вполнѣ углубиться въ самого себя.

Прежде всего Павелъ Иванычъ замѣтилъ, что онъ точно раздѣлился надвое: какъ будто онъ, Павелъ Иванычъ, и какъ будто не онъ...

Это открытіе сильно смутило Коробкина, такъ что онъ внимательно принялся разсматривать себя въ зеркало. На него смотрѣло осунувшееся, полное водянистой полнотой лицо съ добрыми сѣрыми глазами; подстриженная бородка, просвѣчивавшая лысина, серьезно сложенныя губы, извѣстная порядочность въ выраженіи физіономіи, свойственная заслуженнымъ чиновникамъ, говорили объ устоявшемся человѣкѣ. Недаромъ Павелъ Иванычъ называлъ себя „среднимъ провинціальнымъ человѣкомъ“. Теперь ему было подъ пятьдесятъ. Когда-то онъ кончилъ курсъ въ университетѣ, а потомъ поступилъ на службу. Завиральныхъ идей Коробкинъ не проповѣдывалъ, сдѣлаться знаменитымъ человѣкомъ — не мечталъ, и потянулъ чиновничью лямку, какъ ее тянутъ на Руси по всѣмъ уѣзднымъ захолустьямъ. Отъ университетскаго въ Коробкинѣ осталось только то, что онъ съ какимъ-то благоговѣніемъ относился ко всякой „учености“ и любилъ повторять знакомымъ чиновникамъ:

— Да-съ, есть великіе умы, есть наука... Это — святое дѣло, господа! Только не всякому оно дается: много званыхъ да мало избранныхъ. Да-съ!.. А духъ-то все-таки остается, ежели и просто въ передней у науки-то постоишь, особенный такой духъ: маленькій человѣкъ, а чувствуешь про себя, какіе настоящіе-то люди должны быть.

Нужно замѣтить, что Павелъ Иванычъ отличался настоящей, не напускной скромностью и былъ о себѣ, дѣйствительно, невысокаго мнѣнія. Конечно, онъ былъ въ университетѣ, но вѣдь не обязательно всякому студенту быть непремѣнно какимъ-нибудь Гумбольдтомъ, Гуго Гроціемъ, Менделѣевымъ, Сѣченовымъ, — однимъ словомъ, этакимъ ученымъ чортомъ-дьяволомъ... Я — маленькій человѣкъ и буду дѣлать свое маленькое дѣло, а большіе люди пусть дѣлаютъ большія дѣла, потому что имъ много дано...

Служилъ-служилъ Коробкинъ по разнымъ палатамъ и канцеляріямъ и къ описываемому моменту дослужился до виднаго мѣстечка въ административной лѣстницѣ. Тридцати пяти лѣтъ онъ женился, по расчету, на дочери своего начальника (любовь — это опять не для маленькихъ людишекъ, такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Павелъ Иванычъ) и зажилъ припѣваючи. Въ результатѣ этого тугого чиновничьяго счастья явился новенькій полукаменный домикъ, выходившій пятью окнами на Студеную улицу, всякое хозяйственное обзаведеніе, своя лошадь, общее уваженіе въ Сосногорскѣ и дочь Лидочка, которая уже училась въ женской гимназіи. Все шло отлично, какъ по-писаному, и вдругъ—Павелъ Иванычъ точно оступился въ яму и совсѣмъ позабылъ, о чемъ думалъ, когда шелъ по дорогѣ... Точно это былъ не онъ, Коробкинъ, а какой-то другой человѣкъ и, нужно признаться, человѣкъ довольно странный.

Авдотья Егоровна страшно тосковала о Лидочкѣ и постоянно плакала; Коробкинъ старался ее утѣшать, какъ умѣлъ, и произносилъ цѣлыя рѣчи на тему о „необходимости терпѣть и покориться“ и дошелъ до того, что указалъ на примѣръ чиновника Севастьянова, у котораго въ одну недѣлю отъ скар-

латины умерло четверо дѣтей. Потомъ—еще вопросъ, нынче съ дѣтьми трудныя времена... Вонъ, у протопопа Головина тоже была дочь, поѣхала на курсы, а теперь Богъ знаетъ гдѣ... Однимъ словомъ, желая утѣшить жену, Коробкинъ зарапортовался до того, что наконецъ самому сдѣлалось совѣстно, и онъ съ какимъ-то страхомъ почувствовалъ, что это говоритъ не онъ, Коробкинъ, а кто-то другой, что онъ никогда и не любилъ жены по-настоящему да и жалѣетъ ее больше по привычкѣ и потому, что она мать Лидочки...

„Нѣтъ, это совсѣмъ не то... да, не то“,—повторялъ про себя Коробкинъ и сконфуженно уходилъ къ себѣ въ кабинетъ.

Вообще Павелъ Иванычъ видимо началъ „задумываться“, какъ говорятъ въ провинціи, и первая обратила на это вниманіе Авдотья Егоровна. Она перестала плакать открыто и старалась чѣмъ-нибудь вывести мужа изъ его странной задумчивости. Но эта политика дала какъ разъ обратный результатъ: Павелъ Иванычъ быстро раскусилъ все и какъ-то странно такъ улыбнулся.

— Павелъ Иванычъ, голубчикъ, перестань запираться-то... — умоляла Авдотья Егоровна со слезами на глазахъ.—Вонъ какой ты сталъ: лица нѣтъ... Ну, погоревали, поплакали—не воротишь!

Павелъ Иванычъ выслушалъ жену, потеръ себѣ лобъ рукой и задумчиво отвѣтилъ:

— Нѣтъ, Дуня, это не то...

Авдотья Егоровна замѣтила, что мужъ какъ-то быстро и съ любопытствомъ оглянулъ ее всю, какъ смотрятъ на незнакомыхъ женщинъ, и даже смутилась. Ей теперь было сорокъ съ хвостикомъ, но для своимъ лѣтъ она порядочно сохранилась, хотя фигуру и лицо портила брюзглая полнота засидѣвшейся въ четырехъ стѣнахъ женщины; красавицей Авдотья Егоровна никогда не была, но была свѣжей, здоровой дѣвушкой, и Павелъ Иванычъ по-своему любилъ ее. Зачѣмъ же онъ теперь такъ нехорошо посмотрѣлъ на нее?

Но Коробкинъ и не думалъ обижать жену—напротивъ, онъ ее жалѣлъ, хотя, занятый своими мыслями, какъ-то забывалъ о ней. А въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ онъ женился на Авдотьѣ Егоровнѣ? Признаться сказать, когда она была еще дѣвушкой, ему больше всего нравился у нея бюстъ, а затѣмъ рядъ отрицательныхъ достоинствъ: не зла, не глупа, не лѣнива и т. д. Затѣмъ, Дуня была изъ хорошаго чиновнаго семейства, что̀ имѣло свое значеніе въ служебныхъ дѣлахъ, такъ какъ извѣстныя связи — очень и очень не лишняя вещь даже и въ такой глуши, какъ Сосногорскъ. Потомъ у нихъ родилась Лидочка и принесла съ собой то, чѣмъ большинство замѣняетъ истинное чувство.

— Лидочка...—шепталъ Коробкинъ, и какъ ни путались его мысли въ головѣ, въ концѣ концовъ онѣ приходили неизбѣжно къ одной роковой точкѣ, и въ головѣ Коробкина съ мучительной болью вставалъ образъ мертвой Лидочки.

Сначала смерть Лидочки казалась результатомъ глупаго сцѣпленія самыхъ глупыхъ случайностей, притомъ случайностей внѣшняго характера. Именно эта нелѣпость и подавляла Павла Иваныча, дѣлая жизнь какой-то игрушкой въ рукахъ слѣпого случая. Стоило ли жить при такихъ условіяхъ, когда счастье цѣлой жизни разлетается дымомъ отъ ничтожнаго дуновенія? Конечно, нѣтъ!.. Что̀ осталось отъ Лидочки?.. Нѣсколько фотографій, рядъ тяжелыхъ воспоминаній—и только, а давно ли она наполняла вотъ эти самыя комнаты своей веселой болтовней и дѣтскимъ смѣхомъ, шалостями и всѣмъ тѣмъ, что̀ вноситъ съ собой начинающаяся жизнь!

Коробкинъ любилъ подолгу смотрѣть на фотографію дочери, снятую уже съ мертвой: полудѣтское личико дышало такимъ необыкновеннымъ спокойствіемъ и трогательной серьезностью, что отецъ не могъ отъ него оторваться. Эта дѣвочка унесла съ собой и радость, и смѣхъ, и веселье, и надежды... Разъ, когда Павелъ Иванычъ съ щемящей грустью разсматривалъ фотографію Лидочки, его точно что̀ кольнуло въ самое сердце — и онъ даже отскочилъ отъ портрета...

— Господи, что̀ это такое?..—въ ужасѣ шепталъ онъ, чувствуя, какъ на лбу выступаютъ у него капли холоднаго пота.—А, такъ вотъ въ чемъ дѣло!.. Да, теперь я понялъ, все понялъ!.. Дуракъ, дуракъ... А я все объяснялъ случайностью?!.

Коробкинъ дико захохоталъ и упалъ на кушетку, лицомъ въ подушку. Теперь для него сдѣлалось все ясно, но эта ясность именно и ослѣпила его, какъ слѣпитъ человѣка простой дневной свѣтъ, если онъ долго сидѣлъ въ темнотѣ. Именно, онъ до настоящей минуты былъ слѣпъ, нравственно слѣпъ и тѣшился разными фантомами, а теперь точно какая завѣса спала съ глазъ— и все кругомъ сдѣлалось такъ ясно, такъ понятно... Передъ глазами Коробкина живьемъ встала неумолимая желѣзная послѣдовательность той внутренней сути, которая связываетъ факты, и онъ въ первый разъ почувствовалъ непреодолимую потребность бѣжать изъ своего собственнаго дома, нажитаго многолѣтнимъ трудомъ, бѣжать отъ того мѣщанскаго счастья, которое ослѣпило его, бѣжать, очертя голову, чтобы одуматься, прійти въ себя, сообразить что-то, наконецъ, чтобы просто побыть съ глазу на глазъ съ самимъ собою. Въ немъ вплотную сцѣпились тѣ два человѣка, которыхъ онъ замѣтилъ послѣ смерти Лидочки.

— Вотъ оно когда пришло... вотъ когда откликнулось! — хрипло повторялъ Павелъ Ивановичъ, хватаясь за голову.—Нѣтъ, видно, отъ себя, братъ, не уйдешь... стой, братъ!..

Павелъ Ивановичъ теперь дѣйствительно походилъ на сумасшедшаго: притворивъ плотно дверь кабинета, онъ вытащилъ изъ письменнаго стола спрятанную между бумагами отцвѣтшую порыжѣлую фотографію молоденькой дѣвушки въ соломенной шляпѣ — и поставилъ ее рядомъ съ портретомъ Лидочки. Онъ заходилъ сбоку, отступалъ назадъ, разсматривалъ фотографію вблизи и все что-то бормоталъ про себя.

— Конечно, теперь сходства нѣтъ, но она мертвая поразительно походила на Лидочку... Да, да... Такъ же волосы были зачесаны, такой же чистый лобъ, такъ же губы сложены, и легкая морщинка въ углу глаза... Что̀ это? Возмездіе?... Наказаніе?.. Упрекъ?.. Казнь!?.

III.

Вотъ что̀ припоминалъ Коробкинъ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, — какъ это давно и, вмѣстѣ, какъ это недавно все было!—онъ, кончая курсъ красногорской гимназіи, имѣлъ урокъ у купца Зимина. Выбившись изъ подрядчиковъ, Зиминъ жилъ очень туго, на купеческую руку. Коробкинъ, по рекомендаціи директора, попалъ къ Зимину репетиторомъ; за столъ и квартиру онъ долженъ былъ перетащить въ третій классъ маленькаго купеческаго сынка, подававшаго всѣ надежды сдѣлаться большимъ купеческимъ соврасомъ. Гимназисту была отведена гнилая каморка въ нижнемъ этажѣ, а обѣдалъ онъ вмѣстѣ съ семьей Зимина. Въ зиминскомъ домѣ господствовала какая-то особенная, тугая атмосфера — точно все здѣсь

было сколочено гвоздями, даже мысли. Старикъ Зиминъ былъ самодуромъ чистѣйшей воды и держалъ всѣхъ въ ежовыхъ рукавицахъ, начиная съ жены, забитой и запуганной женщины, не смѣвшей дохнуть въ присутствіи мужа.

Кромѣ сына, у Зимина была еще дочь Капочка, дѣвушка лѣтъ шестнадцати. Это была очень бойкая и веселая особа; она гдѣ-то поучилась и могла говорить по-образованному. Коробкинъ какъ теперь видѣлъ ее: небольшого роста, тоненькая, живая, съ русой головкой и парой бойкихъ, веселыхъ глазъ, она служила олицетвореніемъ молодой, нетронутой силы, и можно было только удивляться, какъ могла родиться такая оригинальная дѣвушка въ зиминскомъ домѣ, гдѣ господствовалъ вѣчный страхъ, спеціально-купеческая, сытая скука и обманъ всѣхъ противъ всѣхъ, какъ это и бываетъ въ семьяхъ самодуровъ. Особенно хорошо Капочка смѣялась: откинетъ свою русую головку, полузакроетъ глаза и зальется такимъ смѣхомъ, что даже и самъ Зиминъ улыбнется и сердито замѣтитъ:

— Экъ тебя разобрало, Капитолина... будетъ зубы-то мыть...

Капочка быстро сошлась съ застѣнчивымъ гимназистомъ, который за столомъ не зналъ, куда дѣвать руки и ноги.

— Гимназистъ, вы мнѣ очень нравитесь,—заявила откровенно Капочка на третій же день ихъ знакомства. — Я такъ рада, что у насъ будетъ хоть одинъ живой человѣкъ въ домѣ... Послушайте, у васъ есть сестра?

— Нѣтъ...

— Ну, такъ зовите меня просто Капочкой... Конечно, не при тятенькѣ... Боже васъ сохрани... Я буду вашей сестрой.

Капочка весело засмѣялась и даже ударила смутившагося гимназиста своей бѣленькой ручкой по плечу. Знакомство завязалось быстро, какъ умѣетъ знакомиться счастливая и беззаботная юность. Капочка даже прибѣгала въ каморку къ гимназисту, перебирала его книги и тетрадки, устраивала фантастическій порядокъ, прятала цвѣты подъ подушкой, вспрыскивала духами гимназическую амуницію и даже собственноручно повѣсила милому гимназисту занавѣски. Вообще, она дурачилась съ нимъ, какъ сумасшедшая, а при отцѣ дѣлалась такой неприступной и строгой, точно монахиня. Впрочемъ, Капочка не всегда дурачилась. На нее нападали полосы какого-то тяжелаго раздумья, и она плакала,—плакала дешевыми дѣвичьими слезами, не стѣсняясь присутствіемъ гимназиста.

— О чемъ вы плачете, Капочка?—спрашивалъ иногда Коробкинъ.

— Ты не поймешь, миленькій гимназистикъ... — смѣялась сквозь слезы Капочка.—Скучно мнѣ, вотъ и плачу. Ну, узналъ?.. Ахъ, гимназистикъ, гимназистикъ, ничего-то ты еще не понимаешь!..

— Нѣтъ, я все понимаю, Капочка... Я совсѣмъ большой. Да...

Разъ послѣ такого откровеннаго разговора Капочка долго и внимательно смотрѣла Коробкину прямо въ глаза и съ серьезнымъ лицомъ проговорила:

— Вотъ ты говоришь, что ты совсѣмъ большой... да?..

— Конечно, большой.

— Ну, если большой, такъ возьми меня замужъ... Я буду хорошей женой... А! Что? Испугался!.. То-то вотъ и есть!

— Мнѣ еще нужно учиться, Капочка.,.

— Да, да... Я знаю, я пошутила. Куда тебѣ, миленькій гимназистикъ, съ такой верченой дѣвчонкой... Ты — вонъ какой скромненькій, аккуратный, прилежный. Кончишь гимназію, поступишь въ университетъ... Я тебѣ, какъ

цыганка, разскажу всю судьбу. Выучишься, будешь чиновникомъ, женишься на богатой... да?.. Все это такъ и должно быть, голубчикъ... Такіе скромненькіе хорошо живутъ, а нашему брату—не сносить головы!

— Потерпите, Капочка, можетъ-быть, все устроится и у васъ...

— У меня!?.. Да чего мнѣ ждать-то?.. Состаришься, попадешь въ Христовы невѣсты—спасибо, голубчикъ... Старухой-то жить не стоитъ, а молодой не даютъ. Какая у насъ жизнь... а? Какъ мыши въ щели живемъ... Охъ, тошнехонько, гимназистикъ мой миленькій, а дѣваться некуда! Вотъ будутъ отдавать замужъ за немилаго,—а я утоплюсь... Я этой воды до смерти боюсь, такъ и тянетъ... Ей-Богу!..

Чѣмъ веселѣе была Капочка, тѣмъ ближе къ слезамъ,—она плакала съ улыбкой на губахъ, и Коробкину было до смерти жаль этой странной дѣвушки... Но что онъ могъ сдѣлать для нея?.. Одно время онъ началъ-было сильно увлекаться ею и потихонько слѣдилъ за ней глазами, но Капочка поймала его и оборвала со своей обычной откровенностью:

— А ты не смотри на меня такими глазами... нехорошо. Я — твоя сестра... Смотри, уши надеру!..

У Коробкина было много занятій, и онъ за книгами забывалъ эту ласковую, какъ русалка, дѣвушку. Ея неожиданныя посѣщенія приводили его въ самое праздничное настроеніе, и, сидя въ классѣ, Коробкину долго мерещилась улыбавшаяся русая головка, и онъ даже чувствовалъ, какъ его волосы перебираетъ тонкая бѣлая рука Капочки...

Наступила весна, распустились деревья, вездѣ топорщилась зеленѣвшая травка. По небу весело гуляли стада бѣлогрудыхъ облаковъ; въ каморкѣ у Коробкина сдѣлалось особенно непривѣтливо, но онъ упорно высиживалъ порціи своихъ экзаменовъ. Особенно весенніе вечера наводили на Коробкина страшную тоску, и онъ по цѣлымъ часамъ прислушивался къ весеннимъ звукамъ, тянувшимъ въ его подземелье съ улицы.

Вотъ въ такіе-то вечера особенно тяжело доставалось Коробкину, и онъ по цѣлымъ часамъ, съ закрытыми глазами, мечталъ о Капочкѣ, пока не сдѣлалъ открытія, что онъ ее очень любитъ,—такъ любитъ, какъ еще не любилъ ни одинъ человѣкъ въ мірѣ ни одной дѣвушки... Это открытіе даже испугало Павла Иваныча, и онъ нѣсколько дней ходилъ въ какомъ-то сладкомъ чаду, пьяный своимъ тайнымъ счастьемъ. Да, онъ любилъ Капочку, какъ любятъ только въ первый разъ—съ благоговѣйнымъ трепетомъ, робко, со всей обстановкой въ первый разъ проснувшагося чувства. Съ Капочкой онъ теперь держался какъ-то особенно далеко, видимо избѣгалъ неожиданныхъ встрѣчъ съ ней и даже запирался въ своей каморкѣ на крючокъ, — точно боялся непріятельскаго вторженія: онъ былъ слишкомъ счастливъ и, какъ воръ, похитившій какое-то необыкновенное сокровище, боялся дневного свѣта.

Встрѣчаясь съ Капочкой, Коробкинъ страшно робѣлъ и старался не смотрѣть на нее, — это заячье малодушіе потомъ создавало милліонъ нравственныхъ терзаній, и великодушный человѣкъ даже плакалъ со злости, уткнувшись головой въ подушку. Коробкинъ удивительно скоро переходилъ отъ самыхъ высокихъ мыслей къ полному самоуничиженію и раскаянію; Коробкинъ идеальный и Коробкинъ въ дѣйствительности слишкомъ расходились между собой, образуя какую-то мучительную пустоту. Ясно и отчетливо было только одно, именно—то первое и молодое чувство къ Капочкѣ, которое дѣлало Коробкина и счастливымъ и несчастнымъ.

Была одна роковая встрѣча, которая перевернула въ душѣ семнадцатилѣтняго гимназиста все. Это было какъ разъ послѣ экзаменовъ, когда Коробк-

кинъ собрался уѣзжать на каникулы домой. Капочка затащила застѣнчиваго гимназиста кататься на лодкѣ. Какъ теперь видѣлъ онъ эту тонкую изящную дѣвушку, кокетливо прикрывавшуюся большимъ шелковымъ платкомъ—шляпокъ Капочка терпѣть не могла. Они катались въ лодкѣ вдвоемъ, и Капочка все время наблюдала своего кавалера какими-то особенно грустными глазами.

— Вы скоро уѣдете, миленькій гимназистикъ, а я тутъ останусь одна...

— Осенью я вернусь.

— Ахъ, не то...

Капочка даже разсердилась безъ всякой видимой причины, что̀ иногда съ ней случалось, а потомъ проговорила съ своей дѣтской наивностью:

— Смотрю я навасъ, гимназистикъ, и жалѣю васъ... Да, жалѣю. Вѣдь вамъ семнадцать лѣтъ, а вы еще ничего не понимаете. Вы жизни боитесь... Эхъ, да что̀ тутъ говорить! Все равно ничего не выйдетъ. Мнѣ и себя жаль, потому что я вся хорошая, а должна пропасть ни за грошъ.

Коробкинъ испугался этой откровенности и сильно смутился. Капочка поймала его настроеніе и засмѣялась, зло и нехорошо засмѣялась, а потомъ вдругъ бросилась къ нему на шею и принялась цѣловать.

— Это я съ тобой прощаюсь... Навѣкъ прощаюсь, миленькій! Полюбила я тебя не къ добру... Ну, значитъ, не судьба. Я знаю, что и ты меня любишь, любишь и не женишься, потому что боишься бѣдности, боишься того, какъ мы будемъ жить. Вѣдь ты аккуратный, паинька, и все у тебя разсчитано впередъ... Ну, скажи правду, не солги, боишься?

— Да, боюсь...—отвѣтилъ Коробкинъ, у котораго въ головѣ быстро промелькнула нарисованная Капочкой невеселая картина.—Вотъ кончу сначала гимназію, потомъ университетъ, тогда...

— Э, вздоръ!—рѣшила Капочка, тряхнувъ ухарски своей головкой.—Это еще Андроны ѣдутъ... Да. А только ты меня потомъ вспомянешь... послѣ. Все будетъ, а милъ-сердечнаго друга не будетъ.

Эта сцена стоила Коробкину цѣлой безсонной ночи, когда онъ мучился рѣшеніемъ рокового вопроса. Къ утру для него сдѣлалось совершенно яснымъ, что отъ счастья съ Капочкой приходилось отказаться,—впереди его ждало совсѣмъ другое, и онъ не могъ поступиться этимъ другимъ. Что̀ же дѣлать, приходилось жертвовать своимъ личнымъ счастьемъ. Это послѣднее ему казалось даже героизмомъ.

Вернувшись въ Сосногорскъ осенью, Коробкинъ опять поселился въ подвалѣ зиминскаго дома: нужно было какъ-нибудь дотягивать гимназію, а другихъ уроковъ не имѣлось въ виду. Молодой человѣкъ, умудренный тяжелымъ опытомъ, зарылся въ книги съ головой и больше ничего не хотѣлъ знать. Капочку онъ опять встрѣчалъ за обѣдомъ, но это была совсѣмъ другая дѣвушка—блѣдная, худая, съ какимъ-то убитымъ выраженіемъ лица.

Такъ прошла осень.

— Миленькій гимназистикъ, я выхожу замужъ... — объявила Капочка послѣ Святокъ.

Она такъ давно не разговаривала съ Коробкинымъ и теперь такъ странно улыбалась.

Разговоръ происходилъ опять въ каморкѣ Коробкина, куда Капочка завернула какъ-то вечеркомъ въ сумерки. Она была одѣта въ простенькое ситцевое платье, которое такъ шло къ ея гладко зачесаннымъ волосамъ и вообще ко всей граціозной фигуркѣ. Въ сердцѣ Коробкина шевельнулось старое забытое чувство.

— Чиновникъ есть, Теряевъ; ну, такъ меня за него и отдаютъ,—про-

должала Капочка, точно она говорила сама съ собой.—Пьяница онъ, говорятъ... Ну, да намъ выбирать не изъ чего: одинъ конецъ.

Капочка тихо заплакала. Коробкинъ не выдержалъ и началъ ее утѣшать избитыми общими фразами, вычитанными изъ какой-то очень хорошей книжки: никогда не слѣдуетъ предаваться отчаянію, потому что изъ самаго дурного положенія есть непремѣнно выходъ; все зависитъ отъ самого человѣка—какъ онъ захочетъ, такъ и будетъ; прежде всего необходимо работать, особенно женщинѣ, потому что только трудъ даетъ самостоятельность, и т. д. Капочка слушала эту дешевую мудрость, опустивъ свою головку, а когда проповѣдникъ кончилъ, она неожиданно обняла своими тонкими руками и горячо поцѣловала.

— Ничего ты не понимаешь, голубчикъ...—шептала Капочка, улыбаясь сквозь слезы.—Я пришла къ тебѣ проститься, гимназистикъ... Миленькій, тяжело мнѣ. Я вѣдь сама понимаю, что я глупенькая, но и глупенькимъ людямъ тяжело бываетъ... ахъ, какъ тяжело, какъ тяжело!.. Теперь вотъ я къ тебѣ пришла,—знаешь, зачѣмъ? Себя я боюсь, миленькій: страшно мнѣ одной оставаться... Вотъ теперь ты этого самаго не поймешь, а послѣ когда-нибудь...

Капочка торопливо расцѣловала гимназиста въ волосы, въ лицо, въ шею и упорхнула, какъ мотылекъ. Коробкинъ остался въ какомъ-то ошеломленномъ состояніи, чувствуя, что Капочка не досказала чего-то, потому что считала его все-таки мальчикомъ. Бросить гимназію къ чорту и жениться на Капочкѣ... А университетъ, а общественное положеніе, а обезпеченное будущее? Потерять все это для одной Капочки, погрузиться вмѣстѣ съ ней во всѣ случайности жизни недоучки-гимназиста, тянуть лямку гдѣ-нибудь въ канцеляріи на шести рубляхъ жалованья, итти въ подручные къ самодуру-купцу... А съ другой стороны—смотрѣть, какъ на глазахъ будетъ гибнуть живой человѣкъ, когда его можно спасти... Какой-то чиновникъ Теряевъ выискался!...

Гимназистъ чувствовалъ, что начинаетъ сходить съ ума отъ всѣхъ этихъ противоположныхъ мыслей и чувствъ...

IV.

Капочкина свадьба была совершившимся фактомъ. Коробкинъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ этого печальнаго торжества, благодаря шумному говору, топоту пьяныхъ ногъ, нескладнымъ пѣснямъ и визгливымъ звукамъ музыки, доносившимся къ нему черезъ полъ.

Чиновникъ Теряевъ даже въ качествѣ жениха не могъ удержаться отъ роковой первой рюмочки и поэтому все время находился въ пріятномъ полузабытьѣ.

У Коробкина невольно сжалось и заныло его молодое сердце, когда онъ увидѣлъ въ первый разъ Капочкинаго суженаго. Это былъ вихлястый субъектъ лѣтъ подъ тридцать, съ испитымъ и сморщеннымъ лицомъ, на которомъ слезилась пара сѣрыхъ мутныхъ глазъ; всего хуже у этого выжатаго, какъ тряпка, человѣка было то, что онъ корчилъ изъ себя важную особу и постоянно крутилъ черные щетинистые усики.

„Убить этого мерзавца...“—съ затаенной злобой подумалъ Коробкинъ и только теперь понялъ, какъ онъ сильно любилъ Капочку. Онъ уже видѣлъ ее блѣдной, страдающей женщиной, съ убитымъ, опущеннымъ взглядомъ,—и страшная, смертельная тоска охватила его сердце...

— Слава Тебѣ, истинному Христу...—вслухъ думала старая зиминская нянька Матрена, заглядывая въ каморку гимназиста.—Ты что же наверхъ-то не идешь? Ну, орѣшковъ бы погрызъ, али съ барышнями поигралъ... а?..

— Не хочется, Митревна...

— Какой ты, право, несообразный, паренекъ. Молодое дѣло; молодо-зелено, погулять велѣно... Охъ-хо-хо!.. Женишокъ-то нашъ не изъ мудрененькихъ, ну, да ужъ дѣло такое подошло—его счастье. Не видать бы ему нашей Капочки ни въ жисть, ежели бы не жисть-то наша темная.

А музыка пилила польки, кадрили, вальсы; десятки ногъ грузно шаркали надъ самой головой Коробкина, и каждая капля этого пьянаго веселья падала на его душу тяжелымъ камнемъ, вызывая слезы на глазахъ. Гибла молодая жизнь, а тутъ веселились десятки пьяныхъ негодяевъ... Коробкину дѣлалось страшно за разыгрывавшуюся надъ его головой драму, и онъ не могъ освободиться отъ знакомаго дорогого образа: Капочка стояла предъ его глазами, какъ живая, и съ печальной улыбкой смотрѣла на него. „Ты еще мальчикъ...“—шептали побѣлѣвшія губы Капочки.

Черезъ двѣ недѣли своего медоваго мѣсяца Капочка превратилась въ блѣдную, испуганную женщину, бродившую по дому, какъ тѣнь. Она вся точно застыла.

Черезъ полгода пьяный Теряевъ уже билъ жену.

Весь этотъ семейный адъ отдавался въ душѣ гимназиста Коробкина, который не разъ плакалъ безсильными слезами. Иногда онъ желалъ, чтобы чиновникъ Теряевъ лучше билъ его, гимназиста Коробкина, а не несчастную Капочку, и даже началъ чувствовать, что во всей этой исторіи виноватъ не кто другой, какъ все онъ же, т.-е. гимназистъ Коробкинъ.

Разъ онъ нечаянно встрѣтился съ Теряевымъ на дорогѣ и остановилъ его, не понимая хорошенько самъ, что̀ дѣлаетъ.

— Мнѣ необходимо переговорить съ вами...—пробормоталъ мальчикъ, краснѣя съ ушами.

— Что̀ вамъ у-угодно, млстивый гсдарь?—нахально спросилъ Теряевъ, пьяный вчерашнимъ похмельемъ.

— Я... я долженъ васъ предупредить... предупредить... однимъ словомъ, мы будемъ стрѣляться.

— Позвольте... что̀ такое: стрѣляться?.. Извините, молодой человѣкъ, я, кажется, ослышался... А позвольте, съ кѣмъ имѣю честь разговаривать?..

— Кто—все равно для васъ... Если вы не хотите стрѣляться, какъ стрѣляются порядочные люди, я назову васъ публично подлецомъ... побью палкой прямо по мордѣ!..

— Милый мальчикъ, за подобныя глупости вамъ слѣдуетъ нарвать уши...

Чиновникъ Теряевъ засмѣялся самодовольной пьяной улыбкой, а „милый мальчикъ“ готовъ былъ провалиться отъ стыда: врагъ попалъ въ самое больное мѣсто и одной фразой точно придавилъ его.

Они стояли одинъ противъ другого, а Коробкинъ не находилъ больше словъ.

— Вы гдѣ живете-то?—спросилъ Теряевъ.

— Въ домѣ Зимина...—машинально отвѣтилъ Коробкинъ.

— Ага... понимаю!..

Эта глупая мальчишеская выходка всей своей тяжестью обрушилась на Капочку. Теряевъ обрадовался неожиданной находкѣ и не давалъ женѣ прохода, попрекая гимназистомъ. Капочка выносила насмѣшки, побои, ругательства—и молчала, какъ окаменѣвшая.

Наступила глубокая осень. На поляхъ лежалъ уже снѣгъ; не осталось больше ни одной зеленой травки; мутная вода холодно чернѣла въ мертвыхъ берегахъ, и только одинъ осенній вѣтеръ, какъ воротившійся домой хозяинъ,

властно и шумно гулялъ кругомъ. Сосногорскъ совсѣмъ утонулъ въ грязи. На улицахъ тащились крестьянскія телѣги, брели чиновники на службу, съ крикомъ перелетали мокрыя галки съ одной крыши на другую... Осеннія ночи точно проглатывали городъ, и жалкіе фонари не могли бороться съ сгущавшейся около нихъ тяжелой и сырой мглой; провинціальный городъ засыпалъ рано, и только кое-гдѣ радужными пятнами выдѣлялись освѣщенныя окна,— это теплились семейные очаги, гдѣ, около одной лампы, по вечерамъ собиралась вся семья, или грязные кабаки, служившіе послѣднимъ пристанищемъ разному оборванному, жалкому люду.

Въ такую отчаянную погоду всѣ жмутся по своимъ угламъ, и незримо творится безконечная ткань человѣческой жизни съ ея радостями, напастями, весельемъ и слезами...

Сидитъ въ своей норѣ и гимназистъ Коробкинъ, сидитъ безъ конца надъ своими книжками и тетрадками и время отъ времени чутко прислушивается,— что дѣлается „тамъ“, наверху... Товарищей у него нѣтъ, да ему и не до товарищей: онъ слишкомъ привыкъ къ своему одиночеству и старается не думать о томъ, что ему скоро придется уѣхать изъ Сосногорска.

Гимназистъ Коробкинъ уже мечтаетъ о своемъ тепломъ углѣ и знаетъ самъ, что потихоньку да полегоньку выльзетъ въ люди. Одна Капочка является темнымъ пятномъ на этой прямой дорогѣ... Въ глазахъ Коробкина Капочка все еще лѣвочка, и онъ не можетъ видѣть въ ней чиновницу Теряеву.

По вечерамъ Коробкинъ долго засиживался у своего письменнаго стола и не замѣчалъ, какъ летѣло время. Разъ онъ засидѣлся особенно долго и совсѣлъ не слыхалъ, какъ отворилась дверь въ его каморку, какъ неслышными шагами вошла Капочка и горячо обняла его.

— Пришла проститься, миленькій гимназистикъ...—ласково прошептала она, продолжая обнимать смутившагося Коробкина.—Я не буду тебѣ мѣшать... уйду...

Капочка посидѣла въ каморкѣ гимназиста всего нѣсколько минутъ, тревожно оглядѣла ея бѣдную обстановку, сунула какую-то ленточку въ книги и проговорила съ грустной улыбкой:

— Хорошо у тебя здѣсь, милый гимназистикъ... А знаешь, о чемъ я думаю?

— О чемъ, Капочка?

— А вотъ о чемъ: изъ миленькаго гимназистика вырастетъ большой чиновникъ; у чиновника будетъ свой домъ, жена, дѣти... Какъ-нибудь, вотъ такъ же вечеромъ, соберутся всѣ за однимъ столомъ чай пить... ну, чиновникъ и вспомнитъ о глупой Капочкѣ, которая когда-то бѣгала къ нему въ каморку... Да?.. Капочка была не злая...

Капочка поболтала, посмѣялась и убѣжала, оставивъ на столѣ свою фотографію.

Коробкинъ понялъ значеніе этого неожиданнаго визита только утромъ на другой день, когда Капочку нашли въ рѣкѣ утопувшей...

И утонула-то Капочка не какъ другіе: рѣчонка была мелкая, и Капочка долго брела по ней по поясъ въ водѣ, пока попала въ настоящій омутъ...

Она лежала на столѣ такая тихая и спокойная, съ восковымъ лицомъ и строго сложенными губами. Гимназистъ Коробкинъ долго плакалъ въ своей каморкѣ надъ безвременно погибшей молодой жизнью, пока эта рана не затянулась житейской тиной, пескомъ и камешками.

V.

Смерть Лидочки напомнила Коробкину всю эту дѣтскую исторію съ трагической развязкой, и, благодаря сходству фотографій, онъ увидѣлъ таинственную связь между ними: одну онъ имѣлъ возможность спасти—и не спасъ; другую спасалъ всѣми возможными средствами—и не могъ спасти...

„Стоило тогда жениться на Капочкѣ, и все было бы другое...—разсуждалъ вслухъ Коробкинъ съ самимъ собой.—Нѣтъ, хотѣлъ сытой, обезпеченной жизни, хотѣлъ сдѣлать карьеру, а живой человѣкъ гибъ на глазахъ—это ничего! А оно вотъ и сказалось".

Передъ разстроеннымъ мозгомъ Коробкина съ поразительной ясностью встала ужасная картина его жизни, ужасная своей пустотой и безцвѣтностью... Ему теперь опротивѣлъ вдругъ собственный домъ и наполнявшее его до краевъ трудовое довольство,—тогда мальчишкой онъ испугался бѣдности, а теперь его давило это чиновничье богатство. Куда? Къ чему?.. Вся жизнь развертывалась передъ нимъ, какъ безконечная лента изъ маленькихъ глупостей, тщеславія, эгоизма и какой-то удручающей лжи. Ложь, ложь и ложь,—ложь безъ конца... Единственнымъ свѣтлымъ пятномъ въ этомъ мракѣ являлось мимолетное чувство къ Капочкѣ, которую онъ любилъ, но и это лучшее молодое чувство было растоптано собственными ногами въ угоду этому же чиновничьему счастью, пропитанному скукой и какимъ-то больничнымъ запахомъ.

Авдотья Егоровна, съ своей стороны, давно замѣтила происходившую въ мужѣ перемѣну и пробовала по-своему разогнать его тоску; но все было напрасно. Коробкинъ или отмалчивался, или улыбался такой странной улыбкой и постоянно бормоталъ:

— Нѣтъ, это не то... все не то, Дуня.

— Да что „не то-то", Павелъ Иванычъ?

— Ахъ, ты не поймешь...

Бѣдная женщина совсѣмъ начинала терять голову отъ новой напасти и со страхомъ прислушивалась къ тому, какъ Павелъ Иванычъ шагаетъ въ своемъ кабинетѣ изъ угла въ уголъ. На службу онъ ходилъ исправно, какъ всегда, но какъ придетъ домой—и началъ шагать по кабинету, точно онъ что потерялъ, и все что-то бормочетъ про себя.

Павелъ Иванычъ видѣлъ безпокойство жены и по-своему жалѣлъ ее, но объяснить ей все не рѣшался—и не пойметъ его, да и какъ-то было совѣстно: Коробкинъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ ней. Вѣдь онъ никогда не любилъ ее, а женился на ней изъ-за самыхъ подлыхъ побужденій, и, какъ ни рылся въ своей памяти,—ничего не могъ подыскать въ свое оправданіе. Конечно, онъ привыкъ къ ней, уважалъ ее, но вѣдь это все не то... Не было главнаго,—именно того, что освящаетъ жизнь, наполняетъ ее, вноситъ въ каждый шагъ глубокое и всепроникающее счастье; въ этомъ—тайна жизни, и каждый обманъ жестоко наказывается.

Откуда эти бѣдныя дѣти, жалкія тѣломъ и душой, на которыхъ съ перваго дня рожденія ложится печать какого-то проклятія?..

Отчего истинныя дѣти любви при самой неблагопріятной обстановкѣ цвѣтутъ, какъ здоровое растеніе?

Да, природа безжалостна и разоблачаетъ всякую ложь, какъ физическую, такъ и душевную...

Идея возмездія засѣла въ голову Павла Иваныча, какъ желѣзный гвоздь, и не давала ему покоя...

Мысль разрасталась.

Выяснивъ свое собственное положеніе, Коробкинъ понялъ всѣхъ другихъ людей и еще больше ужаснулся за все то, что творится кругомъ него. Онъ хорошенько не могъ и самъ дать себѣ отчета, какъ въ его головѣ укладывалось все это; но мысль работала и работала, какъ заведенная машина, и неудержимо влекла его впередъ, отъ одного вывода къ другому. Въ концѣ концовъ Коробкину сдѣлалось страшно за другихъ, за ихъ жизнь, за вѣчный самообманъ, за общую слѣпоту...

Разъ, проснувшись ночью и раздумавшись на эту безконечную тему, Коробкинъ зарыдалъ,—такъ ему сдѣлалось жаль себя, жены, всѣхъ другихъ...

— Что съ тобою, Павелъ Иванычъ?—спрашивала проснувшаяся Авдотья Егоровна. Эти дѣтскія слезы рѣзнули ее прямо по сердцу.—Господи, да что же это такое!.. Павелъ Иванычъ, голубчикъ, что это съ тобой?..

Она зажгла лампу и принялась утѣшать мужа, который продолжалъ плакать и не стыдился собственныхъ слезъ.

Наконецъ онъ успокоился, умылся и чистосердечно разсказалъ женѣ все, что онъ передумалъ и перечувствовалъ за все это время, какъ умерла Лидочка. Нѣсколько разъ во время разсказа онъ пытливо вглядывался въ лицо жены и со страхомъ начиналъ сознавать, что она его не понимаетъ, т.-е. что онъ, Коробкинъ, не можетъ и не умѣетъ передать ей всего того, что самъ такъ хорошо передумалъ и перечувствовалъ...

— Ты меня не понимаешь, Дуня?—спросилъ онъ нерѣшительно...

— Не все, голубчикъ... Я вѣдь простая женщина и, пожалуй, всего-то не пойму... учености разныя.

Павелъ Иванычъ чувствовалъ, что жена говоритъ не то, что думаетъ: она его признаніе приняла, какъ бредъ сумасшедшаго, и только изъ сожалѣнія къ его душевному состоянію не противорѣчила ему. Онъ печально опустилъ голову и нѣсколько времени молчалъ.

— При чемъ тутъ эта Капочка?—спрашивала Авдотья Егоровна, пытливо глядя въ лицо мужу.—А ужъ Лидочку ты, пожалуйста, не запутывай сюда: это ужъ совсѣмъ нехорошо...

— Да, да... Я и самъ такъ же сначала думалъ... Но вѣдь ты только вникни, Дуня, во все то, какъ оно шло... Не оттого же Лидочка наша умерла, что не надѣла шарфа?.. Такъ?.. Въ жизни есть глубокій внутренній смыслъ, который открывается только избраннымъ, а обыкновенные люди, такіе, какъ мы съ тобой,—все объясняютъ разными шарфиками... Вотъ я и додумался... Ты вѣдь меня тоже не любила, когда выходила за меня замужъ, какъ и я,—ну, а это несправедливо... Мы думаемъ обмануть природу, а она вотъ и сказалась... Такъ и вездѣ. Отчего всѣ эти больные съ дѣтства, идіоты, сумасшедшіе, пьяницы, воры, разбойники, развратники? Это природа мститъ людямъ... да...

— Ну, это твое дѣло, а только я тебя любила, Павелъ Иванычъ,—обиженно заявила Авдотья Егоровна и даже заплакала.—Ты только напрасно меня обижаешь... какую-то Капочку придумалъ... Кто тебѣ мѣшалъ жениться на ней? Ну, и женился бы, и наплодилъ бы ницихъ, да и маялся съ ними...

Авдотью Егоровну прорвало, и она высказала мужу цѣлый рядъ горькихъ истинъ. Павелъ Иванычъ слушалъ ее молча и только чуть-чуть хмурился: его откровенность только отдалила отъ него жену.

Вечеромъ того же дня въ домѣ Коробкина появился знакомый уже намъ старичокъ-докторъ, лѣчившій Лидочку. Онъ долго и внимательно разсуждалъ съ Павломъ Иванычемъ, вызывая его на откровенность. Коробкинъ понялъ,

зачѣмъ пришелъ этотъ добрый старичокъ и зачѣмъ такъ внимательно онъ смотритъ на него; это какъ-то кольнуло Павла Иваныча, и онъ откровенно разсказалъ старичку всѣ свои сомнѣнія.

— Да, да... такъ,—соглашался докторъ, наклоняя голову на одинъ бокъ.

— Вы меня понимаете, докторъ?—радовался Коробкинъ.

— Кажется, начинаю понимать... да, да...

Доктора позвала Авдотья Егоровна, чтобы освидѣтельствовать тронувшагося мужа, и съ нетерпѣніемъ ожидала конца этой затянувшейся бесѣды.

Она поймала уходившаго доктора уже въ передней и нѣмымъ взглядомъ спросила, какъ онъ нашелъ мужа,

— Плохо...—прошепталъ старичокъ, разставляя руки. —Одностороннее тихое помѣшательство... самый опасный видъ душевныхъ болѣзней.

1885.

ОНЪ.

I.

Разъ... разъ... разъ... Стѣнные часы, висѣвшіе въ коридорѣ, пробили шесть часовъ. Благодаря особому приспособленію въ механизмѣ, они били такъ осторожно и тихо, точно боялись кого-то разбудить или исторопить. Да, здѣсь время имѣло свое страшное значеніе, какъ будто какая-то невидимая рука отмѣривала его по каплямъ, какъ самую драгоцѣнную эссенцію. Тамъ, за этой стѣной, на которой висѣли часы, жизнь катилась широкой волной, тамъ летѣли дни, недѣли, мѣсяцы и годы, не вызывая мысли о томъ, что каждый день—день итога, день посѣщенія, день послѣдняго отвѣта, и что съ каждымъ закатывавшимся солнцемъ отрывался лучшій листъ изъ книги жизни. Тикъ-такъ... тикъ-такъ... тикъ-такъ!.. Здѣсь каждый ударъ маятника точно подталкивалъ кого-нибудь къ страшной пропасти уничтоженія, и стѣнные часы были неумолимы, какъ верховный судья, обязанностью котораго было подписывать смертные приговоры. Тикъ-такъ... Тикъ-такъ...

Коридоръ былъ высокій и свѣтлый, изъ него направо и налѣво вели двери въ отдѣльныя комнаты, помѣченныя номеромъ. Когда часы пробили шесть, дверь напротивъ неслышно отворилась, и на порогѣ показалась средняго роста сѣдая старушка въ бѣломъ чепцѣ и съ серебрянымъ крестомъ на груди. Она, прищурившись, посмотрѣла на часы, точно не довѣряла своимъ ушамъ, и неслышной походкой отправилась въ другой конецъ коридора, гдѣ была выходная лѣстница. Она шла очень бодро, придерживая лѣвой рукой широкій уголъ чепца. Поровнявшись съ дверью № 3, она остановилась и долго прислушивалась. Сморщенное лицо старушки получило какое-то особенно хорошее выраженіе, именно въ этотъ моментъ въ немъ, какъ на живомъ экранѣ, проступало такое женски-хорошее, любовно-заботливое настроеніе. Оно дѣлалось красивымъ, несмотря на морщины и поблекшій цвѣтъ кожи, точно освѣщалось какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, какъ освѣщаются темныя глубины земныхъ нѣдръ фонаремъ рабочаго-шахтера.

— Ничего... Слава Богу!—прошептали поблекшія губы, и старушка торопливо отправилась къ лѣстницѣ.—Если бы еще два такихъ хорошихъ дня... Только два дня...

Въ этотъ часъ во всѣхъ номерахъ было тихо, и только изъ одного доносилась рыдающая нота слабаго дѣтскаго голоса. Старушка нахмурила брови, сдѣлала нервное движеніе плечомъ и быстро начала спускаться по широкой лѣстницѣ. На первой площадкѣ она остановилась и черезъ перила посмотрѣла внизъ, гдѣ у двери на дубовомъ стулѣ дремалъ сѣдой швейцаръ, отставной николаевскій кирасиръ. Старикъ услышалъ шаги и отвѣтилъ на нѣмой вопросъ:

— Еще не приходилъ онъ-то, сестра.

Тряхнувъ остриженной подъ гребенку головой, онъ прибавилъ увѣреннымъ тономъ:

— Придетъ... Не сумлѣвайтесь, сестра.

Старушка отправилась назадъ съ недовольнымъ видомъ. Ей хотѣлось, чтобы *онъ* сегодня пришелъ...

Она опять остановилась у дверей 3 номера и опять прислушалась—тамъ все было тихо. Въ этотъ моментъ въ коридорѣ послышались осторожные, но тяжелые шаги. Наконецъ-то! Къ старушкѣ подошелъ мужчина среднихъ лѣтъ съ красивой курчавой головой. Онъ молча пожалъ ей руку и спросилъ одними глазами, такими умными, ласковыми глазами.

— Мы ведемъ себя отлично...—шопотомъ отвѣтила сестра.

Они пошли въ дежурную, которая была противъ коридорныхъ часовъ. Это была свѣтлая и большая комната, обставленная съ какимъ-то казеннымъ комфортомъ. О, какъ онъ зналъ эту комнату до послѣдней мелочи! Вотъ круглый большой столъ посрединѣ, обтянутый клеенкой, вотъ широкій клеенчатый диванъ, два такихъ же кресла, въ углу дубовый шкапъ, въ другомъ этажерка—да, все это было такое знакомое, почти родное. Долгіе-долгіе часы онъ сидѣлъ здѣсь и, какъ больной, выучивалъ каждую мелочь: форму мебели, окраску стѣнъ, отдувшійся въ одномъ мѣстѣ паркетъ, стоявшія въ шкапу банки и склянки, даже пятна и царапины на клеенкахъ. Эти нѣмые свидѣтели говорили о томительномъ ожиданіи, о внутренней мукѣ, о боявшейся самой себя надеждѣ. Къ чему онъ не могъ привыкнуть, такъ это къ тому воздуху, который утвердился здѣсь, несмотря на всѣ ухищренія вентиляціи и дезинфекціи, — воздухъ былъ совершенно особенный, сухой и тяжелый, пропитанный какимъ-то больнично-наркотическимъ запахомъ. Этотъ запахъ преслѣдовалъ его потомъ всю остальную часть дня, точно онъ уносилъ его въ складкахъ своего платья и самъ пропитывался имъ. Иногда вечеромъ онъ даже вздрагивалъ отъ ощущенія именно этого запаха, потому что вмѣстѣ съ нимъ, какъ молнія, проносился цѣлый рядъ мучительныхъ картинъ.

— Мы ведемъ себя отлично, Петръ Степанычъ,—повторила сестра, усаживаясь въ кресло.

Онъ зналъ, что она сядетъ именно *въ это* кресло, сядетъ немножко бочкомъ, оправитъ темное платье и приметъ позу человѣка, приготовившагося васъ слушать.

— Сестра Антонина, вѣдь это было послѣднее средство, на которое разсчитывалъ Ѳедоръ Ѳедорычъ?

— О, да... Вы знаете, какъ онъ внимателенъ ко всѣмъ больнымъ, а къ нашей бѣдняжкѣ въ особенности.

— Можетъ-быть, потому, что это особенно рельефный случай? Впрочемъ, это такъ... Я очень-очень благодаренъ.

Когда онъ говорилъ, его лицо оживлялось такой красивой энергіей. Сестра Антонина любила самый голосъ, мягкій и вмѣстѣ сильный, и часто удивлялась про себя, что онъ умѣлъ говорить самыя обыкновенныя и простыя вещи съ какой-то особенной убѣдительностью. Хотѣлось его слушать, слушать и смотрѣть на это типичное мужское лицо. Недаромъ женщины сходили съ ума отъ этихъ глазъ и отъ этой увѣренно-вызывающей улыбки... О, много было этихъ женщинъ, которыя ласкали вотъ эту курчавую голову, цѣловали эти умные глаза и потомъ горько оплакивали свои ошибки. Петръ Степанычъ былъ немножко избалованъ и не могъ разстаться съ нѣкоторыми деспотическими привычками по отношенію къ женщинамъ, даже несмотря на

свои роковыя сорокъ лѣтъ. Сестра Антонина слыхала даже въ своемъ уединеніи о подвигахъ Петра Степаныча и не обвиняла бѣдняжекъ-женщинъ. Кого же имъ было и любить, какъ не этого баловня? Вѣдь его всѣ знали и всѣ любили—цѣлая Россія. Каждая мысль, которая зарождалась въ этой головѣ, каждое душевное настроеніе расходилось широкими лучами, всѣхъ захватывало и отражалось выдающейся популярностью. Вотъ и сейчасъ—какъ Петръ Степанычъ умѣлъ даже просто молчать... Сестра Антонина наблюдала на этомъ удивительномъ лицѣ проступавшую боязнь повѣрить ея словамъ,—бѣдняжка слишкомъ намучился и боится собственнаго чувства. Да, онъ сидитъ съ ней, тотъ онъ, общества котораго искали, добивались самыя красивыя женщины; онъ сидитъ съ ней, простой сестрой, и смотритъ на нее такимъ глубокимъ и покорнымъ взглядомъ. Потомъ онъ заговоритъ и возьметъ ее за руку—это была его дурная привычка, погубившая не одно женское имя.

— А у насъ поступилъ интересный случай въ пятый номеръ...—заговорила сестра, чтобы отклонить наболѣвшую мысль отъ мертвой точки.—Представьте себѣ, Петръ Степанычъ, мальчикъ всего семи лѣтъ, а у него водянка колѣннаго сустава, усложненная...

— Ахъ, ради Бога, не разсказывайте!.. Это ужасно... Я впередъ знаю, что вашъ интересный случай безнадеженъ. Поймите, сколько иронiи у васъ въ самой терминологiи: *интересный*... Сколько у васъ такихъ интересныхъ случаевъ?

— Да около полутораста человѣкъ.

— О, бѣдныя, бѣдныя дѣточки!—какъ-то застоналъ Петръ Степанычъ, хватаясь за голову.—Вы меня мучите, сестра...

— Ну, не буду... Я это такъ, по привычкѣ.

— По привычкѣ?—повторилъ онъ съ горькой улыбкой.—Развѣ можетъ быть привычка ко злу, къ несправедливости, къ тѣмъ ужасамъ, которыми пропитаны вотъ эти стѣны?..

Онъ говорилъ и въ то же время прислушивался, прислушивался по усвоенной за послѣдніе мѣсяцы привычкѣ. Сестра замолчала, машинально разсматривая его костюмъ. Онъ приходилъ каждый день въ другомъ костюмѣ, но ей казалось, что онъ былъ всегда въ одномъ—такъ все было пригнано подъ особый стиль. Вѣдь онъ не думалъ о своихъ костюмахъ и одѣвался даже небрежно, съ нѣкоторой мѣшковатостью, какъ одѣваются старые московскіе бары, а между тѣмъ уже по костюму можно было сказать, что это не простой человѣкъ. Вотъ и сегодня: простая синяя визитка, какой-то модный пестрый жилетъ, пестрый галстукъ придавали ему кокетливо-молодой видъ и на другомъ показались бы смѣшными, а къ нему все шло. Сестра прибирала въ умѣ новую тему для разговора, какъ часы въ коридорѣ пробили семь.

— Еще полчаса...—проговорила сестра, подчеркивая свои слова выразительнымъ взглядомъ.—Только полчаса...

По его лицу промелькнула легкая тѣнь, и онъ съ тоской посмотрѣлъ въ окно, позолоченное лучами закатывавшагося солнца. Только полчаса... Боже мой, всего полчаса! Если эти роковые полчаса пройдутъ, тогда все спасено. Время, лети... Что такое полчаса: земля должна въ это время повернуться на своей оси на разстояніе одной сорокъ восьмой своего экватора—вотъ что такое полчаса. Только полчаса... И больше не повторится припадокъ, и она будетъ спасена. Что такое полчаса? Это одна изъ категорій нашего мышленія, условная мѣра, представленіе нашего бѣднаго мозга, вещь несуществующая въ природѣ, потому что природа не знаетъ цифръ...

Онъ машинально вынималъ простенькіе черные часы и машинально ихъ пряталъ, а потомъ опять вынималъ, сжимая въ рукѣ, точно хотѣлъ выдавить изъ нихъ эти проклятые полчаса. А тамъ въ дѣтскомъ организмѣ незримо работала страшная разрушающая сила... медленно и безповоротно, какъ самый тонкій ядъ, дѣлая изъ жизни большую безсмыслицу. И нѣтъ другой силы, которая могла бы бороться съ этимъ разрушеніемъ. Человѣческій умъ, какъ нищій, гордится своимъ кошелемъ съ милостыней жалкаго знанія, а тутъ цѣлая система взаимодѣйствующихъ причинъ и слѣдствій, проявленіе которыхъ мы можемъ видѣть только въ обидно-грубой формѣ. Да... Но есть святая наука, есть вѣра въ знаніе, и, можетъ-быть, пройдетъ какихъ-нибудь десять лѣтъ, какъ она найдетъ это средство. А къ чему это средство, когда маленькой жизни уже не будетъ?.. Къ чему свѣтъ этого блуждающаго огонька, когда не будетъ глаза, который могъ бы его видѣть?..

Пять минутъ... Только пять минутъ прошло! А впереди еще цѣлыхъ двадцать пять... Проклятое время точно остановилось. Знаете, что? Время самая ужасная несправедливость, несправедливость стихійная, которая давитъ и уничтожаетъ насъ, все уничтожаетъ и ничего не даетъ. Цѣлыхъ двадцать пять минутъ... Нѣтъ, извините, только двадцать четыре минуты, даже двадцать три минуты съ половиной. Онъ теперь слѣдилъ уже за движеніемъ секундной стрѣлки, точно она вращалась въ его сердцѣ, а ухо ловило эти роковыя тикъ-такъ! тикъ-такъ!.. Въ обыкновенное время онъ не могъ бы разслышать этого тиканья на вдвое меньшемъ разстояніи, а теперь часовой маятникъ ходилъ у него въ ухѣ... А тамъ, дома, его ждетъ срочная работа— вѣдь онъ всю жизнь шелъ по скаковому кругу и приходилъ къ призовому столбу первымъ. Да, работа, та работа, которая дала ему имя, извѣстность, почетъ... А съ какой радостью онъ отдалъ бы все это вотъ за эти роковыя двадцать три минуты съ половиной! Вѣдь ему завидуютъ... Несчастные, посмотрите, какой онъ жалкій и ничтожный сейчасъ и какъ онъ проклинаетъ сейчасъ собственную славу!.. Уже предъявленъ первый векселъ, выданный подъ нее.

— Еще двадцать минутъ...—проговорила старушка, глядя на свои серебряные часы.

Три минуты выиграно... Его часы отстали на цѣлыхъ три минуты, а счетъ идетъ по часамъ сестры. Вѣдь припадки повторялись именно по ея часамъ изъ минуты въ минуту... Всего только двадцать минутъ!.. Онъ чувствовалъ, что у него во рту сухо, что руки похолодѣли, что въ глазахъ то особенное ощущеніе, будто воздухъ сдѣлался влажнымъ, что сердце начинаетъ биться съ какимъ-то терпкимъ чувствомъ, точно оно задѣваетъ за что-то, что въ колѣняхъ пробѣгаетъ холодной струйкой нервная дрожь...

Семнадцать минутъ... Тикъ-такъ! тикъ-такъ!..

У него на лбу выступилъ холодный потъ. Онъ хотѣлъ подняться, чтобы собственнымъ движеніемъ ускорить ходъ этихъ минутъ, но въ этотъ моментъ въ коридорѣ послышались быстрые шаги. Сестра вздрогнула. Ее точно кто ударилъ... Въ дежурную быстро вошла сидѣлка и молча посмотрѣла на сестру испуганными, округлившимися глазами. Онъ поблѣднѣлъ, пошатнулся и схватился за столъ, чтобы не упасть.

— Началось...

Стѣнные часы въ коридорѣ медленно и торжественно отмѣривали секунды, отрѣзывая всепожирающее время микроскопическими кусочками.

Тикъ-такъ! тикъ-такъ!..

II.

Первое, что бросилось въ глаза Петру Степанычу, когда они вошли въ третій номеръ, это судорожныя метанія одѣяла, подъ которымъ лежала больная дѣвочка. Такого сильнаго припадка еще не бывало. Бѣдняжку подбрасывало на полъ-аршина съ убійственной правильностью. Растерявшаяся сидѣлка напрасно старалась удержать это прыгавшее одѣяло.

— Таня... Таня... Таня...—шепталъ Петръ Степанычъ, напрасно стараясь сохранить спокойный видъ.

Въ отвѣтъ ему улыбнулось такое блѣдное, почти прозрачное дѣтское личико. Она его узнала, и только по выраженію этихъ дѣтскихъ глазъ онъ чувствовалъ, какъ тяжело бѣдняжкѣ. Да, очень тяжело, а она такъ стоически переносила эти ужасные припадки.

— Папа, скоро... все... пройдетъ...—шептали побѣлѣвшія дѣтскія губы.— Да... скоро... я опять засну...

Сестра Антонина растерянно суетилась около больной, помогая сидѣлкѣ удержать судорожныя движенія дѣтскаго тѣльца. Больной было двѣнадцать лѣтъ, но это дѣтское личико казалось старше. И какое красивое личико, такое интеллигентное, обрамленное живой волной русыхъ кудрей! Большіе глаза смотрѣли съ отцовской ласковостью.

— Что же это такое?—какъ-то крикнулъ Петръ Степанычъ, не обращаясь ни къ кому въ частности.—Таня... Таня... Таня...

Онъ въ ужасѣ закрылъ лицо руками и не сопротивлялся, когда чья-то рука взяла его за рукавъ и усадила на какую-то табуретку. Боже мой, за что?.. Чѣмъ виновата вотъ эта несчастная дѣвочка?.. А страшная сила продолжала свое дѣло... Онъ слышалъ, какъ стучала кровать, и ему казалось, что колышется вся комната, и что самъ онъ повторяетъ общее движеніе.

— А это ничево...—проговорилъ знакомый голосъ главнаго врача дѣтской клиники, Ѳедора Ѳедоровича.—Зовсѣмъ ничево... Маленькаго непріятность.

Это былъ послѣдній обманъ отъ „дорогого хлѣба науки“, и Петръ Степанычъ крѣпко стиснулъ зубы. Къ чему еще этотъ обманъ, когда все кончено и смерть уже виситъ въ воздухѣ? Вотъ она здѣсь, совсѣмъ близко... Петръ Степанычъ возненавидѣлъ Ѳедора Ѳедоровича, который со своею ученостью ничего не стоилъ. Какая возмутительная увѣренность...

— Ничево.. Мы еще немношко попрыгаемъ, а потомъ будитъ заснуть... да?..

— Я васъ... не люблю...—шептала больная, стараясь отвернуть свое личико къ стѣнѣ.

— О, благодаримъ къ вамъ, Fräulein... Ничево...

Петръ Степанычъ удержался, чтобы не высказать чѣмъ-нибудь душившаго его негодованія. Да и надутый нѣмецъ все равно ничего не пойметъ... Когда онъ открылъ глаза, то увидѣлъ только бѣлую деревянную ширмочку, которая отдѣляла его отъ совершавшейся трагедіи. Изъ-за этой ширмочки выдавалась только широкая нѣмецкая спина Ѳедора Ѳедоровича,—онъ наклонился надъ больной. Эта ширмочка, заслонявшая отъ больной яркій дневной свѣтъ, каждый разъ почему-то возбуждала въ Петрѣ Степанычѣ страшное непріязненное чувство, какъ механическое препятствіе, которое хочется устранить не руками, а всѣмъ тѣломъ. Вѣдь смѣшно ненавидѣть неодушевленный предметъ, а между тѣмъ Петръ Степанычъ уже нѣсколько разъ просилъ

сестру убрать эту ширмочку, точно она служила какой-то роковой гранью, отдѣлившей навсегда все хорошее, то хорошее, что̀ оставалось тамъ, вотъ за этимъ окномъ. Въ нѣкоторыхъ положеніяхъ нѣтъ мелочей... Такъ было и сейчасъ.

— О, зовсѣмъ ничево... Маленькій терпѣніе, маленькій усиліе, маленькій сили воли...—бормоталъ Ѳедоръ Ѳедорычъ, что-то быстро и рѣшительно дѣлая своими руками.

— А гдѣ папа?—спросилъ слабый дѣтскій голосъ.—Папа... иди сюда... ближе... держи меня за руку...

Ѳедоръ Ѳедорычъ уступилъ мѣсто, поморщился и сердито посмотрѣлъ на сестру. Для чего эти нѣжности?.. Нужно исполнять свой долгъ и не нужно напрасно тревожить больную. У всякаго свой долгъ, даже у человѣка, котораго ведутъ на казнь.

Петръ Степанычъ съ трудомъ подошелъ къ кровати и почувствовалъ какой-то ужасъ, когда въ его сильной мужской рукѣ запрыгала эта слабая дѣтская ручка. Какъ ужасно бьется это беззащитное дѣтское тѣльце, точно его подбрасываетъ неумолимо-злая сила. И самое страшное — полная беззащитность такого маленькаго существа. Вѣдь больной человѣкъ не возбуждаетъ такого щемящаго сожалѣнія.

— Таня... Таня...

Онъ опустился на колѣни и зарыдалъ, покрывая поцѣлуями прыгавшую восковую ручку. Господи, за что? Это наконецъ несправедливо... Да, несправедливо. Ѳедоръ Ѳедорычъ отвернулся къ окну, заложивъ руки за спину. О, эти русскіе люди, они совсѣмъ не понимаютъ, что̀ такое долгъ!.. Въ комнатѣ слышался мѣрный стукъ кровати да судорожныя рыданія Петра Степаныча. Сидѣлка попрежнему ловила свалившееся одѣяло и смотрѣла на Ѳедора Ѳедорыча какими-то оторопѣлыми глазами.

Разъ... разъ... разъ. Часы въ коридорѣ пробили восемь.

— Папа, вотъ и конецъ... Я сейчасъ засну,—прошептала Таня, съ трудомъ перекатывая свою головку на подушкѣ.

Пароксизмъ быстро проходилъ. Движенія сдѣлались медленнѣе. Таня закрыла глаза и крѣпко ухватилась за руку отца, точно боялась, что улетитъ.

— Папа, ты не ходи... Слышишь?

— Слышу, дѣточка... Я буду здѣсь, моя радость.

Дѣвочка взглянула на него, улыбнулась и точно распустилась. Ѳедоръ Ѳедорычъ подошелъ къ кровати, взялъ руку Тани, поднялъ ее — рука точно застыла. Дальше онъ поднялъ головку, и головка сохранила свою позу.

— Контрактура... — замѣтилъ Ѳедоръ Ѳедорычъ громко, точно утѣшая самого себя.—Она заснула.

Петръ Степанычъ посмотрѣлъ на него злыми глазами и поднялся. Несчастный нѣмецъ радовался, что дѣвочка умирала по всѣмъ правиламъ науки... Затѣмъ они вмѣстѣ вышли въ коридоръ и вмѣстѣ прошли въ дежурную, не говоря ни слова. Ѳедоръ Ѳедорычъ медленно досталъ портсигаръ и закурилъ толстую папиросу. Эта медленность и эта папироса окончательно возмутили Петра Степаныча.

— Скажите, пожалуйста, докторъ...—заговорилъ онъ, задыхаясь отъ волненія.—Все кончено? Ради Бога, скажите правду...

— Я не Богъ, Петръ Степанычъ... Я пустилъ въ оборотъ самый послѣдній средство науки!..

— Ахъ, не нужно науки!.. Ничего не нужно... Я все понимаю. Ахъ, Боже мой, Боже мой!..

Схватившись за голову, Петръ Степанычъ забѣгалъ по комнатѣ. Докторъ его наблюдалъ, прищуривъ свои узкіе темные глазки. Его толстое, гладко выбритое лицо ничего не выражало, и Петръ Степанычъ ненавидѣлъ его сейчасъ за это окончѣвшее душевное равновѣсіе, ненавидѣлъ до того, что старался не смотрѣть на него.

— Докторъ, неужели же нѣтъ больше никакого средства?.. Вѣдь медицина существуетъ тысячи лѣтъ... вѣдь для нея работали геніальные люди... Наконецъ, опытнымъ путемъ добыты милліоны фактовъ... и вдругъ ничего!..

Ѳедоръ Ѳедорычъ съ сожалѣніемъ приподнялъ брови и молча развелъ руками.

— Докторъ, я знаю, что вы семейный человѣкъ... Вы любите своихъ дѣтей... Спасите мою дѣвочку!..

Это была логика безумства. Квадратное лицо Ѳедора Ѳедорыча сдѣлало усиліе измѣнить долгу, но изъ этого ничего не вышло. Да, онъ любитъ своихъ дѣтей и знаетъ, что̀ такое отчаяніе. Вотъ здѣсь, въ этой дежурной, къ нему тянулись съ мольбой дрожавшія руки, здѣсь рыдали неутѣшныя матери, здѣсь не одна женщина падала передъ нимъ на колѣни, умоляя спасти ея ребенка, и Ѳедоръ Ѳедорычъ измѣнялъ своему долгу, т.-е. начиналъ жалѣть здоровыхъ родителей, тогда какъ его время принадлежало всецѣло больнымъ дѣтямъ. Такъ было и сейчасъ.

— Докторъ, поймите, вѣдь она у меня одна... Если Таня умретъ, у меня ничего не останется!..

Докторскія руки сдѣлали широкій жестъ, точно онѣ ловили въ воздухѣ что-то необъятное.

— Вашъ Таня даетъ мнѣ на нервы... — проговорилъ наконецъ Ѳедоръ Ѳедорычъ, стараясь попасть въ тонъ отцовскому горю.—Мой клиникъ — моя семья, а вашъ Таня даетъ мнѣ на нервы... Я самъ прыговалъ подъ свой одѣяло, когда придумывалъ вашъ Таня. А теперь мы съ вами, какъ одинъ уравненіе съ двумя незнакомыми... да.

— Вы говорите глупости,—рѣзко оборвалъ его Петръ Степанычъ.—Да, глупости...

— Я? О, вы много себѣ позволяйтъ...

— Что̀ вы кричите на меня?!.

— Нѣтъ, вы кричитъ...

Произошла очень горячая и очень глупая сцена, причемъ Петръ Степанычъ даже схватилъ доктора за бортъ сюртука. Ѳедоръ Ѳедорычъ покраснѣлъ и быстро заговорилъ по-нѣмецки:

— Вы—сумасшедшій человѣкъ... Я приказалъ бы васъ вывести, если бы не уважалъ себя. Да...

Этотъ діалогъ былъ прерванъ появленіемъ сестры Антонины. Она безъ объясненій поняла, въ чемъ дѣло, взяла Петра Степаныча подъ руку, усадила на диванъ и подала воды.

— Не слѣдуетъ волноваться, голубчикъ...

Петръ Степанычъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на доброе старое лицо и точно проснулся. Его отрезвило одно это слово: голубчикъ. Онъ залпомъ выпилъ стаканъ, застегнулъ визитку и, протягивая руку доктору, проговорилъ:

— Простите меня, докторъ... Я совсѣмъ потерялъ голову отъ горя.

— О, мнѣ это даетъ на нервы... Но я понимайтъ...

Докторъ добродушно улыбнулся и крѣпко пожалъ протянутую руку. Затѣмъ онъ сдѣлалъ сестрѣ таинственный знакъ глазами и направился къ двери.

— Докторъ, вы уходите? — взмолился Петръ Степанычъ, вскакивая. — Ради всего свѣтого, не оставляйте ее.

Но докторъ уже былъ за дверью, и Петръ Степанычъ только застоналъ, сжавъ кулаки. Сестра опять усадила его на диванъ.

— Нельзя волноваться, голубчикъ...

— Нѣтъ, я убью этого мерзавца!.. Это палачи... это живодеры...

— Петръ Степанычъ, вы несправедливы. Ѳедоръ Ѳедорычъ прекрасный человѣкъ, очень добрый и очень знающій.

— Зачѣмъ онъ ушелъ?.. Нѣтъ, не ушелъ, а убѣжалъ. Такъ дѣлаютъ только трусы и подлецы...

— Вы несправедливы, голубчикъ. Сейчасъ дѣло не въ докторѣ и не въ васъ, а въ той, которая вотъ за этой стѣной. Будьте мужественны... Скоро можетъ все кончиться. Она уже не нуждается ни въ чьей помощи, кромѣ Божьяго милосердія.

— Она умираетъ?..

— Сейчасъ — нѣтъ, но каждый новый припадокъ можетъ кончиться смертью.

Онъ посмотрѣлъ на нее ничего не понимающими глазами, хотѣлъ подняться, но безсильно упалъ на диванъ и глухо зарыдалъ. Она сѣла рядомъ, обняла его и старалась посадить. Но слабыя женскія руки никакъ не могли поднять это крѣпкое мужское тѣло.

— Таня... Таня... Таня...

— Ей больше ничего не нужно, вашей Танѣ... Соберите все свое мужество, Петръ Степанычъ.

— Ахъ, сестра, сестра... милая сестра...

Онъ неожиданно схватилъ ея руки и началъ ихъ цѣловать. Старушка никакъ не ожидала этого и только чувствовала, какъ по рукамъ у нея катятся его слезы.

— Милая, родная, это я виноватъ... да!—шепталъ онъ, не выпуская ея рукъ. — Понимаете: я!.. Развѣ такіе люди могутъ имѣть здоровыхъ дѣтей?.. Вѣдь съ ранней юности я жилъ одними нервами... Это была отчаянная скачка за успѣхомъ, за популярностью, за славой. И я добился... Да. Добился тогда, когда этотъ успѣхъ уже былъ тяжелъ... Онъ меня даже не радовалъ, потому что и радость была тяжела. Я могъ только работать для новаго успѣха... Это опасный путь, когда свое личное счастье мѣняется на карьеру. Я пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ, но и это не доставляло удовлетворенія. Такъ, сладкое безуміе... порывъ... А въ результатѣ—горькій осадокъ... и опять тяжесть... Оставался одинъ внѣшній человѣкъ, внѣшнія формы, а живого, здороваго человѣка не было.

Наступила пауза. Петръ Степанычъ поднялся, выпрямился, точно желая что-то стряхнуть съ себя, потомъ залпомъ выпилъ стаканъ воды и быстро зашагалъ по комнатѣ. Сестра наблюдала за нимъ своими добрыми глазами.

— Петръ Степанычъ, извините нескромный вопросъ: гдѣ ваша жена?.. Т.-е. я хочу сказать—мать Тани...

— Мать Тани? — повторилъ онъ, нахмурившись.—Она сейчасъ за границей... Мы разошлись уже давно, какъ это нынче встрѣчается на каждомъ шагу. Т.-е. мы сдѣлали благоразумное, чтобы не отравлять жизнь другъ другу. Я ни въ чемъ не обвиняю жену, потому что причины болѣзни Тани во мнѣ... Ахъ, сестра, если бы вы знали, какъ я безумно тратилъ свои силы! Сколько насъ, такихъ талантовъ, изжившихъ свои нервы, сердце, душу—все. Мы все отдаемъ ея величеству публикѣ за чечевичную похлебку популярности, а для

себя, для своего личнаго счастья не оставляемъ ничего. Мы живемъ за счетъ своихъ дѣтей, о которыхъ меньше всего думаемъ, когда даемъ имъ жизнь. Нѣтъ, это ужасно, ужасно... Виноватъ, вы не были замужемъ?

— Нѣтъ...

— О, въ такомъ случаѣ мы будемъ говорить на разныхъ языкахъ. Вы меня не поймете... Это нужно пережить.

Онъ съ тоской посмотрѣлъ на нее. Ему такъ хотѣлось исповѣдаться и разсказать все, все...

III.

Но это былъ опять порывъ... Онъ исповѣдался, все-таки испытывая какое-то болѣзненное удовольствіе разсказать вотъ этой старой дѣвушкѣ, горько затаившей въ себѣ неизжитую жизнь, все то, что даетъ молодость, красота, талантъ. Въ клинической дежурной пронесся призракъ любви, призракъ жизни, призракъ счастья... А какъ онъ хорошо умѣлъ разсказывать!.. Онъ ничего не утаилъ и очертилъ всѣ свои слабости, недостатки и пороки. Да, онъ былъ такой же, какъ всѣ, съ той маленькой разницей, что его выдвигалъ изъ толпы яркій талантъ. И жена такая же. На женщинѣ это выражается еще рельефнѣе. Вѣдь она была вся только одна внѣшность. Настоящаго горя она не могла испытать, хотя ломала руки, плакала и говорила жалкія слова.

Разъ... разъ... разъ... Неужели еще только девять часовъ? Кажется, прошла цѣлая вѣчность. Онъ, по крайней мѣрѣ, еще пережилъ всю свою жизнь.

— Вы посидите здѣсь, а мнѣ пора,—проговорила сестра, поднимаясь.— Мнѣ нужно обойти палаты. У насъ съ Ѳедоръ Ѳедорычемъ большая семья.

Онъ тоже поднялся и умоляюще посмотрѣлъ на нее.

— Сестра, я боюсь остаться одинъ. Мнѣ страшно.

Она сдѣлала строгое лицо, остановилась, а потомъ взглядомъ пригласила слѣдовать за собой Вѣдь лучшее утѣшеніе въ каждомъ несчастіи — видѣть еще болѣе несчастныхъ. Онъ, покорно пошелъ за ней. Они вышли въ коридоръ и остановились у третьяго номера. Тамъ было тихо.

— Сидѣлка скажетъ, если что-нибудь случится,—прошептала сестра, на цыпочкахъ отходя отъ роковой двери.—Дѣвочка сейчасъ спитъ.

Послѣдній сонъ приговореннаго къ смерти!

Они отправились по палатамъ.

Боже мой, что это было... Это былъ настоящій дѣтскій адъ, передъ которымъ дантовскій адъ могъ показаться дѣтской игрушкой. Тамъ мучились люди за свои преступленія, тамъ была жестокая справедливость, возмездіе, искупленіе, наконецъ тамъ мучились большіе люди, знавшіе, за что они несутъ кару. А здѣсь царила страшная несправедливость, безсмысленная и тѣмъ болѣе жестокая несправедливость. Вотъ дѣти-рахитики съ искривленными ручками и ножками, горбатыя, изнеможенныя—дѣти-старики. Дѣтскія личики были изборождены старческими морщинами. Дѣтскіе члены не имѣли силы. Всѣ они лежали по своимъ кроваткамъ такъ тихо и смирно, всѣ эти старушки въ два три года и старики въ пять лѣтъ. Они и страдали старческой безсонницей. Только когда подходила сестра Антонина, изъ кроватокъ смотрѣли на нее дѣтскіе чистые глаза. Жизнь едва теплилась только въ этихъ дѣтскихъ глазахъ. Петръ Степанычъ любовался невольно каждымъ движеніемъ сестры Антонины, ея походкой, ея руками, ея ласковымъ голосомъ. Въ клиникѣ царилъ образцовый порядокъ. Ахъ, какая была ужасная семья у Ѳедора Ѳедоровича и сестры Антонины! Можно было сойти съ ума, если бы на всемъ

не лежала печать самаго внимательнаго ухода — это была тѣнь запоздавшей справедливости. Петру Степанычу вдругъ сдѣлалось совѣстно за давешнюю дикую сцену. Онъ почувствовалъ какъ-то всѣмъ тѣломъ, что онъ и виноватъ передъ честнымъ нѣмцемъ и что любитъ его: Ѳедоръ Ѳедоровичъ дѣлалъ большое дѣло. А какъ ухаживаютъ за дѣтьми всѣ эти сидѣлки, фельдшерицы, сестры—все это святыя женщины!

— Котику ручку скоблили!—ласково говорила сестра, подходя къ кроваткѣ, стоявшей отдѣльно.—Котикъ не будетъ капризничать? Котикъ умненькій.

Пятилѣтній Котикъ былъ сегодня героемъ палаты, потому что утромъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ дѣлалъ ему трудную операцію. Ребенокъ лежалъ въ перевязкахъ и съ компрессомъ на головкѣ. Петръ Степанычъ со страхомъ смотрѣлъ на печальнаго героя и чувствовалъ, какъ у него по спинѣ идетъ холодная дрожь. Ѳедоръ Ѳедорычъ былъ знаменитый хирургъ и дѣлалъ самыя ужасныя операціи съ поразительной быстротой. Здѣсь время считалось секундами. О, сколько онъ сдѣлалъ операцій на своемъ вѣку, вотъ этотъ Ѳедоръ Ѳедорычъ!.. А съ дѣтьми онъ умѣлъ такъ ласково обращаться, даже тогда, когда его ножъ рѣзалъ дѣтское живое тѣло и пила дробила дѣтскія кости. Наука здѣсь превращалась въ подвигъ, въ миссію, и таяли даже тѣ вѣчные снѣга, которыми покрыты вершины науки.

Бѣдный Котикъ...

Дальше. Слѣдующее отдѣленіе занимали дѣти-сифилитики, дѣти съ заразительными сыпями, со страшными язвами, опухолями и наростами. Рука милосердія, протягивавшаяся къ этимъ несчастнымъ, рисковала сама заразиться позорной болѣзнью. Да, здѣсь было немало страданій, а къ нимъ присоединялся еще позоръ. Страшная болѣзнь, какъ чудовище, пожирала слабое дѣтское тѣльце и накладывала печать позора на лицо.

Въ этой палатѣ они встрѣтили ординатора, женщину-врача. Петръ Степанычъ издали съ ней раскланялся. Она подошла къ нему и пожала руку.

— Вы какъ сюда попали?—удивилась она.

— Это нужно... — отвѣтилъ онъ. — Да, нужно... Вѣдь я одно изъ тѣхъ дѣйствующихъ лицъ, которыя доставляютъ вамъ матеріалъ и особенно интересные случаи. Нужно же мнѣ видѣть въ полномъ объемѣ все это зло... О, какъ много зла!.. Видѣть все это и пережить — совсѣмъ не то, что знать по наслышкѣ. Знаете, если бы не было это жестокимъ, я открывалъ бы вашу клинику спеціально для поученія молодежи. Вотъ, идите и смотрите вы, у которыхъ вся жизнь впереди, на то наслѣдственное зло, которое мы такъ легкомысленно завѣщаемъ своимъ дѣтямъ. Это было бы лучшей школой...

На него посмотрѣли спокойные, умные женскіе глаза и ничего не отвѣтили. Да и что можно было отвѣчать въ этомъ царствѣ ужаса... Это была лабораторія, въ которой работали съ роковой послѣдовательностью страшныя наслѣдственныя болѣзни. Зачѣмъ молодыя дѣвушки выходятъ замужъ за стариковъ? Зачѣмъ молодые люди губятъ свою молодость и лучшія силы въ позорныхъ порокахъ? Зачѣмъ женятся и выходятъ замужъ люди зараженные, люди съ наслѣдственными болѣзнями? Зачѣмъ женятся, когда не любятъ другъ друга? И это всего ужаснѣе. Природа безпощадно казнитъ за всякое уклоненіе отъ идеала, и жертвами являются вотъ эти маленькіе мученики. Петръ Степановичъ смотрѣлъ и чувствовалъ, какъ онъ виноватъ больше всѣхъ, потому что ему дано было больше этихъ всѣхъ. Да, виноватъ, виноватъ, виноватъ... Вѣдь онъ носилъ въ себѣ тонкій нервный ядъ, который теперь убивалъ маленькую Таню. Его жена стыдилась своей беременности. Въ древности на Востокѣ беременныя женщины носили особыя повязки на головѣ, онѣ

гордились своимъ положеніемъ, и толпа древнихъ людей почтительно разступалась, когда проходила женщина въ такой повязкѣ. Этотъ ветхій человѣкъ былъ справедливъ по крайней мѣрѣ къ своему потомству, потому что отличался цѣльностью и въ добрѣ и въ злѣ.

Дальше слѣдовали нервныя болѣзни. Тутъ не было видимыхъ глазамъ внѣшнихъ пораженій, но тѣмъ сильнѣе получался эффектъ. Суммировалась гамма страданій, причина которыхъ скрывалась въ таинственной глубинѣ: пляска св. Витта, падучая и т. д., и т. д. Петръ Степанычъ не могъ больше выносить вида этого наслѣдственнаго мученичества и вышелъ въ коридоръ. Тамъ его догнала женщина-врачъ.

— Вы мнѣ сегодня не нравитесь,—заговорила она, идя рядомъ.

— Да?.. Я самъ себѣ не нравлюсь, Александра Петровна.

— Необходимо взять себя въ руки.

— Ахъ, въ свое время все будетъ... За послѣднее время я видѣлъ столько зла и какой-то стихійной несправедливости, что просто смѣшно думать о себѣ. Ну, что такое я, какая-то несчастная единица? Отъ моихъ радостей и моего горя, право, никому ни тепло ни холодно...

— Вы должны беречь себя для другихъ.

Онъ улыбнулся и почему-то вспомнилъ, что Александра Петровна такая же старая дѣвушка, какъ сестра Антонина. Они остановились въ концѣ коридора, у окна, изъ котораго открывался видъ на широкую улицу, освѣщенную фонарями.

— Извините нескромный вопросъ, Александра Петровна, — заговорилъ онъ:—почему вы не вышли замужъ?..

— Очень просто... Я не встрѣтила мужчины, который бы мнѣ нравился, а затѣмъ, просто, было какъ-то некогда.

— И вы не жалѣете?..

— Раньше бывало скучно, а сейчасъ я пережила свой критическій періодъ. Говоря откровенно, я даже рада, что сохранила самостоятельность...

— Желаете быть пчелой-работницей?..

— Какъ вамъ сказать... Все вышло какъ-то само собой.

Эта женщина-врачъ очень нравилась Петру Степанычу. Съ ней онъ близко познакомился у кровати своей больной дочери и считалъ себя очень ей обязаннымъ. Она была такая всегда ровная, точно застраховала себя отъ всякихъ волненій. Ему все въ ней нравилось: и это русское спокойное лицо съ мягкимъ носомъ и небольшими проницательными глазами, и серьезныя манеры, и даже гладко зачесанные волосы. Про себя онъ рѣшилъ почему-то, что въ жизни Александры Петровны былъ какой-нибудь неудачный романъ. Впрочемъ, онъ зналъ нѣсколькихъ такихъ женщинъ, не пожелавшихъ выйти замужъ. Сейчасъ эти двѣ старыя дѣвы для него еще ярче иллюстрировали окружающую картину. Онѣ затаили въ себѣ просившуюся жизнь и по-своему были правы. Кто знаетъ, можетъ-быть, и его Таня осталась бы такой же незамужницей. Ахъ, Таня, Таня... О чемъ онъ ни думалъ, мысль непремѣнно возвращалась къ ней, какъ къ исходному пункту. И, вмѣстѣ, у него уже являлась угнетающая усталость. Давешняя острая боль прошла и смѣнилась тупымъ чувствомъ.

„Какая эта сестра Антонина хитрая“,—невольно подумалъ онъ, припоминая послѣдовательный ходъ событій этого дня.

Катастрофа разыгралась все-таки неожиданно, какъ Петръ Степанычъ ни былъ подготовленъ къ ней. Это случилось ночью, когда онъ сидѣлъ въ дежурной. Повторились сряду два ужасныхъ припадка. Онъ сначала былъ

въ комнатѣ больной, а потомъ вышелъ въ коридоръ. Таня уже не узнавала его... Что происходило кругомъ, онъ не могъ дать себѣ отчета. Мимо него нѣсколько разъ пробѣжала сестра Антонина, потомъ подходила Александра Петровна и что-то говорила, хотя онъ никакъ не могъ понять—что. Слова не имѣли смысла и не складывались въ опредѣленную мысль. Потомъ мимо него торопливо прошелъ Ѳедоръ Ѳедорычъ — очевидно, за нимъ посылали, потому что въ это время онъ не приходилъ къ клинику. Потомъ все стихло въ третьемъ номерѣ. Только часы въ коридорѣ тихо и мѣрно дѣлали свое роковое дѣло, отсчитывая роковыя секунды. Да, теперь время мѣрялось уже секундами... Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!..

Онъ стоялъ въ коридорѣ, прислонившись спиной къ стѣнѣ. Сколько прошло времени — трудно сказать. Мимо него опять прошелъ Ѳедоръ Ѳедорычъ, но вернулся, взялъ подъ руку и повелъ вдоль коридора.

— Она умерла?..

— Да...

Онъ вырвался и бѣгомъ бросился въ третій номеръ. Тамъ на кровати она лежала совершенно спокойно, и смерть не показалась ему страшной. Да, главное— спокойствіе... И это совсѣмъ не страшно. Таня лежала такая красивая. Около нея стояла сестра Антонина и тихо плакала. О чемъ она плакала? Все кончено. Древніе греки говорили, что, кого любятъ боги, тотъ умираетъ молодымъ. Не нужно слезъ.

— Петръ Степанычъ, вамъ теперь нужно отдохнуть, а завтра вы пріѣдете.

— Отдохнуть?.. Хорошо... Больше ничего не нужно?..

— Нѣтъ...

Онъ наклонился и крѣпко поцѣловалъ еще неостывшій лобъ. Это прикосновеніе его кольнуло. Онъ взялъ маленькую ручку — она уже похолодѣла. Онъ вздрогнулъ. Это и есть смерть? А главное—ничего не нужно больше. Вѣдь онъ привыкъ заботиться о ней, привыкъ за послѣдніе мѣсяцы къ своему горю, къ страху, къ колебавшейся надеждѣ, и вдругъ—ничего не нужно.

— Не забудьте написать телеграмму вашей женѣ...—шепталъ кто-то.

— Да, да.

Онъ долго смотрѣлъ на дорогое личико, еще разъ поцѣловалъ его и, пошатываясь, вышелъ изъ третьяго номера. Больше не нужно ходить по коридору, не нужно томиться въ дежурной... Онъ шелъ здѣсь въ послѣдній разъ, и стѣнные часы точно считали его шаги: тикъ-такъ! тикъ-такъ! тикъ-такъ!..

1897.

ГОСПОДИНЪ СКОРОХОДОВЪ.

I.

— Тихонъ Петровичъ, господинъ Скороходовъ, здравствуйте! — весело кричалъ каждое утро сапожникъ Гаврилычъ, выставляясь въ окно своего подвала, выходившее на дворъ.

— Здравствуй, Гаврилычъ!—отвѣчалъ тоненькій дѣтскій голосокъ.

— Какъ поживаете, г. Скороходовъ?

— Скверно, Гаврилычъ..

— Ахъ, братецъ ты мой... Дѣло табакъ, Тихонъ Петровичъ.

— Да, не особенно красиво.

Въ дѣтскомъ голосѣ звучали какія-то особенныя, недѣтски-серьезныя нотки, что̀ придавало ему печальную оригинальность чего-то созрѣвшаго прежде времени и безсильнаго. Сапожникъ Гаврилычъ каждый разъ съ какимъ-то изумленіемъ прислушивался именно къ этому удивительному голосу, задумчиво крутилъ стриженой по-солдатски головой и точно смущался, что вотъ онъ, Гаврилычъ, такой здоровенный, сильный и могучій человѣкъ. Если бы было возможно, такъ, кажется, взялъ бы да и отдалъ половину здоровья Тихону Петровичу съ его дѣвичьимъ голосомъ или бы сказалъ за него, какъ здоровому человѣку хочется откашляться за больного.

У сапожника было такое красное, точно выдубленное лицо. Тутъ сказалось все—и солдатскій загаръ, и слабость къ рюмочкѣ, и главное—неиспорченная деревенская кровь. Въ свои пятьдесятъ лѣтъ Гаврилычъ выглядѣлъ молодцомъ. Онъ никогда еще не хворалъ и удивлялся, какъ это другіе могутъ хворать. Больше — у Гаврилыча являлось брезгливое отвращеніе ко всѣмъ больнымъ или просто къ людямъ, которые могутъ захворать. Исключеніе представлялъ одинъ Тихонъ Петровичъ, блѣдное, безкровное личико котораго казалось сапожнику такимъ близкимъ, роднымъ, точно оно притягивало его къ себѣ.

— Велико ли еще мѣсто, всего-то семь годковъ, — разсуждалъ вслухъ Гаврилычъ,—это было его слабостью, а можетъ-быть, и принадлежностью мастерства.—Еще дитё, андельская душенька Тихонъ-то Петровичъ, а Господь ему все открылъ... Да. Большого поучитъ... Эхъ, кабы господину Скороходову ножки да здоровьишка—вотъ какой бы человѣкъ вышелъ!

Знакомство сапожника съ г. Скороходовымъ состоялось только въ прошломъ году, вотъ такъ же о веснѣ. Дворъ только очистили отъ снѣга, и на него выползла изъ своихъ угловъ разная петербургская дѣтвора, точно галчата. Крикъ, шумъ, гамъ—извѣстно, ребячье дѣло. Какъ-то въ понедѣльникъ у сапожника очень трещала голова съ похмелья. Гаврилычъ былъ мраченъ и съ особеннымъ ожесточеніемъ тыкалъ шиломъ какую-то невинную подметку,

точно она была главной причиной его сквернаго душевнаго настроенія. Два подмастерья работали молча, стараясь не глядѣть на хозяйскую муку-мученическую. Съ похмелья Гаврилычъ дѣлался золъ, и теперь его раздражалъ шумъ и гвалтъ дѣтскихъ голосовъ на дворѣ. Онъ уже нѣсколько разъ сердито поглядывалъ въ раскрытое окно, подыскивая случай придраться. И случай представился... Вся дѣтвора столпилась у окна въ подвалъ напротивъ и кого-то дразнила. Слышался задорный смѣхъ, вызывающій крикъ, дѣтская брань

— Вотъ я васъ, акробаты!—ругнулъ ребятишекъ Гаврилычъ, высовываясь въ окно.

Но никто не обратилъ на его окрикъ ни малѣйшаго вниманія, что окончательно взорвало Гаврилыча, особенно, когда послышался тихій дѣтскій плачъ.

— Обезьяна!.. обезьяна!..—выкрикивали дѣтскіе голоса.

Гаврилычъ не стерпѣлъ и вылетѣлъ на дворъ, чтобы обслѣдовать дѣло. Онъ увидѣлъ слѣдующую картину: у открытаго окна подвала сидѣлъ въ подушкахъ худенькій блѣдный мальчикъ и плакалъ.

— Что вамъ нужно отъ меня?—говорилъ онъ, обращаясь къ дѣтямъ.—Вѣдь я вамъ не мѣшаю, и вы мнѣ не мѣшайте...

— Обезьяна... обезьяна...

— Я васъ, наконецъ, прошу, господа, оставьте меня въ покоѣ. Это просто невѣжливо. Вы играйте, а я буду смотрѣть на васъ... Я и самъ съ удовольствіемъ поигралъ бы съ вами, но, къ сожалѣнію, не могу.

Дѣти съ дѣтской жестокостью дразнили больного ребенка и не хотѣли оставлять его.

— Господа, вы мнѣ мѣшаете читать, — продолжалъ тоненькій дѣтскій голосокъ уже со слезами.—Вѣдь это мое единственное удовольствіе... Вы здоровы, можете бѣгать, кричать, а я долженъ сидѣть на одномъ мѣстѣ.

— Обезьяна!..

— Эй, вы, акробаты, брысь! — крикнулъ Гаврилычъ такъ, что больной мальчикъ въ окнѣ вздрогнулъ и даже закрылъ глаза со страха.—Вотъ я васъ... Ежели кто подойдетъ вотъ къ этому окошку, такъ я пропишу такую встрепку... Слышали?

Дѣтвора мигомъ разсыпалась, какъ стая воробьевъ. Самые храбрые показывали языки, другіе ругались не дѣтскими словами. Увлекшись своимъ подвигомъ, Гаврилычъ бросился съ поднятыми кулаками, и маленькій непріятель исчезъ вразсыпную.

Больной мальчикъ съ удивленіемъ и удовольствіемъ смотрѣлъ на своего заступника, и ему все въ немъ понравилось, начиная съ жилистыхъ рукъ и кончая загорѣлымъ лицомъ. Когда сапожникъ подошелъ къ окну, мальчикъ протянулъ свою исхудалую, почти прозрачную руку и серьезно проговорилъ:

— Благодарю васъ... Вы меня избавили отъ большой непріятности. Вѣдь я никому не мѣшаю...

— Да вы только скажите мнѣ, баринъ... Я ихъ распатроню въ лучшемъ видѣ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же обижать дѣтей. Они по-своему правы... Я не сержусь. Меня зовутъ Тихономъ Петровичемъ, фамилія Скороходовъ. Точно въ насмѣшку такая фамилія, потому что, какъ видите, я совсѣмъ не могу ходить, а долженъ сидѣть. А васъ какъ зовутъ?

— Сапожникъ Гаврилычъ... Меня тутъ всѣ знаютъ, потому какъ я живу въ этомъ домѣ четвертый годъ. А вы, г. Скороходовъ, видно, недавно еще переѣхали къ намъ?

— Передъ Пасхой, когда мой папа умеръ. Онъ служилъ въ типографіи

и умеръ отъ чахотки. Я живу съ мамой. Ей, бѣдной, трудно достается. Она тоже служитъ и приходитъ домой только вечеромъ, когда я ложусь спать. Знаете, больные люди должны вести правильный образъ жизни.

Такъ и состоялось это оригинальное знакомство. Гаврилычъ присѣлъ къ окну, набилъ солдатскую трубочку-носогрѣйку и закурилъ. Его поразилъ необыкновенный мальчикъ, говорившій тономъ большого человѣка.

Новые знакомые довольно безцеремонно оглядѣли другъ друга съ ногъ до головы, а потомъ мальчикъ замѣтилъ:

— Отчего отъ васъ пахнетъ водкой, Гаврилычъ?

Сапожникъ сконфузился. Его трубочка захрипѣла, точно онъ хотѣлъ высосать изъ нея свое оправданіе.

— Видите ли, г. Скороходовъ, такое ужъ наше положеніе, значитъ, сапожничецкое... Сидишь-сидишь недѣлю-то, въ томъ родѣ какъ идолъ какой, ну, а въ субботу грѣшнымъ дѣломъ и разрѣшишь. Окромя всего этого, я человѣкъ неженатый, ну, стало-быть, такая плепорція... У всякаго своя плепорція.

— Нехорошо, — наставительно отвѣтилъ мальчикъ и посмотрѣлъ на Гаврилыча такими печальными глазами.—Я говорю: нехорошо.

— Ужъ что̀ тутъ хорошаго, г. Скороходовъ... Самая эта вредная вещь водка, ежели разобрать. А что̀ въ башкѣ дѣлается съ похмелья. Себя бы самого растерзалъ, кажется.

— Для чего же тогда вы пьете?

Гаврилычъ ничего не могъ отвѣтить, а только развелъ руками. Плепорція такая... сапожничецкое положенье...

Такимъ образомъ завязалось знакомство. Каждое утро отворялось окно въ подвалѣ, и въ немъ показывалось блѣдное личико г. Скороходова. Сапожнику очень нравился больной ребенокъ, и онъ разъ забрался въ квартиру. Мать г. Скороходова была дома. Она очень походила на сына, только казалась сѣрѣе, точно ее покрыла пыль столичной мостовой. По бѣдному платью, плохонькой дешевой обуви и всей обстановкѣ бѣдной квартиры сапожникъ сразу опредѣлилъ бѣдственное положеніе. Да, не красно жилось вдовѣ.

— Не будетъ ли чего насчетъ починки? — объяснилъ Гаврилычъ. — Я тутъ на дворѣ живу, значитъ, сапожникъ... Вы не сумлѣвайтесь: деньги могу подождать, потому какъ изъ-за дѣла подмахну заплатку. Вотъ мальчику, можетъ, что̀ понадобится...

— Ахъ, это вы и есть... — обрадовалась вдова. — Мнѣ Тиша говорилъ про васъ. Очень вамъ благодарна...

— Помилуйте, сударыня. Пустяковое дѣло... Извѣстно, ребята пристали. Ну, я ихъ пугнулъ малымъ дѣломъ... Озорники, однимъ словомъ. А ежели что̀ касаемо починки, такъ ужъ вы только скажите...

— Зайдите ко мнѣ, Гаврилычъ, — послышался изъ слѣдующей комнаты тоненькій дѣтскій голосокъ.—Я буду радъ васъ видѣть...

Сапожникъ высморкался, обдернулъ свой рваный „спинджакъ“ и осторожно прошелъ въ слѣдующую комнату, гдѣ въ старомъ клеенчатомъ креслѣ лежалъ больной ребенокъ. Теперь онъ показался Гаврилычу совсѣмъ маленькимъ, точно цыпленокъ. Головка маленькая, шея тонкая, а личико какъ у большого—умное личико, а глазенки совсѣмъ не по-дѣтски смотрятъ. Особенно хорошо Тихонъ Петровичъ улыбался — тоже умненько такъ, какъ улыбаются хорошо сохранившіеся старички. Дѣтское тѣльце совсѣмъ было скрыто подъ старымъ пледомъ. Это двойное впечатлѣніе ребенка и большого человѣка ставило Гаврилыча втупикъ, и онъ не зналъ, какъ ему говорить съ мудренымъ мальчонкой.

— Садитесь...—предлагалъ маленькій хозяинъ.—Мама, ты, можетъ-быть, намъ дашь чаю? Впрочемъ, сахару осталось всего два куска...

— Нѣтъ, не нужно чаю,—отказался политично Гаврилычъ.—Я такъ, на минутку завернулъ... Насчетъ работы. Вотъ г. Скороходову можемъ новые сапожки оборудовать...

Ребенокъ печально улыбнулся: онъ не нуждался въ сапогахъ, потому что не могъ ходить.

„Эхъ, невпопадъ слово вырвалось, — подумалъ Гаврилычъ, почесывая свой красный затылокъ.—Большимъ себя дуракомъ оказалъ“.

Сапожникъ посидѣлъ недолго. Онъ боялся помѣшать да и вообще какъ-то конфузился, точно самой фигурой производилъ обидный диссонансъ въ этой маленькой подвальной квартиркѣ.

— Заходите, когда будете свободны, — приглашалъ мальчикъ. — Я-то постоянно свободенъ и буду радъ васъ видѣть... Цѣлый день сижу одинъ. Только вотъ квартира у насъ сырая, а у меня по вечерамъ бываетъ лихорадка...

Когда сапожникъ ушелъ, ребенокъ задумался. Онъ внимательно слѣдилъ за матерью своими печальными глазами и наконецъ проговорилъ:

— А онъ славный, мама, этотъ сапожникъ. Ты замѣтила, какія у него сильныя руки и какой онъ весь большой? Дышитъ такъ, что на улицѣ слышно... Ахъ, мама, какъ бы я желалъ быть такимъ же здоровякомъ!.. Вѣдь это, должно-быть, очень хорошо, когда ничего не болитъ... и когда можешь работать. Я тебѣ могъ бы помогать тогда, а теперь тебѣ такъ трудно съ больнымъ ребенкомъ. Вѣдь я все понимаю, мама, и часто думаю, что мнѣ лучше умереть.

— Перестань, Тиша. Глупости... Куда же я безъ тебя?..

— Нѣтъ, мама, нужно смотрѣть серьезно на вещи. Вѣдь я тебя только стѣсняю, а пользы отъ меня никакой. Это обидно... Конечно, тебѣ будетъ очень жаль, когда я умру; но вѣдь весь я не умру: душа останется... Я всегда буду съ тобой, только тогда не нужно будетъ ухаживать за мной. Ты, пожалуйста, не огорчайся... Вѣдь все равно когда-нибудь нужно будетъ умирать. И ты умрешь, и даже этотъ сапожникъ... Ахъ, какой онъ здоровый, мама! Мнѣ точно лучше сдѣлалось, когда онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату... Здоровые люди должны быть добрѣе, потому что ихъ ничто не должно раздражать.

Подобные разговоры часто велись въ маленькой квартирѣ, и мать Тиши уходила въ другую комнату, чтобы скрыть слезы. Это было одно изъ тѣхъ страшныхъ несчастій, для которыхъ нѣтъ словъ...

Болѣзнь Тиши развивалась медленно, но съ той послѣдовательностью, какую имѣютъ только болѣзни. Ребенокъ родился здоровымъ, почти крѣпышемъ, и такимъ оставался до трехъ лѣтъ, а потомъ вдругъ началъ хирѣть. Причинъ болѣзни было много: сырыя квартиры, плохое питаніе, нездоровый воздухъ,— однимъ словомъ, все то, что̀ даетъ столица бѣдному люду. Маленькое дѣтское тѣльце подавало въ отставку, а живой оставалась одна голова. Мысль работала упорно и неугомонно, сосредоточивъ въ себѣ всѣ силы. Въ пять лѣтъ Тиша уже свободно читалъ. Его лучшими друзьями сдѣлались книги. Ребенокъ ихъ глоталъ съ жадностью и особенно любилъ путешествія. Фантазія работала съ поразительною яркостью.

— Когда я читаю путешествія, то чувствую себя здоровымъ и сильнымъ человѣкомъ, а это такое счастье...—объяснялъ ребенокъ.—Вотъ тоже во снѣ, мама, я всегда вижу себя здоровымъ и тоже счастливъ.

Въ маленькой дѣтской головкѣ ярко цвѣли пестрыя картины тропической природы, гдѣ царитъ вѣчная весна, бушевалъ океанъ, быстро неслись гро-

мадныя рѣки, величественно поднимались неприступныя горы со снѣговыми вершинами, разстилались цвѣтущія степи и покрытая снѣгомъ тундра, таинственно шумѣли вѣковые лѣса, пѣли птицы и ласково улыбались цвѣты. Ахъ, сколько было цвѣтовъ... Это были золотые сны, тѣ счастливыя грезы, отъ которыхъ не хочется проснуться. Мальчика угнетало только одно, именно, что ему не съ кѣмъ было подѣлиться всѣми этими богатствами, а мама отъ усталости даже не могла его слушать.

II.

Странныя бываютъ психическія сближенія, какъ это было и въ данномъ случаѣ. Сапожникъ Гаврилычъ сдѣлался дорогимъ гостемъ въ квартирѣ Скороходовыхъ. Больной мальчикъ каждый разъ оживлялся, когда въ его комнатѣ неуклюже помѣщалась массивная фигура отставного солдата, насквозь пропитанная смѣшаннымъ запахомъ кожи и махорки. Сначала сапожникъ очень смущался, а потомъ привыкъ. Чтобы не портить воздуха своимъ куревомъ, онъ уходилъ съ трубочкой въ сѣни или смѣшно присаживался на корточки къ топившейся печкѣ. Мальчикъ любовно смотрѣлъ своими умными глазами на эту большую фигуру и дѣлался какъ-то спокойнѣе, когда сапожникъ сидѣлъ около него. Вѣдь онъ былъ такой сильный и здоровый. Часто ребенокъ трогательно просилъ его:

— Гаврилычъ, вы посидите около меня, пока я засну...

— Въ лучшемъ видѣ посижу, г. Скороходовъ.

— Вы держите мою руку, Гаврилычъ... Вотъ такъ. Только, пожалуйста, не дышите на меня...

И Гаврилычъ сидѣлъ, не смѣя шевельнуться, какъ заботливая нянька. Правда, что это было не легко, но что̀ подѣлаешь съ г. Скороходовымъ. Маленькая прозрачная ручка сначала крѣпко держала жилистую руку Гаврилыча, а потомъ распускалась—такая маленькая, совсѣмъ ребячья рука. Больной спалъ въ своемъ креслѣ всегда въ одной позѣ, немного склонивъ головку на одинъ бокъ. Гаврилычъ терпѣливо выжидалъ, когда послышится ровное дыханіе заснувшаго, и удалялся такимъ осторожнымъ шагомъ, точно шелъ съ огнемъ въ пороховомъ погребѣ. Онъ даже захватывалъ свой ротъ ладонью и свободно переводилъ духъ только въ сѣняхъ.

Это удивительное сближеніе произошло, главнымъ образомъ, на духовной почвѣ. Гаврилыча поражалъ необыкновенный умъ ребенка. Кажется, все-то на свѣтѣ онъ зналъ и такъ удивительно хорошо умѣлъ разсказывать обо всѣмъ. Слушая своего маленькаго друга, Гаврилычъ чувствовалъ себя ужасно глупымъ и совершенно темнымъ человѣкомъ. Ничего-то, ничего онъ не зналъ, а вотъ мальчоночка такъ все произошелъ. И насчетъ звѣздъ, и насчетъ разныхъ странъ, и насчетъ городовъ иноземныхъ, и про войны, и про всякихъ полководцевъ. А то еще стишки прочитаетъ,—все больше жалобные стишки. И про святыхъ угодниковъ тоже отлично понималъ. Гаврилычъ съ все возраставшимъ удивленіемъ слушалъ маленькаго оракула и только встряхивалъ головой, какъ взнузданная лошадь.

— Такъ въ темнотѣ и кончимся, Тихонъ Петровичъ, — говорилъ онъ уныло, подавленный своимъ незнаніемъ. — Прямо сказать: всѣ мы отъ пня народъ... Вотъ и службу прошелъ, оболванивали тоже, а какъ ничего не зналъ, такъ и остался. Живемъ, какъ во снѣ...

Мальчику нравилась та непосредственность, съ которой Гаврилычъ относился ко всему. Онъ такъ хорошо умѣлъ слушать и такъ увлекался всѣмъ.

— Вотъ такъ штука, братецъ ты мой, г. Скороходовъ. Дерево въ семьдесятъ саженъ высоты? Ловко... Это повыше адмиралтейскаго шпица. А вотъ что я скажу вамъ, г. Скороходовъ: и деревья разныя, и горы, и моря-окіяны, а люди-то вездѣ одинаковые... Такъ, чуть-чуть разность маленькая... И всѣ должны работать, и забота у всѣхъ одинаковая, и семышка такая же, и дѣтишки.

Былъ одинъ пунктъ, въ которомъ Гаврилычъ оказывался неизмѣримо сильнѣе маленькаго мудреца. Именно, г. Скороходовъ видѣлъ только одинъ Петербургъ, а объ остальномъ зналъ только изъ книжекъ. Другое дѣло Гаврилычъ — онъ много видѣлъ, начиная со своей деревни. Когда заходила рѣчь о послѣдней, роли сразу мѣнялись, и г. Скороходовъ превращался въ самаго обыкновеннаго ребенка, предлагавшаго иногда вопросы, наивные до смѣшного. Здѣсь наступала очередь Гаврилыча удивляться, что есть такіе люди, которые не понимаютъ самыхъ простыхъ вещей, какъ пашня, лѣсъ и т. д. Сапожникъ даже сердился на г. Скороходова. Какъ этого-то не понять? Конечно, обидно...

— А въ деревнѣ нѣтъ мостовыхъ?—спрашиваетъ, напримѣръ, г. Скороходовъ.

— Какія тамъ мостовыя... Одно слово, деревня. Тутъ тебѣ пашня, тутъ рѣка, тутъ лѣсъ. Значитъ, какъ есть деревня настоящая, значитъ, вполнѣ... грязь...

— Вотъ вы говорите, Гаврилычъ, лѣсъ... Кто же его садилъ?

— А никто... Самъ лѣсъ растетъ, такъ ужъ это назначено отъ Господа... Гдѣ быть лѣсу, тамъ онъ и растетъ.

Недоразумѣнія происходили, главнымъ образомъ, потому, что ребенокъ никогда не былъ за чертой Петербурга, и живое представленіе о природѣ у него сложилось изъ того, что онъ только видѣлъ. А видѣлъ онъ мостовыя, пятиэтажные дома, дворы колодцами, чахлые петербургскіе скверы, гранитные берега Невы. Тутъ безсильны были всѣ книги, и Гаврилычъ, въ свою очередь, долженъ былъ объяснять многое такое, что для деревенскаго жителя понятно само собой.

— Главное дѣло въ деревнѣ—пашня,—объяснялъ онъ съ какой-то особенной торжественностью. — Все отъ пашни... Безъ пашни, братъ, шабашъ. Вотъ и мы съ тобой чужой хлѣбъ ѣдимъ... А онъ дорого стоитъ настоящему мужику. Это, братъ, штука!..

— Одинъ разъ посѣять хлѣбъ, онъ и будетъ расти.

— А вотъ и не будетъ. Ты его посѣялъ, снялъ, а на слѣдующій годъ та же музыка сначала. Да еще можетъ случиться засуха или ненастье... Въ деревнѣ-то съ молитвой живутъ, не то что въ городу. Здѣсь мнѣ что—плевать. Вёдро, такъ вёдро, ненастье, такъ ненастье, а въ деревнѣ-то... Да что тутъ говорить!..

— Лучше въ деревнѣ?

— Какое же сравненіе: конечно, лучше. Возьмите хоть меня, г. Скороходовъ: какой я есть человѣкъ, ежели разобрать? Вѣдь денегъ я зарабатываю уйму, ежели это по-деревенски считать, а гдѣ онѣ у меня, деньги-то?.. То-то вотъ и есть... Весь тутъ, дома ничего не осталось. А въ деревнѣ у меня бы и своя избенка была, и лошаденка, и коровенка, и всякое обзаведенье... Ну, какъ слѣдуетъ настоящему мужику быть. А здѣсь что: тьфу!.. Развѣ это жисть?.. Вотъ придетъ суббота, и натрескаюсь, какъ свинья. А отчего?.. Такая пленорція городская... И въ деревнѣ пьютъ, только съ умомъ: на праздникахъ, на свадьбахъ, а не такъ, чтобы дуромъ. Вотъ и вы, г. Скороходовъ, ежели бы

родились въ деревнѣ, развѣ такой бы были?.. Въ деревнѣ народъ здоровый, потому какъ вольный воздухъ первое дѣло.

— Отчего же вы не уѣдете въ деревню, Гаврилычъ?

— Я-то? А немножко, значитъ, угорѣлъ... Привыкъ къ городскому легкому хлѣбу. Ослабѣлъ...

Заговоривъ о деревнѣ, сапожникъ весь измѣнялся. Онъ дѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Даже голосъ не тотъ. Мальчикъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и никакъ не могъ понять причины такой перемѣны. Въ дѣйствительности Гаврилычъ идеализировалъ деревню и деревенскую жизнь, но тѣмъ не менѣе чувствовалось, что она захватывала его всего, несмотря ни на какую городскую „плепорцію“. Эти разговоры очень нравились мальчику, и у него складывалось самое фантастическое представленіе о той Россіи, которая начиналась сейчасъ за Петербургомъ. И онъ, петербургскій выродокъ, никогда не увидитъ этой настоящей русской деревни, настоящаго лѣса, желтѣющихъ нивъ и всего того, чѣмъ живутъ десятки милліоновъ настоящихъ русскихъ людей. Петербургъ ему представлялся громадной тюрьмой, гдѣ люди не живутъ, а мучатся, и больше всѣхъ онъ, Тихонъ Петровичъ Скороходовъ, такой маленькій, такой безсильный и такой жалкій, какъ тѣ чахлыя деревца, которыя растутъ въ петербургскихъ скверахъ. Ахъ, если бы можно было взглянуть хоть однимъ глазкомъ, какъ живутъ тамъ, не въ Петербургѣ—взглянуть и умереть! Тамъ и за квартиру не нужно платить; тамъ и подваловъ нѣтъ, и дворовъ колодцами, и болѣзней... Вотъ отчего Гаврилычъ такой здоровый и вотъ отчего онъ дѣлается совсѣмъ другимъ человѣкомъ, когда начинаетъ говорить о деревнѣ.

Прошла гнилая петербургская весна, и наступило лѣто. Каменные дома днемъ накалялись отъ солнца, воздухъ былъ пропитанъ ѣдкой кислой пылью, нечѣмъ было дышать. Г. Скороходовъ мучился теперь отъ того, что нечѣмъ было дышать, какъ весной страдалъ отъ подвальной сырости. Разъ, наканунѣ воскресенья, Гаврилычъ сказалъ.

— Вотъ что̀, Тихонъ Петровичъ, мы завтра съ вами разгулку устроимъ. До Юсупова-то саду отъ насъ рукой подать... У меня есть знакомая барыня, а у барыни стоитъ дѣтская колясочка.

— Да вѣдь вамъ будетъ скучно со мной, Гаврилычъ... Въ трактирѣ веселѣе.

— И трактиръ отъ насъ не уйдетъ, а въ Юсуповъ садъ все-таки съѣздимъ.

Это было цѣлымъ событіемъ въ жизни г. Скороходова. Сборовъ было столько, точно снаряжалась экспедиція, по меньшей мѣрѣ, къ сѣверному полюсу. Какъ волновался ребенокъ за этотъ роковой день! Какая-то будетъ погода? не раздумалъ бы Гаврилычъ? не закапризничала бы барыня съ коляской? Мать Тиши волновалась еще сильнѣе, хотя и старалась не выдавать себя.

— Какой добрый этотъ Гаврилычъ!—повторяла она.

— Ты его, мама, еще не знаешь!..

Ночь прошла почти безъ сна. Г. Скороходовъ ужасно волновался. Въ немъ проснулся тотъ живой ребенокъ, котораго не могла похоронить никакая петербургская пыль. Въ шесть часовъ утра онъ уже проснулся и наблюдалъ по противоположной стѣнѣ двора, какая будетъ погода. Къ нимъ въ подвалъ солнце никогда не заглядывало, и метеорологическія наблюденія ребенокъ производилъ по противоположной стѣнѣ: стѣна освѣщена, значитъ, есть солнце.

Гаврилычъ заканчивалъ какую-то спѣшную работу и явился только часамъ къ одиннадцати. Онъ даже умылся, пріодѣлся и выглядѣлъ франтомъ. Но главный восторгъ былъ въ колясочкѣ. Правда, она была немного мала,

но съ этимъ приходилось мириться. Больной былъ уложенъ въ колясочку, и Гаврилычъ торжественно повезъ ее. День былъ праздничный. На тротуарахъ происходила настоящая давка, и только благодаря силѣ и ловкости Гаврилыча колясочка благополучно добралась до Юсупова сада.

— Вотъ мы какъ!..—хвастался Гаврилычъ, когда коляска покатилась по усыпанной пескомъ дорожкѣ.

Но г. Скороходовъ былъ разочарованъ. Всѣ деревья стояли сѣрыя отъ пыли и, главное, тотъ же кислый воздухъ. Вдобавокъ, всѣ уголки были усыпаны дѣтворой, а г. Скороходовъ не выносилъ шума. Господи, сколько тутъ было дѣтей, этихъ несчастныхъ петербургскихъ дѣтей!.. Блѣдныя, худенькія, съ тонкими ручками и ножками, они напоминали тѣ блѣдные цвѣты, которые вырастаютъ въ подвалахъ безъ солнца. Правда, они играли, бѣгали, кричали, дрались, какъ и слѣдуетъ дѣтямъ, но это было не настоящее дѣтское веселье. Г. Скороходовъ, лежа въ своей колясочкѣ, съ какой-то тоской наблюдалъ ихъ своими не по-дѣтски умными глазами, и ему дѣлалось ужасно скучно. Все это было не то, чего ему хотѣлось, точно самый воздухъ былъ здѣсь насыщенъ какой-то фальшью, а „скверныя“ деревья только притворялись зелеными. Да, не то... А эта петербургская дѣтвора, набравшаяся сюда изъ своихъ подваловъ и чердаковъ, что̀ могло быть печальнѣе?.. На дѣтскихъ личикахъ уже сквозила не дѣтская тревога, а въ глазахъ свѣтилось то раздраженіе, которое не оставляетъ настоящаго петербуржца даже лѣтомъ. Больной мальчикъ наблюдалъ дѣтей съ такимъ видомъ, точно онъ самъ былъ вотъ этими самыми дѣтьми, принимая сотни всевозможныхъ превращеній. О! онъ такъ все отлично понималъ...

— Ахъ, ты, братецъ ты мой, г. Скороходовъ, — ворчалъ Гаврилычъ, огорченный неудавшейся поѣздкой.—Пыль одна, а не садъ. Такъ, названіе...

Такъ прошло все лѣто, тяжелое и мучительное. Даже Гаврилычъ затосковалъ, бросилъ работу и кутилъ недѣли двѣ. Онъ явился къ Тихону Петровичу такимъ виноватымъ и никакъ не могъ взглянуть прямо въ глаза ребенку.

— Нехорошо, Гаврилычъ...

— Ахъ, какъ нехорошо, Тихонъ Петровичъ... Ужъ скорѣе бы осень. Не крайности, сидишь у себя въ норѣ и никуды тебя не тянетъ.

Осень не заставила себя долго ждать. Пошли дожди, потомъ ударилъ первый морозецъ—все шло своимъ порядкомъ. Въ концѣ сентября выдалось нѣсколько такихъ крѣпкихъ и хорошихъ осеннихъ деньковъ. Именно въ одинъ изъ такихъ дней Гаврилычъ пришелъ къ г. Скороходову и заявилъ безъ всякихъ предисловій:

— Ну, и дуракъ же я, Тихонъ Петровичъ... ахъ, какой дуракъ!...

— Что̀ случилось?

— А тогда-то, ну, когда мы въ Юсуповъ садъ путешествовали... Ну, конечно, дуракъ! Нужно было не въ Юсуповъ садъ васъ везти, а за городъ. Что̀ мнѣ стоило въ колясочкѣ-то васъ скатать хоть въ то же Парголово... И настоящій лѣсъ посмотрѣли бы, и пашню, и травку зеленую. Положимъ, не настоящая деревня, а нашибаетъ.

Г. Скороходовъ молчалъ. Такое путешествіе было его завѣтной мечтой, но онъ боялся даже думать о немъ, какъ о чемъ-то недосягаемомъ и несбыточномъ.

— Не буду я, ежели будущимъ лѣтомъ не свожу васъ за-городъ, г. Скороходовъ, — рѣшилъ Гаврилычъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь утѣшить пригорюнившагося ребенка. — Ей-Богу, такъ... Только бы зиму пережить.

Ждать цѣлый годъ... Это былъ такой ужасный срокъ, особенно когда приходится жить въ сыромъ подвалѣ. Но уже самая мысль подкрѣпляла г. Скороходова, и ребенокъ любилъ разговаривать на эту тему. Маршрутъ былъ выработанъ во всѣхъ подробностяхъ, съ точностью военной диспозиціи. Гаврилычъ сто разъ разсказалъ весь путь, и мальчикъ запомнилъ его отъ начала до конца.

— Ахъ, только бы намъ зиму смотать! — повторялъ сапожникъ. — Какъ это мнѣ раньше-то въ башку не пришло... а?..

Много было разговоровъ въ длинные зимніе вечера на эту тему, и мальчикъ каждый разъ оживлялся. Онъ считалъ, сколько осталось дней до этого событія, и чувствовалъ, какъ одна мысль о немъ живитъ и подкрѣпляетъ его.

— Мама, я тогда умру спокойно,—повторялъ ребенокъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ.—Вѣдь мнѣ такъ немного нужно... Только одинъ разъ взглянуть...

А время ползло ужасно медленно. Гаврилычъ приходилъ къ г. Скороходову почти каждый вечеръ и при его помощи переплывалъ море-окіянъ, путешествовалъ въ тропическихъ лѣсахъ, сгоралъ отъ жажды въ Сахарѣ, замерзалъ въ полярныхъ льдахъ при освѣщеніи сѣвернымъ сіяніемъ, спускался въ глубины земныхъ нѣдръ, поднимался на воздушномъ шарѣ, сражался при Ѳермопилахъ, защищая свободную Грецію отъ персидскихъ полчищъ, открывалъ Америку вмѣстѣ съ Колумбомъ, изобрѣталъ паровую машину и даже заглядывалъ въ то далекое будущее, когда пароходы, желѣзныя дороги и телеграфы покажутся жалкими игрушками. Слабая дѣтская рука вела этого большого и сильнаго человѣка отъ одного чуда къ другому, изъ одной страны въ другую, и Гаврилычъ чувствовалъ только одно, что самое главное чудо вотъ этотъ больной ребенокъ съ его дѣвичьимъ голосомъ и печальными глазами. Старый солдатъ привязался къ нему всей душой и былъ счастливъ, когда блѣдное дѣтское личико озарялось улыбкой.

III.

Мы ничего не сказали о матери Тиши. Ее звали Настасьей Антоновной. Родилась и выросла она въ Петербургѣ и кромѣ Петербурга ничего не знала. Образованіе получила домашнее, другими словами — никакого. Послѣ отца осталась двѣнадцатилѣтней дѣвочкой и скоро познакомилась съ нуждой. Мать была больная женщина и едва существовала крошечной пенсіей. Маленькой Настѣ пришлось поступить въ магазинъ швеей. Шестнадцати лѣтъ она познакомилась съ молодымъ типографскимъ наборщикомъ и скоро вышла за него замужъ. Онъ былъ пріѣзжій изъ далекой провинціи и мечталъ со временемъ завести свое дѣло. Но вышло иначе. Петербургскій климатъ и непосильная работа надломили силы. Ребенку было пять лѣтъ, когда чахотка свалила съ ногъ отца. Прислушиваясь къ разговорамъ Тиши и сапожника, Настасья Антоновна живо припоминала мужа: больной онъ тоже мучился тоской о своей далекой провинціи, мечталъ о ней и умеръ съ мыслью о ней. Ребенокъ шелъ по отцовской дорогѣ, и мать чувствовала, что онъ скоро умретъ. Да и примѣта такая есть: если больной начнетъ собираться въ дорогу—дѣло скверно. А какой росъ мальчикъ—понятливый, умненькій, совсѣмъ особенный. Еще при отцѣ выучился читать и цѣлые дни проводилъ за книгами.

— Не жилецъ онъ у васъ, сударыня, — говорилъ не разъ Гаврилычъ, качая головой.

— Что же я подѣлаю? И то вытянулась вся...

— Божья воля... да.

Послѣднюю зиму Настасья Антоновна сама прихварывала и уставала отъ работы, Придетъ домой и рада мѣсту, а тутъ то нужно, другое, третье, и вездѣ приходится самой. Хоть и маленькое, а все-таки хозяйство. Да еще шитье разное да починка. Отъ нужды и заботъ бѣдная женщина начинала тупѣть, и ее охватывало то тупое отчаяніе и равнодушіе, которому нѣтъ исхода. Иногда она думала, что ужъ лучше Тишѣ умереть, чѣмъ такъ мучиться. Положимъ, что онъ никогда и ни на что не жаловался, но она чувствовала его страданія. Сапожникъ Гаврилычъ являлся счастливой находкой, и она не знала, какъ его благодарить за участіе къ больному ребенку. Разъ она даже попробовала это сдѣлать, но Гаврилычъ только сконфузился.

— Что вы, что вы, сударыня... Да вѣдь я хожу-то къ вамъ для себя. Очень ужъ любопытно... Даже и разсказать не умѣю, какъ любопытно. Совсѣмъ особенный у васъ Тихонъ Петровичъ... Господь умудряетъ младенцевъ.

Настасья Антоновна расплакалась. Гаврилычъ нахмурился. Не любилъ онъ этихъ бабьихъ слезъ. Плачетъ, а того не подумаетъ, что всѣ подъ Богомъ ходимъ — сегодня живы, а завтра и поминай какъ звали.

— А за городъ я его свожу, какъ только земля оттеплѣетъ,—бормоталъ сапожникъ, точно оправдываясь.—Ужъ вы не сумлѣвайтесь, Настасья Антоновна. Надо потѣшить младенчика.

Ласковыя слова у Гаврилыча выходили какъ-то особенно хорошо, и самъ онъ точно свѣтлѣлъ отъ нихъ.

Поддаваясь теченію событій, Настасья Антоновна и сама увлеклась идеей путешествія Тиши за городъ. Какіе это смѣшные пустяки для другихъ, а для нихъ троихъ въ этихъ пустякахъ было все, интересъ цѣлой зимы, интересъ будущаго. Если бы отнять эту мысль о поѣздкѣ, всѣ трое почувствовали бы себя ужасно несчастными. Въ жизни большое и маленькое мѣряется личнымъ настроеніемъ. Такъ было и тутъ, въ подвальной квартирѣ, гдѣ сошлись такіе противоположные люди, какъ больной ребенокъ и отставной солдатъ. Ахъ, скорѣе бы наступало лѣто... Это было самое томительное ожиданіе, сопровождавшееся иллюзіями и фантазіями, въ родѣ того, что вѣдь можетъ быть лѣто и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ—стоитъ только теплу ударить, и зимѣ капутъ.

Роковой моментъ приблизился почти неожиданно. Это было въ серединѣ мая. Съ вечера выпалъ такой теплый весенній дождичекъ. Раннимъ утромъ Гаврилычъ сбѣгалъ въ Юсуповъ садъ и принесъ радостное извѣстіе, что деревья уже распустились и высыпала зеленая травка.

— Только въ скверныхъ мѣстахъ зелень-то раньше показывается, г. Скороходовъ,—объяснялъ сапожникъ.—Потому камень кругомъ, солнышкомъ-то и угрѣетъ. Надо обождать денька три... Пока что, а пусть тамъ все распустится.

Еще три дня самаго томительнаго ожиданія. Наканунѣ поѣздки у Гаврилыча явился неожиданный планъ.

— Не махнуть ли намъ, г. Скороходовъ, по Финляндской желѣзной дорогѣ? До вокзалу въ колясочкѣ доѣдемъ, а тамъ колясочку въ багажъ, сами въ вагонъ...

— Нѣтъ, Гаврилычъ... — заупрямился г. Скороходовъ.

Ребенокъ слишкомъ сжился съ первымъ маршрутомъ, который зналъ наизусть: по Парголовскому шоссе, мимо Лѣсного, мимо Поклонной горы, Озерковъ — нѣтъ, такъ лучше. Да и на вокзалѣ будетъ много людей, а тутъ совсѣмъ одни.

Рано утромъ восемнадцатаго мая голова Гаврилыча высунулась изъ окна. Свѣтило яркое солнце, значитъ, отлично.

— Тихонъ Петровичъ, господинъ Скороходовъ, вы встали?

— Здѣсь, Гаврилычъ... — отвѣтилъ тоненькій голосокъ.

Колясочка была готова еще двѣ недѣли тому назадъ. Необходимая провизія лежала завязанная въ газетную бумагу. Гаврилычъ не забылъ сунуть сапожный ножъ за голенище. Однимъ словомъ, путешествіе форменное.

— Ну, съ Богомъ, — говорила Настасья Антоновна, провожая путешественниковъ за ворота. — Гаврилычъ, вы смотрите, осторожнѣе... Гдѣ-нибудь еще подъ конку попадете.

— Не сумлѣвайтесь, сударыня...

Мальчикъ показался матери такимъ блѣднымъ сегодня, точно восковой. Она слышала, какъ онъ сегодня всю ночь надрывался отъ кашля. Да и лихорадка всю весну мучитъ... А колясочка катилась по тротуару. Вотъ она уже на углу. Гаврилычъ остановился, оглянулся и сдѣлалъ Настасьѣ Антоновнѣ подъ козырекъ. Въ послѣдній разъ мелькнуло блѣдное дѣтское личико, и Настасья Антоновна вернулась въ свою нору, вытирая непрошенную слезу.

— Г. Скороходовъ, вотъ мы и поѣхали...

— Да...

Мальчикъ задумчиво смотрѣлъ на закипавшія жизнью центральныя улицы. Въ воздухѣ еще чувствовалась свѣжесть. Отворялись магазины; бѣжали кухарки съ корзинками и кульками; дворники мели мостовую, поднимая облака пыли. Начинался тревожный столичный день. Ахъ, какъ все это надоѣло — и эта вѣчная суета, и трескъ экипажей, и вѣчная пыль!

А колясочка катилась да катилась. Вотъ и новый Александровскій мостъ, и клиника, и паровая конка. Дома дѣлались все ниже. Начинался фабричный кварталъ. Гаврилычъ попутно дѣлалъ нѣкоторыя объясненія.

— Только бы намъ до Московскихъ казармъ добраться, а тамъ мостовой шабашъ, г. Скороходовъ. Солдатскіе огороды начнутся...

Доѣхали и до казармъ, и колясочка мягко покатилась по утрамбованному шоссе. Ребенокъ съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ кругомъ, ожидая какого-то чуда. Вонъ тамъ лѣсъ...

— Гаврилычъ, вѣдь это настоящій лѣсъ?..

— Нѣтъ, еще не настоящій... Такъ, дачи. А эвонъ на горкѣ Лѣсное, значитъ, паркъ: шапка шапкой.

Навстрѣчу попадались чухонцы въ своихъ таратайкахъ, ломовые, возвращавшіеся съ дачъ порожнякомъ, извозчики. Пронеслась мимо „паровушка“.

У подъема къ Лѣсному Гаврилычъ сдѣлалъ первый привалъ, поставивъ колясочку въ тѣни дачнаго сада. Вездѣ уже зеленѣла трава, деревья распустились. Сапожникъ съ особеннымъ удовольствіемъ раскурилъ свою трубочку.

— Хорошо, г. Скороходовъ?

— Отлично... А лѣсъ скоро?

— Скоро, скоро... Вотъ только проѣдемъ Лѣсное, сейчасъ можно свернуть влѣво, къ Коломягамъ — и тамъ лѣсъ, а то можно вправо ударить, по Старо-Парголовскому шоссе—тоже лѣсъ.

— Нѣтъ, я хочу на Поклонную гору...

Ребенка огорчало то, что городъ все еще не кончался, — всѣ эти дачи были только его продолженіемъ. Конечно, это не Юсуповъ садъ, а все-таки настоящаго еще нѣтъ.

— Ну, трогай! — покрикивалъ Гаврилычъ, вкатывая колясочку на пригорокъ, гдѣ стоитъ церковь и конка дѣлаетъ поворотъ съ шоссе вправо.

Мимо потянулись безконечныя дачи. Должно-быть, хорошо здѣсь жить. Воздухъ совсѣмъ другой, и столько зелени. Въ одномъ мѣстѣ Гаврилычъ сдѣлалъ неожиданную остановку. Какъ проѣдешь мимо постоялаго двора „Рас-

путье“? Онъ быстро юркнулъ къ буфету, хватилъ стаканчикъ и вернулся обратно, на ходу прожевывая какую-то корочку.

— Зарядилъ малымъ дѣломъ, г. Скороходовъ.

Было уже около десяти часовъ утра, когда колясочка подъѣхала къ Поклонной горѣ. Г. Скороходовъ былъ въ восторгѣ. Господи, какъ здѣсь хорошо... И сосновый боръ, и какая даль тамъ, внизу, и какое высокое небо здѣсь. У мальчика начинала кружиться голова, и передъ глазами точно летали мухи, но онъ крѣпился и ничего не говорилъ Гаврилычу. Свѣжій воздухъ его пьянилъ. Хотѣлось ѣхать впередъ безъ конца..

— Хорошо, г. Скороходовъ?

— Ахъ, какъ хорошо...

Здѣсь дачъ было уже меньше. Встрѣчные попадались рѣдко, такъ что Гаврилычъ даже затянулъ какую-то необыкновенную солдатскую пѣсню:

...Мы Расеюшку насквозь пройдемъ,
Да графъ Па, графъ Паскевьча въ полонъ возьмемъ!..

Скоро показался и тотъ лѣсокъ, о которомъ говорилъ цѣлую зиму Гаврилычъ. Былъ тутъ и лугъ, и какой-то безыменный ручеекъ, и цѣлый островокъ изъ сосенъ и березъ. Колясочка свернула съ шоссе и скрылась въ лѣсу. Какъ мягко катились колеса по этой зеленой травѣ, какъ ласково шептались только-что распустившіеся зеленые листочки, какъ весело выглядывали изъ травы первые весенніе цвѣточки!..

— Стопъ, машина!—скомандовалъ Гаврилычъ, останавливаясь на опушкѣ лѣса, съ той стороны, съ которой не видно было шоссе.—Съ благополучнымъ прибытіемъ, г. Скороходовъ.

Г. Скороходовъ что-то хотѣлъ отвѣтить, но только раскашлялся. Блѣдное личико покраснѣло отъ натуги, потомъ посинѣло.

— Это отъ пыли...—объяснялъ Гаврилычъ, тоже кашляя, точно хотѣлъ откашляться за своего маленькаго друга. — А мы сейчасъ огонекъ разложимъ, чайничекъ согрѣемъ... Хотите на травку, г. Скороходовъ?

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ, а только смотрѣлъ на Гаврилыча своими печальными глазами. Онъ не могъ говорить отъ охватившаго его волненія. Гаврилычъ устроилъ самъ все, что было необходимо. Разостлалъ по травѣ плэдъ и подушки и перенесъ г. Скороходова на новое мѣсто, а самъ сейчасъ же принялся разводить огонь. Мальчикъ лежалъ и смотрѣлъ въ голубое высокое небо, на тихо шумѣвшія вершины сосенъ, на плывшія по небу бѣло-снѣжныя облака — смотрѣлъ и чувствовалъ, что съ нимъ дѣлается что-то необыкновенное. Его точно уносила какая-то сила... Не было ни боли, ни усталости, ни той тяжести, которая давила его маленькое сердце. Глаза закрывались сами собой.

„Намаялся дорогой-то, пусть соснетъ“, — думалъ Гаврилычъ, сидя на корточкахъ около огонька.

Ребенокъ заснулъ, заснулъ съ такимъ счастливымъ выраженіемъ на лицѣ, какъ засыпаютъ только дѣти.

Чайникъ закипѣлъ уже три раза. Прошло больше часа, а ребенокъ продолжалъ лежать съ закрытыми глазами.

— Тихонъ Петровичъ, господинъ Скороходовъ... — тихонько будилъ его Гаврилычъ.—Будемте чаевать...

Отвѣта не послѣдовало.

Г. Скороходовъ заснулъ, чтобы больше не просыпаться...

1893.

ПАПА.

I.

Прислуга провинціальной гостиницы „Бережокъ“ сразу опредѣлила, что пріѣхавшій съ парохода баринъ—человѣкъ обстоятельный. „Правильный баринъ“, какъ сказалъ коридорный Евсей, выносившій вещи съ извозчика. Все было правильное: дорожный чемоданъ изъ лакированной кожи, потомъ два саквояжа „изъ крокодила“, потомъ дорожный тючокъ, завернутый въ расшитую укладку, потомъ зеленый въ клѣтку плэдъ для ногъ, потомъ дорожный мужской несессеръ, потомъ кожаный футляръ съ цилиндромъ, шелковый зонтикъ, палка съ серебрянымъ набалдачникомъ—однимъ словомъ, правильный баринъ. Войдя въ гостепріимныя двери гостиницы, онъ брезгливо понюхалъ воздухъ и поморщился.

— У васъ воздухъ того...—замѣтилъ онъ.

— Кухня близко-съ...

Баринъ не удостоилъ отвѣта и отправился осматривать номера. Онъ все дѣлалъ не торопясь, аккуратно и солидно. Сдѣлавъ осмотръ, онъ выбралъ себѣ лучшій угловой номеръ и сейчасъ же велѣлъ открыть дверь на балконъ, выходившій на рѣку. Онъ еще разъ понюхалъ воздухъ, еще разъ поморщился и велѣлъ распаковывать вещи.

— Осторожнѣе, пожалуйста...—внушительно замѣтилъ онъ Евсею, когда тотъ съ ожесточеніемъ накинулся на чемоданъ и изъ усердія надавилъ его колѣнкой.—Вы не умѣете обращаться съ вещами, государь мой. Подайте свѣжей воды... да... самоваръ, нѣтъ, приготовьте постель. Это у васъ что?

Баринъ мазнулъ по мраморному умывальнику пальцемъ и поднесъ грязный палецъ къ самому носу Евсея.

— Что это такое, государь мой?

— Пыль-съ, ваше высокоблагородіе... потому какъ у насъ хозяинъ изъ купцовъ и настоящаго обхожденія не понимаетъ... пыль-съ, вообще, потому сейчасъ такой сезонъ.

Онъ сдѣлалъ гримасу. Не успѣлъ ступить на провинціальную территорію, какъ уже усвоилъ дурную привычку заводить разговоры съ трактирной слугой. Мысленно баринъ сдѣлалъ себѣ замѣчаніе и больше не сказалъ съ Евсеемъ ни слова. Кстати, этотъ хамъ не умѣлъ даже сдѣлать постели какъ слѣдуетъ, перепуталъ туалетныя принадлежности, вообще держалъ себя непозволительно, хотя и сглаживалъ свои недостатки усиленнымъ стараніемъ угодить петербургскому барину. Послѣднее Евсей опредѣлилъ сразу, потому что ужъ очень аккуратенъ, точно другая барыня—каждая штучка на своемъ мѣстѣ, и все это блеститъ, все чистенькое, французской работы. Вещи были

разложены по столамъ, платье повѣшено въ гардеробъ, — баринъ самъ смахнулъ дорожную пыль, все пересмотрѣлъ и покрылъ какими-то мудреными салфеточками.

— Вотъ... — коротко проговорилъ онъ, подавая Евсею свой видъ для прописки.

Дорогой Евсей по складамъ прочиталъ:

— Дѣй...дѣй...стви-и...те-тельный ста-атскій со-со-со-вѣтникъ Иванъ Петровичъ Самойловъ... Ловко: генералъ! А вѣдь еще какой молодой...

Дальнѣйшіе поступки петербургскаго генерала слѣдовали въ такомъ порядкѣ: два раза требовалъ теплой воды, потомъ холодной, и долго мылся и чистился—опять какъ барыня, потомъ потребовалъ газету—газеты не оказалось, потомъ спросилъ на ужинъ цыпленка, потомъ ночью разбудилъ Евсея и съ ужасомъ показалъ ему на клопа, ползшаго по стѣнѣ.

— Убери, пожалуйста, эту гадость...

Утромъ онъ проснулся поздно, часовъ въ одиннадцать, проснулся разбитый, усталый, изнеможенный, точно совершилъ какую-то очень отвѣтственную тяжелую работу. Опять требовалъ холодной и горячей воды, опять мылся и чистился битый часъ, пока не нашелъ, что, кажется, довольно. Онъ долго и внимательно разсматривалъ свою особу въ зеркало, точно дѣлалъ себѣ экзаменъ, и, кажется, пришелъ къ не совсѣмъ удовлетворительнымъ выводамъ. Для сорока двухъ лѣтъ лицо казалось старше, а на макушкѣ уже просвѣчивала лысина. Онъ былъ ни толстъ ни тонокъ, ни высокъ ни низокъ. Лицо тоже никакихъ особенныхъ примѣтъ не имѣло: каріе почтительно-строгіе глаза, мягкій русскій носъ, мягко очерченный ротъ, немного приподнятыя скулы, цвѣтъ кожи немного сѣроватый. Все на своемъ мѣстѣ, все въ мѣру, точно расчетливая природа боялась что-нибудь перерасходовать.

— Да, того...—проговорилъ вслухъ Иванъ Петровичъ и вздохнулъ.

Онъ вышелъ въ утреннемъ шлафрокѣ на балконъ и долго смотрѣлъ на рѣку. Такая хорошая и большая рѣка. Сейчасъ подъ горой лѣпились пароходныя пристани, склады, амбары, какія-то лавчонки; по спуску ползли дрянные извозчики, тутъ же шлепали по грязи пѣшеходы. День выдался кисленькій, сѣренькій, какіе бываютъ въ началѣ августа. Въ самомъ воздухѣ точно виситъ какое-то переутомленіе.

— Однимъ словомъ, милая родина... дымъ отечества...—вслухъ подумалъ Иванъ Петровичъ, заканчивая свое обозрѣніе.—Все то же, и ничего новаго.

Одѣваніе въ окончательной формѣ заняло еще цѣлый часъ, причемъ Евсею приходилось два раза чистить сюртукъ. Еще внимательное осматриваніе себя въ зеркалѣ и опять легкое недовольство: какъ будто и платье не такъ сидитъ, и цвѣтъ лица „не того“. Евсей все утро наблюдалъ мудренаго петербургскаго барина и проникался какимъ-то горькимъ сознаніемъ тайной вины. Дѣйствительно, и пыль, и грязь, и дождь.

Захвативъ съ собой плэдъ и зонтъ, баринъ наконецъ вышелъ. Онъ постоялъ немного на подъѣздѣ, натягивая свѣжія перчатки. Съ дребезгомъ подкатили два извозчика, но получили отказъ. Баринъ, не торопясь, направился въ городъ пѣшкомъ, внимательно осматривая дома, новыя вывѣски, встрѣчныхъ. Странные эти провинціальные города, — вотъ много и новыхъ домовъ, а въ общемъ видъ все тотъ же, какъ и двадцать лѣтъ назадъ, точно что-то задерживало здѣсь жизнь, вѣрнѣе сказать — придавливало. Какая-то этакая подлая унылость глядитъ на васъ изъ каждаго окна... Вотъ и главная площадь, на которой стоятъ деревянный театръ и каменный гостиный дворъ, дальше гимназія, казенная палата, губернаторскій домъ, винный складъ, ка-

зенная типографія, земская управа, — все то же и все такъ же. Ивану Петровичу казалось страннымъ, что онъ когда-то учился вотъ въ этомъ бѣломъ зданіи, ходилъ по этимъ тротуарамъ, задыхался отъ юношескаго восторга въ райкѣ дряннаго театра и т. д.

Его охватило ощущеніе чего-то чужого, далекаго, ненужнаго и все-таки тяжелаго. Каждый шагъ впередъ поднималъ изъ глубины временъ спутанныя воспоминанія, лица, сцены...

Онъ прошелъ мимо губернаторскаго дома,—напротивъ, въ подвалѣ, жилъ тотъ же портной, надъ нимъ тотъ же магазинъ „колоніальныхъ товаровъ“. Да, все то же... Онъ повернулъ по улицѣ вправо, гдѣ дома сразу понизились—начиналось чиновничье жилье. Тѣ же сѣренькіе деревянные домики съ палисадниками. Вотъ и тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ гимназистомъ, вотъ его окно, вотъ старыя березы, подъ которыми онъ готовился къ выпускному экзамену. Какъ это, однако, было давно, и точно дѣйствующимъ лицомъ былъ не онъ, Иванъ Петровичъ Самойловъ, а кто-то другой. Вотъ и еще сѣренькій домикъ съ покосившейся калиткой. Иванъ Петровичъ по привычкѣ поискалъ глазами звонокъ, а потомъ направился прямо на парадное крыльцо,—подъѣздовъ здѣсь еще не было. Отъ звонка болталась оборванная ручка, но дверь оказалась незапертой. Ступеньки крыльца уже сгнили, половицы деревяннаго пола покосились; въ полутемной передней его охватилъ смѣшанный запахъ кухни и залежавшагося старья.

— Кто тамъ?—спросилъ старушечій голосъ изъ гостиной.

— Это я...—довольно логично отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, съ трудомъ снимая пальто, сшитое „на фигуру“.—Да, я...

Изъ гостиной съ трудомъ вышла старая рыжая собачонка, посмотрѣла удивленно на незнакомаго человѣка своими слезившимися глазами, хотѣла полаять, но только раскрыла ротъ и зѣвнула. Иванъ Петровичъ вошелъ въ маленькую гостиную, обставленную старинной мебелью краснаго дерева. У окна сидѣла въ глубокомъ креслѣ маленькая, худенькая, сѣденькая старушка съ какимъ-то безконечнымъ вязаньемъ—вѣдь она и двадцать лѣтъ назадъ сидѣла на томъ же самомъ мѣстѣ.

— Тетя, не узнаёте? — проговорилъ гость, стараясь придать голосу нѣкоторую родственную ласковость.

— Ну-ка, подойди поближе...

На него внимательно посмотрѣли потухавшіе темные глаза, и по сморщенному лицу разошлась радостная улыбка.

— Ваня, наконецъ-то...

Его обняли худыя старческія руки. Старушка вся встрепенулась, засуетилась, переставила для чего-то тяжелый стулъ и еще разъ обняла столичнаго гостя.

— Не правда ли, очень измѣнился, тетя?

— Да, да... Приличный сталъ такой.

— А развѣ я когда-нибудь былъ неприличнымъ?

— Нѣтъ, не то... У васъ тамъ, въ Петербургѣ, у всѣхъ одна складка: брезгливая усталость... солидность... безчувственность. Ну, да это я такъ. Садись... Пріѣхалъ наслѣдство получать? Да, вотъ и дядюшка Ѳедоръ Карпычъ отдалъ Богу душу. Крѣпкій былъ старикъ... Теперь, видно, очередь за мной. Что подѣлаешь, Ваня... А ты тамъ молодцомъ, карьеру вонъ какую сдѣлалъ. Мнѣ-то давно не писалъ, а слухомъ земля полнится. Ну, а дядя-то не забылъ и въ духовной тебѣ оставилъ свою часть... Знаешь, домъ на углу Соборной улицы—вотъ онъ его и отказалъ тебѣ. Никого не обидѣлъ старикъ... Своихъ дѣтей-то не было, такъ все племянникамъ оставилъ.

— Знаете, тетя, говоря откровенно, я мало интересуюсь этимъ наслѣдствомъ и если пріѣхалъ, то, право, не за этимъ, а просто хотѣлось взглянуть на родныя мѣста... въ послѣдній разъ...

— Пустяки!—строго проговорила старушка.—Все по закону сдѣлалъ старикъ и никого не забылъ... А ты не важничай, голубчикъ.

Потомъ старушка поднялась и торопливо побѣжала въ сосѣднюю комнату. Гдѣ-то хрипло хлопнула дверь, гдѣ-то зазвенѣла чайная ложечка, и опять короткіе, торопливые шаги. Иванъ Петровичъ поморщился, предвкушая церемонію родственнаго угощенія.

— Тетя, пожалуйста, не безпокойтесь... Я уже закусилъ.

Старушка появилась уже изъ другой двери и строго спросила:

— А гдѣ же вещи?.. Ты остановился въ номерахъ? Ахъ, безстыдникъ, безстыдникъ...

Въ дверяхъ стояла довольно суроваго вида кухарка, приготовившаяся исполнить свои обязанности по отношенію къ гостю, и, видимо, раздѣляла мнѣніе своей хозяйки. Конечно, безстыдникъ, ежели, напримѣръ, не успѣлъ пріѣхать и прямо въ трактиръ. Старушка опять исчезла и опять появилась съ подносомъ, на которомъ стояли аппетитныя маленькія тарелочки съ закусками. По пути она сообщила, что въ прошломъ году умеръ предсѣдатель казенной палаты.

— Скажите: умеръ?—почтительно удивился Иванъ Петровичъ.

— И тоже вдругъ, какъ дядя... Потомъ умерла Анѳиса Васильевна, твоя крестная.

— Да?.. Жаль... Да, очень жаль.

Притащивъ чайную посуду, старушка сообщила еще цѣлый рядъ вышедшихъ въ тиражъ именъ, а Иванъ Петровичъ долженъ былъ удивляться, жалѣть и сочувственно качать головой. Эти воспоминанія воодушевили старушку, и она засыпала гостя новостями похороннаго характера—это, видимо, ближе всего касалось ея.

— Да, да, а какіе все люди были...—повторяла она.—Галактіонъ Ефимычъ дослужился до совѣтника губернскаго правленія и вдругъ... Черезъ недѣлю послѣ него кончился Илья Захарычъ.

У Ивана Петровича наконецъ изсякъ запасъ удивленія, и онъ былъ радъ, какъ спасенію, когда появился самоваръ. Его даже тронула обстановка всего—тотъ же старинный самоваръ, тѣ же старинныя чашки съ жирной позолотой, тѣ же низенькіе толстые стаканы съ рубчиками. Наконецъ тотъ же запахъ отъ закусокъ домашняго дѣла—всѣ эти соленые рыжики, огурчики, икра, маринованные рябчики, копчушки смотрѣли, казалось, на него по-родственному.

— Что же это я?—ахнула старушка и всплеснула руками.—Болтаю, болтаю, а главнаго-то и не спрошу. Гдѣ у тебя жена-то, Ваня?

— Какая жена, тетя?

— А какія жены бываютъ? Не женился? Ты не женился до сихъ поръ? Ахъ, безстыдникъ, безстыдникъ...

— Успокойтесь, тетя, у меня есть невѣста...

Въ доказательство своихъ словъ Петръ Иванычъ досталъ изъ кармана бумажникъ, раскрылъ его и подалъ старушкѣ тщательно завернутую фотографію. Старушка побѣжала за очками и долго и внимательно разсматривала портретъ.

— Петербургская зелененькая барышня,—резюмировала она свои изслѣдованія.—Да, да... Навѣрно умненькая, ядовитая и ничего женскаго въ ней, т.-е. настоящаго. А когда свадьба, Ваня?

— Право, хорошенько еще самъ не знаю...

— И давно это дѣло у васъ тянется?

— Какъ вамъ сказать, тетя... Позвольте, приблизительно лѣтъ пять.

— Пять лѣ-ѣтъ?..,

— Да... Нужно же хорошенько узнать другъ друга, познакомиться,— вообще, не такое дѣло, чтобы торопиться.

Старушка выслушала объясненіе, пожевала губами и проговорила:

— Ничего изъ этого не выйдетъ...

II.

За чаемъ общій разговоръ почти исчерпался, и старушка начала повторяться, перебирая своихъ покойниковъ. Нѣсколько разъ наступали неловкія паузы. Было что-то такое, что̀ оставалось недосказаннымъ и о чемъ, видимо, избѣгали говорить. Иванъ Петровичъ внимательно осмотрѣлъ всю комнату и съ невольнымъ вздохомъ проговорилъ:

— А у васъ, тетя, все попрежнему: та же мебель, тѣ же дешевые цвѣты и даже, кажется, та же собачонка. Точно я вчера уѣхалъ... Вѣдь и родныхъ осталось у меня—вы одна.

— Въ чужой вѣкъ живу, голубчикъ. А ты куда отъ меня-то?

— Нужно будетъ сдѣлать визиты кой-кому. Заверну къ Спдорскимъ, потомъ къ Зыбинымъ, потомъ...

Прощаясь, Иванъ Петровичъ повторилъ еще разъ:

— Увѣряю васъ, тетя, что это наслѣдство мнѣ въ тягость... И знаете почему? Придется ѣхать къ Евгеньевымъ... Я ужъ собралъ справки на этотъ счетъ. У насъ выходятъ какіе-то совмѣстные расчеты, которыхъ не обойдешь...

Старушка строго подобрала губы и вопросительно посмотрѣла своими потухавшими глазами на племянника, провѣряя какую-то тайную мысль.

— Что̀, боишься встрѣтить Шуреньку?—замѣтила она.—Ты ее теперь не узнаешь... Ничего, они хорошо живутъ. Мужъ у ней обстоятельный... Не богато, а живутъ. Да и что̀ толку въ богатствѣ-то, ежели оно ни къ чему.

— Это вы на мой счетъ?

— А какъ ужъ это тебѣ понравится: на всякій счетъ выйдетъ то же. Поговорка такая есть: копилъ, копилъ, да чорта и купилъ. Такъ и ты со своей зелененькой барышней... Не къ чему и огородъ-то городить, миленькій. А вотъ Шура Горохова—совсѣмъ другое. Кровь съ молокомъ была дѣвушка, характеръ—шелкъ, а веселая какая... Погордился ты тогда передъ ней, погнался за карьерой, ну, теперь и пеняй на себя. Другую-то такую не сыщешь...

— Вѣдь она счастлива и безъ меня, тетя, такъ о чемъ же тутъ говорить. Я очень радъ за нее...

Обѣ стороны взволновались, и гость поторопился уйти. Старушка даже разсердилась и долго ворчала, сидя въ своемъ креслѣ.

— Видишь, какой гусь выискался!.. Увлекъ тогда дѣвушку, наговорилъ ей четверговъ съ пятницами, а потомъ и въ кусты. Что̀ же, ей-то вѣковушей оставаться было изъ-за него?.. Этакая-то дѣвушка, да сидѣть будетъ у окошечка... Какъ-никакъ, а она теперь со своимъ гнѣздомъ, а ты вотъ разговаривай съ зелененькой барышней, пока она еще слушаетъ тебя. Охъ, ужъ эти мнѣ петербургскіе!.. И, главное, вѣдь доволенъ собой!..

Дальше старушка соображала, что для перваго раза высказала лишнее,

и еще больше огорчилась. Конечно, Иванъ Петровичъ не чужой человѣкъ, а все-таки она поторопилась.

— Батюшки, свѣты мои, да вѣдь я его и обѣдать-то не пригласила!— ужаснулась окончательно старушка, точно совершила какое-то святотатство.— Человѣкъ пріѣхалъ все-таки на родину, а тутъ и пообѣдать негдѣ... Гдѣ онъ остановился-то? Ахъ, совсѣмъ я выжила изъ ума...

Иванъ Петровичъ тоже былъ недоволенъ своимъ поведеніемъ и дорогой прочелъ себѣ довольно строгую нотацію. Тетя, конечно, хорошій человѣкъ, но съ этими милыми родственниками нужно вотъ какъ осторожно. Какія-то у нихъ невозможныя претензіи, навязчивость—вообще, суютъ носъ, куда не слѣдуетъ. Къ чему, напримѣръ, подобные откровенные разговоры, какъ сегодняшній?

— А что, если совсѣмъ не ходить къ Евгеньевымъ?—вслухъ подумалъ Иванъ Петровичъ и самъ же устыдился своего собственнаго малодушія.

Да и чего онъ стѣсняется въ самомъ-то дѣлѣ? Въ сущности, вѣдь ничего серьезнаго и не было, а такъ, самая обыкновенная юношеская привязанность. Ну, что же изъ того, что онъ цѣловалъ эту самую Шуреньку Горохову, клялся ей въ вѣчной любви, хотѣлъ отравиться и кончилъ тѣмъ, что самымъ скромнымъ образомъ сбѣжалъ. Не могъ же онъ утопить себя въ провинціальной глуши только изъ-за того, чтобы имѣть счастье сдѣлаться мужемъ какой-нибудь провинціальной барышни, затѣмъ не могъ же онъ тащить такую жену въ столицу и т. д., и т. д.

Осенніе дождливые дни какъ-то располагаютъ къ мечтательности, и Иванъ Петровичъ противъ воли возстановилъ нѣкоторыя подробности неудавшагося романа. Вотъ по этой улицѣ, по этимъ тротуарамъ онъ гулялъ съ ней, задыхаясь отъ счастья. Вонъ на томъ углу онъ терпѣливо ждалъ ее по цѣлымъ часамъ. А вѣдь она, право, была недурна, особенно зимой, когда все лицо дышало такимъ заразительнымъ здоровьемъ. А какъ хорошо она улыбалась, какъ весело смѣялась! Положительно, она была хорошенькая, эта Шуренька, хорошенькая, даже когда плакала. А она плакала, когда они разставались, т.-е. когда она предчувствовала разлуку. Тогда былъ такой же дождливый день; онъ смотрѣлъ въ окно, а она сидѣла въ уголкѣ и плакала! Это были первыя женскія слезы, и онъ до сихъ поръ не могъ вспомнить о нихъ безъ какого-то особенно тоскливаго чувства. Какъ будто немножко и совѣстно и грустно—вообще нехорошо. Потомъ много было другихъ женщинъ, были и слезы, но то совсѣмъ другое. Сквозь эту дымку воспоминаній выступали когда-то дорогія черты—этотъ дѣтски-мягкій носикъ, удлиненный по-восточному овалъ лица, пухленькій ротикъ, лучистые глаза неопредѣленнаго цвѣта и цѣлая волна шелковыхъ русыхъ волосъ, мягкихъ, съ завитками на вискахъ и на шеѣ. Да, у Шуреньки были чудные волосы, и онъ любилъ ихъ гладить. Есть что-то особенное въ этихъ женскихъ волосахъ. Иванъ Петровичъ обращалъ вниманіе главнымъ образомъ у женщины на волосы, но потомъ никогда не встрѣчалъ такихъ, какіе были у Шуреньки. Вспомнилъ Иванъ Петровичъ старинный разоренный барскій домъ, въ которомъ жили Шуренька съ своей бабушкой. Она выросла сиротой, и это старое дворянское гнѣздо какъ-то особенно шло къ ней. Именно шло, точно рама къ картинѣ. Такихъ разоренныхъ дворянскихъ семей на Руси много. Отецъ Шуреньки прожилъ все, что можно было прожить, и самъ умеръ отъ разныхъ излишествъ, потому что ни въ чемъ не зналъ мѣры. У бабушки оставались какія-то крохи, и она ухитрилась на нихъ дать воспитаніе внучкѣ. Да... Что-то было еще потомъ... Но пѣтъ, довольно этихъ грустныхъ воспоминаній.

Ни къ Сидорскимъ ни къ Зыбинымъ Иванъ Петровичъ не пошелъ, а отправился прямо къ Евгеньевымъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ точно хотѣлъ показать кому-то, что ничего не боится и что ему все равно. Разговоръ со старухой-теткой являлся здѣсь главнымъ стимуломъ, но Иванъ Петровичъ не могъ бы признаться въ этомъ даже самому себѣ. Мѣшала своя мужская гордость. Да, онъ шелъ къ Евгеньевымъ и думалъ, что вотъ онъ идетъ, и ему все равно. Рѣшительно все равно. Адресъ ихъ онъ взялъ еще раньше, такъ какъ отличался въ дѣлахъ большой аккуратностью. Нужно было пройти всего двѣ улицы, повернуть направо, потомъ взять влѣво—географія родного города еще сохранилась у него. Евгеньевы жили въ новенькомъ флигелькѣ, выстроенномъ на задахъ стараго дворянскаго пепелища—мѣсто знакомое. Старый домъ стоялъ пустой послѣ смерти бабушки, потому что требовалъ серьезнаго ремонта, вѣрнѣе—перестройки. Евгеньевы предпочли выстроить небольшой флигелекъ.

Иванъ Петровичъ позвонилъ и долженъ былъ ждать довольно долго. Когда за дверями послышались тяжелые шаги, Ивана Петровича охватило малодушное чувство, именно—скромное желаніе убѣжать, скрыться, вообще исчезнуть. Это продолжалось одно мгновеніе, потому что въ дверяхъ показалось недовольное лицо пожилой горничной.

— Вамъ дохтура, что ли?—спросила она.

— Да, Семена Гавриловича.

— Ихъ нѣту. Въ лазаретъ уѣхали.

Оставалось спросить, дома ли Александра Григорьевна, и послать ей свою карточку, но вмѣсто этого Иванъ Петровичъ пробормоталъ что-то безсвязное, быстро повернулся и зашагалъ обратно. Это было формальное бѣгство. Ивану Петровичу казалось, что кто-то смотритъ на него въ окно и что онъ краснѣетъ, какъ мальчикъ, убѣгающій съ краденымъ яблокомъ. Выйдя на улицу, онъ принялъ равнодушно-дѣловой видъ настоящаго петербургскаго чиновника, нѣсколько сузилъ глаза и даже заложилъ одну руку за спину, чего никогда вообще не дѣлалъ.

„Однако, чортъ возьми, это даже совсѣмъ глупо!—подумалъ онъ, сворачивая въ ближайшій переулокъ.—Она можетъ подумать, что я струсилъ видѣть ее одну. У женщинъ своя логика. И все-таки—глупо“.

Тетя Фаина Карповна была очень удивлена, когда вечеромъ Иванъ Петровичъ опять появился въ ея маленькой гостиной. Она подобрала губы и вопросительно посмотрѣла на мудренаго петербургскаго гостя.

— Ну, что, Ваня?

— Побывалъ вездѣ, тетя, у Евгеньевыхъ, у Сидорскихъ, у Зыбиныхъ,—отвѣтилъ онъ и прибавилъ, искусственно сдерживая зѣвоту:—Евгеньева не было дома.

— А! — протянула старушка. — Ну, а что же сама? Какъ она тебя приняла?

— Александра Григорьевна? Гм... Ея тоже, кажется, не было дома, т.-е. вообще я не спросилъ. Въ другой разъ заверну.

Старушка опустила глаза, и деревянныя спицы безконечнаго вязанья пришли въ усиленное движеніе, точно сознательно старались что-то запутать, заплести, скрыть.

— Вообще, тетя, дымъ отечества на меня произвелъ самое грустное впечатлѣніе,—продолжалъ Иванъ Петровичъ, дѣлая видъ, что ничего не замѣтилъ.—Всѣ какіе-то сонные, опустившіеся. На меня смотрятъ, какъ на заморскаго звѣря. Старикъ Зыбинъ даже сконфузилъ меня, потому что вздумалъ величать его превосходительствомъ.

— Что же, голубчикъ, честь лучше безчестья. По простотѣ.

— Представьте себѣ, тетя, что я нисколько не вѣрю въ эту вашу провинціальную простоту, да. Все, что хотите, но только именно простоты и недостаетъ. Можетъ-быть, прежде все это было, а теперь одна тоска.

Иванъ Петровичъ съ большой ловкостью перевелъ разговоръ на прошлое, и старушка опять оживилась. Въ маленькой гостиной незримо прошли тѣни близкихъ людей, и голова старушки уныло покачивалась при каждомъ новомъ имени.

— Тебѣ скучно, Ваня, слушать мою болтовню!—спохватилась она.—Что дѣлать, подъ старость иногда люди дѣлаются болтливыми.

— Нѣтъ, мнѣ очень пріятно, тетя... Я еще разъ переживаю собственное прошлое, а на извѣстномъ разстояніи оно всегда дѣлается милымъ. Да и здѣсь я, вѣроятно, въ послѣдній разъ. Едва ли придется когда-нибудь еще пріѣхать: и далеко и некогда. Вотъ я сижу у васъ, тетя, и мнѣ пріятно видѣть вотъ эти знакомыя съ дѣтства стѣны, мебель, гравюры, вообще всѣ мелочи обстановки. Вѣдь и петербургскій чиновникъ—человѣкъ. Можетъ-быть, поэтому все на меня и произвело грустное впечатлѣніе: вѣдь прошлое не повторится, и именно здѣсь я съ особенной яркостью чувствую свой критическій возрастъ. Вѣдь мнѣ за сорокъ, тетя. Дальше дорога уже подъ гору.

Иванъ Петровичъ какъ-то размякъ и даже расчувствовался, когда припомнилъ свое дѣтство и юность. Веселаго и хорошаго было немного, а все-таки жаль.

— Отецъ-то у тебя попивалъ, Ваня,—оживляла старушка эти воспоминанія.—Вечеромъ все въ клубъ, все въ клубъ. Ну, а мать все одна съ ребятами. Трудно ей было. А только жаловаться покойная не любила: зачѣмъ домашнюю-то бѣду въ чужіе люди выносить. Дорого матери-то дѣтки достаются. Все сама вездѣ, сама, а радостей-то немного. Тутъ еще овдовѣла. Ты тогда во второмъ классѣ гимназіи былъ. Охъ, какъ трудно ей было поднимать васъ на ноги! Все думала: вотъ вырастутъ дѣтки большія, на старости будутъ покоить. Да такъ и не дождалась.

— Что подѣлаете, тетя. Жизнь, вообще, довольно грустная вещь.

Иванъ Петровичъ шагалъ по комнатѣ и думалъ вслухъ. Ему доставляло какое-то жуткое удовольствіе перебирать то прошлое, которое не повторится. Было уже часовъ десять вечера; въ окно глядѣла темная ночь; гдѣ-то уныло дробилась дождевая вода; на столѣ кипѣлъ самоваръ, на стѣнѣ мѣрно тикали старинные большіе часы. Старушка-собака громко храпѣла. Все здѣсь полно было тихой старостью, которая уже ничего не ждетъ—некуда итти, нечего желать. Отдѣльные дни являлись ступеньками, по которымъ чѣмъ выше, тѣмъ труднѣе было подниматься. И это — жизнь. И стоитъ для этого жить, когда есть другая жизнь, бойкая, захватывающая. Иванъ Петровичъ съ особеннымъ удовольствіемъ думалъ о томъ, какъ онъ вернется опять въ Петербургъ и войдетъ въ ту колею, изъ которой его на время выбила вотъ эта поѣздка.

Прощаясь со старушкой, чтобы итти къ себѣ въ „Бережокъ“, Иванъ Петровичъ поморщился и проговорилъ:

— Ахъ, тетя, какая сегодня ночью со мною случилась непріятная вещь!

— Непріятная?—встрепенулась старушка.

— Да, да. Лежу я въ постели и только началъ засыпать, какъ вдругъ чувствую, что кто-то ползетъ по стѣнѣ. Именно чувствую, потому что было темно, и видѣть я ничего не могъ. Зажигаю свѣчу, и что же: по стѣнѣ ползетъ клопъ.

— Клопъ?

— Да, настоящій клопъ. Меня это разстроило на весь сегодняшній день, и я все время думалъ о немъ. Вѣдь вы только представьте: ползетъ и прямо на меня. И теперь думаю о немъ.

— Но вѣдь ты его, надѣюсь, убилъ?

— Что вы, тетя! Я позвалъ лакея и велѣлъ унести его въ коридоръ. Однимъ словомъ—гадость. Сегодня опять буду ждать эту противную тварь.

— Да вѣдь лакей убилъ твоего клопа, чего же ждать-то?

— А развѣ не можетъ точно такъ же ползти другой клопъ? Затѣмъ, лакей, видимо, большая трактирная каналья и, навѣрно, отпустилъ его живого.

— Ну, это, Ваня, твои петербургскіе нервы.

— Какіе нервы, когда я его видѣлъ собственными глазами: ползетъ по стѣнѣ.

Старушку больше всего поразилъ тонъ, которымъ петербургскій гость разсказывалъ о непріятной вещи. Когда онъ ушелъ, она покачала головой и резюмировала все довольно неожиданно:

— Ужасный эгоистъ, какъ всѣ старые холостяки.

III.

Предчувствія Ивана Петровича оправдались. Только онъ сталъ засыпать, какъ почувствовалъ приближеніе врага. Онъ, дѣйствительно, ползъ по стѣнѣ и опять прямо на него. Опять коридорный Евсей былъ вызванъ для поимки негодной твари.

— Что же это такое?—взмолился Иванъ Петровичъ упавшимъ голосомъ.

— Клопъ-съ, ваше превосходительство, потому какъ хозяинъ изъ купцовъ и понятія не имѣетъ касаемо настоящихъ правильныхъ господъ.

— Ты глупъ, государь мой...

Вообще и вторая ночь вышла скверною. Почему, въ самомъ дѣлѣ, какой-то клопъ будетъ ползти на васъ? Утромъ Иванъ Петровичъ проснулся не въ духѣ, и это придало ему рѣшимость опять отправиться къ Евгеньевымъ. Э, все равно, хуже не будетъ. Иванъ Петровичъ даже не заѣхалъ къ теткѣ, а прямо отправился къ Евгеньевымъ. На этотъ разъ самъ хозяинъ былъ дома. Уже въ передней Ивана Петровича охватила знакомая съ дѣтства атмосфера приличной бѣдности,— это висѣло въ воздухѣ. Горничная была сурова по-вчерашнему и смотрѣла на гостя довольно подозрительно.

— Пожалуйте сюды-съ,—пригласила она его въ гостиную, обставленную по шаблону всѣхъ гостиныхъ средней руки.

Хозяинъ не показывался нѣсколько времени, и по суматохѣ, происходившей гдѣ-то за стѣной, и по судорожно хлопавшимъ дверямъ Иванъ Петровичъ имѣлъ полное право догадаться, что онъ спѣшно одѣвается, чтобы выйти къ гостю вполнѣ приличнымъ человѣкомъ. Пока совершалась эта торжественная церемонія, гость внимательно осмотрѣлъ гостиную съ ея официальной обстановкой, дешевой мебелью, дешевенькими обоями. Что бросилось Ивану Петровичу въ глаза, такъ это тотъ специфическій безпорядокъ, который вносятъ съ собой въ небогатыхъ семьяхъ только дѣти. Значитъ, у Евгеньевыхъ были дѣти. Это открытіе какъ-то сразу повернуло всѣ мысли Ивана Петровича въ другую сторону, и онъ отъ души пожалѣлъ этого г. Евгеньева, который въ его глазахъ являлся мученикомъ. Да, много ли получаетъ какой-то уѣздный врачъ, а тутъ цѣлая семья на шеѣ. Положеніе не изъ красивыхъ, даже въ провинціи, гдѣ жить сравнительно дешевле.

— Извините, пожалуйста,—торопливо говорилъ хозяинъ, на ходу застегивая пуговицу военнаго мундира.

Когда Иванъ Петровичъ назвалъ свою фамилію, лицо хозяина приняло знакомое большому чиновнику выраженіе готовности что-то такое сдѣлать, поспѣшить и угодить. Бѣдняга тоже тянулъ служилую лямку. Иванъ Петровичъ видѣлъ только, что Евгеньевъ мало постарѣлъ и выглядѣлъ здоровякомъ.

— Вотъ пріятная неожиданность, Иванъ Петровичъ. А мы съ женой еще недавно вспоминали васъ. Да... Она тоже будетъ рада. Вѣдь вы, кажется, съ ней друзья дѣтства?

— Да, я хорошо помню Александру Григорьевну, хотя мы уже не видались давненько. По крайней мѣрѣ, я успѣлъ за это время совсѣмъ состарѣться.

Послѣднюю фразу Иванъ Петровичъ любилъ повторять, чтобы выслушать лишній разъ самое горячее опроверженіе: „Помилуйте, Иванъ Петровичъ, какой же вы старикъ? Если бы всѣ были такими стариками“.

— Я сейчасъ скажу Шурѣ, — заявилъ хозяинъ. — Она будетъ очень рада.

— Извините, Семенъ Гаврилычъ, если я предварительно попрошу у васъ четверть часа для дѣлового разговора... Я пріѣхалъ сюда по небезызвѣстному вамъ дѣлу о наслѣдствѣ послѣ моего дяди, и намъ съ вами придется войти въ нѣкоторое соглашеніе.

— Ахъ, да, да... Шура еще недавно говорила... Пойдемте въ мой кабинетъ, тамъ намъ никто не помѣшаетъ.

Послѣднее оказывалось не лишнимъ, потому что въ пріотворенную дверь выглядывали два дѣтскихъ личика, слѣдившихъ съ жадным дѣтскимъ вниманіемъ за каждымъ движеніемъ гостя.

Обстановка докторскаго кабинета говорила о той же приличной бѣдности, и здѣсь тоже были явные слѣды постоянныхъ набѣговъ неизвѣстной дѣтворы. На письменномъ столѣ валялась позабытая дѣтская игрушка, разложенные на отдѣльномъ столикѣ хирургическіе инструменты были приведены въ художественный безпорядокъ и т. д. Иванъ Петровичъ присѣлъ къ письменному столу и коротко и обстоятельно изложилъ сущность дѣла.

— Вы понимаете, Семенъ Гаврилычъ, что въ сущности всѣ эти хлопоты для меня лично не представляютъ особеннаго интереса,—закончилъ онъ съ привычной солидностью дѣлового человѣка.—Даже я, если бы не боялся показаться неделикатнымъ по отношенію къ послѣдней волѣ наслѣдодателя, съ удовольствіемъ отказался бы отъ своей части въ пользу другихъ сонаслѣдниковъ...

— Нѣтъ, зачѣмъ же, Иванъ Петровичъ... Шура не согласится. Она у меня очень щепетильна...

Всѣ разговоры домовладыки обязательно заканчивались этой Шурой, что не ускользнуло, конечно, отъ вниманія Ивана Петровича. Бѣдняга былъ влюбленъ въ собственную жену...

Дѣловой разговоръ кончился быстро.

— Я сейчасъ...—извинился хозяинъ, быстро исчезая въ дверяхъ...

Опять послышалась суматоха, торопливые шаги, сдержанный шопотъ и хлопанье дверей. Теперь уже сама хозяйка готовилась принять приличный видъ. Иванъ Петровичъ даже вздрогнулъ, когда послышались легкіе женскіе шаги и въ кабинетъ вошла она. Онъ поднялся и посмотрѣлъ на нее. Это была средняго роста еще молодая женщина, съ тѣмъ особеннымъ мягкимъ выраженіемъ лица и всей фигуры, какое дается только материнствомъ. Для

своихъ лѣтъ она сохранилась замѣчательно хорошо и смотрѣла прямо ему въ глаза такимъ счастливымъ взглядомъ.

— Вы не можете себѣ представить, Иванъ Петровичъ, какъ я рада видѣть васъ,—проговорила она пріятнымъ грудным голосомъ, протягивая руку.—Мы васъ поджидали, и все-таки все вышло какъ-то неожиданно.

Она густо раскрасѣлась и сѣла на диванъ. Иванъ Петровичъ опять видѣлъ эти чудные волосы, на скорую руку собранные на затылкѣ простымъ узломъ. Тѣ же глаза, та же улыбка, только все это какъ-то выходило колоритнѣе и полнѣе. Иванъ Петровичъ вскользь замѣтилъ о цѣли своей поѣздки, повторилъ вчерашній разсказъ о впечатлѣніи, которое на него произвелъ родной городъ, и въ свою очередь сказалъ, что такъ радъ видѣть старыхъ знакомыхъ.

— Я бы хотѣлъ сказать: друзей, если бы не боялся показаться навязчивымъ,—объяснилъ онъ, входя въ роль дорогого гостя.

— Въ этомъ тонѣ я не сумѣла бы вамъ отвѣтить, — призналась хозяйка съ грустной улыбкой.—Просто потому, что отвыкла говорить, какъ говорятъ въ обществѣ. Кстати, Иванъ Петровичъ, мы васъ не отпустимъ безъ обѣда: это наше право, какъ провинціаловъ.

— Конечно, не отпустимъ, Шура, — согласился Семенъ Гавриловичъ, глядя любовно на жену.

Въ сущности, Ивану Петровичу не хотѣлось обѣдать, но приходилось согласиться. Что подѣлаешь, когда на сцену выступаютъ самыя жестокія изъ всѣхъ правъ—права гостепріимства... Глядя на хозяйку, Иванъ Петровичъ испытывалъ легкое презрѣніе ко всѣмъ женщинамъ. Вѣдь вотъ эти губы говорили клятвы вѣчной любви, эти глаза загорались огнемъ, эти руки тянулись къ нему, а теперь она счастлива съ другимъ и даже не смущается этого счастья. О, женщины!.. Въ глубинѣ души Ивана Петровича шевельнулось то жестокое чувство, которое присуще почти всѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ, ему было бы пріятнѣе видѣть Шуреньку Горохову страдающею, смущенною, ждущею утѣшенія, видѣть и сознавать, что это онъ, Иванъ Петровичъ, истинная причина этого краснваго женскаго горя,—вѣдь отъ неудачной любви даже страдаютъ красиво.

Время до ранняго провинціальнаго обѣда прошло какъ-то незамѣтно, въ тѣхъ разговорахъ старыхъ знакомыхъ, содержаніе которыхъ потомъ даже припомнить трудно. Когда суровая горничная доложила, что обѣдъ готовъ, хозяйка проговорила съ такой милой улыбкой:

— Вы, Иванъ Петровичъ, вѣроятно, привыкли къ изысканному столу, а у насъ все просто... Впрочемъ, это вамъ напомнитъ немного прошлое.

Когда вошли въ столовую, Иванъ Петровичъ увидѣлъ сидѣвшихъ у стола двухъ маленькихъ дѣвочекъ и мальчика лѣтъ шести.

— Это мое потомство,—коротко объяснила Александра Григорьевна и какъ-то особенно любовно посмотрѣла на старшаго сына: — Сережа, Аня и Катя.

„Потомки“ г. Евгеньева посмотрѣли на гостя немного вытаращенными глазами, а въ сущности были заняты своими новыми передниками и праздничными платьицами. Они были принаряжены съ спеціальною цѣлью, чтобы показать гостю. Старуха-нянька смотрѣла на гостя такими глазами, когда требуютъ одобренія. Старшій мальчикъ особенно поразилъ Ивана Петровича: онъ походилъ на мать, какъ двѣ капли воды. Гость невольно засмотрѣлся на него. Это дѣтское лицо несло въ себѣ дорогія черты любимой дѣвушки. Увлекшись этими наблюденіями, Иванъ Петровичъ инстинктивно перевелъ глаза

на мать, чтобы еще разъ сравнить, — она тоже наблюдала его, такая счастливая и довольная. У Ивана Петровича что-то вдругъ защемило на душѣ, хотя онъ и не могъ бы дать отчета въ своемъ настроеніи. Такъ, какая-то безпричинная глухая тоска, которая охватываетъ человѣка иногда въ темные и дождливые осенніе вечера. Да вѣдь и его глазами смотрѣла сейчасъ тоже осень...

— Какой милый мальчикъ!—замѣтилъ Иванъ Петровичъ, дѣлая усиліе надъ собой.—И какъ онъ походитъ на васъ, Александра Григорьевна...

— Мой сынъ...—отвѣтила она съ особымъ выраженіемъ голоса, точно защищала что-то отъ послѣдней фразы.

Иванъ Петровичъ еще разъ пожалѣлъ, что остался обѣдать у Евгеньевыхъ. Случилось именно то, чего онъ совсѣмъ не ожидалъ. Стѣсненія никакого онъ не испытывалъ, но ушелъ отъ Евгеньевыхъ съ тяжелымъ чувствомъ. Онъ даже не завернулъ къ старой теткѣ, а отправился прямо къ себѣ въ „Бережокъ“. Погода была отвратительная, какая бываетъ, кажется, только въ глухихъ провинціальныхъ городахъ. Въ окна назойливо барабанилъ дождь, гдѣ-то щелкали бильярдные шары. Каждый звукъ теперь раздражалъ Ивана Петровича, точно кто-то игралъ на бильярдѣ въ его собственной головѣ. Онъ позвалъ коридорнаго и велѣлъ подать самоваръ. Нужно было сдѣлать что-то такое механически-привычное, чтобы разогнать осеннюю холостую хандру. Ивану Петровичу показалось, что у Евсея такое довольное лицо, что это тоже раздражало: чѣмъ можетъ быть довольна эта трактирная тварь?

— Послушай, государь мой, ты женатъ? — спросилъ Иванъ Петровичъ неожиданно для самого себя.

— Какъ же-съ, ваше превосходительство.

— И... и у тебя есть дѣти?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство. Безъ этого невозможно-съ...

— Какъ это невозможно?

Евсей сдѣлалъ усиліе объяснить свою мысль, но только развелъ руками.

Самоваръ кипѣлъ на столѣ; Иванъ Петровичъ долго шагалъ по своему номеру, точно распутывая какую-то мудреную мысль.

— Э, надо уѣхать скорѣе!—проговорилъ онъ наконецъ и даже обрадовался, что такимъ простымъ способомъ разрѣшается его скверное настроеніе.—Конечно, уѣхать... Завтра же!..

Онъ посмотрѣлъ на свои чемоданы и дорожныя вещи, разложенныя въ томъ порядкѣ, которому онъ училъ Евсея. Вотъ все сложить и на пароходъ... Туда, домой.

Съ этой мыслью онъ легъ спать, хотя было еще рано — всего десять часовъ. Время не желало двигаться. Иванъ Петровичъ долго лежалъ съ закрытыми глазами, стараясь заснуть. Сосчиталъ до двухъ тысячъ — сонъ не шелъ. У него передъ глазами въ туманѣ стояло лицо Сережи.

вѣдь у меня былъ бы такой же сынъ, — невольно подумалъ Иванъ Петровичъ.—Да... И съ такими же глазами. Онъ меня называлъ бы папой...“

Эта мысль прогнала овладѣвавшую имъ дремоту. Иванъ Петровичъ зажегъ свѣчу, сѣлъ на кровати и долго смотрѣлъ въ темный уголъ комнаты, гдѣ стояли чемоданы.

„И такія же были бы двѣ дѣвочки... да... Именно, двѣ... Онѣ ждали бы, когда папа вернется изъ поѣздки, выбѣжали бы навстрѣчу, наполнили бы щебетаньемъ весь домъ“.

Гдѣ же его дѣти, его семья? Все это принесено въ жертву карьерѣ, желанію устроиться съ наибольшимъ комфортомъ, просто—собственному эгоизму...

Иванъ Петровичъ чувствовалъ, какъ съ тупой болью билось его сердце и въ вискахъ стучала кровь. Да, эгоизмъ... И къ чему все это: карьера, комфортъ, эгоизмъ, наконецъ вотъ эти дурацкіе чемоданы? Иванъ Петровичъ почувствовалъ, что весь какъ-то холодѣетъ. Вдругъ онъ... Нѣтъ, это было что-то невѣроятное, невозможное, дикое! Онъ услышалъ, какъ кто-то тихо и жалобно проговорилъ: папа. Да, онъ это слышалъ явственно и слышалъ, что это говорилъ дѣтскій голосъ, и другой дѣтскій голосъ отвѣтилъ ему этимъ же словомъ. Иванъ Петровичъ точно застылъ и не смѣлъ пошевельнуться, точно боялся спугнуть незримыя дѣтскія тѣни... Боже мой, онѣ были тутъ, онъ чувствовалъ ихъ присутствіе и холодѣлъ все больше. Да, да, да, это были тѣни его дѣтей, т.-е. тѣхъ дѣтей, которыя у него могли быть. Какое право онъ имѣлъ затаить въ себѣ эту непроявившуюся жизнь? Нѣтъ, это былъ ужасный моментъ, и Иванъ Петровичъ не могъ дать себѣ отчета относительно его продолжительности.

— Эгоистъ... эгоистъ... эгоистъ.

Иванъ Петровичъ пришелъ въ себя, только очутившись снова подъ одѣяломъ. Его била лихорадка, и онъ слышалъ, какъ стучали его зубы. Чувство дѣйствительности возвращалось, и Иванъ Петровичъ желалъ какой-нибудь физической боли, чтобы возстановить его окончательно. Вотъ если бы выползъ вчерашній клопъ и укусилъ его хорошенько...

1893.

ТОТЪ САМЫЙ, КОТОРЫЙ...

I.

Это былъ роковой день, вѣрнѣе—роковой вечеръ.

Викторъ Васильевичъ отправился съ женой въ театръ. Собственно говоря, ему очень не хотѣлось ѣхать, но настояла Евгенія Павловна. Въ послѣднее время онъ ей во всемъ уступалъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда отъ ея капризовъ могло пострадать ея здоровье. Вѣдь это капризъ, въ самомъ дѣлѣ, просидѣть цѣлый вечеръ въ дрянномъ провинціальномъ театрѣ, гдѣ дуетъ со всѣхъ сторонъ, а провинціальные актеры играютъ точно съ нарочной цѣлью показать, какъ не нужно играть. Вотъ они уже сидятъ въ собственной абонированной ложѣ (тоже капризъ Евгеніи Павловны—имѣть абонированную ложу), и Викторъ Васильевичъ время отъ времени наблюдаетъ жену заботливымъ мужскимъ взглядомъ. Ему кажется, что она сегодня слишкомъ легко одѣлась, что цвѣтъ лица у нея хуже обыкновеннаго, что антрактъ продолжается слишкомъ долго.—однимъ словомъ, не слѣдовало ѣхать сюда, въ чемъ Викторъ Васильичъ обвиняетъ только себя. Сама Евгенія Павловна въ томъ исключительномъ положеніи, когда она въ правѣ не понимать. Вѣдь это еще въ первый разъ, и Евгенія Павловна сама удивляется своему положенію и даже сердится. Она и хочетъ и не хочетъ быть матерью. Настроеніе быстро мѣняется, что̀ опять-таки понятно. Зато у Виктора Васильича такое хорошее выраженіе лица, и онъ смотритъ на жену такими заботливыми, берегущими глазами. Только хорошіе по натурѣ мужчины переживаютъ эту полноту чувствъ, которыя все сильнѣе и сильнѣе охватывали его. Да, теперь пойдетъ все другое, новое, и нужно къ нему приготовиться впередъ.

— Женя, твоимъ ногамъ не холодно?

Она даже не удостоиваетъ его отвѣтомъ и дѣлаетъ видъ, что не слышитъ. Впрочемъ, онъ привыкъ къ подобнымъ выходкамъ: вѣдь она вся одинъ капризъ, вспышка, движеніе. Это ему и нравится въ ней, потому что она не походитъ на другихъ женщинъ. Вотъ и теперь онъ любуется на ея тонкій, породистый затылокъ съ двумя дорожками изъ маленькихъ золотистыхъ волосиковъ, на гордый поворотъ головы, на часть тонкаго капризнаго профиля. Красавицей Евгенія Павловна никогда не была, но это не мѣшало ей въ ея двадцать два года быть очень интересной и даже пикантной женщиной—эти по-дѣвичьему угловатыя движенія, этотъ низкій грудной голосъ съ первыми перебоями, эти дерзкіе сѣрые глаза, эта тонкая, изящная фигура съ высокой грудью. А главное, увѣренный тонъ каждаго движенія, каждаго взгляда, каждаго звука... Именно такой Евгенія Павловна понравилась Виктору Васильичу, когда онъ встрѣтилъ ее дѣвушкой, а теперь онъ даже не могъ сказать, хо-

рона она или дурна—онъ просто любилъ ее, а теперь любилъ въ особенности, какъ будущій счастливый отецъ.

— Женя, я принесу тебѣ теплый платокъ...

— Отстаньте, пожалуйста...

— Я буду жаловаться доктору.

Она только сдѣлала нетерпѣливое движеніе плечомъ. Въ партерѣ, раскланиваясь направо и налѣво, проходилъ ихъ домашній докторъ Эрнестъ Карловичъ, высокій и плотный господинъ съ темными, не мигавшими глазами и выхоленной окладистой бородой. Виктора Васильича, какъ кровнаго барина, коробила манера доктора одѣваться съ какой-то изысканностью перваго періода и особенно его дурная привычка носить блестящія погремушки. Впрочемъ, дамскій докторъ усвоилъ себѣ и дамскія слабости. Ему все прощалось, какъ прощалъ сейчасъ Викторъ Васильичъ. Онъ теперь каждый день совѣтовался съ нимъ и просто одолѣвалъ самыми невозможными вопросами.

— Вы, кажется, думаете, мой дорогой другъ, что никогда еще женщины не рожали, и что вы будете первымъ отцомъ, какъ стоитъ міръ?—успокаивалъ его докторъ, привычнымъ жестомъ разглаживая бороду. — Скоро привыкнете, [illegible]ька... Это только вашъ первый дебютъ въ роли благороднаго отца. Статистика доказала, что на земномъ шарѣ на каждую минуту приходится около [illegible]стидесяти рожденій—у васъ слишкомъ большая конкуренція. Однимъ словомъ, успокойтесь, въ свое время все будетъ, а мы не будемъ предупреждать [illegible]ій.

Докторъ вообще любилъ поговорить и слылъ за остроумнаго человѣка, особенно въ средѣ своихъ паціентокъ.

Въ партерѣ проходили и другіе знакомые, съ которыми Викторъ Васильичъ раскланивался. Все свой народъ, какъ это бываетъ только въ провинціи, гдѣ всѣ и всѣхъ знаютъ поневолѣ. Вонъ сѣдой старикъ, предсѣдатель казенной палаты, вотъ чиновникъ особыхъ порученій Тонкошеевъ, товарищъ прокурора Лукашевичъ, воинскій начальникъ Бобровъ, инспекторъ мужской гимназіи Подестовъ—все свои, знакомые по клубу, званымъ обѣдамъ, службѣ, винту, именинамъ. Виктора Васильича охватывало невольное чувство этой домашности, и ему даже казалось, что всѣ сочувствуютъ его положенію и тоже ждутъ появленія его перваго ребенка. Будутъ поздравлять, подшучивать, догадываться, что ребенокъ походитъ на отца или мать, точно онъ можетъ не походить на кого-нибудь другого. Однимъ словомъ, милая провинція... Занятый этими мыслями, Викторъ Васильичъ совершенно не видалъ перваго дѣйствія: что-то такое говорили, входили и выходили, какая-то актриса даже расплакалась—удивительно хорошо умѣютъ эти актрисы именно плакать.

Въ антрактѣ докторъ самъ зашелъ въ ложу Виктора Васильича и съ особенной внимательностью посмотрѣлъ его женѣ въ лицо, долго не выпуская ея руки.

— Вы мнѣ сегодня нравитесь, Евгенія Павловна, — авторитетно замѣтилъ онъ, здороваясь съ мужемъ.

— Намъ не слѣдовало ѣхать сегодня въ театръ...—пожаловался Викторъ Васильичъ.—Дуетъ, мы можемъ простудиться... Не правда ли, докторъ?

— Нѣтъ, я этого не нахожу... Нарушать привычки вообще не слѣдуетъ.

Евгенія Павловна молчала. Мы, вообще, немного стѣсняемся и такъ мило стѣсняемся... Виктору Васильичу вдругъ захотѣлось обнять жену и приласкать, при всѣхъ приласкать, чтобы всѣ видѣли, какъ „мы счастливы“. Тамъ плохонькій оркестръ что-то такое пиликаетъ, на сценѣ стучатъ молотки, а мы все-таки счастливы. Сказавъ еще что-то и галантно раскланявшись,

докторъ вышелъ. Ему нужно обойти еще цѣлый десятокъ ложъ, набитыхъ его паціентками. Что̀ подѣлаете, такая ужъ обязанность моднаго дамскаго доктора, немножко баловня и шалуна, а въ общемъ милаго малаго.

Вообще Викторъ Васильичъ былъ въ самомъ отличномъ настроеніи. Когда поднимали занавѣсъ для второго дѣйствія, въ сосѣдней ложѣ, къ которой онъ сидѣлъ спиной, раздался сдержанный шопотъ:

— Это тотъ самый, который... Вотъ она сидитъ у барьера... блондинка съ высокой грудью... модный дамскій врачъ... [будетъ очень интересный папаша... Вообще, счастливая парочка...

Викторъ Васильичъ почувствовалъ, какъ онъ вдругъ началъ холодѣть, а сцена и актрисы запрыгали у него передъ глазами. Партеръ слился въ одну мутную полосу, изъ которой выдѣлялась одна только голова Эрнеста Карлыча да его квадратный красный затылокъ съ врѣзавшимся въ него туго накрахмаленнымъ воротникомъ. Большая-большая голова, которая заслоняетъ все. Викторъ Васильичъ сидѣлъ и боялся пошевелиться, какъ человѣкъ, получившій смертельную рану,—отъ каждаго движенія могла хлынуть кровь. У него завертѣлось въ головѣ, и онъ чувствовалъ только одно, что это говорятъ именно про него, чувствовалъ какъ-то всѣмъ тѣломъ. Ему сдѣлалось до того страшно, что онъ даже не обернулся, чтобы посмотрѣть на сосѣдей по ложѣ. Къ чему?.. Странно, что Евгенія Павловна точно почувствовала его настроеніе и обернулась. Онъ опустилъ глаза. Что̀ дѣлалось дальше?.. Дѣйствіе какъ-то необыкновенно быстро кончилось. Кому-то аплодировали, и каждый аплодисментъ отдавался въ сердцѣ Виктора Васильича рѣзкой болью, точно били его, Виктора Васильича. Потомъ въ слѣдующемъ дѣйствіи всѣ хохотали, положительно всѣ, и Виктору Васильичу казалось, что всѣ хохочутъ надъ нимъ, и онъ боялся взглянуть въ партеръ. Нужно было собрать все мужество, чтобы „досидѣть пьесу“ до конца и не выдать себя ни однимъ движеніемъ. Въ послѣдній антрактъ приходили къ нимъ въ ложу, кто-то и что-то говорилъ, а Викторъ Васильичъ кому-то и что-то отвѣчалъ. Ахъ, скорѣе, скорѣе домой... Домой — какое нелѣпое слово! Развѣ у него есть свой домъ, у того самаго, который?.. Евгенія Павловна что-то капризничала, когда онъ подавалъ ей зимнюю ротонду на тибетскомъ бѣломъ мѣху. Онъ только теперь взглянулъ на ложу, гдѣ говорили про него—тамъ сидѣли какіе-то неизвѣстные ему мужчины и дамы и надъ чѣмъ-то смѣялись. Да, имъ весело, что онъ тотъ самый, который...

Эту фразу Викторъ Васильичъ привезъ домой, какъ могильную плиту на кладбище,—она закрывала все его недолгое счастье, закрывала все будущее. Съ страннымъ чувствомъ онъ входилъ въ этотъ свой домъ, родовое гнѣздо, гдѣ жили еще тѣни дѣдушекъ и бабушекъ. Вѣдь онъ такъ любилъ этотъ домъ, а теперь входилъ въ него чужимъ человѣкомъ. Нѣтъ, хуже... Навстрѣчу выскочила горничная Дуняша, шелестя непстово накрахмаленными юбками. Виктору Васильичу показалось, что у Дуняши такое непріятное и нахальное лицо.

— Чай готовъ-съ въ столовой... — проговорила она, снимая съ барыни мѣховыя калоши.

— Мнѣ что-то нездоровится...—глухо проговорилъ Викторъ Васильичъ, бросая шапку на столикъ съ зеркаломъ.

Евгенія Павловна медленно подняла на него свои сѣрые глаза и устало замѣтила:

— Вы вѣчно со своими капризами... Это наконецъ скучно!..

Въ его кабинетѣ горѣла лампа подъ зеленымъ абажуромъ. Обстановка

кабинета говорила о привычкахъ богатаго человѣка, не любившаго отказывать себѣ ни въ чемъ. Викторъ Васильичъ обвелъ глазами эту обстановку и почувствовалъ, что все это ему не нужно и что онъ здѣсь болѣе чужой, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Да, рѣшительно ничего не нужно—и вотъ эти тисненые подъ кожу дорогіе обои, и массивная мебель изъ чернаго дуба, и письменный столъ съ какими-то дурацкими вычурами, и дурацкія бездѣлушки на столѣ, и этажерка съ книгами, и коверъ на стѣнѣ, и медвѣжья шкура на полу. Ничего не нужно... А между тѣмъ еще такъ недавно онъ любилъ эту комнату, въ которой работалъ, устраивалъ ее, обдумывалъ каждую мелочь и находилъ, что все такъ именно и нужно. Между прочимъ, онъ случайно увидѣлъ свое лицо въ маленькомъ англійскомъ зеркальцѣ, стоявшемъ на отдѣльномъ столикѣ, и почувствовалъ, что и самъ онъ никому не нуженъ. А лицо было и красиво и молодо, съ легкой тѣнью усталости въ выраженіи глазъ, что̀ дамы находили въ особенности интереснымъ. Сейчасъ это было чужое лицо... Ротъ какъ-то опустился, вѣки глазъ точно подкрашены, глаза смотрятъ глупо, какъ у теленка, котораго въ первый разъ привязали веревкой къ столбу. Да, онъ ушелъ отсюда хозяиномъ, а вернулся чужимъ человѣкомъ, жалкимъ и смѣшнымъ.

Викторъ Васильичъ упалъ на диванъ, закрывъ лицо руками. Все было потеряно, разбито, уничтожено... Давно ли онъ выходилъ вотъ изъ этого кабинета такой счастливый, а теперь... Ничего, ничего не осталось.

— Баринъ, а баринъ!.. Барыня ждутъ чай кушать...

Передъ нимъ стояла старая нянька Ѳекла, низенькая, сморщенная старушка со слезившимися глазами. Онъ посмотрѣлъ на нее долго и пытливо, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Въ столовой самоваръ, баринъ...

— Самоваръ? Ахъ, няня, няня...

Онъ опять упалъ на диванъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Няня напомнила ему его дѣтство, его недолгое счастье, и настоящее показалось ему еще отвратительнѣе. По ея лицу онъ видѣлъ, что она тоже все знаетъ, можетъ-быть, знаетъ гораздо раньше его и теперь жалѣетъ хорошей женской жалостью—это было написано на старомъ сморщенномъ лицѣ, въ выраженіи глазъ, въ складѣ рта. Вдобавокъ, старушка дѣлала отчаянное усиліе показать, что ничего не понимаетъ, — мало ли господа промежду себя спорятся. Дѣло молодое, сердце-то тутъ и есть... Въ другое время Викторъ Васильичъ тоже не замѣтилъ бы ничего, а теперь всѣ чувства получили какую-то болѣзненную остроту. Онъ припомнилъ, что няня уже давно смотрѣла на него какими-то скорбными глазами,—вѣдь она одна въ цѣломъ домѣ не обманывала его. Та же Дуняша, навѣрно, была правой рукой барыни...

— Ахъ, няня, няня...

У старушки лицо какъ-то передернулось, и она проговорила такимъ тономъ, какимъ говорила, когда онъ былъ ребенкомъ:

— Ахъ, касатикъ ты мой... Ждетъ вѣдь она!

— И пусть ждетъ... Я не могу... я... Что̀ же это такое? За что?..

Потомъ Викторъ Васильичъ опомнился. Зачѣмъ онъ выдаетъ себя прямо головой? Все-таки Ѳекла прислуга... Въ немъ проснулась своя барская гордость. Да и никто не можетъ ему помочь, все равно.

— Няня, идите спать,—уже сухо проговорилъ онъ.—Мнѣ что-то нездоровится... такъ скажите и женѣ.

У няни опять появилось непонимающее выраженіе лица. Она молча вышла. Виктору Васильичу вдругъ сдѣлалось страшно, страшно за свое оди-

ночество, когда собственныя мысли получили такую яркость, что онъ могъ почти ихъ видѣть. И никуда не уйдешь отъ нихъ, отъ этихъ мыслей... Ими пропитанъ самый воздухъ, онѣ будутъ его давить, впиваться въ мозгъ. Онъ сорвалъ галстукъ — дышать было нечѣмъ. Что же теперь дѣлать? Да, нужно спать... Онъ всталъ и прошелъ въ столовую. Тамъ горѣла лампа, и никого не было. Чашка Евгеніи Павловны стояла нетронутою, значитъ, она не стала одна пить чай—разсердилась...

Дверь въ спальню была закрыта изнутри. Викторъ Васильичъ осторожно постучалъ—отвѣта не послѣдовало. Это былъ первый признакъ объявленной войны. Теперь Евгенія Павловна разсердится дня на три. Это уже по обычаю: у ней такой тяжелый характеръ. Сейчасъ Викторъ Васильичъ былъ даже радъ, что разсердилъ жену. Э, все равно, пусть сердится. Онъ со злобой посмотрѣлъ на дверь спальни и проговорилъ:

— Гадина, гадина... о, гадина!..

Вернувшись въ кабинетъ, онъ бросился опять на диванъ и пролежалъ, не раздѣваясь, до самаго утра съ закрытыми глазами. Можетъ-быть, даже онъ спалъ, а можетъ-быть, и нѣтъ... Что-то безсмысленно-громадное мѣшало ему думать, мѣшало сосредоточиться, и онъ все принимался что-то такое вспоминать, такое хорошее, близкое, теплое, облегчающее.

II.

Наступили странные дни. Викторъ Васильичъ даже не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что съ нимъ происходило. И въ несчастіи можно плыть по теченію... И онъ плылъ. Прежде всего онъ рѣшилъ вопросъ, что жена не должна была ничего подозрѣвать, потому что ее застраховывало ея положеніе. Здѣсь была своя логика, логика безъ словъ и, можетъ-быть, поэтому не требовавшая доказательствъ. Какимъ-то страннымъ образомъ это послѣднее укладывалось въ душѣ Виктора Васильича съ органической ненавистью къ женѣ. Да, онъ ее ненавидѣлъ, больше—презиралъ. Ненависть предполагаетъ какой-то отпоръ, сопротивленіе, протестъ, а презрѣніе сосредоточивается только въ самомъ себѣ, минуя все остальное.

Всего больше возмущало Виктора Васильича то, что жена была совершенно спокойна. Да, она была поглощена своимъ грядущимъ материнствомъ и изъ-за него не желала видѣть рѣшительно ничего. Хотя бы тѣнь сомнѣнія или раскаянія. Вѣдь есть же совѣсть даже въ потерянномъ человѣкѣ? Безусловно дурныхъ и порочныхъ людей нѣтъ, какъ нѣтъ безусловно хорошихъ—у всякаго есть своя маленькая поправка, то, что въ астрономіи извѣстно подъ именемъ личнаго уравненія. Викторъ Васильичъ внимательно наблюдалъ жену, изучалъ каждый ея шагъ и долженъ былъ въ концѣ концовъ сознаться, что не зналъ ея. Да, не зналъ, хотя былъ ея мужемъ въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ. У нея былъ свой тайничокъ, свой особый міръ, и онъ только теперь понялъ, насколько они чужіе люди. Нѣтъ, не чужіе, а не понимавшіе другъ друга. И онъ этого не замѣчалъ, какъ иногда больной не замѣчаетъ смертельной болѣзни, которую вынашиваетъ въ себѣ нѣсколько лѣтъ. Какъ это могло случиться? Когда? Что думаетъ сама Евгенія Павловна? Можетъ-быть, наконецъ, все это неправда, клевета, сплетни...

— Конечно, неправда! — повторялъ Викторъ Васильичъ самому себѣ тысячи разъ, хватаясь за голову.—Да, неправда, неправда...

А если спросить жену прямо? Нѣтъ, изъ этого ничего не выйдетъ. Если она права, то зачѣмъ напрасно ее тревожить въ такомъ положеніи, если

правда—тѣмъ болѣе... Послѣ откровеннаго объясненія въ послѣднемъ случаѣ Евгеніи Павловнѣ останется только уйти изъ дому, а это связано съ оглаской, пересудами и еще большей сплетней. А главное, куда она пойдетъ, куда понесетъ свой позоръ?.. Наконецъ ребенокъ — онъ ни въ чемъ не виноватъ. Какъ это ужасно—человѣкъ не успѣлъ еще появиться на свѣтъ, а надъ его головой уже собирается гроза. Его рожденіе будетъ встрѣчено двусмысленными улыбками, обидными шуточками, всей строгостью общественнаго мнѣнія... Положеніе несчастнаго ребенка будетъ невыносимо, если еще онъ раньше всѣхъ броситъ въ него первый камень. Нѣтъ, такъ нельзя. Это было бы величайшей несправедливостью именно по отношенію къ нему. Викторъ Васильичъ, обсуждая всѣ мелочи, каждый разъ ставилъ себя въ положеніе этого ребенка, припоминалъ собственное дѣтство, и его сердце сжималось отъ такой хорошей жалости. Да, онъ сдѣлаетъ все, что̀ можетъ и что̀ долженъ сдѣлать въ его положеніи порядочный человѣкъ. Чужая подлость еще не заставляетъ насъ отвѣчать такой же подлостью или придумывать еще худшую. Оскорбленный звѣрь кусается и рветъ на части обидчика, а человѣкъ долженъ же чѣмъ-нибудь отличаться отъ такого звѣря.

Основной вопросъ о виновности жены для Виктора Васильича совершенно выяснился въ теченіе какихъ-нибудь двухъ недѣль. Не нужно было даже личныхъ объясненій съ ней. Для Виктора Васильича выступилъ совершенно ясно такой рядъ доказательствъ, предъ которыми замолкла послѣдняя тѣнь сомнѣнія. И каждый новый день приносилъ все новыя доказательства. Прежде всего, Викторъ Васильичъ открылъ, что всѣ его обманываютъ, начиная съ горничной Дуняши и кончая хорошими знакомыми, жалѣвшими его. Съ одной стороны обманъ шелъ прямой, нахальный, активный, а съ другой—пассивный. Но и тамъ и здѣсь въ концѣ концовъ получался все-таки обманъ, обидный, нехорошій обманъ. У Виктора Васильича выработалась цѣлая система, какъ добираться до истины. Всѣ чувства получили особенную остроту, а умъ—изворотливость инквизитора. Первый опытъ онъ произвелъ надъ Дуняшей. Эта особа оказалась сплошной ложью. Викторъ Васильичъ во всѣхъ тонкостяхъ изучилъ ея лицо, выраженіе глазъ, тонъ голоса, походку, манеру держать себя въ разныхъ случаяхъ, и достигъ того, что сейчасъ же зналъ, когда она лгала языкомъ, глазами, лицомъ, всѣмъ тѣломъ. Многое, конечно, дѣлалось безсознательно, по привычкѣ, но Викторъ Васильичъ чувствовалъ всѣ мельчайшіе оттѣнки лжи. Напримѣръ, съ барыней Дуняша держалась въ его присутствіи съ дѣланой вѣжливостью, а безъ него часто грубила, и Евгенія Павловна должна была переносить многое, потому что, вѣроятно, боялась этой горничной, посвященной въ нѣкоторыя подробности. У старой няни Өеклы являлось какое-то испуганное выраженіе, когда она замѣчала, что онъ слѣдитъ за Дуняшей такими недобрыми глазами. Да, всѣ лгали, каждый по-своему, и онъ ничего не замѣчалъ раньше, увѣренный въ своемъ счастьѣ. Конечно, домашнее зло было велико и страшно, но до извѣстной степени оно вынуждалось обстоятельствами: горничная Дуняша зависѣла отъ барыни, старая нянька жалѣла барина и т. д. Гораздо возмутительнѣе держали себя „хорошіе знакомые“, особенно дамы. О, какъ хорошо Викторъ Васильичъ теперь изучилъ ихъ всѣхъ! Вѣдь это были совсѣмъ не тѣ люди, которыхъ онъ зналъ раньше. Какъ онъ ошибался, и какъ они ошибаются сейчасъ. Для него эти знакомые составляли то живое зеркало, въ которомъ онъ видѣлъ весь свой позоръ, свое несчастіе, самого себя. Больше всего Виктора Васильича поразила безсознательная жестокость. Онъ чувствовалъ ее, когда встрѣчался съ кѣмъ-нибудь. На немъ останавливались такіе испытующіе

взгляды, въ его лицѣ искали скрытаго страданія, томились отъ невозможности сообщить ему всю правду—не потому, что жалѣли его, а потому, чтобы первому насладиться чужими страданіями. Да, все это было. Обманутую женщину жалѣютъ, а обманутый мужчина смѣшонъ въ глазахъ вотъ этой публики. Откуда это послѣднее отношеніе къ чужому несчастью? Напримѣръ, онъ лично, кому онъ сдѣлалъ какое-нибудь зло, и за что такая кара?..

На этомъ фонѣ рельефно и ярко выступало для Виктора Васильевича его домашнее горе, то горе, отъ котораго даже нельзя уйти.

Настроеніе жены Викторъ Васильичъ долго не могъ разгадать. Сначала онъ думалъ, что она слишкомъ поглощена своимъ грядущимъ материнствомъ, какъ это бываетъ съ молодыми женщинами. Но это было не совсѣмъ такъ. Она только примирилась со своимъ положеніемъ—не больше. Ея мысли были не тутъ. Когда она задумывалась, Викторъ Васильичъ чувствовалъ, гдѣ ея мысли и гдѣ бьется ея сердце. Раньше онъ не зналъ жены и только теперь изучилъ ее во всѣхъ подробностяхъ. Докторъ показывался рѣдко, большею частью въ то время, когда Виктора Васильича не было дома. Онъ постепенно отступалъ на задній планъ, и Евгенія Павловна видѣла это. Ея женская гордость получила страшный ударъ. Она только теперь поняла, что докторъ никогда ея не любилъ, и что она въ его репертуарѣ являлась только пикантной подробностью. Когда онъ входилъ въ комнату, она уже чувствовала, что онъ больше не принадлежитъ ей, и что, можетъ-быть, ея мѣсто уже занято болѣе счастливой соперницей. Ревность покинутой любовницы—нѣтъ, до этого Евгенія Павловна еще не дошла. Она собрала послѣднія силы, чтобы не выдать себя именно доктору, и относилась къ нему, какъ къ хорошему знакомому. Однимъ словомъ, шла двойная игра — одна роль съ мужемъ, другая съ любовникомъ. Въ результатѣ получился обманутый обманъ... Злѣйшій врагъ не могъ бы придумать болѣе тяжелаго наказанія. Викторъ Васильичъ, начинавшій смотрѣть на самого себя со стороны, иногда смотрѣлъ на жену съ сожалѣніемъ. Она вся точно съеживалась, а потомъ сама смотрѣла на него въ упоръ такимъ вызывающимъ взглядомъ, полнымъ какой-то затаенной ненависти. Такъ смотрятъ только люди, которымъ нечего терять. Это было нѣмое отчаяніе.

„Ахъ скорѣе бы родился ребенокъ,—съ гнетущей тоской думалъ Викторъ Васильичъ, изнемогая подъ бременемъ своихъ мыслей. — Да, скорѣе... Тогда все разрѣшилось бы само собой. Можно будетъ все объяснить...“

А если бы ребенокъ родился мертвымъ? Вѣдь все можетъ быть... Тогда было бы еще лучше. Викторъ Васильичъ сейчасъ же ловилъ себя на этой малодушной мысли, и ему дѣлалось стыдно. Въ концѣ концовъ онъ все-таки думалъ только о самомъ себѣ, тогда какъ на сценѣ должно было появиться новое дѣйствующее лицо.

Рѣшительный моментъ наступилъ раньше назначеннаго срока. Маленькій гость явился прежде, чѣмъ его ждали. Старый барскій домъ былъ весь въ этомъ новомъ существѣ. Совершалось что-то такое великое и торжественное, предъ чѣмъ должны были отступить на задній планъ всѣ остальные интересы и даже вся злоба пережитыхъ тяжелыхъ дней. Виктору Васильичу казалось, что въ его родовое гнѣздо является кто-то, чтобы произвести судъ. Да, именно судъ, когда выплывутъ на свѣтъ Божій вся правда и неправда. Самая обстановка говорила объ этомъ: акушерка въ какомъ-то бѣломъ балахонѣ, большая тишина во всемъ домѣ, серьезно-выжидающія лица, осторожные шаги. Принималъ ребенка старичокъ-докторъ, а Эрнестъ Карлычъ только стоялъ ассистентомъ — это было желаніе больной. Викторъ Васильичъ заперся у себя въ

кабинетѣ, чтобы не встрѣчаться съ нимъ. Да, онъ сидѣлъ тамъ, въ гостиной, и тоже ждалъ. Что онъ думалъ?

Какая была ужасная ночь... Викторъ Васильичъ не сомкнулъ глазъ, чутко прислушиваясь къ каждому шороху. Онъ вздрагивалъ, когда доносились стоны больной. Разъ она пожелала его видѣть. Онъ вошелъ въ спальню и остановился. Его поразило это страшно исхудавшее въ теченіе нѣсколькихъ часовъ лицо, эти запекшіяся губы, этотъ умоляющій взглядъ. Да, она хотѣла что-то сказать, но закрыла глаза и сдѣлала знакъ рукой, чтобы онъ вышелъ: она не хотѣла его участія.

— Ничего, ничего... Все идетъ хорошо, — шептала акушерка, выпроваживая Виктора Васильича изъ спальни. — Вы отдохнули бы пока, а то только напрасно волнуетесь.

— Отдохнули бы? — переспросилъ Викторъ Васильичъ и улыбнулся искривленной неестественной улыбкой... — Ахъ, да... это вы обо мнѣ...

Положеніе мужа въ такихъ случаяхъ вообще неестественно-глупо, а положеніе Виктора Васильича было невыносимо. Онъ долженъ былъ разыгрывать роль встревоженнаго супруга, готовившагося сдѣлаться счастливымъ отцомъ. Нѣтъ, какъ хотите, а это наконецъ невозможно... Всему есть границы. Величайшій актъ, переживаемый человѣкомъ, являлся въ этомъ домѣ злой ироніей.

— Ахъ, скорѣе бы...

Подъ утро Викторъ Васильичъ задремалъ въ своемъ кабинетѣ. Его разбудили осторожные шаги старой няни, которая осторожно несла что-то такое въ небольшой плетеной корзиночкѣ. Викторъ Васильичъ вскочилъ.

— Господь радость послалъ, баринъ... — просто и серьезно проговорила старушка, открывая бѣлое пикейное одѣяльце.

Въ корзинкѣ что-то корчилось, такое маленькое, беззащитное, жалкое. Виктора Васильича неудержимо потянуло взглянуть на это „что-то“, что стоило ему такихъ ужасныхъ мукъ и что унесло его счастье навсегда. Прежде всего онъ увидѣлъ крошечную, совершенно красную ручку, а потомъ уже сморщенное красное личико.

— Мальчикъ... — уже шопотомъ объяснила няня. — И здоровенькій такой...

— Неужели мальчикъ? — удивился Викторъ Васильичъ, не зная, что ему дѣлать.

— Что же вы, баринъ, не поцѣлуете его... — обидѣлась няня.

Викторъ Васильичъ сконфузился и даже покраснѣлъ. Быстро нагнувшись, онъ поцѣловалъ крошечную дѣтскую ручку. Няня какъ-то особенно смотрѣла на ребенка, съ тѣмъ тихимъ восторгомъ, какъ умѣютъ смотрѣть на дѣтей хорошія любящія старушки. Этотъ зародышъ будущаго человѣка точно снялъ съ ея души всю тяжесть, всѣ сомнѣнія, всѣ заботы, — родился человѣкъ, и теперь нужно заботиться о немъ, и только о немъ.

Первое свиданіе съ матерью вышло совсѣмъ не такимъ, какимъ старался его представить себѣ Викторъ Васильичъ. Она посмотрѣла на него совершенно безучастно, а потомъ точно удивилась, что онъ существуетъ на бѣломъ свѣтѣ.

— Женя, ты очень страдала? — тихо спросилъ онъ, наклоняясь къ кровати.

— Я?.. Да...

Акушерка сдѣлала Виктору Васильичу глазами знакъ, что нельзя безпокоить больную. Только выходя изъ спальни, онъ сообразилъ, что ничего не

сказалъ о ребенкѣ, и больная тоже, — онъ для нихъ явился какимъ-то знакомъ вопроса.

„Какъ я глупо себя держу!“ — подумалъ Викторъ Васильичъ.

Да, все было кончено. Старый домъ попрежнему былъ тихъ, но это было спокойствіе отдыхавшаго человѣка. Викторъ Васильичъ раздѣлся и легъ спать. Въ кабинетѣ было темно. Онъ уже началъ засыпать, какъ припомнилъ, что не разсмотрѣлъ лица ребенка... Да... А вѣдь у него есть лицо, есть извѣстное выраженіе этого лица, есть опредѣленныя черты. Что-то мучительно заныло въ душѣ Виктора Васильича, — явилось ощущеніе какого-то холода, которое онъ испытывалъ въ дѣтствѣ, когда доска качелей взметывала наверхъ. Что онъ дѣлаетъ теперь, этотъ маленькій человѣкъ? Викторъ Васильичъ поднялся, накинулъ халатъ и осторожно прокрался въ дѣтскую, устроенную еще до катастрофы, — съ момента своего открытія онъ не заглянулъ сюда ни разу. Онъ крался теперь черезъ залу и маленькую гостиную, какъ хорошій воръ. Дѣтская выходила окнами въ садъ. На столикѣ горѣла маленькая ночная лампа. Ребенокъ лежалъ уже въ своей нарядной колыбелькѣ, стоявшей посрединѣ комнаты. Няня дремала, сидя въ креслѣ. Онъ подкрался совсѣмъ тихо и заглянулъ въ колыбельку. Ребенокъ спалъ. Красное личико съ закрытыми глазками было покойно. Викторъ Васильичъ долго разсматривалъ его, задерживая дыханіе. Да вѣдь это личико могло походить на того другого, если не сейчасъ, то потомъ, когда время сдѣлаетъ свое дѣло. И онъ, Викторъ Васильичъ, можетъ его возненавидѣть... Ребенокъ точно почувствовалъ кружившіяся надъ его головкой сомнѣнія и сдѣлалъ тревожное движеніе. Личико исказилось, изъ пеленокъ опять выпросталась эта крошка-ручонка, точно она что-то искала. Няня встрепенулась отъ своей дремоты и только теперь увидѣла барина. Это ее точно испугало, и она загородила ребенка собой, какъ дѣлаетъ птица, когда почуетъ опасность.

— Я такъ... ничего... — оправдывался Викторъ Васильичъ. — Мнѣ показалось, что онъ крикнулъ, а вы, няня, спите.

— Идите-ка спать, баринъ... — шопотомъ отвѣтила старуха.

Она проводила его тревожнымъ взглядомъ до дверей и только покачала головой.

III.

Ребенокъ въ домѣ, первый ребенокъ... Весь складъ жизни стараго барскаго гнѣзда пріурочился теперь къ этой маленькой жизни. Она постепенно наполнила все. Официально ребенку принадлежала одна дѣтская, но онъ пробрался и въ столовую, и въ гостиную, и даже въ кабинетъ. Однимъ словомъ, властно занялъ цѣлый домъ. Викторъ Васильичъ не узнавалъ старой няни, услужливой и доброй женщины, которая сдѣлалась требовательной, ворчливой, обидчивой и вообще надоѣдливой. Явилось новое лицо въ домѣ — кормилица. За ней ухаживали, ее кормили на убой, ее старались не раздражать. Каждый день няня являлась къ Виктору Васильичу по нѣсколько разъ съ разными новыми требованіями: это нужно для ребенка, это для кормилицы и т. д. У маленькаго человѣка оказались очень большія потребности.

— Вѣдь нужно... — какимъ-то вызывающимъ тономъ повторяла няня, обращаясь къ барину. — Вѣдь онъ маленькій, сказать не умѣетъ.

— Пожалуйста, няня, дѣлайте, что нужно.

Одного согласія вообще старухѣ было мало, и она требовала разрѣшенія по каждому отдѣльному случаю, хотя Викторъ Васильичъ могъ только согла-

шаться, потому что ничего не понималъ въ сложномъ дѣлѣ ухода за ребенкомъ въ первый годъ его существованія. Евгенія Павловна не выходила изъ своей спальни цѣлыхъ двѣ недѣли, потому что чувствовала себя очень слабой. Викторъ Васильичъ надѣялся, что, когда она поправится, всѣ заботы перейдутъ къ ней. Но вышло иначе. Она не любила ребенка и относилась къ нему какъ-то официально: приносили его къ ней утромъ, потомъ въ полдень и вечеромъ. Въ дѣтскую она почти не заглядывала. Для Виктора Васильича сначала это было совершенно непонятно, и только потомъ онъ нашелъ объясненіе: въ ребенкѣ Евгенія Павловна видѣла обманувшаго ее отца.

Что было дѣлать? У Виктора Васильича сжималось сердце при видѣ этого забытаго ребенка, и онъ еще больше возненавидѣлъ жену. Раньше въ немъ проснулась жалость къ ней, а теперь этому чувству уже не было мѣста. О, это была женщина безъ всякаго сердца, черствая и безжалостная. Съ ней всякія церемоніи были излишни. Старая няня думала то же и сердито игнорировала ее.

— Мнѣ кажутся странными твои отношенія къ ребенку, — заявилъ разъ выведенный изъ себя Викторъ Васильичъ. — Ты къ нему относишься, какъ чиновникъ. Я этого не ожидалъ.

— Мало ли чего вы не ожидали — сухо отвѣтила Евгенія Павловна. — Я дѣлаю то, что умѣю... Всѣ эти материнскія нѣжности въ большинствѣ случаевъ одно притворство, а я этого не желаю.

— Ты его не любишь..

— Не знаю...

По выраженію лица жены Викторъ Васильичъ видѣлъ, что она уже догадывается, что онъ все знаетъ, и приготовилась дать ему рѣзкій отпоръ. Она ждала только перваго слова. Но что же она могла сказать въ свое оправданіе? Ей ничего не оставалось, какъ только уйти изъ этого дома. Видимо, она уже приготовилась ко всему и поэтому не обращала никакого вниманія на все, что дѣлалось кругомъ нея. Какое ей дѣло до этого дома и до того, что въ немъ происходитъ? И на себя она тоже не обращала вниманія. Знакомыхъ никого не принимала, сама не выходила изъ дому и вообще отказалась отъ всего. Викторъ Васильичъ нѣсколько разъ думалъ приступить къ роковому объясненію и каждый разъ откладывалъ. Времени впереди еще достаточно... Онъ смутно все чего-то ждалъ, хотя ждать было рѣшительно нечего. Послѣ объясненія уже ничего не оставалось...

Въ самомъ Викторѣ Васильичѣ происходило что-то совсѣмъ неожиданное, чего онъ не могъ понять и объяснить. Онъ раньше никакъ не могъ даже представить себѣ, что можно любить такого маленькаго ребенка, который еще ничего не понимаетъ и живетъ исключительно растительной жизнью. Вѣдь это не человѣкъ, а какая-то котлетка... А между тѣмъ какъ это было глупо! Именно эти первые дни и недѣли и представляютъ глубокій интересъ: на глазахъ совершалась великая тайна, и эта тайна росла, развивалась и крѣпла. Вотъ въ этихъ дѣтскихъ синихъ глазкахъ точно проснулся первый блуждающій огонекъ сознанія, эта маленькая ручка уже приспособляла свои движенія, въ маленькомъ дѣтскомъ организмѣ происходила громадная работа, которая закончится только съ пробужденіемъ нравственнаго міра. Недаромъ поэтъ сказалъ, что съ каждымъ человѣкомъ родится и умираетъ вселенная. Наблюдая за ребенкомъ, Викторъ Васильичъ чувствовалъ, какъ онъ привязывается къ нему все больше, точно прирастаетъ, и это новое чувство даже пугало его. Только иногда онъ незамѣтно для самого себя начиналъ въ немъ искать чего-то чужого, даже враждебнаго. Случалось какъ-то такъ, что старая няня ловила этотъ взглядъ и старалась защитить ребенка.

— Что вы на него такъ смотрите, баринъ! — ворчала старуха.

— Какъ смотрю?

— А такъ... нехорошо. Дитя все понимаетъ, только вотъ сказать не умѣетъ. Нечего на него смотрѣть-то, Божье дѣло... Мать-то вонъ и не замѣчаетъ младенчика. Тоже нехорошо... Вы бы хоть пристыдили ее, баринъ

— Послушайте, няня, вы себѣ начинаете позволять слишкомъ много... Мнѣ это не нравится.

— Ну, ужъ это какъ вамъ будетъ угодно. Стара я стала, баринъ...

Разъ у Виктора Васильича произошла со старухой довольно бурная сцена. Онъ вышелъ изъ себя и наговорилъ ей дерзостей. Потомъ ему сдѣлалось совѣстно. Въ старой нянѣ проснулась женщина, и ея старая кровь согрѣвалась у колыбели этого покинутаго ребенка. Старуха отдалась ему всей душой и возненавидѣла безчувственную барыню. Что же это за порядки такіе?.. Ежели и ошибка какая женская вышла, такъ грѣхъ износится: промежду мужемъ и женой Богъ судья. А младенчика жаль. Ангельская душенька. У старой няни много было такихъ простыхъ и душевныхъ словъ, которыя все ей объясняли. Она теперь даже желала, чтобы баринъ построжилъ барыню. Нельзя же такъ. Одна слава чего стоитъ. Относительно ребенка она не сомнѣвалась ни на минуту: чьему же ему быть, какъ не отцовскому? Тоже, придумаютъ... Вонъ какъ отецъ-то воззрится на младенчика, а развѣ это хорошо?

Между старой нянькой и Викторомъ Васильичемъ завязалась скрытая борьба, исходной точкой которой являлся ребенокъ. Открыто старуха ничего не высказывала, но это только усложняло положеніе. Викторъ Васильичъ теперь могъ понимать между строкъ и чувствовалъ то, что не хотѣли досказывать. Впрочемъ, его вниманіе исключительно поглощалось ребенкомъ, которому онъ отдавалъ все свое свободное время. Онъ запустилъ свою службу и всѣ остальныя дѣла и только былъ занятъ ребенкомъ. Чей ребенокъ — для него оставалось все-таки вопросомъ. Иногда ему казалось, что это его, а иногда онъ съ ужасомъ находилъ въ немъ чужія черты. Неужели нельзя любить чужого ребенка? Да развѣ онъ чужой? Ничего неизвѣстно, и даже не могло бы этого сказать утвердительно самое время. Мало ли бываетъ случайныхъ сходствъ наконецъ, того, что называется „игрой природы“. Въ чемъ выражается это эгоистическое желаніе мужчины видѣть непремѣнно себя въ ребенкѣ? Мой — это еще ничего не говоритъ, кромѣ органическаго тщеславія. Можно и даже нужно стать выше подобныхъ зоологическихъ соображеній и полюбить просто человѣка въ ребенкѣ, то будущее, которое онъ несетъ въ себѣ. Да, любовь творитъ чудеса, хотя и не всегда справедливо.

Эрнестъ Карлычъ показывался очень рѣдко и очень ненадолго. Евгенія Павловна встрѣчала его съ скучающимъ видомъ и не подавала ни малѣйшаго повода заподозрѣть ее или его въ чемъ-нибудь. Просто хорошіе знакомые, и только. Викторъ Васильичъ какъ-то чувствовалъ, когда докторъ бывалъ у нихъ, и старался съ нимъ не встрѣчаться. Онъ удивлялся, что этотъ человѣкъ имѣлъ нахальство являться къ нему въ домъ. Какое у него самодовольно-нахальное лицо, какія манеры, самый голосъ — нѣтъ, удивительно, какъ это онъ раньше ничего не замѣчалъ. Разъ Викторъ Васильичъ встрѣтился съ докторомъ въ передней.

— Что это васъ не видно? — спрашивалъ докторъ съ напускной развязностью.

Викторъ Васильичъ что-то хотѣлъ сказать, но такъ и остался съ полуоткрытымъ ртомъ. Ему сдѣлалось такъ противно и гадко. Единственной свидѣтельницей этой нѣмой сцены была горничная Дуняша, подававшая доктору

его дорогое мѣховое пальто. Съ глазу на глазъ докторъ никогда не пропускалъ ее безъ того, чтобы не ущипнуть за щеку, и Дуняша дѣлала притворно-сердитое лицо.

— И въ клубѣ не бываете...—продолжалъ докторъ, надѣвая перчатки.— Что это случилось съ вами?..

— Что случилось со мной?

У Виктора Васильича задрожали колѣни, и точно кто схватилъ его за горло. Онъ сдѣлалъ шагъ къ доктору, еще одно мгновенье, и могла бы разыграться дикая сцена, но въ этотъ критическій моментъ на выручку доктору явилась Евгенія Павловна. Она слышала изъ гостиной голосъ мужа и поторопилась предупредить непріятность.

— Докторъ настолько любезенъ, что не совсѣмъ забылъ насъ, — проговорила она съ напускной вѣжливостью.—Это тѣмъ болѣе дорого, что доктору рѣшительно нѣтъ времени даже пообѣдать...

— Обязанность прежде всего...—бормоталъ докторъ.—Au revoir, madame.

Этотъ маневръ Евгеніи Павловны спасъ доктора, но зато Викторъ Васильичъ почувствовалъ, что именно теперь наступаетъ роковой моментъ объясненія. То, чего онъ боялся, больше не существовало. Сейчасъ или никогда. Она чувствовала то же самое и намѣренно замедляла шаги, возвращаясь изъ передней.

— Мнѣ кажется немного страннымъ ваше поведеніе, Евгенія Павловна,—заговорилъ Викторъ Васильичъ, сдерживая хриплыя нотки въ голосѣ.

— Что вы хотите сказать? — сухо спросила она, приподнимая плечи.

— Что я хочу сказать?..

Онъ замялся, подбирая слова. Она шла впередъ, но быстро остановилась, обернулась къ нему и проговорила въ упоръ:

— Мнѣ не нравится вашъ тонъ, Викторъ Васильичъ... Понимаете?

— А мнѣ не нравится, Евгенія Павловна, что вы считаете меня дуракомъ. Да. Представьте себѣ только одно, что я знаю столько же, какъ вы. Можетъ-быть, даже немножко больше...

— Вы? Знаете?

Она засмѣялась, окинула его своимъ дерзкимъ взглядомъ съ ногъ до головы и быстро пошла черезъ залу въ свою комнату.

— Евгенія Павловна...

Въ отвѣтъ прошуршала только ея шелковая юбка, — Евгенія Павловна быстро скрылась въ дверяхъ. Да, это была она, та женщина, которую онъ любилъ. Эта дерзость ослѣпила его, ослѣпила на одно мгновенье, а потомъ онъ захохоталъ. Что-то было такое неестественное въ этомъ хохотѣ, такъ что Викторъ Васильичъ самъ удивился, что это именно онъ могъ такъ расхохотаться. Одно мгновенье—какъ это много значитъ, потому что вѣдь вся наша жизнь только одно мгновенье!..

Виктору Васильичу казалось, что онъ сходитъ съ ума, что у него все перепуталось въ головѣ. Напримѣръ, теперь ему ужасно хотѣлось броситься вслѣдъ за женой, остановить ее и сказать ей, кто она такая. Да, это былъ настоящій моментъ, который такъ глупо пропущенъ имъ. Вѣдь все равно, рано или поздно объясненіе должно произойти, и только безхарактерные люди оттягиваютъ подобныя вещи изо дня въ день. Это даже не доброта, а просто дряпная безхарактерность. Евгенія Павловна смѣется надъ нимъ въ лицо, и она въ правѣ такъ дѣлать, потому что съ другимъ мужемъ она не посмѣла бы позволить себѣ выходку въ родѣ сегодняшней.

— Дрянь я... тряпка...—повторялъ Викторъ Васильичъ самому себѣ.—

Ахъ, если бы не этотъ несчастный ребенокъ! Если бы онъ умеръ... Вѣдь умираютъ же другія дѣти?.. О, тогда было бы совсѣмъ другое дѣло.

Что было дальше — трудно сказать. Время шло, какъ температура у больного—то быстро, то тихо. И впереди попрежнему не оставалось никакого просвѣта. Такъ, сумбуръ какой-то. Мысль о смерти ребенка приходила Виктору Васильичу уже нѣсколько разъ, и онъ впередъ представлялъ себѣ картину того, что произойдетъ. Евгенія Павловна, конечно, уѣдетъ къ роднымъ... Да и не все ли равно, куда она уѣдетъ? Онъ останется одинъ... Первое время ему будетъ очень трудно, а потомъ явится привычка: вѣдь ко всему можно привыкнуть. Провѣряя свои чувства, Викторъ Васильичъ могъ сказать, что онъ любилъ жену. Да, очень любилъ и никогда не думалъ, конечно, что такъ печально закончится ихъ совмѣстная жизнь. И нѣтъ возврата!.. Въ минуты такого раздумья поворотнымъ пунктомъ всегда являлась роковая фраза: тотъ самый, который... Это былъ его смертный приговоръ. О, онъ не хочетъ быть общимъ посмѣшищемъ, притчей во языцѣхъ. Пусть его горе остается въ этихъ стѣнахъ, какъ застарѣлая болѣзнь.

Утромъ у Виктора Васильича являлось что-то въ родѣ прояснѣнія. Онъ могъ болѣе безпристрастно обсудить свое положеніе и приходилъ неизбѣжно къ одному заключенію: нужно пощадить ни въ чемъ неповиннаго ребенка. Кстати, у него уже было свое имя: Вадимъ. Онъ носилъ уже его фамилію. Когда Викторъ Васильичъ подходилъ къ его кроваткѣ, кормилица говорила:

— Вадя, это папа... Ну, скажи: па-па!

Ребенокъ таращилъ смѣшно глазенки, взмахивалъ ручками и оставался вопросительнымъ знакомъ. Виктора Васильича всегда разстраивала подобная сцена. Онъ особенно ярко чувствовалъ свое положеніе именно въ такіе моменты. Кормилица, конечно, ничего не подозрѣвала и хотѣла доставить ему удовольствіе. Разъ она прибѣжала къ нему въ кабинетъ, взволнованная, радостная, съ раскраснѣвшимся лицомъ.

— Баринъ, идите скорѣе...

— Что случилось?

— Ахъ, идите скорѣе...

Она потащила его въ дѣтскую. Ребенокъ лежалъ въ своей кроваткѣ и улыбался,—это была его первая улыбка... Викторъ Васильичъ схватилъ себя за голову и выбѣжалъ изъ дѣтской, какъ сумасшедшій.

— Баринъ, что вы?

IV.

— Викторъ Васильичъ, что же докторъ не ѣдетъ?

Онъ обернулся и внимательно посмотрѣлъ на жену. Она стояла въ дверяхъ его кабинета такая утомленная, жалкая, измученная и... некрасивая. Именно послѣднее ему почему-то бросилось въ глаза, — какая она худая въ этомъ утреннемъ капотѣ, лицо осунулось, ротъ сдѣлался больше, бѣлокурые волосы сбились какими-то бабьими космами. Всего какихъ-нибудь двѣ-три безсонныхъ ночи, и отъ Евгеніи Павловны осталась кожа да кости.

— Онъ долженъ быть сейчасъ, — равнодушно отвѣтилъ Викторъ Васильичъ, глядя на часы.

Евгенія Павловна сдѣлала быстрый поворотъ и исчезла, какъ привидѣніе. Онъ долго смотрѣлъ на пріотворенную дверь, точно стараясь что-то припомнить — такое далекое и хорошее, что никакъ не давалось. Что же, въ

самомъ дѣлѣ, докторъ не ѣдетъ? Онъ пошелъ въ столовую, гдѣ часы пробили четыре — самое трудное время для всего дома.

— Что Дима? — спросилъ Викторъ Васильичъ пролетѣвшую мимо него съ какимъ-то кувшиномъ въ рукахъ горничную Дуняшу.

Она какъ-то фамильярно посмотрѣла на него своими свѣтло-карими глазами и только махнула рукой. Этотъ жестъ точно придавилъ Виктора Васильича,—вѣдь сегодня роковой восьмой день, какъ Дима боленъ... Боже мой, нужно же что-нибудь дѣлать!

Въ дѣтской шторы были опущены, и комната освѣщалась только зеленымъ кругомъ лампочки подъ шелковымъ абажуромъ. У кроватки больного сидѣла Евгенія Павловна. Димѣ только-что минуло пять мѣсяцевъ, и онъ лежалъ такой красивый, несмотря на болѣзнь. Напряженно-раскраснѣвшееся дѣтское личико, полуоткрытый ротикъ съ запекшимися губами, закрытые глаза,— полная картина страдающаго маленькаго человѣчества. Въ обезсилѣвшемъ дѣтскомъ тѣльцѣ отчаянно боролся послѣдній огонекъ жизни. Маленькая грудь такъ тяжело поднималась, — въ ней былъ настоящій пожаръ.

— Доктора, доктора, ради Бога!.. — шептала Евгенія Павловна, ломая руки.—Ради всего святого, доктора... Онъ умираетъ.

Викторъ Васильичъ выбѣжалъ изъ спальни и бросился въ переднюю. Его обогнала Дуняша, снѣвшая на рѣзкій звонокъ. Вошелъ докторъ.

— Эрнестъ Карлычъ...—задыхаясь, говорилъ Викторъ Васильичъ.—Ахъ, онъ умираетъ... да... тамъ... ахъ, онъ умираетъ...

Докторъ только поднялъ плечи. Вѣдь онъ же говорилъ, что опасности нѣтъ? Эти господа родители всегда изводятъ его своими страхами.

— Докторъ, ради Бога...

— Я сейчасъ,—сухо отвѣтилъ докторъ, направляясь въ гостиную.

Викторъ Васильичъ бросился за нимъ, добѣжалъ до половины комнаты и остановился. Широкая спина доктора уже исчезла въ дверяхъ. О, какъ онъ ненавидѣлъ этого человѣка, и теперь больше, чѣмъ когда-нибудь.

„Нѣтъ, не то... — вслухъ думалъ онъ. — Зачѣмъ я пустилъ этого шарлатана? Нуженъ консиліумъ... какъ это раньше мнѣ не пришло въ голову?“

Викторъ Васильичъ уѣхалъ, не сказавъ никому ни одного слова. Объ его отъѣздѣ сообщила барынѣ Дуняша. Евгенія Павловна искоса взглянула на доктора, шагавшаго по кабинету. Его возмущало, что болѣзнь круто повернула къ худшему. А все оттого, что эти проклятыя нервныя дѣти умираютъ отъ простой царапины... Что же онъ можетъ подѣлать? А тутъ еще эти сѣрые глаза, которые смотрятъ на него съ такимъ умоляющимъ выраженіемъ, точно отъ него зависитъ прекратить дурную привычку умирать. Выдастся же проклятый денекъ...

— Мужъ отправился устраивать консиліумъ...—тихо проговорила Евгенія Павловна, опуская глаза, точно она просила извиненія.

— Я не въ претензіи, — сухо отвѣтилъ докторъ, поправляя давившій шею крахмальный воротъ. — Будь это другой ребенокъ, т.-е. обыкновенный нормальный ребенокъ, тогда другое дѣло. Никакая наука не можетъ предвидѣть тѣхъ сюрпризовъ, какіе преподносятъ господа родители своими нервами... Вы только посмотрите на себя и на вашего супруга...

Евгенія Павловна вдругъ вся выпрямилась, точно ее выстрѣлили. Лицо побѣднѣло, губы конвульсивно зашевелились. Докторъ сказалъ больше, чѣмъ желалъ, и сдѣлалъ гримасу.

— Вы, докторъ, говорите о моемъ супругѣ?—проговорила она отчетливо, глядя ему прямо въ глаза.—О моемъ мужѣ?

Онъ схватилъ ее за руку и поцѣловалъ.

— Простите... Знаете, я врагъ этихъ сентиментальностей, т.-е. не понимаю ихъ. Я хотѣлъ сказать...

— Нѣтъ, позвольте, Эрнестъ Карловичъ, теперь ужъ я вамъ все скажу: я васъ презираю... да. Презираю, какъ только можетъ презирать женщина... женщина-мать... да. И себя презираю...

Они были одни въ комнатѣ, но онъ все-таки оглянулся, дѣлая къ ней шагъ. Она остановила его жестомъ.

— Не нужно... не смѣйте.

Докторскія плечи поднялись. О, милыя женщины, какъ онѣ повторяютъ другъ друга даже въ глупостяхъ... А между тѣмъ даже уйти было неудобно. Нечего сказать, красивое положеніе. Эта тяжелая сцена прервана была появленіемъ Дуняши, обладавшей необыкновенной способностью входить и уходить въ-время. Такъ было и сейчасъ. Докторъ посмотрѣлъ на нее благодарными глазами. Евгенія Павловна тоже была рада. Только безучастнымъ оставался одинъ „пифантъ“, въ маленькой груди котораго дѣтское сердце било набатъ. Ахъ, какъ страдала Евгенія Павловна, глядя на своего первенца,— страдала каждымъ нервомъ, каждой каплей крови. Все остальное отлетѣло, исчезло, спало, какъ чешуя или короста, а осталась одна мать. Она съ удовольствіемъ выслала бы доктора изъ дѣтской, если бы не считала его помощь необходимой. Дѣло шло къ кризису, и каждая минута была дорога. Давеча она разсердилась на мужа, поѣхавшаго устраивать консиліумъ безъ ея согласія, а теперь была благодарна ему. Да и для Эрнеста Карлыча консиліумъ явится нѣкоторымъ укоромъ...

Консиліумъ собрался ровно черезъ часъ. Викторъ Васильичъ былъ извѣстнымъ лицомъ, и для него не могло быть отказа. Пріѣхали шесть докторовъ. Всѣ по очереди осмотрѣли больного, выслушали изъ вѣжливости объясненія „господъ родителей“ и отправились для совѣщанія въ гостиную. Эрнестъ Карлычъ все время хранилъ упорное молчаніе, стоя у окна и предосудительно щурясь на почтенныхъ коллегъ. И какіе коллеги—стыдно смотрѣть... Военные врачи въ такихъ засаленныхъ мундирахъ, штатскіе еще лучше—какіе-то запошенные, обдерганные. Однимъ словомъ, среди этого ученаго стада Эрнестъ Карлычъ выглядѣлъ настоящимъ модникомъ, начиная со своего щегольского сюртука.

Врачи прикрыли за собой двери. За однимъ столомъ мѣста не хватило для всѣхъ. Эрнестъ Карлычъ заговорилъ первымъ:

— Коллеги, я здѣсь являюсь до нѣкоторой степени отвѣтственнымъ лицомъ, поэтому считаю своимъ долгомъ объяснить дѣло ab ovo... Прежде всего, я считаю своимъ долгомъ указать на господъ родителей — въ нихъ основная причина, базисъ, такъ сказать, и объясненіе всего остальнаго. Почтенный Викторъ Васильичъ и уважаемая Евгенія Павловна—представители нервнаго вѣка... fin de siècle...

Ученый ареопагъ наклонилъ головы надъ столомъ, стараясь не смотрѣть другъ на друга, и только самый младшій изъ коллегъ не могъ удержаться отъ улыбки. Дѣйствительно, fin de siècle.... Онъ наклонился къ уху своего сосѣда и шопотомъ спросилъ:

— Викторъ Васильичъ, вѣдь это тотъ самый, который?..

Усатая, давно небритая физіономія, съ несомнѣнными слѣдами усерднаго служенія совсѣмъ не медицинскому богу, сдѣлала утвердительный знакъ. Конечно, тотъ самый — кто же этого не знаетъ. Трудненько достаются почтенному Эрнесту Карлычу тоже господа родители fin de siècle'я.

— Именно въ господахъ родителяхъ коренится разгадка разыгравшагося кризиса,—продолжалъ Эрнестъ Карлычъ, дѣлая своей выхоленной рукой плавный жестъ. — Да... Намъ приходится считаться съ ярко выразившейся наслѣдственностью... Къ сожалѣнію, это — фактъ.

Священнодѣйствовавшіе авторитеты науки еще ниже наклонили свои головы. Изъ приличія совѣщаніе продолжалось цѣлый часъ, хотя смертный приговоръ былъ произнесенъ гораздо раньше. Въ заключеніе приглашенъ былъ Викторъ Васильичъ, и ему торжественно было сообщено то, что онъ уже зналъ самъ. Для смягченія резолюція была усыпана денежевенькими словами, въ родѣ „конечно“, „случается“, „все можетъ быть“. Онъ выслушалъ все это молча, блѣдный, растерянный, съ безпредметнымъ взглядомъ, поглощенный своими собственными мыслями.

— Вотъ не ожидалъ я такого впечатлѣнія! — откровенно удивлялся передней младшій изъ коллегъ. — Бѣдняга мучится на чистую монету, какъ настоящій родитель...

— Да, случается...—неохотно отвѣтилъ сѣдой старикъ, обладавшій болѣе широкой опытностью. — Да... Нѣкоторые понимаютъ свои обязанности въ слишкомъ широкой формѣ...

Когда Викторъ Васильичъ и Эрнестъ Карлычъ вернулись въ дѣтскую, Евгенія Павловна по ихъ лицамъ прочла роковое рѣшеніе. О, больше не нужно словъ...

— Успокойтесь... — бормоталъ докторъ. — Конечно, я не скрываю опасности, онъ мнѣ очень не нравится... да. Но дѣтскій организмъ живучъ...

— Уходите... Ничему не вѣрю!—шептали побѣлѣвшія губы.—Нѣтъ, не уходите... О, Господи, что же это такое?..

Викторъ Васильичъ смотрѣлъ округлившимися отъ страха глазами на ребенка: онъ являлся теперь связующимъ звеномъ... Около его кроватки собрались всѣ дѣйствующія лица. Евгенія Павловна тихо плакала, опустившись на колѣни. Викторъ Васильичъ взялъ дѣтскую ручку и приналъ къ ней своей головой. Да, онъ умиралъ, этотъ несчастный ребенокъ, точно выполняя какую-то жестокую программу... Сколько разъ Викторъ Васильичъ желалъ этой смерти, и вотъ она пришла... И всѣ они трое здѣсь, всѣ тѣ, кто думалъ только о себѣ, тѣ, кто не могъ дать живой теплоты этому дѣтскому сердцу... Въ жизни есть своя неумолимая ариѳметика...

Сколько времени прошло — день не имѣлъ времени. Докторъ не выходилъ, выжидая еще чего-то.

— Докторъ, ему лучше... — прошептала Евгенія Павловна, когда ребенокъ открылъ глаза.—Докторъ, онъ смотритъ... Дима, родной...

— Да, совсѣмъ лучше,—отвѣтилъ докторъ, закусивъ бороду.

Начиналась агонія.

— Милый... родной...—повторялъ Викторъ Васильичъ, не выпуская изъ своихъ рукъ маленькой ручки.

Ребенокъ посмотрѣлъ на него, узналъ и тихо отвѣтилъ:

— Папа...

— Родной, родной... милый сынъ...

Дѣтскіе глазки закрылись, унеся съ собой великую тайну, которая родится съ каждымъ человѣкомъ. Маленькое сердце перестало биться... Теплая бѣлизна живого тѣла смѣнилась мертвенной блѣдностью, точно это дѣтское личико вылѣпила изъ воску какая-то невидимая рука.

— Неужели... все... все кончено?—шепталъ Викторъ Васильичъ, не выпуская изъ своей руки маленькой дѣтской ручки.—Дима... родной...

Отвѣта уже не могло быть.

Докторъ, наконецъ, могъ уйти со спокойной совѣстью. Здѣсь ему нечего было дѣлать. Онъ какъ-то неловко простился и бросился изъ дѣтской почти бѣгомъ. Викторъ Васильичъ проводилъ его глазами до дверей. Какой онъ былъ жалкій, этотъ докторъ. Потомъ кто-то запричиталъ. Ахъ, это старая няня Ѳекла... Тутъ же плакала молодая кормилица, закрывъ лицо передникомъ. Кто-то открылъ штору, и въ окно ворвался бѣлесоватый свѣтъ занимавшагося лѣтняго утра. Да, было уже утро... Въ окно съ любопытствомъ заглядывала мягкая зеленая вѣтка рябины. Викторъ Васильичъ видѣлъ только то, что̀ напоминало Диму: вотъ позабытая на окнѣ дѣтская игрушка, тамъ дѣтская колясочка, ночной столикъ съ лѣкарствами, комодъ съ его дѣтскимъ бѣльемъ—да, каждая мелочь напоминала эту маленькую жизнь, порвавшуюся, какъ тонкая нить. И ничего теперь не нужно, даже той любви, которой недоставало маленькому сердцу. Зачѣмъ наступаетъ этотъ лѣтній день? Зачѣмъ поднимается солнце?.. О, солнце, солнце, если бы ты могло видѣть, какъ человѣкъ и золъ, и несправедливъ, и жестокъ... Зачѣмъ гдѣ-то далеко звонитъ колоколъ,—ничего не нужно, кромѣ мертваго покоя. Тише, здѣсь, вотъ въ этихъ стѣнахъ, пронеслась смерть, и на всемъ чувствовалось ея холодное дыханіе. Живутъ другіе, а здѣсь смерть, уничтоженіе, мертвый покой. И здѣсь, предъ лицомъ смерти, не можетъ быть ни лжи, ни обмана, ни злобныхъ мыслей. Величіе жизни было до сихъ поръ заслонено тяжелой паутиной ежедневныхъ мелочей, маленькой злобой и круговой несправедливостью. Меня оскорбили, кровно оскорбили, и я томлюсь жаждой мщенія, я воспитываю въ себѣ это злобное чувство и вынашиваю его, какъ мать ребенка, точно оскорбленіе можетъ быть уничтожено только отвѣтной несправедливостью. Да и не для себя я это дѣлаю (вѣдь я такой простой и любящій человѣкъ), а для кого-то другого, котораго даже не знаю, котораго не уважаю въ душѣ и котораго боюсь изъ ложнаго стыда...

И среди этой обстановки сидѣла она, несчастная, убитая, жалкая...

Что̀ было дальше? Ужасные три дня. Дима лежалъ въ залѣ на большомъ столѣ. Изголовье было убрано живыми цвѣтами. Хлопотала главнымъ образомъ старушка-няня. Она была торжественно-спокойна и ни на кого не обращала вниманія. Маленькій покойникъ являлся дорогимъ гостемъ... Горѣли свѣчи, въ комнатахъ водворился запахъ ладана, смѣнившій лѣкарства, царившая тишина нарушалась только монотоннымъ заупокойнымъ чтеніемъ... Въ домѣ появлялись и уходили какіе-то неизвѣстные люди, точно могильные жуки. Одинъ снималъ мѣрку для гроба, другой шептался съ Ѳеклой относительно покрова и катафалка, третій просто приходилъ поглазѣть. Викторъ Васильичъ отсиживался больше у себя въ кабинетѣ и старался выходить въ залу, когда тамъ никого не было. Онъ потерялъ счетъ дней и ночей... Для чего?.. У него оставалось одно смутное чувство, именно, что онъ долженъ что-то сдѣлать...

— Дима... родной...—повторялъ онъ, шагая по кабинету. — Ахъ, Дима, Дима...

Его возмущало главнымъ образомъ то, что въ самомъ искреннемъ горѣ есть какая-то театральная ложь. Человѣкъ дѣлается неестественнымъ, когда на него смотрятъ, когда отъ него чего-то ждутъ. Именно этого и боялся Викторъ Васильичъ, той послѣдней лжи, которая провожаетъ человѣка въ могилу.

А какъ хорошо было, когда все стихало! Викторъ Васильичъ прокра-

дывался въ залу, становился въ уголокъ и долго-долго стоялъ одинъ, прислушиваясь къ чтенію псалтири. Если бы онъ могъ молиться, какъ няня Ѳекла... Если бы онъ могъ плакать... Стоя въ своемъ углу, онъ видѣлъ, какъ торопливо вошла въ залу горничная Дуняша, подошла къ покойнику и быстро рухнулась какъ-то всѣмъ тѣломъ. Положивъ три земныхъ поклона, она поцѣловала образокъ, лежавшій на груди Димы, и быстро ушла обратно. Она прошла совсѣмъ близко отъ него и не замѣтила, что онъ все время наблюдалъ ее. Виктора Васильича поразило опухшее отъ слезъ лицо Дуняши. Она могла плакать о Димѣ, маленькомъ Димѣ... Что-то защемило на душѣ у Виктора Васильича, и онъ почувствовалъ только одно, что все прощаетъ вотъ этой самой Дунягѣ за ея слезы.

Что было, день или ночь? Не все ли равно... Викторъ Васильичъ привыкъ къ своему уголку. Онъ стоялъ, смотрѣлъ и слушалъ. Въ первый моментъ онъ не замѣтилъ, что въ другомъ углу залы стоитъ Евгенія Павловна. Она стояла на колѣняхъ и казалась дѣвочкой. Викторъ Васильичъ замѣтилъ ее только тогда, когда подошла няня Ѳекла и тронула его за руку. Онъ повиновался ей машинально, какъ бывало въ дѣтствѣ. Няня подвела его къ женѣ и шопотомъ проговорила:

— Нужно проститься...

— Съ кѣмъ, няня?—спросилъ Викторъ Васильичъ.

— А съ нимъ...

Она подвела ихъ къ Димѣ и отступила. Евгенія Павловна закрыла лицо руками и зарыдала. Викторъ Васильичъ перекрестился, сдѣлалъ земной поклонъ и приложился къ образку, какъ дѣлала горничная Дуняша.

— Я не могу...—прошептала Евгенія Павловна, хватаясь за его руку...

— Женя, вѣдь онъ не виноватъ...

Она опять закрыла лицо руками... Она вся дрожала. Викторъ Васильичъ обнялъ ее и увелъ къ себѣ въ кабинетъ. Тамъ онъ бережно усадилъ ее на диванъ, поправилъ сбившіеся на лбу волосы и прошепталъ:

— Да, я тотъ самый, который... Я тебя опять люблю, потому что самъ сдѣлался лучше... потому что я много страдалъ... Да, да, я тотъ самый, котораго ты любила... Дима мой сынъ... Ахъ, Дима, Дима, если бы онъ могъ видѣть!.. Все забыто... Все прощено...

Она тихо припала своей головкой къ его груди

1893.

СУСАННА АНТОНОВНА.

I.

— Сусанна Антоновна, вы съ чѣмъ принимаете сегодня чай: со сливками или съ лимономъ?

— Какой глупый вопросъ, Антоша! Точно вы не знаете, что я не выношу сливокъ...

— Виноватъ, Сусанна Антоновна...

— Пожалуйста, не дѣлайте глупаго лица...

Антоша дѣлалъ одну изъ самыхъ смѣшныхъ гримасъ, и вся рубка второго класса заливалась неудержимымъ смѣхомъ. Это даровое представленіе повторялось по нѣскольку разъ въ день. Сусанна Антоновна сердилась и говорила серьезнымъ тономъ:

— Антоша, идите туда, къ себѣ... Вы не умѣете себя держать.

— Слушаю-съ...

Антоша дѣлалъ подъ козырекъ, корчилъ еще одну смѣшную гримасу и какимъ-то журавлинымъ шагомъ, какъ ходятъ по сценѣ оперные любовники, выпячивался въ дверь. Онъ входилъ въ свою шутовскую роль и дѣлался самимъ собой, только спускаясь по лѣсенкѣ на палубу третьяго класса. Да, онъ такъ добродушно улыбался, а глаза принимали грустное выраженіе. Если бы кто-нибудь могъ знать, какъ онъ любилъ и какъ гордился своей маленькой Сусанной Антоновной, уже теперь, въ свои семь лѣтъ, умѣвшей занять цѣлое общество. Вѣдь это необыкновенный ребенокъ, передъ которымъ всѣ остальныя дѣти просто болваны. И Антоша улыбался, повторяя про себя рѣзкія выходки не по лѣтамъ развитаго ребенка. Да-съ, всего семь лѣтъ, а говоритъ, какъ большая.

На большомъ американскомъ пароходѣ „Братъ Яковъ“ ѣхала цѣлая труппа провинціальныхъ артистовъ. Тутъ были и grande dame, и двѣ ingenue, и благородный отецъ, и комическая старуха, и первый любовникъ, и примадонна, и двѣ водевильныхъ штучки, и два водевилятника, и свой кассиръ, и режиссеръ, и суфлеръ,—однимъ словомъ, театральная орда въ полномъ составѣ. Антрепренеръ и примадонна съ первымъ любовникомъ помѣщались во второмъ классѣ наверху, а вся остальная труппа на палубѣ третьяго класса. Комикъ Антоша всю жизнь ѣздилъ въ третьемъ классѣ, перетаскивая свою семью изъ одного конца Россіи въ другой,—онъ занималъ амплуа комика, а „она“ ingenue, хотя уже была въ томъ почтенномъ возрастѣ, когда разыгрывать молоденькихъ дѣвушекъ довольно трудно. Но Антоша былъ хорошій комикъ, публика его любила, и антрепренеры нанимали его, скрѣпя сердце, вмѣстѣ съ его ingenue. Впрочемъ, возрастъ—понятіе относительное, и у вся-

каго возраста есть свои преимущества. Сама ingenue не хотѣла согласиться съ наступавшимъ критическимъ возрастомъ и стѣснялась даже своихъ двухъ младшихъ дѣтей, щеголявшихъ въ красныхъ турецкихъ фескахъ. Въ доказательство неостывшей юности она могла бы привести цѣлый рядъ приключеній, кончая настоящей поѣздкой. Мы должны прибавить, что въ свое время ingenue была красива, а сейчасъ искусно пополняла недочеты по этой части косметиками и умѣньемъ одѣваться къ лицу. Что она была глупа, это знала вся труппа, и не замѣчалъ этого одинъ Антоша, очень любившій подругу своихъ скитаній. Любовь еще разъ была слѣпа и еще разъ—вѣроятно, поэтому—была счастлива.

Труппа сѣла на „Брата Якова“ въ Нижнемъ, и Сусанна Антоновна сразу заявила, что не согласна ѣхать въ этой гадости, т.-е. въ третьемъ классѣ. Она обошла весь пароходъ и устроилась только въ рубкѣ второго класса, гдѣ были и мягкіе тиковые диваны, и коверъ на полу, и драпировки на окнахъ. Дѣвочка сама перетащила сюда свои вещи и устроилась въ уголкѣ съ большимъ комфортомъ. Произошла очень интересная сцена, когда „Братъ Яковъ“ отвалилъ, и помощникъ капитана, рыжій дѣтина съ глуповатымъ лицомъ, началъ провѣрять билеты. Проходя черезъ рубку, онъ замѣтилъ Сусанну Антоновну, а также и то, что она устроилась не на своемъ мѣстѣ.

— Вашъ билетъ...—довольно грубо спросилъ онъ.

Дѣвочка довольно смѣло смѣрила его съ ногъ до головы, сузила свои большіе зеленоватые глаза и проговорила съ разстановкой:

– Билетъ? Мой билетъ вы можете найти у моего отца, т.-е. у Антоши. Онъ тамъ, въ третьемъ классѣ...

– Да, да, помню... Онъ уже говорилъ мнѣ... Къ сожалѣнію, я не могу позволить вамъ оставаться здѣсь... Здѣсь рубка, а не каюта.

— А если именно здѣсь мнѣ нравится?..

— Для меня это все равно... Пожалуйте въ третій классъ.

Дѣтскіе глаза опять сузились, а дѣтскій голосокъ отвѣтилъ съ изумительнымъ нахальствомъ:

— Скажите, пожалуйста, милостивый государь, въ какой конюшнѣ вы воспитывались?

Все это произошло такъ быстро и неожиданно, что помощникъ капитана совершенно растерялся, покраснѣлъ и смотрѣлъ на маленькую грубіянку глупо вытаращенными глазами, какъ смотритъ быкъ на болонку. Присутствовавшая при этой сценѣ публика поддержала дѣвочку дружнымъ смѣхомъ, и помощникъ капитана вынужденъ былъ ретироваться со стыдомъ. Нашлись люди, которые выпросили у капитана позволеніе ребенку остаться въ рубкѣ, и Сусанна Антоновна торжествовала полную побѣду. Въ благодарность за это участіе она не давала прохода помощнику и преслѣдовала его самыми ядовитыми шуточками. Въ теченіе одного дня дѣвочка превратилась въ маленькое чудо, на которое приходили смотрѣть даже чопорные пассажиры перваго класса, скучавшіе по своимъ каютамъ, какъ умѣютъ скучать только очень богатые люди.

— Вѣдь такая маленькая...—повторяли всѣ.

— Мнѣ семь лѣтъ... да,—отвѣчала Сусанна Антоновна.—И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ того, что большіе люди задаютъ не всегда умные вопросы.

Сусанна Антоновна была очень тоненькая и очень граціозная дѣвочка. Тонкое личико съ горбатымъ носикомъ красиво выглядывало изъ живой

рамы русыхъ кудряжекъ. Красиво очерченный дѣтскій пухлый ротъ открывалъ два ряда мелкихъ бѣлыхъ зубовъ. Портилъ это дѣтское лицо только недѣтскій взглядъ зеленоватыхъ глазъ и недѣтская улыбка. Однимъ словомъ, это было типичное дитя кулисъ, вѣрнѣе—маленькая театральная крыса, пропитанная съ пеленокъ специфическимъ ароматомъ.

Театральныя дамы отнеслись къ юному чуду довольно враждебно, потому что Сусанна Антоновна обладала талантомъ всѣмъ надоѣдать, вездѣ совала свой носъ и видѣла больше, чѣмъ полагается дѣтямъ ея возраста. Исключеніе представляла примадонна Гиреева, помѣщавшаяся въ одной каютѣ съ антрепренеромъ Усовымъ,—ни для кого не было тайной, что Гиреева удостоилась счастья сдѣлаться его сезонной женой. Это была жирная блондинка съ дѣтскими голубыми глазами, короткой шеей, золотистыми волосиками на верхней губѣ и хриплымъ голосомъ. Усовъ любилъ примадонну съ вѣсомъ. Гиреева изнывала въ своей каютѣ отъ жары и скуки, а въ такомъ положеніи Сусанна Антоновна являлась просто находкой. Лежа полураздѣтая, она усаживала на себя тоненькую дѣвочку и болтала съ ней по цѣлымъ часамъ, какъ попугай.

— Кого ты больше любишь: отца или мать?

— Трудно сказать, а въ сущности все равно. Валечка ужасно глупа...

— Какая Валечка?

— Мать. Она ненавидитъ меня и называетъ подколодной змѣей. Антоша добрѣе, но у него тоже заяцъ въ головѣ...

— Заяцъ? Ха-ха... Милое семейство, нечего сказать. Бѣдная крошка...

— Вы увидите, какъ Валечка молодится... Отецъ ей вѣритъ, а она...

— Что она?

Дѣвочка сказала совсѣмъ не дѣтское слово, такъ что Гиреева чуть не задохлась отъ смѣха. Помилуйте, такой клопъ и уже знаетъ всякія слова... Это было пикантно и щекотало давно притупившіеся нервы зажирѣвшей примадонны, весь талантъ которой, какъ говорила про нее Сусанна Антоновна, былъ сданъ въ багажъ,—антрепренеры приглашали Гирееву исключительно за богатый гардеробъ.

— Валечка просто старая обезьяна, какъ называлъ ее одинъ резонеръ,— продолжала дѣвочка, поощренная удушливымъ хохотомъ патронессы.

Когда пикантная тема объ отцѣ и матери исчерпалась до основанія, перешли на остальныхъ членовъ труппы. Сусанна Антоновна оказалась въ курсѣ дѣла: она успѣла всѣхъ вызнать и характеризовала каждаго съ убійственной ироніей.

— У нашего перваго любовника глаза какъ у копченой рыбы, и ходитъ онъ такъ, точно кто его держитъ за лѣвую ногу. Ужасно занятъ собой, миланка... Вторая ingenue мнѣ нравится, но, къ сожалѣнію, у нея коротки ноги, уши торчатъ, какъ у летучей мыши, ротъ, какъ у щуки, и вообще видъ дѣвицы, которую только-что высѣкли...

— Сусанна Антоновна, довольно... Ха-ха!.. Это вѣдь ты придумала, что мой талантъ сданъ въ багажъ? Я не сержусь, крошка... Ха-ха... Нѣтъ, ты меня уморишь. Ну, а какъ по-твоему нашъ благородный отецъ?

— У него милая привычка смотрѣть такими глазами, точно онъ хочетъ вскочить на васъ и поѣхать верхомъ. Ухаживаетъ за водевильной штучкой... Я ей посовѣтовала подарить ему носовой платокъ, потому что онъ можетъ высморкаться голой рукой,—у него такой видъ.

— Ахъ, ты, маленькое чудовище!..

II.

Въ Казани на „Врата Якова“ сѣла труппа странствующихъ акробатовъ, пробиравшаяся на зимнія квартиры куда-то въ Астрахань. Тутъ были и клоуны, и наѣздники, и два брата-эксцентрика, и канатные плясуны, и ученыя собаки, и во главѣ труппы „чудо природы“ или гуттаперчевый мальчикъ. Весь этотъ сбродъ размѣстился, конечно, въ третьемъ классѣ, гдѣ такимъ образомъ перемѣшались разомъ двѣ труппы, составивъ одинъ артистическій таборъ. Тренькали мандолины, неистово орали ученые попугаи, цирковый вантрилогъ жужжалъ пчелой, ingenue Валечка мурлыкала безшабашный опереточный мотивъ,—однимъ словомъ, сразу водворилось настоящее цыганское веселье, вставленное въ пеструю раму походной обстановки. И все это тонуло на широкомъ волжскомъ просторѣ, заглушаемое шумомъ воды и тяжелой работой пароходной машины.

Сусанна Антоновна принимала самое дѣятельное участіе во всемъ происходившемъ. Она дразнила попугаевъ до хрипоты, дергала за хвостъ больную обезьяну и кончила тѣмъ, что чуть не подралась съ „чудомъ-природы“. Сцѣпившихся ребятъ едва растащили.

— Ты что такое: несчастный паяцъ, а я—артистка!—выкрикивала Сусанна Антоновна, принимая гордый видъ оскорбленной театральной королевы.—Тебя клоуны хлыстомъ бьютъ...

Обиженный гуттаперчевый мальчикъ не зналъ, что ему отвѣчать этому сорванцу-дѣвчонкѣ, и только смотрѣлъ на нее широко раскрытыми темными глазами. Ему было лѣтъ десять, но онъ ничего подобнаго еще не видалъ. Смуглое дѣтское лицо было покрыто тѣнью преждевременнаго утомленія, а глаза смотрѣли съ скрытой внутренней печалью. Ходилъ онъ разбитымъ шагомъ, какъ человѣкъ, только-что перенесшій тяжелую болѣзнь,—ребенокъ былъ весь изломанъ.

— Ну, что ты смотришь на меня?—приставала Сусанна Антоновна.—Что молчишь, какъ дуракъ? Ты просто глупъ...

— Я глупъ?—задумчиво повторилъ гуттаперчевый мальчикъ и вмѣсто отвѣта прошелъ по палубѣ колесомъ, перевернулся въ воздухѣ, а потомъ перегнулся такъ, что смуглая голова показалась межъ ногъ.

— Я глупъ?—съ торжествомъ проговорила эта голова.

Сусанна Антоновна была поражена, больше—сконфужена. Она даже покраснѣла, какъ виноватая. Ничего подобнаго она еще не видала до сихъ поръ. Изломанное тѣло гуттаперчеваго мальчика говорило своимъ собственнымъ ужаснымъ языкомъ.

— Развѣ тебѣ не больно?—тихо спросила она, ощупывая удивительное существо, какъ ощупывала бы какую-нибудь мудреную куклу съ секретомъ.

— Мнѣ? Нѣтъ, ничего... Пустяки!—отвѣтилъ „чудо-природы“ съ молодцоватымъ видомъ настоящаго артиста.—Сдѣлай-ка ты такъ...

Сусанна Антоновна задумалась.

— А тебя какъ зовутъ?—спросила она уже совсѣмъ другимъ тономъ.

— Меня? Меня зовутъ въ разныхъ городахъ по-разному: въ Нижнемъ я назывался „человѣкъ-змѣя“, въ Казани — „чудо-природы“, въ Ростовѣ-на-Дону—„гуттаперчевый мальчикъ“, въ Варшавѣ—„каучукъ“...

— Нѣтъ, настоящее твое имя? Ахъ, какой ты глупый... Ну, меня, напримѣръ, зовутъ Сусанной Антоновной.

— Сусанной? Да, да... Меня зовутъ просто Сашей.

— Ты нѣмецъ или русскій?

— Я?.. Я не знаю...

„Чудо-природы“ повторялъ каждый вопросъ, точно перелѣзалъ черезъ каждое новое слово. Ему трудно было думать.

Съ этой первой встрѣчи между дѣтьми театральныхъ подмостокъ установилась странная дружба. Сусанна Антоновна сдѣлалась задумчивой, притихла и старалась избѣгать больного общества. У нея проявилось даже что-то въ родѣ нѣжности къ отцу. Засыпая, она теперь требовала, чтобы онъ сидѣлъ около нея. Принявъ театрально-изящную позу, дѣвочка говорила:

— Антоша, ты любишь меня... ну, такъ, немножко?

— Очень, Сусанна Антоновна...

Дѣвочка полузакрывала глаза, свертывалась подъ своимъ плэдомъ, какъ напаливший котенокъ, и шептала:

– А тотъ гуттаперчевый мальчикъ, онъ тоже спитъ, Антоша?

– Навѣрно...

У него, навѣрно, все болитъ?.. Мнѣ его очень жаль, Антоша..

— И мнѣ тоже жаль. Что подѣлаешь... Мальчикъ зарабатываетъ себѣ тяжелый хлѣбъ.

— А я желала бы быть дѣвочкой-змѣей. Трико все въ блесткахъ, публика аплодируетъ...

— Можно быть очень хорошей змѣей и безъ блестокъ, Сусанна Антоновна...

— Я говорю съ вами серьезно, Антоша, а вы придумываете глупости.

Пауза. Комикъ Антоша терпѣливо сидитъ на диванчикѣ и ждетъ, когда дѣвочка заснетъ. Онъ такъ любитъ именно этотъ моментъ, потому что она именно теперь дѣлается милымъ, кроткимъ ребенкомъ, котораго хочется приласкать, приголубить, поцѣловать. Недѣтское выраженіе этого тонкаго личика исчезаетъ, уступая мѣсто той серьезности, которая бываетъ только у умирающихъ и у дѣтей. Въ эти моменты Сусанна Антоновна, дѣйствительно, красива, и только одинъ Антоша любуется этой красотой, счастливый тѣмъ, что можетъ сидѣть вотъ здѣсь и оберегать ее.

— А если бы я начала учиться сейчасъ, въ семь лѣтъ...—сонным голосомъ продолжала дѣвочка, открывая отяжелѣвшія вѣки, — вышло бы изъ этого что-нибудь или нѣтъ?..

— Поздно, Сусанна Антоновна... Кости уже срослись, а каучуковыхъ мальчиковъ начинаютъ ломать въ колыбели.

„Чудо-природы“ неудержимо тянулъ къ себѣ Сусанну Антоновну. Она видѣла въ немъ что-то необыкновенное, совсѣмъ непохожее на другихъ людей. Это было преклоненіе предъ чудомъ исковерканности. Дѣвочка завидовала, что сама не можетъ дѣлать того же. Это преклоненіе выражалось довольно страннымъ способомъ: дѣвочка преслѣдовала гуттаперчеваго мальчика на каждомъ шагу, изобрѣтая тысячи мелкихъ мученій. „Чудо-природы“ былъ довѣрчивъ и по-дѣтски глупъ. Маленькая мучительница пользовалась выгодами своего положенія и доводила его нѣсколько разъ до слезъ.

— А? Ты глупъ? — пародировала она его манеру говорить.—Неужели глупъ? Кто же этому повѣритъ?

Гуттаперчевый мальчикъ пробовалъ скрываться, но Сусанна Антоновна его сейчасъ же находила и подвергала какой-нибудь новой пыткѣ. Она знала его вкусы, привязанности и слабости. Напримѣръ, онъ любилъ обезьяну Коко, которая сейчасъ была больна. Этого было достаточно, чтобы у Коко явился тайный врагъ, проливавшій его воду, дергавшій его за хвостъ, щекотавшій

съ его носу соломинкой и закатывавшій въ хлѣбъ булавки. Сусанна Антоновна ревновала „чудо-природы“ даже къ неодушевленнымъ предметамъ и ловко изрѣзала его парадную курточку.

— Это я сдѣлала, глупенькій,—торжественно заявила она, показывая маленькія ножницы.—Тебѣ жаль курточки? А? Очень жаль?..

„Чудо-природы“ былъ избитъ своимъ клоуномъ за испорченную курточку, но онъ по какому-то дѣтскому героизму не выдалъ истиннаго виновника. Сусанна Антоновна издали наблюдала сцену избіенія и торжествовала съ дѣтской жестокостью. Ее никто и никогда не билъ, поэтому она не могла понять въ полной мѣрѣ чужихъ страданій. Потомъ „чудо-природы“ исчезъ. Сусанна Антоновна едва нашла его спрятавшимся на самой кормѣ, гдѣ были сложены снасти. Мальчикъ сидѣлъ и горько плакалъ. Эти слезы возмутили дѣвочку.

— А! Ты плачешь, такъ я тебѣ не то сдѣлаю...

„Чудо-природы“ неожиданно кинулся на нее, повалилъ на землю и принялся бить кулаками, не произнося ни слова. Сусанна Антоновна тоже не пикнула и только защищала тонкими ручонками свое личико.

— Пожалуйста, не бей по лицу...

Разсвирѣпѣвшій мальчикъ схватилъ ее за волосы и потащилъ къ борту. Она даже не защищалась, а только смотрѣла на него своими зеленоватыми глазами.

— Я тебя утоплю...

— Топи...

„Чудо-природы“ остановился, чтобы перевести духъ, а врагъ лежалъ у его ногъ и улыбался.

— Ты думалъ, что я заплачу? Да, думалъ?..

Онъ растерялся. Она быстро поднялась, оправила сбившуюся на бокъ юбочку, больно ударила его прямо по лицу и скрылась съ быстротой обезьяны. Пробравшись въ каюту Гиреевой, она преспокойно усѣлась около нея на постель.

— Что тебя не видно, чертенокъ?.. Я соскучилась по тебѣ... Ну, что новаго?

Сусанна Антоновна засучила одинъ рукавъ и молча показала нѣсколько порядочныхъ синяковъ.

— Ты ушиблась, крошка?

— Нѣтъ... Это *онъ* меня избилъ,—съ торжествомъ отвѣтила Сусанна Антоновна, любуясь синяками...—Онъ глупъ, я его изводила цѣлыхъ два дня, ну, онъ и избилъ меня. Настоящій мужчина...

— Что-о?.. Ахъ, ты, звѣрушка...

— Онъ хотѣлъ меня утопить... да. Но я не заплакала, хотя мнѣ было очень больно. Меня еще никто не билъ.

Она говорила покорнымъ тономъ большой женщины, пострадавшей отъ звѣрства мужчины. Даже Гиреева была поражена и съ удивленіемъ смотрѣла на эту маленькую театральную крысу, державшую себя съ такимъ завиднымъ хладнокровіемъ. Примадонна припомнила по пути, какъ били ее свои театральные мужчины и какъ она часто по-бабьи верещала, а эта дѣвчонка гордилась своими первыми побоями. О, она далеко пойдетъ, это маленькое чудовище...

— Послушай, ты...—заговорила Гиреева серьезнымъ тономъ, какъ говорила съ большими:—ты влюблена въ него?..

— Я его ненавижу... Онъ плакса, тряпица, вообще дрянь.

Наступила пауза. Гиреева лѣниво курила папиросу за папиросой, потомъ потянулась такъ, что гдѣ-то затрещала матерія, а потомъ, зѣвая, проговорила:

— Послушай, чертенокъ, ты настоящая дочь своей матери... Валечка ухаживаетъ за клоуномъ, а ты за чудомъ-природы. Вы не теряете даромъ своего маленькаго времени.

— Валечка? Опять?—тономъ большой переспросила Сусанна Антоновна.

— Да, опять.

III.

Комикъ Антоша чувствовалъ себя скверно. Въ послѣднее время это съ нимъ часто случалось. Такъ, какая-то неопредѣленная тоска. Вѣдь всегда было скверно и, кажется, можно было бы привыкнуть. Такъ нѣтъ, сосетъ, давитъ. Сегодня Антоша сдѣлалъ два непріятныхъ открытія: во-первыхъ — весь костюмъ просился въ отставку, и пиджакъ, и штаны, и жилетъ, и сапоги, и шляпа; во-вторыхъ... Нѣтъ, это было что-то невѣроятное, чудовищное, нелѣпое. Ingenue Валечка дѣлала глазки здоровеннѣйшему клоуну. Да, это онъ видѣлъ собственными глазами. О, онъ зналъ, какъ Валечка дѣлаетъ глазки и что изъ этого происходитъ. Въ ея репертуарѣ всего одинъ номеръ спеціально женскаго кокетства. И это мать семейства, женщина бальзаковскаго возраста! Ему въ свое время она тоже дѣлала глазки, и онъ попался на удочку. Впрочемъ, онъ не роптalъ, хотя и получилъ свою ingenue уже не изъ первыхъ рукъ. Валечка тогда была еще свѣжей женщиной вполнѣ, и отъ прошлаго у нея осталась извѣстная выправка, та высшая школа, которую проходитъ одна театральная женщина. Во-первыхъ, она смотрѣла на всѣхъ мужчинъ, какъ на отъявленныхъ мерзавцевъ, и это міросозерцаніе застраховывало ее отъ новыхъ ошибокъ,—вѣдь каждый новый мерзавецъ будетъ только повторять предыдущихъ; во-вторыхъ, Валечка привыкла къ скитальческой жизни, и ее нельзя было удивить никакими лишеніями. А это много значитъ. Наконецъ Антоша любилъ ее, привыкъ къ ней и видѣлъ въ ней мать своихъ дѣтей.

Въ ихъ скитаньи бывали исторіи въ родѣ сегодняшней. Антоша напивался пьянъ и устраивалъ гроссъ-шкандалъ. И все сходило съ рукъ. Впрочемъ, были два сомнительныхъ случая, которые оставались на совѣсти Валечки и о которыхъ Антоша старался не думать. Но сегодняшнее поведеніе его возмутило, — возмутило главнымъ образомъ потому, что все происходило на глазахъ у двухъ трупиъ, гдѣ было до десятка женщинъ, отъ которыхъ ничто не укроется.

Произошла бурная семейная сцена, закончившаяся слезами Валечки и такой тирадой:

— Ты посмотри на себя, несчастный!.. На свой пиджакъ, на сапоги, на штаны—рвань коричневая, и больше ничего.

Это было сказано на цѣлую палубу. Нужно отдать справедливость театральнымъ мужчинамъ—они сдѣлали видъ, что ничего не слышали, а театральныя дамы ехидно хихикали, наслаждаясь чужими дрязгами. Онѣ были на сторонѣ Валечки, сумѣвшей отвѣтить на тяжкое обвиненіе въ измѣнѣ такой ловкой фразой. Но всѣ, и мужчины и дамы, ожидали, что отвѣтитъ Антоша. Онъ чувствовалъ это, чувствовалъ, что стоитъ предъ неумолимой аудиторіей, а потому хладнокровно набилъ походную трубочку, еще хладнокровнѣе закурилъ ее

и, засунувъ руки въ карманы рваного пиджака, шагомъ спокойно гуляющаго человѣка удалился. Этотъ ловкій маневръ все-таки не спасъ его, и чуткое театральное ухо Антоши, привыкшее ловить самыя скверныя реплики, поймало теперь смѣшанный гулъ подавленнаго взрыва общаго хохота. Онъ сдѣлался посмѣшищемъ всего табора.

Шагая по носовой палубѣ, онъ мысленно повторялъ ловкій отвѣтъ Валечки. Да, рвань коричневая... посмотри на свой пиджакъ, штаны, сапоги. Самъ дьяволъ не могъ бы быть болѣе несправедливымъ. Вѣдь всѣ знали, почему Антоша ходилъ коричневой рванью, — онъ все отдавалъ той же Валечкѣ и дѣтямъ, и однако всѣ теперь смѣялись надъ нимъ. Это было и жестоко, и несправедливо, и больно. А самое скверное заключалось въ томъ, что Антоша самъ вдругъ нашелъ себя смѣшнымъ. Конечно, Отелло въ рыжихъ сапогахъ и рваномъ пиджакѣ смѣшонъ. Валечка по-своему была права, правы и тѣ, кто могъ смѣяться надъ нимъ.

— Конечно, рвань коричневая!—громко повторилъ Антоша, убѣждая самого себя.

Вся эта сцена происходила вечеромъ. Когда Антоша вышелъ на открытую палубу, солнце уже закатывалось, обливая родную волжскую картину розовымъ золотомъ. Какъ хороши эти августовскіе вечера на Волгѣ! Небо точно раздается и уходитъ вглубь, а внизу наливаются смутныя вечернія тѣни, которыя ползутъ изъ прибережныхъ ущелій, прячутся въ береговыхъ порослях и охватываютъ все больше атласную гладь могучей рѣки. На западѣ еще горѣло кровавое зарево, а въ небѣ уже промигивались первыя звѣздочки, точно любопытные дѣтскіе глазки. Воздухъ наливался чуткой дремотой. Откуда-то потянуло засвѣжѣвшимъ вѣеркомъ, а водяная гладь оставалась все такой же спокойной, и въ ней такъ красиво дрожали серебристыя искры первыхъ звѣздочекъ. Антоша смотрѣлъ на чудную картину и еще сильнѣе чувствовалъ себя несчастной коричневой рванью, портившей общее впечатлѣніе. Да, онъ являлся на этомъ фонѣ чѣмъ-то въ родѣ того пятна, какое оставляетъ муха на зеркальномъ стеклѣ и которое отражается двойникомъ на амальгамѣ. И онъ тоже видѣлъ самого себя на амальгамѣ сегодняшняго приключенія.

— Скверно, Антоша...

Мимо пробѣжалъ встрѣчный пароходъ, блестя разноцвѣтными глазами. Гдѣ-то далеко-далеко впереди мигали желтыя звѣздочки фонарей, прицѣпленныхъ на высокихъ мачтахъ барокъ. Разъ, двѣ, три... Взбудораженная пароходомъ водяная гладь долго не могла успокоиться, точно по ней пробѣгали судорожныя конвульсіи. Опрокинутое въ нее небо тоже корчилось, и серебристыя звѣздочки колебались въ водѣ, какъ огоньки качавшихся лампадъ. Вода темнѣла все больше и точно бѣжала навстрѣчу „Брату Якову“. Высокій правый берегъ уже только грезился смутными очертаніями, а прибережная поросль превращалась въ сказочныхъ чудовищъ.

Антоша нащупалъ болтавшуюся въ карманѣ штановъ мелочь и машинально отправился въ буфетъ. Вечеромъ, когда буфетъ былъ освѣщенъ, туда такъ и тянуло заглянуть. Цѣлыя батареи бутылокъ, разставленныхъ въ самомъ соблазнительномъ порядкѣ, на стойкѣ тарелочки съ закусками, рюмки, пирамидки папиросныхъ коробокъ.

— Такъ вы мнѣ подпустите налимьихъ молокъ... да... двѣ луковыхъ головки... да... А стерлядь поваръ заколетъ при мнѣ...

Жирный басокъ говорилъ тономъ спеціалиста, и буфетчикъ почтительно кланялся при каждой подробности мудренаго кушанья. Молокъ-съ? Можно-съ... Двѣ луковыхъ головки-съ. Очень хорошо-съ... Жирный басокъ принадлежитъ

самому антрепренеру Усову, любившему покушать. Это былъ еще молодой человѣкъ, но съ такимъ дряблымъ лицомъ, усталыми глазами и кисло оттянутой нижней губой. Появленіе Антоши заставило антрепренера поднять брови,— онъ не любилъ якшаться со своими артистами и дѣлалъ исключеніе только для начинающихъ актрисъ, проходившихъ первую школу въ его рукахъ.

— А стерлядь поваръ заколетъ при мнѣ... — продолжалъ антрепренеръ, теряя на мгновеніе нить своихъ гастрономическихъ соображеній.

— Точно такъ-съ...

Антоша какъ-то вшился въ свѣжій дорожный костюмъ антрепренера. Все съ иголочки, все отъ лучшаго портного и все сидитъ, какъ вылитое. Очень хорошо... Валечка любовалась издали и въ порывѣ нѣжности шепнула ему на ухо: „Вотъ бы тебя такъ одѣть, Антошка...“ Кончивъ переговоры, антрепренеръ выпилъ рюмку какой-то мудреной водки и долго тыкалъ вилкой въ какіе-то консервы. Стоявшій сзади Антоша видѣлъ, какъ двигались антрепренерскія челюсти и какъ вздрагивали при этомъ антрепренерскія уши.

„Жри, скотина... — со злобой подумалъ онъ. — Труппа ѣдетъ впроголодь, а ты не знаешь, чѣмъ нажраться. Жри всѣхъ безъ остатка... Ты думаешь, что я у тебя попрошу денегъ? Думаешь, что я вотъ сейчасъ начну заискивающе улыбаться, подойду бочкомъ и протяну ручку? Нѣтъ, голубчикъ, шалишь... Ничего мнѣ не нужно!..“

Не дождавшись, когда антрепренеръ выйдетъ, Антоша потребовалъ себѣ рюмку водки. Онъ хлопнулъ ее съ такимъ ожесточеніемъ и закусилъ той дрянью, которая была намѣшана въ отдѣльной мискѣ и за которую особой платы не полагалось.

— Еще рюмку...

Затѣмъ Антоша поднялся наверхъ, занялъ столикъ за капитанской свѣтелкой и потребовалъ себѣ бутылку пива,—въ его распоряженіи оставалось еще два двугривенныхъ. Напротивъ него, на рѣшетчатомъ деревянномъ диванчикѣ, сидѣлъ толстый купецъ со сложенными на животѣ руками. Онъ наблюдалъ рваную актерншку и корчилъ презрительную гримасу. Антоша это чувствовалъ и вызывающе смотрѣлъ на купца. Прошли двѣ шустрыхъ пароходныхъ дамы, искавшихъ подъ покровомъ ночи сильныхъ ощущеній. У Антоши въ дни юности было одно приключеніе съ такой пароходной дамой. Вотъ такъ же набѣжала совершенно зря, зря отдалась и зря исчезла на одной изъ ближайшихъ пристаней. Вообще, въ путешествіяхъ, особенно на пароходахъ, дамами овладѣваетъ какая-то особенная склонность къ неожиданнымъ комбинаціямъ.

Выпитое на водку пиво заставляло голову Антоши сладко кружиться. Онъ вдругъ почувствовалъ приливъ силъ быстро хмелѣющаго человѣка и съ гордостью посмотрѣлъ на пузатаго купца.

— Ну, ты, брюхо, что воззрился? И смотри... Я и еще бутылочку выпью.

Антоша лукаво улыбнулся и даже подмигнулъ купцу, который отвернулся. Затѣмъ это свѣтлое настроеніе смѣнилось темной мыслью о двухъ турецкихъ фескахъ, мирно почивавшихъ тамъ, въ глубинахъ третьяго класса. Антошѣ почему-то вдругъ сдѣлалось ихъ жаль... Да, несмысленныя дѣтишки... И онъ когда-то былъ такимъ же, но только въ другой обстановкѣ. Предъ глазами Антоши промелькнула картина разореннаго дворянскаго гнѣзда, строгая фигура старой бабушки, цѣлый выводокъ кузинъ... Гдѣ все это теперь? А вотъ это купеческое пузо слопало...

Изъ своей задумчивости Антоша былъ выведенъ неожиданно появившейся Сусанной Антоновной,—она выскочила откуда-то точно ящерица.

— Ты здѣсь, Антоша...

— А ты еще не спишь, коза?

Дѣтскіе глаза посмотрѣли на пустую бутылку, а дѣтская рука нырнула въ карманъ и вытащила оба двугривенныхъ.

— Какъ же я-то, Сусанна Антоновна?

— Посиди здѣсь,—отвѣтила дѣвочка тономъ большого человѣка, разговаривающаго съ ребенкомъ.—Я сейчасъ приду...'

Она исчезла съ такой же быстротой, какъ и появилась.

IV.

Антоша положилъ голову на столъ и задремалъ, сладко и хорошо задремалъ. Сонъ ровняетъ счастливыхъ и несчастныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Въ немъ есть какая-то справедливость, дающая забыть то, чѣмъ отличаются люди, когда они не спятъ. Антоша видѣлъ во снѣ что-то такое безсвязное, но хорошее и успокаивающее. Ему не хотѣлось проснуться, когда маленькая ручка потянула его за рукавъ.

— А? Что?.. Не согласенъ... — бормоталъ Антоша, стараясь сохранить свою скорченную позу.

Но ручка тянула его настойчиво. Антоша открылъ глаза. Передъ нимъ стояла Сусанна Антоновна и дѣлала какіе-то таинственные знаки. Затѣмъ она опять взяла его за рукавъ и повела. Они спустились въ третій классъ, гдѣ пассажиры уже спали вповалку. Приходилось перешагивать черезъ головы, руки и ноги.

— Кого это чортъ несетъ... — ворчалъ въ темнотѣ голосъ. — На языкъ наступилъ...

Вотъ и помѣщеніе табора... Тоже всѣ спятъ. Антоша отыскалъ глазами свой уголъ,—красныя фесы спали однѣ, а Валечки не было. Сусанна Антоновна остановилась и къ чему-то прислушалась. Антошѣ показалось, что за ними слѣдитъ какая-то женская тѣнь, — она отстала у лѣстницы во второй классъ.

Маленькая ручка опять повела Антошу, потомъ остановила и указала на двѣ фигуры, уютно помѣстившіяся за ящиками съ какой-то кладью. Ихъ было видно, потому что на нихъ падалъ слабый свѣтъ отъ кормового фонаря. Парочка, видимо, была счастлива. Онъ сидѣлъ къ Антошѣ затылкомъ, но и по этому квадратному затылку легко было узнать одного изъ клоуновъ. Она... да вѣдь это была Валечка!.. У Антоши заходили передъ глазами красныя пятна, и онъ въ первое мгновеніе видѣлъ только слабо освѣщенное лицо Валечки. Она что-то шептала своему кавалеру, потомъ положила свою голову къ нему на плечо, потомъ... Антоша схватилъ Сусанну Антоновну за руку и быстро потащилъ назадъ. У него что-то сдавило горло, а сердце стучало въ головѣ.

— Несчастная...

— Антоша, мнѣ больно...

— Больно? Несчастная...

Онъ схватилъ ее на руки и потащилъ по лѣстницѣ вверхъ, въ рубку второго класса. На площадкѣ, гдѣ узенькая лѣстница дѣлала поворотъ, онъ столкнулся съ Гиреевой, которая, видимо, смутилась. Антоша остановился, перевелъ духъ и проговорилъ сдавленнымъ голосомъ.

— А, понимаю... Это вы подослали несчастную дѣвчонку!.. Прочь...

— Вы съ ума сошли?!

Антоша захохоталъ ей въ лицо и, оттолкнувъ, потащилъ свою ношу. Уложивъ дѣвочку, Антоша быстро сбѣжалъ внизъ. У него былъ такой рѣшительный видъ. Около машины бродилъ гуттаперчевый мальчикъ.

— Ты что тутъ дѣлаешь? Маленькіе должны спать... Ты еще маленькій и иди спать.

Мальчикъ отступилъ отъ него и скрылся въ темнотѣ прохода. „И онъ тоже видѣлъ“,—мелькнуло въ головѣ Антоши. И это дѣти... Что же это такое? Въ ушахъ Антоши ужасно шумѣло, точно тамъ работали пароходныя колеса. Антоша вдругъ забылъ, что ему нужно было сдѣлать и что было такъ ясно за мгновеніе. Онъ чувствовалъ, какъ что-то отливало у него на душѣ, и какъ у него трясутся руки, и какъ попрежнему что-то бьется въ головѣ. А главное, нечѣмъ дышать... Антоша бросился наверхъ, на свое старое мѣсто, точно хотѣлъ найти тамъ что-то такое хорошее, дорогое, единственное, что было у него сейчасъ и что онъ потерялъ. Давешній толстый купецъ сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, и Антоша почувствовалъ, что ужасно его ненавидитъ. Позвольте, за что?.. Ахъ, да, онъ давеча съ такимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на него, потому что онъ, Антоша, такой жалкій актеришка и потому что онъ, Антоша, долженъ потѣшать эту заплывшую жиромъ утробу. Антоша даже сдѣлалъ шагъ къ купцу, чтобы сказать ему, что онъ ошибается, но его осѣнила новая мысль: вѣдь купецъ былъ правъ и жестоко правъ... Несчастный комедіантъ, фигляръ! Да, да, да,—купецъ правъ... А если бы онъ зналъ, что дѣлается сейчасъ съ Антошей, какой онъ убитый человѣкъ, какой... Нѣтъ, позвольте, развѣ такіе люди имѣютъ право жениться и имѣть дѣтей?!. А главное, именно послѣднее. Боже мой, какія это дѣти... Антоша даже закрылъ глаза отъ ужаса, когда въ его головѣ пронеслась картина только-что разыгравшейся позорной сцены. Его убила маленькая дѣтская рука... Что ждетъ эту несчастную Сусанну Антоновну? Что ждетъ тѣхъ дѣтей, которыя беззаботно теперь спятъ? Самое лучшее, если бы они совсѣмъ не родились на свѣтъ Божій... Или нѣтъ, будетъ лучше, если самого Антоши совсѣмъ не будетъ на свѣтѣ. Да, они будутъ голодать, бѣдствовать, нищенствовать, пока не умрутъ съ голода или пока не подберетъ ихъ какая-нибудь благодѣтельная рука. Антоша уже видѣлъ своихъ дѣтей въ пріютскихъ платьицахъ, худенькихъ и блѣдненькихъ, какими бываютъ пріютскія дѣти. Ихъ научатъ какому-нибудь ремеслу, имъ будутъ говорить о Богѣ, о совѣсти, о трудѣ, о томъ, какъ нужно жить, и дѣти это поймутъ. Дѣтское сердце возраститъ эти добрыя сѣмена, а изъ маленькихъ дѣтей вырастутъ большіе люди, настоящіе люди.

Предъ Антошей пронеслась вся его жизнь, т.-е. не жизнь, а то сплошное безобразіе, изъ какого сложилась именно его жизнь. И вотъ финалъ... Его жена, мать его дѣтей, бросается на шею первому встрѣчному. О, позоръ, позоръ, позоръ... Нѣтъ, такъ жить нельзя... Что видятъ дѣти? Чему они научатся у такой матери и такого отца?.. Антошѣ показалось, что мелькнула тоненькая фигурка Сусанны Антоновны, и онъ долго вглядывался въ окружавшую его темноту. Нѣтъ, это только ему показалось... Ахъ, Сусанна Антоновна, Сусанна Антоновна! Этотъ несчастный ребенокъ еще красивъ къ довершенію всѣхъ бѣдъ, и эта красота окончательно его погубитъ. Бѣдная Сусанна Антоновна...

— Нѣтъ, что же это такое?—вслухъ проговорилъ Антоша, обращаясь къ кому-то неизвѣстному.

Какъ онъ страдалъ, какъ мучился, какъ плакалъ... И думалъ онъ не о себѣ, а о томъ, что останется послѣ него и въ чемъ онъ будетъ еще жить. Ужасныя мысли проходили въ головѣ Антоши, и онъ чувствовалъ только одно, что все кончено. Будетъ... довольно... При чемъ тутъ Валечка? При чемъ клоунъ? Дѣло совсѣмъ не въ этомъ.

— Кто тамъ?—спросилъ Антоша, вздрагивая.

Ему показалось, что кто-то около него, и что этотъ кто-то упорно прячется отъ него.

Сусанна Антоновна и не думала спать. Сначала она зашла въ каюту Гиреевой и поболтала съ ней о случившемся.

— Задастъ теперь Антоша Валечкѣ,—говорила она, улыбаясь и болтая ногами.—Приходите завтра полюбоваться на комедію... Настоящій спектакль.

— Опъ будетъ ее бить?..

— Можетъ-быть.

— А я давеча испугалась, когда онъ несъ тебя. У него было такое лицо... И еще больно толкнулъ меня, невѣжа. А Валечка такъ и не видала васъ?

— Нѣтъ... Для нея завтра будетъ сюрпризъ.

Подѣлившись впечатлѣніями, Сусанна Антоновна сбѣжала внизъ. Почти всѣ уже спали. Гуттаперчевый мальчикъ стоялъ у освѣщеннаго отдѣленія, гдѣ работала машина. Онъ вздрогнулъ, когда Сусанна Антоновна подкралась къ нему сзади и положила свою руку ему на плечо.

— Глупый, что ты тутъ дѣлаешь?

Мальчикъ молчалъ.

— Ты глупъ?

Опъ сдѣлалъ движеніе, чтобы уйти, но она удержала его.

— Ты очень глупъ, бѣдняжка?..

Она хотѣла сказать ему еще что-то очень обидное, но взглянула на его лицо и остановилась—„чудо природы“ плакалъ.

— Ты это что, гуттаперча?.. Ахъ, какъ стыдно, какъ стыдно...

Онъ отвернулся и опять сдѣлалъ движеніе, чтобы уйти но она быстро обхватила его шею своими ручонками и прильнула своимъ личикомъ къ его лицу.

— Ахъ, какой ты глупенькій: вѣдь я тебя мучаю потому, что люблю тебя...

Она горячо поцѣловала его.

Въ этомъ поцѣлуѣ умеръ тотъ ребенокъ, который еще оставался въ Сусаннѣ Антоновнѣ.

Ночью Антоша бросился въ Волгу и утонулъ.

— Да, Антоша плохо кончилъ,—спокойно говорила Сусанна Антоновна, съ чувствомъ собственности глядя на „чудо-природы“.—Впрочемъ, этого нужно было ожидать.

1893.

ВРАГЪ.

Разсказъ.

29 апрѣля проживающій въ домѣ Никишева, на землѣ Орлика, 1-го уч. Мѣщанской ч., кр. Герасимъ Ермаковъ нашелъ на лѣстницѣ своей квартиры неизвѣстно кѣмъ подкинутаго младенца мужского пола, на видъ 2 дней отъ рожденія, безъ креста и записки. Ребенокъ этотъ, по желанію Ермакова, отданъ ему на воспитаніе. Того же числа въ палисадникѣ при церкви Св. Николая, что̀ въ Драчахъ, усмотрѣнъ подкинутый младенецъ женскаго пола, на видъ не болѣе 5 дней отъ рожденія, завернутый въ кусокъ ситца. Того же числа ночнымъ сторожемъ Лубянскаго сквера, кр. Степановымъ, около китайской стѣны найденъ оставленный младенецъ мужского пола, дней десяти отъ рожденія, съ крестикомъ на шеѣ. Послѣдніе два младенца отправлены въ Воспитательный домъ.

„Рус. Вѣд.“, 1895 г. 1 мая, № 118.

Сергѣй Иванычъ, по обыкновенію, поднялся очень рано, въ пять часовъ, что̀ вошло у него въ привычку и чѣмъ онъ не безъ основанія гордился, какъ аккуратный и выдержанный хозяинъ. Вѣдь выдержка характера все...

Пока старуха Васильевна ставила самоваръ, Сергѣй Иванычъ отправился осматривать свое хозяйство. Сегодня онъ чувствовалъ себя какъ-то особенно бодро и смотрѣлъ кругомъ весело щурившимися глазами. Проходя черезъ гостиную, онъ нечаянно увидѣлъ въ зеркалѣ свое улыбавшееся, счастливое лицо и невольно подумалъ:

„Вѣдь это наконецъ глупо...“

Да, конечно, глупо радоваться безъ всякой уважительной причины, радоваться только потому, что въ окна смотритъ весеннее солнце, что чувствуешь себя сильнымъ и здоровымъ, что впереди хорошій трудовой день.

Черезъ кухню Сергѣй Иванычъ вышелъ на дворъ и сдѣлалъ небольшую остановку, хозяйскимъ взглядомъ окидывая надворныя постройки. Вотъ навѣсъ для дровъ и экипажей, дальше отличный коровникъ на двадцать коровъ, потомъ конюшня для лошадей, потомъ отдѣльный птичій дворикъ, сѣновалъ, амбары, погреба, подвалы и громадный ледникъ. Все новенькое и все поставлено умѣло, опытной рукой. По двору бѣгали куры и съ какимъ-то отупѣвшимъ недоумѣніемъ вышагивалъ старый козелъ Мишка. Сергѣй Иванычъ чувствовалъ, что онъ любитъ вотъ и этихъ глупыхъ куръ, и еще болѣе глупаго козла, и мычавшую протяжно въ своемъ стойлѣ новокупку холмогорскую

корову Трухмальную, какъ ее окрестилъ садовникъ Егоръ Спиридонычъ, и даже неодушевленные предметы, служившіе нѣмой иллюстраціей хозяйственныхъ замысловъ, плановъ, соображеній и расчетовъ. Главное, здѣсь рѣшительно ничего не было лишняго, а все самое нужное—козелъ долженъ ходить по двору, корова-новокупка—мычать, рабочая телѣга—стоять подъ навѣсомъ. Даже молодой садикъ дѣлалъ свое дѣло—стояла весна, и онъ исполнялъ свою прямую обязанность, окутываясь молодой мягкой зеленью. Правда, что чахлая и недужная петербургская весна походила на конвульсивную улыбку, какой безнадежные больные встрѣчаютъ родственниковъ, и садовымъ деревьямъ точно было больно выгонять эту блѣдную и тощую зелень. Чувствовались родовыя муки вотъ этой чахленькой природы, и являлось невольное желаніе что-то такое сдѣлать, чтобы облегчить эти невольныя муки, какъ хочется откашляться за ребенка, у котораго не хватаетъ силы откашляться самому.

И все-таки хорошо, положительно хорошо... Въ этой кисленькой петербургской веснѣ, право, есть своя поэзія, расцвѣченная линялыми акварельными тонами и какимъ-то аристократическимъ малокровіемъ.

Обойдя садикъ, Сергѣй Иванычъ отворилъ калитку въ громадный огородъ и еще разъ остановился и еще разъ прищурился. Этотъ огородъ былъ его слабостью, какъ любимое и холеное дѣтище. На первомъ планѣ цѣлый рядъ парниковъ, ближе къ саду небольшая оранжерея и простая тепличка, за ними небольшой квадратъ со спаржей, гряды капусты разныхъ сортовъ, редиски, салата и всевозможныхъ овощей. Въ глубину тянулись безконечныя гряды клубники и картофельное поле. Послѣднее составляло гордость Сергѣя Иваныча, потому что онъ культивировалъ до ста сортовъ картофеля и получалъ съ него большой доходъ. Гряды для картофеля были уже вскопаны, а въ бороздахъ ягодника пестрѣли яркими пятнами „копорки“, обиравшія прошлогоднюю сухую траву и окучивавшія кустики клубники. Работа, однимъ словомъ, кипѣла, и Сергѣй Иванычъ невольно полюбовался на свое устроенное имѣньице. Общую картину портило только громадное зданіе недавно выстроенной нѣмцемъ Шикомъ спичечной фабрики, точно запиравшее горизонтъ безобразнымъ краснымъ квадратомъ и отравлявшее воздухъ дымомъ, валившимъ изъ высокой кирпичной трубы. Когда Сергѣй Иванычъ покупалъ свой клочокъ земли, о фабрикѣ не было и помину, да онъ и не купилъ бы имѣнья въ такомъ непріятномъ сосѣдствѣ. Съ другой стороны изъ-за тощаго сосноваго перелѣска горбилась зеленая крыша трактира „Голубокъ“, стоявшаго уже на самомъ шоссе. Раньше трактира тоже не было, и Сергѣй Иванычъ ненавидѣлъ его еще больше, чѣмъ фабрику. Эти два зданія отравляли ему существованіе однимъ своимъ видомъ, напоминая о близости Петербурга и всяческаго столичнаго безобразія.

Отыскавъ глазами садовника Егора Спиридоныча, Сергѣй Иванычъ направился къ нему. Садовникъ возился у молоденькой липовой аллейки, устроенной сейчасъ за ягодникомъ, гдѣ уже были поставлены два первыхъ улья,—это служило началомъ будущаго пчельника. Пчелы должны были собирать медъ со своего огорода, что̀ завершало общій хозяйственный круговоротъ. Кстати, Сергѣй Иванычъ очень уважалъ своего садовника, человѣка солиднаго, аккуратнаго и строгаго. Это былъ пригородный мужикъ лѣтъ сорока, приземистый, плотный, съ окладистой русой бородой, широкимъ русскимъ лицомъ и упрямыми, умными, сѣрыми глазами. Онъ держалъ себя съ необыкновеннымъ тактомъ, нисколько не подлаживаясь къ барину и сохраняя свое мужицкое достоинство. Даже запой, которымъ страдалъ садовникъ, прощался ему. Во-первыхъ, всѣ талантливые русскіе люди имѣютъ какой-нибудь крупный

недостатокъ, а во-вторыхъ, Спиридонычъ каждую свою запойную ошибку выкупалъ самой старательной работой. А главное, онъ любилъ свое дѣло и не былъ простымъ наемникомъ. Сергѣй Иванычъ во всемъ совѣтовался съ нимъ и даже чувствовалъ извѣстную зависимость. Такъ теперь, подходя къ пчельнику, Сергѣй Иванычъ сразу замѣтилъ, что садовникъ чѣмъ-то недоволенъ, и почувствовалъ себя тоже неловко.

Садовникъ встрѣтилъ хозяина довольно равнодушно и старался смотрѣть въ сторону.

— Ну, какъ наши дѣла?—почти заискивающимъ тономъ спросилъ Сергѣй Иванычъ.

— Да ничего..

Они помолчали. Егоръ Спиридонычъ оправилъ свой бѣлый передникъ, тряхнулъ головой и сердито крякнулъ. Такое мрачное настроеніе на него нападало передъ запоемъ, и Сергѣй Иванычъ посмотрѣлъ кругомъ съ невольной тревогой. Время стояло самое горячее, и вдругъ онъ запьетъ... Съ подобными субъектами припадки случаются именно въ самые неудобные моменты. Чтобы сказать что-нибудь, Сергѣй Иванычъ прислушался къ слабому гулу одного улья и замѣтилъ:

— Что-то слабо пчела гудетъ...

Садовникъ молчалъ.

Сергѣй Иванычъ припалъ ухомъ къ самой стѣнкѣ улья и окончательно убѣдился, что тамъ, внутри, что-то неладно. Не было той здоровой напряженности звука, и общая нота прерывалась какими-то болѣзненными паузами.

— Нѣтъ, что-то неладно,—рѣшилъ онъ.—Буду въ городѣ, съѣзжу на опытную пасѣку и посовѣтуюсь...

— Что же тутъ совѣтоваться...—грубо отвѣтилъ садовникъ и даже плюнулъ.—Только время напрасно терять, Сергѣй Иванычъ.

— А если мы сами не умѣемъ и не знаемъ, какъ ходить за пчелой?

— А ежели тутъ дѣло даже совсѣмъ не въ пчелѣ?

— Въ чемъ же?

— Да мало ли... Пчелка—Божья тварь и не любитъ, чтобы какая-нибудь тому подобная мерзость... Ужъ она не потерпитъ, ежели, напримѣрно, что ни на есть такое... да.

Садовникъ чего-то не договаривалъ, и Сергѣй Иванычъ спросилъ прямо:

— Да что такое случилось, Егоръ Спиридонычъ? Зачѣмъ вы тяпете и недоговариваете?..

— Чего же тутъ говорить? Вотъ мы-то ничего не знаемъ, а пчелка ужъ учуяла... Однимъ словомъ, этой самой Анисьѣ надобно отказать, Сергѣй Иванычъ. Ужъ какъ вы хотите...

— За что же отказывать?.. Она дѣвушка скромная и старательная...

Садовникъ презрительно фыркнулъ. Сергѣй Иванычъ сначала подумалъ, что произошла какая-нибудь домашняя распря, но, вспомнивъ про пчелъ, все понялъ.

— Я-то ужъ давно примѣчаю за ней...—брезгливо говорилъ Егоръ Спиридонычъ, снимая фуражку. — Значитъ, за Анисьей... Какъ-то вечеромъ по огороду бродитъ босая, когда еще, значитъ, въ бороздахъ снѣгъ лежалъ. Ну, потомъ за воротами стоитъ... Вотъ и настояла!

— Можетъ-быть, вы ошибаетесь... Мало ли что наболтаютъ.

— Ну, ужъ этого нѣтъ... Бабенки-то все сообразили. Коровница Домна, горничная, куфарка... Вонъ сторожъ съ Шиковой фабрики какъ-то проходилъ мимо насъ, увидалъ меня и говоритъ: „Съ прибылью, Егоръ Спиридонычъ...“

Однимъ словомъ, мораль всѣмъ выходитъ изъ-за Анисьи. Прогнать ее, стерву, и всему дѣлу конецъ!..

Въ голосѣ Егора Спиридоныча послышалось суровое озлобленіе и рѣшимость.

— Гм... да... — бормоталъ Сергѣй Иванычъ, неловко закуривая папиросу.—Какъ же это такъ, т.-е. вдругъ... Однимъ словомъ, необходимо подумать.

II

Сергѣй Иванычъ намѣренно удлинилъ свой утренній обходъ хозяйства, чтобы выиграть время. Подобное малодушіе свойственно мужчинамъ съ сильно развитымъ семейнымъ инстинктомъ. Онъ медленно обходилъ въ сопровожденіи садовника гряды клубники, осмотрѣлъ картофельное поле, парники, заглянулъ въ оранжерею и съ особеннымъ вниманіемъ отнесся къ спаржѣ. А время двигалось съ какой-то чиновничьей медленностью, точно оно получало и жалованье, и квартирныя, и подъемныя, и суточныя, и сверхсмѣтныя прибавки именно за эту медленность.

„Спаржа ничего...“ — думалъ онъ вслухъ, разглядывая молодые побѣги.

Егоръ Спиридонычъ обиженно молчалъ. Онъ все еще находился подъ впечатлѣніемъ нанесенной всей фермѣ Анисьей морали, а затѣмъ онъ въ частности не любилъ спаржи. Что это за овощъ, который растетъ три года?.. Одно баловство и больше ничего.

— Вотъ этотъ клочокъ будетъ давать ежегодно тысячу рублей чистой прибыли, — наставительно объяснялъ Сергѣй Иванычъ, указывая на гряды спаржи.—Да... У меня есть знакомый нѣмецъ-садовникъ, такъ онъ по двѣ тысячи получаетъ.

— На то онъ и нѣмецъ, Сергѣй Иванычъ,—отозвался наконецъ садовникъ, задѣтый за живое этимъ напоминаніемъ нѣмца. — У нѣмца въ носу спаржа будетъ расти...

— А у насъ на грядкахъ... Все дѣло только во вниманіи. Да...

Сергѣй Иванычъ старался принять хозяйскій тонъ, чтобы заглушить внутреннее малодушіе. Въ головѣ у него вертѣлась неотступно мысль объ Анисьѣ, и онъ впередъ чувствовалъ себя виноватымъ въ чемъ-то, что трудно было даже назвать.

Въ огородѣ Сергѣй Иванычъ провелъ часа два, а затѣмъ отправился на скотный дворъ. Кучеръ Архипъ, молодой русоволосый парень, чистилъ привязанную къ столбу гнѣдую кобылку, ходившую въ шарабанѣ. Эта лошадь была общей любимицей за веселый нравъ, послушность и бойкій ходъ. Изъ двери конюшни, перегороженной засовомъ, выглядывала угловатая голова стараго сиваго мерина съ отвислой отъ старости нижней губой и по-коровьи, тоже отъ старости, болтавшимися ушами. Сергѣй Иванычъ отнесся къ кучеру съ особенной подозрительностью и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній.

— Ты совсѣмъ не смазываешь копытъ Гнѣдку, Архипъ... И грива не расчесана. Вообще, ты лѣнишься...

— Помилуйте, ужъ, кажется, я какъ стараюсь, баринъ... — обиженно отвѣтилъ Архипъ, ерзая скребницей по вздрагивавшей спинѣ Гнѣдка.

— Знаю, знаю. Пожалуйста, безъ разговоровъ... Я этого не люблю. Да... И сбруя у тебя тоже не смазана.

— Ужъ, кажется, я...

— Молчать!..

Сергѣй Иванычъ окончательно разсердился и даже плюнулъ. Когда онъ направился въ коровникъ, Архипъ проводилъ его глазами и покачалъ только головой. Что это съ бариномъ попритчилось? Точно муху проглотилъ...

Послѣ картофеля любимой статьей хозяйства для Сергѣя Иваныча были коровы. Онѣ съ самаго начала давали самый вѣрный и опредѣленный доходъ, а въ видѣ преміи—телятъ и удобреніе. И какія были коровы — одна лучше другой. Иностранныхъ породъ Сергѣй Иванычъ не заводилъ, потому что онѣ погибали отъ туберкулеза, а вотъ русскія холмогорки и ярославки—настоящее золото. Послѣднимъ номеромъ была новокупка Трухмальная. Встрѣтившаяся въ дверяхъ коровника скотница Домна проговорила своимъ обычнымъ плаксивымъ тономъ:

— Здравствуйте, баринъ.

Баринъ ничего ей не отвѣтилъ, припомнивъ слова садовника, что вотъ эта самая Домна болтаетъ про Анисью. Типичнѣе русской бабы, какъ Домна, трудно было себѣ представить. Она походила на тѣхъ взъерошенныхъ, суетливыхъ и вѣчно кричащихъ русскихъ курчонокъ, которыя всю жизнь проводятъ гдѣ-нибудь на задворкахъ, неизвѣстно чѣмъ питаются и ухищряются нанести больше яицъ, чѣмъ премированныя выставочныя кохинхинки и брахмапутры. Собственно, у Домны даже и наружности не было, а такъ, что-то въ родѣ обглоданной кости. Вдобавокъ, она еще страдала модной болѣзнью — имѣла блуждающую почку. Послѣднее находилось въ прямой зависимости отъ семейнаго счастья,—мужъ Домны состоялъ „паркетчикомъ“, приходилъ къ женѣ по праздникамъ, напивался за ея счетъ и колотилъ ее до безпамятства. И все-таки Домна ухитрялась существовать, по-своему даже любила пьяницу-мужа и работала за двоихъ. У нея были золотыя руки, и въ своемъ коровникѣ она управлялась за четверыхъ. Эта Домна служила вѣчнымъ яблокомъ раздора, всѣ на нее жаловались, она жаловалась на всѣхъ, а когда выведенный изъ терпѣнія баринъ отказывалъ ей, всѣ съ удивленіемъ заявляли: какъ же безъ Домны?.. Конечно, она ядъ и купоросное масло и вредная бабенка, а все-таки безъ нея никакъ невозможно. Первый врагъ Домны, степенный Егоръ Спиридонычъ являлся главнымъ ея защитникомъ. Сергѣя Иваныча возмущали главнымъ образомъ дипломатическія способности Домны. Она устраивала постоянныя коалиціи и всѣхъ ссорила: то соединялась со старухой Васильевной и нападала на Анисью, то заключала союзъ съ Анисьей противъ глуповатаго кучера Архипа, то организовала цѣлый крестовый походъ противъ Егора Спиридоныча. Ей до всего было дѣло, она вездѣ совала свой носъ, и можно было только удивляться, когда она успѣваетъ.

Сейчасъ Сергѣй Иванычъ очень разсердился на нее, потому что дѣло получилось самое серьезное, и его возмущало то, что именно Домна по своему женскому дѣлу должна была больше другихъ понять критическое положеніе несчастной дѣвушки и пожалѣть ее, а не поджигать другихъ.

— Отчего Трухмальная мычитъ цѣлое утро?—придирался Сергѣй Иванычъ, не глядя на ледащую бабу. — Вѣроятно, не во-время ее напоили или кормъ не задали...

— Всего ей дадено,—грубо отвѣтила Домна.—А скотина тоже чувствуетъ, ежели въ дому...

— Ты у меня поговори!.. — перебилъ ее Сергѣй Иванычъ. — Этакій у тебя языкъ проклятый, Домна...

— Что же я, баринъ,—моей тутъ причины никакой нѣтъ. Я въ законѣ и могу понимать порядокъ и что къ чему...

Сергѣй Иванычъ неожиданно затопалъ ногами и крикнулъ:

— Молчать!.. Понимаешь? А еще лучше, если совсѣмъ уберешься... Понимаешь: вонъ!..

— Конечно, баринъ, ежели я въ законѣ, такъ вы меня и мѣняете на какую-нибудь потаскушку...

— Вонъ!.. вонъ!.. Сейчасъ же вонъ... Слышишь?

Увлекшись, Сергѣй Иванычъ схватилъ ее даже за плечо и вытолкнулъ изъ коровника. Домна какъ-то пискнула, точно мышь, присѣла на землю и завопила отчаяннымъ голосомъ, точно ее рѣзали. Въ окнахъ кухни показалось сморщенное лицо Васильевны, изъ-за изгороди выглянулъ Егоръ Спиридонычъ, на террасѣ мелькнулъ бѣлый капотъ, кучеръ Архипъ пересталъ чистить лошадь и смотрѣлъ на взбѣсившагося барина глупыми глазами. Однимъ словомъ, получалась настоящая живая картина...

— Вонъ!..—еще разъ крикнулъ Сергѣй Иванычъ, быстро шагая черезъ дворъ къ садику.

Онъ былъ доволенъ собой. Да, надо показать свою власть, а то Богъ знаетъ, что̀ прислуга позволяетъ себѣ. Какъ это ни грустно, а приходится подтягивать. Сейчасъ Сергѣй Иванычъ не испытывалъ уже давешней неловкости и вошелъ на террасу съ вызывающимъ видомъ. Терраса выходила въ молоденькій садикъ, и вся семья любила здѣсь пить чай, обѣдать и просто посидѣть. Чайный столъ уже былъ накрытъ, самоваръ въ ожиданіи хозяина успѣлъ потухнуть два раза, и старушка въ ситцевомъ капотѣ начинала терять терпѣніе.

— Ты, Сережа, напрасно волнуешься...—съ дипломатической мягкостью замѣтила она, когда сынъ опустился въ зеленое кресло.—Я тебѣ сколько разъ говорила... и Аня тоже, и Ирочка... всѣ!..

— Хорошо, хорошо, мама... Поговоримъ потомъ.

Старушка строго сложила губы и занялась чаемъ. Она знала, что съ Сережей не сговоришь, когда онъ въ приподнятомъ настроеніи, какъ сейчасъ. Онъ еще будетъ кричать, забѣгаетъ, замашетъ руками и кончитъ тѣмъ, что за завтракомъ выпьетъ двѣ лишнихъ рюмки водки и уѣдетъ въ городъ.

Семья Колосовыхъ всегда жила очень дружно, всѣ любили другъ друга, и все-таки не обходилось безъ семейныхъ глупыхъ сценъ. Женѣ Сергѣй Иванычъ въ большинствѣ уступалъ, а съ матерью горячился, спорилъ и кричалъ тонкимъ голосомъ. По утрамъ онъ обыкновенно пилъ чай вдвоемъ со старушкой, и за самоваромъ велись большею частью тихія хозяйственныя бесѣды. Сестра Ирочка поднималась позже и жена тоже. Онѣ спали самымъ безсовѣстнымъ образомъ до десяти часовъ, когда Сергѣй Иванычъ уже успѣвалъ наработаться и начиналъ испытывать приступы волчьяго голода. А сегодня Ирочка поднялась рано и вышла на террасу къ чаю блѣдная, недовольная, готовая раздражиться отъ малѣйшихъ пустяковъ. Она сухо поздоровалась съ братомъ и обратилась къ матери:

— Мама, кто это такъ страшно оралъ у насъ на дворѣ? Я думала, что мы по меньшей мѣрѣ горимъ...

— Не ломай комедію, пожалуйста,—вступился Сергѣй Иванычъ.—Ну, для чего ты это дѣлаешь? Вѣдь ты слышала, что я кричалъ... Да, я!

— Я не знала, что ты умѣешь драться, — отвѣтила Ирочка, поднимая густыя брови. — Это очень мило...

Сергѣй Иванычъ вскочилъ и сейчасъ же сѣлъ. На террасу вошла Анисья со сливочникомъ въ рукахъ. Глаза у нея замѣтно припухли отъ слезъ, а лицо получило то скорбное выраженіе, которое уже не реагируетъ на внѣшнія

раздраженія. У Анисьи всегда было какое-то испуганное лицо, но этого выраженія не было. Ирочка съ аффектированнымъ жестомъ отвернулась отъ нея и даже подобрала юбку съ того бока, мимо котораго прошла Анисья. Одна старушка сохранила спокойствіе и только вопросительно посмотрѣла на Сергѣя Иваныча. Для него было теперь ясно, что всѣ и все знаютъ, и что онъ въ качествѣ настоящаго хозяина узналъ все послѣднимъ.

III.

Когда Анисья вышла, наступила неловкая пауза. Сергѣй Иванычъ выпилъ лишній стаканъ, чтобы первому не говорить. И уйти съ террасы какъ будто неловко,—походило на бѣгство. Онъ смотрѣлъ въ садикъ, гдѣ распускалась бѣлая сирень, курчавились зеленымъ барашкомъ кусты смородины и крыжовника, цвѣла черемуха и зеленѣлъ бархатной зеленью приземистый сибирскій кедрикъ. На террасу тяжело вышла сетеръ сука Буянка, вильнула пушистымъ хвостомъ, вопросительно посмотрѣла на всѣхъ и, почуявъ, что что-то неладно, осторожно ушла назадъ. Она была въ такомъ положеніи, что уже могла ходить съ трудомъ.

„Зачѣмъ люди портятъ сами себѣ жизнь? — философствовалъ Сергѣй Иванычъ, наблюдая тянувшуюся къ нему полоску весенняго солнечнаго луча.— И сколько ненужнаго никому зла...“

Онъ внимательно посмотрѣлъ на худенькое съ зеленоватымъ оттѣнкомъ лицо сестры Ирочки и только сейчасъ замѣтилъ, какая она злая. И во всемъ эта злость—въ очеркѣ тонкаго породистаго носа, въ складкѣ рта, въ выраженіи сѣрыхъ глазъ. Ирочка была почти красива, если бы ее не портила нервная худоба начинавшей вянуть дѣвушки. Мужчины за ней ухаживали, но она все выбирала, и такъ прожила до критическаго возраста въ тридцать лѣтъ. Съ каждымъ годомъ у нея все рельефнѣе дѣлалось сходство съ матерью. И у старухи, если справедливо разобрать, было тоже злое лицо, хотя въ немъ эта злость и тушевалась старческимъ добродушіемъ. Раньше Сергѣй Иванычъ какъ-то не обращалъ вниманія на эту фамильную черту и невольно подумалъ, что, вѣроятно, и у него тоже злое лицо, хотя самъ онъ и любилъ думать о себѣ, какъ о добромъ человѣкѣ. Эта мысль показалась ему обидной.

Это вынужденное самоѣдство было прервано неожиданнымъ появленіемъ Анны Петровны, которая вошла на террасу съ недовольнымъ заспаннымъ лицомъ. Это была высокаго роста женщина, лѣтъ подъ тридцать, съ некрасивымъ, но типичнымъ и умнымъ лицомъ. Она шла тяжелымъ, развалистымъ шагомъ беременной женщины и едва поздоровалась съ мужемъ. Сергѣй Иванычъ почуялъ грозу, потому что не къ добру жена поднялась двумя часами раньше. Она заняла свое мѣсто на хозяйскомъ концѣ стола, прихлебнула изъ чашки кофе, поморщилась и сбоку посмотрѣла на мужа.

„Хоть бы газету... — уныло подумалъ Сергѣй Иванычъ,—въ трудныхъ случаяхъ онъ прятался за газету самымъ малодушнымъ образомъ...—Проклятый почтальонъ точно умеръ...“

Анна Петровна попробовала нарочно для нея привезенный изъ города московскій калачъ, еще разъ поморщилась и проговорила свѣжимъ голосомъ избалованной женщины:

— Сергѣй Иванычъ...

— А? что?..

Плечи Анны Петровны сдѣлали нетерпѣливое движеніе. Ее возмущала эта дурацкая оторопь мужа, старавшагося въ послѣднее время соглашаться

съ ней во всемъ. По тону ея голоса и по официальному началу онъ понялъ, что жена тоже знаетъ все, и по пути сообразилъ, что мать съ сестрой навѣрно знали все раньше, но молчали до поры до времени, а жена, очевидно, узнала только сейчасъ. „Навѣрно, это старая Васильевна наболтала...“ — рѣшилъ онъ, затаивая дыханіе.

Прошла мучительная пауза. Ирочка мѣшала ложечкой остывшій чай. Старушка Елена Александровна вся вытянулась, какъ насторожившаяся птица. Теперь уже не могло быть спасенія.

— Сергѣй Иванычъ, вы дѣлаете изъ дома какой-то вертепъ!..—залпомъ проговорила Анна Петровна, двигая стуломъ.—Да, вертепъ... И мнѣ ничего не остается, какъ только уйти, куда глаза глядятъ.

— Я?!.

— Да, вы, вы, вы... Вы понимаете, о чемъ я говорю. Подобныя гадости не терпимы... да. Вы всегда защищали распущенность прислуги—и вотъ результатъ... да...

— Я?!.. Позвольте...

— И вы еще говорите?!. Онъ еще смѣетъ оправдываться?!.

— Позвольте... Я не думалъ, потому что оправдываются только виноватые. Если кто виноватъ, такъ это... это...

— Ну? Договаривайте! Прекрасно... Значитъ, мы виноваты. Это очень мило, чтобы не сказать больше...

Женщины заговорили всѣ разомъ, точно хлынула вода въ открытый шлюзъ. Слушать уже никто не хотѣлъ. Конечно, ясно, какъ день, что Сергѣй Иванычъ развратилъ всю прислугу... Кто требовалъ, чтобы Анисью отпускали по вечерамъ изъ дому? Кто придумалъ какой-то воскресный отдыхъ для прислуги? Кто говорилъ, что наша прислуга—это утонченная и безсовѣстная форма новѣйшаго рабства? По чьей милости Анисья пропадала изъ дому по вечерамъ? И вотъ законный результатъ... Этого слѣдовало ожидать.

— Ты, дѣйствительно, Сережка, распустилъ прислугу,—говорила Елена Александровна, стараясь сохранить спокойствіе.—Я тебѣ говорила, что ни въ одномъ порядочномъ домѣ не позволятъ такъ себя держать... Ты настаивалъ, чтобы отпускать прислугу ежедневно.

— И буду настаивать!—азартно защищался Сергѣй Иванычъ.—И всегда буду говорить, что положеніе нашей прислуги невозможное... Возьмите Францію или Америку—тамъ прислуга имѣетъ свои свободные часы ежедневно, и отъ этого никто не страдаетъ. Нельзя лишать людей свободы. Это несправедливо... Вы хотите, чтобы прислуга превратилась въ цѣпную собаку. Такъ нельзя...

— Слышите, что онъ говоритъ?—возмущалась въ окончательной формѣ Анна Петровна.—Мы должны поощрять открытое распутство...

— Кажется, что дѣло сводится къ тому...—замѣтила Ирочка съ политической ядовитостью.—То, что можетъ быть хорошо во Франціи или въ Америкѣ, у насъ просто неудобно. Кажется, доказательство налицо...

— Нѣтъ, извините!—уже кричалъ Сергѣй Иванычъ.—Во-первыхъ, мы ничего не знаемъ—начать съ того... Можетъ-быть, простая сплетня.

Дамы переглянулись и обмѣнялись улыбками сожалѣнія.

— Затѣмъ, еще вопросъ, чѣмъ все это кончится,—продолжалъ Сергѣй Иванычъ, размахивая руками.—*Онъ*, можетъ-быть, женится. Вѣдь мы ничего не знаемъ... Въ ихъ средѣ сплошь и рядомъ бываютъ такіе браки.

— Да, непремѣнно женится,—согласилась Анна Петровна съ убійственнымъ спокойствіемъ.—У *него* есть жена въ деревнѣ и двое дѣтей... Прекрасная партія. И профессія недурная: *онъ* служитъ лакеемъ въ трактирѣ „Голубокъ“

и спитъ подъ лѣстницей. Это такъ называемая трактирная „шестерка“... Совсѣмъ по-американски, не правда ли? Очень и очень мило... Мы тутъ спимъ, ничего не знаемъ, а *онъ* каждую ночь перелѣзалъ къ намъ черезъ заборъ и... я...

Ирочка сдѣлала брезгливое движеніе, поднялась и демонстративно оставила террасу.

— Вы довольны?—объяснила Анна Петровна, указывая на нее глазами.— Приличной дѣвушкѣ невозможно даже присутствовать при нашихъ разговорахъ.

— И совершенно напрасно!—сказалъ Сергѣй Иванычъ.—Ирочка въ такомъ возрастѣ, что понимаетъ все... Читаетъ же она романы Золя. И вообще меня удивляетъ ваша спеціально-женская жестокость. По логикѣ вещей, казалось бы, именно женщины должны были бы относиться съ особеннымъ сочувствіемъ къ несчастному положенію Анисьи, а выходитъ наоборотъ... Напомню кстати, что вы чему-то учились и слыхали такія слова, какъ гуманность, наконецъ вы родились и выросли въ извѣстныхъ религіозныхъ взглядахъ. Вѣдь что-нибудь должно же остаться отъ всего этого. Я не оправдываю Анисьи, но мнѣ ее жаль, жаль просто по человѣчеству, какъ я жалѣю всякое животное.

— У васъ, Сергѣй Иванычъ, ораторскій талантъ,—съ сухой ядовитостью замѣтила Анна Петровна.—Это извѣстный адвокатскій пріемъ построить оправданіе кліента на обвиненіи другихъ... Но только всѣ эти риторическія упражненія не ведутъ ни къ чему, и фактъ остается фактомъ. Да... Будемъ же смотрѣть на вещи прямо и называть ихъ собственными именами. Съ религіозной точки зрѣнія и по требованіямъ гуманизма мы, конечно, должны пожалѣть Анисью—вы правы, но остается, къ сожалѣнію, печальная и грустная дѣйствительность. Дворникъ съ фабрики уже...

— Знаю, знаю... Мало ли какія глупости говорятся?

— Дайте кончить. Возьмите положеніе остальной прислуги. Они вѣдь тоже люди и люди изъ одной среды съ Анисьей, и вотъ эти именно люди считаютъ позоромъ дальнѣйшее пребываніе Анисьи въ нашемъ домѣ. Спросите ихъ... Васильевна, коровница Домна, Егоръ Спиридонычъ, кучеръ Архипъ—однимъ словомъ, всѣ.

— Это не доказательство, Анна Петровна. Они—люди темные и могутъ заблуждаться, а мы имѣемъ неосторожность считать себя немного культурными.

— А какъ же ребенокъ, Сережа?—спросила Елена Александровна.— Ты не знаешь, какихъ хлопотъ стоятъ дѣти...

— У насъ не воспитательный домъ,—поддержала Анна Петровна.

Ребенокъ... Да, это была уже не Анисья. Сергѣй Иванычъ смутился такимъ оборотомъ разговора. Въ самомъ дѣлѣ, какъ быть съ этимъ новымъ пришельцемъ?.. Анисью еще можно было отстоять, но ребенокъ... У Сергѣя Иваныча мелькнула счастливая мысль. Не предрѣшая вопроса впередъ, нужно было выиграть пока время.

— Что же, ребенокъ—когда онъ родится, тогда и будетъ свой разговоръ,—убѣжденно проговорилъ онъ.—Еще вопросъ, родится ли онъ, будетъ ли живъ... Нельзя впередъ предусмотрѣть всѣ случайности. Пока рѣчь идетъ объ одной Анисьѣ, и я остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи.

Анна Петровна поднялась и быстро вышла.

— Сережа, зачѣмъ ты ее раздражаешь?—съ тихимъ упрекомъ замѣтила Елена Александровна.—Она въ такомъ положеніи... Ей вредно волноваться.

— Мама, да что же дурное я сказалъ?.. Это вы мнѣ должны были говорить, а не я... Въ положеніи Ани, кажется, всего естественнѣе понять положеніе несчастной Анисьи.

IV.

Анисья слышала, какъ вздорили господа на террасѣ, и все время простояла въ полутемномъ коридорчикѣ, которымъ ходили изъ столовой въ кухню. Она по обрывкамъ долетавшихъ съ террасы фразъ поняла, что разговоръ шелъ о ней и что баринъ защищалъ ее, а барыни бранили. И зачѣмъ добрый баринъ только вступается—еще хуже будетъ.,. Все равно, заѣдятъ. Анисья сильно стягивалась, чтобъ скрыть увеличивавшуюся съ каждымъ днемъ полноту, и отъ этого у нея ныли ноги и ломило поясницу. Но физическая боль ей сейчасъ доставляла почти удовольствіе, отвлекая мысли отъ накипавшей заботы.

— Господи, ежели бы хоть помереть...—думала Анисья, закрывая глаза.

Въ этотъ моментъ къ ней неслышно подошла Буянка, лизнула въ руку и вопросительно вильнула хвостомъ. Отъ этой собачьей ласки у Анисьи захолонуло на душѣ. Она присѣла на полъ, обняла собаку и принялась ее цѣловать.

— Милушка ты моя... родненькая...

Анисья припомнила, какъ баринъ наказывалъ ей особенно смотрѣть теперь за собакой, чѣмъ ее кормить и вообще беречь. Баринъ добрый и жалѣетъ щенную суку. Тварь, а тоже чувствуетъ. Все себѣ логово въ гостиной подъ роялемъ устраиваетъ, тащитъ туда всякую тряпку, а барыня сердится и гонитъ. Барыня тоже добрая, только не понимаетъ, что и псица заботится о своей головѣ.

— Буянушка, касаточка...

Собака положила свою квадратную голову къ ней на колѣни и смотрѣла прямо въ лицо большими умными глазами. Анисья нѣсколько разъ вскакивала, когда ей слышалось, что кто-то ее зоветъ. Но ее никто не звалъ. А на террасѣ господа спорили все сильнѣе, баринъ началъ кричать тонкимъ голосомъ, а Анисья вся дрожала со страха. Все это изъ-за нея. Потомъ молодая барышня пробѣжала къ себѣ въ комнату. Эта сердитая. Только зашипитъ, какъ оса. Старая дѣвка, однимъ словомъ, хоть и барышня. А на террасѣ все спорили. Ввязалась молодая барыня, и барину теперь конецъ. Будетъ ручку цѣловать и прощенья просить. Очень ужъ доберъ нашъ баринъ...

Анисью смущало больше всего то, что ее не зовутъ на террасу. Молодая барыня обыкновенно не давала дохнуть: и то подай, и это принеси, и третье убери. Въ потъ даже вгонитъ. А сегодня ни-ни, не пикнетъ. Тоже и старуха Васильевна управляется въ кухнѣ одна. Прежде все приставала: сдѣлай-то, да сбѣгай въ погребъ, да вымой кастрюли, а теперь и не смотритъ. Анисья заходила въ кухню нѣсколько разъ, но старуха не желала ее замѣчать и только шептала что-то себѣ подъ носъ, какъ колдунья. Злющая старушонка и кого угодно со свѣту сживетъ. Давеча, когда баринъ выгналъ Домну изъ коровника, вотъ какъ озлилась.

— Убить тебя мало, змѣю!—накинулась она на Анисью.—Изъ-за кого баринъ-то разстервенился? У, потаскушка... Стравить тебя—вотъ и весь сказъ.

Потомъ прибѣжала Домна въ кухню и тоже ругательски ругалась. Теперь Домна и Васильевна дружили между собой и все шептались. Васильевна-то давеча сбѣгала и молодой барынѣ все разсказала со злости. Старая барыня знаетъ ужъ больше недѣли и молчитъ, а молодая не стерпѣла и сейчасъ на барина кинулась. Что же, все равно, пусть гонятъ... Одинъ конецъ. Не-сегодня-завтра все узнали бы господа... Анисью начинала бить лихорадка, и

она кусала кончикъ бѣлаго передника, чтобы не разревѣться вконецъ. Слезы ее душили съ ранняго утра, точно сердце чуяло, какой сегодня будетъ день. Такъ ужъ съ утра все и пошло одно къ одному... Охъ, скорѣе бы смертынька!..

— Что ты тутъ торчишь?—сердито окликнула ее старая барыня, проходя коридоромъ въ кухню.

— Я такъ... Можетъ, кто позоветъ.

— Ступай ко мнѣ въ комнату.

Эта простая фраза Анисьѣ показалась смертнымъ приговоромъ. Сейчасъ ей откажутъ отъ мѣста... Куда она дѣнется въ такомъ-то видѣ? И денегъ всего-навсего два рубля тридцать копеекъ, да еще за полмѣсяца впередъ получено.

Когда Елена Александровна вошла въ свою комнату, Анисья комомъ повалилась ей въ ноги.

— Барыня, милая...

— Встань, встань... Я этого не люблю.

Анисья поползла за ней на колѣняхъ, стараясь схватить за ноги.

— Говорятъ тебѣ, встань...—совсѣмъ уже сурово проговорила старушка.

Этотъ тонъ сразу расхолодилъ Анисью. Все равно, тутъ пощады не будетъ. Она поднялась и стала у двери. Елена Александровна присѣла къ письменному столику, переложила какія-то книжки и заговорила прежнимъ строгимъ голосомъ:

— Ну, что ты теперь думаешь дѣлать съ собой?..

— Не... не знаю.

— Кто же знаетъ?.. Ты понимаешь, о чемъ я говорю, и должна понять, что тебѣ здѣсь оставаться нельзя.

— Ничего не знаю...

Анисья опять сдѣлала попытку кинуться въ ноги, но старушка остановила ее жестомъ издали.

— Однимъ словомъ, я не ожидала, Анисья, что ты такая... Если бы я знала раньше, то, конечно, не взяла бы тебя. Ты постоянно была въ комнатахъ, все подавала, и вдругъ оказывается... Я удивляюсь твоей смѣлости. Самое лучшее, по-моему, тебѣ отправиться въ деревню. Да...

— Нѣтъ, я ужъ лучше помру, а къ себѣ въ деревню не пойду.

— Не болтай глупостей... Нужно же куда-нибудь дѣваться? Ну, куда ты пойдешь?

— Не... не знаю... Мамушка въ деревнѣ-то одна... у зятя она живетъ... Зачѣмъ же я ее-то буду стремить? Свои деревенскіе проходу не дадутъ... Сейчасъ-то я одна буду мучиться, а матушка ничего не знаетъ...

— Все равно, послѣ узнаетъ. Да... Вотъ матери тебѣ совѣстно, а насъ всѣхъ обманывать не было совѣстно? Кажется, ты не можешь пожаловаться на насъ.

— Что вы, барыня, да я...

У Анисьи перехватило горло отъ слезъ.

— Пожалуйста, безъ этого!..—предупредила ее старушка.—Нужно было раньше плакать, пока не надѣлала глупостей, а теперь нечего...

Порывшись въ книжкахъ, старушка достала тоненькую синюю тетрадку, подсчитала и заявила:

— Да, такъ... Ты забрала деньги за полмѣсяца впередъ.

— Это когда мамушкѣ къ Пасхѣ деньги посылала.

— Хорошо, хорошо. Я поговорю съ Сергѣемъ Иванычемъ относительно этихъ денегъ. А ты собирайся... Сегодня ночь можешь переночевать, а потомъ...

Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ самъ Сергѣй Иванычъ. Онъ мелькомъ взглянулъ на опухшее отъ слезъ лицо Анисьи и сразу понялъ, что здѣсь только-что состоялось жестокое объясненіе.

— Мама, я пришелъ сказать тебѣ, что Анисья остается у насъ, т.-е. остается пока.

— Анисья, ты можешь уходить...

Анисья не двигалась.

— Анисья, кажется, тебѣ говорятъ? Что это такое? Кажется, у насъ всѣ съ ума сошли...

— Баринъ, голубчикъ... не заступайтесь вы за меня...—торопливо заговорила Анисья, дѣлая новую попытку броситься въ ноги.—Я ужъ лучше сама уйду... Одинъ конецъ, все равно... сама виновата...

— Вотъ что, Анисья....—заговорилъ съ какой-то торопливостью Сергѣй Иванычъ, удерживая дѣвушку одной рукой отъ новой попытки броситься въ ноги.—Теперь вы идите, а тамъ увидимъ. Да, увидимъ... Во всякомъ случаѣ, вы ничего не бойтесь... Я васъ не дамъ въ обиду.

Когда Анисья вышла, старушка проговорила.

— Вѣдь рыцарство не обязательно, Сережа... И потомъ, что это за рабская манера бросаться въ ноги при каждомъ удобномъ случаѣ. Вотъ эта Анисья какъ-то разбила мою чашку и сейчасъ бросилась въ ноги... Развѣ кто-нибудь этого требуетъ въ нашемъ домѣ? Просто какія-то низшія животныя...

— Мама, въ данномъ случаѣ виноватъ больше тотъ, кому бросаются въ ноги... да. Это только подтверждаетъ мою теорію нашего домашняго рабства.

Онъ быстро зашагалъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

— Сережа, ты поссорился съ женой?

— Нѣтъ, т.-е. да... Развѣ можно говорить съ женщиной серьезно?

— Ты забываешь, въ какомъ она положеніи.

— Никакое положеніе, мама, не заставляетъ насъ поступать не по совѣсти и быть несправедливыми. Если Аня можетъ оправдывать себя своимъ положеніемъ, которое, по моему мнѣнію, въ данномъ случаѣ служитъ для нея большимъ обвиненіемъ, то васъ, т.-е. тебя, Ирочку, я уже рѣшительно отказываюсь понимать... Но вы всѣ знайте, что я хочу быть деспотомъ и тираномъ въ собственномъ домѣ! Я—мужчина и хочу реализировать себя. Да...

— Это называется гораздо проще, Сережа: просто самодурство...

— Пусть!.. Опять-таки вы довели меня до этого.

Однимъ словомъ, Сергѣй Иванычъ устроилъ настоящій семейный бунтъ, результатомъ котораго было то, что жена заперлась въ своей комнатѣ, Ирочка въ своей, Елена Александровна въ своей. Никто не хотѣлъ выходить, подавляя тирана молчаливымъ протестомъ.

— Э, пусть сидятъ!..—рѣшилъ Сергѣй Иванычъ, тоже запираясь у себя въ кабинетѣ. — Я буду Тамерланомъ, Иваномъ Грознымъ, Генрихомъ VIII, Емелькой Пугачовымъ, Фра-Дьяволомъ...

Анисья ушла въ маленькую каморку около кухни, гдѣ стояла ея кровать и сундучокъ, и здѣсь напрасно ждала, когда ее позовутъ. Старая Васильевна бѣгала изъ одной комнаты въ другую, услуживала гнѣвавшимся барынямъ и возвращалась въ кухню съ молчаливымъ торжествомъ.

— Вотъ язва-то сибирская навязалась, подумаешь! — бормотала она, сердито гремя кастрюлями.—Весь домъ засмутьянила, поганка...

V.

Бываютъ въ жизни какіе-то роковые дни, и такимъ именно роковымъ днемъ для семьи Колосовыхъ былъ описанный выше. Сгоряча Сергѣй Иванычъ даже приблизительно не могъ предвидѣть всѣхъ неизбѣжныхъ послѣдствій, какія онъ поведетъ за собой. Онъ поступилъ, какъ слѣдовало поступить порядочному и гуманному человѣку. Кажется, ясно? Даже проще — иначе онъ и поступить не могъ. А тутъ пришлось считаться съ такимъ отпоромъ, явнымъ и тайнымъ, что невольно являлось сомнѣніе въ собственной правотѣ. Конечно, онъ погорячился, и слѣдовало бы все устроить просто, незамѣтно, безъ всякой помпы. Самымъ лучшимъ было бы, въ чемъ Сергѣй Иванычъ имѣлъ тысячи случаевъ убѣдиться, если бы онъ поступилъ какъ-разъ наоборотъ, т.-е. накинулся бы не на коровницу Домну, а на Анисью, и принялся бы ее гнать изъ дому. Тогда, навѣрно, получился бы такой результатъ: и мать, и сестра, и жена начали бы ее защищать. Да, именно такъ слѣдовало поступить... И вся прислуга, навѣрно, тоже была бы на сторонѣ потерпѣвшей отъ господскаго звѣрства Анисьи.

Однимъ словомъ, все дѣло было испорчено въ самомъ началѣ, и теперь приходилось только выдерживать характеръ до конца, чтобы окончательно не потерять своего хозяйскаго престижа, по крайней мѣрѣ въ глазахъ прислуги.

Борьба велась при неравныхъ условіяхъ, начиная уже съ того, что противная сторона имѣла численный перевѣсъ, и кончая тѣмъ, что получалось невозможно-глупое положеніе, гдѣ обыкновенныя человѣческія слова и обыкновенная человѣческая логика теряли рѣшительно всякій смыслъ. Всего хуже было то, что эта противная сторона въ критическихъ случаяхъ тупо отмалчивалась, принимая обиженный видъ, или прибѣгала къ „логикѣ слезъ“. Что было тутъ говорить? Плакать Сергѣй Иванычъ, конечно, не могъ, а попытки угнетеннаго молчанія приводили къ тому, что ему же приходилось чуть не вымаливать себѣ прощеніе. А между тѣмъ какъ все дѣло было просто и ясно, если бы другіе могли на него взглянуть именно просто и ясно. Сергѣй Иванычъ точно переставалъ узнавать и жену, и мать, и сестру. Это были какіе-то чужіе люди, о существованіи которыхъ до сихъ поръ онъ даже и не подозрѣвалъ. Тутъ все шло: и интересное положеніе жены, и вѣчные нервы сестры Ирочки, и сыновнее уваженіе къ матери. Сергѣй Иванычъ въ буквальномъ смыслѣ приходилъ въ отчаяніе, потому что или онъ сошелъ съ ума безповоротно и утратилъ способность понимать чужія дѣйствія, или сошли съ ума всѣ другіе. Вѣдь если *такъ* думаютъ, чувствуютъ и поступаютъ свои близкіе, въ которыхъ по кровному чувству помѣщались до сихъ поръ лучшія стороны жизни, то чего же было ждать отъ постороннихъ, отъ тѣхъ *другихъ*, которымъ мы такъ охотно уступаемъ жестокость, несправедливость и весь репертуаръ маленькихъ и большихъ пороковъ. Терялся тотъ здоровый пульсъ, который каждымъ ударомъ свидѣтельствуетъ о нормальной жизни, о здоровьѣ и гармоническомъ равновѣсіи всѣхъ процессовъ и отправленій. Врывалось что-то такое враждебное, безпощадное и тупое, что разъѣдало установившіяся формы и гасило въ зародышѣ лучшія чувства. Сергѣй Иванычъ съ ужасомъ началъ думать о томъ, что онъ теряетъ уваженіе и къ женѣ, и къ сестрѣ, и къ матери и смотритъ на нихъ глазами чужого человѣка, для котораго онѣ именно *другія*, лишенныя теплоты личнаго чувства и покровительственнаго мужского глаза. Онъ точно уходилъ отъ нихъ куда-то и чѣмъ больше, тѣмъ дальше уходилъ.

Виновница всего переполоха была выселена въ пустую дворницкую, которая находилась въ садовомъ флигелѣ. Рядомъ жилъ Егоръ Спиридонычъ. Онъ былъ очень огорченъ этимъ сосѣдствомъ и угрюмо молчалъ при встрѣчахъ съ бариномъ. Это уже окончательно взбѣсило Сергѣя Иваныча, и онъ заявилъ прямо:

— Ужъ вамъ-то стыдно, Егоръ Спиридонычъ... Если бабы болтаютъ глупости, такъ вѣдь на то онѣ и бабы, а вы мужчина...

— Это дѣйствительно, баринъ, что бабы, конечно... Однѣмъ словомъ, бабы—тутъ ужъ что говорить. А только дворникъ съ Шиковой фабрики вчера увидалъ меня и говоритъ: „Здравствуй, крестный“... Это какъ по-вашему? Хоть до кого доведись... одна мораль...

— Скажите вашему дворнику, что онъ дуракъ... да!.. Такъ и скажите...

— Ужъ это какъ вамъ будетъ угодно, баринъ...

— Да, да... Мнѣ именно это угодно!.. А если вы будете повторять глупости, какія угодно говорить каждому встрѣчному, я... я...

Сергѣй Иванычъ сдѣлалъ такой рѣшительный жестъ, какъ человѣкъ, приготовившійся ко всему. Его возмущалъ садовникъ своей баранней глупостью. Не глупый человѣкъ, обстоятельный, съ настоящей русской смѣткой, а тутъ точно на пень наѣхалъ. Сергѣй Иванычъ опять готовъ былъ вспылить, но ему пришла въ голову одна мысль, которая сразу освѣтила всю картину и сдѣлала яснымъ тупое и злостное поведеніе Егора Спиридоныча. Садовникъ раньше немного ухаживалъ за Анисьей и, можетъ-быть, присматривалъ въ ней на свой мужицкій глазомѣръ настоящую хозяйственную бабу, а тутъ вдругъ подвернулся какой-то трактирный „шестерка“ и все нарушилъ. Сейчасъ, можетъ-быть, проявляла себя тяжелая мужицкая обида: Егоръ Спиридонычъ хотѣлъ принять законъ честь честью, а „шестерка“ напустилъ озорства и погубилъ дѣвку ни за грошъ.

Послѣднее соображеніе было не лишено истины. Твердаго намѣренія жениться на Анисьѣ Егоръ Спиридонычъ не имѣлъ, а присматривать, дѣйствительно, присматривалъ. Когда „мораль“ Анисьи обнаружилась, онъ почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ и даже самъ вѣрилъ, что хотѣлъ жениться именно на Анисьѣ. Ему начало казаться, что и Анисья все знала и сдѣлала по-своему на зло ему, Егору Спиридонычу. И остальная прислуга все знала, какъ ему казалось, и онъ совѣстливо молчалъ, когда бабы при немъ начинали честить Анисью,—все это онъ относилъ къ себѣ. Получалось самое скверное положеніе, а тутъ еще баринъ точно на зло помѣстилъ Анисью въ его флигель.

— Ты теперь на барскомъ положеніи, Егоръ Спиридонычъ,—язвила скотница Домна.—Я у однихъ господъ жила, такъ баринъ на одной половинѣ, а барыня на другой.

Садовникъ побѣлѣлъ отъ злости и чуть не убилъ проклятую бабу.

Естественнымъ выводомъ изъ этого положенія была глухая ненависть Егора Спиридоныча къ „шестеркѣ“. Между прочимъ, эта ненависть удержала его отъ запоя—онъ уже былъ близокъ къ нему, подступала предательская глухая тоска, но мысль встрѣтиться въ „Голубкѣ“ съ шестеркой Васькой удержала его. Неровенъ часъ, подъ пьяную руку какъ-разъ и порѣшить человѣка можно... Вотъ ежели бы такъ взловить „шестерку“—другое дѣло. Егоръ Спиридонычъ отлично представлялъ себѣ картину, какъ „шестерка“ крадется къ ихнему забору, перелѣзаетъ, и въ этотъ моментъ его накрываютъ. Садовникъ даже блѣдиѣлъ, сжимая кулаки. Вотъ бы какъ подъ орѣхъ раздѣлалъ холуя... А не озорничай, не наводи тѣнь на порядочныхъ людей, не балуйся.

Развѣ это порядокъ дуру-дѣвку обмануть? Вонъ какое приданое ей приспособилъ. Неотвязно занятый мыслью о возмездіи „шестеркѣ“, Егоръ Спиридонычъ дошелъ до мысли о настоящей интригѣ. Онъ ждалъ появленія Васьки цѣлыхъ двѣ недѣли, караулилъ по ночамъ, прислушивался къ каждому шороху—и все напрасно. „Шестерка“ не желалъ показываться. Это малодушіе трактирнаго любовника окончательно возмутило Егора Спиридоныча. Какой же это человѣкъ: обманулъ дѣвку, а тутъ и глазъ не кажетъ. Она-то вѣдь, по своему женскому малодушію, поди, еще о немъ же тоскуетъ и убивается.

— Надо его какъ-нибудь подманить, пса...—рѣшилъ садовникъ. —Тоже это не модель: наозорничалъ и въ кусты.

Планъ былъ уже составленъ. Самому Егору Спиридонычу итти въ „Голубокъ“ было неудобно, и онъ рѣшилъ дѣйствовать черезъ кучера Архипа. Вся бѣда, что очень ужъ простоватъ малый и какъ-разъ проврется не къ мѣсту. Пришлось подготовлять его нѣсколько дней. Архипъ хмурилъ брови, потѣлъ и повторялъ одно:

— Ужъ въ лучшемъ видѣ оберемъ, Егоръ Спиридонычъ. Будьте безъ сумлѣнія...

— Да ты будто такъ, къ слову... Понимаешь? Тоскуетъ, молъ, она-то.., О тебѣ же, молъ, убивается, идолъ. Понимаешь?

— Сколько угодно...

Егоръ Спиридонычъ далъ даже деньги Архипу, чтобы экспедиція была исполнена въ настоящей формѣ: пришелъ въ „Голубокъ“, выпилъ стаканъ водки для куражу, а потомъ подсѣлъ къ столику Васьки и сразу пару пива. Ну, а потомъ то-се, и вся тѣнь готова.

Архипъ всю первую половину исполнилъ въ точности, даже прихватилъ третью бутылку пива, уже на свои, и вернулся домой пьяный.

— Ну что?—спрашивалъ его садовникъ.

— Да ничего... Увертливъ больно Васька-то. Я ему, значитъ, обсказалъ про Анисью-то въ полной формѣ: и тоскуетъ, и убивается... да. А онъ ухмыльнулся и говоритъ: „О чемъ ей убиваться-то? Тѣмъ море не испоганилось, что ссъ налакалъ...“

Егоръ Спиридонычъ понялъ только одно, что далъ маху, и что „шестерка“ смѣется надъ ними всѣми. Видно, бывалъ въ передѣлкахъ, рвань коричневая, и своихъ слѣдовъ боится. Въ довершеніе всего Архипъ подъ пьяную руку разболталъ бабамъ о своемъ неудачномъ посольствѣ и ловкомъ отвѣтѣ трактирной „шестерки“.

— И завсегда дѣвка виновата...—тараторила Домна.—Теперь ступай, ищи вѣтра въ полѣ. Извѣстно, мужчинка свое удовольствіе получилъ и сейчасъ, напримѣръ, въ кусты...

Эта бабья болтовня донеслась, конечно, до барыни, а барыня сейчасъ, конечно, барину. Сергѣй Иванычъ только покачалъ головой и пожалѣлъ попавшаго впросакъ Егора Спиридоныча.

— Они будутъ драться!—въ ужасѣ повторяла Анна Петровна.—Еще и насъ убьютъ... Отъ этихъ звѣрей всего можно ожидать.

— Пустяки, ничего не будетъ,—успокаивалъ жену Сергѣй Иванычъ.—Такъ, болтаютъ зря... А что касается звѣрства, то это еще вопросъ...

— И все это у насъ въ домѣ? И все изъ-за этой...

Анна Петровна даже не рѣшилась выговорить то слово, какимъ прислуга называла Анисью, и только изнеможенно закрыла глаза. Сергѣю Иванычу стоило большого труда успокоить жену, причемъ онъ незамѣтно для самого себя принималъ все болѣе виноватый и глупо оправдывающійся тонъ.

VI.

Положеніе Анисьи, конечно, было хуже всѣхъ. Вѣдь всѣ были противъ нея и только одинъ баринъ за нее. Да и эта барская заступа приносила только вредъ, еще больше поджигая другихъ. Всего лучше было бы куда-нибудь уйти, пока все кончится, а тутъ барина какъ-разъ обидишь. Приходилось думать теперь не объ одной своей головѣ, а главнымъ образомъ о томъ ребенкѣ, который долженъ былъ явиться на свѣтъ чужимъ. Анисья инстинктивно крылась подъ барскую жалость, какъ истомленная зноемъ овца лѣзетъ въ тѣнь... Все-таки хоть одинъ человѣкъ пожалѣлъ, а отъ остальныхъ надо терпѣть.

Анисья старалась никому не показываться на глаза и, когда не было работы въ огородѣ, сидѣла въ своей каморкѣ, какъ пришитая. На глазахъ у барина, конечно, никто ничего не смѣлъ ей говорить, но зато все это съ лихвой вымещалось за глазами. Ее изводили и травили всѣми способами — бабы открыто, съ тѣмъ ожесточеніемъ, съ какимъ здоровыя собаки рвутъ больную, а мужики съ тяжелой и затаенной злобой. Анисьѣ не давали проходу.

— Вонъ паша-то шпитонка идетъ! — выкрикивала Домна. — Небось, мужнюю жену, которая въ закону, никто не пожалѣетъ... Конечно, нашъ баринъ простъ и нашей женской части совсѣмъ даже не понимаетъ, а то взялъ бы, какъ кошку, за хвостъ, да объ стѣну... Нечего тутъ модель-то разводить!..

— Сказываютъ, и шестерка къ намъ на фатеру собирается съѣзжать,— поддерживалъ кучеръ Архипъ.—Я, грить, съ семейною радостью...

Всѣ они знали, что Анисья никуда не пойдетъ жаловаться, и тѣшились вволю. Даже Егоръ Спиридонычъ не упускалъ случая выразить свое презрѣніе тѣмъ или другимъ способомъ. Когда Анисья полола въ огородѣ картофель, онъ, какъ будто невзначай, швырялъ въ нее чѣмъ попало, а потомъ снималъ шапку и начиналъ извиняться.

— Простите, ваше превосходительство, что попалъ мало... Прическу вашу боялся испортить. Мы вѣдь старые мужики и совсѣмъ не понимаемъ тонкаго трактирнаго обращенія.

Въ ненастье, когда нельзя было работать на огородѣ, Анисья сидѣла у себя въ каморкѣ, и это было самое скверное время. За работой все-таки не такъ думалось, какъ тутъ, въ полномъ одиночествѣ. Тихо кругомъ, а мысли въ головѣ такъ и поютъ, точно мыши скребутъ и точатъ гдѣ-то подъ поломъ. Разъ, когда Анисья сидѣла одна, въ отворенную дверь тихо вошла Буянка, вильнула хвостомъ и вопросительно остановилась. Ей было тоже тяжело, и она искала мѣсто, гдѣ устроить себѣ логово.

— Буянушка, милая...

Собака точно все понимала и только не умѣла сказать. Она стала приходить каждый день, а потомъ и совсѣмъ поселилась въ каморкѣ Анисьи. Дѣвушка была рада живому существу и ухаживала за собакой, какъ за человѣкомъ. Буянка смотрѣла на нее такими ласковыми, умными глазами и благодарно взвизгивала. Эта дружба, конечно, не осталась незамѣченной, и кучеръ Архипъ всякими способами старался не пустить Буянку во флигель, чтобы хотя этимъ досадить Анисьѣ. Умная собака начала пробираться тайкомъ и лизала руки Анисьи съ радостнымъ ворчаньемъ. Человѣкъ и собака понимали другъ друга, и Анисья могла только завидовать Буянкѣ, которую

и берегли и жалѣли... Даже Домна, и та поила ее молокомъ, а Васильевна въ кухнѣ сберегала каждую косточку.

— Теперь у насъ во флигелѣ двѣ барыни-собаки поселились,—кричалъ Архипъ на весь дворъ,—Ужъ которая лучше—не разберешь...

Домна и Васильевна помирали со смѣху, любуясь этимъ даровымъ представленіемъ.

Буянка почему-то напоминала Анисьѣ деревню, родныя поля, тотъ убогій просторъ, среди котораго она выросла. Раньше она какъ-то боялась даже думать о родномъ углѣ, для котораго сейчасъ погибала навсегда. Деревенскій міръ строгъ и никогда не проститъ дѣвичьяго грѣха. Возврата не могло быть, и Анисью охватывало щемящее чувство безповоротной оторванности. Да, съ деревней все было кончено, оставался городъ, т.-е. опять служба у господъ. И такъ на всю жизнь, пока Господь не пошлетъ по душу... Анисья даже во снѣ видѣла эту деревню, видѣла старуху-мать, которая ее проклинала дрожавшимъ голосомъ, видѣла зятя, который билъ ее и топталъ ногами, и она просыпалась отъ боли со стонами. Меньше всего она думала о Васькѣ. Сначала ей какъ-то было его жаль, а потомъ, когда онъ посмѣялся надъ ней передъ Архипомъ, чувство жалости смѣнилось ненавистью. А она еще такъ любила его, слушала ласковые наговоры и не пожалѣла себя... Ей хотѣлось увидать его и сказать всего одно словечко: „Ахъ, Вася, Вася, нехорошо! Посмѣялся ты надъ непокрытой дѣвичьей головой, милъ-сердечный другъ...“

Было еще одно кровное огорченіе у Анисьи, именно, когда господа приняли на ея мѣсто новую горничную. Это была чухонка Ида, простая и добрая дѣвушка, которая не присоединилась къ общей травлѣ и держала себя особнячкомъ. Прислуга ее не взлюбила и навеличивала „чухонской таратайкой“. Она въ свободную минуту завертывала во флигель къ Анисьѣ и любила даже поболтать о господахъ. Черезъ нее Анисья знала рѣшительно все, что дѣлается въ домѣ. Молодая барыня уже должна была скоро „разродиться“, и всѣ готовились къ этому событію. Каждый день изъ города пріѣзжалъ дорогой докторъ,—онъ ѣздилъ по пути, потому что „Шикова жена“ тоже, думали, была беременна. Доктора принимали съ большимъ почетомъ, и баринъ самъ выскакивалъ отворять дверь.

— Сѣденькій такой старичокъ, а строгій,—разсказывала Ида со своимъ чухонскимъ акцентомъ.—Онъ изъ нашихъ, изъ нѣмцевъ... Все заставляетъ барыню гулять, а она лѣнится. Потомъ ѣсть запрещаетъ... А нашъ баринъ ужъ такъ ухаживаетъ за барыней, такъ ухаживаетъ...

— А какъ Шикова жена? Она вѣдь ужъ двухъ мертвенькихъ выкинула...

— Пока еще ничего неизвѣстно. Докторъ очень старается... А я такъ думаю, что опять ничего не выйдетъ у Шиковой жены. Очень ужъ раскормила себя... Какъ только придетъ къ намъ, наша барыня сейчасъ все прячетъ: рубашки, пеленки, кофточки, чепчики... Все приданое ребенку готовятъ и не хотятъ ее огорчать.

Жена Шика была институтской подругой Анны Петровны и Ирочки. Судьба ихъ опять свела. Эта m-me Шикъ была цвѣтущая тридцатилѣтняя женщина, очень красивая и умная. Она вышла замужъ за сорокалѣтняго мужчину, и неравенство лѣтъ сказывалось въ томъ, что дѣти рождались мертвыми. Это убивало въ корнѣ то приличное семейное счастье, которое даетъ богатство. Шикъ былъ богатъ, баловалъ жену, какъ дорогую куколку, и страстно желалъ имѣть дѣтей. Но у этой четы было все, кромѣ дѣтей. Какое-то скрытое и упорное несчастіе тяготѣло надъ богатымъ домомъ, и „Ши-

кова жена" завидовала тѣмъ бѣднымъ женщинамъ, которыя рожали дѣтей съ проклятіями, какъ лишнюю обузу и непосильную заботу.

На фермѣ, дѣйствительно, шли усиленныя приготовленія къ грядущему счастью. Старушка Елена Александровна таинственно запиралась у себя въ комнатѣ, и слышно было, какъ неустанно трещала швейная машинка, этотъ желѣзный сверчокъ, подаренный культурной женщинѣ цивилизаціей послѣднихъ дней. Изъ-подъ машинки выходили дѣтскіе чепчики, распашонки, простыньки—все то, что̀ является кокономъ имѣющей появиться на свѣтъ человѣческой личинки. За работой такъ хорошо думается. Лицо Елены Александровны принимало такое хорошее, спокойное выраженіе, какъ бываетъ у женщинъ въ періодъ материнства. Это настроеніе портилось только мыслью объ Анисьѣ и упрямствѣ Сережи. Послѣдняго старушка никакъ не могла понять, хотя по свойственной старушкамъ политичности она дѣлала видъ, что мирится съ фактомъ. Однажды, въ минуту раздумья, Елена Александровна сдѣлала генеральную ревизію уже готовому дѣтскому приданому и убѣдилась, что переработала. Для одного ребенка всего было наготовлено слишкомъ много, а кромѣ того накопилось столько ни къ чему ненужныхъ остатковъ. Потомъ Сережа уже нѣсколько разъ въ разговорахъ высказывалъ очень опредѣленно, что современныя матери дѣлаютъ изъ своихъ дѣтей разряженныхъ куколъ, и что это своего рода развратъ,—онъ всегда выражается рѣзко. Результатомъ этихъ [illegible] было то, что старушка позвала горничную Иду и, сунувъ ей [illegible] свертокъ, брезгливо проговорила:

— Ида, вы снесете это *той*...

Чухонка понимала съ полуслова и полетѣла во флигель къ Анисьѣ. Этотъ неожиданный подарокъ отъ старой барыни даже какъ-то испугалъ Анисью, и она долго не рѣшалась развернуть свертокъ.

— Да это тебѣ, глупая, — объясняла Ида, разбирая обрѣзки полотна, бязи и бумазеи.—Тоже и у господъ есть совѣсть... Вонъ, смотри—двѣ рубашонки, три пеленки, чепчикъ. Это она для образца положила, а ты ужъ по нимъ, значитъ, остальное сама сошьешь...

— А я ничего не умѣю, Ида...

— Ну, я тебя выучу... Вотъ бы машинку—я и на машинкѣ умѣю. Ну, да ничего, и на рукахъ сошьешь, а я скрою тебѣ.

Въ этой подачкѣ, упавшей отъ сытаго барскаго довольства, было что-то обидное, что̀ Анисья чувствовала инстинктомъ не утратившаго своей деревенской свѣжести сердца, и поэтому она долго не могла приняться за работу по-настоящему. Да и не шли эти дорогія по-деревенски тряпки будущему сиротѣ, который будетъ и голодать и холодать по чужимъ людямъ. Анисья видѣла самоё себя, какъ она куда-то несетъ своего будущаго ребенка, неизвѣстно куда несетъ, и ее впередъ охватывало жгучее и щемящее чувство жалости. Вотъ и чепчикъ, и рубашонка, и пеленки уже готовы, чтобы осуществилась эта жестокая сцена. Дальше Анисья видѣла, какъ всѣ вздохнутъ свободно, когда избавятся отъ этого маленькаго врага, и она сдѣлается прежней Анисьей. *Онъ* еще не родился, а надъ этой невинной дѣтской головкой уже сгустилась цѣлая туча слѣпой и безсмысленной злобы. *Онъ* всѣмъ мѣшалъ, и даже добрый баринъ будетъ радъ, когда этого врага не будетъ. Анисья, конечно, не могла точно формулировать свои мысли, но это не мѣшало ей отлично все понимать и чувствовать. Да, всѣ будутъ рады, даже отецъ... Зачѣмъ же всѣ радуются, когда родится теленокъ, когда курица выведетъ своихъ цыплятъ, даже когда Буянка принесетъ цѣлое гнѣздо щенятъ? Всѣ будутъ ихъ ласкать, кормить изъ рукъ, и только одинъ ребенокъ всѣмъ

помѣшаетъ... Въ душѣ Анисьи складывалось и постепенно крѣпло чувство протеста вотъ противъ всѣхъ нихъ, и въ ней накипала жажда отчаянной защиты. Будь, что будетъ, а своего дѣтища она не дастъ въ обиду. Будетъ съ нея ея дѣвичьяго стыда, а ребеночекъ не виноватъ. Въ немъ такая же ангельская душенька, какъ и въ другихъ дѣткахъ. Богъ съ нея взыщетъ грѣхъ, а дѣти не виноваты.

VII.

Предчувствіемъ грядущаго материнства охваченъ былъ весь домъ. Волновались всѣ, включительно до старухи Васильевны, шептавшей въ своей кухнѣ:

— Охъ, устрой, Господи, все благополучно...

По наружному виду всѣхъ спокойнѣе казалась Елена Александровна. Она имѣла видъ человѣка, до поры до времени затаившаго въ себѣ такую хорошую и счастливую радость. Она даже точно помолодѣла, переживая въ дородовыхъ перипетіяхъ свою собственную юность, и впередъ уже любила то неизвѣстное, что должно было появиться не-сегодня-завтра. Напротивъ, Сергѣй Иванычъ начиналъ волноваться съ каждымъ днемъ все больше, какъ-то глупо терялся и дѣлалъ испуганное лицо при малѣйшемъ поводѣ. Онъ былъ счастливо-виноватъ и точно боялся быстро назрѣвавшаго счастья. Теперь уже говорили въ домѣ о ребенкѣ, рѣшали неразрѣшимый вопросъ, будетъ это мальчикъ или дѣвочка, выбирали имена и даже предрѣшали будущій характеръ этого будущаго человѣка.

— Я желаю только одного,—говорила Елена Александровна: — именно, чтобы *онъ* не усвоилъ вспыльчивый характеръ отца... Это несчастіе.

Всѣ женщины безъ исключенія желали имѣть мальчика, и это возмущало Сергѣя Иваныча. Почему же не дѣвочка? Гораздо лучше дѣвочка, чѣмъ мальчикъ. Онъ видѣлъ столько хорошенькихъ милыхъ дѣвчурокъ и любовался ими издали. На нихъ такіе смѣшные капоры, пальтошки и платьица. Будущая мать пока относилась безразлично и къ мальчику и къ дѣвочкѣ, вся охваченная страхомъ близившихся страданій и опасности. Она или капризничала, или дѣлалась жалко-покорной. Послѣднее убивало Сергѣя Иваныча, потому что требовалась не покорность, а энергія, сосредоточенность всѣхъ силъ и спокойная увѣренность. Онъ презиралъ за невольное малодушіе самого себя и старался казаться такимъ же спокойнымъ, какъ мать, хотя это и плохо ему удавалось. Нѣсколько разъ жена будила его по ночамъ и говорила упавшимъ голосомъ:

— Сережа, когда я умру... я знаю, что умру!.. ты не оставляй нашего ребенка... Я понимаю, что ты еще молодъ... и когда будешь жениться...

— Аня, развѣ можно говорить такія вещи?

— Ты видишь, что я разсуждаю совершенно спокойно, и тоже не волнуйся. Въ каждомъ дѣлѣ прежде всего нужно видѣть его дурную сторону, и я уже впередъ все пережила... да. Люди всегда останутся людьми, и въ этомъ нѣтъ ничего дурного, если вдовецъ...

— Аня, ради Бога... Какъ же родятся дѣти гдѣ-нибудь въ подвалахъ, въ деревенскихъ избахъ, въ полѣ? Вѣдь у насъ приняты рѣшительно всѣ мѣры, какія только извѣстны медицинѣ и практикѣ... Да возьми хоть ту же Анисью...

— Опять Анисья? Вотъ она родитъ и останется жива, а я умру...

— Что же, она, по-твоему, не такая же женщина, какъ и ты?

— Конечно, не такая... Эти простыя женщины привыкли ко всему, а я не выношу малѣйшей физической боли. У нихъ другіе нервы...

Въ данномъ случаѣ Анна Петровна была права. Сергѣй Иванычъ потихоньку издали иногда наблюдалъ Анисью, когда она работала въ огородѣ, и приходилъ къ тому же заключенію. Правда, въ ней не было холеной женственности культурной женщины, не было „поэзіи формъ“, но зато это суховатое крестьянское тѣло съ широкою костью и тощими жировыми отложеніями было прекрасно приспособлено къ сопротивленію, выносливо и вполнѣ удовлетворяло истиннымъ цѣлямъ природы. Широкая кость, сухощавый складъ, могучая спина, неиспорченная корсетомъ грудь и талія — все было какъ на заказъ. Вся цѣль всего склада и отдѣльныхъ формъ тѣла культурной женщины—нравиться культурному мужчинѣ, потворствуя его изысканному вкусу и въ прямой ущербъ самому себѣ, какъ зоологическому виду. Эти тонкія таліи, поднертая корсетомъ грудь, пышныя бедра, маленькія ноги—эти условно-красивыя формы развивались въ ущербъ здоровой, простой общей гармоніи здороваго женскаго тѣла. Отчего эти молодыя жирныя женщины съ тонкими таліями, какъ m-me Шикъ, не могли даже рожать, что̀ зависѣло не отъ ихъ воли, а не то, что работать „до тѣхъ поръ“, какъ это дѣлаетъ Анисья. Цѣлымъ рядомъ поколѣній подлаживаясь къ развратнымъ вкусамъ культурнаго мужчины, культурная женщина превратилась почти въ существо средняго рода. Она постепенно утратила не только всякую способность къ физическому труду (тонкія руки, тонкое запястье и длинная тонкая кисть), но даже простую привычку ходить и вообще двигаться. Искусственнымъ способомъ создавались какіе-то безполезные идолы, которымъ культурный мужчина усиленно поклонялся, воспѣвая ихъ выгнанныя тепличнымъ воспитаніемъ формы даже въ стихахъ. Сергѣй Иванычъ только сейчасъ, подъ давленіемъ своего исключительнаго настроенія, усмотрѣлъ все это и ловилъ самого себя, припоминая, что̀ ему нравилось больше всего въ женѣ, когда она была дѣвушкой. Да, у нея былъ хорошій ростъ, тонкія руки, красивый бюстъ, вообще все, что̀ такъ вульгарно называется пышными формами. Но все это имѣло только значеніе лакомой и жирной приманки, а женщины онъ въ ней не видѣлъ, той настоящей женщины, которая въ будущемъ должна была сдѣлаться нормальной матерью. И вотъ теперь эти безсильныя руки окончательно опускались, маленькія ноги не могли ходить, испорченный корсетомъ торсъ точно былъ налитъ болью. Это была какая-то пародія женщины, и Сергѣй Иванычъ болѣлъ за жену, проклиная тепличное воспитаніе и условную красоту. Культурныя красавицы теперь напоминали ему тѣ ранніе, выгнанные въ оранжереяхъ цвѣты, которые нужно опрыскивать соотвѣтствующими ихъ ботанической номенклатурѣ духами, чтобы они походили на дѣйствительно живые.

Но нѣтъ такого положенія, изъ котораго не было бы выхода, и лучшимъ утѣшеніемъ служитъ болѣе скверное положеніе другого. Такъ было и здѣсь. Когда Анна Петровна начинала говорить о смерти и плакать, ее утѣшали положеніемъ m-me Шикъ, которая переносила такія же страданія совершенно напрасно. Сергѣй Иванычъ самъ доходилъ до такой логики, за которую потомъ краснѣлъ. Вѣдь чужія глупости еще не дѣлаютъ насъ умнѣе, какъ сказалъ Наполеонъ, такъ и чужія несчастія не должны дѣлать насъ счастливѣе. Адя Шикъ была подругой Анны Петровны по институту и вышла по нѣмецкой покорности замужъ за человѣка „зрѣлаго возраста“, котораго никогда не любила, только уважала. Она любила бывать у Колосовыхъ, гдѣ не было роскоши и богатства, какъ у нея, но зато всегда было такъ уютно и какъ-то тепло. Эта нѣмочка Адя, не испытавшая настоящаго чувства, и въ тридцать

лѣтъ сохранила какое-то запоздалое дѣвичество и совсѣмъ не походила на замужнюю женщину. На фермѣ ее всѣ любили, а дамы принимали особенное участіе въ ея судьбѣ, потому что у Ади много лѣтъ съ чисто-нѣмецкимъ терпѣніемъ разыгрывался свой романъ. На фабрикѣ Шика служилъ механикомъ Иванъ Ивановичъ, совсѣмъ русскій человѣкъ, который былъ влюбленъ въ Адю, когда она еще училась въ институтѣ. Она тоже любила его, но вышла за другого, чтобы не огорчать своей семьи. Иванъ Ивановичъ такъ и остался холостякомъ, продолжая любить Адю на самомъ благородномъ разстояніи. Это былъ простой и душевный человѣкъ, вынесшій тяжелую школу. Анна Петровна была давно посвящена въ тайну Ади и относилась къ неудачнымъ влюбленнымъ съ покровительствомъ счастливой женщины.

Особенно трогательно было видѣть Ивана Иваныча, какъ онъ волновался въ періоды беременности Ади. Онъ прибѣгалъ къ Аннѣ Петровнѣ и при ней выплакивалъ свое горе.

— Бѣдная, какъ она мучится!—повторялъ онъ, хватаясь за голову.

Все это было такъ трогательно, что Анна Петровна, утѣшая Ивана Иваныча, и сама любила всплакнуть. И теперь онъ приходилъ каждый вечеръ и смотрѣлъ на Анну Петровну какими-то умоляющими глазами, не смѣя проявить свои бурныя чувства, какъ бывало это прежде.

Оставалось загадкой одно—зналъ самъ Шикъ о романѣ своей Ади или не зналъ? Это былъ выдержанный и строгій нѣмецъ, пробившій себѣ дорогу изъ простыхъ мастеровъ. Онъ уважалъ только силу, въ чемъ бы она ни проявлялась, и на этомъ основаніи самъ давилъ все кругомъ, какъ тоже сила въ своемъ родѣ. У Колосовыхъ съ нимъ были только официальныя отношенія,—вели знакомство дамы, а мужчины только обмѣнивались обязательными визитами. Сергѣй Иванычъ не любилъ нѣмца, чувствуя, что тотъ снисходительно его презираетъ, какъ безпардоннаго русскаго человѣка, у котораго непремѣнно дыра въ головѣ. Изъ дамъ уважала Шика одна Елена Александровна, какъ примѣрнаго мужа и строгаго человѣка. Изъ-за него у нея выходили постоянные споры съ сыномъ.

Между прочимъ, Иванъ Иванычъ по ариѳметикѣ Елены Александровны числился возможнымъ женихомъ Ирочки. Конечно, онъ не молодъ, а мужчина хоть куда. Ирочка и сама находила его интереснымъ и потихоньку ревновала къ этой ряпушкѣ Адѣ. Да, онъ умѣлъ любить, хотя и помѣстилъ свой капиталъ не въ тотъ банкъ. Сейчасъ Ирочка относилась къ Ивану Иванычу съ особеннымъ вниманіемъ, видимо стараясь замѣстить Анну Петровну, что̀ ей плохо удавалось. Разговоръ какъ-то не налаживался въ настоящій душевный тонъ, и все выходило сухо и натянуто. Иванъ Иванычъ ежился, смущался и неловко молчалъ, что̀ злило Ирочку, и она про себя называла его влюбленнымъ идіотомъ.

Положеніе Ирочки, вообще, получалось невозможное. Кругомъ нея сгущалась атмосфера совершенно чуждыхъ ей чувствъ, и она начинала чувствовать себя лишней. Ее удивляло то страстное вниманіе, съ которымъ всѣ ожидали появленія ребенка. Что̀ же тутъ особеннаго? Очень грустная зоологическая правда, и только. Ирочка не выносила беременныхъ женщинъ и даже боялась ихъ. Встрѣчая такую особу гдѣ-нибудь на улицѣ, она брезгливо переходила на другую сторону. Это брезгливое чувство она перенесла и на Анну Петровну, которая изъ человѣка превращалась въ самку и съ каждымъ днемъ наполнялась все больше и больше самочьими чувствами. И къ будущему ребенку Ирочка относилась съ той же брезгливостью. Развѣ можно любить этотъ безсмысленный кусокъ живого мяса? И, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней про-

сыпалась какая-то ревность къ чужой радости и къ чужому счастью. Поднималось что-то такое обидное, неудовлетвореннее. Раньше она и къ мужчинамъ относилась съ нѣкоторой брезгливостью, какъ къ существамъ грубымъ и даже неприличнымъ, а сейчасъ въ ней проснулось смутное желаніе мужской ласки и даже грубаго мужского эгоизма. Что же, вонъ тѣ простыя бабы, которыхъ простые мужики бьютъ и увѣчатъ, все-таки по-своему любятъ, и онѣ по-своему счастливы; эти простыя бабы нужны, и около нихъ амальгамируется новая жизнь и новыя формы жизни. Ирочка волновалась, и ей начинало казаться, что все, что теперь дѣлается у нихъ въ домѣ, дѣлается именно на зло ей, чтобы показать ея, Ирочкину, зоологическую безполезность. Ужъ лучше Иванъ Иванычъ, хотя онъ и идіотъ...

VIII.

Лѣто промелькнуло какъ-то незамѣтно, точно спѣшило самое время. Къ концу лѣта на фермѣ появилось новое лицо. Это была рекомендованная докторомъ акушерка. Она явилась съ какимъ-то подозрительнымъ чемоданомъ и навела строгую ревизію по всему дому. Анна Петровна окончательно упала духомъ и почувствовала себя какой-то вещью, которой могутъ распоряжаться всѣ по своему произволу. Она съ ужасомъ смотрѣла на строгое и спокойное по-монашески лицо акушерки, точно хотѣла на немъ прочитать свой смертный приговоръ. Къ своей паціенткѣ и даже къ Ирочкѣ акушерка относилась покровительственно. Ирочку это уже окончательно возмутило. Она придралась къ чему-то, наговорила акушеркѣ рѣзкостей и величественно заявила:

— Вы тутъ, кажется, всѣ съ ума сошли, и мнѣ ничего не остается, какъ только уйти.

— Самое лучшее, что ты сдѣлаешь,—спокойно отвѣтила Елена Александровна, вынужденная всѣхъ успокаивать.

— Вы меня гоните?

— Никто не думалъ... Тебѣ, какъ дѣвушкѣ, просто неудобно оставаться на это время, а потомъ вернешься. Впрочемъ, если хочешь—оставайся...

— Благодарю васъ... Я просто не могу видѣть эту вашу акушерку, мама.

— Да? Что же я подѣлаю... Ее прислалъ докторъ, и мы не можемъ взять другую.

— У насъ въ домѣ теперь будутъ распоряжаться чужіе люди... Этого еще недоставало.

Ирочка уѣхала въ Петербургъ къ знакомымъ. Анна Петровна прощалась съ ней со слезами и все говорила о своей скорой смерти.

Сергѣй Иванычъ находился въ какомъ-то оглушенномъ состояніи и только старался объ одномъ, чтобы всѣмъ угодить. Въ домѣ наступило теперь царство женщинъ, и онѣ помыкали имъ. Онъ долженъ былъ скрывать свои симпатіи и антипатіи. Напримѣръ, какъ отвратительно пьетъ свой чай эта акушерка, стакановъ по пяти заразъ, и притомъ съ такимъ видомъ, точно всѣмъ дѣлаетъ какое-то величайшее одолженіе. Это не женщина, а какая-то дудка. Елена Александровна присутствовала при этой торжественной церемоніи въ качествѣ ассистента, и Сергѣй Иванычъ могъ только удивляться ея терпѣнію. О, Боже мой, когда же все это кончится? Избалованная всѣми домашними, Анна Петровна должна была выносить отъ этой особы замѣчанія и даже настоящіе выговоры, и не смѣла жаловаться. Потомъ Сергѣя Иваныча начиналъ возмущать докторъ, который видимо манкировалъ своими пря-

мыми обязанностями, т.-е. оставался такимъ же безстрастнымъ и равнодушнымъ, точно сушеная рыба. Нараставшая тревога Сергѣя Иваныча не находила отклика въ этихъ чужихъ людяхъ, когда каждый часъ могъ быть рѣшительнымъ.

— Будемъ подождать...—повторялъ каждый разъ докторъ, прощаясь.

Катастрофа наступила все-таки неожиданно, какъ ни были подготовлены къ ней. Это было что-то невозможное, ужасное, несправедливое... Анна Петровна мучилась цѣлыхъ тридцать часовъ и ослабѣла до того, что даже не могла кричать. Домъ весь замеръ. Сергѣй Иванычъ порывался къ женѣ, но его прямо гнали. Онъ только волновалъ бы ее напрасно.

— Самое лучшее, если бы вы куда-нибудь ушли,—рѣзко замѣтилъ ему докторъ.—А мы ужъ разрѣшимъ безъ васъ...

Наконецъ все кончилось. Сергѣй Иванычъ до того измучился, что даже не имѣлъ силы радоваться, когда акушерка принесла ему что-то такое маленькое, жалкое и пищавшее, какъ котенокъ, и торжественно заявила:

— Мальчикъ... поздравляю.

Больная была настолько слаба, что отнеслась и къ ребенку и къ мужу совершенно равнодушно. Сергѣю Иванычу хотѣлось и плакать, и молиться, и даже расцѣловать акушерку. Надъ головой пронеслась темной тучей какая-то громадная опасность, а въ жизнь фермы ворвалось что-то такое громадное, отвѣтственное и радостное, что̀ безповоротно нарушало весь установившійся строй. Требовалась какая-то капитальная провѣрка самыхъ основъ, самого себя, взаимныхъ отношеній. И какъ ничтожны всѣ эти будничные пустяки, которые мы привыкли называть жизнью, когда живьемъ встала настоящая огромность настоящей жизни. Недаромъ сказалъ поэтъ, что съ каждымъ человѣкомъ родится и умираетъ вселенная.

Да, жизнь получала новый смыслъ и значеніе.

Послѣ перенесенныхъ тревогъ весь домъ опять замеръ. Утомившіяся женщины спали, и бодрствовала только одна акушерка, блаженствуя около самовара. Сергѣй Иванычъ не могъ спать и сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, производя ревизію всему своему прошлому. По происхожденію онъ былъ „разорившійся дворянинъ“ и получилъ тоже какое-то разоренное образованіе, потому что нигдѣ не кончилъ. Потомъ наступилъ тотъ періодъ, когда молодые люди выбираютъ „родъ жизни“. Сергѣй Иванычъ перепробовалъ нѣсколько родовъ службы и понялъ изъ этого опыта только одно, что изъ него никогда не выйдетъ ни порядочный чиновникъ ни вообще службистъ. „Родъ жизни“ не давался до тридцати лѣтъ, когда Сергѣй Иванычъ получилъ небольшое наслѣдство отъ какой-то тетки. Тогда у него явилась счастливая мысль устроить ферму подъ самымъ Петербургомъ. Онъ женился и приступилъ къ дѣлу. Знакомые вышучивали его въ глаза и смѣялись за спиной, но дѣло оказалось вѣрнымъ. Оправдывались самые смѣлые расчеты, а главное, получалась возможность жить совершенно независимой жизнью, зарабатывая свой кусокъ хлѣба честнымъ путемъ. Восьмилѣтній опытъ этого фермерства далъ блестящіе результаты.

Сидя теперь у письменнаго стола и подводя итоги своему прошлому. Сергѣй Иванычъ приходилъ въ ужасъ отъ одной мысли, что̀ было бы, если бъ онъ былъ какимъ-нибудь чиновникомъ. Вѣдь всякая профессія обязательно накладываетъ свою печать, а его сынъ выросъ бы въ удушливой и мертвой атмосферѣ чиновничьей семьи, среди чиновничьихъ интересовъ и подъ вліяніемъ чиновника-отца, для котораго альфа и омега всей жизни въ какомъ-нибудь начальникѣ отдѣленія. А теперь онъ будетъ расти въ самой нормаль-

ной обстановкѣ, среди здоровыхъ интересовъ, заботъ и стремленій, и не будетъ знать ни принижающей приличной нищеты ни развращающей роскоши.

Стояло осеннее утро, свѣтлое и холодное. Изъ окна кабинета Сергѣя Иваныча видны были пожелтѣвшіе листья садовыхъ деревьевъ и красныя кисти рябины. Онъ любилъ это время, которое говоритъ объ отдыхѣ отъ лѣтнихъ работъ, о своемъ углѣ и домашней уютной работѣ. Работы въ огородѣ заканчивались. Лѣто вышло удачное, и впереди предвидѣлись порядочные барыши. Вообще, хорошо. Сергѣй Иванычъ чувствовалъ себя отлично. Сегодня Анна Петровна должна была встать въ первый разъ съ постели. Ребенокъ былъ тоже здоровъ. Однимъ словомъ, все хорошо.

— Можно войти, Сережа?—послышался голосъ Елены Александровны.

— Пожалуйста...

Старушка вошла съ встревоженнымъ лицомъ, что̀ напугало Сергѣя Иваныча сразу—онъ за послѣднее время такъ привыкъ всего бояться.

— Ничего, ничего,—поспѣшила она его успокоить.—Аня хорошо провела ночь, ребенокъ тоже... да.

Онъ продолжалъ смотрѣть на нее вопросительно. Елена Александровна съ дѣловой торжественностью объяснила:

— Однимъ словомъ, *эта* дѣвушка тоже родила... да... Сегодня ночью... да.

— Ну и что̀ же?

— Я нарочно и пришла спросить тебя, что̀ теперь дѣлать. Вѣдь это было твое желаніе, чтобы Анисья оставалась у насъ.

— Да, да... Хорошо. Я подумаю, мама.

Напоминаніе объ Анисьѣ было непріятно Сергѣю Иванычу, нарушая его общее радостное настроеніе. Она являлась рѣзкой диссонирующей нотой въ общей гармоніи и портила все. За послѣднее время Сергѣй Иванычъ какъ-то совсѣмъ забылъ о существованіи Анисьи и теперь только морщилъ лобъ, а потомъ спросилъ ни къ чему:

— А кто родился: мальчикъ или дѣвочка?

— Къ несчастію, дѣвченка!..

— Почему: къ несчастію?

— Сережа, ты меня удивляешь своимъ упорнымъ нежеланіемъ что-нибудь понимать. Поговоримъ спокойно...

Она присѣла къ столу, оправила платье и заговорила увѣреннымъ тономъ человѣка, обдумавшаго впередъ все.

— Меня удивляетъ, что ты, Сережа, принимаешь насъ за какихъ-то звѣрей... Конечно, есть жестокія вещи—я не спорю, но вѣдь мы никому не желаемъ зла, повѣрь мнѣ. Почему-то ты непремѣнно хочешь взять привилегію доброты одному себѣ... Я много думала объ *этой* несчастной дѣвушкѣ, жалѣла ее и все-таки должна сказать, что поощрять подобное поведеніе никакъ не могу. Какъ хочешь, мы все-таки живемъ въ извѣстное время и уже тѣмъ самымъ обязаны подчиняться извѣстнымъ правиламъ общежитія. Да... Если женская прислуга будетъ награждать насъ каждый годъ подобными сюрпризами...

— Это уже я слышалъ, мама, а въ чемъ особенное несчастіе, что у Анисьи родилась дѣвочка?

— Подожди... Кстати, Адя неблагополучно родила мертваго. Да... Такъ мы и думаемъ съ Аней... Есть такое русское повѣрье, что если бездѣтные супруги возьмутъ пріемыша, то у нихъ появятся и свои дѣти. Мы и думали съ Аней подговорить Адю взять ребенка Анисьи на воспитаніе и даже наме-

кали ей на это, но вся бѣда, что родился не мальчикъ, а дѣвочка. Мальчика Шикъ, вѣроятно, взялъ бы охотно, а дѣвочку едва ли согласится...

— Опять не понимаю, мама...

— Опять все очень просто, Сережа. Мальчикъ можетъ быть какимъ угодно, а дѣвочекъ любятъ только красивыхъ. Едва ли дочь трактирнаго шестерки будетъ красавицей... Вдобавокъ, Шикъ черезъ кого-то знаетъ уже всѣ подробности романа Анисьи. Будь отецъ неизвѣстенъ—тогда другое дѣло...

Сергѣй Иванычъ сдвинулъ брови и, пародируя спокойный тонъ матери, проговорилъ:

— По-моему, мама, самое лучшее выбросить эту несчастную дѣвочку куда-нибудь въ помойную яму...

— Ты опять раздражаешься, Сережа... Если бы Анисья помѣстила свою дѣвочку на воспитаніе, тогда мы могли бы ее взять къ себѣ кормилицей. Я плохо разсчитываю на Аню въ этомъ случаѣ—ей не выдержать... Все дѣло въ томъ, что родилась дѣвочка.

IX.

Вопросъ объ Анисьѣ выступилъ опять на первый планъ и выступилъ съ новой силой. Въ его обсужденіи принимали участіе всѣ, каждый со своей точки зрѣнія. Теперь уже рѣчь шла не о ней одной, а и о ребенкѣ. Этотъ ребенокъ всѣхъ волновалъ. Анисья, конечно, виновата, Анисья несетъ кару за ошибку своей молодости, Анисья, вообще, должна тѣмъ или инымъ что-то такое искупить, выстрадать и перенести, а ребенокъ—тутъ являлась какая-то глухая стѣна для всякой логики. Прежней страстности въ разговорахъ на эту тему уже не могло быть, потому что сейчасъ же все сводилось на ребенка. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же виноватъ этотъ несчастный ребенокъ?

— Я охотно взяла бы Анисью кормилицей,—говорила Анна Петровна, точно дѣлала величайшее одолженіе,—но меня будетъ мучить этотъ ребенокъ...

— А если возьмемъ другую кормилицу, вѣдь и у той тоже долженъ быть ребенокъ?—спросилъ Сергѣй Иванычъ.

— Тамъ я ничего не знаю, а только предполагаю. Здѣсь же я буду постоянно думать, что мой ребенокъ отнимаетъ материнское молоко у другого, извѣстнаго мнѣ ребенка... Это будетъ мнѣ отравлять все.

Получался безвыходный кругъ заключеній, и дѣло оставалось на какой-то мертвой точкѣ. Сергѣй Иванычъ чувствовалъ себя какъ-то виноватымъ, когда начиналъ думать объ этомъ ребенкѣ Анисьи, да и другіе тоже. Въ жизнь, размѣренную и оформленную, врывалось что-то такое обидно противорѣчившее всему. Тѣ радости, которыя принесъ съ собой ребенокъ, были отравлены въ самомъ основаніи. Поднималось смутное и неопредѣленное сомнѣніе въ правотѣ и законности собственнаго существованія, когда тутъ рядомъ, подъ одной кровлей, явилось человѣческое существо съ позорнымъ клеймомъ незаконнаго ребенка.

Пріѣхавшій поздравить Колосовыхъ съ новорожденнымъ герръ Шикъ, подтянутый и корректный нѣмецъ, оказывавшій благодѣяніе всей планетной системѣ каждымъ своимъ дыханіемъ, возмутилъ Сергѣя Иваныча до послѣдней степени

— Я не понимаю, чѣмъ вы себя волнуете,—удивлялся герръ Шикъ.— Всѣ русскіе люди любятъ считать себя добрыми, но возьмите такой расчетъ: сегодня вы будете воспитывать дитя вашей Анисьи... такъ? А завтра у васъ явится такая мысль: чѣмъ лучше этотъ ребенокъ другихъ, еще болѣе несчаст-

ныхъ дѣтей? Нужно быть послѣдовательнымъ, герръ Колосовъ. Каждый отвѣчаетъ только за себя.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, герръ Шикъ!—горячо вступился Сергѣй Иванычъ, вспыхнувъ.—Все зависитъ отъ точки зрѣнія... Вы смотрите на людей, какъ на машины, которыя могутъ давать тотъ или другой процентъ выгодной работы.

— А то какъ же? Разъ человѣкъ теряетъ трудоспособность, ему нужно умирать. И въ борьбѣ за существованіе это сказано ясно...

— Законъ борьбы за существованіе констатируетъ только самый несправедливый фактъ, извѣстную ступень зоологической безпощадной правды, но онъ не мѣшаетъ мнѣ чувствовать существующее зло и чувствовать желаніе бороться съ нимъ.

— И въ чувствахъ нужно, герръ Колосовъ, быть такимъ же хозяиномъ, какимъ я у себя на фабрикѣ, а вы у себя въ огородѣ.

— Мы съ вами никогда не поймемъ другъ друга...

— Весьма жаль. А для меня все совершенно ясно. Все въ природѣ устроено на опредѣленномъ законномъ основаніи, и я хочу жить тоже на опредѣленномъ законномъ основаніи.

Съ несправедливостью увлеченнаго человѣка Сергѣй Иванычъ сосредоточилъ всю свою ненависть на спичечномъ фабрикантѣ, который для него являлся живымъ олицетвореніемъ всѣхъ соціальныхъ золъ и несправедливостей. Да, вотъ эта корректная скотина могла и ѣсть и спать спокойно, и благодарила, вѣроятно, своего нѣмецкаго Бога, что она родилась именно корректной нѣмецкой скотиной „на законномъ основаніи“. Это былъ какой-то ходячій, смертный приговоръ всему выбитому изъ законной колеи. Человѣчество проходило по какому-то роковому мосту, и всякій оступившійся летѣлъ въ бездну беззаконія, гдѣ и погибалъ уже на законномъ основаніи, что̀ „сказано и въ борьбѣ за существованіе“. Просто, мило и удобно...

Возмущаясь этой нѣмецкой корректностью, Сергѣй Иванычъ начиналъ думать о самомъ себѣ, что и онъ вѣдь тоже по-своему корректенъ. Въ самомъ дѣлѣ, еще на-дняхъ онъ про себя восторгался своей фермой, удачными хозяйственными операціями, а когда дѣло дошло до того, чтобы прокормить мать съ ребенкомъ—явилась цѣлая масса проклятыхъ вопросовъ.

— Кислятина я и дрянь, и больше ничего!—заявлялъ Сергѣй Иванычъ самому себѣ.—А еще нѣмца ругаю... Онъ ужъ потому правъ, что знаетъ, что̀ дѣлаетъ, какъ права машина, которая дробитъ кости незаконно попавшемуся подъ ея колеса легкомысленному человѣчишкѣ.

Про себя Сергѣй Иванычъ рѣшилъ твердо, что оставитъ Анисью съ ребенкомъ попрежнему во флигелѣ. Пусть ее живетъ, а тамъ, когда ребенокъ подрастетъ, будетъ видно... Да, именно такъ. А что̀ касается тайнаго и явнаго протеста всѣхъ остальныхъ членовъ фермы, то просто нужно пустить въ ходъ дипломатію выжиданія. Все дѣло только въ томъ, чтобы такъ или иначе выиграть время. Даже, кажется, какой-то великій стратегъ, искромсавшій милліонъ людей, сказалъ это же самое.

Впрочемъ, дамы, охваченныя материнскимъ инстинктомъ, не особенно приставали къ Анисьѣ. Дѣло дошло до того, что разъ вечеромъ, когда пріѣхала Адя, онѣ потихоньку отправились посмотрѣть Анисьина ребенка. Когда въ комнату вошли Анна Петровна, Адя и Ирочка, Анисья, сидѣвшая съ ребенкомъ у печки, страшно сконфузилась и даже закрыла ребенка рукой, точно пришли его отнимать у нея.

— Ну-ка, покажи намъ свою дѣвочку...—храбро заявила Ирочка.

Нужно сказать, что дамы, отправляясь въ эту экспедицію, сильно трусили. Флигель, вообще, былъ окруженъ какой-то таинственностью, какъ гнѣздилище порока. Особенно боялась Адя, и чѣмъ больше боялась, тѣмъ сильнѣе было желаніе посмотрѣть на таинственнаго ребенка, который могъ быть ея воспитанницей. Мысленно она уже одѣвала эту неизвѣстную дѣвочку въ нарядные капотики съ дорогими прошивками, въ модныя дѣтскія шинельки съ пелеринками, отдѣланными настоящимъ кружевомъ, и т. д.

Анисья открыла пеленки, изъ которыхъ выставились сначала двѣ крошечныхъ ручонки, а потомъ сморщенное дѣтское личико двухнедѣльнаго ребенка съ синими глазками. Ирочка храбро взяла одну маленькую ручку и щелкнула языкомъ. Ребенокъ еще ничего не понималъ и только судорожно дергалъ ручками.

— Какая хорошенькая дѣвочка...—со вздохомъ прошептала Адя.—Какъ ее зовутъ, Анисья?

— Дарьей, барыня...

Анна Петровна молча сравнивала ребенка со своимъ и съ гордостью подумала, что ея Вадимъ и больше и красивѣе. Сказался возраставшій по часамъ материнскій эгоизмъ.

Адя все время наблюдала ребенка издали. Она присѣла на лавку и внимательно осмотрѣла всю комнату, которая была совершенно пуста. Въ переднемъ углу столъ, по сторонамъ лавки—и больше ровно ничего. Изъ-подъ лавки выглядывалъ красный сундукъ Анисьи, на окнѣ стояла кринка съ молокомъ, на шесткѣ стояло нѣсколько горшковъ. Пусто, неуютно и голо. Адя боялась посмотрѣть на ребенка, какъ боятся смотрѣть на дно пропасти—боялась, и вмѣстѣ ее тянуло къ нему. Наконецъ она пересилила себя, подошла къ Анисьѣ и проговорила сдавленнымъ голосомъ:

— Дай, я ее подержу немножко...

Ребенокъ былъ такой легонькій и такъ мило началъ корчиться въ неумѣлыхъ рукахъ. Адя наклонилась къ этому маленькому личику и принялась его цѣловать, не чувствуя, какъ сыплются слезы.

— Адя, оставь...—уговаривала ее Анна Петровна.—Довольно...

Ирочка вò-время взяла ребенка изъ рукъ Ади и передала его Анисьѣ, которая не понимала, что̀ все это значитъ. Адя отвернулась къ окну и глухо рыдала. Въ этой голой избѣ было больше счастья, чѣмъ въ ея разубранныхъ комнатахъ..

— Адя, милая, уйдемъ..

Съ Адей сдѣлался истерическій припадокъ. Она смѣялась и плакала и все рвалась къ ребенку. Ирочка успѣла сбѣгать за водой и начала ее отпаивать. Стаканъ дрожалъ въ рукахъ Ади, какъ живой, и вода лилась на ея нарядное платье. Эта сцена испугала Анисью, и она, отвернувшись, какъ-то всѣмъ тѣломъ прикрыла ребенка. Ей казалось, что вотъ его отнимутъ и унесутъ, сейчасъ унесутъ, и она останется опять одна.

— Адя, милая, успокойся...

— Господи, за что?!—шептала несчастная нѣмочка.—Какъ я несчастна, какъ я несчастна...

Анна Петровна и Ирочка подъ руки повели ее къ двери, но Адя вырвалась, подошла къ Анисьѣ и сунула ей свой кошелекъ съ деньгами.

— Барыня, что̀ вы... Мнѣ ничего не нужно.

— Не тебѣ, а дѣвочкѣ... Ахъ, какъ я несчастна! Боже, за что?..

Ее увели насильно, и Анисья слышала, какъ она плакала въ сѣняхъ и какъ ее уговаривали барыня съ барышней. Анисья тоже расплакалась, ука-

чивая ребенка и держа въ одной рукѣ кошелекъ, о которомъ совсѣмъ позабыла. Ей было до смерти жаль эту добрую, несчастную нѣмочку...

Въ гостиной сидѣлъ въ обществѣ Елены Александровны Иванъ Иванычъ. Онъ сразу понялъ все, когда вошла Адя съ заплаканными глазами. Да, онъ зналъ, гдѣ она была и о чемъ плакала... Ирочка посмотрѣла на этого неисправимаго идіота ревнивыми глазами и демонстративно прошла въ свою комнату. Елена Александровна строго поджала губы,—она не любила, когда Адя встрѣчалась съ Иваномъ Иванычемъ у нихъ въ домѣ. Вѣдь это могли быть условленныя свиданія, а дома сидитъ примѣрный мужъ и вѣритъ своей Адѣ. Положимъ, они ничего себѣ не позволяли, но во всякомъ случаѣ *это* нужно было прекратить.

X.

Анисью „разрѣшила“ скотница Домна, умѣвшая „бабиться“. Она появилась въ самый критическій моментъ, когда Анисьѣ приходилъ „у смерти конецъ“. Это не было какимъ-нибудь актомъ особеннаго великодушія, а самымъ обыкновеннымъ проявленіемъ бабьей взаимопомощи. Ежели Анисья „мается“, значитъ, нужно ей помочь, тѣмъ болѣе, что Домна знала, какъ и чѣмъ помочь.

— Охъ, потерпи, Анисьюшка, — нашептывала Домна, отваживаясь съ больной.—Такая ужъ, видно, наша бабья часть... Какъ быть-то. А то кричи на голосъ—это помогаетъ въ другой разъ.

Черезъ нѣсколько часовъ все кончилось самымъ благополучнымъ образомъ, и Домна цѣлыхъ три дня возилась съ ребенкомъ, пока Анисья на четвертый день не встала. Нужное бабье дѣло кончилось, и добрая, ухаживавшая Домна сразу превратилась въ сварливую и несносную бабу.

Когда Анисья начала ее благодарить, Домна даже какъ-то фыркнула, какъ одичавшая кошка, и проговорила:

— Не надо мнѣ твоихъ-то благодарностевъ. Не шубу изъ нихъ шить... Да и не для тебя, потаскушка, я старалась, а для Бога.

Теперь ужъ Анисья больше не обижалась на эту сварливую бабу. Вѣдь по-своему, по-бабьи, она все сдѣлала, что̀ могла и умѣла, а потомъ опять вся отдалась общественному теченію и приличіямъ свѣта. Вѣроятно, и сама Анисья такъ же осудила бы раньше всякую другую дѣвушку, да и осуждала не разъ, а теперь приходилось уже самой терпѣть отъ другихъ. Она слышала въ окно, какъ Домна золотила ее во дворѣ, а кучеръ Архипъ надрывалъ животики отъ смѣха.

— Крестницу Богъ далъ съ бору да съ сосенки,—язвила Домна.

Анисьѣ много помогала Ида, летѣвшая во флигель въ каждую свободную минутку. Она ухаживала и за матерью и за ребенкомъ, а по дорогѣ успѣвала поругаться съ Домной.

— Ужъ ты помалкивай лучше, чухонская таратайка!—ругалась Домна.—Одна у васъ вѣра-то съ Анисьей...

— А васъ это не касается... Вы себя знайте.

По вечерамъ Архипъ выходилъ къ сараю съ гармоникой и мрачно выжидалъ, когда покажется бѣлый крахмальный передникъ Иды. Завидѣвъ ее, онъ заводилъ какой-то невозможный мотивъ и подпѣвалъ:

Отворите мнѣ темницу...

Въ переводѣ это означало, что сердце Архипа почувствовало большую

склонность къ бѣлому крахмальному переднику. Эта явная измѣна постояннаго сообщника обозлила Домну до того, что она облила его коровьимъ пойломъ и запустила въ ноги пустымъ ведромъ.

— Вотъ тебѣ, охальникъ!..

— У, ржавчина...—рычалъ Архипъ.

Кончилось тѣмъ, что союзъ окончательно разстроился, и Домна сама отправилась во флигель къ Анисьѣ, чтобы сорвать сердце.

— Пришла на тебя поглядѣть, краля,—грубо заявила она.

Анисья молчала. Она больше не могла сердиться на Домну.

Тоже вѣдь и ей, Домнѣ, не сладко живется въ законѣ—вотъ и злится и лѣзетъ ко всѣмъ, какъ осенняя муха.

— Ну, что̀ крестница-то?—уже другимъ тономъ заговорила Домна, что-то соображая.

— Ничего, слава Богу...

— Вотъ, вотъ... Такія-то живущи.

— Этакій у тебя языкъ, Домна... А мнѣ-то все равно. Только время понапрасну теряешь, ругаешься.

— Тебя же, дуру, жалѣю—вотъ и ругаюсь. Ну, какой ты теперь есть самый человѣкъ, ежели разобрать: ни баба, ни дѣвка, ни мужняя жена, да еще ребенокъ на шеѣ...

— Это ужъ не твоя забота. Что̀ купила, то и носила...

— Опять дура... Какъ жить-то будешь? Сегодня тебя баринъ пожалѣлъ, завтра пожалѣлъ, а послѣзавтра-то что̀ будетъ?

— А Богъ-то?

Анисья произнесла это съ такой увѣренностью, что Домна потеряла на время нить своихъ мыслей.

— Богъ-то, конечно, Богъ, а тебѣ все-таки ребенка-то надо устраивать, Анисья. По рукамъ, по ногамъ онъ свяжетъ... Конечно, жаль, ужъ это что̀ говорить—вонъ щенка и того жаль, а только иначе не миновать. Никто вѣдь тебя съ рабенкомъ-то не возьметъ...

Анисья молчала и плакала, прижимая къ себѣ ребенка. Не отдастъ она его никому,—въ ниточку вытянется, а не отдастъ. А Домна сидитъ и свое троститъ.

— Жалѣючи тебя говорю, Анисья... Суди на волка, суди и по волку, а не ты первая такая-то и не ты послѣдняя. Вчужѣ жаль, а ничего не подѣлаешь. Такъ-то вотъ, головочка.

Эти наговоры разстраивали Анисью сильнѣе всякой ругани, и она не спала цѣлыя ночи, раздумывая свою думу. Вѣдь не одна Домна такъ-то думаетъ, а всѣ. Вонъ Ида хоть и не говоритъ прямо, а то же самое соображаетъ... Анисья читала эти роковыя мысли по выраженію лица Иды.

Съ легкой руки „Шиковой жены“, подарившей маленькой Дашѣ цѣлый кошелекъ съ деньгами, которыхъ оказалось больше десяти рублей, и другія начали посылать „на зубокъ“, кто и что̀ могъ. Ида подарила серебряную чайную ложечку, Анна Петровна прислала байковое одѣяльце, Ирочка сама принесла вязаныя дѣтскія ботиночки и т. д. Даже старуха Васильевна завернула вечеркомъ и принесла фунтъ баранокъ. Это вниманіе и трогало и пугало Анисью. Ей казалось, что всѣ точно откупаются.

— Ну, какъ ты думаешь о своей-то головѣ?—пытала Васильевна.

— А ничего я не думаю... Пока живу, а погонятъ—пойду.

— Такъ, такъ... Только вѣдь нельзя же барыней-то жить на чужихъ харчахъ. Тоже и совѣсть надо знать...

Анисья понимала, что Васильевну подослала старая барыня вызнать, что̀ и ка̀къ. Молодыя-то просты, всѣ на виду, а старушка себѣ на умѣ. Потихоньку начнетъ выжимать и выжметъ. Васильевна пришла и въ другой разъ, и опять завела политичный разговоръ. И всѣ съ жалостью, всѣ хорошія да добрыя слова говорятъ.

Больше всего удивляла Анисью молодая барышня Ирочка, которая приходила украдкой отъ всѣхъ и няньчила ребенка. Возьметъ ребенка и вся даже раскраснѣется, точно ей совѣстно чего-то. А вѣдь какая злая да придира... Ирочка, дѣйствительно, немного смущалась, но она не имѣла случая видѣть близко такихъ маленькихъ дѣтей и теперь увлекалась. Какія они беззащитныя и еще болѣе милыя именно этой своей беззащитностью. Вѣдь это сама жизнь, все будущее и источникъ новой жизни. Съ племянникомъ Вадимомъ Ирочка не любила водиться, потому что Анна Петровна ревновала всѣхъ къ ребенку, а тутъ можно было няньчить сколько угодно.

— А вѣдь вы, барышня, совсѣмъ добрая, — проговорила Анисья однажды, наблюдая ее.—Я-то васъ считала раньше...

— Злой?

— Не то, чтобы совсѣмъ злой, барышня, а такъ... характерной...

Ирочка засмѣялась, а Анисья неожиданно прибавила:

— Въ самый бы разъ выйти вамъ замужъ за Ивана Иваныча, барышня. Вотъ какой хорошій баринъ...

— Онъ меня не любитъ,—такъ же просто отвѣтила Ирочка.—Я старой дѣвушкой-вѣковушкой останусь... Не всѣмъ замужъ выходить.

— А вы бы поласковѣе съ нимъ, съ Иваномъ Иванычемъ...

— Не умѣю,—коротко отвѣтила Ирочка и засмѣялась.

Вообще мудреная барышня, и Анисья никакъ не могла ее понять. Вотъ „Шикова жена“—та вся добрая, только вотъ дѣтокъ Богъ не даетъ. Анна Петровна тоже добрая, хоть и горячая—накричитъ, разсердится, а потомъ и нѣтъ ничего.

Разъ старая Васильевна засидѣлась у Анисьи и разсказала ей одну исторію, которая подѣйствовала на нее сильнѣе всякихъ уговоровъ.

— Сама вѣдь я такая-то была, — откровенничала Васильевна. — Что̀ же, дѣло прошлое. Конечно, глупая была... И вотъ въ самый разъ такъ же, какъ ты сейчасъ: у господъ жила и ошиблась... Господа такіе же были хорошіе. Жалѣли меня, дуру. Ну, я, конечно, свое: не отдамъ младенца, хоть голову съ меня сними... Реву, бунтуюсь... Извѣстно: вся глупая, какъ овца. Да...

— Ну, а потомъ?

— Что̀ потомъ-то—извѣстное дѣло. У всѣхъ одинъ конецъ... Ты вотъ сидишь и думаешь, что одна, молъ, я такая-то, анъ нашей сестры большія тысячи. Всѣ и слова одинакія наговариваютъ....

— Въ воспитательный отдала?

— Сперва-то пробовала и туда и сюда, платила деньги разнымъ кормилкамъ, ну, а потомъ снесла въ воспитательный. Тамъ ужъ вѣрнѣе...

— Долго горевала?

— Охъ, не спрашивай, дѣвушка! Такъ убивалась.... А только то думала, что не одна я такая. Тыщи младенцевъ волокутъ въ воспитательный-то, ну, ужъ на людяхъ-то всякое дѣло легче какъ будто. Ежели бы я еще была въ законѣ, тогда нехорошо и даже весьма грѣшно, а ежели отца-то нѣтъ — что̀ одна мать подѣлаетъ?

— Мрутъ въ воспитательномъ-то, какъ мухи, сказываютъ...

— А гдѣ робята не мрутъ? И у господъ мрутъ, а съ насъ и взыски-

вать нечего. Божья воля... Опять и то сказать: померъ младенчикъ—душенька андельская. Нѣтъ на емъ грѣховъ... Андельчикъ-то за мать и будетъ молиться. Богъ-то получше нашего знаетъ, что̀ и къ чему... Ежели каждая травинка по Его волѣ растетъ, такъ младенчикъ-то ужли хуже травы? Поэтому у каждаго человѣка ужъ впередъ судьба обозначена...

XI.

Сергѣй Иванычъ заглянулъ къ Анисьѣ послѣднимъ. Онъ точно боялся прійти одинъ и пришелъ вмѣстѣ съ матерью.

— Ну что̀, какъ тутъ живешь?—довольно сухо спросила Елена Александровна, едва взглянувъ на ребенка издали.

Анисья сдѣлала попытку броситься въ ноги, но была остановлена въ самомъ началѣ. Сергѣй Иванычъ посмотрѣлъ ребенка и не зналъ, что̀ ему сказать. Дѣвочка расплакалась совсѣмъ некстати, и Анисья, изъ желанія угодить господамъ, шлепнула ее.

— Зачѣмъ ты ее бьешь?—возмутился Сергѣй Иванычъ.—Она такая маленькая...

Всѣ трое чувствовали себя очень неловко и всѣ были рады разстаться.

— Какая милая дѣвочка,—говорилъ Сергѣй Иванычъ, когда они возвращались.

— Да, ничего...—уклончиво отвѣтила Елена Александровна, думая о внукѣ, лучше котораго, конечно, не могло ничего быть.—Здоровенькая такая...

Маленькій Вадимъ сдѣлался идоломъ всего дома. Комментировались каждое его движеніе, каждый звукъ. Каждый день являлся чѣмъ-то въ родѣ исторической эпохи. Было опредѣлено, что онъ лицомъ больше походитъ на мать, характеромъ, къ сожалѣнію, на отца. Послѣднее заставляло Сергѣя Иваныча счастливо улыбаться въ бороду. Что̀ же, пусть походитъ на отца, если на то пошло. Ему не нравилось, что ребенка назвали Вадимомъ. Лучше бы просто Ванька или Колька, а тутъ какая-то аристократическая вычурность. Но все это, конечно, было пустяки. Сергѣй Иванычъ проводилъ теперь по нѣсколько часовъ въ дѣтской, и ему казалось, что ребенокъ мѣняется съ каждымъ днемъ. Черезъ мѣсяцъ онъ уже научился поворачивать глазки и слушать. Сжатые кулачкомъ пальчики разогнулись и постоянно ловили въ воздухѣ что-то невидимое.

Каждый новый день приносилъ съ собой какой-нибудь новый вопросъ; первымъ и главнымъ изъ нихъ былъ вопросъ о кормилицѣ. Докторъ заявилъ, что Анна Петровна, несмотря на свой цвѣтущій видъ, сама кормить не можетъ. Кормилицу выбирали цѣлую недѣлю, пока Елена Александровна не объѣхала всѣ конторы, гдѣ рекомендовали кормилицъ. Въ результатѣ этой ревизіи получилась молодая женщина Агаѳья изъ пригородныхъ крестьянокъ. Ее встрѣтили въ домѣ очень подозрительно, свозили въ баню и заставили переодѣться. Особенно волновалась Анна Петровна, убѣжденная, что ребенокъ любитъ и знаетъ только ее.

— Кормилица будетъ хорошая,—объясняла Елена Александровна тономъ спеціалиста.—Совсѣмъ не жирная и грудь небольшая...

Сергѣй Иванычъ тоже волновался, хотя и по другому поводу. Онъ думалъ о томъ ребенкѣ, на счетъ котораго будетъ питаться Вадимъ. Гдѣ онъ и что̀ съ нимъ? Елена Александровна предупредила щекотливый вопросъ и коротко объяснила:

— Не волнуйся, пожалуйста... У нихъ все это очень просто дѣлается.

— Не думаю...

— Ну, это ужъ позволь знать намъ. Ты близко видишь первую кормилицу, а я ихъ видѣла десятки...

— Можетъ-быть, у нея ребенокъ умеръ?—точно въ оправданіе себѣ проговорилъ Сергѣй Иванычъ.

— Вотъ видишь, ты опять ничего не понимаешь. Это народъ крайне суевѣрный—разъ ребенокъ умираетъ, и молоко у матери исчезаетъ, т.-е. это по ихъ мнѣнію. Но, къ сожалѣнію, я знала нѣсколько такихъ случаевъ. Можетъ-быть, простое совпаденіе, а можетъ-быть, какой-нибудь необъясненный еще наукой, темный материнскій инстинктъ.

Въ этихъ объясненіяхъ утѣшительнаго было мало и, все равно, приходилось мириться съ фактомъ. Раньше на совѣсти была одна Анисья, а теперь явилась еще кормилка Агаѳья. Получалось что-то такое несообразное и дикое, что̀ отравляло въ основаніи самыя чистыя радости, получалась какая-то неправда, на которую всѣ закрывали глаза, какъ на нѣчто неизбѣжное до законности. Сергѣй Иванычъ мучился молча. Дамы его просто удивляли характерной женской жестокостью, какъ объясненія Елены Александровны по части кормилкиной психологіи. Онѣ всѣ преклонялись предъ фактомъ и были спокойны. Сергѣй Иванычъ не могъ видѣть, какъ мать и жена ухаживали наперерывъ за Агаѳьей, съ упорствомъ неизлѣчимо помѣшанныхъ слѣдя за ея питаніемъ и расположеніемъ духа. Сергѣй Иванычъ возненавидѣлъ это проклятое слово: питаніе. Питали мать, а гдѣ-то голодалъ ея ребенокъ. Агаѳьѣ прощалась даже ея біографія: она была вдова-солдатка и прижила ребенка при такихъ же условіяхъ, какъ и Анисья. Главное, не было на глазахъ этого чужого брошеннаго ребенка, и всѣ чувствовали себя спокойно. Сергѣй Иванычъ по опыту убѣдился въ безполезности разговоровъ съ дамами на эти жгучія темы и мучился вдвойнѣ. Неужели это необходимо, т.-е. уморить неизвѣстнаго ребенка, чтобы Вадимъ имѣлъ кормилицу? Вѣдь это величайшая несправедливость, а несправедливость карается. Смутное предчувствіе какого-то возмездія и кары закрадывалось въ душу Сергѣя Иваныча все глубже и глубже. Ему начинало казаться безсмысленнымъ собственное существованіе, а отцовскія радости—преступленіемъ. Гдѣ-то слышался голодный плачъ брошеннаго ребенка, не умѣвшаго не только защищаться, но даже сказать первое дѣтское слово: мама. Вѣдь это ужасно, господа... Ужасно и вмѣстѣ такъ просто, на вполнѣ законномъ основаніи, какъ дѣлаютъ *всѣ*.

Опять самъ собой выступалъ вопросъ о культурной женщинѣ, утратившей способность даже кормить собственнаго ребенка, а этотъ культурный ребенокъ, вскормленный чужимъ молокомъ, дастъ въ свою очередь такихъ же культурныхъ матерей и культурныхъ дѣтей. Некультурная женщина являлась въ роли дойной коровы, съ той разницей, что теленка изъ простого хозяйственнаго расчета не морятъ голодомъ. Значитъ, теленка морить невыгодно, а маленькаго беззащитнаго человѣка выгодно... По справедливости долженъ былъ бы существовать законъ, воспрещающій такимъ культурнымъ женщинамъ имѣть дѣтей, какъ онъ воспрещаетъ воровство, грабежъ, убійство и всякое насиліе. Этотъ законъ имѣлъ бы тѣмъ болѣе смысла, что дѣло идетъ о беззащитной человѣческой личинкѣ.

Елена Александровна безъ словъ поняла настроеніе сына и замѣтила ему:

— Сережа, ты такъ страшно смотришь на кормилицу, что она смущается каждый разъ. Она даже сама говорила, а ты знаешь, какъ ей вредно волноваться: все отзывается на молокѣ.

— Я не понимаю, мама... Смотрю, какъ и на всѣхъ другихъ.

— Нѣтъ, не говори... Ты понимаешь, что я хочу сказать. Она простая женщина, но тоже понимаетъ.

Что было отвѣчать на это? Сергѣй Иванычъ только пожималъ плечами и уходилъ къ себѣ въ кабинетъ. Онъ чувствовалъ себя соучастникомъ въ какомъ-то большомъ преступленіи и не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы повести дѣло рѣшительно. Каждый день являлся преступленіемъ...

— Дрянь я, кислятина!..—повторялъ Сергѣй Иванычъ.—Ни капли воли и самая покладистая душонка.

Сергѣя Иваныча возмущало и то, что Агаѳья была совершенно спокойна и даже счастлива, потому что ее и питали па убой, и одѣвали „по-мамошному“. Она въ какихъ-нибудь двѣ недѣли вошла въ тѣло и даже побѣлѣла. Начинавшееся ожирѣніе встревожило дамъ, и по совѣту доктора питаніе Агаѳьи было измѣнено — больше мяса, бульонъ и меньше мучнистыхъ веществъ. Однимъ словомъ, все велось по самому строгому расчету.

Въ теченіе мѣсяца только разъ настроеніе Агаѳьиной души было нарушено. Ее таинственно вызвали зачѣмъ-то въ кухню, и дамы ужасно встревожились, особенно Елена Александровна.

— Что случилось?—спросилъ Сергѣй Иванычъ.

— Такъ... ничего.

Онъ понялъ, что въ кухню принесли ребенка Агаѳьи. Да, онъ былъ тамъ, этотъ несчастный кандидатъ на голодную смерть. Сергѣй Иванычъ долго не рѣшался выйти въ кухню и взглянуть на него, а когда пошелъ—свиданіе уже кончилось. Въ коридорѣ встрѣтилась Агаѳья, торопливо бѣжавшая въ дѣтскую съ виноватымъ видомъ. Она даже старалась улыбнуться и сдѣлать веселое лицо, потому что успѣла уже войти въ свою роль.

— Это твоего ребенка приносили?—спросилъ ее Сергѣй Иванычъ.

— Его, баринъ... Ничего, слава Богу.

— Онъ гдѣ живетъ, т.-е. у кого?

— А знакомая у меня есть, баринъ, столярова жена... На Выборгской живетъ... Три рубли ей плачу, вотъ она и приносила показать...

Появленіе ребенка Агаѳьи было внѣ репертуара, и Агаѳья чувствовала себя виноватой; ее подвела „столярова жена“, желавшая этой демонстраціей получить двугривенный, чаю и сахару и еще что-то, завернутое въ тряпку. Около мамокъ такимъ образомъ кормится цѣлый рой разныхъ болѣе или менѣе подозрительныхъ бабъ. Эксплоатація идетъ самая отчаянная, и разряженныя кормилки откупаются отъ своихъ брошенныхъ дѣтей очень дорогой цѣной.

Черезъ нѣсколько дней таинственная „столярова жена“ пришла уже одна и о чемъ-то долго шепталась съ Агаѳьей на кухнѣ, и опять ушла съ узелкомъ и мелочью. Еще черезъ недѣлю она пришла съ извѣстіемъ, что ребенокъ умеръ. Агаѳья выплакалась на кухнѣ, отдала послѣднія деньги на похороны и ходила цѣлый день съ красными глазами. Сергѣй Иванычъ не рѣшался ее утѣшать или просто спросить. Но нужно было чѣмъ-нибудь проявить свое участіе.

— Агаѳья, твой ребенокъ умеръ? — спросилъ онъ наконецъ, чувствуя, что дѣлаетъ совсѣмъ глупый вопросъ.

— Прибралъ Господь, баринъ, младенчика...

— Гм... да... Отчего же онъ умеръ?

— А горлышкомъ схватило... Свечеру схватило, а къ утру и кончился.

— Къ утру? Гм... да...

Агаѳья говорила совсѣмъ весело, что еще сильнѣе покоробило Сергѣя

Иваныча. Сначала онъ думалъ, что она притворяется и разыгрываетъ роль, но она дѣйствительно была рада, какъ онъ убѣдился впослѣдствіи.

— Гдѣ же при бѣдности-то бабьей да еще робятъ выращивать,—коротко объяснила Агаѳья.—И богатымъ-то только-только впору...

Ребенокъ являлся уже предметомъ роскоши.

XII.

Ничто такъ не подѣйствовало на Анисью, какъ живой примѣръ нанятой мамки. Ида разсказывала всѣ подробности, какъ господа ухаживаютъ за ней и какое ей житье.

— А какъ кончитъ кормить, всего получитъ, цѣлый сундукъ всякой всячины, — объяснила она. — И шесть перемѣнъ рубашекъ, и шесть сарафановъ, и шесть полотенецъ, и подушку съ одѣяломъ, и простынь, и чулокъ, и пальто, и кофты, да еще на выходъ деньгами цѣлыхъ сорокъ рублей. Это, значитъ, по условію, а ежели господа будутъ довольны, такъ наградятъ особо. Цѣлое приданое выправитъ Агаѳья, хоть сейчасъ замужъ выходи... Не житье этимъ мамкамъ, а масленица. Цѣлый годъ такъ-то процарствуетъ.

Анисья хорошо знала, какъ живутъ мамки у господъ, и только вздыхала. Что же, у какой какое сердце—одна можетъ бросить ребенка, а другая нѣтъ. А все-таки ее начинало брать раздумье. Шелъ ужъ второй мѣсяцъ, какъ она проѣдалась съ ребенкомъ, а ни впереди ни сзади ничего не было. Въ послѣднее время она старалась жить на свое, кое-какіе гроши оставались, да деньги отъ „Шиковой жены“. Стыдно было брать ѣду съ господской кухни, гдѣ на нее всѣ косились. Потомъ наступили холода, и Егоръ Спиридонычъ донималъ ее дровами. Изъ-за каждаго лишняго полѣна приходилось чуть не драться.

— Покупай свои дрова и пали, сколько хочешь!—ворчалъ садовникъ.— Этакъ не напасешься на васъ... Баринъ, конечно, молчитъ, а потомъ съ меня же взыскивать будетъ: „Куды дѣлись дрова? Ты воруешь дрова?“

Эти дрова были хуже всего. Надо и сварить что-нибудь самой, и постирать на ребенка, и для тепла. А купить, такъ четыре рублика за сажень выкладывай. Тоже вотъ и чай, и хлѣбъ, и керосинъ — вездѣ нужны деньги и деньги, а взять ихъ негдѣ. Раньше хоть была работа въ огородѣ, и Анисья считала, что не даромъ хлѣбъ ѣстъ, а теперь и этого не было. Шила она плохо, гладила тоже плохо, а только умѣла быть „при комнатахъ“.

Разъ вечеромъ, когда Анисья сидѣла въ тяжеломъ раздумьѣ, Васильевна привела мамку, такую нарядную и сытую.

— Ну, что, горюша, какъ живешь-можешь?—спрашивала Васильевна.— Вонъ погляди-ка на нашу мамку: корова холмогорская скоро будетъ... Въ кожѣ мѣста не останется. Вотъ бы тебѣ такъ-то устроиться... Проворонила мѣсто у нашихъ-то господъ, а въ самый бы разъ.

Агаѳья держала себя настоящей барыней и весело лущила подсолнухи. Анисья смотрѣла на нее съ завистью и почувствовала себя еще несчастнѣе. Выйдутъ послѣднія деньги—тогда ложись и помирай. Васильевна что-то говорила о „столяровой женѣ“ и нахваливала ее.

— Вотъ бы тебѣ такую-то найти женщину, Анисья... Пристроила бы ребенчишка, а сама опять вольная птица. И сама сыта и одѣта, и ребеночекъ тоже. Не для себя будешь стараться, а для него же... Вонъ Агаѳья-то какая гладкая стала. Жалованья двѣнадцать рубликовъ получаетъ...

Когда Васильевна ушла съ мамкой, у Анисьи сложилось вдругъ твердое

рѣшеніе тоже поступить въ мамки. Послѣдніе гроши были на исходѣ, а тутъ надо и теплую шубку, и башмаки, и платокъ—все надо, а взять негдѣ. Вотъ только подыскать бы подходящую женщину, какъ „столярова жена“. Впрочемъ, и тутъ выручила Васильевна. Старуха принесла даже адресъ какой-то жены желѣзнодорожнаго сторожа, которая согласна взять „шпитонку“.

— Ты сходи къ ней и переговори, — совѣтовала Васильевна. — А тамъ видно будетъ... Я подомовничаю, а ты сходишь. Ребенка сдашь, а сама запишешься въ ту же контору, изъ которой вотъ Агаѳью господа взяли.

Кромѣ жены сторожа, оказалось еще нѣсколько другихъ добрыхъ женщинъ, которыя брали „шпитонцевъ“ спеціально отъ мамокъ. Это былъ уже организованный промыселъ. Анисья пять вечеровъ подъ-рядъ ходила отъ одной воспитательницы къ другой и вездѣ находила одно и то же: грязь, безпорядокъ, пьянство, подвалы или чердаки. Домой она возвращалась въ полномъ отчаяніи. У нея опускались руки.

— Не отдамъ... не отдамъ...—шептала она глотая слезы

У нея являлась даже мысль пойти съ ребенкомъ куда-нибудь на мостъ и броситься въ Неву. Лучше ужъ умереть вмѣстѣ...

Разъ, когда она возвратилась домой въ такомъ мрачномъ настроеніи, Васильевна встрѣтила ее радостнымъ восклицаніемъ:

— Ну, Анисья, и счастливая ты... Бѣгаешь, ищешь, куды сдать ребенка, а столярова-то жена опросталась: Агаѳьинъ робенокъ вечоръ померъ. Тебѣ теперь въ самый разъ сдать ей свою Даренку...

— Какъ-то, Васильевна... Она, можетъ, заморила Агаѳьинова ребенка, а я своего ей потащу.

— Отъ горлышка, слышь, померъ... Въ одну ночь скрутило. Отъ горлышка-то у родныхъ матерей моромъ мрутъ и у господъ... Въ самый тебѣ разъ къ столяровой женѣ толкнуться.

Анисья сѣла на лавку и только молча заплакала. Судьба точно толкала въ какую-то пропасть, и она чувствовала, какъ ее тянетъ уже въ эту черную глубь.

— Васильевна, страшно... грѣшно вѣдь это...

— Перестань, голубка, убиваться. Не нами началось, не нами и кончится. Ежели бы ты была барыней али мужней женой—съ тебя другой бы и спросъ, а теперь и взыску нѣтъ. Невитое сѣно, однимъ словомъ...

Анисья сбѣгала къ столяровой женѣ и нашла, что ей можно отдать ребенка. Одно только не понравилось—очень ужъ сладко говоритъ. Квартира у столяра была маленькая, во флигелѣ, а семья большая — самъ-шостъ за столъ садился. Жена прихватывала кой-какую работишку на сторонѣ и держала „шпитонцевъ“, — три рубля въ мѣсяцъ деньги, да еще такъ кое-что перепадетъ отъ мамки. Уговорившись съ ней, Анисья отправилась въ контору, гдѣ рекомендовали кормилицъ, и записалась. Кормилокъ набралось больше десяти, и всѣ ждали тутъ при конторѣ, выжидая мѣста. Все-таки не одна, а на людяхъ—все же легче. И судьба у всѣхъ одна: все бездомныя женщины, искавшія чужого угла и чужого куска хлѣба.

Устроившись со всѣми дѣлами, Анисья собрала свои вещи въ одинъ узелъ, сундукъ пока поставила къ Васильевнѣ въ кухню и пошла прощаться съ господами.

— Ты это куда же?—удивился Сергѣй Иванычъ, когда Анисья бухнула ему въ ноги.

— А въ контору, откуда вы Агаѳью взяли, баринъ...

— Въ кормилицы?

— Точно такъ...

— А какъ ребенокъ?

— И его устроила... къ столяровой женѣ, у которой Агаѳьинъ ребенокъ жилъ.

Сергѣй Иванычъ прошелся по комнатѣ, потеръ себѣ лобъ и проговорилъ:

— Анисья, я все-таки не понимаю, зачѣмъ ты уходишь. Вѣдь тебя никто не гналъ... Если прислуга что̀ болтала, такъ на это не слѣдовало обращать вниманія. Можетъ, тебя обижали? Говори прямо...

— Что̀ вы, баринъ! Какъ же можно, чтобы обижать... Ужъ я не знаю, какъ и Бога за васъ молить. А только все-таки голова къ мѣсту...

— Что̀ же это значитъ: голова къ мѣсту?

— Да такъ... Вотъ у васъ свое мѣсто, а у меня свое. Извините, что попапрасну безпокоили васъ, баринъ.

— Ну, это пустяки... Помни: я тебя не гоню и не гналъ. Будетъ лу ше, если останешься...

— Нѣтъ, ужъ такъ лучше...

— Да ты подумай хорошенько...

— Ахъ, баринъ, достаточно было подумано, а иначе нельзя миновать...

Елена Александровна начала тоже уговаривать какимъ-то совсѣмъ фальшивымъ голосомъ, какого раньше Сергѣй Иванычъ не замѣчалъ у нея. Ему вдругъ сдѣлалось противно и гадко за эту ненужную никому ложь. Анисья держала себя и говорила гораздо лучше, а главное—такъ просто, какъ переболѣвшій убѣжденный человѣкъ. Ирочка тоже вмѣшалась, но была гораздо искреннѣе. Она смотрѣла на Анисью такими хорошими, испуганными глазами.

— И тебѣ не жаль дѣвочку, Анисья? — наивно спрашивала Ирочка.

— Какъ же не жаль, барышня... Только это самое дѣло вамъ и понимать не приходится, потому какъ вы есть настоящая барышня...

Сергѣй Иванычъ сходилъ къ себѣ въ кабинетъ и сунулъ Анисьѣ смятую ассигнацію. Елена Александровна, Ирочка и Анна Петровна тоже удѣлили изъ своихъ денегъ по возможности. Ирочка рѣшила въ умѣ, что отдастъ деньги, назначенныя на концертъ Фигнера, и была счастлива этимъ актомъ самопожертвованія. Сергѣю Иванычу казалось, что всѣ онѣ откупаются отъ Анисьина ребенка, и ему не понравилось, что Анисья беретъ деньги, и еще больше не понравилось, когда Елена Александровна сказала:

— Это твоей дѣвочкѣ, Анисья... Ахъ, пожалуйста, не нужно кланяться въ ноги. Понимаешь — это нехорошо.

Когда Анисья вышла изъ комнаты, Сергѣй Иванычъ посмотрѣлъ на своихъ дамъ, что-то хотѣлъ сказать, но тяжело повернулся на каблукахъ и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Дамы слышали, какъ хлопнула дверь, и многозначительно переглянулись. А Сергѣй Иванычъ сидѣлъ у своего письменнаго стола, положивъ голову на руки, и думалъ, какъ просто дѣлаются самыя нехорошія вещи и какой онъ негодяй — вѣдь въ глубинѣ души онъ все-таки былъ радъ, что избавился отъ Анисьи и избавился самымъ благороднымъ образомъ, какъ порядочный человѣкъ.

Вся прислуга принимала самое живое участіе въ отъѣздѣ Анисьи. Даже явился Егоръ Спиридонычъ и самъ перевязалъ веревками Анисьинъ узелъ. Васильевна прослезилась, Домна притащила двѣ бутылки молока, Архипъ сбѣгалъ за извозчикомъ — всѣ хлопотали и всѣ были рады, что Анисья наконецъ уѣзжаетъ. Одна Ида смотрѣла на все безучастно и только при прощаньи шепнула:

— Ежели что̀, Анисья, такъ здѣшнее мѣсто твое, а я себѣ найду...

Падалъ мягкій липкій снѣжокъ. Усаживаясь на извозчика, Анисья въ послѣдній разъ оглянулась по направленію трактира „Голубокъ“, предъ которымъ, какъ волчій глазъ, горѣлъ фонарь.

— Съ Богомъ... — проговорилъ весело Егоръ Спиридонычъ, подтыкая пальто Анисьи. — Ну, трогай, желтоглазый!..

Анисья тоже была рада уѣхать, а куда, не все ли равно. Хуже не будетъ...

XIII.

Въ конторѣ кормилицъ Анисьѣ пришлось пробыть недолго, всего три дня. Другія кормилки ждали по недѣлямъ, а ее выручила молодая миловидность. Сначала ей было стыдно, когда хозяйка заставляла всѣхъ выстраиваться въ шеренгу при наемщикахъ. Ихъ осматривали, какъ дойный скотъ, и дѣлали вслухъ оцѣнку всѣхъ достоинствъ и недостатковъ, точно дѣло шло не о людяхъ, а о животныхъ. Въ результатѣ все зависѣло отъ счастья, какое кому выпадетъ. Нанимавшіе господа были неизвѣстны, и о нихъ кормилки могли судить только по костюмамъ.

Анисья попала въ семью одного офицера, жившаго на казенной квартирѣ. Обстановка была богатая, но жили скупо и барыня считала куски. Другимъ неудобствомъ была старая нянька, которая поѣдомъ ѣла всю прислугу, а новой кормилицѣ не давала проходу. И то не такъ и это не такъ — ничѣмъ не угодишь. Анисья прожила у нихъ всего двѣ недѣли, а потомъ ребенокъ захворалъ и ее уволили, вѣрнѣе сказать — выгнали. Изъ сказочныхъ богатствъ, полагавшихся мамкѣ по условію, она едва унесла только то, что было на себѣ, и снова очутилась на улицѣ. Она еще не умѣла быть нахальной, какъ другія мамки, и ее подняли на смѣхъ, когда она явилась опять въ контору.

— А ты мировому подай на господъ, глупая... — совѣтовали бойкія кормилки...

— Нѣтъ, боюсь... Они отъ меня не разбогатѣютъ, а я не обѣднѣю. Богъ съ ними.

— Вотъ и вышла дура... Этакъ ежели будемъ потачить господъ, такъ и житья не будетъ. Только хлѣбъ отбиваешь у другихъ...

Кормилки накинулись на Анисью, какъ осы, и довели ее до слезъ. Кстати, тутъ же у нея украли теплый платокъ. Бѣда не приходитъ одна, и Анисью пока спасали только деньги, которыя ей надавали господа на фермѣ. Она постоянно ихъ вспоминала и плакала.

На этотъ разъ Анисьѣ пришлось прождать цѣлую недѣлю, пока она опять попала на мѣсто. Господа были хорошіе, скромные, но бѣда въ томъ, что донимали ужъ очень ученостью, особенно барыня. Началось съ того, что ее три раза посылали въ баню, потомъ заставляли каждый день принимать ванну и вытираться холодной водой, кормили мяснымъ порошкомъ и мальцъ-экстрактомъ, который Анисья называла мазью, и походя дезинфицировали разными снадобьями. Эта ученая барыня наводила на Анисью оторопь. Она все обнюхивала, вездѣ искала пыль, а мелкую сдачу, которую приносили изъ лавочки, кипятила въ горшкѣ, въ печкѣ. Боже сохрани, если увидитъ гдѣ-нибудь пятнышко. А сама постоянно больная и вѣчно что-нибудь нюхаетъ или натирается. Такъ добрая, а только ужъ очень изводила своей чистотой.

— Вы ужъ лучше меня обругайте, барыня, — въ отчаяніи заявила разъ Анисья, когда ее заставили принимать вторую ванну. — Вѣдь этакъ живого человѣка въ конецъ можно извести...

— Вы ничего не понимаете и говорите глупости.

— Ужъ какая есть, барыня. Право, въ другой разъ лучше человѣка ударить...

Кончилось это раціональное воспитаніе тѣмъ, что Анисья расхворалась... У нея просто разболѣлась голова, но барыня боялась всякихъ болѣзней, пригласила доктора и отказала.

— Вы еще насъ всѣхъ заразите, — объяснила она изъ другой комнаты.

Анисья опять очутилась на улицѣ и на этотъ разъ серьезно простудилась. Пальтишко было холодное, а теплый платокъ украли. Она больная пришла къ столяровой женѣ, пролежала здѣсь трое сутокъ, а потомъ совсѣмъ разнемоглась, и столяръ отвелъ ее въ клинику.

— Ученые господа меня извели, — объяснила Анисья доктору, принимавшему больныхъ. — Все какой-то пылью кормили да мазью, да въ холодную воду сажали... Да еще барыня пыль въ глаза пущала изъ какой-то трубочки, а я до смерти боялась.

Докторъ только улыбнулся, — у Анисьи было воспаленіе праваго легкаго. Въ больницѣ Анисья пролежала цѣлыхъ три недѣли. Ее навѣщала одна столярова жена, приходившая каждый разъ что-нибудь выкляньчить—то нужны деньги на лѣкарство ребенку, то украли все дѣтское бѣлье, то хозяинъ гонитъ съ квартиры, то нѣтъ ни чаю ни сахару. У столяровой жены всегда про запасъ была какая-нибудь неотложная бабья бѣда, и она помаленьку вытянула у Анисьи послѣдніе гроши и успокоилась только тогда, когда той нечего уже было давать.

— Не знаю ужъ, какъ ты будешь, милая,—жалѣла она: — выпишешься изъ больницы, а молоко пропало. Мнѣ-то съ тобой хлопотъ сколько было, а тутъ еще надо брать другого шпитонка. У меня ужъ есть на примѣтѣ...

Положеніе было самое отчаянное, когда Анисья выписалась изъ больницы. Она пришла опять къ столяровой женѣ, но здѣсь ее встрѣтили уже подругому. Платить ей было нечѣмъ, молоко пропало. Самъ столяръ былъ пьяница и все тащилъ изъ дому, а если нечѣмъ было опохмелиться — билъ жену чѣмъ попадя. Нужно было неистощимую энергію, изворотливость и просто нахальство жить, чтобы столярова жена поддерживала, выражаясь фигурально, огонь на семейномъ очагѣ. Когда Анисья потеряла всякій смыслъ, какъ платежная единица, столяръ обратилъ на нее свое благосклонное вниманіе. Онъ любилъ предаваться разнымъ отвлеченнымъ размышленіямъ.

— Что такое есть Анисья, ежели разобрать? Ничтожность и сущая мразь... Для чего ты родила, напримѣрно, единоутробную дочь? Тоже ничтожность и сущая мразь. А позвольте васъ спросить, гдѣ ихній родитель, т.-е. вашей дочери Дарьи? У каждаго человѣка долженъ быть родитель... А ежели который правильный человѣкъ, такъ что онъ должонъ тебѣ выразить?.. Не говоря худого слова, прямо въ ухо... Потому, чувствуй.

Разъ столяръ даже сдѣлалъ попытку быть правильнымъ человѣкомъ, но Анисью защитила его жена. Между мужемъ и женой по этому поводу произошла настоящая драка. Столярова жена выскочила на улицу въ самомъ растерзанномъ видѣ и вопила благимъ матомъ: „охъ, убилъ! охъ, смертынька моя“... Впрочемъ, сосѣди по дому настолько привыкли къ этимъ сценамъ, что не обращали никакого вниманія на ея вопли. Между мужемъ и женой одинъ Богъ судья...

Въ окончательной формѣ столярова жена не гнала Анисьи только потому, что у нея на фермѣ еще оставался сундукъ, который въ ея воображеніи представлялся чѣмъ-то въ родѣ Голконды. Подобраться къ этому завѣтному сундуку

сдѣлалось теперь конечной цѣлью всего бытія столяровой жены. Анисья и сама сознавала, что этотъ сундукъ являлся послѣднимъ средствомъ. Только ей не хотѣлось ѣхать за нимъ на ферму самой. Стыдно было глаза показать. Пришлось послать столярову жену къ Идѣ. Сундукъ такимъ образомъ очутился въ квартирѣ столяра. Его содержимое не оправдало надежъ столяровой жены. Такъ, разное барахло—кофты да юбки, а настоящаго всего одно шелковое платье, да и то пришлось заложить въ ссудной кассѣ.

— Всего-то хламу наберется-ненаберется на одну красную бумажку, — опредѣлила столярова жена. — Голь ты перекатная, Анисья, и больше ничего...

Ночью столяръ взломалъ сундукъ и стащилъ половину добра въ кабакъ. Анисья даже не смѣла жаловаться, потому что украденное пошло въ счетъ квартиры.

Ребенокъ за два мѣсяца пребыванія у столяровой жены сильно исхудалъ и какъ-то подозрительно пожелтѣлъ. Анисья объясняла это тѣмъ, что его сразу перевели на коровье молоко и соску изъ хлѣба.

— Ужъ, кажется, ничего не жалѣю, — хвасталась столярова жена. — Сама не доѣдаю, а все ребенку. Ужъ у меня такой характеръ.

Всего удивительнѣе было то, что ребенокъ совсѣмъ не кричалъ, а былъ какой-то вялый и сонный. Мать просто не узнавала его, какъ и онъ мать. Теперь Анисья сама водилась съ нимъ и мучилась вдвойнѣ, когда ребенокъ вспомнилъ ее и потянулся къ пустой груди.

— Для чего только и рожаются эти самыя дѣвчонки, — удивлялась столярова жена. — И кормить-то такъ не любопытно... Ну куда съ ней потомъ, съ дѣвкой-то? Такъ, не въ людяхъ человѣкъ... Нашей-то сестры, бабы, и безъ этого неисчерпаемое множество. И живущи при этомъ... Мальчонки тѣ скорѣе помираютъ: чуть что̀, и свернулся...

Разъ ночью Даренка раскапризничалась и разбудила всѣхъ. Столяръ началъ ругаться.

— Ужо вотъ я ее утихомирю, — ворчала столярова жена, поднимаясь съ своего жестокаго ложа.—Дай-ко ее мнѣ сюды, Анисья...

Анисья не давала ребенка, предчувствуя что-то недоброе.

— Говорятъ: дай, — настаивала жена. — Ежели такъ-то каждый ребенокъ учнетъ закатываться, такъ и святыхъ вонъ понеси. У меня есть одно средствіе...

Оказалось, что у нея было не одно, а цѣлыхъ два средствія. Когда ребенокъ начиналъ кричать, она совала ему въ ротъ соску, пропитанную наваромъ изъ мака, а если и это не помогало, то вливала въ ротъ водки, и ребенокъ засыпалъ пьяный.

Анисья даже испугалась. Что-то не ладно дѣло, но столярова жена ее успокоила.

— А какъ же у лучшихъ господъ дѣлается? То же самое... Если которая барыня не понимаетъ, такъ мамка должна научить. Спитъ младенецъ, и слава Богу... Сколько я стравила этой самой водки на твою-то Даренку — даже и не выговорить.

Домъ, гдѣ держалъ квартиру столяръ, былъ съ верху до низу набитъ все такими же жильцами. Домъ былъ старый и весь пропитался какой-то кошачьей вонью. Свѣжаго человѣка мутило, а жильцы привыкли и ничего не замѣчали. Всякой дѣтворы въ этомъ домѣ ютилось видимо-невидимо, и Анисью успокаивало, что не одна ея Даренка здѣсь живетъ. Но и съ этимъ раемъ приходилось разстаться. Сундукъ скоро былъ прожитъ до тла. Пробовала она хо-

дить на работу, но изъ этого ничего не вышло. Въ прачечной можно было заработать рублей десять, а этихъ денегъ не хватало самой.

— Ты вотъ что̀, умница, — посовѣтовалъ разъ сжалившійся столяръ. — Дѣвка ты еще въ самой порѣ, а у меня есть одинъ знакомый вдовецъ слесарь... т.-е. въ самый бы разъ, какъ на заказъ. Ты не безпокойся, у него и часы серебряные съ двумъ крышкамъ, и самоваръ, и шуба новая...

XIV.

На Анисью нашло какое-то отупѣніе. Она страшно похудѣла, сдѣлалась желтой и все молчала. Сядетъ на лавку и молчитъ. Столярова жена начала опасаться, какъ бы она чего не сдѣлала надъ собой. Какъ разъ подведетъ... Вотъ такъ же жиличка въ четвертомъ этажѣ задумывалась-задумывалась, да и хлебнула нашатырнаго спирту. Полиція явилась, потомъ квартирную хозяйку въ участокъ. Это ужъ не модель бѣдному человѣку да еще задумываться... Столярова жена рѣшила дѣйствовать энергично.

— Вотъ что̀, Анисья, надо ребенка въ воспитательный отдавать. Ничего, видно, не подѣлаешь... Куда ты съ нимъ дѣнешься? Ежели бы еще мальчикъ, а то дѣвчонка — только понапрасну будешь маяться.

Анисья отнеслась къ этому предложенію совершенно безучастно. Что̀ же, въ воспитательный, такъ въ воспитательный... Много такихъ-то шпитонокъ, не одна тысяча, а на людяхъ и смерть красна. Столярова жена воспользовалась этимъ настроеніемъ и начала торопить. Чего ждать-то еще — думай не думай, а лучше не придумаешь.

— Вотъ стемнѣетъ, ну, и пойдемъ вмѣстѣ. Я тебѣ покажу, куда итти. Сперва къ Полицейскому мосту, а тамъ по Мойкѣ. Я видѣла, какъ бабы робятъ волокутъ въ воспитательный... Такъ хвостомъ и стоятъ, потому какъ очередь. Прежде-то совсѣмъ было просто, а нынче записываютъ—и протчее.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, онѣ рѣшили сегодня же снести ребенка. Эта быстрота нѣсколько смутила Анисью.

— Глупая, да вѣдь изъ воспитательнаго ты всегда его можешь взять назадъ,—объяснила столярова жена.—Сдѣлай милость, только бери...

Стояла гнилая петербургская зима. Падалъ мокрыми хлопьями снѣгъ. На тротуарахъ свѣтились лужи грязной воды. Обувь у Анисьи давно износилась, и она сейчасъ же промочила ноги. Но теперь было не до мокрыхъ ногъ и простуды. На Невѣ дулъ сырой вѣтеръ-сквознякъ.

— Ахъ, ты, Господи! — повторяла столярова жена, шлепая по мокрому снѣгу.—Хоть бы часокъ пожить такъ-то, какъ живутъ богатые... Вонъ какія фатеры у нихъ, въ каретахъ ѣздятъ... пища самая пріятная... А мы вонъ шлепай на своихъ на двоихъ... И отчего это только бываетъ, что одинъ родится богатымъ, а другой бѣднымъ?

Столярова жена старалась занимать Анисью и все посматривала на нее. Онѣ шли по набережной Невы. Вода была въ рѣкѣ совсѣмъ темная и тяжело билась о громадную набережную, облѣпленную молодымъ льдомъ. Дуло съ моря, и вѣтеръ крѣпчалъ. Анисья не чувствовала холода, потому что послѣ болѣзни была слаба и сильно потѣла на ходу.

— Дай-ка мнѣ ребенка-то, Анисьюшка. Тяжело тебѣ...

— Нѣтъ, ничего... Можетъ, въ послѣдній разъ несу...

— Ну, что̀ же: своя ноша не тянетъ, Анисьюшка.

У столяровой жены проснулась такая хорошая бабья жалость. Вѣдь дѣло-то какое... Совсѣмъ еще молодая дѣвчонка, а ужъ бабью муку прини-

маетъ въ полной формѣ. Только вотъ не бита, потому какъ не въ законѣ. Ну, не бита, зато все-таки дѣвушкѣ-то совѣстно. Охъ, дѣла, дѣла... И такъ и этакъ поверни—все скверно. Такая ужъ, видно, женская часть. Столяровой женѣ вдругъ сдѣлалось жаль и ребеночка. Куда-то онъ попадетъ и какого горя ни напринимается? Въ чужихъ-то людяхъ горько жить будетъ...

Когда онѣ повернули съ набережной въ Милліонную, гдѣ были все такіе богатые дома, Анисьѣ вдругъ сдѣлалось страшно. Ей казалось, что и откормленные швейцары, стоявшіе въ дверяхъ подъѣздовъ, и выѣздные лакеи, и каретные кучера, и дворники — всѣ видятъ, куда онѣ такъ торопятся, и съ молчаливымъ негодованіемъ смотрятъ именно на нее. Ей даже казалось, что кто-то гонится за ними. Она ясно слышала приближающіеся быстро шаги и прибавляла шагу, не смѣя оглянуться.

— Дай передохнуть...—шептала Анисья, когда онѣ по Мойкѣ подходили къ Полицейскому мосту.—Руки и ноги отнимаются...

Столярова жена, когда вышли въ полосу яркаго электрическаго освѣщенія на Невскомъ, тоже начала трусить, даже оглядывалась,—ей тоже казалось, что кто-то идетъ за ними. А тутъ несутся экипажи, звонятъ конки, бѣгутъ безъ конца толпы пѣшеходовъ,—даже въ глазахъ рябитъ съ непривычки. Онѣ постояли молча у чугунной рѣшетки канала и молча пошли дальше.

— Вонъ...—ткнула столярова жена, указывая на лѣвой сторонѣ на желѣзную рѣшетку и какое-то зданіе въ глубинѣ.

У Анисьи задрожали руки, такъ что она чуть не выронила ребенка. У рѣшетки стояли какія-то женщины, двое съ ребятами. Столярова жена сотворила про себя молитву и храбро подошла къ сторожу у желѣзныхъ воротъ.

— Днемъ, днемъ приходите... — предупредилъ ея вопросъ сторожъ.— Поздно теперь.

— А какъ же мы такую даль напрасно перли? — озлилась столярова жена.

— Сказано: нельзя. Ахъ, какія вы несуразныя... Такъ и лѣзутъ, точно овцы омморошныя! Да принесите паспорта, да деньгами двадцать пять рублей...

— Деньгами? Двадцать пять?..

— Да, четвертной билетъ... Всѣмъ одно положенье. Проваливай...

Сторожъ ужасно боялся этихъ бабъ съ ребятами; того и гляди подкинутъ младенца къ рѣшеткѣ, а отвѣчать долженъ онъ. Да и бабы имѣли именно такой видъ, что вотъ-вотъ что-нибудь устроятъ неподходящее. Всѣ какія-то пуганыя да голодныя... Скажутъ имъ толкомъ, а онѣ стоятъ, какъ оглашенныя.

Когда столярова жена объяснила все, у Анисьи окончательно опустились руки. Что же было теперь дѣлать? У нея было всего пятнадцать копеекъ и больше ничего. А взять тоже негдѣ... У нея мелькнула мысль о фермѣ, но на такое дѣло баринъ не дастъ. Онѣ стояли у канавы въ полномъ отчаяніи. Снѣгъ разошелся и такъ и валилъ бѣлыми хлопьями.

— Четвертной билетъ...—повторяла столярова жена съ озлобленіемъ.— Ты выноси ребенка, роди его, майся съ нимъ, да еще подавай четвертной билетъ... Погодите, и такъ возьмете. Да... Ишь что придумали.

Она даже погрозила кулакомъ всему воспитательному дому, повернулась и пошла обратно.

— Пойдемъ, Анисьюшка... Нѣтъ, погодите!..

Анисья молча покорялась. Отъ усталости у нея въ глазахъ ходили круги, а ноги совсѣмъ отнимались.

— Дай-ка мнѣ робенка...—предложила столярова жена.—На тебѣ лица нѣтъ, Анисьюшка.

Ребенокъ раскричался, и онѣ зашли подъ ворота, чтобы перемѣнить пеленки и сунуть ему въ ротъ другую соску. Дворникъ началъ ихъ гнать.

— Идите, идите своей дорогой. Нашли мѣсто!

— Съѣли мы у тебя мѣсто-то?—ругалась столярова жена.

— Ну, ну, разговаривай, жаръ-птица... Проваливай!..

— У, лупоглазый чортъ...

Дворникъ молча схватилъ ихъ за плечи и вытолкнулъ на улицу. Столярова жена озлилась въ окончательной формѣ и плюнула на дворника. Анисья вся дрожала отъ холода и не могла ничего говорить.

— Сквалыги... — ругалась столярова жена, шлепая по панели. — Подъ воротами и то мѣста не стало. Ироды...

Онѣ возвращались тѣмъ же путемъ. Анисья шла, пошатываясь, какъ пьяная. На Александровскомъ мосту она остановилась. Внизу глухо бурлила совсѣмъ черная вода, точно шевелилась какая-то сказочная змѣя.

— Ну, идемъ, идемъ, Анисьюшка, — торопила ее столярова жена.—Въ самый теперь разъ...

Онѣ опять очутились на Выборгской сторонѣ, гдѣ такъ жалко мигали керосиновые фонари.

— Вотъ тутъ есть одинъ домъ...—на ходу объясняла столярова жена.—Подъѣздъ теплый, а швейцара нѣтъ. Понимаешь?

— Ахъ, все равно.

Очевидно, столярова жена знала, что̀ дѣлаетъ, и, можетъ-быть, ей не въ первый разъ приходилось устраивать такія вещи. Сначала онѣ прошли мимо трехъэтажнаго каменнаго дома раза два—подъѣздъ былъ, дѣйствительно, безъ швейцара. Городовой стоялъ далеко, на самомъ углу улицы, гдѣ звонила конка.

— Ну, благослови робенка...—шопотомъ посовѣтовала столярова жена.—Скоро дворники выйдутъ за ворота.

Анисья припала лицомъ къ ребенку и замерла. У нея все кружилось передъ глазами—и улица, и фонари, и дома, и проѣзжавшій мимо извозчикъ. Она торопливо перекрестила ребенка, поцѣловала холодный лобикъ и торопливо пошла черезъ улицу. Она плохо сознавала, что̀ дѣлается, и во всемъ подчинялась столяровой женѣ.

Анисья была уже на углу улицы, когда ее догнала столярова жена.

— Ухъ, слава Богу, упомѣстила!—шепнула она.—Куда ты бѣжишь-то? Погоди малость, надо обождать... На лѣстницѣ оставила, во второмъ этажѣ... Ужо поглядимъ, что̀ будетъ.

Онѣ пошли тихонько, наблюдая роковой домъ. Всѣ окна во второмъ этажѣ были освѣщены. Въ открытую форточку доносились звуки рояля. Потомъ все смолкло. На подъѣздъ выскочилъ студентъ въ медицинской формѣ. Онъ былъ безъ фуражки и громко крикнулъ:

— Дворникъ!.. Гдѣ дворникъ?

— Хватились...—шопотомъ объяснила столярова жена.

На звонокъ выскочилъ встрепанный дворникъ и быстро пошелъ за студентомъ. Потомъ онъ вернулся и бѣгомъ побѣжалъ къ постовому городовому.

— Въ полицію, значитъ, отправятъ...—объясняла столярова жена.

Городовой и дворникъ пріѣхали на извозчикѣ. Ребенка вынесла горничная.

— Ну, получай,—сказалъ городовой дворнику.

— Нѣтъ, ужъ это ты получай...

Они проѣхали въ двухъ шагахъ. Анисья видѣла, какъ неумѣло городовой держалъ ребенка, а ребенокъ кричалъ благимъ матомъ. Анисья стояла и крестилась. Она уже не могла плакать.

XV.

Настоящее горе охватило Анисью только по возвращеніи на квартиру, гдѣ всякая мелочь напоминала ей ребенка. Вотъ приготовленная простынька, вотъ корзинка изъ-подъ бѣлья, въ которой онъ лежалъ, вотъ дешевенькая игрушка-побрякушка, вотъ забытая на окнѣ бутылочка съ молочкомъ—и вдругъ все это не нужно. *Онъ* никогда больше не вернется сюда...

— Господи, Господи, за что? — стонала Анисья, изнемогая отъ душившаго ее горя. — Господи, почему же другія матери могутъ растить своихъ дѣтей? Господи, лучше бы онъ померъ... я ходила бы на могилку... выросла бы зеленая травка на могилкѣ... Господи, Господи, убей лучше меня!..

Столярова жена истощила всѣ свои резоны и молчала. Пусть дѣвушка проревется — отъ сердца и отпадетъ. Хуже, ежели бы молчала. По пути она и сама всплакнула бабьимъ дѣломъ. Тоже обидно, хотя и чужое дите. Вообще, столярова жена вышла изъ своей роли эксплоататорши и точно сердилась на себя за собственную доброту. Анисья это чувствовала и даже стѣснялась, когда столярова жена смотрѣла на нее съ какой-то сердитой ласковостью.

— И за что, подумаешь, дѣвка муку мученичецкую принимаетъ?!— думала вслухъ столярова жена и принималась ругать кого-то. — Ироды проклятые... обормоты... Взяла бы, кажется, и растерзала всѣхъ этихъ подобныхъ подлецовъ. Обидѣть-то каждый норовитъ, а пожалѣть некому. Да... А тутъ живой человѣкъ на части рвется... Тоже вѣдь душа есть, хоть и бабья. Идолы проклятые... Самъ бы попробовалъ, окаянная душа. Вонъ ихъ сколько, бабъ-то, у рѣшетки стоитъ... Всю душеньку вымотали, а дѣваться некуда, окромя воспитательнаго... У! проклятые...

Послѣ этихъ общихъ разсужденій столярова жена накинулась на Анисью, точно хотѣла выместить на ней свою бабью жалость.

— Ну, чего ты воешь-то?!. Никого не удивишь, матушка... Нашими-то бабьими слезами рѣки бы прошли, кабы воля имъ.

— Охъ, тошнехонько... — стенала Анисья. — Махонькій ребеночекъ-то... Эхъ бы съ полгодика его поняньчить, а то вонъ какъ онъ плачетъ. Дворникъ-то его взялъ, какъ полѣно какое, и суетъ городовому... а онъ все плачетъ... Уморятъ они его тамъ, при полиціи. Вѣдь его и ублажить надо и покормить, а тамъ одни солдаты.

— Въ воспитательный отправятъ, а тамъ свои кормилки, глупая. На вотъ вамъ четвертной билетъ, получай... Откуда бабѣ-то, да еще дѣтной, четвертные билеты добывать? Тоже удумали, охаверники. Черти проклятые!.. И тутъ бабѣ мѣста нѣтъ... А вотъ теперь получай.

Анисья всю ночь не спала. Она лежала съ открытыми глазами и все слушала. Ей казалось, что кто-то шевелится въ пустой корзинкѣ, и ей дѣлалось страшно до того, что зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ. Вѣдь *онъ* здѣсь, *онъ* ищетъ мать... Она видѣла эти маленькія ручонки, которыя тянулись къ ней съ нѣмой мольбой о защитѣ... Боже мой, какъ страшно! Какой грѣхъ страшный... Раза два Анисья слышала даже дѣтскій плачъ, и она въ ужасѣ садилась на своей лавкѣ и смотрѣла въ темноту. Да, *онъ* былъ тутъ, *онъ* звалъ ее, *онъ* наполнялъ всю комнату... Анисья пробовала молиться и не могла. Молитва поте-

ряла силу. И слезъ не было. Потомъ, выбившись изъ силъ, Анисья разбудила столярову жену и прошептала, точно кто могъ ее услышать:

— Голубушка, страшно... смертынька моя пришла... Вѣдь *онъ* здѣсь... я видѣла... Охъ, страшно!..

Спросонья столярова жена едва поняла, въ чемъ дѣло.

— Перестань, Анисьюшка. Сотвори молитву и ложись спать. Господь милостивъ. Ну, ложись.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я сейчасъ пойду...

— Куда ты пойдешь ночью-то?

— А туда... въ участокъ... Вѣдь онъ въ участкѣ... Я приду и объявлюсь: мое дите, я его подкинула. Хоть на части меня рѣжьте...

— Что ты, что ты, глупая?!. — испугалась столярова жена. — Вмѣстѣ дѣло-то было, а ты и въ самомъ дѣлѣ ляпнешь... Вѣдь и меня будутъ судить за это самое, а чѣмъ я виновата—только и всего, что тебя пожалѣла. Нѣтъ, милая, я тебя не пущу...

— А ежели мнѣ тошнехонько?.. Жизни своей постылой не рада...

— Ничего, пройдетъ. На молодомъ тѣлѣ и не это изнашивается... Ложись, голубка, утро вечера мудренѣе.

Анисья металась и плакала, какъ сумасшедшая. Столярова жена уложила ее съ собой рядомъ, чтобы грѣшнымъ дѣломъ и въ самомъ дѣлѣ не удрала въ участокъ. Потомъ-то и не расхлебаешь бѣды. Вотъ навязалась-то чужая бѣда хуже своей. Столяровой женѣ такъ и не удалось проспать всю ночь. Все лежала и караулила жиличку. Къ утру она разсердилась и принялась бранить Анисью.

— Чтой-то, въ самъ-то дѣлѣ, Анисья, чудишь ты... Вѣдь этакъ я гляжу-гляжу, да и въ шею. Вотъ тебѣ Богъ, а вотъ порогъ... Самый короткій разговоръ будетъ. Для тебя же старалась, а ты что дѣлаешь со мной, безсовѣстная?

— Голубушка, не буду больше... Ничего я не буду дѣлать.

— То-то, смотри у меня, а то я по-другому съ тобой буду разговаривать, ежели на то пошло. Ишь, какая прынцесса нашлась...

Утромъ Анисья все-таки какъ-то увернулась, и столярова жена перепугалась до смерти. А вдругъ пойдетъ глупая въ участокъ да все и разскажетъ... Анисья пошла прямо къ тому дому, гдѣ былъ оставленъ ребенокъ. Дворникъ подметалъ выпавшій ночью снѣгъ. Анисья его узнала по черной бородѣ. Вотъ бы спросить про ребенка, куда они его отвезли. На углу стоялъ городовой, но это былъ другой, а не вчерашній—у того были рыжіе усы. Анисья инстинктивно повернула за уголъ, куда ночью уѣхалъ извозчикъ,—участокъ долженъ былъ быть въ этомъ направленіи. По дорогѣ она спросила дворника, и тотъ молча махнулъ рукой налѣво. Но до участка она не дошла. Ее охватилъ такой страхъ, что подкашивались ноги. Анисья повернула машинально къ Александровскому мосту, прошла набережную и по Мойкѣ вышла къ воспитательному дому. У желѣзной рѣшетки стояли все тѣ же бабы, у воротъ тотъ же сторожъ—все, какъ было вчера. У Анисьи усиленно билось сердце. Господи, вѣдь *онъ* сейчасъ здѣсь, вонъ въ томъ большомъ каменномъ зданіи. Стоитъ только перейти дворъ, подняться по лѣстницѣ и сказать начальству: „это я вчера подкинула ребенка на Выборгской... судите меня“... Анисью такъ и тянуло къ воротамъ. Голова начала кружиться. Вѣдь всего сдѣлать нѣсколько шаговъ...

— Ты это что, матушка, придумала? — зашипѣлъ чей-то голосъ надъ самымъ ухомъ Анисьи, и чья-то рука схватила ее.

Это была столярова жена, блѣдная, запыхавшаяся отъ быстрой ходьбы и вся злая.

— Ты это что со мной хотѣла сдѣлать, змѣя?!

Та же рука повернула Анисью, толкнула нѣсколько разъ въ спину и потащила назадъ. Анисья молча повиновалась, не имѣя силъ сопротивляться.

Всю дорогу столярова жена ругалась и нѣсколько разъ пребольно ударила Анисью въ бокъ.

— Дурища ты этакая... а? Вѣдь засудили бы и тебя и меня... Ну, тебя за дѣло, а меня-то за что? а? За то, что тебя пожалѣла... Убить тебя мало. Правду старинные люди сказывали, что не поя, не кормя, ворога не наживешь. Отплатила ты мнѣ за мою хлѣбъ-соль! Сейчасъ бы насъ съ тобой въ участокъ и сейчасъ судъ:—„Твой ребенокъ?“ — „Точно такъ, мой“. — „А ты подкидывала?“ — „Нѣтъ, это столярова жена“... И сейчасъ намъ раздѣлка: въ Сибирь. Вотъ что ты устраивала, змѣя...

Дома столярова жена первымъ дѣломъ разревѣлась. Очень ужъ она напугалась. Анисья сидѣла на лавкѣ, какъ убитая, и молчала.

— Ты Бога-то побойся, оморошная! — кричала столярова жена. — Вѣдь это что же такое, а?.. Голову ты съ меня снимаешь...

— Я больше не пойду никуда...

— Не пойдешь? Ну, смотри... А побожись.

Анисья побожилась, и столярова жена нѣсколько успокоилась. Все-таки у каждаго есть своя совѣсть.

Но время терять не приходилось. Нужно было устраивать Анисью сейчасъ же, чтобы она не дичила. А будетъ на мѣстѣ, тогда некогда будетъ дурить. Заставивъ Анисью еще разъ побожиться, что она никуда не пойдетъ изъ дому, столярова жена полетѣла прямо на ферму.

— Вотъ тебѣ, семая ты рота! — ругала она дорогой уже самоё себя. — Такъ тебѣ и надо... Не суйся, гдѣ не спрашиваютъ. Туда же, жалѣть вздумала. Бѣдному-то человѣку да еще жалость на себя накинуть. Мало тебя мужъ бьетъ, старую кочергу... Вотъ теперь и бѣгай и хлопочи, полѣно ты осиновое! Не къ лицу бѣдному человѣку жалость-то... Вонъ богатые, небось, никто не пожалѣетъ, хоть всѣ пропадомъ пропади. Ну и Анисьюшка, задала ты мнѣ жару и пару...

На фермѣ столярова жена вызвала кормилицу Агаѳью и завела съ ней совершенно посторонній разговоръ. „Охъ, плохо живется, столяръ пьянствуетъ, а тутъ еще Анисья навязалась“. О подкидываніи ребенка она, конечно, ничего не сказала, а объяснила только то, что Анисья отдала его на воспитаніе какой-то богатой бездѣтной купчихѣ.

— Слава Богу, ребенка устроила, — повторяла она. — А вотъ съ ней-то я въ конецъ замаялась... Ревмя реветъ и въ томъ родѣ, какъ послѣдняго ума рѣшилась.

Агаѳья слушала и только качала головой. Хоть и чужое горе, а знакомое. На разговоръ вышла Ида и начала спрашивать объ Анисьѣ.

— На мѣсто она хочетъ поступать?

— На мѣсто, милая... Вотъ за этимъ и притрепалась я сюда... Можетъ, не возьмутъ ли ваши господа. Тоже теперь свой ребенокъ, такъ одной горничной не управиться, пожалуй. Баринъ-то у васъ добрѣющій...

Прислуга ничего не знала относительно господскихъ намѣреній, но, когда столярова жена уходила ни съ чѣмъ, ее у воротъ догнала Ида и сказала:

— Ты скажи Анисьѣ, чтобы она приходила. У меня другое мѣсто есть... Я ей и раньше говорила.

Столяровой женѣ показалось, что Ида была даже рада уйти съ фермы и хлопотала не столько объ Анисьѣ, сколько о самой себѣ. Что же, въ добрый часъ.

XVI.

Появленіе Анисьи на фермѣ было встрѣчено съ дѣланымъ равнодушіемъ, какъ будто всѣ этого ожидали. Барыни дѣлали такой видъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось и Анисья никуда не уходила. Прислуга, напротивъ, взяла теперь сторону Анисьи, когда она пришла такая жалкая, едва одѣтая и худая, какъ скелетъ. Изморилась дѣвка въ какихъ-нибудь два мѣсяца. Но барыни и прислуга сходились на одномъ пунктѣ: не было *его*, того ребенка, который волновалъ всю ферму въ теченіе цѣлаго года. Все это не мѣшало Анисьѣ переживать самое угнетенное состояніе. Она чувствовала себя виноватой предъ всѣми и лѣзла изъ кожи, чтобы угодить всѣмъ. Вѣдь это всѣ молчатъ до поры до времени, а при первомъ удобномъ случаѣ и выкорятъ. Почему-то Анисья больше всѣхъ боялась барина, особенно когда онъ смотрѣлъ на нее. Вотъ-вотъ что-то спроситъ и зарѣжетъ однимъ словомъ.

Впрочемъ, Елена Александровна разъ зазвала Анисью къ себѣ въ комнату и завела серьезный разговоръ.

— Анисья, теперь, слава Богу, все кончилось. Ты знаешь сама, что хвалить тебя мы не можемъ за *это*, но ты еще молода и можешь исправиться... т.-е. не будешь дѣлать новыхъ глупостей.

— Барыня, да разрази меня Богъ вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ...

— Хорошо, хорошо... Вы всѣ это повторяете, а потомъ оказывается... да... Понимаешь, мнѣ объ этомъ и говорить-то противно. Петербургская прислуга, вообще, ужасно испорчена... И меня всегда удивляетъ одно: что вамъ нужно — сыты, одѣты, работа не тяжелая, получаете большое жалованье, никто васъ не обижаетъ, если ведете себя хорошо. Я тебѣ должна сказать впередъ, что въ слѣдующій разъ я не потерплю...

Анисья понимала одно, что старая барыня чего-то не договариваетъ, да и прислуга тоже, и что безъ нея что-то такое случилось. Потомъ Анисьѣ бросилось въ глаза, что какъ-то особенно жестоко запьянствовалъ садовникъ Егоръ Спиридонычъ, какъ только она вернулась „домой“, и что всѣ молчали объ этомъ. Вообще, что-то такое крылось. Прислуга между собой шушукалась, но сейчасъ же смолкала, какъ Анисья входила въ комнату. Всѣ точно чего-то конфузились. Тайну всей фермы выдала кормилица Агаѳья, чувствовавшая къ Анисьѣ особенное, почти родственное расположеніе, — одно горе мыкали.

— Охъ, Анисьюшка, что безъ тебя-то было — и не выговорить.

— Егоръ Спиридонычъ что-нибудь пабѣдокурилъ?

— Онъ самый... Видно, не смѣйся чужой бѣдѣ — своя на грядѣ. Какъ онъ тебя избывалъ да измывался надъ тобой, а самъ-то и попалъ... да. Было тутъ грѣха безъ тебя... Эта самая чухонская таратайка Ида... Она, нечего говорить, добрая и очестливая, а тоже вполнѣ оказала свою женскую слабость. Тяжелая отъ насъ ушла... Баринъ-то вотъ какъ кричалъ и ногами топалъ на Егора Спиридоныча: „женись, гритъ, ежели не хочешь оказать себя полнымъ подлецомъ“. Ну, а Егоръ-то Спиридонычъ свое толмитъ: „Какъ же, гритъ, я женюсь, баринъ, на этакой чухонской таратайкѣ? Низко это мнѣ, потому какъ я есть правильный крестьянинъ... Свои деревенскіе засмѣютъ, да и въ городѣ тоже не житье, а главное, гритъ, вѣра у ней другая“. Ну, грѣшили достаточно, пока Ида не ушла... А Егоръ Спиридонычъ сейчасъ и запировалъ.

Раньше-то, видишь, все бабъ судили: та — такая-сякая, эта — такая-этакая, а тутъ, какъ дѣло дошло до мужика — никто и не знаетъ, что̀ говорить... Егоръ-то Спиридонычъ прямо на законъ напираетъ... Нѣтъ, гритъ, такого закона, чтобы мужчину, напримѣръ, принуждать къ закону. Да и Ида тоже таковская: уйду, и вся тутъ.

„Баринъ“, дѣйствительно, терялъ голову. Такой ужъ проклятый годъ выдался. Всѣ точно сговорились отравлять жизнь капля по каплѣ. Одна исторія Анисьи чего стоила, потомъ кормилка Агаѳья, потомъ романъ Егора Спиридоныча. Въ хозяйственный строй фермы рикошетомъ врывались такія явленія, которыхъ не могла придумать никакая статистика и никакая самая мудрая экономія. Все дѣло въ томъ, что приходилось дѣло имѣть не съ машинами, а съ живыми людьми, имѣвшими свои собственные недостатки, чувства и пороки. Оставалось одно — разогнать настоящій штатъ прислуги въ полномъ его составѣ и замѣнить другимъ, который окажется такимъ же. Изъ всѣхъ этихъ исторій для Сергѣя Иваныча получился одинъ осязательный результатъ — не разговаривать съ дамами, ибо изъ этого рѣшительно ничего путнаго не выходило. По личному опыту Сергѣй Иванычъ приходилъ къ тому печальному заключенію, что съ бабой, съ простой деревенской бабой, все-таки можно было имѣть дѣло, особенно если повести его „по душамъ“, а съ дамой въ крайнемъ случаѣ можно было быть только вѣжливымъ. Дама была неисправима, что̀ онъ видѣлъ на примѣрѣ матери, сестры и жены. Дама могла быть справедливой только порывомъ, спорадически, а все остальное заросло цѣлымъ лѣсомъ своихъ собственныхъ интеллигентныхъ предразсудковъ. Послѣдней каплей въ этой чашѣ испытаній было отношеніе дамъ къ вернувшейся Анисьѣ. Ни одна не спросила даже, гдѣ ея ребенокъ, какъ она его устроила и что̀ думаетъ дѣлать. Самое главное для нихъ заключалось въ томъ, что этого ребенка нѣтъ на фермѣ, точно вынули какую-то занозу. И тутъ же рядомъ самое горячее проявленіе любви къ маленькому Вадиму, изъ котораго систематически дѣлали домашняго божка. Да и самъ Сергѣй Иванычъ входилъ въ эту роль, и всѣ интересы дня сосредоточивались въ какомъ-нибудь стерилизованномъ молокѣ.

Инцидентъ съ Егоромъ Спиридонычемъ былъ въ пользу Анисьи въ общественномъ мнѣніи всей фермы, но Сергѣй Иванычъ не желалъ имъ пользоваться. Дамы ожидали какой-нибудь выходки съ его стороны, и каждая впередъ подготовляла свой отпоръ на случай спора, а онъ молчалъ, дѣлая равнодушное лицо, когда разговоръ случайно касался этой больной темы. Егору Спиридонычу онъ сказалъ откровенно все, что̀ думалъ; кричалъ на него и топалъ ногами, а дома упорно отмалчивался. Эта выдержанная политика начинала злить дамъ, и онѣ старались нѣсколько разъ вызвать Сергѣя Иваныча на споръ, но онъ только улыбался и уходилъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Вы насъ не удостаиваете своимъ вниманіемъ? — сердилась Анна Петровна.

— При чемъ тутъ удостаивать или не удостаивать? Все дѣло въ томъ, что я остаюсь при своемъ мнѣніи, а вы при своемъ. Безполезно терять напрасно время...

— Какое величіе... — язвила Ирочка.

— И непогрѣшимость римскаго папы,— прибавляла Анна Петровна. — Вообще, мнѣ это нравится, очень нравится... да.

— Господа, кажется, я никому ничего обиднаго не сказалъ?..

— Все твое поведеніе, Сережа, обидно, — объяснила за всѣхъ Елена Александровна. — Ты насъ точно и за людей не считаешь...

— Вѣдь я, мама, не умѣю спорить съ вами, какъ тебѣ извѣстно. Горячусь, выхожу изъ себя и говорю лишнее. Зачѣмъ же вызывать меня на ратоборство?

— Но вѣдь ты считаешь себя правымъ?

— О, да, совершенно правымъ...

Анисью баринъ, дѣйствительно, наблюдалъ, точно старался что-то угадать, что̀ его мучило. Разъ раннимъ зимнимъ утромъ, когда Анисья принесла стаканъ чаю къ нему въ кабинетъ, Сергѣй Иванычъ неожиданно спросилъ:

— Анисья, а гдѣ твой ребенокъ?

— Мой? — испугалась Анисья. — А на воспитаніе я его отдала, баринъ...

— Знаю, что отдала, но куда?

— А къ купчихѣ одной... Бездѣтная она, богатая, ну, ей и любопытно.

Сергѣй Иванычъ сдѣлалъ сердитое движеніе и проговорилъ:

— Зачѣмъ ты говоришь неправду, Анисья? И я тебѣ скажу, почему это неправда. Если бы ребенокъ былъ у купчихи, такъ ты уже десять разъ сбѣгала бы провѣдать его. Да?

Анисья переминалась съ ноги на ногу.

— Я даже скажу, что ты его подбросила... да, да.

— Ну, ужъ это вы напрасно, баринъ... За кого вы меня считаете: вонъ Буянка и та своихъ щенятъ не броситъ. Право, у купчихи...

— Хорошо, хорошо. Я совсѣмъ не хочу, чтобы ты лгала.

Тѣмъ разговоръ и кончился. Сергѣй Иванычъ за послѣднее время основательно проникся этой бабьей психологіей и былъ убѣжденъ, что Анисья именно подбросила ребенка. Была больна, платить было нечѣмъ, просить денегъ совѣстно — все такъ просто и понятно. Именно, самыя жестокія вещи устраиваются замѣчательно просто. И такъ же просто относятся къ этимъ ужаснымъ вещамъ всѣ люди, которыхъ онѣ не касаются особенно близко. Ну, что̀ же, напримѣръ, умеръ человѣкъ, родился человѣкъ на вѣрную смерть, послала его на эту смерть та материнская рука, которая должна бы беречь и лелѣять — все это въ порядкѣ вещей, потому что такъ было до насъ и такъ будетъ послѣ насъ.

Сергѣй Иванычъ, вообще, чувствовалъ себя хуже и хуже съ каждымъ днемъ, потому что рожденіе собственнаго ребенка раскрывало ему такія стороны жизни, которыхъ онъ раньше какъ-то не замѣчалъ, какъ не замѣчаютъ другіе, не обращалъ на нихъ никакого вниманія и даже не подозрѣвалъ объ ихъ существованіи. Все-таки долженъ былъ явиться личный мотивъ, чтобы пробить эту кору интеллигентнаго эгоизма.

— Что̀ же, я средній человѣкъ, безличность... — резонировалъ Сергѣй Иванычъ. — А средній человѣкъ всегда растворялся въ настоящемъ, пока его что-нибудь не стукнетъ прямо по головѣ. И мучусь-то я безсильной мукой, потому что знаю впередъ, что изъ этихъ мукъ рѣшительно ничего не выйдетъ.

Ясно было только одно, именно, что любить одного своего ребенка и только его — нельзя. Это обыкновенно ставится въ заслугу. Помилуйте, отецъ такъ любитъ своихъ дѣтей, мать такъ любитъ своихъ дѣтей — что̀ же изъ этого? Представьте себѣ только такую картину: вы садитесь за свой обычный завтракъ и ваши дѣти садятся съ вами — у васъ все есть, даже есть больше того, что̀ вамъ нужно. Но вотъ въ этотъ трогательный моментъ наизаконнѣйшаго семейнаго счастья входятъ трое голодныхъ дѣтей — въ данномъ случаѣ предположимъ, что это дѣти Анисьи, Агаѳьи и Иды. Неужели вамъ пойдетъ кусокъ въ горло и вы не отдадите своей порціи этимъ несчастнымъ и не

отдѣлите имъ отъ порціи своего раскормленнаго баловня? Это всякій сдѣлаетъ, даже очень дурной человѣкъ, а если мы этого не дѣлаемъ, то только потому, что мы не видимъ этихъ дѣтей, а они мрутъ тысячами гдѣ-то въ прекрасномъ далекомъ.

XVII.

Послѣдняя мысль все настойчивѣе и настойчивѣе преслѣдовала Сергѣя Иваныча, превратившись въ своего рода idée fixe. Ему дѣлалось положительно стыдно и за окружавшую его обстановку, и за то, что онъ ѣлъ такъ хорошо каждый день, одѣвался тепло, имѣлъ мягкую постель и могъ кормить и содержать точно при такихъ же условіяхъ всѣхъ другихъ. Положимъ, это былъ очень скромный комфортъ безотносительно, а по сравненію съ вопіющей нуждой подваловъ и чердаковъ, предмѣстій и фабричныхъ районовъ являлся уже непростительной роскошью. А главное, какъ культурный человѣкъ отгородилъ себя рѣшительно отъ всего, что̀ напоминало бы ему эту царящую бѣдность. Приняты рѣшительно всѣ мѣры, чтобы глаза цивилизованнаго человѣка не видѣли этой вопіющей бѣдности, а уши не слышали стоновъ и воплей. Это совершенно особенныхъ два міра, раздѣленныхъ бездонной пропастью. Самымъ рельефнымъ примѣромъ этого отграниченія всѣми путями и средствами были тѣ „хорошіе господа“, къ которымъ поступила Анисья кормилицей и которые помѣшались на дезинфекціи и мѣрахъ предосторожности отъ малѣйшей возможности заразиться. Вся кухня покатывалась отъ смѣха, когда Анисья въ сотый разъ принималась разсказывать, какъ „хорошіе господа жарили деньги въ печи“.

— А между тѣмъ это совсѣмъ не смѣшно,—обижалась Анна Петровна, дѣлая Анисьѣ выговоръ. — Такъ и нужно дѣлать... Вотъ мы относимся ко всѣмъ этимъ мѣрамъ предосторожности съ удивительнымъ легкомысліемъ, а это нехорошо. Долго ли занести въ домъ какую-нибудь заразу...

— Что̀ вы, барыня, Господь милостивъ. Ужъ, кажется, все дѣлаете для маленькаго барина.

„Маленькій баринъ“—чрезвычайно мѣткое опредѣленіе, которое постоянно рѣзало ухо Сергѣю Иванычу. Да, большой баринъ и маленькій баринъ, какъ тому и слѣдуетъ быть.

У Анны Петровны послѣдовательно развивался самый болѣзненный страхъ къ эпидеміямъ. Она припоминала всѣ случаи, когда дѣти погибали отъ эпидемій въ семьяхъ близко знакомыхъ, просто у знакомыхъ и наконецъ вообще у людей, о которыхъ разсказывали, до кормилицы Агаѳьи включительно. У ея двоюроднаго брата умерло отъ дифтерита въ двѣ недѣли четверо дѣтей, у товарища мужа трое, у инспектора института двое, а по одному и не перечтешь. Ее охватывалъ ужасъ отъ сознанія собственной безпомощности предъ этимъ стихійнымъ зломъ. А что̀ пишутъ въ газетахъ—кажется, не было въ Россіи такого уголка, гдѣ не свирѣпствовали бы изъ года въ годъ самыя ужасныя дѣтскія эпидеміи, какъ дифтеритъ, крупъ, скарлатина, дизентерія, а въ послѣднее время инфлюэнца. Достаточно сказать, что одинъ дифтеритъ уноситъ въ Россіи ежегодно до ста тысячъ дѣтей. Вѣдь ужасно выговорить такую цифру... Цѣлая армія маленькихъ жертвъ.

— Просто надо бѣжать изъ Россіи,—въ отчаяніи повторяла Анна Петровна, одолѣвая мужа своими мрачными мыслями.—Нѣтъ такого уголка, гдѣ не было бы своей эпидеміи. Ужъ, кажется, на благословенномъ югѣ должно было бы быть безопаснѣе, а тамъ еще хуже, чѣмъ у насъ на сѣверѣ.

— Кажется, въ Финляндіи эпидемій нѣтъ,—говорилъ Сергѣй Иванычъ, косвенно защищая дорогое отечество.

— Что же Финляндія,—Финляндія для насъ тоже заграница, а я говорю о Россіи. Это ужасно, ужасно... Просто нужно бѣжать куда-нибудь въ Швейцарію...

— Послушай, Аня, по пословицѣ у страха глаза велики... Вѣдь населеніе Россіи не только не уменьшается, а наоборотъ, увеличивается, значитъ, бѣда еще не такъ велика. Доказательство: мы сами... Вѣдь выросли же мы въ Россіи, а не за границей.

— Это все слова, слова и слова.

— Я тебѣ вотъ что скажу, Аня... Какъ-то лѣтомъ мнѣ пришлось быть за Невской заставой, гдѣ начинается фабричный районъ. Возвращался я вечеромъ на конкѣ и сидѣлъ наверху. Солнце закатывается, въ воздухѣ страшная духота, кругомъ лачуги, кабаки, трактиры, фабрики и ни одного деревца. Понимаешь: ни скверика, ни аллейки, ни рощицы. Несчастная дѣтвора вся на улицѣ, въ пыли и грязи... Меня просто взялъ ужасъ вотъ за этихъ фабричныхъ дѣтей. Но вѣдь они живы и вырастутъ большими, хотя, конечно, и не всѣ. Въ этомъ фабричномъ районѣ считается населенія около ста тысячъ. Слѣдовательно дѣтей надо считать до десяти тысячъ. Знаешь, какой отсюда выводъ?

— Самый простой: фабричное населеніе вездѣ вымираетъ съ ужасающей быстротой и пополняется новыми рабочими изъ деревень.

— Нѣтъ, есть еще и другой выводъ: вотъ намъ съ тобой просто стыдно бояться за своего ребенка, когда приняты всѣ мѣры для его существованія и всѣ средства. Ты только подумай, при какихъ условіяхъ вырастаютъ дѣти въ деревнѣ, и все-таки вырастаютъ, а мы, кажется, дѣлаемъ рѣшительно все для своего ребенка.

— Не говори, Сережа, пожалуйста, не говори этого... Я все боюсь, что мы что-нибудь пропустимъ, не досмотримъ, просто не сумѣемъ сдѣлать.

— Ну, такой страхъ уже является своего рода болѣзнью.

— И вполнѣ понятно. Я, по крайней мѣрѣ, постоянно больна своимъ ребенкомъ.

Успокаивая жену, Сергѣй Иванычъ самъ тоже волновался вопросомъ объ эпидеміяхъ. Онъ вычитывалъ все, что печаталось про нихъ въ газетныхъ корреспонденціяхъ и даже въ спеціально-медицинскихъ изданіяхъ. Его прежде всего обезкураживала безсмысленность этого стихійнаго зла. Кричатъ о войнахъ, а тутъ творится еще болѣе жестокая война изъ года въ годъ, изо дня въ день, и уноситъ въ сотни разъ больше жертвъ, чѣмъ всѣ войны, взятыя вмѣстѣ. Если даже взять одну хозяйственную сторону, чего стоитъ каждый ребенокъ семьѣ—получатся милліарды брошенныхъ на вѣтеръ рублей. Эта беззаконность стихійнаго зла врѣзывалась какимъ-то клиномъ во всю остальную законность жизни. Вѣдь все обусловлено, все взаимно связано, все имѣетъ свое разумное объясненіе, хотя подчасъ и несправедливо. „Маленькій баринъ“ отнялъ молоко у ребенка Агаѳьи, и тотъ умеръ якобы отъ горлышка; Анисья не имѣла возможности сама воспитать своего ребенка, и онъ погибнетъ гдѣ-нибудь въ воспитательномъ домѣ; вѣроятно, та же участь ожидаетъ и будущаго ребенка Иды—жестокая, но законность. Если взять жизнь фермы, то вѣдь и здѣсь сложился цѣлый кругъ такихъ отношеній, изъ которыхъ невозможно вырваться, несмотря на самое горячее желаніе это сдѣлать. Напримѣръ, какъ онъ, Сергѣй Иванычъ, мучился и мучится положеніемъ Анисьи, Агаѳьи и Иды и все-таки ничего для нихъ не сдѣлаетъ. Его вмѣшательство

было даже вреднымъ, какъ въ примѣрѣ съ Анисьей. Приходилось эксплоатировать, какъ эксплоатировали всѣ остальные. Выхода не было.

Обвиняя про себя своихъ дамъ и даму вообще, Сергѣй Иванычъ не могъ не видѣть, что онѣ только санкціонируютъ фактъ жизни, а шаблонъ для этой жизни дается вкусами, привычками, пороками и достоинствами мужчины. Во всякомъ случаѣ ихъ роль пассивная, и слѣдовательно вполнѣ обвинять ихъ несправедливо.

Сергѣй Иванычъ незамѣтно для самого себя переходилъ въ роль наблюдателя какъ надъ другими, такъ и надъ самимъ собой, точно дѣлалъ какой-то очень сложный и отвѣтственный опытъ и научную провѣрку. Въ жизни всѣ явленія связаны. Кажется, что могло быть общаго между фермой, спичечной фабрикой и трактиромъ „Голубокъ“, а между тѣмъ получалась вполнѣ опредѣленная комбинація и даже тѣсная связь. „Шестерка“ изъ „Голубка“ явился какимъ-то разрушающимъ элементомъ, какъ всякій отбросъ, Егоръ Спиридонычъ заливалъ свое горе въ „Голубкѣ“, сторожъ со спичечной фабрики являлся въ роли безпощаднаго общественнаго мнѣнія, на которое всѣ ссылались, Иванъ Иванычъ приходилъ повѣрять свои любовныя муки Аннѣ Петровнѣ, Елена Александровна имѣла виды на Ивана Иваныча, Адя приходила няньчить маленькаго Вадима, корректный нѣмецъ Шикъ непогрѣшимо возвышался надъ всѣми, и т. д.

Иванъ Иванычъ, очень милый и гуманный человѣкъ, разъ откровенно проговорился Сергѣю Иванычу, когда они сидѣли одни въ кабинетѣ.

— Скажите, пожалуйста, Сергѣй Иванычъ, ну, почему я не взялъ на воспитаніе ребенка вашей Анисьи? Вѣдь, кажется, чего бы проще: квартира у меня есть, мнѣ нужна прислуга—самое подходящее было взять Анисью съ ребенкомъ именно мнѣ. И какъ это мнѣ не пришло въ голову, да и другимъ тоже...

— Да, дѣйствительно...—спохватился Сергѣй Иванычъ. — Никто рѣшительно этого не подумалъ.

— Вѣдь не съѣлъ бы меня одинъ ребенокъ, а потомъ онъ бы подросъ, я его отдалъ бы въ школу... да. Аделаида Егоровна такъ любитъ дѣтей и все вспоминаетъ дѣвочку Анисьи...

Сергѣй Иванычъ понялъ, что все дѣло въ концѣ концовъ сводилось на Адю, — взятый на воспитаніе ребенокъ создалъ бы нѣкоторую сближающую обстановку, общія заботы, общія мысли. А въ сущности этотъ Иванъ Иванычъ такая же мямля и размазня, какъ и онъ, Сергѣй Иванычъ. Въ нихъ было много общаго, какъ въ истинно-русскихъ людяхъ, добрыхъ, порывистыхъ, безхарактерныхъ и покладистыхъ.

— Да, дѣйствительно...—думалъ вслухъ Сергѣй Иванычъ.—А какъ глупо это все вышло, Иванъ Иванычъ!.. Не умѣемъ мы жить... Говоря откровенно, просто бить насъ надо.

Иванъ Иванычъ засмѣялся. Онъ такъ хорошо умѣлъ смѣяться, что больше всего въ немъ нравилось Ирочкѣ.

XVIII.

Шекспиръ гдѣ-то называетъ привычку чудовищемъ, пожирающимъ лучшія наши чувства, и Сергѣй Иванычъ началъ испытывать это на себѣ. Да, привычка—ужасная вещь, и то, что возмущало и мучило Сергѣя Иваныча еще полгода назадъ, теперь быстро заносилось соромъ жизни, какъ заноситъ рѣка иломъ самыя глубокія ямы и колдобины. Нельзя сказать, что Сергѣй Ива-

ычъ помирился съ существующимъ порядкомъ, но прежней остроты чувства уже не было. Фактъ жизни бралъ перевѣсъ надъ теоретическими построеніями. Главнымъ дѣйствующимъ началомъ, заслонявшимъ все остальное, былъ свой собственный ребенокъ. Да, онъ росъ и постепенно наполнялъ собой весь домъ. У него уже были свои желанія и нежеланія, просыпалось сознаніе. Онъ начиналъ узнавать окружающихъ и семи мѣсяцевъ сказалъ свое первое дѣтское слово: мама. Это былъ настоящій праздникъ для всей семьи. Вообще ребенокъ являлся какимъ-то регуляторомъ всей жизни, и все въ домѣ прилаживалось къ нему. Открывалась совершенно новая жизнь, полная такихъ хорошихъ радостей, предъ которыми отступало все темное, мучительное и несправедливое.

Въ постепенномъ своемъ перерожденіи Сергѣй Иванычъ дошелъ до того, что могъ радоваться, наблюдая, какъ Анисья постепенно привязывается къ ребенку. Она помѣщала въ этомъ ребенкѣ неизжитый материнскій инстинктъ.

— Знаешь, Аня, изъ этой Анисьи выйдетъ очень хорошая няня,—говорилъ Сергѣй Иванычъ женѣ.—У нея отличный ровный характеръ, а потомъ она такъ любитъ нашего Вадишку...

— Да, ничего...—сухо отвѣчала Анна Петровна, ревновавшая всѣхъ.

— Нѣтъ, серьезно... Эти дѣвушки, которыя пережили катастрофу, дѣлаются отличными нянями.

Да, хорошо, совсѣмъ хорошо. А тутъ еще близилась весна, съ которой неразрывно связывались такія здоровыя заботы. Это уже былъ счастливый трудъ, полный новаго смысла и значенія. Приходилось работать не для одного настоящаго, а и для будущаго. Забота о подраставшемъ ребенкѣ заставляла думать о нѣкоторыхъ сбереженіяхъ и запасахъ, какіе дѣлаютъ даже кроты и мыши. Сергѣй Иванычъ съ ранняго утра уже былъ на хозяйствѣ и съ особеннымъ удовольствіемъ входилъ во всѣ его самыя скучныя мелочи. Вѣдь теперь все было важно, и въ собственномъ смыслѣ мелочей не существовало. Егоръ Спиридонычъ попрежнему былъ правой рукой и опять „наладился“, стряхнувъ съ себя жестокимъ запоемъ всякую дурь. Онъ особенно старался и поднимался раньше барина.

— Пчелка-то какъ у насъ гудитъ, Сергѣй Иванычъ... Учуяла весну Божья тваринка, — любовно говорилъ онъ, встряхивая волосами. — Она, эта самая пчела, вотъ какъ это все чувствуетъ. Ежели чуть что—лучше къ ней и не подходи...

— Пчела требуетъ только ухода, и больше ничего. Остальное все вздоръ...

— Нѣтъ, ужъ это вы напрасно, баринъ, потому какъ ежели что въ дому неладно, и пчелка неладно...

— Перестаньте болтать глупости.

Снѣгъ быстро таялъ. Крыши за ночь обрастали ледяными сталактитами. Дорога почернѣла, и кой-гдѣ показались лужи, покрывавшіяся по ночамъ тонкимъ льдомъ, ломавшимся какъ стекло. Особенно хорошо теперь было въ оранжереѣ, гдѣ луковицы уже цвѣли съ февраля; гіацинты, тюльпаны и ландыши нынче были особенно великолѣпны, а розовыя азаліи превзошли самихъ себя. Сергѣй Иванычъ любилъ копаться въ оранжереѣ по цѣлымъ часамъ, потому что цвѣты были его слабостью, въ чемъ онъ даже упрекалъ себя, такъ какъ это была уже нѣкоторая роскошь, а не хозяйственная статья. Промышленнаго цвѣтоводства онъ не понималъ, потому что это не было серьезнымъ дѣломъ, а только удовлетворяло лишнюю прихоть богатыхъ людей.

Другое дѣло—имѣть оранжерейку для себя: что̀ поработалъ, то и получилъ. Разъ, когда онъ работалъ въ оранжереѣ вмѣстѣ съ садовникомъ, Егоръ Спиридонычъ замѣтилъ:

— А вѣдь неладно, баринъ...

— Что̀ неладно?

— Да такъ, примѣта есть... Вотъ вы смѣетесь надъ примѣтами, а онѣ вотъ какъ выходятъ. Какъ по-писаному...

— Что̀ такое случилось? Пожалуйста, говорите толкомъ...

— Да вотъ цвѣты, Сергѣй Иванычъ... Ужъ вы извините, а только неладно. Въ прошломъ году азаліи-то какія были: гдѣ-гдѣ цвѣточекъ завязался, а нынче такъ пукетами и прутъ. Тоже вотъ и тюльпаны, и нарциссы, и гіацинты... И оранжерея та же и руки тѣ же, а цвѣты другіе.

— Ну?

— По-нашему это не къ добру...

Сергѣй Иванычъ только засмѣялся.

— Меня удивляетъ одно, Егоръ Спиридонычъ: человѣкъ вы неглупый, а говорите прямо глупости. Это могутъ сказать Домна или Васильевна, а вамъ-то стыдно. Видали хорошія оранжереи? Чѣмъ лучше уходъ за растеніями, тѣмъ больше цвѣтовъ. Нѣмцы-садовники вонъ какіе цвѣты выгоняютъ... Тоже не къ добру?

— Нѣмецъ это совсѣмъ особь статья, Сергѣй Иванычъ. Нѣмцу наплевать, а у насъ свои примѣты...

— Рѣшительно ничего не понимаю!..

Садовникъ только пожалъ плечами и съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на ничего не понимающаго барина.

Это замѣчаніе хотя и разсмѣшило Сергѣя Иваныча, но въ послѣднее время „примѣты“ начали входить почти въ домашній обиходъ. Вся прислуга существовала по примѣтамъ, и отъ нея начали заражаться остальные. Въ самомъ дѣлѣ, въ жизни такъ много непонятнаго и таинственнаго, а съ другой стороны, вѣдь эти примѣты на чемъ-нибудь основаны, если имъ вѣритъ стомилліонная масса простого народа,

— Можетъ-быть, наука впослѣдствіи только подыщетъ раціональное объясненіе имъ,—говорила Елена Александровна, вѣрившая главнымъ образомъ снамъ.—Вѣдь простыя деревенскія старухи изобрѣли и практиковали массажъ цѣлую тысячу лѣтъ, прежде чѣмъ ученые люди додумались до него. А гипнотизмъ? Тѣ же старухи давнымъ-давно лѣчатъ отъ дурного глаза, заговариваютъ кровь, присушиваютъ и т. д. И относительно сновъ то же самое. Положительно, есть вѣщіе сны.

— Мама, я не спорю съ тобой,—говорилъ Сергѣй Иванычъ.—Хотя мое ухо просто не привыкло слышать подобныя вещи... Для меня лично существуетъ одна точная, положительная наука, а все остальное—только темная область темныхъ предчувствій. Мы такимъ образомъ можемъ договориться до столоверченія...

Извѣстно, что Сергѣй Иванычъ былъ скептикъ—это во-первыхъ, а во-вторыхъ, онъ былъ всегда страшно упрямъ и, въ-третьихъ, всегда спорилъ. Напримѣръ, сонъ, который видѣла Елена Александровна за нѣсколько дней до скоропостижной смерти своего мужа, — приходитъ человѣкъ въ бѣломъ и манитъ ее рукой. Она тогда же разсказала этотъ сонъ, и всѣ смѣялись, какъ вотъ сейчасъ смѣется Сережа. Нѣтъ, въ природѣ есть что-то такое... да. Даже Ирочка, и та допускаетъ совпаденіе нѣкоторыхъ сновъ съ дѣйствительностью.

Этотъ подъемъ суевѣрнаго чувства въ женщинахъ Сергѣй Иванычъ объяснялъ по-своему, именно страхомъ передъ неотвратимой бѣдой, грозившей изъ каждой щели. Да и было чего бояться. У буфетчика въ „Голубкѣ“ на Святкахъ умеръ ребенокъ отъ скарлатины, у сторожа на спичечной фабрикѣ двое дѣтей умерли отъ дифтерита, и это въ двухъ шагахъ отъ фермы. А тамъ дизентерія, круппъ, инфлюэнца... Дамы на фермѣ трепетали за своего ребенка при каждомъ такомъ извѣстіи и чувствовали себя безпомощными.

Бѣда пришла совершенно нежданная. Не было ни вѣщихъ сновъ ни какихъ-нибудь другихъ зловѣщихъ признаковъ.

Ребенокъ былъ совершенно здоровъ и веселъ. Это было въ концѣ второй недѣли поста. Сергѣй Иванычъ собирался съѣздить на нѣсколько дней по дѣламъ въ Москву, но почему-то остался. Вечеромъ въ пятницу кормилица Агаѳья заявила Аннѣ Петровнѣ, что ребенокъ скучаетъ.

— Что̀ значитъ скучаетъ?

— Да такъ, барыня...

Анна Петровна пощупала головку и нашла только легкій жарокъ, что̀ съ дѣтьми этого возраста случается отъ всякихъ пустяковъ.

— Можетъ-быть, зубки рѣжутся... — сдѣлала она предположеніе, глядя вопросительно на кормилицу.

— А кто его знаетъ, барыня... Извѣстно, дѣти. Можетъ, сглазилъ кто-нибудь... Третьеводни Шикова жена все ахала: „Ахъ, какой чудный ребеночекъ! Ахъ, какой хорошенькій!“ Я не стерпѣла и сказала ей, что это неладно...

— Ну, это глупости, Агаѳья.

— Какъ вамъ будетъ угодно, барыня...

Сергѣй Иванычъ тоже отнесся довольно спокойно къ этому случаю. Мало ли дѣти хвораютъ—это въ порядкѣ вещей. Онъ пошелъ въ дѣтскую, посмотрѣлъ ребенка и успокоилъ жену. Самый обыкновенный маленькій жарокъ...

— Вообще мы слишкомъ много волнуемся, Аня,—замѣтилъ онъ наставительно.—Всѣ дѣти неизбѣжно проходятъ извѣстный рядъ дѣтскихъ недомоганій и болѣзней.

— Да я ничего, Сережа...

Ночью Сергѣя Иваныча разбудили. Маленькій баринъ лежалъ точно въ огнѣ.

— Что̀... что̀ такое? — бормоталъ спросонья Сергѣй Иванычъ. — Какъ это вдругъ могло случиться?..

Весь домъ всполошился, какъ одинъ человѣкъ. Анна Петровна, помертвѣвшая отъ страха, напрасно старалась удерживать слезы. Заложена была лошадь, и Сергѣй Иванычъ самъ поѣхалъ въ городъ за докторомъ.

XIX.

Когда Сергѣй Иванычъ ѣхалъ въ городъ за докторомъ, на него напалъ какой-то паническій страхъ. Господи, что̀ будетъ? И отчего, подумаешь, могло все случиться... Ребенокъ былъ веселенькій, игралъ, вообще имѣлъ совершенно веселый видъ, и вдругъ... „Ахъ, какой я глупый!—думалъ Сергѣй Иванычъ.— Совсѣмъ забылъ посмотрѣть у него горлышко“. Страхъ предъ дифтеритомъ постоянно его мучилъ, а тутъ изъ головы вонъ.

Дѣтскій докторъ хотя и былъ знакомый человѣкъ, но вышелъ съ недовольной миной, когда его разбудили. Перспектива ѣхать ночью за-городъ совсѣмъ ему не улыбалась.

— Можетъ-быть, пустяки какіе-нибудь?—говорилъ онъ, надѣвая въ передней мѣховое пальто.—Это иногда случается... Родители вообще склонны преувеличивать.

— Ахъ, нѣтъ, докторъ... лежитъ съ закрытыми глазками...

— Дѣти, вообще, слабѣютъ быстро отъ всякихъ пустяковъ, и это еще ничего не доказываетъ.

— Если бы вы были правы, докторъ!

Всю дорогу докторъ дулся и упорно молчалъ, несмотря на всѣ усилія Сергѣя Иваныча занять его. Дорога обоимъ показалась гораздо длиннѣе обыкновеннаго, лошадь шла тише обыкновеннаго, кучеръ Архипъ правилъ скверніе обыкновеннаго, даже ямъ по дорогѣ попадалось больше обыкновеннаго. Но вотъ наконецъ показался знакомый силуэтъ построекъ, мелькнулъ огонекъ... Что-то тамъ дѣлается? На Сергѣя Иваныча опять напалъ страхъ, и у него захолонуло на душѣ. Вотъ ужъ совсѣмъ близко. У воротъ стоялъ Егоръ Спиридонычъ и, видимо, поджидалъ. Значитъ, дѣло скверно... У Сергѣя Иваныча упало сердце, и онъ чувствовалъ, какъ дрожатъ колѣни отъ страха, когда онъ входилъ въ домъ.

Докторъ осмотрѣлъ ребенка и только покачалъ головой. На него всѣ смотрѣли со страхомъ, точно отъ него сейчасъ зависѣли и жизнь и смерть. Оставалась безучастной одна кормилица Агаѳья, не вѣрившая никакимъ докторамъ на свѣтѣ. Божья воля на все, а доктора понапрасну мучатъ.

— Ну что, докторъ?—спрашивалъ Сергѣй Иванычъ, чувствуя, какъ у него холодѣютъ руки и ноги.

— Онъ мнѣ не нравится...—коротко отвѣтилъ докторъ, набрасывая рецептъ.

— Что же у него такое?

— Пока еще не опредѣлилось... Всего вѣрнѣе, что инфлюэнца... да... Она сопровождается иногда очень серьезными послѣдствіями... да... послѣдствіями... Какъ мнѣ кажется, у ребенка не совсѣмъ въ порядкѣ правое легкое... подозрительный шумъ... шумъ и особенные хрипы...

— А горлышко?

— Горлышко въ порядкѣ..

У Сергѣя Иваныча отлегло на душѣ. Все, что угодно, только не горлышко... Даже если воспаленіе легкихъ, и съ этимъ можно помириться. Ребенокъ здоровенькій и вынесетъ.

Архипа уже верхомъ погнали въ городъ, въ аптеку, а пока были пущены въ ходъ компрессы. Ребенокъ тяжело дышалъ, продолжая лежать съ закрытыми глазами. Докторъ все щупалъ пульсъ и видимо волновался: ему не нравилось, какъ работаетъ сердце маленькаго барина. Анна Петровна не отходила отъ кровати больного и, кажется, ничего не видѣла и не слышала, охваченная однимъ чувствомъ. Отъ одной безсонной ночи она сразу вся осунулась и какъ-то пожелтѣла.

— Инфлюэнца?—спрашивала она доктора въ десятый разъ.

Наступало уже весеннее мутное утро. Свѣтъ скорѣе чувствовался, чѣмъ видѣлся, а солнце напоминало воспаленный глазъ, полуприкрытый облакомъ-вѣкомъ. На фермѣ царила зловѣщая тишина. Всего какая-нибудь одна ночь, и люди сдѣлались неузнаваемыми. Вездѣ въ комнатахъ царилъ страшный безпорядокъ, пахло лѣкарствами и слышались осторожные шаги и сдержанный шопотъ. Сергѣй Иванычъ провелъ цѣлую ночь въ дѣтской и не замѣчалъ, какъ бѣжитъ время. Докторъ соснулъ три часа въ его кабинетѣ. Теперь уже никто не спрашивалъ его о положеніи больного. Маленькій баринъ точно таялъ у всѣхъ на глазахъ.

— Да... Это удивительно! — бормоталъ докторъ, испытывая постыдное чувство безсилія.—Совершенно новая форма быстротечной пневмоніи на почвѣ инфлюэнцы.

Съ каждымъ часомъ оставалось все меньше и меньше надежды. Теперь уже Сергѣй Иванычъ могъ слышать тѣ предательскіе хрипы, которые сразу такъ не понравились доктору.

Анна Петровна находилась въ тупомъ отчаяніи, какъ оглушенная. Она больше не могла плакать. Что-то такое громадное, ужасное, подавляющее ворвалось въ домъ. Смерть уже незримо летала надъ головкой маленькаго хозяина, и не было силы, которая могла бы предупредить катастрофу. Маленькая жизнь, какъ блуждающій огонекъ, готова была потухнуть каждую минуту. Всѣхъ спокойнѣе и выдержаннѣе была Елена Александровна и она же оказалась всѣхъ выносливѣе. Когда силы ее оставляли, старушка уходила къ себѣ въ комнату и молилась. Ирочка заперлась у себя въ комнатѣ и со страха не могла заснуть всю ночь. Она еще не видала, какъ умираютъ люди, и совершенно потерялась. Въ голову Ирочки лѣзли самыя глупыя мысли, которыя уже совсѣмъ не соотвѣтствовали важности момента. Она раскаивалась про себя, что любила дразнить маленькаго Вадишку, что разсердилась на него еще наканунѣ болѣзни, когда онъ испортилъ ей новое платье, что, вообще, мало его любила и не умѣла любить. Да и для чего, вообще, жить, любить, мучиться и желать чего-нибудь, когда въ каждый данный моментъ эта глупая жизнь можетъ порваться, какъ гнилая нитка? Умныя книги говорили Ирочкѣ, говорили рѣшительно обо всемъ, кромѣ самаго главнаго, т.-е. смерти. Вотъ до этого дня она какъ-то совсѣмъ не задумывалась надъ этимъ вопросомъ, и ей казалось, что простыя женщины, какъ старуха Васильевна, даже Домна и Анисья, знаютъ объ этомъ гораздо больше, понимаютъ то, чего ей, интеллигентной женщинѣ, совсѣмъ не дано. Даже эти простыя бабы держали себя лучше — въ нихъ была такая трагическая простота. У Ирочки явилось какое-то дѣтское беззащитное чувство, ей хотѣлось, чтобы Васильевна сидѣла въ ея комнатѣ и что-то такое говорила, говорила безъ конца, ласковое и строгое, простое и вѣрующее, отъ чего отлегаетъ на сердцѣ.

Въ девять часовъ докторъ вызвалъ Сергѣя Иваныча въ кабинетъ. Онъ былъ очень смущенъ и жалокъ.

— Сергѣй Иванычъ, я долженъ васъ предупредить...

— Знаю, знаю... Все кончено.

Докторъ вынулъ часы и проговорилъ уже рѣшительнѣе:

— Меня ждутъ другіе больные...

— Да?..

Когда докторъ уходилъ, Сергѣя Иваныча охватило отчаяніе тонущаго человѣка,

— Докторъ, ради Бога, не уходите! Умоляю васъ...

— Мое присутствіе совершенно безполезно... Впрочемъ, я заѣду потомъ. Удивительный случай...

Въ головѣ Сергѣя Иваныча быстро пронеслась картина, какъ другія больныя дѣти ждали вотъ этого доктора, тѣ другія, для которыхъ еще существовала надежда. Онъ тамъ былъ нуженъ... Потомъ Сергѣю Иванычу сдѣлалось обидно, когда онъ вспомнилъ, что жена называла вотъ этого самаго доктора добрымъ. Какой же онъ добрый, если бѣжитъ въ такой моментъ. А главное, Аня сейчасъ замѣтитъ его отсутствіе и окончательно падетъ духомъ... Впрочемъ, что же тутъ говорить, когда онъ самъ призналъ себя лишнимъ

здѣсь и когда его ждутъ другія больныя дѣти. Всѣ эти мысли неслись въ головѣ Сергѣя Иваныча вихремъ, какъ осенніе сухіе листья.

— Сережа, докторъ уѣхалъ? — строго спросила Елена Александровна, появляясь своей неслышной походкой въ дверяхъ.

— Да, мама... Ахъ, мама, мама...

Сергѣй Иванычъ вдругъ заплакалъ, почувствовавъ себя тѣмъ ребенкомъ, котораго когда-то утѣшала вотъ эта мама.

— Мама, за что?.. Мама, это несправедливо...

Анна Петровна сидѣла у кроватки маленькаго барина, обезумѣвшая, жалкая, состарѣвшаяся въ одну ночь. Она видѣла, что ребенокъ умираетъ, и понимала, что спасенья нѣтъ. Вотъ маленькій баринъ началъ уже дышать тише... Что-то клокотало въ маленькомъ горлышкѣ.

— Барыня, перекрестите младенца... отходитъ,—шепнула стоявшая за ней Васильевна.—Господи, помилуй...

Эти слова точно разбудили дремавшую энергію. Анна Петровна, захлебываясь, начала повторять:

— Нѣтъ, нѣтъ, я не позволю... я не дамъ... я просила Бога... Не дамъ, не дамъ!..

Она порывалась взять ребенка изъ кроватки, но Васильевна ее удержала.

— Барыня, нехорошо безпокоить, когда человѣкъ отходитъ...

У кроватки собрались Елена Александровна, Сергѣй Иванычъ и Анна Петровна. Сергѣй Иванычъ собралъ всѣ силы и старался казаться спокойнымъ. Одной рукой онъ держалъ жену за талію.

— Отошелъ...—проговорила Васильевна, крестясь.

Ирочка узнала о смерти маленькаго барина, когда услышала, какъ въ коридорѣ рыдала Анисья. Она со страхомъ выглянула изъ своей комнаты и увидѣла, какъ братъ ведетъ жену черезъ гостиную. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ и заглянула въ дверь дѣтской. Елена Александровна наклонилась надъ кроваткой и торопливо крестила маленькаго барина. Въ уголкѣ стояла Васильевна и глухо причитала:

— Голубчикъ ты нашъ... анделочекъ.

Ирочка убѣжала къ себѣ въ комнату, затворила за собой дверь на ключъ и, бросившись въ кровать, принялась плакать... Потомъ ее удивило, что въ коридорѣ слышался голосъ Ивана Иваныча, который о чемъ-то разговаривалъ съ Анисьей.

— Передайте Сергѣю Иванычу, что я всѣ хлопоты по похоронамъ беру на себя...

— Слушаю-съ...

— Аделаида Егоровна сейчасъ будетъ.

XX.

Покойникъ въ домѣ вызвалъ хлопотливую работу всѣхъ женщинъ. Всѣмъ руководила Адя. Она была въ траурѣ и походила на черную тѣнь. Маленькій баринъ лежалъ въ гостиной на столѣ, окруженный цвѣтущими азаліями. Каждое утро Егоръ Спиридонычъ приносилъ живые цвѣты и обкладывалъ ими покойника. Въ комнатахъ водворился запахъ роснаго ладона и слышалось монотонное чтеніе сестры изъ какой-то общины. Главнымъ образомъ хлопоталъ Иванъ Иванычъ, которому больше было заботы съ живыми. Съ Анной Петровной было уже три обморока. Она не плакала, не жаловалась, и

это было всего хуже. Но женщины держали себя все-таки бодро сравнительно съ Сергѣемъ Иванычемъ, который ходилъ съ опухшимъ отъ слезъ лицомъ. По вечерамъ Иванъ Иванычъ насильно уводилъ его гулять. Сергѣй Иванычъ безпрекословно повиновался и каждый разъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на своего ментора, точно видѣлъ его въ первый разъ. Какой онъ чудный, а главное, добрый человѣкъ. Сергѣю Иванычу нравилось общество этого хорошаго человѣка. Являлась даже мысль, что какъ было бы хорошо, если бы онъ совсѣмъ переѣхалъ съ фабрики на ферму. Всѣ женщины тоже полюбили Ивана Иваныча и обращались къ нему за всякими пустяками. Когда онъ входилъ въ комнату, Адя опускала глаза. Ирочка слѣдила за каждымъ шагомъ Ивана Иваныча ревнивыми глазами. Она только теперь поняла и оцѣнила этого скромнаго человѣка, въ присутствіи котораго ей хотѣлось быть и красивой, и молодой, и одной изъ тѣхъ счастливыхъ женщинъ, за которыми ухаживаютъ мужчины. Эти чувства Ирочки самымъ невозможнымъ образомъ были связаны съ маленькимъ бариномъ, смерть котораго еще ярче выставила все величіе жизни, ея отвѣтственные интересы и тотъ смыслъ, который обыкновенно покрытъ дневнымъ шумомъ и пустяками.

У Сергѣя Иваныча горе проявлялось въ самой шумной формѣ. Онъ больше не стыдился своихъ слезъ. Любимымъ его мѣстомъ была дѣтская, гдѣ все напоминало маленькаго барина—костюмчики, кроватка, всѣ мелочи его обихода, а особенно дѣтскія игрушки. Вѣдь это цѣлый міръ—вотъ эти безсмысленныя и смѣшныя дѣтскія игрушки, кажется, еще хранившія на себѣ таинственные слѣды дѣтскихъ улыбокъ, дѣтскихъ глазъ, дѣтскаго смѣха и перваго пробужденія сознанія. Въ нихъ заключается какая-то неразгаданная тайна, какъ въ тѣхъ смѣшныхъ и нелѣпыхъ божкахъ и идольчикахъ, которымъ поклонялся ветхій человѣкъ. Они еще не потеряли живой теплоты дѣтскихъ рукъ, которыя ихъ держали... И вдругъ ничего, темнота и ненужность.

— Ради Бога, не трогайте въ этой комнатѣ ни одной вещи,—умолялъ Сергѣй Иванычъ всѣхъ.—Я приду сюда черезъ десять лѣтъ, когда онъ былъ бы мальчикомъ, и буду оплакивать своего дорогого мальчика... приду черезъ двадцать пять лѣтъ, когда онъ былъ бы юношей, и буду сѣдымъ старикомъ оплакивать своего дорогого юношу... Оставьте все, не трогайте ничего и дайте мнѣ плакать...

Ивану Иванычу стоило большихъ хлопотъ увести Сергѣя Иваныча изъ этой роковой комнаты.

— И вдругъ ничего?!—въ ужасѣ повторялъ Сергѣй Иванычъ.—Да, ничего, ничего, ничего... И самъ я тоже ничто и впереди ничто!

Особенно мучился Сергѣй Иванычъ наканунѣ похоронъ. Онъ ходилъ вокругъ маленькаго гробика и повторялъ:

— Вадимъ, ты у меня дорогой гость... и сегодня послѣдняя ночь, которую ты у меня гостишь, мой милый мальчикъ. Да, послѣдняя, послѣдняя...

Читалка смотрѣла на горевавшаго отца равнодушными глазами. Она видѣла такъ много горя и слезъ, и новаго ничего для нея не существовало, какъ для монеты, которая побывала въ милліонахъ рукъ.

Елена Александровна попросила Ивана Иваныча увести куда-нибудь безумствовавшаго отца. Сергѣй Иванычъ не сопротивлялся. Возбужденіе у него смѣнилось апатіей.

— Пойдемте пѣшкомъ,—предлагалъ Иванъ Иванычъ.

— Пойдемте...

Падалъ мягкій весенній снѣжокъ, падалъ какъ-то нехотя, точно созна-

валъ свою собственную безполезность и безсиліе. Они шли прямо по шоссе, потому что тротуары были затоплены весенней водой.

— Меня что̀ возмущаетъ,—глухо заговорилъ Сергѣй Иванычъ:—всему есть свои разумныя причины и объясненія, даже подлости и безобразію. Да... А тутъ ничего и ничего. Для чего-то человѣкъ родился и ужъ совсѣмъ неизвѣстно для чего умираетъ... Какой же смыслъ жизни? Получается какая-то колоссальная безсмыслица... Меня это убиваетъ, Иванъ Иванычъ... Вѣдь послѣднее утѣшеніе—философія. Ахъ, да что̀ философія: вздоръ, болтовня, безсмысленное кружево мысли. Вѣдь вотъ возьмите Анисью, Домну, старуху Васильевну—онѣ неизмѣримо счастливѣе насъ съ вами, потому что онѣ могутъ молиться. Боже мой, чего бы я ни далъ за такую возможность...

— По-своему всякій молится, Сергѣй Иванычъ...

— Молится, но не всякій получаетъ облегченіе. Да... Ахъ, какая безсмыслица! Ну, скажите, развѣ не приняты были всѣ мѣры, чтобы ребенокъ былъ здоровъ? Я ищу и не нахожу ни малѣйшаго повода, чтобы обвинить себя или другихъ въ какой-нибудь небрежности. Все было сдѣлано, все предусмотрѣно и... И все-таки безсмыслица! Какъ вы счастливы, Иванъ Иванычъ, что не женаты и не имѣли дѣтей... Это такая мука...

— Я знаю, Сергѣй Иванычъ му̀ку больше, именно, когда некого оплакивать...

Точно въ отвѣтъ изъ мягкой кружившейся мглы съ тяжелымъ грохотомъ показались какія-то необыкновенныя колымаги, напоминавшія собою тѣ телѣги, въ которыхъ возятъ съ боенъ еще теплое мясо. Въ каждой колымагѣ сидѣло по двѣ бабы.

— Это что̀ такое?—удивился Сергѣй Иванычъ.—Никогда не видывалъ такихъ удивительныхъ экипажей...

— А это изъ воспитательнаго дома развозятъ дѣтей на воспитаніе...

Бабы, дѣйствительно, держали въ рукахъ какіе-то таинственные свертки и весело переговаривались съ казенными кучерами. Сергѣй Иванычъ и Иванъ Иванычъ посторонились, давая дорогу странному поѣзду. Всѣхъ колымагъ было шесть, всѣ были окрашены въ зеленую краску и всѣ были устроены съ прочностью хорошихъ лафетовъ. Колымаги грузно прокатились и медленно пропали въ вечерней мглѣ, точно имъ было трудно пробираться сквозь крутившуюся снѣжную сѣтку. Сергѣй Иванычъ проводилъ ихъ глазами, постоялъ и заявилъ:

— Ну, теперь вернемтесь домой, Иванъ Иванычъ...

Всю дорогу Сергѣй Иванычъ думалъ о несчастныхъ шпитонцахъ. Куда ихъ везутъ? Что̀ ихъ ждетъ впереди, этихъ брошенныхъ матерями маленькихъ человѣчковъ? Гдѣ эти несчастныя матери? У него стоялъ еще въ ушахъ веселый говоръ и смѣхъ бабъ, увозившихъ домой живой товаръ. А маленькіе человѣчки не могли даже сказать, какъ имъ больно и горько, маленькія ручонки не могли защититься... Впереди ихъ, конечно, ждала самая вѣрная смерть, констатированная статистиками всей Европы. Это были жертвы Молоху нашей цивилизаціи...

— Бѣдныя, бѣдныя...—подумалъ Сергѣй Иванычъ, чувствуя, какъ его сердце сжимается отъ щемящей боли.—Милыя бѣдныя дѣточки...

Иванъ Иванычъ остался ночевать у Колосовыхъ. Его попросила объ этомъ Елена Александровна, которая боялась этой послѣдней ночи. Но Сергѣй Иванычъ былъ спокоенъ, какъ-то страшно спокоенъ, какъ человѣкъ, отыскавшій разрѣшеніе очень трудной задачи.

Пробило уже двѣнадцать часовъ. Иванъ Иванычъ лежалъ на диванѣ,

испытывая приступъ самой неприличной сонливости. Изъ гостиной доносилось монотонное чтеніе сестры, напоминавшее жужжаніе какой-то громадной мухи. Сергѣй Иванычъ шагалъ изъ угла въ уголъ по кабинету, какъ маятникъ, и слипавшимся глазамъ Ивана Иваныча начинало казаться, что Сергѣй Иванычъ стоитъ на одномъ мѣстѣ, а мимо него движется кабинетъ.

— Иванъ Иванычъ, вы не спите?

— Нѣтъ...

— Гм... Помните, что̀ я вамъ говорилъ давеча о безсмыслицѣ? Да, такъ вотъ я все время думалъ... И знаете, вѣдь безсмыслицы-то нѣтъ!.. Помните давешній поѣздъ шпитонцевъ?

— Дда...

Сергѣй Иванычъ подсѣлъ на диванъ и заговорилъ быстро, точно боялся потерять нить собственныхъ мыслей.

— Видите ли, безсмыслицы-то совсѣмъ нѣтъ... Вотъ эти шпитонцы, которыхъ повезли на вѣрную смерть... Кстати, вези на смерть взрослыхъ людей и предложи ихъ взять намъ, чѣмъ бы мы избавили отъ этой смерти—неужели мы не сдѣлали бы этого? Да... А тутъ и вы и я отлично знали, что̀ дѣлается, и мы не разогнули пальца для этихъ несчастныхъ и даже не подумали объ этомъ. А сколько дѣтей гніетъ заживо по подваламъ, мерзнетъ въ мансардахъ—что̀ мы для нихъ сдѣлали? Опять ничего... И другіе тоже ничего не сдѣлали, хотя и мы, и вы, и всѣ другіе отлично знаемъ ужасную дѣйствительность. Но есть возмездіе, Иванъ Иванычъ, возмездіе за нашъ эгоизмъ, вѣрнѣе—за безсердечіе. Этотъ коллективный брошенный ребенокъ мститъ намъ страшными дѣтскими эпидеміями. Откуда эти эпидеміи налетаютъ на насъ и вызываютъ тысячи жертвъ, несмотря на всѣ ухищренія науки, родительскую любовь и предосторожности? Страшный врагъ мститъ смертью за смерть, онъ зарождается въ подвалахъ, въ мансардахъ, по всевозможнымъ угламъ, гдѣ ютится бѣдность и нищета... и проникаетъ вездѣ, какъ воздухъ... Онъ не знаетъ жалости, какъ и мы. „Вы меня выбросили на улицу, вы любите только своихъ дѣтей, такъ вотъ вамъ и дифтеритъ, и скарлатина, и новая болѣзнь инфлюэнца... Вы будете плакать, эгоисты, какъ плакала моя коллективная мать!“...

15 сентября 1895 г.
Г. Царское Село.

СОЛОМЕННАЯ ДѢВОЧКА.

I.

Какъ-то странно, чтобы въ Петербургѣ могла разыграться драма, да, настоящая драма, заномерованная улицей, домомъ, квартирой, комнатой—Васильевскій Островъ, 11 линія, домъ 186, кв. 4, угловая комната. Драматической обстановки ни малѣйшей, какъ и самый день, сѣренькій, унылый, кисленькій, будничный, вообще скверный, а скверное не можетъ быть драматическимъ по своему скверному существу.

Этотъ скверный петербургскій день освѣщалъ какимъ-то кислымъ полусвѣтомъ небольшую гостиную, по которой шагалъ господинъ среднихъ лѣтъ, худенькій и сгорбленный, съ какимъ-то остановившимся лицомъ. Лицо было интеллигентное, умное; но въ сѣрыхъ глазахъ чувствовалось тяжелое недовѣрчивое выраженіе. Онъ время отъ времени останавливался, смотрѣлъ на дверь въ угловую комнату и прислушивался. Оттуда время отъ времени доносился удушливый тяжелый кашель, тотъ особенный кашель, отъ котораго нѣтъ ни лѣкарствъ ни спасенія. На застывшемъ лицѣ проступало тревожное выраженіе, а губы сжимались плотнѣе. Кашель стихалъ, и господинъ опять начиналъ шагать изъ угла въ уголъ.

— Илья Антонычъ...

Онъ вздрогнулъ. Въ гостиную быстро вошла полная высокая старуха съ красивымъ лицомъ и подала ему телеграмму, состоявшую изъ двухъ словъ: „Сегодня буду. Ознобишина“. Старуха молча наблюдала впечатлѣніе, которое произведетъ это извѣстіе.

— Что же, отлично... — отвѣтилъ онъ, криво улыбаясь.—Будемъ имѣть мелодраматическое представленіе, и только. Впрочемъ, я лично ничего не имѣю...

— Какъ вы нехорошо говорите, Илья Антонычъ! — возмутилась старуха, дѣлая сердитое лицо.—Вѣдь она мать...

— Да, да, мать...—раздраженно подтвердилъ онъ, дѣлая нетерпѣливое движеніе лѣвой рукой.—И вы могли бы прибавить, Калерія Григорьевна, что очень скверная мать...

Старуха вся выпрямилась. На обрюзгшемъ лицѣ выступили красныя пятна. Она тяжело перевела духъ и проговорила сдавленнымъ отъ волненія голосомъ:

— Теперь-то мы не судьи, Илья Антонычъ... Было время, а сейчасъ... Богъ васъ разсудитъ съ Шурой, а только вы безжалостный человѣкъ.

— Хорошо, хорошо. Я это уже давно знаю... Поѣздъ приходитъ къ половинѣ одиннадцатаго, значитъ, она будетъ здѣсь до двѣнадцати. Можетъ-быть, вы мнѣ прикажете удалиться?

— Ахъ, нѣтъ... Теперь ужъ все равно, Илья Антонычъ: нечего вамъ больше дѣлить. Богъ васъ раздѣлилъ...

Илья Антонычъ не выносилъ, когда съ нимъ говорили въ такомъ тонѣ, и опять зашагалъ. Къ чему вообще говорятся всѣ эти жалкія слова, когда все дѣло ясно, какъ Божій день, — такъ, дурная привычка некорректныхъ людей, которые въ затруднительныхъ случаяхъ обращаются къ Провидѣнію самымъ фамильярнымъ образомъ. Старуха смотрѣла на него съ укоризной, а потомъ быстро отправилась въ угловую комнату, откуда опять послышался надрывавшій душу кашель. Илья Антонычъ сдѣлалъ гримасу и презрительно сдвинулъ плечи, какъ и слѣдовало вполнѣ корректному человѣку.

Они сидѣли въ столовой за завтракомъ—Илья Антонычъ и оба старика, Калерія Григорьевна и Василій Павлычъ, когда въ передней раздался торопливый звонокъ. Всѣ поняли, что это была она. Василій Павлычъ, высокій сѣдой старикъ съ сердитымъ лицомъ, сердито отодвинулъ свою тарелку, поднялся и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, тяжело шаркая ногами въ туфляхъ. Калерія Григорьевна выбѣжала въ переднюю, и тамъ послышались лихорадочные поцѣлуи и сдержанное всхлипыванье. Илья Антонычъ не шевельнулся съ мѣста. Да, началось...

Она не вошла въ столовую, но прошла прямо въ комнату матери, чтобы оправиться съ дороги, а главное умыться. Ей было за тридцать, но и по фигурѣ и по лицу она замѣчательно сохранилась. Ее старили сейчасъ опухшіе отъ слезъ глаза, безсонная ночь, проведенная въ вагонѣ, и безпорядочно сбившіеся на головѣ волосы. Лицо не было красиво, какъ у матери, но очень типично и умно. Именно умно, какъ бываютъ умныя лица только у русскихъ женщинъ—съ серьезной простотой, съ вдумчивыми глазами, съ характернымъ складомъ рта.

— Ахъ, Шура, Шура...—повторяла старуха, сталкиваясь съ ней.—Ахъ, Шура, Шура... Вотъ полотенце. Прибери волосы... Ахъ, Шура, Шура!

Знакомый съ дѣтства голосъ, это дѣтское полу-имя, эта хорошая старческая тревога опять вызвали у нея слезы.

— Мама, какъ я измучилась...—шептала она, припадая къ плечу матери своей головой.—Каждой каплей крови, каждымъ нервомъ... А *онъ* здѣсь?

— Здѣсь... Сидитъ идоломъ въ столовой. А отецъ, какъ услыхалъ звонокъ, сейчасъ же убѣжалъ къ себѣ въ кабинетъ и заперся на ключъ.

— Какіе они всѣ злые, мама...

О главномъ они не сказали ни слова.

Оправившись немного и выпивъ стаканъ воды, она рѣшительной походкой отправилась въ угловую комнату. Тамъ на кушеткѣ, среди бѣлѣвшихъ подушекъ она увидѣла бѣлое дѣвичье лицо съ округлившимися большими сѣрыми глазами и заострившимся носомъ. Это лицо сдѣлало движеніе къ ней, а изъ-подъ плэда потянулась исхудавшая бѣлая рука.

— Мама... я знала... что ты пріѣдешь... я чувствовала, какъ ты вошла... я тебя видѣла ночью...

Пароксизмъ кашля помѣшалъ ей продолжать. Дежурившая у больной старушка-няня торопливо спрятала окрасившійся кровью платокъ.

— Я привезла тебѣ здоровья, Наташа...

— А ты не уѣдешь опять?

— О, нѣтъ... Теперь я никуда не уѣду, моя хорошая.

— Сядь ко мнѣ на кушетку, мама... Вотъ сюда... ближе...

Холодная потная рука взяла теплую живой теплотой руку матери и прижала ее къ себѣ. Въ этомъ жестѣ сказалось то дѣтство, которое вызывается болѣзнью.

Больная по типу напоминала красавицу-бабушку, а отъ матери унаслѣдовала только большой лобъ и складъ рта. Ей сейчасъ было ровно шестнадцать лѣтъ, и страшная болѣзнь съ какой-то яростью накинулась на цвѣтущій молодой организмъ. Въ какихъ-нибудь двѣ недѣли скоротечная чахотка изъ красивой дѣвушки-подростка сдѣлала какую-то мраморную статую, — жизнь уходила отъ этого молодого тѣла съ каждымъ дыханіемъ. Оставались тѣми же чудные сѣрые глаза, опушенные такими длинными темными рѣсницами. Какъ она была хороша даже сейчасъ, напоминая своей мертвенной бѣлизной тѣ цвѣты, которые въ известковыхъ источникахъ покрываются бѣлымъ налетомъ, точно жизнь въ нихъ застываетъ. Да, она была хороша, хотя надъ этой чудной русой головкой уже висѣлъ роковой приговоръ. Мать это видѣла, видѣла и понимала, что спасенья нѣтъ...

— Няня, ты оставь насъ...—попросила больная.

Когда старуха вышла, дѣвушка проговорила съ необыкновенной въ ея положеніи энергіей:

— Мама, если бы ты знала, какъ я тебя ждала... Ахъ, какъ ждала!.. Цѣлыхъ десять лѣтъ, мама... Обними меня... я сама не могу... Вотъ такъ, крѣпче...

И мать обнимала ее, покрывая поцѣлуями эти чудные глаза, бѣлый лобъ, похудѣвшую шею, руки,—она не могла говорить, а только смотрѣла на дочь, точно желала вся вылиться въ этомъ взглядѣ. Сегодня Наташа опять принадлежала ей, безраздѣльно и навсегда. Слабая холодная ручка ощупывала ея лицо, волосы, и въ этихъ слабыхъ движеніяхъ проявлялся послѣдній запасъ быстро потухавшихъ силъ.

— Мама, сюда никто не войдетъ?

— Нѣтъ, милочка... Тебѣ вредно говорить, моя хорошая.

— Нѣтъ, все равно... Мнѣ нужно сказать такъ много-много... Вѣдь я всегда молчала... у меня такъ болѣло сердце, а теперь все равно... Я знаю, что скоро умру... и не боюсь смерти... Что бояться, если я никому — никому не сдѣлала зла? И я всѣхъ любила, даже тѣхъ, которые отняли у меня тебя... А теперь у меня одно послѣднее желаніе: провести послѣдніе часы съ тобой съ глазу на глазъ и сказать все... все... тогда я умру спокойно... Ты не будешь плакать обо мнѣ, потому что *тамъ* будетъ лучше... Почему-то я еще маленькой любила думать о смерти... Знаешь, мама, къ мертвымъ всегда справедливы... они никого не боятся, и меня мертвую не отнимутъ отъ тебя... Вѣдь смерть—это только переходъ къ лучшей жизни, и я все-таки буду съ тобой, какъ была всегда съ тобой, потому что всегда—всегда думала только о тебѣ. Я чувствовала, что и ты постоянно думаешь обо мнѣ, любишь меня, мучишься за меня... и я молилась... ахъ, какъ хорошо, мама, когда можешь молиться... Я и сейчасъ молилась, когда ты позвонила, и я знала, что это ты, потому что я не могла умереть безъ тебя... милая... милая... милая...

Въ дверь послышался осторожный стукъ. Александра Васильевна поднялась и вышла въ гостиную. Тамъ ее ждалъ Илья Антонычъ, сдержанный, какъ всегда, озлобленный, недовѣрчивый.

— Я хотѣлъ сказать вамъ, Александра Васильевна, что вы разыгрываете мелодраму за счетъ послѣднихъ часовъ вашей дочери... Умирающей нужно дать покой. Докторъ сказалъ, что она можетъ умереть и сегодня и завтра...

Она взглянула на него съ подавленной ненавистью и отвѣтила спокойно:

— Во-первыхъ, я ничего не разыгрываю, а во-вторыхъ... во-вторыхъ, это васъ не касается. Теперь даже вы ничего не можете сдѣлать... да. Все кончено...

Эта сцена происходила вполголоса, но на звукъ голосовъ показалась изъ своей комнаты Калерія Григорьевна. Она съ умоляющимъ видомъ посмотрѣла на разговаривающихъ и молча показала глазами на комнату больной. Илья Антонычъ поднялъ плечи и брови, повернулся на каблукахъ и вышелъ изъ гостиной.

— Что̀ ему еще нужно отъ меня?—спрашивала Александра Васильевна.— У меня больше ничего нѣтъ...

Послышались тяжелые шаги, — это шелъ самъ Василій Павлычъ. Онъ остановился въ дверяхъ, сурово посмотрѣлъ на жену и дочь, повернулся и ушелъ назадъ. Александру Васильевну кольнуло, что даже въ такую минуту отецъ не хотѣлъ поздороваться съ ней.

— Иди къ ней... — шепнула старуха.

Больная, дѣйствительно, ждала и, когда мать вернулась, проговорила съ больной улыбкой:

— Они еще разъ хотѣли отнять тебя у меня?.. О, нѣтъ... я не согласна... я сама имъ скажу это... Умирающему все позволяется...

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, Наташа... Это бабушка вызывала меня.

Глаза больной закрылись отъ усталости, и только правая рука инстинктивно искала материнской руки, точно боялась той темноты, которая начинала ее охватывать.

Въ комнатѣ воцарилась тишина. Больная точно засыпала, но этотъ покой былъ прерванъ ужаснымъ приступомъ кашля. Послѣ этого дѣвушка лежала въ полномъ изнеможеніи нѣсколько минутъ, не имѣя силы даже открыть глаза.

— Мама... вѣдь я родилась въ этой же комнатѣ? Какъ это странно... И здѣсь же я должна умереть...

Она обвела комнату глазами и долго разсматривала пестренькіе обои, точно хотѣла что-то припомнить. Потомъ она попросила поправить подушку подъ головой, облокотилась лѣвой рукой на другую подушку и заговорила:

— Здѣсь же тебѣ тогда дѣлали операцію?..

— Здѣсь, крошка...

— А меня предлагали убить — да?.. Убить человѣка раньше, чѣмъ онъ родился?.. А ты не согласилась?

— Нѣтъ, не согласилась...

— Милая, какъ я тебя люблю... ты тоже не боялась смерти... Ахъ, мама, мама, знаешь, мнѣ даже жаль *ихъ*... Они не понимаютъ, что̀ дѣлаютъ и что̀ дѣлали...

Мать понимала, о комъ она говорила, и молчала. Больная посмотрѣла на нее съ сожалѣніемъ и прошептала:

— Какъ жаль, что я не могу взять тебя съ собой... Ты опять останешься съ ними...

II.

Это былъ ужасный день для несчастной матери. Ей приходилось выносить двойную пытку: умиралъ не просто ребенокъ, а умирала совѣсть всего дома, цѣлой полосы жизни. То, что̀, кажется, давно было забыто и похоронено, выплывало опять на свѣтъ Божій.

— Отчего ты нейдешь обѣдать?—спрашивала больная, глядя на часы.— Они обѣдаютъ теперь...

— Я не хочу, крошка...

Да, они могли обѣдать, могли ѣсть, а Илья Антонычъ поднялъ цѣлую бурю изъ-за пережареннаго бифштекса. Помилуйте, кажется, не трудно помнить, что онъ всегда ѣстъ бифштексы съ кровью... Нормальное правильное питаніе прежде всего. Старикъ Василій Павлычъ ѣлъ молча, стараясь не смотрѣть на зятя-брюзгу, но Калерія Григорьевна не вытерпѣла и замѣтила:

— Одинъ-то разъ можно бы и потерпѣть, Илья Антонычъ... Да и время не такое, чтобы ваши бифштексы разбирать.

Это окончательно взорвало корректнаго человѣка.

— Мамаша, вы думаете, что истинное горе выражается въ томъ, что человѣкъ не долженъ ѣсть? Вы ошибаетесь уже потому, что, разстраивая себѣ питаніе, я этимъ еще не приношу никому пользы... Это вѣдь все однѣ декораціи, что съ горя люди должны морить себя голодомъ.

Съ самаго выхода единственной дочери замужъ, изъ-за аппетита зятя у стариковъ шли непріятности: Калерія Григорьевна была всегда довольна, что зять Илья Антонычъ ѣлъ обстоятельно, много и съ чувствомъ, обнюхивая каждый кусокъ и пускаясь въ длиннѣйшія обсужденія каждаго кушанья. Старушка любила угощать, а зять любилъ покушать. Василій Павлычъ, наоборотъ, не выносилъ „сладкоѣжекъ“, а затѣмъ его возмущало то, что „во что ѣстъ такой заморышъ—не въ коня кормъ“. Теперь старикъ внушительно посмотрѣлъ на жену, что въ переводѣ значило: вотъ полюбуйся на своего выкормка.

Эта сцена была прервана появленіемъ доктора, стараго друга дома. Это былъ смѣшной старый нѣмецъ съ длиннымъ носомъ, длинной шеей и длинными руками. Когда-то онъ мечталъ объ ученой карьерѣ, даже о славѣ, но не понималъ разницы между наукой и карьерой. Науку онъ постигъ, а карьеры не сдѣлалъ и остался навсегда вольнопрактикующимъ врачомъ. Его появленію всѣ были рады, хотя всѣ знали, что его присутствіе безполезно.

— Ну, какъ мы себя чувствуемъ?—говорилъ докторъ,—онъ всегда входилъ съ этой фразой.

— Шура пріѣхала... — объяснила Калерія Григорьевна.

— А... — протянулъ докторъ и долго жевалъ губами, а потомъ прибавилъ: — это хорошо...

Его тусклые глаза съ красными вѣками остановились на Ильѣ Антонычѣ, и губы еще разъ пожевали. Между ними былъ старинный антагонизмъ, а Илья Антонычъ просто ненавидѣлъ стараго нѣмца, особенно когда тотъ начиналъ невозмутимо тянуть: „Молодой ученый напрасно возмущаетъ себя“... Илья Антонычъ съ перваго появленія въ этомъ домѣ почувствовалъ, что эта нѣмецкая труха не уважаетъ его, и употреблялъ всѣ усилія, чтобы выжить его, но все было напрасно: нѣмецъ обладалъ тягучей выдержкой и не обращалъ на него вниманія. Другой причиной ненависти было то, что нѣмецъ зналъ Александру Васильевну съ дѣтства и неизмѣнно ее любилъ.

— Не хотите ли вы, Карлъ Иванычъ, закусить съ нами?—предложила Калерія Григорьевна.

— О, нѣтъ... Благодарю.

Аккуратный нѣмецъ привыкъ ѣсть дома, облекшись въ любимый старый халатъ.

Онъ прошелъ къ больной и молча пожалъ руку Александры Васильевны. Она сознавала безнадежное положеніе дочери, но все-таки вопросительно-умоляюще посмотрѣла на это безстрастное лицо, чтобы еще разъ прочесть на немъ свой смертный приговоръ. Нѣмецкое лицо не отвѣтило ни однимъ движеніемъ. Больная была рада видѣть Карла Иваныча, который лѣчилъ ее съ дѣтства.

— Ну, какъ мы себя чувствуемъ?

— Мнѣ лучше... — заявила Наташа, стараясь перемѣнить положеніе. — Какъ мама пріѣхала, такъ и сдѣлалось легче. Вотъ только кашель...

— А мы его порошкомъ... — пошутилъ докторъ и сейчасъ же спохватился, что здѣсь не мѣсто шуткамъ.—Вы хорошо сдѣлали, Шура, что пріѣхали. Да, хорошо.

Съ появленіемъ доктора всѣ дѣйствующія лица драмы были налицо, за исключеніемъ одного, которое оставалось въ Дерптѣ.

Семья Ознобишиныхъ состояла изъ мужа, жены и единственной дочери Шуры. Старикъ Ознобишинъ служилъ механикомъ на одномъ изъ петербургскихъ заводовъ. Это былъ замѣчательно способный человѣкъ, обладавшій изумительной трудоспособностью и еще болѣе выдержкой характера. Образованіе онъ получилъ когда-то въ Технологическомъ институтѣ, но свои знанія получилъ уже послѣ, благодаря практикѣ и усиленному чтенію. Одно ему не давалось—языки, но и тутъ онъ одолѣлъ самоучкой французскій языкъ, выучивъ весь словарь Рейфа. Эта выдержка въ своемъ спеціальномъ дѣлѣ отразилась въ семьѣ тяжелымъ гнетомъ, хотя Ознобишинъ былъ всегда примѣрнымъ семьяниномъ. Онъ былъ слишкомъ суровъ и требователенъ, что особенно чувствовала на себѣ маленькая Шура. Дѣвочка унаслѣдовала отъ отца его блестящія способности, но не видала той ласки, къ которой тянется дѣтское сердце. Отецъ былъ всегда съ ней строгъ, точно дѣвочка вѣчно въ чемъ-то была виновата,—можетъ-быть, здѣсь сказывался страхъ избаловать единственнаго ребенка, а можетъ-быть, и свое суровое сиротское дѣтство. Когда Шурѣ было десять лѣтъ, Ознобишинъ уже былъ богатымъ человѣкомъ, такъ что могъ купить собственный домъ на Васильевскомъ Островѣ. Его дѣла въ матеріальномъ отношеніи шли отлично, но у себя дома онъ оставался все такимъ же, какъ и въ тѣ дни, когда женился на Калеріи Григорьевнѣ, круглой сиротѣ, и ничего не имѣлъ. Дома онъ велъ очень замкнутую жизнь и все свободное время проводилъ у себя въ кабинетѣ за домашней работой. Въ школьномъ возрастѣ маленькая Шура занималась съ домашнимъ учителемъ — отецъ по непонятному упрямству ни за что не хотѣлъ отдать ее въ гимназію. Зато она могла многое читать, потому что у отца была цѣлая библіотека изъ лучшихъ авторовъ и, кромѣ того, онъ выписывалъ журналы. Въ шестнадцать лѣтъ она своимъ умомъ добралась до того, что составляло пульсъ тогдашняго бурнаго времени — это было начало шестидесятыхъ годовъ. Отецъ ничего не имѣлъ и противъ того, чтобы она посѣщала разныя лекціи, въ которыхъ тогда недостатка не было. Здѣсь Шура открыла совершенно новый міръ, а главное, нашла совсѣмъ другихъ людей, другіе интересы и другія стремленія и цѣли, чѣмъ у себя дома.

На лекціяхъ молодая дѣвушка познакомилась со своимъ будущимъ мужемъ Марецкимъ. Онъ тогда только-что кончилъ университетъ и плылъ по теченію, увлекаясь общимъ настроеніемъ. Впослѣдствіи Александра Васильевна много думала объ этомъ и пришла къ убѣжденію, что Илья Антонычъ просто притворялся — *тогда* это было для него выгодно. Не видавши людей, она быстро увлеклась молодымъ ученымъ, у котораго были такіе широкіе планы въ будущемъ. Да и спеціальность у него была такая интересная,—Марецкій готовился по политической экономіи и мѣтилъ далеко. Быстрому сближенію много способствовалъ и тотъ домашній гнетъ, отъ котораго ее могло освободить одно замужество. Отецъ страшно протестовалъ,—онъ сразу не взлюбилъ молодого ученаго. Противъ него былъ и старый нѣмецъ Карлъ Иванычъ, на правахъ друга дома позволявшій себѣ принимать близкое участіе во всей этой се-

мейной исторіи. Но въ семнадцатилѣтней Шурѣ оказалась упрямая отцовская кровь, и она пошла противъ всѣхъ.

— Помни, что я никогда не желалъ этого брака, — заявилъ Василій Павлычъ въ рѣшительную минуту. — Ты уже настолько большая, что должна понимать, что неудачное замужество нельзя поправить.

И суровый старикъ впослѣдствіи сдержалъ свое слово.

Александрѣ Васильевнѣ очень скоро пришлось разочароваться въ своемъ увлеченіи. У себя дома молодой ученый оказался совсѣмъ другимъ, чѣмъ представлялся ей на лекціяхъ. Это была черствая, мелочная, дрянная натуришка, вся поглощенная только сама собой и все дѣлавшая только для самой себя. Всѣ остальные должны были играть служебную роль, какъ лѣса, когда строятъ громадное зданіе, и больше всѣхъ жена. Вмѣсто широкихъ задачъ и плановъ, вся жизнь сводилась на мелкую угодливость простой экономки, которая должна была дрожать изъ-за каждой пуговицы, изъ-за каждаго испорченнаго соуса и всѣхъ мелочей хозяйства. Возникалъ глубокій семейный разладъ, тѣмъ болѣе тяжелый для Александры Васильевны, что она даже не могла ни съ кѣмъ подѣлиться своимъ горемъ, кромѣ вѣрнаго Карла Иваныча, который самъ отъ души ненавидѣлъ молодого ученаго, потому что совершенно не вѣрилъ ни въ его ученость ни въ таланты.

— Ничего изъ него не выйдетъ, — спокойно говорилъ докторъ. — Не та марка...

Василій Павлычъ не любилъ зятя, какъ мелкаго и пустого человѣка, а докторъ видѣлъ въ немъ ученый пустоцвѣтъ. И дѣйствительно, никакого ученаго изъ Ильи Антоныча не вышло, а онъ кончилъ тѣмъ, что съ грѣхомъ пополамъ примазался къ одному изъ министерствъ, затаивъ въ себѣ злобу противъ всѣхъ и всѣхъ подозрѣвая въ своихъ ученыхъ неудачахъ. Всѣ эти злоключенія вымещались дома, и Илья Антонычъ превратился въ одного изъ тѣхъ деспотовъ, какими способны быть только очень маленькіе и очень ничтожные люди. Александра Васильевна скоро разсмотрѣла свою страшную ошибку и поняла, что отцовскій деспотизмъ промѣняла на деспотизмъ еще худшаго качества—тамъ была хоть сила, трудъ, а здѣсь одинъ мелкій эгоизмъ маленькаго дрянного человѣчка. И изъ такого положенія не было даже выхода.

Впрочемъ, первый годъ замужества скрасился для нея появленіемъ перваго ребенка. Для нея открылся совершенно новый міръ съ его новыми заботами, интересами и надеждами. Молодая женщина совершенно ушла въ этотъ дѣтскій міръ и на время позабыла о мужѣ. Но, къ несчастію, эти радости продолжались недолго: ребенка унесла одна изъ безчисленныхъ дѣтскихъ болѣзней, которыми такъ богатъ Петербургъ. Вторымъ номеромъ была Наташа. Ея появленіе было связано съ серьезной болѣзнью, которая едва не стоила матери жизни. Именно въ послѣдній періодъ беременности у нея образовался глубокій внутренній нарывъ. Всѣ знаменитости рѣшили въ одинъ голосъ, что для спасенія матери необходимо пожертвовать ребенкомъ, но Александра Васильевна не согласилась на это. Этотъ героизмъ отчасти объяснялся ея грустнымъ семейнымъ положеніемъ. Больше другихъ уговаривалъ ее Карлъ Ивановичъ. Илья Антонычъ былъ, конечно, на сторонѣ науки и удивлялся упрямству жены. Онъ даже негодовалъ на нее и продѣлалъ цѣлый рядъ тяжелыхъ семейныхъ сценъ.

— Нѣтъ, лучше я умру, а ребенокъ пусть живетъ...—рѣшила Александра Васильевна.

Операцію прокола нарыва пришлось дѣлать Карлу Иванычу, потому что другіе врачи отказывались, предсказывая полную неудачу. Старикъ со слезами

на глазахъ взялся за троакаръ, чувствуя, что малѣйшая неувѣренность въ себѣ будетъ стоить молодой жизни... Къ общему удивленію, операція удалась блестящимъ образомъ, и старый нѣмецъ плакалъ отъ радости. Эта операція осталась гордостью всей его жизни, и онъ съ нѣкоторымъ правомъ смотрѣлъ на Александру Васильевну, какъ на родную дочь, потому что перестрадалъ ее. Она для него навсегда осталась просто Шурой.

Наташа, спасенная героизмомъ матери, родилась здоровенькой, какъ рыбка. Она сдѣлалась сразу любимицей всей семьи, и даже суровый дѣдушка разступался для нея — внучка видѣла тѣ ласки и нѣжность, которыхъ недоставало матери.

Но этотъ, купленный такой дорогой цѣной ребенокъ не принесъ съ собой семейнаго счастья, а только служилъ механической связью между супругами. Александра Васильевна сознавала, что не любитъ мужа и никогда не полюбитъ. Она душой принадлежала другому міру и другимъ людямъ.

Вотъ чѣмъ былъ сухой нѣмецъ Карлъ Иванычъ въ жизни Александры Васильевны, и вотъ почему она всегда относилась къ нему съ дочерней нѣжностью. Теперь умиравшая Наташа вызвала съ новой силой все пережитое...

III.

Во весь ростъ проявилъ себя Илья Антонычъ въ тотъ моментъ, когда Александра Васильевна рѣшилась разстаться съ нимъ. Мысль объ этомъ зародилась въ ея головѣ еще въ первый годъ замужества, но ея осуществленіе откладывалось годъ за годомъ изъ-за дѣтей.

— Я отъ васъ уйду, — заявила Александра Васильевна черезъ полгода послѣ выхода замужъ.—Мы слишкомъ различные люди, чтобы жить вмѣстѣ.

— Это еще мы будемъ посмотрѣть...—спокойно и зло отвѣтилъ Илья Антонычъ.

— Я васъ не люблю и повѣрьте, что сдѣлаю по-своему...

Такая откровенность повела только къ тому, что Илья Антонычъ началъ преслѣдовать жену самой мелкой ревностью, подозрительностью и придирками. Онъ донималъ ее мелочами, какъ тѣ паразиты, которыхъ даже невозможно поймать. Это была постоянная травля, безпощадная и злая. Первые два года замужества отнялъ первый ребенокъ, а затѣмъ болѣзнь и появленіе Наташи. Купленный такой дорогой цѣной ребенокъ захватилъ цѣлую полосу жизни, и въ то же время, потихоньку отъ всѣхъ, Александра Васильевна серьезно готовилась къ самостоятельному труду. Жить одной, своимъ трудомъ, было ея завѣтной мечтой, и она твердо шла къ этой цѣли. Пусть только немного подрастетъ Наташа,—съ ней росли и надежды на другую жизнь.

Наташѣ было ровно шесть лѣтъ, когда Александра Васильевна наконецъ привела въ исполненіе свою завѣтную мечту. Она не могла только представить одного, что ей не отдадутъ Наташу. А ей не отдали... Илья Антонычъ оказался вполнѣ на высотѣ своего положенія и твердо заявилъ свою волю: Наташа будетъ всегда жить со своимъ отцомъ. Если мать ее бросаетъ, то она должна знать, что у нея есть отецъ..

— Вы забываете, Илья Антонычъ, что я жертвовала своей жизнью для этого ребенка... Вы же первый совѣтовали тогда убить его.

— Я совершенно не намѣренъ разсуждать съ вами на эту тему. Вы знаете, что я человѣкъ корректный и сумѣю настоять на своемъ... тѣмъ болѣе, что, какъ я догадываюсь, вы уходите къ своему любовнику.

Мольбы и слезы были безсильны, тѣмъ болѣе, что Василій Павлычъ

принялъ сторону своего зятя. Это было одной изъ необъяснимыхъ странностей въ его отношеніяхъ къ дочери. Старикъ припомнилъ ей теперь, что она выходила замужъ противъ его воли.

— У Наташи есть дѣдушка, который дастъ ей воспитаніе,—повторялъ упрямый старикъ.—Дочери у меня нѣтъ, а есть внучка...

Илья Антонычъ воспользовался въ полной мѣрѣ этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ и даже остался жить вмѣстѣ съ тестемъ, какъ примѣрный зять. Онъ теперь разыгрывалъ жертву легкомысленнаго поведенія жены.

Послѣ страшной борьбы Александра Васильевна ушла изъ дому все-таки безъ Наташи. Ей не отдали ребенка, какъ не дали и вида на жительство. Начались безконечныя мытарства и хлопоты по добыванію какого-нибудь паспорта, пока Илья Антонычъ не выдалъ установленнаго для женъ годового свидѣтельства. Это была та волчья воля, съ которой сейчасъ живутъ тысячи такъ называемыхъ соломенныхъ вдовъ. Оставаться дома Александра Васильевна послѣ всего случившагося не могла ни въ какомъ случаѣ: она все равно что умерла для этого дома.

Какъ ни дурно думала о мужѣ Александра Васильевна, но ничего подобнаго не ожидала. Она была близка къ самоубійству. Гдѣ же хотя тѣнь какой-нибудь справедливости? Все выходило такъ безобразно, что она чувствовала, какъ сама начинаетъ сходить съ ума. За нее былъ только одинъ человѣкъ—это честный нѣмецъ Карлъ Иванычъ.

— О, это глубокая несправедливость!—возмущался онъ. — Глубочайшая несправедливость...

Стараго доктора смущала только мысль о третьемъ лицѣ, которое, дѣйствительно, явилось, хотя и не принимало никакого активнаго участія въ этой драмѣ, какъ лицо безъ всякихъ правъ. Изъ дому Александра Васильевна ушла одна, унося съ собой отцовское проклятіе. Со своимъ новымъ другомъ она сошлась уже потомъ, когда вся домашняя исторія была кончена. Да и другъ тутъ былъ ни при чемъ, потому что окончательное рѣшеніе уйти изъ дому состоялось задолго до его появленія. Однимъ словомъ, тутъ не было и тѣни одной изъ тѣхъ любовныхъ исторій, благодаря которымъ распадаются семьи. Незаконная чета поселилась въ одномъ изъ глухихъ провинціальныхъ городковъ и жила здѣсь „своими средствами“, т.-е. домашними уроками и мелкой работой. Изъ своего дома Александра Васильевна ушла буквально въ одномъ платьѣ, потому что Илья Антонычъ удержалъ у себя даже ея приданое. Онъ былъ послѣдователенъ...

Главное дѣйствующее лицо разыгравшейся семейной драмы, „соломенная дѣвочка“ Наташа, какъ называлъ ее Карлъ Иванычъ, активнаго участія во всей этой грустной исторіи, конечно, не принимала. Она была серьезна не по лѣтамъ и затаила въ себѣ великую тайну дѣтской любви къ матери.

Что̀ думалъ этотъ дѣтскій мозгъ, что̀ переживало это дѣтское сердце—оставалось неизвѣстнымъ. Несчастный ребенокъ являлся главнымъ потерпѣвшимъ лицомъ и жилъ въ дѣдовскомъ домѣ, какъ нѣмой укоръ совершавшейся кругомъ него несправедливости. Ее одѣвали, какъ куколку, отецъ заваливалъ дѣтскую дорогими игрушками, а ребенокъ оставался совершенно равнодушнымъ ко всему.

— Когда я вырасту большая, то уйду къ мамѣ... — заявила однажды шестилѣтняя Наташа бабушкѣ.—Мнѣ ничего, ничего не нужно.

Калерія Григорьевна потихоньку жалѣла дочь, но ничего не могла подѣлать, подавленная деспотизмомъ мужа и зятя. Она могла только плакать и писала безконечныя безграмотныя письма дочери, призывая ее вернуться до-

мой. Илья Антонычъ былъ съ ней теперь изысканно-вѣжливъ, предупредителенъ и внимателенъ. Онъ замѣчательно выдерживалъ свою роль и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вкрался наконецъ въ полное довѣріе Василія Павлыча. Они теперь дѣйствовали заодно, поддерживая другъ друга.

Четыре года — какъ много времени въ жизни вообще, а въ жизни ребенка въ особенности. У Наташи была гувернантка, подъ наблюденіемъ которой она и воспитывалась, но привязаться къ которой никакъ не могла. Мысль о матери незримо отдѣляла ребенка отъ людей, съ которыми она была вынуждена жить. Единственный человѣкъ, котораго она любила и съ которымъ могла искренно подѣлиться своими дѣтскими мыслями и чувствами, былъ Карлъ Иванычъ. Она только съ нимъ говорила откровенно, и добрый старикъ для нея замѣнялъ все. Илья Антонычъ обошелъ упрямаго тестя, а добиться любви дочери не могъ... Всѣ знакомые искренно жалѣли этого достойнаго человѣка, а женщины могли только удивляться, какъ можно бросить такого примѣрнаго мужа.

Да, длинныхъ четыре года... За этотъ періодъ Наташа только одинъ разъ встрѣтила мать на улицѣ. Съ дѣвочкой сдѣлалось дурно, и гувернантка получила строгій выговоръ. По поводу этой исторіи горячо выступилъ въ защиту попранныхъ правъ матери Карлъ Иванычъ.

— Это величайшая несправедливость! — повторялъ онъ, запершись въ кабинетѣ Василія Павлыча. — Да... И не будь я Карлъ Иванычъ Мейеръ, если я видѣлъ что-нибудь подобное. Молодой ученый просто свинья...

Отъ волненія покраснѣлъ даже длинный носъ Карла Иваныча Мейера. Бываютъ такіе люди, которые даже въ драматическіе моменты кажутся смѣшными. На Василія Павлыча этотъ протестъ стараго неподкупнаго друга произвелъ сильное впечатлѣніе. Онъ усомнился въ своей домашней политикѣ и предложилъ компромиссъ:

— Когда дѣвочкѣ будетъ десять лѣтъ, мы ее помѣстимъ въ одномъ изъ московскихъ институтовъ. Тамъ мать можетъ ее видѣть.

— И все-таки несправедливо!—не унимался Карлъ Иванычъ.—Я посторонній человѣкъ и говорю одну правду.

Такъ дѣвочка и прожила въ дѣдовскомъ домѣ до своего школьнаго возраста. Это былъ красивый здоровый ребенокъ съ страннымъ характеромъ — всегда молчаливая, всегда послушная, точно хорошенькая игрушка.

Она разсталась съ роднымъ кровомъ безъ особеннаго сожалѣнія и увезла въ Москву мысль о матери, какъ единственную святыню. Помѣщалъ ее въ институтъ отецъ, разыгравшій и тутъ роль невинной жертвы. Онъ освоился со своимъ положеніемъ и даже любовался имъ, какъ хорошій актеръ.

Жизнь въ институтѣ пошла тѣмъ путемъ, какимъ она идетъ въ закрытыхъ женскихъ заведеніяхъ. Собственно Наташа жила отъ одного свиданія съ матерью до другого, хотя и съ ней у нея были очень сдержанныя отношенія. Дѣвочка точно боялась проявить свои наболѣвшія дѣтскія чувства. Она слишкомъ привыкла затаивать въ себѣ каждое душевное движеніе, каждую мысль, да и свиданія происходили при такой обстановкѣ, что невозможно было что-нибудь проявить.

— Мама, я скоро буду большая... совсѣмъ большая... — повторяла дѣвочка, считая годы и мѣсяцы своего институтскаго сидѣнья.

Мать замѣчала только одно, что Наташа быстро растетъ, худѣетъ и хорошѣетъ.

Лѣто Наташа проводила съ отцомъ на одной изъ петербургскихъ дачъ, и это было самымъ скучнымъ временемъ. Она не любила отца и держалась съ нимъ дичкомъ, что̀ страшно раздражало корректнаго человѣка.

И такихъ цѣлыхъ шесть лѣтъ...

Оставалось всего два года до выпуска изъ института, о которомъ дѣвушка мечтала, какъ объ освобожденіи, и наконецъ организмъ не выдержалъ. Развилась скоротечная чахотка. Когда больную привезли въ Петербургъ и Карлъ Иванычъ осмотрѣлъ ее, положеніе было уже безнадежно. Старикъ со слезами на глазахъ только покачалъ головой. Передъ нимъ была неразрѣшимая никакой наукой тайна: цвѣтущій молодой организмъ былъ надломленъ никому невѣдомыми причинами. Вѣрнѣе всего, что это была реакція на длившееся въ теченіе десяти лѣтъ душевное настроеніе. А кто можетъ сказать, какими путями и средствами воздѣйствуетъ этотъ душевный міръ на нашъ организмъ? Добросовѣстный старый нѣмецъ могъ только качать своей головой...

— Нужно выписать мать,—уже единолично рѣшилъ онъ, не спрашивая ничьего разрѣшенія.—О, теперь все равно...

И мать прилетѣла, какъ летитъ птица къ выпавшему изъ гнѣзда птенчику. Она теперь сидѣла надъ больной уже вторыя сутки и не знала, что̀ такое сонъ. А „соломенная дѣвочка“ все говорила и говорила, ловя послѣднія минуты своей короткой жизни. Она хотѣла вылить всю свою наболѣвшую любовь, чтобы навѣки заснуть на святой материнской груди. И любовь, великая любовь погасала, какъ блуждающій огонекъ, а гадкая маленькая неправда оставалась...

— Мама, теперь мнѣ лучше...—тихо прошептала дѣвочка часовъ за пять до своей смерти.—Мнѣ совсѣмъ легко...

Она такъ и умерла на рукахъ у матери, унеся съ собой въ могилу убившую ее неправду.

1893.

Оглавленіе

III тома.

Преступники.

Разсказы и повѣсти.

стр

Разбойники. Очерки
I. Аверко 3
II. Савка. 9
III. Послѣднія клейма 14
IV. Разбойникъ и преступникъ. 19
Дружки. Очеркъ. 25
Красное Яичко. Эскизъ. 32
Неразвязанный грѣхъ. Разсказъ. 39
Варнакъ. Изъ лѣтнихъ экскурсій. 49
Искушеніе о. Спиридона. Разсказъ. 58
Наслѣдникъ. Разсказъ. 77
На мѣстѣ преступленія. Очеркъ 91
Съ голоду. Разсказъ. 103
Безъ особенныхъ правъ. Повѣсть 109

Дикое счастье. Романъ. 145

Дѣтскія тѣни.

Разсказы

Аннушка 315
Живая совѣсть 331
Коробкинъ 343
Онъ. 357
Господинъ Скороходовъ. 369
Папа. 381
Тотъ самый, который. 394
Сусанна Антоновна. 412
Врагъ. 424
Соломенная дѣвочка. 484

494386
LR
M2655B
Mamin, Dmitry Narkisovich
Полное собрание сочинений ... [П.В.Быков].
v.3. [Translit: Polnoe sobranie sochineny ...
[P.V.Bykov]]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED